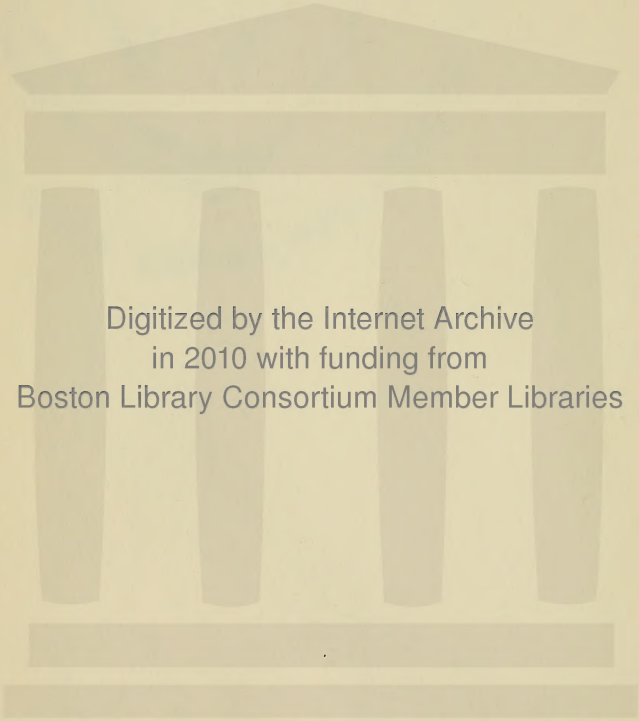
891.733
P674
1910

v. 2

BOOK 891.733.P674 1910 v.2 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE SOCHINENII
3 9153 00201572 7

Please Note:
This volume is also available at: archive.org


Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso02pise

PG
3337
.P5
1910
t.2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

T.2.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1910.

891.733
P674
1910
v.2

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ОЧЕРКИ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

III. Плотничья артель.

I.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И—Боже мой!—какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая—не могу скрыть—была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другого рода мірскихъ треволненій. Настоящимъ образомъ таять начало съ апрѣля, и я ужъ цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больного, которому, послѣ полугодичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра ни ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неистощимаго вниманія; по нѣсколько разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше и больше расширяется, свѣжѣй и свѣжѣй зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ, посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все попадающееся ей навстрѣчу: и сухое дерево,

поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щурятъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше и больше свою теплотворную силу и припекаетъ гдѣ-нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ всѣ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на своихъ сладострастныхъ ассамблеяхъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! Сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно судить по наружности, удовольствію, сгоняютъ въ поля—наступаетъ рабочая пора; впрочемъ, весной работы еще ничего—не такъ торопятъ: съ Христова дня по Петровъ постъ воскресенья называются *гулящими;* въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткутъ кросна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непремѣнно съ крашенымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевленны: бабы и дѣвки больше стоятъ, переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго сбираясь и передумывая, станутъ наконецъ въ хороводъ и запоютъ безсмертную: «Какъ по морю, какъ по морю», при чемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убившаго лебедя, а другая—красну дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружку на подушечку; или, раздѣлясь на два города, ходятъ другъ къ другу навстрѣчу и поютъ — однѣ: «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія: «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врѣжется въ самый хороводъ, при чемъ какая-нибудь баба, посердитѣе на лицо, не упуститъ случая, проговоря: «я тѣ, песъ-баловникъ этакій!»—толкнуть его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрягать ногами: дѣвки смѣются... Иногда привяжется къ хороводу только-что воротившійся съ базара пьяный мужиченка и туда же лѣзетъ цѣловаться съ дѣвками, которыя покрасивѣе; но этакого срамного кто ужъ поцѣлуетъ? И онъ начнетъ выкидывать другія штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ одну представитъ будто смычокъ,

а изъ другой скрипку, и начнетъ наигрывать языкомъ «Барыню», или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ балалайку и, тоже наигрывая языкомъ, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда: «Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ», мальчишки еще подерутся между собой, и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и игрище все!

Между тѣмъ время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галереѣ дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая: «пли, пли, пли!». Это они играютъ въ солдаты и воюютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ.—«Поля! Ты опять брата дразнишь?»—кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу итти, но слышу, пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля пренаивно объявилъ, что онъ братца пикой закололъ; ему объясняютъ, что братца стыдно колоть пикой, потому что братецъ маленькій, и, въ наказаніе, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу, и что онъ долженъ сидѣть и смотрѣть книжку съ картинками; а Колю между тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выносятъ ко мнѣ на галлерею. Онъ такъ огорченъ, что все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазенки полны слезъ.

— Что, Коля, тебя обидѣли?—говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ бы вспомнивъ тяжконанесенную ему обиду, горько-горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ кошка, а-а-а, кошка!.. кисъ, кисъ, кисъ!.. —говоритъ ему въ утѣшеніе нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кисъ, кисъ, кисъ!—шепчетъ онъ тихонько.

— Да, батюшка, кисъ, кисъ, кисъ, — повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться. —«Бай, бай, бай!» —начинаетъ напѣвать старуха.—«О, о, о»,—окается ребенокъ, а я все еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Ѳаддей прошелъ ужъ за

квасомъ—значитъ, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѳаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ, и — не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ, всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу, ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за заслуги, оказанныя еще въ юности, по случаю секретныхъ поѣздокъ верхомъ верстъ за шесть, за пять, въ самую глухую полночь и во всевозможную погоду,—чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей—такой ужъ конь табунный, живъ-сгорѣлъ по своемъ братѣ: значитъ, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики-мальчишки, верхомъ на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что̀ есть духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, напримѣръ, за грибами, а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой да верстъ въ десять конецъ и дастъ взадъ и впередъ.

«Однако что-жъ это оральщики не шабашатъ?»—думаю я самъ съ собою: но и оральщики отшабашили, ѣдутъ. Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ, снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галлереи.

— Здравствуй, Семенъ, надѣвай шапку. Что̀ скажешь хорошаго?—говорю я.

— Овесъ выкидали,—отвѣчаетъ Семенъ неторопливо.

— Ну, и слава Богу! Во̀-время, значитъ, управляемся; теперь, стало-быть, ячмень и ленъ только остался, — продолжаю я.

— Ленъ и ячмень остался теперь,—подтверждаетъ Семенъ.

Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо,—замѣчаю я.

Семенъ вздыхаетъ.

— Не мѣшало бы и дождичка,—соглашается онъ.

Вообще онъ говоритъ какъ-то лѣниво: видно, усталъ; да и... Я, впрочемъ, понимаю, что̀ это значитъ.

— Эй! Кто тамъ?—кричу я:—скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ: ключница выноситъ стаканъ водки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полъ-ломтя густо насоленнаго хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семенъ беретъ стаканъ, крестится и, проговоря:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю! — выпиваетъ сразу и потомъ морщится.

— Закусите,—говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семенъ отламываетъ небольшой кусочекъ, съѣдаетъ и откашливается.

— Озими, сударь, нынче, слава Богу, хороши подымаются,— заговариваетъ ужъ онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хороши, видѣлъ я; и травы, кажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-съ, — подтверждаетъ Семенъ:— весна-то нынче, сударь, что̀ Богъ дастъ впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождички перепадаютъ.

— Заморозковъ чтобъ не было—это вотъ скверно для всего,— замѣчаю я.

Семенъ усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди,—подтверждаетъ онъ.—Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ этакъ съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говоритъ, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ».

(Никола—приходъ, отъ насъ въ сѣверной сторонѣ).

— Неужели каждый годъ это бываетъ?

— Почесть что каждый годъ, что̀ вотъ я ни живу: Богъ знаетъ, отчего это; кто говоритъ, что пахать начнутъ, пластъ поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ: что какъ черемуха цвѣтетъ, такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, какъ и сказать.

— А куда завтра народъ пошлешь?—спрашиваю я его.

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотскій два раза прибѣгалъ: исправникъ его хлестать хочетъ, что дороги долго не чинятъ.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нечего въ дальній ящикъ, не отвертишься.

— Извѣстно-съ,—соглашается Семенъ:—за нами хоть бы и безъ васъ,—прибавляетъ онъ:—хошь кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; такъ и надо. Ступай однако, отдыхай, — заключаю я.

Семенъ сначала пошелъ-было, но потомъ пріостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали...—проговорилъ онъ.

— Ну, да; что-жъ?

— Наказывалъ я; на этой недѣлѣ обѣщался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаетъ ли онъ ригу-то?

— Какъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околоткѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскія хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшого роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо коряво́е, на бородѣ нѣсколько волосковъ; но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а, должно-быть, франтоватъ: голова расчесанная, намасленная, въ сурмленной поддевкѣ нараспашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Что̀ это за глупости? — сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство,—проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? Что̀ ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Что̀ такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ какъ теперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель теперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что̀ этта говорили,—разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! Плотникъ! Я и не догадался. Красно ужъ очень говоришь ты, братецъ, — сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель теперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно, — сказалъ я: — только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ, я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должо̀нъ сказать: колесо мое большое, ваше привосходительство; должо̀нъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Теперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что̀ мужикъ? — дуракъ, такъ сказать, больше ничего! — возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то что...—вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло,— отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо скрытымъ невниманіемъ и презрѣніемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его?—спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка — глушь: хоть бы изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! — подхватилъ Пузичъ.

— Что жъ ты возьмешь? Какъ твоя цѣна будетъ? — спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство,—началъ Пузичъ:— будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ, двѣсти рублевъ серебромъ.

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ, что ли?—сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копейки, Семенъ Яковличъ, взять не могу, — отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя — сто, — сказалъ я, думая, что снесъ сколько возможно много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто—много, помилуйте! Семидесяти рублевъ съ него за глаза будетъ,—произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то что объ семидесяти, а и объ ста рубляхъ, Семенъ Яковличъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малый ребенокъ не возьметъ!—сказалъ онъ съ такой ужъ физіономіей, какъ будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! Полно! Что языкъ понапрасну треплешь! — возразилъ Семенъ, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може, вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ, съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ, — возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ: согласенъ — хорошо, а нѣтъ — такъ можешь убираться,—сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство,—началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу:— такъ какъ теперича я очень желаю, чтобъ знакомство промежъ насъ было; значитъ, полто-

раста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ — вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся!—рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте!—продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу:—кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.

— Ломается еще туда же, дура-голова,—проговорилъ Семенъ.

— Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужъ это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло выходитъ неподходящее.

— Неподходящее?—повторилъ Семенъ сердито.—Мало тебѣ, жиду, ста рублевъ! Двадцать пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-Богу, безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что говорить, — продолжалъ Пузичъ: — сработать можно всяко; только я худого слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напередки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь такъ, по своей глупости, сказать, строжайшій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенія доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: «что жъ, думаю, буди воля Царя Небеснаго! А я готовъ завсегда служить господамъ», ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ-статься, кровянилъ меня; но я по своему чувствію, ваше привосходительство, не то что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе—значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Экая подлая натуришка!»—подумалъ я и молчалъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было,—продолжалъ опять Пузичъ: — генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощеніе и выкинулъ пятьдесятъ рублевъ серебромъ лишнихъ. «На,—говоритъ,—тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значитъ, угодилъ». И эти деньги мнѣ, ваше высоко-

привосходительство, дороже капитала милліоннаго: значитъ, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать — больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображались досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, — сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно,—проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ вздохнувъ:—прощенья, значитъ, просимъ, — и сталъ молиться, и молился опять долго.—Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ,—пробурчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! — возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, — и пошелъ.

Семенъ за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, — сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, — присовокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю, — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ, — началъ онъ: — господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... Задаточку ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать,—прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько жъ тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ,— отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужъ неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? Не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! — сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь,—проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь,—отвѣчалъ Семенъ. — Теперь вотъ ты у насъ работу берешь, а тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ очередь, — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ— знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи, другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто-жъ такой? — спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный, — отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! Мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье, значитъ, кладемъ ему сполна, — проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужъ совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семенъ противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима! — проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень хорошо знаютъ, что стройка въ деревнѣ — благодать, самое живое развлеченіе; точно должность

получилъ, приличную своимъ способностямъ: каждое утро сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвертъ: съ молодымъ парнемъ Матюшкой, толсторожимъ и глупымъ на лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Митюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается,— отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой — другое дѣло: тотъ его, видимо, уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? Аль неладно?—спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостаивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ, и слѣдовательно онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить,— заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка, — отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ: — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ — да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать—да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь? — замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ-молоду, государь мой милостивый, — отвѣчалъ онъ: — такая ужъ моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то — не помню; съ хороводовъ да пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже грѣшнымъ дѣломъ дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ? — сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля богатые мужички ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублевъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка — да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что̀ твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? Съ чего? — спросилъ я.

— Сговоры, государь мой милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ: — начинаются, ежели дружка дѣломъ правитъ по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ: товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по-нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича невѣста, значитъ, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, пожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и по рукамъ биться» — да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ, дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значитъ, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, пріѣзжай, значитъ, припасенный.

— А дары когда жъ дарятся между женихомъ и невѣстой?— перебилъ я.

— Дары тутъ же дарятся, — продолжалъ Сергѣичъ: — какъ теперича по молитвѣ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по другому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи, помилуй насъ» — да! Тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «красна дѣвица, дайте знать, какъ васъ звать?»

Она—хоша Катерина Степановна; значитъ—«Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много». Невѣста дары пріемлетъ: тутъ они и цѣлуются, впервые значитъ, а другіе, може, и больно не впервые, губы-то, може, до мозолей ужъ трепаны, особливо по нашей гулящей сторонкѣ... Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ: «Господи, помилуй насъ. Добрый молодецъ, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Иванычъ; выходитъ — «Николай Иванычъ, извольте отъ меня дары принять да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Отдаривается, значитъ, — да.

— А какъ же невѣста обвыкаетъ свой дѣвичій вѣкъ? — спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвыкаетъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умиленіемъ: — причитываетъ все къ отцу, матери съ такими рѣчами: «Не лѣсъ къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подъ окошечко свата, сватьюшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку; не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ на ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, къ чужому отцу, къ матери» — да! Приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у баръ. Я вотъ тоже съ улицы въ окошко на городскія свадьбы гляживалъ — что?.. Ничего нѣтъ потѣшнаго, схватятся только за руки да ходятъ, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Это на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ, — продолжалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинять. Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужъ называть меня, вмѣсто: «государь мой милостивый», «другъ сердечный».

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный, — началъ онъ: — приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье, дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и бѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко съ такимъ приговоромъ: «Стоятъ наши добрые кони въ чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ чистыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ откликаются: «Ми-

лости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ». Теперича по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя итти не даетъ. По сѣнямъ идетъ, молитву творитъ и себѣ приговоръ говоритъ: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына и Святого Духа, дверечки широкія: самъ я, сватушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы начинать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ — да! Какъ теперича имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу вошелъ: «Скокъ чрезъ порогъ, насилу ножки переволокъ!» Значитъ, чтобъ съ шутки начать, да и дѣло кончать — да! Второй приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ люди глядящіе, покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?» — «Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!»—отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дружки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся, сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена, ходили промежъ насъ старушонки, дѣла наши свашили, были промежъ насъ и сговоры!» Теперича, значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю пожалуйте молодую княгиню, къ большому барину большого барина, къ меньшему барину меньшаго, къ тысяцкому тысяцкаго, а ко мнѣ, дураку-дружкѣ, такого же дурака-дружку. Теперича, сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной, али тамъ крестный. Дружка опять-было первый идетъ, брату пива подноситъ, только на тотъ разъ ему говоритъ — да: «пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» Значитъ, надо жениха посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значитъ; братъ ему и говоритъ: «кушайте сами; наша сестричка не дешевая: не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ» — значитъ, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что тутъ дѣлаетъ? — спросилъ я.

— Дружка промежъ тѣмъ свое справляетъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ. — Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало, пересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься, и кашляешь и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватьюшки любезные, что-то въ горлѣ попершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водицы испить, а коли воды нѣтъ, мы пьемъ и пивцо,

а нѣтъ пивца, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стакана три въ тебя вольютъ; такъ и считай теперь: сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Съ другой, бывало, богатенькой свадьбы, послѣ друженья, пріѣдешь домой, такъ цѣлую недѣлю въ баню ходишь — свадебную дурь паромъ выгонять. Хорошо дружкѣ бываетъ, нечего сказать, больно хорошо.

— Хорошо-то хорошо, да вѣдь и это дѣло не всякій справитъ; надобно тоже разумъ имѣть, — замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! Разумъ большой надо имѣть, — отвѣчалъ Сергѣичъ. — Вотъ тоже нынѣшніе дружки, посмотришь, званье только носятъ... Хоть бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не то что на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои всѣхъ ихъ заткнулъ, — заключилъ онъ и началъ тесать.

— А ужъ нынче развѣ ты не дружничаешь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужъ отсталъ; что-что съ рожи-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно плохи. Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажинный годъ раза три сослѣпа-то обрубишься, а ужъ гдѣ дружничать, тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!

— Ты семейный али одинокій?

— Какое, другъ сердечный, одинокій, — возразилъ Сергѣичъ: — родомъ-то, видно, изъ кустовой ржи. Было въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвья; пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья копать увелъ, въ замужества, значитъ, роздалъ — да! Двухъ-было сыновьевъ возрастилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ. Іовъ праведный былъ, да и на того Богъ посылалъ испытанье; а намъ, окаяннымъ, еще мало; что по ребрамъ попало — да!

— А сыновья гдѣ жъ у тебя?

— Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божьей, на Низу холеркой померъ, а другого больно ужъ любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ, видно, такъ, что человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже растетъ, чѣмъ на чужихъ кулакахъ — да!

— Гдѣ жъ онъ? Спился, что ли?

— Я ужъ и сказать тебѣ не знаю какъ, въ кою сторону онъ дуракъ; недолго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху-то быть,

съ мірскими деньгами въ городъ; уѣхать уѣхалъ въ поддевкѣ, а оттель привели на веревкѣ — да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ; добрые люди, спасибо, подсобили — да! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ попалъ: мірскіе рублики, батюшка, не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ — да! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ — худы ли, добры — все сладки. Дѣлать нечa, пошелъ къ Пузичу; сталъ ему въ ноги кланяться...

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нештò, нештò, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати, — отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ: — изстаря еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ: дѣды его еще этимъ промышляли.

— Помилуй! Самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка! — замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Да, то-то вотъ, что-что разумомъ мелокъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать норовитъ; мало Бога знаетъ; нечa похвалить татарскій родъ проклятый, что-что крещеные? Хошa бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ и далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ — не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стòю, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него? — спросилъ я.

— А чтò, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, — отвѣчалъ старикъ тихо. — Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть бы этотъ Матюшка, дурашный-дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить!

— Неужели же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю? — воскликнулъ я.

— Али больше? — отвѣчалъ Сергѣичъ. — Онъ тоже пригульный: дѣвка по лѣсу шла да его нашла, бобылка согрѣшила — землицы, значитъ, и не было у нихъ; хлѣбцемъ-то и бились... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе; давалъ на пропитаніе, а теперь и разсчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ колачика не уболитъ съѣсть; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ—да! Каковы наши богатые-то мужички, а напъ ужъ, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно, на особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублевъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, и ужъ это до кого ни доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.

— Отчего жъ Пузичъ труситъ его, кажется?

— Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: что бы онъ безъ него? — какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ. Теперича, что маленько Пузичъ сдѣлаетъ не по немъ, онъ сейчасъ ему и влѣпитъ: «ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано».

— Неужели же онъ это вправду говоритъ? — спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду,—отвѣчалъ онъ:— мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ-плутоватъ, а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ ему много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ-было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

IV.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофчикъ имъ выставить — и будетъ съ нихъ! — проговорилъ онъ.

— Хорошо, — сказалъ я: — что жъ ты мнѣ давно не напомнишь? Я-было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить, — отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Когда жъ имъ дать? — спросилъ я.

— Да вотъ хоть ужо вечеромъ, какъ отшабашатъ.

— Хорошо... Зайди ты передъ тѣмъ въ горницу за виномъ, и я выйду къ нимъ, — сказалъ я.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Семенъ и неторопливо пошелъ къ своему дѣлу.

Вечеромъ я дѣйствительно, въ сопровожденіи Семена, вооруженнаго штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣроятно, ужъ предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. При моемъ приходѣ Сергѣичъ и Матюшка привстали-было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте,—сказалъ я, садясь около нихъ тоже на бревно.

Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— Благодарствуй, государь нашъ милостивый, благодарствуй, — проговорилъ Сергѣичъ.

Матюшка глупо улыбнулся. Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять и проговорилъ:

— Вотъ кабы этимъ лѣкарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.

— Вино сердце веселитъ, вино разумъ творитъ,—присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

— Право, словно бы такъ; мужику вино, что мельницѣ деготь: смазалъ и ходчѣй на ходу пошелъ, — отвѣчалъ Петръ.

Матюшка, выпивъ, только сталъ облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли.

Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба Сергѣичъ взялъ ломоть, аккуратно посолилъ его и началъ жевать небольшимъ числомъ оставшихся зубовъ.

Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты, и не закусываешь?—сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы вѣдь не чайники, а водочники: пососалъ языкъ — баста! — отвѣчалъ онъ и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Я, баринъ, батьку еще твоего знавалъ: старикъ былъ важный.

— Важный?

— Важный; лучше тебя.

— Чѣмъ же лучше? — спросилъ я.

— Да словно бы умнѣй тебя былъ, — отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жъ онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужъ онъ бы, братъ, Пузичу за немшоныя стѣны не далъ ста серебромъ—шалишь! Денегъ, видно, у тебя благихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало, — сказалъ я.

— И денегъ-то мало. Ну, братъ, видно, ты взаправду не больно уменъ, — подхватилъ Петръ.

Выпитый стаканъ водки очень, кажется, подѣйствовалъ на его разговорчивость.

Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— Ты по городамъ вѣдь больше финтилъ, — продолжалъ Петръ:—и батькинымъ денежкамъ, чай, глаза протеръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу и тебѣ и приказчику твоему Семену Яковличу. Что, черномазое рыло, водки-то не подносишь? Али не любо, что противъ шерсти глажу? — обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха!—но совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бариномъ домокъ, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать позаимствоваться? Въ Раменье... А нынче, посмотришь, кто въ Карповѣ хлѣба покупаетъ? Все раменскій Семенъ Яковличъ.

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ, — замѣтилъ Семенъ; но Петръ какъ бы не слыхалъ этого и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь: еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики почнутъ сбираться.— «Куда, ребята?»—спросишь.—«На задѣлье».—«Да что рано?»— «Лучше за-время, а то баринъ забранится»... А нынче, голова, въ понедѣльникъ послѣ завтрака только еще запрягать начнутъ.—«Что, плуты, поздно ѣдете?»—«Успѣемъ-ста. Семенъ Яковличъ проститъ».

Семена начинало за живое наконецъ трогать.

— Что, паря, больно ужъ конфузишь? И еще передъ бариномъ? — проговорилъ онъ.

Петръ сначала засмѣялся, потомъ закашлялся.

— Что мнѣ тебя голубчикъ, конфузить?—началъ онъ, едва отдыхая отъ кашля: — не за что! Ты вѣдь выдался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.

Семенъ махнулъ рукой. Мнѣ стало ужъ жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ; мнѣ такого смирнаго и добраго приказчика и надо, — сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— У тебя какой чинъ-то, большой али нѣтъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ — капитанъ, значитъ, — отвѣчалъ я.

— Не чиновенъ же ты, братъ! Вотъ у насъ баринъ, такъ

генералъ; а ты, видно, и служить-то не охочъ. Барыню-то въ замужество хошь богатую ли взялъ?

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— По сердцу, ну да! — возразилъ Петръ. — Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя. А ты бы дослужился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осьмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ, — сказалъ я.

— Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А пожалуй, выходитъ, что и взаправду въ меня пошелъ — такой же дурашный! — отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужъ смѣло, Петръ Алексѣичъ, говоришь! — замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, кажется, чтобъ я не обидѣлся.

— Что смѣло-то? Али по-твоему, лиса безхвостая, лясы да балясы гладкія точить? — отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича.—Вѣдь прелукавый старичишка, кто его знаетъ: еще по сю пору за дѣвками бѣгаетъ, уговоритъ да умаслитъ ловчѣй молодого.

Сергѣичъ слегка покраснѣлъ.

— Полно, другъ сердечный! — возразилъ онъ: — что тебѣ на меня воротить, лучше объ себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ тоже помнимъ: высокій да пригожій, только дѣвкамъ и угожій.

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ.

— Ты чему, дуракъ, смѣешься? Али знаешь, какъ дѣвки любятъ? — спросилъ онъ.

— Нѣту, дяденька, я этого не знаю, нѣтути, — отвѣчалъ тотъ простодушно.

— И ладно, что нѣту; дуракова рода, говорятъ, нынче разводить не приказано. Пузичевъ сынишка послѣдній въ племя пущенъ, — проговорилъ Петръ и потомъ прибавилъ, какъ бы самъ съ собою: — было, видно, и наше времечко; бывало, може, такъ, что молодицы въ Семеновскомъ-лапотномъ на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подопьютъ тоже.

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издалече ходятъ брать, — сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть, ты смолоду, Петръ, волокита былъ? — спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь,—отвѣчалъ за него Сергѣичъ:— сторонка наша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣстъ: веселая, гульливая, дѣвки толстыя, изъ-себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ поначалу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на пивѣ родился, на лепешкахъ поднялся—да!

— Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона, слышь, — началъ Петръ: — день-то денской, вѣстимо, на работѣ, такъ ночью, братецъ ты мой, по этой хрюминской пустынѣ и лупишь. Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху ни устали!

— Значитъ, сердцемъ шелъ, а не ногами, — замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое тутъ къ ляду сердцемъ! — возразилъ Петръ: — я на это былъ крѣпокъ собой, привязки у меня никогда не было, а такъ, баловство, вонъ какъ и у Сеньки же.

— Что тебя Сенька-то трогаетъ? Все бы тебѣ Сеньку задѣть! — отозвался Семенъ.

— Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ обличу, — сказалъ ему Петръ.

— Не въ чемъ, братъ, меня обличать,—проговорилъ кротко, но не совсѣмъ спокойно Семенъ.

— Не въ чемъ? А ну-ка, сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? Потупился? Самъ вѣдь я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать проститъ, а она и помни это; получка послѣ будетъ!

Семенъ не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу, грѣховодникъ! Мели больше! — проговорилъ онъ.

— Ты не плюйся, а водку-то поднеси, — сказалъ Петръ.

— Мелево, мелево и есть, — говорилъ Семенъ, поднося водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— Вели подносчику-то своему выпить; у него давно слюнки текутъ, — обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня и Семена.

— Выпей, Семенъ; что жъ ты самъ не пьешь?—поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ растерявшійся Семенъ, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ.—Я теперь пойду и отнесу штофъ въ горницу,—прибавилъ онъ.

— Ступай,— сказалъ я.

Семенъ ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйти,

чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и перестану.

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— Это вѣдь ужъ мы съ этимъ старымъ дѣвушникомъ, Сергѣичемъ, давно смекнули.

— Смекнули? — спросилъ я.

— Смекнули, — отвѣчалъ Петръ. — Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а вѣдь на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой просто говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный — слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на полатяхъ держалъ, а и на полосу временемъ выносилъ: нашъ братъ-мужикъ — плутъ; какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезетъ, да тебя еще осѣдлаетъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.

— За совѣтъ твой спасибо,—сказалъ я:—только самъ вотъ ты отчего кашляешь?

— Боленъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Нутромъ, порченый я, — отвѣчалъ Петръ, и лицо его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жъ это тебя испортилъ? — спросилъ я.

Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? — отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! — отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ,— отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може, и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь,— отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру, если не страхъ, то по крайней мѣрѣ замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? Не на дорогу ходилъ! — сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось? — спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло,—отвѣчалъ опять не прямо старикъ. — Мы вѣдь, батьки-мужики—дураки,

мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ и я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ батька ничего, — возразилъ Петръ: — все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла...

— Что жъ такъ неугодно ей было? — спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что наливкой не угощали; для дѣдушки Сидора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не потчевали,—отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужъ и тѣни не оставалось веселости).

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? — спросилъ я.

— Мачеха наша,—отвѣчалъ Петръ и продолжалъ:—столато, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничего не властвуетъ—выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значитъ, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только втѣпоры было!

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слыхали мы это и видывали.

— Командирша такая, голова, была, что синя пороха безъ ея воли въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то ужъ хозяйка моя, приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придутъ иной разъ изъ лѣсу голодныя, не смѣютъ вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать; все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?

— Злая баба въ дому хуже чорта въ лѣсу — да отъ того хоть молитвой да крестомъ отойдешь, а эту и пестомъ не отобьешь, — проговорилъ Сергѣичъ и потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: — ваша Ѳедосья Ивановна, другъ сердечный, Петръ Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ. Сережка мой, може, изъ-за нея и погибаетъ. Много народу видѣло, какъ она въ Галичѣ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— Говорить-то только неохота,—пробурчалъ онъ про себя.

— Да, то-то,—продолжалъ Сергѣичъ:—было ли тамъ у нихъ что—не вѣдаю, а болтовни про нее тоже много шло. Вотъ и

твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошло, а може, не съ наливки сердце ея надрывалось, а жаль было твоего холоства и свободушки — да!

Петръ еще больше нахмурился.

— Несъ ее, голова, знаетъ! А пожалуй, на то смахивало,— отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ бы припомнивъ, продолжалъ:—разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, поѣхала она праздничать въ Суровцово, нарядилась, голова, знаешь, что̀ купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для ней заложили; батька самъ не поѣхалъ и меня, значитъ, въ кучера присудилъ.

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились? — перебилъ Сергѣичъ.

— Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знавалъ, — отвѣчалъ Петръ.

— Знавалъ, другъ сердечный, знавалъ: гости наипервые,— сказалъ Сергѣичъ.

— Гости важные, — подтвердилъ Петръ и продолжалъ: — все, голова, наша Ѳедосья весело праздничала; бесѣды тоже повечеру; тутъ, братецъ ты мой, дворовые ребята изъ Зеленцына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутитъ, балуетъ, жгутомъ лупмя ихъ лупитъ: другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова; купите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, коли у васъ денегъ на пряники не хватаетъ!

— Какая! Пряниковъ проситъ!—проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая!—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, ужъ на четвертый день поутру, — продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно увлеченный своими воспоминаніями: — на дорогу, извѣстно, похмелились маненько; только Ѳедоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ пригорюнившись. Ладно! Ѣдемъ мы съ ней, такимъ дѣломъ, путемъ-дорогою... вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала— «Петрушка!,—говоритъ,—поцѣлуй меня!»—«Полно, говорю, мамонька, что̀ за цѣлованье!» — «Ну, Петрушка,—говоритъ она мнѣ на это:—кабы не за твоимъ батькой, я бы замужъ за тебя пошла!» Я, знаешь, голова, и разсмѣялся.—«Что̀, несъ, говоритъ, смѣешься? А то, дуракъ, може, не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!»—«На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю».—«Ну, говоритъ, Петруша, никому, говоритъ, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батька заѣдаетъ мой

молодой вѣкъ!» — «Это, мамонька, говорю, старуха надвое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ!» — «Да, говоритъ, ладно, разсказывай! Нынче, говоритъ, батька тебя женить собирается; ты, говоритъ, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!» — «Что же, говорю, мамонька, я такой за обсѣвокъ на полѣ?» — «Такъ, говоритъ, противъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану». — «За что же, говорю, твоя нелюбовь будетъ?» — «А за то, говоритъ, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошіе».

— Ты однако женился? — перебилъ я Петра.

— На! Али испугаться и не жениться? — возразилъ онъ.

— По любви, или нѣтъ?

— Почемъ я знаю, по любви али такъ. Нашелъ у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была, на той, значитъ, и женился! — отвѣчалъ ужъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на улицѣ взглянулись, на посѣдкахъ поссидѣлись, а домой разошлись — стали жалость другъ къ дружкѣ имѣть.

— Что за особливая жалость, голова, а извѣстно, дѣвку бралъ зазнаемо: высмотрѣнную, — отвѣчалъ Петръ еще съ большей досадой.

Русскій мужикъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачеха дѣйствительно не любила жены твоей? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, не любила, — отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Сергѣичу. — Тутъ тоже, голова, какъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ первые годы житье было невпримѣръ лучше, только то, братецъ ты мой, что все она мнѣ ее подводила! Вотъ тоже этакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ: «рубашекъ, говоритъ, тебѣ не послала, поклону не приказывала», и кажинный, голова, разъ, какъ съ работы воротишься, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катюшку либо прибраню, либо и зуботычину дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла-терпѣла да и стала говорить: — «За что ты, говоритъ, меня тиранишь? Это, говоритъ, оттого, что у тебя полюбовница есть». — «Какая, говорю, полюбовница?» — «Бочариха», говоритъ. Ну, и тоже грѣха не утаишь: въ парняхъ съ Бочарихой гулялъ, только то, что года два, почесть, ее и въ глаза ужъ не видалъ. — «Кто это тебѣ, говорю, сказывалъ?» Сначала, голова, не открывала, а тутъ говоритъ: матка сказывала, слышь!

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ,—подтвердилъ Сергѣичъ.

— Еще-какъ, голова, сомущали-то,—продолжалъ Петръ.— Вышла мнѣ такая оказія, братецъ, въ Кострому итти работать,—ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ Ѳедоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужъ будто бы Катюшка съ извозчикомъ Гришкой,—знавалъ, може?—что будто бы, братецъ ты мой, Катюшка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ на улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходѣ было, выпивши; я на Катюшку и взъѣлся, а она стала сглупа-то браниться: пошто пью. Я и прибилъ ее, и шибко прибилъ. Что же, голова, опосля узналъ? Катюшка, слышь, и на праздникъ къ маткѣ не ходила. Стало мнѣ ее, голова, хошь бы и жалко. Какъ пришелъ втѣпоры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два платка, босовики и послалъ съ ходокомъ. И ты, братецъ ты мой! И пошла у нихъ изъ-за этого пановшина; дѣвки позавидовали, обозлились на Катюшку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой.—«Вотъ, говоритъ, онъ какой: онъ ни мнѣ ни дѣвкамъ твоимъ по наперсточку не присылывалъ, а все въ женинъ сундукъ валитъ». Батька, извѣстно, осерчалъ, говоритъ Катюшкѣ:—«Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ». Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла, будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ и спрятала, а сама домой нейдетъ, боится. Батька однако оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.

— Какъ же батька могъ взять твои подарки у жены?— спросилъ я Петра.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое,—отвѣчалъ за него Сергѣичъ:—ежели теперича муженекъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли, примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату али сережки. Это ужъ нельзя: не порядокъ, значитъ, будетъ, коли теперича промышленникъ въ домѣ сталъ только супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, немного нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— Вѣстимо, по сердцамъ,—отозвался Петръ.—Втѣпоры, какъ воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говоритъ; я такъ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступиться; только

то вижу, голова, что бабенкѣ ни за что ни про что житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по-ихнему все спитъ, дѣлаетъ все не такъ да неладно—дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложили, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла, — ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ это справилъ я; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ, сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса — шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той порой была, голова, на сносѣ. Я батькѣ и говорю:—«Какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться? Ну какъ, я говорю, надорвется, да какой грѣхъ выйдетъ?» — «Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу?»—«Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а что теперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; я, говорю, заслужу вамъ за это». Батька ничего, голова, пробунчалъ только маненько, а Ѳедоска и слѣзаетъ съ голбца:—«Наши дѣвки, говоритъ, про васъ не работницы, вы-ста, говоритъ, съ своей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!»—«Какъ, я говорю, матка, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ? За что про что ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего дома подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а хошь бы и хозяйка моя за тебя же круглый годъ на задѣлье бѣгала; какъ же, я говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ?» Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше:—«Ты, говоритъ, мужа сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и се, съ тѣмъ и другимъ», — выходитъ, Катька гуляетъ? Ну, та, братецъ ты мой, на всю избу этакъ срамитъ, заплакала.—«За что, говоритъ, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?» Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ.—«Что же, я говорю, Ѳедосья,—и выругалъ ее — согрѣшилъ грѣшный:—долго ли, выходитъ, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, какъ надо, да еще поносишь этакими словами, а по правдѣ, може-быть, не Катька моя, а ты сама такая!» И ты, братецъ ты мой! И батька поднялся, будто за наряды, что о нарядахъ помянулъ, и драться, голова, лѣзетъ. Я, повиннымъ дѣломъ, руки-то маненько ему и попридержалъ! Еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямо къ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буянствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонъ. Я въ ноги поклониться — поклонился, да

бурмистру и говорю:—«Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, я завсегда покорствую, а что теперича мы всѣ пропадаемъ изъза мачехи; хозяйка моя на работѣ измаяна, словомъ обругана. Може, вы теперь мнѣ довѣрья не сдѣлаете, такъ извольте, говорю, нашихъ дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ образомъ скажутъ, что онѣ отъ нея понесли да потерпѣли...» Ну, такъ вѣдь тоже нашего Ивана Васильича помнишь, чай: немного было правды...

— Правда его была, кто больше чаемъ поитъ да денегъ носитъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ въ знакъ согласія головой и продолжалъ:

— Закричалъ на меня, голова:—«Цыцъ! Молви еще слово противъ батьки—выхлещу!»—и вонъ выгналъ... Ладно разсудилъ... Что мы, голова, опосля того съ хозяйкой притерпѣли—и Боже ты мой! Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ, видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ коровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ, совьютъ, соберутъ и отобѣдаютъ; коли щей тамъ останется, такъ Ѳедоска въ лаханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось,—до чего ехидствовала!..—Проговоря это, Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ:—Кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти итти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ!

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать!—возразилъ Сергѣичъ: — недаромъ поговорка идетъ: «врагъ захотѣлъ—братья въ раздѣлъ!» Хотѣли, значитъ, милліоны нажить, а стали по міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ, какъ еще смѣлости вашей хватило итти до него по этому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что жъ, развѣ у васъ баринъ строгій?—сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый—отвѣчалъ Сергѣичъ:—строгости особливой нѣтъ, а извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходилъ; не всѣ вѣдь этакіе господа, какъ твой покойный папенька былъ: съ тѣмъ, бывало, говоришь, словно со своимъ братомъ—все до послѣдней нитки по крестьянству зналъ; ну, а нашъ баринъ въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно, а мужики наши — глупый вѣдь, батюшка, народецъ, и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами, правыми и неправыми, такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все мирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уплетутъ—да!

— Горячъ ужъ больно, кричать такой здоровый... — замѣ-

тилъ Петръ.—До барина бы, кажись, тѣмъ дѣломъ я прямо не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ.—«Есть ли, говоритъ, у тебя жена?»—спрашиваетъ меня, слышь.—«Есть, говорю, барыня».—«Любишь ли ты, говоритъ, ее?» — «За что, говорю, не любить! Не чужая, а своя, только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабенки моей малый грудной ребенокъ, грудью покормить почесть что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли-неколи въ ротъ попадетъ». — «Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша! папаша!»—кричитъ, голова, барина:—мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ,—подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ!—отозвался Матюшка и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ,—продолжалъ Петръ.—«Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста».

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну, такъ она, значитъ, по себѣ и прикидывала, жалѣла,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужъ она прикидывала, — отвѣчалъ Петръ и снова продолжалъ:—баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по-своему.—«Какъ, говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? Пропилъ, каналья?»—«Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачехи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домѣ не держитъ, какъ надо». Онъ маненько и смякъ.—«Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой; говорю батькѣ:—«Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуютъ».—«Пошто?»—говоритъ; слышь, испугался старикъ.—«Жаловался, что ли, ты, разбойникъ, на меня?» — «Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! Въ отдѣлъ только просился; у тебя семья своя, что намъ на грѣхѣ жить!» Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужъ человѣкъ былъ, извѣстно!—«Богъ съ тобой, говоритъ, Петрушка, поилъ, кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть». Мнѣ стало жаль его, голова.—«Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя, кабы не твоя Ѳедосья Ивановна». — «Полно, говоритъ, Пе-

трушка, поживи со мной, все будетъ хорошо». Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужъ другое поретъ.—«Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину».—«Пойдемъ», — говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ—ничего, а на батьку взмахнулъ глазами: «Говорите!»—говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и куриць-то припутали, я-то еще говорю словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю:—«Не грѣхъ ли, говорю, батька, тебѣ это говорить?» Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку:—«Ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Ссйчасъ, говоритъ, старая лисица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ!» И пошелъ, голова!.. Тутъ лакей подвернулся—на того; барыня пришла:—«Что ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешь!»—и на ту затопталъ. Мы съ батькой ужъ ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну ведутъ подъ ручки...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значитъ, Варвара, на расправу: такъ ее, бестію, и надо,—проговорилъ онъ.

— Воротилась, голова, домой и прямо на печку,—продолжалъ Петръ:—ничего ужъ и не говоритъ, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— А что, я словно забылъ, міромъ васъ дѣлили, али такъ разошлись по себѣ?—спросилъ онъ.

— Коли, братецъ ты мой, мужики по себѣ разойдутся!—отвѣчалъ Петръ: — когда еще это бывало? Послѣдняго лыка каждому жалко; а мы съ батькой развѣ лучше другихъ? Прикидывали, прикидывали—все ни ему ни мнѣ не ладно, и пошли на міръ... Ну, а міровщину нашу тоже знаешь: весь разумъ и совѣтъ идетъ изъ дьяконовскаго кабака. Батька, извѣстно, съѣздилъ туда по приказу мачехи, ведерко-другое въ сѣняхъ, въ сборной, выставилъ, а мнѣ, голова, не то, что ведро вина, а луковицы купить было не на что.

— Такъ, такъ; по тебѣ, значитъ, и мало говорили?—замѣтилъ Сергѣичъ.

— А такъ по мнѣ говорили: худъ ли, хорошъ ли я, а все

въ домѣ, коли не половинникъ, такъ третивикъ былъ; а на міру присудили: хлѣба мнѣ—ржи только на ѣжу, и то до Спасова дня, слышь; а ярового и совсѣмъ ничего, худо тѣмъ годомъ родилось; изъ скотины—телушку недойную, бычка-годовика да овцу паршивую; на житье отвели почесть безъ угловъ баню — разживайся, какъ хошь, словно послѣ пожара вышелъ; изъ одежи-то, голова, что ни есть, и того какъ слѣдуетъ не отдали: сибирочка тоже синяя была у меня и кушакъ при ней астраханскій, на свои, голова, денежки до копейки и заводилъ все передъ свадьбой, и про ту старикъ, по мачехину наущенью, закрестился, забожился, что отъ него шло—такъ и оттягалъ.

Сергѣичъ качалъ головою.

— Бревенъ, братецъ ты мой, было у меня нарублено триста съ полсотней,—продолжалъ Петръ:—сталъ этихъ я бревенъ у батьки просить на обзаведенье, по крайности сухія — и того старикъ не далъ: руби, значитъ, сызнова и изъ сырого лѣса. Строить тоже принялся: прихватить хошь бы какого плотничишка не на што, такъ съ одной хозяйкой и выстроилъ. Срамоты-то одной, голова, ни за что бы не взялъ; я сижу на одномъ углѣ, а баба на другомъ: потяпываетъ, какъ умѣетъ; а ужъ какъ свою-то спину нагнулъ да надломилъ, такъ...— Тутъ Петръ остановился и махнулъ рукой.

— Покойный родитель твой,—началъ Сергѣичъ:—былъ благопріятель мой, самъ знаешь, а не скажу по немъ: много противъ тебя грѣха на душу принялъ.

— Нѣтъ, братецъ, не то,—возразилъ Петръ:—дѣло теперь прошлое, батьку мнѣ грѣхъ помянуть много лихомъ; не со зла старикъ дѣлалъ, а такое, видно, навожденіе на него было.

— Эхъ, другъ сердечный, — возразилъ въ свою очередь Сергѣичъ:—да развѣ на немъ одномъ эти примѣры? Старому мужику молодую бабу въ домъ привести—семью извести.

Я видѣлъ, что Сергѣичъ и Петръ такъ разговорились, что ихъ не надобно ужъ было спрашивать, а достаточно было предоставить имъ говорить самимъ, и они многое разсказывали бы; но мнѣ хотѣлось направить разговоръ на предметъ, по преимуществу меня интересовавшій, и потому я спросилъ:

— Тебя мачеха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ мнѣ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

— Да я почемъ знаю! Какой ты, баринъ, право!

— Что жъ такое?

— Да какъ же! Скажи ему, какъ портятъ? Я не колдунъ какой.

— Почему жъ ты такъ думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка: разговаривать что-то съ тобой не охота; больно ужъ ты любопытенъ!—отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предыдущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ,—вмѣшался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любопытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начинаетъ сердиться:—самому гдѣ экое дѣло узнать!—продолжалъ онъ:—тоже хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человѣкъ—да!—сказалъ, какъ и отчего.

— Кто же это такой хорошій человѣкъ?—спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ,—отвѣчалъ Сергѣичъ:—такъ прозывался «печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ,—перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ? — возразилъ Сергѣичъ:—а что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что вѣдь народу къ нему ѣздило всякаго: и простого, и купечества, и господъ—другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять, или поворожиться, чтобы съ женкой подружиться. И такое, государь, заведенье у него было,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почесть-что на полѣ; и все калитка назаперти. Теперича, другое иное время, народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, али такъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про себя; а какъ кто, сударь, подъѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь, а онъ оттоль изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородища нечесанная; волосищи на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голосище сиплый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войти вошла, а какъ увидѣла его, взвизгнула и бѣжать — испугалась, значитъ. И кто бы теперь къ нему ни пришелъ, сейчасъ и ставь штофъ вина, а то и разговаривать не станетъ: ломъ былъ такой пить, что на удивленіе только!

— Штофъ купить не разоренье,—возразилъ Петръ:—я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтораста пролѣчилъ; бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова,

ни хлѣба въ домѣ, ни одежи ни на себѣ ни на хозяйкѣ; на работу силы никакой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ, смерть да и только: у сердца хватитъ, съ души тянетъ; бывало, иной разъ на работѣ, али въ полѣ, повалишься на лугъ да и катаешься часа два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печуръ-то дойти, хозяйкѣ велѣлъ ужъ телѣгу заложить, повалился словно пластъ; до чего бы дошелъ, и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали втѣпоры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика, вылилъ, голова, въ ковшикъ, выпилъ сразу и тутъ же ворожить сталъ. «Поди,—говоритъ хозяйкѣ:—почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». Принесла та, братецъ ты мой; онъ подалъ мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ»; такъ, голова, мачеху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее видѣлъ?—спросилъ я.

— Въявь; словно въ зеркалѣ,—отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ; ты это думалъ, такъ тебѣ такъ и показалось,—сказалъ я.

— Ну да, показалось. Вы, баря, все не вѣрите: больно ужъ умны! Не пьяному показалось: у меня втѣпоры не то что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу.—«Видишь ли?»—говоритъ онъ мнѣ.—«Вижу, говорю, дѣдушка».—«Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человѣкъ тебя на сорока травахъ заговорилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его».

— Осилилъ, значитъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилилъ, голова.—«Я, говоритъ, знаю пятьдесятъ три травы; теперь, говоритъ, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, что̀ надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ—удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить: вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай—доволенъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный! Взялъ хошь бы тутъ четвертакъ и все сдѣлалъ.—«Теперь, говоритъ, ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что̀ подпираютъ, нескобленые, одинъ только колъ скобленый; ты этотъ колъ переруби, обкопай его кругомъ, и найдешь ты тутъ ладонку, и на этой ладонкѣ наговоръ противъ тебя и сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ,—сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да, да, разсудилъ, какъ размазалъ! — возразилъ онъ.— Вотъ онъ тоже этакого хватика баринка, какъ ты, — вотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ, такъ онъ такъ ему отшутилъ, что хозяйка опосля любить и не стала, да и въ люди еще пошла.

— Было, было это дѣло,—подтвердилъ Сергѣичъ:—а тепе рича, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—коли свадьбы облизъ его были, всѣ ужъ забезпремѣнно звали его да угощали, а то навѣкъ жениха не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Да что, голова,—перебилъ Петръ:—пять лѣтъ вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помекалъ на него. Всю перегороду опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленые, одинъ только онъ оскобленый. Для ча?.. Для какой надобности?..

— Такъ ужъ, видно, надо имъ было,—возразилъ Сергѣичъ.

— А окромя кола,—продолжалъ Петръ:—все, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по-писаному.—«Какъ, говоритъ, ты эту ладонку сыщешь, въ ней, говоритъ, бумажка зашита—слышь. Бумажку эту вынь и дай кому хошь грамотному прочесть, и какъ, говоритъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя». А про ладонку, братецъ ты мой, сказалъ:—«Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, оскобленый, и упри его въ перегороду; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородѣ: коли коликъ твой не перерубленъ и ладонка тутъ — значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а коли твое дѣло попорчено — значитъ, и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по-его; однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ, и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убоиной возился.

— Осердились, значитъ,—проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то, видно, не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнано,—отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ:— удивительнѣе всего, голова, эта бумажка: въ ней было всего только четыре слова: «напади тоска на душу раба Петра». Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человѣкъ прочиталъ, я сталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее отъ себя—такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ на-ли пропала, а на землю не падаетъ.

Проговоривъ это, Петръ задумался. Нѣкоторое время разговоръ между нами прекратился.

— Я все, другъ сердечный, дивуюсь, — началъ Сергѣичъ глубокомысленно: — отъ кого это ваша Ѳедосья науки эти произошла! По нашимъ мѣстамъ, окромя этого старичищи, не отъ кого заняться.

— Э, голова, нѣтъ, не то!—возразилъ Петръ:—я ужъ это дѣло опосля узналъ, у нихъ въ роду это есть.

— Въ роду? Вотъ тѣ что!—воскликнулъ Сергѣичъ.

— Да, въ роду,—продолжалъ Петръ.— Може, не помнишь ли ты, отъ Парѳенья старушонка къ намъ въ селенье переѣхала, нашей Ѳедоскѣ сродственница? Ну, у насъ въ избѣ, братецъ мой, и поселилась; на голбцѣ у насъ и околѣла — втѣпоры никому невдомекъ, а она была колдунья сильная...

— Вотъ тѣ что!..—повторилъ еще разъ Сергѣичъ.

— Батька, ты, думаешь, спроста женился? — продолжалъ Петръ:—какъ бы голова, не такъ! Самъ посуди: старику былъ шестой десятокъ, пять лѣтъ вдовствовалъ, дѣвки на возрастѣ, я тоже въ подросткахъ немалыхъ—пошто было жениться?

— Еще какъ, другъ сердечный, пошто-то,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Вдругъ, голова, пожила у насъ Ѳедоска лѣто въ работницахъ, словно сблаговалъ старикъ, говоритъ:—«Я еще въ порѣ, мнѣ безъ бабы не жить!» Такъ возьми ровню; мало ли у насъ въ вотчинѣ вдовъ пожилыхъ! А то, голова, взялъ изъ чужой вотчины дѣвку двадцати лѣтъ, втѣпоры скрылъ, а опосля узналось; двѣсти пятьдесятъ выкупу за нее далъ—оть какихъ, паря, денегъ?..

Сказавъ это, Петръ опять впалъ въ раздумье.

— Что жъ, тебѣ лучше стало послѣ, какъ ты былъ у старичищи?—спросилъ я его.

— Лучше не лучше, по крайности живъ остался, — отвѣчалъ онъ.

— Ты однако, Петръ Алексѣичъ, долго про нее не сказывалъ да не оказывалъ!—сказалъ Сергѣичъ.

— Я ее совсѣмъ не оказывалъ, такъ и скрылъ: батьку все жалѣлъ,—отозвался Петръ, не измѣняя своего задумчиваго положенія.

— Да,—продолжалъ Сергѣичъ:—отдастъ эта бабенка отвѣтъ Богу: много извела она народу; какое только ей будетъ на томъ свѣту наказанье?

— А развѣ она и кромѣ еще Петра портила?—спросилъ я.

— Ай, сударь, какъ не портила!—отвѣчалъ Сергѣичъ:—теперича первая вотъ хозяйка его стала хворать да на нее выкликать. Была у насъ дѣвушка, Варюшка Никитина, гулящая этакая дѣвчонка: ту, по ревности къ дьяконскому цѣловальнику, испортила.

— А брата-то родного извела!—сказалъ Петръ.—И за что вѣдь, голова, самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ:—«Сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ!»

Тому, голова, было что-то некогда.—«Ну, ладно же, говоритъ, помни это!» И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, такъ и ухватило. Маялся-маялся съ мѣсяцъ, дѣлать нечего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться:—«Матушка-сестрица, помилуй!» — «А! говоритъ, братецъ любезный, ты втѣпоры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублевъ заплатилъ, да поздно!»

— Слышалъ и про это дѣло, — подтвердилъ Сергѣичъ: — слава Богу,—присовокупилъ онъ:—что на поселенье-то ее сослали, а то бы она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что именно сослали ее? — спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ:—вотчина того пожелала: первое, что похваляться стала она на барина, что барина изведетъ, пошто тогда ее поучили маненько... Тебя вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было втѣпоры, безъ тебя всѣ эти дѣла-то произошли,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру.

— Безъ меня!.. Воротился тогда съ заработки, прошелъ мимо родительскаго дому; словно выморочный — и ставни заколочены; батька померъ, дѣвокъ во дворъ взяли, а ее сослали! — отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадой.

— Такъ, такъ!—продолжалъ Сергѣичъ:—на какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось. Я тутъ тоже согрѣшилъ, грѣшный, маненько, доказчикомъ былъ, за Сережку-то больно злоба моя была на нее, и теперича, слышавши эти ея слова про барина, слышавши, что, окромя того, селенье стращаетъ выжечь, я, прошлымъ дѣломъ, до бурмистра ходилъ:—«Это, говорю, Иванъ Васильичъ, какъ ты хошь, а я тебѣ заявлю, это нехорошо; ты и самъ не правъ будешь, коли что случится—да!» Съ этихъ моихъ словъ и пошло все. Бурмистръ тоже поопасился: становому заявилъ. Тотъ сейчасъ наѣхалъ и обыскъ у ней въ домѣ сдѣлалъ: такъ однѣхъ травъ, сударь, у ней четыре коробка нашли, а что камушковъ разныхъ — этакихъ мы и не видывали; земли тоже всякой: видно, все изъ-подъ слѣдовъ человѣческихъ. Стали ее опрашивать, какія это травы?—«Не знаю». Чья земля?—«Не знаю»... Пошто она у тебя? — «Не знаю». Только и отвѣту было. Хошь бы въ словѣ проговорилась. Двое сутокъ съ ней становой бился, напослѣдокъ говоритъ бурмистру:—«Что, говоритъ, съ ней, бестіей, дѣломъ вести! Какъ на нее докажешь? Пиши барину; онъ лучше распорядится». Такъ тотъ и описалъ. Баринъ и приказываетъ сослать ее на поселенье, коли міръ приговоритъ.

Туть она и сробѣла, и чего ужъ ни дѣлала, Боже ты мой! И виномъ-то поила и денегъ сулила—ничто не взяло: присудили!..

— Въ острогѣ-то какъ она сидѣла, — началъ Петръ: — я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней; колачикъ принесъ... Заплакала, братецъ ты мой.—«Не была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человѣкъ: не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала — и былъ бы онъ мой, да печурскій старичище моему дѣлу помѣшалъ». Только сказала:—«Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счастья ни въ чемъ. Кажинный часъ въ сердцѣ твоемъ будетъ тоска и печаль». И все вѣдь, голова, правду сказала: что-что живешь на свѣтѣ! Ничего не веселитъ, словно темной ночью ходишь. Ни жена, ни дѣти, ни работа, ничто не мило, и самъ себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца что̀ поотляжетъ.

Проговоривъ это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Будетъ! Баста!— сказалъ онъ:— пора ужинать. Барину, я вижу, любо наше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! Подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ.

Матюшка подалъ ему

— Спасибо,— продолжалъ Петръ: — я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать станутъ, за ноги подержу, и ужъ крѣпко, не бойся, не вывернешься.

— Да за что меня хлестать станутъ?—спросилъ Матюшка.

— И по-моему, братецъ, не за что! Душа ты кроткая, голова крѣпкая,—проговорилъ Петръ и постучалъ Матюшку въ голову. — Вона, словно въ пустомъ овинѣ. Ничего, Матюха, не печалься. Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята!—заключилъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый,— сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнъ! Всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился на этомъ!— подхватилъ Петръ, нагиная старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— Прощай, баринъ,—продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.— Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты книги печатныя про мужиковъ сочиняешь?—прибавилъ онъ, пріостановясь.

— Сочиняю,—отвѣчалъ я.

— Ой ли?—воскликнулъ Петръ. — Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу, а о дѣдушкѣ Сергѣичѣ напиши такъ: «Шестьдесятъ, молъ, восьмой годъ, слышь! Ни одного зуба во рту, а за дѣвкамъ бѣгаетъ».

— Полно, балагуръ, полно! Пойдемъ ужинать, коли собрался!—сказалъ Сергѣичъ, слегка толкнувъ Петра въ спину.

— Пойдемте, — отвѣчалъ тотъ и обнялъ одною рукой Матюшку.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

V.

Успеньевъ день—у насъ въ приходѣ праздникъ. Это можно ужъ догадаться по тому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахвалъ и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ, еще въ семь часовъ утра, едва успѣлъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что тебѣ?—спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нечего припасать, а стоитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобы скорѣе успокоить свое ожиданіе насчетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду,—говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лицо.

— Жеребцовъ вѣдь припасти?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы,—говорю я.

— На разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонныя лошади совсѣмъ смучены, а что эти одры, стоятъ только да овесъ ѣдятъ! Хошь мало-мальски промнутся,—возражаетъ Давыдъ съ вытянувшимся лицомъ, и я убѣжденъ, что одна мысль: ѣхать на разгонныхъ къ празднику — была для него мученьемъ.

— Ну, хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ,—говорю я:—только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшеные, и, подъѣзжая къ приходу, не скакать благимъ матомъ, а то, по-

жалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте безпокоиться. Господи Боже мой! Не первый годъ ѣзжу! — говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:—кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно,—говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый?—прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно,—подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведетъ этотъ разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы этта изволили говорить, перчатки зеленыя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, да! Что жъ?

— Не для чего покупать-съ... У Семена Яковлича ещо послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія перчатки; не даетъ только безъ вашего приказанья, а перчатки важныя еще! — разрѣшаетъ наконецъ Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи, чтобъ далъ,—говорю я.

И Давыдъ, очень довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть, и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ бы въ мою пользу. Вдругъ, напримѣръ, разскажетъ гдѣ-нибудь на станціи, на которой насъ обоихъ съ нимъ очень хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у насъ двадцать жеребцовъ на стойлѣ стоятъ. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ передъ своей семьей и скажетъ:—«На-те-ста: только и осталось отъ пяти серебромъ баринова подареньица». Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать и внутренними, нравственными качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную въ разсказѣ такого рода, что разъ будто бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ:—«Баринъ, я пущу лошадей», а я ему на это сказалъ:—«Подержи немного, жалко медвѣжьей шкуры», и убилъ медвѣдя изъ пистолета; тогда какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣливалъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ — обычай, который заведенъ былъ еще прадѣдами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать неистощимое число наблюденій. Первая является Александра-скотница, очень плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, позвольте на праздникъ-то сходить,—говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся? Смотри!

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алену просила: баушка походитъ. Какъ можно о скотинкѣ не думать! Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тетки моей праздникъ, а у меня и родни-то на свѣтѣ: только тетка родная и есть,—говорить она скороговоркой.

— Ступай,—говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ.

Только-что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андрюшка-ткачъ, съ женой, очень смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень хорошенькой изъ крестьянъ бабенкѣ, значитъ, еще *молодые* и оба, въ отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому итти проситься; наконецъ подходитъ къ окну молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка,—говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что ли, хочешь итти?—спрашиваю я.

— Нешто, сударь,—говоритъ она.

— Ну, ступай.

— И хозяина ужъ пусти!—прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ итти.

— Да, постой, — говорю я: — у тебя грудной ребенокъ: какъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять: съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя и ребенка.

— Ой, ничего, — отвѣчаетъ она: — мало ли съ ребятами ходятъ, не одна я — ничего.

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ:—«Пустилъ!». Тотъ тоже издали мнѣ кланяется, и уходятъ оба. Комнатный человѣкъ мой Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ; но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ, ты велишь осѣдлать себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ, — отвѣчаетъ онъ голосомъ, необычно суро-

вымъ. — Старуха Алена пришла: просится тоже помолиться, — прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Какъ же мнѣ дѣлать? Ужъ я скотницу отпустилъ, — воскликнулъ я. — Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ: она мнѣ наврала, что ты берешься посмотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля, — отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ: — круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣевны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! Кто тамъ? — кричу я: — скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила; а ты, старуха, ступай.

— Гдѣ ужъ, батюшка! Не воротишь ее: совсѣмъ нарядная приходила къ тебѣ проситься; прямо изъ горницы и побѣжала; верстъ на пять теперь ужъ ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться, — говорю я.

— Ой, батюшка! Что это? Пошто? И такъ довольны вашей милостью, — говоритъ она, впрочемъ, беретъ двугривенный и этимъ отчасти успокаивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ-поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего подаренья; молодая горничная, еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь расчесавшая ихъ, прибѣжала, какъ сумасшедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ мериносовомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и онѣ у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телѣгу лошадь и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ образомъ сбирается почти вся дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳаддея; и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но, не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ цѣлый день. Даже Семенъ, несмотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чалкѣ, въ синемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ

знаетъ отъ кого и какимъ образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться: я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, несмотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма добронравныя и хорошо пріѣзженныя, вылетѣли изъ сарая, какъ бѣшеныя, такъ что онъ, повалившись совершенно назадъ, едва остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что онѣ жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онъ, по обыкновенію, взнуздалъ бечевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возсталъ противъ этой его системы закладыванья; на всѣ мои замѣчанія онъ отвѣчалъ: «господа такъ ѣздятъ, красивѣе этакъ!..» Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужъ и не говорилъ и только просилъ его, ради Бога, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью; онъ сначала какъ будто бы послушался: но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Утробина двѣ молоденькія крестьянки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «эхъ, вы, миленькія!»—понесся что̀ есть духу.

— Неужели ты, Давыдъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками! — принимался я-было ему втолковывать, но все напрасно! Подъѣзжая къ приходу, онъ весь какъ-то ужъ изломался: шапку свернулъ на бекрень, самъ тоже перегнулся, вожжи натянулъ, какъ струны, а между тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода несся говоръ народа, и раздавался благовѣстъ во-вся; по дорогѣ шло пропасть народу, и всѣ мнѣ кланялись.

— Матка, чей баринъ-то? — говоритъ одна старуха другой.

— Ѳилата Гаврилыча, матка, сынъ, али не узнала? — отвѣчаетъ ей та.

— Ну вотъ, какой хорошій да пригожій! — говоритъ первая старуха.

На худой лошаденкѣ, которыя обыкновенно называются вертихвостками, гарцуетъ нѣкто Ѳомка Козыревъ, лакей и управляющій одной вдовы-помѣщицы. Ужъ три года, какъ Ѳомка сталъ являться на всѣхъ праздникахъ, въ плисовыхъ штанахъ, въ плисовой поддевкѣ, съ серебряными часами; путемъ поклониться ни съ кѣмъ не хочетъ, простого вина не пьетъ, а все давай ему наливокъ. Жареныхъ пышекъ на иной ярмаркѣ на рубль серебра съѣстъ въ день, а орѣхи безъ перемежки въ карманѣ насыпаны. За это, и по другимъ, еще болѣе уважительнымъ причинамъ, его и прозвали *полубариномъ*. Завидѣвъ меня и замѣчая, что я начинаю его обгонять,

онъ также, въ свою очередь, начинаетъ горячить лошадь, а самъ представляетъ, что совладѣть съ ней не сможетъ. Лошаденка завертѣла хвостомъ и пошла бокомъ забирать все дальше и дальше въ сторону.

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между тѣмъ какъ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Придетъ иной верстъ за десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отправится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо еще, у кого есть родные, тотъ прямо идетъ гоститься, то-есть выпить, пообѣдать, поболтать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «съ праздникомъ, хозяева честные, поздравляемъ». Хозяинъ, который ужъ дѣйствительно ничего не жалѣетъ, но котораго въ то же время одолѣваютъ гости, проговоривъ: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это все выпьетъ, съѣстъ и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ его произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ. У церковныхъ воротъ пересѣкъ мнѣ дорогу маленькій семинаристикъ въ длиннополомъ нанковомъ зеленомъ сюртучкѣ.

— Здравствуйте, папенька крестный, — проговорилъ онъ.

Когда я его крестилъ? — Совершенно не помню.

— Здравствуй, милый! Ты чей?

— Отца дьякона, папенька крестный, — отвѣчалъ онъ.

— А! Отца дьякона! Это хорошо... Что, обѣдня идетъ или нѣтъ?

— Начинается, папенька крестный, — отвѣчаетъ онъ и, какъ человѣкъ привычный, пошелъ впереди, расталкивая для меня народъ.

Въ церкви, у лѣваго клироса, стоятъ двѣ барышни, небогатыя прихожанки. Я убѣжденъ, что до моего появленія онѣ молились усердно, но какъ увидали меня, такъ и начали модничать. Мнѣ всегда нѣсколько грустно видѣть ихъ у прихода. Зачѣмъ онѣ не ходятъ въ просто причесанныхъ волосахъ, а какъ-нибудь всегда ихъ взобьютъ? Зачѣмъ онѣ носятъ эти собственнаго рукодѣлья шляпы изъ полинялой шелковой матеріи съ полинялыми лентами? Зачѣмъ такъ безбожно крахмалятъ свои кисейныя платья, и наконецъ зачѣмъ, по преимуществу старшая, произносятъ все въ носъ? Я подозрѣваю, что, говоря такимъ образомъ, она воображаетъ, что говоритъ по-французски.

Послѣ обѣдни я хотѣлъ-было пройтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая тоже дѣвица изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица большая краснобайка и очень неглупая.

— Позвольте, батюшка Алексѣй Ѳеофилактычъ, — начала она: — просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по добротѣ своей и великодушію, они никогда не брезговали посѣщать мою сиротскую хижину. Слухъ тоже, батюшка, и про васъ идетъ, что вы въ папеньку — не гордые.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня; но меня звалъ отецъ Николай, чтобъ мнѣ туда не опоздать, — сказалъ я.

— Отецъ Николай, батюшка, долго еще изволятъ пробыть въ церкви, такъ какъ теперича простой народъ молебны будетъ служить, а вы, по крайности, тѣмъ временемъ чайку или кофейку у меня откушаете. Богато-небогато, сударь, живу, а все на пріемъ такихъ дорогихъ гостей имѣю.

— Очень хорошо, сударыня, извольте.

— Не знаю, какъ и благодарить за ваши милости, — сказала мнѣ съ поклономъ Арина Семеновна и отнеслась къ идущимъ за мной двумъ барышнямъ: — Нимфодора Михайловна, Минодора Михайловна, позвольте и васъ просить къ себѣ на чашку чаю: я у васъ частая гостья, гощу - гощу и стыда не знаю, а васъ въ своемъ домѣ давно не имѣла счастья видѣть.

— О, нѣтъ, вы этого не можете сказать: мы у васъ тоже частыя гости! — произнесла совершенно въ носъ старшая сестра Нимфодора.

— Кабы еще чаще, еще бы я была больше осчастливлена, — сказала Арина Семеновна.

Всѣ мы такимъ образомъ пошли къ ней. Я видѣлъ, что барышнямъ очень хочется заговорить со мной, но я, признаюсь, побаивался этого.

— Какъ здоровье вашей супруги? — сказала наконецъ младшая, Минодора, говорившая меньше въ носъ, но зато, судя по выраженію лица, должно-быть, болѣе желчная, чѣмъ старшая.

Впрочемъ, обѣ онѣ, какъ уже немолодыя дѣвицы, были немного злы и на меня, какъ я слышалъ, питали большую претензію за то, что я не знакомился съ ними. Предчувствуя, что вопросъ этотъ былъ сдѣланъ съ ядовитой цѣлью, я поспѣшилъ отвѣчать:

— Слава Богу, здорова, и мы съ ней все сбираемся къ вамъ.

Что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по губамъ обѣихъ барышень.

— И скоро исполните ваше обѣщаніе? — сказала старшая, Нимфодора, еще болѣе въ носъ.

— На той недѣлѣ непремѣнно, непремѣнно, — опять поспѣшилъ я отвѣчать.

— Очень пріятно, конечно, будетъ намъ видѣть васъ у себя, хоть, можетъ-быть, вамъ будетъ у насъ и скучно, — ядовито замѣтила младшая, Минодора; но потомъ, какъ бы желая смягчить это замѣчаніе, прибавила: — мы хоть не имѣли еще удовольствія видѣть вашу супругу, но ужъ очень много слышали о нихъ лестнаго.

— А я, матушка, счастливѣе васъ: имѣла честь видѣть супругу Алексѣя Ѳеофилактыча, и вотъ при нихъ скажу, не показалась она мнѣ: старая, беззубая, нехорошая...

— О, нѣтъ, вы шутите! — произнесла старшая, Нимфодора, въ носъ.

Арина Семеновна лукаво засмѣялась.

— Неужели, матушка, вправду говорю? — отвѣчала она: — красавица, писанной красоты дама. Вотъ вы, барышни, больно у насъ хорошія, а она, пожалуй, лучше васъ.

Въ такого рода разговорахъ мы шли, и я замѣтилъ, что если младшая, Минодора, язвила смертныхъ больше словомъ, то старшая уничтожала ихъ презрительнымъ и гордымъ видомъ, особенно кланявшихся намъ мужиковъ и бабъ.

Когда мы пришли къ Аринѣ Семеновнѣ, она, конечно, захлопотала о приготовленіи угощенія намъ. У нея, впрочемъ, были ужъ въ гостяхъ двѣ попадьи и дьяконица, которыя намъ церемонно поклонились. Барышни, чтобъ не уронить своего достоинства, сѣли на диванъ, а я, признаться, чтобъ избѣгнуть разговора съ ними, нарочно помѣстился у окна; но вдругъ, къ ужасу моему, старшая, Нимфодора, встала и сѣла около меня.

— Что вы теперь сочиняете? — сказала она съ улыбкою и слегка наклоняя голову.

Вопросъ этотъ обыкновенно и при другихъ обстоятельствахъ и отъ другихъ людей всегда меня конфузитъ.

— Нѣтъ, я теперь ничего не сочиняю, — отвѣчалъ я, потупившись.

— Въ деревенскомъ уединеніи, я думаю, такъ пріятно сочинять, — продолжала пытать меня Нимфодора, устремивъ прямо мнѣ въ лицо пристальный взглядъ.

— Да; но я занимаюсь больше хозяйствомъ, — отвѣчалъ я, чтобъ что-нибудь сказать ей.

— О, такъ вы и хозяинъ хорошій! Какъ пріятно это слышать! — воскликнула Нимфодора.

Почему это ей пріятно слышать — не понимаю.

— Я недавно читала, не помню чье сочиненіе, «Вѣчный Жидъ» называется: какъ прелестно и безподобно написано! — продолжала моя мучительница.

«Что жъ это такое?»—думалъ я, не зная, что̀ съ собой дѣлать и куда глядѣть.

— Нынче, такъ это грустно, — снова продолжала Нимфодора, не спуская съ меня пристальнаго взгляда: — мы не имѣемъ гдѣ книгъ доставать. Когда здѣсь жилъ, въ деревнѣ, Рафаилъ Михайлычъ, съ которымъ мы были очень хорошо знакомы и почти каждый день видались, и всегда у нихъ брали книги. Тутъ я у нихъ читала и ваше сочиненіе — «Тюфякъ» называется—какъ смѣшно написано.

Я начиналъ приходить въ совершенное ожесточеніе. Чтобъ спасти себя хоть какъ-нибудь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Нимфодорой, я высунулъ голову въ окно и сталъ будто бы съ большимъ вниманіемъ глядѣть на толпящійся тутъ и тамъ народъ. Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому литки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шароваръ, прошелъ-было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть!—проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужъ время, — сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправился, куда шелъ.

— Баринъ!.. Писемскій!.. Господинъ! Позвольте съ вами компанію имѣть!—прокричалъ Пузичъ на всю ужъ улицу, такъ что Арина Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну,

— Нехорошо, нехорошо, Пузичъ,—сказала она:—мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть!—воскликнулъ опять Пузичъ.—Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны — сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлко-

выхъ»—значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! Денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: — «Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!»—«Изволь, бери...» Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть?..

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка, что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ, и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та,—пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубля? — сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ,— проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? За какія услуги? Говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять, — проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку.

Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? И на тебѣ шапка не притаченная,—проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня!—продолжалъ Пузичъ.— Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?

— Пузичъ, идемте,—проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ,—отвѣчалъ Пузичъ:— дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны! — отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ.

Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? Тебя не разсчитываетъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще,—отвѣчалъ онъ, уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, мы сидѣли еще съ барышнями у Арины Семеновны, въ ожиданіи отца Николая, который присылалъ изъ церкви съ покорнѣйшею просьбою подождать его, приказывая, что какъ онъ освободится,

такъ самъ зайдетъ просить достопочтенныхъ гостей. Чтобъ отклонить для Нимфодоры всякую возможность вступить со мною въ разговоръ о литературѣ, я продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. «Однако отецъ Николай что-то долго нейдетъ,— думалъ я:—неужели онъ все еще молебны служитъ?» Около церкви никого ужъ не видать, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку, масса народа дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ!—сказалъ я, вставая.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула Нимфодора и даже Минодора съ довольно, повидимому, твердыми нервами.

Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! Что такое случилось? Откуда вы?—спросилъ я.

— Что, сударь! Случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужъ поздно—злодѣи этакіе!

— Скажите!—произнесли опять Нимфодора и Минодора въ одинъ голосъ.

— Кто такіе? Кто кого убилъ?—спросилъ я.

— Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, и драка... одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на-смерть,—отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это?—сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужичонка.

— Кто жъ его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужъ и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакій, худой.

— Батюшка! Нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?— воскликнулъ я.

— Врядъ ли! — отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой.

Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ какъ могъ проворно къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ пробраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой посрединѣ, лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ, лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддевки его правый рукавъ былъ оторванъ, рубаха вся изорвана въ клочки, правая рука изсѣчена цырюльникомъ, но кровь ужъ не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый

Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ?—сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана! — проговорилъ онъ и прибавилъ сотскому:—что больно крѣпко вяжешь? Не убѣгу.

Въ толпѣ между тѣмъ нѣсколько бабъ ревѣло, или, лучше сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой!—завывала одна.

— Что ты надсажаешься? Али родня?—говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсажаться! Все человѣческая душа, словно пробка выскочила!—отвѣчала женщина.

— Пускай пореветъ; у бабъ слезы не купленныя, — замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О-о-о-ой, — стонала еще другая баба:—куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивительная вещь, — толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ и, должно-быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось?—отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь, — отвѣчалъ онъ: — Пузичъ съ утра съ Ѳомкой пьетъ; пьяны-съ! Поначалу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про что его и связали: онъ ничѣмъ не причиненъ!.. Цѣловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ.—«За что, говоритъ, парня бьете?»—и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха—на моихъ глазахъ это было—раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами да и замеръ. Мы-было съ сотскимъ начали разнимать ихъ — гдѣ тутъ! За ноги хотѣли-было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ сапогомъ по головѣ, такъ шабашъ — на-ли шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужъ кричать: «воды! водой разливайте!» Я было-побѣжалъ зачерпнуть — прихожу: все ужъ порѣшено.

«Петруха, говорятъ, оборанивался-оборанивался, и какъ ухватитъ его за поперекъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь

о землю—только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодернаго коня и лупмя почалъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: — «Возьми, говорятъ, колъ: ишь плетью-то не пробираетъ бока, больно толсты». Такой дуракъ: угналъ—словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно туда шедшій своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! Слышалъ ли, что вашъ Петръ начудилъ? — сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! Слышалъ, слышалъ! За то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ—слюбилось теперь бы,—отвѣчалъ старикъ и прошелъ.

Потомъ меня нагнали барышни, перебиравшіяся отъ Арины Семеновны къ отцу Николаю. По просьбѣ ихъ, я разсказалъ имъ всѣ подробности.

— Гм!..—глубокомысленно произнесла младшая, Минодора.

— Что за народъ эти мужики!—сказала въ носъ старшая, Нимфодора.

1855. Іюля 30.

БОЯРЩИНА.

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одной изъ сѣверныхъ губерній, въ С... уѣздѣ есть небольшая волость, въ которой, по словамъ ея обитателей, очень большое, а главное — препріятное сосѣдство. Всякій, кому только Господь Богъ соблаговолилъ поѣздить по святой Руси, всякій, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, какъ пустѣютъ нынче усадьбы. Ему, вѣрно, случалось проѣзжать цѣлые уѣзды, не набредя ни на одно жилое барское помѣстье, хотя часто ему метался въ глаза господскій домъ, но—увы!—вѣрно, съ заколоченными окнами и съ краснымъ дворомъ, глухо заросшимъ крапивою; но никакъ нельзя было этого сказать про упомянутую волость: усадьбы ея были и въ настоящее время преисполнены помѣщиками; немногія изъ нихъ заключали по одному владѣльцу, но въ большей части проживали цѣлыя семейства. Мѣстечко это еще изстари прозвано было Боярщиной, и даже до сихъ поръ, если пріѣдетъ къ вамъ владимирецъ-разносчикъ и вы его спросите:

— Откуда, плутъ, пробираешься?

— Изъ Боярщины, сударь... Около мѣсяца тамъ плутовалъ,—отвѣтитъ онъ вамъ.

— Тамъ?

— Тамъ-съ. Такое ужъ тамъ для насъ мѣсто притоманное.

Засѣдатель земскаго суда, какъ, бывало, попадетъ туда на слѣдствіе, такъ мѣсяца два-три и не выѣдетъ: все по гостямъ; а исправникъ, котораго очень всѣ любили, просто не выѣзжалъ оттуда: круглый годъ ѣздилъ отъ одного помѣщика къ другому. На баллотировкахъ боярщинцы всегда дѣйствовали заодно и,

надобно сказать, имѣли тамъ значительный голосъ, тѣмъ болѣе, что самъ губернскій предводитель былъ изъ числа ихъ.

На сѣверномъ краю этой волости есть усадьба Могилки, которая какъ-то рѣзко отличалась отъ прочихъ усадебъ тѣмъ, что вся обнесена была толстымъ деревяннымъ заборомъ. Двухъэтажный, съ небольшими окнами, господскій домъ былъ выкрашенъ сѣрою краскою; отъ самыхъ почти оконъ начиналъ тянуться огромный прудъ, берега котораго густо были обсажены соснами, разросшимися въ огромныя деревья которыя вмѣстѣ съ домомъ, отражаясь въ тинистой и непрозрачной водѣ, дѣлали прудъ похожимъ на пропасть; далѣе за нимъ слѣдовалъ темный и заглохшій садъ, въ которомъ, кажется, никто и никогда не гулялъ. Высокіе, покрытые острымъ колпакомъ флигеля, также съ маленькими окнами и посѣрѣвшіе отъ времени, тянулись отъ господскаго дома по обоимъ бокамъ и заключались скотными дворами, тоже сѣрыми, которые были обильно, но неаккуратно покрыты соломою. При самомъ почти въѣздѣ въ усадьбу, на правой рукѣ, стояла полуразвалившаяся часовня, около которой возвышалось нѣсколько бугровъ, напоминавшихъ о нѣкогда бывшемъ тутъ кладбищѣ. Однимъ словомъ, все какъ-то было сѣро и мрачно и наводило на васъ грустное и непріятное чувство. Всякій разъ, когда я проѣзжалъ мимо этой усадьбы, меня поражало необыкновенное ея сходство съ раскольничьимъ кладбищемъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ этой усадьбѣ жилъ высокій, худощавый старикъ, Егоръ Егорычъ Задоръ-Мановскій, который одинъ изъ всѣхъ сосѣднихъ дворянъ составлялъ какъ бы исключеніе: онъ ни къ кому не ѣздилъ, и у него никто не бывалъ. Про него носились весьма невыгодные слухи: говорили, что будто бы онъ уморилъ жену и проклялъ собственнаго сына за то, что тотъ потребовалъ въ свое распоряженіе материнское имѣніе. Но это были одни слухи; достовѣрно же знали только то, что сынъ лѣтъ двѣнадцать не бывалъ у отца.

— Нужно бы намъ подобраться къ Задоръ-Мановскому,— часто говаривалъ губернскій предводитель.

— Нужно бы, ваше превосходительство, — подхватывалъ с...кій исправникъ.

— Да какъ подберешься?—продолжалъ предводитель.

— Именно, какъ подберешься?—заключалъ исправникъ.

Между тѣмъ, покуда они рѣшали этотъ вопросъ, Задоръ-Мановскій скоропостижно умеръ, и послѣ него стало совершаться все то, что обыкновенно совершается по смерти одинокихъ людей: деньги и вещи, сколько возможно, были разворованы домашними, а остальныя запечатаны. Нѣкоторые изъ

сосѣдей пріѣхали на похороны, пожалѣли о покойникѣ, открыли его нѣсколько рѣдкихъ добродѣтелей, о которыхъ при жизни и помину не было, и укоряли наконецъ неблагодарнаго сына, не хотѣвшаго пріѣхать къ умирающему отцу. Пять лѣтъ послѣ того Могилки пустѣли. Наконецъ въ нихъ пріѣхалъ новый господинъ—сынъ покойника, Михайла Егорычъ Задоръ-Мановскій, и пріѣхалъ не одинъ, а съ молодою женою. Послѣднее обстоятельство не понравилось особенно тѣмъ изъ сосѣдей, у которыхъ на рукахъ были взрослыя дочери, потому что Мановскій, несмотря на невыгодные слухи объ отцѣ, былъ очень выгодный женихъ. Всѣ знали, что у него триста незаложенныхъ душъ, да еще, въ придачу, на нѣсколько тысячъ ломбардныхъ билетовъ; сверхъ того, онъ былъ полковникъ въ отставкѣ.

— Я думаю, будетъ въ батюшку и станетъ жить медвѣдемъ,—проговорили многіе.

Но предсказаніе это не сбылось. Въ продолженіе двухъ недѣль послѣ своего пріѣзда Мановскій посѣтилъ почти всѣхъ сосѣдей и пригласилъ ихъ къ себѣ. Результатомъ такихъ посѣщеній было то, что самъ Задоръ-Мановскій понравился всѣмъ; скажу болѣе, внушилъ къ себѣ уваженіе. Правда, пріемы его были нѣсколько угловаты, но вѣжливы; мысли рѣзки, но основательны. Что касается до его наружности, то онъ былъ въ полномъ смыслѣ атлетъ, въ сажень почти ростомъ и съ огромной курчавой головой. По значительному развитію ручныхъ мускуловъ не трудно было догадаться, что онъ имѣлъ львиную силу. Впрочемъ багровый, изжелта, цвѣтъ лица, тусклые, оловянные глаза и осиплый голосъ ясно давали знать, что не въ нѣгѣ и не совсѣмъ скромно провелъ онъ первую молодость, но только желѣзная натура его, еще болѣе закаленная въ нуждѣ, не поддалась ничему, и онъ, въ сорокъ лѣтъ, остался тѣмъ же здоровякомъ, какимъ былъ и въ восемнадцать.

Но совершенно другое впечатлѣніе произвела на общество его жена. Посѣщая, вмѣстѣ съ мужемъ, сосѣдей, она вела себя какъ-то странно: послѣ обычныхъ привѣтствій, которыя исполняются при новыхъ знакомствахъ и которыя, надо отдать справедливость, Мановская высказывала довольно ловко и свободно, во все остальное время она молчала, или только отвѣчала на вопросы, которые ей дѣлали, и то весьма коротко. Болѣе тонкій наблюдатель съ перваго бы взгляда замѣтилъ по грустному выраженію лица молодой женщины, что молчаливость ея происходила отъ какого-то тайнаго горя, которое, будучи постояннымъ предметомъ размышленій, отрывало ее отъ

всего окружающаго міра и заставляло невольно сосредоточиваться въ самой себѣ. Но не такъ показалось это сосѣдямъ: «она горда»,—сказали побѣднѣе изъ нихъ; «она глупа», — рѣшили богатые. Наружность ея тоже не понравилась. Это была блондинка; черты лица ея были правильны, но она была худа; на щекахъ ея игралъ болѣзненный румянецъ, а тонкія губы были пепельнаго цвѣта. Эти признаки органическаго разстройства и были причиною, что въ наружности т-те Мановской сосѣди и сосѣдки, привыкшіе болѣе видѣть въ своихъ дочкахъ здоровую красоту, не нашли ничего особеннаго, за исключеніемъ довольно недурныхъ глазъ. Мановскій въ гостяхъ обходился съ женою не очень внимательно, дома же, при постороннихъ, онъ былъ съ ней повелителенъ и даже почти грубъ. Это еще болѣе уронило Мановскую въ глазахъ сосѣдей. «Ее, кажется, и мужъ-то не любитъ»,—говорили одни; «и не за что»,—подтверждали другіе.

Такъ прошли два года. Задоръ-Мановскій сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей между помѣщиками Боярщины. Его всѣ уважали, даже поговаривали, что врядъ ли онъ не будетъ на слѣдующую баллотировку предводителемъ. Дамамъ это было очень досадно: «вотъ ужъ нечего сказать, будетъ у насъ предводительша, даетъ же Богъ этакимъ счастье»,—говорили онѣ...

Перенесемся однако на нѣсколько времени въ Могилки. Гостиная Мановскихъ была самая большая и холодная комната въ цѣломъ домѣ. Стѣны ея были голы; кожаная, старинная мебель составляла единственное ея убранство. Она была любимымъ мѣстопребываніемъ Михайлы Егорыча, который любилъ просторъ и свѣжій воздухъ. Рядомъ съ гостиной была спальная комната, въ которой цѣлые дни просиживала Анна Павловна. Однажды, это было въ началѣ мая, Михайла Егорычъ мѣрными шагами ходилъ по гостиной. На лицѣ его была видна досада. Онъ только-что откуда-то пріѣхалъ. Несмотря на то, что въ комнатѣ, по причинѣ растворенныхъ оконъ, былъ страшный холодъ, Мановскій былъ безъ сюртука, безъ галстука и безъ жилета, въ однѣхъ только широкихъ шальварахъ съ красными лампасами. Молодой, лѣтъ двадцати, лакей, въ сѣромъ изъ домашняго сукна казакинѣ, перекладывалъ со стула на руку барское платье.

— Вы, этта, соколики, — началъ Мановскій: — ѣздили съ барыней къ обѣднѣ, весь задокъ отворотили у коляски, шельмы этакіе, и молчатъ еще! Какъ это вамъ нелегкая помогла?

— Лошади разбили-съ. Не то что насъ, барыню-то чуть до смерти не убили,—отвѣчалъ лакей.

— Прахъ бы васъ взялъ и съ барыней! Чуть ихъ до смерти не убили!.. Сахарные какіе!.. А коляску теперь чини!.. Гдѣ кузнецъ-то?.. Свой вонъ, каналья, гвоздя сковать не умѣетъ; теперь посылай въ чужіе люди!.. Одолжайся!.. Уроды этакіе! И та-то, вѣдь какъ же, Богу молиться! Богомольщица немудрая, прости Господи! Ступай и скажи сейчасъ Сенькѣ, чтобы ѣхалъ къ предводителю и попросилъ, нельзя ли кузнеца одолжить, дня на два, дескать! Что глаза-то выпучилъ?

— Семена дома нѣтъ-съ,—отвѣчалъ лакей.

— Это какъ? Гдѣ же онъ?

— Въ городъ на почту уѣхалъ; барыня послали.

— Да вѣдь я говорилъ,— вскрикнулъ Мановскій: — чтобы ни одна бестія не смѣла ѣздить безъ моего спросу.

— Барыня изволили послать.

— Какъ барынѣ не послать? Помѣщица какая! Хозяйствомъ не занимается, а только письма пишетъ—писательница! Какъ же, вѣдь папеньку надобно поздравить съ праздникомъ, — только людей да лошадей гонять! Пошелъ, скажи кучеру, чтобы съѣздилъ за кузнецомъ.

Лакей ушелъ. Михайла Егорычъ, надѣвши только картузъ и въ томъ же костюмѣ, отправился на конскій дворъ.

Анна Павловна, сидѣвшая въ своей спальнѣ, слышала весь этотъ разговоръ; но, кажется, она привыкла къ подобнымъ выходкамъ мужа и только покачала головой съ какою-то горькой улыбкой, когда онъ назвалъ ее писательницею. Она была очень худа и блѣдна. Черезъ четверть часа Мановскій вернулся и, казалось, былъ еще болѣе чѣмъ-то раздосадованъ. Онъ прямо пошелъ въ спальню.

— Что у насъ теперь дѣлаютъ?—спросилъ онъ, садясь въ уголъ и не глядя на жену.

— Ячмень сѣютъ. Овесъ вчерашній день кончили,— отвѣчала та.

— Много ли высѣяно ячменя?

— Сегодня я не знаю.

— Да что жъ вы знаете? — перебилъ Мановскій: — я, кажется, говорилъ вамъ, чтобы вы сами навѣдывались въ полѣ, а то опять обсѣвки пойдутъ.

— Но я больна, Михайла Егорычъ!

— Вѣчная отговорка: я больна! Надѣли бы шубу, коли очень знобки. Для чего вы здѣсь живете? Послѣдняя коровница, и та больше пользы дѣлаетъ. Людей разсылать да коляски ломать ваше дѣло. Будь я подлецъ, если я не запру всѣ экипажи на замокъ; вонъ навозныхъ телѣгъ много, на любой извольте кататься! Что это, въ самомъ дѣлѣ, заняться

пичѣмъ не хочетъ: столомъ, что̀ называется, порядочно распорядиться не умѣетъ! Идетъ Богъ знаетъ сколько, а толку нѣтъ! Куда этта въ два мѣсяца какіе-нибудь вышелъ пудъ крупчатки? Знаете ли вы это? Вѣдь ничего не понимаете! Что̀ у насъ, балы, что ли? Бѣлоручка какая! Я больна!.. Я нездорова!.. Я не могу!.. Вспомнили бы лучше, много ли приданаго-то принесли, — только бабій хвостъ, съ позволенія сказать.

— Зачѣмъ же вы женились на мнѣ?

— Кто васъ зналъ, что вы аферисты этакіе! За меня въ Москвѣ купчихи шли, не вамъ чета, со ста тысячами. Такъ вѣдь какъ же, фу, ты, Боже мой, какое богатство показывали! Экипажъ — не экипажъ, лошади — не лошади, по Петербургамъ да по Москвамъ разъѣзжали, милліонеры какіе, а на повѣрку-то вышло — нуль! Этакой подлости мужикъ порядочный не сдѣлаетъ, какъ милый родитель вашъ, а еще генералъ!

Послѣднія слова, кажется, болѣе всего оскорбили и огорчили Анну Павловну: она вся всплыхнула и заплакала.

— Какъ же, вѣдь нюни распустить сейчасъ надобно!.. Ужасно какъ жалко! Я вотъ сейчасъ самъ зарыдаю!..

Анна Павловна продолжала плакать.

— За что вы меня мучите, — проговорила наконецъ она грустнымъ голосомъ: — что̀ я вамъ сдѣлала? Я просила и прошу васъ объ одномъ, чтобъ вы не бранили при мнѣ моего отца. Онъ не виноватъ, онъ не зналъ, что вы женитесь не на мнѣ, а на состояніи.

— Скажите, пожалуйста! Онъ не зналъ этого, какой малолѣтокъ! Онъ думалъ, что дочку въ одной юбкѣ благородно отпустить? Золото какое! Осчастливилъ!

— Я васъ давно просила отпустить меня. Зачѣмъ я вамъ? Вы меня не любите и не уважаете!

— Смѣю ли я васъ не уважать, помилуйте! Глубочайшее почтеніе долженъ питать! Какъ же, вѣдь такая красавица! Такая образованная! Какъ мнѣ васъ не уважать? Вами только и на свѣтѣ существую...

И Мановскій долго еще бранился; но Анна Павловна не говорила уже ни слова; наконецъ, видно, и ему наскучило: онъ замолчалъ и все сидѣлъ насупившись. Молодой лакей вошелъ и сказалъ, что обѣдъ готовъ. Михайла Егорычъ пошелъ первый. Онъ выпилъ первоначально огромную рюмку водки, сѣлъ и, самъ наливши себѣ полную тарелку горячаго, началъ ѣсть почти съ обжорствомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ желчные люди. Анна Павловна сидѣла за столомъ больше для виду, потому что ничего не ѣла. Между тѣмъ выраженіе лица Мановскаго, въ той мѣрѣ, какъ онъ наѣдался,

запивая каждое блюдо неподслащенной наливкой, дѣлалось какъ будто бы добрѣе. Вставши изъ-за стола, онъ выкурилъ залпомъ три трубки крѣпкаго турецкаго табаку и легъ въ гостиной на диванъ, Анна Павловна прошла въ спальню.

Мановскій, кажется, думалъ заснуть, но не могъ.

— Анна Павловна! Подите сюда! — крикнулъ онъ.

Анна Павловна не отвѣчала. Михайла Егорычъ снова позвалъ ее, но она не шла и даже не откликалась, а потомъ, потихоньку вставши, хотѣла уйти изъ спальни, но Михайла Егорычъ увидѣлъ ее въ зеркалѣ.

— Куда же вы? Говорятъ вамъ, подите сюда! — произнесъ онъ.

Анна Павловна остановилась въ раздумьѣ.

— Подите сюда, — повторилъ Мановскій.

Анна Павловна вошла и сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи на кресло.

— Сядьте сюда поближе, — сказалъ Мановскій.

Анна Павловна не трогалась. Михайла Егорычъ досталъ ее рукою и посадилъ къ себѣ на диванъ. Онъ, видимо, хотѣлъ приласкаться къ женѣ. У Анны Павловны между тѣмъ лицо горѣло, на глазахъ опять навернулись слезы.

— Оставьте меня, — проговорила она, отодвигаясь на другой конецъ дивана.

Михайла Егорычъ молча придвинулъ ее къ себѣ.

— Ну, помиритесь, поцѣлуйте меня, — проговорилъ онъ нѣсколько ласковымъ голосомъ.

Анна Павловна поцѣловала его. Слезы ручьями текли по ея щекамъ.

— О чемъ вы плачете? Что̀ за глупости! — проговорилъ Мановскій, и, наклонивъ голову жены, хотѣлъ ее еще поцѣловать.

Анна Павловна не въ состояніи была долѣе владѣть собой: почти силой вырвалась она изъ рукъ мужа и, проговоривъ: «оставьте меня!» — ушла. Мановскій посмотрѣлъ ей вслѣдъ озлобленнымъ взглядомъ и по крайней мѣрѣ около часу просидѣлъ на диванѣ нахмуренный и молчаливый, потомъ велѣлъ себѣ заложить бѣговыя дрожки и уѣхалъ. Одѣвавшій и провожавшій его молодой лакей вернулся въ прихожую въ какомъ-то раздумьѣ; постоявъ, онъ развелъ что-то руками и легъ на залавокъ.

— Костя! Куда баринъ уѣхалъ? — спросила горничная дѣвушка Анны Павловны, Матрена, заглянувши въ лакейскую.

— Въ Спиридоново, чай, — отвѣчалъ тотъ.

— Къ Марѳѣ?

— Ну, да.

— Ой, Господи, согрѣшили, грѣшные, — проговорила горничная въ раздумьѣ.

— Да тебѣ чего тутъ жаль? — проговорилъ лакей.

— Барыню больно жаль: сидитъ да плачетъ...

— Что плакать-то. Не сегодня у нихъ согласья нѣтъ: все другъ дружкѣ наперекоръ идутъ. Онъ-то вишь какой обломъ, а она хворая.

— Что жъ, что хворая? — возразила горничная.

— Что хворая! Извѣстно: мужъ любитъ жену здоровую, а братъ сестру богатую.

— Да ужъ это такъ, — отвѣчала горничная и ушла въ дѣвичью.

— Да, такъ... Знаемъ тоже и тебя... Пошто вотъ Марѳѣ попадаетъ, а не мнѣ, — знаемъ! — произнесъ самъ съ собой лакей и, прикурнувши головой на лѣвую руку, задремалъ.

II.

Спустя мѣсяцъ послѣ описаннаго нами происшествія вся Боярщина собиралась въ домѣ у губернскаго предводителя. Это былъ день именинъ его жены. Все почти общество было въ гостиной. Самой хозяйки, впрочемъ, не было дома. Она уже года три жила безъ выѣзда въ Петербургѣ, потому что, по ея собственнымъ словамъ, бывши до безумія страстною матерью, не могла разстаться съ дѣтьми; а другіе толковали такъ, что гвардейскій уланъ былъ тому причиной. Не менѣе того, именины ея каждогодно справлялись, въ силу того обычая, что губернскіе предводители, кажется, и послѣ смерти женъ должны давать обѣды въ день ихъ именинъ. Самъ хозяинъ, маленькій, сѣденькій старичокъ, съ очень добрымъ лицомъ, въ камлотовомъ сюртукѣ, разговаривалъ съ сидѣвшею съ нимъ рядомъ на диванѣ толстою барынею, Уситковою, которая говорила съ такимъ жаромъ, что, не замѣчая сама того, брызгала слюнями во всѣ стороны. Она жаловалась теперь на станового пристава. Всѣ кресла, которыя обыкновенно, въ количествѣ полутора дюжинъ, разставляются по обѣимъ сторонамъ дивана, были заняты дамами въ яркихъ шелковыхъ платьяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ блондовыхъ чепчикахъ, а другія просто въ гребенкахъ. Лица у всѣхъ по большей части были полныя и слегка у иныхъ подбѣленныя. Нѣсколько мужчинъ, столпившись у дверей, толковали кой-о-чемъ. Другіе ходили или, заложивши руки назадъ, стояли, и только по временамъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ,

переглядывались съ своими женами. Сосѣдняя съ гостиною комната называлась диванной. Въ ней также помѣщалось нѣсколько человѣкъ гостей: приходскій священникъ съ своей попадьей, которые тихо, но съ замѣтнымъ удовольствіемъ, разговаривали между собою, какъ будто бы для этого имъ рѣшительно не было дома времени; потомъ жена станового пристава, которой, кажется, было очень неловко въ застегнутомъ платьѣ; гувернантка Уситковой въ терновомъ капотѣ и съ огромнымъ ридикюлемъ, собственно назначеннымъ не для ношенія платка, а для собиранія на всѣхъ праздникахъ яблокъ, конфетъ и другихъ сладкихъ благодатей, съѣдаемыхъ послѣ въ продолженіе недѣли, и наконецъ молодой письмоводитель предводителя, напомаженный и завитой, который съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ сквозь стекло во внутренность стоявшихъ близъ него столовыхъ часовъ: ему ужасно хотѣлось открыть,— отчего это маятникъ безпрестанно шевелится. Кромѣ этихъ лицъ здѣсь были еще три собесѣдника, которые, видимо, удалились изъ гостиной затѣмъ, чтобы свободнѣе предаваться разговорамъ, лично для нихъ интереснымъ. Это были: племянница хозяина, довольно богатая, лѣтъ тридцати, вдова, Клеопатра Николаевна Маурова. Высокая ростомъ, съ открытой физіономіей, она была то, что̀ называютъ belle femme, имѣя при томъ какой-то тихій, мелодическій голосъ и манеры довольно хорошія, хотя нѣсколько и жеманныя; но главное ея достоинство состояло въ замѣчательной легкости характера и въ неподдѣльной, природной веселости. Сидѣвшая съ нею рядомъ особа была совершенно противоположна ей: это была худая, желтая, озлобленная дѣвственница, извѣстная въ околоткѣ подъ именемъ барышни, про которую, впрочемъ, говорили, что у нея было что-то такое въ родѣ мужа, что̀ дома ее колотило, а когда она выѣзжала, такъ стояло на запяткахъ. Третье лицо былъ молодой человѣкъ: онъ былъ довольно худъ, съ густыми, длинными, а-ля-мужикъ и слегка вьющимися волосами; въ блѣдномъ и выразительномъ лицѣ его, если нельзя было прочесть серьезныхъ страданій, то, по крайней мѣрѣ, высказывалась сильная юношеская раздражительность. По модному черному фраку и гладко натянутымъ французскимъ палевымъ перчаткамъ, а главное, по стеклышку, которое онъ по временамъ вставлялъ въ глазъ, нетрудно было догадаться, что онъ недавно изъ столицы.

Эти три лица разговаривали о чувствахъ и страстяхъ.

— Итакъ, monsieur Эльчаниновъ, вы говорите, что вашъ идеалъ — женщина страдавшая; вотъ ужъ не понимаю — говорила Клеопатра Николаевна, пожимая плечами.

— Что̀ тутъ непонятнаго?—отвѣчалъ молодой человѣкъ.— Горе облагораживаетъ и возвышаетъ душу женщины, какъ и человѣка вообще.

— Ахъ, Боже мой! — подхватила вдова. — Послѣ этого всякая женщина можетъ быть идеаломъ, потому что всякая женщина страдаетъ. Полноте, господа! Вы не имѣете идеала. Я видѣла мужчинъ, влюбленныхъ въ такихъ милыхъ, прекрасныхъ женщинъ, и что̀ же послѣ? Они влюблялись въ уродовъ, просто въ уродовъ! Какъ вы это объясните?

— Я могу объяснить только то, что̀ самъ перечувствовалъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Клеопатра Николаевна васъ спрашиваетъ про наружность вашего идеала,—замѣтила барышня съ ядовитою улыбкою: — страдаетъ вѣдь всякая женщина, — прибавила она.

— Про наружность я не могу вамъ сказать опредѣлительно, — отвѣчалъ молодой человѣкъ: — впрочемъ, мнѣ лучше нравятся женщины слабыя, немножко съ болѣзненнымъ румянцемъ и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Странный вкусъ, — сказала съ усмѣшкою вдова:—здѣсь есть одна такая женщина, только жаль, что нѣсколько глупа.

— А, понимаю, о комъ вы говорите, — замѣтила барышня: — о Зе?

— Конечно, о комъ же больше, — отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Кто такая эта Зе? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Женщина слабая, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, и вдобавокъ еще — глупенькая, — отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Худая и больная женщина врядъ ли можетъ быть глупа, — возразилъ молодой человѣкъ. — Всѣ дураки пользуются обыкновенно благомъ здоровья: у нихъ тѣло развивается на счетъ души.

— Желаю вамъ отыскать поскорѣе вашъ идеалъ, — сказала вдова, поспѣшно вставая. — Пойдемте, Natalie, — прибавила она, взявъ за руку свою собесѣдницу; обѣ дамы пошли въ гостиную.

Несмотря на стараніе скрыть, досада промелькнула въ лицѣ Клеопатры Николаевны.

Молодой человѣкъ съ насмѣшливой гримасой посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Это былъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, нѣкто Валерьянъ Александрычъ Эльчаниновъ. Мнѣніе сосѣдей объ немъ было такое, что онъ—баловень матушки, которая возилась съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ и, ни много ни мало, проучила и прожила на него 200 душъ. Ну, и выучить,

конечно, выучили многому, но проку изъ того, кажется, вышло мало, потому что молодой человѣкъ врядъ ли служилъ гдѣ-нибудь и имѣлъ ли даже какой-нибудь чинъ. Послѣ смерти матери онъ жилъ по столицамъ, а теперь пріѣхалъ на житье въ свою разоренную усадьбу — на какую-нибудь сотню душъ; и вмѣсто того, чтобы какъ-нибудь поустроить имѣнье, только и занимался тѣмъ, что ѣздилъ по гостямъ, либо ходилъ съ ружьемъ да съ собакой на охоту. Прекрасное занятіе для молодого, образованнаго человѣка.

Шумъ въ залѣ возвѣстилъ о пріѣздѣ новыхъ гостей. Хозяинъ привсталъ съ мѣста. Въ гостиную вошелъ Мановскій, сопровождаемый женою. Мужчины привѣтливо и съ почтеніемъ подавали руку первому.

— Милости просимъ, дорогой гость, — говорилъ хозяинъ, тоже протягивая обѣ руки Задоръ-Мановскому. — Какъ ваше здоровье, Анна Павловна? — прибавилъ онъ.

Мановскій и жена поздравили предводителя съ дорогою именинницею и справились, давно ли отъ нея получалъ письма.

— Недавно, очень недавно, — отвѣчалъ старикъ и солгалъ.

Новопріѣзжіе разошлись: Анна Павловна, поклонившись нѣкоторымъ дамамъ, сѣла на отдаленное кресло; Задоръ-Мановскій подошелъ къ мужчинамъ.

Въ это время въ гостиную вошелъ Эльчаниновъ, прислонился къ колоннѣ и, стараясь принять нѣсколько изысканное положеніе, вставилъ стеклышко въ глазъ и взоромъ наблюдателя началъ оглядывать общество. Вдругъ глаза его неподвижно остановились на одномъ предметѣ; блѣдное лицо его вспыхнуло.

— Кто эта дама? — спросилъ онъ торопливо и не безъ волненія, схвативъ за руку проходившаго мимо исправника.

— Которая-съ?

— На крайнемъ креслѣ, въ коричневомъ платьѣ.

— Это жена Задоръ-Мановскаго.

— Что жъ, она здѣшняя?

— Нѣтъ, онъ женился тамъ гдѣ-то, далеко.

Въ это время мимо нихъ прошла Клеопатра Николаевна съ своей спутницею.

— Вашъ идеалъ пріѣхалъ, можете адресоваться, — сказала она Эльчанинову.

Тотъ ей ничего не отвѣтилъ и врядъ ли даже слышалъ ея замѣчаніе. Онъ, не спуская глазъ, глядѣлъ на Мановскую.

— Какъ имя этой m-me Мановской? — спросилъ онъ опять исправника.

— Анна Павловна, — отвѣчалъ тотъ.

— Это она, — почти вслухъ сказалъ Эльчаниновъ и быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Мановская.

Исправникъ съ усмѣшкою посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну, теперь пошелъ, — сказалъ онъ, подмигнувъ стоявшему возлѣ толстому Уситкову и тоже наблюдавшему эту сцену: — видно, Мановскаго еще не видалъ.

— Да, — отвѣчалъ тотъ, усмѣхнувшись: — тутъ насчетъ этого не безопасно! И не такому жиденькому кости переломаютъ.

Между тѣмъ Эльчаниновъ стоялъ уже передъ Мановской.

— Вы ли это, Анна Павловна? — сказалъ онъ, все еще въ недоумѣніи глядя на молодую женщину.

Мановская взглянула на него, и судорожный трепетъ пробѣжалъ по ея лицу. Она хотѣла что-то отвѣчать, но голосъ ей измѣнилъ.

— Валерьянъ Александрычъ, какъ вы здѣсь? — проговорила наконецъ она.

— Я здѣшній уроженецъ! Скажите лучше, какъ вы попали сюда? — сказалъ Эльчаниновъ, садясь около нея.

— Я замужемъ.

— Замужемъ? За кѣмъ? Мнѣ говорили...

— За Мановскимъ.

— Но вы больны, голосъ вашъ слабъ, вы не похожи на себя?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Неужели мои пророчества, — продолжалъ молодой человѣкъ: — которыя я предсказывалъ вамъ въ шутку, неужели они сбылись? Неужели вы?..

— Бога ради, не говорите со мною, — прервала шопотомъ молодая женщина: — на насъ смотрятъ. Отойдите отъ меня.

— Я не отойду отъ васъ, покуда вы мнѣ не скажете, что̀ съ вами? Отчего эта перемѣна? Вспомните, вы называли меня когда-то вашимъ другомъ! Вы должны быть со мною откровенны!..

— Только не здѣсь, Бога ради, не здѣсь, — подхватила Анна Павловна.

— Гдѣ же?

— Гдѣ хотите; въ лѣсу, въ полѣ, только не при людяхъ!.. Отойдите!

— По крайней мѣрѣ, назначьте время и мѣсто.

— Я гуляю въ полѣ, близъ Лапинской рощи, — сказала шопотомъ Анна Павловна: — будьте тамъ въ пятницу, въ четыре часа!.. Отойдите!

Эльчаниновъ повиновался ей, и первымъ его дѣломъ было — выйти на балконъ. Лицо его горѣло. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ, наклонившись надъ перилами, и, какъ бы желая

освѣжиться отъ внутренняго волненія, вдыхалъ довольно свѣжій воздухъ; потомъ улыбнулся, встряхнулъ волосами и весело возвратился въ гостиную.

— Вамъ нечего меня опасаться, — сказалъ онъ тихо Мановской, проходя мимо нея:—здѣсь всѣмъ извѣстно, что я влюбленъ въ m-me Маурову.

Молодая женщина взглянула на него и, кажется, поняла этотъ намекъ.

Эльчаниновъ подошелъ къ вдовѣ, которая на этотъ разъ была одна и сидѣла опять въ наугольной, задумчиво перебирая концы своего шарфа.

— Какъ я радъ, — сказалъ онъ, усаживаясь около нея: — что наконецъ встрѣтилъ васъ безъ вашей гувернантки.

— Это что̀ значитъ? — спросила вдова, внимательно посмотрѣвъ на молодого человѣка.

— Это значитъ, что я могу съ вами наконецъ говорить откровенно.

— Право?.. А я не замѣчала въ васъ притворства! Напротивъ, вы слишкомъ откровенны.

— А мой идеалъ?

— Что̀ жъ вашъ идеалъ?

— Я изобрѣлъ его, чтобы скрыть настоящій.

— Или вы тогда хитрили, или теперь хитрите, — сказала Клеопатра Николаевна, снова внимательно взглянувъ на молодого человѣка.

«Она умнѣе, нежели я полагалъ», — подумалъ про себя Эльчаниновъ. — Позвольте мнѣ съ вами рядомъ сѣсть за столомъ, — сказалъ онъ вслухъ.

— Извольте.

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Еще одна просьба!..

— А именно?

— Чтобы не было около васъ вашей спутницы.

— Это почему?

— Я ее терпѣть не могу: она сплетница, и я долженъ буду невольно притворяться.

— За что же вы ее не любите? Вотъ что̀ значитъ наружность! Ахъ, господа, господа мужчины!

— Прошу васъ!

— Извольте! Впрочемъ, помните, это жертва!

— Мегсі, — сказалъ Эльчаниновъ и снова поцѣловалъ руку Клеопатры Николаевны.

— Вы мнѣ скажете вашъ идеалъ, — сказала вдова, не отнимая руки.

— Скажу, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ притворнымъ смущеніемъ и сжалъ ей руку.

Они разошлись.

Черезъ полчаса сѣли за столъ. Эльчаниновъ былъ рядомъ съ Клеопатрой Николаевной. Вдова была, говоря безъ преувеличенія, примадонною всѣхъ съѣздовъ Боярщины. Она была исключительнымъ предметомъ вниманія и любезности со стороны мужчинъ, хоть сколько-нибудь претендующихъ еще на любезность. Причина этому, конечно, заключалась въ независимости ея положенія, въ ея живомъ, развязномъ характерѣ, а больше всего въ кокетствѣ, къ которому она чувствовала чрезмѣрную наклонность. Въ числѣ ея поклонниковъ былъ, между прочимъ, и Задоръ-Мановскій, суровый и мрачный Задоръ-Мановскій, и надобно сказать, что до сего времени Клеопатра Николаевна предпочитала его прочимъ: она часто ѣздила съ нимъ верхомъ, принимала его къ себѣ во всякое время, а главное — терпѣть не могла его жены, съ которою она, несмотря на дружеское знакомство съ мужемъ, почти не кланялась.

Судьба посадила Задоръ-Мановскаго напротивъ вдовы.

— Кто этотъ молодой человѣкъ? — спросилъ онъ у своего сосѣда, указывая на Эльчанинова.

— Это сосѣдъ его превосходительства, недавно пріѣхалъ,— отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Въ Коровинѣ.

— Въ Коровинѣ?.. Что же, онъ служитъ, что ли, гдѣ-нибудь?

— Богъ его знаетъ, неизвѣстно.

Въ это время Эльчаниновъ что-то съ жаромъ началъ говорить вдовѣ. Она краснѣла нѣсколько. Мановскій сталъ прислушиваться, но—увы!—Эльчаниновъ говорилъ по-французски. Задоръ началъ кусать губы.

— Клеопатра Николаевна! — сказалъ онъ, не вытерпѣвъ.

Отвѣта не было.

— Клеопатра Николаевна! — повторилъ еще разъ Мановскій.

Вдова взглянула на него.

— Когда же мы съ вами поѣдемъ на охоту? — спросилъ онъ.

— Я не буду больше ѣздить на охоту, — отвѣчала торопливо Клеопатра Николаевна. — Ну, продолжайте, Бога ради, продолжайте; это очень интересно, — прибавила она, обращаясь къ Эльчанинову.

— Почему же вы не хотите ѣздить? — спросилъ неотвязчиво Мановскій.

— Ахъ, Боже мой, почему? Потому что... не хочу.

— А вы ѣздите на охоту?.. Странное для дамы удовольствіе, — замѣтилъ съ усмѣшкою Эльчаниновъ.

— А почему оно страннѣе удовольствія — бесѣдовать съ вами? — замѣтилъ дерзко Мановскій.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ на своего противника.

— А вамъ это, видно, очень непріятно? — сказалъ онъ опять съ усмѣшкою.

Мановскій только взглянулъ на него своими выпуклыми сѣрыми глазами.

— Неужели! — подхватила съ громкимъ смѣхомъ вдова: — это очень лестно. Благодарю васъ, monsieur Эльчаниновъ, вы открываете мнѣ глаза.

Эльчаниновъ многозначительно улыбнулся.

Мановскій былъ совершенно уничтоженъ: его не только предпочли, но еще и осмѣяли.

Есть люди, въ душѣ которыхъ вы никакою любовью, никакимъ участіемъ, никакою преданностью съ вашей стороны не возбудите чувства дружбы, но съ которыми довольно сказать два-три слова наперекоръ, для того, чтобы сдѣлать ихъ себѣ смертельными врагами. Таковъ былъ и Задоръ. Ревнивый по натурѣ, онъ тутъ же заподозрѣлъ вдову въ двусмысленныхъ отношеніяхъ съ молодымъ человѣкомъ и далъ себѣ слово — всѣми силами мѣшать ихъ любви. Такимъ образомъ судьба какъ бы нарочно направила проницательный взоръ этого человѣка совершенно не въ ту сторону, куда бы слѣдовало.

— Кто это такой? — спросилъ Эльчаниновъ Клеопатру Николаевну: — онъ, кажется, неравнодушенъ къ вамъ.

— Не знаю, — отвѣчала она кокетливо и прибавила: — это Задоръ-Мановскій.

— Задоръ-Мановскій, — повторилъ Эльчаниновъ.

Послѣднее извѣстіе его весьма обезпокоило.

Въ это время въ залу вошелъ низенькій, невзрачный человѣкъ, но съ огромною, какъ обыкновенно бываетъ у карликовъ, головою. Въ одеждѣ его видна была страшная борьба опрятности съ временемъ, щегольства съ бѣдностью. На плоскомъ и широкомъ лицѣ его сіяло удовольствіе. Онъ быстро проходилъ залу, едва успѣвая поклониться нѣкоторымъ изъ гостей. Хозяинъ смотрѣлъ прищурившись, чтобы узнать, кто это былъ новопріѣзжій.

— Честь имѣю, ваше превосходительство, — началъ бойко гость: — поздравить съ драгоцѣннѣйшей именинницею и позвольте узнать, какъ ихъ здоровье?

— Благодарю, Иванъ Александрычъ, благодарю! Пишетъ,

что здорова, — отвѣчалъ съ обязательною улыбкою Алексѣй Михайлычъ: — прошу покорно садиться!.. Малый! Поставь приборъ.

— Извините, ваше превосходительство, — продолжалъ Иванъ Александрычъ: — что не имѣлъ времени поутру засвидѣтельствовать моего поздравленія: дядюшка изволили прибыть.

— Графъ Юрій Петровичъ пріѣхалъ! — почти вскрикнулъ хозяинъ.

— Графъ пріѣхалъ, — повторилось почти во всѣхъ концахъ стола.

— Вчерашній день, — началъ Иванъ Александрычъ: — въ 12 часовъ ночи, совершенно неожиданно. Конечно, онъ мнѣ писалъ, да все какъ-то двусмысленно. Знаете, великіе люди все любятъ загадки загадывать. Домъ-то, впрочемъ, всегда вѣдь готовъ. Вдругъ сегодня изъ Каменки ночью верховой... Что такое, братецъ?.. Перепугался, знаете, со сна. — «Дядюшка, говоритъ, его сіятельство, пріѣхалъ и желаютъ васъ видѣть». Я сейчасъ отправляюсь. Старикъ немножко боленъ съ дороги, ну, конечно, обрадовался. Такъ мы и просидѣли. Пріятное родственное свиданіе!

— А надолго пріѣхалъ Юрій Петровичъ? — спросилъ хозяинъ. — Да садитесь около меня, Иванъ Александрычъ!.. Эй, переставьте сюда приборъ!

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Надо полагать, что на годъ, если только не соскучится, — началъ онъ, а потомъ, склонивши головку немного набокъ, продолжалъ: — Сегодня за кофеемъ уморилъ меня со смѣху старикъ. — «Тѣсенъ, говоритъ, Ваня, у меня здѣсь домъ». Каменской домъ тѣсенъ, въ 30 комнатъ!

— Да зачѣмъ же вашъ дядюшка пріѣхалъ такъ надолго? Видно, въ Петербургѣ ужъ ненадобенъ? — спросилъ Мановскій.

Иванъ Александрычъ только усмѣхнулся.

— Дядюшка, — началъ онъ внушительнымъ тономъ: — можетъ жить, гдѣ захочетъ и какъ захочетъ.

— Будто? — спросилъ Задоръ.

Иванъ Александрычъ точно не слыхалъ этого вопроса.

— Для здоровья, надо полагать, онъ больше пріѣхалъ, чтобы здоровье свое поправить, которое точно что потратилъ отъ трудовъ своихъ, — проговорилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

— Конечно, конечно, — подтвердилъ тотъ.

— Враки! — произнесъ какъ бы самъ съ собою, впрочемъ, довольно громко, Мановскій.

Извѣстіе о пріѣздѣ графа заняло всѣхъ. Во всю остальную часть обѣда только и говорили о немъ. Графъ Юрій Петровичъ Сапѣга былъ совсѣмъ большой баринъ по породѣ, богатству и своему офиціальному положенію, а по добротѣ его всѣ почти окружные помѣщики были или обязаны имъ, или надѣялись быть обязанными. Сверхъ того, можетъ ли маленькій человѣкъ не почувствовать живого интереса къ лицу важному. Всѣ себѣ дали слово: на другой же день явиться къ графу для засвидѣтельствованія глубочайшаго почтенія, и только четыре лица не раздѣляли общаго чувства; это были: Задоръ-Мановскій, который, любя управлять чужими мнѣніями, не любилъ ихъ принимать отъ другихъ; Анна Павловна, не замѣчавшая и не видѣвшая ничего, что происходило вокругъ нея; потомъ Эльчаниновъ, котораго въ это время занимала какая-то мысль, — и наконецъ вдова, любовавшаяся, въ молчаніи, задумчивымъ лицомъ своего собесѣдника. Что касается до Ивана Александрыча, то онъ былъ просто на небѣ. Всѣ къ нему адресовались съ вопросами, всѣ желали говорить съ нимъ. О такой минутѣ онъ давно и постоянно мечталъ. Въ околоткѣ онъ былъ извѣстенъ не столько подъ своимъ собственнымъ именемъ и фамиліей, сколько подъ именемъ *графскаго племянника*, хотя родство это было весьма сомнительно, и снисканъ нѣкоторымъ вниманіемъ Сапѣгъ онъ собственно былъ за то, что еще въ дѣтствѣ росъ у нихъ въ домѣ съ предназначеніемъ быть карликомъ; но такъ какъ выросъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, то и былъ отправленъ обратно въ свою усадьбу съ назначеніемъ пожизненной пенсіи. Проживая такимъ образомъ лѣтъ около двадцати въ Боярщинѣ, Иванъ Александрычъ какъ будто не имѣлъ личнаго существованія, а былъ какимъ-то телеграфомъ, который разглашалъ помѣщикамъ все, что дѣлалъ его дядя въ Петербургѣ, или что дѣлается въ имѣніи дяди; какой блистательный балъ давалъ его дядя, на которомъ одинъ ужинъ стоилъ сто тысячъ, и наконецъ какую къ нему самому пламенную любовь питаетъ его дядюшка.—«Да что жъ вы не ѣдете въ Петербургъ?»—спрашивали его нѣкоторые изъ сосѣдей, видя его очень небогатую жизнь, которую онъ велъ въ своей деревнюшкѣ.

— А имѣніе-то дяди? — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ, хотя при имѣніи былъ особый нѣмецъ-управитель, который, говорятъ, даже не пускалъ и въ усадьбу племянника по какимъ-то личнымъ неудовольствіямъ. Но возвращаюсь къ разсказу моему: послѣ обѣда Эльчаниновъ тотчасъ же отошелъ отъ вдовы; ему было досадно на себя за нѣсколько колкихъ словъ, которыя онъ, по незнанію, сказалъ Задоръ-Мановскому.

«Мнѣ бы надобно было съ нимъ познакомиться, сойтись, сдѣлаться частымъ его гостемъ, а тамъ и пріятелемъ, а теперь... какъ теперь поѣдешь съ визитомъ? Впрочемъ, нельзя ли какъ-нибудь еще поправить,—думалъ онъ самъ съ собою: — можно съ нимъ опять заговорить, приласкаться, счесться дальнимъ родствомъ и посмѣяться даже надъ вдовой».

Съ этимъ намѣреніемъ онъ вошелъ въ гостиную. Первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ Задоръ-Мановскій съ картузомъ въ рукахъ. Онъ прощался съ хозяиномъ, отговариваясь болѣзнью жены; невдалекѣ отъ него стояла Анна Павловна уже въ шляпкѣ.

Всѣ надежды рушились... Теперь прошу ожидать, когда удастся встрѣтиться съ Мановскимъ гдѣ-нибудь въ домѣ. Онъ посмотрѣлъ на Анну Павловну, и ему показалось, что ей тоже не хотѣлось уѣзжать. Какъ она хороша была въ эту минуту, и какъ позавидовалъ онъ ея мужу, который поѣдетъ вмѣстѣ съ нею вдвоемъ въ коляскѣ, будетъ ласкать ее, поцѣлуетъ, тогда какъ ему нельзя даже проститься съ ней; хоть бы еще два слова сказать, хоть бы еще разъ условиться въ свиданіи. «Боже мой! Къ чему эти общественныя понятія, которыя такъ стѣсняютъ свободу человѣка!..» Такъ думалъ Эльчаниновъ, и, когда Мановскіе уѣхали, ему сдѣлалась страшная скука. Походя безъ всякой цѣли изъ комнаты въ комнату, онъ рѣшился ѣхать домой. А потому, взявшись за шляпу, простился съ хозяиномъ и пошелъ отыскивать Клеопатру Николаевну.

Вдова сидѣла въ диванной съ исправникомъ и еще съ нѣкоторыми мужчинами.

— Это что значитъ? — сказала она, увидѣвъ Эльчанинова со шляпою въ рукахъ. — Вы ѣдете?

— Я еще поутру говорилъ вамъ, что мнѣ послѣ обѣда нужно будетъ ѣхать, — отвѣчалъ онъ, какъ бы стараясь оправдаться.

— Полно, такъ ли? — спросила вдова, устремивъ проницательный взоръ на молодого человѣка. — Полноте, не ѣздите.

— Нужно-съ.

— Когда же вы у меня будете?

— Когда прикажете.

— Пріѣзжайте завтра.

— Хорошо.

— На цѣлый день?

— На цѣлый день. Adieu.

— Adieu, ужасный человѣкъ.

III.

Чтобы объяснить читателю тѣ отношенія, въ которыхъ находилась Мановская съ Эльчаниновымъ, я долженъ нѣсколько вернуться назадъ.

Хорошенькій собой и очень умненькій Валеръ перебывалъ, я думаю, во всѣхъ пансіонахъ московскихъ. Мать вездѣ находила, что или дурно кушать ему даютъ, или строго учатъ.

Лѣтъ 18-ти наконецъ, оставшись послѣ смерти ея полнымъ распорядителемъ самого себя, онъ рѣшился поступить въ тамошній университетъ съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, работать, заниматься и наконецъ образовать изъ себя ученаго человѣка, во славу современникамъ и для блага потомства, — намѣреніе, которое имѣютъ почти всѣ студенты въ начальные мѣсяцы перваго курса. Онъ накупилъ себѣ книгъ, записался во всѣ возможныя библіотеки и началъ слушать лекціи; но все пошло не такъ, какъ онъ ожидалъ: на лекціяхъ ему была страшная скука; записывать слова профессора онъ не могъ; попробовалъ читать дома руководства, источники; но это оказалось еще скучнѣе. А между тѣмъ жизнь пахнула уже на него своимъ обаяніемъ: онъ ходилъ въ театры, на гулянья, познакомился съ четырекурсными студентами, пропировалъ съ ними цѣлую ночь въ трактирѣ и выучился безъ ошибки пѣть «Gaudeamus igitur». Рядомъ съ нимъ стояла актриса; онъ познакомился съ актрисою и сталъ съ нею декламировать Шекспира. Время между тѣмъ шло: Эльчаниновъ опомнился только передъ экзаменомъ; въ три-четыре дня списалъ онъ пропущенныя лекціи и въ одинъ мѣсяцъ, съ свойственною только студентамъ быстротою, приготовился къ экзамену. Его перевели. Этотъ успѣхъ сдѣлалъ то, что Эльчаниновъ, въ продолженіе года, рѣшительно пересталъ думать объ университетѣ. Жизнь сдѣлалась главною его цѣлью. У него были пріятели, были знакомые. Онъ кутилъ, танцовалъ, изъяснялся въ любви, игралъ на домашнихъ театрахъ и писалъ въ безсонныя ночи стихи. Теряя такимъ образомъ въ отношеніи образованія, Эльчаниновъ въ то же время натирался, что̀ называется, въ жизни: онъ узналъ хорошо женщинъ, или, лучше сказать, ихъ слабости, и былъ съ ними смѣлъ и даже дерзокъ. Онъ умѣлъ съ перваго взгляда разгадывать людей или по крайней мѣрѣ опредѣлить: богатъ ли человѣкъ или нѣтъ, питаетъ ли онъ къ своей личности уваженіе или вовсе не дерзаетъ на самолюбіе. Бывая въ разнородныхъ обществахъ, Эльчаниновъ сдѣлался въ нѣкоторой

степени тонокъ въ обращеніи съ людьми. Онъ старался подъ̀латься къ тѣмъ, которые были его выше, и не чуждъ былъ давнуть тѣхъ, которыхъ считалъ ниже себя. Но хуже всего Эльчаниновъ, какъ и бо̀льшая часть людей, понималъ самого себя. Впечатлительный по характеру, энергическій и смѣлый въ своихъ предпріятіяхъ, но слабый при исполненіи ихъ, онъ сталъ предполагать въ себѣ сильныя страсти, а вслѣдствіе ихъ глубокія страданія.

Одинъ изъ пріятелей Эльчанинова познакомилъ его съ своею теткою, радушною старухою, у которой была внучка, только-что выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Это была пухленькая брюнетка, съ розовыми щечками и съ быстрыми, какъ у дикой серны, глазками. Она очень понравилась Эльчанинову. Онъ началъ ласкаться къ старухѣ, болѣе и болѣе сталъ учащать свои посѣщенія и чрезъ мѣсяцъ сдѣлался уже совершенно домашнимъ человѣкомъ. Все шло какъ нельзя лучше для студента: старушка его полюбила, маленькая брюнетка часъ отъ часу къ нему привыкала, и вотъ, въ одинъ вечеръ Эльчаниновъ, оставшись наединѣ съ Вѣрочкой (такъ звали брюнетку), долго и высокопарно толковалъ ей о любви, а потомъ, какъ бы невольно схвативши ея пухленькую ручку, покрылъ ее страстными поцѣлуями. Вѣрочка заплакала отъ стыда. Студентъ утѣшалъ ее, умолялъ любить его и говорилъ, что если она сейчасъ же не скажетъ, что любитъ его, такъ онъ пойдетъ и застрѣлится. Вѣрочка испугалась и сказала, что она дѣйствительно его любитъ, что ей безъ него страшная скука, и въ заключеніе просила какъ можно чаще ходить къ нимъ. Эльчаниновъ былъ въ восторгѣ: онъ цѣловалъ, обнималъ тысячу разъ свою Лауру (такъ называлъ онъ Вѣру), а потомъ, почти не помня себя, убѣжалъ домой. Эта минута была пафосомъ любви его къ Вѣрѣ. Въ послѣдующее затѣмъ время онъ уже ничего новаго не открывалъ въ своей Лаурѣ: она оставалась такой, какой была въ первую минуту, т.-е. хорошенькою дѣвушкою, которую съ удовольствіемъ можно цѣловать, ласкать, и которая сама очень мило ласкалась, но затѣмъ больше ничего. Вѣрочка была дѣйствительно небогата внутреннимъ содержаніемъ. Эльчанинову начинало становиться скучно у старой нѣмки, и онъ ходилъ къ ней болѣе уже по привычкѣ. Но вотъ однажды, это было въ воскресенье, онъ пришелъ къ нимъ обѣдать. Вѣрочка выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Валерьянъ! — сказала она, взявши его за руки: — поздравь меня, Анета пріѣхала. Ахъ, какъ намъ троимъ будетъ весело. — Съ послѣдними своими Вѣра потащила студента въ гостиную.

— Вотъ она,—сказала брюнетка, указывая на молодую дѣвушку, сидѣвшую возлѣ старой нѣмки.

Эльчаниновъ невольно остановился въ смущеніи, несвязно пробормоталъ что-то такое старухѣ и поклонился пріятельницѣ Вѣры, которая поразила его своею наружностью. Она была блондинка. Никогда еще Эльчаниновъ не встрѣчалъ такой нѣжной красоты, никогда еще не видалъ такого кроткаго и спокойнаго взгляда, какимъ взглянула на него дѣвушка своими карими глазами изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Она была такъ стройна и воздушна, что показалась Эльчанинову одною изъ тѣхъ пери, которыя населяютъ заоблачный міръ, и какъ бы нарочно была одѣта въ бѣлое газовое платье. Это была Анна Павловна, теперь больная, худая Анна Павловна, но тогда счастливая, не знакомая ни съ однимъ изъ житейскихъ золъ, жившая въ кругу людей, которые истинно любили и берегли ее. Анна Павловна вмѣстѣ съ Вѣрою вышла изъ Смольнаго монастыря и теперь только-что воротилась изъ деревни, гдѣ почти цѣлый годъ прожила съ отцомъ своимъ. Она, видно, искренно любила пріятельницу свою, потому что на другой же день по возвращеніи пріѣхала навѣстить ее. Обѣ дѣвушки, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, далеко были раскинуты общественнымъ положеніемъ. Анна Павловна, какъ дочь одного изъ значительныхъ людей, стала принадлежать совершенно иному міру, нежели бѣдная Вѣра, которая, бывши не болѣе какъ дочерью полкового лѣкаря, поселилась у своей бабушки, съ тѣмъ, чтобы, проскучавъ лѣтъ пять, тоже выйти за какого-нибудь лѣкаря.

Эльчаниновъ оправился и началъ разговаривать со старухою, между тѣмъ Вѣра, усѣвшись возлѣ пріятельницы, начала ей что-то шептать.

— Кто эта дѣвица? — спросилъ студентъ тихо у старухи.

— Дочь генерала Кронштейна,—отвѣчала та.—Очень добрая дѣвушка, — какъ любитъ мою Вѣрочку, дай ей Богъ здоровья. Онѣ обѣ вѣдь смолянки. Эта-то аристократка, богатая, — прибавила старуха.

И слова эти еще болѣе подняли Кронштейнъ въ глазахъ Эльчанинова. Онъ цѣлое утро проговорилъ со старухою и не подходилъ къ дѣвушкамъ, боясь, чтобы Анна Павловна не замѣтила его отношеній съ Вѣрочкою, которыхъ онъ начиналъ уже стыдиться. Но не такъ думала Вѣра.

Послѣ обѣда старуха ушла въ спальню, а студентъ остался съ дѣвушками.

Онъ сѣлъ поодаль,

— Валерьянъ, — сказала Вѣра: — поди сюда! Анета знаетъ все, я ей разсказала.

Эльчанинову легче было бы провалиться сквозь землю; впрочемъ, онъ совладѣлъ съ собой.

— Вѣра Александровна, — началъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ: — могла быть съ вами откровенна; но я не имѣю на это никакого права.

Анна Павловна опять взглянула на него изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ своихъ.

— Я могу желать только одного, — продолжалъ Эльчаниновъ: — чтобы вы сами убѣдились, что я достоинъ вашего участія. Позвольте мнѣ съ вами видѣться какъ можно чаще, бывать передъ вами въ горькія и отрадныя минуты моей жизни.

— Я безъ вашей просьбы дала себѣ слово строго наблюдать за вами, — отвѣчала съ легкою улыбкою Анна Павловна.

Такимъ образомъ то, чего боялся Эльчаниновъ, послужило ему въ пользу. Онъ много разсчитывалъ на этомъ дружескомъ сближеніи и все остальное время былъ очень занимателенъ: онъ говорилъ, какъ говорятъ обыкновенно студенты, о любви, о дружбѣ, стараясь всюду выказать благородство чувствъ и мыслей, и въ то же время весьма мало упоминалъ, по извѣстной ему цѣли, о своей любви къ Вѣрѣ. Изъ этой бесѣды онъ увидѣлъ, что Анна Павловна далеко превосходила свою подругу умомъ и образованіемъ, несмотря на равенство лѣтъ и одинаковость воспитанія. Эльчаниновъ возвратился домой совершенно очарованный своею новою знакомою. Планъ его былъ таковъ: сблизившись и подружившись съ молодой дѣвушкой, онъ покажетъ ей, насколько онъ выше ея подруги, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ей понять, что, при его нравственномъ развитіи, онъ не можетъ истинно любить такую дѣвушку, какова была Вѣра, а потомъ... потомъ признаться ей самой въ любви, но—увы!—расчетъ его оказался слишкомъ невѣренъ. Правда, онъ болѣе и болѣе сближался съ Анною Павловною, но въ то же время увидѣлъ, что она чрезвычайно искренно любитъ добренькую и пустую Вѣру, и у него духу даже не доставало хоть бы разъ намекнуть ей, что онъ не любитъ, а только обманываетъ ея пріятельницу. Онъ увидѣлъ, напротивъ, что, чѣмъ болѣе будетъ обнаруживать любви къ Вѣрѣ, тѣмъ выше будетъ становиться въ глазахъ Анны Павловны, и онъ принялся за послѣднее. Благодаря усердному чтенію романовъ, а частью и собственнымъ опытамъ, Эльчаниновъ успѣлъ утончить свои чувства, зналъ любовь въ малѣйшихъ ея подробностяхъ и все это высказывалъ передъ молодыми дѣвушками, изъ ко-

торыхъ Вѣра часто дремала при этомъ, но совершенно другое было съ Анною Павловною: она заслушивалась Эльчанинова до опьянѣнія. Онъ видѣлъ это и постоянно старался держать себя на высокомъ строю. Впрочемъ, судьба скоро измѣнила ходъ этой маленькой драмы и надолго растолкнула эти три лица, жившія почти въ продолженіе года въ такихъ тѣсныхъ между собою отношеніяхъ. Вѣра занемогла. Бабушка, Анна Павловна и Эльчаниновъ не отходили отъ больной; но все было тщетно: чрезъ двѣ недѣли она умерла. Эльчаниновъ обнаружилъ сильную горесть; Анна Павловна утѣшала его, хотя сама гораздо болѣе нуждалась въ этомъ. Почти со слезами умолялъ онъ ее не прекращать съ нимъ дружбы и позволить ему видѣться съ ней. Анна Павловна согласилась; она еще раза два пріѣзжала къ старой нѣмкѣ, которая почти ослѣпла, плача день и ночь по своей внучкѣ. Эльчаниновъ былъ, конечно, тутъ же, и въ оба раза молодая дѣвушка показалась ему нѣсколько странною: она какъ будто бы остерегалась его, боялась за самоё себя и безпрестанно говорила о Вѣрѣ. «Она любитъ меня», — подумалъ Эльчаниновъ, и надежда снова зародилась въ душѣ его. Дня черезъ два онъ пошелъ къ старой нѣмкѣ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Анну Павловну. Старуха была одна и, по обыкновенію, плакала.

— У меня еще горе, — сказала она: — Анна Павловна вчера пріѣзжала ко мнѣ прощаться: она уѣхала навсегда изъ Москвы съ батюшкой. Вамъ она велѣла отдать письмецо.

Въ глазахъ потемнѣло у студента, руки и ноги задрожали. Онъ проворно схватилъ записку и проворно пробѣжалъ ея строки, какъ бы стараясь разувѣриться въ томъ, что онъ слышалъ. Письмо было слѣдующее: «Прощайте, добрый и благородный человѣкъ! Я съ вами разстаюсь, и разстаюсь, можетъ-быть, навсегда; но, гдѣ бы я ни была, что бы со мною ни было, я сохраню о васъ воспоминаніе, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о моей доброй подругѣ. Да наградитъ васъ Богъ счастіемъ, вы его достойны по благородству вашихъ чувствъ. Не забудьте меня, я васъ очень любила и буду любить всегда. Adieu!»

Эльчаниновъ почти обезпамятѣлъ: онъ со слезами на глазахъ началъ цѣловать письмо, а потомъ, не простясь со старухою, выбѣжалъ изъ дому, въ который шелъ за нѣсколько минутъ съ такими богатыми надеждами, и цѣлую почти ночь бродилъ по улицамъ. Москва ему опротивѣла. Первымъ его намѣреніемъ было ѣхать вслѣдъ за Анною Павловною, но гдѣ она будетъ жить и какъ съ нею будетъ видаться? Съ отцомъ онъ не знакомъ, тайныхъ свиданій никакого права не

имѣлъ требовать! И этихъ мыслей было достаточно, чтобы онъ отмѣнилъ свое намѣреніе и остался въ Москвѣ; цѣлую недѣлю послѣ того никуда не выходилъ изъ квартиры, не ѣлъ, не спалъ, однимъ словомъ, страдалъ добросовѣстно, а потомъ, какъ бы для разсѣянія, пустился во вся тяжкія студенческой жизни.

Приближающійся экзаменъ заставилъ его наконецъ опомниться, и онъ принялся готовиться. Необходимость заниматься лекціями, а не собственными своими чувствами, очень ослабила горесть впечатлѣнія, которое произвелъ на него отъѣздъ Анны Павловны. Окончивши курсъ, онъ совершенно ужъ не тосковалъ, и въ немъ только осталось блѣдное воспоминаніе благороднаго женскаго существа, которое рано или поздно должно было улетѣть въ родныя небеса, и на тему эту принимался нѣсколько разъ писать стихи, а между тѣмъ носилъ въ душѣ болѣе живую и совершенно новую для него мысль: ему надобно было начать службу, и онъ ее началъ, но, какъ бѣднякъ и безъ протекціи, началъ ее слишкомъ неблистательно. Его опредѣлили куда-то сверхштатнымъ писцомъ, обѣщаясь, впрочемъ, впослѣдствіи, за прилежаніе и когда узнаетъ канцелярскій порядокъ, сдѣлать столоначальникомъ,—но не таковъ былъ Эльчаниновъ. Въ двѣ недѣли служба опротивѣла ему на-смерть. И могъ ли онъ, никогда постоянно не трудившійся, убивши первую молодость на интриги съ женщинами, на пирушки съ друзьями, на увлеченія искусствами, могъ ли онъ, говорю я, съ его подвижнымъ характеромъ, привыкнувши бѣжать за первымъ ощущеніемъ, сдружиться съ монотонною обязанностью службы и равнодушно выдерживать канцелярскія сидѣнія, гдѣ еще безпрестанно оскорбляли его самолюбіе, безбожно перемарывая сочиненныя имъ бумаги? Эльчаниновъ началъ падать духомъ; жизнь ему стала казаться несносною. Друзей, этихъ беззаботныхъ, но умныхъ юношей, около него уже не было: всѣ они или разбрелись, или начали, какъ выражался онъ, подлѣть въ жизни; волочиться ему не хотѣлось, или, лучше сказать, не попадалось на глаза женщины, въ выборѣ которыхъ онъ сдѣлался строже. Сначала онъ думалъ выйти въ отставку и жить такъ въ Москвѣ; но разстроенное состояніе не давало ему на то никакой возможности. Ѣхать въ деревню и жениться... На этой мысли Эльчаниновъ остановился; она казалась ему лучшею и единственною: по крайней мѣрѣ онъ будетъ имѣть цѣль, а если достигнетъ ея, такъ войдетъ въ совершенно новыя обязанности. Съ такимъ намѣреніемъ вышелъ онъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню, давъ себѣ слово никого изъ сосѣдей не знакомить съ своимъ

формуляромъ и непремѣнно влюбить въ себя какую-нибудь богатую невѣсту. Клеопатра Николаевна была первая женщина, которую онъ замѣтилъ; но она была вдова, ей было 30 лѣтъ, и кромѣ того нѣсколько провинціальныя манеры и легкость побѣды, которую замѣтилъ онъ въ ней, значительно уронили ее въ его глазахъ. Возвести ее на степень своей жены онъ считалъ недостойною и волочился за нею отъ-нечего-дѣлать, любя иногда подразнить ее, что̀ было весьма нетрудно, потому что вдова замѣтно имъ интересовалась и была немного вспыльчива. Появленіе Мановской показалось Эльчанинову какимъ-то чудомъ, совершившимся для того, чтобы вознаградить его за всѣ страданія и несчастія, которыхъ онъ себѣ очень много насчитывалъ. Мысль, что она живетъ отъ него въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, обрадовала его, а такъ быстро назначенное тайное свиданіе подало ему полную надежду достигнуть взаимности. Въ одну минуту забылъ онъ свое намѣреніе жениться. Любить эту женщину, заставить ее полюбить себя, вотъ на что онъ рѣшился теперь. У нихъ будетъ интрига, будутъ тайныя свиданія, будутъ сплетни общества, надъ которыми они станутъ смѣяться и съ помощью Клеопатры Николаевны сбивать всѣхъ съ толку,—вотъ о чемъ онъ мечталъ. Небольшая размолвка съ Задоромъ-Мановскимъ стала казаться ему еще въ пользу. «Это лучше,—думалъ онъ:—мы будемъ видаться тайно, а при тайныхъ свиданіяхъ скорѣе можно достигнуть цѣли». Возвратившись домой, онъ совершенно погрузился въ мечтанія о своей любви и будущихъ наслажденіяхъ. Онъ воображалъ, какъ эта женщина, послѣ долгой борьбы, уступитъ наконецъ его желаніямъ и предастся ему въ полное обладаніе, а далѣе затѣмъ ея самоотверженіе: вотъ онъ дѣлается боленъ, она обманываетъ мужа, пріѣзжаетъ къ нему, проживаетъ цѣлыя ночи у его изголовья... Мечты его и на этомъ не остановились; ему представлялось, что у нихъ уже есть прекрасный ребенокъ, къ которому впослѣдствіи очень кстати можно будетъ проговорить стихи Лермонтова:

„Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
О! Если бъ знало ты, какъ я тебя люблю“, и пр.

Этого ребенка надобно будетъ воспитывать. Онъ будетъ его руководителемъ, наставникомъ. Мечтая и размышляя такимъ образомъ, Эльчаниновъ ни разу не подумалъ, отчего это такъ измѣнилась Анна Павловна, и не повредитъ ли онъ ей еще болѣе своей любовью? Болѣзненный и печальный видъ Мановской, поразившій его при первой встрѣчѣ, совершенно из-

гладился изъ его воображенія, когда онъ пересталъ ее видѣть. Онъ мечталъ и думалъ только о себѣ и о своихъ будущихъ наслажденіяхъ

IV.

Но что было послѣ этого свиданія съ Анною Павловною, о чемъ думала и мечтала она? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, я снова долженъ вернуться назадъ.

Анна Павловна дѣйствительно была нѣкоторымъ образомъ достойна той высоты, на которую возносилъ ее Эльчаниновъ. Нѣмка по отцу, она была дѣвушка умненькая, но болѣе того— добрая, чувствительная и страшно мечтательная. Въ сердцѣ своемъ она носила самую теплую вѣру въ Провидѣніе. Она любила своихъ подругъ, своихъ наставницъ, страстно любила своего отца, и, конечно, если бы судьба послала ей добраго мужа, она сдѣлалась бы доброю женою и нѣжной матерью, и вся бы жизнь ея протекла въ выполненіи этого чувства любви, какъ бы единственной нравственной силы, которая дана была ей съ избыткомъ отъ природы. Въ Эльчанинова она влюбилась съ самаго перваго свиданія, хотя совершенно была увѣрена, что чувствуетъ къ нему только дружбу. Смерть Вѣры какъ бы раскрыла ей самоё себя. Она сдѣлалась осторожною въ обращеніи съ Эльчаниновымъ, потому что стыдилась его. Разставшись съ нимъ навсегда и ѣхавши въ Петербургъ, она всю дорогу обливалась слезами, думая объ немъ. Ни театры ни вечера не развлекали ее. Почти съ восторгомъ поѣхала она съ отцомъ въ деревню, разсчитывая мечтать объ Эльчаниновѣ цѣлые дни, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемая, но и тутъ неудача: съ первыхъ же дней къ нимъ нахлынули офицеры близъ стоящаго полка и стали за ней ухаживать. Они ей были противны. Ей могли нравиться только студенты, потому что Эльчаниновъ былъ студентъ. Новый ударъ окончательно убилъ ея счастье. Старый генералъ объявилъ дочери о предложеніи полкового командира Мановскаго. Анна Павловна сначала и не поняла хорошенько, что ей предстоитъ, потомъ плакала, страдала, молилась, — отецъ убѣждалъ, просилъ и наконецъ настаивалъ. Результатъ былъ тотъ, что бѣдная дѣвушка, какъ новая Татьяна, полная самоотверженія, чтобъ угодить отцу, любя одного, отдала руку другому, впрочемъ, обрекая себя впередъ на полное повиновеніе и вѣрность своему мужу; и дѣйствительно, съ первыхъ же дней она начала оказывать ему покорность и возможную внимательность, но не понялъ и не оцѣнилъ ничего Мановскій. Это былъ неглупый, но не-

образованный человѣкъ. Упрямый и злой по природѣ, онъ былъ въ то же время честолюбивъ и жаденъ. Служба польстила первой изъ его страстей и возвела его на степень полковника и полкового командира; чинъ генерала былъ у него почти подъ рукой; но ему этого было еще мало: онъ хотѣлъ богатства и женитьбою хотѣлъ окончательно устроить свою карьеру. Дочь генерала Кронштейна казалась ему выгодною партіею: всѣ очень хорошо знали богатыя помѣстья, которыми владѣлъ старикъ. Мановскій сдѣлалъ предложеніе, не будучи еще самъ увѣренъ въ успѣхѣ своихъ исканій, но сверхъ ожиданія отецъ согласился, а вскорѣ затѣмъ и невѣста дала слово. Свадьбу назначили чрезъ двѣ недѣли. Въ продолженіе этого времени Анна Павловна такъ измѣнилась и такъ похудѣла, что, когда она стояла подъ вѣнцомъ, многіе ея не узнавали. Мановскій еще ни слова не говорилъ тестю о приданомъ и разсчитывалъ на будущее время, какъ вдругъ неожиданный случай разстроилъ всѣ его планы: имѣніе Кронштейна, какъ лопнувшаго откупщика, было конфисковано въ казну, у него осталось только шестьдесятъ заложенныхъ душъ. При этомъ извѣстіи съ Задоръ-Мановскимъ сдѣлалось что-то въ родѣ удара; но онъ скрылъ это отъ всѣхъ и выздоровѣлъ, и только съ каждымъ днемъ началъ хуже и хуже обращаться съ женою. Никакой покорностью, никакимъ вниманіемъ не могла она угодить ему. Онъ непрестанно сердился, кричалъ и бранилъ ее. Анна Павловна, никогда не любившая мужа, начала къ нему чувствовать страхъ и отвращеніе. Несмотря на все ея стараніе уничтожить или, по крайней мѣрѣ, скрыть это страшное чувство, Мановскій замѣтилъ, и это былъ послѣдній ударъ, который навсегда уничтожилъ ихъ семейное спокойствіе. Мановскій вынужденнымъ нашелся выйти въ отставку и уѣхать въ свои Могилки. Живши въ полку, посреди молодыхъ офицеровъ, онъ боялся измѣны жены, а кромѣ того, увезя несчастную жертву отъ родныхъ, онъ получилъ болѣе возможности вымещать на ней свою ошибку и нелюбовь къ себѣ. Сцены, которыя я вначалѣ описалъ, повторялись каждодневно. Бѣдная женщина, не видя ничего въ будущемъ, отторгнутая въ настоящемъ отъ всего, что̀ ей было дорого, сосредоточилась на прошедшемъ и, съ помощью мечтательнаго характера, составила изъ него цѣлый мірокъ. Эльчаниновъ былъ на первомъ планѣ, онъ былъ ея братъ, другъ, покровитель. Въ своемъ уединеніи, посреди хозяйственныхъ заботъ, даже въ минуты брани и укоровъ мужа, она думала и мечтала объ Эльчаниновѣ. Она шептала ему страстныя рѣчи, припоминала его голосъ, его наружность, пробѣгала въ памяти эти долгія

бесѣды, на которыхъ онъ такъ много и такъ прекрасно говорилъ о дружбѣ, о любви. Въ безсонныя ночи, которыя проводила она постоянно, ей казалась, что ея мечтательный другъ стоялъ близъ нея. Она жаловалась ему на судьбу свою, разсказывала свои страданія, просила защиты и участія, и въ то же время какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что она рано или поздно встрѣтитъ этого человѣка,—и вдругъ это предчувствіе сбылось въ самомъ дѣлѣ. Я ужъ, конечно, не въ состояніи выразить того, что было съ Анной Павловной въ первыя минуты этого свиданія. Ей сдѣлалось весело, страшно и стыдно; тоска сдавила ей сердце: ей хотѣлось плакать, у ней едва достало памяти, чтобъ попросить его отойти и прекратить разговоръ, который могъ заставить обнаружить тайну передъ обществомъ, передъ нимъ самимъ; но онъ не отходилъ, онъ желалъ говорить, вызывалъ ее на откровенность; что было дѣлать? Не помня себя, она назначила ему свиданье и во все остальное время какъ бы лишилась сознанія: во всемъ тѣлѣ ея былъ лихорадочный трепетъ, лицо горѣло, въ глазахъ было темно, грудь тяжело дышала; но и въ этомъ состояніи она живо чувствовала присутствіе милаго человѣка: не глядя на него, она знала, былъ ли онъ въ комнатѣ или нѣтъ; не слышавши, она слышала его голосъ и, какъ сомнамбула, кажется, чувствовала каждое его движеніе. По пріѣздѣ домой, мысли ея стали мало-по-малу приходить въ порядокъ. Она вспомнила о назначенномъ свиданіи и рѣшилась не ходить на него, рѣшилась никуда не выѣзжать, чтобъ только не встрѣтиться съ Эльчаниновымъ: видѣться съ этимъ человѣкомъ, — чего она такъ давно, такъ страстно желала, — видѣться съ нимъ теперь ей было страшно! Она боялась за самоё себя, боялась, что не въ состояніи будетъ скрыть своей тайной любви. Но—Боже мой!—ей хотѣлось еще разъ видѣть его, посмотрѣть, не измѣнился ли онъ, ей хотѣлось разсказать ему о своемъ положеніи, попросить у него совѣта. Неужели она должна была отказать себѣ и въ этомъ? Нѣтъ, это выше ея силъ.—«Я пойду, я буду говорить съ нимъ только о Вѣрѣ... онъ, вѣрно, любитъ еще Вѣру; ему пріятно будетъ говорить со мною объ ней, онъ помнитъ еще и меня... Онъ непохожъ на другихъ людей... Я пойду!..»

V.

Село Каменка графа Сапѣги, сдѣлавшееся въ настоящее время главнѣйшимъ пунктомъ вниманія окружныхъ дворянъ, превосходило всѣ прочія усадьбы красивымъ мѣстоположеніемъ

и богатствомъ строеній. Огромный каменный домъ стоялъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ. По крутому скату горы, которая начинала склоняться отъ передняго его фаса, разбитъ былъ въ видѣ четыреугольника англійскій садъ, съ своими подстриженными деревьями и песчаными дорожками. Весь садъ былъ обхваченъ чугунною рѣшеткою. Прочія усадебныя строенія и службы были тоже каменныя. Село это съ незапамятныхъ временъ находилось во владѣніи Сапѣгъ. Несмотря на то, что владѣльцы никогда не жили въ немъ, оно постоянно поддерживалось и улучшалось, что̀ было, я думаю, не столько по желанію самихъ графовъ, сколько дѣломъ нѣмцевъ-управителей, присылаемыхъ изъ Петербурга. Настоящій владѣлецъ, графъ Юрій Петровичъ Сапѣга всего раза три въ жизнь свою пріѣзжалъ въ Каменку и проживалъ въ ней обыкновенно лѣто.

Часовъ въ шесть пополудни, это было въ пятницу, графъ, принявши отъ всѣхъ сосѣдей визиты, самъ никуда еще не выѣзжалъ, — и теперь, отобѣдавши, полулежалъ на широкомъ канапе въ своемъ кабинетѣ.

Въ углу, около курильницы, на маленькомъ табуретѣ, въ почтительномъ положеніи сидѣлъ Иванъ Александрычъ. Сапѣга, какъ видно, былъ въ самомъ пріятномъ, послѣобѣденномъ расположеніи духа. Это былъ лѣтъ шестидесяти мужчина, съ нѣсколько измятымъ лицомъ, впрочемъ, съ орлинымъ носомъ и со вздернутымъ кверху подбородкомъ, съ прямыми, рѣдкими и посѣдѣвшими волосами; руки его были хороши, но женоподобны; движенія медленны, хотя въ то же время сѣрые, проницательные глаза, покрывавшіеся свѣтлой влагой, показывали, что страсти еще не совершенно оставили графа, и что онъ не былъ совсѣмъ старикъ.

— Что̀, Иванъ, всѣ ужъ у меня перебывали здѣшніе помѣщики? — спросилъ Сапѣга, даже не взглянувъ на того, къ кому относились эти слова.

— Всѣ, ваше сіятельство, рѣшительно всѣ, — отвѣчалъ, вытянувшись, Иванъ Александрычъ: — или нѣтъ... позвольте, не всѣ... Задоръ-Мановскій не былъ.

— Задоръ-Мановскій? Кто же это Задоръ-Мановскій и почему онъ не былъ?

— Я полагаю, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ протяжно, придумывая средство оправдать Мановскаго, котораго въ эту минуту считалъ уже погибшимъ. — Я полагаю, что у него или жена умираетъ, или самъ онъ при смерти боленъ.

— Жена умираетъ!—повторилъ графъ: — а онъ женатъ?

— Женатъ, ваше сіятельство.

— На хорошенькой?

— Нѣтъ-съ: не очень счастливъ партіей.

— А на комъ онъ женатъ? — спросилъ графъ.

— На... на... дай Богъ памяти, она не здѣшняя, на... на... на нѣмкѣ какой-то, на Кронштейнъ.

— На дочери генерала Кронштейна? — спросилъ стремительно графъ.

— Именно, ваше сіятельство, должно-быть, что генерала Кронштейна.

— Анета Кронштейнъ! — говорилъ графъ, какъ бы припоминая. Глаза его заблистали. — Помню, — продолжалъ онъ:— стройная блондинка, хорошенькая, даже очень хорошенькая. А что, Иванъ, нравится тебѣ она?

— Кто, ваше сіятельство?

— Ну, жена этого Забора, что ли?

— Задоръ-Мановскаго? Худа очень, ваше сіятельство.

— Да ты знатокъ, Иванъ, въ женской красотѣ? — спросилъ графъ.

— Ха-ха-ха, ваше сіятельство! Какъ вамъ сказать, конечно-съ, большихъ красавицъ не случалось видать.

— А развѣ ты не видалъ Анеты Кронштейнъ?

— То-есть Задоръ-Мановской-съ, ваше сіятельство? Какъ же-съ, сколько разъ обѣдывалъ, ночевалъ у нихъ.

— Какъ же ты говоришь, что не видалъ красавицъ? Вотъ тебѣ красавица!

— Красавица, ваше сіятельство? — спросилъ удивленный Иванъ Александрычъ.

— Трудное, братъ, дѣло понимать женскую красоту; ни ты, да и многіе не понимаютъ ея.

— Конечно, ваше сіятельство, мы люди необразованные.

— Тутъ не образованіе, мой милый, а собственное, внутреннее чутье,— возразилъ графъ. — Видалъ ли ты, — продолжалъ онъ, прищуриваясь:—этихъ женщинъ съ тонкою нѣжною кожею, подернутою легкимъ розовымъ отливомъ, и у которыхъ до того доведена округлость частей, что каждый членъ почти незамѣтно переходитъ въ другой?

Иванъ Александрычъ слушалъ, покраснѣвъ и потупившись.

— А замѣчалъ ли ты,—продолжалъ Сапѣга, одушевляясь:— у нихъ эти маленькія уши, сквозь которыя какъ будто бы просвѣчиваетъ, или эти длинные и какъ бы безъ костей пальцы? — Сапѣга остановился.

Иванъ Александрычъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать.

— Или эта эластичность тѣла, — продолжалъ графъ, какъ

бы болѣе самъ съ собою. — Это не опухлость и не надутость жира; напротивъ: это полнота мускуловъ! И наконецъ это вліяніе свѣжей, благоухающей женской теплоты? Что, Иванъ, темна вода во облацѣхъ?—заключилъ Сапѣга, обратившись къ Ивану Александрычу.

— Вы, ваше сіятельство, такъ говорите, что... — началъ было тотъ.

— Что — что?

— Ничего, ваше сіятельство, я говорю, что вы ужъ очень хорошо говорите.

— Словами не передашь всѣхъ тонкостей! — произнесъ графъ, вздохнувъ, и замолчалъ.

— Вотъ, если осмѣлюсь доложить, — началъ Иванъ Александрычъ, ободренный вниманіемъ дяди: — здѣсь есть еще красавица.

— Красавица?

— Да, ваше сіятельство, прелесть женщина, только ухъ какая!

— Какая же?

— Кокетка, ваше сіятельство, ужасная.

— Дѣвушка?

— Вдова, ваше сіятельство.

— Вдова?—произнесъ графъ:—чѣмъ же она красавица?

— Да ужъ этакъ, женщина высокая, бѣлая-съ, — началъ Иванъ Александрычъ:—глаза каріе... нѣтъ, позвольте... голубые, зубы тоже бѣлые.

— Купчиха!.. Мерзость какая-нибудь, должно-быть! Разскажи лучше, нѣтъ ли другихъ?—перебилъ Сапѣга.

— Другихъ, ваше сіятельство, лучше этой нѣтъ.

— Дрянь же, братъ, видно, у васъ женщины.

— Извѣстное дѣло, ваше сіятельство, не въ Петербургѣ!

— Нынче и въ Петербургѣ ничего нѣтъ порядочнаго,— возразилъ графъ:—или толстая, или больная.

— Послѣднія, видно, времена приходятъ, ваше сіятельство. Народъ ужъ замѣтно очень мельчаетъ.

— Послушай, Иванъ, — перебилъ Сапѣга: — отчего это у меня не былъ этотъ Мановскій?

— Боленъ, должно-быть, ваше сіятельство.

— Кто онъ такой?

— Помѣщикъ-съ.

— Какъ бы заставить его пріѣхать ко мнѣ?

— Заставить, ваше сіятельство? Заставить-то трудно: очень упрямъ...

— Упрямъ? — сказалъ графъ, подумавъ: — стало-быть, онъ

не былъ у меня не потому, что боленъ, а потому, что не хочетъ.

Иванъ Александрычъ, пойманный во лжи, поблѣднѣлъ.

— Богатъ онъ?—перебилъ графъ.

— Богатъ, ваше сіятельство, триста душъ да денегъ куча! Врядъ ли не будетъ на слѣдующую баллотировку губернскимъ.

— Чинъ его?

— Полковникъ-съ.

— Завтра я поѣду къ нему,—сказалъ графъ, вставая.

— Къ Задоръ-Мановскому, ваше сіятельство? — спросилъ Иванъ Александрычъ, какъ бы не вѣря ушамъ своимъ.

— Да,—отвѣчалъ отрывисто графъ:—ты теперь ступай въ ихъ усадьбу и какъ можно аккуратнѣе узнай: будутъ ли дома мужъ и жена? Теперь прощай, я спать хочу!

Графъ легъ на диванъ и повернулся къ стѣнѣ, Иванъ Александрычъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

— Иванъ!—крикнулъ графъ.

Племянникъ снова появился въ дверяхъ.

— Вели къ 8-ми часамъ приготовить мнѣ карету: я ѣду къ предводителю, а самъ сегодня же исполни, что я говорилъ.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ и вышелъ.

— Приготовить карету его сіятельству къ 8-ми часамъ, — сказалъ онъ, проходя важно по офиціантской.

Нѣсколько слугъ посмотрѣли ему вслѣдъ съ усмѣшкою.

— Вишь какой командиръ!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Видно, графъ далъ синенькую на бѣдность, такъ и куражится, чучело гороховое!—подхватилъ другой.

VI.

Въ ту самую минуту, какъ Иванъ Александрычъ вышелъ съ порученіемъ отъ графа, по небольшой тропинкѣ, идущей съ большой дороги къ казенной Лапинской рощѣ, верхомъ на сѣрой заводской лошади пробирался Эльчаниновъ, завернувшись въ широкій черный плащъ. Онъ ѣхалъ на тайное свиданіе съ Анной Павловной. Лошадь шла шагомъ. Герой мой придумывалъ, какъ начать ему объясненіе въ любви: сказать ли, что прежде любилъ ее, признаться ли ей, что Вѣра была однимъ предлогомъ для того только, чтобы сблизиться съ нею?.. Но она знала, что онъ Вѣру любилъ, еще не видавши ея. Гораздо лучше сказать, что теперь она осталась одна для него въ цѣломъ мірѣ, что онъ только ее одну можетъ любить; а что она къ нему неравнодушна, въ этомъ нѣтъ

сомнѣнья: онъ замѣтилъ это еще въ Москвѣ, и къ чему бы въ самомъ дѣлѣ назначать свиданье; она теперь дама и, какъ видно, не любитъ мужа и несчастлива съ нимъ, а въ этомъ положеніи женщины очень склонны къ любви. Ему только надобно быть рѣшительнымъ. Съ такими мыслями подъѣхалъ онъ къ рощѣ, привязалъ лошадь къ дереву и пошелъ пѣшкомъ въ ту сторону, которая прилегала къ могилковскому полю.

Глубокое молчаніе царствовало въ лѣсу, только шумъ его шаговъ да по временамъ взмахъ поднявшагося изъ-подъ куста тетерева нарушалъ тишину. Огромныя сосны, поросшія мохомъ, часто заслоняли ему дорогу своими длинными вѣтвями, такъ что онъ долженъ былъ или нагибаться, или отводить руками упругіе сучья. Съ приближеніемъ въ середину, лѣсъ становился чаще и темнѣе. Подъ ногами у него хрустѣли безпрестанно сухіе сучья, которые покрывали землю цѣлымъ пластомъ. Кромѣ того, ему часто приходилось перелѣзать черезъ толстыя колоды упавшихъ сухихъ деревъ. Преодолѣніе этихъ небольшихъ препятствій нѣсколько отвлекало моего героя отъ главнаго предмета его мыслей; вмѣстѣ съ физическимъ утомленіемъ уменьшалась въ немъ и рѣшительность. Мысли его приняли печальное и нѣсколько боязливое направленіе: «что, если мы разойдемся»,—подумалъ онъ и посмотрѣлъ вдаль. Передъ нимъ разстилалось широкое, желтѣющее поле, вдали были видны Могилки. «Такъ здѣсь-то живетъ она,—подумалъ онъ, глядя на высокій домъ, выходящій верхнимъ этажомъ изъ-за стѣнной ограды, которою обнесена была усадьба.—Гдѣ-то ея комната, у котораго сидитъ она окна? И гдѣ теперь она?» Небольшой шумъ листьевъ перервалъ его размышленія. Онъ обернулся назадъ: передъ нимъ стояла Анна Павловна, въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. Эльчаниновъ, ни слова не говоря, бросился къ ней и началъ цѣловать ея руку.

— Сядемте,—проговорила Анна Павловна, указывая на сухое дерево. Голосъ ея дрожалъ. Видно было, что она дѣлала надъ собой усиліе.—Я хочу съ вами поговорить,—продолжала она:—спросить васъ, не измѣнились ли вы? Любите ли вы еще бѣдную Вѣру?

Этого вопроса Эльчаниновъ никакъ не ожидалъ.

— Я... Вѣру?..—пробормоталъ онъ и далѣе ничего не могъ придумать.

Анна Павловна, съ своей стороны, тоже, казалось, не знала, о чемъ ей говорить и что начать.

— Вы ее еще любите, вы не забыли ее?—начала наконецъ она:—вы не забыли и меня?

— Нѣтъ, я не забылъ васъ, я не могъ васъ забыть,—подхватилъ Эльчаниновъ и схватилъ себя за голову.

Молодые люди замолчали на нѣкоторое время.

— Но, Боже мой, какъ вы перемѣнились!—произнесъ онъ, всплеснувъ руками и всматриваясь въ лицо Анны Павловны:—вы или больны, или несчастливы!

— Я несчастлива!—отвѣчала она.

— Мужемъ? Такъ?..

— Да. Онъ не любитъ и не уважаетъ меня. Я безпрестанно должна выслушивать упреки, что я бѣдная, что его обманомъ женили на мнѣ.

Эльчаниновъ сдѣлалъ движеніе.

— Онъ не позволяетъ мнѣ,—продолжала Анна Павловна:—читать, запретилъ мнѣ музыку. При всемъ моемъ стараніи угодить ему, онъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ. Онъ бранитъ меня.

Эльчаниновъ всталъ и началъ ходить.

— Я способенъ убить этого человѣка! Онъ съ перваго раза показался мнѣ ненавистенъ,—вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ и въ эту минуту дѣйствительно забылъ свою любовь, забылъ самого себя.

Онъ видѣлъ только несчастную жертву, которую надобно было спасти.

— Нѣтъ, добрый другъ,—возразила Анна Павловна:—убить его нельзя, но вы посовѣтуйте, что я должна дѣлать... Я думала ѣхать къ батюшкѣ, но это его ужасно огорчитъ; я думала бѣжать, скрыться гдѣ-нибудь въ монастырѣ..

— Но отчего вамъ не разойтись просто съ нимъ?—спросилъ Эльчаниновъ, нѣсколько пришедши въ себя:—отчего вамъ не жить врозь?

— Мнѣ нечѣмъ жить: я бѣдна!

— Но вашъ батюшка?

— Батюшка мнѣ не далъ ничего, потому что все наше имѣніе конфисковано.

— Вы не должны жить съ мужемъ,—началъ Эльчаниновъ рѣшительнымъ тономъ.— Уѣзжайте отъ него на этихъ же дняхъ, сегодня, завтра, если хотите... У меня есть небольшое состояніе, и съ этой минуты оно принадлежитъ вамъ.

Слезы показались на глазахъ Анны Павловны. Она вся вспыхнула.

— Вы меня очень любите?—невольно проговорилась она, протягивая ему руку.

Эльчаниновъ на этотъ вопросъ могъ или не отвѣчать, или открыться во всемъ.

— Вы удостоиваете меня вашей дружбой,—началъ онъ не безъ волненія:—вы почтили меня довѣріемъ; возьмите все это назадъ: я не стою того.

Мановская робко взглянула на него.

— Я не могу быть вашимъ другомъ, я васъ люблю, — произнесъ Эльчаниновъ.

Силы совершенно оставили бѣдную женщину. Она не могла долѣе притворяться, не могла долѣе выдерживать заученной роли и зарыдала. Потомъ, какъ бы обезпамятѣвъ, пристально взглянула на Эльчанинова и схватила его за руку.

— Правду ли вы говорите, не обманываете ли вы меня? Поклянитесь мнѣ въ томъ, что вы сказали.

— Клянусь Богомъ!—вскричалъ Эльчаниновъ.

— Хорошо,—продолжала Мановская:—любите меня!.. Я сама васъ давно люблю! Но теперь прощайте: отпустите меня, я не могу дольше оставаться.

Эльчаниновъ обезумѣлъ отъ восторга.

— Человѣкъ ты или ангелъ! — вскричалъ онъ, обхвативъ за талію Анну Павловну и цѣлуя ее въ лицо. — Я тебя не пущу, ты моя, хоть бы цѣлый міръ тебя отнималъ у меня.

— Пустите меня! Я слаба, пощадите меня!

— Но когда я увижу тебя еще? Я съ ума сойду, если это будетъ долго!

— Хорошо, я буду здѣсь.

— Но когда же?

— Въ воскресенье.

Раздавшійся въ это время невдалекѣ голосъ заставилъ ихъ оглянуться. Къ нимъ подходилъ Иванъ Александрычъ. Эльчаниновъ, какъ можно было судить по его движенію, хотѣлъ бѣжать, но ужъ было поздно.

— Наконецъ-то я васъ нашелъ, Анна Павловна, — началъ Иванъ Александрычъ: — бѣгалъ - бѣгалъ, обѣгалъ все поле, — дѣло очень важное. Пріѣзжаю, спрашиваю: дома господа? Одна, говорятъ, только барыня, да и та въ полѣ. — Въ какомъ? — Въ оржаномъ. — Валяй въ оржаное. Наше вамъ почтеніе, Валерьянъ Александрычъ! Вы какъ здѣсь?

— Такъ же, какъ и вы,—отвѣчалъ Эльчаниновъ:—пріѣхалъ—говорятъ, Анна Павловна въ полѣ, я и пошелъ въ поле.

— Вотъ какъ-съ, а я вѣдь думалъ, что вы незнакомы съ Михайлой Егорычемъ. Матушка Анна Павловна, первѣй всего: я вѣдь къ вамъ съ важнымъ порученіемъ. Гдѣ супругъ-то?

— Онъ уѣхалъ въ городъ,—отвѣчала Анна Павловна, едва приходя въ себя.

— Пошлите за нимъ Бога ради нарочнаго. Завтра вамъ

надобно быть дома обоимъ. Его сіятельство пріѣдетъ къ вамъ. Онъ говоритъ, что знаетъ васъ, и ужасно какъ хвалитъ.

— Мы будемъ дома,—отвѣчала Анна Павловна.—Пойдемте! Доведите меня, Иванъ Александрычъ.

— А мнѣ позвольте проститься,— сказалъ Эльчаниновъ:— я пройду прямо.

— Прощайте.

Эльчаниновъ ушелъ въ лѣсъ; Иванъ Александрычъ подалъ руку Аннѣ Павловнѣ, и они пошли.

— Отчего это Валерьянъ Александрычъ не пошелъ въ усадьбу? — спросилъ будто съ простодушнымъ любопытствомъ Иванъ Александрычъ.

— Вѣрно, не хочетъ.

— А отчего жъ онъ не хочетъ?

— Онъ незнакомъ съ мужемъ; я его прежде знала.

— Прекрасный онъ молодой человѣкъ, умный, образованный,—замѣтилъ Иванъ Александрычъ.

Анна Павловна ничего не отвѣчала, и они молча вошли въ усадьбу.

Стало уже смеркаться, когда Иванъ Александрычъ выѣхалъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ изъ Могилокъ.

— Какова соколена! — началъ онъ разсуждать вслухъ: — тихая вѣдь, кажется, такая; поди ты, узнай бабу. А молодецъ-то... ловкій малый! Разсказывать или нѣтъ? Подожду пока! Кажется, его сіятельство тутъ того... Слабый старикъ по этой части.

На этихъ словахъ онъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за воротникъ шинели. Иванъ Александрычъ обернулся. Это былъ верхомъ Эльчаниновъ.

— Ба! Вы все еще ѣдете, — сказалъ онъ: — не тяните, пожалуйста, шинели; сукно тонкое, какъ разъ лопнетъ.

— Остановите вашу лошадь, мнѣ нужно съ вами поговорить,—сказалъ мрачно Эльчаниновъ.

Иванъ Александрычъ повиновался.

— Вы никому не должны говорить, что сегодня видѣли меня въ Могилкахъ, — продолжалъ Эльчаниновъ, колотя рукой по сѣдлу:—въ противномъ случаѣ я васъ убью.

— Да мнѣ-то что за дѣло? — возразилъ Иванъ Александрычъ.—Самъ бывалъ въ такихъ передѣлкахъ.

— Нѣтъ, вы должны поклясться.

— Ей-Богу, не скажу! Я не изъ такихъ: не люблю изъ избы выносить сору.

— Хорошо, помните же!—проговорилъ Эльчаниновъ и, поворотивши свою лошадь, поскакалъ въ галопъ.

«Вотъ оно, какую передрягу надѣлалъ, — думалъ Иванъ Александрычъ:—дѣлать нечего, побожился. Охъ-хо-хо! Самъ, бывало, въ полку жиду въ ноги кланялся, чтобы не сказывалъ! Подсмотрѣлъ, проклятый Іуда, какъ на чердакѣ цѣловался. Заѣхать было бы надо къ Уситковымъ, очень просили сказать, если графъ къ кому-нибудь поѣдетъ!» — заключилъ онъ и поѣхалъ рысцой.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Анна Павловна, совсѣмъ забывшая объ извѣстіи, сообщенномъ Иваномъ Александрычемъ, сидѣла въ гостиной. Она какъ будто бы была повеселѣе, какъ будто бы все измѣнилось въ ея глазахъ. Эта мрачная и темная гостиная не казалась ей такъ скучна и печальна; ей думалось, что легче наконецъ будетъ жить на свѣтѣ, потому что теперь у ней есть человѣкъ, который поучаствуетъ въ ней, который раздѣлитъ съ ней ея горе. Мужъ, общество, да что̀ ей за дѣло до нихъ? У нея есть другъ, который замѣнитъ ей все, защититъ ее отъ всѣхъ. Онъ самъ говорилъ это: развѣ не доказалъ онъ своего самоотверженія, когда предложилъ ей свое состояніе для того только, чтобы облегчить ея участь.

Пріѣздъ мужа прервалъ эти мысли. Михайла Егорычъ вошелъ въ гостиную и сухо поздоровался съ женой.

— Здоровы ли вы? — спросилъ онъ.

— Здорова.

— Велите дать мнѣ ѣсть.

Анна Павловна вышла. Мановскій осторожно вынулъ какія-то бумаги изъ кармана и заперъ въ стоявшую подъ диваномъ желѣзную шкатулку.

Въ это время на дворѣ раздался шумъ подъѣхавшаго экипажа. Мановскій взглянулъ въ окно: къ крыльцу подъѣзжала запряженная четверней карета.

— Кто это такой? — сказалъ Мановскій, не узнавая гостя по экипажу, и вышелъ на половину залы.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ графъ. Мановскій не двигаясь съ мѣста, глядѣлъ въ глаза новоприбывшему.

— Честь имѣю рекомендоваться: я графъ Сапѣта,—началъ тотъ, подходя къ хозяину:—сосѣдъ вашъ, и пріѣхалъ, чтобы начать знакомство съ вами, которое тѣмъ болѣе интересно для меня, что супруга ваша уже знакома мнѣ. Она дочь моего пріятеля.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство, за сдѣлан-

ную мнѣ честь,—вѣжливо отвѣчалъ Маиовскій:—и прошу извиненія, что первый не представился вамъ, но это единственно потому, что меня не было дома: я только-что сейчасъ вернулся. Прошу пожаловать,—продолжалъ онъ, показывая графу съ почтеніемъ на дверь въ гостиную.—Жена сейчасъ выйдетъ: ей очень пріятно будетъ встрѣтить стараго знакомаго. Просите Анну Павловну, — прибавилъ онъ стоявшему у дверей лакею.

Гость и хозяинъ вошли въ гостиную. Мановскій, очень хорошо знавшій, что графъ ни къ кому еще въ губерніи первый не пріѣзжалъ, съ первыхъ же словъ понялъ, что тотъ пріѣхалъ не для него, а для жены. О сердечныхъ слабостяхъ графа давно уже ходили слухи въ Боярщинѣ. Ревность и оскорбленное самолюбіе забушевали въ душѣ Мановскаго. Впрочемъ, очень хорошо убѣжденный, что Анна Павловна, полюбя другого, могла измѣнить ему, онъ въ то же время зналъ, что никогда ничего не добьется отъ нея Сапѣга, и потому рѣшился всѣми средствами способствовать намѣреніямъ графа, а потомъ одурачить его, насколько только возможно. Извинившись еще разъ, что не представился первый, онъ вышелъ изъ гостиной, какъ бы по хозяйственнымъ распоряженіямъ, и прошелъ въ комнату жены.

— Графъ Сапѣга пріѣхалъ, другъ вашего отца, будьте съ нимъ полюбезнѣе, онъ человѣкъ богатый, — сказалъ онъ Аннѣ Павловоѣ.

Та пошла. Пріѣздъ графа ее нѣсколько обрадовалъ. Она помнила, что отецъ часто говорилъ о добромъ графѣ, котораго онъ пользовался нѣкоторой дружбой и который даже самъ бывалъ у нихъ въ домѣ.

— Здравствуйте, Анна Павловна,—сказалъ Сапѣга, вставая и подходя къ ея рукѣ.—Помните ли вы меня?

— Помню, графъ, — отвѣчала Анна Павловна:—мнѣ нельзя забыть васъ. Васъ такъ любитъ мой батюшка.

Графъ и хозяйка усѣлись на диванъ.

— Я такъ былъ удивленъ и обрадованъ, — началъ Сапѣга: — что вы здѣсь въ нашемъ сосѣдствѣ, что сейчасъ же поспѣшилъ пріѣхать, чтобы только скорѣе увидѣть мою милую и добрую знакомую, надѣясь, что она лично сама заплатитъ мнѣ визитъ.

Анна Павловна отвѣчала ему улыбкой.

Между ними завязался обычный при встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ разговоръ. Графъ разспрашивалъ ее объ отцѣ, давно ли она вышла замужъ, давно ли переселилась въ эти мѣста?

— Какъ вы худы и болѣзненны, Анна Павловна, — ска-

залъ наконецъ онъ, всматриваясь ей въ лицо. — Не скучаете ли вы въ деревнѣ? Имѣете ли вы книги? Есть ли наконецъ у васъ рояль? Я помню, вы премило играли, и покойная ваша матушка подозрѣвала въ васъ рѣшительно музыкальныя дарованія, — это я очень хорошо помню.

— Рояля у меня нѣтъ еще покуда, — отвѣчала Анна Павловна, сконфузившись.

— Какъ это не грѣхъ, какъ это не стыдно! Что жъ смотритъ вашъ супругъ?

Въ это время вошелъ Мановскій.

— Вы мало заботитесь, Михайла Егорычъ, объ удовольствіи вашей супруги, — продолжалъ графъ, обращаясь къ нему. — Отчего вы не выпишете для нихъ рояля?

— Всего вдругъ нельзя, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Мановскій: — и то вотъ, какъ видите, живемъ въ пустыхъ стѣнахъ и съ необитой почти мебелью.

— Слишкомъ ничтожное оправданіе, — возразилъ Сапѣга: — мы съ вами, Анна Павловна, сдѣлаемъ вотъ какой заговоръ противъ вашего мужа: у меня въ домѣ есть довольно порядочный рояль, ѣздите ко мнѣ, старику, какъ можно чаще, занимайтесь музыкою, а мужа оставляйте дома. Соскучится объ васъ да и купитъ вамъ рояль. Согласны?

— Благодарю васъ, графъ, — отвѣчала Анна Павловна.

— Она и безъ того должна за честь, которую вы ей сдѣлали, быть у вашего сіятельства,—сказалъ Мановскій: — и такъ какъ я нисколько не принимаю ваше посѣщеніе на свой счетъ, то она должна ѣхать одна, а я ужъ буду имѣть честь представиться послѣ.

— Благодарю, — сказалъ графъ, протягивая Мановскому руку. — Вы очень оригинально хотите отмстить мнѣ за любовь къ вашей супругѣ.

— Она сама вамъ отмстить за эту любовь, — отвѣчалъ съ усмѣшкою Мановскій.

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что наскучитъ вамъ.

— Анна Павловна не наскучитъ мнѣ! — сказалъ графъ сладкимъ голосомъ, цѣлуя руку хозяйки.

Въ залѣ раздался шумъ: это были новые гости. Въ каждый пріѣздъ графа между помѣщиками Боярщины заводился странный обычай. Они пріѣзжали обыкновенно вслѣдъ за нимъ во всѣ дома, которымъ онъ дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ, частью для того, чтобы болѣе и болѣе сближаться съ знатнымъ туземцемъ, а частью и для наслажденія его бесѣдою. Новоприбывшіе были: толстый Уситковъ съ женою, той самой барынею въ

блондовомъ чепцѣ, которую мы видѣли у предводителя и которая приняла теперь намѣреніе всюду преслѣдовать графа въ видахъ помѣщенія своего седьмого сынишки въ корпусъ. Ихъ сопровождала молодая чета Симановскихъ, недавно женившаяся по страсти. Мужъ былъ высокій и необыкновенно худой отставной уланскій корнетъ; m-me Симановская, несмотря на молодость лѣтъ, уже замѣчательно обнаруживающая въ себѣ практическія способности, въ силу которыхъ тоже рѣшившаяся искать въ графѣ, для опредѣленія мужа въ какую-нибудь доходную службу, безъ которой онъ будто бы ужасно скучаетъ. При входѣ мужчины отдали почтительный поклонъ Сапѣгѣ, а дамы, присѣвши ему, помѣстились на диванъ съ хозяйкой.

Всѣмъ имъ графъ слегка кивнулъ головой, и на лицѣ его замѣтно отразилось неудовольствіе: ему было досадно, что Анна Павловна, кромѣ него, должна будетъ заниматься съ прочими гостями.

Мановскій, все это, кажется, замѣтившій, сейчасъ же подошелъ съ разговоромъ къ дамамъ, а мужчины, не осмѣливаясь говорить съ графомъ, разсѣлись по уголкамъ. Такимъ образомъ Сапѣга опять заговорилъ съ Анною Павловною. Онъ разсказывалъ ей о Петербургѣ, припоминалъ съ нею старыхъ знакомыхъ, описывалъ успѣхи въ свѣтѣ ея сверстницъ. Такъ время прошло до обѣда. За столомъ графъ помѣстился возлѣ хозяйки. Мановскій продолжалъ занимать прочихъ гостей.

— Анна Павловна, вѣрно, прежде была знакома съ графомъ? Она, говорятъ, ему крестница?—спросила его Уситкова.

— Крестница,—отвѣчалъ Мановскій.

— Михайла Егорычъ, — сказалъ графъ, обращаясь къ хозяину: — когда же вы доставите мнѣ удовольствіе видѣть васъ и Анну Павловну у себя въ домѣ?

— Я сегодня ночью долженъ буду ѣхать въ городъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Мановскій. — Что касается до жены, то она, я полагаю, завтра же должна отплатить вамъ визитъ, чтобы тѣмъ хоть нѣсколько извинить невольную мою противъ васъ невѣжливость.

— Браво! — вскричалъ графъ: — а вы что скажете, Анна Павловна?

Мановская поблѣднѣла. Она очень хорошо знала, что слово *полагаю* на языкѣ ея мужа значитъ — она пріѣдетъ. Но завтра былъ день, назначенный ею для свиданія съ Эльчаниновымъ.

— Позвольте мнѣ, графъ, пріѣхать къ вамъ въ понедѣльникъ, — сказала она: — я чувствую себя не такъ здоровою.

— Зачѣмъ же откладывать? — возразилъ Мановскій, не лю-

бившій исполнять ни малѣйшаго желанія жены.—Приличіе заставляетъ, кажется, поторопиться.

— Но, можетъ-быть, Анна Павловна дѣйствительно дурно себя чувствуетъ, — сказалъ графъ отеческимъ голосомъ, въ душѣ радовавшійся поспѣшности мужа.

— Она постоянно не такъ здорова, — отвѣчалъ Мановскій.

Тоска сдавила сердце Анны Павловны. Что ей было дѣлать, на что рѣшиться! Сначала она думала притвориться больной, но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ выйти въ поле, тѣмъ болѣе, если мужъ не уѣдетъ. Эльчаниновъ будетъ ее дожидаться, онъ подумаетъ, что она не хотѣла сдержать обѣщанія. Когда она опять съ нимъ увидится, и какъ ему дать знать? Оставалось одно средство: итти и оставить на мѣстѣ записку, въ которой увѣдомить Эльчанинова о случившемся и назначить ему прійти туда въ понедѣльникъ. На этомъ намѣреніи она нѣсколько успокоилась и снова начала говорить съ графомъ.

Обѣдъ кончился. Графъ не отходилъ отъ хозяйки и не давалъ ей рѣшительно заниматься съ дамами.

— О чемъ это говоритъ графъ съ Анной Павловной? — шепнула, обращаясь къ мужу, Уситкова, немного тупая на ухо.

— Не знаю, — отвѣчалъ тотъ.

— Николай Николаичъ, Николай Николаичъ,—отнеслась Уситкова къ Симановскому, смотрѣвшемуся въ зеркало.

Симановскій подошелъ.

— Вы отсюда къ намъ?

— Жена къ вамъ проѣдетъ, а мнѣ надобно въ Новинское на панихиду.

— Къ кому, батюшка? — произнесла съ испугомъ Уситкова.

— Бахуловъ померъ.

— Опекунъ Клеопатры Николаевны? Скажите! Царство небесное! Истинно добрый былъ человѣкъ. Что-то теперь Клеопатра Николаевна? Какъ она была имъ довольна! Кого-то ей теперь назначатъ, потому что, надобно сказать, она порядочно поразстроила дочкино состояніе: для нея это очень важно, кого ей назначатъ.

— Да врядъ ли не здѣшняго.

— Кого? Михайлу Егорыча?

Симановскій подтвердительно кивнулъ головой.

— Посмотрите, посмотрите, — продолжала Уситкова, показывая глазами на графа, который цѣловалъ руку у Анны Павловны.

— Да-съ, — отвѣчалъ Симановскій и взглянулъ на жену,

которая сидѣла въ замѣтно щекотливомъ положеніи около Анны Павловны.

Вскорѣ послѣ чаю графъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ поднялись и прочіе гости, глубоко обиженные невниманіемъ Сапѣги и предпочтеніемъ, которое оказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

— Завтра, часу въ двѣнадцатомъ, вы поѣдете къ графу, — сказалъ Мановскій, оставшись одинъ съ женой: — а я послѣ.

— Хорошо, — отвѣчала та: — а я теперь, Михайла Егорычъ, пойду гулять, — прибавила она съ невольною боязнью.

— Ступайте, — отвѣчалъ Мановскій.

Анна Павловна почти вбѣжала въ свою комнату и написала къ Эльчанинову записку: «Простите меня, что я не могла исполнить обѣщанія. Мой мужъ посылаетъ меня къ графу Сапѣгѣ, который былъ сегодня у насъ. Вы знаете, могу ли я ему не повиноваться? Не огорчайтесь, добрый другъ, этой неудачей: мы будемъ съ вами видѣться часто, очень часто. Приходите въ понедѣльникъ на это мѣсто, я буду непремѣнно. Одна только смерть можетъ остановить меня. До свиданья».

Спрятавши эту записку за перчатку, она вышла и черезъ нѣсколько минутъ была на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтилась съ Эльчаниновымъ. Записка была положена въ трещину дерева такимъ образомъ, что часть ея была видна.

Воротившись домой, она не видала ужъ мужа. Онъ что-то писалъ въ гостиной.

VIII.

Въ воскресенье, часу въ третьемъ пополудни, Эльчаниновъ снова ѣхалъ на своей сѣрой лошади, погруженный въ тихую задумчивость. Онъ предвкушалъ, такъ сказать, наслажденія любви, которыя готовила для него эта женщина, предметъ его страстныхъ мечтаній. Подъѣхавши къ рощѣ, онъ уже не пошелъ на этотъ разъ пѣшкомъ, а объѣхалъ ее кругомъ и, остановясь невдалекѣ отъ назначеннаго мѣста, посмотрѣлъ вокругъ себя: попрежнему передъ нимъ разстилалось широкое поле, вдали были видны Могилки, которые на этотъ разъ показались ему еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Небо покрыто было сѣрыми тучами, которыя, какъ бы перегоняя одна другую, гигантскими массами плыли отъ сѣвера. Эльчаниновъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее, подошелъ къ сухому дереву, на которомъ сидѣлъ съ Анною Павловною. Еще разъ окинулъ онъ глазами окрестность и сѣлъ; при этомъ движеніи его, записка юркнула въ довольно глубокую трещину, и такимъ образомъ не сбылись надежды Анны Павловны — извѣстіе не дошло по

назначенію. Прошло полчаса, безпокойство и скука начали овладѣвать Эльчаниновымъ: напрасно смотрѣлъ онъ на Могилки, напрасно вставалъ на дерево, садился на лошадь верхомъ, даже вставалъ на сѣдло ногами, чтобъ такимъ образомъ окинуть взоромъ большее пространство, — никого не было видно. Безпокойство и скука все болѣе и болѣе возрастали. «Не больна ли она? — подумалъ онъ: — прошлый разъ она могла простудиться, захворать, и теперь, можетъ-быть, умираетъ». При этой мысли онъ рѣшился итти въ усадьбу: но если встрѣтится съ мужемъ? «Что же такое! — подумалъ Эльчаниновъ: — я могу сказать, что меня сшибла лошадь и убѣжала, могъ же я ѣхать невдалекѣ». Съ такимъ намѣреніемъ онъ выбрался на большую дорогу, слѣзъ съ лошади, оборвалъ поводья, свернулъ немного набокъ сѣдло и ударилъ ее нѣсколько разъ арапникомъ. Лошадь понеслась маршъ-маршемъ по дорогѣ. Эльчаниновъ, вымаравъ себѣ, для большаго вѣроятія, въ грязи лицо, платье и руки, отправился въ Могилки. Первая представилась ему толстая баба съ засученными рукавами, вѣшавшая на заборъ бѣлье.

— Эй, любезная, — сказалъ Эльчаниновъ, подходя къ ней:— нѣтъ ли у васъ кого-нибудь поймать мою лошадь?

Баба посмотрѣла на него съ любопытствомъ и съ удивленіемъ.

— Лошадь!.. А кое мѣсто ваша лошадь? — спросила она.

— Должно-быть, въ здѣшнемъ полѣ. Она меня сшибла и убѣжала.

— Ишь ты!.. А вы чьи такіе?

— Я изъ Коровина.

— Такъ, знаемъ. Баринъ, что ли?

— Баринъ, моя милая. Кто бы мнѣ лошадь поймалъ?

— Ой, батюшка, кого посылать-то, развѣ ребятишекъ... большихъ-то нѣтъ дома. Кучера съ барями уѣхали, а другіе на работѣ.

— Съ барями уѣхали? — спросилъ Эльчаниновъ. — А куда ваши баря уѣхали?

— А Богъ ихъ знаетъ, куда уѣхали. Неизвѣстно. Барыня, говорятъ, въ Каменки, а баринъ неизвѣстно.

— Куда въ Каменки?

— А вонъ въ село Каменки, къ енералу. Онъ вчерася-тко былъ здѣсь, такъ, слышь, барыня и поѣхала къ нему въ каретѣ, шестерикомъ, такая нарядная.

Эльчаниновъ ничего не могъ понять. Онъ догадался, впрочемъ, что Анна Павловна уѣхала къ графу Сапѣгѣ, о которомъ онъ слышалъ отъ многихъ. Но зачѣмъ уѣхала, и какъ

одна, и въ этотъ именно день, когда назначено было свиданіе? Ему сдѣлалось не на шутку грустно и досадно.

— Ребятишекъ послать, что ли, — спросила баба, видя, что Эльчаниновъ стоялъ, задумавшись.

— Пошли, любезная, — сказалъ онъ.

Баба взлѣзла на заборъ.

— Ванька... Ѳедька... подьте сюда!.. — закричала она. — Вотъ изъ Коровина барина лошадь сшибла, такъ пригоньте ее.

На этотъ зовъ за ворота выбѣжали три мальчишки въ пестрядинныхъ рубашкахъ, съ грязными руками и ногами. Они всѣ трое стали въ недоумѣніи: имъ нужно было снова растолковать, въ чемъ дѣло.

— Да кое мѣсто лошадь-то?—спросилъ старшій изъ нихъ:— поле-то велико.

— Да, поди, чай, у воротецъ къ Коровину,—отвѣчала догадливая баба.

— Такъ туда, что ли, бѣжать?

— Вѣстимо, что туда; а можетъ, что и въ болотѣ.

— Пойдемте,—сказалъ старшій, и всѣ въ прискочку пустились по дорогѣ.

Эльчаниновъ стоялъ въ раздумьѣ.

— Барыня-то есть у васъ?—спросила словоохотливая баба.

— Нѣтъ, я не женатъ,—отвѣчалъ Эльчаниновъ:—а что, у васъ хороша барыня?

— Хороша, добрая такая, только баринъ-то ее не больно любитъ; у него есть другая, еще и не одна, пожалуй; да и тѣмъ житье не больно хорошо: колотитъ часто.

Послышался конскій топотъ. Это были мальчишки, которые, усѣвшись всѣ трое на лошадь Эльчанинова, гнали ее во весь опоръ.

— Вотъ и пригнали,—проговорила баба.

— Спасибо, любезные, — сказалъ Эльчаниновъ, садясь на лошадь и одѣляя мальчишекъ по пятаку. — Вотъ и тебѣ, — прибавилъ онъ, давая гривенникъ женщинѣ.

Всѣ поклонились ему.

Эльчаниновъ скорой рысью поѣхалъ обратно; но, миновавъ могилковское поле, остановился. Слезы чуть не брызнули изъ его глазъ, такъ ему было тошно.

«Вотъ женщины, — подумалъ онъ: — вотъ любовь ихъ! Забыть обѣщаніе, забыть мою нетерпѣливую любовь, свою любовь, — забыть все и уѣхать въ гости! Но зачѣмъ она поѣхала къ графу и почему одна, безъ мужа? Можетъ-быть, у графа балъ? Конечно, балъ, а чѣмъ женщина не пожертвуетъ для бала? Но какъ бы узнать, что такое у графа сего-

дня? Заѣду къ предводителю: если балъ, онъ долженъ быть тамъ же».

Принявши такое намѣреніе, Эльчаниновъ пришпорилъ лошадь и поворотилъ на дорогу къ предводительской усадьбѣ. Черезъ полчаса ѣзды онъ въѣхалъ на красный дворъ и отдалъ свою лошадь попавшемуся навстрѣчу кучеру.

— Дома Алексѣй Михайлычъ?—спросилъ онъ.

— У себя-съ,—отвѣчалъ тотъ.

Эльчаниновъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, сбросилъ на полъ плащъ и вошелъ въ гостиную.

Предводитель сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ и съ величайшимъ стараніемъ сдиралъ съ персика кожицу, которыхъ нѣсколько десятковъ лежало въ серебряной корзинкѣ, стоявшей на кругломъ столѣ. Напротивъ него, на диванѣ, сидѣла Уситкова, попрежнему въ блондовомъ чепцѣ; толстый мужъ ея стоялъ нѣсколько сбоку и тоже ѣлъ персикъ; на одномъ изъ креселъ сидѣлъ исправникъ съ сигарою въ зубахъ, и наконецъ вдали отъ прочихъ помѣщался, въ довольно почтительномъ положеніи, на стулѣ, молодой человѣкъ, съ открытымъ, хотя нѣсколько грубоватымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ синемъ изъ толстаго сукна сюртукѣ; на ногахъ у него были огромные, прошивные, подбитые на подошвѣ гвоздями, сапоги, которые какъ-то странно было видѣть на паркетномъ полу.

Увидя входившаго Эльчанинова, предводитель нѣсколько привсталъ.

— Здравствуйте, Валерьянъ Александрычъ!—сказалъ онъ.— Но, Господи, что̀ съ вами, вы всѣ въ грязи?

Эльчаниновъ, начавшій уже раскланиваться, тутъ только вспомнилъ, что былъ весь испачканъ.

— Меня сейчасъ сшибла лошадь,—отвѣчалъ онъ.

— Скажите, пожалуйста! Ахъ, молодые, молодые люди! — произнесъ предводитель.—Долго ли до бѣды! Не ушиблись ли вы однако?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я только, какъ видите, перепачкался, да и про то забылъ,—отвѣчалъ Эльчаниновъ и вышелъ.

— Ну, матушка Татьяна Григорьевна, — продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Уситковой:—вы начали. кажется, что-то разсказывать?

— Странныя, просто странныя вещи, — начала та, пожимая плечами:—сидимъ мы третьяго-дня съ Карпомъ Ѳедорычемъ за ужиномъ, вдругъ является Иванъ Александрычъ: захлопотался, говоритъ, позвольте отдохнуть, сейчасъ ѣздилъ въ Могилки съ порученіемъ отъ графа.

На этихъ словахъ Эльчаниновъ вернулся и началъ вслушиваться.

— Что такое за порученіе?—продолжала Уситкова:—а порученье, говоритъ, сказать Михайлѣ Егорычу, чтобъ онъ завтрашній день былъ дома, потому что графъ хочетъ завтра къ нему пріѣхать.—«Какъ, говоритъ Карпъ Ѳедорычъ, да являлся ли самъ Михайла Егорычъ къ графу?»—«Нѣтъ, говоритъ, да ужъ его сіятельству по добротѣ его души такъ угодно, потому что Анна Павловна ему крестница». Ну, мы,—такъ я и Карпъ Ѳедорычъ подумали,—ну, можетъ-быть, и крестница.

— Конечно, что жъ тутъ удивительнаго?—сказалъ предводитель:—очень возможно, что и крестница.

— Ну, да-съ, мы и ничего, только я и говорю:—«Съѣздимъ-ка, говорю, и мы, Карпъ Ѳедорычъ, завтра въ Могилки; я же Анны Павловны давно не видала».—«Хорошо», говоритъ. На другой день поутру къ намъ пріѣхали Симановскіе. Мы имъ говоримъ, что ѣдемъ. «Ахъ, говорятъ, это и прекрасно, и мы съ вами съѣздимъ». Поѣхали. Графъ ужъ тутъ, и, ахъ, Алексѣй Михайлычъ! Вы представить себѣ не можете, какія сцены мы видѣли, и я одному только не могу надивиться, какимъ образомъ Михайла Егорычъ, человѣкъ не глупый бы...

— Что жъ такое? Что такое?—спросилъ съ любопытствомъ предводитель.

— Это интересно, — отнесся исправникъ къ Эльчанинову, который, казалось, весь превратился въ слухъ.

— Вспомнить не могу, — продолжала Уситкова: — ну, мы вошли, поздоровались и начали-было говорить, но ни графъ ни хозяйка ни на кого никакого вниманія не обращаютъ и, какъ голуби, воркуютъ между собою, и только ужъ блѣдный Михайла Егорычъ (ему, видно, и совѣстно) суется, какъ угорѣлый, то къ тому, то къ другому: «вотъ тебѣ и смиренница»,—подумала я.

— Не можетъ, кажется, быть, — нерѣшительно возразилъ предводитель.

— Ахъ, Алексѣй Михайлычъ, не знаю, можетъ или не можетъ быть, — возразила въ свою очередь барыня: — но вы только выслушайте: мало того, что цѣлый день говорили, глазки дѣлали другъ другу, цѣловались; мало этого: условились при всѣхъ, что она сегодня пріѣдетъ къ нему одна, и поѣхала; мы встрѣтили ее. Положимъ, что крестница, но все-таки—она молодая женщина, а онъ человѣкъ холостой; у него, я думаю, и горничныхъ въ домѣ нѣтъ... ну, ей поправить что-нибудь надобно, башмакъ, чулокъ, кто ей это сдѣластъ,—лакеи?

— Конечно, — подтвердилъ предводитель и потомъ шопотомъ прибавилъ:—что графъ къ этому склоненъ, то...

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подхватила разсказчица. — Господи! До чего нынче доводятъ себя нынѣшнія женщины. Ну, добро бы молодой человѣкъ — влюбилась бы, а то старикъ: просто развратъ, чтобъ подарилъ что-нибудь.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ всталъ.

— Что̀ съ вами, Валерьянъ Александрычъ? — спросилъ предводитель.

— Ничего-съ, это, кажется, послѣдствія паденія,—проговорилъ онъ и вышелъ.

— Савелій,—сказалъ предводитель, обращаясь къ молодому человѣку, тоже, кажется, принимавшему большое участіе въ ихъ разговорѣ:—поди къ Валерьяну Александрычу, посмотри, что̀ тамъ съ нимъ, да спроси, не хочетъ ли онъ прилечь въ моемъ кабинетѣ.

Молодой человѣкъ всталъ и вышелъ въ залу.

— Напрасно вы разсказываете при этихъ дворянишкахъ,— сказалъ исправникъ, показывая глазами на ушедшаго молодого человѣка:—какъ разъ перенесутъ графу.

— Ай, батюшки, что̀ я надѣлала! — вскричала въ испугѣ Уситкова.

— Ты всегда такъ неосторожна на языкъ, — замѣтилъ ей мужъ, махнувъ рукою.

— Нѣтъ, Савелій не такой, я его знаю,—сказалъ предводитель.

— Вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ не говорилъ,— сказала Уситкова почти умоляющимъ голосомъ.

— Не безпокойтесь, Савелій не болтунъ.

Молодой человѣкъ, котораго называли однимъ только полуименемъ Савелій, былъ такой же дворянинъ, какъ Эльчаниновъ, какъ предводитель, какъ даже самъ графъ; но у него было только нѣсколько десятинъ земли и выстроенный на той землѣ маленькій деревянный флигель. Онъ съ трудомъ умѣлъ читать, нигдѣ не служилъ, но, несмотря на бѣдность, на отсутствіе всякаго образованія, онъ былъ въ высшей степени честный, добрый и умный малый. Онъ никогда и никому не жаловался на свою участь и никогда не позволялъ себѣ, подобно другимъ бѣднымъ дворянамъ, просить помощи у богатыхъ. Онъ неусыпно пахалъ, съ помощью одного крѣпостного мужика, свою землю и такимъ образомъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Кромѣ того, онъ очень былъ искусенъ въ разныхъ ремеслахъ: собственными руками выстроилъ себѣ мельницу, дѣлалъ телѣги, починивалъ стѣнные часы и переплеталъ наконецъ книги.

Ни отца ни матери не было у него съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Жилъ онъ въ одной усадьбѣ со вдовою.

Эльчаниновъ между тѣмъ стоялъ на задней галлереѣ дома, прислонившись къ деревянной колоннѣ, и вовсе не обратилъ вниманія на Савелія, когда тотъ подошелъ къ нему и внимательно посмотрѣлъ на него.

Героя моего мучила въ настоящую минуту ревность, и онъ ревновалъ Анну Павловну къ графу. Раздосадованный и обманутый ожиданіемъ, онъ повѣрилъ всему. Если бы Анна Павловна поѣхала къ графу не въ этотъ день, въ который назначено было свиданіе, то, можетъ-быть, онъ еще усомнился бы въ истинѣ словъ Уситковой; но она забыла его, забыла свое слово и уѣхала. Это явно, что если она не любитъ графа, то все-таки ей пріятно его исканіе; что графъ за ней ухаживалъ, Эльчаниновъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ.

«Теперь прошу вѣрить въ нравственную высоту женщинъ,— думалъ онъ:—если она, казавшаяся ему столь чистою, столь прекрасною, унизила себя до благосклонности къ старому развратнику и предпочла его человѣку, который любитъ ее со всею искренностью, который, мало этого, обожаетъ ее,—забыть все прошедшее и увлечься вниманіемъ Сапѣги, который только можетъ ее позорить въ глазахъ свѣта и людей; бояться со мною переговорить два слова и потомъ безстыдно ѣхать одной къ новому обожателю. О, женщины! Ничтожество вамъ имя! — проговорилъ Эльчаниновъ мысленно: — всѣ вы равны: не знаю, почему я предпочелъ это худенькое созданьице, напримѣръ, передъ вдовою. Если ужъ входить въ сношенія съ женщиной, такъ ужъ, конечно, лучше со свободной: меньше труда, а то игра не стоитъ свѣчъ. Хорошо, Анна Павловна, мы поквитаемся. Вы поѣхали любезничать къ графу, а я поѣду ко вдовѣ».

На послѣдней мысли засталъ его Савелій.

— Алексѣй Михайлычъ приказали мнѣ сказать вамъ, не хотите ли вы прилечь въ его кабинетѣ,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю, я сейчасъ ѣду, — отвѣчалъ сухо Эльчаниновъ и пошелъ въ гостиную.

— Прощайте, Алексѣй Михайлычъ, — сказалъ онъ, берясь за шляпу.

— Куда это вы? Отдохните лучше.

— Благодарю покорно, мнѣ теперь лучше, а воздухъ меня еще больше освѣжитъ.

Онъ поклонился гостямъ, вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ ужъ на дорогѣ въ усадьбу Ярцово, гдѣ жила вдова.

Лошадь шла шагомъ. Несмотря на стараніе Эльчанинова придать мыслямъ своимъ болѣе вѣтренности и безпечности, ему было грустно. Онъ ѣхалъ ко вдовѣ, потому что былъ ожесточенъ противъ Анны Павловны. Онъ ей хотѣлъ за невѣрность отплатить тою же монетою. Раздавшійся сзади лошадиный топотъ заставилъ наконецъ его обернуться. Его нагонялъ Савелій, ѣхавшій тоже верхомъ на маленькой крестьянской лошаденкѣ.

— Какъ вы тихо ѣдете,—сказалъ онъ, кланяясь съ доброю улыбкою Эльчанинову.

— Мнѣ некуда торопиться,—отвѣчалъ тотъ разсѣянно.

— А куда вы, смѣю спросить, ѣдете? — спросилъ Савелій, которому хотѣлось, видно, завести разговоръ.

— Въ Ярцово,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— И я туда же; позвольте мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Сдѣлайте милость,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Вы ужъ меня, я думаю, не помните, Валерьянъ Александрычъ,—сказалъ Савелій:—а я съ вами игрывалъ и гащивалъ у васъ въ Коровинѣ.

— Теперь припоминаю, — отвѣчалъ Эльчаниновъ, вглядываясь въ своего спутника и дѣйствительно узнавая въ немъ сына одного бѣднаго дворянина, который часто ѣздилъ къ нимъ въ усадьбу и привозилъ съ собою мальчика, почти ему ровесника.

— Гдѣ вашъ батюшка?—спросилъ онъ.

— Отецъ мой умеръ.

— И вы теперь одни?

— Одинъ, — отвѣчалъ Савелій. — Вы много перемѣнились, Валерьянъ Александрычъ! Я васъ не узналъ-было, — прибавилъ онъ.

— Немудрено, — произнесъ Эльчаниновъ со вздохомъ: — перемѣнишься, поживши на свѣтѣ,—прибавилъ онъ.

— Да вы много ли еще нажили; развѣ горе какое особливое у васъ есть, а то, что бы, кажись...—возразилъ Савелій.

— Горе? — повторилъ Эльчаниновъ: — горя нѣтъ, а такъ скучаю!

— Отчего же вы скучаете?

— Отъ-нечего-дѣлать.

Савелій улыбнулся.

— Вотъ какъ, — проговорилъ онъ: — намъ работа руки намозолила; а есть на свѣтѣ люди, которымъ скучно оттого, что дѣлать нечего.

— И очень много, — подхватилъ Эльчаниновъ: — бо́льшая часть людей несчастны оттого, что не знаютъ, что́ имъ

дѣлать. Изъ нихъ же первый — есмь азъ,— заключилъ онъ и зѣвнулъ.

— Вамъ, я думаю, надобно служить,—замѣтилъ Савелій.

— Служить-то бы я радъ, подслуживаться тошно, — проговорилъ съ усмѣшкою Эльчаниновъ.

— Ну, женитесь.

— Жениться? На комъ?

— Я не знаю; а думаю, за васъ пойдетъ хорошая невѣста.

— Сыщите.

— Я не сватъ, — сказалъ съ улыбкой Савелій. — Сыщите сами.

— Легко сказать. Сами вы, напримѣръ, отчего не женитесь?

Савелій при этомъ вопросѣ покраснѣлъ.

— Какой я женихъ? За меня дѣвушка, у которой есть кусокъ хлѣба, не пойдетъ.

— А вы бѣдны?

— Три души у меня-съ, изъ нихъ одна моя собственная.

— Чѣмъ же вы живете?

— Да хлѣбопашествомъ больше-съ.

— И сами пашете землю?

— Пашу-съ.

— Это ужасно! — воскликнулъ Эльчаниновъ: — дворянинъ по рожденію...

Молодые люди на нѣкоторое время замолчали.

— Любили ли вы когда-нибудь въ жизни? — спросилъ вдругъ Эльчаниновъ, у котораго поступокъ Анны Павловны не выходилъ изъ головы и которому ужъ начиналъ нравиться его новый знакомый.

— Любилъ ли я женщинъ?—спросилъ Савелій:—нѣтъ еще.

— И не любите.

— Почему же?

— Потому что онѣ этого не стоятъ. Слышали ли вы у предводителя, что говорили про Мановскую? Это еще лучшая изъ всѣхъ.

— Это неправда, что про нее говорили!

— Вы ее знаете?

— Какъ-же-съ: сосѣдское дѣло, бываю у нихъ, видалъ ее; а вы ее знаете?

— Я еще ее въ Москвѣ зналъ, она недурна.

— Да-съ, и очень добрая и не гордая, — сказалъ Савелій.

Эльчанинову пришло въ голову сдѣлать Савелію порученіе къ Аннѣ Павловнѣ, но онъ боялся.

— А когда вы будете опять у нихъ? — спросилъ онъ.

— Не знаю, какъ случится. А вы ѣздите къ нимъ?

— Нѣтъ, мнѣ не нравится ея мужъ.

— Я поклонюсь ей отъ васъ, коли угодно, — сказалъ Савелій, какъ бы угадывая намѣреніе своего спутника.

— Ахъ, сдѣлайте милость, — сказалъ Эльчаниновъ, обрадованный этимъ вызовомъ: — и скажите ей, что въ Москвѣ она лучше держала свое обѣщаніе.

— А развѣ она не сдержала какого-нибудь обѣщанія?

— Да, пустяки, конечно: обѣщалась у предводителя танцовать со мною кадриль и уѣхала.

— Ее, можетъ-быть, мужъ увезъ.

— Очень можетъ быть. Скажете?

— Извольте.

— Только съ глазу на глазъ.

— Это для чего-съ?

— Потому что этотъ господинъ мужъ можетъ подумать Богъ знаетъ что.

— Такъ я лучше ничего не буду говорить, — сказалъ, подумавши, Савелій.

— Нѣтъ, нѣтъ, Бога ради, скажите, — проговорилъ Эльчаниновъ, испуганный мыслью, что не догадывается ли Савелій.

— А вамъ очень хочется? — спросилъ тотъ.

— Очень...

— Да тутъ ничего такого нѣтъ?

— Рѣшительно ничего.

— Хорошо, скажу-съ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди подъѣхали къ Ярцову.

— Прощайте! — сказалъ Савелій.

— Доброй ночи, — проговорилъ Эльчаниновъ, протягивая къ нему руку: — пріѣзжайте ко мнѣ, мы старые знакомые.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ тотъ и поворотилъ лошадь къ своему флигелю, а Эльчаниновъ подъѣхалъ къ крыльцу дома Клеопатры Николаевны.

При входѣ въ гостиную, онъ увидѣлъ колоссальную фигуру Задоръ-Мановскаго, который, въ широкомъ суконномъ сюртукѣ, сидѣлъ, развалившись въ креслахъ; невдалекѣ отъ него на диванѣ сидѣла хозяйка. По разстроенному виду и безпокойству въ безпечномъ, по обыкновенію, лицѣ Клеопатры Николаевны нетрудно было догадаться, что она имѣла непріятный для нея разговоръ съ своимъ собесѣдникомъ: глаза ея были заплаканы. Задоръ-Мановскій, видно, имѣлъ необыкновенную способность всѣхъ женщинъ заставлять плакать.

При появленіи Эльчанинова хозяйка издала восклицаніе.

— Боже мой! М-eur Эльчаниновъ!—сказала она:—такъ-то вы исполняете ваше обѣщаніе, прекрасно!

— Извините меня, — началъ Эльчаниновъ, не кланяясь Задоръ-Мановскому, который въ свою очередь не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.—Я не могъ пріѣхать, потому что былъ боленъ. Но, кажется, и вы чѣмъ-то разстроены?

— Ахъ, у меня горе, Валерьянъ Александрычъ: мой опекунъ померъ.

— Опекунъ? Зачѣмъ у васъ опекунъ?

— Опекунъ надъ имѣніемъ моей дочери; вы не знаете, съ какими это сопряжено хлопотами. Нужно имѣть другого; вотъ Михайла Егорычъ, по своей добротѣ, принимаетъ ужъ на себя эту трудную обязанность.

— Напротивъ, я полагаю, пріятную, — возразилъ Эльчаниновъ.

— Можетъ-быть, это вамъ такъ кажется; для меня ни то ни другое. Я назначенъ опекою, — проговорилъ Задоръ-Мановскій.

— Что жъ тутъ для васъ, Клеопатра Николаевна, за хлопоты? — сказалъ Эльчаниновъ: — все равно, кто бы ни былъ.

Вдова вздохнула.

— Чѣмъ вы были больны? — спросила она, помолчавъ.

— Я былъ болѣе разстроенъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Нельзя ли узнать, чѣмъ?

— Я полагаю, вы знаете.

Эльчаниновъ нарочно сталъ говорить намеками, чтобы досадить Мановскому, котораго онъ считалъ за обожателя вдовы.

— Нѣтъ, я не знаю, — сказала вдова.

— Ну, такъ я вамъ скажу.

— Когда же?

— Когда будемъ вдвоемъ.

Задоръ-Мановскій поворотился въ креслахъ.

— Позвольте мнѣ остаться у васъ ночевать, — сказалъ Эльчаниновъ: — я боюсь волковъ ночью ѣхать домой.

— Даже прошу васъ.

— Это не предосудительно по здѣшнимъ понятіямъ?

— Нисколько... А вы, Михайла Егорычъ?

— Ночую-съ, — отвѣчалъ тотъ лаконически.

Разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ. Веселая и безпечная Клеопатра Николаевна была рѣшительно не въ духѣ. Задоръ-Мановскій сидѣлъ, потупя голову. Эльчаниновъ придумывалъ средства, чѣмъ бы разбѣсить своего соперника:

объ Аннѣ Павловнѣ... Увы... она не приходила ему въ голову, и въ Задоръ-Мановскомъ онъ уже видѣлъ въ эту минуту не мужа ея, а искателя вдовы.

— Чѣмъ же вы занимались въ это время? — спросила Клеопатра Николаевна.

— Думалъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— О чемъ?

— О томъ, что наши сѣверныя женщины любятъ какъ-то холодно и расчетливо. Онѣ никогда, подъ вліяніемъ страсти, не принесутъ ни одной жертвы, если только тысячи обстоятельствъ не натолкнутъ ихъ на то.

— Потому что сѣверныя женщины знаютъ, какъ мало цѣнятъ ихъ жертвы.

— Да потому жертвы мало и цѣнятся, что онѣ приходятъ не отъ страсти, а отъ случая.

— Я васъ не понимаю.

— Извольте, объясню подробнѣе, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — положимъ, что вы полюбили бы человѣка; принесли бы вы ему жертву, не пройдя этой обычной колеи вздоховъ, страданій, объясненій и тому подобнаго, а просто, непосредственно отдались бы ему въ полное обладаніе?

— Но надобно знать этого человѣка, — сказала вдова, нѣсколько покраснѣвши.

— Вы его знаете, какъ человѣка, а не знаете только... простите за рѣзкость выраженія... не знаете, какъ любовника.

Задоръ-Мановскій, наблюдавшій молчаніе, при этихъ словахъ посмотрѣлъ на вдову. Она потупилась и ничего не отвѣчала. Эльчанинову показалось, что она боится или, по крайней мѣрѣ, остерегается Мановскаго, и онъ съ упорствомъ сталъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ.

— Что жъ вы на это скажете? — повторилъ онъ снова.

— Какой вы странный,—начала Клеопатра Николаевна:— надобно знать, какой человѣкъ и какія жертвы. Къ тому же я, ей-Богу, не могу судить, потому что никогда не бывала въ подобномъ положеніи.

«Она отыгрывается»,—подумалъ Эльчаниновъ.

— Жертвы обыкновенныя, — началъ онъ: — напримѣръ, рѣшиться на тайное свиданіе, и пусть это будетъ сопряжено съ опасностью общественной огласки, потому что всегда и вездѣ есть мерзавцы, которые подсматриваютъ.

— Я не знаю, — отвѣчала вдова: — всего вѣроятнѣе, что не рѣшилась бы.

— Не угодно ли вамъ, Клеопатра Николаевна, повѣрить со

мною описи, такъ какъ я завтра уѣду чѣмъ свѣтъ, — сказалъ, вставая, Мановскій и вынулъ изъ кармана бумаги.

— Извольте, — отвѣчала Клеопатра Николаевна. — Извините меня, Валерьянъ Александрычъ, — прибавила она, обращаясь ласково къ Эльчанинову: — я должна, по милости моихъ проклятыхъ дѣлъ, удѣлить нѣсколько минутъ Михайлѣ Егорычу.

Они оба вышли.

Эльчаниновъ чуть не лопнулъ отъ досады и удивленія.

«Что это значитъ? — подумалъ онъ: — кажется, сегодня всѣ женщины рѣшились предпочесть мнѣ другихъ: что она будетъ тамъ съ нимъ дѣлать?» Ему стало досадно и грустно, и онъ такъ же страдалъ отъ ревности ко вдовѣ, какъ за нѣсколько минутъ страдалъ, ревнуя Анну Павловну.

Чрезъ полчаса вдова и Мановскій возвратились. Клеопатра Николаевна была въ окончательно разстроенномъ состояніи духа и молча сѣла на диванъ. Мановскій спокойно помѣстился на прежнемъ мѣстѣ.

Эльчаниновъ, не могшій подавить въ себѣ досады, не говорилъ ни слова. На столовыхъ часахъ пробило двѣнадцать. Вошелъ слуга и доложилъ, что ужинъ готовъ. Хозяйка и гости вышли въ залу и сѣли за столъ.

Эльчаниновъ рѣшился наговорить колкостей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Отчего вы, Клеопатра Николаевна, не выходите замужъ? — спросилъ онъ.

— Жениховъ нѣтъ, — отвѣчала та.

— Помилуйте, — возразилъ Эльчаниновъ: — мало ли есть любезныхъ, милыхъ, красивыхъ и здоровыхъ помѣщиковъ!

— Вотъ, напримѣръ, самъ г-нъ Эльчаниновъ, — подхватилъ Мановскій.

— Я не считаю себя достойнымъ этой чести; вотъ, напримѣръ, вы, когда овдовѣете, — это другое дѣло.

— Типунъ бы вамъ на языхъ, у меня жена еще не умираетъ, — сказалъ Мановскій.

— Потому что вы, видно, бережете ея здоровье; это, впрочемъ, не въ тонѣ русскихъ баръ,—замѣтилъ Эльчаниновъ.

— Да, изъ боязни, чтобъ, овдовѣвъ, не перебить у васъ Клеопатры Николаевны.

— Господа! — сказала она: — вы, стараясь кольнуть другъ друга, колете меня

— Что жъ дѣлать, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — мы не можемъ при васъ и объ васъ говорить съ г-мъ Мановскимъ безъ колкостей; въ этомъ виноваты вы.

— Не знаю, какъ вы, а я съ вами говорю просто, — проговорилъ Мановскій.

— Прекратите, Бога ради, господа, этотъ непріятный для меня разговоръ, — сказала Клеопатра Николаевна.

— А мнѣ кажется, онъ долженъ пріятно щекотать ваше самолюбіе. Вамъ принадлежатъ нравственно всѣ, а вы — никому! — возразилъ, съ удареніемъ на послѣднія слова, Эльчаниновъ.

Вдова не на шутку обидѣлась; но въ это время кончился ужинъ.

— Покойной ночи, господа! — сказала она, вставая изъ-за стола: — я васъ прошу переночевать вмѣстѣ, въ кабинетѣ моего покойнаго мужа.

Эльчаниновъ очень хорошо замѣтилъ, что при этихъ словахъ Мановскій нахмурился. Оба они подошли къ рукѣ хозяйки.

— Вы ужасный человѣкъ; я на васъ сердита, — сказала она шопотомъ Эльчанинову.

— Что для васъ значитъ этотъ человѣкъ? — спросилъ онъ тихо.

— Многое!..

Вдова ушла.

Два гостя, оставшись наединѣ, ни слова не говорили между собою и молча вошли въ назначенный для нихъ кабинетъ. Задоръ-Мановскій тотчасъ раздѣлся и легъ на свою постель. Эльчанинову не хотѣлось еще спать, и онъ, сѣвъ въ раздумьѣ, сталъ смотрѣть на своего товарища, который, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, лежалъ, зажмуривъ глаза, и тяжело дышалъ. Грубое лицо его, лежавшее на тонкой наволочкѣ подушки и освѣщенное слабымъ свѣтомъ одной свѣчи, казалось еще грубѣе. Огромная красная рука, съ напряженными жилами, поддерживала голову; другая была свѣшена. Онъ показался Эльчанинову страшенъ и гадокъ. «Такъ этому-то морскому чудовищу,—подумалъ онъ:—принадлежитъ нѣжная и прекрасная Анна Павловна. Когда я, мужчина, не могу безъ отвращенія смотрѣть на него, что же должна чувствовать она!» Ему хотѣлось убить Задоръ-Мановскаго. «Зачѣмъ это она поѣхала къ графу? Видно, женщина при всѣхъ несчастіяхъ останется женщиной. Когда и какъ я ее увижу? Но отчего же мнѣ не пріѣхать къ нимъ! Съ мужемъ я уже знакомъ».

Мановскій повернулся.

— А что, вы скоро свѣчу погасите? — проговорилъ онъ.

— Вы, вѣрно, рано любите ложиться спать? — спросилъ Эльчаниновъ.

— Гасите, пожалуйста, поскорѣе, — сказалъ вмѣсто отвѣта Мановскій.

— Я еще не хочу спать,—возразилъ Эльчаниновъ.

Задоръ-Мановскій, не отвѣчая, повернулся къ стѣнѣ.

«Чорта съ два, познакомишься съ этимъ медвѣдемъ», — подумалъ Эльчаниновъ и легъ, рѣшившись не гасить свѣчу, чтобы хоть этимъ досадить Мановскому.

Истерзанный душевнымъ волненіемъ, усталый физически, онъ задремалъ. Уже передъ нимъ начиналъ носиться образъ Анны Павловны, который какъ бы незамѣтно принималъ наружность вдовы. Этотъ призракъ улыбался ему, манилъ его и потомъ съ громкимъ смѣхомъ отталкивалъ отъ себя. Голова его закружилась, сердце замерло, онъ чувствовалъ, что падаетъ въ какую-то пропасть, и проснулся. Окинувъ глазами комнату, онъ увидѣлъ, что Задоръ-Мановскій, вставшій въ одной рубашкѣ съ постели, брался за свѣчу.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ онъ.

Мановскій, не отвѣчая ни слова, погасилъ свѣчу и опять легъ на постель.

Эльчаниновъ видѣлъ необходимость повиноваться.

«Этакая скотина», — думалъ онъ, и досада и тоска не давали ему спать.

Прошелъ уже цѣлый часъ въ мучительной безсонницѣ, какъ вдругъ ему послышалось, что товарищъ его начинаетъ приподниматься. Эльчаниновъ напрягъ вниманіе. Задоръ-Мановскій дѣйствительно всталъ съ постели, тихими шагами подошелъ къ двери, отперъ ее и вышелъ; потомъ Эльчанинову послышалось, что замокъ въ дверяхъ щелкнулъ.

— Что вы дѣлаете? — воскликнулъ-было онъ.

Отвѣта не было. Эльчаниновъ всталъ съ постели и подошелъ къ двери: она была дѣйствительно заперта снаружи.

«Что это значитъ?»—думалъ онъ и, рѣшившись во что бы то ни стало разгадать загадку, подошелъ къ окну, которое было створчатое, и отворилъ его.

До земли было аршина три, слѣдовательно выпрыгнуть было очень возможно. Одѣвшись на скорую руку, Эльчаниновъ соскочилъ на землю и очутился въ саду. Ночь была темная. Почти ощупью пробрался онъ на главную аллею и вошелъ на балконъ, выходъ на который былъ изъ гостиной, гдѣ увидѣлъ свѣчку на столѣ, Клеопатру Николаевну, сидѣвшую на диванѣ въ спальномъ капотѣ, и Мановскаго, который былъ въ халатѣ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Эльчаниновъ приложилъ ухо къ желѣзной форточкѣ въ нижнемъ стеклѣ и сталъ прислушиваться.

— Я васъ прошу объ одномъ, чтобы вы ушли, потому что онъ можетъ проснуться и прійти сюда же, — говорила Клеопатра Николаевна умоляющимъ голосомъ.

— Не придетъ: я его заперъ, — отвѣчалъ Мановскій. — А мнѣ надобно съ вами переговорить.

— Ну, говорите же, по крайней мѣрѣ, я васъ слушаю, — отвѣчала Клеопатра Николаевна и кокетливо завернулась въ платокъ.

Эльчанинову показалось отвратительнымъ это движеніе.

— А говорить то, что я изъ-за васъ въ петлю не полѣзу. Если вы ко мнѣ такъ, такъ и я къ вамъ такъ. Считать тоже умѣемъ. Свою седьмую часть вы давно продали. Всего семьсотъ рублей платятъ за дѣвушку въ институтъ. Прочіе доходы должны итти для приращенія дѣтскаго капитала, слѣдовательно... — говорилъ Мановскій.

— Это ужасно!—воскликнула Клеопатра Николаевна, всплеснувъ руками.

Первымъ движеніемъ Эльчанинова было вступиться за бѣдную женщину и для того войти въ гостиную и раскроить стуломъ голову ея мучителю. Съ такого рода намѣреніемъ онъ соскочилъ съ балкона, пробрался садомъ на крыльцо и вошелъ въ лакейскую; но тутъ мысли его пришли нѣсколько въ порядокъ, и онъ остановился: вся сцена между хозяйкой и Мановскимъ показалась ему гадкой. Подумавъ немного, онъ вынулъ изъ кармана клочокъ бумаги и написалъ:

«Я все видѣлъ и могу только пожалѣть объ васъ; вамъ предстоитъ очень низко упасть. Удержитесь».

Разбудивъ потомъ лакея и велѣвъ ему отдать письмо барынѣ, когда она проснется, спросилъ себѣ лошадь и черезъ четверть часа скакалъ уже по дорогѣ къ своей усадьбѣ.

IX.

Въ то же самое воскресенье, въ которое, по волѣ судебъ, моему герою назначено было испытать столько разнообразно-непріятныхъ ощущеній, графъ, начавшій ждать Анну Павловну еще съ десяти часовъ утра, ходилъ по своей огромной гостиной. Въ костюмѣ его была замѣтна изысканность и претензія на моложавость: на немъ былъ англійскаго тонкаго сукна довольно коротенькій сюртучокъ; нѣжный и мягкій платокъ, замысловато завязанный, огибалъ его шею; двѣ брильянтовыя пуговицы застегивали батистовую рубашку съ хитрѣйшими складками. Жилетъ былъ изъ тонкаго индѣйскаго кашемира; рѣдкіе волосы графа были слегка и такъ искусно

подвиты, что какъ будто бы они вились отъ природы. Пробило двѣнадцать. Графъ начиналъ ходить болѣе и болѣе безпокойными шагами, посматривая по временамъ въ окно.

Тихими шагами вошелъ Иванъ Александрычъ, съ ногъ до головы одѣтый въ новое платье, которое подарилъ ему Сапѣга, не могшій видѣть, по его словамъ, близъ себя человѣка въ такомъ запачканномъ фракѣ. Графъ молча кивнулъ племяннику головою и протянулъ руку, которую тотъ схватилъ обѣими руками и поцѣловалъ съ благоговѣніемъ. Улыбка презрѣнія промелькнула въ лицѣ Сапѣги, и онъ снова началъ ходить по комнатѣ. Прошло еще четверть часа молчанія. Графъ посмотрѣлъ въ окно.

— Что, если она не пріѣдетъ! — сказалъ онъ какъ бы про себя.

— Пріѣдетъ, ваше сіятельство, непремѣнно пріѣдетъ,— подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— А ты почему знаешь?

— А ужъ знаю, ваше сіятельство, непремѣнно пріѣдетъ.

— Ничего ты не знаешь.

Въ это время вдали показалась шестерикомъ карета.

— А что, ваше сіятельство, это что?—воскликнулъ Иванъ Александрычъ, смотрѣвшій такъ же внимательно на дорогу какъ нашъ графъ.

— А что такое? — спросилъ Сапѣга, какъ бы боясь обмануться.

— Это-съ карета Задоръ-Мановскаго, вотъ и подсѣдельная ихняя, — я знаю.

— Будто?—сказалъ графъ; глаза его заблистали радостью.— Поди, Иванъ, скажи, чтобы люди встрѣтили.

Иванъ Александрычъ выбѣжалъ.

— Милочка моя, душечка... ахъ, какъ она хороша! Глазки какіе! О, чудные глазки! — говорилъ старикъ, потирая руки, и обыкновенно медленныя движенія его сдѣлались живѣе.

Онъ принялся-было глядѣться въ зеркало, но потомъ, какъ бы не могши сдержать въ себѣ чувства нетерпѣнія, вышелъ въ залу. Анна Павловна, одѣтая очень мило и къ лицу, была уже на половинѣ залы.

— Милости просимъ, моя безцѣнная Анна Павловна,— говорилъ старикъ, протягивая къ ней руки.

Мановская поклонилась.

— Ручку вашу, ручку... или нѣтъ, я старикъ, меня можно поцѣловать... поцѣлуйте меня!

— Извольте, графъ,—отвѣчала съ улыбкою Анна Павловна.

Они поцѣловались. Графъ подъ руку ввелъ ее въ гости-

ную. Иванъ Александрычъ остался въ залѣ (при гостяхъ онъ не смѣлъ входить въ гостиную). Въ этой же залѣ, у дверей къ офиціантской, стояли три лакея въ голубыхъ гербовыхъ ливреяхъ.

— Иванъ Александрычъ, Иванъ Александрычъ! Кто эта барыня? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

Иванъ Александрычъ ни слова не отвѣчалъ: онъ очень обижался, когда съ нимъ заговаривали графскіе лакеи.

— Иванъ Александрычъ! Что вы, сердиты, что ли? А еще старый пріятель, — продолжалъ насмѣшникъ, и лакеи захохотали.

Сконфуженный и раздраженный Иванъ Александрычъ глядѣлъ въ окно.

Между тѣмъ графъ усадилъ свою гостью на диванъ и самъ помѣстился рядомъ.

— Ахъ, если бъ вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждалъ, — началъ онъ.

— Благодарю, графъ.

— И... только-то?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Я васъ очень люблю! — продолжалъ старикъ, ближе подвигаясь къ Аннѣ Павловнѣ: — дайте мнѣ еще поцѣловать вашу ручку: вы все что-то печальны?.. Скажите мнѣ, любите ли вы вашего мужа?

Анна Павловна вспыхнула.

— Всякая женщина должна любить своего мужа, — сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ откровенно, какъ другу вашего отца, какъ человѣку, который дорожитъ вашимъ счастьемъ и который готовъ сдѣлать для васъ все.

— Я люблю моего мужа, — отвѣчала молодая женщина, не рѣшившаяся быть откровенной.

— Нѣтъ, вы не любите вашего мужа,— возразилъ Сапѣга, внимательно смотря на свою гостью: — вы не можете любить его, потому что онъ самъ васъ не любитъ и не понимаетъ.

— Кто вамъ сказалъ это, графъ?

— Мои собственныя наблюденія, милая Анна Павловна. Будьте со мною откровенны, признайтесь мнѣ, какъ бы вы признались вашему отцу, который, помните, любилъ меня когда-то. Скажите мнѣ, счастливы ли вы?

Анна Павловна начала колебаться: ей казалось, что графъ говорилъ искренно, и слезы невольно навернулись на ея глазахъ.

— Я вижу, вы не любите мужа, и онъ васъ не любитъ,— продолжалъ графъ, едва скрывая внутреннее удовольствіе.

Анна Павловна не могла долѣе воздержаться и зарыдала.

— Бѣдная моя,—говорилъ графъ:—не плачьте, ради Бога, не плачьте! Я не могу видѣть вашихъ слезъ; чѣмъ безполезно грустить, лучше обратиться къ вашимъ друзьямъ. Хотите ли, я разорву вашъ бракъ? Выхлопочу вамъ разводъ, обезпечу ваше состояніе, если только вы нуждаетесь въ этомъ.

— Графъ,—возразила молодая женщина:—я должна и буду принадлежать моему мужу всегда.

Сапѣга увидѣлъ, что онъ слишкомъ далеко зашелъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ участвовать въ вашей судьбѣ, облегчать ваше горе, и за все это прошу у васъ ласки, не больше ласки: позвольте цѣловать мнѣ вашу ручку. Не правда ли, вы будете меня любить? Ахъ, если бы вы въ сотую долю любили меня, какъ я васъ! Дайте мнѣ вашу ручку.

И онъ почти силою взялъ ея руку и началъ цѣловать.

Внутреннее волненіе графа было слишкомъ явно: глаза его горѣли, лицо покрывалось красными пятнами; руки и ноги дрожали.

Анна Павловна замѣтила это, и неудовольствіе промелькнуло по ея лицу. Она встала съ дивана и сѣла на кресло.

— О, не убѣгайте меня!—говорилъ растерявшійся старикъ, протягивая къ ней руки: — ласки... одной ничтожной ласки прошу у васъ. Позвольте мнѣ любить васъ, говорить вамъ о любви моей: я за это сдѣлаюсь вашимъ рабомъ; ваша малѣйшая прихоть будетъ для меня закономъ. Хотите, я выведу вашего мужа въ почести, въ славу... я выставлю васъ на первый планъ петербургскаго общества: только позвольте мнѣ любить васъ.

Негодованіе и горесть изобразились на кроткомъ лицѣ Анны Павловны.

— Умоляю васъ, графъ, не унижайте меня; я несчастлива и безъ того!—сказала она, заливаясь слезами, и столько глубокихъ страданій, жалобъ и моленія, столько чистоты и непорочности сердца послышалось въ этихъ словахъ, что Сапѣга, несмотря на свое увлеченіе, какъ бы невольно остановился.

Въ первый почти разъ женщина не гнѣвомъ и презрѣніемъ, а слезами просила его прекратить свои исканія, или, лучше сказать, въ первый еще разъ женщина отвергнула его, богатаго и знатнаго человѣка. Онъ рѣшился притвориться и ожидать до времени.

«Ее надобно пріучить къ мысли любить другого, а не мужа, — подумалъ онъ: — а я ей не противенъ, это видно».

— Простите моему невольному увлеченію и останемтесь друзьями,—сказалъ онъ, подходя къ Аннѣ Павловнѣ и подавая ей руку.

Во весь остальной день графъ не возобновлялъ перваго разговора. Онъ просилъ Анну Павловну играть на фортепіано, съ восторгомъ хвалилъ ея игру, показывалъ ей альбомы съ рисунками, водилъ въ свою картинную галлерею, отбиралъ ей книги изъ библіотеки. Узнавши, что она любитъ цвѣты, онъ самъ повелъ ее въ оранжерею, самъ вязалъ для нея изъ лучшихъ цвѣтовъ букеты, однимъ словомъ, сдѣлался внимательнымъ родственникомъ и больше ничего.

Часу въ шестомъ вечера Анна Павловна начала собираться домой. При прощаніи графъ, какъ бы не могшій выдержать своей роли, долго и долго цѣловалъ ея руку, а потомъ почти умоляющимъ голосомъ просилъ дать ему прощальный поцѣлуй.

На этотъ разъ Анна Павловна исполнила его желаніе почти съ неудовольствіемъ. Провожая ее до крыльца, графъ взялъ съ нея честное слово пріѣхать къ нему черезъ недѣлю и обѣщался самъ у нихъ быть послѣ перваго визита Задоръ-Мановскаго.

Анна Павловна уѣхала.

Графъ остался одинъ: наружное спокойствіе, которое онъ умѣлъ выдержать въ присутствіи Мановской, пропало.

«Что это значитъ, — думалъ онъ:—она не любитъ мужа— это видно, почему же она отвергаетъ и даже оскорбляется моими исканіями? Я ей не противенъ, никакого чувства отвращенія я не замѣтилъ въ ней... напротивъ! Если я круто повернулъ, и если только это дѣтская мораль, ребяческое предубѣжденіе, то оно должно пройти со временемъ. Да и что же можетъ быть другое? Ужъ не любитъ ли она кого-нибудь?»

На этой мысли графъ остановился.

«Отчего я не узналъ,—подумалъ онъ съ досадою:—она начинала быть такъ откровенна. Но узнать ея любовь къ другому отъ нея самой—значитъ потерять ее навсегда. Но отъ кого же узнать? Сосѣди... ихъ неловко спрашивать».

Графъ вспомнилъ объ Иванѣ Александрычѣ и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Позвать Ивана Александрыча, — сказалъ онъ вошедшему лакею.

Не прошло секунды, Иванъ Александрычъ былъ уже въ гостиной. Онъ давно стоялъ у дверей и боялся только войти.

— Пойдемъ, Иванъ, въ кабинетъ, — сказалъ графъ, уходя изъ гостиной.

Оба родственника вошли въ знакомый уже намъ кабинетъ.

Графъ сѣлъ на диванъ. Иванъ Александрычъ сталъ передъ нимъ, вытянувшись.

— Говори что-нибудь, Иванъ, — произнесъ графъ.

— Что̀ прикажете, ваше сіятельство?

— Напримѣръ, сплетни здѣшнія.

— Сплетни, ваше сіятельство?

— Да, сплетни; напримѣръ, что̀ здѣсь говорятъ про эту даму, которая у меня была здѣсь сейчасъ?

— Что̀ говорятъ, ваше сіятельство, да мало ли что̀ говорятъ! Хвалятъ-съ,— отвѣчалъ Иванъ Александрычъ, который, видя вниманіе, оказанное графомъ Мановской, счелъ за лучшее хвалить ее.

— За что же хвалятъ?

— За красоту, ваше сіятельство, — отвѣчалъ племянникъ, припоминая, что графъ называлъ ее красавицей.

— А каково она живетъ съ мужемъ?

— Дѣла семейныя трудно судить, ваше сіятельство, кажется, что не очень согласно; впрочемъ, онъ-то...

— Онъ боровъ!

— Именно боровъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ и засмѣялся, чтобъ угодить графу.

— Такъ, стало-быть, она не любитъ мужа?

— Не любитъ, ваше сіятельство, будьте спокойны, не любитъ.

— А другого кого-нибудь не любитъ ли?

— Другого-съ?

— Да, нѣтъ ли слуховъ?

— Слуховъ-то нѣтъ, ваше сіятельство!—началъ Иванъ Александрычъ и остановился. Онъ вспомнилъ угрозы Эльчанинова.

— Ну, такъ что̀ же, если слуховъ нѣтъ?—повторилъ графъ.

— Слуховъ нѣтъ-съ, а я кой-что знаю, — отвѣтилъ Иванъ Александрычъ. Онъ рѣшительно не въ состояніи былъ скрыть отъ графа узнанной имъ про Анну Павловну тайны, которою тотъ, какъ казалось ему, интересовался.

— Что̀ же такое ты знаешь? —спросилъ Сапѣга съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— А знаю, ваше сіятельство... только, Бога ради, не говорите, что отъ меня слышали.

— Не торгуйся, — сказалъ нетерпѣливо графъ.

— Изволите припомнить, какъ вы изволили посылать меня въ Могилки, чтобы извѣстить о вашемъ пріѣздѣ?

— Ну?

— Вотъ я и пріѣзжаю. Спрашиваю: дома господа? Нѣтъ,

говорятъ: баринъ уѣхалъ въ городъ, а барыня въ оржаномъ полѣ прогуливается. Ахъ, думаю, что дѣлать?.. Пометался по полю туда-сюда; однако думаю: дай-ка пойду къ Лапинской рощѣ; тамъ грибы растутъ, — не за грибами ли ушла Анна Павловна? Только подхожу къ опушкѣ, глядь, она какъ тутъ, да еще и не одна.

— Какъ не одна! Съ кѣмъ же?

— Съ Валерьяномъ Александрычемъ Эльчаниновымъ.

— Кто такой Эльчаниновъ?

— Помѣщикъ-съ, молодой человѣкъ, образованный, умный. Ба-ба, думаю себѣ, вотъ оно что! Подхожу; переконфузились; на обѣихъ лица нѣтъ; однако ничего: поздоровались. Я передалъ приказаніе вашего сіятельства. Анна Павловна ничего ужъ и не понимаетъ! Иванъ Александрычъ... Валерьянъ Александрычъ... говоритъ и сама не знаетъ что.

— Ты не лжешь ли, Иванъ?—спросилъ графъ.

— Скорѣе жизни себя лишу, чѣмъ солгу вашему сіятельству!—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Но, можетъ-быть, онъ, какъ гость, пріѣхалъ, и они гуляли?—спросилъ Сапѣга.

— Вотъ въ томъ-то и штука, ваше сіятельство, что съ мужемъ онъ незнакомъ. Послѣ, какъ поздоровались мы: «пойдемте,—говоритъ Анна-то Павловна:—въ усадьбу», а Эльчаниновъ говоритъ:—«Прощайте, я не пойду!»—«Ну, прощайте», говоритъ. Вотъ мы и пошли съ нею вдвоемъ.—«Что это,—говорю я:—Валерьянъ Александрычъ не пошелъ въ усадьбу?»—«Не хочетъ, говоритъ, незнакомъ съ мужемъ». А сама такъ и дрожитъ. Ну, я что жъ, и не сталъ больше разспрашивать; ѣду потомъ назадъ, гляжу: Валерьянъ Александрычъ дожидается и только-что не сталъ передо мной на колѣни.—«Вы, говоритъ, благородный человѣкъ, Иванъ Александрычъ! Не погубите насъ, не говорите никому!.. Люди мы молодые».—«Что мнѣ, говорю, за дѣло, помилуйте».—«Нѣтъ, говоритъ, побожитесь». Я и побожился. Да ужъ для вашего сіятельства и божба ни почемъ: вамъ сказать, и Богъ проститъ.

Теперь для графа все было ясно: Анна Павловна отвергала его исканія, потому что любила другого. Мысль эта, которая, можетъ-быть, охладила бы пылкаго юношу и заставила бы смиренно отказаться отъ предмета любви своей, эта мысль еще болѣе раздражила избалованнаго старика: онъ далъ себѣ слово во что бы то ни стало обладать Анною Павловною. Первое, что считалъ онъ нужнымъ сдѣлать, это прекратить всякое сношеніе молодой женщины съ ея любовникомъ; лучшимъ для этого средствомъ казалось ему возбудить хорошо

ревность Мановскаго, котораго, видѣвъ одинъ разъ, онъ очень понялъ, какого сорта тотъ гусь, и потому очень вѣрно разсчитывалъ, что тотъ сразу поставитъ непреоборимую преграду къ свиданіямъ любовниковъ. Въ деревнѣ это возможно: молодой человѣкъ, послѣ тщетныхъ усилій, утомится, будетъ скучать, начнетъ искать развлеченій и, можетъ-быть, даже уѣдетъ въ другое мѣсто. Анна Павловна будетъ еще хуже жить съ мужемъ; она будетъ нуждаться въ участіи, въ помощи; все это представитъ ей графъ; а тамъ... На что женщина не рѣшается въ горькомъ и безнадежномъ положеніи, когда будутъ предлагать ей не только избавить отъ окружающаго ее зла, но откроютъ передъ ней перспективу удовольствій, богатства и всѣхъ благъ, которыя такъ чаруютъ молодость! Не удивляйтесь, читатель, тому отдаленному и не совсѣмъ честному плану, который такъ быстро построилъ въ головѣ своей графъ. Онъ не былъ въ сущности злой человѣкъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ сластолюбивыхъ стариковъ, для которыхъ женщины—все, и которые, тонко и вѣчно толкуя о красотѣ женской, имѣютъ въ то же время объ нихъ самое грубое и матеріальное понятіе. «Но какъ дать знать мужу? — продолжалъ разсуждать графъ: — самому сказать объ этомъ неприлично». Иванъ Александрычъ былъ избранъ для того.

— Послушай, Иванъ, — сказалъ графъ: — ты скверно поступаешь.

— Я, ваше сіятельство?—спросилъ тотъ, удивленный и нѣсколько испуганный.

— Да, ты, — продолжалъ графъ: — ты видѣлъ, что жена твоего сосѣда гибнетъ, и не предувѣдомилъ мужа, чтобы тотъ могъ и себя и ее спасти. Тебѣ слѣдуетъ сказать, и сказать какъ можно скорѣе, Мановскому.

— Сказать!.. Да что такое я скажу, ваше сіятельство?

— Что ты видѣлъ его жену на тайномъ свиданіи съ этимъ, какъ его?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не могу, вся ваша воля, не могу; меня тутъ же убьетъ Мановскій. Я знаю его: онъ шутить не любитъ!.. Да и Эльчаниновъ ужъ очень обидится!

— Ты страшный болванъ, — сказалъ графъ сердито. — За что же тебя убьетъ Мановскій? Ты еще сдѣлаешь ему добро!.. А другой не можетъ этого узнать: какъ онъ узнаетъ?

— Оно такъ, ваше сіятельство! Все-таки сами посудите: я человѣкъ маленькій!.. Меня всякій можетъ раздавить!.. Да и то сказать, Богъ съ ними! Люди молодые... по-божески, конечно, не слѣдуетъ, а по-человѣчески...

— Поди же вонъ, — сказалъ графъ: — я не люблю мерзавцевъ, которые способствуютъ разврату!

Иванъ Александрычъ чуть не упалъ въ обморокъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—сказалъ онъ плачевнымъ голосомъ:—я не къ тому говорю... Извольте, если вамъ угодно, я скажу.

— Давно бы такъ!—сказалъ графъ болѣе ласковымъ голосомъ. — Ты, по чувству чести, долженъ сказать, какъ дворянинъ, который не хочетъ видѣть безчестія своего брата.

— Конечно, ваше сіятельство. Я такъ и скажу; скажу, какъ дворянинъ дворянину.

— Такъ и скажи! Ступай! Но обо мнѣ чтобы и помину не было; я только такъ говорю.

— Какъ можно-съ!.. Можно ли ваше сіятельство мѣшать въ эти дѣла?

— Ну, ступай!

Иванъ Александрычъ вышелъ изъ кабинета не съ такою поспѣшностью, какъ дѣлалъ это прежде, получая отъ графа какое-либо приказаніе. Въ первый разъ еще было тягостно ему порученіе дяди, въ первый разъ онъ почти готовъ былъ отказаться отъ него: онъ безъ ужаса не могъ представить себѣ минуты, когда онъ будетъ разсказывать Мановскому; ему такъ и думалось, что тотъ съ первыхъ же словъ пришибетъ его на мѣстѣ.

X.

Теперь прошу читателя вмѣстѣ со мною перенестить на нѣсколько минутъ въ усадьбу Коровино, принадлежащую Эльчанинову, и посмотрѣть на домашнюю жизнь моего героя. Онъ жилъ въ большомъ, но очень ветхомъ домѣ, выстроенномъ еще его отцомъ. Гостиная этого дома, какъ и въ домѣ Задоръ-Мановскаго, была, по преимуществу, то мѣсто, гдѣ хозяинъ проводилъ свое время, когда бывалъ дома. Странный представляла видъ эта комната съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ ней молодой баринъ. Вмѣсто церемонности и чистоты, которыми обыкновенно отличаются гостиныя въ семейныхъ помѣщичьихъ домахъ, она представляла страшный безпорядокъ: на столѣ и на диванахъ валялись разныя книги, изъ которыхъ однѣ были раскрыты, другія совершенно лишены переплета. По большей части это были прошлогодніе журналы, переводныя сочиненія и нѣсколько французскихъ романовъ; большимъ почтеніемъ, казалось, пользовались: Шекспиръ въ переводѣ Кетчера и полныя сочиненія Гёте на нѣмецкомъ

языкѣ. Они стояли на стоявшей въ углу этажеркѣ и даже были притиснуты мраморной дощечкой съ сидящею на ней собакой. На кругломъ столѣ стояла матовая лампа; на полу и на окнѣ были цѣлыя кучи табачнаго пепла и валялось нѣсколько недокуренныхъ сигаръ. На столѣ, подъ зеркаломъ, стоялъ очень хорошій мраморный бюстъ Вальтеръ-Скотта. За рамкою портрета отца былъ заткнутъ портретъ Щепкина. Рядомъ съ портретомъ матери висѣла гравюра какой-то полуобнаженной женщины. Словомъ, тутъ было все, что̀ бываетъ обыкновенно въ грязныхъ и холодныхъ номерахъ, занимаемыхъ студентами.

Спустя четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ Эльчаниновымъ, онъ, въ длинномъ, польскаго покроя халатѣ, сидѣлъ, задумавшись, на среднемъ диванѣ; на стулѣ, близъ окна, помѣщался Савелій, который другой день ужъ гостилъ въ Коровинѣ. Молодые люди были почти друзья. Случилось это слѣдующимъ образомъ: на другой день, послѣ пріѣзда отъ вдовы, Эльчаниновъ проснулся часовъ въ 12. Ему была страшная тоска и скука: онъ грустилъ по Аннѣ Павловнѣ. Забывъ и ревность и неисполненное обѣщаніе, онъ страстно желалъ ее видѣть. Ѣхать прямо не было никакой возможности: Задоръ-Мановскій, конечно, не пуститъ его и на крыльцо. Два раза онъ подъѣзжалъ къ Могилкамъ; два раза приходилъ на мѣсто свиданья, обходилъ кругомъ поле,—но все было напрасно. Онъ не видалъ никого...

Грустный и растерзанный возвратился онъ домой. «Что̀ мнѣ дѣлать, что̀ мнѣ предпринять? — говорилъ онъ самъ съ собою: — нельзя ли послать человѣка, но гдѣ и какъ лакей можетъ ее видѣть?» Тутъ онъ вспомнилъ о порученіи, которое сдѣлалъ Савелію: можетъ-быть, онъ исполнилъ его, можетъ-быть, онъ былъ тамъ и что-нибудь ему скажетъ.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ къ Савелію письмо, которымъ приглашалъ его пріѣхать къ нему и посѣтить его больного. Вмѣстѣ почти съ посланнымъ явился и Савелій. Послѣ первыхъ же привѣтствій, нетерпѣливый Эльчаниновъ спросилъ своего гостя: былъ ли онъ у Мановскаго?

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ тотъ.

— А скоро ли думаете быть?

— Дня черезъ два.

— Зачѣмъ же такъ долго?

— Я видѣлъ Михайлу Егорыча. Онъ велѣлъ мнѣ послѣзавтра побывать у него.

Еще два дня, страшные, мучительные два дня долженъ былъ дожидаться Эльчаниновъ, одинъ, въ скукѣ; въ гости ѣхать онъ никуда не могъ.

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе?—сказалъ онъ, обращаясь къ своему гостю?

— Какое?

— Пробудьте эти два дня у меня.

— Работа у насъ теперь спѣшная: сѣнокосъ-съ.

— Я къ вамъ пошлю двухъ-трехъ мужиковъ, сколько вы хотите, — сказалъ Эльчаниновъ

— Хорошо, — отвѣчалъ Савелій и остался.

Молодые люди начали разговаривать. Эльчаниновъ много говорилъ о женщинахъ, объ обязанностяхъ человѣка, о различіи состояній, о правахъ состояній, однимъ словомъ — обо всемъ томъ, о чемъ говоритъ современная молодежь. Савелій слушалъ со вниманіемъ и только изрѣдка дѣлалъ небольшія замѣчанія, и—странное дѣло!—при каждомъ изъ этихъ замѣчаній, сказанномъ простымъ и необразованнымъ человѣкомъ, Эльчаниновъ сбивался съ толку, мѣшался и принужденъ былъ иногда перемѣнять предметъ разговора. Результатомъ этой бесѣды было то, что Эльчаниновъ началъ съ полнымъ уваженіемъ смотрѣть на Савелія. Онъ видѣлъ въ немъ очень умнаго человѣка. Цѣлый день друзья проговорили безъ умолку. Ночью Эльчанинову пришло въ голову попросить Савелія передать Аннѣ Павловнѣ письмо. Съ этой мыслью онъ проснулся часу въ девятомъ. Савелій, привыкши рано вставать, давно уже сидѣлъ, одѣвшись, у окна.

— Вы поздно встаете, — сказалъ онъ хозяину.

— Привычка,—отвѣчалъ Эльчаниновъ:—впрочемъ, я вчера долго не спалъ. Мнѣ было грустно.

— О чемъ?

— Я много имѣю причинъ грустить.

Савелій молча посмотрѣлъ на него.

— Напримѣръ, мнѣ теперь ужасно хочется видѣться съ одною женщиною,—продолжалъ Эльчаниновъ:—и не имѣю на это никакихъ средствъ.

— Что же вамъ мѣшаетъ?

— Что обыкновенно мѣшаетъ въ этихъ случаяхъ... Мужъ!..

Савелій улыбнулся.

— Вы говорите про Анну Павловну?—проговорилъ онъ.

— Однако вы догадливѣе, нежели я думалъ,—сказалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся окончательно посвятить въ свою тайну Савелія, въ благородство котораго онъ уже вѣрилъ.

— Да нетрудно и догадаться,—сказалъ тотъ.

— Я надѣюсь,—сказалъ Эльчаниновъ, пожимая руку новому повѣренному.

Савелій ничего не отвѣчалъ. Въ лицѣ его видно было какое-то странное выраженіе.

— Я васъ хотѣлъ попросить, Савелій Никандровичъ, — началъ Эльчаниновъ съ небольшимъ волненіемъ:—не передадите ли вы отъ меня письмо Аннѣ Павловнѣ?

Удивленіе изобразилось въ лицѣ Савелія.

— Письмо!—сказалъ онъ.—Развѣ вы переписываетесь?

— Я зналъ ее еще въ Москвѣ и тамъ уже любилъ ее. Шесть лѣтъ, какъ я люблю ее одну, шесть лѣтъ, какъ для меня не существуетъ другой женщины.

— Отчего же вы не женились на ней?

— Насъ разлучили!.. И при томъ же она была дочь богатаго человѣка!

— А можетъ, она и пошла бы за васъ?

— Можетъ-быть; но дѣло въ томъ, что насъ разлучили совершенно нечаянно: отецъ ея почти въ одинъ день собрался и уѣхалъ въ свое имѣніе.

— Отчего же вы за ними не поѣхали?

— Я не зналъ, куда они уѣхали.

— А развѣ этого нельзя было узнать?

Эльчаниновъ смѣшался.

— Я и самъ не знаю, какъ это случилось, — началъ онъ, поправившись:—но только мы потеряли другъ друга изъ вида. Три года прожилъ я въ адскихъ мученіяхъ, какъ вдругъ услышалъ, что она здѣсь; бросилъ все, бросилъ службу, всѣ надежды на будущность и пріѣхалъ сюда, чтобъ только жить близъ этой женщины, видѣться съ нею; но и на этотъ разъ удачи нѣтъ. Маленькая непріятность, которую я имѣлъ недавно съ ея мужемъ, не позволяетъ мнѣ бывать у нихъ въ домѣ. Переписка осталась единственнымъ утѣшеніемъ; но и та, безъ вашей помощи, невозможна. Не откажитесь, добрый другъ, сдѣлать человѣка счастливымъ, дайте возможность хоть нѣсколько вознаградить мои страданія. Вы себѣ представить не можете, какъ это ужасно! Желать!.. Стремиться!..

Эльчаниновъ вздохнулъ. Савелій слушалъ его очень внимательно.

— А Анна Павловна васъ любитъ?—спросилъ онъ.

— Это очень щекотливый вопросъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ:—впрочемъ, я вамъ скажу: она любитъ меня.

— Она очень несчастлива въ замужествѣ!—сказалъ Савелій.

— Знаю,—отвѣчалъ мрачно Эльчаниновъ.—Я готовъ былъ почти убить этого господина; но что изъ этого — какая можетъ быть польза! Скажите лучше, другъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Извольте!—отвѣчалъ Савелій.

Эльчаниновъ бросился его обнимать.

Весь остальной день пріятели только и говорили что объ Аннѣ Павловнѣ, или, лучше сказать, Эльчаниновъ одинъ безпрестанно говорилъ объ ней: онъ описывалъ рѣдкія качества ея сердца; превозносилъ ея умъ, ея образованіе и всякій почти разъ приходилъ въ ожесточеніе, когда вспоминалъ, какому она принадлежитъ тирану. Ночью онъ изготовилъ къ ней письмо такого содержанія:

«Богъ вамъ судья, что вы не исполнили обѣщанія. Боюсь отыскивать тому причины и заставляю себя думать, что вы не могли поступить иначе. Безнадежность увидѣться съ вами заставляетъ меня рисковать: письмо это посылаю съ С... Н... Онъ добрый и благородный человѣкъ, въ глубокомъ значеніи этого слова. Чтобы не умереть отъ грусти, я долженъ съ вами видѣться. Если пройдетъ нѣсколько дней и я не увижусь съ вами, не ручаюсь, что со мной будетъ... Я не застрѣлюсь... Нѣтъ! Я просто умру съ печали... Прощайте, до свиданья».

Савелій ушелъ поутру, обѣщаясь въ тотъ же день принести Эльчанинову отвѣтъ.

XI.

Въ Могилкахъ между тѣмъ шло, повидимому, прежнимъ порядкомъ. Задоръ-Мановскій только-что пріѣхалъ изъ города. Анна Павловна не такъ хорошо себя чувствовала и почти лежала въ постели. Пріемъ графа сдѣлалъ на нее самое непріятное впечатлѣніе. Оскорбленная его обращеніемъ, она едва въ состояніи была скрыть непріятное чувство, которое началъ внушать ей этотъ человѣкъ, и свободно вздохнула тогда только, какъ выѣхала отъ него и очутилась одна въ своей каретѣ; а потомъ мысли ея снова устремились къ постоянному предмету мечтаній—къ Эльчанинову, къ честному, доброму и благородному Эльчанинову. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, не перемѣнивъ даже платья, пошла она къ Лапинской рощѣ, въ нетерпѣніи скорѣе узнать, взялъ ли онъ письмо, и нѣтъ ли еще его тамъ, потому что было всего восемь часовъ вечера, но никого не нашла. Со вниманіемъ начала она осматривать то мѣсто дерева, гдѣ положена была записка—тамъ ея не было. На сердцѣ Анны Павловны начинало становиться легче; но вдругъ она замѣтила что-то бѣлое, лежавшее на днѣ трещины, и съ помощью прутика вытащила бумажку. Это была ея записка. Всѣ надежды рушились: она не будетъ его видѣть завтра, можетъ-быть, никогда. Онъ раз-

сердился и оставилъ ее одну, опять одну, среди ея мукъ, въ то время, когда ей угрожаетъ еще новая опасность отъ графа. Не помня почти себя, она возвратилась домой и бросилась на кровать. Тысяча средствъ было придумано, чтобы извѣстить Эльчанинова, но ни одно не было возможно, и такимъ образомъ прошли три страшные, мучительные дня; отъ Эльчанинова не было ни вѣсточки. Въ припадкѣ изступленія, Анна Павловна рѣшилась итти пѣшкомъ въ усадьбу его, которая, она слыхала, въ десяти всего верстахъ; итти туда, чтобы только видѣться съ нимъ и выпросить у него прощеніе въ невольномъ проступкѣ, и, вѣроятно бы, рѣшилась на это; но пріѣхалъ мужъ, и то сдѣлалось невозможно. Сама не зная, что̀ дѣлать, бѣдная женщина притворилась больной и легла въ постель. Михайла Егорычъ возвратился на этотъ разъ въ болѣе, казалось, добромъ и веселомъ расположеніи духа, нежели обыкновенно. Узнавши о болѣзни жены, онъ вошелъ въ ея спальню и, чего никогда еще не бывало, довольно ласково спросилъ, чѣмъ именно она больна, и потомъ даже посовѣтовалъ ей обтереться виномъ съ перцемъ, единственнымъ лѣкарствомъ, которымъ онъ самъ пользовался и въ цѣлительную силу котораго вѣрилъ.

— Ужъ не сіятельныя ли любезности уложили тебя въ постель?—сказалъ онъ шутя.

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

Постоявъ еще немного въ спальной, Мановскій вышелъ, отобѣдалъ и потомъ, вытянувшись на диванѣ въ гостиной и подложивъ подъ голову жесткую кожаную подушку, началъ дремать; но шумъ мужскихъ шаговъ въ залѣ заставилъ его проснуться.

Это былъ Савелій.

— Здорово, братъ, — сказалъ хозяинъ, не поднимаясь съ дивана и протягивая свою огромную руку гостю.

Мановскій обходился съ Савеліемъ ласково, потому что часто нуждался въ немъ по хозяйству.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ тотъ, садясь на ближайшее кресло.

— Что̀ скажешь новенькаго?

— Вы говорили мнѣ побывать у васъ.

— Да плохи дѣла, братъ, у меня на мельницѣ; чортъ ее знаетъ, что̀ сдѣлалось: не промалываетъ. Мои-то дурачье никакъ въ толкъ взять не могутъ.

— Камни плохи?

— Новые: съ полгода какъ купилъ. Посмотри, пожалуйста; сегодня некогда, а завтра.

— Мнѣ до завтра нельзя остаться.

— Ну, полно, Савелій, погости, братецъ; скажи-ка лучше, здорова ли сосѣдка твоя Клеопатра Николаевна?

— Я ее не видалъ. А ваша Анна Павловна?

— Больна, братецъ; должно-быть, простудилась. Хилая она вѣдь такая.

— И очень больна?—спросилъ Савелій.

— Да, лежитъ.

«Увижу ли я ее, — подумалъ Савелій:—придется ночевать. Авось утромъ выйдетъ».

— Кто тамъ?—закричалъ Мановскій, услышавши небольшой шумъ.

Вмѣсто отвѣта въ комнату вошелъ Иванъ Александрычъ, блѣдный, на цыпочкахъ, какъ бы удерживая дыханіе.

— А, ваше сіятельство!—сказалъ хозяинъ:—прошу покорнѣйше пожаловать! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Мановскій былъ въ очень добромъ расположеніи духа.

Но Иванъ Александрычъ вмѣсто отвѣта только кланялся.

— Что это вы такіе пересовращенные? Ужъ не уѣхалъ ли вашъ дядюшка?

— Никакъ нѣтъ-съ. Его сіятельство еще долго проживутъ.

— Благодареніе Господу!.. Садитесь, батюшка Иванъ Александрычъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Разскажите-ка намъ, что подѣлываетъ вашъ сіятельнѣйшій дядюшка, каково поживаетъ, каково кушаетъ?

— Т.-е. каково здоровье его сіятельства?

— Да, хоть каково здоровье?

— Очень хорошо-съ.

— Благодареніе Господу! Да сохранитъ Онъ его на долгіе дни!

Иванъ Александрычъ переминался.

— Я имѣю вамъ, Михайла Егорычъ, нѣчто сказать,—проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Мнѣ?.. А что бы такое?..

— Я могу сказать только одинъ на одинъ.

— Странно!.. Ужъ не хотите ли у меня для дядюшки попросить денегъ взаймы? Впередъ говорю: не дамъ.

— У его сіятельства у самихъ денегъ цѣлыя горы.

— Такъ что бы такое это было?

— При людяхъ не могу, Михайла Егорычъ, ей-Богу, не могу...

— При людяхъ не можете?.. Дѣлать нечего... выдь, братъ Савелій, пройди къ женѣ въ спальню... Знаешь гдѣ?

— Знаю,—сказалъ Савелій, обрадованный случаемъ повидаться съ Анною Павловною, и вышелъ.

— Ну, говорите,—сказалъ Мановскій.

Иванъ Александрычъ медлилъ; лицо его было блѣдно, руки и ноги дрожали.

— Да что это съ вами?—спросилъ Задоръ-Мановскій, видя смущеніе его.

— Михайла Егорычъ,—началъ наконецъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Александрычъ: — я дворянинъ, не богатый, но дворянинъ; понимаете, въ душѣ дворянинъ!

— Чортъ васъ знаетъ, что у васъ тамъ въ душѣ? — сказалъ Мановскій, котораго начинали бѣсить загадочныя рѣчи сосѣда.

— Въ душѣ у меня сердце, Михайла Егорычъ, — продолжалъ тотъ:—я дворянинъ... мнѣ горько, когда другого дворянина обижаютъ.

— Что за околесица: дворянинъ... дворянина обижаютъ! Да что вы такое городите?

— Михайла Егорычъ! Вы не знаете, а васъ обижаютъ.

— Меня обижаютъ? Кто меня обижаетъ?

— Валерьянъ Александрычъ Эльчаниновъ,—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Эльчаниновъ... Да вамъ кой чортъ на берестѣ это написалъ?—сказалъ, покраснѣвши, Мановскій, думая, что Иванъ Александрычъ хочетъ говорить про происшествіе у вдовы.

— Я самъ видѣлъ, Михайла Егорычъ.

— Сами видѣли... да гдѣ же и что вы видѣли?

— Видѣлъ ихъ вмѣстѣ.

— Гдѣ вмѣстѣ?

— Здѣсь, въ полѣ, и, кажется, цѣловались.

При послѣднихъ словахъ досада и безпокойство показались на лицѣ Мановскаго.

— Да по кой чортъ въ поле-то они сюда зашли? — спросилъ онъ.

— Видно, такъ согласились; я ихъ нашелъ вдвоемъ и послѣ съ ней пришелъ сюда въ Могилки.

— Сюда? Да сюда зачѣмъ же?

— Она меня пригласила къ себѣ.

— Ну, такъ вы къ ней бы и шли.

— Я и пришелъ къ нимъ.

— Какъ пришелъ къ нимъ? Да вѣдь кто васъ пригласилъ?

— Анна Павловна-съ...

— Жена моя?—произнесъ Мановскій.

— Супруга ваша-съ.—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Да ее-то гдѣ вы видѣли?

— Я вамъ докладывалъ, что я ихъ видѣлъ въ полѣ съ Валерьяномъ Александрычемъ.

— Такъ это жена моя была... Ты ее видѣлъ съ Эльчаниновымъ? — началъ глухимъ голосомъ Мановскій, приподнимаясь съ дивана — и глаза его налились кровью и страшно взглянули на Ивана Александрыча, который ни живъ ни мертвъ сидѣлъ на стулѣ и не могъ даже ничего отвѣчать.

— А, милостивая государыня, — сказалъ Мановскій, переломивши первое движеніе гнѣва:—такъ вотъ ты чѣмъ больна? Эй!—закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Пошли сюда барыню, сейчасъ же... сію секунду.

Иванъ Александрычъ поднялся со стула.

— Прощайте, Михайла Егорычъ, — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Сидите, вы мнѣ нужны,—сказалъ Мановскій повелительнымъ голосомъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ гостиную вошла Анна Павловна, съ довольно веселымъ лицомъ: она сейчасъ получила письмо отъ Эльчанинова. Вслѣдъ за ней вошелъ и Савелій.

— Поди сюда ближе, — сказалъ Мановскій. — Этотъ человѣкъ,—продолжалъ онъ, указывая на Ивана Александрыча:— говоритъ, что видѣлъ тебя съ любовникомъ въ здѣшнемъ полѣ... уличи его, что онъ лжетъ.

Смертная блѣдность покрыла лицо бѣдной женщины; дыханіе остановилось у ней въ груди.

— Вы, Иванъ Александрычъ... —начала она, но голосъ ея прервался.

— Говорятъ тебѣ, оправдывайся, или я тебя убью! — заревѣлъ Мановскій и схватилъ ее одною рукою за воротъ капота, а другою замахнулся. Въ первый еще разъ поднималъ онъ на жену руку. Негодованіе и какое-то отчаяніе отразилось на блѣдномъ ея лицѣ.

— Онъ не лжетъ, я люблю того человѣка и ненавижу васъ! — вскричала она почти безумнымъ голосомъ, и въ ту же минуту раздался сильный ударъ пощечины. Анна Павловна, какъ пластъ, упала на полъ. Мановскій вскочилъ и, приподнявъ свою громадную ногу, хотѣлъ, кажется, сразу придавить ее; но Савелій успѣлъ несчастную жертву схватить и вытащить изъ гостиной. Она почти не дышала.

— А!— ревѣлъ Мановскій: — такъ ты такъ-то!..—и обратился-было къ Ивану Александрычу, но тотъ ужъ скрылся

и, что̀ есть силы, гналъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ Каменку.

— Люди!—произнесъ Мановскій, какъ бы обезпамятѣвъ отъ гнѣва и садясь на диванъ.

Въ комнату вошелъ блѣдный лакей.

— Сейчасъ выгнать ее изъ моего дома! — сказалъ онъ какимъ-то страшно-спокойнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ показался Савелій.

— Михайла Егорычъ, вспомните, что̀ вы дѣлаете! — сказалъ онъ:—куда пойдетъ Анна Павловна?

— Къ чорту! Пускай идетъ къ любовнику.

— Богъ васъ накажетъ, Михайла Егорычъ, вы и себя и ее губите.

Мановскій не отвѣчалъ.

— Малый!—крикнулъ онъ.

Въ комнату явился прежній лакей.

— Выгнали ли?

— Барыня лежитъ въ обморокѣ, — произнесъ робко лакей.

— Вытащить ее на рукахъ!—проревѣлъ Мановскій.

— Михайла Егорычъ, — произнесъ Савелій.

— Убирайтесь къ чорту! — продолжалъ Мановскій.

— Михайла Егорычъ! Я на васъ донесу предводителю!

— Хо-хо-хо! Ахъ, ты, лапотникъ! Пошелъ вонъ!

— Вспомните, Михайла Егорычъ, Бога! Не раскайтесь! — сказалъ Савелій и вышелъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ страшная сцена совершилась на могилковскомъ дворѣ. Двое лакевъ несли безчувственную Анну Павловну на рукахъ; сзади ихъ шелъ мальчикъ съ чемоданомъ. Дворовыя женщины и даже мужики, стоя за углами своихъ избъ, навзрыдъ плакали, провожая барыню. Мановскій стоялъ на крыльцѣ; на лицѣ его видна была безчувственная холодность. Мщеніе его было удовлетворено. Онъ зналъ, что обрекалъ жену или на нищету, или на позоръ. Между тѣмъ двое слугъ, несшихъ Анну Павловну, прошли могилковское поле и остановились.

— Ужъ не умерла ли она?

— Боюсь, Сеня, дальше-то итти; положимъ здѣсь, авось опомнится и добредетъ куда-нибудь...

— Да только бы опомнилась.

— Ну, такъ класть, что ли? Лучше ночью можно сбѣгать сюда.

Въ это время изъ опушки лѣса вышелъ Савелій.

— Оставьте, братцы, ее, — сказалъ онъ: — какъ опомнится, я доведу ее куда-нибудь.

— Доведите, Савелій Никандрычъ, — сказали лакеи: — мы ужъ въ той надеждѣ будемъ.

Они сложили свою ношу. Мальчикъ положилъ возлѣ небольшой чемоданъ.

— Прощайте, матушка Анна Павловна, — сказалъ Сенька, цѣлуя безчувственную руку госпожи.

Всѣ они отправились въ обратный путь. Савелій одинъ остался съ Анной Павловной. Что было ему дѣлать? Куда отвести? Къ кому-нибудь изъ сосѣдей? Онъ зналъ, что всѣ ее не любятъ и не дадутъ прибѣжища, тѣмъ болѣе, когда узнаютъ причину ея изгнанія. Къ Эльчанинову? Но это было... Онъ холостой человѣкъ, онъ любовникъ ея: скажутъ, что она убѣжала къ нему. Къ себѣ? Не все ли это равно, что къ Эльчанинову. Отвести ее къ графу и просить его покровительства и защиты? Это казалось ему всего лучше. А что скажетъ Эльчаниновъ? Да и куда захочетъ она сама?

Размышленія его были прерваны стономъ, вырвавшимся изъ груди Анны Павловны. Она опомнилась и приподнялась съ земли.

— Гдѣ я? — проговорила страдалица, обводя вокругъ себя мутнымъ взоромъ.

— Здѣсь, со мной, Анна Павловна,—сказалъ Савелій.

— Здѣсь... Гдѣ здѣсь? Мнѣ помнится, онъ кричалъ на меня... онъ хотѣлъ убить меня.

— Да-съ...—отвѣчалъ Савелій; на глазахъ его навернулись слезы.—Но теперь вы однако успокойтесь: вамъ лучше. Пойдемте.

— Итти — куда? Домой?

Савелій ничего не отвѣчалъ.

— Куда же мы пойдемъ? Я не пойду домой. Мнѣ страшно.

— Мы не пойдемъ въ Могилки,—отвѣчалъ Савелій.

— Куда же итти?

— Мы пойдемъ... куда вы захотите.

— Погодите... Я понимаю... мужъ меня выгналъ, онъ не убилъ меня, а только выгналъ, и за что? За то, что я сказала, что люблю этого человѣка... Что же? Ведите меня къ нему. Я хочу его видѣть, хочу разсказать ему, какъ меня выгналъ мужъ за него. Ведите меня, я давно его не видала, я обманула его.

— Но, Анна Павловна, какъ же это?.. Неприлично, — возразилъ-было Савелій.

— Ведите меня къ нему: у меня никого кромѣ него нѣтъ! Бога ради, ведите!—воскликнула бѣдная женщина, почти вставая передъ Савеліемъ на колѣни.

— Ну, суди меня Богъ,—проговорилъ онъ, махнувъ рукою, и потомъ поднялъ ее и почти на рукахъ понесъ въ Коровино, къ Эльчанинову.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло два мѣсяца послѣ того дня, какъ въ Могилкахъ разыгралась страшная драма. Она исключительно была предметомъ разговоровъ всѣхъ сосѣдей. Въ настоящее время ихъ удивляло то странное положеніе, въ которомъ держали себя лица заинтересованныя въ этомъ происшествіи, которое разсказывалось слѣдующимъ образомъ: Анна Павловна еще до замужества вела себя двусмысленно — причина, по которой Мановскій дурно жилъ съ женою. Графъ, знавшій ее по Петербургу и, можетъ-быть, уже бывшій съ нею въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, пріѣхавъ въ деревню, захотѣлъ возобновить съ нею прошедшее, а потому первый пріѣхалъ къ Мановскому. Михайла Егорычъ, ничего не подозрѣвая собственно насчетъ графа, отпустилъ ее въ Каменки одну. Но Анна Павловна отвергнула на этотъ разъ исканіе графа, потому что ужъ любила другого, молодого, Эльчанинова. Графъ, изъ ревности, велѣлъ присматривать за нею Ивану Александрычу, который засталъ молодыхъ людей въ лѣсу и сказалъ объ этомъ Мановскому. Михайла Егорычъ, очень естественно, вышелъ изъ себя и сказалъ сгоряча женѣ, чтобъ она оставила его домъ, и Анна Павловна, воспользовавшись этимъ, убѣжала къ своему любовнику, захвативши съ собою всѣ брильянтовыя вещи, съ тѣмъ, чтобы бѣжать за границу,—самое удобное, какъ извѣстно, мѣсто для убѣжища незаконныхъ любовниковъ. До сихъ поръ все это было очень понятно; но далѣе становились втупикъ самые проницательные умы. Анна Павловна не убѣжала за границу, а жила, къ стыду и поношенію своего мужа, въ усадьбѣ Эльчанинова. Михайла Егорычъ, человѣкъ съ амбиціей, все это терпѣлъ и допускалъ ее жить невдалекѣ отъ него. Съ часу на часъ ожидали всѣ съ его стороны какого-нибудь рѣшительнаго поступка; но онъ не предпринималъ ничего и никуда не выѣзжалъ. Къ нему же ѣхать никто не смѣлъ. Не менѣе того удивлялъ и графъ. Вмѣсто того, чтобъ бросить и забыть измѣнившую ему Анну Павловну, онъ вездѣ и всѣмъ ее хвалилъ и совершенно извинялъ и оправдывалъ ея поступокъ и, при всей своей деликатности, называлъ Мановскаго мерзавцемъ.

Между тѣмъ какъ въ обществѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ развязки, менѣе всего, кажется, думали о своемъ положеніи главныя дѣйствующія лица. Почти цѣлыя сутки послѣ страшной катастрофы Анна Павловна находилась въ какомъ-то безчувственномъ состояніи. Наконецъ къ ней возвратилось сознаніе, и первый человѣкъ, котораго она увидѣла и узнала, былъ блѣдный и худой Эльчаниновъ. Она настоятельно просила разсказать ей обо всемъ случившемся. Эльчаниновъ повиновался. Выслушавъ разсказъ, она протянула руку къ своему покровителю и со слезами благодарила за данное ей убѣжище.

— Анна!—вскричалъ въ изступленіи Эльчаниновъ. — Самъ Богъ вырвалъ тебя изъ рукъ злодѣя и отдалъ мнѣ. Ты навѣки моя и должна мнѣ принадлежать, какъ собственность.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя. Я хочу и должна принадлежать тебѣ!—сказала бѣдная женщина—и безъ борьбы, безъ раскаянія бросилась въ пропасть, въ которую увлекалъ ее энергическій, но слабый и вѣтреный человѣкъ. Но, какъ бы то ни было, съ этой минуты для нихъ началось блаженство. Цѣлые дни проходили незамѣтно: они гуляли по полямъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ читали и перечитывали какіе только были у нихъ подъ рукой романы, которые имъ напоминали ихъ собственныя чувства, и наконецъ цѣловались и глядѣли по цѣлымъ часамъ другъ на друга. Они забыли о толкахъ людей, о двусмысленности своего положенія, объ опасностяхъ, о будущемъ. Одинъ только человѣкъ сталъ нарушать счастье Эльчанинова,—это Савелій. Съ тѣхъ поръ какъ выздоровѣла Анна Павловна, онъ непрестанно говорилъ своему пріятелю о необходимости куда-нибудь уѣхать, объ опасности со стороны Мановскаго, который не остановится на этомъ. Но Эльчаниновъ никуда не могъ тронуться съ мѣста: у него не было денегъ. Сначала онъ скрывалъ истинную причину отъ своего пріятеля и старался выдумывать различные предлоги отложить отъѣздъ. Наконецъ долженъ былъ признаться откровенно. Лицо Савелія нахмурилось. Въ первый еще разъ онъ увидѣлъ для любовниковъ опасность съ этой стороны. «При самомъ началѣ они нуждаются,—думалъ онъ:—но что же будетъ дальше?»

— Когда же у васъ будутъ деньги?—спросилъ онъ Эльчанинова.

— У меня должны быть скоро небольшія... Впрочемъ, можно заложить имѣніе, — отвѣчалъ Эльчаниновъ и солгалъ.

Имѣніе было давно заложено. Кромѣ того, онъ имѣлъ еще долги, о которыхъ, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ видѣть своихъ кредиторовъ, почти совершенно забылъ.

— Ну, такъ поѣзжайте и заложите скорѣе, — говорилъ Савелій.

— Да, я поѣду скоро, — отвѣчалъ Эльчаниновъ, чтобъ что-нибудь сказать.

Анна Павловна не знала этихъ разговоровъ, которые происходили между друзьями, и только замѣчала, что Эльчаниновъ всякій разъ, поговоривши съ Савеліемъ, становился скучнымъ, но, впрочемъ, это проходило очень скоро.

Между тѣмъ время шло. Савелій попрежнему настаивалъ объ отъѣздѣ; Эльчаниновъ попрежнему отыгрывался. Наконецъ онъ, казалось, началъ избѣгать оставаться вдвоемъ съ своимъ пріятелемъ, и всякій разъ, когда это случалось, онъ или кликалъ слугу, или самъ выходилъ изъ комнаты, или призывалъ Анну Павловну. Савелій замѣчалъ, хмурился и все-таки старался найти случай возобновить свои убѣжденія; но Эльчаниновъ былъ ловчѣе въ этой игрѣ: Савелію ни разу не случалось остаться наединѣ съ нимъ.

Неожиданное обстоятельство нѣсколько измѣнило порядокъ ихъ жизни. Однажды, это было уже спустя два мѣсяца, отъ графа привезли письмо. На конвертѣ было написано: «Аннѣ Павловнѣ, въ собственныя руки». Оно было слѣдующее:

«Милая моя Анна Павловна!

«Съ прискорбіемъ и радостью услышалъ я о постигшей васъ участи и о перемѣнѣ въ вашей жизни. Не могу васъ судить, потому что въ глубинѣ сердца оправдываю вашъ поступокъ. Но за что же вы забыли меня? За что же вы поставили меня на ряду съ людьми, которые вамъ сдѣлали много зла и желаютъ еще сдѣлать? Зачѣмъ же вы, отторгнувшись отъ нихъ, отторглись и отъ меня? Я съ этими людьми не раздѣляю и вообще мнѣній, а тѣмъ болѣе мнѣнія о васъ. Я — старый другъ вашего отца! Не отвергайте моей отеческой привязанности, которую питаю къ вамъ. Можетъ-быть, она послужитъ вамъ въ пользу, особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Пріѣзжайте ко мнѣ и пріѣзжайте съ *нимъ!* Я хочу видѣть, достоинъ ли онъ любви вашей. Скажите ему, что я начинаю уже любить его, потому что онъ любимъ вами.

«Остаюсь преданный вамъ

«Графъ Сапѣга».

Анна Павловна, прочитавши письмо, отдала его Эльчанинову. Оно ей было непріятно. Инстинктъ женщины очень ясно говорилъ, что участіе графа было не безкорыстное и не родственное, такъ что она не хотѣла-было даже отвѣчать; но совершенно иными глазами взглянулъ на это Эльчаниновъ. Несмотря на то, что Анна Павловна пересказала ему еще

прежде объ объясненіяхъ графа и объ его предложеніяхъ, онъ обрадовался покровительству Сапѣги, которое могло быть очень полезно въ ихъ положеніи, потому что хоть онъ и скрывалъ, но въ душѣ ужасно боялся Задоръ-Мановскаго.

— Мнѣ кажется, графъ любитъ тебя просто, — сказалъ онъ:—иначе къ чему бы ему предлагать при теперешнихъ обстоятельствахъ свое участіе?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Что жъ мнѣ написать къ нему? — спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Поблагодарить и принять приглашеніе; я самъ поѣду съ тобой,—отвѣчалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся, впрочемъ, никогда не отпускать Анну Павловну одну къ графу, и тотчасъ же продиктовалъ ей отвѣтъ:

«Милостивый государь,
«графъ Юрій Петровичъ!

«Благодарю васъ за ваше участіе. Богъ вамъ заплатитъ за него! Я не забывала васъ, я не отторгалась отъ вашей признательной дружбы; я помнила васъ всегда, цѣнила и надѣялась на васъ, но не обращалась къ вамъ потому, что только теперь еще едва поправляюсь отъ тяжкой болѣзни. Принимаю ваше приглашеніе и буду у васъ съ *нимъ*, когда вы прикажете; прошу только, чтобы намъ не встрѣтиться въ вашемъ домѣ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, такъ враждующихъ теперь противъ насъ. Еще разъ повторяя мою благодарность, имѣю честь пребывать

«обязанная вами и проч.»

Письмо это было запечатано и отдано посланному.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Савелій. Эльчаниновъ на этотъ разъ не избѣгалъ остаться съ нимъ наединѣ. Савелій тотчасъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

— Наконецъ я васъ поймалъ, — сказалъ онъ. — Когда же вы, Валерьянъ Александрычъ, поѣдете закладывать имѣніе?

— Теперь, Савелій Никандрычъ, не нужно ѣхать; оставаться здѣсь больше нѣтъ опасности.

— Какъ не нужно? Мановскій живехонекъ; вчера видѣлъ: къ Клеопатрѣ Николаевнѣ пріѣзжалъ!

— Онъ можетъ жить, сколько ему угодно; но дѣло въ томъ, что сегодня графъ прислалъ къ намъ письмо и совѣтовалъ быть спокойными, обѣщая своимъ покровительствомъ охранить насъ отъ всего.

— Я не понимаю, какимъ манеромъ онъ можетъ охранить васъ и особливо Анну Павловну отъ мужа.

— Ахъ, Савелій Никандрычъ, какъ вы мало знаете жизнь!— вскричалъ Эльчаниновъ.—Богатый и знатный человѣкъ... Да чего онъ не можетъ сдѣлать! Знаете ли, что одного его слова достаточно, чтобы усмирить мужа и заставить его навсегда отказаться отъ жены.

— Мужа, хоть бы и какого-то ни было, врядъ ли кто можетъ заставить отказаться отъ жены, а ужъ Мановскаго и подавно! Вы, ей-Богу, Валерьянъ Александрычъ, очень ужъ какъ-то безпечны.

— Не безпеченъ я, а только лучше васъ знаю людей и знаю, какъ они терпѣливы къ подобнымъ проступкамъ.

— Такъ вы и не думаете уѣхать отсюда?

— Не вижу надобности.

— Валерьянъ Александрычъ, уѣзжайте! — сказалъ умоляющимъ голосомъ Савелій: — Бога ради, уѣзжайте! Что такое васъ удерживаетъ?.. Неужели вамъ жаль денегъ?

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ вспыхнулъ.

— Я не далъ вамъ, кажется, повода такъ думать обо мнѣ. Я рискую для этой женщины, оставаясь здѣсь, можетъ-быть, жизнью; такъ что тутъ значатъ деньги?

— Зачѣмъ же рисковать жизнью! Лучше уѣзжайте!.. Отчего же вы не ѣдете?

— Невозможно!

— Отчего невозможно?

— Во-первыхъ, оттого, что Анна Павловна больна, во-вторыхъ... да я не вижу: какая будетъ польза, если мы уѣдемъ? Мановскій, если захочетъ сдѣлать зло, сдѣлаетъ вездѣ: будемъ ли мы здѣсь, въ Петербургѣ, или Москвѣ! Тамъ еще болѣе!.. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, покровитель!..

— Какъ это можно! Въ городѣ большая разница, — возразилъ Савелій. — Тамъ вы будете у него не на глазахъ. Вы можете жить по разнымъ домамъ!.. Будетъ подозрѣніе, да улики, по крайности, не будетъ... А покровитель? Помните, что вы сами мнѣ говорили объ этомъ покровителѣ?

— Что жъ такое?.. Это была ошибка съ моей стороны. Я самъ хорошо вижу, что графъ ее любитъ, какъ другъ ея отца, тѣмъ больше, что онъ ей дальній родственникъ.

При этомъ словѣ Савелій только усмѣхнулся.

— Уѣзжайте, Валерьянъ Александрычъ,—повторилъ онъ:— вы еще, видно, не знаете, что можетъ быть.

— Что жъ можетъ быть?—произнесъ Эльчаниновъ съ поддѣльною безпечностью.

— А можетъ быть, что Мановскій, говорятъ, хочетъ выписать тестя, да и пріѣдетъ сюда съ нимъ!.. Каково это бу-

детъ для Анны Павловны? А не то, пожалуй, и къ правительству обратится... Не скроешь этого дѣла.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ поблѣднѣлъ.

— Я знаю, все знаю,—проговорилъ онъ:—но что жъ мнѣ дѣлать, если я не имѣю съ чѣмъ мнѣ теперь ѣхать.

— Поѣзжайте и заложите имѣніе, а тамъ поступите на службу.

— Но какъ я поѣду? Какъ ее оставлю одну? Я не могу съ нею разстаться. Это выше моихъ силъ.

— Поѣзжайте вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? Но вмѣстѣ... на это у меня просто не хватитъ денегъ,—сказалъ, совершенно растерявшись, Эльчаниновъ.

— Графъ вамъ обѣщалъ покровительство; попросите у графа,—сказалъ Савелій.

— У графа? Никогда! Да онъ и не дастъ.

— Можетъ, и дастъ!.. Вы сами говорите: онъ любитъ Анну Павловну и родственникъ ей. Вы объясните ему откровенно.

— Ни за что на свѣтѣ, чтобы я унизилъ себя до того, чтобы у подобнаго господина сталъ ханжить денегъ! Ни за что!—произнесъ рѣшительно Эльчаниновъ.

— Что жъ тутъ за униженіе?—возразилъ Савелій.—Не хотите только!.. Кабы я зналъ, я бы лучше отвезъ Анну Павловну въ городъ къ отцу протопопу знакомому... Онъ, можетъ, подержалъ бы ее, пока она своему папенькѣ написала.

— Благодарю васъ, что вы такъ меня понимаете, — сказалъ обиженнымъ голосомъ Эльчаниновъ.

— Что мнѣ васъ понимать? Я человѣкъ простой, а вы образованный!.. Взялъ я только на свою душу грѣхъ!..

— Очень сожалѣю, что приняли для меня на свою душу грѣхъ,—сказалъ Эльчаниновъ, начинавшій уже окончательно выходить изъ терпѣнія.

Приходъ Анны Павловны прекратилъ ихъ разговоръ.

Дня черезъ четыре графъ прислалъ человѣка съ письмомъ, въ которомъ въ тотъ же день приглашалъ ихъ къ себѣ и увѣдомлялъ, что онъ весь день будетъ одинъ. Часу въ двѣнадцатомъ Анна Павловна, къ соблазну всѣхъ сосѣдей, выѣхала съ Эльчаниновымъ, какъ бы съ мужемъ, въ одной коляскѣ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ новобрачныхъ! — сказалъ исправникъ губернскому предводителю, пріѣхавши къ нему и повстрѣчавши дѣйствительно нашихъ любовниковъ.

— Какихъ новобрачныхъ?—спросилъ тотъ.

— Эльчанинова съ Мановской.

— Неужели они обвѣнчались?

— Нѣтъ-съ, я шучу,—сказалъ исправникъ.—Только ѣдутъ вдвоемъ и поворотили въ Каменки.

— Господи, твоя воля! — сказалъ предводитель.—Что это такое дѣлается?.. Этакая безстыдница!.

— Да, ваше превосходительство, нечего сказать, еще и не бывало такой!.. Что-то Мановскій?

— Богъ его знаетъ, сидитъ,—сказалъ предводитель.

— Да ужъ онъ что-нибудь и высидитъ, — замѣтилъ исправникъ.

— Но мнѣ всѣхъ тутъ страннѣе графъ,—продолжалъ предводитель:—то онъ дѣйствуетъ такъ, то иначе.

— Непонятно,—подхватилъ исправникъ.

Одно и то же почти говорили во всѣхъ домахъ, съ тою только разницею, что мужчины старались больше понять и разгадать, а дамы просто бранили Анну Павловну, объясняя все тѣмъ, что она женщина безъ всякихъ правилъ.

Между тѣмъ графъ часу въ первомъ пополудни былъ попрежнему въ своей гостиной: хотя туалетъ его былъ все такъ же изысканъ, но онъ, казалось, въ этотъ разъ былъ въ болѣе спокойномъ состояніи духа, чѣмъ передъ первымъ визитомъ Анны Павловны; онъ не ходилъ по комнатѣ тревожными шагами, не заглядывалъ въ окно, а спокойно сидѣлъ на диванѣ, и передъ нимъ лежала раскрытая книга. Ивана Александрыча не было около него. Графъ прогналъ его вскорѣ послѣ того, какъ онъ произвелъ кутерьму у Задоръ-Мановскаго, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе насчетъ участія въ открытіи тайны. Бѣдный племянникъ скрывалъ это отъ всѣхъ и притворился больнымъ. Вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ Анны Павловны и Эльчанинова.

— Просить!—сказалъ графъ и привсталъ съ дивана.

Анна Павловна вошла первая, а за нею Эльчаниновъ.

— Здравствуйте, гордая Анна Павловна!—сказалъ графъ.—Нѣтъ, я опять за старое, поцѣлуйте!

Анна Павловна повиновалась.

— Здравствуйте и вы, тоже гордый молодой человѣкъ, — прибавилъ онъ, протягивая Эльчанинову руку, которую тотъ принялъ съ нѣкоторымъ волненіемъ: ему было какъ-то совѣстно своего положенія.

— Здоровы ли вы?.. Поспокойнѣе ли? — спросилъ графъ Анну Павловну, усадивши ее на диванѣ.

Эльчаниновъ сѣлъ поодаль.

— Я здорова, графъ,—отвѣчала она.

— Васъ я не спрашиваю,—продолжалъ Сапѣга, обращаясь

къ Эльчанинову: — вы должны быть здоровы, потому что счастливы. Сядьте къ намъ поближе.

Эльчаниновъ пересѣлъ на ближнее кресло.

— Вы давно живете въ деревнѣ?—спросилъ его графъ.

— Полгода, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Только полгода? — повторилъ графъ, посмотрѣвши на Анну Павловну.—А гдѣ вы жили?

— Въ Москвѣ.

— Служили тамъ?

— Сначала учился въ университетѣ, а потомъ служилъ.

— А!.. — произнесъ протяжно графъ, а потомъ, какъ бы самъ съ собою, прибавилъ: — въ Москвѣ собственно службы для молодыхъ людей нѣтъ.

— Кажется, или, по крайней мѣрѣ, я это на себѣ очень чувствовалъ, — подхватилъ Эльчаниновъ. — Меня сдѣлали сверхштатнымъ писцомъ, тогда какъ я и сноснаго почерка не имѣю.

Графъ съ улыбкой покачалъ головой.

— Вы, вѣроятно, не имѣли никакихъ связей, — произнесъ онъ совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Рѣшительно никакихъ, ваше сіятельство, кромѣ добросовѣстнаго желанія трудиться,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Богъ дастъ, вамъ и придетъ это время трудиться, а теперь покуда мы васъ не отпустимъ на службу; живите здѣсь, въ деревнѣ, честолюбіе отложите въ сторону, вамъ весело и безъ службы.

— Мнѣ надобно бы служить, графъ, хоть затѣмъ, чтобы уѣхать отсюда.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать, — проговорилъ Сапѣга:—но я думаю, что я такъ люблю Анну Павловну и что покуда я здѣсь, то зорко буду слѣдить за ея спокойствіемъ; а тамъ, Богъ дастъ, переѣдемъ и въ Петербургъ, гдѣ я тоже имѣю нѣкоторую возможность устроить васъ.

Будь другой человѣкъ на мѣстѣ Эльчанинова, онъ бы, можетъ, понялъ, на что билъ графъ; онъ бы понялъ, что Сапѣга съ намѣреніемъ будилъ въ немъ давно уснувшее честолюбіе; онъ бы понялъ, что тотъ хочетъ его удержать при себѣ, покуда самъ будетъ жить въ деревнѣ, а потомъ увезти вмѣстѣ съ Анной Павловной въ Петербургъ. Но—увы!—Эльчанинову только мелькнула богатая перспектива, которую можетъ открыть ему покровительство такого человѣка, каковъ былъ графъ. Въ первый разъ еще мой герой вспомнилъ о службѣ, о возможности жить ею въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Анной Павловной. и привязался къ этой мысли.

— Мнѣ очень нужно служить, ваше сіятельство, — сказалъ онъ.

— Увидимъ, увидимъ, — отвѣчалъ графъ. — Не помѣшаетъ ли еще намъ Анна Павловна? Мы еще ее не спрашивали, да и не будемъ спрашивать покуда.

Во весь остальной день Сапѣга, бывши очень ласковъ съ Анною Павловной, много говорилъ съ Эльчаниновымъ и говорилъ о серьезныхъ предметахъ. Онъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ много въ настоящее время молодыхъ людей единственно посредствомъ службы вышло въ знать и составляютъ теперь почти главныхъ дѣятелей по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Такъ прошелъ цѣлый день. Молодые люди уѣхали послѣ ужина.

Графъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Услышавши о страшной развязкѣ, которою кончилось объясненіе Ивана Александрыча съ Мановскимъ, и о бѣгствѣ Анны Павловны къ Эльчанинову, Сапѣга, удивленный этимъ, еще болѣе раздражился. Старческая прихоть превратилась въ страсть; но въ то же время онъ видѣлъ, что дѣйствовать рѣшительно нельзя, а надобно ожидать времени. Привязать къ себѣ участіемъ молодыхъ людей, гонимыхъ всѣми, казалось ему первымъ шагомъ, а тамъ возбудить въ душѣ молодого человѣка другую страсть — честолюбіе, которая, по мнѣнію его, должна была вытѣснить всѣ другія. Оставленная мужемъ, забытая любовникомъ, Анна Павловна не могла уйти отъ него; Мановскаго онъ боялся и не боялся, какъ боятся и не боятся медвѣдей. Но однако мы замѣтимъ, что графъ выждалъ цѣлый мѣсяцъ войти въ прямыя сношенія съ молодыми людьми и, въ продолженіе этого времени, только хвалилъ и защищалъ Анну Павловну; но Мановскій ни къ чему не приступалъ, и графъ началъ.

II.

Прошло еще три мѣсяца. Дѣйствующія лица моего разсказа оставались въ прежнемъ положеніи. Анна Павловна все такъ же жила у Эльчанинова; графъ приглашалъ ихъ къ себѣ и самъ къ нимъ ѣздилъ; Мановскій молчалъ и бывалъ только у Клеопатры Николаевны, къ которой поэтому всѣ и адресовались съ вопросами, но вдова говорила, что она не знаетъ ничего. Болѣе любопытные даже пріѣзжали къ ней въ усадьбу, чтобы посмотрѣть на оставленнаго мужа, но имъ никогда не удавалось встрѣтить Мановскаго, хотя они и слышали, что въ этотъ самый день онъ пріѣзжалъ въ Ярцово.

У предводителя назначенъ былъ обѣдъ. Общество было прежнее, за исключеніемъ Мановскаго и Эльчанинова. Клеопатра Николаевна сидѣла на диванѣ между Уситковою и Симановскою. Передъ ними стоялъ исправникъ. Прочія дамы сидѣли на креслахъ. Мужчины стояли и ходили. Всѣ ожидали графа.

— Давно ли вы видѣли вашего несчастнаго опекуна?— спросилъ исправникъ Клеопатру Николаевну.

— Онъ былъ вчера у меня, — отвѣчала Клеопатра Николаевна. — Почему же несчастнаго? — прибавила она.

— Да какъ же? Жену отняли! — возразилъ исправникъ.

— Онъ, кажется, забылъ объ ней и думать; впрочемъ, я съ нимъ никогда объ этомъ не говорю.

— Я ее встрѣтилъ, — сказалъ исправникъ: — пополнѣла, такая хорошенькая.

— Желаю ей, — отвѣчала съ презрѣніемъ вдова: — всѣ подобныя ей — хорошенькія и вамъ, мужчинамъ, обыкновенно нравятся.

— Оно лучше; а то что толку, напримѣръ, въ васъ, Клеопатра Николаевна? Ни Богу ни людямъ! — замѣтилъ съ усмѣшкою исправникъ, немного волокита по характеру и нѣкогда тоже ухаживавшій за Клеопатрою Николаевною, но не успѣвшій, и теперь слегка подсмѣивающійся надъ ней.

— Пожалуйста, избавьте меня отъ такихъ сравненій, — отвѣчала вдова обиженнымъ тономъ.

— Я васъ не смѣю и сравнивать, — сказалъ исправникъ.

— Графъ ѣдетъ! — произнесъ громко Уситковъ, уже давно смотрѣвшій въ окно.

При этомъ извѣстіи мужчины встали; дамы начали поправляться и сѣли попрямѣе; на всѣхъ лицахъ было небольшое волненіе. Одна только Клеопатра Николаевна не увлеклась этимъ общимъ движеніемъ и еще небрежнѣе развалилась на диванѣ. Хозяинъ былъ въ наугольной. Услышавъ о прибытіи графа, онъ проворно пробѣжалъ гостиную и, вышедши въ залу, остановился невдалекѣ отъ дверей изъ лакейской. За нимъ послѣдовали почти всѣ мужчины. Графъ быстро, но гордо прошелъ залу, привѣтствовалъ хозяина, поклонился на обѣ стороны мужчинамъ и вошелъ въ гостиную. Казалось, это былъ другой человѣкъ, а не тотъ, котораго мы видѣли въ его домашнемъ быту, при посѣщеніи Анны Павловны и даже при собственномъ его визитѣ Мановскому. На лицѣ его, бывшемъ тогда привѣтливымъ и радушнымъ, написана была теперь важная холодность. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ дамамъ и, сопровождаемый хозяиномъ, подошелъ къ дивану. Двѣ

звѣзды свѣтились на его фракѣ. Уситкова проворно вскочила, чтобъ уступить ему свое мѣсто.

— Не безпокойтесь, сударыня, — сказалъ графъ, вѣжливо поклонившись, и сѣлъ на пустое кресло, стоявшее у того конца дивана, гдѣ сидѣла Клеопатра Николаевна.

Вдова сдѣлала движеніе, чтобы поворотиться къ нему лицомъ: она еще въ первый разъ видѣла графа. Хозяинъ и нѣсколько мужчинъ стояли на ногахъ передъ Сапѣгою.

— Какъ здоровье вашего сіятельства?—спросилъ хозяинъ.

— Благодарю васъ, я здоровъ, только скучаю.

— Что̀ мудренаго, ваше сіятельство, послѣ Петербурга, — замѣтилъ Уситковъ:—вотъ наше дѣло привычное, да и тутъ...

— Меня не любятъ здѣшнія дамы! — прибавилъ графъ, искоса взглянувъ на вдову.—Ни одна изъ нихъ не посѣтила меня.

— Дамы, вѣроятно, боятся обезпокоить васъ, графъ, — сказала съ жеманною улыбкою вдова.

— Въ томъ числѣ и вы, сударыня? — спросилъ Сапѣга.

— Я не имѣю чести быть знакома съ вами, графъ, — отвѣчала Клеопатра Николаевна, приподнявъ съ гордостью голову.

Графу, видимо, понравился тонъ этого отвѣта.

— Такъ позвольте же мнѣ завтрашній день устранить это препятствіе и сдѣлать вамъ визитъ.

— Много обяжете, графъ.

— Вашъ супругъ?

— Я вдова и потому боюсь, что вамъ скучно будетъ у меня.

— Вы позволили мнѣ быть у васъ? — сказалъ графъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

Вдова отвѣчала улыбкою: она торжествовала.

Послѣ этого легкаго разговора графъ всталъ и пошелъ къ балкону, чтобы разсмотрѣть окружные виды. Лицо его, одушевившееся нѣсколько при разговорѣ съ Клеопатрою Николаевною, сдѣлалось попрежнему важно и холодно. Вслѣдъ за нимъ потянулись мужчины; графъ началъ разговаривать съ хозяиномъ.

— Мнѣ говорили, что онъ совершенный старикъ! — сказала Клеопатра Николаевна Симановской.

— Какой же старикъ; я вамъ говорила, — отвѣчала та: — теперь еще что̀? А посмотрѣли бы вы на него у Мановскихъ.

Вдова сдѣлала гримасу.

— Каждый мужчина съ подобными женщинами бываетъ любезнѣе, потому что онѣ сами вызываютъ ихъ на то, — сказала она съ презрительною улыбкою.

Въ это время въ гостиную вошелъ высокій мужчина. Удивленіе и любопытство показалось на всѣхъ лицахъ. Это былъ Задоръ-Мановскій. Онъ прямо подошелъ къ хозяину, отдалъ вѣжливый поклонъ графу, на который Сапѣга отвѣчалъ сухо, потомъ, поклонившись дамамъ, подалъ нѣкоторымъ мужчинамъ руку и началъ съ ними обыкновенный разговоръ. При его приходѣ Клеопатра Николаевна нѣсколько измѣнилась въ лицѣ; физіономія графа сдѣлалась еще важнѣе и серьезнѣе. Что касается до хозяина и прочихъ гостей, то они чувствовали нѣкоторый страхъ и не знали, какъ себя держать. Оказать вниманіе Мановскому? Но какъ покажется это графу, который называлъ его мерзавцемъ и покровительствовалъ его женѣ. Не замѣчать Мановскаго они не могли, потому что чувствовали къ нему невольное уваженіе; кромѣ того, имъ хотѣлось поговорить съ нимъ и, если возможно, вывѣдать, что̀ у него на душѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ замѣтили перемѣну въ лицѣ Мановскаго. Онъ какъ будто бы постарѣлъ, обрюзгъ и похудѣлъ. Недоумѣвая такимъ образомъ, всѣ однакожъ были суше обыкновеннаго съ Михайлой Егорычемъ; но онъ какъ бы не замѣчалъ этого и, поговоря съ мужчинами, подошелъ къ дамамъ, спросилъ нѣкоторыхъ о здоровьѣ и сѣлъ около Клеопатры Николаевны, которая опять нѣсколько сконфузилась.

— Поздравьте меня, Михайла Егорычъ, — сказала она: — ко мнѣ завтра будетъ графъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Мановскій, взглянувши пристально на вдову.

— Самъ напросился.

— Знаю я, какъ онъ напросился,—сказалъ Михайла Егорычъ, насупившись. — Мнѣ бы нужно переговорить съ Алексѣемъ Михайлычемъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ.

— Съ дядей?

— Да.

— О чемъ?

— Чортъ знаетъ, — говорилъ Мановскій, не отвѣчая на вопросы Клеопатры Николаевны: — никогда нельзя пріѣхать по дѣлу: вѣчно полонъ домъ сволочи... Гдѣ его кабинетъ?

— Изъ коридора первая комната, стеклянныя двери.

— Тамъ никого нѣтъ?

— Я думаю.

— Я теперь пойду туда, позовите его ко мнѣ; я ему имѣю кой-что сказать.

Проговоря это, Мановскій всталъ и ушелъ.

— О чемъ это съ вами говорилъ Михайла Егорычъ? —

спросила Клеопатру Николаевну Симановская, давно уже обмиравшая отъ любопытства.

— Все по этой проклятой опекѣ, — отвѣчала вдова.

— А о женѣ ничего не говорилъ?

— Отвяжитесь вы, Бога ради, съ этой женой, — отвѣчала Клеопатра Николаевна, которая послѣ разговора съ Мановскимъ была не въ духѣ.

— Ахъ, какъ интересно знать, что̀ онъ думаетъ о женѣ,— произнесла Симановская.

— Спросите сами.

— Сохрани Богъ!

— Напрасно, я бы совѣтовала...

— Я могу обойтись и безъ вашихъ совѣтовъ,—возразила, вспыхнувши отъ досады, Симановская, и затѣмъ обѣ дамы замолчали.

Клеопатра Николаевна, посидѣвъ немного, вышла въ диванную и прошла въ дѣвичью, гдѣ, поздоровавшись съ цѣлою дюжиною горничныхъ дѣвушекъ и справившись, что̀ теперь онѣ работаютъ, объявила имъ, что она своими горничными очень довольна и что на прошлой недѣлѣ купила имъ всѣмъ на платья прехорошенькой холстинки. Послѣ того она снова вернулась въ гостиную и, подошедши къ дядѣ, который съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ графа, ударила его потихоньку по плечу. Старикъ обернулся.

— Васъ спрашиваютъ, mon oncle!

— Зачѣмъ, душа моя?

— Нужно-съ.

Старикъ, извинившись передъ графомъ, пошелъ-было въ диванную.

— Въ кабинетъ, mon oncle.

— Завертѣла ты меня, — говорилъ старикъ, повернувшись.

— Я люблю командовать! — проговорила, какъ бы ни къ кому собственно не обращаясь, Клеопатра Николаевна.

— Право?— спросилъ графъ, весьма хорошо понявшій, что эта фраза сказана была собственно для него.

— Очень... Однако я у васъ отняла слушателя, позвольте мнѣ занять его мѣсто?—сказала Клеопатра Николаевна, вставая на мѣсто дяди.

— Вы очень снисходительны, сударыня, — сказалъ графъ съ улыбкою: — мы говорили о весьма скучномъ для молодой дамы предметѣ.

— О какомъ же это?

— О хозяйствѣ.

— Ахъ, Боже мой! Я очень люблю сельское хозяйство,

хочу даже у себя сдѣлать эту шестипольную систему. Это очень удобно и выгодно.

Клеопатра Николаевна, видимо, хотѣла похвастать передъ графомъ своими агрономическими свѣдѣніями.

— Ба!.. Да вы большая агрономка,—сказалъ графъ.

— Нѣтъ! Я только деревенская жительница.

— У Клеопатры Николаевны всегда родится прекрасный хлѣбъ!—замѣтилъ Уситковъ.

— Это въ новомъ вкусѣ,—замѣтилъ графъ:—молодая, прекрасная и—образованная хозяйка.

— Благодарю, графъ, за насмѣшку.

— Почему жъ такая недовѣрчивость къ моимъ словамъ?

— Недовѣрчивость?..—повторила съ довольно милой гримасой вдова.—Мужчинамъ нельзя довѣрять не только въ важныхъ вещахъ, но даже и въ пустякахъ.

— Я принадлежу къ старому поколѣнію.

— Это все равно: никому нельзя довѣрять, и я одному только человѣку въ жизнь мою вѣрила.

— А именно?

— Моему мужу.

— А теперь?

— А теперь никому не вѣрю, не вѣрила и не буду вѣрить.

— Это ужасно!

— Ничего нѣтъ ужаснаго!.. «Я мертвецу святыней слова обречена!»—произнесла съ полунасмѣшкою Клеопатра Николаевна и хотѣла еще что-то продолжать, но въ это время вошелъ хозяинъ съ озабоченнымъ и сконфуженнымъ лицомъ.

Онъ значительно посмотрѣлъ на Клеопатру Николаевну и подошелъ къ графу.

— Вы не докончили вашей мысли, — сказалъ Сапѣга замолчавшей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ, я все сказала,—отвѣчала та, взглянувъ искоса въ залу и увидѣвъ входящаго Мановскаго. — Теперь мое мѣсто опять займетъ дядюшка.

Съ этими словами Клеопатра Николаевна отошла, сѣла на прежнее мѣсто и начала разговаривать съ Уситковой. Михайла Егорычъ подошелъ къ толпѣ мужчинъ, окружавшей графа, и, казалось, хотѣлъ принять участіе въ разговорѣ. Сапѣга отошелъ и сѣлъ около дамъ. Онъ много шутилъ, заговаривая по преимуществу съ Клеопатрою Николаевной, которая, впрочемъ, была какъ-то не въ духѣ. Мановскій уѣхалъ, поклонясь хозяину и графу и сказавъ что-то на ухо Клеопатрѣ Николаевнѣ. Вдова, по отъѣздѣ его, сдѣлалась гораздо веселѣе и любезнѣе и сама начала заговаривать съ графомъ,

и вечеромъ, когда уже солнце начало садиться и общество вышло въ садъ гулять, графъ и Клеопатра Николаевна стали ходить вдвоемъ по одной изъ отдаленныхъ аллей.

— Отчего вы намъ, графъ, не дадите бала?—сказала она.

— У меня нѣтъ хозяйки!—возразилъ графъ.

— Ахъ, Боже мой! Каждая изъ насъ готова съ радостью принять на себя эту обязанность.

— Напримѣръ, если я васъ попрошу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, только сумѣю ли? Впрочемъ, вы меня научите.

— Я буду самъ васъ слушаться.

— Желала бы хоть ненадолго повелѣвать вами.

— Скоро соскучитесь; старики, какъ дѣти, скоро надоѣдаютъ.

— Ихъ не надобно дразнить.

— А какимъ образомъ вы это сдѣлаете?—спросилъ графъ.

— Очень просто: надобно ихъ, какъ и дѣтей, то пожурить, то приласкать,—отвѣчала вдова.

— Вы опасная для стариковъ женщина! — проговорилъ Сапѣга.

— И они для меня опасны!

— Желалъ бы убѣдиться въ томъ.

— Испытайте. Но, впрочемъ, вамъ невозможно, вы не старикъ!—объяснила Клеопатра Николаевна.

Графъ посмотрѣлъ на нее: не совсѣмъ скромное и хорошаго тона кокетство ея, благодаря красивой наружности, начинало ему нравиться. Въ подобныхъ разговорахъ день кончился. Графъ уѣхалъ поздно. Онъ говорилъ по большей части со вдовою. Предпочтеніе, которое оказалъ Сапѣга Клеопатрѣ Николаевнѣ, не обидѣло и не удивило прочихъ дамъ, какъ случилось это послѣ оказаннаго имъ вниманія Аннѣ Павловнѣ. Всѣ давно привыкли сознавать превосходство вдовы. Она уѣхала вскорѣ послѣ графа, мечтая о завтрашнемъ его визитѣ.

Хозяинъ послѣ разговора съ Мановскимъ былъ цѣлый день чѣмъ-то озабоченъ. Часа въ два гости всѣ разъѣхались, остался одинъ только исправникъ.

— Вы, Алексѣй Михайлычъ, изволите сегодня быть какъ будто разстроены!— сказалъ онъ, видя, что предводитель сидѣлъ, потупя голову.

— Будешь разстроенъ,—отвѣчалъ старикъ: — непріятность на непріятности.

— Что такое случилось?

— Какъ что? Видѣли, соколъ-то пріѣзжалъ.

— Какой?

— Мановскій, Господи Боже! Что̀ это за человѣкъ!

— Да что̀ такое? — повторилъ исправникъ, сильно заинтересованный.

— Проситъ у меня... да вы, пожалуйста, никому не говорите... проситъ, дай ему удостовѣреніе въ дурномъ поведеніи жены. Хочетъ производить формальное слѣдствіе и хлопотать о разводѣ. Вы, говоритъ, предводитель, должны знать домашнюю жизнь помѣщиковъ! А я... Богъ ихъ знаетъ, что̀ у нихъ тамъ такое!.. Она мнѣ ничего не сдѣлала.

— Какъ же вы намѣрены поступить?

— Самъ не знаю; теперь покуда отдѣлался, сказалъ, что даже и не слыхалъ ничего; такъ, говоритъ, сдѣлайте дознаніе. Что̀ прикажешь дѣлать! Придется дать. Всѣмъ извѣстно, что она живетъ у Эльчанинова; такъ и напишу, что дѣйствительно живетъ, а въ какихъ отношеніяхъ—не знаю.

— Да, такъ и напишите, что точно живетъ, а какъ — неизвѣстно.

— Оно такъ, да все кляузы.

— Конечно, кляузы, и кляузы непріятныя; а мы вотъ, ваше превосходительство, земская полиція, вѣкъ живемъ на этакихъ кляузахъ.

— И не говорите ужъ лучше! — подтвердилъ добродушно старикъ.

III.

Въ Коровинѣ тоже происходили своего рода сцены. Эльчаниновъ, послѣ поѣздки къ графу, сдѣлался задумчивѣе и разсѣяннѣе противъ прежняго. Казалось, какая-то мысль занимала его. Онъ не говорилъ уже безпрестанно съ Анной Павловной и часто не отвѣчалъ даже на ея ласки. Съ Савеліемъ онъ былъ какъ-то сухъ и попрежнему избѣгалъ оставаться съ нимъ наединѣ. Впрочемъ, тотъ однажды нашелъ случай и спросилъ его: придумалъ ли онъ какое-нибудь средство уѣхать, но Эльчаниновъ, разсказавъ очень подробно весь свой разговоръ съ графомъ, рѣшительно объявилъ, что онъ безъ воли Сапѣги ничего не хочетъ дѣлать и во всемъ полагается на его совѣты. Послѣ этого Савелій пересталъ говорить и только иногда долго и долго смотрѣлъ на Анну Павловну какимъ-то страннымъ взоромъ, потомъ вдругъ опускалъ глаза и тотчасъ послѣ того уходилъ. Посѣщенія его стали рѣже, но продолжительнѣе; какъ будто бы ему было тяжело прійти, а пришедши—трудно уйти.

Анна Павловна начала замѣчать перемѣну въ Эльчаниновѣ.

Сперва она думала, что онъ боленъ, и безпрестанно спрашивала, каково онъ себя чувствуетъ. Эльчаниновъ клялся, божился, что онъ здоровъ, и послѣ того старался быть веселымъ, но потомъ вскорѣ впадалъ опять въ разсѣянность. Мой герой думалъ о службѣ.

Жизнь въ столицѣ, — обширное поле дѣятельности, наконецъ богатство и почти несомнѣнная надежда достигнуть всего этого чрезъ покровительство знатнаго человѣка, — вотъ что занимало его теперь. Любовь, не представлявшая ничего рельефнаго, ничего выпуклаго, что обыкновенно дѣйствуетъ на характеры впечатлительные, но не глубокіе, не могла уже увлекать Эльчанинова; онъ былъ слишкомъ еще молодъ да и по натурѣ врядъ ли способенъ къ семейной жизни. Ему хотѣлось перемѣнъ, новыхъ впечатлѣній, и онъ думалъ, что все это можетъ доставить ему служба, и думалъ о томъ безпрестанно. Были даже минуты, когда ему приходило въ голову, что какъ бы было хорошо, если бы онъ былъ совершенно свободенъ—не связанъ съ этой женщиною; какъ бы могъ онъ воспользоваться покровительствомъ графа, который могъ ему доставить мѣсто при посольствѣ; онъ поѣхалъ бы за границу, сдѣлался бы секретаремъ посольства, и такъ далѣе... Увлекшись, онъ начиналъ вѣрить, что Сапѣга оказываетъ ему ласки и обѣщаетъ покровительство за личныя его достоинства. Въ этой мысли поддерживалъ его самъ графъ, который, бывши съ нимъ весьма любезенъ, постоянно и тонко намекалъ на его необыкновенныя способности и жалѣлъ только о томъ, что подобный ему человѣкъ не служитъ и даромъ губитъ свой вѣкъ. Эльчаниновъ очень часто ѣздилъ въ Каменку и каждый разъ возвращался погруженный въ самого себя.

Когда Анна Павловна убѣдилась, что Эльчаниновъ здоровъ, вдругъ страшная мысль, что онъ разлюбилъ ее, пришла ей въ голову. Ей представилось, что онъ тяготится ею, онъ, единственный человѣкъ, который остался у ней въ мірѣ. Это было выше силъ. Она хотѣла молиться, чтобы хоть нѣсколько облегчить свои муки, и не могла. О, какъ эти страданія далеко превосходили всѣ прежнія! Ее опять не любитъ близкій человѣкъ, и какой близкій, котораго она сама страстно любила, привязанность къ которому наполняла все ея сердце. Онъ, можетъ-быть, не позволитъ ей любить себя. Ея ласки будутъ ему въ тягость. Онъ броситъ ее одну, безъ имени, безъ средствъ,—и что будетъ тогда съ нею? Цѣлую ночь она пострадала и проплакала и, проснувшись, была такъ худа и блѣдна, какъ бы послѣ тяжкой болѣзни. Эльчаниновъ замѣтилъ это.

— Что съ тобою, Анета?—спросилъ онъ.

— Я дурно спала, — отвѣчала Анна Павловна слабымъ голосомъ.

— Ты на себя непохожа,—продолжалъ Эльчаниновъ, вглядываясь ей въ лицо.—Что съ тобою?

— Я ночью думала: что если ты меня разлюбишь, покинешь?..

— Къ чему эти мысли, ангелъ мой?.. Я люблю тебя и буду любить!—отвѣчалъ довольно холодно Эльчаниновъ.

Анна Павловна не могла долѣе скрывать мучительной для нея мысли. Въ невыносимомъ волненіи упала она головой на колѣни Эльчанинова и зарыдала.

— О, не покидай меня! — вскричала она. — Я вижу, ты скучаешь со мною?.. Я тебѣ въ тягость?.. Ты разлюбилъ меня?

Этого сильнаго движенія отчаянія и мольбы, которыя, сверхъ обыкновенія, обнаружила Анна Павловна, слишкомъ было достаточно, чтобы снова хоть на нѣкоторое время возбудить въ Эльчаниновѣ остывающую страсть. Онъ схватилъ ее въ объятія.

— Мнѣ разлюбить тебя! Когда моя жизнь, мои надежды, вся моя будущность сосредоточены въ тебѣ! Оттолкнуть тебя!.. О, Господи!.. Скорѣй я сдѣлаюсь самоубійцею!.. Annette! Annette! И ты могла подумать?.. Это горько и обидно!.. Откуда пришли тебѣ эти черныя мысли?..

— Ты былъ все это время печаленъ и задумчивъ! — говорила, нѣсколько успокоившись, молодая женщина.

— Задумчивъ?.. Да знаешь ли ты, о чемъ я думалъ? — началъ Эльчаниновъ.—Я думалъ о тебѣ, о твоей будущности; думалъ, какъ бы окружить тебя всѣми удобствами, всѣми благами жизни; думалъ сдѣлать себя достойнымъ тѣхъ надеждъ, которыя ты питаешь ко мнѣ. А ты меня ревнуешь къ этимъ мыслямъ?.. Это горько и обидно!

И онъ снова обнялъ ее и посадилъ съ собою на диванъ.

— Прости меня,—сказала Анна Павловна: — ты былъ задумчивъ, и я подумала...

— Подумала... Вотъ какъ вы, женщины, дурно знаете насъ. Но ты не должна быть похожа на другихъ. Наша любовь ни съ кѣмъ ничего не должна имѣть общаго: изъ любви ко мнѣ, ты должна мнѣ вѣрить и надѣяться; изъ любви къ тебѣ, я буду работать, буду трудиться. Вотъ какова должна быть любовь наша!

Говоря это, Эльчаниновъ не лгалъ ни слова, и въ эти минуты онъ дѣйствительно такъ думалъ; въ голосѣ его было столько неотразимой убѣдительности, что Анна Павловна сразу ему повѣрила и успокоилась. Во весь остальной день

онъ не задумывался и говорилъ съ нею. Онъ разсказывалъ ей всѣ свои надежды; съ восторгомъ описывалъ жизнь, которую онъ намѣренъ былъ повести съ нею въ Петербургѣ. Вечеромъ пришелъ Савелій. Лицо его было мрачнѣе обыкновеннаго; онъ молча поклонился и сѣлъ.

— На меня сегодня поутру разсердилась Анна Павловна,— сказалъ Эльчаниновъ.

Савелій посмотрѣлъ на Мановскую.

— За что-съ?— спросилъ онъ.

— За то, что я иногда задумывался.

Савелій ничего на это не сказалъ.

— Тогда какъ, — продолжалъ Эльчаниновъ, какъ бы стараясь оправдаться передъ пріятелемъ: — я и задумывался о ней самой, объ ея будущности.

— Что же вы думали объ ихъ будущности?— сказалъ Савелій и потупился.

Эльчаниновъ нѣсколько замялся; впрочемъ, послѣ минутнаго размышленія, онъ началъ:

— Во-первыхъ, я думалъ о моей службѣ въ Петербургѣ. Я буду получать двѣ тысячи рублей серебромъ, это вѣрно,— графъ сказалъ. И если къ этому прибавить мою тысячу рублей серебромъ, значитъ, я буду имѣть три тысячи рублей; сумма весьма достаточная, чтобы жить вдвоемъ.

Что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по лицу Савелія, но Эльчаниновъ, увлеченный своею мыслью и потому ничего уже не замѣчавшій, что вокругъ него происходило, продолжалъ:

— Какъ это будетъ хорошо!—воскликнулъ онъ. — А тутъ, Богъ дастъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Савелію:—и вы, мой другъ Савелій Никандрычъ, переѣдете къ намъ въ Петербургъ. Мы вамъ отведемъ особую комнату и найдемъ приличную службу. Что, чортъ возьми, губить свой вѣкъ въ деревнѣ?.. Дай-ка вамъ дорогу съ вашимъ умомъ, такъ вы далеко уйдете.

Савелій опять ничего не отвѣчалъ. Видимо, что ему было даже досадно слушать этотъ вздоръ.

— Мнѣ бы съ вами надобно переговорить, Валерьянъ Александрычъ! — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія и самъ всталъ.

— Что такое?—спросилъ Эльчаниновъ, ужъ нахмурившись.

— По одному моему дѣлу, — отвѣчалъ Савелій, показывая головой на залу.

«Ну, старыя пѣсни», — подумалъ Эльчаниновъ, — и оба пріятеля вышли.

— Вчера я былъ на почтѣ,—началъ Савелій:—и встрѣтилъ

тамъ человѣка Мановскаго. Онъ получилъ письмо съ черною печатью. Я, признаться сказать, попросилъ мнѣ показать. На конвертѣ написано, что изъ Кременчуга, а тамъ живетъ папенька Анны Павловны. Я боюсь, не умеръ ли онъ?

— Если онъ и умеръ, я въ этомъ совершенно невиноватъ. Что же мнѣ дѣлать?—отвѣчалъ Эльчаниновъ, пожавъ плечами.

— Вы прикажите, по крайней мѣрѣ, чтобы оно не дошло какъ-нибудь до Анны Павловны.

— Дойти до Анны Павловны оно никоимъ образомъ не можетъ. Я давно такъ распорядился, чтобы собаки изъ Могилокъ сюда не пускали.

— Да вы вѣдь такъ только это говорите! А тутъ смотришь...—проговорилъ Савелій и, не докончивъ фразы, ушелъ вскорѣ домой.

— О чемъ съ тобою по секрету говорилъ Савелій Никандрычъ?—спросила Анна Павловна.

— Хлѣба у меня взаймы просилъ; бѣднякъ вѣдь онъ ужасный!—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Онъ очень добрый и хорошій человѣкъ,—сказала Анна Павловна.

— О, это идеалъ честности и благородства!—отвѣчалъ Эльчаниновъ и потомъ, обнявъ и прижавъ къ груди Анну Павловну, началъ ей снова говорить о службѣ, о петербургской жизни.

Анна Павловна тоже была счастлива, потому что единственный другъ ея любилъ ее попрежнему.

Проснувшись на другой день, Эльчаниновъ совершенно забылъ слова Савелія о какомъ-то письмѣ и поѣхалъ въ 12 часовъ къ графу. Анна Павловна, всегда скучавшая въ отсутствіе его, напрасно принималась читать книги, ей было грустно. Въ цѣломъ домѣ она была одна: прислуга, благодаря неаккуратности Эльчанинова, не имѣла привычки сидѣть въ комнатахъ и преблагополучно проводила время въ перебранкахъ и въ разговорахъ по избамъ. Кашель и шаги въ залѣ вывели Анну Павловну изъ задумчивости.

— Кто тамъ? — спросила она.

Вмѣсто отвѣта послышались снова шаги. Анна Павловна вышла.

— Здравствуйте, матушка Анна Павловна! Еще привелъ Богъ васъ видѣть, — говорилъ могилковскій Сенька, подходя къ рукѣ ея.

Анна Павловна вся поблѣднѣла.

— Что тебѣ надобно?—сказала она испуганнымъ голосомъ.

— Баринъ прислалъ вамъ письмо, — отвѣчалъ Сенька и подалъ ей большой конвертъ.

— Отъ кого?—говорила Анна Павловна, принимая дрожащими руками конвертъ.

— Не знаю, сударыня-матушка, вчерась я барину привезъ съ почты, не знаю.

— Благодарю, — сказала Мановская, стараясь скрыть безпокойство. — Вотъ тебѣ, — продолжала она, взявъ синенькую бумажку изъ брошеннаго бумажника Эльчанинова:—вотъ тебѣ.

Сенька взялъ ассигнацію, поклонился и ушелъ. Анна Павловна вошла въ гостиную. Тайное предчувствіе говорило ей, что письмо было для нея роковое. Она едва имѣла силы разломить печать. Изъ конверта выпали два письма. Одно изъ нихъ было отъ мужа, другое написано женской рукой. Анна Павловна схватила послѣднее и быстро пробѣжала глазами, но болѣзненный стонъ прервалъ ея чтеніе, и она безъ чувствъ упала на полъ, и долго ли бы пробыла въ этомъ положеніи, неизвѣстно, если бы Эльчаниновъ не вернулся домой. Увидѣвъ Анну Павловну одну, безъ чувствъ, онъ сначала не могъ сообразить, что̀ такое случилось, и сталъ кликать людей. Старуха-ключница, прибѣжавшая на его зовъ, переложила безчувственную Анну Павловну на постель и стала на нее брызгать водою съ камешка, думая, что барыню кто-нибудь изурочилъ. Эльчаниновъ, какъ полоумный, вошелъ въ гостиную. Ему попались на глаза письма. Вспомнивъ тутъ о предостереженіяхъ Савелія, онъ схватилъ ихъ и прочиталъ.

— Левъ просыпается! — воскликнулъ онъ, схвативъ себя за голову.

Левъ дѣйствительно начиналъ просыпаться. Одно письмо было его руки и такого содержанія:

«Посылаю вамъ, милостивая государыня, письмо вашей тетки, извѣщающее о смерти вашего отца, которая послѣдовала сейчасъ же по полученіи имъ извѣстія о побѣгѣ вашемъ въ настоящее мѣстожительство ваше. Остаюсь извѣстный вамъ

«Задоръ-Мановскій».

Теткино письмо было слѣдующее:

«Почтеннѣйшій Михайла Егорычъ!

«Ужасное извѣстіе ваше о побѣгѣ отъ васъ недостойной моей племянницы мы получили, и бѣдный Павелъ Петровичъ, не въ состояніи будучи вынести посрамленія чести своей фамиліи, получилъ параличъ и одночасно скончался. Я и прочіе родные навсегда отказываемся отъ дочери почтеннаго Павла Петровича, который лежитъ теперь спокойно въ сырой землѣ. Не могу вамъ описать, въ какую повержена я горесть. Теперь жду изъ гимназіи племянниковъ; за ними я тотчасъ же

послала послѣ смерти ихъ родителя. Похороны справили, какъ слѣдуетъ, хоть и пришлось занять. Послѣ покойнаго осталось всего 15 руб.; а одинъ покровъ стоилъ полтораста. Не забывайте насъ и не поможете ли намъ чѣмъ-нибудь.

«Остаюсь съ почтеніемъ

«тетка ваша Марья Кронштейнъ».

Прошло полчаса. Анна Павловна начинала приходить въ чувство, а Эльчаниновъ все еще продолжалъ бѣсноваться. Сидя въ гостиной, онъ рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ себя и Мановскаго, хотѣлъ даже разбить себѣ голову объ ручку дивана, потомъ отложилъ это намѣреніе до того времени, когда Анна Павловна умретъ; затѣмъ, нѣсколько успокоившись, заглянулъ въ спальню больной и, видя, что она открыла уже глаза, махнулъ ей только рукой, чтобъ она не тревожилась, а самъ воротился въ гостиную и легъ на диванъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ себѣ трубку, крикнувъ при этомъ довольно громко, и снова началъ думать о петербургской жизни и о службѣ при посольствѣ.

IV.

На другой день послѣ предводительскаго обѣда, часу въ первомъ, Сапѣга, въ богатой вѣнской коляскѣ, шестерикомъ, ѣхалъ въ Ярцово съ визитомъ къ Клеопатрѣ Николаевнѣ. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ прямую возможность приволокнуться за очень милою дамой, въ которой замѣтилъ важное, по его понятіямъ, женское достоинство—*эластичность тѣла*.

Клеопатра Николаевна встрѣтила графа въ залѣ и ввела его въ гостиную. На тѣхъ же самыхъ широкихъ креслахъ, какъ и при посѣщеніи Эльчанинова, сидѣлъ Задоръ-Мановскій. При входѣ графа онъ всталъ, поклонился и опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Гость и хозяйка усѣлись на диванѣ. Графъ началъ разговоръ о балѣ, который намѣренъ былъ дать и на которомъ Клеопатрѣ Николаевнѣ предстояло быть хозяйкою. Онъ думалъ этимъ вызвать вдову на любезность, но Клеопатра Николаевна конфузилась, мѣшалась въ словахъ и не отвѣчала на вопросы, а между тѣмъ была очень интересна: полуоткрытыя руки ея изъ-подъ широкихъ рукавовъ капота блестѣли бѣлизной; глаза ея были подернуты какою-то масляною и мягкою влагою; кромѣ того, полная грудь вдовы, какъ грудь совершенно развившейся тридцатилѣтней женщины, покрытая легкими кисейными складками, тоже производила свое впечатлѣніе. Графъ начиналъ таять. Задоръ-Мановскій, ни слова

не проговорившій, но въ то же время, кажется, внимательно слѣдившій за гостемъ и хозяйкой, вдругъ всталъ и взялся за картузъ.

— Куда же? — спросила съ живостью Клеопатра Николаевна.

— Домой! — отвѣчалъ Мановскій.

Въ лицѣ его было видно что-то въ родѣ улыбки.

— Посидите, — проговорила вдова.

Мановскій, не отвѣчая, поклонился графу и вышелъ.

Клеопатра Николаевна какъ будто ожила.

— Слава Богу! — сказала она, не могши удержать радостнаго движенія.

— Какъ я радъ, что вы раздѣляете со мною одно чувство къ этому человѣку! — замѣтилъ Сапѣга.

— Ахъ, да... — произнесла Клеопатра Николаевна: — я до того его ненавижу, что не могу ни думать ни говорить ничего при немъ.

— Зачѣмъ же вы принимаете его?—сказалъ графъ, взглянувъ пристально на вдову.

— Онъ опекунъ моей дочери, — отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Обожатель вашъ! — прибавилъ графъ съ улыбкой.

— Fi donc!—вскричала вдова.—Онъ не смѣетъ этого и подумать. Забудемте его. Я еще не поблагодарила васъ за ваше посѣщеніе.

— Готовъ съ вами забыть всѣхъ, кромѣ васъ! — отвѣчалъ Сапѣга.

— Не льстите, графъ, а то я не стану вѣрить вашимъ словамъ.

— Одному слову только повѣрьте.

— Какому?

— Вы прекрасны.

Вдова жеманно опустила голову.

— Вѣрите? — спросилъ графъ.

— Къ чему вы это говорите? — сказала Клеопатра Николаевна.

— Сердце заставляетъ говорить меня.

Вдова сдѣлала кокетливую гримасу.

— Знаете ли, какую горькую истину я скажу вамъ про ваше сердце? Оно влюбчиво, — проговорила она внушительнымъ тономъ.

— Да, это была бы правда, если бы всѣ женщины походили на васъ.

— А развѣ Мановская похожа на меня?

Графъ немножко смѣшался.

— Что жъ Мановская? — проговорилъ онъ. — Я покровительствую ей, и больше ничего.

— А изъ чего вы ей покровительствуете?

— Боже мой! Она дочь моего стараго друга, — сказалъ графъ совершенно невиннымъ голосомъ.

— Желала бы вѣрить, — проговорила Клеопатра Николаевна послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— О, вѣрьте, вѣрьте мнѣ во всемъ! — подхватилъ Сапѣга.

— Въ чемъ еще? — спросила вдова, какъ бы удивленная.

— Въ то, что я васъ люблю, — прошепталъ старикъ, прижимая руку къ сердцу.

Клеопатра Николаевна вздрогнула.

— Меня, графъ? — повторила она, какъ бы совершенно растерявшись. — Что вы это говорите?.. Къ чему вы это говорите?.. Вы меня?.. Такъ скоро?.. Нѣтъ, графъ, это невозможно!..

— Люблю васъ! — воскликнулъ Сапѣга и, сразу схвативъ Клеопатру Николаевну за руки, началъ ихъ цѣловать и прижимать къ груди.

— Пустите, графъ, пустите! Нѣтъ, это ужасно!.. Это невозможно, — говорила Клеопатра Николаевна, слабо вырывая у него руки; но графъ за нихъ крѣпко держался.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ гостиную не вошелъ вдругъ Задоръ-Мановскій. Графъ и вдова отскочили въ разныя стороны. Послѣдняя не могла на этотъ разъ сохранить присутствія духа и выбѣжала вонъ.

— Я забылъ мои бумаги, — говорилъ какъ бы не замѣтившій ничего Мановскій.

Онъ началъ первоначально смотрѣть по окнамъ, а потомъ, будто не сыскавъ того, что было ему нужно, прошелъ въ спальню вдовы, примыкавшую къ гостиной, гдѣ осмотрѣлъ тоже всю комнату, потомъ сѣлъ наконецъ къ маленькому столику, вынулъ изъ кармана клочокъ бумаги и написалъ что-то карандашомъ. Оставивъ эту записочку на столѣ, онъ вышелъ.

Между тѣмъ графъ сидѣлъ въ гостиной, совершенно растерявшись.

Не находя, что бы такое предпринять, онъ вздумалъ приласкаться къ Мановскому и постараться придать всему происшествію видъ легкой шутки.

— Какъ вы насъ перепугали!—сказалъ онъ.—Я позволилъ себѣ маленькую шалость съ хозяйкой; она очень милая и веселая дама!.. Вы, я думаю, удивились.

Мановскій посмотрѣлъ на графа.

— Ни крошки,—отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ.—Я и самъ съ нею шучивалъ.

— Право? — спросилъ графъ.

— Да; она вѣдь ужъ давно этакая!.. Вчера со мной, сегодня съ вами, а завтра съ третьимъ. Ужъ такая у нея натура,—проговорилъ Мановскій и вышелъ.

Между тѣмъ Клеопатра Николаевна забѣжала на мезонинъ и сѣла за небольшія, стоявшія тамъ, ширмы. Она, видно, знала, что ее будутъ искать. Не прошло и десяти минутъ, какъ стукъ отъѣзжавшаго экипажа заставилъ наконецъ ее перемѣнить положеніе.

Она бросилась къ окну и, увидѣвъ выѣзжавшаго Мановскаго, тотчасъ же сбѣжала внизъ, заглянула изъ спальни въ гостиную, чтобы посмотрѣть, не уѣхалъ ли графъ, но Сашѣга сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Клеопатра Николаевна, несмотря на внутреннее безпокойство, поправила приведенный въ безпорядокъ туалетъ и хотѣла войти въ гостиную, какъ вдругъ глаза ея остановились на оставленной Мановскимъ запискѣ. Она схватила ее, прочитала и окончательно растерялась.

Мановскій ей писалъ:

«Прошу васъ къ будущему четвергу приготовить всѣ брильянтовыя, хозяйственныя и усадебныя вещи, по составленной послѣ смерти вашего мужа описи. Я намѣренъ принять и приступить къ управленію имѣніемъ, а равнымъ образомъ прошу васъ выѣхать изъ усадьбы, въ которой не считаю нужнымъ, по случаю отсутствія вашей дочери, освѣщать, отапливать домъ и держать горничную прислугу, чтобы тѣмъ прекратить всякіе излишніе расходы, могущіе, при вашей жизни въ оной, послѣдовать изъ имѣнія малолѣтней, на каковое вы не имѣете никакого права.

«Задоръ-Мановскій».

Что было дѣлать Клеопатрѣ Николаевнѣ?.. Прибѣгнуть къ графу—казалось ей единственнымъ средствомъ. Съ этимъ намѣреніемъ, она, взявши письмо, вошла въ гостиную и молча бросилась, въ отчаяніи, на диванъ; горесть ея на этотъ разъ была неподдѣльная.

— Успокойтесь, успокойтесь, — говорилъ графъ.

— Ахъ, я погибла! — отвѣчала вдова и подала ему письмо Мановскаго.

Графъ прочиталъ письмо.

— Я дурно понимаю, — сказалъ онъ.

— Ахъ!—отвѣчала вдова:—онъ опекунъ моей дочери, онъ выгоняетъ меня изъ этой усадьбы; мнѣ нечѣмъ будетъ жить!..

Все, что вы видите, все это принадлежитъ моей дочери... Покойный мужъ мой устранилъ меня отъ опекунства...

Сапѣга думалъ. Теперь онъ понялъ все: Мановскій былъ опекуномъ Клеопатры Николаевны и интриговалъ съ нею; но, вѣрно, наскучилъ вдовѣ, и она хочетъ отдѣлаться отъ него,— и это возможно въ такомъ только случаѣ, когда Михайла Егорычъ будетъ устраненъ отъ опекунства. Ему легко будетъ это сдѣлать. И за это одолженіе можно будетъ получить отъ вдовы все, что только онъ желалъ отъ женщины, особенно если прибавить къ тому обѣщаніе—взять ее въ Петербургъ съ собою. Кромѣ того, онъ замаскируетъ этимъ себя передъ обществомъ и Мановскимъ, который станетъ подозрѣвать его въ интригѣ съ Клеопатрою Николаевной, а въ участіи къ Аннѣ Павловнѣ будетъ видѣть одно дружеское расположеніе.

Обдумавъ все это и очень хорошо понимая, съ какою женщиною имѣетъ дѣло, графъ началъ прямо:

— Ваши обстоятельства очень непріятны!.. Я могу помочь вамъ.

— Ахъ, помогите, помогите, графъ! Я буду вамъ всю жизнь благодарна!

— Благодарна? Этого мало.

— Я васъ буду любить, — отвѣчала вдова, которой обращеніе графа возвратило веселость и кокетство.

— Вы будете любить? Я самъ васъ буду любить. Дайте мнѣ васъ обнять.

Вдова повиновалась.

Графъ обнялъ ее, и потухшій въ глазахъ его огонь снова заблисталъ.

— Поцѣлуйте меня! — произнесъ онъ.

Вдова поцѣловала.

— Вы избавите меня отъ Задоръ-Мановскаго?

— А вы будете любить меня?

— Буду, только избавьте меня поскорѣе, — до этого я не могу любить васъ.

— Нѣтъ! Напередъ вы полюбите меня, а тамъ и я для васъ сдѣлаю все, что только захотите

— А вы меня будете любить, графъ?

— Я васъ люблю и буду любить.

— Вы возьмете меня въ Петербургъ? Безъ васъ я не въ состояніи буду здѣсь остаться.

— Я васъ никогда не оставлю.

— Вы демонъ! — сказала Клеопатра Николаевна и склонила голову себѣ на грудь.

Графъ уѣхалъ изъ Ярцова часу въ двѣнадцатомъ. Клео-

патра Николаевна, оставшись одна, долго и даже очень долго сидѣла задумавшись; въ лицѣ ея показалось даже что-то въ родѣ страданій. Потомъ взяла она съ своего туалетнаго столика портретъ молоденькой дѣвочки, поцѣловала и проговорила:—«Простишь ли ты когда-нибудь меня?» Это былъ портретъ ея дочери. Поставивъ его на прежнее мѣсто, она вынула изъ ящика небольшой альбомъ, развернула его. На одной изъ страницъ приклеено было знакомое намъ письмо Эльчанинова, которое онъ написалъ ей, уѣзжая отъ нея ночью. «Прости и ты меня!» — сказала Клеопатра Николаевна, глядя на записку и цѣлуя ее; потомъ опустилась на диванъ и снова задумалась. Нравственный инстинктъ женщины говорилъ въ ней какъ бы помимо ея воли.

Графъ тоже возвратился домой въ какомъ-то странномъ расположеніи духа.—«Однако мнѣ здѣсь не такъ скучно, какъ я ожидалъ», — сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ. Но потомъ сдѣлалъ презрительную гримасу и задумался.

Дня черезъ два послѣ того становой привезъ Мановскому указъ изъ опеки объ устраненіи его отъ опекунства надъ имѣніемъ малолѣтней Мауровой.

— Я еще не принималъ имѣнія, — сказалъ Мановскій, подавая описи, крѣпости и другіе документы становому: — а получилъ только бумаги. Вотъ онѣ, передайте ихъ, кому будетъ слѣдовать.

— А знаете, кто назначенъ на ваше мѣсто?..

— Нѣтъ, не знаю.

— Иванъ Александрычъ Гуликовъ. Нечего сказать, славный опекунъ. Я сейчасъ везу къ нему указъ.

Мановскій ничего не отвѣчалъ.

V.

Время шло. Анна Павловна очень грустила объ отцѣ, считая себя виновницею его смерти; но старалась это скрыть, и когда слезы одолѣвали ее, она поспѣшно уходила и плакала иногда по цѣлымъ часамъ, не переставая. Положеніе Эльчанинова въ свою очередь тоже дѣлалось день ото дня несноснѣе; онъ, не скрываясь, хандрилъ. Анна Павловна начинала окончательно терять въ его глазахъ всякую прелесть, она стала казаться ему и собой нехороша, и малообразована, и безъ всякаго характера. Онъ не находилъ, что съ нею говорить; ему было скучно съ нею сидѣть и даже глядѣть на нее. Уединенная и однообразная жизнь, къ которой онъ вовсе не привыкъ и на которую обреченъ былъ обстоятельствами,

сдѣлалась ему невыносима. «Хоть бы выѣхать куда-нибудь къ сосѣдямъ, — думалъ онъ:—стыдно... да, пожалуй, встрѣтишься еще съ Мановскимъ». Уѣхать куда-нибудь съ Анною Павловною, гдѣ бы онъ могъ по крайней мѣрѣ выѣзжать изъ дому, — но на это не было никакой возможности, потому что у него ни копейки не было денегъ. Однажды, это было поутру, Анна Павловна сидѣла въ гостиной на креслахъ. Савелій стоялъ и смотрѣлъ въ окно. Эльчаниновъ лежалъ внизъ лицомъ на диванѣ.

— Что ты, Валеръ, все лежишь? — проговорила Анна Павловна.

— Такъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ и позѣвнулъ. — Кажется, и не дождешься этого счастливаго дня, — продолжалъ онъ: — когда выберешься отсюда. Мнѣ наконецъ никакого терпѣнія недостаетъ здѣсь жить.

— Тебѣ скучно? — проговорила Анна Павловна.

Голосъ ея дрожалъ.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно, съ тобой я никогда не могу скучать; но это ожиданіе, эта неопредѣленность положенія — это ужасно!

— Чего же вы ожидаете? — спросилъ Савелій.

— Мѣста, которое могло бы обезпечить мою и Анны Павловны будущность и которое обѣщалъ мнѣ дать графъ.

— Отчего же онъ не даетъ? — замѣтилъ Савелій.

— Ахъ, Господи Боже мой, да развѣ это можно заочно сдѣлать? Это не то, что опредѣлить куда-нибудь писцомъ или становымъ приставомъ.

— Но какое же вамъ хочетъ дать мѣсто графъ?

— Какое? Я не знаю собственно, какое,—отвѣчалъ съ досадою Эльчаниновъ, которому начинали уже надоѣдать допросы пріятеля, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно не зналъ, потому что графъ, обѣщаясь, никогда и ничего не говорилъ опредѣлительно; а самъ онъ безпрестанно мѣнялъ въ головѣ своей мѣста: то воображалъ себя правителемъ канцеляріи графа, которой у того, впрочемъ, не было, то начальникомъ какого-нибудь отдѣленія, то чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ и даже секретаремъ посольства.

— Я знаю только то,—присовокупилъ онъ: — что графъ можетъ дать мѣсто и выгодное и видное.

Савелій, кажется, хотѣлъ что-то возразить ему, но, взглянувъ въ это время въ окно, вдругъ остановился и проговорилъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Михайла Егорычъ, кажется, сюда ѣдетъ!

Эльчаниновъ вскочилъ и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Анна Павловна задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Эй, люди! Не пускать тамъ, кто пріѣдетъ, — вскрикнулъ было Эльчаниновъ.

— Нельзя не пускать. Ступайте туда и задержите его въ залѣ; говорите, что Анны Павловны у васъ нѣтъ, — перебилъ Савелій и, почти вытолкнувъ пріятеля, захлопнулъ за нимъ дверь, а самъ взялъ проворно Анну Павловну за руку и увелъ въ заднія комнаты. Къ крыльцу подъѣхалъ Мановскій, съ которымъ рядомъ сидѣлъ исправникъ, а на передней скамейкѣ помѣщался у нихъ стряпчій, корявѣйшая физіономія, когда-либо существовавшая въ мірѣ. Всѣ втроемъ они вошли въ залу. Эльчаниновъ, блѣдный, но, насколько возможно, владѣя собой, встрѣтилъ ихъ и спросилъ, что имъ угодно?

Исправникъ началъ сконфуженнымъ голосомъ, показывая на Мановскаго:

— Мы пріѣхали по поданному прошенію Михайлы Егорыча, что супруга ихъ проживаетъ въ здѣшней усадьбѣ.

— Что жъ вамъ собственно угодно отъ меня? — болтнулъ Эльчаниновъ, и самъ не зная хорошенько, что говорить.

— Приступайте къ слѣдствію; что тутъ разговаривать? — проговорилъ Мановскій и сѣлъ.

— Конечно, лучше къ слѣдствію, — подтвердилъ стряпчій и нюхнулъ, отвернувшись въ сторону, табаку, при чемъ одну ноздрю зажалъ, а въ другую втянулъ всю щепотку, а потомъ, вынувъ изъ бокового кармана бумагу, подалъ ее исправнику, проговоря: «Вопросные пункты». Исправникъ нѣкоторое время переминался.

— Не угодно ли вамъ, — началъ онъ, подавая Эльчанинову бумагу: — отвѣтить на эти вопросы.

Эльчаниновъ взялъ. Кровь бросилась у него въ голову, онъ готовъ былъ въ эти минуты убить всѣхъ троихъ, если бы достало у него на это силы.

— Можетъ-быть, вамъ угодно, чтобы я здѣсь при васъ отвѣчалъ? — проговорилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.

— По закону слѣдуетъ здѣсь, въ присутствіи гг. слѣдователей, — произнесъ стряпчій и опять нюхнулъ.

Эльчаниновъ взялъ чернильницу, поставилъ ее на ближайшій столъ, сѣлъ и началъ писать. На вопросъ: какъ его зовутъ, какой онъ вѣры и проч., онъ отвѣтилъ сейчасъ же; но далѣе его спрашивали: дѣйствительно ли Анна Павловна бѣжала къ нему отъ мужа, живетъ у него около года и находится съ нимъ въ любовномъ отношеніи? Эльчаниновъ остановился. Что было отвѣчать на это? Припомнивъ, впрочемъ, слова Савелія, онъ поставилъ одну общую скобку и написалъ: «ничего не знаю». Исправникъ взялъ у него потомъ отвѣты

дрожащими руками и началъ читать. Стряпчій заглянулъ ему черезъ плечо.

— Стало-быть, г-жа Мановская и теперь проживаетъ не въ вашемъ домѣ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Эльчанинову.

— Я ужъ на это отвѣтилъ и съ вами разговаривать больше не желаю, — сказалъ тотъ, съ презрѣніемъ взглянувши на стряпчаго.

Мановскій всталъ, молча взялъ отвѣты у исправника, прочиталъ ихъ и произнесъ ровнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ, господа, сдѣлать обыскъ въ усадьбѣ и въ домѣ.

Исправникъ пожалъ плечами и обратился къ стряпчему, проговоря: «слѣдуетъ ли?»

— Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ; желаніе истца на то есть, — отвѣчалъ тотъ и какъ-то значительно откашлянулся и плюнулъ въ сторону, какъ бы желая этими движеніями намекнуть Мановскому: «помни же мои услуги».

Слѣдователи и Мановскій пошли по дому. Эльчаниновъ потерялся: онъ прислонился къ косяку окошка и не могъ ни говорить ни двинуться съ мѣста.

— Это шаль моей жены! — говорилъ Мановскій, проходя по гостиной и видя лежавшій на диванѣ платокъ Анны Павловны. — Запишите, — отнесся онъ къ стряпчему.

— Помню и такъ, безъ записки, — подхватилъ тотъ.

Пройдя наугольную и чайную, они вошли въ спальню.

— Это женинъ салопъ, — сказалъ Мановскій стряпчему.

— Вижу, вижу, — отвѣчалъ тотъ.

— Женино платье, — заключилъ Михайла Егорычъ, отворивъ шкапъ и вынувъ оттуда два или три платья Анны Павловны.

Изъ спальни слѣдователи перешли въ другія комнаты. Михайла Егорычъ осматривалъ каждый уголъ, заставляя отпирать кладовыя, чуланы, лазилъ въ подвалъ, и все-таки Анны Павловны не нашли.

Осмотрѣвъ домъ, Мановскій пошелъ по избамъ, лазилъ на полати, заглядывалъ въ печи—и все ничего.

— Гдѣ моя жена? — спросилъ онъ, проходя по двору, попавшуюся ему навстрѣчу бабу.

— Въ горницѣ, поди, чай, батюшка, — отвѣчала та простодушно и низко кланяясь.

— Записать это надо? — сказалъ Мановскій, обращаясь опять къ стряпчему.

— Непремѣнно, непремѣнно, — отвѣчалъ тотъ.

— Куда уѣхала Анна Павловна? — озадачилъ Мановскій проходившаго мимо эльчаниновскаго кучера.

— Ничего я не знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ бойко.

— Скотина, — произнесъ Мановскій и пошелъ далѣе.

Потомъ они возвратились въ залу, гдѣ Эльчаниновъ стоялъ все еще на прежнемъ мѣстѣ.

— Составьте постановленіе нашему осмотру, — проговорилъ Михайла Егорычъ.

— Сейчасъ, сію секунду, — отвѣчалъ стряпчій, понюхалъ табаку, откашлянулся, сѣлъ и написалъ минутъ въ пять листъ кругомъ.

— Прочитайте вслухъ, — сказалъ Мановскій.

Стряпчій прочиталъ.

— Подпишите, — проговорилъ Михайла Егорычъ.

Слѣдователи подписались.

— Ну, теперь и вы удостовѣрьте, что все это справедливо, иначе мы повторимъ осмотръ, — отнесся Задоръ къ Эльчанинову.

— Извольте, — отвѣчалъ тотъ, совершенно уже потерянный, и подписалъ постановленіе.

— Ну, пока будетъ, — сказалъ Мановскій и пошелъ.

Исправникъ и стряпчій пошли за нимъ. Черезъ минуту они всѣ уѣхали.

— Вы куда теперь?—спросилъ Михайла Егорычъ исправника.

— На минуточку къ вамъ, а тутъ къ графу на балъ.

— Чортъ бы дралъ ихъ съ ихъ балами!.. Смотрите, не болтайте тамъ о дѣлѣ.

— Чтой-то, Господи, не молодой мальчикъ, — отвѣчалъ исправникъ.

— Послѣ поблагодарю,—продолжалъ Мановскій:—а теперь надо другой еще разъ хоть на той недѣлѣ наѣхать, чтобы обоихъ захватить.

— Для видимости въ дѣлѣ непремѣнно надо обоихъ захватить, — подтвердилъ стряпчій.

Исправникъ только вздохнулъ. Эльчаниновъ между тѣмъ вошелъ въ гостиную, бросился на диванъ и зарыдалъ. Это было выше силъ его! Въ настоящую минуту онъ рѣшительно не думалъ объ Аннѣ Павловнѣ; онъ думалъ только, какъ бы ему спасти самого себя, и мысленно проклиналъ ту минуту, когда онъ сошелся съ этой женщиной, которая принесла ему кручину радостей и горы страданій.

Чрезъ четверть часа вошелъ къ нему Савелій, который спасъ Анну Павловну отъ свиданія съ мужемъ тѣмъ, что выскочилъ съ нею въ окно въ садъ, провелъ по захолустной аллеѣ въ ржаное поле, гдѣ оба они, наклонившись, чтобы не было видно головъ, дошли до луговъ: Савелій посадилъ

Анну Павловну въ стогъ сѣна, обложилъ ее такъ, что ей только-что можно было дышать, а самъ опять подползъ ржанымъ полемъ къ усадьбѣ и сталъ наблюдать, что̀ тамъ дѣлается. Видя, что Мановскій уѣхалъ совсѣмъ, онъ сбѣгалъ за Анной Павловной и привелъ ее въ усадьбу.

— Что̀ они тутъ дѣлали? — спросилъ онъ Эльчанинова.

Тотъ едва въ состояніи былъ разсказать. Савелій нѣсколько времени думалъ.

— Поѣзжайте сейчасъ же къ графу, Валерьянъ Александрычъ, и просите, чтобы онъ или взялъ къ себѣ Анну Павловну, либо помогъ бы вамъ какъ-нибудь, какъ знаетъ, а то Мановскій сегодня же ночью, пожалуй, опять пріѣдетъ.

Эльчаниновъ всплеснулъ руками и схватилъ себя за голову.

— Боже мой, Боже мой, что̀ я за несчастный человѣкъ!— воскликнулъ онъ и зарыдалъ.

— Да полно вамъ ревѣть! Точно женщина какая; хуже Анны Павловны, ей-Богу, та смѣлѣе васъ. Одѣвайтесь! — проговорилъ съ досадою Савелій.

Эльчаниновъ какъ бы механически повиновался ему. Онъ началъ одѣваться и велѣлъ закладывать лошадей. Савелій прошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, которая сидѣла въ гостиной.

— Что̀ Валеръ? — спросила она.

— Ничего, одѣвается, хочетъ сейчасъ ѣхать къ графу и пожаловаться ему на исправника.

— А я одна останусь? Я боюсь, Савелій Никандрычъ, — произнесла бѣдная женщина.

— Ничего-съ; я у васъ останусь, — отвѣчалъ Савелій.

— Добрый другъ,—произнесла Анна Павловна, протягивая ему руку, которую Савелій въ первый еще разъ взялъ и поцѣловалъ, покраснѣвъ при этомъ какъ маковъ цвѣтъ.

Эльчаниновъ вошелъ совсѣмъ одѣтый, во фракѣ и раздушенный, какъ обыкновенно онъ ѣздилъ къ графу.

— Что̀, Валеръ?—спросила Анна Павловна, протягивая къ нему руку.

— Ничего, вздоръ,—отвѣчалъ онъ, какъ-то судорожно поёживаясь и торопливо цѣлуя ея руку, и тотчасъ же уѣхалъ.

VI.

Въ тотъ самый день, какъ Эльчаниновъ ѣхалъ къ графу, у того назначенъ былъ балъ, на которомъ хозяйкою должна была быть Клеопатра Николаевна. Пробило семь часовъ. Эльчаниновъ первый подъѣхалъ къ графскому крыльцу.

— Дома его сіятельство? — спросилъ онъ, войдя въ офи-

ціантскую, гдѣ стояла цѣлая стая лакеевъ, одѣтыхъ въ парадные ливрейные фраки и штиблеты.

— У себя-съ, въ гостиной, — отвѣчалъ вѣжливо одинъ изъ нихъ.

Эльчаниновъ пошелъ.

— Ахъ, m-r Эльчаниновъ,—произнесъ ласково графъ, сидѣвшій уже во фракѣ и завитой на диванѣ, ожидая гостей.— Очень радъ васъ видѣть на моемъ вечерѣ, хоть и не звалъ васъ по нежеланію вашему встрѣчаться съ здѣшними господами.

— Знаю, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Эльчаниновъ:—и пріѣхалъ собственно не на балъ, а съ просьбой.

— Съ просьбой?—повторилъ графъ.—Все, что только могу, повѣрьте, будетъ исполнено,—прибавилъ онъ.

Эльчаниновъ хотѣлъ-было начать разсказъ, но раздавшійся сзади голосъ остановилъ его.

— Я исполнила, графъ, ваше желаніе и нарочно пріѣхала раньше затѣмъ, чтобы занять свою должность.

— Je vous remercie, madame, je vous remercie, — сказалъ графъ, вставая.

Эльчаниновъ обернулся. Это была Клеопатра Николаевна въ дорогомъ кружевномъ платьѣ, присланномъ къ ней по послѣдней почтѣ изъ Петербурга, и наконецъ въ цвѣтахъ и въ брильянтахъ. Въ этомъ нарядѣ она была очень представительна и произвела на героя моего самое выгодное впечатлѣніе. Съ нѣкотораго времени всѣ почти женщины стали казаться ему лучше и прекраснѣе его Анны Павловны.

— Валерьянъ Александрычъ! Васъ ли я вижу? — полувскрикнула Клеопатра Николаевна.

— А вы знакомы?—спросилъ графъ.

— Мы были друзья, — отвѣчала Клеопатра Николаевна: — по крайней мѣрѣ я могу это сказать про себя, но m-r Эльчаниновъ за что-то разлюбилъ меня.

— Напротивъ, но...—началъ-было Эльчаниновъ.

— Забудемте прошлое, мы еще съ вами объяснимся,—перебила Клеопатра Николаевна, подавая ему руку.

— О, да между вами что-то интересное, — замѣтилъ съ улыбкою графъ.

— Что дѣлать? Валерьянъ Александрычъ самъ очень интересенъ для женщинъ; это не одна я такъ думаю,—произнесла вдова съ кокетливою улыбкою.

Видимо, что она заискивала въ Эльчаниновѣ.

«Или эта женщина дьяволъ, или она невинна»,—подумалъ тотъ про себя и обратился къ графу.

— Могу ли я съ вами переговорить, ваше сіятельство? Мнѣ очень нужно.

— Если очень нужно...—проговорилъ графъ.

— Нужно, ваше сіятельство,—повторилъ Эльчаниновъ.

— Извольте, — отвѣчалъ Сапѣга. — Pardon, madame, — прибавилъ онъ, кивнувъ головой Клеопатрѣ Николаевнѣ, и вышелъ съ Эльчаниновымъ въ кабинетъ.

Герой мой пересказалъ ему все, съ нѣкоторыми даже прибавленіями, и описалъ въ такихъ яркихъ краскахъ, что графъ, слушая, пожималъ только плечами.

— Для счастья, для спасенія этой женщины я долженъ уѣхать отсюда!—заключилъ Эльчаниновъ.

Графъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету.

— Да, вамъ надобно уѣхать, и не мѣшкая,—произнесъ онъ.

Эльчаниновъ замеръ отъ восторга.

— Меня одно только безпокоитъ, ваше сіятельство, — началъ онъ:—какъ она?

— Да, но это ужъ не ваше дѣло,—проговорилъ Сапѣга.

— Она не согласится, она будетъ проситься со мною. Да и какъ дѣйствительно ее оставить?

— Оставить вамъ ее нѣтъ никакой опасности. Мановскій ничего не можетъ сдѣлать, когда васъ не будетъ, да къ тому же и я здѣсь. Но вамъ съ собою ее брать не вижу ни малѣйшей возможности. Этимъ вы и себя свяжете и ей повредите. Вамъ надобно по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время разлучиться совершенно, чтобы дать позатихнуть всей этой исторіи.

— Рѣшительно надобно разстаться,— подхватилъ Эльчаниновъ:—но, я напередъ знаю, она не будетъ отпускать.

— Урезоньте.

— Я думаю ее обмануть, ваше сіятельство.

— Ложь позволительна, если служитъ ко спасенію, разрѣшаю вамъ. Но чѣмъ же вы ее обманете?

— Я скажу, что поѣду закладывать имѣніе, чтобы имѣть деньги, съ чѣмъ подняться.

— Хорошо!.. А въ самомъ дѣлѣ, есть ли у васъ деньги?— спросилъ графъ.

Эльчаниновъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ.

— Нѣтъ?.. Что тутъ за скрытность, ѣ, mon cher! Позвольте мнѣ вамъ услужить этой мелочью.

— Графъ...

— Безъ церемоніи, другъ... Когда же вы думаете выѣхать?

— Послѣзавтра.

— Что жъ, можно и послѣзавтра. Заѣзжайте ко мнѣ, и я снабжу васъ рекомендательными письмами и деньгами.

— Графъ, чѣмъ мнѣ отблагодарить васъ?—сказалъ Эльчаниновъ.

— Любите меня и слушайтесь, — отвѣчалъ старикъ и хотѣлъ-было итти, но Эльчаниновъ переминался и, видно, хотѣлъ еще что-то сказать.

— Я даже и теперь, ваше сіятельство, — началъ онъ съ принужденною улыбкою: — боюсь ѣхать домой, потому что сегодня-завтра ожидаю, что господинъ Мановскій посѣтитъ меня.

Графъ опять прошелся по кабинету.

— Ни сегодня ни завтра не будетъ этого, потому что всѣ эти здѣшнія гг. власти будутъ у меня, и я ихъ остановлю, а вы подождите, побудьте у меня. Я скажу вамъ, когда можно будетъ ѣхать.

— Слушаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

Графъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно Анны Павловны пока выжидавшій, очень обрадовался намѣренію Эльчанинова уѣхать. Онъ очень хорошо видѣлъ, что тотъ не любитъ уже Мановскую и скучаетъ ею, а пріѣхавши въ Петербургъ, конечно, сейчасъ же ее забудетъ, а потомъ... потомъ графъ составилъ, по обыкновенію, планъ, исполненіе котораго мы увидимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа.

Сопровождаемый Эльчаниновымъ, онъ возвратился въ гостиную. Тамъ уже были всѣ почти званые гости, пріѣхавшіе ровно въ восемь часовъ, какъ было назначено въ пригласительныхъ билетахъ, и всѣ были разряжены, насколько только могли: даже старуха Уситкова была въ корсетѣ, а мужъ ея напомадился такой пахучей помадою, что даже самому было это непріятно. М-me Симановская пріѣхала съ красными и распухшими глазами: она два дня ихъ не осушала, не получивъ къ сроку изъ губернскаго города бальнаго платья, которое она заказала на послѣднія деньги. Старая дѣвица-барышня была въ легкомъ платьѣ и совершенно обнаживши костлявую шею. Молодыхъ дѣвицъ было очень много привезено, и въ этомъ случаѣ, должно отдать справедливость, преобладала порода Марковыхъ, двухъ братьевъ, одного вдовца, а другого женатаго, у которыхъ было по семи дочерей у каждаго. Изъ кавалеровъ были лучшими два молоденькіе брата, мичманы Жигаловы, только-что пріѣхавшіе къ больной матери въ отпускъ и бывшіе совершенно увѣренными, въ простотѣ юношескаго сердца, что балъ собственно и устроился по случаю пріѣзда ихъ. Графъ всѣхъ и каждаго опривѣтствовалъ и,

открывъ потомъ польскимъ съ Клеопатрою Николаевною балъ, пригласилъ молодыхъ людей продолжать танцы, а самъ началъ ходить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей, которые были постарше и попочтеннѣе. Проходя мимо исправника и другихъ уѣздныхъ чиновниковъ, которые пріѣхали въ мундирахъ, Сапѣга произнесъ:

— О, господа, это немножко лишнее, къ чему эта церемонія въ деревнѣ,—а потомъ, тутъ же обратившись къ исправнику, сказалъ мимоходомъ вполголоса: — Потрудитесь прійти черезъ четверть часа въ мой кабинетъ, мнѣ надобно съ вами поговорить.

Исправникъ поблѣднѣлъ; предчувствіе говорило ему, что на него пожаловался Эльчаниновъ. Желая приласкаться къ нему и поразспросить его, онъ подошелъ-было къ моему герою и началъ:

— Меня графъ зачѣмъ-то зоветъ въ кабинетъ...

Но Эльчаниновъ въ отвѣтъ на это отвернулся отъ него.

Исправникъ только вздохнулъ и, проведя потомъ мучительные четверть часа, отправился наконецъ въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ, что графъ стоитъ, выпрямившись и опершись одною рукою на спинку креселъ, и въ этой позѣ онъ опять какъ будто былъ другой человѣкъ, какъ будто сдѣлался выше ростомъ; приподнятый подбородокъ, кажется, еще выше поднялся, ласковое выраженіе лица перемѣнилось на такое строгое, что какъ будто лицо это никогда даже не улыбалось.

Исправникъ окончательно растерялся и сталъ на вытяжку, какъ говорится, руки по швамъ.

— Извините, что я васъ обезпокоилъ,—началъ графъ очень серьезнымъ тономъ: — я хотѣлъ васъ спросить, какой вы въ усадьбѣ и въ домѣ г-на Эльчанинова дѣлали обыскъ?

— Ваше сіятельство, такъ какъ отъ г. Мановскаго поступило прошеніе въ томъ, что супруга ихъ не живутъ съ ними и имѣютъ мѣстожительство въ домѣ г-на Эльчанинова,—отвѣчалъ исправникъ, суя руками туда и сюда.

На весь этотъ отвѣтъ его графъ только кивнулъ головою.

— А вамъ извѣстны причины, по которымъ г-жа Мановская не живетъ съ мужемъ?—спросилъ онъ.

Исправникъ молчалъ.

— Вы знаете это?—повторилъ графъ и слегка притопнулъ своей небольшой ногой.

— Какъ не знать, ваше сіятельство, всѣ знаемъ-съ,—отвѣчалъ исправникъ.

— Какъ же—вы знаете, и что дѣлаете?—началъ Сапѣга.— Вы пріѣзжаете въ усадьбу, производите обыскъ, какъ въ домѣ

какихъ-нибудь дѣлателей фальшивыхъ монетъ или въ вертепѣ разбойниковъ; вы ходите по кладовымъ, открываете всѣ шкапы, сундуки, выкидываете оттуда платье, бѣлье, наконецъ ходите по усадьбѣ, какъ мародеры! Такъ служить, мой милый, нельзя!

Исправникъ начиналъ замирать.

— Если наконецъ эта несчастная женщина и тутъ, вы должны были только бумагой ее спросить, потому что въ законѣ прямо сказано: больныя и знатныя женщины по уголовнымъ даже слѣдствіямъ не требуются лично, а спрашиваются письменно,—произнесъ Сапѣга.

— Ваше сіятельство, я тутъ ничего... видитъ Богъ, ничего...—говорилъ исправникъ почти со слезами на глазахъ:—тутъ у насъ все стряпчій: онъ всѣ дѣла этакія дѣлаетъ, хоть кого извольте спросить.

— Слова ваши о стряпчемъ, мой милый, даже смѣшны,—возразилъ Сапѣга:—вы полицейская власть, вы цензоръ нравовъ, а не стряпчій.

— У меня, ваше сіятельство, есть удостовѣреніе г-на предводителя дворянства,—отвѣчалъ исправникъ:—какъ мнѣ было тутъ дѣлать, а собственно я ничего, спросите хоть Валерьяна Александрыча, я бы никогда не позволилъ себѣ такъ сдѣлать. Я третьи выборы служу, и ни одинъ дворянинъ отъ меня никакой обиды не видалъ...

— Попросите сюда Алексѣя Михайлыча и сами пожалуйте,—перебилъ его съ досадою графъ.

Исправникъ юркнулъ въ двери, и чрезъ минуту онъ и предводитель вошли. Графъ сейчасъ же посадилъ Алексѣя Михайлыча и самъ сѣлъ.

— Я хочу васъ, ваше превосходительство, просить, — началъ Сапѣга: — нельзя ли какъ-нибудь затушить это непріятное дѣло Мановскихъ. Вы, какъ предводитель, лучше другихъ знаете, кто тутъ виноватъ.

— Знаю, ваше сіятельство, все знаю, — отвѣчалъ Алексѣй Михайлычъ:—но что жъ мнѣ дѣлать?—продолжалъ онъ, разводя руки.—Еще отецъ этого Мановскаго былъ божеское наказаніе для меня, а сынъ—просто мое несчастье!

— Именно несчастье, ваше сіятельство,—подхватилъ исправникъ:—и теперь вотъ они съ стряпчимъ сошлись, а отъ стряпчаго мы ужъ давно всѣ плачемъ... Алексѣй Михайлычъ это знаетъ: человѣкъ онъ дѣйствительно знающій, но ехидный и неблагонамѣренный до послѣдняго волоса: ни дня ни ночи мы не имѣемъ отъ него покоя. онъ то и дѣло пишетъ на насъ доносы.

— Вашъ стряпчій, мой любезнѣйшій, можетъ писать доносы, сколько ему угодно,—перебилъ опять съ оттѣнкомъ легкой досады графъ:—дѣло не въ томъ; я васъ прошу обоихъ, чтобы дѣло Мановскихъ такъ или иначе, какъ вы знаете тамъ, было затушено, потому что оно исполнено величайшей несправедливости, и вы за него будете строго отвѣчать. Обберегитесь.

— Какъ затушить: я ужъ не знаю, можно ли теперь?— спросилъ Алексѣй Михайлычъ, взглянувъ на исправника.

— Можно,—отвѣчалъ тотъ.

— И прекрасно,—подхватилъ графъ. Потомъ, обратившись къ исправнику, прибавилъ:—А я васъ прошу еще, чтобы нога ваша не была въ усадьбѣ г-на Эльчанинова, иначе мы съ вами поссоримся.

— Зачѣмъ мнѣ ѣздить!—отвѣчалъ исправникъ.

Графъ попросилъ его возвратиться въ гостиную наклоненіемъ головы, а Алексѣя Михайлыча движеніемъ руки.

— Какъ намъ дѣлать?—спросилъ, выходя, старикъ-предводитель исправника.

— Какъ дѣлать? Скажу, что первый обыскъ потерялъ, а больше не поѣду; пускай хоть въ Сибирь ссылаютъ.

Пока происходили всѣ эти сцены въ кабинетѣ, въ залѣ танцовали ужъ польку. Бойцами на этомъ поприщѣ оказались только два мичмана, изъ коихъ таждый танцовалъ по крайней мѣрѣ съ девятой барышнею. Мѣстные кавалеры, по новости этого танца, не умѣли еще его. Впрочемъ, длинный Симановскій принялся-было, но оказалось, что онъ танцовалъ одну польку, дама — другую, а музыка играла третью, такъ что никакого складу не вышло.

Клеопатра Николаевна, какъ игравшая роль хозяйки дома, не танцовала, но сидѣла и наблюдала, чтобы никто не скучалъ.

— Валерьянъ Александрычъ, — сказала она Эльчанинову, одиноко ходившему по залѣ.

Тотъ подошелъ и сѣлъ около нея.

— Дайте мнѣ посмотрѣть на васъ,—продолжала Клеопатра Николаевна:—вы еще интереснѣе стали.

— Право?—спросилъ небрежно Эльчаниновъ, но внутренно довольный этимъ замѣчаніемъ.

— Въ лицѣ у васъ какая-то грусть,—отвѣчала Клеопатра Николаевна и сама о чемъ-то вздохнула.

— Не мудрено, я много страдалъ, — проговорилъ Эльчаниновъ.

— Но были и счастливы.

— Очень рѣдко.

— Зато вполнѣ.

— Конечно.

— Вы на меня сердитесь? Отчего вы тогда уѣхали?—продолжала Клеопатра Николаевна, почти уже шопотомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Я не хотѣлъ вамъ мѣшать,—отвѣчалъ онъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула.

— Чему мѣшать?—спросила она.

Эльчаниновъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— Довольны ли вы вашимъ опекуномъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Которымъ?

— Разумѣется, Мановскимъ.

— Ахъ, Боже мой, какую вы старину вспомнили! Мой опекунъ давно ужъ Иванъ Александрычъ. Вотъ онъ, легокъ на поминѣ. Приблизьтесь ко мнѣ, милый мой Иванъ Александрычъ!—продолжала Клеопатра Николаевна, обращаясь къ графскому племяннику, который входилъ въ это время въ залу и хотѣлъ-было уже подойти на этотъ зовъ; но вдругъ быстро повернулся назадъ и почти бѣгомъ куда-то скрылся.

— Онъ, вѣрно, васъ испугался, — сказала Клеопатра Николаевна Эльчанинову:—скажите, какой мерзавецъ!

— Здѣсь много такихъ господъ,—отвѣчалъ тотъ.—Зачѣмъ вы смѣнили вашего опекуна; вы, кажется, съ нимъ начинали такъ ладить?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Припомните хорошенько ту ночь, когда я отъ васъ уѣхалъ,—сказалъ Эльчаниновъ, устремивъ на вдову проницательный взглядъ.

— Что же такое?

— Онъ имѣлъ съ вами тайное свиданіе.

Клеопатра Николаевна опять нѣсколько покраснѣла.

— Да вы почему это знаете? — спросила она, впрочемъ, довольно спокойно.

— Я подсмотрѣлъ въ окно.

— Что жъ вы изъ этого заключили?

— Заключилъ, что обыкновенно заключаютъ изъ этого.

— Подите отъ меня! Я не думала, чтобы вы были обо мнѣ такого мнѣнія, — проговорила Клеопатра Николаевна обиженнымъ голосомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лицо, въ которомъ не замѣтилъ ни малѣйшаго разстройства.

— Однакожъ онъ былъ у васъ?—сказалъ онъ.

— Былъ! Ему нужно было взять у меня бумаги, а вечеромъ онъ забылъ и поутру хотѣлъ чѣмъ свѣтъ уѣхать. Онъ послалъ за мной горничную, чтобы я вышла, и я вышла въ гостиную. Вотъ вамъ и исторія вся.

— О чемъ же вы плакали?—спросилъ Эльчаниновъ.

— Плакала о томъ, что онъ, человѣкъ жадный, скупой и аккуратный, сталъ усчитывать меня въ каждой копейкѣ—какъ мнѣ было не плакать, когда я самая дурная, я думаю, въ мірѣ хозяйка.

— Желалъ бы вѣрить,—проговорилъ Эльчаниновъ.

Клеопатра Николаевна потупилась.

— Если бы я что-нибудь за собой чувствовала, — начала она:—неужели бы я могла говорить объ этомъ такъ равнодушно? Ахъ, какъ вы меня мало знаете! Богъ вамъ судья за это подозрѣніе.

При этихъ словахъ Эльчанинову показалось, что у ней какъ будто бы навернулись слезы.

— Какъ вы меня, я думаю, презирали,—продолжала вдова послѣ минутнаго молчанія и взявъ себя рукой за лобъ:—получивши вашу записку, я рѣшительно была въ недоумѣніи и догадалась только, что вы меня въ чемъ-то подозрѣваете, и видитъ Богъ, какъ я страдала. Этотъ человѣкъ, думала, меня презираетъ, и за что же?

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Клеопатра Николаевна на этотъ разъ очень ловко держала себя съ Эльчаниновымъ; она не кокетничала ужъ съ нимъ, а просто хвалила его, удивляясь его глубокой привязанности къ Аннѣ Павловнѣ, говоря, что такъ чувствовать можетъ только человѣкъ съ великой душою. Словомъ, она всѣми средствами щекотала самолюбіе молодого человѣка.

Эльчаниновъ окончательно съ ней помирился: онъ разсказалъ ей о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, повѣрилъ ей отчасти свои надежды, просилъ ее писать къ нему, обѣщался къ ней самъ прежде написать. Клеопатра Николаевна благодарила его и дала слово навѣщать больную Анну Павловну, хоть бы весь свѣтъ ее за это проклиналъ.

Въ залу вошелъ графъ и прямо подошелъ къ Эльчанинову. Тотъ всталъ.

— Ваше дѣло устроено,—сказалъ вполголоса Санѣга:—вы можете свободно ѣхать и собираться въ путь, а тамъ ко мнѣ заѣдете.

Эльчаниновъ глубокимъ поклономъ поблагодарилъ графа и отошелъ. Санѣга занялъ его мѣсто. Эльчаниновъ, впрочемъ, не поѣхалъ сейчасъ домой; онъ даже протанцовалъ одну

кадриль и передъ ужиномъ, проходя въ буфетъ, въ одномъ довольно темномъ коридорѣ встрѣтилъ Клеопатру Николаевну.

— Ахъ, это вы, — сказала она и протянула Эльчанинову руку, которую тотъ взялъ и поцѣловалъ.

Вдова, желая ему отвѣтить обыкновеннымъ поцѣлуемъ въ голову, какъ-то второпяхъ поцѣловала его довольно искренно въ губы.

— Прощайте!—проговорила она.

— Прощайте!..—отвѣчалъ онъ ей съ чувствомъ.

Въ продолженіе всего ужина Эльчаниновъ переглядывался съ Клеопатрою Николаевною какимъ-то грустнымъ и многозначительнымъ взоромъ. Ночевать, по деревенскому обычаю, у графа остались только Алексѣй Михайлычъ, никогда и ниоткуда не ѣздившій по ночамъ, и Клеопатра Николаевна, которая хотѣла-было непремѣнно уѣхать, но графъ ее рѣшительно не пустилъ, убѣдивъ ее тѣмъ, что онъ не понимаетъ возможности, какъ можно по деревенскимъ проселочнымъ дорогамъ ѣхать дамѣ одной, безъ мужчины, надѣясь на однихъ кучеровъ.

VII.

Эльчаниновъ возвращался домой, волнуемый различными чувствованіями: уѣхать въ Петербургъ, оставить эти мѣста, гдѣ онъ претерпѣлъ столько непріятностей, гдѣ столько скучалъ, все это приводило его рѣшительно въ восторгъ; но для этого надобно было обмануть Анну Павловну, а главное — обмануть Савелія.

«Что жъ такое,—думалъ онъ:—это ненадолго, я могу тотчасъ по полученіи мѣста вызвать ее къ себѣ въ Петербургъ, а оставаться здѣсь и дожидаться, пока она выздоровѣетъ, нѣтъ никакой возможности. Надобно только пролавировать поискуснѣй»,—сказалъ онъ самъ себѣ, входя на крыльцо дома

Въ гостиной встрѣтилъ его Савелій.

— Тише, — сказалъ тотъ, когда Эльчаниновъ довольно громко и неосторожно вошелъ въ комнату.

— Что Нина?—спросилъ ужъ шопотомъ Эльчаниновъ.

— Ничего, поразстроились, а теперь заснули, — отвѣчалъ Савелій.

Пріятели нѣкоторое время молчали.

— Савелій Никандрычъ,—началъ Эльчаниновъ, усаживаясь на диванъ:—посидимте здѣсь рядомъ, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Савелій сѣлъ.

— Я хочу ѣхать отсюда.

Савелій посмотрѣлъ на него.

— Во-первыхъ, всѣ эти дрязги, — продолжалъ Эльчаниновъ: — графъ прекратилъ сейчасъ же. У него былъ балъ, былъ, между прочимъ, и исправникъ, и такую получилъ головомойку, что, какъ сумасшедшій, куда-то ускакалъ, и графъ говоритъ, что оставаться мнѣ такъ вдвоемъ съ Анною Павловною превышаетъ всякія мѣры приличія, и что мы должны по крайней мѣрѣ на полгода разойтись, чтобы дать хоть немного позатихнуть всей этой скандальной исторіи.

— А Анна Павловна, стало-быть, останется здѣсь у васъ же въ домѣ?—возразилъ Савелій.

— Нѣтъ, не у меня, а у себя, я это имѣніе ей продалъ, подарилъ, оно не мое, а ея.

— Кто жъ этому повѣритъ?

— Нѣтъ, повѣрятъ, потому что я изъ перваго же города пришлю крѣпость на ея имя: удостовѣреніе, кажется, вѣрное; одной ей здѣсь ничего не могутъ сдѣлать, но оставаться и жить такимъ образомъ, какъ мы до сихъ поръ жили, это безуміе.

— Не знаю, какъ хотите, такъ и дѣлайте, я и самъ съ вами разума лишился,—возразилъ Савелій и махнулъ рукой.

Эльчаниновъ испугался, что Савелій разсердится.

— Простите меня и ее, мой добрый Савелій Никандрычъ,— подхватилъ онъ, протягивая пріятелю руку: — но что жъ дѣлать, если кромѣ васъ и графа у насъ никого нѣтъ въ мірѣ? Васъ Богъ наградитъ за ваше участье. Дѣло теперь уже не въ томъ: уѣхать я долженъ, но какимъ образомъ я скажу объ этомъ Анетѣ, на это меня рѣшительно не хватитъ.

Савелій молчалъ.

— Савелій Никандрычъ, скажите ей, предувѣдомьте,—продолжалъ Эльчаниновъ.

— Что же я ей скажу?

— Ну, скажите... скажите, что я долженъ ѣхать непремѣнно, обманите ее, скажите, что я ѣду закладывать это имѣніе, всего на двѣ недѣли.

Савелій думалъ: жить молодымъ людямъ вмѣстѣ дѣйствительно было невозможно; совѣтъ графа разстаться на нѣсколько времени казался ему весьма благоразумнымъ. Неужели же Эльчаниновъ такой гнусный человѣкъ, что броситъ и оставитъ совершенно эту бѣдную женщину въ ея несчастномъ положеніи. Онъ вѣтренъ, но не подлъ, — рѣшилъ Савелій и проговорилъ:

— Извольте, я скажу.

Эльчаниновъ бросился обнимать его.

Анна Павловна проснулась на другой день часовъ въ девять. Она была очень слаба.

— Подите, Савелій Никандрычъ, — сказалъ Эльчаниновъ, почти толкая въ спальню пріятеля:—подите, поговорите.

Савелій вошелъ.

— Онъ пріѣхалъ, я слышала его голосъ, — говорила Анна Павловна.

— Валерьянъ Александрычъ пріѣхалъ, онъ сейчасъ придетъ,—отвѣчалъ Савелій.

— А гдѣ же онъ?

— Онъ вышелъ.

— Мнѣ хочется видѣть его поскорѣе.

— Онъ сейчасъ придетъ, поговорите лучше со мной. Я скажу вамъ новость, мы всѣ скоро отсюда уѣдемъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! Мнѣ здѣсь страшно· что̀ если онъ опять пріѣдетъ... Куда же мы уѣдемъ?

— Въ Москву, Анна Павловна.

— А скоро?

— Скоро, только выздоравливайте, а Валерьянъ Александрычъ прежде съѣздитъ одинъ и заложитъ имѣніе, — говорилъ Савелій.

— А я?—спросила Анна Павловна.

— А мы съ вами послѣ.

— Нѣтъ, я безъ Валера не останусь, я умру безъ него.

— Но какъ же? Вы больны, вамъ ѣхать нельзя.

— Мнѣ теперь лучше; съ чего вы это взяли? — говорила Анна Павловна:—ей-Богу, лучше, я могу ѣхать съ нимъ.

— Какъ же вамъ ѣхать, Анна Павловна?.. Это нехорошо, вы не бережете своего здоровья для Валерьяна Александрыча, ему это будетъ непріятно.

— Такъ онъ хочетъ оставить меня одну... Что̀ жъ онъ не идетъ? Я упрошу его взять меня съ собою,— произнесла Анна Павловна и залилась горючими слезами.

— Успокойтесь, Анна Павловна, успокойтесь, — говорилъ Савелій, съ глазами, полными слезъ: — Валерьянъ Александрычъ ѣдутъ только на двѣ недѣли.

— На двѣ недѣли! Нѣтъ, я поѣду съ нимъ, я пойду за нимъ пѣшкомъ, если онъ не возьметъ меня.

— Отпустите, Анна Павловна: Валерьянъ Александрычъ ѣдетъ всего на двѣ недѣли, это необходимо для его счастья.

— Ахъ, какъ я желаю счастья Валеру, — говорила Анна Павловна.

— Ну вотъ видите, а не хотите его отпустить на двѣ недѣли.

— Да я не могу, вы видите, я не могу,—произнесла она раздирающимъ голосомъ, прижавъ руки къ груди.

— Укрѣпитесь, Анна Павловна, вы должны это сдѣлать для счастья и спокойствія Валерьяна Александрыча.

— Когда же онъ ѣдетъ?

— Послѣзавтра.

— Послѣзавтра?.. Отчего онъ не идетъ! Скажите ему, чтобъ онъ пришелъ по крайней мѣрѣ. Пошлите его.

Эльчаниновъ, стоявшій у дверей и слушавшій весь разговоръ, вбѣжалъ въ комнату.

— Нина! Другъ мой!—вскричалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.

Анна Павловна ничего не могла говорить и только крѣпко обвила его голову руками и прижала къ груди.

— Ты ѣдешь? — проговорила она.

— Ѣду, мой ангелъ! Это необходимо, чтобы упрочить общую нашу будущность.

— Поѣзжай, это необходимо для твоего счастья, я буду молиться за тебя.

— Я поѣду ненадолго, мой ангелъ; скоро увидимся,— сказалъ Эльчаниновъ:—мнѣ надо заложить только мое имѣніе, и ты пріѣдешь ко мнѣ.

— Да, чтобы недолго, пожалуйста, недолго! Сядь ко мнѣ поближе, посмотри на меня. Ахъ, какъ я люблю тебя! — и она снова обвила голову Эльчанинова своими руками и крѣпко прижала къ груди.—Завтра тебя не будетъ уже въ это время, ты будешь далеко, а я одна... одна...

И она снова залилась слезами.

— Съ тобой останется Савелій Никандрычъ, онъ будетъ тебя утѣшать, — говорилъ растроганный Эльчаниновъ, готовый почти отказаться отъ своего намѣренія и опять остаться въ деревнѣ и скучать.

Всю ночь просидѣлъ онъ у кровати больной, которая, не въ состояніи будучи говорить, только глядѣла на него — и, Боже, сколько любви, сколько привязанности было видно въ этомъ потухшемъ взорѣ. Она скорѣе похожа была на мать, на страстно любящую мать, чѣмъ на любовницу. Во всю ночь, несмотря на убѣжденія Савелія. на просьбы Эльчанинова, Анна Павловна не заснула.

Начинало уже разсвѣтать.

— Дай мнѣ руку, Валеръ,—сказала она.

Эльчаниновъ подалъ. Она долго держала ее въ своихъ слабыхъ рукахъ, прижимая ее къ своей груди, и потомъ, залившись слезами, произнесла:

— Не оставляй меня, не оставляй, Валеръ! Мнѣ сердце говоритъ, что я безъ тебя умру!

— Анета! Другъ мой, успокойся! — говорилъ Эльчаниновъ, самъ готовый плакать.

— Да, я буду спокойна, ты этого хочешь, и я буду!.. Поѣзжай съ Богомъ. Въ чемъ же ты поѣдешь, велѣлъ ли ты приготовить экипажъ?

— Я покуда поѣду въ коляскѣ.

— Непремѣнно же въ коляскѣ, тебѣ будетъ спокойнѣе! А кто съ тобой поѣдетъ?

— Я думаю взять Николая.

— Возьми Николая, онъ любитъ тебя. Позовите ко мнѣ Николая, я попрошу, чтобъ онъ тебѣ хорошо служилъ.

Эльчаниновъ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился вмѣстѣ съ лакеемъ лѣтъ 40, рябымъ, но добродушнымъ изъ лица и съ серебряною серьгою въ ухѣ.

— Николай, ты поѣдешь съ бариномъ, успокаивай его и береги, — начала больная.

— Будьте покойны, Анна Павловна, все исправимъ.

— Ахъ, какъ ты счастливъ, Николай: ты поѣдешь съ Валеромъ, ты будешь видѣть его, ты счастливѣе меня, Николай.

— Не пожалуемся, господа любятъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Ты будешь беречь Валера, если онъ сдѣлается боленъ, ты мнѣ сейчасъ же напиши, и я тотчасъ пріѣду.

— Будьте покойны, Анна Павловна!.. Слава Богу, намъ не въ первый разъ.

— А готово ли у васъ?

— Коляску вытащили, теперь укладываемся. Какую прикажете, Валерьянъ Александрычъ, на пристяжку? Кучера говорятъ, что коурая очень шибко хромаетъ.

— Какую хотите, — отвѣчалъ Эльчаниновъ. Ему было невыносимо грустно.— Савелій Никандрычъ, потрудитесь распорядиться, — прибавилъ онъ.

Савелій и Николай вышли.

Анна Павловна обняла Эльчанинова. Онъ чувствовалъ, какъ на лицо его падали горячія ея слезы, какъ она силилась крѣпче прижимать его своими слабыми руками. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ и тяжеломъ молчаніи.

Вошелъ Савелій.

— Ужъ начали запрягать, — сказалъ онъ.

— Пора! — проговорила больная удушливымъ голосомъ: — собирайся и ты, Валеръ, что ты надѣнешь? Одѣвайся теплѣе.

Эльчаниновъ вышелъ; ему хотѣлось только одного, чтобы какъ можно поскорѣе уѣхать.

— Проворнѣе, — сказалъ онъ попавшемуся навстрѣчу Николаю, одѣтому уже въ дорожную шинель.

— Готово-съ, прикажете подавать?

— Подавайте!

— Люди хотятъ проститься, Валерьянъ Александрычъ, — присовокупилъ Николай.

— Посылай! — произнесъ съ досадою Эльчаниновъ.

Николай вышелъ, и вслѣдъ за нимъ вошло человѣкъ двѣнадцать дворовыхъ бабъ и мужиковъ.

— Прощайте, батюшка Валерьянъ Александрычъ, — говорили они, подходя къ рукѣ барина.

— Прощайте, прощайте, — повторялъ торопливо Эльчаниновъ и забылъ даже напомнить имъ беречь Анну Павловну и слушаться ея.

Надѣвъ теплый дорожный сюртукъ, онъ вошелъ въ спальню больной. Анна Павловна сидѣла на кровати, Савелій стоялъ у окна въ задумчивости.

— Ты совсѣмъ? — сказала больная довольно спокойнымъ голосомъ.

— Прощай, Анета, до свиданья! — проговорилъ Эльчаниновъ, цѣлуя ея руку.

— Прощай!—тихо проговорила она:—дай мнѣ обнять тебя, я тебя провожу.

— Не дѣлай этого, Анета, ты слаба.

— Позволь мнѣ хоть проводить тебя, дай мнѣ руку.

И она встала, опираясь на руку Эльчанинова.

— Прощайте, Савелій Никандрычъ,—говорилъ тотъ, подавая свободную руку пріятелю.

— Прощайте, Валерьянъ Александрычъ, — отвѣчалъ Савелій, крѣпко сжавъ руку друга.

Они поцѣловались и всѣ трое вышли въ залу.

— Постой, — сказала Анна Павловна, какъ бы вспомнивъ что-то: — ты будешь писать ко мнѣ?

— Буду, другъ мой!

— А часто ли?

— Часто.

— Пиши два раза въ недѣлю, непремѣнно пиши. Теперь благослови меня.

Эльчаниновъ перекрестилъ ее.

— Прощай, Анета, останься здѣсь, ты слаба.

— Я провожу тебя на крыльцо.

Анна Павловна хотѣла итти, но силы ее совершенно оставили.

— Не могу... Прощай! — произнесла она и ужъ въ безпамятствѣ обхватила Эльчанинова за станъ.

— Примите ее, — сказалъ Эльчаниновъ, разводя ея холодныя руки, и, почти бѣгомъ выбѣжавъ на крыльцо, вскочилъ въ коляску. — Пошелъ скорѣе въ Каменку! — крикнулъ онъ.

Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и коляска съ шумомъ выѣхала въ поле. Эльчанинову стало легче; какъ бы тяжелое бремя спало у него съ души; минута разставанья была скорѣй досадна ему, чѣмъ тяжела.

«Какъ эти женщины слабы,—думалъ онъ:—я люблю ее не меньше, да что жъ такое? Такъ необходимо, и я повинуюсь».

Размышляя такимъ образомъ, онъ мало-по-малу погрузился въ мечты о будущемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость, что онъ выѣхалъ изъ своей усадьбы съ твердымъ намѣреніемъ выписать Анну Павловну при первой возможности.

Между тѣмъ графъ только-что проснулся и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

— А! Вы ужъ совсѣмъ, — сказалъ онъ, увидя входящаго Эльчанинова въ дорожномъ платьѣ. — Исправны. Присядьте. Какъ здоровье Анны Павловны? Какъ она васъ отпустила?

— Не спрашивайте лучше, ваше сіятельство, одна только неизбѣжная необходимость заставила меня не отказаться отъ моего намѣренія, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Честь вашей волѣ! Это прекрасно въ молодомъ человѣкѣ. Повѣрьте: все къ лучшему! Вамъ надобны теперь письма и деньги.

Съ этимъ словомъ графъ подошелъ къ письменному столу и началъ писать. Чрезъ полчаса онъ вручилъ Эльчанинову четыре пакета и 200 рублей серебромъ.

— Извините, что мало, — сказалъ онъ, подавая деньги: — тамъ, по письму, вы можете, въ случаѣ нужды, адресоваться къ моему повѣренному.

Эльчаниновъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Прощайте, милый другъ,—говорилъ графъ, обнимая молодого человѣка:—не забывайте меня, пишите; могу ли я бывать у Анны Павловны?

— Графъ! Я васъ хотѣлъ просить объ этомъ. Позвольте мнѣ предоставить ее въ полное ваше покровительство. Вы одинъ, можетъ-быть, въ цѣломъ мірѣ...

— Все будетъ хорошо! Все будетъ хорошо!—говорилъ старикъ, еще разъ обнимая Эльчанинова, и когда тотъ, въ послѣдній разъ раскланявшись, вышелъ изъ кабинета, графъ опять сѣлъ на свое канапе и задумался. Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, нехотя позвонилъ.

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ, въ модномъ синемъ фракѣ.

— Какой сегодня день?

— Четвергъ, ваше сіятельство.

— А когда почта въ Петербургъ?

— Сегодняшній день, ваше сіятельство.

— Вели приготовить верхового въ городъ.

Камердинеръ вышелъ. Графъ снова подошелъ къ бюро и началъ лѣниво писать:

«Любезный Ѳедоръ Петровичъ!

«Къ тебѣ явится съ моими письмами, отъ 5 сентября, молодой человѣкъ Эльчаниновъ. Онъ мнѣ здѣсь мѣшаетъ, затяни его въ Петербургѣ, и для того—или пріищи ему службу повиднѣй и потруднѣй, но онъ врядъ ли къ этому способенъ, а потому выдавай ему денегъ понемногу, чтобы было ему на что фланерствовать. Сведи его непремѣнно съ Надей. Скажи ей отъ меня, чтобы она занялась имъ, я ей заплачу; а главное, чтобы она вызвала его на переписку, и письма его къ ней пришли ко мнѣ. Надѣюсь, что исполнишь.

«Графъ Сапѣга».

Написавши письмо, графъ опять позвонилъ нехотя. Вошелъ тотъ же камердинеръ.

— Отправить страховымъ, — сказалъ Сапѣга и началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, вздыхая по временамъ и хватаясь за лѣвый бокъ груди.

Ему не столько нездоровилось, сколько было совѣстно своихъ поступковъ, потому что, опять повторяю, Сапѣга былъ добрый въ душѣ человѣкъ,—но женщины!.. Женщинъ онъ очень любилъ, и любилъ, конечно, по-своему.

VIII.

Спустя недѣлю послѣ отъѣзда Эльчанинова, графъ пріѣхалъ въ Коровино. Анна Павловна была по большей части въ безпамятствѣ. Савелій встрѣтилъ графа въ гостиной.

— Могу ли, любезный, я видѣть больную?—спросилъ графъ, принявъ Савелія за лакея.

— Она въ безпамятствѣ теперь, ваше сіятельство, — отвѣчалъ почтительно Савелій.

— Все-таки я могу войти?

— Пожалуйте.

Графъ вошелъ въ спальню.

— Боже мой! Боже мой! — вскричалъ онъ, всплеснувъ руками:—ахъ, какъ она больна! Она въ отчаянномъ положеніи! Кто же ее лѣчитъ? Кто за ней ходитъ?

— Я за ней хожу, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Савелій.

— Но какъ же ты можешь ходить? Это неприлично даже,— ты мужчина.

— Мнѣ поручилъ ее Валерьянъ Александрычъ,— отвѣчалъ Савелій.

— Очень неосмотрительно сдѣлалъ Валерьянъ Александрычъ; ты можешь любить госпожу, быть ей вѣренъ, но никакъ не ходить за ней больною.

Савелій не отвѣчалъ.

— Какъ сыро, какъ холодно въ комнатѣ! — продолжалъ графъ: — бѣдная... бѣдная моя Анета! Часто ли ѣздитъ къ ней по крайней мѣрѣ лѣкарь?

— Лѣкарь не ѣздитъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Савелій.

— Господи Боже мой!—вскричалъ графъ:—что вы съ нею дѣлаете! Вы хотите просто ее уморить! Это ужасно! Сегодня же, сейчасъ же перевезу ее къ себѣ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, — возразилъ-было Савелій.

— Что такое нѣтъ? Оставить вамъ ее здѣсь уморить?—перебилъ его графъ.

— Я не могу отпустить Анны Павловны: она мнѣ поручена, — сказалъ съ твердостью Савелій.

— А я не могу оставить ее здѣсь, — отвѣчалъ графъ, нѣсколько удивленный дерзостью Савелія. — Оставить, когда у ней нѣтъ ни доктора ни прислуги даже, которая могла бы ходить за ней.

Слова его отчасти были справедливы. Служанки, рѣдко бывавшія въ комнатахъ и въ бытность Эльчанинова, теперь совершенно поселились въ избахъ. Одинъ только Савелій былъ безотлучно при больной. Пригласить медика не было никакой возможности: Эльчаниновъ, уѣхавши, оставилъ въ домѣ только десять рублей. Савелій, никакъ не предполагавшій подобной безпечности со стороны пріятеля, узналъ объ этомъ послѣ. Услышавши намѣреніе графа взять къ себѣ Анну Павловну, онъ сначала не хотѣлъ отпускать ее, не зная, будетъ ли на это согласна она сама и не разсердится ли на то; но, обдумавши весь ужасъ положенія больной, лишенной всякаго пособія, и не зная, что еще будетъ впереди, онъ началъ колебаться.

— Я не знаю, ваше сіятельство, — началъ онъ не съ прежнею твердостью: — захочетъ ли больная переѣхать къ вамъ.

— Чего тутъ больная! Она умираетъ, а ее спрашивать, хочетъ ли она помощи. Я сейчасъ возьму ее.

— Я не могу совсѣмъ оставить Анны Павловны; если вамъ угодно взять ее, то позвольте и мнѣ быть при нихъ.

— Ты можешь навѣдываться, пожалуй.

— Я долженъ быть непрестанно при нихъ. Я поклялся въ этомъ Валерьяну Александрычу.

— Это совершенно не нужно; у Анны Павловны и безъ тебя будетъ много прислуги.

— Я не слуга, ваше сіятельство,—сказалъ наконецъ Савелій, вынужденный объявить свое настоящее имя.

Графъ съ удивленіемъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Но кто же вы? — спросилъ онъ.

— Я знакомый Валерьяна Александрыча,—отвѣчалъ Савелій.

— Фамилія ваша?

— Молотовъ.

— Имя ваше, званіе?

— Савелій Никандрычъ, а званіе — дворянинъ-съ.

— И вы говорите, что Валерьянъ Александрычъ поручилъ вамъ Анну Павловну?

— Да, ваше сіятельство

— Но я полагаю, что это не мѣшаетъ мнѣ взять къ себѣ въ домъ Анну Павловну; вы можете быть у меня, сколько вамъ угодно.

— Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, позвольте — я буду при нихъ неотлучно.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Сапѣга, слегка пожавъ плечами, и потомъ прибавилъ: — потрудитесь велѣть подать карету.

Савелій вышелъ.

«Что это за человѣкъ? — подумалъ графъ: — онъ, кажется, очень привязанъ къ больной и пользуется довѣріемъ Эльчанинова. Онъ можетъ повредить мнѣ во многомъ, но все-таки оттолкнуть его покуда невозможно, а тамъ увидимъ».

Савелій воротился.

— Карета готова, ваше сіятельство.

— Ну, теперь прикажите положить постель, я полагаю — это необходимо.

— Я уже все сдѣлалъ, теперь только вынести Анну Павловну.

— Одѣньте ее, Бога ради, потеплѣе, — произнесъ графъ.

— Одѣну-съ, — отвѣчалъ Савелій и вышелъ.

Графъ еще разъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого человѣка и вышелъ въ гостиную.

Между тѣмъ Анна Павловна, бывшая съ открытыми глазами, ничего въ то же время не видѣла и не понимала, что вокругъ нея происходило. Савелій позвалъ двухъ горничныхъ, приподнялъ ее, надѣлъ на нее все, какое только было, теплое платье, обернулъ сверхъ того въ ваточное одѣяло и вынесъ на

рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ она была уложена на перинѣ вдоль кареты.

Графъ сѣлъ съ другой стороны.

— Позвольте ужъ и мнѣ, ваше сіятельство, — сказалъ Савелій, влѣзая вслѣдъ за графомъ въ экипажъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ и только продолжалъ съ удивленіемъ смотрѣть на него.

Отъ Коровина до Каменки было не болѣе семи верстъ, но такъ какъ графъ, по просьбѣ Савелія, велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не обезпокоить больной, то переѣздъ ихъ продолжался около двухъ часовъ. Во всю дорогу Савелій и графъ молчали; первый со всей внимательностью слѣдилъ за больной; что же касается до Сапѣги, то его занимала, кажется, какая-то особенная мысль. Часа въ два пополудни карета остановилась у крыльца, графъ вышелъ первый и тотчасъ распорядился, чтобъ была приготовлена отдѣльная комната, близъ библіотеки, и велѣлъ сію же секунду скакать верховому въ городъ за медикомъ. Анну Павловну перенесли и уложили въ постель, двѣ горничныя поставлены были на безсмѣнное дежурство къ ней; однако Савелій, несмотря на это, послѣдовалъ за ней и помѣстился на дальнемъ стулѣ. Графъ прошелъ въ свой кабинетъ; его безпокоило, что̀ скажетъ Анна Павловна, пришедши въ чувство, и не захочетъ ли опять вернуться въ Коровино. Онъ придумывалъ различныя средства, которыми могъ бы заставить ее остаться у него. Кромѣ того, его начиналъ безпокоить Савелій, котораго живое участіе казалось ему весьма подозрительнымъ. Сапѣга еще дорогой рѣшился подслушать, что̀ будетъ говорить больная съ своимъ повѣреннымъ, и такимъ образомъ узнать, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою молодые люди. Онъ съ намѣреніемъ помѣстилъ Анну Павловну рядомъ съ библіотекою, въ которую никто почти никогда не входилъ и въ которой, надъ однимъ изъ шкаповъ, было сдѣлано круглое окно, весьма удобное для наблюденія, что̀ дѣлалось и говорилось въ комнатѣ больной. Теперь Сапѣга размышлялъ, кому поручить подслушать. Ему самому невозможно; для этого, можетъ-быть, нужно будетъ просидѣть цѣлый день, ночь въ библіотекѣ и взлѣсть наконецъ на шкапъ, надъ которымъ было окно. Употребить для того кого-нибудь изъ людей — графъ не хотѣлъ; Иванъ Александрычъ лучше всѣхъ оказался удобнымъ исполнить это порученіе... За нимъ былъ посланъ гонецъ, и чрезъ полчаса изгнанный племянникъ, въ восторгѣ отъ возвращенной къ нему милости, стоялъ въ кабинетѣ.

— Мнѣ до тебя маленькая надобность, Иванъ, — сказалъ графъ ласково. — Сядь поближе.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Какой есть дворянинъ Молотовъ, Савелій, кажется, Макарычъ, что ли? — продолжалъ Сапѣга.

— Савелій, ваше сіятельство, точно такъ-съ, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Что жъ онъ такое за господинъ? — спросилъ Сапѣга.

— Какой господинъ, ваше сіятельство, бѣднякъ, лѣтъ тридцати дубина, нигдѣ еще не служилъ. Дѣлаетъ вонъ телѣги, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Онъ часто бываетъ у Эльчанинова?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Онъ теперь у меня, вмѣстѣ съ Мановской, я ее больную привезъ къ себѣ.

— У васъ, ваше сіятельство?

— Да, у меня. Я ихъ обоихъ привезъ изъ Коровина; больная въ безпамятствѣ. Хочешь посмотрѣть?

— Для чего же, ваше сіятельство, не посмотрѣть!

— Ну, такъ ступай въ библіотеку, знаешь, тамъ окно надъ шкапомъ, взлѣзь на шкапъ и посмотри.

— На шкапъ взлѣзть, ваше сіятельство? Нѣтъ, Богъ съ ними. Нельзя ли какъ-нибудь въ щелочку?

— Не нарочно же для тебя дѣлать щели.

— Ну, такъ и не надо, ваше сіятельство, я не хочу.

— Ты-то не хочешь, да я хочу. Мнѣ надобно знать, что будетъ говорить больная, когда придетъ въ себя. Сослужи мнѣ эту службу.

— Помилуйте, ваше сіятельство, если вамъ угодно, такъ я сейчасъ же... Я вѣдь думалъ, что вы говорите это такъ, для меня-съ.

— Именно сейчасъ же, только вотъ въ чемъ дѣло: тебѣ, можетъ-быть, придется просидѣть цѣлую ночь да и завтрашній день.

— Это ничего, ваше сіятельство, лишь бы вамъ было угодно.

— Ну, значитъ, спасибо, только слушай: ты какъ можно внимательнѣе долженъ смотрѣть, что будутъ они дѣлать и что говорить. Я нарочно оставилъ ихъ вдвоемъ.

— Съ кѣмъ же вдвоемъ, ваше сіятельство?

— Да я тебѣ говорилъ, съ этимъ Молотовымъ.

— Понимаю-съ, понимаю-съ теперь, а то никакъ еще въ умъ-то хорошенько не могъ сразу взять, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Тебѣ нечего тутъ въ умъ и брать, — перебилъ его графъ: — твое дѣло будетъ только подслушать и подсмотрѣть все, что будетъ дѣлаться въ комнатѣ, и мнѣ все передать, хотя бы стали бранить меня. Понимаешь?

— Понимаю, ваше сіятельство.

— Ну, такъ пойдемъ... Я тебя запру въ библіотекѣ.

— Только ночью-то, ваше сіятельство, больно темно тамъ будетъ.

— Да что ты, чертей, что ли, боишься?

— Маленькаго нянька напугала, вотъ теперь, если комната чуть-чуть побольше, да темно, такъ ужъ ужасно боюсь.

— Полно вздоръ молоть, пойдемъ.

Графъ и племянникъ вошли въ библіотеку. Начинало уже смеркаться. Невольно пробѣжала холодная дрожь по всѣмъ членамъ Ивана Александрыча, когда они очутились въ огромной и пустой библіотекѣ, въ которой чутко отдались ихъ шаги; но надобно было еще влѣзть на шкапъ. Здѣсь оказалось немаловажное препятствіе: малорослый Иванъ Александрычъ никакъ не могъ исполнить этого безъ помощи другого.

— Дай, я тебя подсажу, — сказалъ графъ.

— Вы, ваше сіятельство?.. Какъ это можно вамъ безпокоиться. Позвольте ужъ, я лучше сбѣгаю за стуломъ.

— Давай сюда ногу.

— Не могу, ваше сіятельство, грязна очень, я, признаться сказать, пріѣхалъ безъ калошъ.

— Говорятъ тебѣ, давай, несносный человѣкъ.

Иванъ Александрычъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, обвернулъ имъ свой сапогъ и въ такомъ только видѣ осмѣлился поставить свою ногу на руку графа, которую тотъ протянулъ. Сапѣга съ небольшимъ усиліемъ поднялъ его и посадилъ на шкапъ. Иванъ Александрычъ въ этомъ положеніи сталъ очень походить на мартышку.

— Ну, прощай, смотри хорошенько, я побываю у тебя, — сказалъ графъ, выходя, и заперъ дверь.

Ивану Александрычу сдѣлалось очень страшно, и онъ рѣшился все вниманіе обратить на сосѣднюю комнату, въ которой уже показался огонь.

Сапѣга вошелъ въ комнату больной.

— Вы здѣсь? — сказалъ онъ, подходя къ Савелію и садясь на ближній диванъ.

— Я попрошу позволенія провести здѣсь всю ночь.

Сапѣга хотѣлъ что-то отвѣчать, но пріѣхавшій медикъ прервалъ ихъ разговоръ. Онъ объявилъ, что Анна Павловна въ горячкѣ, но кризисъ болѣзни уже совершился.

— Когда она придетъ въ себя?—спросилъ заботливо графъ.

— Я полагаю, сегодняшнюю ночь или поутру.

— Сегодняшнюю ночь,—повторилъ графъ.—Послушайте,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Савелію: — мнѣ кажется, вамъ

лучше одному остаться у больной, чтобы видъ незнакомыхъ лицъ, когда она придетъ въ себя, не испугалъ ее.

— Это очень хорошо, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Савелій.

— Мы такъ и распорядимся... Вы сегодня не будете дежурить, — сказалъ Сапѣга горничной: — впрочемъ, не нужно ли чего-нибудь сдѣлать? — спросилъ онъ медика.

— Теперь ни къ чему нельзя приступить, надобно ожидать помощи отъ природы, я долженъ остаться до завтрашняго дня, — отвѣчалъ медикъ.

— Благодарю; стало-быть, мы можемъ уйти. До свиданья.

Хозяинъ, медикъ и горничная вышли изъ комнаты.

Савелій, оставшись одинъ въ спальнѣ, сейчасъ пересѣлъ ближе къ больной. Глаза его, полные слезъ, съ любовью остановились на блѣдномъ лицѣ страдалицы, которой, казалось, становилось лучше, потому что она свободнѣе дышала, на лбу у нея показалась каплями испарина, этотъ благодѣтельный признакъ въ тифозномъ состояніи. Прошло нѣсколько минутъ. Савелій все еще смотрѣлъ на нее и потомъ, какъ бы не могши удержать себя, осторожно взялъ ея худую руку и тихо поцѣловалъ. При этомъ поступкѣ лицо молодого человѣка вспыхнуло, какъ обыкновенно это бываетъ у людей, почувствовавшихъ тайный стыдъ. Онъ проворно опустилъ руку, всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ на отдаленное кресло.

Предсказаніе врача сбылось: больная часа черезъ два пришла въ себя; она открыла глаза, но, видно, зрѣніе ея было слабо, и она не въ состояніи была вдругъ осмотрѣть всей комнаты. Савелій подошелъ.

— Это вы? — сказала она слабымъ голосомъ.

— Я, Анна Павловна; слава Богу, вамъ лучше,—отвѣчалъ Савелій.

— Погодите, — начала больная, осматриваясь и водя рукой по лбу, какъ бы припоминая что-то, и глаза ея заблистали радостью. — Гдѣ мы? Вѣрно, въ Москвѣ, у Валера, — сказала она съ живостью. — Мы пріѣхали къ нему, гдѣ же онъ? Бога ради, скажите, гдѣ онъ?

— Мы не у Валерьяна Александрыча, а только скоро къ нему поѣдемъ.

— Такъ не у него! Господи, я его не увижу! Гдѣ же мы?

— Мы у графа, Анна Павловна.

— У графа! — вскрикнула она: — зачѣмъ же мы у графа? Поѣдемте, Бога ради, поѣдемте поскорѣе, я не хочу здѣсь оставаться.

— Вамъ здѣсь покойнѣе, Анна Павловна, — сказалъ Са-

велій. — Графъ нарочно перевезъ васъ; онъ очень заботится, пригласилъ медика, и вотъ — вамъ ужъ лучше.

— Уѣдемте, Бога ради, уѣдемте, — просила она: — мнѣ здѣсь нехорошо.

— Если мы поѣдемъ въ Коровино, вамъ опять будетъ хуже, вамъ нельзя будетъ ѣхать къ Валерьяну Александрычу, а ужъ онъ, я думаю, скоро напишетъ.

— Мнѣ будетъ и тамъ лучше, я буду беречь себя, я буду лѣчиться тамъ.

— Вамъ нельзя будетъ лѣчиться, у васъ нѣтъ денегъ; это я виноватъ, Анна Павловна; мнѣ оставилъ Валерьянъ Александрычъ 200 рублей, а я ихъ потерялъ.

— Вамъ Валеръ оставилъ 200 рублей? Какой онъ добрый!.. Мы напишемъ ему, онъ еще пришлетъ намъ, только уѣдемте отсюда.

— Куда же мы будемъ писать, Анна Павловна? Мы не знаемъ еще, гдѣ Валерьянъ Александрычъ. Поживите здѣсь покуда.

— Здѣсь? Ахъ, нѣтъ, я не могу, не вѣрьте графу, я боюсь его.

— Но чего же вамъ опасаться, Анна Павловна? Я при васъ неотлучно буду.

— Нѣтъ, уѣдемте, Бога ради, уѣдемте, мнѣ сердце говоритъ. Вы не знаете графа: онъ дурной человѣкъ, онъ погубитъ меня.

— Анна Павловна, вспомните, что вы будете здѣсь жить для Валерьяна Александрыча, чтобы поскорѣе выздоровѣть и ѣхать къ нему... Что если онъ напишетъ и станетъ ждать васъ, а вы не сможете ѣхать?

— Ахъ, какъ мнѣ тяжело! — сказала бѣдная женщина и закрыла лицо руками.

— Мы останемся здѣсь недолго... Богъ дастъ, Валерьянъ Александрычъ напишетъ, мы и поѣдемъ. До тѣхъ поръ я буду безпрестанно около васъ.

— Да, будьте, непремѣнно будьте. Я безъ васъ здѣсь не останусь, не отходите отъ меня ни на минуту, графъ ужасный человѣкъ.

Вся эта сцена, съ малѣйшими подробностями, была Иваномъ Александрычемъ передана Сапѣгѣ, который вывелъ изъ нея три результата: во-первыхъ, Савелій привязанъ къ Аннѣ Павловнѣ не простымъ чувствомъ; во-вторыхъ, Анна Павловна гораздо болѣе любила Эльчанинова, нежели онъ предполагалъ, и наконецъ третье, что его самого боятся и не любятъ. Все это весьма обезпокоило графа.

IX.

О переѣздѣ Анны Павловны въ Каменки точно ворона на хвостѣ разнесла въ тотъ же почти день по всей Боярщинѣ. «Ай да соколена,—говорили многіе, по преимуществу дамы:— не успѣлъ еще бросить одинъ, а она ужъ нашла другого...»— «Да вѣдь она больна,— осмѣливались возражать нѣкоторые, подобрѣе: — говорятъ, просто ѣсть было нечего, графъ взялъ изъ человѣколюбія...»—«Сдѣлайте милость, знаемъ мы это человѣколюбіе!»—восклицали имъ на это.— «Что-то Михайла-то Егорычъ, батюшки мои, что̀ онъ-то ничего не предпринимаетъ!..»—«Какъ не предпринимаетъ, онъ и съ полиціей пріѣзжалъ-было»,—и затѣмъ слѣдовалъ разсказъ, какъ Мановскій наѣзжалъ съ полиціей, и какъ исправника распекъ за это графъ, такъ что тотъ теперь лежитъ больнехонекъ, и при этомъ разсказѣ бо̀льшая же часть восклицали:—«Чортъ знаетъ, что̀ такое дѣлается на свѣтѣ, не поймешь ничего». Впрочемъ, переѣздъ Мановской къ графу чувствительнѣе всѣхъ поразилъ Клеопатру Николаевну. Помирившись съ своею совѣстью и испытавши удовольствіе быть любимою богатымъ старикомъ, она рѣшительно испугалась пребыванія въ домѣ графа Мановской, которую она считала своей соперницей. Очень естественно, что она навсегда утратитъ покровительство Сапѣги, который оставитъ ее и не возьметъ съ собою въ Петербургъ, чего ужасно ей хотѣлось, и оставитъ наконецъ въ жертву Мановскому, о которомъ одна мысль приводила ее въ ужасъ. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, она рѣшилась объясниться съ графомъ и написала къ нему письмо, которымъ умоляла его пріѣхать къ ней, но получила холодный отвѣтъ, извѣщавшій ее, что графъ занятъ дѣлами и не можетъ быть впредь до свободнаго времени. Она послала еще письмо, на которое ничего ужъ ей не отвѣчали. Видя тщетность писемъ, что̀ еще болѣе усилило ея опасенія, она сама рѣшилась ѣхать къ графу и узнать причину его невниманія.

Между тѣмъ какъ все это происходило, одинъ только Задоръ-Мановскій, къ которому никто не ѣздилъ, ничего не зналъ.

Въ Воздвиженьевъ день бываетъ праздникъ въ Могилковскомъ приходѣ. Михайла Егорычъ, впрочемъ, былъ дома и обходилъ свои поля, потомъ онъ пришелъ въ комнаты и легъ, по обыкновенію, въ гостиной на диванъ. Вошла тихими шагами лѣтъ двадцати пяти горничная дѣвка въ китайчатомъ капотѣ и въ шелковой косынкѣ, повязанной маленькой голов-

кой, какъ обыкновенно повязываются купчихи. Это была уже знакомая намъ горничная Анны Павловны, Матрена, возведенная въ степень ключницы и называемая теперь отъ дворни Матреною Григорьевною, хотя баринъ попрежнему продолжалъ называть ее Матрешкой. Постоявши немного и видя, что Михайла Егорычъ не замѣчаетъ ея, она кашлянула.

— Кто тамъ? — спросилъ Мановскій.

— Я, батюшка, — отвѣчала Матрена.

— Ты? — повторилъ Михайла Егорычъ.

— Я-съ, — отвѣчала ключница. — Благодаримъ покорно за лошадку, — прибавила она, подходя и цѣлуя руку барина.

— Ну, что тамъ?

— Ничего, батюшка, молились, таково было много народу! Сосѣди были, — отвѣчала ключница. Она была, кажется, немного навеселѣ и, чувствуя желаніе поговорить, продолжала: — Николай Николаичъ Симановскій съ барыней былъ, Надежда Петровна Карина, да еще какой-то баринъ, я ужъ и не знаю, въ аналетахъ.

— Да что вы долго? Поди, чай, по деревнямъ ѣздили?

— Ой, полноте, батюшка, — возразила Матрена: — какъ это можно, тихо ѣхали-съ, да я и не люблю: что? Богъ съ ними. Только и зашли, по совѣсти сказать, къ превосходительскому вольноотпущенному, къ Иринарху Алексѣичу, — изволите знать? Рыбой еще торгуетъ. Онъ, признаться сказать, увидѣлъ меня въ окошко, да и закликалъ. «Матрена Григорьевна, говоритъ, сдѣлайте ваше одолженіе, пожалуйте». Тутъ только, батюшка, и посидѣла.

— Только?

— Только-съ. Да я бы вѣдь и тутъ бы не засидѣлась, — нечего сказать, домъ гребтитъ, — да разговоръ такой ужъ зашелъ, что нельзя было...

— Какой же?

— Про нашу Анну Павловну, батюшка.

— Про жену?

— Да-съ.

— Что жъ такое?

— Да изволите видѣть, — начала Матрена, вздохнувъ и приложивши руку къ щекѣ: — тутъ былъ графскій староста, простой такой, изъ мужиковъ. Они, сказать такъ, съ Иринархомъ Алексѣичемъ пріятели большіе, такъ по секрету и сказалъ ему, а Иринархъ Алексѣичъ, какъ тотъ уѣхалъ, послѣ мнѣ и говоритъ: «Матрена Григорьевна, гдѣ у васъ барыня?» А я вотъ, признаться сказать, передъ вами, какъ передъ Богомъ, и говорю: «что, говорю, не скроешь этого, въ

Коровинѣ живетъ». — «Нѣтъ, говоритъ, коровинскаго барина и дома нѣтъ, уѣхалъ въ Москву».

— Какъ въ Москву? — проговорилъ Мановскій, приподымаясь съ дивана.

— Да, батюшка, въ Москву, а барыня наша ужъ другой день переѣхала въ Каменку.

Мановскій, какъ бы не могшій еще прійти въ себя, посмотрѣлъ на ключницу какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Какъ въ Москву? Какъ въ Каменку? — повторялъ онъ, болѣе и болѣе краснѣя.

— Да, въ Москву, — отвѣчала Матрена, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

— Такъ что жъ ты мнѣ, бестія, прежде этого не сказала?— заревѣлъ вдругъ Мановскій, вскочивши съ дивана и опрокинувши при этомъ круглый столъ.

— Батюшка, Михайла Егорычъ, лопни мои глаза, сегодня только узнала.

— Заговоръ! Мошенничество! — кричалъ Мановскій. — По праздникамъ только ѣздить пьянствовать!..

— Отецъ мой, Михайла Егорычъ, успокойтесь, можетъ, и неправда.

— Пошла вонъ!.. Уѣхалъ! Переѣхала!.. Старая-то крыса эта! А!.. Это его штуки... его продѣлки. Уѣхалъ!.. Врешь, нагоню, уморю въ тюрьмѣ! — говорилъ Мановскій, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ вдругъ вошелъ въ спальню, тамъ попались ему на глаза приданыя ширмы Анны Павловны: однимъ пинкомъ повалилъ онъ ихъ на полъ, въ нѣсколько минутъ исщепалъ на куски, а вслѣдъ за этимъ началъ бить окна, не колотя по стекламъ, а ударяя по переплету, такъ что отъ одного удара разлеталась вся рама. Послѣ трехъ-четырехъ пріемовъ въ спальнѣ не осталось ни одного стекла, и Мановскій, видно, уже обезсилѣвшій, упалъ на постель. Холодный вѣтеръ, пахнувшій въ разбитыя стекла, а можетъ-быть, и физическое утомленіе затушили его горячку. Почти цѣлый часъ пролежалъ онъ, не измѣнивъ положенія, и, казалось, что-то обдумывалъ, потомъ крикнулъ:

— Эй, кто тамъ!

Вошла опять та же Матрена.

— Вели сейчасъ лошадей готовить, — проговорилъ онъ.

Матрена ушла.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи Михайла Егорычъ былъ уже въ уѣздномъ городѣ, взялъ тамъ почтовыхъ лошадей и поскакалъ въ губернскій городъ.

Въ этотъ же самый день графъ Сапѣга сидѣлъ въ своей

гостиной и былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. У него не выходила изъ головы сцена, происходившая между Савеліемъ и Анной Павловной и пересказанная ему Иваномъ Александрычемъ. «Какъ она любитъ его»,—думалъ онъ и невольно оглянулся на свое прошедшее; ему сдѣлалось горько и какъ-то совѣстно за самого себя. Любила ли его хоть разъ женщина такимъ образомъ! Все было наемное, купленное. Вотъ теперь онъ старый холостякъ, ему около 60 лѣтъ; онъ, можетъ-быть, скоро умретъ... Умретъ!.. Какъ это страшно! Да, онъ чувствуетъ, что силы его часъ отъ часу слабѣютъ, и что же онъ дѣлаетъ? Интригуетъ съ одной женщиной и хочетъ соблазнить другую. На этихъ печальныхъ мысляхъ доложили ему о пріѣздѣ Клеопатры Николаевны.

Графъ сдѣлалъ гримасу и, когда вдова вошла и подала ему, по обыкновенію, руку, онъ едва привсталъ съ мѣста.

Клеопатра Николаевна сѣла.

— Извините меня, графъ,—начала она:—что я не могла себѣ отказать въ желаніи видѣть васъ, хоть вамъ это и непріятно.

— Напротивъ, я всегда радуюсь вашему посѣщенію,—возразилъ Сапѣга.

— Вы не хотѣли однако исполнить моей просьбы и пріѣхать ко мнѣ, вы даже не хотѣли отвѣчать мнѣ... Богъ съ вами!—проговорила вдова.

— Я не имѣлъ времени,—отвѣтилъ графъ, и оба они замолчали на нѣкоторое время.

— Опасенія мои, кажется, сбываются,—начала Клеопатра Николаевна.

— Какія опасенія?—спросилъ Сапѣга.

— Въ вашемъ домѣ,—продолжала Клеопатра Николаевна, какъ бы отвѣчая на вопросъ:—живетъ женщина, которую вы любите и для которой забудете многое.

— Не обижайте этой женщины,—перебилъ ее строго графъ:—она дочь моего стараго друга и полумертвая живетъ въ моемъ домѣ. Въ любовницы выбираютъ здоровыхъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула, она поняла намекъ графа.

— Простите мою ревность,—начала она, скрывая досаду:—но что же дѣлать, вы мнѣ дороги.

— И вы мнѣ дороги,—сказалъ двусмысленно графъ.

Клеопатра Николаевна поняла тоже и этотъ каламбуръ. Она ясно видѣла, что графъ хочетъ отъ нея отдѣлаться, и рѣшилась на послѣднее средство—притвориться страстно влюбленною и поразить старика драматическими эффектами.

— Теперь я понимаю, графъ,—сказала она:—я забыта...

презрѣна... вы смѣетесь надо мной!.. За что же вы погубили меня, за что же вы отняли у меня спокойную совѣсть! Зачѣмъ же вы старались внушить къ себѣ довѣріе, любовь, которая довела меня до забвенія самой себя, своего долга, заставила забыть меня, что я мать.

— Отчего вы не адресовались съ подобными вопросами къ Мановскому? — спросилъ насмѣшливо графъ.

Это превышало всякое терпѣніе. Клеопатра Николаевна сначала думала упасть въ обморокъ, но ей хотѣлось еще поговорить, оправдаться и снова возбудить любовь въ старикѣ.

— Это клевета, графъ, обидная, безбожная клевета, — отвѣчала она: — я Мановскаго всегда ненавидѣла, вы сами это знаете.

— Тѣмъ хуже для васъ, — возразилъ Сапѣга.

— Графъ! Я вижу, вы хотите обижать меня, но это ужасно! Если вы разлюбили меня, то скажите лучше прямо.

— А вы меня любили? — спросилъ немилосердно Сапѣга.

— И вы, графъ, имѣете духу меня объ этомъ спрашивать, когда я принесла вамъ въ жертву свою совѣсть, утратила свое имя. Со временемъ меня будетъ проклинать за васъ дочь моя.

— Что жъ вамъ собственно отъ меня угодно? — спросилъ Сапѣга.

— Я хочу вашей любви, графъ, — продолжала Клеопатра Николаевна: — хочу, чтобъ вы позволили любить васъ, видѣть васъ иногда, слышать вашъ голосъ. О! не покидайте меня! — воскликнула она и упала передъ графомъ на колѣни.

Презрѣніе и досада выразились на лицѣ Сапѣги.

— Встаньте, сударыня, — началъ онъ строго: — не заставляйте меня думать, что вы къ вашимъ качествамъ прибавляете еще и притворство! Къ чему эти сцены?

— Ахъ! — вскрикнула вдова и упала въ обморокъ, чтобы доказать графу непритворность своей горести.

Сапѣга только посмотрѣлъ на нее и вышелъ въ кабинетъ, рѣшившись не посылать никого на помощь, а самъ между тѣмъ сѣлъ противъ зеркала, въ которомъ видна была та часть гостиной, гдѣ лежала Клеопатра Николаевна, и сталъ наблюдать, что предприметъ она, ожидая тщетно пособія.

Прошло нѣсколько минутъ, Клеопатра Николаевна лежала съ закрытыми глазами. Графъ начиналъ уже думать, не въ самомъ ли дѣлѣ она въ обморокѣ, какъ вдругъ глаза ея открылись. Осмотрѣвши всю комнату и видя, что никого нѣтъ, она поправила немного лѣвую руку, на которую, видно, неловко легла, разстегнула верхнюю часть лифа у своей роскошной

груди и снова, закрывши глаза, притворилась безчувственною. Всѣ эти продѣлки начинали тѣшить графа, и онъ рѣшился еще ожидать, что̀ будетъ дальше. Прошло около четверти часа, терпѣнія не стало болѣе у Клеопатры Николаевны.

— Гдѣ я? — произнесла она, приподымаясь съ полу, какъ приподымаются послѣ обморока въ театрахъ актрисы, но, увидя, что попрежнему никого не было, она проворно встала и начала подходить къ зеркалу.

Графъ, не ожидавшій этого движенія, не успѣлъ отвернуться, и глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ. Сапѣга, не могшій удержаться, покатился со смѣху.

Клеопатра Николаевна вышла изъ себя и съ раздраженнымъ видомъ почти вбѣжала въ кабинетъ.

— Что̀ это вы со мной дѣлаете! Подлый человѣкъ! Развратный старичишка! Мало того, что обезчестилъ, еще насмѣхается!..—кричала она, забывши всякое приличіе и задыхаясь отъ слезъ.

— Тише! тише, сумасшедшая женщина! — говорилъ графъ.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, ты сумасшедшій. низкій человѣкъ!

— Тише, говорятъ, не кричите.

— Нѣтъ, я буду кричать на весь домъ, чтобы слышала твоя новая любовница.

Послѣднія слова она произнесла еще громче.

— Поди же вонъ! — сказалъ въ свою очередь взбѣсившійся Сапѣга и, взявши вдову за плечи, повернулъ къ дверямъ въ гостиную и вытолкнулъ изъ кабинета, замкнувши тотчасъ дверь.

X.

На тѣхъ же самыхъ дняхъ, поутру, начальникъ губерніи сидѣлъ, по обыкновенію, таинственно въ своемъ кабинетѣ. Это уже былъ старикъ и, какъ по большей части водится, плѣшивый. Смолоду, говорятъ, онъ извѣстенъ былъ какъ масонъ, а теперь сильно страдалъ ипохондріей. Слывя за человѣка неглупаго и дальновиднаго, особенно въ сношеніяхъ съ сильными лицами, онъ вообще былъ изъ хитрецовъ меланхолическихъ, самыхъ, какъ извѣстно, непроходимыхъ.

Часовъ около двѣнадцати дежурный чиновникъ доложилъ:

— Полковникъ Мановскій.

— Просите, — сказалъ губернаторъ съ нѣкоторою даже строгостью.

Задоръ вошелъ.

— Здравствуйте, полковникъ,—произнесъ губернаторъ, ласково указывая ему на стулъ. Тотъ сѣлъ и, видимо, былъ чѣмъ-то встревоженъ. Губернаторъ между тѣмъ устремилъ грустный взоръ на виднѣвшуюся передъ нимъ рѣку, тоже какъ-то мрачно взъерошенную осеннимъ вѣтромъ.

— Какая погода скверная, — произнесъ онъ.

— Нехороша, — отвѣчалъ Мановскій:—и меня вотъ третій день такъ ломаетъ, чортъ знаетъ, что̀ такое и отчего.

— Погода, повѣрьте, — рѣшилъ губернаторъ.

Мановскій на это вздохнулъ и, помолчавши, началъ офиціальнымъ тономъ:

— Я къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство.

— Что̀ такое? — спросилъ губернаторъ, несмотря на свою меланхолію, не совсѣмъ равнодушнымъ тономъ.

Онъ давно уже слышалъ объ ужасныхъ непріятностяхъ Мановскаго въ семейной жизни

— У меня жена убѣжала, — отвѣчалъ Михайла Егорычъ съ свойственною ему твердостью и рѣзкостью, хотя въ то же время все лицо его покрылось красными пятнами. — Цѣлый годъ уже,—продолжалъ онъ:—она не только что не живетъ со мной въ супружескомъ сожитіи, но даже мы не видались съ ней.

Губернаторъ грустно посмотрѣлъ на него.

— Несмотря на это,—снова продолжалъ Мановскій:—я извѣстился, что она находится въ беременномъ состояніи, а потому просилъ бы ваше превосходительство объ освидѣтельствованіи ея чрезъ кого слѣдуетъ, и выдать мнѣ на то документъ, такъ какъ я именемъ своимъ не хочу покрывать этой распутной женщины и желаю имѣть съ ней разводъ.

Губернаторъ думалъ.

— А гдѣ же ваша супруга теперь проживаетъ?—спросилъ онъ вдругъ, и вопросъ этотъ озадачилъ немного Мановскаго.

— Она живетъ теперь въ усадьбѣ графа Сапѣги, — отвѣчалъ онъ.

— Живетъ ужъ?—повторилъ губернаторъ и позвонилъ.

Вошелъ дежурный чиновникъ.

— Потрудитесь, любезный, принести мнѣ отъ правителя конфиденціальное письмо графа Сапѣги, запечатанное въ пакетѣ,—проговорилъ онъ кротчайшимъ голосомъ

Чиновникъ поклонился и вышелъ.

— А отъ графа есть письмо по моему дѣлу? — спросилъ Мановскій.

— Есть, — отвѣчалъ значительно губернаторъ и, чтобы не распространить далѣе разговора, началъ опять грустно смот-

рѣть въ окно. Чиновникъ принесъ дѣло. Губернаторъ, взявъ отъ него, выслалъ его изъ кабинета и приказалъ поплотнѣй притворить дверь.

— Это самое письмо и есть, собственной рукой графа написанное, — продолжалъ губернаторъ таинственнымъ голосомъ: — позволите прочесть вамъ? — прибавилъ онъ.

Мановскій кивкомъ головы изъявилъ согласіе.

Губернаторъ началъ: «Сверхъ чаянія, заживши въ губерніи, ввѣренной управленію вашего превосходительства, я сдѣлался довольно близкимъ свидѣтелемъ одной непріятной семейной исторіи. Сосѣдъ мой, г. Мановскій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до того мучилъ и тиранилъ свою жену, женщину весьма милую и образованную, что та вынуждена была бѣжать отъ него и скрылась въ усадьбѣ другого моего сосѣда, Эльчанинова, молодого человѣка, который, если и справедливы слухи, что влюбленъ въ нее, то во всякомъ случаѣ смѣло могу завѣрить, что между ними нѣтъ еще такой связи, которая могла бы положить пятно на имя г-жи Мановской. Несмотря на это, мѣстная полиція, подкупаемая варваромъ-мужемъ, производила совершенно выходящіе изъ предѣловъ ихъ власти въ усадьбѣ г. Эльчанинова обыски, пугая несчастную женщину и производя отвратительный безпорядокъ въ домѣ. Прекративъ всѣ эти незаконныя дѣйствія, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляю себѣ долгомъ увѣдомить о томъ и ваше превосходительство, для надлежащаго съ вашей стороны распоряженія, которымъ вы удержите полицію отъ дальнѣйшихъ ея притязаній и примете подъ непосредственное ваше покровительство несчастную женщину, въ пользу которой все сдѣланное съ вашей стороны я приму за безконечное и собственно для меня сдѣланное одолженіе».

При чтеніи этихъ строчекъ Мановскій только блѣднѣлъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать послѣ того, ваше превосходительство? — проговорилъ онъ.

— А мнѣ-то тоже что дѣлать? — спросилъ губернаторъ.

— Поѣду теперь, значитъ, въ Петербургъ, — проговорилъ Мановскій: — и буду тамъ ходатайствовать. Двадцать пять лѣтъ, ваше превосходительство, я служилъ честно. Я на груди своей ношу знаки отличія и надѣюсь, что не позволятъ и воспретятъ марать какой-нибудь позорной женщинѣ мундиръ и кресты офицера

При послѣднихъ словахъ у Михайла Егорыча навернулись даже слезы. Губернаторъ развелъ руками и потупилъ голову.

— Самый лучшій и единственный путь,—проговорилъ онъ.

— Я и на васъ, ваше превосходительство, буду жаловаться, извините меня, — продолжалъ Мановскій, уже вставая:—такъ какъ вы выдаете хоть бы насъ, дворянъ, допуская въ домахъ нашихъ дѣлать развратъ кому угодно, оставляя насъ беззащитными. Передъ закономъ, полагаю, должны быть всѣ равны: что я, что графъ какой-нибудь. Принимая присягу, мы не то говоримъ передъ крестомъ.

— Ваше дѣло будетъ жаловаться, а мое будетъ отвѣчать,— возразилъ на это губернаторъ съ замѣтною сухостью, и Мановскій, поклонившись ему гордо, вышелъ. Несмотря на свою свирѣпую запальчивость, онъ на этотъ разъ себя сдержалъ, насколько могъ, понимая, что губернаторъ не захочетъ да и не можетъ даже ничего сдѣлать тутъ. Выйдя изъ губернаторскаго дома и проходя бульваромъ, онъ, какъ бы желая освѣжиться, шелъ безъ шапки и все что-то хватался за голову.

Остановился онъ на этотъ разъ на квартирѣ, какъ и всегда, у одного бѣднаго приказнаго, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ ко всему ихнему роду чувствовалъ какую-то рабскую преданность, за которую вознаграждаемъ былъ каждогодно нѣсколькими пудами муки и еще кой-чѣмъ изъ домашняго запаса. Пришедши на квартиру, Мановскій спросилъ обѣдать, впрочемъ, ничего почти не ѣлъ и все пилъ воду; потомъ прилегъ какъ бы соснуть; но не прошло и полчаса, какъ знакомый нашъ Сенька, вмѣсто обычнаго барскаго крика: «Эй, малый!» — услышалъ какое-то мычаніе и, вошедши въ спальню, увидѣлъ, что Михайла Егорычъ лежалъ вверхъ лицомъ. При входѣ его онъ хотѣлъ, видно, встать, но вмѣсто того упалъ на правую руку.

Сенька постоялъ немного, поглядѣлъ и, видя, что ничего ему не приказываютъ, опять ушелъ въ свою маленькую прихожую.

— Хмеленъ, видно!.. Ловко, знать, гдѣ-то попало!.. Привстать-то даже не сможетъ, — рѣшилъ онъ, мотнувъ головой.

Такъ прошло время до трехъ часовъ; хозяинъ-чиновникъ, возвратясь изъ должности, зашелъ, какъ дѣлалъ онъ это каждодневно, на половину Михайлы Егорыча, ради того, чтобъ изъявить ему свое почтеніе, а другое, можетъ-быть, и для того, что не удастся ли рюмочку-другую выпить водочки, которая у Мановскаго была всегда отличная.

— А что, ихъ милость дома или нѣтъ? — спросилъ онъ у Сеньки.

— Дома-то, дома, хмеленъ только, — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ на здоровье; почивать, значитъ, теперь изволитъ.

— Богъ его знаетъ, спитъ не спитъ, а лежитъ да глазами только хлопаетъ. Слышите, вонъ замычалъ.

— Ай, батенька, Царица Небесная! Да чтой-то это такое, поглядѣть надо,—проговорилъ добрякъ и заглянулъ въ спальню.

Михайла Егорычъ лежалъ вверхъ лицомъ, сначала неподвижно, потомъ приподнялъ лѣвой рукой правую, подержалъ ее на воздухѣ и опустилъ; она какъ плеть упала на постель.

— Отцы мои! Да у него владѣнья, знать, нѣтъ,—вскрикнулъ приказный, всплеснувши руками. — Отецъ мой! Михайла Егорычъ! — произнесъ онъ, подходя къ постели.

— Хмы! Хмы! Хмы! — мычалъ Мановскій.

— Не сходить ли за докторомъ, Михайла Егорычъ?

Мановскій мотнулъ головой.

— Сейчасъ, батюшка, — сказалъ добрякъ и выбѣжалъ. — Поди къ барину-то, — произнесъ онъ Сенькѣ, пробѣгая лакейскую.

Вскорѣ пріѣхавшій съ нимъ лѣкарь осмотрѣлъ Мановскаго и велѣлъ ему пустить кровь и растирать правую сторону щетками.

— Что это такое, батюшка, что такое съ благодѣтелемъ-то случилось?—спросилъ приказный, когда они вышли изъ спальни.

— Ничего, параличъ, — отвѣчалъ мрачно и лаконически докторъ и потомъ, сѣвши на дрожки, проговорилъ самъ съ собою:—скоты этакіе, зовутъ и не платятъ.

Положеніе графа въ свою очередь тоже становилось часъ отъ часу непріятнѣе. Конечно, ему писали изъ Петербурга, что Эльчаниновъ пріѣхалъ туда и съ первыхъ же дней началъ пользоваться петербургскою жизнью, а о деревнѣ, кажется, забылъ и думать, тѣмъ болѣе, что познакомился съ Наденькой и цѣлые вечера просиживалъ у ней; кромѣ того Сапѣга зналъ уже, что и Мановскій, главный врагъ его, разбитъ параличомъ и полумертвый привезенъ въ деревню. Несмотря на всѣ эти благопріятныя извнѣ обстоятельства, Сапѣга болѣе и болѣе терялъ надежду склонить Анну Павловну на свои исканія. Горесть ея была такъ велика, такъ непритворна, что онъ даже никогда не рѣшался намекнуть ей о любви своей, чему еще, надобно сказать, мѣшалъ и Савелій, оттолкнуть котораго не было никакой возможности, а между тѣмъ Иванъ Александрычъ пересказывалъ дядѣ всевозможныя сплетни, которыя сочинялись въ Боярщинѣ насчетъ его отношеній къ Аннѣ Павловнѣ. Терпѣніе Сапѣги начинало ослабѣвать, роль безкорыстнаго покровителя рѣшительно была не въ его духѣ. Онъ начиналъ не на шутку скучать и досадовать. Онъ даже жалѣлъ, что разстался съ Клеопатрой Николаевной, и рѣшился-было снова возобновить съ ней прежнія отношенія, но вновь полученныя письма изъ Петербурга измѣнили его

планы. Ему писали, что, по приказанію его, Эльчаниновъ былъ познакомленъ, между прочимъ, съ домомъ Неворскаго и понравился тамъ всѣмъ дамамъ до безконечности своими разсказами объ ужасной провинціи и о смѣшныхъ помѣщикахъ, посреди которыхъ онъ жилъ и живетъ теперь графъ, и всѣмъ этимъ заинтересовалъ даже самого старика въ такой мѣрѣ, что тотъ велѣлъ его зачислить къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій и пригласилъ его каждый день ходить къ нему обѣдать, и что наконецъ на-дняхъ пріѣзжалъ самъ Эльчаниновъ, сначала очень разстроенный, а потомъ откровенно признавшійся, что не можетъ и не считаетъ почти себя обязаннымъ ѣхать въ деревню или вызывать къ себѣ извѣстную даму, передъ которой просилъ даже солгать и сказать ей, что онъ умеръ, и въ доказательство чего отдалъ послать ей кольцо его и локонъ волосъ. Прочитавъ эти извѣстія, даже графъ удивился.

— Ахъ, какой дрянной и вѣтреный мальчишка, — проговорилъ онъ.

Чтобъ оправдать хоть сколько-нибудь моего героя, я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, Клеопатра Николаевна писала ему:

«Добрый другъ!

«Не могу удержаться, чтобы не извѣстить васъ объ одномъ, конечно, непріятномъ для вашего сердца случаѣ, но призовите, добрый другъ, на помощь религію, вашъ разсудокъ, и будьте благоразумны. Женщина, которую вы любите, не стоитъ того. Ахъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело это сказать! Она на другой же день переѣхала къ графу и теперь очень спокойно живетъ у него. Нужно ли говорить, въ какихъ они отношеніяхъ? Теперь очень понятно поведеніе этого ужаснаго старика. Какъ можно теперь вѣрить женщинамъ! Мы еще иногда обвиняемъ мужчинъ, но они противъ насъ просто ангелы. Услышавши, что эта особа переѣхала въ Каменку и еще кой-что, я рѣшилась сама убѣдиться въ томъ и поѣхала къ графу, но жестоко была наказана за мое любопытство. Когда я вошла въ гостиную, то увидѣла совершенно аркадскую сцену, отъ которой ужасъ овладѣлъ мною, и я тотчасъ уѣхала. Не огорчайтесь и не отчаивайтесь, добрый другъ! Вы мужчина, должны быть тверды, должны забыть недостойную. Я очень боюсь, чтобы вы не предприняли чего-нибудь рѣшительнаго и не захотѣли бы кровью отомстить коварному вашему покровителю. Конечно, онъ стоитъ смерти, но поберегите себя, хоть для меня, если попрежнему считаете меня вашимъ другомъ.

«Любившая и любящая васъ

«Cléopatre».

Эльчаниновъ, получившій это письмо и желавшій въ душѣ, чтобы это было такъ, повѣрилъ всему безусловно. Считая потому себя въ правѣ окончательно отказаться отъ этой женщины, налгалъ при этомъ случаѣ, сколько только возможно налгать. Графъ между тѣмъ разсуждалъ самъ съ собой: что дѣлать?.. Объявить ли Аннѣ Павловнѣ о мнимой смерти Эльчанинова, раскрыть передъ нею страшную перспективу бѣдности, униженія и обѣщать ей все это исправить, при извѣстныхъ условіяхъ? Неужели же эта женщина скорѣе рѣшится умереть съ голоду, чѣмъ приневолить себя полюбить его? Конечно, благоразуміе требовало бы нѣкоторой постепенности, надобно, чтобъ она привыкла къ мысли, что для нея болѣе не существуетъ любимый человѣкъ; но, можетъ-быть, это продолжится еще долго,—заключилъ графъ и принялъ намѣреніе дѣйствовать, не отлагая времени и рѣшительно. Слѣдующая ночь была избрана для того, потому что Савелій только на это время и оставлялъ Анну Павловну одну и уходилъ спать въ отдаленную комнату.

Съ приближеніемъ рѣшительной минуты графомъ начало живѣй и живѣй овладѣвать безпокойство. Разсудокъ говорилъ о безразсудной его дерзости, совѣтовалъ повыждать для болѣе вѣрнаго успѣха; но извѣстенъ законъ, что самые запальчивые и безразсудные люди въ любви—это старики и молодые юноши. Когда пробило на часахъ двѣнадцать и все въ домѣ, казалось, улеглось и заснуло, Сапѣга вышелъ изъ кабинета, почти бѣгомъ пробѣжалъ коридоръ и тихонько отворилъ дверь въ спальню Анны Павловны. Ночная лампада слабо освѣщала комнату, и только ярко блестѣлъ золотой окладъ старинной иконы. Графъ невольно отвернулъ глаза отъ образа и взглянулъ на кровать: Анна Павловна крѣпко спала; на блѣдномъ лицѣ ея видна была улыбка, какъ будто бы ей снились пріятныя грезы; изъ-подъ бѣлаго одѣяла выставлялась почти до плеча голая рука; нѣсколько прядей волосъ выбивались изъ-подъ ночного чепчика. Этого было достаточно, чтобы графа оставило всякое другое чувство. Онъ быстро подошелъ къ кровати и поцѣловалъ спящую Анну Павловну въ лобъ. Она открыла глаза и болѣзненно вскрикнула.

— Тише, Бога ради, тише, — началъ графъ: — я пришелъ къ вамъ говорить, я буду говорить о Валерьянѣ Александрычѣ, я о немъ вамъ скажу.

Анна Павловна не могла еще опомниться.

— Я сейчасъ получилъ о Валерьянѣ Александрычѣ извѣстіе, я хочу съ вами говорить,—продолжалъ торопливо Сапѣга.

— О Валерѣ?.. Вы отъ Валера получили письмо? Онъ

меня, вѣрно, зоветъ,—сказала Анна Павловна, приподымаясь.— Покажите мнѣ письмо, дайте мнѣ поскорѣе. Боже! Неужели это правда! Дайте, гдѣ оно у васъ? — И она хватала графа за руки.

— Позвольте мнѣ сѣсть около васъ,—сказалъ тотъ, садясь на кровать.

— Дайте мнѣ письмо! Здоровъ ли Валеръ? Дайте поскорѣе.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Сапѣга:—только вы прежде скажите мнѣ, за что вы его такъ любите?

— Графъ!—воскликнула уже со слезами бѣдная женщина:— вы терзаете меня, вы злой человѣкъ, я не хочу съ вами говорить.

— Нѣтъ, Анна Павловна, я долженъ съ вами говорить,— произнесъ съ твердостью Сапѣга, уже овладѣвши собою.

— Покажите мнѣ письмо Валера.

— Покажу, но прежде позвольте мнѣ сказать вамъ хоть нѣсколько словъ о себѣ. Знаете ли, какъ я васъ люблю, какъ я страдалъ за васъ; вы ничего этого не видите, вы не чувствуете даже ко мнѣ благодарности.

— Я благодарна вамъ.

— Нѣтъ, и этого нѣтъ: вы только опасаетесь и почти ненавидите меня. Вы не понимаете, чего мнѣ стоило покровительство вашему любимцу, когда я самъ въ васъ влюбленъ. Поставьте себя хоть на минуту въ мое положеніе.

— Графъ!..

— Дайте мнѣ говорить: я цѣлые полгода скрывалъ себя, я обрекъ себя на полное самоотверженіе. Любя васъ, я покровительствовалъ вашей любви къ другому человѣку, потому что думалъ, что въ этой любви ваше счастье.

— Я буду вамъ вѣчно признательна, графъ,—покажите мнѣ письмо.

— Еще два слова: я думалъ, что если она и не любитъ меня, то по крайней мѣрѣ благословитъ когда-нибудь мою память, но Богъ не далъ мнѣ и этого: я не сдѣлалъ васъ счастливою, я обманулся, какъ обманулись и вы. Въ этой любви ваша погибель, если только вы сами не будете благоразумны.

— Графъ, выйдите вонъ!—сказала Анна Павловна съ какой-то несвойственной твердостью.—Вы нарочно сюда пришли, выйдите, иначе я закричу; вы обманываете меня, вы не получили письма.

— Извольте, я уйду, но только я получилъ письмо,—отвѣчалъ хладнокровно Сапѣга и всталъ.

— Постойте!—вскричала Анна Павловна, останавливая его рукою.—Покажите мнѣ письмо, Бога ради, покажите!

— Поцѣлуйте меня за это, такъ и покажу, — проговорилъ Сапѣга какъ бы съ отеческою улыбкою.

— Извольте, я буду цѣловать, сколько хотите, — отвѣчала Анна Павловна и сама, обнявъ его шею руками, начала торопливо цѣловать.

У графа опять кровь бросилась въ голову, онъ обхватилъ ее за талію, цѣловалъ ея шею, глаза... Анна Павловна поняла опасность своего положенія. Чувство стыда и самосохраненія, овладѣвшее ею, заставило забыть главную мысль. Она сильно толкнула графа, но тотъ держалъ ее крѣпко.

— Помогите!—вскрикнула бѣдная женщина.

— Не кричите, или вы погибли, — началъ шопотомъ Сапѣга: — я васъ оставлю одну, на нищету, на позоръ, забуду мою любовь и предамъ васъ мужу. Любовникъ вашъ умеръ, вотъ извѣстіе о его смерти,—прибавилъ онъ и выбросилъ изъ кармана особо присланное письмо повѣреннаго, извѣщавшее о смерти Эльчанинова. Все забывши, Анна Павловна схватила его, развернула, и при этомъ выпали кольцо и волосы Эльчанинова. Прочитавъ первыя же строки, бѣдная женщина что-то пріостановилась. Графъ съ невольнымъ удивленіемъ взглянулъ ей въ лицо, на которомъ какъ бы мгновенно изгладилось всякое присутствіе мысли и чувства: ни горя, ни испуга, ни удивленія, ничего не было видно въ ея чертахъ; глаза ея, взглянувъ на икону, неподвижно остановились, ротъ полураскрылся, опустившіяся руки вытянулись.

— Анна Павловна, что съ вами?—спросилъ Сапѣга, взявъ ее за руку.

Отвѣта не было.

— Господи! Что съ вами? Анна Павловна, придите въ себя, перекреститесь,—продолжалъ онъ испуганнымъ тономъ, подымая ея руку и складывая пальцы въ крестъ.

— Дайте мнѣ письмо, дайте,—проговорила больная какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Письмо у васъ, но вы ему не вѣрьте, это все ложь. Эльчаниновъ живъ, онъ только измѣнилъ вамъ, но я заставлю его силой полюбить васъ, если вы этого хотите! Но только теперь, Бога ради, прилягте, успокойтесь,—говорилъ окончательно растерявшійся старикъ, взявъ Анну Павловну за плечи и стараясь уложить ее.

— Прочь!—закричала она раздирающимъ голосомъ, сильно толкнувъ Сапѣгу въ грудь. — Мнѣ душно! Жарко! — кричала она.

Графъ тутъ только догадался, что Анна Павловна помѣшалась.

— Душно! Жарко! — продолжала она кричать, метаясь по кровати:—охъ, душно!

Графъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ужасъ, совѣсть и жалость почти обезумѣли его самого. Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но вмѣсто того прошелъ въ свой кабинетъ и въ изнеможеніи упалъ на диванъ. Ему все еще слышалось, какъ несчастная кричала: «душно! жарко!». Сапѣга зажалъ себѣ уши. Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ криковъ не было слышно.

— Она умерла!—проговорилъ онъ и, вскочивши съ дивана, что̀ есть силы началъ звонить въ колокольчикъ: вбѣжалъ полусонный камердинеръ.

— Вели... бѣги... постой... Я слышалъ въ комнатѣ Анны Павловны крикъ, поди, попроси Савелія Никандрыча сюда. Нѣтъ, — говорилъ Сапѣга, но въ это время снова раздался крикъ, и онъ опять упалъ на диванъ и зажалъ уши.

Ничего не понимавшій камердинеръ не трогался съ мѣста.

— Пошли, говорятъ тебѣ, Савелія Никандрыча, — произнесъ взбѣшеннымъ голосомъ графъ.

Камердинеръ вышелъ и скоро возвратился со свѣчою.

— Савелій Никандрычъ у Анны Павловны, — проговорилъ онъ.

— Что̀ съ ней, что̀ она? — спросилъ дрожащимъ голосомъ Сапѣга.

— Не могу доложить, ваше сіятельство, должно-быть, хуже, Савелій Никандрычъ укладываютъ ихъ въ постель.

Крики снова раздались.

— Господи, сохрани ее!—воскликнулъ графъ.—Послушай, теперь можно ѣхать.

— Куда, ваше сіятельство?

— Въ Петербургъ; вели приготовлять лошадей, я сейчасъ ѣду въ Петербургъ.

Камердинеръ стоялъ въ недоумѣніи.

— Сейчасъ ѣду, — повторилъ графъ: — вы пріѣдете послѣ. Вели готовить лошадей.

Камердинеръ вышелъ.

Оставшись одинъ, графъ подошелъ къ рабочему бюро и взялъ-было сначала письменный портфель, видно, съ намѣреніемъ писать; но потомъ, какъ бы что-то вспомнивъ, вынулъ изъ шкатулки пукъ ассигнацій и началъ ихъ считать. Руки его дрожали, онъ безпрестанно ошибался. Вошелъ камердинеръ, и графъ, какъ пойманный школьникъ, поспѣшно бросилъ отсчитанную пачку опять назадъ въ шкатулку.

— Вамъ угодно переодѣться?—спросилъ тотъ.

— Приготовь.

Камердинеръ вышелъ.

Сапѣга вынулъ изъ портфеля листъ почтовой бумаги и написалъ скорѣй какими-то каракулями, чѣмъ буквами:

«Мой любезный Савелій Никандрычъ! Нечаянное извѣстіе заставляетъ меня сію минуту ѣхать въ Петербургъ. Я слышалъ, что Аннѣ Павловнѣ хуже, посылаю вамъ двѣ тысячи рублей. Бога ради, сейчасъ поѣзжайте въ городъ и пользуйте ее: возьмите мой экипажъ, но только не теряйте времени. Я не хочу больную обезпокоить прощаньемъ и не хочу отвлекать васъ. Прощайте, не оставляйте больную, теперь она по преимуществу нуждается въ вашей помощи. Эльчаниновъ оказался очень низкимъ человѣкомъ.

«Сапѣга».

Графъ торопливо свернулъ письмо, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

— Лошади готовы-съ,—сказалъ вошедшій камердинеръ.

Сапѣга проворно переодѣлся въ дорожное платье.

— Отдай это письмо Савелію Никандрычу,—сказалъ онъ, подавая ему пакетъ:—и вели управителю дать ему мой экипажъ, онъ съ больной скоро уѣдетъ. Вы соберитесь послѣзавтра.

Эти слова графъ говорилъ, уже проходя залу и послѣдуемый камердинеромъ, который несъ за нимъ шкатулку и портфель. Лѣстницу Сапѣга пробѣжалъ бѣгомъ.

— Постойте, ваше сіятельство,—раздался голосъ сверху.— Скажите, живъ или нѣтъ Валерьянъ Александрычъ?

— Живъ, — отвѣчалъ графъ. — Пошелъ! — крикнулъ онъ, и экипажъ помчался.

На крыльцѣ остался блѣдный Савелій, въ рукахъ у него было письмо Эльчанинова, найденное имъ на постели больной.

— Его сіятельство приказали вамъ отдать письмо!—сказалъ камердинеръ, подавая ему письмо графа.

— Куда уѣхалъ графъ?

— Въ Петербургъ.

— Анна Павловна очень тоскуетъ, — послышался голосъ горничной.

Савелій бросился въ комнаты.

XI.

Савелій снова поселился въ своемъ домикѣ. Вмѣстѣ съ нимъ жила больная и помѣшанная Анна Павловна. Графъ, растерявшійся, какъ мы видѣли, въ концѣ, написалъ къ Савелію

письмо, въ которомъ упоминалъ о деньгахъ, но самыя деньги забылъ вложить. Савелій, пораженный припадкомъ безумія Анны Павловны, потомъ извѣстіемъ о смерти Эльчанинова, нечаяннымъ отъѣздомъ самого графа и наконецъ новымъ извѣстіемъ, что Эльчаниновъ живъ, только на другой день прочиталъ это письмо и остался въ окончательномъ недоумѣніи. Онъ началъ-было спрашивать людей, не оставилъ ли кому-нибудь графъ, но тѣ отвѣчали, что его сіятельство приказали только приготовить экипажъ для отъѣзда Анны Павловны, куда ей будетъ угодно. Поступокъ графа крайне удивилъ его. «Онъ, вѣрно, былъ ночью у Анны Павловны и показалъ письмо о смерти Эльчанинова, а теперь, когда она помѣшалась, онъ бѣжалъ, будучи не въ состояніи выгнать ее при себѣ изъ дома; но какъ же въ деньгахъ-то, при его состояніи, сподличать, это ужъ невѣроятно!..» Подумавъ, Савелій въ тотъ же день потребовалъ экипажъ и перевезъ больную къ себѣ въ Ярцово.

Флигелекъ его раздѣлялся на двѣ половины, въ одной изъ нихъ жилъ его мужикъ съ семействомъ и пускались по зимамъ коровы и овцы, а другую занималъ онъ самъ. Послѣдняя была, въ свою очередь, разгорожена на двѣ комнатки — на прихожую и спаленку, въ которой онъ помѣстилъ больную.

Прошла недѣля, Аннѣ Павловнѣ было все хуже. Савелій сидѣлъ, облокотясь на деревянный некрашенный столъ и понуривъ голову. Боже! Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ первый разъ съ нимъ встрѣтились: здоровый и свѣжій цвѣтъ лица его былъ блѣденъ, густые волосы, которые онъ прежде держалъ всегда въ порядкѣ, теперь безобразными клочками лежали на головѣ; одѣтъ онъ былъ во что попало; занятый, какъ видно, тяжелыми размышленіями, онъ, впрочемъ, не переставалъ прислушиваться, что̀ дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ двери оттуда тихо отворились: вышла баба въ нагольномъ тулупѣ и ситцевомъ повойникѣ.

— Что̀, Аксинья?—спросилъ Савелій.

— Мечется сердечная больно,—отвѣчала та.

— Что-то Кузьма, скоро ли пріѣдетъ? — проговорилъ Савелій.

— Ну, гдѣ еще скоро, поди, чай, дешево даютъ. Только мнѣ жаль больно, Савелій Никандрычъ, кобылы-то: корова, пускай, нешто, плоха была къ молоку, кобылы-то больно жаль, славная была и жеребя еще къ тому.

— Ну, что̀ тутъ вздоръ жалѣть, лѣкарь бы только пріѣхалъ.

— Охъ, ужъ вы съ вашими лѣкарями-то: ну, что̀ ономнясь: постоялъ да и уѣхалъ, а еще красненькую далъ.

— Холодной водой хотѣлъ попробовать обливать, — проговорилъ Савелій какъ бы самъ съ собою.

— Вонъ еще, холодной водой обливать, словно пьянаго мужика,—подхватила баба.—Послушались бы меня, отслужили бы учетный молебенъ: ей вчерась, послѣ причастья, словно полегче стало. Отецъ Василій больно вонъ гораздъ служить. Я спосылаю парнишку.

— Спосылай!—отвѣчалъ Савелій.

Баба ушла, воротилась и опять прошла въ спальню. Савелій все сидѣлъ, не перемѣняя своего положенія; наконецъ Аксинья снова вышла.

— Батюшка Савелій Никандрычъ, — начала она: — голубушка-то наша что-то больно ужъ тяжко дышитъ, и ручки вытянула, ужъ не кончается ли она?

Савелій вскочилъ и торопливо пошелъ въ спаленку. Аксинья послѣдовала за нимъ.

Больная лежала вверхъ лицомъ, глаза ея были закрыты, безжизненное выраженіе лица безумной замѣнилось какимъ-то спокойствіемъ. Она дѣйствительно тяжело дышала. Савелій приблизился и взялъ ее за руку, больная взмахнула глазами; Савелій едва не вскрикнулъ отъ радости: въ глазахъ ея не было прежняго безумія.

— Анна Павловна! Узнали ли меня? — спросилъ онъ.

Но она только ласково улыбнулась и, ничего не отвѣтивъ, снова закрыла глаза. Богъ судилъ ей въ послѣдній разъ прійти въ себя и посмотрѣть на истинно любящаго ее человѣка. Дыханіе ея стало учащаться, лицо болѣе и болѣе блѣднѣло.

Пріѣхалъ священникъ и вмѣсто учетнаго молебна началъ читать отходную. Чрезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Аксинья завыла во весь голосъ, священникъ, несмотря на привычку, прослезился. Окончивъ отходную, онъ отеръ глаза бумажнымъ платкомъ и въ какомъ-то раздумьѣ сѣлъ на стулъ. Савелій стоялъ, прислонясь къ косяку, и глядѣлъ на покойницу.

— Умерла она, батюшка?—спросилъ онъ священника.

— Померла, сударь, пріяла успокоеніе,—отвѣчалъ священникъ:—сномъ праведника почила, на рѣдкость у младенцевъ такой тихой кончины.

— Холоднешенька, моя родная,—говорила Аксинья, щупая руки умершей и заливаясь слезами.

Савелій вышелъ въ другую комнату и сѣлъ на прежнее мѣсто. Аксинья ушла позвать на помощь сосѣдокъ, обряжать покойницу. Священникъ зажегъ нѣсколько восковыхъ свѣчей и началъ кадить ладаномъ.

Вошелъ воротившійся Кузьма.

— Лѣкарю-то некогда, къ нему какой-то генералъ пріѣхалъ, такъ, слышь, все и сидитъ у него,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, видя, что баринъ ничего его не спрашиваетъ.

— А продалъ ли что я велѣлъ? — спросилъ наконецъ Савелій.

— Продалъ, Савелій Никандрычъ, да только дешево дали, за обѣихъ-то 75 рублей. — Съ этими словами онъ положилъ деньги на столъ.

— Довольно на похороны?—спросилъ Савелій священника.

— Да вѣдь какъ повернете? Надо полагать, что довольно.

Савелій вздохнулъ.

Въ Могилкахъ тоже были слезы. Въ той же самой гостиной, въ которой мы въ первый разъ встрѣтили несокрушимаго, казалось, физически и нравственно Михайлу Егорыча, молодцовато и сурово ходившаго по комнатѣ, онъ уже полулежалъ въ креслахъ на колесахъ; правая рука его висѣла, какъ плеть, правая сторона щеки и губъ отвисла. Матрена, еще болѣе пополнѣвшая, поила барина чаемъ съ блюдечка, поднося его, видно, не совсѣмъ простывшимъ, такъ что больной, хлебнувъ, только морщился и трясъ головою.

— Что попъ?.. Помолиться,—проговорилъ намеками Михайла Егорычъ.

— Послали, батюшка... не замѣшкаютъ, пріѣдутъ, — отвѣчала Матрена. — Похороны, слышь, у нихъ сегодня! — прибавила она, вздохнувъ.

— Чьи?—намекнулъ Михайла Егорычъ.

Матрена нѣкоторое время медлила.

— Нашей Анны Павловны, батюшка,—отвѣтила наконецъ она.

Мановскій вдругъ заревѣлъ на весь домъ.

— Батюшка! Да о чемъ это? Что это, полноте...

— Мнѣ жаль ее,—промычалъ явственно Мановскій и продолжалъ рыдать.

Пришли священники и стали служить всенощную. Михайла Егорычъ крестился лѣвой рукой и все что-то шепталъ губами, а когда служба кончилась, онъ подозвалъ къ себѣ Матрену, показалъ ей рукой на что-то подъ диванъ. Та, видно, знавшая, вынула оттуда желѣзную шкатулку.

— Топри, топри,—бормоталъ Михайла Егорычъ.

Матрена отперла ключомъ, навязаннымъ на носовомъ платкѣ барина. Мановскій вынулъ лѣвой рукой пукъ ассигнацій и подалъ священнику.

— Ради чего это?—спросилъ тотъ Матрену.

— За покой души! Памятникъ!..—намекнулъ Мановскій.

— Чьей, сударь, души?—спросилъ священникъ.

— Аннушки! Мнѣ жаль ее,—промычалъ Михайла Егорычъ и опять заревѣлъ.

XII.

Прошелъ годъ послѣ смерти Анны Павловны. Предводительша возвратилась изъ Петербурга; Боярщина еще чаще стала ѣздить въ Кочарево. Возвратившаяся хозяйка принимала гостей по большей части въ диванной, которую она въ послѣднее время полюбила передъ прочими комнатами, потому что меблировала ее привезенною изъ Петербурга премиленькою мебелью.

Однажды вечеромъ она полулежала на маленькомъ диванѣ; это была очень еще нестарая дама, искренно или притворно чувствительная и вѣчно страдавшая нервами, въ доказательство чего, даже въ настоящую минуту, она держала флаконъ съ одеколономъ въ рукахъ. Около ея ногъ на креслахъ помѣщался старый ея супругъ, съ какой-то собачьей преданностью смотрѣвшій ей въ глаза. Изъ гостей были самые частые ихъ гости: Симановская съ мужемъ, Уситкова въ своемъ безсмѣнномъ блондовомъ чепцѣ и наконецъ самъ Уситковъ, по загорѣлому и красному цвѣту лица котораго можно было догадаться, что онъ недавно возвратился изъ дальней дороги.

— Наконецъ вы помѣстили вашего ребенка,—сказала хозяйка, обращаясь къ нему, и онъ разинулъ уже-было ротъ, чтобы отвѣчать, но жена перебила его.

— Ничего бы ему не помѣстить, кабы не графъ и не мои къ нему просьбы,—проговорила она.

— А вы видѣли графа? — спросила предводительша Уситкова.

— Видѣлъ-съ, какъ же: постарѣлъ очень, узнать нельзя, говоритъ, что, какъ пріѣхалъ изъ деревни, все хвораетъ: простудился.

— А еще кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ не видали ли? — спросила молоденькая Симановская, имѣвшая наклонность, по извѣстному свойству характера, знать какъ можно больше и больше.

— Да кого еще изъ знакомыхъ-то, — отвѣчалъ съ разстановкою Уситковъ.—Эльчанинова видѣлъ,—прибавилъ онъ.

— Что жъ онъ тамъ дѣлаетъ?—спросилъ хозяинъ.

— Сочинителемъ сдѣлался, сочиненія, говоритъ, пишетъ.

только въ тонкихъ, кажется, обстоятельствахъ: послѣ третьяго же слова денегъ попросилъ взаймы... — отвѣчалъ Уситковъ.

— Эльчанинова? — повторила хозяйка, прищуривъ глаза и обращаясь къ мужу. — Не о немъ ли, папаша, ты писалъ ко мнѣ еще какое-то *романическое приключеніе*, что-то такое, онъ увезъ у кого-то, женился, что ли?

— Да, у Задоръ-Мановскаго жену увезъ.

Предводительша произнесла:—а!—и съ какимъ-то особымъ выраженіемъ сжала губы.

— Что, господа, не видали ли кто Михайлу Егорыча? — продолжалъ старикъ, обращаясь къ гостямъ.

— Я на-дняхъ заѣзжалъ и видѣлъ, — отвѣчалъ Симановскій: — жалко смотрѣть-то стало: изъ этакого сильнаго мужчины сдѣлался какой-то малый ребенокъ.

— Богъ знаетъ, что дѣлаетъ! — произнесла Уситкова, качнувъ головой. — Хотя, конечно, — прибавила она: — по милости женушки въ такомъ положеніи.

— Что жъ ему женушка сдѣлала? — спросила предводительша.

— Какъ, Софья Михайловна, помилуйте, что сдѣлала? — возразила Уситкова почти обиженнымъ голосомъ: — осрамила на весь міръ: ну, человѣкъ съ амбиціей—не вынесъ этого и свалился, хотя опять-таки скажу: Богъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Гдѣ-жъ теперь она?—спросила хозяйка.

— Она и сама, бѣдненькая, умерла,—отвѣчала грустнымъ голосомъ Симановская.

— Очень бѣдненькая! Какъ этакихъ бѣдненькихъ жалѣть, такъ жалости недостанетъ. Была въ связи съ Эльчаниновымъ, тотъ бросилъ, поддѣлалась къ графу, а тутъ и къ лапотнику перешла!—произнесла Уситкова.

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебила Симановская: — что у графа и у Савелія она жила, лишившись разсудка, это я навѣрное знаю.

— Да вѣдь и я тоже знаю, не моложе васъ и, можетъ-быть, поопытнѣй,—возразила Уситкова.

— У васъ никто и не перебиваетъ вашего права,—возразила Симановская.

— Она тутъ, у этого бѣдняка Савелія и умерла? — перебила ихъ хозяйка, обращаясь къ Симановской.

— Тутъ и умерла,—отвѣчала та.

Предводительша вздохнула.

— Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга одна дѣвушка умерла рѣшительно отъ любви,—произнесла она, и разговоръ на нѣкоторое время прекратился.

— Про графа, кажется, тутъ пустяки говорили...—началъ было хозяинъ.

— Неужели еще онъ думаетъ нравиться женщинамъ? — перебила его стремительно и съ нѣкоторымъ негодованіемъ предводительша.

— Какъ же, — отвѣчалъ старикъ: — онъ и за нашей Клеопашей ухаживалъ.

— Неужели? Ахъ, это мило! Что жъ она?

— Конечно, мазала по губамъ.

— Ахъ, да, она ужасная шалунья въ этихъ случаяхъ, не всѣ имѣютъ такіе легкіе характеры, — произнесла хозяйка и опять вздохнула.

— Клеопатра Николаевна, при всей своей веселости, женщина съ правилами, — начала Уситкова, имѣвшая привычку и хвалить и бранить человѣчество рѣзко, гдѣ, по ея расчетамъ, было это нужно. — Я недавно была у нея цѣлый день и не могла налюбоваться, какъ она обращается съ своей дочерью: что называется, и строго и ласково, какъ слѣдуетъ матери, — прибавила она, чтобъ угодить хозяевамъ, но предводительша не обратила никакого вниманія на ея слова, потому что терпѣть ее не могла, испытавъ на собственномъ имени остроту ея зубовъ.

— Меня все занимаетъ это романическое приключеніе, — начала она: — гдѣ жъ этотъ Савелій? Я у тебя, Alexis, его не вижу, отчего онъ не ходитъ къ тебѣ?

— Въ службу, милушка, ушелъ, на Кавказъ, — отвѣчалъ предводитель: — едва и дворянство-то ему выхлопотали.

— Славный будетъ служака,—замѣтилъ Уситковъ.

— Малый здоровый, пѣшкомъ ушелъ на Кавказъ-то, — произнесъ Симановскій, поеживишись отъ безпрерывной ревматической ломоты въ сухихъ своихъ ногахъ.

— Пѣшкомъ? Ахъ, бѣдненькій; ему, вѣрно, не на что было ѣхать,—произнесла предводительша и покачала головой.

1845 года. Сентября 30.
Москва.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ приказахъ гражданскаго вѣдомства было, между прочимъ, сказано: «Увольняется штатный смотритель энс—го уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ Годневъ, съ мундиромъ и пенсіономъ, службѣ присвоенными»; потомъ далѣе: «Опредѣляется смотрителемъ энс—го училища кандидатъ Калиновичъ».

Прочитавъ этотъ приказъ, авторъ невольно задумался: «Увы! — сказалъ онъ самъ себѣ:—въ мірѣ ничего нѣтъ прочнаго. И Петръ Михайлычъ Годневъ больше не смотритель, тогда какъ, по точному счету, онъ носилъ это званіе ровно двадцать пять лѣтъ. Что-то теперь старикъ станетъ подѣлывать? Не перемѣнитъ ли образа своей жизни и гдѣ будетъ каждое утро сидѣть съ восьми часовъ до двухъ вмѣсто своей смотрительской каморы?»

Въ Эн—скѣ Годневъ имѣлъ собственный домикъ съ садомъ, а подъ городомъ тридцать благопріобрѣтенныхъ душъ. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Настеньку и экономку Палагею Евграфовну, дѣвицу лѣтъ сорока пяти и несовсѣмъ красиваго лица. Несмотря на это, тамошняя исправница, дама весьма неосторожная на языкъ, говорила, что ему гораздо бы лучше слѣдовало на своей прелестной ключницѣ жениться, чтобъ прикрыть грѣхъ, хотя болѣе умѣренное мнѣніе другихъ было таково, что какой ужъ можетъ быть грѣхъ у такихъ стариковъ, и зачѣмъ имъ жениться?

Петра Михайлыча знали не только въ городѣ и уѣздѣ, но,

я думаю, и въ половинѣ губерніи: каждый день, часовъ въ семь утра, онъ выходилъ изъ дома за припасами на рынокъ и имѣлъ, при этомъ случаѣ, привычку поговорить со встрѣчнымъ и поперечнымъ. Проходя, напримѣръ, мимо полуразвалившагося домишка сосѣдки-мѣщанки, въ которомъ изъ волокового окна выглядывала голова хозяйки, повязанная платкомъ, онъ говорилъ:

— Здравствуй, Ѳекла Никифоровна.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Михайлычъ, — отвѣчала та.

— Давно ли изъ губерніи воротилась?

— Вчерашнимъ днемъ, сударь, прибыла. Не на конной, батюшка, подводѣ, пѣшкомъ отшлепала по экой пѣ грязи.

— Какъ дѣла-то идутъ?

— Дѣла мои, Петръ Михайлычъ, по начальству пошли.

— Ну, коли по начальству, такъ хорошо.

— Да хорошо ли, отецъ мой?

— Хорошо... хорошо...—говорилъ Годневъ, идя далѣе.

Сказать правду, Петръ Михайлычъ даже и не зналъ, въ чемъ были дѣла у сосѣдки, и дѣйствительно ли хорошо, что они по начальству пошли, а говорилъ это только такъ, для утѣшенія ея.

У каменнаго купеческаго дома стоялъ кучеръ въ накинутомъ на плечи полушубкѣ, и его Петръ Михайлычъ считалъ за нужное обласкать.

— Что, братъ, объѣздилъ ли лошадку-то? — спрашивалъ онъ.

— Нешто-съ... выламывается поманеньку,—отвѣчалъ тотъ.

— Видѣлъ я... видѣлъ... Ты молодецъ... ловкій ѣздокъ!

Кучеръ самодовольно улыбался.

Мясную лавку, куда шелъ Годневъ, купецъ только еще отпиралъ.

— Эге, Селиверстъ Петровичъ, поздненько нынче выплылъ,— говорилъ Годневъ.

— Что дѣлать, Петръ Михайлычъ! Позамѣшкался грѣшнымъ дѣломъ,—отвѣчалъ купецъ.—Что парнишка-то мой: какъ тамъ у васъ?—прибавлялъ онъ, уходя за прилавокъ.

— Что парнишка? Ничего, хорошо: способности есть; рѣзовъ только; вчера опять два стекла въ классѣ вышибъ,— отвѣчалъ Петръ Михайлычъ.

— Фу, ты, Господи, твоя воля!—восклицалъ купецъ, пожимая плечами.—Что только мнѣ съ этимъ парнемъ дѣлать—ума не приложу; спуску, кажись, не даю ему ни въ чемъ, а хошь ты брось!

— Ну, зачѣмъ же? Черезчуръ не надобно: хуже заколотишь.

— Заколотишь его, пострѣла, какъ бы не такъ! — возражалъ купецъ и потомъ прибавлялъ:—говядинки, что ли, прикажете отвѣсить?

— Да, сударь, хоть говядинки; смотри, только помягче.

— Неужели жесткой! Худой вамъ не отпустимъ... худое мы про генеральшъ здѣшнихъ бережемъ.

— Ну, вотъ ужь и про генеральшъ! Экій вы, торговый народъ, зубоскалы!

— Право, такъ. Не знаемъ только, куда эта барыня съ почтмейстеромъ деньги берегутъ.

Петръ Михайлычъ только усмѣхался и качалъ головой.

Изъ мясной лавки онъ проходилъ во внутренность гостинаго двора, гдѣ торговки торговали колачами, горшками, зеленью, нитками и разнаго рода другими припасами.

— Ты, луковница, опять съ своимъ товаромъ выѣхала!— говорилъ Петръ Михайлычъ бабѣ, около которой стояла большая корзина съ лукомъ.

Онъ терпѣть не могъ луку.

— Полно-ка, полно, старый баринъ хорошій, на починѣ оговаривать, возьми-ка лучше прядку да и разговаривай.

— Дура, я не ѣмъ луку.

— То-то вы, баря: «луку не ѣмъ», все бы вамъ сахару.

— Ну, ужь не сердчай, давай прядочку,—говорилъ Годневъ и покупалъ лукъ, который тотчасъ же отдавалъ первому попавшему нищему, говоря:—«На-ка лучку! Только безъ хлѣба не ѣшь: горько будетъ... Поди ко мнѣ во дворъ: тамъ тебѣ хлѣба дадутъ, поди!»

Навстрѣчу ему шелъ священникъ. Петръ Михайлычъ еще издали ему кланялся.

— Здравствуйте,—говорилъ онъ, снимая картузъ и подходя къ благословенію.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ тотъ густымъ басомъ.

— Что, отче, прочли мою книжку, али еще нѣтъ?

— Прочелъ и намѣревался сего же дня возвратить ее съ моею благодарностью. Пріятное сочиненіе!

— Да, да, поучительная книга... Занесите какъ-нибудь.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ священникъ и истово раскланивался.

Возвратившись домой, Петръ Михайлычъ проходилъ прямо на кухню, гдѣ стряпуха, подъ личнымъ надзоромъ Палагеи Евграфовны, затапливала уже печь.

— Вотъ тебѣ, командирша, снѣди и блага земныя!—гово-

рилъ онъ, подавая экономкѣ кулекъ, который та, принявъ, начинала вынимать изъ него запасъ, качая головой и издавая восклицанія въ родѣ: «э... э... э... хе, хе, хе...»

— Ну, заворчала! Эхъ, ты, ворчунья, сударыня... Дурно, что ли, купилъ?

— Хорошо,—отвѣчала на это Палагея Евграфовна насмѣшливымъ тономъ.

Она никогда не оставалась покупками Петра Михайлыча довольною и была въ этомъ совершенно права: пріятели-купцы то обвѣшивали его, то продавали ему гнилое за свѣжее, тогда какъ въ самой Палагеѣ Евграфовнѣ расчетливое хозяйство и чистоплотность были какими-то ненасытными страстями. Будучи родомъ изъ какихъ-то нѣмокъ, она, впрочемъ, ни на какомъ языкѣ, кромѣ русскаго, пикнуть не умѣла. Пріѣхавъ неизвѣстно какъ и зачѣмъ въ уѣздный городишко, сначала чуть-было не умерла съ голоду, потомъ попала въ больницу, куда придя Петръ Михайлычъ и увидѣвъ больную незнакомую даму, по обыкновенію, разговорился съ ней; и такъ какъ въ этотъ годъ овдовѣлъ, то взялъ ее къ себѣ ходить за маленькой Настенькой. Но Палагея Евграфовна, вступивъ нянькой, прибрала мало-по-малу къ своимъ рукамъ и все домоправленіе. Съ самаго ранняго утра до поздней ночи она мелькала то тутъ, то тамъ, по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: лѣзла зачѣмъ-то на сѣновалъ, бѣгала въ погребъ, рылась въ саду; вездѣ, гдѣ только можно было, обтирала, подметала, и наконецъ, съ восьми часовъ утра, засучивъ рукава и надѣвъ передникъ, принималась стряпать—и надобно отдать ей честь: готовить многія кушанья была она великая мастерица. Особенно хороши выходили у ней всѣ соленыя и маринованныя приготовленія; коренная рыба, напримѣръ, заготовляемая ею въ Великій постъ, была такова, что Петръ Михайлычъ всякій разъ, когда ѣлъ ее въ лѣтнія жары съ ботвиньей, говорилъ:

— Этакой, господа, рыбы и ботвиньи самъ Лукуллъ не ѣдалъ!

Манишки и шейные платки для Петра Михайлыча, воротнички, нарукавнички и модести для Настеньки Палагея Евграфовна чистила всегда сама и сама бы, кажется, если бъ только силъ ея доставало, мыла и все прочее, потому что, по собственному ея выраженію, у нея кровью сердце обливалось, глядя на вымытое прачкою бѣлье.

Когда спала и чѣмъ была сыта Палагея Евграфовна—опредѣлить было довольно трудно, и она даже не любила, если ей напоминали объ этомъ. Чай пила какъ-то урывками,

за столъ (хоть и накрывался для нея всегда приборъ) садилась на минуточку: только-что подавалось горячее, она вдругъ вскакивала и уходила зачѣмъ-то въ кухню, и потомъ, когда снова появлялась и когда Петръ Михайлычъ ей говорилъ: «Что же ты сама, командирша, никогда ничего не кушаешь?»— Палагея Евграфовна только усмѣхалась и, отвѣтивъ: «Кабы не ѣла, такъ и жива бы не была», снова отправлялась на кухню.

Жалованье (120 рублей ассигнаціями въ годъ) Палагея Евграфовна всегда принимала съ нѣкоторымъ принужденіемъ. Въ концѣ каждаго мѣсяца Петръ Михайлычъ приносилъ ей обыкновенно десять рублей.

— Это что еще?—говорила экономка.

— Деньги ваши. Деньги—вещь хорошая. Не угодно ли получить и расписаться?—отвѣчалъ тотъ.

— Э... перестаньте съ вашими глупостями!—говорила, отворачиваясь, экономка и начинала смотрѣть въ окно.

— Порядокъ, мать-командирша, не глупость. Изволь взять!— говорилъ Годневъ настоятельнѣе.

— Точно я у васъ не сыта, не одѣта,—говорила Палагея Евграфовна и продолжала смотрѣть въ окно.

— Изволь, изволь, брать; знаешь, не люблю! — говорилъ Годневъ еще настоятельнѣе.

Палагея Евграфовна сердито брала деньги и съ пренебреженіемъ кидала ихъ въ рабочій ящикъ.

Всякій разъ при этой сценѣ, несмотря на недовольное выраженіе лица, у ней навертывались на глазахъ слезы.

— Взялъ нищую съ дороги, не далъ съ голоду умереть, да еще жалованье положилъ, безстыдникъ этакій! У самого дочка есть: лучше бы дочкѣ что-нибудь скопилъ! — ворчала она себѣ подъ носъ.

— А ты мнѣ этого, командирша, не смѣй и говорить— слышишь ли? Тебѣ меня не учить! — прикрикивалъ на нее Петръ Михайлычъ, и Палагея Евграфовна больше не говорила, но все-таки продолжала принимать жалованье съ неудовольствіемъ.

Передавъ запасъ экономкѣ, Петръ Михайлычъ отправлялся въ гостиную и садился пить чай съ Настенькой. Разговоръ у отца съ дочерью почти каждое утро шелъ такого рода:

— Вы, Настасья Петровна, опять до утра засидѣлись... Нехорошо, моя милушка, право, нехорошо... надо давать время занятіямъ, время отдыху и время сну.

— Я зачиталась, папенька. Вчерашнюю повѣсть я ужъ кончила.

— И то дурно: что̀ жъ мы будемъ сегодня читать? Вотъ вечеромъ и нечего читать.

— Нѣтъ, я вамъ ее дочитаю, я съ удовольствіемъ прочту ее еще разъ; и вообразите себѣ, Валентинъ этотъ вышелъ ужасно какой дурной человѣкъ.

— Ну, ну, не разсказывай! Изволь-ка мнѣ лучше прочесть: мнѣ пріятнѣе отъ автора узнать, какъ и что̀ было,—перебивалъ Петръ Михайлычъ, и Настенька не разсказывала.

Послѣ этого они обыкновенно расходились. Настенька садилась или читать, или переписывать что-нибудь, или уходила въ садъ гулять. Ни хозяйствомъ ни рукодѣльемъ она не занималась. Петръ Михайлычъ, въ свою очередь, надѣвалъ форменный вицмундиръ и шелъ въ училище. Въ прихожей обыкновенно встрѣчалъ его сторожъ, отставной солдатъ Гаврилычъ, прозванный школьниками за необыкновенно рябое лицо *Тёркой*. Надобно было имѣть истинно-христіанское терпѣніе Петра Михайлыча, чтобы держать Гаврилыча въ продолженіе десяти лѣтъ сторожемъ при училищѣ, потому что инвалидъ, по старости лѣтъ, былъ и глупъ, и лѣнивъ, и грубъ; никогда почти ничего не прибиралъ, не чистилъ, такъ что Петръ Михайлычъ принужденъ былъ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, нанимать на свой счетъ поломоекъ для приведенія зданія училища въ надлежащій порядокъ. Кромѣ того, у сторожа была любимая привычка позавтракать рано поутру разогрѣтыми щами, которыя онъ обыкновенно и становилъ съ вечера въ смотрительской комнатѣ въ печку на цѣлую ночь. Петръ Михайлычъ почти каждый разъ, приходя поутру, говорилъ:

— Ты, гренадеръ, опять щи парилъ. Экую душину напустилъ! Смотри-ка: не дохнешь!

— Ну да, парилъ, у тебя все парилъ!—возражалъ Гаврилычъ.

— Да какъ же не парилъ! Еще запираешься, лжешь на старости лѣтъ, грѣховодникъ!

— Погляди самъ въ печку, такъ, може, и увидишь, что тамотка ничего нѣтъ.

— Знаю, что въ печкѣ ничего нѣтъ: съѣлъ! И сало-то еще съ рыла не вытеръ, дуракъ!.. Огрызается туда же! Прогоню, такъ и знаешь... шляйся по міру!

— Гони! Словно міромъ не живутъ, — отвѣчалъ Тёрка и уходилъ.

— Дуракъ! — повторялъ ему вслѣдъ Петръ Михайлычъ.

Впрочемъ, тѣмъ все и кончалось.

Занявшись въ смотрительской составленіемъ отчетовъ и ра-

портовъ, во время перемѣны классовъ Петръ Михайлычъ обходилъ училище и начиналъ, какъ водится, съ перваго класса, въ которомъ, тоже какъ водится, была пыль столбомъ.

— Ахъ, вы, эѳіопы! Татарская орда! А?.. Тише!.. Молчать!.. Чтобы муха пролетала, слышно у меня было! — говорилъ старикъ, принимая строгій видъ.

Въ классѣ нѣсколько утихало.

— Зашумите вы у меня еще разъ! Всѣхъ переберу — изъ девяти возьму десятаго на выдержку! — заключалъ онъ торжественно и уходилъ. Въ коридорѣ прямо летѣлъ на него сорванецъ и чуть не сшибалъ его съ ногъ.

— Что ты? Что ты, братецъ? — говорилъ, разводя руками, Петръ Михайлычъ. — Этакая лошадь степная! Вотъ я на тебя недоуздокъ надѣну, погоди ты у меня!

— Петръ Михайлычъ, меня Модестъ Васильичъ безъ обѣда оставилъ; я не виноватъ-съ! — говорилъ третьяго класса ученикъ Калашниковъ, парень лѣтъ восемнадцати, дюжій на взглядъ, нечесаный, неумытый и въ чуйкѣ.

— Когда оставилъ, стало, ты это заслужилъ, — возражалъ ему Петръ Михайлычъ.

— Я, ей-Богу, ничего не дѣлалъ; спросите всѣхъ. Они на меня, извѣстно, нападаютъ. Мнѣ сегодня нельзя: день базарный; у тятеньки въ лавкѣ некому сидѣть.

— И лучше, что нельзя, лучше раскаешься и поймешь, что дурить и грубить не слѣдуетъ, — говорилъ Петръ Михайлычъ и поскорѣе уходилъ.

Калашниковъ его передразнивалъ, такъ что старикъ все слышалъ:

— Грубить и дурить не слѣдуетъ, — ту, ту, ту, тетеревъ! Я и безъ шапки убѣгу; много съ меня возьмешь! — говорилъ онъ и съ досады отламывалъ закраину у карты.

Вообще строгость и крутыя мѣры были совершенно не въ характерѣ Петра Михайлыча. Со школьниками онъ еще кое-какъ справлялся и, въ крайней необходимости, даже посѣкалъ ихъ, возлагая это, безъ личнаго присутствія, на Гаврилыча и давая ему каждый разъ приказаніе наказывать не столько для боли, сколько для стыда; однако Гаврилычъ, питавшій къ школьникамъ какую-то глубокую ненависть, если наказуемый былъ только ему по силѣ, распоряжался такъ, что тотъ, выскочивъ изъ смотрительской, часа два отхлипывался. Но въ совершенное затрудненіе становился старикъ, когда ему нужно было дѣлать замѣчаніе или выговоры учителямъ. Этому, впрочемъ, подпадалъ одинъ только преподаватель исторіи, Экзархатовъ, который былъ человѣкъ очень неглупый, изъ универ-

ситета. Въ продолженіе всего мѣсяца онъ былъ очень тихъ, задумчивъ, старателенъ, очень молчаливъ и предметъ свой зналъ прекрасно; но только-что получалъ жалованье, на другой же день являлся въ классъ развеселый; съ учениками шутитъ, пойдетъ потомъ гулять по улицѣ — шляпа на боку, въ зубахъ сигара, попѣваетъ, насвистываетъ; пожалуй, гдѣ случай выпадетъ, готовъ и драку сочинить; къ женскому полу получаетъ сильное стремленіе и для этого придетъ къ рѣкѣ, станетъ на берегу около плотовъ, на которыхъ прачки моютъ бѣлье, и любуется... Посуда, окна, домашніе не попадайся: исколотитъ. А проспится, опять тише его нѣтъ. Еще въ Москвѣ онъ женился на какой-то вдовѣ, Богъ знаетъ изъ какого званія, съ пятерыми дѣтьми, — женщинѣ глупой, вздорной, по милости которой онъ, говорятъ, и пить началъ. Во все время, покуда кутилъ мужъ, Экзархатова убѣгала къ сосѣдямъ; но когда онъ приходилъ въ себя, — принималась его, какъ ржа желѣзо, ѣсть, и достаточно было ему сказать одно слово— она пуститъ въ него чѣмъ ни попало, растреплетъ на себѣ волосы, платье, и побѣжитъ къ Петру Михайлычу жаловаться, прямо ворвется въ смотрительскую и кричитъ:

— Батюшка Петръ Михайлычъ, сдѣлайте божескую милость! Что это такое?.. Батюшка!..

— Что такое случилось? Что вамъ угодно отъ меня? — спрашивалъ Годневъ, хотя очень хорошо зналъ, что такое случилось.

— Извѣстно что: двое сутки пилъ! Что хошь, то и дѣлайте. Нѣтъ моей силушки: ни ложки ни плошки въ домѣ не стало: все перебилъ; сама еле жива ушла; третью ночь съ дѣтками въ банѣ ночую.

— Боже мой! Боже мой! — говорилъ Петръ Михайлычъ, пожимая плечами. — Вы, сударыня, успокойтесь; я ему поговорю и надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній разъ.

— Батюшка, да ты хорошенько съ него спроси; нельзя ли какъ-нибудь... хошь бы ты посѣкъ его.

— Какъ это можно, сударыня! Вамъ и говорить этого не слѣдуетъ, — возражалъ Петръ Михайлычъ.

— Гаврилычъ! — кричалъ онъ: — подите и попросите ко мнѣ г. Экзархатова.

И Экзархатовъ являлся, немного сутуловатый, въ потертомъ вицмундирѣ, съ лицомъ истощеннымъ, съ синякомъ на лѣвомъ глазу... вообще фигура очень печальная.

— Вы, Николай Иванычъ, опять вашей несчастной страсти начинаете предаваться! Сами, я думаю, знаете греческую фразу: «пьянство есть небольшое бѣшенство». И что за же-

ланіе быть въ полусумасшедшемъ состояніи! Съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ... нехорошо, право, нехорошо!..

— Виноватъ, Петръ Михайлычъ, самъ очень хорошо чувствую, — отвѣчалъ Экзархатовъ и еще ниже потуплялъ голову.

— Ты, рожа этакая безобразная! — вмѣшивалась Экзархатова, не стѣсняясь присутствіемъ смотрителя: — только на словахъ винишься, а на сердцѣ ничего не чувствуешь. Пятеро у тебя ребятъ, какой ты поилецъ и кормилецъ! Не воровать мнѣ, не по міру итти изъ-за тебя!

— Такъ, такъ, — говорилъ Годневъ, качая головой.

— Виноватъ, Петръ Михайлычъ, — повторялъ Экзархатовъ.

— Вѣрю, вѣрю вашему раскаянію и надѣюсь, что вы навсегда исправитесь. Прошу васъ итти къ вашимъ занятіямъ,— говорилъ Петръ Михайлычъ. — Ну вотъ, сударыня, — присовокуплялъ онъ, когда Экзархатовъ уходилъ: — видите, не помиловалъ; приличное наставленіе сдѣлалъ: теперь вамъ нечего больше огорчаться.

Но Экзархатова не оставалась этимъ довольна.

— А что мнѣ не огорчаться-то? Что вы ему сдѣлали?.. По головкѣ еще погладили пса этакого? — говорила она.

— Ай, ай, ай! Какъ это стыдно дамѣ такія слова говорить! — возражалъ Петръ Михайлычъ: — супруги должны недостатки другъ у друга исправлять любовью и кротостью, а не бранью.

— Тьфу мнѣ на его любовь — вотъ онъ, криворожій, чего стоитъ! — возражала Экзархатова: — кабы знала, такъ бы не ходила, потатчики этакіе! — присовокупляла она, уходя.

Петръ Михайлычъ усмѣхался и говорилъ самъ съ собой:

— Характерная женщина! Ахъ, какая характерная! Сгубила совсѣмъ человѣка; а какой малый-то безподобный! Что ты будешь дѣлать?

Проходя изъ училища домой, Петръ Михайлычъ всегда былъ очень радъ, когда встрѣчалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на время въ городъ.

— Остановитесь на минуточку! — кричалъ онъ.

Помѣщикъ останавливался.

— Надолго ли? — спрашивалъ Петръ Михайлычъ.

— До завтра.

— А сегодня никуда не званы обѣдать?

— Нѣтъ, ни у кого еще не былъ.

— Такъ что же, пріѣзжайте щей откушать; а если нѣтъ, такъ разсержусь, право, разсержусь. Съ годъ ужъ мы не видались.

— Благодарю васъ. Буду, если позволите. Сейчасъ только въ судъ заѣду.

— Добре, добре, вотъ это по-нашему, по-пріятельски. До свиданья, — говорилъ Петръ Михайлычъ.

Противъ этой его привычки приглашать къ себѣ обѣдать постоянно возставала Палагея Евграфовна.

— А что, мать-командирша, что мы будемъ сегодня обѣдать? — спрашивалъ онъ, приходя домой.

— Будете сыты, не безпокойтесь.

— То-то; я пригласилъ одного человѣка...

— Что это, Петръ Михайлычъ, никогда заблаговременно не скажете, и что у васъ все гости да гости! Не напасешься ничего, да и только.

— Ну, ну, полно, командирша, ворчать! Кто не любитъ раздѣлить своей трапезы съ пріятелемъ, тотъ человѣкъ жадный.

Впрочемъ, и Палагеѣ Евграфовнѣ было не жаль: она не любила только, когда ее заставали, какъ она выражалась, *неприпасенную*. Кромѣ случайныхъ посѣтителей, у Петра Михайлыча былъ одинъ каждодневный — родной его братъ, отставной капитанъ Флегонтъ Михайлычъ Годневъ. Капитанъ былъ холостякъ, получалъ 100 рублей серебромъ пенсіона и жилъ на квартирѣ, черезъ домъ отъ Петра Михайлыча, въ двухъ небольшихъ комнаткахъ. Въ противоположность разговорчивости и обходительности Петра Михайлыча, капитанъ былъ очень молчаливъ, отвѣчалъ только на вопросы и то весьма односложно. Онъ очень любилъ птицъ, которыхъ держалъ различныхъ породъ до сотни; кромѣ того, онъ былъ охотникъ ходить съ ружьемъ за дичью и удить рыбу; но самымъ важнѣйшимъ предметомъ его привязанности была лягавая собака Діанка. Онъ съ ней спалъ, мылъ ее, никогда съ ней не разлучался и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на нее, когда она лежала подъ столомъ развалившись, а потомъ усмѣхался.

— Чему это, капитанъ, вы смѣетесь? — спрашивалъ его Петръ Михайлычъ. Онъ всегда называлъ брата «капитаномъ».

— Да вонъ-съ, Діанка спитъ, — отвѣчалъ тотъ.

Постоянный костюмъ капитана былъ форменный военный вицмундиръ. Курилъ онъ, и курилъ очень много, крѣпкій турецкій табакъ, который, вмѣстѣ съ пѣнковой коротенькой трубочкой, носилъ всегда съ собой въ бисерномъ кисетѣ. Кисетъ этотъ вышила ему Настенька и, по желанію его, изобразила на одной сторонѣ казака, убивающаго турка, а на другой — крѣпость Варну. Каждодневно, за полчаса до прихода Петра Михайлыча, капитанъ являлся, раскланивался съ На-

стенькой, цѣловалъ у ней ручку и спрашивалъ о ея здоровьѣ, а потомъ садился и молчалъ.

— Что жъ вы не курите? — говорила Настенька, чтобъ занять его чѣмъ-нибудь.

— А вотъ-съ покурю, — отвѣчалъ капитанъ и набивалъ свою коротенькую трубочку, высѣкалъ огонь къ труту собственнаго издѣлія изъ толстой сахарной бумаги и начиналъ курить.

— Здравствуйте, капитанъ! — говорилъ, приходя, Петръ Михайлычъ.

Капитанъ вставалъ и почтительно ему кланялся. Изъ одного этого поклона можно было заключить, какое глубокое уваженіе питалъ капитанъ къ брату. За столомъ, если никого не было посторонняго, говорилъ одинъ только Петръ Михайлычъ; Настенька больше молчала и очень мало кушала; капитанъ совершенно молчалъ и очень много ѣлъ; Палагея Евграфовна безпрестанно вскакивала. Послѣ обѣда между братьями всегда почти происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Куда это путь изволите направлять: вѣрно, на птицъ своихъ посмотрѣть? — говорилъ Петръ Михайлычъ, когда капитанъ, выкуривъ трубку, брался за фуражку.

— Да-съ, нужно побывать, — отвѣчалъ тотъ.

— Съ Богомъ! Вечеромъ будете?

— Буду-съ, — отвѣчалъ капитанъ и уходилъ, а вечеромъ дѣйствительно являлся къ самому чаю съ своими обычными атрибутами: кисетомъ, трубкой и Діанкой.

Послѣ чаю обыкновенно начиналось чтеніе. Капитанъ по преимуществу любилъ книги историческаго и военнаго содержанія; впрочемъ, онъ и все прочее слушалъ довольно внимательно; и когда Діанка проскулитъ что-нибудь во снѣ, или сильно начнетъ чесать лапой ухо, или заколотитъ хвостомъ отъ удовольствія, онъ всегда погрозитъ ей пальцемъ и проговоритъ тихимъ голосомъ: «кушъ!».

Въ праздничные дни жизнь Годневыхъ принимала нѣсколько другой характеръ. Петръ Михайлычъ, въ своей вседневной, старой бекешѣ и въ старой фуражкѣ, отправлялся обыкновенно къ заутренѣ въ свой приходъ, куда также являлся и Флегонтъ Михайлычъ. Послѣ службы братья расходились по домамъ. Къ обѣднѣ Петръ Михайлычъ шелъ уже съ Настенькой и былъ одѣтъ въ новую шинель и шляпу и средній вицмундиръ; капитанъ являлся тоже въ среднемъ вицмундирѣ. Отслушавъ литургію, братья подходили къ кресту, потомъ цѣловались и поздравляли другъ друга съ праздникомъ. Капитанъ, кромѣ того, подходилъ къ Настенькѣ, справлялся, по

обыкновенію, о ея здоровьѣ и поздравлялъ ее съ праздникомъ. Изъ церкви вся семья отправлялась домой, гдѣ для нихъ Палагея Евграфовна приготовляла кофе. По праздникамъ Петръ Михайлычъ былъ еще спокойнѣе, еще веселѣе.

— Не угодно ли вамъ, возлюбленный нашъ братъ, одолжить намъ вашей трубочки и табачку? — говорилъ онъ, принимаясь за кофе, который пилъ одинъ разъ въ недѣлю и всегда при этомъ выкуривалъ одну трубку табаку.

Эта просьба брата всегда доставляла капитану большое наслажденіе. Онъ старательно выдувалъ свою трубочку, аккуратно набивалъ табакъ и, положивъ зажженнаго труту, подносилъ Петру Михайлычу, который за это цѣловалъ его.

Извѣстіе объ отставкѣ Годнева удивило весь городъ.

— Вы, Петръ Михайлычъ, въ отставку вышли? — говорили ему.

— Да, сударь, — отвѣчалъ онъ.

— Что же вамъ вздумалось?

— А что же? Будетъ съ меня, послужилъ!

— Да вѣдь вы бы двойной окладъ получали?

— Зачѣмъ мнѣ двойной окладъ? У меня, слава Богу, кусокъ хлѣба есть: проживу какъ-нибудь.

II.

Изъ предыдущей главы читатель имѣлъ полное право заключить, что въ описанной мною семьѣ царствовала тишь, да гладь, да Божья благодать, и всѣ были, по возможности, счастливы. Такъ оно казалось и такъ бы на самомъ дѣлѣ существовало, если бъ не было замѣшано тутъ молоденькаго существа, моей будущей героини, Настеньки. Та же исправница, которая такъ невыгодно толковала отношенія Петра Михайлыча къ Палагеѣ Евграфовнѣ, — говорила про нее:

— Господи Боже мой! Можетъ же быть на свѣтѣ такая дурнушка, какъ эта несчастная Настенька Годнева!

— Что же за особенная дурнушка? Напротивъ, очень милая дѣвушка,—осмѣливался слегка возразить ей мужъ.

— Очень милая,—возражала, въ свою очередь, исправница съ удареніемъ и вся вспыхнувъ, какъ будто нанесено ей было глубокое оскорбленіе.

— Что жъ такое? — говорилъ больше про себя мужъ.

— Очень милая, — повторяла исправница (въ голосѣ ея слышалось шипѣнье): — въ танцахъ мѣшается, а по-французски произноситъ: же-не-вѐ-па, же-не-пѐ-па!

— Люди небогатые: не на что было гувернантокъ нанимать! — еще разъ рискуетъ замѣтить мужъ.

Исправница нѣсколько минутъ смотритъ ему въ лицо, какъ бы измѣряя его и обдумывая, что бы такое съ нимъ сдѣлать, а потомъ, видимо сдерживая свой гнѣвъ, говоритъ:

— Зачѣмъ вы ходите сюда въ гостиную? Подите вы вонъ, сидите вы цѣлый день въ вашемъ кабинетѣ и не смѣйте показывать вашего сквернаго носа.

Исправникъ пожимаетъ только плечами и уходитъ.

— Какой мудрецъ-философъ выискался, дуракъ набитый! Смѣетъ еще разсуждать,—говоритъ исправница: — мужичкамъ тоже не на что нанимать гувернантокъ, а все-таки онѣ мужички.

Нужно ли говорить, что невыгодные отзывы исправницы были совершенно несправедливы. Настенька, напротивъ, была очень недурна собой: небольшого роста, худенькая, совершенная брюнетка, она имѣла густые черные волосы, большіе, черные, какъ двѣ спѣлыя вишни, глаза, полуприподнятые вверхъ, что придавало лицу ея нѣсколько сентиментальное выраженіе; словомъ, головка у ней была прехорошенькая.

Что жъ касается образованія, то я долженъ здѣсь сдѣлать маленькое отступленіе. Настенька была въ полномъ смыслѣ то, что называется *уѣздная барышня*... Но, Бога ради, не подумай, читатель, чтобъ она была уѣздная барышня настоящаго времени. Тутъ есть громадное различіе. Я, напримѣръ, очень еще не старый человѣкъ и только еще вступаю въ солидный, около сорокалѣтній возрастъ мужчины; но—увы!—при всѣхъ моихъ тщетныхъ поискахъ, болѣе уже пятнадцати лѣтъ пересталъ встрѣчать милыхъ уѣздныхъ барышень, которымъ нѣкогда посвятилъ первую любовь мою, съ которыми, читая «Амалатъ-Бека», обливался горькими слезами, съ которыми перекидывался фразами изъ «Евгенія Онѣгина», которымъ писалъ въ альбомъ:

„Я не скажу, я не признаюсь,
Въ чемъ тайна вѣчная моя“.

Въ то мое время почти въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ околоткѣ разсказывались маленькія исторіи въ родѣ того, что какая-нибудь Анночка Савинова влюбилась безъ ума — о, ужасъ! — въ Ананьина, женатаго человѣка, такъ что мать принуждена была возить ее въ Москву на воды, чтобъ вылѣчить отъ этой безразсудной страсти; а Катенька Макарова такъ неравнодушна къ карабинерному поручику, что даже на балѣ не въ состояніи была этого скрыть и цѣлый вечеръ не

спускала съ него глазъ. У каждой почти барышни тогда — я въ томъ увѣренъ — хранилось въ завѣтномъ ящикѣ комода нѣсколько тетрадей стиховъ, переписанныхъ съ грамматическими, конечно, ошибками, но старательно и все собственной рукой. Въ безконечныхъ мазуркахъ барышни обыкновенно говорили съ кавалерами о чувствахъ и до того увлекались, что даже не замѣчали, какъ мазурка кончалась и что всѣ давно ужъ сидѣли за ужиномъ. Ничего этого нѣтъ въ нынѣшнихъ уѣздныхъ барышняхъ. Боже мой, какъ онѣ нынче благоразумны и осторожны, какую имѣютъ, сравнительно съ прежними барышнями, большую привычку къ корсету! Какъ бойко, хоть не совсѣмъ съ толкомъ, играютъ на фортепіано! Какъ правильно говорятъ по-французски! Какъ граціозны въ танцахъ! Но зато, не безпокойтесь, онѣ не затанцуются до увлеченія. Если вы съ ними заговорите о чувствахъ (авторъ съ умысломъ это сдѣлалъ), онѣ, повѣрьте, не поддержатъ разговора или потому, что просто не поймутъ, или найдутъ это неприличнымъ. Если вы нынѣшнюю уѣздную барышню спросите, любитъ ли она музыку, она скажетъ: «да», и сыграетъ вамъ двѣ-три польки; другая, пожалуй, пропоетъ изъ «Нормы», но если вы попросите спѣть и сыграть какую-нибудь русскую пѣсню или романсъ, не совсѣмъ новый, но который вамъ нравился бы по своей задушевности, на это вамъ сдѣлаютъ гримасу и встанутъ изъ-за рояля. Авторъ однажды высказалъ въ обществѣ молодыхъ деревенскихъ дѣвицъ, что, по его мнѣнію, если дѣвушка мечтаетъ при лунѣ, такъ это прекрасно рекомендуетъ ея сердце,—всѣ разсмѣялись и сказали въ одинъ голосъ: «Какія глупости мечтать!». Нашъ великій Пушкинъ, призванный, кажется, быть вѣчнымъ любимцемъ женщинъ, Пушкинъ, котораго барышни моего времени знали всего почти наизусть, котораго Татьяна была для нихъ идеаломъ, — нынѣшнія барышни почти не читали этого Пушкина, но зато поглотили цѣлыя сотни томовъ Дюма и Поля Феваля, и знаете ли почему?—потому что тамъ описывается дворъ, великолѣпныя гостиныя героинь и торжественные поѣзды. Если автору случалось въ нынѣшнихъ барышняхъ замѣчать что-то въ родѣ любви, то тутъ же открывалось, что чувство это было направлено именно на человѣка, съ которымъ могла составиться приличная партія; и чѣмъ эта партія была приличнѣе, т.-е. выгоднѣе, тѣмъ болѣе страсть увеличивалась. Почти положительно можно сказать, что прежнія барышни страдали отъ любви; нынѣшнія — отъ того, что у папеньки денегъ мало. Прежде молодая дѣвушка готова была бѣжать съ бѣднымъ, но благороднымъ Вольдемаромъ; нынче побѣговъ нѣтъ ужъ

больше, но зато авторъ съ растерзаннымъ сердцемъ видѣлъ десятки примѣровъ, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка употребляла все кокетство, чтобъ поймать богатаго старика. Прежде *завѣтный онъ* казался полубогомъ, а нынче *завѣтный онъ* — будущій генералъ или владѣлецъ пятисотъ душъ. Мечтательности, чувствительности, которую нѣкогда такъ хлопоталъ распространить добродушный Карамзинъ,—ничего этого и въ поминѣ нѣтъ: тщеславіе и тщеславіе, наружный блескъ и внутренняя пустота заразили юныя сердца. Для кареты на лежачихъ рессорахъ, для бархатной мантильи, обшитой лебяжьимъ пухомъ, для брильянтоваго склаважа готовы нынѣшнія барышни на всевозможную супружескую муку.

Героиня моя была не такова: очень умненькая, добрая, отчасти сентиментальная и чувствительная, она въ то же время сидѣла сгорбившись, не умѣла танцовать вальсъ въ два темпа, не играла совершенно на фортепіано и по-французски произносила: — же-не-вѐ-па, же-не-пѐ-па. Что̀ дѣлать? У нея не было ни гувернантки-француженки, способной передать ей тайну хорошаго произношенія; ее не выпрямляли и не учили присѣдать въ пансіонѣ; при ней даже не было никакой практической тетушки или сестрицы, которая хлопотала бы о ея наружности и набила бы ее, какъ говоритъ Гоголь, всякимъ бабьемъ.

Лишившись жены, Петръ Михайлычъ не въ состояніи былъ разстаться съ Настенькой и вырастилъ ее дома. Ребенкомъ она была страшная шалунья: цѣлые дни бѣгала въ саду, рылась въ пескѣ, загорала, какъ только можетъ загорѣть брюнеточка, прикармливала съ рѣки гусей и бѣгала даже съ мѣщанскими мальчиками въ лошадки. Ходившая каждый день на дворъ къ Петру Михайлычу нищая, встрѣчая ее, всегда говорила:

— Экая барышня шалунья! Постой-ка, я ее возьму въ мѣшокъ да унесу.

Настенька краснѣла, но не теряла присутствія духа и смѣло глядѣла въ лицо старухѣ. Палагеи Евграфовны она, конечно, нисколько не слушалась и не боялась.

Экономка приходила въ ужасъ, глядя на ея перепачканныя платьица и изорванные башмачки.

— Вотъ тебѣ и петербургская холстиночка: ходите теперь, въ чемъ хотите... Нѣтъ ужъ, Настасья Петровна, нѣтъ, нажалуюсь на васъ папенькѣ... — говорила она.

— Папаша ничего не скажетъ, — отвѣчала Настенька и сама бѣжала къ отцу.

— Папаша, посмотри, какая я замарашка,—говорила она.

— Славно, славно, дикарочка моя! — отвѣчалъ тотъ (за рѣзвость и за смуглый цвѣтъ лица Петръ Михайлычъ прозвалъ дочку дикарочкой).

Настенька прыгала къ нему на колѣни, цѣловала его, потомъ ложилась около него на диванъ и засыпала. Старикъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ не шевелясь, чтобъ не разбудить ее, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на нее, не спуская глазъ, самъ бережно потомъ бралъ ее на руки и переносилъ въ кроватку.

«Сколько бы у насъ общей радости было, кабы покойница была жива», — говорилъ онъ самъ съ собою и, съ навернувшимися слезами на глазахъ, уходилъ въ кабинетъ и долго ужъ оттуда не возвращался...

Когда Палагея Евграфовна замѣчала Петру Михайлычу: «баловникъ ужъ вы, баловникъ, нечего таиться»,—онъ обыкновенно возражалъ: «воспрещать ребенку рѣзвиться—значитъ отравлять самыя лучшія минуты его жизни и омрачать самую чистую, свѣтлую радость».

Учить Настеньку чистописанію, закону Божію, 1-й и 2-й части ариѳметики и грамматикѣ Петръ Михайлычъ началъ самъ. Дѣвочка была очень понятлива. Съ какимъ восторгомъ онъ показывалъ своимъ знакомымъ написанную ея маленькими ручонками, но огромными буквами, извѣстную пропись: «Америка очень богата серебромъ»!

— Каллиграфъ у меня, господа, дочка будетъ, право, каллиграфъ! — говорилъ онъ.

Очень также любилъ проэкзаменовать ее при постороннихъ изъ таблицы умноженія и, стараясь какъ бы сбивать, задавалъ такимъ образомъ:

— А сколько, напримѣръ, скажите вы мнѣ, Настасья Петровна, девятью два?

— Восемнадцать,—отвѣчала Настенька и никогда не ошибалась.

Старикъ былъ въ восторгѣ.

Когда Настенькѣ минуло четырнадцать лѣтъ, она перестала бѣгать въ саду, перестала даже играть въ куклы, стыдилась поцѣловать пріѣхавшаго въ отставку дядю-капитана, и когда, по приказанію отца, поцѣловала, то покраснѣла; тотъ, въ свою очередь, тоже вспыхнулъ. Чѣмъ и какъ было Петру Михайлычу занять въ его однообразной жизни свою дикарочку? Не замѣчая самъ того, онъ пріучилъ ее къ своему любимому занятію. Всѣ, я думаю, помнятъ, въ какомъ огромномъ количествѣ въ тридцатыхъ годахъ выходили романы переводные и русскіе, романы всевозможныхъ содержаній: историческіе,

нравоописательные, разбойничьи; сборники, альманахи и наконецъ журналы. Изъ всего этого каждый вечеръ что-нибудь прочитывалось. Настенька сначала слушала съ безсознательнымъ любопытствомъ ребенка, а потомъ сама стала читать отцу вслухъ и наконецъ пристрастилась къ чтенію.

Появленіе ея въ маленькомъ уѣздномъ свѣтѣ было несовсѣмъ удачно: ей минуло восемнадцать лѣтъ, когда въ городъ пріѣхала на житье генеральша Шевалова, дама премодная и прегордая. Прежде она жила по лѣтамъ въ своей усадьбѣ, а по зимамъ въ столицахъ, и теперь переѣхала въ уѣздный городокъ, чтобъ имѣть личное вліяніе на производящійся тамъ значительный процессъ по ея имѣнію. У ней была всего одна дочь, мамзель Полина, дѣвушка, говорятъ, очень умная и образованная, но, къ несчастью, съ какимъ-то болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и, какъ ходили слухи, безъ двухъ реберъ въ одномъ боку — недостатокъ, который, впрочемъ, по наружности почти невозможно было замѣтить. Генеральша была очень богата и неимовѣрно скупа: выжимая изъ имѣнія, насколько можно было изъ него выжать, она въ домашнемъ хозяйствѣ заправляла всѣмъ сама и дрожала надъ каждой копейкой. Скупость ея, говорятъ, простиралась до того, что не только дворовой прислугѣ, но даже самой себѣ съ дочерью она отказывала въ пищѣ, и къ столу у нихъ, когда никого не было, готовилось въ такой пропорціи, чтобъ только заморить голодъ; но зато для внѣшняго блеска генеральша ничего не жалѣла. Переѣхавъ въ городъ, она наняла лучшую квартиру, мебель была привезена обитая бархатомъ, трипомъ; во всѣхъ комнатахъ развѣшаны были картины въ золотыхъ рамахъ и разставлено пропасть бронзовыхъ вещей. По городу она всегда ѣздила въ каретѣ съ форейторомъ, хотя и на сильно смоленной четвернѣ. У ней былъ метръ-д'отель, и всѣ лакеи были постоянно одѣты въ ливреи. Въ заключеніе всего, она объявила, что въ продолженіе всей зимы у ней будутъ по четвергамъ танцовальные вечера.

Въ маленькомъ городишкѣ все пало ницъ передъ ея величіемъ, тѣмъ болѣе, что генеральша оказалась въ обращеніи очень горда, и хотя познакомилась со всѣми городскими чиновниками, но ни съ кѣмъ почти не сошлась и открыто говорила, что она только и отдыхаетъ душой, когда видится съ княземъ Иваномъ и его милымъ семействомъ (князь Иванъ былъ подгородный богатый помѣщикъ и дальній ея родственникъ).

Съ Петромъ Михайлычемъ генеральша познакомилась болѣе случайно. Она отнеслась къ нему съ просьбою снабжать ее

книгами изъ библіотеки уѣзднаго училища, и когда онъ изъявилъ согласіе, она, какъ бы въ возмездіе, пригласила его пріѣхать въ первый же четвергъ и непремѣнно съ дочерью. Настенькѣ сдѣлалось немножко страшно, когда Петръ Михайлычъ объявилъ ей, что они поѣдутъ къ генеральшѣ на балъ; впрочемъ, ей хотѣлось. Годневъ, при всей своей неопытности къ бальной жизни, понималъ, что въ первый разъ въ свѣтѣ надобно показать дочь какъ можно наряднѣе одѣтою, и совѣтовался по этому случаю съ Палагеей Евграфовной. На совѣщаніи ихъ положено было купить Настенькѣ самаго лучшаго газу на платье и лучшаго атласу на чехолъ. Экономка принялась хлопотать до невѣроятности и купленную матерію мѣняла разъ семь: то замѣтитъ на газѣ дырочку болѣе обыкновенной, то маленькое пятнышко на атласѣ. Шить сама платье не взялась, а отыскала у казначейши крѣпостную портниху, уговорила ее работать у нихъ на дому, посадила въ свою комнату и слѣдила за каждымъ ея стежкомъ. На шею Настенькѣ она предназначила надѣть покойной жены Петра Михайлыча жемчугъ съ брильянтовымъ фермуаромъ, который перенизывала, чистила, мыла и вообще приводила въ порядокъ цѣлые полъ-дня. Палагея Евграфовна, какъ истая нѣмка, бывши мастерицей стряпать, не умѣла одѣвать. Выбранный ею газъ хотя и отличался добротою, но былъ ужъ очень грубаго розоваго цвѣта. Крѣпостная портниха тоже перемодничала въ покроѣ платья и чрезвычайно низко пустила мысъ у лифа. Приведенный въ порядокъ жемчугъ, конечно, былъ довольно цѣнный, но имѣлъ какой-то аляповатый, купеческій характеръ. Всѣхъ этихъ недостатковъ не замѣчали ни Настенька, которая все еще была подъ вліяніемъ неопредѣленнаго страха, ни сама Палагея Евграфовна, одѣвавшая свою воспитанницу, насколько доставало у нея пониманья и умѣнья, ни Петръ Михайлычъ, конечно, который въ тонкостяхъ женскаго туалета ровно ничего не смыслилъ. Самъ онъ одѣлся въ новый свой вицмундиръ, въ бѣлый съ свѣтлыми форменными пуговицами жилетъ и бѣлый галстукъ — костюмъ, который онъ обыкновенно надѣвалъ причащаясь и къ обѣднѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья. Когда Настенька вышла совсѣмъ одѣтая,— онъ воскликнулъ:

— Фу ты, какая королева! Bene!.. optime!.. Ну-ка, поверни головку... хорошо... право, хорошо... Мать-командирша, вѣдь Настенька у васъ прехорошенькая!

— Э, перестаньте, не мѣшайте, посторонитесь; только застите; ничего не видно, — отвѣчала отрывисто экономка, заботливо поправляя и отряхивая платье Настеньки.

Въ освѣщенную залу генеральши, гдѣ ужъ было нѣсколько человѣкъ гостей, Петръ Михайлычъ вошелъ, ведя дочь подъ руку. Грустно, отрадно и отчасти смѣшно было видѣть его въ эти минуты: онъ шелъ гордо, съ явнымъ сознаніемъ, что его Настенька будетъ лучше всѣхъ. По самодовольному и спокойному выраженію лица его можно было судить, какъ далекъ онъ былъ отъ мысли, что съ перваго же шагу маленькая, худощавая Настенька была совершенно уничтожена представительною наружностью старшей дочери князя Ивана, дѣвушки лѣтъ восемнадцати и обаятельной красоты, и что наконецъ тутъ же сидѣвшая въ залѣ ядовитая исправница сказала своему смиренному супругу, грустно помѣщавшемуся около нея:

— Поздравляю, нынче ужъ тараканы въ клюквенномъ морсу стали появляться на модныхъ вечерахъ.

Въ гостиной Петръ Михайлычъ подошелъ къ хозяйкѣ, которая сидѣла въ полулежачемъ положеніи на угловомъ диванѣ.

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ дочь мою, — сказалъ онъ, расшаркиваясь.

— Charmeé, — сказала генеральша, закатывая глаза и слегка кивнувъ головой.

Настенька сѣла на довольно отдаленное кресло. Генеральша лѣниво повернула къ ней голову и нѣсколько минутъ смотрѣла на нее своими мутными, сѣрыми глазами. Настенька думала, что она хочетъ что-нибудь ее спросить, но генеральша ни слова не сказала и, поворотивъ голову въ другую сторону, гдѣ на вытяжкѣ сидѣла залитая въ брильянтахъ откупщица,— проговорила:

— Какъ мнѣ вашъ браслетъ нравится! Combien l'avez vous payé?

— Не знаю, ваше превосходительство; это подарокъ мужа,— отвѣчала та, покраснѣвъ отъ удовольствія, что обратили на нее вниманіе.

Вошла m-lle Полина, только-что еще кончившая свой туалетъ; она прямо подошла къ матери, взяла у ней руку и поцѣловала.

—Qui est cette jeune personne? — спросила она, взглянувъ, прищурившись, на Настеньку.

Мать ничего не отвѣчала, а только закрыла глаза и улыбнулась.

Настенька была умна и самолюбива: она все это замѣтила, все очень хорошо поняла — и вспыхнула. Начались танцы. Танцующихъ мужчинъ было немного, и всѣ они танцовали то съ хозяйской дочерью, то съ другими знакомыми дѣвицами. Настеньку никто не ангажировалъ; и это еще ничего — ей

угрожала бо́льшая непріятность: въ числѣ гостей былъ нѣкто столоначальникъ Медіокритскій, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ исправницы, которая отрекомендовала его генеральшѣ писать бумаги и хлопотать по ея процессу, и потому хозяйка, скрѣпивъ сердце, пускала его на свои вечера, и онъ обыкновенно занимался только тѣмъ, что натягивалъ замшевыя перчатки и обдергивалъ жилетъ. Но въ этотъ вечеръ Медіокритскій, видя, что Годнева все сидитъ и ни съ кѣмъ не танцуетъ, вообразилъ, что это именно ему приличная дама, и, вознамѣрившись съ нею протанцовать, подошелъ къ Настенькѣ, расшаркался и пригласилъ ее на кадриль. Она, конечно, поняла, что одно ужъ приглашеніе подобнаго кавалера было новымъ для нея униженіемъ, но не подала вида и пошла. Съ перваго же шагу оказалось, что Медіокритскій и не думалъ никого приглашать быть своимъ визави; это, впрочемъ, сейчасъ замѣтила и поправила m-lle Полина: она сейчасъ же перешла и стала этимъ визави съ своимъ кавалеромъ, отпускнымъ гусаромъ, сказавъ ему что-то вполголоса. Тотъ пожалъ только плечами и проговорилъ: «o, mon Dieu, mon Dieu!». Далѣе потомъ, молодой столоначальникъ, изучившій французскую кадриль самоучкой и болѣе наглядкой, несовсѣмъ твердо зналъ ее и безпрестанно мѣшался, а въ пятой фигурѣ, какъ болѣе трудной, совершенно спутался. Съ дамой своей онъ не говорилъ ни слова и только по временамъ ласково и съ улыбкою на нее взглядывалъ. Когда же кончилась кадриль, онъ вдругъ сказалъ:—«На слѣдующую». У Настеньки потемнѣло въ глазахъ; она готова была расплакаться, но переломила себя и дала слово. Когда они опять стали, по многимъ лицамъ пробѣжала насмѣшливая улыбка. Медіокритскій держалъ себя попрежнему: въ продолженіе всей кадрили онъ молчалъ, а при окончаніи проговорилъ снова:—«На слѣдующую». По незнанію бальныхъ обычаевъ, ему и въ голову не приходило, что танцовать съ одной дамой цѣлый вечеръ не принято въ обществѣ.

Настенька не могла болѣе владѣть собой: ссылаясь на головную боль, она быстро отошла отъ навязчиваго кавалера, подошла къ отцу, который съ довольнымъ и простодушнымъ видомъ сидѣлъ около карточнаго стола; но, взглянувъ на нее, онъ даже испугался, — такъ она была блѣдна.

— Что́ такое съ тобой, душа моя? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Поѣдемте домой: мнѣ дурно,— отвѣчала Настенька.

— Поѣдемъ, поѣдемъ. Ахъ, какая ты слабая! — говорилъ старикъ, вставая. — Извините, ваше превосходительство, —

проговорилъ онъ, проходя гостиную: — захворала вонъ у меня.

Пріѣхавъ домой, Настенька свой бальный нарядъ не сняла, а сбросила, и кинулась на постель. На другой день проснулась она съ распухшими отъ слезъ глазами и дала себѣ слово не ѣздить больше никуда. Чтеніе сдѣлалось единственнымъ ея развлеченіемъ. Она читала все, что̀ только ей попадалось подъ руку. Русскихъ книгъ стало наконецъ недоставать. Настенька объявила отцу, что хочетъ учиться французскому языку. Старикъ, хорошо знавшій этотъ языкъ, но дурно произносившій, взялся учить ее. Настенька занималась день и ночь и въ полгода почти свободно читала. Все это, конечно, очень образовало и развило ее въ умственномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно раздражило ея воображеніе. Она начала жить въ какомъ-то особенномъ мірочкѣ, наполненномъ Гомерами, Орасами, Онѣгиными, героями французской революціи. Любовь женщины она представляла себѣ не иначе, какъ чувствомъ, въ основаніи котораго должно было лежать самоотверженіе, жизнь въ обществѣ — мученіемъ, общественный судъ — вздоромъ, на который не стоитъ обращать вниманія. Окружавшая ее среда сдѣлалась для нея невыносимою. Добродушный и всегда довольный Петръ Михайлычъ сталъ ее возмущать, особенно когда кого-нибудь хвалилъ изъ городскихъ или разсказывалъ какія-нибудь происшествія, случавшіяся въ городѣ, и даже когда онъ съ удовольствіемъ обѣдалъ, словомъ—она начала дѣлаться для себя, для отца и для прочихъ домашнихъ какой-то маленькой тиранкой и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживать странностей. Вдругъ, напримѣръ, захотѣла ѣздить верхомъ, непремѣнно заставила купить себѣ сѣдло и, несмотря на то, что лошадь была не пріѣзжена и сама она никогда не ѣздила, поѣхала, или, лучше сказать, поскакала въ галопъ, такъ что Петръ Михайлычъ чуть не умеръ отъ страха. Однако она возвратилась благополучно, хотя была блѣдна и вся дрожала. Въ другой разъ вздумала итти за тридцать верстъ на богомолье пѣшкомъ — сходила и двѣ недѣли послѣ того была больна.

Всѣ эти капризы и странности Петръ Михайлычъ, все еще видѣвшій въ дочери полуребенка, объяснялъ разстройствомъ нервовъ и твердо былъ увѣренъ, что на слѣдующее же лѣто все пройдетъ отъ купанья, а вмѣстѣ съ тѣмъ неимовѣрно восхищался, замѣчая, что Настенька съ каждымъ днемъ обогащается свѣдѣніями, или, какъ онъ выражался, расширяетъ свой умственный кругозоръ.

— Экая ты у меня свѣтлая головка! Если бъ ты была

мальчикъ, изъ тебя бы вышелъ поэтъ, непремѣнно поэтъ,—говорилъ старикъ.

Дочь слушала и краснѣла, потому что она была уже поэтъ и почти каждый день потихоньку отъ всѣхъ писала стихи.

Такъ время шло. Настенькѣ было ужъ за двадцать; жениховъ у нея не было, кромѣ одного, впрочемъ, случая. Отвратительный Медіокритскій, послѣ бала у генеральши, вдругъ началъ каждое воскресенье являться по вечерамъ съ гитарой къ Петру Михайлычу и, посидѣвъ немного, всякій разъ просилъ позволенія что-нибудь спѣть и сыграть. Старикъ, по своей снисходительности, принималъ его и слушалъ. Медіокритскій всегда почти начиналъ, устремивъ на Настеньку нѣжный взоръ:

Я плыву и наплыву
Черезъ мглу — на скалу
И сложу мою главу
Неоплаканную.

Все это разрѣшилось тѣмъ, что въ одно утро пріѣхала совершенно неожиданно къ Петру Михайлычу исправница и прямо сдѣлала отъ своего любимца предложеніе Настенькѣ. Петръ Михайлычъ усмѣхнулся.

— Благодаримъ васъ покорно, Марья Ивановна, за ваше безпокойство, а Медіокритскаго за честь, — сказалъ онъ: — только дочь моя еще молода.

У исправницы начало подергивать губу; она вообще очень не любила противорѣчія, а въ этомъ случаѣ даже и не ожидала.

— Это, Петръ Михайлычъ, обыкновенно говорятъ, какъ одинъ пустой предлогъ! — возразила она: — я не знаю, а по-моему этотъ молодой человѣкъ очень хорошій женихъ для Настасьи Петровны. Если онъ бѣденъ, такъ бѣдность не порокъ.

Петру Михайлычу стало уже немного досадно.

— Бѣдность точно не порокъ, — возразилъ онъ въ свою очередь: — и мы не можемъ принять предложенія г. Медіокритскаго не потому, что онъ бѣденъ, а потому, что онъ человѣкъ совершенно необразованный и, какъ я слышалъ, съ довольно дурными нравственными наклонностями.

— Здѣсь, кажется, у всѣхъ одно образованіе, что у женихова, что у невѣсты! — проговорила исправница съ насмѣшкою.

Настенька, бывшая свидѣтельницей этой сцены, не вытерпѣла.

— У васъ, Марья Ивановна, у самихъ дочь невѣста, — сказала она: — если вамъ такъ нравится Медіокритскій, такъ вамъ лучше выдать за него вашу дочь.

— Нѣтъ-съ, онъ не можетъ быть женихомъ моей дочери, — произнесла съ удареніемъ исправница.

— Почему же вы думаете, что онъ можетъ быть моимъ женихомъ? — спросила гордо и вся вспыхнувъ Настенька.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула исправница: — я ничего не думала, а исполнила только безотступную просьбу молодого человѣка: стало-быть, онъ имѣлъ какое-нибудь право и ему была подана какая-нибудь надежда — я этого не знаю!

Настенька вышла изъ себя; на глазахъ ея навернулись слезы.

— Подавали ему надежду, вѣроятно, вы, а не я, и я васъ прошу не безпокоиться о моей судьбѣ и избавить меня отъ вашихъ сватаній за кого бы то ни было, — проговорила она взволнованнымъ голосомъ и проворно ушла.

Исправница насмѣшливо посмотрѣла ей вслѣдъ.

— И вашъ отвѣтъ, Петръ Михайлычъ, будетъ тотъ же?— спросила она.

— Совершенно тотъ же, Марья Ивановна, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ: — и мнѣ только очень жаль, что вы изволили принять на себя это обидное для насъ порученіе.

— А я, конечно, еще болѣе сожалѣю объ этомъ, потому что, точно, надобно быть очень осторожной въ этихъ случаяхъ и хорошо знать, съ какими людьми будешь имѣть дѣло, — проговорила исправница, порывисто завязывая ленты своей шляпы и надѣвая подкрашенное боа, и тотчасъ же уѣхала. Петръ Михайлычъ проводилъ ее до лакейской и возвратился къ дочери, которая сидѣла и плакала.

— Это что, Настенька, плакать изволишь?.. Что это?.. Какъ тебѣ не стыдно! Что за малодушіе!

— Это, папенька, ужасно! Она скоро пріѣдетъ лакея своего сватать за меня. Ее бы выгнать надобно!

— Ну, ну, перестань! Какая вспыльчивая! Всякимъ вздоромъ огорчаешься. Давай-ка лучше читать! — говорилъ старикъ.

Но Настенька и читать не могла.

Случай этотъ окончательно разъединилъ ее съ маленькимъ уѣзднымъ міркомъ: никуда не выѣзжая и встрѣчаясь только съ знакомыми въ церкви или на городскомъ валу, гдѣ гуляла иногда въ лѣтніе вечера съ отцомъ, или наконецъ у себя въ домѣ, она никогда не позволяла себѣ поклониться первой и даже на вопросы, которые ей дѣлали, отмалчивалась или отвѣчала односложно и какъ-то непріязненно.

III.

Недѣли черезъ три послѣ состоявшагося приказа, вечеромъ, Петръ Михайлычъ, къ большому удовольствію капитана, читалъ исторію двѣнадцатаго года Данилевскаго, а Настенька

сидѣла у окна и задумчиво глядѣла на поляну, облитую блѣднымъ луннымъ свѣтомъ. Въ прихожую пришелъ Гаврилычъ и началъ что-то бунчать съ сидѣвшей тутъ горничной.

— Что ты, гренадеръ, зачѣмъ пришелъ? — крикнулъ Петръ Михайлычъ.

— Къ вама-тка, — отвѣчалъ Тёрка, выставивъ свою рябую рожу въ полурастворенную дверь: — смотритель новый пріѣхалъ, учителей завтра къ себѣ въ сборъ на фатеру требуетъ въ девятомъ часу, чтобъ безпремѣнно въ мундерахъ были.

— Эге, вотъ какъ! Малый, должно-быть, распорядительный! Это ужъ, капитанъ, хоть бы по-вашему, по-военному; такъ ли, а? — произнесъ Петръ Михайлычъ, обращаясь къ брату.

— Да-съ, точно, — отвѣчалъ тотъ глубокомысленно.

— Гдѣ же господинъ новый смотритель остановился? — продолжалъ Петръ Михайлычъ.

— На постояломъ, у Аѳоньки безпалаго, — отвѣчалъ съ какой-то досадой Тёрка.

— Да ты самъ у него былъ?

— Нѣту, не былъ; мнѣ нò-што! Хозяйка Аѳоньки, слышь, прибѣгала, чтобъ завтра въ девятомъ часу въ мундерахъ безпремѣнно — вотъ что!

— Такъ поди обвѣсти!

— Сегодня, нѣту, не пойду: не достучишься... поздно; завтра обвѣщу.

— И то, пожалуй; только, смотри, пораньше; и скажи господамъ учителямъ, чтобъ одѣлись почище въ мундиры и ко мнѣ зашли бы: вмѣстѣ пойдемъ. Да ужъ и самъ побрейся, сапоги валеные тоже сними, а главное — щи твои, — смотри ты у меня!

— Ну-ка, заладилъ щи да щи! Только и рѣчей у тебя! — проговорилъ инвалидъ и, хлопнувъ сердито дверью, ушелъ.

Петръ Михайлычъ усмѣхнулся ему вслѣдъ.

Впрочемъ, Гаврилычъ на этотъ разъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ не совсѣмъ свойственною ему расторопностью и еще до свѣта обошелъ учителей, которые, въ свою очередь, собрались къ Петру Михайлычу часу въ седьмомъ. Всѣ они были болѣе или менѣе подъ вліяніемъ нѣкотораго чувства страха и безпокойства. Комплектъ ихъ былъ однако неполный. Знакомый намъ учитель исторіи, Экзархатовъ. Учитель математики, Лебедевъ, мужчина вершковъ одиннадцати ростомъ, всегда почти нечесаный, рѣдко бритый и говорившій всегда сильно густымъ басомъ. Дикообразной его наружности какъ нельзя больше въ немъ соотвѣтствовала не-

преоборимая страсть къ звѣроловству. Онъ былъ, конечно, въ цѣлой губерніи первый стрѣлокъ и замѣчательнѣйшій охотникъ на медвѣдей, которыхъ собственными руками на своемъ вѣку уложилъ болѣе тридцати штукъ. Съ капитаномъ Лебедевъ находился, по случаю охоты, въ тѣснѣйшей дружбѣ. Третій учитель былъ преподаватель словесности, Румянцевъ. Въ противоположность Лебедеву, это былъ маленькій, худенькій молодой человѣкъ, весьма робкаго и, вслѣдствіе этого, склоннаго поподличать характера, вмѣстѣ съ тѣмъ большой говорунъ и съ сильной замашкой пофрантить: вѣчно съ завитымъ а-ла-кокомъ и висками. Онъ-было и въ настоящемъ случаѣ прилетѣлъ въ своемъ, по его мнѣнію, очень модномъ пальто и въ цвѣтномъ шарфѣ, завязанномъ огромнымъ бантомъ, но, по совѣту Петра Михайлыча, тотчасъ же проворно сбѣгалъ домой и переодѣлся въ мундиръ.

Петръ Михайлычъ тоже одѣлся въ полную форму.

— Ну, вотъ мы и въ парадѣ. Что жъ? Народъ хоть куда!— говорилъ онъ, осматривая себя и другихъ. — Напрасно только вы, Владиміръ Антипычъ, не постриглись: больно у васъ волосы торчатъ! — отнесся онъ къ учителю математики.

— Чортъ ихъ знаетъ, проклятые, неимовѣрно шибко растутъ; понять не могу, что за причина такая. Сегодня ночь, признаться, въ шалашѣ за тетеревами просидѣлъ, постричься-то ужъ и не успѣлъ, — отвѣчалъ Лебедевъ, приглаживая голову.

— Да, да, вотъ такъ, хорошо, — ободрялъ его Петръ Михайлычъ и обратился къ Румянцеву:

— Ну, а ты, голубчикъ Иванъ Петровичъ, что?

— Ничего-съ! Маменька только наказывала: «ты, говоритъ, Ванюшка, не разговаривай много съ новымъ начальникомъ: какъ еще это, не знавъ тебя, ему понравится; неравно слово выпадетъ, послѣ и не воротишь его», — простодушно объяснилъ преподаватель словесности.

— Конечно, конечно, — подтвердилъ Петръ Михайлычъ и потомъ, пропѣвъ полушутливымъ тономъ: «Ударилъ часъ и намъ разстаться...», продолжалъ нѣсколько растроганнымъ голосомъ: — Всѣмъ вамъ, господа, душевно желаю, чтобъ начальникъ васъ полюбилъ; а я, съ своей стороны, былъ очень вами доволенъ и отрекомендую васъ всѣхъ съ отличной стороны.

— Мы бы вѣкъ, Петръ Михайлычъ, желали служить съ вами, — проговорилъ Лебедевъ.

— Именно вѣкъ. Я вотъ и по недавнему моему служенію, а всѣмъ говорю, что, пріѣхавъ сюда, не имѣлъ ни съ извозчикомъ чѣмъ раздѣлаться ни платья на себѣ приличнаго, и

все вашими благодѣяніями сдѣлалось... — отрапортовалъ Румянцевъ, поднявъ глаза кверху.

Экзархатовъ ничего не проговорилъ, а только тяжело вздохнулъ.

Всѣ эти отзывы учителей, видимо, были очень пріятны старику.

— Благодарю васъ, если вы такъ меня понимаете, — возразилъ онъ. — Впрочемъ, и я тоже иногда шумѣлъ и распекалъ; можетъ-быть, кого-нибудь и безъ вины обидѣлъ: не помяните лихомъ!

— Кромѣ добра, намъ васъ нечѣмъ поминать, — сказалъ Лебедевъ.

— Отъ васъ это были только родительскія наставленія, — подхватилъ Румянцевъ.

Петръ Михайлычъ совсѣмъ расчувствовался.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, друзья мои, и повѣрьте, что теперь выразить не могу, а вполнѣ все чувствую. Дай Богъ, чтобъ и при новомъ начальникѣ вашемъ все шло складно да ладно.

Говоря это, онъ старался смигнуть навернувшіяся на глазахъ слезы.

Экзархатовъ, все ниже и ниже потуплявшій голову, вдругъ зарыдалъ на весь домъ и убѣжалъ въ уголъ.

— Полноте, полноте! Что это? Не стыдно ли вамъ? Добро мнѣ, старому человѣку, простительно... Перестаньте, — сказалъ Петръ Михайлычъ, едва удерживаясь отъ рыданій. — Грядемъ лучше съ миромъ! — заключилъ онъ торжественно и пошелъ впереди своихъ подчиненныхъ.

На дворѣ у Аѳоньки безпалаго наши ученые мужи встрѣтили самою хозяйку, здоровеннѣйшую бабу въ ситцевомъ сарафанѣ. Она тащила, ухвативъ за ушки, огромную лаханку съ помоями, которую однако тотчасъ же оставила и поклонилась, проговоря:

— Здравствуйте, сударики, здравствуйте!

— Нельзя ли, моя милая, доложить господину Калиновичу, что господа учителя пришли представиться, — сказалъ ей Петръ Михайлычъ.

— Сейчасъ, сударики, сейчасъ пошлю паренька моего къ нему, а вы подьте пока въ горенку, обождите: онъ говорилъ, чтобъ въ горенкѣ обождать.

Петръ Михайлычъ и учителя вошли въ горенку, въ которой нашли дверь въ сосѣднюю комнату очень плотно притворенною. Ожидали они около четверти часа; наконецъ дверь отворилась, Калиновичъ показался. Это былъ высокій моло-

дой человѣкъ, очень худощавый, съ лицомъ умнымъ, изжелта-блѣднымъ. Онъ былъ тоже въ новомъ, съ иголочки, хоть и не изъ весьма тонкаго сукна мундирѣ, въ пикѣ безукоризненной бѣлизны жилетѣ, при шпагѣ и съ маленькой треугольной шляпой въ рукахъ.

Петръ Михайлычъ началъ:

— Рекомендую себя: предмѣстникъ вашъ, коллежскій ассесоръ Годневъ.

Калиновичъ подалъ ему конецъ руки.

— Позвольте мнѣ представить господъ учителей, — добавилъ старикъ.

Калиновичъ слегка нагнулъ голову.

— Господинъ Экзархатовъ, преподаватель исторіи, — продолжалъ Петръ Михайлычъ.

— Изъ какого заведенія? — спросилъ Калиновичъ.

— Съ словеснаго факультета московскаго университета, — отвѣчалъ своимъ печальнымъ голосомъ Экзархатовъ.

— Кончили курсъ?

— Со второго курса.

— Превосходно знаютъ свой предметъ: профессорской каѳедры по своимъ познаніямъ достойны, — вмѣшался Годневъ: — можетъ-быть, даже вы знакомы по университету? Судя по лѣтамъ, должно-быть, одного времени.

— Насъ тамъ много! — возразилъ Калиновичъ.

Экзархатовъ поднялъ на него немного глаза и снова потупился. Онъ очень хорошо зналъ Калиновича по университету, потому что они были одного курса и два года сидѣли на одной лавкѣ; но тотъ, видно, нашелъ болѣе удобнымъ отказаться отъ знакомства съ старымъ товарищемъ.

— Господинъ Лебедевъ, учитель математики, — продолжалъ Годневъ.

— Изъ какого заведенія? — повторилъ опять Калиновичъ.

— Изъ вольнопрактикующихъ землемѣровъ, — отвѣчалъ лаконически Лебедевъ.

Калиновичъ обратилъ глаза на Румянцева, который, не дождавшись вопроса и приложивъ руки по швамъ, проговорилъ безъ остановки:

— Воспитанникъ московскаго Воспитательнаго Дома, выпущенъ первоначально въ качествѣ домашняго учителя музыки; но такъ какъ имѣю семейство, пожелалъ поступить въ коронную службу.

— Всѣ здѣшніе господа учителя отличаются познаніями, добронравственностью и усердіемъ... — вмѣшался Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ слегка улыбнулся; у старика не свернулось это съ глазу.

— Я говорю такимъ манеромъ, — продолжалъ онъ: — не относя къ себѣ ничего; моя пѣсня пропѣта: я не искатель фортуны; и говорю собственно для нихъ, чтобъ вы ихъ снискали вашимъ покровительствомъ. Вы теперь человѣкъ новый: ваша рекомендація передъ начальствомъ будетъ для нихъ очень важна.

— Я почту для себя пріятнымъ долгомъ... — проговорилъ Калиновичъ и потомъ прибавилъ, обращаясь къ Петру Михайлычу: — Не угодно ли садиться? — а учителямъ поклонился тѣмъ поклономъ, которымъ обыкновенно начальники даютъ знать подчиненнымъ: «можете убираться»; но тѣ сначала не поняли и не трогались съ мѣста.

— Я васъ, господа, не задерживаю, — проговорилъ Калиновичъ.

Экзархатовъ первый пошелъ, а за нимъ и прочіе. Румянцевъ, впрочемъ, пріостановился въ дверяхъ и отдалъ самый низкій поклонъ. Петръ Михайлычъ нахмурился: ему было очень непріятно, что его преемникъ не только не обласкалъ, но даже не посадилъ учителей. Онъ и самъ было-хотѣлъ уйти, но Калиновичъ повторилъ свою просьбу садиться и самъ даже пододвинулъ ему стулъ.

— Очень, очень все это хорошіе люди, — началъ опять, усѣвшись, старикъ.

Калиновичъ какъ будто бы не слышалъ этого и, помолчавъ немного, спросилъ:

— А что, здѣсь хорошее общество?

— Хорошее-съ... Здѣсь чиновники отличные, живутъ между собою согласно; у насъ ни ссоръ ни дрязгъ нѣтъ; здѣшній городъ изстари славится дружелюбіемъ.

— И весело живутъ?

— Какъ-же-съ! Съѣзжаются иногда другъ къ другу, веселятся.

— Не можете ли вы мнѣ назвать нѣкоторыхъ лицъ?

— Отчего жъ не могу! Только кого именно вамъ угодно?

— Городничій есть?

— Есть: Ѳеофилактъ Семеновичъ Кучеровъ, ветеранъ двѣнадцатаго года, старикъ препочтенный.

— Семейный?

— Даже очень большое имѣетъ семейство.

— Потомъ?

— Потомъ-съ, пожалуй, исправникъ съ супругой; стряпчій, молодой человѣкъ, холостой еще, но скоро женится на этой вотъ городнической дочери.

— А почтмейстеръ?

— Какъ-же-съ, и почтмейстеръ есть, но только нашъ братъ, старикъ ужъ, домосѣдъ большой.

— Это все чиновники; а помѣщики?—спросилъ Калиновичъ.

— Помѣщиковъ здѣсь постоянно живущихъ всего только одна генеральша Шевалова.

— Богатая?

— Съ состояніемъ; по слухамъ, милліонерка и, надобно сказать, настоящая генеральша: ее здѣсь такъ губернаторшей и зовутъ.

— Молодая еще женщина?

— Нѣтъ, старушка-съ, имѣетъ дочь на возрастѣ — дѣвицу.

— А скажите, пожалуйста, — сказалъ Калиновичъ послѣ минутнаго молчанія: — здѣсь есть извозчики?

— Вы, вѣроятно, говорите про городскихъ извозчиковъ, такъ этакихъ совершенно нѣтъ, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ: — не для кого; а потому, въ силу правила политической экономіи, которое и вы, вѣроятно, знаете: нѣтъ потребителей, нѣтъ и производителей.

Калиновичъ призадумался.

— Это немного досадно: я думалъ сегодня сдѣлать нѣсколько визитовъ, — проговорилъ онъ.

— А если думали, такъ о чемъ же вамъ и безпокоиться?— возразилъ Петръ Михайлычъ: — позвольте мнѣ, для перваго знакомства, предложить мою колесницу. Лошадь у меня прекрасная, дрожки тоже, хоть и не моднаго фасона, но хорошія. У меня здѣсь многіе помѣщики, пріѣзжая въ городъ, берутъ.

— Вы меня много обяжете; но мнѣ совѣстно...

— Что тутъ за совѣсть? Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Благодарю васъ.

— А я васъ благодарю; только тутъ, милостивый государь, у меня есть одно маленькое условіе: кто моего коня беретъ, тотъ долженъ у меня хлѣба-соли откушать, обѣдать: это плата за провозъ.

— Самая пріятная плата, — отвѣчалъ съ улыбкою Калиновичъ: — только я боюсь, чтобъ мнѣ не задержать васъ.

— Располагайте вашимъ временемъ, какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ, вставая. — До пріятнаго свиданья, — прибавилъ онъ, расшаркиваясь.

Калиновичъ подалъ ему всю руку и вѣжливо проводилъ до самыхъ дверей.

Всю дорогу старикъ шелъ задумчивѣе обыкновеннаго и по временамъ восклицалъ:

— Эхъ-ма, молодежь, молодежь! Ума у васъ, можетъ-быть, и больше противъ насъ, стариковъ, да сердца мало! — прибавилъ онъ, входя на крыльцо, и тотчасъ, по обыкновенію, предувѣдомилъ о гостѣ къ обѣду Палагею Евграфовну.

— Знаю ужъ, — проговорила она и побѣжала на погребъ.

Переодѣвшись и распорядившись, чтобъ ѣхала къ Калиновичу лошадь, Петръ Михайлычъ пошелъ въ гостиную къ дочери, поцѣловалъ ее, сѣлъ и опять задумался.

— Что, папенька, видѣли новаго смотрителя? — спросила Настенька.

— Видѣлъ, милушка, имѣлъ счастье познакомиться, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ съ полуулыбкой.

— Молодой?

— Молодой!.. Франтъ!.. И человѣкъ, видно, умный!.. Только, кажется, горденекъ немного. Нашихъ молодцовъ точно губернаторъ принялъ: свысока... Нехорошо... На первый разъ ему не дѣлаетъ это чести.

— Что жъ такое, если это въ немъ сознаніе собственнаго достоинства? Учителя ваши точно добрые люди — но и только! — возразила Настенька.

— Какіе бы они ни были люди, — возразилъ въ свою очередь Петръ Михайлычъ: — а все-таки ему не слѣдовало поднимать носа. Гордость есть двухъ родовъ: одна благородная — это желаніе быть лучшимъ, желаніе совершенствоваться; такая гордость — принадлежность великихъ людей; она подкрѣпляетъ ихъ въ трудахъ, даетъ имъ силу побороть препятствія и достигать своей цѣли. А эта гордость — тьфу! Плевать я на нее хочу; зачѣмъ она? Это гордость глупая, смѣшная.

— Зачѣмъ же вы звали его обѣдать, если онъ гордецъ? — спросила Настенька.

— А затѣмъ, что хочу съ нимъ объ учителяхъ поговорить. Надобно ему внушить, чтобъ онъ понималъ ихъ настоящимъ манеромъ, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ, желая нѣсколько замаскировать въ себѣ простое чувство гостепріимства, вслѣдствіе котораго онъ всѣхъ и каждаго готовъ былъ къ себѣ позвать обѣдать, Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего.

— По крайней мѣрѣ я бы лошадь не послала: пускай бы пришелъ пѣшкомъ, — замѣтила Настенька.

— Перестань пустяки говорить! — перебилъ ужъ съ досадою Петръ Михайлычъ: — что лошади сдѣлается! Не убудетъ ея. Онъ хочетъ визиты дѣлать: не пѣшкомъ же ему по городу бѣгать.

— Визиты дѣлать! Вчера пріѣхалъ, а сегодня хочетъ визиты дѣлать! — воскликнула съ насмѣшкой Настенька.

— Что жъ тутъ удивительнаго? Это хорошо.

— Передъ учителями важничаетъ, а передъ другими, не успѣлъ пріѣхать, бѣжитъ кланяться; онъ просто глупъ послѣ этого.

— Вотъ тебѣ и разъ! Экая ты, Настенька, смѣлая на приговоры! Я не вижу тутъ ничего глупаго. Онъ будетъ жить въ городѣ и хочетъ познакомиться со всѣми.

— Стоитъ, если только онъ умный человѣкъ!

— Отчего жъ не стоитъ? Здѣсь люди все почтенные... Вотъ это въ тебѣ, душенька, очень нехорошо и мнѣ весьма не нравится, — говорилъ Петръ Михайлычъ, колотя пальцемъ по столу: — что это за нелюбовь такая къ людямъ! За что? Что они тебѣ сдѣлали?

— Въ моей любви, я думаю, никто не нуждается.

— Въ любви нуждается Богъ и собственное сердце человѣка. Безъ любви къ себѣ подобнымъ жить на свѣтѣ тяжело и грѣшно! — произнесъ внушительно старикъ.

Настенька отвѣчала ему полупрезрительной улыбкой.

На эту тему Петръ Михайлычъ часто и горячо спорилъ съ дочерью.

IV.

Въ двѣнадцать часовъ Калиновичъ, переодѣвшись изъ мундира въ черный фракъ, въ черный атласный шарфъ и черный бархатный жилетъ, и надѣвъ сверхъ всего новое пальто, вышелъ, чтобъ отправиться дѣлать визиты; но, увидѣвъ присланный ему экипажъ, попятился назадъ: лошадь, о которой Петръ Михайлычъ такъ лестно отзывался, конечно, была, благодаря неусыпному вниманію Палагеи Евграфовны, очень раскормленная; но огромная, жирная голова, отвислыя уши, толстыя, мохнатыя ноги ясно свидѣтельствовали о ея солидномъ возрастѣ, сырой комплекціи и кроткомъ нравѣ. Сбруя, купленная тоже собственными руками экономки, отличалась болѣе прочностью, чѣмъ изяществомъ. Дрожки на огромныхъ колесахъ, высочайшихъ рессорахъ и съ неуклюжими козлами, принадлежали къ разряду тѣхъ экипажей, которые называются адамовскими. И, въ заключеніе всего, кучеромъ сидѣлъ уродливый Гаврилычъ, закутанный въ сѣрый рѣшменскій, съ огромнаго мужика, армякъ, въ нахлобученной, сѣрой поярковой, круглой шляпѣ, изъ-подъ которой торчала только небольшая часть его морды и щетинистые усы. При появленіи Калиновича Тёрка снялъ шляпу и поклонился.

— Ты, вѣрно, лакей? — спросилъ Калиновичъ.

— Солдатъ, ваше благородіе, отставной солдатъ, — отвѣчалъ Тёрка и опять поклонился.

— Зачѣмъ же ты стриженый, когда въ кучера нанимаешься?

— Нѣтъ, ваше благородіе, я не въ кучерахъ: я училище стерегу. Палагея Евграфовна меня послала — парень ихній хвораетъ: «поди, говоритъ, Гаврилычъ, съѣзди»,—вотъ что, ваше благородіе,—отрапортовалъ инвалидъ и въ третій разъ поклонился. Онъ, видимо, подличалъ передъ новымъ начальникомъ.

Молодой смотритель находился нѣкоторое время въ раздумьѣ: ѣхать ли ему въ такомъ экипажѣ, или нѣтъ? Но дѣлать нечего,—другого взять было негдѣ. Онъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу и сѣлъ, велѣвъ себя везти къ городничему, который жилъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

Войдя въ первую комнату, Калиновичъ увидѣлъ чрезъ растворенную дверь даму, съ распущенными волосами, въ одной кофтѣ и юбкѣ; при его появленіи дама воскликнула:

— Что это, батюшки, что это все шляются!..—И, какъ пава, поплыла въ дальнія комнаты.

Калиновичъ остался одинъ; онъ началъ слегка стучать ногами. Явилась толстая горничная дѣвка въ домотканномъ платьѣ и босикомъ.

— Пошто вы? — спросила она.

— Принимаютъ? — сказалъ Калиновичъ.

Дѣвка выпучила на него глаза.

— Ольгунька!.. пострѣль!.. съ кѣмъ ты тутъ болтаешь?— послышался голосъ городничаго.

Дѣвка ушла къ барину.

— Пришелъ какой-то, не знаю, — отвѣчала она.

— Да кто такой?

— Не видывала, баринъ, не знаю.

— Поди, скажи, коли что нужно, въ полицію бы пришелъ; а теперь некогда, — рѣшилъ городничій.

— Подьте, теперь некогда, ужо въ полицію велѣлъ прійти,— повторила дѣвка, возвратившись.

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Потрудись отдать карточку, — сказалъ онъ, подавая два билетика съ загнутыми углами.

— Барину, что ли? — спросила дѣвка.

— Барину, — отвѣчалъ Калиновичъ и ушелъ.

«Это звѣри, а не люди!» — проговорилъ онъ, садясь на дрожки, и рѣшился-было не знакомиться ни съ кѣмъ болѣе изъ чиновниковъ; но, разсудивъ, что для параднаго визита къ

генеральшѣ было еще довольно рано, и увидѣвъ на ближайшемъ домѣ почтовую вывѣску, велѣлъ подвезти себя къ выходившему на улицу крылечку. Почтмейстеръ, видно, жилъ крѣпко: дверь у него одного въ цѣломъ городѣ была заперта, и придѣланъ былъ къ ней колокольчикъ. Калиновичъ по крайней мѣрѣ разъ пять позвонилъ; наконецъ на лѣстницѣ послышались медленные шаги, задвижка щелкнула, и въ дверяхъ показался высокій, худой старикъ, съ испитымъ лицомъ, въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, въ круглыхъ очкахъ и въ длинномъ, сильно поношенномъ сѣромъ сюртукѣ.

— У себя господинъ почтмейстеръ? — спросилъ Калиновичъ.

— Я самый, сударь, почтмейстеръ. Чѣмъ могу служить?— отвѣчалъ старикъ протяжнымъ, ровнымъ и сиповатымъ голосомъ.

Калиновичъ объяснилъ, что пріѣхалъ съ визитомъ.

— А!.. Очень вамъ, сударь, благодаренъ. Милости прошу,— сказалъ почтмейстеръ и повелъ своего гостя черезъ длинную и холодную залу, на стѣнахъ которой висѣли огромныя масляной работы картины, до того тусклыя и мрачныя, что на первый взглядъ невозможно было опредѣлить ихъ содержанія. На всѣхъ почти окнахъ стояла густо разросшаяся герань, отъ которой распространялся сильный, удушливый запахъ. Въ слѣдующей комнатѣ, куда привелъ хозяинъ гостя своего, тоже висѣло нѣсколько картинъ такого же колорита; во весь почти передній уголъ стояла кивота съ образами; на дубовомъ, некрашеномъ столѣ лежала раскрытая и повернутая корешкомъ вверхъ книга, въ пергаментномъ переплетѣ; передъ столомъ у стѣны висѣло очень хорошей работы костяное распятіе; стулья были некрашеные, дубовые, высокіе, съ жесткими кожаными подушками. Посадивъ Калиновича, почтмейстеръ уставилъ на него сквозь очки глаза и молчалъ. Калиновичъ тоже не заговаривалъ.

— Вы изволили, стало-быть, поступить на мѣсто господина Годнева? — спросилъ наконецъ хозяинъ.

— Да-съ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Такъ, сударь, такъ; мѣсто ваше хорошее: предмѣстникъ вашъ велъ жизнь роскошную и состояніе еще пріобрѣлъ... Хорошее мѣсто!.. — заключилъ онъ протяжно.

Калиновичъ сдѣлалъ гримасу.

— А напредь сего какую службу имѣли?— спросилъ, помолчавъ, хозяинъ.

— Я всего два года вышелъ изъ московскаго университета и не служилъ еще.

— Изъ московскаго университета изволили выйти? Знаю, сударь, знаю: заведеніе ученое; тамъ многіе ученые мужи получили свое воспитаніе. О, Господи помилуй, Господи помилуй! — проговорилъ почтмейстеръ, поднявъ глаза кверху.

Нѣкоторое время опять продолжалось молчаніе.

— А изъ Москвы давно ли изволили отбыть?— снова заговорилъ онъ.

— Я прямо оттуда пріѣхалъ

— Такъ, сударь, такъ; это выходитъ очень недавнее время. Желательно бы мнѣ знать, какія идутъ тамъ сужденія, такъ какъ пишутъ, что на горизонтѣ нашемъ будетъ проходить комета.

— Что жъ? Это очень обыкновенное явленіе; путь ея исчисленъ заранѣе.

— Знаю, сударь, знаю; великіе наши астрономы ясно читаютъ звѣздную книгу и аки бы пророчествуютъ. О, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!— сказалъ опять старикъ, приподнявъ глаза кверху, и продолжалъ какъ бы самъ съ собою: — знаменія небесныя всегда предшествуютъ великимъ событіямъ; только, сколь ни быстръ разумъ человѣка, но не можетъ проникнуть этой тайны, хотя уже и многія другія мы имѣемъ указанія.

— Какія же указанія и на что именно? — спросилъ Калиновичъ, котораго хозяинъ началъ интересовать.

— Многія имѣемъ указанія, — повторилъ тотъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта: — откапываются поглощенные землей города, аки бы свидѣтели тлѣнности земной. Читалъ я, сударь, въ нынѣшнемъ году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что англійскіе миссіонеры проникли ужъ въ эѳіопскія степи...

— Можетъ-быть, — сказалъ Калиновичъ.

— Да, сударь, проникли, — повторилъ почтмейстеръ. — Сказывалъ мнѣ одинъ достойный вѣроятія человѣкъ, что въ Америкѣ родился уродливый ребенокъ. О, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Многое, сударь, намъ свидѣтельствуетъ, очень многое, а паче всего уменьшеніе любви!— продолжалъ онъ.

Калиновичъ сталъ смотрѣть на старика еще съ бо́льшимъ любопытствомъ.

— Вы много читаете? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь, немного; мало нынче книгъ хорошихъ попадается, да и здоровьемъ очень слабъ: седьмой годъ страдаю водяною въ груди. Горе меня, сударь, убило: родной сынъ подалъ на меня прошеніе, аки бы я утаилъ и похитилъ состояніе его матери. О, Господи помилуй, Господи помилуй,

Господи помилуй! — заключилъ почтмейстеръ и глубоко задумался.

Калиновичъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Прощайте, сударь, — проговорилъ хозяинъ, тоже вставая: — очень вамъ благодаренъ. Предмѣстникъ вашъ снабжалъ меня книжками серьезнаго содержанія: не оставьте и вы,— продолжалъ онъ, кланяясь. — Тамъ заведено платить по десяти рублей въ годъ; состоянія я на это не имѣю, а ужъ если будетъ благосклонность ваша обязать меня, убогаго человѣка, безвозмездно...

Калиновичъ изъявилъ полную готовность и пошелъ.

— Прощайте, сударь, прощайте; очень вамъ благодаренъ,— говорилъ старикъ, провожая его и захлопывая дверь, которую тотчасъ же и заперъ задвижкой.

Квартира генеральши, какъ я уже замѣтилъ, была первая въ городѣ. Кругомъ всего дома былъ сдѣланъ изъ дикаго камня тротуаръ, который въ продолженіе всей зимы расчищался отъ снѣга и засыпался пескомъ въ тѣхъ видахъ, что, за неимѣніемъ въ городѣ приличнаго мѣста для зимнихъ прогулокъ, генеральша съ дочерью гуляла на немъ между двумя и четырьмя часами. На окнахъ висѣли огромныя полосатыя маркизы. Внутреннее убранство соотвѣтствовало наружному. Изъ большихъ сѣней шла широкая, выкрашенная подъ дубъ лѣстница, устланная ковромъ и уставленная по бокамъ цвѣтами. При входѣ Калиновича, лакей, глуповатый изъ лица, но въ ливреѣ съ галунами, вытянулся въ дежурную позу и на вопросъ: «принимаютъ?», бойко отрѣзалъ: «пожалуйте-съ», и побѣжалъ вверхъ съ докладомъ. Калиновичъ между тѣмъ пріостановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы, воротнички, застегнулъ на лишнюю пуговицу фракъ и пошелъ.

Генеральша сидѣла, по обыкновенію, на наугольномъ диванѣ, въ полулежачемъ положеніи.

Мамзель Полина сидѣла невдалекѣ и рисовала карандашомъ дѣтскую головку. Калиновичъ представился на французскомъ языкѣ. Генеральша довольно пристально осмотрѣла его своими мутными глазами и, повидимому, осталась довольна его наружностью, потому что съ любезною улыбкою спросила:

— Вы помѣщикъ здѣшній?

— Нѣтъ-съ, — отвѣчалъ Калиновичъ, взглянувъ вскользь на Полину, которая поразила его своимъ болѣзненнымъ лицомъ и странностью своей фигуры.

— Вѣрно, по какимъ-нибудь дѣламъ сюда пріѣхали?—продолжала генеральша.

Она сочла Калиновича за пріѣхавшаго изъ Петербурга чиновника, котораго ждали въ то время въ городъ.

— Нѣтъ, я здѣсь буду служить, — отвѣчалъ тотъ.

— Служить! — сказала генеральша тономъ удивленія. — Какую же вы здѣсь службу имѣете? — прибавила она.

— Я опредѣленъ смотрителемъ уѣзднаго училища.

Мать и дочь переглянулись.

— Что жъ это за служба? — сказала первая.

— Это, вѣрно, на мѣсто этого старичка... — замѣтила Полина.

— Да-съ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Мать и дочь опять переглянулись. Генеральша потупилась. Полина совсѣмъ почти прищурила глаза и начала рисовать. Калиновичъ догадался, что объявленіемъ своей службы онъ уронилъ себя въ мнѣніи своихъ новыхъ знакомыхъ, и, понявъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, рѣшился поправить это.

— Мнѣ еще въ первый разъ приходится жить въ уѣздномъ городѣ, и я совсѣмъ не знаю провинціальной жизни, — сказалъ онъ.

— Скучно здѣсь,—проговорила генеральша какъ бы нехотя.

— Общество здѣсь, кажется, немногочисленно?

— Кажется.

— Оно состоитъ только изъ однихъ чиновниковъ?

— Право, не знаю.

— Но ваше превосходительство изволите постоянно жить здѣсь? — замѣтилъ Калиновичъ.

— Я живу здѣсь по моимъ дѣламъ и по моей болѣзни, чтобъ имѣть доктора подъ руками. Здѣсь, въ уѣздѣ, мое имѣніе, много родныхъ, хорошихъ знакомыхъ, съ которыми я и видаюсь, — проговорила генеральша и вдругъ остановилась, какъ бы въ испугѣ, что не много ли лишнихъ словъ произнесла и не утратила ли тѣмъ своего достоинства.

— Я съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ Москву, — заговорилъ опять Калиновичъ. — Нынѣшній годъ, какъ нарочно, въ ней было такъ много хорошаго. Не говоря уже о живыхъ картинахъ, которыя прекрасно выполняются, было много замѣчательныхъ концертовъ, былъ наконецъ Рубини.

— Онъ тамъ очень недолго былъ, два или три концерта далъ, — замѣтила Полина.

— И какіе же это концерты? Обрывки какие-нибудь!.. Москву всегда потчуютъ остаточками... Мы его слышали въ Петербургѣ въ полной оперѣ, — сказала генеральша.

— Онъ пѣлъ лучшія свои аріи, и Москва была въ восторгѣ, — возразилъ Калиновичъ.

— Что жъ Москва? Москва всегда и всѣмъ готова восхищаться.

— Точно такъ же, какъ и Петербургъ. Москва еще, мнѣ кажется, разумнѣе въ этомъ случаѣ.

— Какъ можно сравнивать: Петербургъ и Москва!.. Петербургъ — чудо какъ хорошъ, а Москвы... я рѣшительно не люблю; мы тамъ жили нѣсколько зимъ и ужасно скучали.

— Это личное мнѣніе вашего превосходительства, противъ котораго я не смѣю и спорить, — сказалъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, это не мое личное мнѣніе, — возразила спокойнымъ голосомъ генеральша: — покойный мужъ мой былъ въ столицахъ всей Европы и всегда говорилъ, — ты, я думаю, Полина, помнишь, — что лучше Петербурга онъ не видалъ.

— А вы сами жили въ Петербургѣ? — отнеслась Полина къ Калиновичу.

— Я даже не бывалъ тамъ, — отвѣчалъ тотъ.

Мать и дочь усмѣхнулись.

— Какъ же вы его знаете, когда не бывали? Я этого не понимаю, — замѣтила Полина.

— И я тоже, — подтвердила мать.

Калиновичъ ничего на это не возражалъ.

Генеральша и дочь постоянно высказывали большую симпатію къ Петербургу и нелюбовь къ Москвѣ. Все тутъ дѣло заключалось въ томъ, что имъ дѣйствительно ужасно нравились въ Петербургѣ модные магазины, торцовая мостовая, прекрасные тротуары и газовое освѣщеніе, чего, какъ извѣстно, нѣтъ въ Москвѣ; но, кромѣ того, живя въ ней двѣ зимы, генеральша съ извѣстною цѣлью давала нѣсколько баловъ, ѣздила почти каждый разъ съ дочерью въ собраніе, при чемъ рядила ее до невозможности; но ни туалетъ ни таланты мамзель Полины не произвели ожидаемаго впечатлѣнія: къ ней даже никто не присватался.

Въ остальную часть визита мать и дочь заговорили между собой о какой-то кузинѣ, отъ которой слѣдовало получить письмо, но письма не было. Калиновичъ никакимъ образомъ не могъ пристать къ этому семейному разговору и уѣхалъ.

— Кто это такой? — сказала генеральша.

— Смотритель, мамаша! — отвѣчала Полина.

— Какая дерзость: вдругъ является, знакомится... Очень мнѣ нужно!

— Онъ недурно произноситъ по-французски, — замѣтила дочь.

— Кто жъ нынче не говоритъ по-французски? По этому нельзя судить, кто онъ и что онъ за человѣкъ. Онъ бы дол-

женъ былъ попросить кого-нибудь представить себя; по крайней мѣрѣ я знала бы, кто его рекомендуетъ. А все наши люди!.. Когда я ихъ пріучу къ порядку! — проговорила генеральша и дернула за сонетку.

Вошелъ худощавый дворецкій.

— Кто сегодня дежурный? — спросила госпожа.

— Семенъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ тотъ.

— Позови ко мнѣ Семена.

Семенъ явился.

— Ты, Семенушка, всегда въ своемъ дежурствѣ надѣлаешь глупостей. Если ты такъ несообразителенъ, то старайся больше думать. Принимаешь всѣхъ, кто только явится. Сегодня пустилъ Богъ знаетъ какого-то господина, совершенно незнакомаго.

— Вашему превосходительству... — заговорилъ-было лакей.

— Пожалуйста, не оправдывайся. У меня очень много твоихъ винъ записано, и ты принудишь меня принять противъ тебя рѣшительныя мѣры. Ступай и будь умнѣй.

При словахъ «рѣшительныя мѣры», лакей весь вспыхнулъ.

Генеральша при всѣхъ своихъ личныхъ объясненіяхъ съ людьми говорила всегда тихо и ласково; но когда произносила фразу: «рѣшительныя мѣры», то рѣдко не приводила ихъ въ исполненіе.

V.

Палагея Евграфовна что-то болѣе обыкновеннаго хлопотала для пріема новаго гостя и, кажется, была намѣрена показать свое хозяйство во всемъ его блескѣ. Она вынула лучшее столовое бѣлье, вымытое, конечно, бѣлѣе снѣга и выкатанное такъ, хоть сейчасъ вези на выставку; вынула наконецъ граненый хрусталь, принесенный еще въ приданое покойною женою Петра Михайлыча, но хрусталь еще очень хорошій, который употреблялся только раза два въ годъ: въ именины Петра Михайлыча и Настенькины, который во все остальное время экономка хранила въ своей собственной комнатѣ, въ особомъ шкапу, и пальцемъ никому не позволяла до него дотронуться. Обѣдъ тоже, повидимому, приготовлялся не совсѣмъ заурядный. Приготовленныя большая вилка и лопаточка изъ кленоваго дерева заставляли сильно подозрѣвать, что врядъ ли не готовилась разварная стерлядь. Настенькѣ Палагея Евграфовна страшно надоѣла, приступая къ ней цѣлое утро, чтобъ она надѣла, вмѣсто своего вседневнаго холстинковаго платья, черное шелковое; и, какъ та ни сердилась, экономка поставила на своемъ. Во всемъ этомъ старая дѣвица имѣла до-

вольно отдаленную цѣль: Петръ Михайлычъ, когда вышло его увольненіе, проговорилъ съ ней:—«Вотъ на мое мѣсто опредѣленъ молодой смотритель: Богъ дастъ, пріѣдетъ да на Настенькѣ и женится».

— Охъ, какъ бы это хорошо! Какъ бы это было хорошо!— отвѣчала экономка.

Она питала сильное желаніе выдать Настеньку поскорѣй замужъ, и тѣмъ болѣе за смотрителя, потому что, судя по Петру Михайлычу, она твердо была убѣждена, что если ужъ смотритель, такъ непремѣнно долженъ быть хорошій человѣкъ.

Въ два часа капитанъ состоялъ налицо и сидѣлъ, какъ водится, молча въ гостиной; Настенька перелистывала «Отечественныя Записки»; Петръ Михайлычъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, посматривая съ удовольствіемъ на парадно убранный столъ и взглядывая по временамъ въ окно.

— Что жъ папенька, вашъ смотритель не ѣдетъ? Скучно его ждать! — сказала Настенька.

— Погоди, душенька, подъѣдетъ! Засидѣлся, вѣрно, гдѣ-нибудь, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ. — Ѣдетъ! — проговорилъ онъ наконецъ.

Настенька, по невольному любопытству, взглянула въ окно; капитанъ тоже привсталъ и посмотрѣлъ. Тёрка, желая на остаткахъ потѣшить своего начальника, нахлесталъ лошадь, которая, не привыкнувъ бѣгать рысью, заскакала уродливымъ галопомъ; дрожки забренчали, засвистѣли, и все это такъ расходилось, что возница едва справилъ и попалъ въ ворота. Калиновичъ, все еще подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, которое вынесъ изъ дома генеральши, принявшей его, какъ видѣли, свысока, вошелъ нахмуренный.

— Милости просимъ, милости просимъ, Яковъ Васильичъ,— говорилъ Петръ Михайлычъ, встрѣчая гостя и вводя его въ гостиную.

— Это вотъ-съ мой родной братъ, капитанъ арміи въ отставкѣ, а это дочь моя Анастасія, — прибавилъ онъ.

Капитанъ расшаркался... Настенька слегка привстала; Калиновичъ отдалъ имъ вѣжливый, но холодный поклонъ.

— Не угодно ли вамъ водочки выпить? — продолжалъ Петръ Михайлычъ, указывая на закуску:—это вотъ запеканка, это домашній настой; а тутъ вотъ грибки да рыжички; а это вотъ архангельскія селедки, небольшія, но, рекомендую, превкусныя.

— Позвольте мнѣ лучше покурить, — проговорилъ Калиновичъ.

— Сдѣлайте милость! Господинъ капитанъ, ваша очередь

угощать. Самъ я мало курю; а вотъ у меня великій любитель и мастеръ по табачной части г. капитанъ!

Капитанъ началъ-было выдувать свою коротенькую трубку.

— Благодарю васъ: у меня есть съ собой, — возразилъ Калиновичъ, вынимая папироску изъ портсигара.

Капитанъ отложилъ трубку, но присѣкъ огня къ труту собственнаго производства и, подавъ его на кремнѣ гостю, началъ съ большимъ вниманіемъ осматривать портсигаръ.

— Хорошая вещь; вѣроятно, кожаная, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, papier maché, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Капитанъ совершенно не понялъ этого слова, однако не показалъ того.

— А! Вѣроятно, англійскаго изобрѣтенія! — произнесъ онъ глубокомысленно.

— Не знаю, право.

— Англійская, — рѣшилъ капитанъ.

До всѣхъ табачныхъ принадлежностей онъ былъ большой охотникъ и считалъ себя въ этомъ отношеніи большимъ знатокомъ.

— Гдѣ же вы изволили побывать?.. Кого видѣли? Съ кѣмъ познакомились? — началъ Петръ Михайлычъ.

— Я былъ не у многихъ, но... и о томъ сожалѣю! — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это какъ? — спросилъ Петръ Михайлычъ съ удивленіемъ.

Настенька посмотрѣла на молодого человѣка довольно пристально; капитанъ тоже взглянулъ на него.

— Во-первыхъ, городничій вашъ, — продолжалъ Калиновичъ: — меня совсѣмъ не пустилъ къ себѣ и велѣлъ ужо вечеромъ прійти въ полицію.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Петръ Михайлычъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ: — этакій смѣшной ветеранъ! Онъ что-нибудь не понялъ. Что дѣлать?.. Самъ-то вотъ занятъ больше службой; да и бѣдность къ тому: въ нашемъ городкѣ, не какъ въ другихъ мѣстахъ, городничій не зажирѣетъ: почти сидитъ на одномъ жалованьи, да откупщикъ развѣ поможетъ какой-нибудь сотней-другой.

При этихъ словахъ на лицѣ Калиновича выразилась презрительная улыбка.

— А семейство тоже большое, — продолжалъ Петръ Михайлычъ, ничего этого не замѣтившій: — вонъ двое мальчишекъ ко мнѣ въ училище бѣгаютъ, такъ и смотрѣть жалко: ощипано, оборвано, и на дворянскихъ-то дѣтей непохожи. Супруга, по несчастью, родивши послѣдняго ребенка, не побереглась, видно, и тамъ молоко, что ли, въ голову кинулось

теперь не въ полномъ разсудкѣ: говорятъ, не умывается, не чешется и только, какъ привидѣніе, ходитъ по дому и на всѣхъ ворчитъ... Ужасно жалкое положеніе! — заключилъ Петръ Михайлычъ печальнымъ голосомъ.

Но молодой смотритель выслушалъ все это совершенно равнодушно.

— У этого городничаго очень хорошенькая дочка, слыветъ здѣсь красавицей, — полунасмѣшливо замѣтила ему Настенька.

Калиновичъ опять ничего не отвѣчалъ и только взглянулъ на нее.

— Что жъ?.. Дѣйствительно хорошенькая! — подхватилъ Петръ Михайлычъ. — У кого же еще изволили быть? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Калиновичу.

— Еще я былъ у почтмейстера, — это чудакъ какой-то!

— Именно чудакъ, — подтвердилъ Петръ Михайлычъ: — не глупый бы старикъ, богомольный, а все преставленія свѣта боится... Я часто съ нимъ прежде споривалъ: грѣхъ, говорю, искушать судьбы Божіи, надобно жить честно и праведно, а тутъ буди Его святая воля...

— Онъ ужасный скупецъ,—замѣтила Настенька.

— Почемъ ты, душа моя, знаешь? — возразилъ Петръ Михайлычъ: — а если и дѣйствительно скупецъ, такъ, по-моему, дѣлаетъ больше всѣхъ зла себѣ, живя въ постоянныхъ лишеніяхъ.

— Да какъ же, папенька, только себѣ дѣлаетъ зло, когда деньги въ ростъ отдаетъ? Ростовщикъ! А исторія его съ сыномъ?—перебила Настенька.

— Что жъ исторія его съ сыномъ?.. Кто можетъ отца съ дѣтьми судить? Никто, кромѣ Бога, — произнесъ Петръ Михайлычъ, и лицо его приняло нѣсколько строгое и недовольное выраженіе.

Настенька перемѣнила разговоръ:

— У генеральши вы были?—отнеслась она къ Калиновичу.

— Былъ-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Это здѣшній большой свѣтъ!

— Кажется.

— А дочь ея видѣли?

— Не знаю, видѣлъ какую-то дѣвицу или даму, кривобокую или кривошейку—не разберешь.

— Совершенно безъ боку — ужасно! — подтвердила Настенька:—и, вообразите, у нихъ бываютъ балы, на которыхъ и я имѣла счастье быть одинъ разъ; и она съ этакой наружностью и въ бальномъ платьѣ—невозможно видѣть равнодушно.

— Господа! Молодые люди! — воскликнулъ Петръ Михайлычъ:—не смѣйтесь надъ тѣлесными недостатками; это все равно, что̀ смѣяться надъ больными—грѣхъ!

— Мы и не смѣемся, — возразилъ съ усмѣшкою Калиновичъ:—а напротивъ, она произвела на меня такое тяжелое и грустное впечатлѣніе, отъ котораго я до сихъ поръ не могу освободиться.

— Кушать готово!—перебилъ Петръ Михайлычъ, увидѣвъ, что на столъ уже поставлена миска.—А вы и передъ обѣдомъ водочки не выпьете?—отнесся онъ къ Калиновичу.

— Нѣтъ, благодарю,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ угодно-съ! А мы съ капитаномъ выпьемъ. Ваше высокоблагородіе, адмиральскій часъ давно пробилъ—не прикажете ли?.. Пріимите!—говорилъ старикъ, наливая свою серебряную рюмку и подавая ее капитану; но только-что тотъ хотѣлъ взять, онъ не далъ ему и самъ выпилъ.

Капитанъ улыбнулся... Петръ Михайлычъ каждодневно дѣлалъ съ нимъ эту штуку.

— Ну, а ужъ теперь не обману,—продолжалъ онъ, наливая другую рюмку.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ капитанъ и залпомъ выпилъ свою порцію.

Всѣ вышли въ залу, гдѣ Петръ Михайлычъ отрекомендовалъ новому знакомому Палагею Евграфовну. Калиновичъ слегка поклонился ей; экономка сдѣлала ему жеманный книксенъ.

— Насъ, кажется, сегодня хотятъ угостить потрохами, — говорилъ Петръ Михайлычъ, садясь за столъ и втягивая въ себя запахъ горячаго.—Любите ли вы потроха?—отнесся онъ къ Калиновичу.

— Да, ѣмъ, — отвѣчалъ тотъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой, но, попробовавъ, началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ.—Это очень хорошо,—проговорилъ онъ:—прекрасно приготовлено!

— Художественно-съ! — подхватилъ Петръ Михайлычъ. — Палагея Евграфовна, честь эта принадлежитъ вамъ; кланяемся и благодаримъ отъ всей честной компаніи!

Экономка тупилась, модничала и, повидимому, отложила свое обыкновеніе вставать изъ-за стола. За горячимъ дѣйствительно слѣдовала стерлядь, которой Калиновичъ оказалъ достодолжное вниманіе. Соусъ изъ рябчиковъ съ приготовленною къ нему подливкою онъ тоже похвалилъ; но болѣе всего ему понравилась наливка, которой, выпивъ двѣ рюмки, попросилъ еще третью, говоря, что это гораздо лучше всякихъ ликеровъ.

У Палагеи Евграфовны отъ удовольствія обѣ щеки горѣли яркимъ румянцемъ.

Послѣ обѣда всѣ снова возвратились въ гостиную.

— Скажите-ка мнѣ, Яковъ Васильичъ,—началъ Петръ Михайлычъ: — что-нибудь о московскомъ университетѣ: тамъ, я слышалъ, нынче прекрасные профессора. Вы какого изволили быть факультета?

— Юристъ.

— Прекрасный факультетъ-съ!.. Я самъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, по словесному факультету, и въ мое время весьма справедливо и достойно славился Мерзляковъ. Человѣкъ былъ съ свѣтлой головой. Бывало, начнетъ разбирать Державина построчно, каждое слово: «вотъ такой-то, говоритъ, стихъ хорошъ, а такой-то посредственный; вотъ бы, говоритъ, какъ слѣдовало сказать», да и начнетъ импровизировать стихами. Мы только слушаемъ, и если бъ тогда записывать его импровизаціи, прелестныя бы вышли стихотворенія,—говорилъ Петръ Михайлычъ.—Любопытно мнѣ знать,— продолжалъ онъ, подумавъ: — вспоминаютъ ли еще теперь господа студенты Мерзлякова, уважаютъ ли его какъ слѣдуетъ?

— Очень,—отвѣчалъ Калиновичъ:—особенно какъ профессора.

— Это дѣлаетъ честь молодому поколѣнію: такихъ людей забывать не слѣдуетъ!—заключилъ старикъ и вздохнулъ. Нѣсколько рюмокъ наливки, выпитыхъ за столомъ, сдѣлали его еще разговорчивѣе и настроили въ какое-то пріятно-грустное расположеніе духа.—Вотъ мнѣ теперь, на старости лѣтъ,—снова началъ онъ какъ бы самъ съ собою:—очень бы хотѣлось побывать въ Москвѣ; деньгами только никакъ не могу сбиться, а посмотрѣлъ бы на бѣлокаменную, въ университетъ бы сходилъ... Пустятъ, я думаю, стараго студента хоть на стѣны посмотрѣть. Многіе товарищи мои теперь извѣстные литераторы, ученые; въ студентахъ я съ ними друженъ бывалъ, оспаривалъ иногда; ну, а теперь, конечно, они далеко ушли, а я все еще пока отставной штатный смотритель; но такъ полагаю, что, если бъ я пришелъ къ нимъ, они бы не пренебрегли мною.

Калиновичъ слушалъ Петра Михайлыча полувнимательно, но зато очень пристально взглядывалъ на Настеньку, которая сидѣла съ выраженіемъ скуки и досады въ лицѣ. Петръ Михайлычъ по крайней мѣрѣ въ милліонный разъ разсказывалъ при ней о Мерзляковѣ и о своемъ желаніи побывать въ Москвѣ. Стараясь, впрочемъ, скрыть это, она то начинала смотрѣть въ окно, то опускала черные глазки на развернутыя

передъ ней «Отечественныя Записки» и, надобно сказать, въ эти минуты была прехорошенькая.

— Вы что-то такое читаете?—отнесся къ ней Калиновичъ.

— Нѣтъ, такъ, покуда перелистываю,—отвѣчала она.

— А вы любите читать?

— Очень; это единственное для меня развлеченіе. Нынче я еще меньше читаю, а прежде рѣшительно до обморока зачитывалась.

— Что жъ вы находите читать? Это довольно трудно при нашей литературѣ.

— Больше журналы...—отвѣчала Настенька.

— Послѣдніе годы,—вмѣшался Петръ Михайлычъ:—только журналы и читаемъ... Разнообразно они стали нынче издаваться... хорошо; все тутъ есть: и для пріятнаго чтенія, и полезныя свѣдѣнія, исторія политическая и натуральная, критика... хорошо-съ.

Калиновичъ слегка улыбнулся.

— Вы нѣсколько пристрастны къ нашимъ журналамъ,— сказалъ онъ: — они и сами, я думаю, не предполагаютъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ, которыя вы въ нихъ открыли.

— Не знаю-съ,—отвѣчалъ Петръ Михайлычъ:—я говорю, какъ понимаю. Вотъ какъ перебранка мнѣ ихъ не нравится, такъ не нравится! Помилуйте, что это такое? Вмѣсто того, чтобъ разсуждать о какомъ-нибудь вопросѣ, они ставятъ другъ другу шпильки и стараются, какъ борцы какіе-нибудь, подшибить другъ друга подъ-ногу.

— Въ дѣльномъ и честномъ журналѣ, если бъ только онъ существовалъ,—началъ Калиновичъ:—непремѣнно должно существовать сильное и энергическое противодѣйствіе прочимъ нашимъ журналамъ, которые или не имѣютъ никакого направленія, или имѣютъ, но фальшивое.

— Такъ, такъ!—подтверждалъ Петръ Михайлычъ, видимо, не понявшій, что именно говорилъ Калиновичъ:—и вообще,— продолжалъ онъ съ глубокомысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ: — не знаю, какъ вы, Яковъ Васильичъ, понимаете, а я сужу такъ, что нынче вообще упадаетъ литература.

Калиновичъ ничего не отвѣчалъ, а только вопросительно посмотрѣлъ на старика.

— Прежде, — продолжалъ Петръ Михайлычъ:—для поэзіи брали предметы какъ-то возвышеннѣе: Державинъ, напримѣръ, писалъ оду «Богъ», воспѣвалъ императрицу, героевъ, ихъ подвиги, а нынче дались эти женскіе глазки да ножки... Помилуйте, что это такое?

Легкій оттѣнокъ насмѣшки пробѣжалъ по лицу Калиновича.

— За нынѣшней литературой останется большая заслуга: прежде риторически лгали, а нынче безъ риторики начинаютъ понемногу говорить правду, — проговорилъ онъ и мелькомъ взглянулъ на Настеньку, которая отвѣтила ему одобрительной улыбкой.

— Я этихъ одъ рѣшительно читать не могу,—начала она.— Или вотъ папенька восхищается этимъ Озеровымъ. Вообразите себѣ: Ксенія, русская княжна, которыхъ держали взаперти, ѣдетъ въ лагерь къ Донскому—какъ это правдоподобно!

Калиновичъ только усмѣхнулся. Петръ Михайлычъ началъ колебаться.

— Я моего мнѣнія за авторитетъ и не выдаю, — началъ онъ:—и даже очень хорошо понимаю, что нынче пишутъ къ чувствамъ, къ жизни нашей ближе, поучаютъ больше въ формѣ сатирической повѣсти—это въ своемъ родѣ хорошо.

— Даже, полагаю, очень хорошо: гораздо честнѣе отстаивать слабыхъ, чѣмъ хвалить сильныхъ,—сказалъ Калиновичъ.

— Именно такъ!—подтвердила Настенька съ сіяющимъ въ глазахъ удовольствіемъ.

— Да коли съ этой цѣлью, такъ конечно: кто съ этимъ будетъ спорить? — согласился и Петръ Михайлычъ, окончательно разбитый со всѣхъ сторонъ.

— Нынче есть великіе писатели, — начала Настенька: — эти трое: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, о которыхъ Бѣлинскій такъ много теперь пишетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

— А вы и критику читаете?—спросилъ ее Калиновичъ.

— Да,—отвѣчала она съ нѣкоторою гордостью.

— Горячая и умная голова этотъ господинъ-критикъ Бѣлинскій!—замѣтилъ Петръ Михайлычъ.

— Вы согласны съ его взглядомъ? — спросила Настенька.

— Почти,—отвѣчалъ Калиновичъ: — но дѣло въ томъ, что Пушкина нѣтъ ужъ въ живыхъ,—продолжалъ онъ съ разстановкой:—хотя, судя по силѣ его таланта и по тому направленію, которое принялъ онъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, онъ бы долженъ былъ сдѣлать многое.

— Многое бы, сударь, онъ сдѣлалъ! Вдохновенный былъ поэтъ!.. Самъ Державинъ наименовалъ его своимъ преемникомъ!—подхватилъ Петръ Михайлычъ какимъ-то торжественнымъ тономъ.

— Вотъ какъ Гоголь... — сталъ-было онъ продолжать, но вдругъ и пріостановился.

— Что жъ Гоголь?..—возразила ему дочь.

— Гоголя, по-моему, черезчуръ ужъ захвалили,—отвѣчалъ

старикъ рѣшительно.—Конечно, кто у него можетъ это отнять: превеселый писатель! Все это у него выходитъ живо, точно видишь передъ собой, все это отъ души смѣшно и въ то же время правдоподобно; но...

Калиновичъ слегка усмѣхнулся этому простодушному опредѣленію Гоголя.

— Гоголь громадный талантъ,—началъ онъ:—но покуда съ приличною ему силою является только какъ сатирикъ, а потому раскрываетъ одну сторону русской жизни, и раскроетъ ли ее вполнѣ, какъ обѣщаетъ въ «Мертвыхъ душахъ», и проведетъ ли славянскую дѣву и доблестнаго мужа—это еще сомнительно.

— Неужели вамъ Лермонтовъ не нравится?—спросила Настенька.

— Лермонтовъ тоже умеръ, — отвѣчалъ Калиновичъ: — но если бъ былъ и живъ, я не знаю, что̀ бы было. Въ томъ, что̀ онъ написалъ, видно только, что онъ безусловно подражалъ Пушкину, проводилъ байронизмъ нѣсколько на военный ладъ и наконецъ цѣликомъ заимствовалъ у Шиллера въ одухотвореніяхъ стихій.

— Нѣтъ, неправда; Лермонтовъ для меня чудо какъ хорошъ!—сказала Настенька.

— Да,—продолжалъ Калиновичъ, подумавъ:—онъ былъ очень умный человѣкъ и съ неподдѣльно-страстной натурой, но только въ извѣстной колеѣ. Въ томъ, что̀ онъ писалъ, онъ былъ очень силенъ, зато ужъ дальше этого ничего не видѣлъ.

Настенька отрицательно покачала головой; она была съ этимъ рѣшительно несогласна.

— Кромѣ этихъ трехъ писателей, мнѣ и другіе очень нравятся,—проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

— Кто же именно?—спросилъ Калиновичъ.

— Напримѣръ, Загоскинъ, Лажечниковъ, котораго «Ледяной домъ» я разъ пять прочитала, графъ Соллогубъ: его «Аптекарша» и «Большой свѣтъ» мнѣ ужасно нравятся; теперь Кукольникъ, Вельтманъ, Даль, Основьяненко.

При этомъ перечнѣ лицо Петра Михайлыча сіяло удовольствіемъ отъ того, что дочь обнаруживала такое знакомство съ литературой; но Калиновичъ слушалъ ее съ такимъ выраженіемъ, по которому нетрудно было догадаться, что называемые ею авторы не пользовались его большимъ уваженіемъ.

— Много; всѣхъ не перечтешь!—произнесъ онъ.

— О, да какой вы, должно-быть, строгій и тонкій судья!—воскликнулъ Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ ничего не отвѣчалъ и только потупилъ глаза въ землю.

— А сами вы не пишете ничего? — спросила его вдругъ Настенька.

— Почему же вы думаете, что я пишу?—спросилъ онъ въ свою очередь, какъ бы нѣсколько сконфуженный этимъ вопросомъ.

— Такъ, мнѣ кажется, что вы непремѣнно сами пишете.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Петръ Михайлычъ захлопалъ въ ладоши.

— Ага! Ай да Настенька! Молодецъ у меня: сейчасъ попала въ цѣль! — говорилъ онъ. — Ну что жъ! Дай Богъ! Дай Богъ! Человѣкъ вы умный, молодой, образованный... отчего вамъ не быть писателемъ?

— Что же вы пишете? — спросила опять Настенька.

Но Калиновичъ не отвѣчалъ.

— Это, сударыня, авторская тайна, — замѣтилъ Петръ Михайлычъ: — которую мы не смѣемъ вскрывать, покуда не захочетъ того самъ сочинитель; а Богъ дастъ, можетъ-быть, настанетъ и та пора, когда Яковъ Васильичъ придетъ и самъ прочтетъ намъ: тогда мы узнаемъ, потолкуемъ и посудимъ... Однако,— продолжалъ онъ, позѣвнувъ и обращаясь къ брату:— какъ вы, капитанъ, думаете: отправиться на свои зимнія квартиры, или нѣтъ?

— Нѣтъ, я посижу-съ, — отвѣчалъ тотъ.

Въ продолженіе года капитанъ не уходилъ послѣ обѣда домой въ свое пернатое царство не болѣе четырехъ или пяти разъ, но и то по какимъ-нибудь весьма экстреннымъ случаямъ. Видимо, что новый гость значительно его заинтересовалъ. Это, впрочемъ, замѣтно даже было изъ того, что ко всѣмъ словамъ Калиновича онъ чрезвычайно внимательно прислушивался.

— Ну, и добре; а я такъ прошу у нашего почтеннаго гостя позволенія отдохнуть: привычка! — говорилъ Петръ Михайлычъ, вставая.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Васъ, впрочемъ, я не лишу домой, что вамъ сидѣть одному въ номерѣ? Вотъ вамъ два собесѣдника: старый капитанъ и молодая дѣвица, толкуйте съ ней!.. Она у меня большая охотница говорить о литературѣ, — заключилъ старикъ и, шаркнувъ правой ногой, присѣлъ, сдѣлалъ ручкой и ушелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ гостиной очень чувствительно послышалось его храпѣнье. Настеньку это сконфузило.

— Не хотите ли въ садъ погулять? — сказала она, воспользовавшись тѣмъ, что Калиновичъ часто брался за голову.

— Очень бы желалъ освѣжиться, — отвѣчалъ тотъ: — ваши наливки безподобны, но ужъ очень скоро ведутъ къ цѣли.

Всѣ вышли.

Садъ Годневыхъ, купленный вмѣстѣ съ домомъ у бывшаго когда-то предводителемъ богатаго холостяка и большого садовода, отличался нѣкогда большими затѣями. Палагея Евграфовна постоянно обнаруживала сильное поползновеніе разбить въ немъ всюду огородныя плантаціи. «Вонъ лѣсъ-то растетъ, а моркови негдѣ сѣять»,—брюзжала она, хотя очень хорошо знала, что морковь было бы гдѣ сѣять, если бъ она не пустила двѣ лишнія гряды подъ капусту; но Петръ Михайлычъ, отчасти по собственному желанію, отчасти по настоянію Настеньки, оставался твердъ и оставлялъ бо́льшую часть сада въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, возражая экономкѣ:

— Не все, мать, хлопотать о полезномъ; позаботимся и о пріятномъ. Въ жизни надо мѣшать utile cum dulce.

Выходъ въ садъ былъ прямо изъ гостиной, съ небольшого балкончика, отъ котораго прямо начиналась густо разросшаяся липовая аллея, расходившаяся въ широкую площадку, гдѣ посрединѣ стояла полуразвалившаяся китайская бесѣдка. Отъ этой бесѣдки въ различныхъ разстояніяхъ возвышались деревянныя статуи олимпійскихъ боговъ, какія, можетъ-быть, читателямъ случалось видать въ нѣкогда существовавшемъ саду Осташевскаго, который служилъ прототипомъ для многихъ помѣщичьихъ садовъ. Изъ числа этихъ олимпійскихъ боговъ осталась Минерва безъ правой руки, Венера съ отколотою половиной головы и ноги какого-то бога, а отъ прочихъ уцѣлѣли одни только пьедесталы. Всѣ эти остатки боговъ и богинь были выкрашены яркими красками. Мѣсто это Петръ Михайлычъ называлъ разрушеннымъ Олимпомъ.

— Надобно бы мнѣ мой Олимпъ реставрировать; мастеровъ только здѣсь не найдешь! — часто говорилъ онъ, ходя около статуй.

За газономъ слѣдовалъ довольно крутой скатъ къ рѣкѣ, съ замѣтными слѣдами двухъ или трехъ фонтановъ и съ сбѣгающими въ разныхъ направленіяхъ дорожками. Кромѣ того, по всему этому склону росли въ наклоненномъ положеніи огромные кедры, въ тѣни которыхъ стояла не то часовня, не то хижина, гдѣ, по словамъ старожиловъ, спасался будто бы нѣкогда какой-то старецъ; но другіе объясняли проще, говоря, что прежній владѣлецъ — большой, между прочимъ, шутникъ и забавникъ — нарочно старался придать этой хижинѣ дикій видъ и посадилъ деревянную куклу, изображающую пустынножителя, которая, когда кто входилъ въ хижину, имѣла свойство вставать и кланяться, чѣмъ пугала нѣкоторыхъ дамъ до обморока, доставляя тѣмъ хозяину неимовѣрное удовольствіе.

Противоположный низовый берегъ рѣки возвышался отлогою покатостью и сплошь былъ покрытъ какъ бы подстриженнымъ мелкимъ ельникомъ. Съ горизонтомъ сливался онъ въ полукруглой рамѣ, надъ которой не возвышалось ни деревца ни облака, и только посрединѣ прорѣзывалась высокая, дальняго села колокольня. День былъ, какъ это часто бываетъ въ началѣ сентября, ясный, теплый; съ рѣки, гладкой, какъ стекло, начиналъ подыматься легкій туманъ. Все это, освѣщенное довольно ужъ низко спустившимся солнцемъ, которое то прорѣзывалось мѣстами въ аллеѣ и обозначалось свѣтлыми на дорогѣ пятнами, то придавало всему какой-то фантастическій видъ, освѣщая съ одной стороны безглавую Венеру и безрукую Минерву — все это, говорю я, вмѣстѣ съ миніатюрной Настенькой, въ ея черномъ платьѣ, съ ея разбившимися волосами, вмѣстѣ съ усѣвшимся на ступеньки бесѣдки капитаномъ съ коротенькой трубкой въ рукахъ, у котораго на вычищенныхъ пуговицахъ вицмундира тоже играло солнце,— все это, кажется, понравилось Калиновичу, и онъ проговорилъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Какое прекрасное мѣстоположеніе!

— Для пріѣзжающихъ! — подхватила Настенька. — Впрочемъ, это единственное мѣсто, гдѣ мнѣ легче живется,— прибавила она и попросила у Калиновича папироску, которую и закурила въ трубкѣ у дяди.

Капитанъ покачалъ ей головой и проговорилъ:

— Смотрите, папаша увидитъ.

Настенька очень любила курить, но дѣлала это потихоньку отъ отца: Петръ Михайлычъ, балуя и не отказывая дочери ни въ чемъ, выходилъ всегда изъ себя, когда видѣлъ ее съ папироской.

— Гусаръ, сударь, Настасья Петровна, гусаръ! Послѣ этого дамамъ остается только водку пить, — говорилъ онъ.

Но капитанъ покровительствовалъ въ этомъ случаѣ племянницѣ и, съ большимъ секретомъ отъ Петра Михайлыча, дѣлалъ иногда для нея изъ слабаго турецкаго табаку папиросы, въ производствѣ которыхъ желая усовершенствоваться, съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ у всѣхъ гостей папиросы, наблюдая, изъ какой онѣ были сдѣланы бумаги и какого сорта вставленъ былъ картонъ въ нихъ.

— Вы видѣли портретъ Жоржъ Зандъ? — спросила Настенька, ходя по аллеѣ съ Калиновичемъ.

— Видѣлъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Хороша она собой? Молода?

— Нѣтъ, не очень молода, но хороша еще.

— А правда ли, что она ходитъ въ мужскомъ платьѣ?

— Не думаю, на портретѣ она въ амазонкѣ.

— Какъ бы я желала имѣть ея портретъ! Я ужасно люблю ея романы.

— А который вы изъ нихъ предпочитаете?

— Всѣ чудо какъ хороши! «Индіану» я и не знаю сколько разъ прочитала.

— И, конечно, плакали надъ ея участью,— сказалъ Калиновичъ.

Въ голосѣ его слышалась скрытая насмѣшка.

— Что жъ плакать надъ участью Индіаны? — возразила Настенька: — она, по-моему, вовсе не жалка, какъ другимъ, можетъ-быть, кажется; она по крайней мѣрѣ жила и любила.

Калиновичъ слегка улыбнулся и молчалъ.

— Неужели же, — продолжала Настенька: — она была бы счастливѣе, если бъ свое сердце, свою нѣжность, свои горячія чувства, свои наконецъ мечты, все бы задушила въ себѣ и всю бы жизнь свою принесла въ жертву мужу, человѣку, который никогда ее не любилъ, никогда не хотѣлъ и не могъ ее понять? Будь она пошлая, обыкновенная женщина, ей бы еще была возможность ужиться въ ея положеніи: здѣсь есть дамы, которыя говорятъ открыто, что онѣ терпѣть не могутъ своихъ мужей, и живутъ съ ними потому, что у нихъ нѣтъ состоянія.

— Причина довольно уважительная!—замѣтилъ Калиновичъ.

— Только не для Индіаны. По ея натурѣ она должна была или умереть, или сдѣлать выходъ. Она ошиблась въ своей любви — что жъ изъ этого? Для нея все-таки существовали минуты, когда она была любима, вѣрила и была счастлива.

— Ей бы слѣдовало полюбить Ральфа,— возразилъ Калиновичъ: — весь романъ написанъ на ту тему, что женщины часто любятъ недостойныхъ, а людямъ достойнымъ узнаютъ цѣну довольно поздно. Въ послѣднихъ сценахъ Ральфъ является настоящимъ героемъ.

— Ральфъ герой? Никогда! — воскликнула Настенька: — я не вѣрю его любви; онъ, какъ англичанинъ, чудакъ, занимался Индіаной отъ-нечего-дѣлать, чтобъ разогнать, можетъ-быть, свой сплинъ. Адвокатъ гораздо больше его герой: тотъ живой человѣкъ; онъ влюбляется, страдаетъ... Индіана должна была полюбить его, потому что онъ лучше Ральфа.

— Чѣмъ же онъ лучше? Онъ эгоистъ.

— Нѣтъ, онъ мужчина, а мужчины всѣ честолюбивы; но Ральфъ — фи! — это тряпка! Индіана не могла быть съ нимъ счастлива: она попала изъ огня въ воду.

Все это Настенька говорила съ большимъ одушевленіемъ; глаза у ней разгорѣлись, щеки зарумянились, такъ что Калиновичъ, взглянувъ на нее, невольно подумалъ самъ съ собой: «бѣсенокъ какой!». Въ концѣ этого разговора къ нимъ подошелъ капитанъ и началъ ходить вмѣстѣ съ ними.

— Вонъ дяденькѣ такъ очень нравится Ральфъ, — продолжала Настенька, указывая на дядю, и потомъ отнеслась къ нему:

— Дяденька, вамъ нравится Ральфъ—помните, этотъ англичанинъ... третьяго-дня читали?

— Нравится.

— Чѣмъ же?

— Человѣкъ солидный-съ, — отвѣчалъ капитанъ.

Слушая «Индіану», капитанъ дѣйствительно очень заинтересовался молчаливымъ англичаниномъ и въ послѣдней сценѣ, когда Ральфъ началъ высказывать свои чувства къ Индіанѣ, онъ вдругъ какъ бы невольно проговорилъ: «а... а!..»

— Что, капитанъ, не ожидали вы этого? — спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Да-съ, не предполагалъ, — отвѣчалъ капитанъ.

Такимъ образомъ молодые люди гуляли въ саду до позднихъ сумерекъ. Разговоръ между ними не умолкалъ. Калиновичъ, впрочемъ, больше спрашивалъ и держалъ себя въ положеніи наблюдателя; зато Настенька разговорилась неимовѣрно. Она откровенно высказала, какъ удивилась, услышавъ, что Калиновичъ поѣхалъ дѣлать визиты, и потомъ описала въ карикатурѣ всю уѣздную аристократію. Очень мило и въ самомъ смѣшномъ видѣ разсказала она, не щадя самоё себя, единственный свой выѣздъ на балъ, какъ она была тамъ хуже всѣхъ, какъ заинтересовался ею самый ничтожный человѣкъ, столоначальникъ Медіокритскій; наконецъ представила, какъ генеральша сидитъ, какъ повертываетъ съ медленною важностью головою и какъ трудно, сминая языкъ, говоритъ.

Капитанъ, слушая ее, только покачивалъ головой.

«Бѣсенокъ!» — опять подумалъ про себя Калиновичъ

Между тѣмъ Петръ Михайлычъ проснулся, умылся, прифрантился и сидѣлъ ужъ въ гостиной, попивая клюквенный морсъ, который Палагея Евграфовна для него приготовляла и подавала всегда собственноручно. Въ настоящую минуту онъ говорилъ съ нею вполголоса насчетъ молодого смотрителя.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Лучше бы этого человѣка желать не надобно для Настеньки, — говорила Палагея Евграфовна.

Калиновичъ очень понравился ей опрятностью въ одеждѣ,

деликатностью своей, а болѣе всего тѣмъ, что оказалъ должное вниманіе приготовленнымъ ею кушаньямъ.

— Все въ руцѣ Божьей! — замѣчалъ Петръ Михайлычъ.

Когда молодые люди вернулись, экономка сейчасъ же скрылась, а Настенька, по обыкновенію, сѣла разливать чай.

— Чѣмъ же мы вечеръ займемся? — началъ Петръ Михайлычъ. — Не любите ли вы, Яковъ Васильичъ, въ карточки поиграть? Не тряхнуть ли намъ въ преферансъ?

Это предложеніе почему-то сконфузило Калиновича.

— Если вамъ угодно... впрочемъ, я по большой не играю,— отвѣтилъ онъ.

— У насъ огромная игра: по копейкѣ.

— Извольте.

— Господинъ капитанъ, — обратился Петръ Михайлычъ къ брату: — распорядитесь о столѣ!

Капитанъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу; онъ своими руками раскрылъ столъ, вычистилъ его, отыскалъ и положилъ на приличныхъ мѣстахъ игранныя карты, мѣлки и даже поставилъ стулья. Онъ очень любилъ сыграть пульку и двѣ въ карты.

Настенька, никогда прежде не игравшая, сказала, что и она будетъ играть. Такимъ образомъ усѣлись всѣ четверо. Хотя игра эта была почти шалостью, но и въ ней нѣкоторымъ образомъ выказались характеры участвующихъ. Капитанъ игралъ внимательно и въ высшей степени осторожно, съ большимъ вниманіемъ обдумывая каждый ходъ; Петръ Михайлычъ, напротивъ, горячился, объявлялъ рискованныя игры, сердился, бранилъ Настеньку за ошибки, дѣлая самъ ихъ безпрестанно, и грозилъ капитану пальцемъ, укоряя его: «не чисто, ваше благородіе... подсиживаете!» Настенька, повидимому, была занята совсѣмъ другимъ: она то пропускала игры, то объявляла ни съ чѣмъ, и всякій разъ, когда Калиновичъ сдавалъ и не игралъ, обращалась къ нему съ просьбой поучить ее. Что касается послѣдняго, то онъ игралъ довольно внимательно и разсчитывалъ, кажется, чтобъ не проиграть—и не проигралъ. Выигралъ одинъ только капитанъ у брата и племянницы. Затѣмъ послѣдовалъ ужинъ, и, при прощаньи, Настенька спросила Калиновича, любитъ ли онъ читать вслухъ.

— Да, читаю, — отвѣчалъ онъ.

— Когда будете опять у насъ, мы попросимъ васъ прочесть что-нибудь.

— Если вамъ угодно, — проговорилъ Калиновичъ и началъ откланиваться.

— Непремѣнно, мы васъ будемъ ждать, — повторила На-

стенька еще разъ, когда Калиновичъ былъ уже въ передней.

— Славный малый, славный! — сказалъ Петръ Михайлычъ по уходѣ его.

— Онъ очень умный человѣкъ,—присовокупила Настенька.

— Да, голова здоровая, — продолжалъ старикъ. — Хорошо нынче учать въ университетахъ: годъ отъ году лучше.

— Вы завтра, папенька, позовете его къ намъ обѣдать?— спросила Настенька.

— Позову; гдѣ ему теперь покуда пріютиться, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ и потомъ, подумавъ, прибавилъ:—меня теперь заботитъ: у кого ему квартирку пріискать.

— Противъ насъ квартира отдается,—замѣтила Настенька.

Петръ Михайлычъ подмигнулъ брату.

— Ого!—воскликнулъ онъ:—какова у насъ Настасья Петровна, капитанъ, а?.. Молодого смотрителя хочетъ противъ своего окошечка помѣстить...

— Да-съ, — отвѣчалъ капитанъ.

Настенька слегка покраснѣла.

— Надо спросить у приказничихи: у ней постояльцы съѣхали,—рѣшила Палагея Евграфовна, прибиравшая карты, мѣлки и уставлявшая на свои мѣста карточный столъ и стулья.

— Дѣло, дѣло! Квартира хорошая! — подхватилъ Петръ Михайлычъ. — Сходи-ка завтра къ ней, командирша, да поторгуйся хорошенько.

— Сбѣгаю, — отвѣчала экономка.

— Только вотъ что, — продолжалъ Петръ Михайлычъ: — если онъ тутъ наймется, такъ ему мебели надобно дать, а то здѣсь вдругъ не найдетъ.

— Наберемъ... Дадимъ!.. — отозвалась ужъ съ нѣкоторою досадою Палагея Евграфовна и ушла.

Петръ Михайлычъ говорилъ о томъ, что она давно и гораздо лучше его обдумала.

Послѣ этого разговора начали всѣ расходиться по своимъ мѣстамъ.

Настенька первая встала и, сказавъ, что очень устала, подошла къ отцу, который, по обыкновенію, перекрестилъ ее, поцѣловалъ и отпустилъ почивать съ Богомъ; но она не почивала: въ комнатѣ ея еще долго свѣтился огонекъ. Она писала новое стихотвореніе, которое начиналось такимъ образомъ:

Кто бъ ни былъ ты, о, гордый человѣкъ!..

VI.

Какъ Палагея Евграфовна предположила, такъ и сдѣлалось: Калиновичъ нанялъ квартиру у приказничихи. Избранная такимъ образомъ хозяйка ему была маленькая, толстая женщина, страшная охотница до пироговъ, кофе, чаю, а пожалуй, небольшимъ дѣломъ, и до водочки. Вдовствуя неизвѣстное число лѣтъ послѣ своего мужа—приказнаго, она пропитывала себя отдачею своего небольшого домишка въ наемъ и съ Палагеей Евграфовной находилась въ тѣснѣйшей дружбѣ, т.-е. прибѣгала къ ней раза три въ недѣлю попить и поѣсть, отплачивая ей за то принесеніемъ всевозможныхъ городскихъ новостей; а если таковыхъ не случалось, такъ и отъ себя выдумывала. Дальновидная экономка расчитала поставить къ ней Калиновича, во-первыхъ, за-тѣмъ, чтобъ у пріятельницы квартира не стояла пустая, во-вторыхъ, она знала, что та разузнаетъ и донесетъ ей о молодомъ человѣкѣ все, до малѣйшихъ подробностей. И дѣйствительно, приказничиха начала, какъ зайца, выслѣживать постояльца своего и на первое время была въ совершенномъ отъ него восторгѣ.

— Матери мои!—говорила она, растопыривая обѣ руки: — что̀ это за человѣкъ! Умница, скромница... Прелесть, прелесть мужчина.

А потомъ, когда Калиновичъ принялъ предложенную Петромъ Михайлычемъ мебель и разставилъ ее у себя, она пришла въ какое-то почти изступленіе: прибѣжала къ Палагеѣ Евграфовнѣ, лицо ея пылало, глаза горѣли.

— Мать ты моя Палагея Евграфовна! — начала она рапортовать:—не узнаю я моей квартиры, не мой домъ, не мои комнаты, хоть вонъ выходи. Что-что у меня до этого дворянинъ-помѣщикъ стоялъ—насорилъ, начернилъ во всѣхъ углахъ; а у этого, у моего красавчика, красота, чистота... Прелесть, прелесть мужчина!

Всѣ эти разсказы еще болѣе возвышали въ глазахъ Палагеи Евграфовны новаго смотрителя, который, въ свою очередь, послѣ его не совсѣмъ удачныхъ визитовъ по чиновникамъ, рѣшился, кажется, лучше присмотрѣться къ самому городу и познакомиться съ его окрестностями. Онъ ходилъ для этой цѣли по улицамъ, разсматривалъ въ соборѣ церковныя древности, выходилъ иногда въ сосѣдніе поля и луга, глядѣлъ по нѣскольку часовъ на рѣку и, бродивши въ базарный день по рынку, нарочно толкался между бабами и мужиками, чтобъ прислушаться къ ихъ нарѣчію и всмотрѣться въ

ихъ перемѣшанные типы лицъ. Но все это — увы! — очень скоро изучилось и приглядѣлось. День на день сталъ походить, какъ ворона на ворону. Часовъ въ шесть, напримѣръ, лѣтняго утра солнце поднялось уже довольно высоко. Въ маленькихъ мѣщанскихъ домишкахъ начинали просыпаться. Сталъ показываться изъ трубъ дымъ, и по улицамъ распространился чувствительный запахъ рыбы и лука — признакъ, что хозяйки начали стряпать. Изъ слободы сошли къ берегу два запоздалые рыбака и, помолившись на соборъ, спустили лодки. Изъ воротъ по временамъ выходятъ съ коромыслами на плечахъ и, переваливаясь съ ноги на ногу, проворно идутъ за водой краснощекія и совсѣмъ уже безъ таліи, но съ толстыми задами, мѣщанскія дѣвки, между тѣмъ какъ матери ихъ тонкими, звонкими голосами перебраниваются съ такими же звонкоголосыми сосѣдками. На каждомъ почти дворѣ клохчутъ безъ умолку проголодавшіяся куры. Заблаговѣстили къ ранней. Около собора появилась неописуемая, въ родѣ крытыхъ дрожекъ, колесница, запряженная въ одну лошадь. Въ ней прибыла, еще до прихода отца-протопопа, старая дѣвица-помѣщица, которая, чтобъ быть ближе къ храму Божью, переселилась изъ своей усадьбы въ городъ съ двумя толсторожими дѣвками, очень скоро составившими предметъ соблазна для молодыхъ и холостыхъ приказныхъ. По деревянному, провалившемуся во многихъ мѣстахъ тротуару идетъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, недоросль Кадниковъ, недавно записавшійся, для составленія себѣ карьеры, въ канцелярію предводителя. Онъ былъ въ перчаткахъ, но безъ галстука и безъ фуражки, которую держалъ въ рукахъ. Голова у него была мокрая. Онъ сейчасъ только выкупался и былъ страстный охотникъ до этого удовольствія. Несмотря на седьмой часъ утра, онъ успѣлъ уже въ третій разъ покупаться.... Обѣдня отошла. Купцы въ лавкахъ принялись пить чай съ колачами. Въ открытыхъ окнахъ присутственныхъ мѣстъ стали видны широкія, немного опухлыя лица столоначальниковъ и ненадолго высовываться завитыя и напомаженныя головы писцовъ. У подъѣзда начали останавливаться сначала дрожки казначея, потомъ исправника, судьи и т. д. Проѣхалъ лѣкарь по визитамъ. Этотъ часъ врядъ ли не самый одушевленный; но потомъ, часу во второмъ, около присутственныхъ мѣстъ не видно уже ни одной лошади. Окна всѣ спущены; приказчики въ лавкахъ, отъ-нечего-дѣлать, подманиваютъ гуляющихъ на площади голубей извѣстнымъ звукомъ: «гуля, гуля». Тѣ сглупа подходятъ, думая сначала, что имъ корму дадутъ, а вмѣсто того тамъ ладятъ кого-нибудь изъ нихъ за хвостъ поймать;

но они вспархиваютъ и улетаютъ, и вслѣдъ за ними ударяется бѣжать Богъ знаетъ откуда появившійся щенокъ, доставляя тѣмъ безконечное удовольствіе всѣмъ, кто только видитъ эту сцену. Въ домахъ купчихи и мѣщанки, которыя побогаче, выпивъ по порядочному стаканчику домашней настойки и весьма плотно пообѣдавъ, спятъ за ситцевыми занавѣсками на своихъ высочайшихъ приданыхъ перинахъ. Мужья ихъ, когда не въ отлучкѣ, дѣлаютъ то же и спятъ или въ холодникахъ, или въ сараѣ. Чиновники обѣдаютъ и тоже пробираются спать, если только тотчасъ же послѣ обѣда не разбранятся съ женами. Послѣ этого на улицѣ почти не бываетъ видно живого существа; развѣ пройдетъ молодой Кадниковъ покупаться... Въ четыре часа съ половиной ударятъ къ вечернѣ. Все начинаетъ мало-по-малу оживать. Выспавшіяся мѣщанки съ измятыми лицами идутъ къ колодцу умываться. Изъ уѣзднаго и духовнаго училища высыпаютъ школьники, и если встрѣтятся, такъ и подерутся. Лакеи генеральши, отправивъ парадный на серебрѣ столъ, но въ сущности состоящій изъ жареной печенки, пискарей и кофейной яичницы, лакеи эти, заморивъ собственный свой голодъ пустыми щами, усаживаются въ своихъ ливрейныхъ фракахъ на скамеечкѣ у воротъ и начинаютъ травить пуделемъ всѣхъ пробѣгающихъ мимо собакъ, а пожалуй, и коровъ, когда тѣхъ гонятъ съ поля. На валу появляются гуляющія группы, при чемъ молодыя дамы и дѣвицы блестятъ на солнцѣ своими яркоцвѣтными платьями и своими тоже яркими шляпками. Глядя на эти группы, невольно подумаешь, отчего бы имъ не сойтись въ этой деревянной на валу бесѣдкѣ и не затѣять тутъ же танцевъ, — кстати же черезъ городъ проѣзжаетъ жидъ съ цимбалами,—и этого, я увѣренъ, очень хочется сыну судьи, семиклассному гимназисту и пятнадцатилѣтней дочери непремѣннаго члена, которые двѣ недѣли безъ памяти влюблены другъ въ друга и не имѣютъ возможности сказать двухъ словъ между собою. Но нѣтъ и нѣтъ этого! Группы, встрѣчаясь, кланяются, мѣняются нѣсколькими фразами и расходятся. Между тѣмъ по улицѣ, обративъ на себя всеобщее вниманіе, проносится въ бѣговыхъ дрожкахъ, на ворономъ рысакѣ, молодой сынъ головы, страстный охотникъ до лошадей и, какъ говорится, батькины слезы, потому что сильно любитъ кутнуть, и все съ дворянами. Солнце садится. Воздухъ свѣжѣетъ; гуляющіе расходятся по домамъ; въ окнахъ замелькали огоньки. Вонъ, съ одной свѣчкой, босоногая Ольгунька накрываетъ у городничаго столъ, и онъ садится съ своей многолюдной семьей ужинать. Вонъ исправница ходитъ по залѣ съ молодымъ офицеромъ и замѣтно

съ нимъ любезничаетъ. Вонъ, въ маленькомъ домикѣ, честолюбивый писецъ магистрата, изъ студентовъ семинаріи, чтобъ угодить назавтра секретарю, отхватываетъ вечеромъ седьмой листъ четкимъ почеркомъ, какъ будто даже не чувствуетъ усталости, но, пріостановясь на минутку, вытянетъ разомъ стоящую около него трубку съ нѣжинскими корешками, плюнетъ потомъ на пальцы, помотаетъ рукой, чтобъ разбить прилившую кровь, и опять начинаетъ строчить. Вонъ въ домѣ первогильдейскаго купца, въ наугольной комнатѣ, примащивается старуха-мать поправить лампаду, горящую передъ богатой божницей, сердито посматривая на лежанку, гдѣ заснула молодая ея невѣстка, только-что привезенная изъ Москвы.

На постояломъ дворѣ, съ жирнымъ шивороткомъ и въ красной ситцевой рубашкѣ, сидитъ хозяинъ за столомъ и разсчитываетъ извозчика, медленно побрасывая толстыми, опухлыми пальцами косточки на счетахъ. Извозчикъ стоитъ передъ нимъ въ изорванномъ полушубкѣ и какъ бы говоритъ своей печальной физіономіей: «Эка, паря, какъ обдираетъ».

Такова была почти вся съ улицы видимая жизнь маленькаго городка, куда попалъ герой мой; но что касается простосердечія, добродушія и дружелюбія, о которыхъ объяснялъ Петръ Михайлычъ, то все это, можетъ-быть, когда-нибудь бывало въ старину, а нынче всѣмъ и каждому, я думаю, было извѣстно, что окружный начальникъ каждогодно дѣлаетъ на исправника доносъ на стѣснительные наѣзды того на казенныя имѣнія. Стряпчій, молодой еще мальчикъ, придирается и ставитъ крючки уѣздному суду на каждомъ протоколѣ, хоть сколько-нибудь выгодномъ для интереса. Даже старичишка-городничій, при всей своей добротѣ, былъ съ лѣкаремъ на ножахъ, по случаю общихъ распоряженій больничными суммами. Два брата Масляниковы, довольно богатые купцы, не дальше какъ на-дняхъ, дѣливши отцовское наслѣдство, на площади, при всемъ народѣ, дрались и таскали другъ друга за волосы изъ-за вытертой батькиной енотовой шубы. Гдѣ жъ тутъ дружелюбіе? Скорѣе ненависть, злоба и зависть здѣсь царствовали, и только; сверхъ того, надъ всѣмъ этимъ царила какая-то мертвенность и скука, такъ что даже отерпѣвшіеся старожилы-чиновники и тѣ скучали. Срывки нынче по службѣ тоже пошли выпадать все маленькіе, ничтожные, а потому карточная игра посерьезнѣе совершено прекратилась; только и осталось одно развлеченіе, что придетъ иногда засѣдатель уѣзднаго суда къ непремѣнному члену, большому своему пріятелю, поздоровается съ нимъ... и оба зѣвнутъ.

— Что, Семенъ Григорьичъ, нѣтъ ли чего новенькаго? — спроситъ одинъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ,—отвѣтитъ другой, и опять оба зѣвнутъ.

— А что,—спроситъ первый:—вы пѣшкомъ, или на лошади?

— А что же? — спроситъ, въ свою очередь, второй.

— Да такъ; не хотите ли къ Семенову зайти? Мнѣ винца столоваго надо посмотрѣть.

— Хорошо; зайдемте.

Зайдутъ къ Семенову, а тутъ кстати раскупорятъ да и разопьютъ бутылочки двѣ мадеры и домой ужъ возвратятся гораздо повеселѣе, тщательно скрывая отъ женъ, гдѣ были и что дѣлали; но тѣ всегда догадываются по глазамъ и дѣлаютъ по этому случаю строгіе выговоры, сопровождаемые иногда слезами. Чтобъ осушить эти слезы, мужья даютъ обѣщаніе не заходить никогда къ Семенову; но имъ весьма основательно не вѣрятъ, потому что обѣщанія эти нарушаются много-много черезъ недѣлю.

Герой мой былъ слишкомъ еще молодъ и слишкомъ благовоспитанъ, чтобы сразу втянуться въ подобнаго рода развлеченіе; да, кажется, и по характеру своему былъ совершенно не склоненъ къ тому. Соскучившись развлекаться изученіемъ города, онъ почти каждый день обѣдалъ у Годневыхъ и оставался обыкновенно тамъ до поздней ночи, какъ въ единственномъ уголкѣ, гдѣ радушно его приняли и гдѣ все-таки онъ видѣлъ человѣчески-развитыхъ людей; а можетъ-быть, къ тому стала привлекать его и другая, болѣе существенная причина; но во всякомъ случаѣ, проводя такимъ образомъ вечера, молодой человѣкъ отдалъ приличное вниманіе и службѣ; каждое утро онъ проводилъ въ училищѣ, гдѣ, какъ выражался математикъ Лебедевъ, успѣлъ ужъ показать «когти»: первымъ его распоряженіемъ было — уволить Тёрку, и на мѣсто его былъ нанятъ молодцоватый вахмистръ. Въ четвергъ, который былъ торговымъ днемъ въ недѣлѣ, многіе изъ учениковъ, мѣщанскихъ дѣтей, не приходили въ классъ и присутствовали на базарѣ: кто торговалъ въ лавкѣ за батьку, а кто и такъ зѣвалъ. Калиновичъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ отцовъ и объявилъ, что если они станутъ удерживать по торговымъ днямъ дѣтей, то онъ выключитъ ихъ. Тѣ думали, что новый смотритель подарочка хочетъ, сложились и общими силами купили двѣ головки сахару и фунтика два чаю, и принесли все это ему на поклонъ, но были, конечно, выгнаны позорнымъ образомъ, и потомъ, когда въ слѣдующій четвергъ снова нѣкоторые мальчики не явились, Калиновичъ на другой же день всѣхъ ихъ выключилъ—и ни просьбы ни поклоны отцовъ

не заставили его измѣнить своего рѣшенія. Въ продолженіе классовъ онъ сидѣлъ то у того, то у другого изъ учителей, съ явною цѣлью слѣдить за способами ихъ преподаванія. Лебедевъ, толкуя таблицу извлеченія корней, не то чтобъ спутался, а позамялся немного, и тотчасъ же послѣ класса позванъ былъ въ смотрительскую, гдѣ ему съ холодною вѣжливостью замѣчено, что учитель съ преподаваемою имъ наукою долженъ быть совершенно знакомъ, и что, при недостаткѣ свѣдѣній, лучше избрать какую-нибудь другого рода службу. Звѣроловъ цѣлый мѣсяцъ не ходилъ за охотой и все повторялъ:

— Вотъ, — говорилъ онъ, потрясая своей могучей, совершенно нечесанной головой:—долби зады! Какъ бы взять тебя, молокососа, да изъ хорошей винтовки шаркнуть пулей, такъ забылъ бы важничать!

Румянцевъ до невѣроятности поддѣлывался къ новому начальнику. Онъ бѣгалъ каждое воскресенье поздравлять его съ праздникомъ, кланялся ему всегда въ поясъ, когда тотъ приходилъ въ классъ, и наконецъ будто бы даже, какъ замѣтили нѣкоторые школьники, проходилъ мимо смотрительской квартиры безъ шапки. Но всѣ эти исканія не достигали желаемой цѣли: Калиновичъ оставался съ нимъ сухъ и непривѣтливъ.

Впрочемъ, больше всѣхъ гроза разразилась надъ Экзархатовымъ, который крѣпился-было мѣсяца четыре, но, получивъ январское жалованье, не вытерпѣлъ и выпилъ; домой пришелъ однако тихій и спокойный; но жена, по обыкновенію, все-таки начала его бранить и стращать, что пойдетъ къ новому смотрителю жаловаться.

— А! Яшка Калиновичъ,—воскликнулъ онъ, сжимая кулакъ и потрясая имъ, какъ трагическій актеръ:—боюсь я какого-нибудь Яшки Калиновича! Вретъ онъ! Онъ не узналъ меня: ему стыдно было поклониться Экзархатову,—такъ знай же, что я презираю его еще больше—подлецъ! Я въ ноги поклонюсь Петру Михайлычу, а передъ нимъ на полвершка не согну головы!.. Онъ отрекся отъ стараго товарища—подлецъ! Ступай къ нему, змѣя подколодная, иди подъ крыло и покровительство тебѣ подобнаго Калиновича! — продолжалъ онъ, приближаясь къ женѣ; но та стала ужъ въ оборонительное положеніе и, вооружившись кочергою, кричала въ свою очередь:

— Только тронь! Только тронь! Такъ вотъ крюкомъ оба глаза и выворочу!

Двѣ младшія дѣвчонки, испугавшись за мать, начали ревѣть. На крикъ этотъ пришелъ домовый хозяинъ, мѣщанинъ,

и сталъ-было унимать Экзархатова; но тотъ, принявъ грозный видъ, закричалъ на него:

— Плебей, иди вонъ!

Но плебей не шелъ. Экзархатовъ схватилъ его за шиворотъ и приподнялъ на воздухъ; но въ это время ему самому жена вцѣпилась въ галстукъ; дѣвчонки еще громче заревѣли... Словомъ, произошла довольно непріятная домашняя сцена, вслѣдствіе которой Экзархатова, подхвативъ съ собой домохозяина, отправилась съ жалобой къ смотрителю, все-про-все разсказала ему о своемъ озорникѣ и, чтобъ доказать, сколько онъ человѣкъ буйный, не скрыла и того, какія онъ про него, своего начальника, говорилъ поносныя слова. Это же самое подтвердилъ и хозяинъ дома. Калиновичъ выслушалъ ихъ очень внимательно и спокойно.

— Очень хорошо, распоряжусь,—сказалъ онъ и велѣлъ имъ итти домой, а самъ тотчасъ же написалъ городничему отношеніе о производствѣ слѣдствій о буйныхъ и неприличныхъ поступкахъ учителя Экзархатова и, кромѣ того, донесъ, съ первою же почтою, объ этомъ директору. Когда это узналось, и когда глупой Экзархатовой растолковали, какой отвѣтственности подвергается ея мужъ, она опять побѣжала къ смотрителю, просила, кланялась ему въ ноги.

— Батюшка,—молила она:—не пусти по міру! Мало ли что у мужа съ женой бываетъ — не всѣ въ согласіи живутъ. У насъ съ нимъ эти побоища нерѣдко бывали—все сходило... Помилуй, отецъ мой!

Пришелъ и хозяинъ дома съ этой же просьбой.

— Я, сударь, говоритъ, не ищу; вотъ тѣ Царица Небесная, не ищу; тѣмъ, что онъ человѣкъ добрый и далъ только тебѣ за извѣтъ, а ничего не ищу.

На всѣ эти просьбы Калиновичъ отвѣчалъ:

— Я ничего теперь больше не могу сдѣлать съ своей стороны,—и не сталъ больше слушать.

Экзархатова бросилась послѣ этого къ Петру Михайлычу и разсказала ему все, какъ было.

— Дура вы, сударыня, хоть и дама! Кутить да мутить только умѣете!—отвѣчалъ онъ ей.

— Батюшка Петръ Михайлычъ, если бы я это знала! Принимаючи отъ насъ просьбу, хоть бы вспыхнулъ: тихо да ласково выслушалъ, а самъ кровь хочетъ пить — аспидъ этакій.

— То-то и есть, а меня такъ потатчикомъ называли, — проговорилъ Петръ Михайлычъ и пошелъ къ Калиновичу.

— Яковъ Васильичъ, отецъ и командиръ! — говорилъ онъ,

входя: — что это вы затѣяли съ Экзархатовымъ? Плюньте, бросьте! Онъ ужъ, ручаюсь вамъ, больше никогда не будетъ... Съ нимъ это, можетъ-быть, черезъ десять лѣтъ случается...— солгалъ старикъ въ заключеніе.

— Я ничего не могу теперь сдѣлать, — отвѣчалъ Калиновичъ и объяснилъ, что онъ донесъ уже директору.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — говорилъ Петръ Михайлычъ:—какой вы, молодой народъ, вспыльчивый! Не разобравъ дѣла, бабы слушать—нехорошо... нехорошо...—повторилъ онъ съ досадою и ушелъ домой, гдѣ цѣлый вечеръ сочинялъ къ директору письмо, въ которомъ, какъ прежній начальникъ, испрашивалъ милосердія Экзархатову и клялся, что тотъ ужъ никогда не сдѣлаетъ въ другой разъ подобнаго проступка.

Ходатайство его было, по возможности, успѣшно: Экзархатову сдѣлали строгій выговоръ и перевели въ другой городъ. Когда тотъ пришелъ прощаться, старикъ, кажется, приготовлялся-было сдѣлать ему строгое внушеніе, но, увидѣвъ печальную фигуру своего любимца, вмѣсто всякаго наставленія, спросилъ, есть ли у него деньги на дорогу. Экзархатовъ покраснѣлъ и ничего не отвѣчалъ. Петръ Михайлычъ потихоньку и очень проворно сунулъ ему въ руку десять рублей серебромъ. Экзархатовъ, вмѣсто отвѣта, хотѣлъ-было поймать у него руку и поцѣловать, но Годневъ остерегся. Изъ перваго же города бѣднякъ прислалъ письмо, которое все было испещрено пятнами отъ слезъ. Читая его, Петръ Михайлычъ расчувствовался и самъ прослезился. Когда Настенька спросила его, что такое съ нимъ, онъ отвѣчалъ:

— Въ гробъ съ собой возьму это письмо! Царь Небесный проститъ мнѣ за него хоть одинъ изъ моихъ грѣховъ.

Вскорѣ пришелъ Калиновичъ и, замѣтивъ, что Петръ Михайлычъ въ волненіи, тоже спросилъ, что такое случилось. Настенька разсказала.

— Въ гробъ, сударь, возьму съ собой это письмо!—повторилъ и ему Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ въ отвѣтъ на это только переглянулся съ Настенькой, и оба слегка улыбнулись.

Вообще между старикомъ и молодыми людьми стали постоянно возникать споры по поводу всевозможныхъ житейскихъ случаевъ: исключали ли изъ службы какого-нибудь маленькаго чиновника, Петръ Михайлычъ обыкновенно говорилъ: «жаль, право жаль!», а Калиновичу, напротивъ, доставляло это даже какое-то удовольствіе.

— Съ нимъ не то бы еще надобно было сдѣлать, — замѣчалъ онъ.

— Эхъ, Яковъ Васильичъ! — возражалъ Петръ Михайлычъ:—семьянинъ, сударь! Чѣмъ теперь станетъ питаться съ семьей?

— Онъ дѣлалъ зло тысячамъ, такъ имъ однимъ съ его семьей можно пожертвовать для общей пользы,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Знаю-съ,—восклицалъ Петръ Михайлычъ:—да постращать бы сначала, такъ, можетъ-быть, и исправился бы!

Затѣвалась ли въ городѣ свадьба, или кто весело справлялъ именины, Петръ Михайлычъ всегда съ удовольствіемъ разсказывалъ объ этомъ: «люблю, какъ люди женятся и веселятся», — заключалъ онъ; а Калиновичъ съ Настенькой начнутъ обыкновенно пересмѣивать и доказывать, что все это очень пошло и глупо, такъ что старикъ выходилъ наконецъ изъ себя и даже прикрикивалъ, особенно на дочь, которая, въ свою очередь, не скрываясь и довольно дерзко противорѣчила всѣмъ его мягкимъ и жизненнымъ убѣжденіямъ, но зато Калиновича слушала, какъ оракула, и соглашалась съ нимъ безусловно во всемъ.

Когда Петръ Михайлычъ началъ въ своей семьѣ охуждать рѣзкія распоряженія молодого смотрителя по училищу, она горячо заступалась и говорила:

— Не можетъ же благородно-мыслящій человѣкъ терпѣть это спокойно!

Фразу эту она буквально заимствовала у Калиновича.

— Зло есть во всѣхъ, — возражалъ ей запальчиво Петръ Михайлычъ:—только мы у другихъ видимъ сучокъ въ глазу, а у себя бревна не замѣчаемъ.

— Что жъ, папенька, неужели же Калиновичъ хуже всѣхъ этихъ господъ?—спрашивала Настенька съ насмѣшкой.

— Я не говорю этого, — отвѣчалъ уклончиво старикъ: — человѣкъ онъ умный, образованный, съ поведеніемъ... Я его очень люблю; но сужу такъ, что молодъ еще, заносчивъ.

Несмотря на споры, Петръ Михайлычъ дѣйствительно полюбилъ Калиновича, звалъ его каждый день обѣдать и, когда тотъ не приходилъ, онъ или посылалъ къ нему, или самъ отправлялся навѣдаться, не прихворнулъ ли юноша.

Насчетъ дальнѣйшихъ видовъ Палагеи Евграфовны старикъ былъ тоже не прочь и, замѣчая, что Калиновичъ нравится Настенькѣ, любилъ по этому случаю потрунить.

— Кого ты ждешь, по комъ тоскуешь? — говорилъ онъ ей комическимъ голосомъ, когда она сидѣла у окна и прилежно смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ былъ прійти молодой смотритель.

Настенькѣ было это досадно. Провожая однажды вмѣстѣ съ капитаномъ Калиновича, она долго еще съ нимъ гуляла, и когда воротилась домой, Петръ Михайлычъ запѣлъ ей навстрѣчу:

„Какъ вчера своего милаго
Провожала далеко!“

Настенька вспыхнула.

— Что̀ это, папенька, за шутки? Это обидно!—проговорила она и ушла въ свою комнату.

Чрезъ полчаса къ ней явился-было капитанъ:

— Братецъ очень огорченъ, что вы сердитесь на нихъ. Подите помиритесь и попросите у нихъ прощенія,—проговорилъ онъ.

Но Настенька не пошла и самому капитану сказала, чтобъ онъ оставилъ ее въ покоѣ. Тотъ посмотрѣлъ на нее съ грустною улыбкою и ушелъ.

Вообще Флегонтъ Михайлычъ въ послѣднее время началъ держать себя какъ-то странно. Онъ ни на шагъ обыкновенно не оставлялъ племянницы, когда у нихъ бывалъ Калиновичъ: если Настенька сидѣла съ тѣмъ въ гостиной — и онъ былъ тутъ же; переходили молодые люди въ залу—и онъ, ни слова не говоря, а только покуривая свою трубку, слѣдовалъ за ними; но болѣе того ничего не выражалъ и не высказывалъ.

Частыя посѣщенія молодого смотрителя къ Годневымъ, конечно, были замѣчены въ городѣ и, какъ водится, перетолкованы. Первая объ этомъ пустила ноту приказничиха, которая совершенно перемѣнила мнѣніе о своемъ постояльцѣ—и произошло это вслѣдствіе того, что она принялась-было дѣлать къ нему каждодневные набѣги, съ цѣлью получить приличное угощеніе; но, къ удивленію ея, Калиновичъ не только не угощалъ ее, но даже не сажалъ и очень холодно спрашивалъ: «что̀ вамъ угодно?»

— Подлинно, матери мои, человѣка не узна̀ешь, пока пудъ соли не съѣшь,—говорила она:—то ли ужъ мнѣ на первыхъ порахъ ни нравился мой постоялецъ, а вышелъ прескупой-скупой мужчина. Кусочка, матери мои, не уволитъ дома съѣсть, бѣлаго хлѣбца къ чайку не купитъ. Все пустымъ брандахлыстомъ брюхо наливаетъ; а коли дома теперь сидитъ—какъ собака голодный, такъ безъ ужина и ляжетъ. Только и кормится, что у Годневыхъ: ну, а тѣ, тоже знаемъ, изъ чего прикармливаютъ. Дѣвка-то, говорятъ, на стѣну лѣзетъ—такъ ей за этого жениха желается, и дай Богъ ей, конечно: кто того изъ женщинъ не желаетъ?

Всѣ эти слухи глубоко поразили сердце все еще влюблен-

наго Медіокритскаго. Ровно трои сутки молодой столоначальникъ пилъ съ горя въ трактирѣ съ пріятелемъ своимъ, писцомъ казначейства Звѣздкинымъ, который былъ при немъ чѣмъ-то въ родѣ наперсника: повѣренный во всѣхъ его сердечныхъ тайнахъ, онъ обыкновенно курилъ на его счетъ табакъ и жуировалъ въ трактирахъ, когда у Медіокритскаго случались деньги. Разговоръ между пріятелями былъ, какъ видно, на этотъ разъ задушевный. Медіокритскій держалъ въ рукахъ гитару. Потрынкивая на ней въ раздумьѣ, онъ часъ отъ часу становился мрачнѣй и начиналъ ужъ, какъ говорится, «погасать».

— Саша!.. другъ!.. сыграй что-нибудь, отведи мою душу!— началъ Звѣздкинъ, тоже сильно выпившій.

Медіокритскій, вмѣсто отвѣта, взялъ въ прищипку на гитарѣ аккордъ и запѣлъ пѣсню собственнаго сочиненія:

„Знаешь дѣвушку иль нѣтъ,
Черноглазу, черноброву?
Ахъ, гдѣ, гдѣ, гдѣ?
Во Дворянской слободѣ.
„Какъ та дѣвушка живетъ,
Съ кѣмъ любовь свою ведетъ?
Ахъ, гдѣ, гдѣ, гдѣ?
Во Дворянской слободѣ.
„Ходитъ къ ней, знать, молодецъ,
Не бояринъ, не купецъ.
Ахъ, гдѣ, гдѣ, гдѣ?
Во Дворянской слободѣ“.

— А прочее сами понимайте и на усъ мотайте! — заключилъ онъ и, взъерошивъ себѣ еще больше волосы, спросилъ двѣ пары пива.

— Слушай, Саша! Я тебя люблю и все знаю и понимаю, — продолжалъ Звѣздкинъ.

— Погоди, постой! — началъ Медіокритскій, ударивъ себя въ грудь: — когда такъ, правду говорить: она и со мной амурничала.

— Знаю,—подтвердилъ Звѣздкинъ.

— Постой!—перебилъ Медіокритскій, поднявъ руку кверху:— голова моя отчаянная, въ передѣлкахъ я бывалъ!.. Погоди! Я ее оконфужу!.. Передъ публикой оконфужу! — И затѣмъ что-то шепнулъ пріятелю на ухо.

— Важно, Саша! Слушай! Ты меня тоже знаешь: валяй, братъ!.. Коли я тебѣ это говорю, ну, и баста! — подтвердилъ Звѣздкинъ.

— И баста!—подтвердилъ Медіокритскій совершенно ужъ потухающимъ голосомъ.

VII.

Невдолгѣ послѣ описанныхъ мною сценъ, Калиновичу принесли съ почты объявленіе о страховомъ письмѣ и о посылкѣ на его имя. Всегда спокойный и ровный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ пришелъ на этотъ разъ въ сильное волненіе: тотчасъ же пошелъ скорыми шагами на почту и началъ что̀ есть силы звонить въ колокольчикъ. Почтмейстеръ отворилъ, по обыкновенію, двери самъ; но, увидѣвъ молодого смотрителя, очень сухо спросилъ своимъ мрачнымъ голосомъ:

— Что̀ вамъ угодно?

Калиновичъ сталъ просить выдать ему письмо.

— Не могу, сударь, не могу: сегодня день почтовый,—возразилъ спокойно почтмейстеръ, идя въ залу, куда за нимъ слѣдовалъ, почти насильно врываясь, Калиновичъ.

— Не могу, сударь, не могу!—повторялъ почтмейстеръ: — вы вотъ сами отказали мнѣ въ книжкахъ, аки бы не приняли еще библіотеки, и я не могу: законъ не обязываетъ меня производить сегодня выдачу.

Калиновичъ извинился и увѣрялъ, что онъ сейчасъ же пойдетъ въ училище и пришлетъ какихъ только угодно ему книгъ.

— Дорога̀, сударь, милостыня въ минуту скудости, — возражалъ почтмейстеръ: — вы меня, больного человѣка, въ минуту душевной и тѣлесной скорби, не утѣшили единственнымъ моимъ развлеченіемъ.

Калиновичъ продолжалъ извиняться и просить съ совершенно несвойственнымъ ему тономъ униженія, такъ что старикъ уставилъ на него пристальный взглядъ и нѣсколько минутъ какъ бы пыталъ его глазами.

— Что̀ же васъ такъ интересуетъ это письмо? — заговорилъ онъ: — завтра вы будете имѣть его въ рукахъ вашихъ. Къ чему такое домогательство?

— Это письмо,—отвѣчалъ Калиновичъ:—отъ матери моей; она больна и извѣщаетъ, можетъ-быть, о своихъ послѣднихъ минутахъ... Вы сами отецъ и сами можете судить, какъ тяжело умирать, когда единственный сынъ не хочетъ закрыть глазъ. Я, вѣроятно, сейчасъ же долженъ буду ѣхать.

Послѣднія слова смягчили почтмейстера.

— Если такъ, то, конечно... въ наше время, когда возстаетъ сынъ на отца, братъ на брата, дщери на матерей, проявленіе въ васъ сыновней преданности можно назвать искрой небесной!.. О, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи

помилуй! Не смѣю, сударь, отказывать вамъ. Пожалуйте! — проговорилъ онъ и повелъ Калиновича въ контору.

— Какой ваша матушка имѣетъ прекрасный почеркъ! — сказалъ онъ, осматривая внимательно конвертъ и посылку.

— Это одинъ родственникъ надписывалъ,—отвѣчалъ Калиновичъ, торопливо беря то и другое и раскланиваясь.

— Книжечками не забудьте меня за мою послугу! — говорилъ ему вслѣдъ почтмейстеръ.

Калиновичъ что-то пробормоталъ ему въ отвѣтъ и, сойдя проворно съ лѣстницы, началъ читать письмо на ходу, но, не кончивъ еще первой страницы, судорожно его смялъ и положилъ въ карманъ.

Возвратившись домой, онъ прямо прошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ въ какомъ-то изнеможеніи. Жалко было видѣть его въ эти минуты: обычно спокойное и нѣсколько холодное лицо его исказилось выраженіемъ полнаго отчаянія, пульсовыя жилы на вискахъ напряглись—точно вся кровь прилила къ головѣ. Видимо, что это былъ для моего героя одинъ изъ тѣхъ жизненныхъ щелчковъ, которые сразу рушатъ и ломаютъ у молодости дорогія надежды, отнимаютъ силу воли, силу къ дѣятельности, вѣру въ самого себя и дѣлаютъ потомъ человѣка тряпкою, дрянью, который видитъ впереди только необходимость жить, а зачѣмъ и для чего, самъ не знаетъ. Въ продолженіе всего этого дня Калиновичъ не пошелъ къ Годневымъ, хотя и приходилъ-было оттуда кучеръ звать его пить чай. Весь вечеръ и бо́льшую часть дня онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и пилъ безпрестанно воду, а поутру, придя въ училище́, такъ посмотрѣлъ на столявшаго въ прихожей сторожа, что у того колѣни задрожали и руки вытянулись по швамъ.

У Румянцева, какъ нарочно, произошелъ въ этотъ день большой безпорядокъ въ классѣ. Извѣстный ужъ намъ Калашниковъ, сидѣвшій въ третьемъ классѣ третій годъ, вдругъ изобрѣлъ прозвать преподавателя словесности «красноглазымъ зайцемъ» и предложилъ классу потравить его: «а коли кто, говоритъ, не хочетъ, такъ сказывайся, я тому сейчасъ ребра переломаю», и всѣ, конечно, согласились. Румянцевъ пришелъ, по обыкновенію, напомаженный, причесанный, и, жеманясь, сѣлъ за свой столикъ, какъ вдругъ Калашниковъ, наклонивъ голову подъ карту, прокричалъ басомъ:

— Ату его!

Румянцевъ взглянулъ въ его сторону.

— Ату его! Ату его! — послышались дисканты на другомъ концѣ.

Словесникъ вскочилъ.

— Господа! Что это значитъ?—проговорилъ онъ.

— Ату его! Ату его!—отвѣчала ему вся первая скамейка и наконецъ всѣ:

— Ату его! Ату его!

Румянцевъ выбѣжалъ и бросился съ жалобой къ смотрителю. Калиновичъ пришелъ: пересѣкъ весь классъ, при чемъ Калашникому дано было такихъ двѣсти розогъ, что тотъ, несмотря на крѣпкое тѣлосложеніе, нѣсколько разъ просилъ во время операціи холодной воды, а потомъ, прямо изъ училища, не заходя домой, убѣжалъ куда-то совсѣмъ изъ города. Наставникъ тоже не спасся. Калиновичъ позвалъ его въ смотрительскую и цѣлый часъ пудрилъ ему голову, очень основательно доказывая, что если ученики общей массой дурятъ, стало-быть, учитель и глупъ и безхарактеренъ. Робкій словесникъ, возвратясь домой, проплакалъ вмѣстѣ съ матерью цѣлую ночь, не зная, что потомъ будетъ съ его бѣдной головой.

Между тѣмъ у Годневыхъ ожидали Калиновича съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ безпокойствомъ. Въ урочный часъ ужъ капитанъ явился и, по обыкновенію, поздоровавшись съ братомъ, усѣлся на всегдашнее свое мѣсто и закурилъ трубку.

— Настя! а Настя!—крикнулъ Петръ Михайлычъ.

— Что, папаша?—отозвалась та.

— Поди сюда, другъ мой.

Настенька вышла въ новомъ платьѣ и въ завитыхъ локонахъ. Съ нѣкотораго времени она стала очень заниматься своимъ туалетомъ.

— Да что Калиновичъ придетъ къ намъ сегодня, или нѣтъ? Здоровъ ли онъ? Не послать ли къ нему? — сказалъ Петръ Михайлычъ.

— Я посылала къ нему, папаша: придетъ, я думаю,—отвѣчала Настенька и сѣла у окна, изъ котораго видно было зданіе училища.

Съ нѣкотораго времени всякій разъ, когда Петръ Михайлычъ сбирался послать къ Калиновичу, оказывалось, что Настенька ужъ посылала.

Часа въ два молодой смотритель явился наконецъ мрачный. Онъ небрежно кивнулъ головой капитану, поклонился Петру Михайлычу и дружески пожалъ руку Настенькѣ.

— Что вы такіе сегодня?—сказала она, когда Калиновичъ сѣлъ около нея и задумался.

— Мальчишки, вѣрно, разсердили!—подхватилъ Петръ Михайлычъ.—Они меня часто выводили изъ терпѣнія: разстроятъ, бывало, хуже большихъ. Выпейте-ка водочки, Яковъ Ва-

сильничъ: это успокоитъ васъ. Эй, Палагея Евграфовна, пожалуйте намъ хмельного!

Водка была подана, но Калиновичъ отказался.

— Отчего вы не хотите сказать, что̀ такое съ вами? Это странно съ вашей стороны,—сказала ему Настенька.

— Что̀ жъ вамъ такъ любопытно? Очень обыкновенный случай: новая неудача!—проговорилъ онъ какъ бы нехотя.

— Что̀ такое? — спросила Настенька съ безпокойствомъ, но Калиновичъ вздохнулъ и опять на нѣкоторое время замолчалъ.

— Хоть бы одинъ разъ во всю жизнь судьба потѣшила!—началъ онъ:—даже изъ дѣтства, о которомъ, я думаю, у всѣхъ остаются пріятныя и свѣтлыя воспоминанія, я вынесъ только самыя грустныя, самыя тяжелыя впечатлѣнія.

Калиновичъ прежде никогда ничего не говорилъ о себѣ, кромѣ того, что онъ отца и матери лишился еще въ дѣтствѣ.

— Сколько я себя ни помню,—продолжалъ онъ, обращаясь больше къ Настенькѣ:—я живу на чужихъ хлѣбахъ *у благодѣтеля* (на послѣднемъ словѣ Калиновичъ сдѣлалъ удареніе), *у благодѣтеля*,—повторилъ онъ съ гримасою:—который разорилъ моего отца, и когда тотъ умеръ съ горя, такъ онъ, по великодушію своему, призрѣлъ меня, сироту, а въ сущности приставилъ пѣстуномъ къ своимъ двумъ сыновьямъ, болванамъ, какихъ когда-либо свѣтъ создавалъ.

— А! Скажите, пожалуйста!—произнесъ Петръ Михайлычъ.

— И между тѣмъ, — продолжалъ Калиновичъ, опять обращаясь болѣе къ Настенькѣ: — я жилъ посреди роскоши, въ товариществѣ съ этими глупыми мальчишками, которыхъ окружала любовь, для удовольствія которыхъ изобрѣтали всевозможныя средства... которымъ на сто рублей въ одинъ разъ покупали игрушекъ, и я обязанъ былъ смотрѣть, какъ они играютъ этими игрушками, не смѣя дотронуться ни до одной изъ нихъ. Мной они обыкновенно располагали, какъ вещью: они закладывали меня въ телѣжку, которую я долженъ былъ возить, и когда у меня не хватало силы, они меня щелкали; и если я не вытерпливалъ и осмѣливался заплакать, меня же сажали въ темную комнату, чтобъ отучить отъ капризовъ. Лакеи, и тѣ находили какое-то особенное удовольствіе обносить меня за столомъ кушаньями и не чистить мнѣ ни сапоговъ ни платья.

— Это ужасно!—проговорила Настенька.

— Господи помилуй!—воскликнулъ Петръ Михайлычъ.

— Интереснѣе всего было,—продолжалъ Калиновичъ, помолчавъ: — когда мы начали подрастать и насъ стали учить:

дурни эти мальчишки ничего не дѣлали, ничего не понимали. Я за нихъ переводилъ, рѣшалъ ариѳметическія задачи, и въ то время, когда гости и родители восхищались ихъ успѣхами, обо мнѣ обыкновенно разсказывалось, что я учусь тоже недурно, но больше беру прилежаніемъ... Словомъ, постоянное нравственное униженіе!

Петръ Михайлычъ только разводилъ руками. Настенька задумалась. Капитанъ не такъ мрачно смотрѣлъ на Калиновича. Вообще онъ возбудилъ своимъ разсказомъ къ себѣ живое участіе.

— Я, по крайней мѣрѣ, Яковъ Васильичъ, радуюсь, — заговорилъ Петръ Михайлычъ: — что Богъ привелъ васъ кончить курсъ въ университетѣ.

Калиновичъ горько улыбнулся.

— Курсъ кончить! — произнесъ онъ: — надобно спросить, чего это мнѣ стоило. Какъ нарочно все случилось: этотъ благодѣтель мой, здоровый какъ быкъ, вдругъ ни съ того ни съ сего помираетъ, и пока еще онъ былъ живъ, хоть скудно, но все-таки совѣсть заставляла его оплачивать мой столъ и квартиру, а тутъ и того не стало: за какой-нибудь полтинникъ долженъ былъ я бѣгать на уроки съ одного конца Москвы на другой, и то слава Богу, когда еще было подъ-руками; но проходили мѣсяцы, когда сидѣлъ я безъ обѣда, въ холодной комнатѣ, брался переписывать по гривеннику съ листа, чтобъ имѣть возможность купить двѣ-три булки въ день.

— Ужасно!—повторила Настенька.

— Именно ужасно!—подхватилъ Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Отстрадалъ наконецъ четыре года. Вотъ, думаю, теперь вышелъ кандидатомъ, дорога всюду открыта... Но... чтобъ успѣвать въ жизни, видно, надобно не кандидатство, а искательство и подличанье, на которое, къ несчастью, я неспособенъ. Моихъ же товарищей, идіотовъ почти, послали и за границу и понадѣлили Богъ знаетъ чѣмъ, потому что они забѣгали къ профессорамъ съ задняго крыльца и цѣловали ручки у ихъ супругъ, нѣмецкихъ кухарокъ; а мнѣ выпало на долю это смотрительство, въ которомъ я окончательно долженъ погрязнуть и задохнуться.

— Да, да, какое ужъ это для васъ мѣсто! — подтвердилъ Петръ Михайлычъ:—сколько я сужу, оно вамъ не по характеру, да и мало по вашимъ способностямъ.

— Грустно и тошно становится! — почти воскликнулъ Калиновичъ, ударивъ себя въ грудь. — Наконецъ злоба беретъ, когда оглянешься на свое прошедшее: хоть бы одна осуще-

ствившаяся надежда! Неблагодарные труды и вѣчныя лишенія — вотъ все, что̀ дала мнѣ жизнь!.. Какъ хотите, съ какимъ бы человѣкъ ни былъ рожденъ овечьимъ характеромъ, невольно начнетъ ожесточаться!.. И вы, Петръ Михайлычъ, еще часто меня укоряете за безсердечіе! Но, Боже мой, какъ же я стану питать къ людямъ сожалѣніе, когда бо̀льшая часть изъ нихъ страдаетъ или потому, что безнравственны, или потому, что дѣлали глупости, наконецъ лѣнивы, небрежны къ себѣ. Я ни въ чемъ этомъ не виноватъ и все-таки страдаю... Я хочу и буду вымещать на порочныхъ людяхъ то, что̀ самъ несу безвинно.

При послѣднихъ словахъ лицо молодого человѣка приняло какое-то ожесточенное выраженіе.

— Вы совершенно правы въ вашихъ чувствахъ,—сказала Настенька.

— Я, сударь, не осуждаю васъ, а желаю только, чтобъ Господь Богъ умирилъ ваше сердце, — только! — проговорилъ Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, ни слова не говоря. Хозяева тоже молчали, какъ бы боясь прервать его размышленія.

— Что̀ жъ васъ такъ сегодня именно встревожило?—проговорила Настенька голосомъ, полнымъ участія.

— То, что я не говорилъ вамъ, но, думая хоть какимъ-нибудь путемъ выбиться, написалъ повѣсть и послалъ ее въ Петербургъ, въ одну редакцію, гдѣ она провалялась около года, и теперь получилъ назадъ при этомъ письмѣ. Не хотите ли полюбопытствовать и прочесть? — проговорилъ Калиновичъ и бросилъ изъ кармана на столъ письмо, которое Петръ Михайлычъ взялъ и сталъ-было читать про себя.

— Читайте, папенька, вслухъ! — проговорила съ досадою Настенька.

Петръ Михайлычъ началъ:

«Любезный другъ.

«Ты, я думаю, проклинаешь меня за мое молчаніе, хоть я и не виноватъ: повѣсть твою я сейчасъ же снесъ по назначенію, но отвѣтъ получилъ только на-дняхъ. Мнѣ возвратили ее съ такимъ приговоромъ, что редакція запасена матеріаломъ уже на цѣлый годъ. Не огорчайся этой неудачей: романъ твой, по-моему, очень хорошъ; но вся штука въ томъ, что редакціи у насъ въ родѣ какихъ-то святилищъ, въ которыя доступъ простымъ смертнымъ невозможенъ, или, проще сказать, у редактора есть свой кружокъ пріятелей, съ которыми онъ имѣетъ свои, конечно, очень выгодные для него

денежные счеты. Они наполняютъ у него всѣ рубрики журнала, производя каждаго изъ среды себя, посредствомъ взаимнаго куренія, въ геніи; изъ этого ты можешь понять, что пускать имъ новыхъ людей не для чего; кто бы ни былъ, посылая свою статью, смѣло можетъ быть увѣренъ, что ее не прочтутъ и она проваляется съ старымъ хламомъ, какъ случилось и съ твоимъ романомъ».

Старикъ не въ состояніи былъ читать далѣе и бросилъ письмо.

— Какъ же редакторъ можетъ не прочесть? — воскликнулъ онъ съ запальчивостью: — въ этомъ его прямое назначеніе и обязанность.

— Его назначеніе и обязанность набивать свой карманъ,— сказалъ Калиновичъ.

— Именно!—подтверждалъ Петръ Михайлычъ.—Послѣ этого они не проводники образованія, а алтынники; послѣ этого имъ бы въ лавкѣ сидѣть, а не словесностью заниматься!.. Возбранять ходъ новымъ дарованіямъ—тьфу!

Калиновичъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Послушайте, вы прочтете намъ вашъ романъ?—сказала Настенька.

— Пожалуй, какъ-нибудь выберемъ время,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Чего тутъ выбирать!.. Откладывать нечего: извольте сегодня же намъ прочесть. Я вотъ немного сосну, а вы между тѣмъ достаньте вашу тетрадку, — подхватилъ Петръ Михайлычъ.

— Я за тетрадью, папенька, пошлю Катю, — сказала Настенька:—а сами вы не должны ходить, безъ васъ найдутъ,— прибавила она Калиновичу.

— Хорошо,—отвѣчалъ тотъ.

Послѣ обѣда Петръ Михайлычъ тотчасъ отправился въ свой кабинетъ, а Настенька сѣла рядомъ и довольно близко около Калиновича.

— Вы давно написали вашъ романъ?—сказала она.

— Года полтора,—отвѣчалъ тотъ.

— А нынче вы пишете что-нибудь?

— Пишу и нынче,—отвѣчалъ Калиновичъ съ разстановкой.

— Что жъ вы нынче пишете?

— Знакомое вамъ.

— Знакомое мнѣ? — повторила Настенька, потупившись: — вы и это должны намъ прочесть: это для меня еще интереснѣе,—прибавила она.

— Оно еще не кончено.

— Отчего?

— Оттого, что не отъ меня зависитъ: я не знаю, чѣмъ еще кончится.

— А я думаю, что вы должны знать.

— Нѣтъ, не знаю...—отвѣчалъ Калиновичъ.

Такими намеками молодые люди говорили вслѣдствіе присутствія капитана, который и не думалъ итти къ своимъ птицамъ, а преспокойно усѣлся тутъ же въ гостиной, развернулъ книгу и будто бы читалъ, закуривая по крайней мѣрѣ шестую трубку. Настенька начала съ досадою отмахивать отъ себя дымъ.

— Вашъ стражъ не оставляетъ васъ, — сказалъ Калиновичъ по-французски.

— Несносный! — отвѣчала она тихо и съ маленькой гримасой, а потомъ, обратившись къ дядѣ, сказала:

— Что вы, дяденька, за охотой не ходите! Мнѣ очень хочется дичи... хоть бы сходили и убили что-нибудь.

— Ружье въ починку отдалъ... попортилось... — отвѣчалъ капитанъ.

— Возьмите у Лебедева.

— Ихъ дома, кажется, нѣтъ-съ: они верстъ за тридцать на облаву пошли.

— Нѣтъ, онъ дома: сегодня былъ въ училищѣ,—возразилъ Калиновичъ.

Капитанъ покраснѣлъ.

— Къ ихнимъ ружьямъ я не привыкъ-съ, мнѣ изъ нихъ ничего не убить-съ!—отвѣчалъ онъ, заикаясь.

Понятно, что капитанъ безбожно лгалъ. Настенька сдѣлала нетерпѣливое движеніе, и когда подошла къ ней Діанка и, положивъ въ изъявленіе своей ласки на колѣни ей морду, занесла-было туда же и лапу, она вдругъ, чего прежде никогда не бывало, ударила ее довольно сильно по головѣ, проговоря:

— Ваша собака, дяденька, вѣчно измараетъ мнѣ платье.

— Венез-иси!—сказалъ капитанъ.

Діанка посмотрѣла съ удивленіемъ на Настеньку, какъ бы не понимая, за что ее треснули, и подошла къ своему патрону.

— Иси, кушъ!—повторилъ строго капитанъ, и Діанка смиренно улеглась у его ногъ.

Напрасно, въ продолженіе получаса, молодые люди молчали, напрасно заговаривали о предметахъ, совершенно чуждыхъ для капитана: онъ не трогался съ мѣста и продолжалъ смотрѣть въ книгу.

— Есть съ вами папиросы?—сказала наконецъ Настенька Калиновичу.

— Есть,—отвѣчалъ онъ.

— Дайте мнѣ.

Калиновичъ подалъ.

— А сами хотите курить?

— Недурно.

— Пойдемте, я вамъ достану огня въ моей комнатѣ,—сказала она и пошла.

Калиновичъ послѣдовалъ за ней.

Войдя въ свою комнату, Настенька какъ бы случайно притворила дверь.

Капитанъ, оставшись одинъ, сидѣлъ нѣкоторое время на прежнемъ мѣстѣ, потомъ вдругъ всталъ и на цыпочкахъ, точно подкрадываясь къ чуткой дичи, подошелъ къ дверямъ племянницыной комнаты и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Онъ увидѣлъ, что Калиновичъ сидѣлъ около маленькаго столика, потупя голову, и курилъ; Настенька помѣщалась напротивъ него и пристально смотрѣла ему въ лицо.

— Вы не можете говорить, что у васъ нѣтъ ничего въ жизни,—говорила она вполголоса.

— Что жъ у меня есть?—спросилъ Калиновичъ.

— А любовь,—отвѣчала Настенька:—которая, вы сами говорите, дороже для васъ всего на свѣтѣ. Неужели она не можетъ васъ сдѣлать счастливымъ безъ всего... одна... сама собою?

— По моему характеру и по моимъ обстоятельствамъ надобно, чтобъ меня любили слишкомъ много и даже слишкомъ безразсудно!—отвѣчалъ Калиновичъ и вздохнулъ.

Настенька покачала головой.

— Такъ неужели еще мало васъ любятъ? Не грѣхъ ли вамъ, Калиновичъ, это говорить, когда нѣтъ минуты, чтобъ не думали о васъ; когда всѣ радости, все счастье въ томъ, чтобъ видѣть васъ, когда хотѣли бы быть первой красавицей въ мірѣ, чтобъ нравиться вамъ, — а все еще васъ мало любятъ! Неблагодарный вы человѣкъ послѣ этого!

Капитанъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и сталъ еще внимательнѣе слушать.

— Любовь доказывается жертвами, — сказалъ Калиновичъ, не перемѣняя своего задумчиваго положенія.

— А развѣ вамъ не готовы принести жертву, какую вы только потребуете? Если бъ для вашего счастья нужна была жизнь, я сейчасъ отдала бы ее съ радостью и благословила бы судьбу свою...—возразила Настенька.

Калиновичъ улыбнулся.

— Это говорятъ всѣ женщины, покуда дѣло не дойдетъ до первой жертвы,—проговорилъ онъ.

— Зачѣмъ же говорить, когда не чувствуешь? Съ какою цѣлью?—спросила Настенька.

— Изъ кокетства.

— Нѣтъ, Калиновичъ, не говорите тутъ о кокетствѣ! Вы вспомните, какъ васъ полюбили? Въ первый же день, какъ васъ увидѣли; а черезъ недѣлю вы ужъ знали объ этомъ... Это скорѣй сумасшествіе, но никакъ не кокетство.

Проговоря это, Настенька отвернулась; на глазахъ ея показались слезы.

— Помиримтесь! — сказалъ Калиновичъ, беря и цѣлуя ея руки.—Я знаю, что я, можетъ-быть, неправъ, неблагодаренъ,— продолжалъ онъ, не выпуская ея руки: — но не обвиняйте меня много: одна любовь не можетъ наполнять сердце мужчины, а тѣмъ болѣе моего сердца, потому что я честолюбивъ, страшно честолюбивъ, и знаю, что честолюбіе—не безразсудное во мнѣ чувство. У меня есть умъ, есть знаніе, есть наконецъ сила воли, какая немногимъ дается, и если бы хоть разъ шагнуть удачно впередъ, я ушелъ бы далеко.

— Вы должны быть литераторомъ и будете имъ! — проговорила Настенька.

— Не знаю... врядъ ли! Между людьми есть счастливцы и несчастливцы. Посмотрите вы въ жизни: одинъ и глупъ, и бездаренъ, и лѣнивъ, а между тѣмъ ему плыветъ счастье въ руки, тогда какъ другой каждый ничтожный шагъ къ успѣху, каждый кусокъ хлѣба долженъ завоевывать самымъ усиленнымъ трудомъ: и я, кажется, принадлежу къ послѣднимъ.

Сказавъ это, Калиновичъ взялъ себя за голову, облокотился на столъ и снова задумался.

— Послушайте, Калиновичъ, что жъ вы такъ хандрите? Это мнѣ грустно!—проговорила Настенька, вставая. — Не извольте хмуриться—слышите? Я вамъ приказываю! — продолжала она, подходя къ нему и кладя обѣ руки на его плечи:— извольте на меня смотрѣть весело. Глядите же на меня: я хочу видѣть ваше лицо.

Калиновичъ взглянулъ на нее, взялъ тихонько ее за талію, привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ въ голову.

Съ лица капитана капалъ крупными каплями потъ; руки дѣлали какія-то судорожныя движенія, и наконецъ голова затекла, такъ что онъ принужденъ былъ приподняться на нѣсколько минутъ, и когда потомъ взглянулъ въ скважину, Калиновичъ, обнявъ Настеньку, цѣловалъ ей лицо и шею...

— Анастаси... — говорилъ онъ страстнымъ шопотомъ, и дальше — увы! — тщетно капитанъ старался прислушиваться: Калиновичъ заговорилъ по-французски.

— Зачѣмъ?..—отвѣчала Настенька, скрывая на груди его свое пылавшее лицо.

— Но, другъ мой...—продолжалъ Калиновичъ и опять заговорилъ по-французски.

— Нѣтъ, это невозможно!—отвѣчала Настенька, выпрямившись.

— Отчего же?

— Такъ... — отвѣчала Настенька, снова обнимая Калиновича и снова прижимаясь къ его груди: — я тебя боюсь, — шептала она:—ты меня погубишь.

— Ангелъ мой! Сокровище мое! — говорилъ Калиновичъ, цѣлуя ее, и продолжалъ по-французски...

Настенька слушала его внимательно.

— Нѣтъ,—сказала она и вдругъ отошла и сѣла на прежнее свое мѣсто.

Лицо Калиновича въ минуту измѣнилось и приняло строгое выраженіе. Онъ началъ опять говорить по-французски и говорилъ долго.

— Нѣтъ!—повторила Настенька и пошла къ дверямъ, такъ что капитанъ едва успѣлъ отскочить отъ нихъ и уйти въ гостиную, гдѣ уже сидѣлъ Петръ Михайлычъ.

Настенька вошла вслѣдъ за нимъ: лицо ея горѣло, глаза блистали.

— Гдѣ же нашъ литераторъ?—спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Онъ, я думаю, сейчасъ придетъ,—отвѣчала Настенька, сѣла къ окну и отворила его.

— Полно, душа моя! Что это ты дѣлаешь? Холодно,—замѣтилъ ей Петръ Михайлычъ.

— Нѣтъ, папаша, ничего, позвольте... мнѣ душно...—отвѣчала Настенька.

Вошелъ Калиновичъ.

— Милости просимъ! Портфель вашъ здѣсь, принесенъ. Извольте садиться и читать, а мы будемъ слушать,—сказалъ Петръ Михайлычъ.

— Нѣтъ, Петръ Михайлычъ, извините меня: я сегодня не могу читать,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это что такое? Отчего не можете? — спросилъ съ удивленіемъ Петръ Михайлычъ.

— Что-то нездоровится; въ другое время какъ-нибудь.

— Полноте, что за вздоръ! Неужели васъ эти редакторы такъ опечалили? Врутъ они: мы заставимъ ихъ напечатать!—

говорилъ старикъ.—Настенька!—обратился онъ къ дочери:—уговори хоть ты какъ-нибудь Якова Васильича; что это такое?

Настенька ничего не сказала и только посмотрѣла на Калиновича.

— Рѣшительно сегодня не могу читать, — отвѣчалъ тотъ и, взявъ портфель, шляпу и поклонившись всѣмъ общимъ поклономъ, ушелъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! — проговорилъ Петръ Михайлычъ:— что съ нимъ сдѣлалось! Настенька, не знаешь ли ты, отчего онъ не хотѣлъ читать?

— Онъ на меня, папенька, разсердился: я сказала ему, что онъ не можетъ быть литераторомъ, — отвѣчала Настенька.

При этомъ отвѣтѣ ея капитанъ какъ-то странно откашлянулся.

— Экая ты, душа моя! Зачѣмъ это? Онъ и такъ разстроенъ, а ты его больше сердишь!

— Очень нужно! Пускай сердится! Я сама на него сердита,— сказала Настенька и, напоивъ всѣхъ торопливо чаемъ, сейчасъ же ушла къ себѣ въ комнату.

Два брата, оставшись вдвоемъ, долго сидѣли молча. Петръ Михайлычъ, отъ скуки, читалъ въ старыхъ газетахъ извѣстія о пріѣхавшихъ и уѣхавшихъ изъ столицы.

— Гдѣ Настенька? — спросилъ онъ наконецъ.

Капитанъ молча всталъ, вышелъ и тотчасъ же возвратился.

— У себя въ спальнѣ, — проговорилъ онъ.

— Что жъ она тамъ дѣлаетъ? — спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Лежатъ внизъ лицомъ въ постелькѣ,—отвѣчалъ капитанъ.

Петръ Михайлычъ покачалъ головой.

— Разссорились, видно. Эхъ, молодость, молодость! — проговорилъ онъ.

Капитанъ въ продолженіе всего вечера переминалъ языкъ, какъ бы намѣреваясь что-то такое сказать, и ничего однако не сказалъ.

VIII.

Прошло два дня. Калиновичъ не являлся къ Годневымъ. Настенька все сидѣла въ своей комнатѣ и плакала. Палагея Евграфовна обратила наконецъ на это вниманіе.

— Что это барышня-то у насъ все плачетъ! — сказала она Петру Михайлычу.

— Поссорились съ молодцомъ-то, такъ и горюютъ оба: тотъ ходитъ мимо, какъ темная ночь, а эта плачетъ.

Палагея Евграфовна на это отвѣчала глубокимъ вздохомъ и своей обыкновенной поговоркой: «э-э-э, хе-хе-хе», что всегда означало съ ея стороны нѣкоторое неудовольствіе.

На третій день Петру Михайлычу стало жаль Настеньки.

— А что, душа моя, — сказалъ онъ: — я схожу къ Калиновичу. Что это за глупости онъ дѣлаетъ: дуется!

— Нѣтъ, папаша, я лучше ему напишу; я сейчасъ напишу и пошлю, — сказала Настенька.

Она замѣтно обрадовалась намѣренію отца.

— Напиши. Кто васъ разберетъ? У васъ свои дѣла... — сказалъ старикъ съ улыбкою.

Настенька ушла.

Капитанъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены и все что-то хмурившійся, вдругъ проговорилъ:

— Я полагаю, братецъ, дѣвицѣ неприлично переписываться съ молодымъ мужчиной.

— Да, пожалуй, по нашему съ тобой, Флегонтъ Михайлычъ, и такъ бы; да нынче, сударь, другія ужъ времена, другіе нравы.

— Вы бы могли, кажется, остановить въ этомъ Настасью Петровну: она, вѣроятно бы, васъ послушалась.

— Что жъ останавливать? Запрещать станешь, такъ потихоньку будутъ писать — еще хуже. Пускай переписываются; я въ Настенькѣ увѣренъ: въ ней никогда никакихъ дурныхъ наклонностей не замѣчалъ; а что полюбила молодца не изъ золотца, такъ не велика еще бѣда: такъ и быть должно.

— Огласка можетъ быть, пустыхъ словъ по сторонамъ будутъ много говорить! — замѣтилъ капитанъ.

— А пусть себѣ говорятъ! Пустыя рѣчи пустяками и кончатся.

Настенька возвратилась.

— Флегонтъ Михайлычъ, Настенька, находитъ неприличнымъ, что ты переписываешься съ Калиновичемъ; да и я, пожалуй, того же мнѣнія... — сказалъ ей Петръ Михайлычъ.

— Что жъ тутъ такого неприличнаго? Я пишу къ нему не Богъ знаетъ что такое, а звала только, чтобъ пришелъ къ намъ. Дяденька во всемъ хочетъ видѣть неприличіе!

— Онъ видитъ это потому, что любитъ тебя и желаетъ, чтобъ всѣ твои поступки были поступками благовоспитанной дѣвицы, — возразилъ Петръ Михайлычъ.

— Странная любовь: видѣть во всякихъ пустякахъ дурное!

— Это вотъ, милушка, по-вашему, по-нынѣшнему, пустяки; а въ старину у нашихъ предковъ дѣвицы даже съ открытымъ лицомъ не показывались мужчинамъ.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ? — спросила Настенька.

— А то, что это выражало, — продолжалъ Петръ Михайлычъ внушительнымъ тономъ: — застѣнчивость, стыдливость — качества, которыя украшаютъ женщину гораздо больше, чѣмъ самыя блестящія дарованія.

Настенька хотѣла-было что-то возразить отцу, но въ это время пришелъ Калиновичъ.

— А, Яковъ Васильичъ!—воскликнулъ Петръ Михайлычъ:— наконецъ-то мы васъ видимъ! А все эта шпилька, Настасья Петровна... Не вѣрьте, сударь, ей, не слушайте: вы можете и должны быть литераторомъ.

Калиновичъ, кажется, совершенно не понялъ словъ Петра Михайлыча, но не показалъ виду. Настенькѣ онъ протянулъ, по обыкновенію, руку; она подала ему свою какъ бы нехотя и потупилась.

— Принесли ли вы ваше сочиненіе? — спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Со мной, — отвѣчалъ Калиновичъ и вынулъ изъ портфеля знакомую уже намъ тетрадь.

Петръ Михайлычъ, непремѣнно требуя, чтобъ всѣ сѣли чинно у стола, заставилъ подвинуться капитана и усадилъ даже Палагею Евграфовну.

Въ продолженіе чтенія онъ очень часто восклицалъ:

— Хорошо, хорошо! Языкъ обработанъ; интересъ растетъ...— и потомъ, когда Калиновичъ пріостановился, проговорилъ: — Погодите, Яковъ Васильичъ; я вотъ очень вѣрю простому чувству капитана. Скажите намъ, Флегонтъ Михайлычъ, какъ вы находите: хорошо или нѣтъ?

— Я не могу судить-съ! — отвѣчалъ тотъ.

— Пустое, сударь, уполномочиваемъ васъ отъ лица автора сказать ваше мнѣніе.

Капитанъ рѣшительно отказывался.

— Заартачился! — произнесъ Петръ Михайлычъ и отнесся къ дочери: — ну, а ты какъ находишь?

— Хорошо, кажется... — отвѣчала та довольно сухо.

Она была очень грустна. Петръ Михайлычъ погрозилъ ей пальцемъ.

Калиновичъ снова приступилъ къ чтенію, и когда кончилъ, старикъ сдѣлалъ ему ручкой и повторилъ нѣсколько разъ:

— Bene, optime, optime!

— Неужели же эти господа редакторы находятъ недостойною напечатать вашу повѣсть? — сказала съ усмѣшкою Настенька.

— Не знаю, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Между тѣмъ лицо Петра Михайлыча начинало принимать болѣе и болѣе серьезное выраженіе.

— Погодите, постойте! — началъ онъ глубокомысленнымъ тономъ: — не позволите ли вы мнѣ, Яковъ Васильичъ, послать ваше сочиненіе къ одному человѣку въ Петербургъ, теперь ужъ лицу важному, а прежде моему хорошему товарищу?

— Врядъ ли будетъ успѣхъ! — возразилъ Калиновичъ.

— Будетъ-съ!—произнесъ рѣшительно Петръ Михайлычъ:— человѣкъ этотъ благорасположенъ ко мнѣ и пользуется между литераторами большимъ авторитетомъ. Я говорю о Ѳедорѣ Ѳедорычѣ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.

— Онъ напечатаетъ, — подтвердила Настенька.

— Еще бы! Онъ заставитъ напечатать: у него всѣ эти господа редакторы и издатели по стрункѣ ходятъ. Итакъ, согласны вы, или нѣтъ?

— Извольте, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Петръ Михайлычъ остался очень этимъ доволенъ.

— Значитъ, идетъ! — проговорилъ онъ и тотчасъ же, доставъ пачку почтовой бумаги, выбралъ изъ нея самый чистый, лучшій листъ и принялся, надѣвъ очки, писать на немъ своимъ старинным, круглымъ и очень красивымъ почеркомъ, по временамъ останавливаясь, потирая лобъ и постоянно потѣя. Изготовленное имъ письмо было такого содержанія:

«Ваше превосходительство,

«Милостивый государь,

«Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

«Хотя потокъ времени унесъ далеко счастливые дни моей юности, когда имѣлъ я счастье быть вашимъ однокашникомъ, и фортуна поставила васъ, достойно возвыся, на слишкомъ высокую, сравнительно со мной, ступень мірскихъ почестей, но, питая полную увѣренность въ неизмѣнность вашу во всѣхъ благородныхъ чувствованіяхъ и зная вашу полезную, доказанную многими опытами любовь къ успѣхамъ русской литературы, беру на себя смѣлость представить на вашъ образованный судъ сочиненіе въ повѣствовательномъ родѣ одного молодого человѣка, воспитанника московскаго университета и моего преемника по службѣ, который желалъ бы помѣстить свой трудъ въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій. Хотя еще безсмертный Карамзинъ нашъ сказалъ, что Парнасъ — гора высокая и дорога къ ней негладкая; но зачѣмъ же совершенно возбранять на него путь молодымъ людямъ? Слышалъ я, что редакторы журналовъ неохотно печатаютъ произведенія начинающихъ писателей; но милостивое участіе и ручательство вашего превосходительства

въ достоинствѣ представляемаго вашему покровительству произведенія можетъ уничтожить эту преграду. Будучи знакомъ съ авторомъ, смѣю увѣрить, что онъ исполненъ образованнаго ума и благородныхъ чувствованій.

«Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь пребыть

«вашего превосходительства

«покорнѣйшимъ слугою

«Петръ Годневъ».

Прочитавъ все это вслухъ, Петръ Михайлычъ спросилъ Калиновича, доволенъ ли онъ содержаніемъ и изложеніемъ?

— Очень, — отвѣчалъ тотъ.

Старикъ самодовольно улыбнулся и послалъ Настеньку принести ему изъ кабинета сургучъ и печать. Та пошла.

— Что жъ имъ безпокоиться? Позвольте мнѣ сходить, — проговорилъ Калиновичъ и, войдя вслѣдъ за Настенькой въ кабинетъ, хотѣлъ-было взять ее за руку, но она отдернула.

— Палачи жертвъ своихъ не ласкаютъ! — проговорила она и возвратилась къ отцу.

Взявъ рукопись, Петръ Михайлычъ первоначально перекрестился и, проговоривъ:—«Съ Богомъ, любезная, иди къ невскимъ берегамъ», началъ запаковывать ее съ такимъ стараніемъ, какъ бы отправлялъ какое-нибудь собственное сочиненіе, за которое ему предстояло получить по крайней мѣрѣ милліонъ или безсмертіе. Въ то время, какъ онъ занятъ былъ этимъ дѣломъ, капитанъ замѣтилъ, что Калиновичъ наклонился къ Настенькѣ и сказалъ ей что-то на ухо.

— Да, — отвѣчала она.

Во весь остальной вечеръ молодой смотритель былъ необыкновенно веселъ: видимо стараясь развеселить Настеньку, онъ безпрестанно заговаривалъ съ нею и наконецъ за ужинамъ вздумалъ-было въ тонѣ Петра Михайлыча подтрунить надъ капитаномъ.

— Мнѣ сегодня, капитанъ, одинъ человѣкъ сказывалъ, что вы на охотѣ убиваете дичь больше серебряной пулей, чѣмъ свинцовой: прикупаете иногда? — сказалъ онъ ему.

Капитанъ, сверхъ ожиданія, вдругъ поблѣднѣлъ, губы у него задрожали.

— Я человѣкъ бѣдный: мнѣ не на что покупать, — сказалъ онъ удушливымъ голосомъ.

Калиновичъ сконфузился.

— Что жъ бѣдный! Честь охотника для человѣка дороже всего, — возразилъ онъ, усиливаясь продолжать шутку: — и я хотѣлъ только васъ спросить, правда это или нѣтъ?

— Прошу васъ оставить меня!.. Братецъ Петръ Михайлычъ могутъ, а вы еще молоды шутить надо мной, — отрѣзалъ капитанъ.

— Вы, дяденька, не понимаете, видно, что съ вами шутятъ, — вмѣшалась Настенька.

— Нѣтъ-съ, я все понимаю... — отвѣчалъ капитанъ.

— Воинъ! — произнесъ торжественнымъ тономъ Петръ Михайлычъ: — успокой свой благородный рыцарскій духъ и изволь кушать!

— Я ѣмъ, братецъ. Извините меня; я имъ только хотѣлъ замѣтить...

— Нѣтъ, вы не только замѣтили, — возразилъ Калиновичъ, взглянувъ на капитана исподлобья: — а вы на мою легкую шутку отвѣчали дерзостью. Постараюсь не ставить себя въ другой разъ въ такое непріятное положеніе.

— Я васъ самъ объ этомъ же прошу, — отвѣчалъ капитанъ и, уткнувъ глаза въ тарелку, началъ ѣсть.

— Ну, будетъ, господа! Что это у васъ за пикировка, терпѣть этого не могу! — заключилъ Петръ Михайлычъ, и разговоръ тѣмъ кончился.

Калиновичъ ушелъ домой первый. Капитанъ отправился за нимъ вскорѣ. При прощаньи онъ еще разъ извинился передъ Петромъ Михайлычемъ.

— Извините, братецъ; я не могъ этого снести.

— Ничего, ничего; помиритесь только. Въ чемъ вамъ ссориться? Онъ человѣкъ хорошій, а вы безподобный!

Опять у капитана, кажется, вертѣлось что-то на языкѣ, но и опять онъ ничего не сказалъ.

Вышедъ на улицу, Флегонтъ Михайлычъ пріостановился, подумалъ немного и потомъ не пошелъ, по обыкновенію, домой, а поворотилъ въ совершенно другую сторону. Ночь была осенняя, темная, хоть глазъ, какъ говорится, выколи; порывистый вѣтеръ опахивалъ холодными волнами и воймя-завывалъ гдѣ-то въ сосѣдней трубѣ. Въ цѣломъ городѣ хотя бы въ одномъ домѣ промелькнулъ огонекъ; всѣ уже мирно спали, и только въ гостиномъ дворѣ протявкивали изрѣдка собаки.

Дошедъ до квартиры Калиновича, капитанъ остановился, посмотрѣлъ нѣсколько времени на окно и пошелъ назадъ. Возвратившись къ дому брата, онъ сѣлъ на ближайшій тротуарный столбикъ, присѣкъ огня и закурилъ трубку. Въ это же самое время съ задняго двора квартиры молодого смотрителя промелькнула чья-то тѣнь, спустилась къ рѣкѣ и начала пробираться, прячась за установленныя по всему берегу березовыя полѣнницы. Противъ сада Годневыхъ тѣнь эта про-

пала. Между тѣмъ на соборной колокольнѣ сторожъ, въ доказательство того, что не спитъ, пробилъ два часа. Испуганная этими звуками цѣлая стая воронъ слетѣла съ церковной кровли и понеслась, каркая, въ воздухѣ... Наконецъ вниманіе капитана обратили на себя двѣ тѣни, изъ которыхъ одна повернула въ переулокъ, а другая подошла къ воротамъ Петра Михайлыча и начала что-то тутъ дѣлать. Въ нѣсколько прыжковъ очутился онъ у воротъ и схватилъ тѣнь за шиворотъ.

— Кто вы такіе? Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ онъ.

Тѣнь, вмѣсто отвѣта, старалась вырваться, но тщетно. Она какъ будто бы попала въ желѣзныя клещи: послѣ мясника, мѣщанина Ивана Павлова, носившаго мучные кули въ пятнадцать пудовъ, потомъ Лебедева, поднимавшаго десять пудовъ, капитанъ былъ первый по силѣ въ городѣ и разгибалъ подкову, какъ мягкій крендель.

— Кто вы такіе?—повторилъ онъ.

Тѣнь замахнулась-было на него палкой, но Флегонтъ Михайлычъ вырвалъ ее очень легко. Оказалось, что это была малярная кисть, перемаранная въ дегтю. Капитанъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— А! Такъ вы этимъ занимаетесь!—проговорилъ онъ и въ минуту швырнулъ тѣнь на землю, наступилъ ей колѣномъ на грудь и началъ мазать по лицу кистью.

— Караулъ!—прокричала тѣнь.

— Молчать!—сказалъ капитанъ, подавивъ слегка ногою и продолжая свое занятіе.

— Караулъ! Караулъ! — отозвалась другая тѣнь изъ переулка, не подбѣгая, впрочемъ, на помощь.

Въ улицѣ переполошились.

— Батька, встань! Караулъ на улицѣ кричатъ! — будила мѣщанка спавшаго мертвымъ сномъ мужа.

— Убирайся!—сказалъ онъ и, выругавшись, повернулся къ стѣнѣ.

— Песъ этакій! Караулъ кричатъ. Подъ окномъ найдутъ мертвое тѣло, тебя же въ судъ потянутъ! — продолжала баба, толкая мужа въ бокъ, но, получивъ въ отвѣтъ одно только сердитое мычанье, проговорила:

— Охъ, Господи! Страсти какія! Наше мѣсто свято! — а потомъ зѣвнула, перекрестилась и сама захрапѣла.

— Дѣвка, дѣвка! Мароушка, Катюшка! — кричала, приподнимаясь на своей постели, худая, какъ мертвецъ, съ всклоченною сѣдою головою, старая барышня-дѣвица, переѣхавшая въ городъ, чтобъ ближе быть къ церкви:—подите, посмотрите, разбойницы, что за шумъ на улицѣ?

По ей никто не откликнулся.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что это за сони: ничего не слышатъ! — бормотала старуха, слѣзая съ постели, и, надѣвъ валенки, засвѣтила у лампады свѣчку и отправилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ спали ея двѣ прислужницы; но—увы!— постели ихъ были пусты, и гдѣ онѣ были — неизвѣстно, вѣроятно, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ госпожа имъ строго запрещала бывать.

— Царица Небесная! Владычица моя! На Тебя только моя надежда, всѣми оставлена: и родными и прислугою... Что это? Помилуйте, до чего безнравственность доходитъ: по ночамъ бѣгаютъ... трубку курятъ... этта одна пьяная пришла... Содомъ и Гоморръ! Содомъ и Гоморръ!

Покуда старуха такъ говорила, одна изъ дѣвокъ, вся запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, прибѣжала.

— Душегубка! Гдѣ была и пропадала—сказывай!—говорила госпожа, растопыривая передъ ней руки.

— На улицу, барышня, бѣгала: на улицѣ шумятъ.

— Врешь; гдѣ другая злодѣйка?

— Ту, матушка-барышня, ухватило, такъ на печкѣ лежитъ, виновата...

— Врешь, врешь! Завтра же обѣимъ косу обстригу и въ деревню отправлю. Нѣтъ моихъ силъ, нѣтъ моей возможности справляться съ вами!

— Вся ваша воля, сударыня; мы никогда вамъ ни въ чемъ не противны. Полноте-ка, извольте лучше лечь въ постельку, я вамъ ножки поглажу, — сказала изворотливая горничная и, уложивъ старуху, до тѣхъ поръ гладила ноги, что та заснула, а она опять куда-то отправилась.

У Годневыхъ тоже услыхали. Первая выскочила на улицу, съ фонаремъ въ рукахъ, неусыпная Палагея Евграфовна и освѣтила капитана съ его противникомъ, которымъ оказался Медіокритскій. Узнавъ его, капитанъ еще болѣе озлился.

— А! Такъ это вы красите дегтемъ! — проговорилъ онъ и что есть силы началъ молодого столоначальника тыкать кистью въ носъ и въ губы.

Гнѣвъ и ожесточеніе Флегонта Михайлыча были совершенно законны: по уѣзднымъ нравамъ, вымарать дегтемъ ворота въ домѣ, гдѣ живетъ молодая женщина или молодая дѣвушка, значитъ публично ее опозорить, и къ этому средству обыкновенно прибѣгаютъ между мѣщанами, а пожалуй, и купечествомъ, оставленные любовники.

Капитанъ, вѣроятно, нескоро бы еще разстался съ своей жертвой; но въ эту минуту точно изъ-подъ земли выросъ Ка-

линовичъ. Появленіе его, въ свою очередь, удивило Флегонта Михайлыча, такъ что онъ выпустилъ изъ рукъ кисть и Медіокритскаго, который, воспользовавшись этимъ, вырвался и пустился бѣжать. Калиновичъ тоже былъ встревоженъ. Палагея Евграфовна, сама не зная для чего, стала раскрывать ставни.

— Что̀ такое случилось? Я еще не успѣлъ заснуть, вдругъ слышу шумъ, одѣлся во что попало и побѣжалъ,—обратился къ ней Калиновичъ.

Она только развела руками.

— Ничего, говоритъ, не знаю.

— Что̀ такое у васъ съ нимъ, Флегонтъ Михайлычъ, вышло?—обратился онъ къ капитану.

— Я братцу доложу-съ,—отвѣчалъ тотъ и пошелъ въ домъ.

— Позвольте и мнѣ, — говорилъ Калиновичъ, слѣдуя за нимъ.

Петра Михайлыча они застали тоже въ большомъ испугѣ. Онъ стоялъ, разставивши руки, передъ Настенькой, которая въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ была вечеромъ, лежала съ закрытыми глазами на диванѣ.

— Господа, подите сюда, Бога ради, посмотрите, что у насъ надѣлалось: Настя безъ чувствъ! — говорилъ онъ растерявшимся голосомъ.

Палагея Евграфовна бросилась распускать Настенькѣ платье, а Калиновичъ схватилъ со стола графинъ съ водой и началъ ей примачивать голову. Петръ Михайлычъ дрожалъ и безпрестанно спрашивалъ:

— Что̀? Лучше ли? Лучше ли?

Настенька наконецъ открыла глаза, но, увидѣвъ около себя Калиновича, быстро отодвинулась и сначала захохотала, а потомъ зарыдала. Петръ Михайлычъ упалъ въ кресло и схватилъ себя за голову.

— Помѣшалась!—проговорилъ онъ.

Но съ Настенькой была только сильная истерика. Калиновичъ стоялъ блѣдный и ничего не говорилъ. Капитанъ смотрѣлъ на все исподлобья. Одна Палагея Евграфовна не потеряла присутствія духа; она перевела Настеньку въ спальню, уложила ее въ постель, дала ей гофманскихъ капель и пошла успокоить Петра Михайлыча.

— Ну, а вы-то что̀? Точно маленькій!—говорила она.

Старикъ дѣйствительно былъ точно маленькій.

— Только-что я вздремнулъ,—говорилъ онъ:—вдругъ слышу: «караулъ, караулъ, рѣжутъ!..» Мнѣ показалось, что это было въ саду, засвѣтилъ свѣчку и пошелъ сюда; гляжу: Настенька

идетъ съ балкона... я ее окрикнулъ... она вдругъ хлопъ на диванъ.

Капитанъ въ отрывистыхъ фразахъ разсказалъ брату, какъ у него будто бы болѣла голова, какъ онъ хотѣлъ прогуляться и все прочее.

— Ахъ, онъ, мерзавецъ! Негодяй! Дочь мою осмѣлился позорить! Я сейчасъ пойду къ городничему... къ губернатору сейчасъ поѣду... Я здѣсь честнѣй всѣхъ... Къ городничему!— говорилъ старикъ и, какъ его ни отговаривали, началъ торопливо одѣваться.

— Я знаю, чьи это штуки; это все мерзавка исправница... это она его научила!.. Я завтра весь домъ ея замараю дегтемъ: онъ любовникъ ея!.. Она безнравственная женщина и смѣетъ опорочивать честную дѣвушку! За это вступится Богъ!..—заключилъ онъ и, порывисто распахнувъ двери, ушелъ.

— Ну, вотъ пошелъ тоже! Дѣла не надѣлаетъ, а только себя еще больше встревожитъ. Ходи послѣ за нимъ, за больнымъ!—брюзжала Палагея Евграфовна.

Калиновичъ вызвался проводить Петра Михайлыча и едва успѣлъ его догнать у присутственныхъ мѣстъ.

Придя въ полицію, они сейчасъ же послали за городничимъ, и старый служака не замедля явился въ мундирѣ и при шпагѣ. По требованію дворянства, онъ всегда являлся въ полной формѣ.

Петръ Михайлычъ отъ усталости и волненія не въ состояніи былъ говорить, но за него очень подробно и послѣдовательно разсказалъ Калиновичъ. Старикашка городничій тоже вышелъ изъ себя, застучалъ своей клюкой и закричалъ:

— Го, го, го! Какія они штуки стали отпускать. Въ казаматъ его, стрикулиста!—Потомъ свистнулъ и вскрикнулъ еще громче:—Борзой!.. сюда!

При этомъ возгласѣ, въ арестантской кубаремъ слетѣлъ съ полатей дежурный десятскій, бездомный и безсемейный мѣщанинишка, служившій по найму при полиціи и продававшійся нѣсколько разъ въ солдаты, но не попавшій единственно по недостатку всѣхъ зубовъ въ верхней челюсти, которые вышибъ, свалившись еще въ дѣтствѣ съ крыши. Представъ предъ начальникомъ, Борзой вытянулся.

— Поди сейчасъ, отыщи мнѣ рыжаго Медіокритскаго въ огнѣ... въ водѣ... въ землѣ... гдѣ хочешь, и представь его, каналью, сюда живого или мертваго! Или знаешь вотъ эту клюку! — проговорилъ городничій и грозно поднялъ жезлъ свой.

— Слушаю, ваше благородіе!—отвѣчалъ Борзой, повернулся

и чрезъ минуту летѣлъ въ прискочку по улицѣ, съ быстротой истинно-гончей собаки.

— Въ казаматъ его, каналью, засажу! — говорилъ градоначальникъ, расхаживая съ своей клюкой по присутственной камерѣ.

— Въ казаматъ!—подтвердилъ Петръ Михайлычъ.

— Если бъ не я, сударь, — продолжалъ городничій:—эти мѣщанинишки и приказные разбойничали бы по ночамъ.

— Именно, именно,—подтверждалъ Петръ Михайлычъ.—Я человѣкъ не злой, несчастья никому не желаю, а этакихъ людей жалѣть нечего.

— Не жалѣю я ихъ, сударь,—отвѣчалъ городничій, дѣлая строгую мину: — не люблю я съ ними шутки шутить. Самъ губернаторъ старика хромого городничаго знаетъ.

— Такъ и надо, такъ и надо! Я и самъ, когда былъ смотрителемъ, это у меня кто порѣзвится, пошалитъ—ничего; а буяну и грубіяну не спускалъ,—прихвастнулъ Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ только улыбался, слушая, какъ пѣтушились два старика, изъ которыхъ про Петра Михайлыча мы знаемъ, какого онъ былъ строгаго характера; что же касается городничаго, то всѣ его полицейскія мѣры ограничивались крикомъ и клюкой, которою зато онъ дѣйствовалъ отлично, такъ что этой клюки боялись врядъ ли не больше, чѣмъ его самого, какъ будто бы вся сила была въ ней.

Медіокритскаго привели. На лицѣ его, какъ онъ, видно, ни умывался, все еще оставались ясные слѣды дегтя. Старикъ городничій сѣлъ въ грозную позу противъ зерцала.

— Гдѣ вы были сегодняшнюю ночь?—спросилъ онъ.

— Дома-съ. Гдѣ жъ мнѣ быть больше?—отвѣчалъ довольно дерзко Медіокритскій.

— Какъ? Вы были дома? Врете! Зачѣмъ же вы были въ Дворянской улицѣ, у воротъ г. Годнева?

— Я тамъ не былъ.

— Какъ не былъ? Еще запирается, стрикулистъ! Говорить у меня правду, лжи не люблю—знаешь! — воскликнулъ городничій, стукнувъ клюкой.

— Вы не извольте клюкой вашей стучать и кричать на меня: я чиновникъ,—проговорилъ Медіокритскій.

Петръ Михайлычъ только пожалъ плечами, городничій откинулся на задокъ креселъ.

— Ась? Какъ вы посудите нашу полицейскую службу? Что бъ я съ нимъ по-нашему, по-военному, долженъ былъ сдѣлать?—проговорилъ онъ и присовокупилъ болѣе спокойнымъ и официальнымъ тономъ:—отвѣчайте на мой вопросъ!

— Нѣтъ-съ, я не буду вамъ отвѣчать, — возразилъ Медіокритскій: — потому что я не знаю, за что именно взятъ: меня схватили, какъ вора какого-нибудь, или разбойника; и такъ какъ я состою по вѣдомству земскаго суда, такъ желаю имѣть депутата, а вамъ я отвѣчать не стану. Не угодно ли вамъ послать за моимъ начальникомъ, г. исправникомъ.

— Что жъ вы меня подозрѣваете, что ли? Душои, что ли, покривлю?.. Въ казаматъ тебя, стрикулиста! — воскликнулъ опять вышедшій изъ себя городничій.

— Я ничего не знаю, а требую только законнаго, и вы на меня не извольте кричать!—повторилъ съ прежнею дерзостью Медіокритскій.

Старикъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, и если бъ, кажется, онъ былъ вдвоемъ съ подсудимымъ, такъ тому бы не уйти отъ его клюки.

— Я полагаю, что за г. исправникомъ можно послать, если этого желаетъ г. Медіокритскій,—вмѣшался Калиновичъ.

— Извольте, — отвѣчалъ городничій и тотчасъ свистнулъ. Предсталъ опять Борзой.

— Поди сейчасъ къ г. исправнику, скажи, чтобъ его разбудили, и попроси сюда по очень важному дѣлу.

Тотъ отправился.

— Г. Медіокритскому, я думаю, можно выйти?—присовокупилъ Калиновичъ.

— Можетъ-съ! — отвѣчалъ городничій. — Извольте итти въ эту комнату, — прибавилъ онъ строго Медіокритскому, который съ насмѣшливой улыбкой вышелъ.

Калиновичъ послѣ того отвелъ обоихъ стариковъ къ окну и весьма основательно объяснилъ, что слѣдствіемъ врядъ ли они докажутъ что-нибудь, а между тѣмъ Петру Михайлычу, конечно, будетъ непріятно, что имя его самого и наконецъ дочери будетъ замѣшано въ слѣдственномъ дѣлѣ.

— Правда, правда... — подтвердилъ городничій.

— Господи Боже мой! Во всю жизнь не имѣлъ никакихъ дѣлъ, и до чего я дожилъ! — воскликнулъ Петръ Михайлычъ.

— И потому я полагаю, такъ какъ теперь придетъ г. исправникъ, — продолжалъ Калиновичъ: — то г. городничему вмѣстѣ съ нимъ донести начальнику губерніи съ подробностью о поступкѣ г. Медіокритскаго, а тотъ, безъ всякаго слѣдствія, распорядится гораздо лучше.

— Пожалуй, что такъ; а я его все-таки въ казаматѣ выдержу, — сказалъ городничій.

— Хорошо, — подтвердилъ Петръ Михайлычъ: — суди меня

Богъ, а я ему не прощу; самъ буду писать къ губернатору; онъ пойметъ чувства отца. Обидь, оскорби онъ меня, я бы только посмѣялся; но онъ тронулъ честь моей дочери — никогда я ему этого не прощу! — прибавилъ старикъ, ударивъ себя въ грудь.

Исправникъ пришелъ съ испуганнымъ лицомъ. Мы отчасти его ужъ знаемъ, и я только прибавлю, что это былъ смиреннѣйшій человѣкъ въ мірѣ, страшный трусъ по службѣ и еще больше того боявшійся своей жены. Ему разсказали, въ чемъ дѣло.

— Скажите, пожалуйста! — проговорилъ онъ, еще болѣе испугавшись.

— Мы сейчасъ съ вами рапортъ напишемъ на него губернатору, — сказалъ городничій.

— Напишемъ - съ, — отвѣчалъ исправникъ: — какъ бы только и намъ чего не было!

Калиновичъ объяснилъ, что имъ никакимъ образомъ ничего не можетъ быть, а что, напротивъ, если они скроютъ, въ такомъ случаѣ будутъ отвѣчать.

— Конечно, будемъ, — согласился и съ этимъ исправникъ.

— Непремѣнно, — подтвердилъ Калиновичъ и тотчасъ написалъ своей рукой, прямо набѣло, рапортъ губернатору въ возможно рѣзкихъ выраженіяхъ, къ которому городничій и исправникъ подписались.

Медіокритскій чрезъ дощатую перегородку подслушалъ весь разговоръ и, видя, что дѣло его принимаетъ очень дурной оборотъ, бросился къ исправнику, когда тотъ выходилъ.

— Николай Егорычъ, что жъ вы меня выдали? Я служилъ, служилъ вамъ... Если ужъ я такъ долженъ терпѣть, такъ я лучше готовъ прощенія у нихъ просить.

Исправникъ воротился. Медіокритскій вошелъ за нимъ.

— Прощенія хочетъ просить, — проговорилъ исправникъ.

— Ваше высокоблагородіе... — отнесся Медіокритскій сначала къ городничему и сталъ просить о помилованіи.

— Нѣтъ, нѣтъ-съ! — отвѣчалъ тотъ.

— Петръ Михайлычъ! — обратился онъ съ той же просьбой къ Годневу: — не погубите навѣки молодого человѣка. Царь Небесный заплатитъ вамъ за вашу доброту.

Проговоря эти слова, Медіокритскій сталъ предъ Петромъ Михайлычемъ на колѣни. Старикъ отвернулся.

— Ваше высокородіе, окажите милосердіе, — молилъ онъ, переползая на колѣняхъ къ городничему.

Тотъ началъ щипать усы.

— Простите его, господа! — сказалъ исправникъ, и, вѣроятно, старики сдались бы, но вмѣшался Калиновичъ.

— Великодушіе, Петръ Михайлычъ, тутъ, кажется, не умѣстно, — сказалъ онъ: — а вамъ тѣмъ болѣе, какъ начальнику города, нельзя скрывать такіе поступки, — прибавилъ онъ городничему.

— Вы хотѣли, сударь, оскорбить дочь мою — не прощу я вамъ этого! — произнесъ Петръ Михайлычъ и пошелъ.

— И я тоже не прощу!.. Отъ казамата освобождаю, а этого не прощу, — присовокупилъ градоначальникъ и заковылялъ вслѣдъ за Петромъ Михайлычемъ.

Нужно ли говорить, какая туча сплетенъ разразилась послѣ того надъ головой моей бѣдной Настеньки! Уѣздныя барыни, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма секретно и благоразумно вели куры съ своими лакеями, а другія съ дьячками и семинаристами, — барыни эти, будто бы нравственно оскорбленныя, застрекотали какъ сороки, и между всѣми ними, конечно, выдавалась исправница, которая съ какимъ-то остервенѣніемъ начала ѣздить по всему городу и разсказывать, что Медіокритскій имѣлъ право это сдѣлать, потому что пользовался большимъ вниманіемъ этой госпожи Годневой, и что потомъ она сама своими глазами видѣла, какъ эта безнравственная дѣвчонка сидѣла, обнявшись съ молодымъ смотрителемъ, у окна. Приказничиха, съ своей стороны, тоже кое-что поразсказала. Она очень многимъ по секрету сообщила, что Настенька приходила къ Калиновичу одна-одинехонька, сидѣла у него на кровати, и чѣмъ они тамъ занимались — почти сомнѣнія никакого нѣтъ.

— Какъ это нынѣшнія дѣвушки нисколько себя не берегутъ, отцы мои родные! Если ужъ не Бога, такъ мірского бы стыда побоялись! — воскликнула она, пожимая плечами.

Ко всѣмъ этимъ слухамъ Медіокритскій вдругъ, по распоряженію губернатора, былъ исключенъ изъ службы. Все чиновничье общество еще болѣе заступилось за него, инстинктивно понимая, что онъ имъ родной, плоть отъ плоти ихней, а Годневы и Калиновичъ далеко отъ нихъ ушли.

IX.

Между тѣмъ наступилъ уже великій постъ, въ продолженіе котораго многое измѣнилось въ образѣ жизни у Годневыхъ: еще въ такъ называемое *прощальное воскресенье* на масленицѣ всѣ у нихъ въ домѣ ходили и прощались другъ передъ другомъ. Въ чистый понедѣльникъ Петръ Михайлычъ, схо-

дивъ очень рано въ баню, надѣвалъ обыкновенно самое старое свое платье, бриться началъ гораздо рѣже и переставалъ читать романы и журналы, а занимался болѣе чтеніемъ ученыхъ сочиненій и проповѣдей. На первой недѣлѣ у нихъ, по заведенному порядку, начали говѣть: ходили, разумѣется, на каждую службу, ѣли постное, и то больше сухояденіемъ. Петръ Михайлычъ даже чай пилъ не съ сахаромъ, а съ медомъ, и въ четвергъ передъ послѣднимъ эфимономъ, чопорно одѣтый въ сѣрый демикотоновый сюртучокъ и старомодную съ брызжами манишку, онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и ожидалъ благовѣста. Палагея Евграфовна умывалась и причесывалась, чтобъ итти въ церковь. Настенька помѣщалась съ Калиновичемъ въ гостиной и раскладывала граппасьянсъ. Она въ этотъ годъ отказалась отъ говѣнья. На дворъ прошелъ почтальонъ. Петръ Михайлычъ увидалъ его первый.

— Это откуда ко мнѣ посланіе? — проговорилъ онъ.

Ему подали толстый пакетъ и посылку. Штемпель былъ петербургскій. Старикъ испугался.

— Не опять ли вспять возвращаютъ? — проговорилъ онъ и, надѣвъ торопливо очки, началъ читать письмо.

Лицо его просвѣтлѣло съ первыхъ же строкъ. Дочитавъ, онъ перекрестился и закричалъ:

— Яковъ Васильичъ, Настенька! Подите сюда скорѣе — ура!

— Нѣтъ, папенька, мы здѣсь заняты, — отозвалась Настенька.

— Ура! Идите сюда ко мнѣ скорѣй, безтолковые! — продолжалъ кричать Петръ Михайлычъ.

Настенька и Калиновичъ вошли.

— Что вы кричите, папенька? — спросила Настенька.

— А вотъ что кричу: видите вотъ это письмо, эту книжку и вотъ эту газету? За все это Яковъ Васильичъ долженъ мнѣ шампанскаго купить — и знать больше ничего не хочу.

— Отъ кого же это письмо? — проговорила Настенька и хотѣла-было взять со стола пакетъ, но Петръ Михайлычъ не далъ.

— Та, та, та! Очень любопытна! Много будешь знать, скоро состарѣешься, — сказалъ онъ и, положивъ письмо, книгу и газету въ боковой карманъ, плотно застегнулъ сюртукъ.

— Это, вѣрно, изъ Петербурга что-нибудь, — сказалъ Калиновичъ нетвердымъ голосомъ.

— Ничего покуда не знаю-съ. Выставляйте напередъ шампанское, а тамъ увидимъ, что будетъ, — отвѣчалъ старикъ комическимъ тономъ.

— Ну, что, папаша? Да скажите поскорѣе, это скучно, — сказала Настенька.

— Я, пожалуй, готовъ хоть дюжину купить, только, ради Бога, не пытайте нашего терпѣнія, — сказалъ начинавшій уже блѣднѣть Калиновичъ.

Петръ Михайлычъ разсмѣялся.

— И стоитъ, сударь! — проговорилъ онъ, а потомъ, вынувъ на щегольской, гладкой и лощеной бумагѣ письмецо, началъ его читать съ разстановкой:

«Любезный Петръ Михайлычъ!

«Спѣшу отвѣчать на ваше посланіе и радуюсь, что могъ исполнить просимую вами небольшую послугу отъ меня. Прилагаю книжку журнала, въ которой напечатана повѣсть вашего протеже, а равно и газетный листокъ, случайно попавшійся мнѣ въ Англійскомъ клубѣ, съ лестнымъ отзывомъ о сочиненіи его. А затѣмъ, поручая, да хранитъ васъ милость Божія, пребываю съ душевнымъ моимъ расположеніемъ» — такой-то.

Эти короткія и, видимо, небрежно и свысока написанныя строки показались Годневымъ Богъ знаетъ какого благодушія исполненной вѣстью.

— Каково письмецо-съ и каковъ этотъ человѣкъ, мой почтенный Ѳедоръ Ѳедорычъ? — воскликнулъ Петръ Михайлычъ, кончивъ чтеніе.

— Чудный, должно-быть, онъ человѣкъ! — подхватила Настенька.

— Чудеснѣйшій! — повторилъ Петръ Михайлычъ: — сердца благороднаго, ума возвышеннаго — чудеснѣйшій!

— Что тамъ въ газетѣ пишутъ? — сказалъ Калиновичъ, берясь за голову, какъ бы не слыхавшій ничего, что вокругъ него говорилось.

— А вотъ сейчасъ, — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ и, развернувъ газету, началъ читать: «Фельетонъ; литературныя новости».

— Ну, что такое литературныя новости? — Посмотримъ, — проговорилъ онъ, продолжая:

«Давно мы не приступали къ нашему фельетону съ такимъ удовольствіемъ, какъ дѣлаемъ это въ настоящемъ случаѣ, и удовольствіе это, признаемся, въ насъ возбуждено не переводными стихотвореніями съ венгерскаго, въ которыхъ, между прочимъ, попадаются риѳмы въ родѣ «ѳиміамъ» съ «вамъ»; не повѣстью госпожи Д..., которая хотя и принадлежитъ легкому дамскому перу, но отличается такою тяжеловѣсностью, что мы еще не встрѣчали ни одного человѣка, у котораго достало бы

силы дочитать ее до конца; наконецъ не учеными изысканіями г. Сладкопѣвцова «О римскихъ когортахъ», отъ которыхъ чувствовать удовольствіе и оцѣнить ихъ по достоинству предоставляемъ спеціалистамъ; насъ же, напротивъ, непріятно поразили въ нихъ опечатки, попадающіяся на каждой страницѣ и дающія намъ право обвинить автора за небрежность въ изданіи своихъ сочиненій (въ незнаніи грамматики мы не смѣемъ его подозрѣвать, хотя имѣемъ на то нѣкоторое право)...»

— Что же это такое? — сказалъ Петръ Михайлычъ, останавливаясь читать: — тутъ покуда одна перебранка... Экій народъ эти господа фельетонисты!

— Продолжайте, папаша; вѣрно, дальше есть что-нибудь, — перебила съ нетерпѣніемъ Настенька.

Петръ Михайлычъ продолжалъ:—«Но чѣмъ же возбуждено наше удовольствіе?» — спроситъ наконецъ читатель. Отвѣчаемъ: Удовольствіе, это доставило намъ чтеніе повѣсти г. Калиновича, имя котораго, сколько помнится, въ первый разъ еще встрѣчаемъ мы въ печати; тѣмъ пріятнѣе для насъ признать въ немъ умнаго, образованнаго и талантливаго беллетриста. Отъ души желаемъ не ошибиться въ нашихъ ожиданіяхъ, возлагаемыхъ на г. Калиновича, а ему писать больше и полнѣе развивать тѣ благородныя мысли, которыхъ, помимо полнаго драматизма сюжета, такъ много разбросано въ его первомъ, но уже замѣчательномъ произведеніи».

При чтеніи послѣднихъ строкъ Калиновичъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ: видно было, что похвалы эти ему были очень пріятны, хоть онъ и старался это скрыть.

— Ахъ, какъ я рада! — сказала Настенька и закрыла глаза руками.

— Славно, славно! — говорилъ Петръ Михайлычъ. — И вы, Яковъ Васильичъ, еще жаловались на вашу судьбу! Вотъ какъ она васъ потѣшила и сразу поставила въ ряду лучшихъ нашихъ литераторовъ.

— Кто жъ этого могъ ожидать? — отвѣчалъ Калиновичъ.

— И я не думала, — сказала Настенька.

— А я такъ думалъ и ожидалъ, — подхватилъ Петръ Михайлычъ. — Стало-быть, у меня, у стараго словесника, есть тоже кой-какое пониманье. Я, какъ прослушалъ, такъ и вижу, что хорошо.

— И я, папаша, видѣла, что хорошо! — возразила Настенька: — но чтобъ такъ, вдругъ, всѣмъ понравилось... Я думаю, ни одинъ литераторъ не начиналъ съ такимъ успѣхомъ.

— Немногіе, — отозвался Калиновичъ, продолжая ходить

взадъ и впередъ по комнатѣ и стараясь смигнуть навернувшіяся на глазахъ слезы.

Петръ Михайлычъ замѣтилъ это и, показывая на него глазами, шепнулъ Настенькѣ:

— За душу, за сердце, значитъ, тронуло!

— Однако позвольте взглянуть, какъ тамъ напечатано, — сказалъ Калиновичъ и, взявъ книжку журнала, хотѣлъ-было читать, но остановился...

— Нѣтъ, не могу, — проговорилъ онъ, опять берясь за голову: — какое сильное однако чувство—видѣть свое произведеніе въ печати... читать даже не могу!

— Ничего, сударь, ничего; и не стыдитесь этого: это слезы пріятныя; а я вотъ что̀ теперь думаю: заплатятъ они вамъ, или для перваго раза и такъ сойдетъ?

— Конечно, заплатятъ, — отвѣчалъ Калиновичъ: — по пятидесяти рублей серебромъ они обыкновенно платятъ за листъ: это я навѣрное знаю.

— По пятидесяти, — повторилъ Петръ Михайлычъ и, сосчитавъ число листовъ, обратился къ дочери. — Ну-ка, Настенька, девять съ половиной на пятьдесятъ — сколько будетъ?

— Четыреста семьдесятъ пять,—отвѣчала та.

— Недурно! Есть на что выпить,—подхватилъ Петръ Михайлычъ.

— А я и забылъ выпить,—сказалъ Калиновичъ:—кого бы послать за шампанскимъ?

— Нѣтъ, погодите,—перебилъ Петръ Михайлычъ:—давеча я пошутилъ. Прежде отправимтесь-ка за ефимоны въ монастырь, да отслужите вы, Яковъ Васильичъ, благодарственный молебенъ здѣшнему угоднику.

— Ахъ, да, сдѣлайте это, Яковъ Васильичъ! — подхватила Настенька: — я большую вѣру имѣю къ здѣшнему угоднику.

— Я очень радъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! — подтвердилъ Петръ Михайлычъ:—здѣсь ни одинъ купецъ не уѣдетъ и не пріѣдетъ съ ярмарки безъ того, чтобъ не поклониться мощамъ. Я, признаться, какъ еще отправлялъ ваше сочиненіе, такъ сдѣлалъ мысленно это обѣщаніе.

Въ это время вошла Палагея Евграфовна, совсѣмъ одѣтая въ свой шелковый, опушенный котикомъ капоръ, дрядедамовый салопъ, и очень чѣмъ-то недовольная.

— Что̀ это, Петръ Михайлычъ, приказали итти вмѣстѣ, а тутъ сами сидите? Давнымъ-давно благовѣстятъ,—сказала она.

— Знаю, сударыня, знаю — ничего: мы идемъ всѣ въ монастырь; ступай и ты съ нами. А ты, Настенька, поди одѣ-

вайся,—говорилъ старикъ, проворно надѣвая бекешь и вооружаясь тростью.

— Ну, вотъ, въ монастырь выдумали: еще дальше!.. Не все равно молиться?.. Придемъ къ кресту!..—бормотала экономка и пошла.

— Идемъ, идемъ,—говорилъ Петръ Михайлычъ, идя вслѣдъ за ней и въ то же время восклицая:—скорѣй, Настасья Петровна! скорѣй! вѣчно васъ дожидайся!

Настенька наконецъ вышла и, вмѣстѣ съ Калиновичемъ, нагнала отца и экономку на половинѣ пути.

Монастырь, куда они шли, былъ старинный и небогатый. Со всѣхъ сторонъ его окружала высокая, толстая каменная стѣна, съ слѣдами бойницъ и съ четырьмя башнями по угламъ. Огромныя желѣзныя ворота, съ изображеніемъ изъ жести двухъ архангеловъ, были почти всегда заперты, и входили въ небольшую калиточку. Два храма, одинъ съ колокольней, а другой только церковь, стоявшіе по срединѣ монастырской площадки, были тоже старинной архитектуры. Къ стѣнѣ примыкали небольшія и довольно ветхія кельи для братій и другія прислуги.

Когда Петръ Михайлычъ съ своей семьей подошелъ къ монастырю, тамъ еще продолжался унылый и медленный великопостный звонъ въ небольшой и нѣсколько дребезжащій колоколъ. Служили въ теплой церкви, о чемъ можно было догадаться по сидѣвшему около ея входа слѣпому старику-монаху, въ круглой скуфейкѣ и худенькомъ, черномъ нанковомъ подрясникѣ, подпоясанномъ ремнемъ. Старикъ этотъ, слѣпой отъ рожденія, нѣсколько лѣтъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ монастырскаго привратника. Въ тридцать градусовъ мороза и въ іюльскія жары онъ всегда въ одномъ и томъ же, ничѣмъ не подбитомъ, нанковомъ подрясникѣ и въ худыхъ, на босу ногу, сапогахъ, сидѣлъ около столика, на которомъ стояла небольшая икона угодника и покрытое съ крестомъ пеленою блюдо для сбора подаянія въ монастырь. Когда подошли наши богомольцы, слѣпой тотчасъ же услышалъ и всталъ.

— Святому угоднику и чудотворцу!—проговорилъ онъ, кланяясь въ поясъ.

Всѣ помолились. Петръ Михайлычъ положилъ на блюдо гривенникъ. Калиновичъ сдѣлалъ то же. Церковную паперть, куда они вошли, составлялъ огромный коридоръ, по которому шаги ихъ отдались въ высокихъ сводахъ чуткимъ эхомъ. Коридоръ этотъ, какъ и во многихъ старинныхъ церквахъ, былъ почти темный, но съ живописью на стѣнахъ изъ Ветхаго Завѣта. Петръ Михайлычъ долго осиливалъ всплошь желѣзную церковную дверь, которая наконецъ, скрипя, тяжело распахну-

лась. Церковь была довольно большая; но величина ея казалась рѣшительно громадною отъ слабаго освѣщенія; горѣли только лампадки да тонкія восковыя свѣчи передъ мѣстными иконами, которыя вслѣдствіе этого какъ бы выступали изъ иконостаса, и тѣмъ поразительнѣе было впечатлѣніе, что онѣ ничего не говорили объ искусствѣ, а напоминали мощи.

Молящихся было немного: двѣ-три старухи-мѣщанки, изъ которыхъ двѣ лежали внизъ лицомъ; мужичокъ въ сѣромъ кафтанѣ, который стоялъ на колѣняхъ передъ иконой и, устремивъ на нее глаза, бормоталъ какую-то молитву, покачивая по временамъ своей бѣлокурой, всклоченной головой. Нѣсколько стариковъ-монаховъ помѣщалось на обычныхъ своихъ мѣстахъ у задней стѣны подъ хорами. Служилъ самъ настоятель, сѣдой, какъ лунь, и по крайней мѣрѣ лѣтъ восьмидесяти, но еще сильный, проворный и съ блестящими, проницательными глазами. По всему околотку онъ былъ извѣстенъ, какъ религіозный подвижникъ, нѣсколько суровый въ обращеніи и строгій къ братіи; по всѣмъ городскимъ церквамъ служба обыкновенно ужъ кончалась, а у него только была еще въ половинѣ. Ефимоны у него продолжались часа четыре. Проворно выходилъ онъ изъ алтаря, очень долго молился передъ царскими вратами и потомъ уже начиналъ произносить крестопоклонныя изреченія: «Господи Владыко живота моего!». Положивъ три поклона, онъ еще долѣе молился и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы въ духовномъ восторгѣ, громко воскликнувъ: «Господи Владыко живота моего!», клалъ четвертый земный поклонъ и, порывисто кланяясь молящимся, уходилъ въ алтарь. Стоявшій по срединѣ церкви молодой послушникъ истово и внятно начиналъ читать каноны. Въ углубленіи праваго клироса стояло человѣкъ пять пѣвчихъ монаховъ. Въ своихъ черныхъ клобукахъ и широкихъ рясахъ, освѣщенные сумеречнымъ дневнымъ свѣтомъ, падавшимъ на нихъ изъ узкаго, затемненнаго желѣзною рѣшеткою окна, они были въ какомъ-то полумракѣ и пѣли складными, тихими басами, какъ бы напоминая собой первобытныхъ христіанъ, таинственно совершавшихъ свое молебствіе въ мрачныхъ пещерахъ. Все это не яркое, но полное таинственнаго смысла благолѣпіе храма охватило моихъ богомольцевъ: Петръ Михайлычъ сталъ впереди всѣхъ, и въ лицѣ его отразилось какое-то тихое спокойствіе. Палагея Евграфовна ушла въ уголъ за лѣвый клиросъ: она не любила молиться на людскихъ глазахъ. Настенька помѣстилась рядомъ съ ней и, ставъ на колѣни, начала горячо молиться, взглядывая по временамъ на задумчиво стоявшаго у праваго клироса Калиновича.

По окончаніи ефимоновъ Петръ Михайлычъ подошелъ къ настоятелю.

— Молебенъ, отецъ-игуменъ, желаемъ отслужить угоднику,— сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ лаконически настоятель.

Впрочемъ, отвѣтъ этотъ былъ еще довольно благосклоненъ: другимъ онъ только кивалъ головой; Петра Михайлыча онъ любилъ и бывалъ даже иногда въ гостяхъ у него.

— Молебенъ,—сказалъ онъ стоявшимъ на клиросѣ монахамъ, и всѣ пошли въ небольшой церковный придѣлъ, гдѣ покоились мощи угодника. Началась служба. Въ то время какъ монахи, послѣ довольно тихаго пѣнія, запѣли вдругъ громко: «Тебе, Бога, хвалимъ; Тебе, Господа, исповѣдуемъ!»— Настенька поклонилась въ землю и вдругъ разрыдалась почти до истерики, такъ что Палагея Евграфовна принуждена была подойти и поднять ее. Послѣ молебна начали подходить къ кресту и благословенію настоятеля. Петръ Михайлычъ подошелъ первый.

— Здоровы ли вы?—спросилъ отрывисто, но благосклонно настоятель.

— Живу, святой отецъ,—отвѣчалъ Петръ Михайлычъ:—а вы вотъ благословите этого молодого человѣка; это нашъ новый русскій литераторъ, — присовокупилъ онъ, указывая на Калиновича.

Настоятель благословилъ того и потомъ, посмотрѣвъ на него своими проницательными глазами, вдругъ спросилъ:

— Который вамъ годъ?

— Двадцать восьмой, — отвѣчалъ нѣсколько удивленный этимъ вопросомъ Калиновичъ.

— Какъ вы старообразны!—проговорилъ настоятель и обратился къ Настенькѣ, посмотрѣлъ на нее тоже довольно пристально и спросилъ:

— Вы о чемъ расплакались?

— Отъ полноты чувствъ, отецъ-игуменъ, — отвѣчала Настенька.

— На молитвѣ плакать не о чемъ, кромѣ развѣ оплакивать свои грѣхи и проступки вольные и невольные, — проговорилъ настоятель, благословляя Палагею Евграфовну и снимая облаченіе.

Настенька покраснѣла.

— Однако прощайте; ступайте домой; намъ пора запираться,—заключилъ онъ и проворно ушелъ, послѣдуемый монахами.

Когда богомольцы наши вышли изъ монастыря, былъ уже

часъ девятый. Калиновичъ, пользуясь тѣмъ, что скользко и темно было итти, подалъ Настенькѣ руку, и они тотчасъ же стали отставать отъ Петра Михайлыча, который такимъ образомъ ушелъ съ Палагеею Евграфовной впередъ.

— Ты, мать-командирша, ничего не знаешь, а у насъ сегодня радость,—заговорилъ онъ.

— Какая радость?—спросила экономка.

— А такая, что Яковъ Васильичъ нашъ напечаталъ свое сочиненіе, за которое заплатятъ ему пятьсотъ рублей серебромъ.

На пятьсотъ рублей серебромъ Петръ Михайлычъ нарочно сдѣлалъ особенное удареніе, чтобъ поразить Палагею Евграфовну; но она только вздохнула и проговорила вполголоса:

— Свои-то дѣла онъ знаемо, что дѣлаетъ, наши-то только оставляетъ.

Петръ Михайлычъ призадумался немного.

— Былъ у насъ съ нимъ, сударыня, объ этомъ разговоръ,— началъ онъ:—хоть не прямой, а косвенный: я, признаться, нарочно его и завелъ... братъ меня все смущаетъ... Тамъ у нихъ это неудовольствіе съ Калиновичемъ вышло, ну да и шуры-муры ихнія замѣчаетъ, такъ безпокоится...

— Какой же разговоръ у васъ былъ? — спросила Палагея Евграфовна.

— А разговоръ нашъ былъ... — отвѣчалъ Петръ Михайлычъ:—разсуждали мы, что̀ лучше молодымъ людямъ: жениться, или не жениться? Онъ и говоритъ: «жениться на расчетѣ подло, а жениться бѣдняку на бѣдной дѣвушкѣ—глупо».

— Гм!—произнесла Палагея Евграфовна.

— Какъ же, говорю, въ этомъ случаѣ поступать?—продолжалъ старикъ, разводя руками.—«Богатый, говоритъ, можетъ поступать, какъ хочетъ, а бѣдный долженъ себя прежде обезпечить, чтобъ, женившись, было чѣмъ жить...» И понимай, значитъ, какъ знаешь: клади въ мѣшокъ, дома разберешь!

— Что̀ тутъ понимать? Понимать-то тутъ нечего!—возразила съ досадою Палагея Евграфовна.

— А понимать, — возразилъ, въ свою очередь, Петръ Михайлычъ: — можно такъ, что онъ не приступалъ ни къ чему рѣшительному, потому что у Настеньки мало, а у него и меньше того; ну, а теперь, слава Богу, кромѣ платы за сочиненія, литераторамъ и мѣста даютъ не по-нашему: можетъ-быть, этимъ смотрителемъ подержатъ года два, да вдругъ и хватятъ въ директоры: значитъ, и будетъ чѣмъ семью кормить.

— Чтой-то кормить! — сказала Палагея Евграфовна съ насмѣшкою: — хоть бы и безъ этого прокормиться было бы чѣмъ... Не безприданницу какую-нибудь взялъ бы... много ли,

мало ли, а все больше его. Зарылся ужъ очень... прокормиться!.. Экому лбу хлѣба не добыть!

— Оттого, что лобъ-то у него хорошъ, онъ и хочетъ сдѣлать осмотрительно, и я это въ немъ уважаю, — проговорилъ Петръ Михайлычъ. — А что насчетъ опасеній брата Флегонта,—продолжалъ онъ въ раздумьѣ и какъ бы утѣшая самъ себя:—чтобъ послѣ худого чего не вышло—это вздоръ! Калиновичъ человѣкъ честный и въ Настеньку влюбленъ.

— Влюбленъ-то влюбленъ, — подтвердила Палагея Евграфовна.

Нѣчто въ родѣ этого, кажется, подумалъ и въѣзжавшій въ это время съ кляузнаго слѣдствія въ городъ толстый становой приставъ, старый холостякъ и давно извѣстный своей заклятой ненавистью къ женскому полу, доходившею до того, что онъ бранью встрѣчалъ и бранью провожалъ даже молодыхъ солдатокъ, приходившихъ въ станъ являть свои паспорты. Поровнявшись съ молодыми людьми, онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ и, какъ бы умилившись своимъ суровымъ сердцемъ, усмѣхнулся, потеръ себѣ носъ и вообще придалъ своему лицу плутоватое выраженіе, которымъ какъ бы говорилъ: «ѣзжали-ста и мы на этомъ конѣ».

— Ты счастливъ сегодня? — проговорила Настенька, когда они уже стали подходить къ дому.

— Да,—отвѣчалъ Калиновичъ:—и этимъ счастьемъ я исключительно обязанъ вашему семейству.

— Отчего же намъ? Я думаю, своему таланту, — замѣтила Настенька.

— Что̀ талантъ?.. Въ вашей семьѣ, — продолжалъ Калиновичъ:—я нашелъ и родственный пріемъ, и любовь, и наконецъ покровительство въ самомъ важномъ для меня предпріятіи. Мнѣ долго не расплатиться съ вами!

— Люби меня—вотъ твоя плата.

— Разлюбить тебя я не могу и *не долженъ*,—сказалъ Калиновичъ, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

— *Не долженъ!*—повторила Настенька и задумалась:—но если это когда-нибудь случится, я этого не перенесу, умру...—прибавила она, и слезы въ три ручья потекли по ея щекамъ.

— О чемъ же ты плачешь? Этого никогда не можетъ случиться, или...

— Что̀ или?..

— Или я долженъ переродиться нравственно, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Я вѣрю тебѣ!—проговорила Настенька, крѣпко сжимая ему руку.

На нѣкоторое время они замолчали.

— Дѣло въ томъ,—началъ Калиновичъ, нахмуривъ брови:— мнѣ кажется, что твои родные какъ будто начинаютъ меня не любить и смотрѣть на меня какими-то подозрительными глазами.

— Да кто же родные? Капитанъ?—спросила Настенька.

— Я ужъ не говорю о капитанѣ. Онъ ненавидитъ меня давно, и за что—не знаю; но даже отецъ твой... онъ скрываетъ, но я постоянно замѣчаю въ лицѣ его неудовольствіе, особенно когда я остаюсь съ тобой вдвоемъ, и наконецъ эта Палагея Евграфовна—и та на меня хмурится.

Настенька вздохнула.

— Они догадываются о нашихъ отношеніяхъ, — проговорила она.

— Изъ чего жъ они могутъ догадываться! Я въ отношеніи тебя, по наружности, только вѣжливъ — и больше ничего.

— Какъ изъ чего? Изъ всего: ты еще какъ-то осторожнѣе, но я ужасно какъ тоскую, когда тебя нѣтъ.

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь?

— Ахъ, какой ты странный! Зачѣмъ? Что жъ мнѣ дѣлать, если я не могу скрыть? Да и что скрывать? Всѣ ужъ знаютъ. Дядя на-дняхъ говорилъ отцу, чтобы не принимать тебя.

Калиновичъ еще болѣе нахмурился.

— Капитанъ этотъ такая дрянь, что ужасъ! — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, онъ очень добрый: онъ не все еще говорилъ, что знаетъ,—возразила Настенька и вздохнула.—Но что досаднѣе мнѣ всего,—продолжала она:—это его предубѣжденіе противъ тебя: онъ какъ будто бы увѣренъ, что ты меня обманешь.

— Какъ онъ хорошо меня знаетъ! — проговорилъ Калиновичъ съ усмѣшкою.

— Онъ рѣшительно тебя не понимаетъ; да какъ же можно отъ него этого и требовать?—отвѣчала Настенька.

Въ такого рода разговорахъ всѣ возвратились домой. Капитанъ ужъ ихъ дожидался.

— Вы, я слышалъ, братецъ, въ монастырѣ изволили молиться?—спросилъ онъ Петра Михайлыча.

— Да, сударь капитанъ, въ монастырѣ были, — отвѣчалъ тотъ: — Яковъ Васильичъ благодарственный молебенъ ходилъ служить угоднику. Его сочиненіе напечатано съ большимъ успѣхомъ, и мы сегодня какъ бы въ родѣ того: побѣду торжествуемъ! Какъ бы этакъ по-вашему, по-военному, крѣпость взяли: у васъ слава—и у насъ слава!

— Да-съ... конечно...—подтвердилъ капитанъ.

— Однако, Петръ Михайлычъ, я непремѣнно желаю выпить шампанскаго,—сказалъ Калиновичъ.

— Шампанскаго-то?.. — проговорилъ старикъ: — грѣхъ бы, сударь; развѣ для вашей радости и говѣнье нарушить?

— Я думаю, объ этомъ всего лучше обратиться къ вамъ, почтеннѣйшая Палагея Евграфовна,—отнесся Калиновичъ къ экономкѣ, приготовлявшей на столѣ чайный приборъ.

— Къ ней, къ ней!—подтвердилъ Петръ Михайлычъ:—добудь намъ, командирша, бутылочку шампанскаго.

Калиновичъ подалъ Палагеѣ Евграфовнѣ деньги и при этомъ случаѣ пожалъ ей съ улыбкою руку. Онъ никогда еще не былъ столько любезенъ съ старою дѣвицею, такъ что она даже покраснѣла.

— Да ужъ и объ ужинѣ кстати похлопочи, знаешь, этакъ, кое-чего копченькаго, — присовокупилъ Петръ Михайлычъ.

— Найдемъ чего-нибудь, — отвѣчала Палагея Евграфовна и пошла хлопотать.

Сначала она нацарапала на лоскуткѣ бумажки страшными каракулками: «путылку шампанзскова», а потомъ принялась будить спавшаго на полатяхъ Тёрку, котораго Петръ Михайлычъ, по выключкѣ его изъ службы, взялъ къ себѣ почти Христа ради, потому что инвалидъ ничего не дѣлалъ, лежалъ упорно или на печи, или на полатяхъ, и воды даже не хотѣлъ подсобить принести кухаркѣ, какъ та ни бранила его. Въ этотъ разъ Палагеѣ Евграфовнѣ тоже немалаго стоило труда растолкать Тёрку, а потомъ втолковать ему, въ чемъ дѣло.

— Да вѣдь заперто,—отозвался инвалидъ.

— Руки-то есть, старый хрѣнъ: стукнись. Пошелъ, пошелъ скорѣй! Выспишься еще; ночь-то длинна! — говорила Палагея Евграфовна.

— Ну, да, выспишься,—пробормоталъ Тёрка и долго еще обувался и напяливалъ свой вицмундиришко.

— Песъ этакій! Пойдешь ты, али нѣтъ?—воскликнула наконецъ Палагея Евграфовна.

— Ну! — отвѣчалъ на это Терка и, захвативъ крѣпко въ руку записочку, поплелся, а Палагея Евграфовна велѣла кухаркѣ разложить таганъ и сама принялась стряпать.

Тёрка чрезъ полчаса возвратился съ одной только запиской въ рукахъ.

— Нѣтъ, не достучишься! — сказалъ онъ и преспокойно раздѣлся и влѣзъ на полати.

Палагея Евграфовна только плюнула.

— Вотъ стараго дармоѣда держатъ вѣдь тоже! — проговорила она и, дѣлать нечего, накинувшись своимъ старымъ

салопомъ, побѣжала сама и достучалась. Часамъ къ одиннадцати былъ готовъ ужинъ. Вмѣсто кое-чего, оказалось къ нему приготовленными: маринованная щука, свѣжепросольная бѣлужина подъ бѣлымъ соусомъ, сушеный лещъ, поджаренныя копченыя селедки, и все это было разставлено въ чрезвычайномъ порядкѣ на большомъ кругломъ столѣ.

— Палагея Евграфовна приготовила намъ рѣшительно римскій ужинъ, — сказалъ Калиновичъ, желая еще разъ сказать любезность экономкѣ; и когда стали садиться за столъ, непремѣнно потребовалъ, чтобъ она тоже сѣла и не вскакивала.

Вообще онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Передъ лещомъ Петръ Михайлычъ, наливъ всѣмъ бокалы и произнеся торжественнымъ тономъ: «за здоровье нашего молодого, даровитаго автора!»—выпилъ залпомъ. Настенька, сидѣвшая рядомъ съ Калиновичемъ, взяла его руку, пожала и выпила тоже цѣлый бокалъ. Капитанъ отпилъ половину. Палагея Евграфовна только прихлебнула. Петръ Михайлычъ замѣтилъ это и заставилъ ихъ докончить. Капитанъ дохлебнулъ молча и разомъ; Палагея Евграфовна съ разстановкой, говоря: «ой, будетъ, голова заболитъ», но допила.

— Позвольте и мнѣ предложить мой тостъ, — сказалъ Калиновичъ, вставая и наливая снова всѣмъ шампанскаго.— Здоровье одного изъ лучшихъ знатоковъ русской литературы и перваго моего литературнаго покровителя!—продолжалъ онъ, протягивая бокалъ къ Петру Михайлычу, и они чокнулись.— Здоровье моего маленькаго друга!—обратился Калиновичъ къ Настенькѣ и поцѣловалъ у ней руку.

Онъ въ шутку часто при всѣхъ называлъ Настеньку своимъ *маленькимъ другомъ.*

— Здоровье храбраго капитана!—присовокупилъ онъ, кланяясь Флегонту Михайлычу:—и ваше! — отнесся онъ къ Палагеѣ Евграфовнѣ.

— Ура!—заключилъ Петръ Михайлычъ.

Всѣ выпили.

— Капитанъ! — обратился Петръ Михайлычъ къ брату:— протяните вашу воинственную руку нашему литератору: Аполлонъ и Марсъ должны жить въ дружелюбіи. Яковъ Васильичъ, чокнитесь съ нимъ.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Калиновичъ и, проворно наливъ себѣ и капитану шампанскаго, чокнулся съ нимъ и потомъ, взявъ его за руку, крѣпко сжалъ ее.

Капитанъ, впрочемъ, не отвѣтилъ ему тѣмъ-же.

— Да прекратятся между вами всѣ недоразумѣнія, да бу-

детъ между вами на будущее время миръ и согласіе! — произнесъ Петръ Михайлычъ.

— Надѣюсь, что со временемъ, когда Флегонтъ Михайлычъ узнаетъ меня лучше, перемѣнитъ свое мнѣніе обо мнѣ,—сказалъ Калиновичъ.

— Я самъ тоже надѣюсь: вы человѣкъ образованный...— проговорилъ капитанъ, взглянувъ вскользь на Настеньку.

Калиновичъ, вмѣсто отвѣта, еще разъ сжалъ руку капитану.

Такимъ образомъ кончился этотъ маленькій банкетъ, на которомъ такъ много и такъ искренно сочувствовали и радовались успѣху Калиновича.

«Родятся же на свѣтѣ такіе добрые и хорошіе люди!»—думалъ онъ, возвращаясь въ раздумьѣ на свою квартиру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Покуда происходили такого рода знаменательныя происшествія въ моемъ маленькомъ мірку, въ домѣ генеральши слѣдовали одна за другой непріятности. Первоначально съ ней сдѣлался, Богъ ужъ знаетъ отчего, ударъ, который хотя и миновался безъ особенныхъ важныхъ послѣдствій, но имѣлъ нѣкоторое вліяніе на ея умственныя способности. Исправница, успѣвшая окончательно втереться къ нимъ въ домъ, разсказывала, что m-lle Полина была въ совершенномъ отчаяніи. Любя мать, она въ душѣ страдала больше, нежели сама больная, тѣмъ болѣе, что, какъ она ни уговаривала, какъ ни умоляла ее ѣхать въ Москву или хоть бы въ губернскій городъ пользоваться—та и слышать не хотѣла. «Послѣ болѣзни скупость ея,—прибавляла исправница по секрету:—еще больше увеличилась». А между тѣмъ на второй недѣлѣ поста старушку постигла еще новая непріятность. Медіокритскій, остававшійся ея повѣреннымъ, потерявъ мѣсто, недѣли двѣ безвыходно пилъ въ извѣстномъ трактирѣ. Генеральша, не зная этого, довѣрила ему, какъ и прежде часто случалось, получить съ почты 1000 рублей серебромъ. Тотъ получилъ—и съ тѣхъ поръ болѣе не являлся, скрылся даже изъ города неизвѣстно куда. Можете судить, какое впечатлѣніе произвела эта дерзость и потеря такой значительной суммы на больную! Съ ней опять сдѣлалось что-то въ родѣ параличнаго припадка, такъ что никакихъ силъ болѣе недоставало у m-lle Полины. Она написала коротенькую, но раздушенную записочку къ князю

Ивану и отправила потихоньку съ нарочнымъ. Тотъ на другой же день пріѣхалъ. Генеральша, никакъ не ожидавшая князя, очень ему обрадовалась. Въ какіе-нибудь четверть часа онъ такъ ее разговорилъ, успокоилъ, что она захотѣла перебраться изъ спальни въ гостиную, а князь между тѣмъ отправился повидаться кой-съ-кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ романа лицо это приметъ довольно серьезное участіе, а потому я считаю необходимымъ сообщить о немъ нѣсколько подробностей. Нѣкогда адъютантъ гвардейскаго генерала, щеголявшаго своими адъютантами, а теперь прекрасно живущій помѣщикъ, онъ считался однимъ изъ первыхъ тузовъ. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, князь могъ еще быть названъ, по всей справедливости, мужчиною замѣчательной красоты: благообразный съ лица и нѣсколько ужъ плѣшивый, что̀, впрочемъ, къ нему очень шло, средняго роста, умѣренно-полный, съ маленькими, красивыми руками, одѣтый всегда молодо, щеголевато и со вкусомъ, онъ имѣлъ тѣ пріятныя манеры, которыя напоминали нѣсколько манеры вѣтреныхъ, но милыхъ маркизовъ. Къ этой наружности князь присоединялъ самое обаятельное, самое свѣтское обращеніе: знакомый почти со всей губерніей, онъ обыкновенно съ помѣщиками богатыми и чиновниками значительными былъ до утонченности вѣжливъ и даже нѣсколько почтителенъ; къ дворянамъ же небогатымъ и чиновникамъ неважнымъ относился необыкновенно ласково и обязательно, и вообще, кажется, во всю свою жизнь, кромѣ пріятнаго и лестнаго, никому ничего не говорилъ. Никогда никто не слыхалъ, чтобъ онъ о комъ-нибудь отозвался въ рѣзкихъ выраженіяхъ, дурно или насмѣшливо, хоть въ то же время любилъ и умѣлъ, особенно на французскомъ языкѣ, сказать остроту, но только ни къ кому не относящуюся. Кто бы къ нему ни обращался съ какой просьбой: просила ли, обливаясь горькими слезами, вдова-помѣщица похлопотать, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, о помѣщеніи дѣтей въ какое-нибудь заведеніе, прибѣгалъ ли къ покровительству его попавшійся во взяткахъ полупьяный чиновникъ,—отказа никому и никогда не было; имѣли ли окончательный успѣхъ, или нѣтъ, эти просьбы — то другое дѣло. Большей частью онѣ, по стеченію обстоятельствъ, не исполнялись. Кромѣ того, знакомясь съ новымъ лицомъ, князь имѣлъ удивительную способность съ перваго же раза угадывать конекъ каждаго и направлялъ обыкновенно разговоръ на самые интересные для того предметы. Вслѣдствіе этого всѣ новые знакомые, особенно лица, почему-либо нужныя князю, всегда приходили въ восторгъ отъ знакомства съ нимъ.

Семь губернаторовъ, смѣнявшіеся въ послѣднее время одинъ послѣ другого, считали его самымъ благороднымъ и преданнымъ себѣ человѣкомъ и искали только случая сдѣлать ему что-нибудь пріятное. Прочія власти тоже, начиная съ предсѣдателей палатъ до послѣдняго писца въ ратушѣ, готовы были служить для него по службѣ всѣмъ, что только отъ нихъ зависѣло. Въ деревнѣ своей князь жилъ въ полномъ смыслѣ бариномъ, имѣлъ четырехъ дѣтей, изъ которыхъ два сына служили въ кавалергардахъ, а у старшей дочери, съ самой ея колыбели, были и нѣмки, и француженки, и англичанки, стоившія, вѣроятно, тысячъ. Самъ онъ почти каждый годъ два-три мѣсяца жилъ въ Петербургѣ, а года два назадъ ѣздилъ даже, по случаю болѣзни жены, со всѣмъ семействомъ за границу, на воды, и провелъ тамъ все лѣто. При такихъ широкихъ размахахъ жизни князь, казалось, давно бы долженъ былъ промотаться въ пухъ, тѣмъ болѣе, что послѣ отца, извѣстнаго мота, онъ получилъ, какъ всѣ очень хорошо знали, какихъ-нибудь триста душъ, да и тѣ въ залогѣ. Женатъ былъ на дамѣ очень милой, образованной, нѣкогда красавицѣ и пѣвицѣ, но за которой тоже ничего не взялъ. Несмотря однако на все это, онъ не только не проматывался, но еще пріобрѣталъ, и, вмѣсто трехсотъ душъ, у него уже была слишкомъ тысяча. Къ объясненію всего этого ходило, конечно, по губерніи нѣсколько темныхъ и неопредѣленныхъ слуховъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ черезчуръ ужъ хозяйственныя въ свою пользу распоряженія по одному огромному имѣнію, находившемуся у князя подъ опекой; участіе въ постройкѣ дома на дворянскія суммы, который потомъ развалился; участіе будто бы въ Петербургѣ въ одной торговой компаніи, въ которой князь былъ распорядителемъ и въ которой потомъ всѣ участники потеряли безвозвратно свои капиталы; отношенія князя къ одному очень важному и значительному лицу, его прежнему благодѣтелю, который любилъ его, какъ родного сына, а потомъ вдругъ удалилъ отъ себя и даже запретилъ называть при себѣ его имя, и наконецъ очень тѣсная дружба съ домомъ генеральши, и ту какъ-то различно понимали: кто обращалъ особенное вниманіе на то, что для самой старухи каждое слово князя было закономъ, и что она, дрожавшая надъ каждой копейкой, ничего для него не жалѣла и, какъ извѣстно по маклерскимъ книгамъ, лѣтъ пять назадъ дала ему подъ вексель двадцать тысячъ серебромъ; а другіе говорили, что m-lle Полина дружнѣе съ княземъ, чѣмъ мать, и что, когда онъ пріѣзжалъ, они, отправивъ старуху спать, по нѣскольку часовъ сидятъ вдвоемъ, затворившись въ кабинетѣ—

и такъ далѣе. Всему этому, конечно, бо́льшая часть знакомыхъ князя не вѣрила; а если кто отчасти и вѣрилъ, или даже самъ доподлинно зналъ, такъ не считалъ себя въ правѣ разглашать, потому что каждый почти былъ если не обязанъ, то, по крайней мѣрѣ, обласканъ имъ.

Въ настоящій свой пріѣздъ князь, посидѣвъ со старухой, отправился, какъ это всякій разъ почти дѣлалъ, посѣтить кой-кого изъ своихъ городскихъ знакомыхъ и сначала завернулъ въ присутственныя мѣста, гдѣ въ уѣздномъ судѣ, не заставъ членовъ, сказалъ небольшую любезность секретарю, ласково поклонился попавшемуся у дверей земскаго суда разсыльному, а встрѣтивъ на улицѣ исправника, выразилъ самую неподдѣльную, самую искреннюю радость и по крайней мѣрѣ около пяти минутъ держалъ его за обѣ руки, сжимая ихъ съ чувствомъ. Проѣзжая потомъ по главной улицѣ, князь встрѣтилъ Петра Михайлыча и тому еще издали снялъ шляпу, кланялся и улыбался. Петръ Михайлычъ, съ своей стороны, подошелъ къ нему, расшаркался и отдалъ почтительный поклонъ. Онъ уважалъ князя и выражался о немъ такимъ образомъ: «Тайлеранъ, сударь, нашего времени, Тайлеранъ».

— Здоровы ли вы?—сказалъ князь, дружески сжимая руку Петра Михайлыча.

— Благодарю васъ покорно, слава Богу, живу еще,—отвѣчалъ тотъ.

— Очень, очень радъ васъ видѣть,—продолжалъ князь.

Петръ Михайлычъ поклонился.

— Давно не изволили жаловать къ намъ въ городъ, ваше сіятельство,—сказалъ онъ.

— Что́ дѣлать! Что́ дѣлать!—отвѣчалъ князь:—но полагаю, что здѣсь идетъ все по-старому, значитъ, хорошо и благополучно,—прибавилъ онъ.

— Конечно-съ, — подтвердилъ Петръ Михайлычъ: — какія здѣсь могутъ быть перемѣны. Впрочемъ, — продолжалъ онъ, устремляя на князя пристальный взглядъ:—есть одна и довольно важная новость. Здѣшняго новаго господина смотрителя училищнаго изволите знать?

— Да, какъ же, какъ же, знаю, видалъ его: очень, кажется, порядочный молодой человѣкъ.

— Очень хорошій-съ,—подтвердилъ Петръ Михайлычъ: — и теперь написалъ романъ, которымъ прославился на всю Россію,—прибавилъ онъ нѣсколько уже нетвердымъ голосомъ.

— Скажите, пожалуйста! — воскликнулъ князь: — романъ написалъ.

— Вы, можетъ-быть, даже читали его: «Странныя отно-

шенія» называется?—проговорилъ Петръ Михайлычъ съ почтеніемъ.

— Да, читалъ, читалъ, и по крайней мѣрѣ съ полчаса ломалъ голову: вижу—фамилія знакомая, а вспомнить не могу. Очень, очень мило написано!

Говоря это, князь отъ перваго до послѣдняго слова лгалъ, потому что онъ не только романа Калиновича, но никакой, я думаю, книги, кромѣ газетъ, лѣтъ двадцать ужъ не читывалъ.

— Теперь критики только и дѣло, что расхваливаютъ его нарасхватъ, — продолжалъ между тѣмъ Годневъ гораздо уже болѣе ободреннымъ тономъ:—и мнѣ тѣмъ пріятнѣе, — прибавилъ онъ, склоняя, по обыкновенію, голову набокъ:—что вы, человѣкъ образованный и знакомый со многими иностранными литературами, такъ отзываетесь, а здѣшніе нѣкоторые господа не хотятъ и вниманія обратить на это сочиненіе, и еще смѣются!

Князь покачалъ головою.

— Какъ это можно!—проговорилъ онъ.

— Что дѣлать! Не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ!—отвѣчалъ со вздохомъ Петръ Михайлычъ.

— Отчего же?.. Нѣтъ!.. По крайней мѣрѣ, я сейчасъ же заверну къ г. Калиновичу поблагодарить его за доставленное мнѣ наслажденіе. До свиданія.

Проговоря это, князь, съ прежнимъ радушіемъ пожавъ руку старику, поѣхалъ.

Надобно сказать, что Петръ Михайлычъ, со времени полученія изъ Петербурга радостнаго извѣстія о напечатаніи повѣсти Калиновича, постоянно занимался распространеніемъ славы своего молодого друга, и въ этомъ случаѣ чувства его были до того преисполнены, что онъ въ первое же воскресенье завелъ на эту тему рѣчь со старикомъ-купцомъ, церковнымъ старостой, выходя съ нимъ послѣ заутрени изъ церкви.

— Вотъ вы, нѣкоторые изъ купечества, избѣгаете образовывать дѣтей вашихъ. Это очень нехорошо!—началъ-было онъ.

Староста, старикъ старинный, закоренѣлый, скупой, но умный и прехитрый, полагая, что не на его ли счетъ будетъ что-нибудь говориться, повернулъ голову нѣсколько набокъ и сталъ прислушиваться единственно - слышавшимъ правымъ ухомъ, на которое, впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, притворялся тоже иногда глухимъ.

— Теперь вотъ мой преемникъ, смотритель, — продолжалъ Петръ Михайлычъ: — сирота круглый, бѣднякъ, а по образованію своему дѣлается сочинителемъ: стало-быть, человѣкомъ знатнымъ и богатымъ.

Купецъ только пожалъ плечами.

— Всякому, сударь, доложить вамъ, человѣку свое счастье!—сказалъ онъ, вздохнувъ, и потомъ, приподнявъ фуражку и проговоря: — Прощенья просимъ, ваше высокоблагородіе!— поворотилъ въ свой переулокъ и скрылся за тяжеловѣсную дубовую калитку, которую, кромѣ защелки, заперъ еще припоромъ и спустилъ съ цѣпи собаку.

Отнеся такое невниманіе не болѣе какъ къ невѣжеству русскаго купечества, Петръ Михайлычъ въ тотъ же день, придя на почту отправить письмо, не преминулъ заговорить о любимомъ своемъ предметѣ съ почтмейстеромъ, котораго онъ считалъ, по образованію, первымъ послѣ себя человѣкомъ.

— Вы знаете моего преемника?—спросилъ онъ.

— Былъ, сударь, у меня, — отвѣчалъ тотъ и почему-то вздохнулъ.

— Сочиненіе теперь написалъ, которымъ прославился на всю Россію.

— Какое-съ это? О, Господи помилуй!—проговорилъ почтмейстеръ, кидая, по обыкновенію, короткій взглядъ на образа.

— Романическое!

Почтмейстеръ поглядѣлъ нѣсколько времени черезъ очки на Петра Михайлыча, какъ бы съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія.

— Намъ съ вами, въ наши лѣта, пора бы и другія книжки ужъ почитывать,—проговорилъ онъ.

— Что жъ, я почитываю тѣ и другія,—отвѣчалъ Петръ Михайлычъ, замѣтно сконфуженный этимъ замѣчаніемъ, и потомъ, посѣменивъ еще нѣсколько времени ногами, раскланялся.

— Умный бы старикъ, но очень ужъ одностороненъ, — говорилъ онъ, идя домой, и все еще, видно, мало наученный этими опытами, на той же недѣлѣ, придя въ казначейство получить пенсію, не утерпѣлъ и заговорилъ съ казначеемъ о Калиновичѣ.

— Самъ ходитъ новый смотритель къ вамъ въ кладовую ставить шкатулку-то?—спросилъ онъ его такъ, будто къ слову.

— Самъ,—отвѣчалъ казначей и икнулъ.

— Романъ онъ сочинилъ, и за какія-нибудь сто печатныхъ страничекъ ему шестьсотъ рублей серебромъ отсыплютъ.

Петръ Михайлычъ желалъ поразить казначея, какъ и Палагею Евграфовну, деньгами; но тотъ и на это ничего не сказалъ, а только опять икнулъ. Годневъ наконецъ понялъ, что этотъ разговоръ нисколько не интересовалъ казнохранителя, а потому поднялся.

— До свиданья,—сказалъ онъ.

— До свиданья,—проговорилъ казначей и еще разъ икнулъ.

«Экъ его!»—подумалъ про себя Петръ Михайлычъ и замѣтилъ вслухъ:

— Вѣрно, желудокъ испортили: все икаете?

— Нѣтъ, такъ, поминаетъ кто-нибудь,—отвѣчалъ казначей.

Выйдя на крыльцо, Петръ Михайлычъ нѣкоторое время стоялъ въ раздумьѣ.—Ну, попробую еще, — проговорилъ онъ и взобрался въ земскій судъ, гдѣ засталъ довольно большую компанію: исправника, непремѣннаго члена и, кромѣ того, судью и засѣдателя: они пришли изъ своего суда посидѣть въ земскій. Секретарь, молодой еще человѣкъ, только-что начинавшій свою уѣздную карьеру, ласкалъ всѣхъ добрымъ взглядомъ. Два рыжіе писца, родные братья Медіокритскаго, тоже молодые люди, владѣвшіе замѣчательно красивымъ почеркомъ, стояли у стеклянныхъ дверей присутствія и обнаруживали большое вниманіе къ тому, что̀ тамъ происходило.

Всѣхъ занималъ нѣкто, пріѣхавшій въ городъ помѣщикъ Прохоровъ, мужчина лѣтъ шестидесяти и громаднѣйшаго роста. По случаю спора о военной службѣ, онъ дѣлалъ теперь кочергой, какъ бы ружьемъ, разные артикулы и маршировалъ. Судья ему командовалъ: «разъ, два! разъ, два!»—говорилъ онъ, колотя себя по ляжкѣ. Прохоровъ, съ крупными каплями пота на лицѣ, маршировалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.—«Стой!» — скомандовалъ судья. Прохоровъ остановился. — «Дирекція налѣво!» — крикнулъ судья. Прохоровъ повернулъ нѣсколько налѣво свои бычачьи глаза.—«Заряженіе на двѣнадцать темповъ!»—скомандовалъ судья. Прохоровъ сначала представилъ, что какъ будто бы онъ вынулъ патронъ, потомъ скусилъ его, опустилъ въ дуло, прибилъ шомполомъ, наконецъ взвелъ курокъ, прицѣлился.—«Пли!» — крикнулъ судья. Прохоровъ выпалилъ ртомъ.—«Чисто дѣлаетъ»,—замѣтилъ непремѣнный членъ засѣдателю.— «Еще бы!» — подтвердилъ тотъ.

Въ подобномъ обществѣ странно бы, казалось, и совершенно безполезно начинать разговоръ о литературѣ, но Петръ Михайлычъ не утерпѣлъ и, прежде еще высмотрѣвъ на окнѣ именно тотъ номеръ газеты, въ которомъ былъ расхваленъ Калиновичъ, взялъ его, проговоря скороговоркой:

— Про здѣшняго одного господина тутъ пишутъ,—и прочелъ весь отзывъ вслухъ.

При этой выходкѣ его всѣ потупились и молчали, какъ будто старикъ сказалъ какую-нибудь глупость или сдѣлалъ неприличный поступокъ.

— Что̀ ужъ, господа ученое званіе, про васъ и говорить! вамъ и книги въ руки!—сказалъ Прохоровъ, дѣлая кочергой на караулъ.

Петру Михайлычу это показалось обидно.

— Что жъ книги въ руки? Въ книгахъ, сударь, ничего нѣтъ худого; тутъ не надъ чѣмъ, кажется, смѣяться, — замѣгилъ онъ.

— Что жъ, плакать, что ли, намъ надъ вашими книгами?— сострилъ Прохоровъ.

Всѣ засмѣялись.

Петръ Михайлычъ промолчалъ и поспѣшилъ уйти.

Съ мѣсяцъ потомъ онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ о Калиновичѣ и даже въ сценѣ съ княземъ, какъ мы видѣли, приступилъ къ этому довольно осторожно. Но любезность того сразу, такъ сказать, искупила для старика всѣ его неудачи по этому предмету и умилила его до глубины души. Услышавъ звонъ къ поздней обѣднѣ, онъ пошелъ въ соборъ поблагодарить Бога, что ужъ и въ провинціи начинаетъ распространяться образованіе, особенно въ дворянскомъ быту, гдѣ прежде были только кутилы, собачники, картежники, никогда не читавшіе никакихъ книгъ. Князь между тѣмъ заѣхалъ къ Калиновичу на минуту и, выѣхавъ отъ него, завернулъ къ старой барышнѣ-помѣщицѣ, у которой, по ея просьбѣ и къ успокоенію ея, сдѣлалъ строгое внушеніе двумъ ея краснощекимъ горничнымъ, чтобъ онѣ служили госпожѣ хорошо и не дѣлали того, что прежде дѣлали.

Въ домѣ генеральши между тѣмъ, по случаю пріѣзда гостя, происходила суетня: ключница отвѣшивала сахаръ, лакеи заливали въ лампы масло и приготовляли стеариновыя свѣчи; худощавый метръ-д'отель успѣлъ уже сбѣгать въ ряды и захватить всю крупную рыбу, купилъ самаго высшаго сорта говядины и взялъ въ погребкѣ очень дорогого рейнвейна. Князь былъ большой гастрономъ и пилъ за столомъ только одинъ рейнвейнъ высокой цѣны. Часу въ первомъ генеральша перешла изъ спальни въ гостиную и, обложившись подушками, сѣла на свой любимый угловой диванъ. На подзеркальномъ столикѣ лежала кипа книгъ и огромный тюрикъ съ конфетами; первыя князь привезъ изъ своей библіотеки для m-lle Полины, а конфеты предназначилъ для генеральши. Она была вообще до сладкаго большая охотница, и такъ какъ у князя былъ превосходный кондитеръ, такъ онъ очень часто присылалъ и привозилъ старухѣ фунта по четыре, по пяти самыхъ отборныхъ печеній, доставляя ей тѣмъ большое удовольствіе. М-lle Полина, рѣшительно ожившая и вздохнувшая свободно отъ пріѣзда князя, разливала кофе изъ серебрянаго кофейника въ дорогія фарфоровыя чашки, разставленныя тоже на серебряномъ подносѣ. Князь очень удобно помѣстился на мяг-

комъ креслѣ. Генеральша лѣниво, но ласково смотрѣла на него и потомъ начала взглядывать на разлитый по чашкамъ кофе.

— Полина, какъ хочешь, дай мнѣ кофею,—проговорила она.

У старухи послѣ болѣзни сдѣлался ужасный аппетитъ.

— Мамаша...—произнесла Полина полуукоризненнымъ, полуумоляющимъ голосомъ.

Генеральша, пожавъ плечами, отвернулась отъ дочери. М-lle Полина покачала головой и вздохнула.

— Небольшую чашечку кофею ничего, право, ничего,—рѣшилъ князь.

— И я то же утверждаю; но что же мнѣ дѣлать, если все мнѣ нельзя и все вредно, по мнѣнію Полины,—произнесла старуха оскорбленнымъ тономъ.

М-lle Полина грустно улыбнулась и налила чашку.

— Извольте, maman, кушайте; я для васъ же...—проговорила она, подавая матери чашку.

Генеральша медленно, но съ большимъ удовольствіемъ начала глотать кофе и при этомъ съѣла два куска бѣлаго хлѣба.

— Кофе хорошъ,—заключила она.

— Стаканъ воды, ma tante, стаканъ воды непремѣнно извольте выкушать! Этимъ правиломъ никогда не манкируйте,—сказалъ князь, погрозя пальцемъ.

— Я согласна,—отвѣчала генеральша такимъ тономъ, какъ будто дѣлала въ этомъ случаѣ весьма большое одолженіе.

М-lle Полина позвонила: вошелъ лакей.

— Холодной?—спросила она, обращаясь къ князю.

— Самой холодной,—отвѣчалъ тотъ.

— Воды холодной маменькѣ,—сказала она человѣку.

Тотъ ушелъ и возвратился съ водой. М-lle Полина напередъ сама ее попробовала, приложивъ руку къ стакану.

— Кажется, холодна?—обратилась она къ князю.

Тотъ тоже приложилъ руку къ стакану.

— Хороша, — сказалъ онъ и подалъ стаканъ генеральшѣ.

Та медленно отпила половину.

— Будетъ,—проговорила она.

— Нѣтъ, ma tante, какъ угодно, весь, непремѣнно весь,—возразилъ князь.

— Допейте, maman; иначе кофе вамъ повредитъ!—подтвердила Полина.

Генеральша нехотя допила.

— Охъ, вы меня совсѣмъ залѣчите! — сказала она и въ то же время медленно обратила глаза къ лежавшимъ на столѣ конфетамъ.

— За то, что я тебя, дружокъ, послушалась, дай мнѣ одну конфету изъ твоего подарка, — произнесла она кротко.

— Можно ли до обѣда, maman?—замѣтила Полина.

— Ничего, ничего, это самыя невинныя,—разрѣшилъ князь и поднесъ генеральшѣ, вмѣсто одной, три конфеты.

Та начала ихъ съ большимъ удовольствіемъ зубрить, а потомъ постепенно склонила голову и задремала.

— Ребенокъ, совершенный ребенокъ! — произнесъ князь шопотомъ.

М-lle Полина вздохнула.

— Совершенный ребенокъ!—повторилъ онъ и, пересѣвъ на довольно отдаленный стулъ, закурилъ сигару.

Полина сѣла около него. Князь нѣкоторое время смотрѣлъ на нее съ замѣтнымъ участіемъ.

— Однако какъ вы, кузина, похудѣли! Боже мой, Боже мой! — началъ онъ тихо.

Полина грустно улыбнулась.

— Ты спроси, князь,—отвѣчала она полушопотомъ:—какъ я еще жива. Столько перенести, столько страдать, сколько я страдала это время, — я и не знаю!.. Пять лѣтъ прожить въ этомъ городишкѣ, гдѣ я человѣческаго лица не вижу; и теперь еще эта болѣзнь... ни дня ни ночи нѣтъ покоя... вѣчные капризы... вѣчныя жалобы... и наконецъ эта отвратительная скупость — ей-Богу, невыносимо, такъ что приходятъ иногда такія минуты, что я готова Богъ знаетъ на что рѣшиться.

Князь пожалъ плечами.

— Терпѣніе и терпѣніе. Всякое зло должно же когда-нибудь кончиться, а потому, кажется, недалекъ конецъ,—сказалъ онъ, указывая глазами на генеральшу.

— Терпѣніе! Тебѣ хорошо говорить! Конечно, когда ты пріѣзжаешь, я счастлива, но даже и наши отношенія, какъ ты хочешь, они ужасны. Мнѣ рѣшительно надобно выйти замужъ.

— А что же Москва?—спросилъ князь.

— Ничего. Я знала, что все пустяками кончится. Ей просто жаль мнѣ приданаго. Сначала на первое письмо она отвѣчала ему очень хорошо, а потомъ, когда тотъ намекнулъ насчетъ состоянія, Боже мой! Вышла изъ себя, меня разбранила и написала ему какой только можешь ты себѣ вообразить дерзкій отвѣтъ.

— O! mon Dieu, mon Dieu,—проговорилъ князь, поднимая кверху глаза.

— У меня теперь гривенника на булавки нѣтъ, — продолжала Полина. — Что же это такое! Пятьсотъ душъ покойнаго

отца—мои по закону. Я хотѣла съ тобой, кузенъ, давно объ этомъ посовѣтоваться: нельзя ли хоть по закону получить мнѣ это состояніе себѣ: оно мое?

Въ продолженіе этого монолога князь нахмурился.

— Оно ваше, и по закону вы сейчасъ же могли бы его получить,—произнесъ онъ съ удареніемъ: — но вы вспомните, кузина, что выйдетъ страшная вражда, будетъ огласка — вы дѣвушка, и явно идете противъ матери!

— Но, если я выйду замужъ, это будетъ очень натурально. Должна же я буду чѣмъ-нибудь жить съ мужемъ?

Князь въ знакъ согласія кивнулъ головой.

— Тогда, конечно, будетъ совсѣмъ другое дѣло, — началъ онъ:—тогда у васъ будетъ своя семья, отдѣльное существованіе; тогда хочешь или нѣтъ, а отдать должна; chère cousine, — продолжалъ онъ, пожавъ плечами: — надобно напередъ выйти замужъ, хоть бы даже убѣжать для этого пришлось; а за кого?.. Что прикажете въ здѣшнемъ медвѣжьемъ закоулкѣ дѣлать? Я часто перебираю въ головѣ здѣшнихъ жениховъ,— нѣтъ и нѣтъ! Кто посолиднѣе и получше, не хотятъ жениться, а остальная молодежь такая, что не только выйти замужъ за кого-нибудь изъ нихъ, и въ домъ принять неловко.

Въ отвѣтъ на это Полина вздохнула.

— Я предчувствую,—начала она:—что мнѣ здѣсь придется задохнуться... Что, что я богата, дочь генерала, что у меня однихъ брильянтовъ на сто тысячъ — что изъ всего этого? Я несчастнѣе каждой дочери приказнаго здѣшняго; для тѣхъ хоть какія-нибудь удовольствія существуютъ...

При послѣднихъ словахъ у Полины показались на глазахъ слезы.

— Господи Боже мой!—продолжала она:—я не ищу въ будущемъ мужѣ моемъ ни богатства, ни знатности, ни чиновъ: былъ бы человѣкъ приличный и полюбилъ бы меня, чтобъ я хоть сколько-нибудь нравилась ему...

Въ это время генеральша зѣвнула и полуоткрыла глаза.

— Полина, ты здѣсь? — сказала она.

— Здѣсь, maman,—отвѣчала Полина и, тотчасъ же вставъ, отошла отъ князя къ столику, на которомъ лежали книги.

— Что ты дѣлаешь? — спросила генеральша.

— Книги смотрю.

— Какія книги?

— Которыя князь привезъ,—отвѣчала съ досадой Полина.

— Какія книги онъ привезъ?—спросила старуха.

— Журналы, ma tante, журналы,—подхватилъ князь и потомъ, взявшись за лобъ и какъ бы вспомнивъ что-то, обра-

тился къ Полинѣ.—Кстати, тутъ вы найдете повѣсть или романъ одного здѣшняго господина, смотрителя уѣзднаго училища. Я не читалъ самъ, но по газетамъ видѣлъ — хвалятъ.

М-lle Полина начинала припоминать.

— Смотритель...—сказала она, прищуривъ глаза:—онъ былъ, кажется, у насъ?

— Былъ? — спросилъ князь.

— Да, былъ; но maman сухо его приняла, и онъ съ тѣхъ поръ не бывалъ.

— О чемъ вы говорите?—спросила опять старуха.

— О сочиненіяхъ, ma tante, о сочиненіяхъ, — отвѣчалъ князь и, опять взявшись за лобъ, проговорилъ тихо и съ улыбкой Полинѣ: — Voilà notre homme! Займитесь, развлекитесь; молодой человѣкъ très comme il faut!

Полина тоже усмѣхнулась.

— Именно готова,—отвѣчала она:—впрочемъ, онъ и тогда мнѣ понравился: очень милый.

— Очень милый! — подтвердилъ князь.

— Обѣдать готово? — вмѣшалась старуха.

М-lle Полина пожала плечами.

— Мы недавно, maman, кофе пили.

— Рано, ma tante, очень рано; всего еще первый часъ, — подхватилъ князь, смотря на часы.

Старуха сдѣлала недовольную мину и снова начала какъ бы дремать.

— Сейчасъ заѣзжалъ къ нему, и завтра, вѣроятно, онъ будетъ у меня,—произнесъ князь, обращаясь къ Полинѣ.

Та опять грустно, но улыбнулась.

II.

Возвратившись домой изъ училища, Калиновичъ сейчасъ замѣтилъ билетъ князя, который приняла у него приказничиха и заткнула его, какъ, видала она, это дѣлается у богатыхъ господъ, за зеркало, а сама и говорить ничего не хотѣла постояльцу, потому что болѣе полугода не кланялась даже съ нимъ и не отказывала ему отъ квартиры только для Палагеи Евграфовны, не желая сдѣлать ей непріятность. На оборотной сторонѣ билетика рукою князя было написано: «заѣзжалъ поблагодарить автора за доставленное мнѣ удовольствіе!». Прочитавъ фамилію и надпись, Калиновичъ улыбнулся и потомъ, подумавъ немного, сбросилъ съ себя свой поношенный вицмундиръ, тщательно выбрился, напомадился, причесался и, надѣвъ черную фрачную пару, отправился сначала

къ Годневымъ. Настенька, по обыкновенію, ждала его въ залѣ у окна и, по обыкновенію, очень ему обрадовалась, взяла его за руку и посадила около себя.

— Откуда ты сегодня такой нарядный?—сказала она.

— Ниоткуда, — отвѣчалъ Калиновичъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—у меня сейчасъ нечаянный гость былъ.

— Кто такой? — спросила Настенька.

Вмѣсто отвѣта, Калиновичъ подалъ ей билетъ князя. Настенька, прочитавъ фамилію и приписку, улыбнулась.

— Какая любезность! Только жалко, что не вò-время,— проговорила она.

— Почему жъ не вò-время? — спросилъ Калиновичъ.

— Конечно, не вò-время! Когда напечатался твой романъ, ты ни умнѣе сталъ ни лучше: отчего же онъ прежде не дѣлалъ тебѣ визитовъ и знать тебя не хотѣлъ?

— Напротивъ, онъ былъ всегда очень любезенъ со мной, и я всегда желалъ съ нимъ сблизиться. Человѣкъ онъ очень умный...

Настенька сомнительно покачала головой.

— Не знаю, — перебила она: — я видѣла его раза два; лицо совершенно какъ у іезуита. Не нравится онъ мнѣ; должно-быть, очень хитрый.

Калиновичъ ничего не возражалъ и придалъ лицу своему такое выраженіе, которымъ какъ бы говорилъ: «всякій можетъ думать по-своему».

Между тѣмъ Петръ Михайлычъ тоже возвратился домой и переодѣвался въ своемъ кабинетѣ. Услышавъ голосъ Калиновича, онъ закричалъ:

— Калиновичъ, вы здѣсь?

— Здѣсь,—отвѣчалъ тотъ.

— У васъ гость былъ, князь заѣзжалъ къ вамъ.

— Знаю, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Что жъ вы думаете сдѣлать? — продолжалъ старикъ, входя. — Э! да вотъ вы кстати и пріодѣлись... Съѣздите къ нему, сударь, сейчасъ же съѣздите! Подите-ка, какъ онъ васъ до небесъ превозноситъ.

— Зачѣмъ же сейчасъ?—вмѣшалась Настенька:—не успѣлъ онъ завернуть, какъ и бѣжать къ нему на поклонъ. Какое благодѣяніе оказалъ... это смѣшно!

— Ужасно смѣшно! Много ты понимаешь!—перебилъ Петръ Михайлычъ. — Зачѣмъ ѣхать? — продолжалъ онъ: — а затѣмъ, что требуетъ этого вѣжливость, да кромѣ того князь — человѣкъ случайный и можетъ быть полезенъ Якову Васильичу.

— Чѣмъ же онъ можетъ быть полезенъ Якову Васильичу? Вотъ это интересно; этого я точно не понимаю.

Петръ Михайлычъ разсердился.

— Нѣтъ, ты понимаешь, только въ тебѣ это твоя гордость говоритъ! — вскрикнулъ онъ, стукнувъ по столу. — По-твоему, отъ всѣхъ людей надобно отворачиваться, кто насъ привѣтствуетъ; только вотъ мы хороши! Не слушайте ее, Яковъ Васильичъ!.. пустая дѣвчонка!.. — обратился онъ къ Калиновичу.

— Я думаю съѣздить,—проговорилъ тотъ.

Настенька взглянула на него.

— Поѣзжайте, — подхватилъ старикъ: — только пѣшкомъ грязно; сейчасъ велю я вамъ лошадь заложить, сейчасъ, — прибавилъ онъ и проворно ушелъ.

— Ты поѣдешь?—спросила Настенька.

— Конечно, поѣду,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— А если я не хочу, чтобъ ты ѣздилъ?

— Странное желаніе!—проговорилъ Калиновичъ.

— Ну, положимъ, что странное, но если я этого хочу; неужели ты не пожертвуешь для меня этими пустяками?

— Я не понимаю, въ чемъ тутъ жертвовать. Мнѣ надобно заплатить визитъ, я и плачу — что жъ тутъ такого?

— Тутъ ничего, можетъ-быть, нѣтъ; но я не хочу. Князь останавливается у генеральши, а я этотъ домъ ненавижу. Ты самъ разсказывалъ, какъ тебя тамъ сухо приняли. Что жъ тебѣ за удовольствіе, съ твоимъ самолюбіемъ, чтобъ тебя встрѣтили опять съ гримасою?

— Я ѣду не къ генеральшѣ, которую и знать не хочу, а къ князю, и не первый, а плачу ему визитъ.

— Не ѣзди, душечка, ангелъ мой, не ѣзди! Я рѣшительно отъ тебя этого требую. Пробудь у насъ цѣлый день. Я тебя не отпущу. Я хочу глядѣть на тебя. Смотри, какой ты сегодня хорошенькій!

Говоря это, Настенька взяла Калиновича за руку.

— Я опять сюда вернусь черезъ какія-нибудь четверть часа,—отвѣчалъ онъ.

— Не хочу я, говорятъ тебѣ!—возразила Настенька.

— Капризъ—и больше ничего, и капризъ глупый!—проговорилъ Калиновичъ, нахмурившись.

— Нѣтъ, Жакъ, это не капризъ, а просто предчувствіе, — начала она.—Какъ ты сказалъ, что былъ у тебя князь, у меня такъ сердце замерло, такъ замерло, какъ будто всѣ несчастья угрожаютъ тебѣ и мнѣ отъ этого знакомства. Я тебя еще разъ прошу, не ѣзди къ генеральшѣ, не плати визита князю; эти люди обоихъ насъ погубятъ.

— До предчувствій дѣло дошло! Предчувствіе теперь виновато!—проговорилъ Калиновичъ: — но такъ какъ я въ пред-

чувствія рѣшительно не вѣрю, то и поѣду, — прибавилъ онъ съ насмѣшкою.

— Я очень хорошо напередъ знала,—возразила Настенька:— что тебѣ самое ничтожное твое желаніе дороже Богъ знаетъ какихъ моихъ страданій.

— Если вы это знали, такъ къ чему жъ весь этотъ разговоръ?—сказалъ Калиновичъ.

Настенька вся вспыхнула.

— Послушайте, Калиновичъ! — начала она: — если вы со мной станете такъ говорить... (голосъ ея дрожалъ, на глазахъ навернулись слезы). Вы не смѣете со мной такъ говорить, — продолжала она: — я вамъ пожертвовала всѣмъ... не шутите моей любовью, Калиновичъ! Если вы со мной будете этакія штучки дѣлать, я не перенесу этого, — говорю вамъ, я умру, злой человѣкъ!

— Настенька! Полноте! Что это вы?— проговорилъ Калиновичъ и хотѣлъ-было взять ее за руку, но она отдернула руку.

— Подите прочь, не надобно мнѣ вашихъ ласкъ!—сказала она, встала и пошла, но въ дверяхъ остановилась.

— Если вы поѣдете къ князю, то не пріѣзжайте ни сегодня ни завтра... не ходите совершенно къ намъ: я видѣть васъ не хочу... эгоистъ!

Калиновичъ сдѣлалъ гримасу. Настенька повернулась и ушла.

Въ эту минуту вернулся Петръ Михайлычъ и еще въ дверяхъ кричалъ:

— Лошадь готова-съ; поѣзжайте съ Богомъ!

— Очень вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Калиновичъ и, надѣвъ пальто, вышелъ на крыльцо.

Его ожидали точно тѣ же дрожки, на которыхъ онъ годъ назадъ дѣлалъ визиты и съ которыхъ, къ вящшему ихъ безобразію, еще зимой какіе-то воришки срѣзали и украли кожу. Лошадь была тоже прежняя и еще больше потолстѣла. На козлахъ сидѣлъ тотъ же инвалидъ Тёрка: расчетливая Палагея Евграфовна окончательно посвятила его въ кучера, чтобы даромъ хлѣбъ не ѣлъ. Словомъ, разница была только въ томъ, что Тёрка въ этотъ разъ не подличалъ Калиновичу, котораго онъ, за выключку изъ сторожей, глубоко ненавидѣлъ, и если когда его посылали за чѣмъ-нибудь для молодого смотрителя, то онъ ходилъ вдвое долѣе обыкновеннаго, тогда какъ и обыкновенно ходилъ къ сосѣдкѣ-колачницѣ за кренделями по два часа. Въ настоящемъ случаѣ онъ повезъ Калиновича убійственнымъ шагомъ, какъ бы слѣдуя за погребальной церемоніей. Тому сдѣлалось это скучно.

— Пошелъ скорѣе! Что ты какъ съ масломъ ѣдешь!—сказалъ онъ.

— Лошадь не бѣжитъ,—отвѣчалъ лаконически Тёрка.

— Ты хлестни ее!

— Нѣту-тка, боюсь, она не любитъ, коли ее хлещутъ—улягнетъ! — возразилъ инвалидъ, тряхнувъ слегка вожжами, и продолжалъ ѣхать шагомъ.

Калиновичъ подождалъ еще нѣсколько времени; наконецъ терпѣніе его лопнуло.

— Хлестни лошадь, говорятъ тебѣ! — повторилъ онъ еще разъ.

Тёрка молчалъ.

— Говорятъ тебѣ, хлестни! — вскрикнулъ Калиновичъ.

— Да плети жъ нѣту! — вскричалъ, въ свою очередь, инвалидъ.

Калиновичъ, видя, что Гаврилыча не переупрямишь, всталъ съ дрожекъ.

— Пошелъ домой, я не хочу съ тобой, скотомъ, ѣхать! — сказалъ онъ и пошелъ пѣшкомъ.

Тёрка пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, поворотилъ лошадь и поѣхалъ назадъ рысью.

Въ сѣняхъ генеральши Калиновичъ опять былъ встрѣченъ ливрейнымъ лакеемъ.

— У себя его сіятельство? — спросилъ онъ.

— Сейчасъ-съ, — отвѣчалъ тотъ и пошелъ наверхъ.

Князь и Полина сидѣли на прежнихъ мѣстахъ въ гостиной. Генеральша, для возбужденія вкуса, жевала корицу.

Лакей доложилъ.

— Легокъ на поминѣ, — проговорилъ князь, вставая.

— Примите его сюда, — сказала стремительно Полина.

— Да, — отвѣчалъ тотъ и обратился къ старухѣ: — Калиновичъ ко мнѣ, ma tante, пріѣхалъ, одинъ авторъ: можно ли его сюда принять?

— Какой авторъ? — спросила та, мигая глазами.

— Онъ былъ у насъ, maman, съ годъ назадъ, — отвѣчала Полина.

— Гдѣ былъ? — спросила старуха.

— Здѣсь былъ, у васъ былъ... — подхватилъ князь.

— Не знаю, когда былъ... не помню, — говорила больная.

— Ну да, вы не помните, вы забыли. Можно ли его сюда принять? Онъ очень умный и милый молодой человѣкъ,— толковалъ ей князь.

— Отчего жъ нельзя? Когда ты мнѣ его рекомендуешь, я очень рада, — отвѣчала она.

— Проси! — приказалъ князь лакею и самъ вышелъ нѣсколько въ залу, а Полина встала и начала торопливо поправлять передъ зеркаломъ волосы.

Калиновичъ показался.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, что доставили удовольствіе видѣть васъ! — началъ князь, идя ему навстрѣчу и беря его за обѣ руки, которыя крѣпко сжалъ.

— Вы знакомы съ здѣшними хозяевами? — прибавилъ онъ.

Калиновичъ отвѣчалъ, что онъ имѣлъ честь быть у нихъ одинъ разъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте возобновить ваше знакомство, — заключилъ князь и ввелъ его въ гостиную.

— Monsieur Калиновичъ,—отнесся онъ къ генеральшѣ; но та только хлопнула глазами.

M-lle Полина, напротивъ, поклонилась гостю очень любезно.

— Je vous prie, monsieur, prenez place, — сказалъ князь, подвигая Калиновичу стулъ и самъ садясь невдалекѣ отъ него.

— Monsieur Калиновичъ былъ такъ недобръ, что посѣтилъ насъ всего только одинъ разъ,—сказала Полина по-французски.

Калиновичъ отвѣчалъ тоже по-французски, что онъ слышалъ о болѣзни генеральши и потому не смѣлъ безпокоить. Князь и Полина переглянулись: имъ обоимъ понравилась ловко составленная молодымъ смотрителемъ французская фраза. Старуха продолжала хлопать глазами, переводя ихъ, безъ всякаго выраженія, съ дочери на князя, съ князя на Калиновича.

— Maman дѣйствительно весь этотъ годъ чувствовала себя нехорошо и почти никого не принимала,—заговорила Полина.

— Въ рукѣ слабость и одеревянѣлость въ пальцахъ чувствую, — обратилась къ Калиновичу старуха, показывая ему свою обрюзглую, дрожавшую руку и сжимая пальцы.

— Съ теченіемъ времени чувствительность возстановится, ваше превосходительство; это пройдетъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Пройдетъ, рѣшительно пройдетъ, — подхватилъ князь. — Богъ дастъ, лѣтомъ въ деревнѣ ванны похолоднѣе—и посмотрите, какимъ вы молодцомъ будете, ma tante!

— Вкусу нѣтъ... во рту непріятно... кушанья, которыя любила прежде, не нравятся... — продолжала старуха, не обращая вниманія на слова князя и опять относясь къ Калиновичу.

Тотъ выразилъ въ лицѣ своемъ глубокое сожалѣніе. Легкій оттѣнокъ улыбки промелькнулъ на губахъ князя.

— Что жъ, maman, у васъ есть аппетитъ: вамъ кушать хочется, а много кушать вамъ вредно,—проговорила Полина.

Но старуха не обратила вниманія и на слова дочери. Очень довольная, что встрѣтила новаго человѣка, съ которымъ могла поговорить о болѣзни, она опять обратилась къ Калиновичу.

— Нога слабѣетъ... ходить не могу... подвертывается...

— Пройдетъ и это, ваше превосходительство, — повторилъ тотъ.

— Совершенно ли пройдетъ? — спросила больная.

— Я думаю, совершенно, — отвѣчалъ Калиновичъ. — Отецъ мой пораженъ былъ точно такою же болѣзнью и потомъ пятнадцать лѣтъ жилъ и былъ совершенно здоровъ.

— Только пятнадцать лѣтъ и жилъ, а тутъ и умеръ!—сказала старуха въ раздумьѣ.

Калиновичъ молчалъ.

Опять незамѣтная улыбка промелькнула на губахъ князя, и онъ взглянулъ на Полину.

— Не скучаете ли вы вашей провинціальной жизнью, которой вы такъ боялись? — отнеслась та къ Калиновичу, съ намѣреніемъ, кажется, перебить разговоръ матери о болѣзни.

— Monsieur Калиновичъ, вѣроятно, не имѣлъ времени скучать этотъ годъ, потому что занятъ былъ сочиненіемъ своего прекраснаго романа, — подхватилъ князь.

— Этотъ романъ написанъ года два назадъ,—сказалъ Калиновичъ.

— А вы давно ужъ занимаетесь литературой? — спросила Полина.

— Да, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Стало-быть, вы только не торопитесь печатать, — подхватилъ князь: — и это прекрасно: чѣмъ строже къ самому себѣ, тѣмъ лучше. Въ литературѣ, какъ и въ жизни, нужно помнить одно правило, что человѣкъ будетъ тысячу разъ раскаиваться въ томъ, что говорилъ много, но никогда, что мало. Прекрасно, прекрасно! — повторялъ онъ и потомъ, помолчавъ, продолжалъ: — но ужъ теперь, когда вы выступили такъ блистательно на это поприще, у васъ, вѣроятно, много и написано и предположено.

— Предположеній много, но пока ничего нѣтъ еще конченнаго въ такой мѣрѣ, чтобъ я рѣшился печатать, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Прекрасно, прекрасно! — опять подхватилъ князь: — и какъ ни велико наше нетерпѣніе прочесть что-нибудь новое изъ вашихъ трудовъ, однако не меньше того желаемъ, чтобъ вы, сдѣлавъ такой успѣшный шагъ, успѣвали еще больше, и потому не смѣемъ торопить: обдумывайте, обсуживайте... По

первому вашему опыту, мы ждемъ отъ васъ вполнѣ зрѣлаго и капитальнаго...

Калиновичъ поклонился.

— Ей-Богу такъ,— продолжалъ князь:— я говорю вамъ не льстя, а какъ истинный почитатель всякаго таланта.

— Какъ, я думаю, трудно сочинять — я часто объ этомъ думаю,— сказала Полина:— когда, судя по себѣ, письма иногда не въ состояніи написать, а тутъ надобно сочинить цѣлый романъ! Въ это время, я полагаю, ни о чемъ другомъ не надобно думать, а то сейчасъ потеряешь нить мыслей и разсѣешься.

— Особенную способность, ma cousine, я полагаю, надо имѣть,— возразилъ князь:— живую фантазію, сильное воображеніе. И я вотъ, по моей кочующей жизни въ Россіи и за границей, много былъ знакомъ съ разнаго рода писателями и художниками, начиная съ какого-нибудь провинціальнаго актера до Гёте, которому имѣлъ честь представляться въ качествѣ русскаго путешественника, и, признаюсь, въ каждомъ изъ нихъ замѣчалъ что-то особенное, непохожее на насъ, грѣшныхъ; ну, и кромѣ того, не говоря объ умѣ (дурака писателя и артиста я не могу даже себѣ представить), но, кромѣ ума, у большей части изъ нихъ прекрасное и благородное сердце.

— Сами, князь, вы никогда не занимались литературой, не писали? — спросилъ скромно Калиновичъ.

— О, Боже мой, нѣтъ! — воскликнулъ князь:— какой я писатель! Я занятъ другимъ, да и писать не умѣю.

— Послѣднему, кажется, нельзя повѣрить, — замѣтилъ въ томъ же тонѣ Калиновичъ.

— Дѣйствительно не умѣю,—отвѣчалъ князь:—хоть и жилъ почти весь вѣкъ свой между литераторами и, надобно сказать, имѣлъ много дорогихъ и милыхъ для меня знакомствъ между этими людьми,— прибавилъ онъ, вздохнувъ.

Разговоръ на нѣкоторое время прервался.

— Съ Пушкинымъ, ваше сіятельство, вѣроятно, изволили быть знакомы? — началъ Калиновичъ.

— Даже очень. Мы почти вмѣстѣ росли, вмѣстѣ стали выѣзжать молодыми людьми въ свѣтъ: я — гвардейскимъ прапорщикомъ, а онъ, кажется, служилъ тогда въ иностранной коллегіи... C'etait un homme de génie... въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ, Баратынскій, Дельвигъ, Павелъ Нащокинъ,— а этотъ даже служилъ со мной въ одномъ полку, — все это были молодые люди одного кружка.

— Я не помню гдѣ-то читала, — вмѣшалась Полина, при-

щуривая глаза: — что Пушкинъ любилъ, чтобъ въ обществѣ въ немъ видѣли больше свѣтскаго человѣка, а не писателя и поэта.

— Какъ вамъ, кузина, сказать, — возразилъ князь: — пожалуй, что да, а пожалуй, и нѣтъ; вначалѣ, въ молодости, можетъ-быть, это и было. Я его встрѣчалъ, кромѣ Петербурга, въ Молдавіи и въ Одессѣ, наконецъ зналъ эту даму, въ которую онъ былъ влюбленъ — и это была прелестнѣйшая женщина, какихъ когда-либо создавалъ Божій міръ; ну, тогда, можетъ-быть, онъ желалъ казаться повѣсой, какъ было это тогда въ модѣ между всѣми нами, молодежью... ну, а потомъ, когда пошла эта всеобщая слава, наконецъ вниманіе государя императора, званіе камеръ-юнкера — все это заставило его высоко цѣнить свое дарованіе.

— У Пушкина, я думаю, была и другая мѣрка своему таланту, — замѣтилъ Калиновичъ.

— Безъ сомнѣнія, — подхватилъ князь: — но что дороже всего было въ немъ, — продолжалъ онъ, ударивъ себя по колѣнкѣ: — такъ это его любовь къ Россіи: онъ, кажется, старался изучить всякую въ ней мелочь; и когда я вотъ бывалъ въ послѣдніе годы его жизни въ Петербургѣ, заѣзжалъ къ нему, онъ почти каждый разъ говорилъ мнѣ: «Помилуй, князь, ты столько лѣтъ живешь и таскаешься по провинціямъ: разскажи что-нибудь, какъ у васъ и что тамъ дѣлается». Только разъ, какъ нарочно передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, случилось у насъ въ губерніи ужасное происшествіе: появился нѣкто Сольфини—итальянецъ ли, грекъ ли, жидъ ли, не разберешь, но только живописецъ. Я тогда жилъ зиму въ городѣ и, такъ какъ вообще люблю искусства, приласкалъ его. Оказалось, что портреты снимаетъ удивительно: рисунокъ правильный, освѣщеніе эффектное, характерныя черты лица схвачены съ неподражаемой мѣткостью, но ни конца ни отдѣлки, особенно въ аксессуарахъ, никакой; и это бы еще ничего, но хуже всего, что, рисуя съ васъ портретъ, онъ дѣлался какимъ-то тираномъ вашимъ: сеансы продолжалъ часовъ по семи, и — горе вамъ, если вы вздумаете встать и выйти: броситъ кисть, убѣжитъ и ни за какія деньги не станетъ продолжать работу. Точно то же сдѣлалъ онъ и съ губернаторшей. Я ему замѣчаю, что подобная нетерпѣливость, особенно въ отношеніи такой дамы, неумѣстна, а онъ мнѣ на это очень наивно отвѣчаетъ обыкновенной своей поговоркой: «я, съѣшь меня собака, художникъ, а не маляръ; она дура: я не могу съ нея рисовать...» Какъ хотите, такъ и судите.

Полина засмѣялась. Калиновичъ тоже улыбнулся.

— Какъ однако, князь, ты хорошо представляешь этого Сольфини; я какъ будто вижу его передъ собою, — сказала Полина.

— Да, я недурно копирую, — отвѣчалъ онъ и снова обратился къ Калиновичу. — Въ заключеніе всего-съ: этотъ господинъ влюбляется въ очень миленькую даму, жену весьма почтеннаго человѣка, которая была, пожалуй, нѣсколько кокетка, можетъ-быть, нѣсколько и завлекала его, даже немудрено, что онъ ей и нравился, потому что дѣйствительно былъ чрезвычайно красивый мужчина — высокій, статный, съ этими густыми, черными волосами, съ орлинымъ, римскимъ носомъ; на щекахъ, какъ два розовые листа, врѣзанъ румянецъ; но все-таки между нимъ и какой-нибудь госпожою въ рангѣ дѣйствительной статской совѣтницы оставался salto mortale... Ничего этого, конечно, Сольфини, какъ свободный гражданинъ, и знать не хотѣлъ...

— Воображаю его въ этомъ состояніи! — перебила съ улыбкою Полина.

— Ужасенъ! — продолжалъ князь: — онъ начинаетъ эту бѣдную женщину всюду преслѣдовать, такъ что мужъ не велѣлъ наконецъ пускать его къ себѣ въ домъ; онъ затѣваетъ еще большій скандалъ: вызываетъ его на дуэль; тотъ, разумѣется, отказывается; онъ ходитъ по городу съ кинжаломъ и хочетъ его убить, такъ что мужъ этотъ принужденъ былъ жаловаться губернатору — и нашего несчастнаго любовника, безъ копейки денегъ, въ одномъ пальто, въ тридцать градусовъ мороза, высылаютъ съ жандармомъ изъ города...

— Бѣдный! — подхватила Полина.

— Нѣтъ, вы погодите, чѣмъ еще кончилось! — перебилъ князь. — Начинается съ того, что Сольфини бѣжитъ съ первой станціи. Проходитъ нѣсколько времени — о немъ ни слуху ни духу. Мужъ этой госпожи уѣзжаетъ въ деревню; она остается одна... и тутъ различно разсказываютъ: одни — что будто бы Сольфини какъ изъ-подъ земли выросъ и явился въ городѣ, подкупилъ людей и пробрался къ нимъ въ домъ; а другіе говорятъ, что онъ писалъ къ ней нѣсколько писемъ, просилъ у ней свиданія, и будто бы она согласилась.

— Очень можетъ быть, что и согласилась: изъ одного чувства состраданія можно рѣшиться на это, — отнеслась Полина къ Калиновичу.

— Очень можетъ быть, — подтвердилъ тотъ.

— Конечно, — подхватилъ князь и продолжалъ: — но, какъ бы то ни было, онъ входитъ къ ней въ спальню, запираетъ двери... и какого рода происходила между ними сцена — не-

извѣстно; только вдругъ раздается сначала крикъ, потомъ выстрѣлы. Люди прибѣгаютъ, выламываютъ двери и находятъ два обнявшіеся трупа. У Сольфини въ рукахъ по пистолету: одинъ направленъ въ грудь этой госпожи, а другой онъ вставилъ себѣ въ ротъ и пробилъ насквозь черепъ.

— Ну, что̀ это, князь? Какъ это ужасно и жалко!.. — проговорила Полина, зажимая глаза.

Князь отвѣчалъ ей только пожатіемъ плечъ.

— Но при всѣхъ этихъ сумасбродствахъ, — снова продолжалъ онъ: — наконецъ при этомъ страшномъ характерѣ, способномъ совершить преступленіе, Сольфини былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Напримѣръ, одна его черта: онъ очень любилъ ходить въ нашъ соборъ на архіерейскую службу, которая напоминала ему Римъ и папу. Тамъ обыкновенно на паперти встрѣчала его толпа нищихъ: «а, вы, бѣдные, — говорилъ онъ:—вамъ нечего кушать!»—и всѣ, сколько съ нимъ ни было денегъ, всѣ раздавалъ.

— Артистъ! — сказала Полина и вздохнула.

— Артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — повторилъ князь и призадумался, какъ бы сбираясь съ мыслями. — Все это,—началъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія:— я разсказалъ Пушкину; онъ выслушалъ, и чрезъ нѣсколько дней мы опять съ нимъ встрѣчаемся.—«Знаешь ли, говоритъ, князь, я твоего итальянца описываю? Заѣзжай завтра ко мнѣ, я тебѣ прочту». Я ѣду... Начинаетъ онъ мнѣ читать своего извѣстнаго импровизатора.—«Ну, что̀? Какъ тебѣ нравится?»—спрашиваетъ. Превосходно, говорю, но что̀ же тутъ общаго съ моимъ пустымъ разсказомъ?—«Очень много, отвѣчаетъ, онъ подалъ мнѣ мысль вывести природнаго художника, импровизатора, посреди нашего холоднаго, эгоистическаго общества»—и такимъ образомъ мой Сольфини обезсмертился.

Весь этотъ длинный разсказъ князя Полина выслушала съ большимъ интересомъ, Калиновичъ тоже съ полнымъ вниманіемъ, и одна только генеральша думала о другомъ: голосъ ея старческаго желудка былъ для нея могущественнѣе всего.

— Скоро ли мы будемъ обѣдать?—спросила она у дочери.

— Скоро, maman, — отвѣчала та.

Калиновичъ понялъ, что время уѣхать, и всталъ.

— Au revoir, au revoir...—началъ было князь.

— Monsieur Калиновичъ, можетъ-быть, будетъ такъ добръ, что отобѣдаетъ у насъ? — произнесла вдругъ Полина.

По лицу князя пробѣжала опять мгновенная и едва замѣтная улыбка.

— Прекрасно, прекрасно! Это продолжитъ еще нѣсколько часовъ нашу пріятную бесѣду,—подхватилъ онъ.

Калиновичъ поклонился.

— Прекрасно, прекрасно! — повторилъ князь: — кладите вашу шляпу и присядьте.

Калиновичъ сѣлъ, и опять началась довольно одушевленная бесѣда, въ которой, разумѣется, больше всѣхъ говорилъ князь, и все больше о литературѣ. Онъ хвалилъ направленіе нынѣшнихъ писателей, направленіе умное, практическое, въ которомъ, благодаря Бога, не стало капли приторной чувствительности двадцатыхъ годовъ; радовался вѣчному истребленію одъ, ходульныхъ драмъ, которыя своей высокопарной ложью въ каждомъ здравомыслящемъ человѣкѣ могли только развивать желчь; радовался наконецъ совершенному изгнанію стиховъ *къ ней, къ лунѣ, къ звѣздамъ*; похвалилъ внѣшнюю блестящую сторону французской литературы и отозвался съ уваженіемъ объ англійской—словомъ, явился въ полномъ смыслѣ литературнымъ дилетантомъ, и, какъ можно подозрѣвать, весь разсказъ о Сольфини изобрѣлъ, желая тѣмъ показать молодому литератору свою симпатію къ художникамъ и любовь къ искусствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ намекнуть и на свое знакомство съ Пушкинымъ, великимъ поэтомъ и человѣкомъ хорошаго круга, — Пушкинымъ, которому, какъ извѣстно, въ дружбу напрашивались послѣ его смерти не только люди совершенно ему незнакомые, но даже печатные враги его, въ силу той невинной слабости, что всякому маленькому смертному пріятно стать поближе къ великому человѣку и хоть однимъ лучомъ его славы освѣтить себя. Все это Калиновичъ, при его умѣ и проницательности, казалось бы, долженъ былъ сейчасъ же увидѣть и понять; но онъ ничего подобнаго даже не замѣтилъ. Что дѣлать? Князь очень ужъ ловко подошелъ съ задняго крыльца къ его собственному сердцу и очень тонко польстилъ ему самому; а куреніе нашему *я*, даже самое грубое, имѣетъ, какъ хотите, одуряющее свойство. Очень много на свѣтѣ людей, сердце которыхъ нельзя тронуть ни мольбами, ни слезами, ни вопіющей правдой; но польсти имъ—и они смягчатся до нѣжности, до службы; а герой мой, должно сказать, по преимуществу принадлежалъ къ этому разряду.

Въ четыре часа съ половиной Полина, князь и Калиновичъ сѣли за столъ. Генеральша кушала у себя въ спальнѣ. Прислуживала цѣлая стая ливрейныхъ гайдуковъ. Кушанье подавалось въ серебряной мискѣ и на серебряныхъ блюдахъ. Обѣдъ былъ на славу, какой только можно было приготовить въ уѣздномъ городѣ. У генеральши остался еще послѣ покой-

наго ея мужа, бывшаго лѣтъ одиннадцать кавалерійскимъ полковымъ командиромъ, щегольской поваръ, который — увы! — послѣ смерти покойнаго барина изнывалъ въ бездѣйствіи, практикуя себя въ созданіи картофельнаго супа и жареной печенки, и дѣятельность его вызывалась тогда только, когда пріѣзжалъ князь; выдавалась провизія, какую онъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ, и старикъ умѣлъ себя показать!.. Послѣ всякаго почти обѣда князь, встрѣчая его, не упускалъ случая обласкать.

— Чудо, прелесть! — говорилъ онъ, цѣлуя кончики пальцевъ: — вы, Григорій Васильичъ, рѣшительно талантъ.

Григорій Васильевъ при этомъ мрачно на него взглядывалъ.

— Не у чего мнѣ, ваше сіятельство, таланту быть; въ кухарки нынче поступилъ, только и умѣю овсяную кашицу варить,—отвѣчалъ онъ, и князь при этомъ обыкновенно отвертывался, не желая слышать отъ старика еще болѣе, можетъ-быть, рѣзкаго отзыва о господахъ.

Послѣ обѣда перешли въ щегольски убранный кабинетъ пить кофе и курить. М-lle Полинѣ давно ужъ хотѣлось имѣть уютную комнату съ каминомъ, бархатной драпировкой и съ китайскими бездѣлушками; но, сколько она ни ласкалась къ матери, сколько ни просила ее объ этомъ, старуха, израсходовавшись на отдѣлку квартиры, и слышать не хотѣла. Полина, какъ при всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, сказала объ этомъ князю.

— О, это мы устроимъ! — возразилъ онъ и тѣмъ же вечеромъ завелъ разговоръ о кабинетѣ.

— Нѣтъ, князь, нѣтъ и нѣтъ: это лишнее, — отвѣчала старуха.

— Какое же лишнее, ma tante? Кузинѣ пріютиться негдѣ.

— Нѣтъ, лишнее! — повторила старуха рѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ я отдѣлываю этотъ кабинетъ для кузины на свой счетъ, — сказалъ князь.

— Я знаю, что ты готовъ бросать деньги, гдѣ только можно, — проговорила генеральша и улыбнулась.

Она, впрочемъ, думала, что князь только шутитъ, но вышло напротивъ: въ двѣ недѣли кабинетикъ былъ готовъ. Полинѣ было ужасно совѣстно. Старуха тоже недоумѣвала.

— Что, князь, неужели ты намъ даришь это? — спросила она.

— Дарю, ma tante, дарю, но только не вамъ, а кузинѣ; мы васъ даже туда пускать не будемъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, какой ты безразсудный!—говорила генеральша, ка-

чая головой, но съ замѣтнымъ удовольствіемъ (она любила подарки во всевозможныхъ формахъ).

— Mercі, cousin!—сказала Полина и съ глубокимъ чувствомъ протянула князю руку, которую тотъ пожалъ съ значительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Когда всѣ разсѣлись по мягкимъ низенькимъ кресламъ, князь опять навелъ разговоръ на литературу, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ свое удивленіе, что, бывая въ послѣдніе годы въ Петербургѣ, онъ никого не встрѣчалъ изъ нынѣшнихъ лучшихъ литераторовъ въ порядочномъ обществѣ. Гдѣ они живутъ? Съ кѣмъ знакомы? — Богъ знаетъ, тогда какъ это сближеніе писателей съ большимъ свѣтомъ, по его мнѣнію, было бы необходимо.

— Вы, господа литераторы,—продолжалъ онъ, прямо обращаясь къ Калиновичу:—живя въ хорошемъ обществѣ, встрѣтите характеры и сюжеты, интересные и знакомые для образованнаго міра, а общество начнетъ любить, наоборотъ, *свое, русское, родное.*

Калиновичъ на это возразилъ, что попасть въ большой свѣтъ довольно трудно.

— Напротивъ,—возразилъ, въ свою очередь, князь: — надобно только поискать. Конечно, на первыхъ порахъ самолюбіе ваше будетъ нѣсколько непріятно щекотаться, но потомъ васъ узнаютъ, привыкнутъ, полюбятъ... Мало ли мы видимъ,— продолжалъ онъ:—что въ самыхъ верхнихъ слояхъ общества живутъ люди ничѣмъ незначительные, Богъ знаетъ какого сословія и даже званія, а русскій литераторъ, повѣрьте, всегда тамъ займетъ приличное ему мѣсто. Но эти ваши, господа, закоулочныя знакомства, это вѣчное пребываніе въ своихъ кружкахъ, какъ хотите, невольно кладетъ непріятный оттѣнокъ на самыя сочиненія. Пословица справедлива: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу, кто ты».

Калиновичъ, повидимому, соглашался съ княземъ и только въ одиннадцатомъ часу сталъ раскланиваться.

— Надѣюсь, что вы будете насъ посѣщать иногда, — сказала ему Полина.

Калиновичъ отвѣчалъ, что онъ сочтетъ это за самое пріятное для себя удовольствіе.

— Я, съ своей стороны, — подхватилъ князь: — имѣю на этотъ счетъ нѣкоторое предположеніе. Послѣзавтра *мои* пріѣдутъ, и тогда мы составимъ маленькій литературный вечеръ и будемъ просить господина Калиновича прочесть свой романъ.

— Ахъ, это было бы очень, очень пріятно, — сказала По-

лина. — Я не смѣла безпокоить, но чрезвычайно желала бы слышать чтеніе самого автора; это удовольствіе такъ немногимъ достается...

Калиновичъ отвѣчалъ, что ему стоитъ приказать, и онъ всегда готовъ, а затѣмъ окончательно раскланялся.

— Ну, какъ вы нашли сего молодого человѣка?— сказалъ, по уходѣ его, князь.

— Онъ очень милъ, — отвѣчала Полина.

— Ужъ и милъ? — спросилъ князь.

— Да, милъ, — повторила Полина, посмотрѣвъ на него значительно.

— О, женщины! женщины! — воскликнулъ князь.

— Перестаньте это говорить! Вы должны меня хорошо знать, — сказала Полина, слегка заслоняя ему ротъ, при чемъ онъ поцѣловалъ у ней руку, и оба пошли къ генеральшѣ.

Калиновичъ между тѣмъ возвращался домой подъ вліяніемъ довольно новыхъ ощущеній. Болѣе всего произвелъ на него впечатлѣніе комфортъ, который онъ видѣлъ всюду въ домѣ генеральши, и—Боже мой! какъ далеко все это превосходило бѣдную обстановку въ житьѣ-бытьѣ Годневыхъ, посреди которой онъ прожилъ больше года, не видя ничего лучшаго! Надобно сказать, что комфортъ въ умѣ моего героя всегда имѣлъ огромное значеніе. И для кого же, впрочемъ, изъ солидныхъ, благоразумныхъ молодыхъ людей нашего времени не имѣетъ онъ этого значенія? Авторъ дошелъ до твердаго убѣжденія, что для насъ, дѣтей нынѣшняго вѣка, слава... любовь... міровыя идеи... безсмертіе—ничто предъ комфортомъ. Все это въ душахъ нашихъ случайное: одинъ только онъ стоитъ впереди нашего пути, съ своей неизмѣримо-притягательной силой. Къ нему-то мы направляемъ всѣ наши усилія. Онъ одинъ нашъ идолъ, и въ жертву ему приносится все дорогое, хотя бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца, разорвать главную его артерію и кровью изойти, но только близенько, на подножіи нашего золотого тельца! Для комфорта проводится трудовая, до чахотки, жизнь!.. Для комфорта десятки лѣтъ изгибаются, кланяются, кривятъ совѣстью!.. Для комфорта кидаютъ семейство, родину, ѣдутъ кругомъ свѣта, тонутъ, умираютъ съ голода въ степяхъ!.. Для комфорта чистымъ и нечистымъ путемъ ищутъ наслѣдства; для комфорта берутъ взятки и совершаютъ наконецъ преступленія.

III.

На другой день Петръ Михайлычъ ожидалъ Калиновича съ большимъ нетерпѣніемъ, но тотъ не торопился и пришелъ ужъ вечеромъ.

— Ну что, сударь? — воскликнулъ старикъ: — какъ и гдѣ вы провели вчерашній день? Были ли у его сіятельства? О чемъ съ нимъ побесѣдовали?

— Что жъ особеннаго? Былъ и бесѣдовалъ,—отвѣчалъ Калиновичъ коротко, но, замѣтивъ, что Настенька, почти не отвѣтившая на его поклонъ, сидитъ надувшись, сталъ, въ досаду ей, хвалить князя и заключилъ тѣмъ, что онъ очень радъ знакомству съ нимъ, потому что это рѣшительно отрадный человѣкъ въ провинціи.

— Такъ, такъ, палата ума и образованности! — подтверждалъ Петръ Михайлычъ.

Настенька только слушала ихъ.

— Вамъ, видно, было очень весело у вашихъ новыхъ знакомыхъ: вы обѣдали тамъ и оставались потомъ цѣлый день!— сказала она.

Обо всемъ этомъ ей сообщилъ капитанъ, слѣдившій, видно, за каждымъ шагомъ молодого смотрителя.

— Да, я тамъ обѣдалъ,—отвѣчалъ Калиновичъ совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ.

— А я и не зналъ! — воскликнулъ Петръ Михайлычъ. — Каковъ же обѣдъ былъ? — скажите вы намъ... Я думаю, генеральскій: у нихъ, говорятъ, все больше на серебрѣ подается.

— Обѣдъ былъ очень хорошъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Воображаю! — произнесла презрительнымъ тономъ Настенька.

Слова Калиновича выводили ее окончательно изъ терпѣнія. «Какъ этотъ гордый и великій человѣкъ (въ послѣднемъ она тоже не сомнѣвалась), этотъ гордый человѣкъ такъ мелоченъ, что въ восторгѣ отъ приглашенія какого-нибудь глупаго, напыщеннаго генеральскаго дома?» — думала она и дала себѣ слово показывать ему невниманіе и презрѣніе, что, можетъ-быть, и исполнила бы, если бъ Калиновичъ показалъ хотя маленькое раскаяніе и сознаніе своей вины; но онъ, напротивъ, самъ еще больше надулся и въ продолженіе цѣлаго дня не отнесся къ Настенькѣ ни словомъ ни взглядомъ, понятнымъ для нея, и принялъ тотъ холодно-вѣжливый тонъ, котораго она больше всего боялась и не любила въ немъ. При подобной борьбѣ, конечно, всегда уступитъ тотъ, кто добрѣе

и больше любитъ. Вечеромъ, послѣ ужина, Настенька не въ состояніи была долѣе себя выдерживать и сказала Калиновичу:

— Вы же виноваты и вы же на меня сердитесь!

— На капризныхъ я самъ капризенъ, — отвѣчалъ онъ и ушелъ домой.

Настенька, оставшись одна, залилась горькими слезами: «Господи, что это за человѣкъ!»—воскликнула она. Это было выше силъ ея и пониманія.

Въ день, назначенный Калиновичу для чтенія, княгиня съ княжной пріѣхали въ городъ къ обѣду. Полина имъ ужасно обрадовалась, а князь не замедлилъ сообщить, что для нихъ приготовленъ маленькій сюрпризъ, и что вечеромъ будетъ читать одинъ очень умный и образованный молодой человѣкъ свой романъ.

— Надѣюсь, вы будете внимательны,—заключилъ онъ съ улыбкою, понятною, надо полагать, для жены и дочери.

— Ахъ, конечно, это очень пріятно! — сказала кротко и тихимъ голосомъ княгиня, до сихъ поръ еще красавица, хотя и страдала около пяти лѣтъ разстройствомъ нервовъ, такъ что малѣйшій стукъ возбуждалъ у ней головныя боли, и поэтому князь оберегалъ ее отъ всякаго шума съ неусыпнымъ вниманіемъ. Княжна ангельски улыбнулась отцу. Надобно сказать, что, при всей деликатности, доходившей до того, что изъ всей семьи никто никогда не видалъ князя въ халатѣ, онъ умѣлъ въ то же время поставить себя въ такое положеніе, что каждое его слово, каждый взглядъ былъ закономъ.

Объявить генеральшѣ о литературномъ вечерѣ было нѣсколько труднѣе. По крайней мѣрѣ съ полчаса князь толковалъ ей. Старуха наконецъ уразумѣла, хотя не совсѣмъ ясно, и проговорила свою обычную фразу:

— Я очень рада, князь, и, пожалуйста, будь хозяиномъ у меня... Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Князь поцѣловалъ у ней за это руку. Она взглянула на тюрикъ съ конфетами: онъ ей подалъ весь и ушелъ. Въ умѣ его родилось новое предположеніе. Слышавъ, по городской молвѣ, объ отношеніяхъ Калиновича къ Настенькѣ, онъ хотѣлъ взглянуть собственными глазами и убѣдиться, въ какой мѣрѣ это было справедливо. Присмотрѣвшись въ послѣдній визитъ къ Калиновичу, онъ вѣрилъ и не вѣрилъ этому слуху. Все это князь въ тонкихъ намекахъ объяснилъ Полинѣ и прибавилъ, что очень было бы недурно пригласить Годневыхъ на вечеръ.

Полина поняла его очень хорошо и тотчасъ же написала

къ Петру Михайлычу записку, въ которой очень любезно приглашала его съ его милой дочерью посѣтить ихъ вечеромъ, поясняя, что ихъ общій знакомый, m-r Калиновичъ, обѣщался у нихъ читать свой прекрасный романъ, и потому они, вѣроятно, не откажутся раздѣлить съ ними удовольствіе слышать его чтеніе.

«Maman тоже поручила мнѣ просить васъ объ этомъ, и намъ очень грустно, что вы такъ давно насъ совсѣмъ забыли»,—прибавила она, по совѣту князя, въ постскриптумѣ. Получивъ такое деликатное письмо, Петръ Михайлычъ удивился и, главное, обрадовался за Калиновича. — «О-о, какъ нашъ Яковъ Васильичъ пошелъ въ гору!»—подумалъ онъ и, боясь только одного, что Настенька не поѣдетъ къ генеральшѣ, робко вошелъ въ гостиную и несовсѣмъ твердымъ голосомъ объявилъ дочери о приглашеніи. Настенька въ первыя минуты вспыхнула.

«А, Калиновичъ! такъ-то вы поступаете!.. Прекрасно!.. Васъ приглашаютъ читать, а вы ни полслова!..»—подумала она.

— Что жъ, мы поѣдемъ, или нѣтъ?—спросилъ Петръ Михайлычъ, глядя съ нетерпѣніемъ ей въ глаза.

— Вы—какъ хотите, а я не поѣду,—отвѣчала Настенька.

— Полно, душа моя... — началъ-было старикъ, но у Настеньки вдругъ перемѣнилось выраженіе лица. Она подумала: «Насъ приглашаютъ на этотъ вечеръ—зачѣмъ? Вѣроятно, онъ самъ этого требовалъ и только не хотѣлъ намъ сказать. О! душка мой, Калиновичъ!..»—заключила она мысленно.

— Нѣтъ, папаша, я пошутила, я поѣду: мнѣ самой хочется быть на этомъ вечерѣ,—сказала она вслухъ.

Старикъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Вотъ тебѣ за это!—проговорилъ онъ и потомъ, не зная отъ удовольствія, что бы такое еще сдѣлать,—прибавилъ, потирая руки и какимъ-то ребячески-добродушнымъ голосомъ:

— А что, не послать ли за Калиновичемъ? Вмѣстѣ бы всѣ и отправились.

— Пошлите; только, пожалуйста, не отъ меня, — отвѣчала Настенька.

Ей все еще хотѣлось хоть немного выдержать свой характеръ. Посланный Тёрка возвратился и донесъ, что Калиновича дома нѣтъ.

— Гдѣ жъ это онъ?—спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Да я жъ почемъ знаю? — отвѣчалъ сердито инвалидъ и пошелъ-было на печь; но Петръ Михайлычъ, такъ какъ ужъ было часовъ шесть, воротилъ его и, отдавъ строжайшее приказаніе закладывать сейчасъ же лошадь, хотѣлъ-было тутъ

же къ слову побранить стараго грубіяна за непослушаніе Калиновичу, о которомъ тотъ разсказалъ; но Тёрка и слушать не хотѣлъ: хлопнулъ, по обыкновенію, дверьми и ушелъ.

— Этакое допотопное животное! — проговорилъ Петръ Михайлычъ и принялся бриться.

Настенька тоже занялась своимъ туалетомъ. Никогда еще въ жизнь свою не старалась она одѣться такъ къ лицу, какъ въ этотъ разъ. Всѣ маленькія уловки были употреблены на это: черное шелковое платье украсилось бантиками изъ пунцовыхъ лентъ; хорошенькая головка была убрана спереди буклями, и надѣты были очень миленькія коралловыя сережки; словомъ, она хотѣла въ этомъ гордомъ и напыщенномъ домѣ генеральши явиться достойною любви Калиновича, о которой тамъ, вѣроятно, уже знали. Петръ Михайлычъ между тѣмъ совсѣмъ одѣлся и начиналъ выходить изъ терпѣнья.

— Опоздаемъ мы, непремѣнно опоздаемъ и сдѣлаемъ противъ хозяевъ невѣжливость по милости этой Настасьи Петровны и хрыча-инвалида! — говорилъ онъ и потомъ покорнѣйше просилъ пришедшаго капитана поторопить каналью Тёрку. Тотъ, конечно, сейчасъ же исполнилъ желаніе брата и пошелъ въ сарай. Гаврилычъ дѣйствительно копался, такъ что капитанъ, чтобъ пособить ему, самъ натягивалъ супонь и заважживалъ вожжи. Часамъ къ восьми наконецъ все уладилось. Отецъ и дочь поѣхали; но оказалось, что сидѣть вдвоемъ на знакомыхъ намъ дрожкахъ было очень ужъ неудобно. Настенькѣ между Петромъ Михайлычемъ и неуклюжимъ Тёркой оставалась только возможность завязнуть. На улицѣ, какъ нарочно, была страшная грязь и сѣялъ, какъ изъ рѣшета, мелкій, но спорый дождь. Несмотря на это, Тёрка, сердитый отъ того, что его тормошатъ цѣлый день,—какъ ни кричалъ и ни бранился Петръ Михайлычъ,—уперся на своемъ и доставилъ ихъ шагомъ. Сколько пострадалъ отъ всего этого туалетъ Настеньки—и говорить нечего: платье измялось, бѣлая атласная шляпка намокла, букли распустились и падали некрасивыми прядями. Однако она рѣшилась сохранить присутствіе духа и быть какъ можно смѣлѣе.

Калиновича между тѣмъ не было еще у генеральши, но маленькое общество его слушателей собралось уже въ назначенной для чтенія гостиной; старуха была уложена на одномъ концѣ дивана, а на другомъ полулежала княгиня, чувствовавшая отъ дороги усталость. Князь курилъ въ раздумьѣ сигарку и что-то соображалъ. Полина, прищурившись, внимательно разсматривала узоръ изъ послѣдняго журнала модъ. Княжна, прислонившись къ стѣнкѣ кресла, сидѣла въ чрезвы-

чайно милой позѣ: склонивъ нѣсколько набокъ свою прекрасную голову и съ своей чудной улыбкой, она была поразительно хороша. Доложили о Годневыхъ. Князь переглянулся съ Полиной, и оба привстали, чтобъ встрѣтить гостей.

Петръ Михайлычъ съ издавна заученною имъ церемоніею расшаркался съ княземъ; къ генеральшѣ и Полинѣ подошелъ къ ручкѣ, а прочимъ дамамъ отдалъ, свѣсивши нѣсколько напередъ обѣ руки, почтительный поклонъ. Что касается Настеньки, то — Боже мой! Боже мой!.. какъ я ни люблю мою героиню, сколько ни признаю въ ней ума, прекраснаго сердца, сколько ни признаю ее очень миленькой, но не могу скрыть: въ эти минуты она была даже смѣшна. Желая не конфузиться и быть свободной въ обращеніи, она съ какой-то надменностью подала руку Полинѣ, едва присѣла князю, генеральшѣ кивнула головой, а на княгиню и княжну только бѣгло взглянула. Князь, все это замѣтившій, поспѣшилъ предложить ей кресло. Княжна, около которой усѣлся Петръ Михайлычъ, легонько отодвинулась отъ него: ее непріятно поразили грубыя руки старика, въ которыхъ онъ держалъ свою старомодную, намоченную дождемъ шляпу. Полина начала-было занимать Настеньку, но та опять ей отвѣчала какъ-то свысока, хоть и съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой.

— Нѣтъ еще нашего литератора,—заговорилъ князь, взглянувъ на Настеньку. Она, сама того не чувствуя, вспыхнула.

— А мы, признаться, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Петръ Михайлычъ: — передъ отъѣздомъ сюда посылали къ г. Калиновичу, однако его дома нѣтъ, и мы полагали, что онъ уже здѣсь.

— Нѣтъ еще, нѣтъ, но онъ будетъ, непремѣнно будетъ! — повторилъ князь нѣсколько разъ, ужъ прямо обратившись къ Настенькѣ.

Она опять покраснѣла.

Въ половинѣ десятаго Калиновичъ наконецъ явился. Напередъ ожидая посланнаго отъ Годневыхъ, онъ не велѣлъ только сказываться, но самъ былъ цѣлый день дома и, такъ сказать, предвкушалъ тонкое авторское наслажденіе, которымъ предстояло въ тотъ вечеръ усладиться его самолюбію. И, кромѣ того, домъ генеральши, державшій себя такъ высоко, низведенъ теперь его талантомъ до того, что тамъ за счастье считаютъ прослушать его твореніе. Наконецъ онъ будетъ читать въ присутствіи княгини и княжны, о которыхъ очень много слышалъ, какъ о чрезвычайно милыхъ дамахъ, и которыхъ, можетъ-быть, заинтересуетъ, какъ авторъ и человѣкъ. Всѣ эти мысли и ожиданія повергли моего героя почти въ

лихорадочное состояніе; но сколько ему ни хотѣлось отправиться какъ можно скорѣе къ генеральшѣ, хоть бы даже въ началѣ седьмого, онъ подавилъ въ себѣ это чувство и, неторопливо занявшись своимъ туалетомъ, вышелъ изъ квартиры въ десятомъ часу, желая тѣмъ показать, что, изъ вѣжливости, готовъ доставить удовольствіе обществу, но не торопится, потому что самъ не находитъ въ этомъ особеннаго для себя наслажденія—словомъ, желалъ поддержать тонъ. Лѣстницу и половину залы въ домѣ генеральши Калиновичъ прошелъ тѣмъ спокойнымъ и развязнымъ шагомъ, какимъ обыкновенно входятъ молодые люди въ дома, гдѣ привыкли ихъ считать полубожками; но, увидѣвъ въ зеркалѣ неуклюжую фигуру Петра Михайлыча и съ распустившимися локонами Настеньку, попятился назадъ.

«Это какъ они сюда залѣзли?»—подумалъ онъ. Подозрѣвая, что все это шутки Настеньки, далъ себѣ слово расквитаться съ ней за то послѣ; но теперь, дѣлать нечего, принялъ сколько возможно спокойный видъ и вошелъ въ гостиную, гдѣ почтительно поклонился генеральшѣ, Полинѣ и князю, пожалъ съ обязательной улыбкой руку у Настеньки, у которой при этомъ замѣтно задрожала головка, пожалъ наконецъ съ такою же улыбкою давно уже простиравшуюся къ нему руку Петра Михайлыча и, сдѣлавъ полуоборотъ, опять сконфузился: его поразила своей наружностью княжна.

«Господи, какъ хороша!»—подумалъ онъ и, по невольному чувству робости, сѣлъ поодаль. Однако князь, чтобъ не терять золотого времени, просилъ тотчасъ же начать чтеніе и посадилъ его случайно рядомъ съ княжной. Калиновичъ чувствовалъ прикосновеніе къ своей ногѣ ея толстаго шелковаго платья; онъ видѣлъ небольшую часть ея граціозной ботинки и въ то же время видѣлъ часть высунувшагося замшеваго башмака Настеньки; наконецъ онъ чувствовалъ ароматическое дыханіе княжны, происходящее, впрочемъ, отъ дорогой помады и духовъ. Настенька между тѣмъ уставила на него нѣжный и страстный взоръ, который въ минуту любви могъ бы составить блаженство, но въ настоящее время совсѣмъ ужъ былъ неприличенъ. Калиновичъ едва въ состояніи былъ владѣть собой и сносить этотъ взглядъ. Ему казалось, что князь все это замѣчаетъ, что княгиня кротко смотритъ на Настеньку изъ сожалѣнія къ ней, а княжна этому именно и улыбается ангельски. Такова была задняя, закулисная сторона чтенія; по наружности же оно прошло, какъ слѣдуетъ: авторъ читалъ твердо, слушатели были прилично-внимательны, за исключеніемъ одной генеральши, которая безъ всякой церемоніи зѣвала и обво-

дила всѣхъ глазами, какъ бы спрашивая, что это такое дѣлается и скоро ли будетъ всему этому конецъ? Петръ Михайлычъ, конечно, болѣе всѣхъ и всѣхъ искреннѣе обнаруживалъ удовольствіе и нѣсколько разъ принимался даже потихоньку хлопать, при чемъ князь всякій разъ кивалъ ему, въ знакъ согласія, головою, а у княжны дѣлались ямки на щечкахъ поглубже: ей былъ очень смѣшонъ Петръ Михайлычъ и своей наружностью и своимъ хлопаньемъ.

— Прекрасно, прекрасно!..—сказалъ князь, когда Калиновичъ кончилъ.

— C'est joli, c'est joli!—подтвердила Полина:—n'est-ce pas, princesse?—отнеслась она къ княгинѣ.

— Oui,—отвѣчала та своимъ кроткимъ и тихимъ голосомъ.

Но Настенька, моя бѣдная Настенька точно задала себѣ задачу быть смѣшною въ этотъ вечеръ. Она вдругъ обратилась къ князю и начала разсуждать съ нимъ о повѣсти Калиновича, ни дать ни взять, языкомъ тогдашнихъ критиковъ: упомянула объ объективности, сказала что-то въ пользу психологическаго анализа. Князь отвѣчалъ ей со всею вѣжливостью и вниманіемъ, а Полина начала на нее смотрѣть съ любопытствомъ. У Калиновича между тѣмъ холодный потъ выступилъ на лбу крупными каплями. Онъ готовъ былъ убить Настеньку въ эти минуты, готовъ былъ убить и Петра Михайлыча, съ величайшимъ наслажденіемъ слушавшаго вздоръ, который несла дочь. Князь, впрочемъ, скоро перемѣнилъ разговоръ и замѣтилъ Полинѣ, что ей, какъ хозяйкѣ, слѣдуетъ отплатить любезному автору за его прекрасное чтеніе и сыграть что-нибудь на фортепіано.

— Кузина большая музыкантша,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Калиновичу.

— Мнѣ дѣйствительно будетъ это истинная плата, потому что я около полутора года не слыхалъ ни одного звука музыки,—подхватилъ тотъ, обрадованный этимъ оборотомъ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте!.. Только вы, пожалуйста, не воображайте меня, по словамъ князя, музыкантшей,—отвѣчала, вставая, Полина.—A chère Catherine споетъ намъ что-нибудь послѣ?—прибавила она, обращаясь къ княжнѣ.

— Ну, это врядъ ли!—возразилъ князь, взглянувъ бѣгло, но значительно на дочь.—M-lle Catherine недѣли уже двѣ не въ голосѣ, а потому мы не совѣтовали бы ей пѣть.

— Нѣтъ, я не буду пѣть,—произнесла, мило картавя, еще первыя при Калиновичѣ слова княжна, тоже вставая и выпрямляя свой стройный станъ.

«Что это за чудное созданіе!»—подумалъ онъ, глядя на

нее, и всѣ вышли въ залу, за исключеніемъ генеральши и княгини. Полина сѣла за рояль, а княжна стала у ней за стуломъ и, слегка облокотившись на спинку его, начала перевертывать ноты своею бѣлой, античной формы ручкою. Полина играла довольно трудную арію и играла съ толкомъ и съ чувствомъ; но Калиновичъ не слыхалъ и не видалъ ничего, кромѣ княжны. Созерцаніе его было, впрочемъ, непріятно прервано, когда онъ случайно взглянулъ на одно изъ оконъ, у котораго увидѣлъ сидѣвшую Настеньку, смотрѣвшую на него попрежнему нѣжно и страстно. Когда глаза ихъ встрѣтились, она приглашала его взоромъ сѣсть около себя. Калиновичъ, въ отвѣтъ на это, такъ посмотрѣлъ на нее, что бѣдная дѣвушка наконецъ поняла все, инстинктивное чувство сказало ей, что онъ ненавидитъ ее въ эти минуты. Сердце у ней замерло: едва сообразила она, когда Полина кончила играть, подойти къ отцу и сказать:

— Поѣдемте, папаша; пора!

Тотъ повиновался и сталъ расшаркиваться. Полина начала унимать ихъ отужинать.

— Нѣтъ, мы не ужинаемъ, — отвѣчала Настенька и, простившись съ генеральшей, а на Калиновича даже не взглянувъ, пошла.

Петръ Михайлычъ послѣдовалъ за нею.

Съ отъѣздомъ Годневыхъ у Калиновича какъ камень спалъ съ души, и когда Полина съ княжной, взявшись подъ руки, стали ходить по залѣ, онъ присоединился къ нимъ. Въ это время, къ неописанному ужасу обѣихъ дамъ, вдругъ пробѣжала по залѣ мышь, и съ этого завязался разговоръ о привидѣніяхъ, предчувствіяхъ и ясновидящихъ. Калиновичъ разсказалъ на эту тему нѣсколько любопытныхъ случаевъ и возбудилъ живое вниманіе въ своихъ слушательницахъ. Не говоря уже о Полинѣ, которая замѣтно каждое его слово обдумывала и взвѣшивала, но даже княжна, и та начинала какъ-то менѣе гордо и болѣе снисходительно улыбаться ему; а разсказомъ своимъ о видѣніи шведскаго короля, приведенномъ, какъ несомнѣнный историческій фактъ, онъ такъ ее заинтересовалъ, что она пошла и сказала объ этомъ матери. Княгиня тоже пожелала слышать этотъ анекдотъ, о которомъ, по словамъ ея, что-то такое смутно помнила. Калиновичъ повторилъ разсказъ еще подробнѣе и чрезвычайно впечатлительно, такъ что дамамъ сдѣлалось не на шутку страшно.

— Это невѣроятно! — воскликнули онѣ въ одинъ голосъ.

Вообще герой мой, державшій себя, какъ мы видѣли, у Годневыхъ болѣе молчаливо и нѣсколько строго, явился въ

этотъ вечеръ очень умнымъ, любезнымъ и въ то же время милымъ молодымъ человѣкомъ, способнымъ самымъ пріятнымъ образомъ занять общество.

При прощаніи князь, пожимая съ большимъ чувствомъ ему руку, повторилъ нѣсколько разъ:

— Очень, очень вамъ благодарны: вы насъ такъ заняли, и m-lle Полина, вѣроятно, будетъ просить васъ посѣщать ихъ и не забывать.

— Ахъ, да, пожалуйста, m-r Калиновичъ! Вы такъ насъ этимъ обяжете! — повторила почти умоляющимъ голосомъ Полина.

Калиновичъ поклонился поклономъ, изъявлявшимъ совершенную готовность исполнить всякое приказаніе, и ушелъ, вынеся на этотъ разъ изъ дома генеральши еще болѣе пріятное впечатлѣніе: всю дорогу, вмѣстѣ съ комфортомъ, въ его воображеніи рисовался прекрасный, благоухающій образъ княжны. Ему даже очень понравилась княгиня съ своимъ увядающимъ, но все еще милымъ лицомъ и какой-то изящной простотою во всѣхъ движеніяхъ. По приходѣ домой однако всѣ эти мечтанія его разлетѣлись въ прахъ: онъ нашелъ письмо отъ Настеньки и, напередъ предчувствуя упреки, торопливо и съ досадой развернулъ его: по безпорядочности мыслей, по небрежности почерка и наконецъ по каплямъ слезъ, еще не засохшимъ и слившимся съ чернилами, можно было судить, что̀ чувствовала бѣдная дѣвушка, писавъ эти строки.

«Сегодня я поняла васъ, Калиновичъ (писала она); вы обличили себя посреди этихъ людей. Они когда-то меня глубоко оскорбили, и я плакала; но эти слезы были только тѣнью того мученья, что̀ чувствуетъ теперь мое сердце. Мнѣ легко было перенесть ихъ презрѣніе, потому что я сама ихъ презирала; но вы, единственный человѣкъ, котораго я люблю и любовью котораго я гордилась, — вы стыдитесь моей любви. Такъ играть людьми нельзя, Калиновичъ! Есть Богъ: Онъ накажетъ васъ за меня! Я пишу не затѣмъ, чтобъ вымаливать вашу любовь: я горда и знаю, что вы сами такъ много страдали, что страданія другихъ не возбудятъ въ васъ участія. Прощайте! Завтра я буду просить отца объ одной милости — отпустить меня въ монастырь, гдѣ сумѣю умереть для міра; а вамъ желаю счастья съ вашими свѣтскими друзьями. По милосердію Своему, Богъ не отвергнетъ меня, грѣшницу, отвергнутую вами. Въ Немъ вся моя теперь надежда. Прощайте!»

— Пожалуй, эта сумасбродная дѣвчонка надѣлаетъ скандалу! — проговорилъ Калиновичъ, бросая письмо, и на другой же день, часовъ въ семь, не пивъ даже чаю, пошелъ къ Годневымъ. Петръ Михайлычъ, по обыкновенію, ушелъ на рынокъ;

Настенька только еще встала и сидѣла въ своей комнаткѣ. Калиновичъ, чего прежде никогда не бывало, прошелъ прямо къ ней; и что̀ они говорили между собою — неизвѣстно, но только Настенька вышла въ гостиную разливать чай съ довольно спокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ, хоть и съ заплаканными глазами. Калиновичъ, серьезный и нахмуренный, сѣлъ на свое обычное мѣсто.

— Что̀ жъ дѣлать, если мнѣ такъ показалось! — начала она, видимо продолжая прежній разговоръ.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Мнѣ дѣйствительно было досадно, — отвѣчалъ онъ: — что вы пріѣхали въ этотъ домъ, съ которымъ у васъ ничего нѣтъ общаго ни по вашему воспитанію ни по вашему тону; и наконецъ, какъ вы не поняли, съ какою цѣлью васъ пригласили, и что въ этомъ случаѣ васъ третировали, какъ мою любовницу... Какъ же вы, дѣвушка умная и самолюбивая, не оскорбились этимъ — странно!

— Что̀ жъ, если они и такъ меня поняли — я не совѣщусь этого! — сказала Настенька.

— Совѣсть и общественныя приличія — двѣ вещи разныя,— возразилъ Калиновичъ: — любовь — очень честная и благородная страсть; но если я всюду буду дѣлать страстные глаза... какъ хотите, это смѣшно и гадко...

У Настеньки опять навернулись на глазахъ слезы.

— Неужели же я дѣлала это нарочно, съ умысломъ? — спросила она.

— Не нарочно, а подъ вліяніемъ этой несносной ревности, отъ которой мнѣ спасенья нѣтъ.

— Ахъ, нѣтъ, Жакъ! Я не ревную тебя. Это не ревность, а любовь.

— Любовь! — воскликнулъ Калиновичъ: — любовь не даетъ же права вязать человѣка по рукамъ и по ногамъ. Я знакомлюсь съ княземъ — вы дѣлаете мнѣ сцену; я имѣлъ несчастье, противъ вашего желанія, отобѣдать у генеральши — новая исторія! Наконецъ затѣваютъ литературный вечеръ — и вы, безъ всякаго такта, ѣдете туда и держите себя какъ только можно неприлично. Я, по своимъ цѣлямъ, могу познакомиться съ двадцатью подобными князьями и генералшами, буду наконецъ волочиться за кривобокой Полиной, и все-таки останусь для васъ тѣмъ же, чѣмъ былъ. Вы очень хорошо должны понимать, что, по нашимъ отношеніямъ, мы слишкомъ крѣпко связаны. Я отвѣчаю за васъ моею совѣстью и честью, не признать которыхъ во мнѣ вы по сю пору не имѣете еще никакого права.

Эти послѣднія слова совершенно успокоили Настеньку.

— Ну, прости меня; я виновата! — сказала она, беря Калиновича за руку.

— Я не обвинню васъ, а только прошу не становиться мнѣ безпрерывно поперекъ дороги. Мнѣ и безъ того трудно пробираться хоть сколько-нибудь впередъ.

— Я не буду больше, — отвѣчала Настенька и поцѣловала у Калиновича руку.

Почти каждая размолвка между ними принимала такой оборотъ, что Настенька изъ обвиняющей дѣлалась обвиняемой.

IV.

Въ теченіе мѣсяца Калиновичъ сдѣлался почти домашнимъ человѣкомъ у генеральши. Полина, по крайней мѣрѣ раза два-три въ недѣлю, находила какой-нибудь предлогъ позвать его или обѣдать, или на вечеръ — и онъ ходилъ. Настенька уже болѣе не противодѣйствовала и даже смѣялась надъ ухаживаньемъ Полины.

— М-lle Полина рѣшительно въ васъ влюблена, — говорила она при отцѣ и при дядѣ Калиновичу.

— Да, я самъ это замѣчаю, — отвѣчалъ тотъ.

— Вдругъ вы женитесь на ней, — продолжала съ лукавою улыбкой Настенька.

— Что жъ, это чудесно было бы! — подхватилъ Калиновичъ: — впрочемъ, съ однимъ только условіемъ, чтобъ она тотчасъ послѣ вѣнца отдала мнѣ по духовной все имѣніе, а сама бы умерла.

— И вамъ бы не жаль ее было? — замѣчала какъ бы укоризненнымъ тономъ Настенька.

— Напротивъ, я о ней жалѣлъ бы, только за себя бы радовался, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Иногда, расшутившись, онъ даже прибавлялъ.

— Отчего это Полина не вздумаетъ подарить мнѣ на память любви колечко, которое лежитъ у ней въ шкапу въ кабинетѣ: солитеръ съ крупную горошину; за него рѣшительно можно помнить всю жизнь всякую женщину, хоть бы у ней не было даже ни одного ребра.

Петръ Михайлычъ, по обыкновенію, качалъ головой; но болѣе всѣхъ, кажется, разговоръ въ этомъ тонѣ доставлялъ удовольствія капитану. Впрочемъ, Калиновичъ, отзываясь такимъ образомъ о Полинѣ у Годневыхъ, былъ въ то же время съ нею чрезвычайно вѣжливъ и внимателенъ, такъ что она почти могла подумать, что онъ интересуется ею. Всѣмъ этимъ, на-

добно сказать, герой мой маскировалъ глубоко затаенную и никѣмъ не подозрѣваемую мечту о прекрасной княжнѣ, видѣть которую пожирало его нестерпимое желаніе; онъ даже рѣшался нѣсколько разъ, хоть и не получалъ на то приглашенія, ѣхать къ князю въ деревню и, вѣроятно, исполнилъ бы это, но обстоятельства сами собой расположились совершенно въ его пользу. Генеральша вдругъ припомнила слова князя о лѣченіи водою и, сообразивъ, что это будетъ очень дешево стоить, задумала переѣхать въ свою усадьбу. Полинѣ сначала очень этого не хотѣлось, но отговаривать и отсовѣтовать матери, она знала, было бы безполезно. Къ счастью, въ этотъ день пріѣхалъ князь, и она съ ужасомъ передала ему намѣреніе старухи.

— Что̀ жъ: это еще лучше! — сказалъ тотъ.

— Какъ же лучше? Ты знаешь, что̀ меня здѣсь удерживаетъ, — возразила Полина.

— Да, — проговорилъ князь и, подумавъ, прибавилъ: — что̀ жъ... его можно пригласить въ деревню: по крайней мѣрѣ удалимъ его этимъ отъ вліянія здѣшнихъ господъ.

— Нѣтъ, это невозможно; это, по ея скупости, покажется Богъ знаетъ какимъ разореніемъ! Она ужъ и теперь говоритъ, зачѣмъ онъ у насъ такъ часто обѣдаетъ.

— Да, — повторилъ князь и потомъ, опять подумавъ, прибавилъ: — ничего, сдѣлаемъ...

Полина вопросительно на него взглянула.

Въ тотъ же вечеръ пришелъ Калиновичъ. Князь съ нимъ былъ очень ласковъ и, между прочимъ разговоромъ, вдругъ сказалъ:

— А что̀, Яковъ Васильичъ, теперь у васъ время свободное, а лѣто жаркое, въ городѣ душно, пыльно: не подарите ли вы насъ этимъ мѣсяцемъ и не погостите ли у меня въ деревнѣ? Намъ доставили бы вы этимъ большое удовольствіе, а себѣ, можетъ-быть, маленькое развлеченіе. У меня мѣстоположеніе порядочное, есть тоже садишко, кое-какая рѣчонка, а кстати вотъ и m-lle Полина съ своей мамашей будутъ жить по сосѣдству отъ насъ, въ своемъ замкѣ...

Калиновичъ вспыхнулъ отъ удовольствія: жить цѣлый мѣсяцъ около княжны, видѣть ее каждый день — это было выше всѣхъ его ожиданій.

— А вы тоже переѣзжаете въ деревню? — едва нашелся онъ отнестись къ Полинѣ.

— Да, мы уѣзжаемъ отсюда, — отвѣчала та, покраснѣвъ въ свою очередь.

Смущеніе Калиновича она перетолковала въ свою пользу.

— Итакъ, Яковъ Васильичъ, значитъ, по рукамъ? — сказалъ князь.

— Я почту себѣ за большое удовольствіе... — отвѣчалъ тотъ.

— Прекрасно, прекрасно! — повторилъ князь нѣсколько разъ.

Чувство ожидаемаго счастья такъ овладѣло моимъ героемъ, что онъ не въ состояніи былъ спокойно досидѣть вечеръ у генеральши и раскланялся. Быстро шагая, пошелъ онъ по деревянному тротуару и принялся даже, съ несвойственною ему веселостью, насвистывать какой-то маршъ, а потомъ съ попавшимся навстрѣчу Румянцевымъ раскланялся такъ радушно, что привелъ того въ восторгъ и недоумѣніе. Прошелъ онъ прямо къ Годневымъ, которыхъ засталъ за ужиномъ, и какъ ни старался принять спокойный и равнодушный видъ, на лицѣ его было написано удовольствіе.

— Здравствуйте!—встрѣтилъ его своимъ обычнымъ восклицаніемъ Петръ Михайлычъ.

— Здравствуйте и прощайте!—отвѣчалъ Калиновичъ.

Настенька, капитанъ и Палагея Евграфовна, дѣлавшая салатъ, взглянули на него.

— Это какъ прощайте?—спросилъ Петръ Михайлычъ.

— Сейчасъ получилъ приглашеніе и ѣду гостить къ князю на всю вакацію, — отвѣчалъ Калиновичъ, садясь около Настеньки.

— Какъ на всю вакацію, зачѣмъ же такъ надолго?—спросила та и слегка поблѣднѣла.

— Затѣмъ, что хочу хоть немного освѣжиться, тѣмъ больше, что надобно писать; а здѣсь я рѣшительно не могу.

— Писать, я думаю, вездѣ все равно, — замѣтила Настенька.

— Нѣтъ, не все равно: здѣсь, вы сами знаете, что я не могу писать,—возразилъ съ удареніемъ Калиновичъ.

Тѣмъ на этотъ разъ объясненіе и кончилось.

Генеральша въ одну недѣлю совсѣмъ перебралась въ деревню, а дня черезъ два были присланы княземъ лошади и за Калиновичемъ. Въ послѣдній вечеръ передъ его отъѣздомъ Настенька, оставшись съ нимъ вдвоемъ, начала-было плакать; Калиновичъ вышелъ почти изъ себя.

— Что жъ вы такое хотите отъ меня? Неужели, чтобъ я цѣлый вѣкъ свой сидѣлъ, не шевелясь, около вашей, съ позволенія сказать, юбки?—проговорилъ онъ.

— Я не хочу и не требую этого; оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, право плакать и грустить,—отвѣчала Настенька.

— Нѣтъ, вы не этого права желаете: вы оставляете за со-

бой странное право—отравлять малѣйшее мое развлеченіе,— возразилъ Калиновичъ.

— Богъ съ тобой, что ты такъ меня понимаешь!—сказала Настенька и больше ничего уже не говорила: ей самой казалось, что она не должна была плакать.

Калиновичъ окончательно пріучилъ ее считать тиранствомъ съ ея стороны малѣйшее несогласіе съ какимъ бы то ни было его желаніемъ. Чтобъ избѣжать непріятной сцены разставанья, при которомъ опять могли повториться слезы, онъ выѣхалъ на другой день съ восходомъ солнца. Дорога сначала шла ровная, гладкая. Рѣзво и весело бѣжала бойкая четверня, и легонькій, щегольской фаэтонъ только слегка покачивался. Утренній воздухъ былъ сыроватъ и свѣжъ. Солнце обливало розовымъ свѣтомъ окрестность. Въ сторонѣ, на полѣ, мужикъ оралъ, понукая свою толстоголовую лошаденку. На другой сторонѣ дороги лѣниво тянулось стадо коровъ. Въ деревнюшкѣ, на полуразвалившемся крылечкѣ, стояла молоденькая, хорошенькая бабенка и зѣвала. Чу! блеютъ овцы. Наносится, вѣроятно, изъ города, благовѣстъ къ заутренѣ. Рябитъ и волнуется выколосившаяся рожь и ярко зеленѣетъ яровое. Въ небольшомъ перелѣскѣ, около дороги, сидитъ грибъ, и на краю огнища краснѣютъ двѣ-три ягоды земляники. Съ крутой и каменистой горы кучеръ затормозилъ колеса, и коренныя, сѣвъ въ хомуты, осторожно спустили. Смиренно потомъ прошла вся четверня по фашинной плотинѣ мельницы, слегка вздрагивая и прислушиваясь къ безтолковому шуму колесъ и воды, а тамъ начался и лѣсъ—все гуще и гуще, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва проникалъ сквозь вѣтви дневной свѣтъ... Дорогу почти сплошь стали пересѣкать корни деревъ и на нѣсколько саженъ тянуться покрытыя плѣсенью лужи. Но посреди этой глуши вдругъ иногда запахнетъ отовсюду ландышемъ, зальется гдѣ-то очень близко соловей, чирикнутъ и перекликнутся ужъ Богъ знаетъ какія птички, или шумно порхнетъ изъ-подъ куста тетеревъ... Все это Калиновичъ наблюдалъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ, какъ обыкновенно наблюдаютъ и восхищаются сельскою природою солидные городскіе молодые люди, и въ то же время съ какимъ-то замираніемъ въ сердцѣ воображалъ, что черезъ нѣсколько часовъ онъ увидитъ благоухающую княжну, и такъ какъ ничто столь не располагаетъ человѣка къ мечтательности, какъ ѣзда, то въ головѣ его начинали мало-по-малу образовываться довольно смѣлыя предположенія: «Что̀ если бъ княжна полюбила меня,— думалъ онъ:—и сдѣлалась бы женой моей... я сталъ бы владѣтелемъ и этого фаэтона и этой четверки... богатъ... мужъ

красавицы... извѣстный литераторъ... А Настенька?...»—задавалъ онъ вдругъ себѣ вопросъ, и въ воображеніи его невольно возникалъ печальный образъ бѣдной дѣвушки, такъ горячо его поцѣловавшей и такъ крѣпко прильнувшей къ его груди въ послѣдній вечеръ... Авторъ беретъ смѣлость завѣрить читателя, что въ настоящую минуту въ душѣ его героя жили двѣ любви, чего, какъ извѣстно, никакимъ образомъ не допускается въ романахъ, но въ жизни —Боже мой!—встрѣчается на каждомъ шагу. Настеньку Калиновичъ полюбилъ и любилъ за любовь къ себѣ, понималъ и высоко цѣнилъ ея прекрасную натуру, наконецъ привыкъ къ ней. Но чувство къ княжнѣ было скорѣй какимъ-то эстетическимъ чувствомъ; это было благоговѣніе къ красотѣ, еще болѣе питаемое тѣмъ, что съ ней могла составиться очень приличная партія.

За лѣсомъ пошли дачи князя, и съ первымъ шагомъ на нихъ Калиновичъ почувствовалъ, что онъ ѣдетъ по владѣніямъ помѣщика нашего времени. Вмѣсто узкой проселочной дороги начиналось шоссе. По сторонамъ былъ засѣянъ то ленъ-растунъ, то клеверъ. На озимыхъ полосахъ лежали кучи гніющихъ щепокъ, а по лугамъ виднѣлись бугры вырытыхъ пеньевъ и прорыты были съ какими-то особенными цѣлями канавы. Изъ-за рощи открывалось длинное строеніе съ высокой трубой, изъ которой шелъ густой дымъ, заставившій подозрѣвать присутствіе паровъ. Обогнувъ садъ, издали напоминающій своею правильностью коверъ, и объѣхавъ на красномъ дворѣ круглый, огромный цвѣтникъ, экипажъ наконецъ остановился у подъѣзда. Молодой, хорошенькій изъ себя лакей, въ красивой жакеткѣ и бѣломъ жилетѣ, вѣроятно, изъ цырюльниковъ, выбѣжалъ навстрѣчу и, ловко откинувъ фусакъ фаэтона, слегка поддержалъ Калиновича, когда тотъ соскакивалъ.

— Прямо къ князю, или въ ваши комнаты пожалуете?— спросилъ онъ, вѣжливо склоняя голову.

— Да, я желалъ бы прежде переодѣться,—отвѣчалъ Калиновичъ, подумавъ.

— Пожалуйте!—подхватилъ лакей и распахнулъ двери въ нижнюю половину.

Калиновичъ вошелъ. Это было цѣлое отдѣленіе изъ нѣсколькихъ комнатъ для пріѣзжающихъ гостей-мужчинъ. Кругомъ шли турецкіе диваны, обтянутые трипомъ; въ углахъ стояли камины; на стѣнахъ, оклеенныхъ подъ рытый бархатъ обоями, висѣли въ золотыхъ рамахъ масляныя и несовсѣмъ скромнаго содержанія картины; полъ былъ обтянутъ толстымъ зеленымъ сукномъ. Въ эти-то, съ такимъ удобствомъ убранныя

комнаты лакей принесъ маленькій, засаленный чемоданчикъ Калиновича и, какъ нарочно, тутъ же отперъ небольшой рѣзного орѣха шкапчикъ, въ которомъ оказался фарфоровый умывальникъ и таковая же лахань. Никогда еще герою моему не казалась такъ невыносимо отвратительна его собственная бѣдность, какъ въ ту минуту. Умывшись наскоро, онъ сказалъ человѣку:

— Теперь ты, любезный, можешь итти: я обыкновенно самъ одѣваюсь.

Лакей поклонился и вышелъ. Калиновичъ поспѣшилъ переодѣться въ свою единственную фрачную пару, а прочее платье свое бросилъ въ чемоданъ, заперъ его и ключъ положилъ себѣ въ карманъ, изъ опасенья, чтобъ княжеская прислуга не стала разсматривать и осмѣивать его гардероба, въ которомъ были и заштопанныя голландскія рубашки, и поношенные жилеты, и съ расколотою деревянной ручкой бритвенная кисточка.

Вошелъ другой лакей, постарше и еще съ болѣе приличной физіономіей, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Его сіятельство приказали спросить, гдѣ вы изволите чай кушать: сюда прикажете, или наверхъ пожалуете?—проговорилъ онъ.

— Я пойду туда,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Лакей повелъ его въ бель-этажъ. Сначала они прошли огромную, подъ мраморъ, залу, потомъ что-то въ родѣ гостиной, съ нѣсколькими небольшими диванчиками, за которой слѣдовала главная гостиная съ тяжелою, бархатною драпировкою, и наконецъ уже, пройдя еще небольшую комнату, всю въ зеркалахъ и установленную куколками, очутились въ столовой съ отвореннымъ балкономъ на садовую террасу. Тамъ Калиновичъ увидѣлъ князя со всей семьей за круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ серебряный самоваръ съ чашками и, по англійскому обыкновенію, что-то въ родѣ завтрака. Тутъ были и корзина съ сухарями, и чухонское масло, и сыръ, и бутерброды изъ телятины, дичи и ветчины, и даже теплое блюдо котлетъ. Князь, въ сюртучкѣ изъ тонкаго сѣраго сукна, въ легонькомъ, слегка завязанномъ галстучкѣ, при входѣ Калиновича всталъ.

— Сейчасъ только самъ хотѣлъ итти къ вамъ,—сказалъ онъ, подходя и обнимая его.

Княгиня, сидѣвшая въ покойномъ креслѣ, послала гостю довольно ласковый поклонъ. Княжна въ простомъ, но дорогомъ, должно-быть, платьицѣ и очень мило причесанная, тоже слегка кивнула ему головкой. Кромѣ хозяевъ, въ столовой на-

ходились разливавшая чай бѣлокурая дама, въ чопорномъ чепцѣ и затянутая въ корсетъ, и какой-то господинъ, совершенный брюнетъ, съ бородой, съ усами и вообще съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ, въ лѣтнемъ, послѣдней моды, пиджакѣ и съ болтающимся стеклышкомъ на шеѣ. Около него сидѣлъ лѣтъ десяти хорошенькій мальчикъ, очень похожій на княжну и на княгиню, стриженный, какъ мужичокъ, въ скобку и въ красной, съ косымъ воротомъ, канаусовой рубашкѣ. Господинъ съ выразительнымъ лицомъ намазывалъ масло на хлѣбъ и съ замѣтнымъ увлеченіемъ толковалъ ему, какъ должно это дѣлать. Изъ рекомендаціи князя Калиновичъ узналъ, что господинъ былъ m-r ле-Гранъ, гувернеръ маленькаго князька, а дама — бывшая воспитательница княжны, мистрисъ Нетльбетъ, оставшаяся жить у князя навсегда — кто понималъ, по дружбѣ, а другіе толковали, что князь взялъ небольшой ея капиталецъ себѣ за проценты и тѣмъ привязалъ ее къ своему дому. Мистрисъ Нетльбетъ предложила Калиновичу чаю.

— Не хотите ли вы съѣсть что-нибудь? Мы обѣдаемъ поздно,—сказалъ князь.

Калиновичъ, никогда до двухъ часовъ ничего не ѣвшій, но не хотѣвшій этого показать, сталъ выбирать глазами, что бы взять, и m-r ле-Гранъ обязательно предложилъ ему котлетъ, отозвавшись о нихъ, и особенно о шпинатѣ, съ большой похвалой.

Послѣ этого чайнаго завтрака всѣ стали расходиться. M-r ле-Гранъ ушелъ съ своимъ воспитанникомъ упражняться въ гимнастикѣ; княгиня велѣла перенести свое кресло на террасу, при чемъ князь замѣтилъ ей, что не вѣтрено ли тамъ, но княгиня сказала, что ничего — не вѣтрено; Нетльбетъ перешла тоже на террасу, молча сѣла и, съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ, принялась вышивать бродери. Послѣ того князь предложилъ Калиновичу, если онъ не усталъ, пройтись въ поле. Тотъ изъявилъ, конечно, согласіе.

— Папа, и я пойду съ вами, — сказала, картавя, княжна.

У Калиновича сердце замерло отъ восторга.

— Allons!—сказалъ князь и, пока княжна пошла одѣться, провелъ гостя въ кабинетъ, который тоже оказался умно и богато убраннымъ кабинетомъ: мягкая сафьянная мебель, огромный письменный столъ — все это было туровскаго происхожденія.

На стѣнахъ висѣли часы, барометры, термометры и фамильные портреты. Въ сосѣдней комнатѣ, какъ видно было чрезъ растворенную дверь, стоялъ посреди бильярдъ, а въ углу токарный станокъ. Работая головой по нѣскольку часовъ

въ день, князь, по его словамъ, имѣлъ для себя правиломъ упражнять и тѣло.

«Хорошо жить на свѣтѣ богатымъ!» — подумалъ про себя Калиновичъ и вздохнулъ отъ глубины души.

Пришла княжна въ соломенной пастушеской шляпкѣ и въ легкомъ бурнусѣ.

— Allons!—повторилъ князь и, надѣвъ тоже сѣрую полевую шляпу, повелъ гостя сначала въ садъ.

Проходя оранжереи и теплицы, княжна изъявила неподдѣльную радость, что самый маленькій бутончикъ въ розанѣ распустился, и что единственный на огромномъ деревѣ померанецъ толстѣетъ и наливается.

Въ полѣ князь началъ-было разсказывать Калиновичу свои хозяйственныя предположенія, но княжна указала на летѣвшую вдали птицу и спросила:

— Папà, это какая птичка?

— Ворона, chère amie, ворона,—отвѣчалъ князь и, возвращаясь назадъ черезъ усадьбу, услалъ дочь въ комнаты, а Калиновича провелъ на конскій дворъ и велѣлъ вывести заводскаго жеребца.

Сердито и съ пѣной во рту выскочилъ сѣрый, въ яблокахъ, рысакъ, съ повиснувшимъ на недоуздкѣ конюхомъ, и, остановясь на серединѣ площадки, выпрямилъ шею, началъ поводить кругомъ умными, черными глазами, потомъ опять понурилъ голову, фыркнулъ и принялся рыть копытомъ землю. Князь, ласково потрепавъ его по загривку, велѣлъ подать мѣрку, и оказалось, что жеребецъ былъ шести съ половиною вершковъ.

Калиновичъ искренно восхищался всѣмъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, и такъ какъ любовь освѣщаетъ въ нашихъ глазахъ все инымъ свѣтомъ, то вопросъ о ворòнѣ по преимуществу казался ему чрезвычайно милъ.

— Вы рѣшительно устроили у себя земной раекъ, — сказалъ онъ князю.

— Да... Что̀ намъ, прозаистамъ, дѣлать, какъ не заниматься матеріальными благами?—отвѣчалъ тотъ и, попросивъ гостя располагать своимъ временемъ безъ церемоніи, извинился и ушелъ въ кабинетъ позаняться кой-чѣмъ по хозяйству.

Калиновичъ прошелъ на террасу къ дамамъ, въ надеждѣ увидѣть княжну, но засталъ тамъ одну только княгиню, задумчиво смотрѣвшую на виднѣвшіяся изъ-за сада горы. Какъ бы желая чѣмъ-нибудь занять молодого человѣка, она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, придумала наконецъ и спросила его: «откуда онъ родомъ?», и когда Калиновичъ отвѣ-

чалъ, что изъ Симбирска,—поинтересовалась узнать, далеко ли это. Онъ отвѣчалъ, что далеко, и княгиня, повидимому, этимъ удовольствовалась и замолчала, продолжая, впрочемъ, смотрѣть на своего собесѣдника такъ грустно и печально, что ему наконецъ сдѣлалось неловко.

«Что это она точно сожалѣетъ и груститъ обо мнѣ?» — подумалъ онъ и тоже не находился, съ своей стороны, о чемъ начать бы разговоръ. Вскорѣ однако въ сосѣднихъ комнатахъ раздались радостныя восклицанія княжны, и на террасу вбѣжалъ маленькій князекъ, припрыгивая на одной ногѣ, хлопая въ ладоши и крича:—«Ма тантенька пріѣхала, ма тантенька пріѣхала!..»—и подъ именемъ «ма тантеньки» —оказалась Полина, которая шла за нимъ въ сопровожденіи князя, княжны и m-r ле-Грана. Княгиня очень ей обрадовалась и тотчасъ же замѣтила, что она пріѣхала въ новой амазонкѣ, очень искусно выложенной шнурочками.

— Какъ это мило, какъ это хорошо! — проговорила она, разсматривая нарядъ.

— C'est très joli, maman,— подхватила съ чувствомъ княжна.

— Ба! О, я, вандалъ, и не замѣтилъ!—воскликнулъ князь и, вынувъ лорнетъ, сталъ разсматривать Полину.

— Charmant, charmant! — говорилъ онъ.

M-r ле-Гранъ сказалъ комплиментъ, уже прямо относившійся къ Полинѣ, въ родѣ того, что она прелестна въ этомъ нарядѣ; та отвѣчала ему только легкой улыбкой и обратилась къ Калиновичу:

— А вамъ, m-r Калиновичъ, вѣрно, не нравится моя амазонка?

— Напротивъ, я только не говорю, а восхищаюсь молча,— отвѣчалъ онъ и многозначительно взглянулъ на княжну, которая, въ свою очередь, тоже отвѣчала ему довольно продолжительнымъ взглядомъ.

Полина пріѣхала въ амазонкѣ, потому что послѣ обѣда предполагалось катанье верхомъ, до котораго княжна, m-r ле-Гранъ и маленькій князекъ были страшные охотники.

— А вы съ нами поѣдете?—спросила Полина за обѣдомъ Калиновича.

— Я-съ?.. — началъ-было тотъ.

— Вы, вѣрно, боитесь ѣздить верхомъ? — замѣтила вдругъ княжна.

— Почему же вы думаете, что я боюсь?—возразилъ Калиновичъ, нѣсколько кольнутый этимъ вопросомъ.

— Вы статскій: статскіе всѣ боятся, — отвѣчала княжна.

— Нѣтъ, я не боюсь, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Кавалькада начала собираться тотчасъ послѣ обѣда. М-r ле-Гранъ и князекъ, давно уже мучимые нетерпѣніемъ, побѣжали взапуски въ манежъ, чтобъ смотрѣть, какъ будутъ сѣдлать лошадей. Княжна, тоже очень довольная, проворно переодѣлась въ амазонку. Княгиня кротко просила ее Бога ради ѣхать осторожнѣе и не скакать.

— И я васъ, княжна, о томъ же прошу; иначе вы въ послѣдній разъ катаетесь, — присовокупилъ князь.

— Ничего, — отвѣчала весело княжна.

— Нѣтъ, я ей не позволю,—сказала Полина.

— Пожалуйста! — проговорили князь и княгиня въ одинъ голосъ.

Когда лошадей подвели къ крыльцу, князь вышелъ самъ усаживать дамъ. Князекъ и m-r ле-Гранъ были уже верхомъ: первый на ворономъ клеперѣ, а ле-Гранъ на самомъ бойкомъ скакунѣ. Полина и княжна сѣли на красивыхъ, но смирныхъ лошадей. Калиновичу, по приказанію князя, тоже приведена была довольно старая лошадь. Но герой мой, объявившій княжнѣ, что не боится, говорилъ неправду: онъ въ жизнь свою не ѣзжалъ верхомъ и въ настоящую минуту, взглянувъ на лоснящуюся шерсть своего коня, на его скрученную мундштукомъ шею и замѣтивъ на удилахъ у него пѣну, обмеръ отъ страха. Желая, впрочемъ, скрыть это, онъ началъ спокойно усаживаться.

— М-r Калиновичъ, не съ той стороны садитесь! — воскликнулъ ле-Гранъ.

Князекъ захохоталъ.

— Все равно, — замѣтилъ князь.

— Все равно!—повторилъ сконфуженнымъ голосомъ Калиновичъ и затянулъ поводья.

Лошадь начала пятиться назадъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ съ ней дѣлать.

— Не держите такъ крѣпко!—сказалъ ему князь, видя, что онъ труситъ.

Калиновичъ ослабилъ поводья. Поѣхали. Ле-Гранъ началъ то горячить свою лошадь, то сдерживать ее, доставляя тѣмъ большое удовольствіе княжнѣ и маленькому князьку, который, въ свою очередь, далъ шпоры своему клеперу и поскакалъ.

— Віеп, Ьіеп!—кричалъ французъ и понесся вслѣдъ за нимъ.

Княжна тоже увлеклась ихъ примѣромъ и понеслась. Калиновичъ остался вдвоемъ съ Полиной.

— Васъ, я думаю, мало интересуютъ наши деревенскія удовольствія?—начала та.

— Почему жъ? — спросилъ Калиновичъ, болѣе занятый своей лошадью, въ которой видѣлъ желаніе итти въ галопъ, и не подозрѣвая, что самъ былъ тому причиной, потому что, желая сидѣть крѣпче, немилосердно давилъ ей бока ногами.

— Ваши мысли заняты вашими сочиненіями, — отвѣчала Полина.

Калиновичъ молчалъ.

— И какое это счастье,—продолжала она съ чувствомъ:— умѣть писать, что̀ чувствуешь и думаешь, и какъ бы я желала имѣть этотъ даръ, чтобъ описать свою жизнь.

— Отчего жъ вы не опишете?—проговорилъ наконецъ Калиновичъ, все не могшій совладать съ своей лошадью.

— Сама я не могу писать,—отвѣчала Полина:—но, знаете, я всегда ужасно желала сблизиться съ какимъ-нибудь поэтомъ, которому бы разсказать мое прошедшее, и онъ бы мнѣ растолковалъ многое, чего я сама не понимаю, и написалъ бы обо мнѣ...

Калиновичъ, вмѣсто отвѣта, взглянулъ вдаль.

— Княжна ускакала; вы не исполнили вашего обѣщанія княгинѣ,—замѣтилъ онъ.

— Ахъ, да; закричите ей, пожалуйста, чтобъ она не скакала!—проговорила Полина.

— Княжна, князь просилъ васъ не скакать! — крикнулъ Калиновичъ по-французски.

Княжна не слыхала; онъ крикнулъ еще: княжна остановилась и начала ихъ поджидать. Гибкая, стройная и затянутая въ синюю амазонку, съ нѣсколько нахлобученною шляпою и съ разгорѣвшимся лицомъ, она была удивительно хороша, отразившись вмѣстѣ съ своей сѣрой лошадкой на зеленомъ фонѣ перелѣска, и герой мой забылъ въ эту минуту все на свѣтѣ: и Полину, и Настеньку, и даже своего коня...

Въ остальную часть вечера не случилось ничего особеннаго, кромѣ того, что Полина, по просьбѣ князя, очень много играла на фортепіано, и Калиновичъ долженъ былъ слушать ее, устремляя по временамъ взглядъ на княжну, которая, съ своей стороны, тоже нѣсколько разъ, хоть и бѣгло, но внимательно взглядывала на него.

V.

21-го іюля были именины князя. Чтобъ понять все его уѣздное величіе, надобно было именно въ этотъ день быть у него. Еще съ ранняго утра засуетилось передъ открытыми окнами кухни человѣкъ до пяти поваровъ и поваренковъ въ

бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ. Они рубили мясо, выбивая тактъ, сбивали что-то такое въ кастрюляхъ, и посреди нихъ расхаживалъ съ важностью поваръ генеральши, котораго князь всегда бралъ къ себѣ на парадные обѣды, не столько по необходимости, сколько для того, чтобъ доставить ему удовольствіе, и старикъ этимъ ужасно гордился. Часу въ девятомъ князь, вдвоемъ съ Калиновичемъ, поѣхалъ къ приходу молиться.

На колокольнѣ, завидѣвъ ихъ экипажъ, начали благовѣсть. Священникъ и дьяконъ служили въ самыхъ лучшихъ ризахъ, положенныхъ еще покровомъ на покойную княгиню, мать князя. Дьячокъ и понамарь, съ распущенными косами и въ стихаряхъ, составили нѣчто въ родѣ хора съ двумя отпускными семинаристами: философомъ-басомъ и грамматикомъ-дискантомъ. При окончаніи литургіи имениннику вынесена была цѣлая просвира, а Калиновичу половина.

— Откушать ко мнѣ, — проговорилъ князь священнику и дьякону, подходя къ кресту, на что тотъ и другой отвѣчали почтительными поклонами.

Именины—былъ единственный день, въ который онъ приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать.

Возвращаясь домой и проѣзжая по красному двору, князь указалъ Калиновичу на вновь выстроенные длинные столы и двое качелей, круговую и маховую.

— Это для народа: тутъ вы уже увидите довольно оживленную толпу, — замѣтилъ онъ.

— Вы и о народѣ не забываете!—проговорилъ Калиновичъ тономъ удивленія и одобренія.

— Да, я люблю, по возможности, доставлять всѣмъ удовольствіе, — отвѣчалъ князь.

Въ залѣ былъ уже одинъ гость — вновь опредѣленный становой приставъ, молодой еще человѣкъ, но страшно рябой, въ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и съ серебряною цѣпочкою, выпущенною изъ-за борта, какъ бы въ родѣ аксельбанта. При входѣ князя онъ вытянулся и проговорилъ офиціальнымъ голосомъ:

— Честь имѣю представиться: приставъ второго стана, Романусъ.

— Очень радъ, очень радъ познакомиться,—отвѣчалъ князь, пожимая ему руку.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте поздравить васъ со днемъ вашего тезоименитства, — продолжалъ приставъ.

— Благодарю васъ, благодарю, — отвѣчалъ князь, сжимая еще разъ руку пристава.

— Прошу извиненія,—продолжалъ становой: — по обязанностямъ моей службы, до сихъ поръ еще не имѣлъ чести представиться вашему сіятельству.

— О, помилуйте! Я знаю, какъ трудна ваша служба,—подхватилъ князь.

— Служба наша, ваше сіятельство, была бы пріятная, какъ бы мы сами, становые пристава, были не такіе. Предмѣстникъ мой, какъ, можетъ-быть, и вашему сіятельству извѣстно, оставилъ мнѣ не дѣла, а ворохъ сѣна.

— Знаю, знаю. Но вы, какъ я слышалъ, все это поправляете,—отвѣчалъ князь, хотя очень хорошо зналъ, что прежній становой приставъ былъ человѣкъ дѣйствительно пьющій, но знающій и дѣятельный, а новый—дрянь и дуракъ; однако все-таки, по своей тактикѣ, хотѣлъ на первый разъ обласкать его, и тотъ, съ своей стороны, очень довольный этимъ привѣтствіемъ, заложилъ большой палецъ лѣвой руки за послѣднюю застегнутую пуговицу фрака и, покачивая вправо и влѣво головою, началъ расхаживать по залѣ.

Пришли священники и еще разъ поздравили знаменитаго именинника съ тезоименитствомъ, а семинаристъ-философъ, выступивъ впередъ, сказалъ привѣтственную рѣчь, начавъ ее воззваніемъ: «Достопочтенный болярине!..» Князь выслушалъ его очень серьезно и далъ ему трехрублевую бумажку. Священнику, дьякону и становому приказано было подать чай, а прочій причтъ отправился во флигель, къ управляющему, для принятія должнаго угощенія.

Распорядясь такимъ образомъ, князь пригласилъ наконецъ Калиновича по-французски въ столовую, гдѣ тоже произошла довольно умилительная сцена поздравленія. Первый бросился къ отцу на шею маленькій князь, восклицая:

— Je vous félicite, papa.

Князь расцѣловалъ его въ губки, въ щечки и въ глаза.

— Je vous félicite, mon prince! — произнесъ, раскланиваясь, monsieur ле-Гранъ.

— Merci, mon cher, merci,—отвѣчалъ съ чувствомъ князь.

Княжна, въ какомъ-то ужъ совершенно воздушномъ, съ безчисленнымъ числомъ оборокъ, кисейномъ платьѣ, съ милымъ и веселымъ выраженіемъ въ лицѣ, подошла къ отцу, поцѣловала у него руку и подала ему цѣнную черепаховую сигарочницу, на одной сторонѣ которой былъ сдѣланъ вышитый шелками по бумагѣ розанъ. Это она подарила свою работу, секретно сработанную и секретно обдѣланную въ Москвѣ.

— Charmant! charmant!—воскликнулъ князь, разсматривая подарокъ.

Мистрисъ Нетльбетъ, въ свою очередь, тоже встала изъ-за самовара и, жеманно присѣвъ, проговорила поздравительное привѣтствіе князю и представила ему въ подарокъ что-то свернутое... кажется, связанныя собственными ея руками шелковыя карпетки.

— А! Да это славно быть именинникомъ: всѣ дарятъ. Я готовъ быть по нѣскольку разъ въ годъ, — говорилъ князь, пожимая руку мистрисъ Нетльбетъ.—Ну-съ, а вы, ваше сіятельство,—продолжалъ онъ, подходя къ княгинѣ, беря ее за подбородокъ и продолжительно цѣлуя:—вы чѣмъ меня подарите?

— А у меня ничего нѣтъ, — отвѣчала та съ добродушной улыбкой.

— Вотъ женушки всегда таковы! Никогда ничѣмъ не подарятъ!—обратился князь къ Калиновичу.

Княгиня добродушно улыбалась, Калиновичъ тоже отвѣчалъ улыбкою.

Въ часъ дамы перешли въ большую гостиную, и стали съѣзжаться гости. Князь всѣхъ встрѣчалъ въ залѣ. Первый пріѣхалъ стряпчій съ женою, хорошенькою дочерью городничаго, которая была уже въ счастливомъ положеніи, чего очень стыдилась, а мужъ, напротивъ, казалось, гордился этимъ. Судья привезъ въ своемъ тарантасѣ инвалиднаго начальника и виннаго пристава. Перваго князь встрѣтилъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, имѣя въ судѣ кой-какія дѣлишки, а двумъ послѣднимъ сказалъ по нѣскольку обязательныхъ любезностей, и когда гости введены были къ хозяйкѣ въ гостиную, то судья остался заниматься съ дамами, а инвалидный начальникъ и винный приставъ возвратились въ залу и присоединились къ болѣе приличному для нихъ обществу священника и станового пристава. Пріѣхалъ и почтмейстеръ, одинъ. Его неотступно просилъ-было взять съ собою письмоводитель опеки, но онъ отказалъ. Князь встрѣтилъ старика радушнымъ восклицаніемъ:

— Здравствуйте, почтеннѣйшій старичокъ!

Почтмейстеръ проговорилъ своимъ ровнымъ и печальнымъ голосомъ поздравленіе и тутъ же попросилъ у князя позволеніе прогуляться въ его Елисейскихъ поляхъ.

— Сдѣлайте милость!—отвѣчалъ тотъ.

И почтмейстеръ, не представившись даже дамамъ, надѣлъ свою изношенную соломенную шляпу и ушелъ въ садъ, гдѣ, погруженный въ какое-то глубокое размышленіе, началъ гулять по самымъ темнымъ аллеямъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ исправникъ съ семействомъ. Вынувъ въ лакейской изъ ушей морской канатъ и уложивъ его акку-

ратно въ жилетный карманъ, онъ смиренно входилъ за своей супругой и дочерью, молодой еще дѣвушкой, только-что выпущенной изъ учебнаго заведенія, но чрезвычайно полной и съ такой развитой грудью, что даже трудно вообразить, чтобъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ могла быть такая высокая грудь. Ее, разумѣется, сейчасъ познакомили съ княжной. Та посадила ее около себя и уставила на нее спокойный и холодный взглядъ.

— Это кто такой?—проговорилъ князь, глядя, прищурившись, въ окно.

На дворъ молодецки въѣзжали старыя, разбитыя пролетки на тройкѣ клячъ, на которыхъ, впрочемъ, сбруя была вся въ бляхахъ, а на кучерѣ бѣлѣлъ полинялый голубой кафтанъ и вытертый серебряный кушакъ. Это пріѣхалъ тотъ самый молодой дворянинъ Кадниковъ, охотникъ купаться, о которомъ я говорилъ въ первой части. Его прислала на именины къ князю мать, желавшая, чтобъ онъ бывалъ въ хорошихъ обществахъ, и Кадниковъ, завитой, въ новой фрачной парѣ, былъ что-то очень ужъ развязенъ и съ глазами, налившимися кровью. Расшаркавшись передъ княземъ, онъ прямо подошелъ къ княжнѣ, сталъ около нея и началъ обращаться къ ней съ вопросами.

— Какъ ваше здоровье?

— Хорошо,—отвѣчала та.

— Какъ изволите время проводить?

— Хорошо,—отвѣчала опять княжна и взглянула на Калиновича, который стоялъ у одного изъ оконъ и насмѣшливо смотрѣлъ на молодого человѣка.

— Какъ я давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть!— отнесся Кадниковъ къ дочери исправника.

Та отвѣчала на это какимъ-то звукомъ и сама вся покраснѣла. Поговоривъ съ дѣвицами, онъ обратился къ самой княгинѣ.

— Какой, ваше сіятельство, у васъ хлѣбъ отличный! Я, проѣзжая вашимъ полемъ, все любовался.

— Хорошъ?.. Я и не видала,—отвѣчала княгиня.

— Очень хорошъ!.. А у маменьки моей нынче такъ ни ярового ни ржи не будетъ. Озимь тогда очень поздно сѣяли, и то въ грязь кидали; а овесъ... я ужъ и не знаю, отчего: видно, сѣмена были плохи. Такъ непріятно это въ хозяйствѣ!

— Конечно,—подтвердила княгиня.

Князь, ходившій взадъ и впередъ по гостиной, поспѣшилъ прекратить разговорчивость молодого человѣка и обратился довольно громко къ судьѣ:

— Что, Михайла Илларіонычъ, когда вы вашего губернатора ждете?

— Не знаемъ. Стращаетъ давно, а нѣтъ еще... Что-то Богъ дастъ! Строгій, говорятъ, человѣкъ,—отвѣчалъ судья, гладя рукой шляпу.

— Нѣтъ, не строгій, а дѣльный человѣкъ, — возразилъ князь:—по благородству чувствъ своихъ, это рыцарь нашего времени,—продолжалъ онъ, садясь около судьи и ударяя его по колѣнкѣ:—я его знаю съ прапорщичьяго чина; мы съ нимъ вмѣстѣ дѣлали кампанію двадцать восьмого года и только что не спали подъ одной шинелью. Я, когда услышалъ, что его назначили сюда губернаторомъ, такъ отъ души порадовался. Это пріобрѣтеніе для губерніи.

Все это судья выслушалъ совершенно равнодушно—вѣроятно, потому, что князь говорилъ съ такими похвалами почти обо всѣхъ губернаторахъ, пока ихъ не смѣняли.

— Вы еще не изволили видѣться съ его превосходительствомъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще; жду его пріѣзда сюда, не завернетъ ли онъ ко мнѣ въ мое захолустье,—отвѣчалъ князь.

— Не оставьте ужъ доброе слово замолвить...—проговорилъ съ улыбкою судья.

— О, Боже мой! — воскликнулъ князь: — это будетъ моей первой обязанностью, особенно о вашемъ уѣздномъ судѣ, который, безъ лести говоря, можетъ называться образцовымъ уѣзднымъ судомъ.

Кадниковъ, не могшій пристать къ этому солидному разговору, вдругъ всталъ, пошелъ, затопалъ каблуками и обратился еще къ Калиновичу съ просьбой: нѣтъ ли у него папироски.

— Нѣтъ-съ; да здѣсь и курить нельзя,—отвѣчалъ тотъ сухо.

— А, да, понимаю!—проговорилъ Кадниковъ и отправился наконецъ въ залу

Тамъ инвалидный начальникъ разговаривалъ съ виннымъ приставомъ и жаловался на одного изъ рыжихъ Медіокритскихъ, который у него каждое утро стрѣлялъ въ огородѣ воробьевъ.

Кадниковъ присталъ къ этому разговору, началъ оправдывать Медіокритскаго и, разгорячась, такъ кричалъ, что все было слышно въ гостиной. Князь только морщился. Не оставалось никакого сомнѣнія, что молодой человѣкъ, обыкновенно очень скромный и очень неглупый, былъ пьянъ. Что дѣлать! Робѣя и конфузясь ѣхать къ князю въ такой богатый и модный домъ, онъ, для смѣлости, хватилъ два стаканчика неподслащенной наливки, которая теперь и сказывала себя.

Собственно такъ называемая уѣздная аристократія стала съѣзжаться часу въ четвертомъ. Началось съ генеральши: ее внесли на креслахъ и поставили около хозяйки. За ней шла Полина въ довольно простомъ лѣтнемъ платьѣ, но въ брильянтахъ тысячъ на двадцать серебромъ. Она сейчасъ же занялась съ Калиновичемъ. Сверхъ ожиданія, пріѣхалъ потомъ предводитель. Въ сущности они съ княземъ были страшные враги и старались вредить другъ другу на каждомъ шагу, но по наружности казались даже друзьями. Едва только предводитель успѣлъ раскланяться съ дамами, какъ князь увелъ его въ кабинетъ, и они вступили въ интимный, дружескій между собою разговоръ по случаю поданной губернатору жалобы барышни-помѣщицы на двухъ ея бунтующихъ толсторожихъ горничныхъ дѣвокъ, которыя куда-то убѣжали отъ нея на цѣлую недѣлю.

Послѣ всѣхъ подъѣхалъ господинъ въ щегольской коляскѣ шестерикомъ, господинъ необыкновенно тучный, бѣлый, какъ папошникъ—съ соннымъ выраженіемъ въ лицѣ и двойнымъ, отвислымъ подбородкомъ. Одѣтъ онъ былъ въ совершенно лѣтнія брюки, въ лѣтній жилетъ, почти съ разстегнутою батистовою рубашкою, но при всемъ томъ все еще сильно страдалъ отъ жары. Тяжело дыша и лѣниво переступая, началъ онъ взбираться на лѣстницу, и когда князю доложили о пріѣздѣ его, тотъ опрометью бросился встрѣчать.

Предводитель сдѣлалъ насмѣшливую гримасу, но и самъ пошелъ навстрѣчу толстяку. Княгиня, видѣвшая въ окно, кто пріѣхалъ, тоже какъ будто бы обезпокоилась. Княжна уставила глаза на дверь. Изъ залы послышались восклицанія: — «Mais comment... Voilà c'est un...» Наконецъ гость, въ сопровожденіи князя и предводителя, ввалился въ гостиную. Княгиня, сидя встрѣчавшая всѣхъ дамъ, при его появленіи привстала и протянула ему руку. Даже генеральша какъ бы вышла изъ раздумья и кивнула ему головой нѣсколько разъ.

— Bonjour, mesdames,—произнесъ, шепелявя, толстякъ и, пожавъ руку княгини, довольно нецеремонно и тяжело опустился около нея на диванъ, такъ что стоявшіе по бокамъ амурчики задрожали и закачались.

На прочихъ лицъ, сидѣвшихъ въ гостиной, онъ не обратилъ никакого вниманія и только, замѣтивъ княжну, мотнулъ ей головой и проговорилъ.

— Bonjour, mademoiselle.

— Bonjour,—отвѣчала она съ пріятной улыбкою.

Лицо это было нѣкто Четвериковъ, холостякъ, откупщикъ нѣсколькихъ губерній, значительный участникъ по золотымъ

пріискамъ въ Сибири. Все это, впрочемъ, онъ наслѣдовалъ отъ отца и все это шло заведеннымъ порядкомъ, помимо его воли. Самъ же онъ былъ только скупъ, отчасти фатъ и все время проводилъ въ томъ, что читалъ французскіе романы и газеты, непомѣрно ѣлъ и ѣздилъ безпрестанно изъ имѣнія, сосѣдняго съ княземъ, въ Сибирь, а изъ Сибири въ Москву и Петербургъ. Когда его спрашивали, гдѣ онъ больше живетъ, онъ отвѣчалъ:—«въ экипажѣ».

Калиновичу онъ очень не понравился; и его чрезвычайно непріятно поразило исключительное уваженіе, съ которымъ встрѣтили хозяева Четверикова. Онъ высказалъ это Полинѣ. Та улыбнулась и отвѣчала полушопотомъ:

— Да, на него здѣсь имѣютъ виды. Это, можетъ-быть, женихъ для Catherine.

— Женихъ княжны! — невольно воскликнулъ Калиновичъ.

— Да; что жъ? Для нея очень приличная партія, — отвѣчала Полина съ какой-то двусмысленной улыбкой.

Калиновичъ нахмурился.

Шествіе къ столу произошло торжественно: кавалеры повели дамъ подъ руки. Нигдѣ, можетъ-быть, съ такою дипломатическою тонкостью и точностью не приклеиваютъ гостямъ ярлычки, кто чего стоитъ, какъ бываетъ это на парадныхъ деревенскихъ обѣдахъ. Въ настоящемъ случаѣ повторилось то же, и сразу почти опредѣлился общественный вѣсъ каждаго. Впереди всѣхъ, напримѣръ, пошла хозяйка съ Четвериковымъ; за ними покатили генеральшу въ креслахъ, и князь, дѣлая видъ, что какъ будто бы ведетъ ее подъ руку, пошелъ около нея. Къ княжнѣ подлетѣлъ-было Кадниковъ, но предводитель слегка отклонилъ молодого человѣка локтемъ и занялъ его мѣсто. Калиновича сама пригласила Полина; судья повелъ исправницу, исправникъ—стряпчиху, стряпчій—дочь исправника. Въ залѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ гостей, которыхъ князь не считалъ за нужное вводить въ гостиную. Это были три чиновника изъ приказныхъ и два бѣдные дворянина съ загорѣлыми лицами и съ женами въ драдедамовыхъ платкахъ. Обѣдъ былъ французскій, тонкій. Прошелъ онъ съ полнымъ благоприличіемъ: сначала, какъ обыкновенно, говорили только въ аристократическомъ концѣ стола, т.-е. Четвериковъ, князь и, отчасти, предводитель, а къ концу, когда выпито было уже по нѣскольку рюмокъ вина, стали поговаривать и на остальной половинѣ.

Кадниковъ опять началъ спорить съ инвалиднымъ начальникомъ; становой сталъ шептаться съ исправникомъ, и наконецъ даже почтмейстеръ, упорно до того молчавшій. при-

слушавшись къ разговору Четверикова съ княземъ о Сибири, вдругъ обратился къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Калиновичу и проговорилъ:

— Одинъ французскій ученый сказалъ, что если бъ всю Европу переселить въ Сибирь, то и тогда въ ней много бы мѣста осталось.

Калиновичъ улыбнулся и не нашелъ, съ своей стороны, ничего возможнымъ возразить на это.

Послѣ стола князь пригласилъ всѣхъ на террасу, обращенную на дворъ. Видъ съ нея открывался на три стороны: группы бабъ и дѣвокъ тянулись по полямъ къ усадьбѣ, показываясь своими цвѣтными головами изъ-за поднявшейся довольно уже высоко ржи, или двигались, до половины выставившись, по нескошеннымъ лугамъ. Мѣстами появлялись по двѣ, по три сѣроватыя и темноватыя фигуры мужиковъ. Красный дворъ, впрочемъ, ужъ кишѣлъ народомъ: бабы и дѣвки, въ ситцевыхъ сарафанахъ, въ шелковыхъ, а другія въ парчевыхъ душегрѣйкахъ, въ яркихъ платкахъ, съ бисерными и стеклянными поднизями на лбахъ, ходили взводами.

Молодые ребята: форейторъ предводительскій и форейторъ княжескій качали на маховой качели, вровень съ перекладомъ, двухъ пріѣзжихъ горничныхъ дѣвушекъ, нарочно еще притряхивая доску, при чемъ тѣ всякій разъ визжали. На круговой качели, которую вертѣлъ скотникъ, упираясь грудью въ валъ, качались двѣ поповны и приказчица. Худощавый лакей генеральши стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, и съ самымъ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ глядѣлъ на толпу, между тѣмъ какъ молоденькій предводительскій лакей курилъ окурокъ сигары, отворачиваясь каждый разъ выпускать дымъ въ уголъ, изъ опасенія, чтобъ не замѣтили господа. Посреди этой толпы флегматически расхаживалъ, опустивъ голову и хвостъ, черный водолазъ князя и пугалъ бабъ и дѣвокъ.

— Ой, дѣвоньки! Глянь-ка, собачища-то какая! — говорили онѣ, прижимаясь другъ къ другу.

Князь, выйдя на террасу, поклонился всему народу и сказалъ что-то глазами княжнѣ. Она скрылась и чрезъ нѣсколько минутъ вышла на красный дворъ, ведя маленькаго брата за руку. За ней шли два лакея съ огромными подносами, на которыхъ лежала цѣлая гора пряниковъ и куски лентъ и позументовъ. Сильфидой показалась княжна Калиновичу, когда она стала мелькать въ толпѣ и, раздавая бабамъ и дѣвкамъ пряники и ленты, говорила:

— Вотъ вамъ, миленькія, возьмите.

Нельзя сказать, чтобъ все это принималось съ особымъ

удовольствіемъ или съ жадностью; дѣвки, неторопливо беря, конфузились и краснѣли, а женщины смѣялись. Нѣкоторыя даже говорили:

— Что это, матушка-барышня, безпокоите себя понапрасну? Не за этимъ, сударыня, ходимъ.

И только дѣвчонка-сирота, въ выбойчатомъ сарафанѣ и босикомъ, торопливо схватила пряники и сейчасъ же ихъ съѣла, а позументы стала разсматривать и ахать. Двѣ старухи остановили княжну: одна изъ нихъ, полуслѣпая, погладила ее по плечу и, проговоря: «вся въ баушиньку пошла!» — заплакала. Другая непремѣнно требовала, чтобъ маленькій князекъ взялъ отъ нея красненькое яичко. Тотъ не бралъ, но княжна разрѣшила ему и подала за это старухѣ нѣсколько горстей пряниковъ. Та ухватила своей костлявою и загорѣлою рукою кончики бѣленькихъ ея пальчиковъ и начала цѣловать. Сильно страдало при этомъ чувство брезгливости въ княжнѣ, но она перенесла.

— Багышенька, дай мнѣ генточку! — кричалъ дуракъ изъ Спиридонова, съ скривленною набокъ головою и съ вывернутою назадъ ступнею.

Княжна рѣшительно ужъ не могла его видѣть. Бросивъ ему цѣлую связку лентъ, она проворно отошла отъ него.

— Генточки, генточки! — кричалъ дуракъ, хлопая въ ладоши и прыгая на одной ногѣ.

Стоявшіе около него мальчишки съ разинутыми ртами смотрѣли на ленты и позументы въ его рукахъ.

Раздавъ всѣ подарки, княжна вбѣжала по лѣстницѣ на террасу, подошла къ отцу и поцѣловала его, вѣроятно, за то, что онъ далъ ей случай сдѣлать столько добра. Вслѣдъ затѣмъ были выставлены на столы три ведра вина, нѣсколько ушатовъ пива, принесено огромное количество пироговъ. Подносить вино вышелъ камердинеръ князя, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Облокотившись одною рукою на столъ, онъ обратился къ ближайшей толпѣ:

— Эй, вы! Что жъ стоите! Подходите!

Мужики переглядывались и не рѣшались, кому начать.

— Что жъ? Подходите! — повторилъ дворецкій.

Изъ толпы наконецъ вышелъ сухощавый, сгорбленный старикъ, въ широкомъ рѣшменскомъ кафтанѣ, низко подпоясанный и съ отвислой назухой. Это былъ одинъ изъ самыхъ скупыхъ и заправныхъ мужиковъ князя, большой охотникъ выпить на чужой счетъ, а на свой — никогда. Порѣшивъ съ водкой, онъ подошелъ къ пиву, взялъ обѣими руками налитую ендову, обдулъ пѣну и пилъ до тѣхъ поръ, пока посинѣлъ,

потомъ захватилъ середки двѣ пирога и молча, не поднимая головы, поклонился и ушелъ. Ободренные его примѣромъ, стали выходить и другіе мужики. Изъ числа ихъ обратилъ только на себя нѣкоторое вниманіе священниковъ работникъ — шершавый, плечистый малый, съ совершенно плоскимъ лицомъ, въ понявѣ и лаптяхъ, парень работящій, но не изъ умныхъ, такъ что счету даже не зналъ. Какъ вышелъ онъ изъ толпы, такъ всѣ и засмѣялись; онъ тоже засмѣялся и, выпивъ водки, поворотилъ-было назадъ.

— А пива? — сказалъ ему дворецкій.

Парень воротился, выпилъ, не переводя духа, какъ небольшой стаканъ, цѣлую ендову. Въ толпѣ опять засмѣялись. Онъ тоже засмѣялся, махнулъ рукой и скрылся. Послѣ мужиковъ слѣдовала очередь бабъ. Никто не выходилъ.

— Подходите! — повторялъ нѣсколько разъ дворецкій.

— Палагея, матка, подходи; что стоишь? — раздалось наконецъ въ толпѣ.

— Ой, нѣтъ, матонька! Другой годъ ужъ не пью, — отвѣчала Палагея.

— Полно-ка, полно, не пью, скрытный человѣкъ! — проговорила густымъ басомъ высокая, съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ, женщина и вышла первая. Выпивъ, она поклонилась дворецкому.

— Князю надобно кланяться, — замѣтилъ тотъ

— Ну, батюшка, дуры вѣдь мы: не знаемъ. Извини насъ на томъ, — отвѣчала баба и отошла.

Потомъ опять стали посылать Палагею. Она не шла.

— Да что нейдешь, модница?.. Чего не смѣешь?.. О! Нате-ка вамъ ее! — сказала лѣтъ тридцати пяти, развеселая, должно-быть, бабенка и выпихнула Палагею.

— Ой, согрѣшила! Что это за бабы баловницы! — проговорила Палагея; впрочемъ, подошла къ столу и, отпивъ изъ поднесеннаго ей стакана половину, заморщилась и хотѣла возвратить его.

— Что жъ, допивайте! — сказалъ ей дворецкій.

— Ой, сударь, не осилишь, пожалуй! — отвѣчала Палагея, однако осилила и, сверхъ этого, еще выпила огромный ковшъ пива.

За Палагеей вышла веселая бабенка. Она залпомъ хватила стаканъ водки и тутъ же подозрительно переглянулась съ молодымъ княжескимъ поваренкомъ.

Къ водкѣ нашлась только еще одна охотница, полуслѣпая старушонка, гладившая княжну по плечу. Ее подвела другая человѣколюбивая баба.

— Поднеси, батюшка, баушкѣ-то: пьетъ еще старая, — сказала она дворецкому.

Тотъ подалъ. Старуха высосала водку съ большимъ наслажденіемъ, и когда ей въ дрожащую руку всунули середку пирога, она стала креститься и бормотать молитву.

Послѣ нея стали подходить только къ пиву, которому зато и давали себя знать: иная баба была и росту не болѣе двухъ аршинъ, а выпивала почти осьмушку ведра.

Забродившій слегка въ головахъ хмель развернулъ чувство удовольствія. Толпа одушевилась: говоръ и пѣсни послышались въ разныхъ мѣстахъ. Составился хороводъ, и въ срединѣ его начала выхаживать, помахивая платочкомъ и постукивая босовиками, веселая бабенка, а передъ ней принялся откалывать въ присядку, какъ будто жалованье за то получалъ, княжескій поваренокъ.

Гораздо подалѣе, почти у самыхъ сараевъ, собралось нѣсколько мужиковъ и запѣли хоромъ. Всѣхъ ихъ покрылъ запѣвала, который залился такимъ высокимъ и чистѣйшимъ подголоскомъ, что даже сидѣвшіе на террасѣ господа стали прислушиваться.

— C'est charmant, — проговорилъ князь, обращаясь къ толстяку.

— Oui, — отвѣчалъ тотъ.

— Интересно знать, кто это такой? — сказалъ князь, вслушиваясь еще внимательнѣе.

— Это мой кучеръ, ваше сіятельство, — сказалъ, вскакивая, становой приставъ.

— Прекрасно, прекрасно! — проговорилъ князь.

Становой самодовольно улыбнулся.

— Больше за голосъ и держу, ваше сіятельство; нѣмецъ по фамиліи, а люблю русскія пѣсни, — проговорилъ онъ.

— Прекрасно, прекрасно! — повторилъ князь: — только надобно бы его сюда поближе, — отнесся онъ къ Четверикову.

— Oui! — отвѣчалъ тотъ.

— Сейчасъ, ваше сіятельство, — подхватилъ становой и убѣжалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ подвелъ запѣвалу къ террасѣ. По желанію всѣхъ, тотъ запѣлъ «Лучинушку». Вся задушевная тоска этой пѣсни такъ и послышалась и почуялась въ каждомъ переливѣ его голоса.

Княгина, княжна и Полина уставили на пѣвца свои лорнеты. М-г ле-Гранъ вставилъ въ глазъ стеклышко: всѣмъ хотѣлось видѣть, каковъ онъ собой. Оказалось, что это былъ бѣлокурый парень съ большими голубыми глазами, но и только.

— Какое прекрасное лицо! — отнеслась Полина къ Калиновичу.

— Да, — едва нашелся тотъ отвѣчать.

Его занимало въ эти минуты совершенно другое: княжна стояла къ нему бокомъ, и онъ, желая испытать силу воли своей надъ ней, магнитизировалъ ее глазами, усиленно сосредоточиваясь на одномъ желаніи, чтобъ она взглянула на него: и княжна дѣйствительно вдругъ, какъ бы невольно, повертывала головку и, приподнявъ опущенныя рѣсницы, взглядывала въ его сторону, потомъ слегка улыбалась и снова отворачивалась. Это повторялось нѣсколько разъ.

Когда пѣвецъ кончилъ, княгиня первая захлопала ему потихоньку, а за ней и всѣ прочіе. Толстякъ сверхъ того бросилъ ему десять рублей серебромъ, князь тоже десять, предводитель — три, и такъ далѣе. Малый и не понималъ, что̀ это такое дѣлается.

— Подбирай деньги-то! Что̀, дуракъ, смотришь? — шепнулъ ему стоявшій около становой.

— Понравилось, видно, вамъ? — отнесся инвалидный начальникъ къ почтмейстеру, который съ глубокимъ вниманіемъ и зажавъ глаза слушалъ пѣвца.

— Пѣніе душевное... — отвѣчалъ тотъ.

— То-то пѣніе душевное; дали бы ему что-нибудь! — подхватилъ инвалидный начальникъ, подмигнувъ судьѣ.

Почтмейстеръ, вмѣсто отвѣта, поднялъ только черезъ крышу глаза на небо и проговорилъ:

— О, Господи помилуй, Господи помилуй!

Музыканты генеральши въ это время подали въ залѣ сигналъ къ танцамъ, и все общество возвратилось въ комнаты. Князь, Четвериковъ и предводитель составили въ гостиной довольно серьезную партію въ преферансъ, а судья, исправникъ и винный приставъ въ дешевенькую.

Калиновичъ подошелъ-было ангажировать княжну, но Кадниковъ предупредилъ его.

— Я ангажирована, m-r Калиновичъ, — отвѣчала она какимъ-то печальнымъ голосомъ.

Калиновичъ изъявилъ поклономъ сожалѣніе и просилъ ее, по крайней мѣрѣ, на вторую кадриль.

— Непремѣнно... очень рада... а то мой кавалеръ такой ужасный! — отвѣчала княжна.

Калиновичъ еще разъ поклонился, отошелъ и пригласилъ Полину. Та подала ему съ чувствомъ руку. Визави ихъ былъ m-r ле-Гранъ, который танцовалъ съ хорошенькой стряпчихой. Несмотря на счастливое ея положеніе, она заинтересовала

француза до-нельзя: онъ съ самаго утра за ней ухаживалъ и безпрестанно смѣшилъ ее, хоть та ни слова не говорила по-французски, а онъ очень плохо говорилъ по-русски, и какъ ужъ они понимали другъ друга — неизвѣстно.

Инвалидный начальникъ, хотя ужъ имѣлъ усы и голову сѣдые и лицо сплошь покрытое морщинами, но, вѣроятно, потому, что былъ военный и носилъ еще поручичьи эполеты, тоже изъявилъ желаніе танцовать. Онъ избралъ себѣ дамою дочь исправника и сталъ визави съ Кадниковымъ.

Чтобъ кадриль была полнѣе, и чтобъ всѣ гости были заняты, княгиня подозвала къ себѣ стряпчаго и потихоньку попросила его пригласить исправницу, которая, въ самомъ дѣлѣ, начала ужъ обижаться, что ею вообще мало занимаются. Противъ нихъ поставленъ былъ маленькій князекъ съ мистрисъ Нетльбетъ, которая чопорно и съ важностью начала выдѣлывать chassé en avant и chassé en arrière.

За кадрилью слѣдовалъ вальсъ. Калиновичъ не утерпѣлъ и пригласилъ княжну: та пошла съ удовольствіемъ. Онъ почувствовалъ наконецъ на рукѣ своей ея станъ, чувствовалъ, какъ ея ручка крѣпко держалась за его руку; онъ видѣлъ почти передъ глазами ея бѣлую, какъ морская пѣна, грудь, впивалъ ароматъ волосъ ея и пришелъ въ какое-то опьянѣніе. Напрасно княжна, послѣ двухъ туровъ, проговорила: «будетъ», онъ понесся съ ней и сдѣлалъ еще туръ, два, три. «Будетъ»,— сказала она болѣе настоятельно. Калиновичъ наконецъ опомнился и, опустивъ ее на стулъ, сѣлъ рядомъ. Княжна очень устала: глаза ея сдѣлались томны, грудь высоко поднималась; ручкой своей она поправляла разбившіеся виски волосъ. Калиновичъ пожиралъ ее глазами. Начавшаяся вскорѣ кадриль заставила ихъ снова встать.

— Что вы теперь сочиняете? — заговорила княжна.

Вопросъ этотъ сначала озадачилъ Калиновича; но, сообразивъ, онъ рѣшился имъ воспользоваться.

— Я описываю, — началъ онъ: — одно семейство... богатое, которое живетъ, положимъ, въ Москвѣ, и въ которомъ есть, между прочимъ, дочь — дѣвушка умная и, какъ говорится, съ душой, но свѣтская.

Княжна слушала.

— Дѣвушка эта, — продолжалъ Калиновичъ: — имѣла несчастье внушить любовь человѣку, вполнѣ, какъ сама она понимала, достойному, но не стоявшему породой на одной съ ней степени. Она знала, что эта страсть составляетъ для него всю жизнь, что онъ чахнетъ, и что достаточно одной ничтожной ласки съ ея стороны, чтобъ этотъ человѣкъ ожилъ...

Вниманіе княжны возрастало.

— Она все это знала, — продолжалъ Калиновичъ: — и у ней доставало духу — съ своими свѣтскими друзьями смѣяться надъ подобною страстью.

— Надъ чѣмъ же тутъ смѣяться? Стало-быть, онъ не нравился ей? — возразила княжна.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Даже и нравился, — отвѣчалъ онъ: — но это выходило изъ правилъ свѣта. Выйти за какого-нибудь идіота-богача, *продать себя* — тамъ не смѣшно и не безобразно въ нравственномъ отношеніи, потому что *принято;* но человѣка безъ состоянія свѣтская дѣвушка полюбить *не можетъ*.

— Отчего жъ не можетъ?—перебила стремительно княжна:— одна моя кузина, очень богатая дѣвушка, вышла, противъ воли матери, за одного кавалергарда. У него ничего не было; только онъ былъ очень хорошъ собой и чудо какъ уменъ.

— За кавалергарда же, — повторилъ Калиновичъ.

Онъ съ умысломъ говорилъ противъ свѣтскихъ дѣвушекъ, чтобъ заставить княжну сказать, что она непохожа на нихъ, и, какъ показалось ему, она это самое и хотѣла сказать своими возраженіями и замѣчаніями, тѣмъ болѣе, что потомъ княжна задумалась на нѣсколько минутъ и, какъ бы не вдругъ рѣшившись, проговорила полушопотомъ:

— Танцуйте, пожалуйста, со мной мазурку.

Калиновичъ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Я только хотѣлъ васъ просить объ этомъ, — подхватилъ онъ.

— Пожалуйста, — повторила княжна.

Въ продолженіе всего этого разговора съ нихъ не спускала глазъ не танцовавшая и сидѣвшая невдалекѣ Полина. Еще на террасѣ она замѣтила взгляды Калиновича на княжну; но теперь, еще болѣе убѣдившись въ своемъ подозрѣніи, перешла незамѣтно въ гостиную, сѣла около князя и, когда тотъ къ ней обернулся, шепнула ему что-то на ухо.

— Pardon, на одну минуту, — проговорилъ князь, вставая, и тотчасъ же ушелъ съ Полиной въ заднія комнаты.

Назадъ онъ возвратился черезъ залу. Калиновичъ танцовалъ съ княжной въ шестой фигурѣ галопъ и, кончивъ, отпустилъ ее довольно медленно, пожавъ ей слегка руку. Она взглянула на него и покраснѣла.

Все это врядъ ли увернулось отъ глазъ князя. Проходя, будто случайно, мимо дочери, онъ сказалъ ей что-то по-англійски. Та вспыхнула и скрылась; князь тоже скрылся. Княжна, впрочемъ, скоро возвратилась и сѣла около матери. Лицо ея горѣло.

Калиновичъ, нехотя танцовавшій всѣ остальныя кадрили и почти ни слова не говорившій съ своими дамами, ожидалъ только мазурки, передъ началомъ которой подошелъ къ княжнѣ, ходившей по залѣ подъ руку съ Полиной.

— Вѣроятно, мы съ вами будемъ начинать,—сказалъ онъ.

Княжна ничего ему не отвѣтила и обратилась къ Полинѣ:

— Вы танцуете?

— Да, танцую, — отвѣчала та съ усмѣшкой.

Княжна, какъ бы сконфуженная, пошла за Калиновичемъ и сѣла на свое мѣсто. Напрасно онъ старался вызвать ее на разговоръ,—она или отмалчивалась, или отвѣчала *да* или *нѣтъ*, и очень была, повидимому, рада, когда другіе кавалеры приглашали ее участвовать въ фигурѣ.

— Смыслъ повѣсти моей повторяется въ жизни на каждомъ, видно, шагу, — проговорилъ наконецъ Калиновичъ, начинавшій окончательно выходить изъ себя; но княжна какъ будто не слыхала его.

Между тѣмъ игроки вышли въ залу. Князь началъ осматривать танцующихъ въ лорнетъ. Четвериковъ стоялъ рядомъ съ нимъ.

Княжна почти каждый разъ стала выбирать его, непремѣнно заставляя танцовать. Четвериковъ выходилъ и, слегка подпрыгивая, дѣлалъ съ ней туръ, а потомъ расшаркивался, и она присѣдала и благодарила его самой любезной улыбкой. Ревность, досада и злоба забушевали въ душѣ Калиновича. Онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ наговорить дерзостей княжнѣ, но ему и этого не удалось: при концѣ мазурки она только издали кивнула ему головой, взяла потомъ Полину подъ руку и ушла. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ ужинъ, и всѣ почти гости остались ночевать.

Въ распредѣленіи постелей обнаружился со стороны хозяевъ тотъ же тонкій расчетъ. Четверикову и предводителю отведено было по особой комнатѣ; каждому поставлены были фарфоровые умывальники и на постеляхъ положено голландское бѣлье и новыя матерчатыя одѣяла. Въ одной большой комнатѣ предназначалось положить судью, исправника, почтмейстера и Калиновича. Здѣсь ужъ были одѣяла, хоть и шелковыя, но поношенныя, и умывальники фаянсовые. Комната рядомъ была отведена для виннаго пристава, инвалиднаго начальника и молодого Кадникова. Тутъ ужъ не было даже отдѣльныхъ кроватей, а просто постлано на диванахъ съ довольно жесткими подушками и ситцевыми покрывалами.

Калиновичъ, измученный и истерзанный ощущеніями дня, сошелъ внизъ первый, раздѣлся и легъ съ тѣмъ, чтобы за-

снуть, по крайней мѣрѣ, поскорѣй; но оказалось это невозможнымъ: вслѣдъ за нимъ явился почтмейстеръ и началъ укладываться. Снявъ верхнее платье, онъ долго рылся на груди, откуда вынулъ финифтяный образокъ, повѣсилъ его на усмотрѣнный вверху гвоздикъ и началъ молиться, шевеля тихонько губами и восклицая по временамъ: «Господи помилуй, Господи помилуй!». Послѣ молитвы старикъ принялся неторопливо стаскивать съ себя фуфайки, которыхъ оказалось нѣсколько и которыя онъ аккуратно складывалъ и клалъ на ближайшій стулъ; потомъ принялся перевязывать фонтанели, съ которыми возился около четверти часа, и наконецъ уже, вытребовавъ себѣ, вмѣсто одѣяла, простыню, покрылся ею, какъ саваномъ, до самаго подбородка и, вытянувшись во весь свой длинный ростъ, закрылъ глаза.

Калиновичу возвратилась-было надежда заснуть, но снова вошли судья и исправникъ, которые, въ свою очередь, переодѣвшись въ шелковые, сшитые изъ старыхъ жениныхъ платьевъ халаты и въ спальные, зеленаго сафьяна, сапоги, усѣлись на свои кровати и начали кашлять и кряхтѣть. Вдобавокъ къ нимъ пришелъ еще изъ своей комнаты инвалидный начальникъ, постившійся съ утра и теперь курившій залпомъ четвертую трубку. Его сопровождалъ молодой Кадниковъ, неотступно прося поручика дать ему хотя разикъ затянуться. Видимо, что всѣмъ имъ, стѣсненнымъ цѣлый день приличіемъ и моднымъ тономъ, хотѣлось поболтать на свободѣ.

— Темненьки однако стали ночи-то!—проговорилъ судья, взглянувъ въ окно.

— Да, — отозвался исправникъ: — ворамъ да мошенникамъ раздолье: воруй, а земская полиція отвѣчай за нихъ.

— Какая вы земская полиція! Что ужъ тутъ говорить!— перебилъ его инвалидный поручикъ, мотнувъ головой:—только званье на себѣ носите: полиція тоже!

— Что жъ полиція? Такая же полиція, какъ и всякая,— проговорилъ кротко исправникъ.

— Нѣтъ, не такая, какъ всякая,—возразилъ поручикъ:— вотъ въ Москвѣ былъ оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ; вотъ тотъ былъ настоящій полицеймейстеръ: у того была полиція.

— Да, тотъ ловкій былъ, — замѣтилъ судья.

— Еще какой ловкій-то, братецъ ты мой!—подхватилъ поручикъ: — и тутъ, сударь ты мой, московскіе мошенники надували! — прибавилъ онъ.

Судья только усмѣхнулся.

— Да!.. — произнесъ онъ.

— Вотъ и ловкаго надували! — замѣтилъ съ нѣкоторою ядовитостью исправникъ.

— Да вѣдь какую штуку-то, братецъ ты мой, подвели, штуку-то какую... — продолжалъ поручикъ: — на парадѣ ли тамъ, али при соборномъ служеніи, только глядь: у него у шубы рукавъ отрѣзанъ. Онъ ничего, стерпѣлъ это... Только однимъ утромъ, а можетъ-быть, и вечеромъ, пріѣзжаетъ къ его камердинеру квартальный: «генералъ, говоритъ, прислалъ сейчасъ найденный черезъ полицію шубный рукавъ и приказалъ мнѣ посмотрѣть, отъ той ли ихней самой шубы, али отъ другой...» Камердинеръ слышитъ приказаніе господское—послушаться, значитъ, не смѣлъ: подалъ и преспокойнымъ манеромъ отправился стулья тамъ, что ли, передвигать, али тарелки перетирать; только глядь: ни квартальнаго ни шубы нѣтъ. «Ахъ, говоритъ, согрѣшилъ!», а Шульгинъ между тѣмъ пріѣзжаетъ. Онъ ему въ ноги: «батюшка, ваше превосходительство...» — «Ничего, говоритъ, братецъ: ты глупъ, да и я не умнѣй тебя. Я ужъ, говоритъ, и записку получилъ», и показываетъ. Пишутъ ему: «благодаримъ покорно, ваше превосходительство, что вы къ нашему рукаву вашу шубу приставили», и больше ничего

Судья опять улыбнулся и покачалъ головой.

— Шельма народъ! — произнесъ онъ.

— Шельма! — подтвердилъ самодовольно разсказчикъ.

Калиновичъ между тѣмъ выходилъ изъ себя, проклиная эту отвратительную помѣщичью наклонность — разсказывать другъ другу во всякій часъ дня и ночи пошлѣйшіе анекдоты о какихъ-нибудь мошенникахъ; но терпѣнію его угрожало еще продолжительное испытаніе: молодой Кадниковъ тоже воспалился желаніемъ разсказать кое-что.

— Вотъ тоже на Лукина разъ мошенники напали... — началъ-было онъ.

— Лукинъ былъ силачъ, — перебилъ его инвалидный начальникъ, гораздо болѣе любившій самъ разсказывать, чѣмъ слушать.—Когда онъ былъ, сударь ты мой, на кораблѣ своемъ въ Англіи,—началъ онъ... Что дѣлалъ Лукинъ на кораблѣ въ Англіи—всѣ слушатели очень хорошо знали, но поручикъ не стѣснялся этимъ и продолжалъ: — выискался тамъ одинъ господинъ, тоже силачъ, и дѣлаетъ такое объявленіе: «сяду-де я, милостивые государи, на желѣзное кресло, и пускай, кто хочетъ, бьетъ меня по щекѣ. Если я упаду—сто рублей плачу, а нѣтъ, такъ мнѣ вдвое того»; и набралъ онъ такимъ манеромъ много денегъ. Только проходитъ разъ мимо этого мѣста Лукинъ, спрашиваетъ, что это такое? Ему говорятъ.—«Ахъ,

мусье, тебя-то мнѣ и надо!» Подходитъ сейчасъ къ нему.— «Держитесь, говоритъ, покрѣпче: я Лукинъ». Ну, тотъ слыхалъ ужъ тоже, однако честь свою не теряетъ.—«Ничего-съ, говоритъ: я самъ тоже такой-то».—«Ладно», — говоритъ Лукинъ, засучилъ, знаете, немного рукава, перекрестился понашему, по-христіанскому, да какъ свистнетъ... Батюшки мои, и баринъ нашъ, и кресла, и подмостки—все къ чорту вверхъ тормашки полетѣло. Мало того, слышатъ, баринъ кричитъ матомъ. Что̀ такое? Подходятъ: глядь—вся челюсть на сторону сворочена.—«Ничего»,—говоритъ Лукинъ, взялъ его, сердечнаго, опять за шиворотъ, трахъ его по другой сторонѣ, сразу поправилъ.—«Ну, говоритъ, денегъ твоихъ мнѣ не надо, только помни меня». — «Буду, говоритъ, помнить»...

— Это значитъ, все-таки у Лукина сила въ рукахъ была,— подхватилъ Кадниковъ. Не имѣя удачи разсказать что-нибудь о мошенникахъ или силачахъ, онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, похвастаться своею собственной силой и прибавилъ:—я вотъ тоже стулъ за переднюю ножку поднимаю.

— Ну, да вѣдь это какой тоже стулъ? Вотъ этакій не поднимете,—возразилъ ему инвалидный начальникъ, указавъ глазами на довольно тяжелое кресло.

— Нѣтъ, подниму, — отвѣчалъ Кадниковъ и, взявъ кресло за ножку, напрягся, сколько силы достало, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и приподнялъ, но не сдержалъ: кресло покачнулось такъ, что онъ едва остановилъ его, уперевъ въ стѣну надъ самой почти головой Калиновича

Тотъ вышелъ окончательно изъ терпѣнья

— Что̀ жъ это такое, господа? Когда будетъ конецъ? — воскликнулъ онъ.

— А мы думали, что вы давно спите, — сказалъ инвалидный начальникъ.

— Развѣ есть возможность спать, когда тутъ разсказываютъ какой-то вздоръ о мошенникахъ и летаютъ стулья надъ головой? — проговорилъ Калиновичъ и повернулся къ стѣнѣ.

Строгій и насмѣшливый тонъ его нарушилъ одушевленіе бесѣды.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, пора на покой, — сказалъ судья.

— Пора, — повторилъ исправникъ, и всѣ разошлись.

Калиновичъ вздохнулъ свободнѣе, но заснуть все-таки не могъ. Все время лежавшій съ закрытыми глазами почтмейстеръ сначала принялся болѣзненно стонать, потомъ бредить, произнося: «пришелъ... пришелъ... пришелъ!..», и наконецъ, вдругъ вскрикнувъ: «пришелъ!»—проснулся, вѣроятно, и, про-

говоря: «о, Господи помилуй!», затихъ на время. Исправникъ и судья тоже стали похрапывать не громко, но зато постоянно и какъ бы соревнуя другъ другу.

VI.

На другой день, какъ обыкновенно это бываетъ на церемонныхъ деревенскихъ праздникахъ, гостямъ сдѣлалось неимовѣрно скучно, и желалось только одного: какъ бы поскорѣе уѣхать. Хозяева, въ свою очередь, тоже унимали больше изъ приличія. Такимъ образомъ вся мелюзга уѣхала тотчасъ послѣ завтрака, и обѣдать остались только генеральша съ дочерью, Четвериковъ и предводитель. Цѣлое утро Калиновичъ искалъ случая поймать княжну и прямо спросить ее: что̀ значитъ эта перемѣна; но его рѣшительно не замѣчали. Полина обращалась съ нимъ какъ-то насмѣшливо. Взбѣшенный всѣмъ этимъ и не зная наконецъ, что̀ съ собой дѣлать, онъ ушелъ-было послѣ обѣда, когда всѣ разъѣхались, въ свою комнату и рѣшился, по крайней мѣрѣ, лечь спать; но отъ князя явился человѣкъ съ приглашеніемъ: не хочетъ ли онъ прогуляться? Калиновичъ пошелъ. Князь ожидалъ его ужъ на крыльцѣ.

Сначала они вышли въ ржаное поле, миновавъ которое, прошли луга, прошли потомъ и перелѣсокъ, такъ что отъ усадьбы очутились верстахъ въ трехъ. Сверхъ обыкновенія, князь былъ молчаливъ и только по временамъ показывалъ на какой-нибудь открывавшійся видъ и хвалилъ его. Калиновичъ соглашался съ нимъ, думая, впрочемъ, совершенно о другомъ и почти не видя никакого вида. Перейдя черезъ одинъ овражекъ, князь вдругъ остановился, подумалъ немного и обратился къ Калиновичу.

— А что̀, Яковъ Васильичъ, — началъ онъ: — мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ одинъ довольно, можетъ-быть, нескромный вопросъ.

Калиновичъ покраснѣлъ, и первая его мысль была: не догадался ли князь о его чувствахъ къ княжнѣ.

— Если вопросъ нескроменъ, такъ лучше его совсѣмъ не дѣлать,—отвѣчалъ онъ полушутливымъ тономъ.

— Да, — подхватилъ протяжно князь: — но дѣло въ томъ, что меня подталкиваетъ сдѣлать его искреннее желаніе вамъ добра; я лучше рискую быть нескромнымъ, чѣмъ промолчать.

Калиновичъ ничего на это не отвѣчалъ.

— Именно рискую быть нескромнымъ,—продолжалъ князь:— потому что, если бъ лѣтъ двадцать назадъ нашелся такой

откровенный человѣкъ, который бы мнѣ высказалъ то, что я хочу теперь вамъ высказать... о, сколько бы онъ сдѣлалъ мнѣ добра, и какъ бы я ему остался благодаренъ на всю жизнь!

Калиновичъ продолжалъ молчать.

— Спросить я васъ хочу, мой милѣйшій Яковъ Васильичъ, — снова продолжалъ князь: — о томъ, дѣйствительно ли справедливы слухи, что вы женитесь на m-lle Годневой?

Калиновичъ опять невольно сконфузился.

— Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, князь, не совсѣмъ скромный,— проговорилъ онъ.

— И вы не хотите мнѣ на него отвѣчать, не такъ ли? да?— подхватилъ князь.

— Я не столько не хочу, — отвѣчалъ спокойно, и по возможности овладѣвъ собой, Калиновичъ: — сколько не могу, потому что, если эти слухи и существуютъ, то ни я ни m-lle Годнева въ томъ не виноваты.

Князь посмотрѣлъ пристально на Калиновича: онъ очень хорошо видѣлъ, что тотъ хочетъ отыгрываться словами.

— Гласъ народа,—говоритъ пословица,—гласъ Божій. Во всякой сплетнѣ есть всегда тѣнь правды,—началъ онъ.—Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Скажите вы мнѣ... я васъ рѣшительно хочу сегодня допрашивать и надѣюсь, что вы этимъ не обидитесь.

— Чѣмъ же я, князь, могу обидѣться, когда это показываетъ только ваше участіе ко мнѣ?—возразилъ, пожавъ плечами, Калиновичъ.

— Именно участіе, и самое искреннее!.. Скажите вы мнѣ вотъ что: имѣете вы состояніе, или нѣтъ?

— У меня ничего нѣтъ.

— Но, можетъ-быть, вамъ угрожаетъ наслѣдство отъ какой-нибудь бабушки, тетушки?..

— Все мое наслѣдство въ моей головѣ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Князь усмѣхнулся.

— Наслѣдство,—началъ онъ съ разстановкою: — если хотите, очень хорошее, но для жизненныхъ ресурсовъ совершенно ужъ ненадежное: головные товары, mon cher, куда какъ туго продаются!.. Что, казалось бы, слѣдовало обмѣнивать на вѣсъ брильянтовъ, то мы часто должны уступать за мѣдь съ примѣсью чугуна... Да, мой милый молодой человѣкъ,—продолжалъ князь, беря Калиновича за руку:—выслушайте вы, Бога ради, меня, старика, который васъ полюбилъ, признаётъ въ васъ умъ, образованіе, талантъ,—выслушайте нѣсколько моихъ задушевныхъ убѣжденій, которыя я купилъ

цѣною горькаго собственнаго опыта! Всѣ мы обыкновенно, въ молодости, очень легко смотримъ на бракъ, тогда какъ это самый важный шагъ въ жизни, потому что это единственный почти случай, гдѣ для человѣка ошибка непоправима. Пошалили вы въ молодости, лѣниво и глупо провели пять-шесть лѣтъ; но... стоитъ опомниться, поработать годъ, два—и все поправлено. Проигрались въ пухъ въ карты, израсходовались на какую-нибудь любовь—ничего: одинокому, холостому человѣку денежныя раны не смертельны. Заняли вы должность, несоотвѣтствующую вамъ, ступайте въ отставку; потеряли наконецъ выгодную для васъ службу, — хлопочите и можете найти еще лучше... словомъ, всѣ почти ошибки, шалости, проступки — все можетъ быть поправлено, и одинъ только тяжелый брачный башмакъ съ ноги ужъ не сбросишь...

— Сентенція эта, князь, довольно стара,—замѣтилъ Калиновичъ.

— Если хотите, даже очень стара, — подхватилъ князь: — но, къ сожалѣнію, очень многими забывается, и что для меня всегда было удивительно: дураки, руководствуясь какимъ-то инстинктомъ, поступаютъ въ этомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе, тогда какъ умные люди именно и дѣлаютъ самыя безразсудныя, самыя пагубныя для себя партіи. У меня теперь, Яковъ Васильичъ, у самого два сына, — продолжалъ князь, болѣе и болѣе одушевляясь: — и если они не бѣдняки совершенные, то и не богаты. И вотъ имъ мое отцовское правило: на богатой дѣвушкѣ и по любви должны жениться, хоть теперь же, несмотря на то, что оба еще прапорщики, потому что это своего рода шагъ въ жизни; на богатой и безъ любви, если хотятъ, пускай женятся, но на бѣдной и по любви—никогда! Всей моей родительской властью не допущу до этого.

Калиновичъ улыбнулся.

— Правило ваше, князь, ужъ потому несправедливо, что оно совершенно односторонне. Вы смотрите на бракъ рѣшительно съ одной только хозяйственной стороны.

— А какъ же прикажете смотрѣть? — возразилъ князь запальчиво.—Неужели, милостивый государь, прикажете принимать въ расчетъ эту вашу глубокую, безумную любовь? Mon cher! Mon cher! Вы человѣкъ умный: неужели вы не понимаете, что такое эта любовь всѣхъ васъ, молодыхъ людей? Ничуть не больше, какъ замаскированное стремленіе половъ, возбужденная и задержанная чувственность—никакъ не больше. И повѣрьте, бракъ есть могила этого рода любви: мужа и жену связываетъ болѣе прочное чувство—дружба, которая, честью

моею завѣряю, гораздо скорѣе можетъ возникнуть между людьми женившимися совершенно холодно, чѣмъ между страстными любовниками, потому что они, по крайней мѣрѣ, не падаютъ черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы съ неба на землю... Любовь!.. Я не могу слышать равнодушно, когда этотъ вздоръ, фантомъ, порожденный разгоряченнымъ воображеніемъ, чувство, которое родится и питается одними только препятствіями, берутъ въ основаніе такого важнаго дѣла, какъ бракъ. Будь у васъ, съ позволенія сказать, любовница, съ которой вы прожили двадцать лѣтъ вашей жизни, и вотъ вы, почти старикъ, говорите: «я на ней женюсь, потому что я ее люблю...» Но какъ же вы хотите заставить меня вѣрить въ глубину и неизмѣнность любви какого-нибудь молодого человѣка въ двадцать пять лѣтъ и дѣвчонки въ семнадцать, которые, расчувствовавшись надъ романами, поклялись другъ другу въ вѣчной страсти?

— Все это, князь, можетъ-быть, очень справедливо,—возразилъ Калиновичъ:—но чрезвычайно обще и требуетъ слишкомъ многихъ исключеній. По вашему правилу, очень бы немногимъ пришлось жениться.

— Напротивъ, многимъ,—перебилъ князь: — и даже очень многимъ разрѣшаю это удовольствіе. Пускай себѣ женятся и тѣшатся!.. Люди, мой милый, раздѣляются на два разряда: на человѣчество дюжинное, чернорабочее, которому самимъ Богомъ назначено родиться, вырасти и запрячься потомъ съ тупымъ терпѣніемъ въ какую-нибудь узкую дѣятельность,—вотъ этимъ юношамъ я даже совѣтую жениться: они народятъ десятки такого же дюжиннаго человѣчества и, посредствомъ благодѣтелей, покровителей, взятокъ, вскормятъ и воспитаютъ эти десятки, въ чемъ состоитъ ихъ главная польза, которую они приносятъ обществу, все-таки нуждающемуся, по своимъ экономическимъ цѣлямъ, въ чернорабочихъ по всѣмъ сословіямъ. Но есть, mon cher, другой разрядъ людей, гораздо уже повыше; это... какъ бы назвать... забѣлка человѣчества: если не геніи, то все-таки люди, отмѣченные какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ, люди, которымъ наконецъ предназначено быть двигателями общества, а не сносливыми трутнями; и что я васъ отношу къ этому именно разряду, въ томъ вы сами виноваты, потому что вы далеко ужъ выдвинулись изъ вашей среды: вы не школьный теперь смотритель, а литераторъ, слѣдовательно человѣкъ, вызванный на очень серьезное и широкое поприще. Вамъ будетъ грѣхъ и стыдно какимъ-нибудь неблагоразумнымъ бракомъ спутать себя на первыхъ порахъ по рукамъ и по ногамъ.

— Я очень радъ, князь, что вы договорились до значенія

литератора: оно-то, кажется, и даетъ мнѣ право располагать своимъ сердцемъ свободнѣе и не подчиняться безусловно вашимъ экономическимъ правиламъ.

— Mon cher!—воскликнулъ князь: — званіе-то литератора, повторяю еще разъ, и заставляетъ васъ быть осмотрительнымъ; званіе литератора, милостивый государь, обязываетъ васъ, чтобъ вы, ради будущей вашей славы, ради пользы, которую можете принести обществу, рѣшительно оставались холостякомъ или женились на богатой: послѣднее еще лучше.

— Я на это смотрю совершенно иначе, потому что все-таки вѣрю нѣкоторымъ образомъ въ себя и въ свои силы,— проговорилъ Калиновичъ.

— Вы смотрите на это глазами вашего услужливаго воображенія, а я сужу объ этомъ на основаніи моей пятидесятилѣтней опытности. Положимъ, что вы женитесь на той дѣвицѣ, о которой мы сейчасъ говорили. Она прекраснѣйшая дѣвушка, и изъ нея, вѣроятно, выйдетъ превосходная жена, которая васъ будетъ любить, сочувствовать всѣмъ вашимъ интересамъ; но вы не забывайте, что должны заниматься литературой, и тутъ сейчасъ же возникнетъ вопросъ — гдѣ вы будете жить: здѣсь ли, оставаясь смотрителемъ училища, или переѣдете въ столицу?

— Вы, князь, говорите, какъ будто бы ужъ я былъ женатъ,—возразилъ, усмѣхнувшись, Калиновичъ.

— Ну да, — положимъ, что вы ужъ женаты, — перебилъ князь:—и тогда гдѣ вы будете жить?—продолжалъ онъ:—конечно, здѣсь, по вашимъ средствамъ... но въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ, теперь вы только еще, что̀ называется, соскочили съ университетской сковородки: у васъ прекрасное направленіе, много мыслей, много свѣдѣній, но, много черезъ два-три года, вы все это растеряете, облѣнитесь, опошлѣете въ этой глуши, мой милый юноша — повѣрьте мнѣ, и потомъ вздумалось бы вамъ съѣздить, напримѣръ, въ Петербургъ, въ Москву, чтобъ освѣжить себя — и того вамъ сдѣлать будетъ не на что: всѣ деньжонки уйдутъ на родины, крестины, на мамокъ, на нянекъ, на то, чтобъ ваша жена явилась не хуже другой одѣтою, чтобъ квартирка была хоть сколько-нибудь прилично убрана. Семейная жизнь—омутъ, бездонная кадка для денегъ. Я наслѣдовалъ отъ отца не такъ, какъ вы, а все-таки состояніе, которое могло бы меня на службѣ поддержать, если бъ я служилъ до генералиссимуса. Я былъ наконецъ любимецъ вельможи, имѣлъ въ перспективѣ попасть въ флигель-адъютанты, въ тридцать лѣтъ пристегнулъ бы, навѣрнякъ, генеральскія эполеты, и потому можете судить, до

чего бы я дошелъ въ настоящемъ моемъ возрастѣ; но женился по страсти на дѣвушкѣ бѣдной, хоть и прелестной, въ которой, кажется, соединены всѣ достоинства женскія, и сразу же долженъ былъ оставить Петербургъ, бросить всякаго рода служебную карьеру и на всю жизнь закабалиться въ деревнѣ.

— Вы однако, князь, въ вашей семейной жизни не обѣднѣли, а еще разбогатѣли,—замѣтилъ Калиновичъ.

Князь покачалъ головой.

— Разбогатѣлъ я!.. — сказалъ онъ:—а знаете ли, мой милый другъ, чего мнѣ это стоитъ? Знаете ли, что я и мое образованіе, которое по тому времени, въ которомъ я началъ жить, было не совсѣмъ заурядное, и мои способности, которыя тоже изъ ряда посредственныхъ выходили, и наконецъ самое здоровье—все это я долженъ былъ растратить въ себѣ и сдѣлаться прожектеромъ, аферистомъ, купцомъ для того, чтобъ поддержать и воспитать семью, какъ прилично моему роду. А сколько нравственныхъ уступокъ! Сколько дѣлъ противъ совѣсти! Сколько униженія и расточенной лести передъ людьми, которыхъ бы знать никогда не хотѣлъ! И теперь, когда все, кажется, поустроилъ, такъ чувствую, что самъ ужъ никуда не гожусь... Не завидуйте и не берите съ меня примѣръ; потому-то я и хочу предостеречь васъ, что знаю на себѣ всѣ тяжелыя и горькія послѣдствія подобной ошибки.

— Я не такъ избалованъ жизнью, князь, — возразилъ Калиновичъ:—не такъ требователенъ: для меня будетъ достаточно, если я, переселясь въ Петербургъ, найду тамъ хоть мало-мальски безбѣдное существованіе.

— Даже безбѣдное существованіе вы врядъ ли тамъ найдете. Чтобъ жить въ Петербургѣ семейному человѣку, надобно... возьмемъ самый минимумъ, меньше чего я уже вообразить не могу... надо, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи рублей серебромъ, и то съ величайшими лишеніями, отказывая себѣ въ какой-нибудь рюмкѣ вина за столомъ, не говоря ужъ объ экипажѣ, о всякомъ развлеченіи; но все-таки помните — двѣ тысячи, и будемъ теперь разсчитывать ужъ по цифрамъ: сколько вы получили за вашъ первый и, надобно сказать, прекрасный романъ?

Калиновичъ смѣшался: ему стыдно было признаться, что онъ не получилъ еще ни копейки и только еще надѣялся получить.

— Я получилъ 500 рублей серебромъ, — проговорилъ онъ.

— А сколько такихъ романовъ вы можете написать въ годъ?—продолжалъ князь. — Одинъ... ну, два, никакъ ужъ не

больше,—отвѣчалъ онъ самъ себѣ:—и это еще въ плодотворный годъ, а будутъ года хуже, и я хоть не поэтъ и не литераторъ, а очень хорошо понимаю, что изящною словесностью нельзя постоянно и одинаково заниматься: тутъ человѣкъ кладетъ весь самого себя и по преимуществу сердце, а потому это дѣло очень капризное: надобно ждать извѣстнаго настроенія души, вдохновенія, наконецъ призванія!.. Это не ученый какой-нибудь трудъ, или служебное занятіе, для котораго нужно только терпѣніе, чтобъ отправлять его каждодневно... Значитъ, изъ всего этого выходитъ, что въ хозяйствѣ у васъ на первыхъ порахъ окажется недочетъ, а семья между тѣмъ, очень вѣроятно, будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ — и вотъ вамъ напередъ ваше будущее въ Петербургѣ: вы напишете, можетъ-быть, еще нѣсколько повѣстей и поймете наконецъ, что все писать никакихъ человѣческихъ силъ не хватитъ, а деньги между тѣмъ все будутъ нужнѣй и нужнѣй. Вы насилуете себя, торопитесь, печатаете, мараѐте свое имя и потомъ изъ авторовъ переходите въ фельетонисты, переводчики... и тогда все пропало: загублено и ваше время, и вашъ талантъ, и даже ваше здоровье. Это я говорю, когда вы будете женаты. Впрочемъ, и холостой все равно: въ Петербургѣ у человѣка, въ какомъ бы онъ положеніи ни былъ, развивается шестое чувство: жажда денегъ... Сколько соблазна! Сколько роскоши кругомъ! Сколько самыхъ утонченныхъ удовольствій! И для всего этого будетъ у васъ единственный денежный источникъ — литературные труды. Mon cher, mon cher!—продолжалъ князь, покачавъ головою и ударяя себя въ грудь:—Пушкинъ былъ человѣкъ съ состояніемъ, получалъ по червонцу за стихъ, да и тотъ постоянно и безпрерывно нуждался; а Полевой, такъ ужъ я лично это знаю, когда далъ ему 500 рублей взаймы, такъ онъ со слезами благодарилъ меня, потому что у него полтинника въ это время не было въ карманѣ. Такъ вотъ вамъ наша русская литература! Мы еще слишкомъ далеки отъ того, чтобъ чтеніе сдѣлалось общимъ достояніемъ. Сколько человѣкъ вы видѣли вчера у меня, и для кого изъ нихъ необходимы книги?—Ни для кого, кромѣ Четверикова. Даже вотъ этотъ господинъ, нашъ предводитель, человѣкъ неглупый и очень богатый, онъ, я думаю, на грошъ не купилъ ни одной книжонки. Читаетъ одну «Сѣверную Пчелу», да и ту беретъ у меня... Въ такой публикѣ литераторы не зажирѣютъ!

— Все это, князь, я очень хорошо самъ знаю и на одну литературу никогда не разсчитывалъ; но если переѣду въ Петербургъ, то буду искать тамъ мѣста,—проговорилъ Калиновичъ.

— Пожалуй... хорошо... — отвѣчалъ князь: — мѣсто вамъ дадутъ; но какое же по вашему чину? Никакъ не больше канцелярскаго чиновника. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь въ департаментѣ сдѣлаютъ васъ помощникомъ, а много ужъ столоначальникомъ; но въ такомъ случаѣ проститесь съ литературою. Послѣ шести и семи часовъ департаментскихъ сидѣній, возвратившись домой, вы развѣ годны будете только на то, чтобъ отправиться въ театръ похохотать надъ глупымъ водевилемъ, или пробраться къ знакомому поиграть въ копеечный преферансъ; а вздумаете соединить то и другое, такъ, пожалуй, выйдетъ еще хуже, по пословицѣ: за двумя зайцами погнавшись, не поймаешь ни одного... Вотъ, любезный мой Яковъ Васильичъ, что я хотѣлъ и почти считалъ своей обязанностью сказать вамъ; и еще разъ повторю: обдумайте и оглядите внимательно ваше положеніе.

— Очень вамъ благодаренъ, князь, — возразилъ Калиновичъ: — но изъ вашихъ словъ можно вывести странное заключеніе, что литература должна составить мое несчастье, а не успѣхъ въ жизни.

— Почему жъ? Нѣтъ!.. — перебилъ князь и остановился на нѣсколько времени. — Тутъ, вотъ видите, — началъ онъ: — я опять долженъ сдѣлать оговорку, что могу ли я съ вами говорить откровенно въ такой степени, какъ говорилъ бы откровенно съ своимъ собственнымъ сыномъ?

— Достаточно вашего участія, князь, чтобъ вы имѣли полное право говорить мнѣ не только откровенно, но даже самую горькую правду, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Да; но тутъ не то, — перебилъ князь: — тутъ, можетъ-быть, мнѣ придется говорить о нѣкоторыхъ лицахъ и говорить такія вещи, которыя я желалъ бы, чтобъ знали вы да я, и въ случаѣ, если мы не сойдемся въ нашихъ мнѣніяхъ, чтобъ этотъ разговоръ рѣшительно остался между нами.

Калиновичъ посмотрѣлъ на князя, все еще не догадываясь, къ чему онъ клонитъ разговоръ.

— Я всегда былъ довольно скроменъ... — проговорилъ онъ.

— Очень вѣрю, — подхватилъ князь: — и потому рискую говорить съ вами, совершенно нараспашку, о предметѣ довольно щекотливомъ. Давеча я говорилъ, что бѣдному молодому человѣку жениться на богатой, фундаментально-богатой дѣвушкѣ, не бывъ даже влюбленъ въ нее, можно, или, лучше сказать, должно.

Послѣднія слова князь говорилъ протяжно и остановился, какъ бы ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь Калиновичъ; но тотъ молчалъ и смотрѣлъ на него пристально и сурово, такъ

что князь принужденъ былъ потупиться, но потомъ вдругъ взялъ его опять за руку и проговорилъ съ принужденною улыбкою:

— Вы теперь приняты въ домъ генеральши такъ радушно, съ такимъ вниманіемъ къ вамъ, по крайней мѣрѣ, со стороны m-lle Полины, и потому... что бы вамъ похлопотать тутъ — и, Боже мой, какая бы тогда для васъ и для вашего таланта открылась будущность! Тысяча душъ, батюшка, удивительно устроеннаго имѣнія, да денегъ, которымъ покуда еще счету никто не знаетъ. Тогда поѣзжайте, куда вы хотите: въ Петербургъ, въ Москву, въ Одессу, за границу... Пишите свободно, не стѣсненные никакими другими занятіями, въ какомъ угодно климатѣ, гдѣ только благопріятнѣй для вашего вдохновенія...

Калиновичъ былъ озадаченъ; выраженіе лица его сдѣлалось еще мрачнѣе; онъ никакъ не ожидалъ подобной откровенной выходки со стороны князя и нѣсколько времени молчалъ, какъ бы сбираясь съ мыслями, что ему отвѣчать.

— Ваше предложеніе, князь, для меня даже нѣсколько обидно, потому что оно сильно отзывается насмѣшкою, — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Насмѣшкой? — спросилъ удивленный князь.

— Насмѣшкой, — повторилъ Калиновичъ: — потому что, если бъ я желалъ избрать подобный путь для своей будущности, то все-таки это былъ бы гораздо болѣе несбыточный замыселъ, чѣмъ мои надежды на литературу, которыя вы старались такъ ловко разбить со всѣхъ сторонъ.

— Будто это такъ? — возразилъ князь: — будто вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете, какъ говорите, и никогда сами не замѣчали, что мое предположеніе имѣетъ много вѣроятности?

— Я никогда ничего не думалъ объ этомъ и никогда ничего не замѣчалъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ.

Князь покачалъ головой.

— Полноте, молодой человѣкъ! — началъ онъ: — вы слишкомъ умны и слишкомъ прозорливы, чтобъ сразу не понять тѣ отношенія, въ какія съ вами становятся люди. Впрочемъ, если вы, по какимъ-либо важнымъ для васъ причинамъ, желали не видѣть и не замѣчать этого, въ такомъ случаѣ лучше прекратить нашъ разговоръ, который ни къ чему не поведетъ, а изъ меня сдѣлаетъ болтуна.

Проговоря это, князь замолчалъ; Калиновичъ тоже ничего не возразилъ, и оба они дошли молча до усадьбы.

VII.

Результатомъ предыдущаго разговора было то, что князь, несмотря на все свое стараніе, никакъ не могъ сохранить съ Калиновичемъ попрежнему ласковое и любезное обращеніе: какая-то холодность и полувнимательная важность начала проглядывать въ каждомъ его словѣ. Тотъ сейчасъ же это замѣтилъ и на другой день за чаемъ просилъ проводить его.

— А я думалъ, что вы еще у насъ погостите, — проговорилъ князь и переглянулся съ княжной.

— Нѣтъ, мнѣ нужно быть въ городѣ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Жаль; но удерживать не смѣемъ. Когда же вы однако думаете выѣхать?

— Я просилъ бы сегодня же.

— Зачѣмъ же сегодня? — возразилъ князь, но такимъ тономъ, что Калиновичъ еще настоятельнѣе повторилъ:

— Мнѣ необходимо сегодня.

Князь позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею, чтобъ приготовленъ былъ фаэтонъ четверней.

Молча прошелъ потомъ чайный завтракъ, съ окончаніемъ котораго Калиновичъ церемонно раскланялся съ дамами, присовокупивъ, что онъ уже прощается. Княгиня ласково и нѣсколько разъ кивнула ему головой, а княжна только слегка наклонила свою прекрасную головку и тотчасъ же отвернулась въ другую сторону. На лицѣ ея нельзя было прочитать въ эти минуты никакого выраженія.

Мистрисъ Нетльбетъ присѣла.

— Adieu, m-r! — произнесъ ле-Гранъ, крѣпко сжимая ему руку.

Фаэтонъ между тѣмъ стоялъ ужъ у крыльца.

Калиновичъ сошелъ въ свою комнату и началъ собираться. Князь пришелъ его проводить. Радушіе и привѣтливость какъ будто бы снова возвратились къ нему на прощаньи.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, — говорилъ онъ, цѣлуя и обнимая гостя.

Калиновичъ, съ своей стороны, благодарилъ за ласковый и обязательный пріемъ.

— И пожалуйста, — продолжалъ князь, сжимая и не выпуская его руку: — чтобъ недавній нашъ разговоръ остался между нами.

Калиновичъ просилъ, Бога ради, не безпокоиться объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не будетъ имѣть даже возможности раз-

глашать этого разговора, потому что черезъ мѣсяцъ, вѣроятно, совсѣмъ уѣдетъ въ Петербургъ.

— А вы думаете въ Петербургъ? — спросилъ князь совершенно простодушнымъ тономъ и потомъ, все еще не выпуская руки Калиновича, продолжалъ: — съ Богомъ... отъ души желаю вамъ всякаго успѣха, и, если встрѣтится какая-нибудь надобность, не забывайте насъ, вашихъ старыхъ друзей: черкните строчку-другую. Чѣмъ только могу быть полезенъ, я готовъ служить вамъ. Можетъ-быть, даже измѣнится и взглядъ вашъ на жизнь, теперь немножко еще студенческій. Петербургъ для этого прекрасный учитель. Напишите тогда... можетъ-быть, и придумаемъ что-нибудь сдѣлать.

Калиновичъ очень хорошо понялъ, въ какой огородъ кидалъ князь каменья, и отвѣчалъ, что онъ считаетъ за величайшее для себя одолженіе это позволеніе писать, а тѣмъ болѣе право относиться съ просьбою. Они разстались.

Въ серьезномъ и мрачномъ настроеніи духа выѣхалъ герой мой. Онъ не мечталъ уже на этотъ разъ о благоухающей княжнѣ и не восхищался окружавшей его природой, въ которой тоже, какъ бы подъ ладъ ему, заварилась кутерьма; надвинулись со всѣхъ сторонъ облака, и потемнѣло, какъ въ сумерки. Въ воздухѣ сдѣлалось душно. Нахохлившись и съ разинутыми ртами сидѣли на кочкахъ вороны; ласточки летали по самой землѣ. Хоть бы травка, хоть бы листокъ на деревѣ шелохнулся. Все, какъ бы въ ожиданіи чего-то, затихло, и только изрѣдка прорѣзывалась молнія и глухо погремливало. Сталъ наконецъ накрапывать дождикъ, и вдругъ, гдѣ-то ужъ очень близко, вересткнулъ съ раскатомъ ударъ, хлынулъ, какъ изъ ведра, ливень, и безтолково задулъ, нагибая деревья и крутя пылью, вѣтеръ. Калиновичъ опустилъ фордекъ и еще болѣе погрузился въ размышленія. Съ самаго пріѣзда въ маленькій городишко онъ былъ, въ отношеніи самого себя, въ какомъ-то туманѣ. На самыхъ первыхъ порахъ его встрѣтила, какъ мы видѣли, любовь Настеньки. Калиновичъ, самъ не зная какъ, увлекся ея порывистою и безразсудною страстью, а подъ минутнымъ вліяніемъ чувственности сталъ съ нею въ тѣ отношенія, при которыхъ разрывъ сдѣлался безчеловѣченъ и безчестенъ. Потомъ этотъ неожиданный литературный успѣхъ, привѣтствіе въ домѣ генеральши, князь, княжна, мечты о ней — все это слѣдовало такъ быстро одно за другимъ... Но разговоръ съ княземъ какъ бы отрезвилъ его: всѣ совѣты, замѣчанія и убѣжденія того пали на плодотворную почву. Сѣмена практическихъ началъ были обильно заложены въ душѣ моего героя. Все, что говорилъ князь, ему еще прежде

представлялось смутно, въ предчувствіи — теперь же стало только яснѣй и нагляднѣй. Впереди были двѣ дороги: на одной невѣста съ тысячью душами... однако вѣдь *съ тысячью!* — повторилъ Калиновичъ, какъ бы стараясь внушить самому себѣ могущественное значеніе этой цифры, но тутъ же, какъ бы наступивъ на какое-нибудь гадкое насѣкомое, дѣлалъ гримасу. На другой дорогѣ, продолжалъ онъ разсуждать, литература съ ея заманчивымъ успѣхомъ, съ независимой жизнью въ Петербургѣ, гдѣ, что бы князь ни говорилъ, широкое поприще для исканія счастья бѣдняку, который имѣетъ уже нѣкоторыя права. Изъ всего этого ужъ, конечно, самое лучшее— уѣхать навсегда въ Петербургъ. Но какъ же Настенька?.. Что дѣлать! Не жениться же на ней теперь, когда это неминуемо должно было отравить бѣдностью всю будущность! Лучше разомъ сдѣлать операцію, чѣмъ мучиться всю жизнь!.. — Такъ говорило благоразуміе въ молодомъ человѣкѣ, но совѣсть въ то же время точно буравомъ вертѣла сердце.

Въѣхавъ въ городъ, онъ не утерпѣлъ и велѣлъ себя везти прямо къ Годневымъ. Нужно ли говорить, какъ ему тамъ обрадовались? Первая увидѣла его Палагея Евграфовна, мывшая съ засученными рукавами въ сѣняхъ посуду.

— Ай, батюшка Яковъ Васильичъ! — вскрикнула она, стыдливо обдергивая заткнутый фартукъ.

— А! Солнышко наше красное! Откуда взошло и появилось? — воскликнулъ Петръ Михайлычъ. — Настенька! — кричалъ онъ: — Яковъ Васильичъ пріѣхалъ.

— Ахъ!.. — воскликнула та и вбѣжала.

Калиновичъ поцѣловалъ у ней руку. Настенька, дѣлая видъ, что какъ будто цѣлуетъ его въ голову, поцѣловала просто въ губы.

— Ахъ, какъ я рада, что ты пріѣхалъ! — обмолвилась она.

Петръ Михайлычъ сдѣлалъ добродушную гримасу

— Ой, ой! Вотъ какъ: на *ты* ужъ дѣло пошло!

Настенька немножко покраснѣла.

— Что жъ? Я могу ему говорить *ты:* мы съ нимъ друзья, — сказала она и протянула Калиновичу руку.

— Конечно, — подхватилъ тотъ и еще разъ поцѣловалъ ея руку.

Капитана на этотъ разъ не было налицо: онъ отправился съ Лебедевымъ верстъ за двадцать въ болото за красной дичью. Вошла Палагея Евграфовна.

— Чаю прикажете, али кушать будете?.. — обратилась она къ Калиновичу.

— Чего тутъ спрашивать, старая! Давай намъ и того и сего! — подхватилъ Петръ Михайлычъ.

— Нѣтъ, я попросилъ бы съѣсть чего-нибудь, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Ну, покушать, такъ покушать... Живѣй! Маршъ! — крикнулъ Петръ Михайлычъ. Пелагея Евграфовна пошла-было...— Постой! — остановилъ ее очень ужъ довольный пріѣздомъ Калиновича старикъ: — тамъ княжескій кучеръ. Изволь ты у меня, сударыня, его накормить, виномъ, пивомъ напоить. Лошадкамъ дай овса и сѣна. Все это имъ за то, что они намъ Якова Васильича привезли.

— Накормимъ! Пуще всего не знаютъ безъ васъ! — отвѣчала съ насмѣшкой экономка и скрылась, а Настенька принялась накрывать на столъ.

Калиновичъ просилъ-было ее не безпокоиться.

— Что жъ, если я хочу, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе? — отвѣчала она и, когда кушанье было подано, сѣла рядомъ съ нимъ, наливала ему горячее и перемѣняла даже тарелки. Петръ Михайлычъ тоже не остался празднымъ: онъ собственной особой слазилъ въ подвалъ и, доставъ оттуда самой лучшей наливки-лимоновки, которую Калиновичъ по преимуществу любилъ, усѣлся противъ молодыхъ людей и сталъ смотрѣть на нихъ съ какимъ-то умиленіемъ. Калиновичу наконецъ сдѣлалось тяжело переносить ихъ искреннее радушіе. «Боже мой! Какъ эти люди любятъ меня, и между тѣмъ какой черной неблагодарностью я долженъ буду заплатить имъ!»— мучительно думалъ онъ и рѣшительно не имѣлъ духа, какъ прежде предполагалъ, сказать о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, и только, оставшись послѣ обѣда вдвоемъ съ Настенькой, обнялъ ее и долго, долго цѣловалъ.

— Ты плачешь? — спросила она, почувствовавъ, что съ глазъ его упала ей на щеку слеза.

— Нѣтъ, это такъ,—отвѣчалъ Калиновичъ и потомъ опять ее обнялъ и сказалъ ей что-то на ухо.

— Хорошо,—отвѣчала Настенька.

Во весь остальной вечеръ онъ былъ мраченъ. Затаенныя въ душѣ страданія подняли въ немъ, по обыкновенію, желчь. Петръ Михайлычъ спросилъ-было, какъ у князя проводилось время. Калиновичъ сдѣлалъ гримасу.

— Князь — это такой мошенникъ, какихъ когда-либо я встрѣчалъ,—отвѣчалъ онъ.

— Талейранъ, Талейранъ!—подтверждалъ Петръ Михайлычъ.

— Княгиня—идіотка,—продолжалъ Калиновичъ.

— Ужасная идіотка; это я тогда же замѣтила,—подтвердила ужъ Настенька.—А что княжна?..—спросила она: — эта тоже идіотка?

Калиновичъ нѣсколько замялся.

— Нѣтъ, какъ это можно!.. Такая прелестная дѣвица, нѣтъ!—отвергнулъ Петръ Михайлычъ.

— Рѣшительно идіотка! — повторила Настенька: — воображаетъ, что очень хороша собой, и не даетъ себѣ труда подумать и понять, какъ она глупа.

— Она не то, что глупа... — началъ Калиновичъ:—но это идеалъ пустоты... Дѣвушка, въ которой, можетъ-быть, отъ природы и было кое-что, но все это окончательно изломано, исковеркано воспитаніемъ папеньки.

— Ужасно!—подхватила Настенька: — когда *ты* читалъ у нихъ, мнѣ было такъ досадно за *тебя*. Развѣ кто-нибудь изъ нихъ понялъ, что̀ *ты* написалъ? Сидѣли всѣ, какъ сороки.

— Гдѣ жъ какъ сороки?.. Нравилось, особенно этой генеральской дочери,—замѣтилъ Петръ Михайлычъ.

— Ну, да, Полинѣ, потому что она умнѣе тутъ всѣхъ,— возразила Настенька: — и слушала, по крайней мѣрѣ, внимательно, можетъ-быть, потому, что влюблена въ Якова Васильича.

— Вѣроятно,—подтвердилъ Калиновичъ и вздохнулъ.

Домой онъ ушелъ часовъ въ двѣнадцать; и когда у Годневыхъ все успокоилось, заднимъ дворомъ его квартиры опять мелькнула чья-то тѣнь, спустилась къ рѣкѣ и, пробираясь по берегу, скрылась противъ бесѣдки, а на разсвѣтѣ опять эта тѣнь мелькнула, и все прошло тихо...

VIII.

Черезъ недѣлю Калиновичъ послалъ просьбу объ увольненіи его въ четырехмѣсячный отпускъ и написалъ князю о своемъ рѣшительномъ намѣреніи уѣхать въ Петербургъ, прося его снабдить, если можетъ, рекомендательными письмами. Въ отвѣтъ на это тотчасъ же получилъ пакетъ на имя одного директора департамента съ коротенькой запиской отъ князя, въ которой пояснено было, что человѣкъ, къ которому онъ пишетъ, готовъ будетъ сдѣлать для него все, что̀ только будетъ въ его зависимости. Распоряжаясь такимъ образомъ, Калиновичъ никакъ не имѣлъ духу сказать о томъ Годневымъ, и—странное дѣло!—въ этомъ случаѣ, по преимуществу, его останавливалъ возвратившійся капитанъ: стыдясь самому себѣ признаться, онъ начиналъ чувствовать къ нему непреодолимый страхъ. Ему казалось, что Настеньку и Петра Михайлыча можно еще было какъ-нибудь спасительно обмануть, но Флегонта Михайлыча нѣтъ. Время между тѣмъ шло: отпускъ былъ присланъ, и скрывать долѣе не было уже никакой воз-

можности. Заранѣе приготовившись на слезы и упреки со стороны Настеньки, на удивленіе Петра Михайлыча и на многозначительное молчаніе капитана, и рѣшившись все это отпарировать своей холодностью, Калиновичъ рѣшился и пришелъ нарочно къ Годневымъ къ самому обѣду, чтобъ застать всѣхъ въ сборѣ. Ссылаясь на сырую погоду, онъ выпилъ изъ стоявшаго на столѣ графина огромную рюмку водки и проговорилъ:

— Сейчасъ получилъ я отпускъ.

— Отпускъ?—повторилъ Петръ Михайлычъ.

— Да, думаю съѣздить въ Петербургъ, — продолжалъ, насколько могъ спокойно, Калиновичъ.

— Въ Петербургъ?—спросила ужъ Настенька и поблѣднѣла.

— Въ Петербургъ,—отвѣчалъ Калиновичъ, и голосъ у него дрожалъ отъ волненія.—Я еще у князя получилъ письмо отъ редактора: предлагаетъ постоянное сотрудничество и пишетъ, чтобъ самъ пріѣхалъ войти въ личныя съ нимъ сношенія,—прибавилъ онъ, солгавъ отъ перваго до послѣдняго слова.

Петръ Михайлычъ сначала было-нахмурился, впрочемъ, ненадолго.

— Пожалуй, что и надобно съѣздить...—произнесъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— А надолго ли вы думаете ѣхать?—спросила Настенька.

Вопросъ этотъ острымъ ножомъ кольнулъ Калиновича въ сердце.

— Мѣсяца на три, на четыре,—отвѣчалъ онъ.

— Надобно съѣздить; сидя здѣсь, ничего не сдѣлаешь!.. Непремѣнно надобно!..—повторилъ старикъ, почти совершенно успокоенный послѣднимъ отвѣтомъ Калиновича.—И вы, пожалуйста, Настасья Петровна, не отговаривайте: три мѣсяца не вѣкъ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.

— Я не отговариваю. Отчего не съѣздить, если это необходимо?—отвѣчала Настенька, хотя на глазахъ ея навернулись ужъ слезы, и руки такъ дрожали, что она не въ состояніи была держать вилки.

Калиновичъ вздохнулъ свободнѣе.

«Ну, не ожидалъ я, чтобъ такъ легко это устроилось»,—подумалъ онъ и, желая представить свой отъѣздъ какъ очень обыкновенный случай, принялся-было быть веселымъ, но не могъ: сидѣвшія передъ нимъ жертвы его эгоизма мучили и обличали его.

Невольно задумавшись, онъ взглядывалъ только искоса на Флегонта Михайлыча, какъ бы желая угадать, что у того на душѣ; но капитанъ во все время упорно молчалъ. Петръ

Михайлычъ, глядя на дочь, которая была блѣдна какъ мертвая, тоже призадумался. Уходя послѣ обѣда въ свой кабинетъ, по обыкновенію, отдохнуть, онъ, слышно было, что не спалъ: сначала все ворочался, кашлялъ, и наконецъ постучалъ въ стѣну, что было всегда для Палагеи Евграфовны знакомъ, чтобъ она являлась. Та пришла, и между ними начался шопотомъ разговоръ, въ которомъ больше слышался голосъ Петра Михайлыча; экономка же отвѣчала только своей поговоркой: э... э... э... хе... хе...

Между тѣмъ оставшіеся въ залѣ: Настенька, Калиновичъ и капитанъ сидѣли, погруженные въ свои собственныя мысли.

— Пойдемте гулять, мнѣ пройтись хочется,—сказала наконецъ, вставая, Настенька, обращаясь къ Калиновичу.

Тотъ посмотрѣлъ на нее.

— Холодно сегодня. Пожалуй, еще простудишься: что за удовольствіе!—возразилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего: я въ тепломъ платьѣ,—отвѣчала Настенька и стала надѣвать шляпку.

Калиновичъ не трогался съ мѣста.

— А вы пойдете съ нами?—отнесся онъ къ капитану, видимо, не желая остаться на этотъ разъ съ Настенькой вдвоемъ.

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчалъ отрывисто капитанъ и, взявъ фуражку, но позабывъ трубку и кисетъ, пошелъ.

Діанка тоже поднялась-было за нимъ и, желая приласкаться, загородила ему дорогу въ дверяхъ. Капитанъ вдругъ толкнулъ ее ногою въ бокъ съ такой силой, что она привскочила, завизжала и, поджавъ хвостъ, спряталась подъ стулъ.

— Все вертишься подъ ногами... покричи еще у меня: удавлю каналью!—проговорилъ, уходя, Флегонтъ Михайлычъ, и по выраженію глазъ его можно было вѣрить, что онъ способенъ былъ въ настоящую минуту удавить свою любимицу, которая, какъ бы понявъ это, спустя только нѣсколько времени осмѣлилась выйти изъ-подъ стула и, отворивъ сама мордой двери, нагнала своего патрона, куда-то пошедшаго не домой, и стала слѣдовать за нимъ, сохраняя почтительное отдаленіе.

Все это Калиновичъ видѣлъ, и все это показалось ему подозрительно.

«Куда пошелъ этотъ медвѣжонокъ?»—думалъ онъ, машинально идя за Настенькой, которая была тоже въ ажитаціи.

Быстро шла она; глаза и щеки у ней горѣли. Скоро миновали главную улицу, прошли потомъ переулокъ и очутились наконецъ въ полѣ.

— Куда же мы идемъ?—спросилъ наконецъ Калиновичъ, поднимая голову и осматривая окрестность.

— На могилу къ матушкѣ. Я давно не была и хочу, чтобъ ты сходилъ поклониться ей,—отвѣчала Настенька.

Калиновича подернуло.

«Часъ отъ часу не легче!»—подумалъ онъ и съ чувствомъ невольнаго отвращенія поглядѣлъ на виднѣвшееся невдалекѣ кладбище.

Церковь его была деревянная, съ узенькими окнами, стекла которыхъ проржавѣли отъ времени и покрылись радужными отливами. Небольшая, приземистая колокольня покачнулась набокъ. Вся она обшита была узорно вырѣзаннымъ тесомъ, и на крышѣ, тоже узорной, росли уже трава и мохъ. Погостъ былъ сплошь покрытъ могилами, надъ которыми возвышались то бѣлые, то черные деревянные кресты. Простоту эту нарушала одна только мраморная колонка, съ горѣвшимъ на солнцѣ золотымъ крестомъ и золотой надписью, поставленная надъ могилою недавно умершаго откупщика. Настенька подвела Калиновича къ могилѣ матери, которую покрывала четыреугольная изъ дикаго камня плита, съ изсѣченнымъ на верхней сторонѣ изреченіемъ: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ». Слова эти начертать на вѣчномъ жилищѣ своей жены придумалъ самъ Петръ Михайлычъ.

— Помолимся!—сказала Настенька, становясь на колѣни передъ могилой:—стань и ты,—прибавила она Калиновичу.

Но тотъ остался неподвиженъ. Цѣлый адъ былъ у него въ душѣ; онъ желалъ въ эти минуты или себѣ смерти, или—чтобъ умерла Настенька. Но испытаніе еще тѣмъ не кончилось: намолившись и наплакавшись, бѣдная дѣвушка взяла его за руку и положила ее на гробницу.

— Поклянись мнѣ, Жакъ,—начала она, глотая слезы:—поклянись надъ гробомъ матушки, что ты будешь любить меня вѣчно, что я буду твоей женой, другомъ. Иначе мать меня не проститъ... Я третью ночь вижу ее во снѣ: она мучится за меня!

— Настенька!.. Къ чему всѣ эти мелодраматическія сцены?.. Ей-Богу, тяжело и безъ того!—воскликнулъ Калиновичъ, не могшій болѣе владѣть собой.

— Нѣтъ, Жакъ, поклянись: это будетъ одно для меня утѣшеніе, когда ты уѣдешь,—отвѣчала настойчиво Настенька.

— Клянусь...—проговорилъ онъ.

И въ самый этотъ моментъ съ шумомъ выпорхнула изъ растущей около густой травы какая-то черная масса и понеслась по воздуху. Калиновичъ поблѣднѣлъ и немного отскочилъ. Настенька оставалась спокойною.

— Чего же ты испугался? Это воронъ.—проговорила она.

— Подобныя сцены хоть у кого разстроятъ нервы,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— За что жъ ты сердишься?

— Я не сержусь.

— Нѣтъ, ты сердишься. Нынѣ ты все сердишься. Прежде ты не такой былъ!..—сказала со вздохомъ Настенька.—Дай мнѣ руку,—прибавила она.

Калиновичъ подалъ. Войдя въ городъ, онъ проговорилъ: «здѣсь неловко такъ итти», и хотѣлъ-было руку отнять, но Настенька не пустила.

— Нѣтъ, ничего; пойдемъ такъ... Пускай всѣ видятъ: я хочу этого!—сказала она.

Калиновичъ пожалъ только плечами и всю остальную дорогу шелъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Его неотвязно безпокоила мысль: гдѣ теперь капитанъ, что онъ дѣлаетъ и что намѣренъ дѣлать?

Капитанъ дѣйствительно замышлялъ не совсѣмъ для него пріятное: выйдя отъ брата, онъ прошелъ къ Лебедеву, который жилъ въ Солдатской слободкѣ, гдѣ никто ужъ изъ господъ не жилъ, и происходило это, конечно, не отъ скупости, а вслѣдствіе одного несчастнаго случая, который постигъ математика на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда его на службу: цѣломудренно воздерживаясь отъ всякаго рода страстей, онъ попробовалъ разъ у исправника поиграть въ карты, выигралъ немного—понравилось... и съ этой минуты карты сдѣлались для него какой-то ненасытимой страстью; онъ всюду началъ шататься, гдѣ только затѣвались карточныя вечеринки; схватывался съ мѣщанами и даже съ лакеями въ горку—и не корысть его снѣдала въ этомъ случаѣ, но ощущенія игрока были пріятны для его мужественнаго сердца. Подвизаясь такимъ образомъ около года, онъ наскочилъ наконецъ на извѣстнаго ужъ намъ помѣщика Прохорова, который, кромѣ того, что чисто дѣлалъ артикулы ружьемъ, еще чище ихъ дѣлалъ картами, и съ нимъ играть было все равно, что ходить на медвѣдя безъ рогатины: навѣрнякъ сломаетъ! Онъ порѣшилъ Лебедева въ нѣсколько часовъ рублей на пятьсотъ серебромъ. Звѣроловъ поблѣднѣлъ и униженно сталъ просить поиграть еще съ нимъ въ долгъ. Прохоровъ согласился и къ утру ужъ былъ въ выигрышѣ тысячъ пять на ассигнаціи.

— Будетъ!—проговорилъ наконецъ математикъ, вздохнувъ, какъ паровая машина, и тотчасъ же сходилъ къ маклеру и принесъ на себя вексель.

Неуклонно съ тѣхъ поръ началъ онъ въ уплату долга отдавать изъ своего жалованья двѣ трети, поселившись для того

въ крестьянской почти избушонкѣ и ограничивъ свою пищу хлѣбомъ, картофелемъ и кислой капустой. Даже въ гостяхъ, когда предлагали ему чаю или трубку, онъ отвѣчалъ басомъ: «нѣтъ-съ; у меня дома этого нѣтъ, такъ зачѣмъ ужъ баловаться?» Изъ собственной убитой дичи звѣроловъ тоже никогда ничего не ѣлъ, но, стараясь продать какъ можно подороже, копилъ только деньгу для кредитора.

«Зачѣмъ вы платите? Васъ вѣдь, навѣрное, обыграли»,—говорили ему нѣкоторые.—«Ничего я не знаю-съ; я проигралъ и долженъ платить»,—отвѣчалъ Лебедевъ съ стоическою твердостью.

Въ тотъ самый день, какъ пришелъ къ нему капитанъ, онъ цѣлое утро занимался приготовленіемъ себѣ для стола картофельной муки, которой намоловъ собственной рукой около четверика, пообѣдалъ плотно щами съ забѣлкой и, съѣвъ при этомъ фунтовъ пять чернаго хлѣба, заснулъ на своемъ худенькомъ диванишкѣ, облаченный въ узенькій ситцевый халатъ, изъ-подъ котораго выставлялись его громадные выростковые сапоги и виднѣлась колоссальная грудь, покрытая, какъ у Исава, густымъ волосомъ. Заставъ хозяина спящимъ, Флегонтъ Михайлычъ, по своей деликатности, вѣроятно бы, въ обыкновенномъ случаѣ ушелъ домой, но на этотъ разъ началъ будить Лебедева, и нужно было нѣсколько сильныхъ толчковъ, чтобъ прервать богатырскій сонъ звѣролова; наконецъ онъ пошевелился, приподнялся, открылъ налившіеся кровью глаза, протеръ ихъ и, узнавъ пріятеля, произнесъ:

— А, ваше благородіе!

— Извините, я васъ разбудилъ,—сказалъ капитанъ.

Несмотря на тѣсную дружбу, онъ всегда говорилъ Лебедеву, какъ и всѣмъ другимъ: *вы*, и тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же.

— Ничего-съ! Огонька, я думаю, вамъ въ трубочку нужно,—сказалъ Лебедевъ, окончательно приходя въ себя и приглаживая свои щетиноподобные волосы, растопырившіеся во всевозможныя стороны.

— Нѣтъ-съ, я трубку забылъ, — отвѣчалъ капитанъ, хватаясь за пуговицу, на которой обыкновенно висѣлъ кисетъ.

— Ну, такъ садитесь! — произнесъ математикъ, подвигая одной рукой увѣсистый стулъ, а другой доставая съ окна деревянную кружку съ квасомъ, которую и выпилъ однимъ пріемомъ до дна.

Капитанъ сѣлъ.

— Ну-съ,—продолжалъ Лебедевъ: — а крусановскія болота, батенька, мы съ вами прозѣвали: въ прошлое воскресенье

все казначейство ходило, и воронъ-то всѣхъ, чай, расшугали, а все вы...

— Некогда было-съ,—отвѣчалъ капитанъ, краснѣя—явный знакъ, что онъ говорилъ неправду.

— Некогда?.. Какого чорта вы дѣлаете?—возразилъ, зѣвая, звѣроловъ и потянулся, напомнивъ собой въ своей избушонкѣ льва въ клѣткѣ.

Собственно на это замѣчаніе капитанъ ничего не отвѣтилъ, но, посѣменивъ руками и ногами, вдругъ проговорилъ:

— Смотритель вашъ въ Петербургъ ѣдетъ?

Лебедевъ, кажется, не обратилъ на это особеннаго вниманія.

— Какъ же! Отпускъ ужъ получилъ на четыре мѣсяца,—отвѣчалъ онъ.

Оба пріятеля на нѣкоторое время замолчали.

— Теперича они ѣдутъ въ Петербургъ, а можетъ, и совсѣмъ оттуда не пріѣдутъ?—началъ капитанъ больше вопросомъ.

— Прахъ его побери! Пускай убирается, куда хочетъ!—отвѣчалъ Лебедевъ.

Капитанъ опять посѣменилъ руками и ногами.

— Теперича, хоша бы въ домѣ братца... что жъ? Надобно сказать: они были приняты замѣсто родного сына...—началъ онъ, но голосъ у него оборвался.

— Что говорить! Извѣстно!..—подтвердилъ Лебедевъ.

— А хоша бы и братецъ,—продолжалъ капитанъ:—не холостой человѣкъ, имѣетъ дочь дѣвицу.

— Извѣстно!—повторилъ Лебедевъ.

— А хоша бы и здѣсь,—снова продолжалъ капитанъ:—не темные лѣса, а городъ: не зажмешь каждому ротъ... мало ли что говорятъ.

Лебедевъ значительно откашлянулся, или, скорѣе, рыкнулъ, понявъ наконецъ, къ чему клонитъ капитанъ.

— Разговоровъ много идетъ,—произнесъ онъ, глубокомысленно мотнувъ головою

— Да-съ. А кому закажешь?—подхватилъ капитанъ.

— Много говорятъ, много... Я что? Конечно: моя изба съ краю, ничего не знаю, а что, почитавши Петра Михайлыча за его добрую душу, жалко, ей-Богу, жалко!..

Капитанъ уставилъ на пріятеля глаза.

— Вы теперича,—началъ онъ прерывающимся голосомъ:—посторонній человѣкъ, и то вамъ жалко; а что же теперича я, имѣвши въ братѣ отца роднаго? А хоша бы и Настасья Петровна—не чужая мнѣ, а родная племянница... что жъ я долженъ теперича дѣлать?..

На вопросѣ этомъ капитанъ остановился, какъ бы ожидая отвѣта пріятеля; но тотъ ерошилъ только свою громадную голову.

— Говорить хоша бы не по нимъ, — такъ станутъ ли еще моихъ словъ слушать?.. Можетъ, одно ихъ слово умнѣй моихъ десяти, — заключилъ онъ, и Лебедевъ замѣтилъ, что, говоря это, капитанъ отвернулся и отеръ со щеки слезу.

— Мошенникъ онъ — вотъ что надо было вамъ сказать! — проговорилъ звѣроловъ.

Капитанъ всталъ и началъ ходить по избѣ.

— Теперича что жъ?—заговорилъ онъ, разводя руками: — я, какъ благородный человѣкъ, долженъ, какъ промежъ офицерами бываетъ, дуэль съ нимъ имѣть!

Лебедевъ опять значительно откашлянулся.

— Что жъ?—продолжалъ капитанъ:—суди меня Богъ и царь, а себя я не пожалѣю: убить ихъ сейчасъ могу, только то, что ни братецъ ни Настенька не перенесутъ того... До чего онъ ихъ обошелъ!.. Словно не спроста, съ перваго раза приняли, какъ родного сына... отогрѣли змѣю за пазухой!

— Мошенникъ!—повторилъ Лебедевъ.

— Теперича, хоша бы я пришелъ къ вамъ поговорить: отъ кого совѣта, али наставленія мнѣ въ этомъ дѣлѣ имѣть... — говорилъ капитанъ, смигивая слезы.

— Погодите, постойте!—началъ звѣроловъ глубокомысленно и нещаднымъ образомъ ероша свои волосы:—постойте!.. вотъ что я придумалъ: во-первыхъ, не плачьте.

Капитанъ торопливо обтерся.

— Во-вторыхъ, ступайте къ нему на квартиру и скажите ему прямо: «такъ, молъ, и такъ, въ городѣ вотъ что говорятъ...» Это ужъ я вамъ говорю... вѣрно... своими ушами слышалъ: тамъ беременна, говорятъ, была... ребенка тамъ подкинула, что ли...

Лицо капитана горѣло, глаза налились кровью, губы и щеки подергивало.

— Значитъ, что жъ? — продолжалъ Лебедевъ, ударивъ по столу кулакомъ: — значитъ, прикрывай грѣхъ; а не то, молъ, по-нашему, по-военному, на барьеръ вытяну!.. Струситъ, ей-Богу, струситъ!..

Капитанъ думалъ.

— Я схожу-съ!—проговорилъ онъ наконецъ.

— Сходите, право, такъ!—подтвердилъ Лебедевъ.

— Схожу-съ! — повторилъ капитанъ и, не желая возвращаться къ брату, чтобъ не встрѣтиться тамъ впредь до объясненія со своимъ врагомъ, остался у Лебедева вечеръ. Тотъ

было-показывалъ ему свое любимое ружье, заставляя его заглядывать въ дуло и говоря: «посмотрите, какъ оно, шельма, разстрѣлялось!». И капитанъ смотрѣлъ, ничего однако не видя и не понимая.

Въ настоящемъ случаѣ трудно даже сказать, какого рода отвѣтъ далъ бы герой мой на вызовъ капитана, если бы сама судьба не помогла ему, совершенно помимо его воли. Настенька, возвратившись съ кладбища, провела почти насильно Калиновича въ свою комнату. Онъ было-тотчасъ взялъ первую, попавшуюся ему на глаза, книгу и началъ читать ее съ большимъ вниманіемъ. Нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Ну, послушай, другъ мой, брось книгу, перестань!—заговорила Настенька, подходя къ нему.—Послушай,—продолжала она нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:—ты теперь ѣдешь... ну, и поѣзжай: это тебѣ нужно... Только ты долженъ прежде сдѣлать мнѣ предложеніе, чтобъ я осталась твоей невѣстой.

Холодный потъ выступилъ на лбу Калиновича.—«Нѣтъ, это не такъ легко кончается, какъ мнѣ казалось сначала!» — подумалъ онъ.

— Что жъ? Сдѣлаю ли я предложеніе, или нѣтъ, я думаю, это все равно,—проговорилъ онъ.

— Равно?.. Какъ ты странно разсуждаешь!

— Рѣшительно все равно,—повторилъ Калиновичъ.

— А если это отца успокоитъ? Онъ скрываетъ, но его ужасно мучатъ наши отношенія. Когда ты уѣзжалъ къ князю, онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, задумавшись и ни слова не говоря... когда это съ нимъ бывало?.. Наконецъ пощади и меня, Жакъ!.. Теперь весь городъ называетъ меня развратной дѣвчонкой, а тогда я буду, по крайней мѣрѣ, невѣстой твоей. Худа ли, хороша ли, но замужъ за тебя выхожу.

Что могъ противъ этого сказать Калиновичъ? Но, съ другой стороны, требованіе Настеньки заставляло его сдѣлать новый безчестный поступокъ.

«Ну, — подумалъ онъ про себя: — обманывать, такъ обманывать, видно, до конца!» — и проговорилъ:

— Если я дѣйствительно внушаю такое странное подозрѣніе Петру Михайлычу, и если ты сама этого желаешь, такъ, дорожа здѣшнимъ общественнымъ мнѣніемъ, я готовъ исполнить эту пустую проформу.

Тонъ этого отвѣта оскорбилъ Настеньку.

— Ты точно не желаешь этого и какъ будто бы уступку дѣлаешь!—сказала она, вся уже вспыхнувъ.

Калиновичъ обрадовался. Немногаго въ жизни желалъ онъ такъ, какъ желалъ въ эту минуту, чтобъ Настенька вышла,

по обыкновенію, изъ себя и въ порывѣ гнѣва сказала ему, что послѣ этого она не хочетъ быть ни невѣстой его ни женой; но та оскорбилась только на минуту, потому что просила сдѣлать ей предложеніе очень просто и естественно, вовсе не подозрѣвая, чтобъ это могло быть тяжело или непріятно для любившаго ее человѣка.

— Ты сегодня же долженъ поговорить съ отцомъ, а то онъ будетъ безпокоиться о твоемъ отъѣздѣ... Дядя тоже наговорилъ ему, — присовокупила она простодушно.

— Хорошо, — отвѣчалъ односложно Калиновичъ, думая про себя:—«Эта несносная дѣвчонка употребляетъ, кажется, всѣ средства, чтобъ сдѣлать мой отъѣздъ въ Петербургъ какъ можно труднѣе, и неужели она не понимаетъ, что мнѣ нельзя на ней жениться? А если понимаетъ и хочетъ взять это силой, такъ неужели не знаетъ, что это совершенно невозможно при моемъ характерѣ?»

Кашель и голосъ Петра Михайлыча въ кабинетѣ прервалъ его размышленія.

— Папаша проснулся; поди къ нему и скажи,—сказала Настенька.

Калиновичъ ничего ужъ не возразилъ, а всталъ и пошелъ. Ему наконецъ сдѣлалось смѣшно его положеніе, и онъ рѣшился покориться всему безусловно. Петръ Михайлычъ дѣйствительно всталъ и сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ глубокой задумчивости.

Калиновичъ сѣлъ напротивъ. Старикъ долго смотрѣлъ на него, не спуская глазъ и какъ бы желая наглядѣться на него.

— Итакъ, Яковъ Васильичъ, вы ѣдете отъ насъ далеко и надолго! — проговорилъ онъ съ грустною улыбкою.

Кромѣ Настеньки, ему и самому было тяжело разстаться съ Калиновичемъ, — такъ онъ привыкъ къ нему.

— Да, — отвѣчалъ тотъ и потомъ, подумавъ, прибавилъ: — прежде отъѣзда моего я желалъ бы поговорить съ вами о довольно серьезномъ дѣлѣ.

— Что такое?—спросилъ торопливо Петръ Михайлычъ.

— Съ самаго пріѣзда я былъ принятъ въ вашемъ семействѣ, какъ родной,—началъ Калиновичъ.

Петръ Михайлычъ кивнулъ головой; въ лицѣ его задвигались всѣ мускулы; на глазахъ навернулись слезы.

— Вашимъ гостепріимствомъ я пользовался, конечно, не безъ цѣли,—продолжалъ Калиновичъ.

— Да, да,—проговорилъ старикъ.

— Мнѣ нравится Настасья Петровна...

— Да, да,—проговорилъ Петръ Михайлычъ.

— Теперь я ѣду и прошу ея руки, и желаю, чтобъ она осталась моей невѣстой,—заключилъ, съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой, Калиновичъ.

— Да, да, конечно,—пробормоталъ старикъ и зарыдалъ.— Милый ты мой Яковъ Васильичъ! Неужели я этого не замѣчалъ?.. Благослови васъ Богъ: Настенька тебя любитъ, ты ее любишь,—благослови васъ Богъ!..—воскликнулъ онъ, простирая къ Калиновичу руки.

Тотъ обнялъ его.

— Эй, кто тамъ?.. Палагея Евграфовна!..—кричалъ Петръ Михайлычъ.

Палагея Евграфовна вошла.

— Поди, позови Настю... Яковъ Васильичъ дѣлаетъ ей предложеніе.

При этомъ извѣстіи экономка вспыхнула отъ удовольствія и пошла-было; но Настенька уже входила.

— Настасья Петровна,—началъ Петръ Михайлычъ, обтирая слезы и принимая нѣсколько офиціальный тонъ:—Яковъ Васильичъ дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ руки твоей; согласны вы, или нѣтъ?

— Я согласна, папа,—отвѣчала Настенька.

— Ну, и благослови васъ Богъ, а я подавно согласенъ!— продолжалъ Петръ Михайлычъ.—Капитана только теперь надобно: онъ очень будетъ этимъ обрадованъ. Эй, Палагея Евграфовна, Палагея Евграфовна!

— Да что вы кричите? Я здѣсь...—отозвалась та.

— Какъ на васъ, бабъ, не кричать... бабы вы!..—шутилъ старикъ, дрожавшій отъ удовольствія.—Поди, мать-голубка, пошли кого-нибудь попроворнѣе за капитаномъ, чтобъ онъ сейчасъ же здѣсь былъ!.. Ну, живо.

— Кого послать-то? Я сама сбѣгаю,—отвѣчала Палагея Евграфовна и ушла, но не застала капитана дома, и гдѣ онъ былъ—на квартирѣ не знали.

— Какъ же это?.. Досадно!..—говорилъ Петръ Михайлычъ.

Калиновичъ тоже желалъ найти капитана, но Настенька отговорила.

— Гдѣ же его искать? Придетъ еще сегодня,—сказала она.

Но капитанъ не пришелъ. Остатокъ вечера прошелъ въ томъ, что женихъ и невѣста были невеселы; но зато Петръ Михайлычъ плавалъ въ блаженствѣ: оставивъ молодыхъ людей вдвоемъ, онъ съ важностью началъ расхаживать по залѣ и сначала какъ будто бы что-то разсчитывалъ, потомъ вдругъ проговорилъ извѣстный риторическій примѣръ:

— «Се тотъ, кто, какъ и онъ, ввысь быстро, какъ птицъ

царь, порхъ вверхъ на Геликонъ!» Эка чепуха, — заключилъ онъ.

Чувства радости произвели въ добродушной головѣ старика безсмыслицу не лучше той, которую онъ, Богъ знаетъ почему и для чего, припомнилъ.

Возвращаясь домой, Калиновичъ, въ первой же своей комнатѣ, увидѣлъ капитана. Онъ почти предчувствовалъ это и потому, совладѣвъ съ собой, довольно спокойно произнесъ:

— А, Флегонтъ Михайлычъ! Здравствуйте! Очень радъ васъ видѣть.

Капитанъ молчалъ.

— Садитесь, пожалуйста,—присовокупилъ Калиновичъ, показывая на стулъ.

Капитанъ сѣлъ и продолжалъ молчать. Калиновичъ помѣстился невдалекѣ отъ него.

— Гдѣ это вы были?—началъ онъ дружелюбнымъ тономъ.

— Такъ-съ, у знакомыхъ,—отвѣчалъ капитанъ.

— Это жаль, тѣмъ болѣе, что сегодня былъ знаменательный для всѣхъ насъ день: я сдѣлалъ предложеніе Настасьѣ Петровнѣ и получилъ согласіе.

Капитанъ выпучилъ глаза.

— Вы изволили получить согласіе? — произнесъ онъ, самъ не зная, что̀ говоритъ.

— Да, — отвѣчалъ Калиновичъ: — искали потомъ васъ, но не нашли.

У капитана то бѣлыя, то красныя пятна начали выходить на липѣ.

— Въ Петербургъ, стало-быть, не изволите ѣхать?—спросилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

При этомъ вопросѣ Калиновичъ вспыхнулъ, однако отвѣчалъ довольно равнодушнымъ тономъ:

— Нѣтъ, въ Петербургъ я ѣду мѣсяца на три. Что̀ дѣлать?.. Какъ это ни грустно, но, по моимъ литературнымъ дѣламъ, необходимо.

Капитанъ безсмысленно, но пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Теперь, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ Калиновичъ:— я ѣду женихомъ и надѣюсь, что зажму ротъ здѣшнимъ сплетникамъ, а близкихъ Настасьѣ Петровнѣ людей успокою.

Капитанъ началъ теряться.

— Что я люблю Настасью Петровну—этого никогда я не скрывалъ, и не было тому причины, потому что всегда имѣлъ честныя намѣренія, хоть капитанъ и понималъ меня, можетъ-быть, иначе,—присовокупилъ онъ.

Капитанъ былъ окончательно уничтоженъ. По щекамъ его текли уже слезы.

— Я очень радъ, — проговорилъ онъ, протягивая Калиновичу руку, которую тотъ съ чувствомъ пожалъ.

Затѣмъ послѣдовала нѣмая и довольно длинная сцена, въ продолженіе которой капитанъ еще разъ, протягивая руку, проговорилъ: «я очень радъ!», а потомъ всталъ и началъ расшаркиваться. Калиновичъ проводилъ его до дверей и, возвратившись въ спальню, бросился въ постель, схватилъ себя за голову и воскликнулъ:

— Господи, неужели въ жизни, на каждомъ шагу, надобно лгать и дѣлать подлости?

IX.

Чѣмъ ближе подходило время отъѣзда, тѣмъ тошнѣй становилось Калиновичу, и такъ какъ цѣну людямъ, истинно насъ любящимъ, мы по большей части узнаёмъ въ то время, когда ихъ теряемъ, то, не говоря уже о голосѣ совѣсти, который не умолкалъ ни передъ какими доводами разсудка, привязанность къ Настенькѣ какъ бы росла въ немъ съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе: никогда еще не казалась она ему такъ мила, и одна мысль покинуть ее, и покинуть, можетъ-быть, навсегда, заставляла его сердце обливаться кровью. Но, все это затаивъ на душѣ, Калиновичъ, по наружности, казался еще холоднѣе и мрачнѣе. Онъ чувствовалъ, что если Настенька хоть разъ передъ нимъ расплачется и разгрустится, то вся рѣшительность его пропадетъ; но она не плакала: съ инстинктомъ любви, понимая, какъ тяжело было милому человѣку разстаться съ ней, она не хотѣла его мучить еще болѣе и старалась быть спокойною, но только заняться ужъ ничѣмъ не могла и по цѣлымъ часамъ сидѣла, сложивъ руки и уставя глаза на одинъ предметъ. Зато неусыпно и бодро принялась хлопотать Палагея Евграфовна: она своими руками перемыла, перегладила все бѣлье Калиновичу, заново передѣлала его перину, выстегала ему новое одѣяло и предусмотрѣла даже сшить особый мѣшечекъ для мыла и полотенца. О подорожникахъ она задумала еще дня за два и нарочно послала Тёркy за цыплятами для паштета къ знакомой мѣщанкѣ Спиридоновнѣ; но тотъ сходилъ поближе, къ другой, и принесъ такихъ, что она, не утерпѣвъ, бросила ему живымъ пѣтухомъ въ рожу. Петръ Михайлычъ, въ сопровожденіи капитана, тоже все возился съ извозчиками и выходилъ изъ себя.

— Т.-е. этакій плутъ этотъ русскій народецъ, вообра-

зить себѣ невозможно!—говорилъ онъ:—прихожу я къ этому подлецу Аѳонькѣ Безпалому: «Что до Москвы?..» —«Пятьдесятъ серебромъ!..» — «Какъ, шельма: пятьдесятъ серебромъ? Въ двадцать четвертомъ году ты меня же за пятьдесятъ ассигнаціями съ женой возилъ...» Смѣется. — «Тогда-ста, говоритъ, четверикъ овса по десяти копеекъ покупали, да тарантасъ, можетъ, не проходный былъ». — «Ладно, говорю: что ты за тарантасъ кладешь?»—«Десять цѣлковыхъ».—«Ладно, говорю, бери за тарантасъ десять, а лошадей мы возьмемъ почтовыхъ».—«Не хочу, говоритъ: почто работу изъ рукъ отпускать?» — «Такъ вотъ же тебѣ!..»—говорю и пошелъ къ Никитѣ Сапожникову. Не тутъ-то было: эта ногайская кобыла, супруга этого шельмы Аѳоньки, огородами туда ужъ маршъ... Прихожу—«ни копейки меньше»! А? Каковъ народецъ?.. Нѣмецъ этого не сдѣластъ... Нѣтъ... Никогда!

— Дать имъ, что просятъ,—отвѣчалъ Калиновичъ, котораго всѣ эти хлопоты о немъ заставляли еще болѣе терзаться.

— Не дамъ, сударь!—возразилъ запальчиво Петръ Михайлычъ, какъ бы теряя въ этомъ случаѣ половину своего состоянія.—Сдѣлайте милость, братецъ,—отнесся онъ къ капитану и послалъ его къ какому-то Дмитрію Григорьичу Хлестанову, который говорилъ ему о какомъ-то купцѣ, ѣдущемъ въ Москву. Капитанъ сходилъ съ удовольствіемъ и дѣйствительно пріискалъ товарища-купца, что сдѣлало дорогу гораздо дешевле, и Петръ Михайлычъ успокоился.

Наканунѣ своего отъѣзда Калиновичъ совершенно переселился съ своей квартиры и долженъ былъ ночевать у Годневыхъ. Вечеромъ Настенька, въ первый еще разъ, пользуясь правомъ невѣсты, сѣла около него и, положивъ ему голову на плечо, взяла его за руку. Калиновичъ не въ состояніи былъ долѣе выдерживать своей роли.

— Послушай,—началъ онъ, привлекая ее къ себѣ и цѣлуя:—просидимъ сегодня ночь; приходи ко мнѣ...

— Хорошо, когда?.. Какъ всѣ заснутъ?

— Да; я желаю съ тобой быть.

— Хорошо, и я желаю,—отвѣчала Настенька: это въ послѣдній разъ!.. — прибавила она такимъ грустнымъ голосомъ, что у Калиновича сердце заныло.

«Боже мой, Боже мой! И я покидаю это кроткое существо!»—подумалъ онъ и поскорѣе всталъ и отошелъ.

На другой день предполагалось встать рано, и потому, послѣ ужина, всѣ тотчасъ же разошлись. Калиновичъ положенъ былъ въ залѣ. Оставшись одинъ, онъ погасилъ было свѣчку и легъ, но съ первой же минуты овладѣло имъ безпо-

койное нетерпѣніе: съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ онъ прислушиваться, что происходило въ сосѣднихъ комнатахъ. Прошло полчаса; Петръ Михайлычъ все еще покашливалъ, и раздавались по коридору досадные шаги Палагеи Евграфовны. Наконецъ пропала на лугу полоса свѣта, отражавшаяся изъ окна кабинетика, гдѣ спалъ старикъ, и среди глубокаго молчанія только мѣрно отщелкивалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ. Но вотъ что-то стукнуло... Калиновичъ вскочилъ и взглянулъ въ гостиную, откуда должна была прійти Настенька. Тамъ было пусто и темно, такъ что ему сдѣлалось какъ будто немного страшно, и онъ снова легъ; но кровь волновалась, и, казалось, каждый нервъ чувствовалъ и слушалъ. Опять что-то стукнуло... Нѣтъ, это крыса возится съ костью.—«Неужели она не придетъ?»—мучительно подумалъ онъ, садясь въ изнеможеніи. Однако опять шелестъ...—«Ты здѣсь?»—послышался шопотъ. Калиновичъ вздрогнулъ, и въ полумракѣ къ нему ужъ склонилась, въ бѣломъ, спальномъ капотѣ, съ распущенною косою, Настенька... Все было забыто: одною — предстоявшая ей страшная разлука, а другимъ — и его честолюбіе и безчеловѣчное намѣреніе... Блаженству, казалось, не будетъ конца... Но время однако шло, и начинало разсвѣтать. Всѣ предметы стали обозначаться яснѣй и яснѣй. На дворѣ закопошились: кухарка выгнала за ворота корову, послышавъ, что пастухъ трубитъ; Тёрка, согнанный Палагеей Евграфовной съ печки, проѣхалъ за водой.

— Прощай! — проговорила наконецъ Настенька.

— Прощай! — сказалъ Калиновичъ.

Простившись еще разъ слабымъ поцѣлуемъ, они разстались и оба заснули, забывъ грядущую разлуку. Напрасно проснувшійся потомъ Петръ Михайлычъ спрашивалъ Палагею Евграфовну:

— Что, спятъ еще?

— Спятъ,—отвѣчала та.

— Экій безпечный народъ, — говорилъ старикъ и, не утерпѣвъ, пошелъ и поднялъ Калиновича. Настенька тоже вскорѣ встала и вышла. Она была блѣдна и съ какими-то томными и слабыми глазами. Здороваясь съ Калиновичемъ, она немного вспыхнула.

Послѣдніе тяжелые сборы протянулись, какъ водится, далеко за полдень: пока еще былъ привезенъ тарантасъ, потомъ приведены лошади, и наконецъ самъ Аѳонька Безпалый, въ дубленомъ полушубкѣ, перепачканномъ въ овсяной пыли и дегтѣ, неторопливо заложилъ ихъ и, облокотившись на запрягъ, сталъ флегматически смотрѣть, какъ Тёрка, подъ над-

зоромъ капитана, сталъ вытаскивать и укладывать вещи. Петръ Михайлычъ, воспользовавшись этимъ временемъ, позвалъ таинственнымъ кивкомъ головы Калиновича въ кабинетъ.

— Есть у меня къ вамъ, Яковъ Васильичъ, нѣкоторая просьбица, — началъ онъ какимъ-то несмѣлымъ голосомъ. — Это вотъ-съ,—продолжалъ онъ, вынимая изъ шифоньерки довольно толстую тетрадь:—мои стихотворные грѣхи. Тутъ есть элегіи, оды небольшія, въ эротическомъ наконецъ родѣ. Нельзя ли вамъ изъ этого хлама что-нибудь сунуть въ какой-нибудь журналецъ и напечатать? А мнѣ бы это, на старости лѣтъ, было очень пріятно!

Калиновичъ мысленно улыбнулся этому простодушному желанію.

— Отчего же?.. Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ.

— Сдѣлайте милость, — подхватилъ старикъ: — только Настенькѣ не говорите; а то она смѣяться станетъ, — шепнулъ онъ, выходя.

Въ залѣ они нашли приказничиху, которая, какъ ни мало была довольна своимъ постояльцемъ, но все-таки считала себя обязанною проводить его. Пришелъ также товарищъ-купецъ, въ аккуратно подпоясанномъ тулупѣ, въ которомъ онъ ужъ достаточно согрѣлся. Палагея Евграфовна разставила завтракъ по крайней мѣрѣ на двухъ столахъ; но Калиновичъ ничего почти не ѣлъ, прочіе тоже, и одна только приказничиха, выпивъ рюмки три водки, съѣла два огромные куска пирога и, проговоривъ:—«какъ это безподобно!», такъ взглянула на маринованную рыбу, что, кажется, если бъ не совѣстно было, такъ она и ее бы всю съѣла.

— Закусите! — попотчевалъ Петръ Михайлычъ купца.

— Благодаримъ покорно: закушено грѣшнымъ дѣломъ! — отвѣчалъ тотъ, дохнувъ лукомъ.

— Ну, такъ, значитъ, поприсядемте! — продолжалъ Петръ Михайлычъ, и на глазахъ его навернулись слезы.

Всѣ сѣли, не исключая и торчавшаго въ дверяхъ Тёркина, которому приказала это сдѣлать Палагея Евграфовна.

— Ну!—снова началъ Петръ Михайлычъ, вставая; потомъ, помоливши и пробормотавъ еще разъ: «ну», обнялъ и поцѣловалъ Калиновича.

Настенька тоже обняла его. Она не плакала...

— Прощайте, желаю благополучнаго пути туда и обратно,— проговорилъ съ какими-то гримасами капитанъ.

У Палагеи Евграфовны были красныя, наплаканныя пятна подъ глазами; даже Тёркa съ какимъ-то чувствомъ поймалъ и

поцѣловалъ руку Калиновича, а разрумянившаяся отъ водки приказничиха поцѣловалась съ нимъ три раза. Всѣ вышли потомъ проводить на крыльцо.

— Съ Богомъ! — произнесъ купецъ, крестясь и усѣвшись. Аѳонька тронулъ.

Во все время Калиновичъ не проговорилъ ни слова; но выраженіе лица его было чисто-мученическое: обернувшись назадъ, онъ все еще видѣлъ въ окнѣ блѣдную и печальную Настеньку. Дома Годневыхъ стало наконецъ не видать. Миновалось и училище, куда онъ, наводя такой страхъ на подчиненныхъ, ходилъ каждый день. Серебристыя главы собора блестѣли на солнцѣ такъ ярко и красиво, что будто онѣ никогда такъ не блестѣли. Остались сзади и присутственныя мѣста, на крылечкѣ которыхъ спокойно сидѣли два сторожа, и направо пошелъ валъ, съ виднѣвшеюся на немъ бесѣдкой, гдѣ Калиновичъ въ первый разъ вызвалъ Настеньку на признаніе въ любви. Какъ онъ былъ счастливъ и доволенъ въ этотъ вечеръ! А теперь бѣжалъ этого счастья, чтобъ искать другого... какого — Богъ знаетъ! Въ Солдатской слободкѣ, на поросшемъ травой тротуарѣ, коза почтмейстера, отъ которой онъ пилъ молоко, щипала траву. Въ острогѣ, сквозь желѣзныя рѣшетки, выглядывали бритыя, съ блѣдными, изнуренными лицами, головы арестантовъ; а тамъ показалось и кладбище, гдѣ, какъ бы нарочно и тотчасъ же, кинулась въ глаза сѣрая плита надъ могилой матери Настеньки... «Какъ все это знакомо, и все — прощай! Увидится ли когда-нибудь все это опять, или эти два года, съ ихъ мѣстами и людьми, минуютъ навсегда, какъ минуетъ сонъ, оставивъ въ душѣ только неизгладимое воспоминаніе?..» Невыносимая тоска овладѣла при этой мысли моимъ героемъ: онъ не могъ ужъ болѣе владѣть собой и, уткнувъ лицо въ подушку, заплакалъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Два дня уже тащился на сдаточныхъ знакомый намъ тарантасъ по тракту къ Москвѣ. Калиновичъ почти не подымалъ головы отъ подушки. Купецъ тоже больше молчалъ и съ какимъ-то упорствомъ смотрѣлъ вдаль; но что его тамъ занимало — Богу извѣстно. Въ Серповихѣ, станцій за нѣсколько отъ Москвы, у нихъ ямщикомъ очутилась баба, въ мужицкихъ

только рукавицахъ и шапкѣ, чтобъ не очень ужъ признавали и забижали на дорогѣ. Купецъ замѣтилъ-было ей:

— Срамота, тетка, и ѣхать-то съ тобой, хоть бы къ ночи дѣло-то шло, такъ все бы словно поскладнѣе было.

— Не все, батька, дѣло-то дѣлается ночью; важивала я вашу братью и днемъ. Не ты первый!.. — возразила баба и благополучнѣйшимъ манеромъ доставила ихъ на станцію, гдѣ встрѣтила ихъ толпа ямщиковъ.

— А, чортова перечница, опять въ извозъ пустилась! — замѣтилъ одинъ изъ нихъ. — Хорошо ли она вамъ, господа, угождала? А то вѣдь мы сейчасъ съ нея спросимъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ сѣдокамъ.

— Ты поди дѣвкамъ-то своимъ угождай и спрашивай съ нихъ, а ужъ мужчинкѣ тебѣ противъ меня не угодить! — возразила баба и молодцовато соскочила съ передка.

Когда новыя лошади были заложены, на бесѣдку влѣзъ длинновязый парень, съ сережкой въ ухѣ, въ кафтанѣ съ прорѣхами и въ валеныхъ сапогахъ, хоть мокреть была страшная; парень изъ дворовыхъ, недавно прогнанный съ почтовой станціи и для большаго форса все еще ѣздившій съ колокольчикомъ. Въ отношеніи лошадей онъ былъ каторга, какъ подобралъ вожжи, такъ и началъ распоряжаться:

— Нну! — крикнулъ онъ и вытянулъ всю тройку плетью.

Коренная вздумала-было схитрить и сѣла въ хомутѣ.

— О, чортъ! Дьяволъ! — проговорилъ извозчикъ и началъ ее хлестать, не переставая.

Лошадь наконецъ заскакала. Ему и это не понравилось.

— О, проклятая! Заскакала! — промычалъ онъ и передернулъ вожжи, а самъ все продолжалъ хлестать. Тарантасъ, то уходя, то выскакивая изъ рытвинъ, немилосердно трясъ. У Калиновича, какъ ни поглощенъ онъ былъ своими грустными мыслями, закололо наконецъ бока.

— Что жъ ты сломя голову скачешь? — проговорилъ онъ.

— Сердитъ я ѣздить-то, — отвѣчалъ извозчикъ, потомъ, вскрикнувъ: «о, вислоухіе!» — неизвѣстно за что, дернулъ вожжу отъ лѣвой пристяжной, такъ что та замотала отъ боли головой.

— Тише, говорятъ тебѣ! — повторилъ Калиновичъ.

— Ничего! Сидите только, не разсыплю! — возразилъ извозчикъ и, опять крикнувъ: «ну, вислоухіе!», понесся маршъ-маршъ. Купца, несмотря на его тяжеловѣсность, тоже притряхивало, но ему, кажется, это было ничего и даже нѣсколько пріятно.

— Лошадь вѣдь у нихъ вся на ногу разбитая: коли онъ

вначалѣ ее не разгорячитъ, такъ хуже, на полдорогѣ станетъ, — объяснилъ онъ Калиновичу.

— Не станетъ у меня! Не такое мое сердце: нынче въ лихорадкѣ лежалъ, такъ еще сердитѣе сталъ, — отвѣтилъ на это ямщикъ, повертывая и показывая свое сплошь желтое лицо и желтые бѣлки.

Станціи такимъ образомъ часа черезъ два какъ не бывало. Въѣхавъ въ селеніе, извозчикъ на всемъ маху повернулъ къ избѣ, которая была побольше и понаряднѣй другихъ. Тамъ зашумаркали; пробѣжалъ мальчишка на другой конецъ деревни. Въ окно выглянула баба. Стоявшій у воротъ мужикъ, ямщичій староста, снялъ шляпу и улыбался.

— Кто очередной? — спросилъ извозчикъ, слѣзая съ передка.

— Старикъ, — отвѣчалъ староста.

— Наряжай, любезный, наряжай, нечего тутъ проклажаться! — проговорилъ купецъ.

— Наряжено, хозяинъ, наряжено, — отозвался староста и, обходя сзади тарантасъ, проговорилъ:—Московскій, знать... проходной, видно.

— Проходной, до Москвы, — отвѣчалъ извозчикъ.

— Тетка Арина! Дай-ка огонька, — прибавилъ онъ глядѣвшей изъ окна бабѣ и, вынувъ изъ-за пазухи засаленный кисетишко и коротенькую трубчонку, набилъ ее махоркой.

Баба скрылась и черезъ минуту высунула изъ окна обѣ руки, придерживая въ нихъ горящій уголь, но не вытерпѣла и кинула его на землю.

— Ой, чтобы тѣ и съ огнемъ-то твоимъ... Всѣ рученьки изожгла, — проговорила она.

— Больно ужъ хлипка, — какъ на томъ-то свѣтѣ станешь терпѣть, какъ въ аду-то припекать начнутъ? — сказалъ извозчикъ, поднимая уголь и закуривая трубку.

— Угорѣли же, паря, — говорилъ староста, осматривая тяжело дышавшую тройку.

Извозчикъ вмѣсто отвѣта подошелъ къ лѣвой пристяжной, болѣе другихъ вспотѣвшей, и, проговоривъ: «ну, запыхалась, проклятая!», схватилъ ее за морду и непремѣнно заставилъ чихнуть, а потомъ, не выпуская трубки изо рта, сталъ раскладывать.

— Что жъ, любезный, скоро ли будетъ? Аль не сегодня надо, а завтра? — отнесся къ старостѣ купецъ.

— Коли хошь, такъ и завтра, — отвѣчалъ съ полуулыбкой староста.

— А деньги не хошь завтра? — возразилъ купецъ съ ожеточеніемъ.

Въ это время подошелъ мужикъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Почто деньги завтра? Деньги надо сегодня, — вмѣшался онъ.

— То-то, деньги сегодня! Деньги вы брать охочи, — проговорилъ купецъ, сурово взглянувъ на него.

— Сейчасъ, хозяинъ, сейчасъ! Не торопись больно: смелешь, такъ опять пріѣдешь, — успокоивалъ его староста, и *сейчасъ* это началось съ того, что старуха-баба притащила въ охапкѣ хомутъ и узду, потомъ мальчишка лѣтъ пятнадцати привелъ за чолку мышинаго цвѣта лошаденку: оказалось, что она должна быть коренная. Надѣвъ на нее узду и хомутъ, онъ началъ, упершись колѣнками въ клещи и побагровѣвъ до ушей, натягивать супонь, но оборвался и полетѣлъ навзничь.

— Смотри, паря, каменья-то не ушиби, — замѣтилъ ему все еще стоявшій около мужикъ съ ребенкомъ.

Парень окрысился.

— Поди ты къ дьяволу! Сталъ тоже тутъ съ пострѣломъ-то своимъ! — проговорилъ онъ и, плюнувъ на руки, опять сталъ натягивать супонь.

Одна изъ пристяжныхъ пришла сама. Дворовый ямщикъ, какъ бы сжалившись надъ ней, положилъ ея постромки на вальки и, ударивъ ее по спинѣ, чтобъ она ихъ вытянула, говорилъ:—«ладно! идетъ!». У дальней избы баба, принесшая хомутъ, подняла съ какимъ-то мужикомъ страшную брань за вожжи. Другую пристяжную привелъ наконецъ самъ извозчикъ, сѣденькій, сгорбленный старичишка, и принялся ее припутывать. Между тѣмъ старый извозчикъ, въ ожиданіи на водку, стоялъ уже безъ шапки и обратился къ купцу.

— Мелкихъ, любезный, нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

— И мелкихъ не стало, — повторилъ извозчикъ, почесывая въ головѣ: — купечество тоже, шерамыжники! — прибавилъ онъ почти вслухъ, обходя тарантасъ и обращаясь къ Калиновичу.

Тотъ бросилъ ему съ досадой гривенникъ. Вообще вся эта сцена начала становиться невыносима для него, и по преимуществу возмущалъ его своимъ неподвижнымъ, кирпичнаго цвѣта лицомъ и своей аляповатой фигурой купецъ. Ему казалось, что этому болвану внутри его ничего не мѣшаетъ жить на свѣтѣ и копить деньгу. За десять цѣлковыхъ онъ готовъ, вѣроятно, бросить десять любовницъ, и ужъ, конечно, скорѣй осинѣ, чѣмъ ему, можно было растолковать, что въ этомъ случаѣ человѣкъ долженъ страдать.—«Сколько жизненныхъ случаевъ,—думалъ Калиновичъ:—гдѣ простой человѣкъ

перешагиваетъ какъ соломинку, тогда какъ мы, благодаря нашему развитію, нашей рефлекціи, беремъ какъ крѣпость. Тонкія наслажденія, говорятъ, намъ даны, Боже мой! Кто бы за эту тонину согласился платить такими черезчуръ ужъ не тонкими страданьями, которыя гложутъ теперь мое сердце!» На послѣдней мысли онъ крикнулъ сердито:

— Скорѣй вы, скоты!

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, — отозвался старикашка-извозчикъ, взмащиваясь наконецъ на козлы.

— О-о-о-ой, старуха! — продолжалъ онъ: — подь-ка сюда, подай на передокъ мѣшокъ съ овсомъ, а то, ишь, рожна, какой жесткій, хошь и кожей обтянуть.

Старуха подала.

— Ты, старецъ любезный, и живой-то не доѣдешь, послалъ бы парня, — замѣтилъ купецъ.

— О-о-о-ой, ничего! Со Христомъ да съ Богомъ доѣдемъ.

— Еще какъ важно старикъ-то отожжетъ... Трогай, дѣдушка, — подхватилъ староста.

Старикъ тронулъ. Сама пришедшая пристяжная обнаружила сильное желаніе завернуть къ своему двору, въ предупрежденіе чего мальчишка взялъ ее за уздцы и, колотя въ бокъ кулакомъ, повелъ. Стоявшіе посединѣ улицы мужики стали подсмѣиваться.

— Выводи, выводи жеребца-то! Ишь какъ онъ голову-то гнетъ, — сказалъ между ними мужикъ съ ребенкомъ, а прочіе захохотали.

Калиновичу сдѣлалось еще досаднѣе.

«И этимъ, дурачье, могутъ веселиться»,—подумалъ онъ съ завистью. Выбравшись за деревню, старикашка пустилъ лошадей маленькой рысцой. Въ противоположность прежнему извозчику, онъ оказался предобродушный и тотчасъ же принялся разсуждать самъ съ собой:—«Ну-ка, паря, вожжей пожалѣлъ. Да, мошенникъ, говорю я; я тебя лошадкой, живой тварью, ссужалъ, а ты на-ка! Веревки жадничаешь. Не удавлюсь на твоемъ мочалѣ, дуракъ, — сусѣдъ еще!» Проговоря это, старикъ остановился на нѣкоторое время въ раздумьѣ, какъ бы все еще разсуждая о жадности сосѣда, а потомъ вдругъ обратился къ сѣдокамъ и присовокупилъ:

— Плутъ, батюшки, господа честные, у насъ по деревнѣ народъ!

— Плутъ?.. — отозвался купецъ.

— Плутъ!.. И какой же, то-есть, плутъ на плутѣ, воръ на ворѣ. Я-то, вишь, смирный, не озорникъ, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ счастья. На-ка, вожжей пожалѣлъ!.. Да что я съ кашей, что ли, ихъ съѣмъ? Какія были, такія и ворочу, несъ!

Пока старикъ бормоталъ это, они въѣхали въ двадцативерстный волокъ. Дорога пошла сильно песчаная. Едва вытаскивая ноги, тащили лошаденки, шагъ за шагомъ, тяжелый тарантасъ. Солнце уже было совсѣмъ низко и бросало длинныя тѣни отъ идущаго по сторонамъ высокаго, темнаго лѣса, который впереди открывался какой-то безконечной декораціей. Калиновичъ, всю дорогу отъ тоски и отъ душевной муки не спавшій, началъ чувствовать наконецъ дремоту; но голосъ ямщика все еще продолжалъ ему слышаться.

— Нечѣмъ, батюшки, господа проѣзжіе, — говорилъ онъ:— не за что нашу деревню похвалить. Ты вотъ, господинъ купецъ, словно ужъ не молодой, такъ, може, слыхалъ, какая про наше селенье славушка идетъ — что грѣха таить!

— То-есть, примѣрно, насчетъ чего же? — спросилъ купецъ.

— А насчетъ того, батюшка, что по дорогамъ пошаливали,— отвѣчалъ таинственнымъ полушопотомъ старикъ.

Купецъ откашлянулся.

— Что жъ, и понониче этимъ занимаются? — спросилъ онъ съ разстановкою.

— Ну, понониче, — продолжалъ старикъ: — гдѣ ужъ! Противъ прежняго ли?.. Начальство тоже все годъ отъ году строже пошло. Этта окружной всю деревню у насъ перехлесталъ, и сами не вѣдаемъ за что.

— Перехлесталъ? — спросилъ купецъ съ какимъ-то удовольствіемъ.

— Перехлесталъ,—отвѣчалъ извозчикъ:—а баловство то же все происходитъ. Богу вѣдомо, на кого и приходитъ? Помѣкаютъ на бѣглыхъ солдатиковъ, а неизвѣстно!

Купецъ опять откашлянулся.

— И частыя баловства? — спросилъ онъ.

— Бываютъ, батюшка!.. Этта въ сѣнокосъ нашли женщину убитую, и брюхо-то вострымъ коломъ все разворочено, а по веснѣ тоже мужичка — утопленника въ рѣкѣ обрѣли. Пыталъ становой разыскивать: самъ ли какъ пьяный въ воду залѣзъ, али подвезли кто — шутъ знаетъ. Бываетъ всего!

Что-то въ родѣ вздоха послышалось изъ груди купца.

— Можетъ, чай, и тройки останавливаютъ? — произнесъ онъ.

— Коли злой человѣкъ, батюшка, найдетъ, такъ и тройку остановитъ. Хоть бы наше дѣло теперь: ѣдемъ путемъ-дорогой, а какую защиту можемъ сдѣлать? Ни оружія при себѣ не имѣешь... оробѣешь... а онъ, коли на то пошелъ, ему себя не жаль, по той причинѣ, что въ немъ — не къ ночи будь сказано — самъ нечистый сидитъ.

Купцу, кажется, не хотѣлось продолжать разговора въ этомъ родѣ.

— Что про то и говорить! — подтвердилъ онъ.

— Что говорить, батюшка, — повторилъ и извозчикъ:—и въ молитвѣ Господней, сударь, сказано,—продолжалъ онъ:—избави мя отъ лукаваго, и священники насъ, дураковъ, учатъ: «ты, говоритъ, только еще о грѣхѣ подумалъ, а ужъ ангелъ твой хранитель на сто тысячъ верстъ отъ тебя отлетѣлъ — и вселилась въ тя нечистая сила: будетъ она твоими ногами ходить и твоими руками дѣлать; въ сердцѣ твоемъ, аки птица злобная, совьетъ гнѣздо свое...» Учатъ насъ, батюшка! «Дьявола, говоритъ, надо бояться паче огня и меча, паче глада и труса; только молитва Господня отгоняетъ его, аки воскъ, таетъ онъ предъ лицомъ Господнимъ».

— Такъ, такъ, вѣрно, — подтвердилъ купецъ. — Потрогивай однако. Что вонъ около лѣсу за народъ идетъ, словно съ кольями? — прибавилъ онъ.

— И то словно съ кольями. Ишь, какіе богатыри шагаютъ! Ну, ну, сердечные, не выдайте, матушки!.. Много тоже, батюшка, народу идетъ всякаго... Кто ихъ вѣдаетъ, аще имутъ въ помыслахъ своихъ? Обереги Богъ кажиннаго человѣка на всякъ часъ. Ну... ну!—говорилъ ямщикъ.

Калиновичу невольно припомнилось его дѣтство, когда и онъ боялся домовыхъ и разбойниковъ.—«Мила еще, видно, и исполнена таинственныхъ страховъ жизнь для этихъ людей, а *я ужъ въ суевѣры не гожусь, чертей и ада не страшусь* и съ удовольствіемъ теперь попалъ бы подъ ножъ какому-нибудь дорожному удальцу, чтобъ избавиться наконецъ отъ этихъ адскихъ мукъ», — подумалъ онъ и на послѣдней мысли окончательно заснулъ. Между тѣмъ старикашка-извозчикъ перемѣнился на маленькаго мальчишку, котораго въ темнотѣ совсѣмъ ужъ было не видать, и только слышалось, что онъ всю станцію, какъ птичка, посвистывалъ. Мальчишку потомъ замѣнилъ большой извозчикъ, съ широчайшей спиной; но и того почти было тоже не видать и совсѣмъ не слыхать; зато всю станцію пахло отъ него овчиннымъ тулупомъ и бѣлѣлась его сѣрая въ корню лошадь. Къ разсвѣту наконецъ ихъ перенялъ, на здоровеннѣйшей тройкѣ, московскій извозчикъ, молодцоватый малый, съ перетянутой тальей и въ поярковой шляпѣ, перевитой лентами. На половинѣ станціи Калиновичъ проснулся. Вдали виднѣлась Москва съ своими золотыми главами церквей. Изъ тысячи трубъ вился дымъ прямыми столбами. Дорога шла по гладкому, бойкому шоссе. Прозябшія на утреннемъ холодѣ лошади и съ валившимъ отъ нихъ паромъ несли

такъ, что удержу не было. Скоро пришлось имъ обогнать шедшій батальонъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ на вороной лошади, съ замерзшими усами, батальонный командиръ, а сзади него шли кларнетисты и музыканты, наигрывая маршъ, подъ который припрыгивали и прискакивали съ посинѣвшими щеками солдаты и съ раскраснѣвшимися лицами молодые юнкера. Немного подальше шелъ, скрипя колесами, неуклюжій обозъ съ хлопчатой бумагой и на такомъ количествѣ лошадей, что какъ будто бы и конца ему не было. На весь этотъ оживленный видъ герой мой смотрѣлъ холоднымъ и безчувственнымъ взоромъ, и только скакавшій имъ навстрѣчу, совсѣмъ ужъ на курьерской тройкѣ, господинъ среднихъ лѣтъ, развалившійся въ бричкѣ и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе его.—«Можетъ-быть, и я поѣду когда-нибудь съ такимъ же крестомъ»,—подумалъ Калиновичъ, и потомъ, когда въѣхали въ Москву, то показалось ему, что попадающіеся народъ и извозчики съ сѣдоками, всѣ они смотрятъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ на русскаго литератора. Это чувство, впрочемъ, значительно въ немъ понизилось, когда онъ, по денежнымъ своимъ средствамъ, остановился на подворьѣ въ Зарядьѣ, въ маленькомъ, грязномъ номерѣ. Чисто съ цѣлью показаться въ какомъ-нибудь обществѣ, Калиновичъ переодѣлся на скорую руку и пошелъ въ трактиръ Печкина, куда онъ, бывши еще студентомъ, иногда хаживалъ и зналъ, что тамъ собираются актеры и нѣкоторые литераторы, которые, можетъ-быть, опривѣтствуютъ его, какъ своего новаго собрата, но—увы!—онъ тамъ нашелъ все измѣнившимся: другая была мебель, другая прислуга, даже комнаты были иначе расположены, и не только что актеровъ и литераторовъ не было, но вообще публика отсутствовала: въ первой комнатѣ онъ не нашелъ никого, а изъ другой виднѣлись какіе-то двое мрачныхъ господъ, игравшихъ на бильярдѣ. Калиновичъ сѣлъ на диванъ и рѣшился по крайней мѣрѣ съ половымъ поговорить о самомъ себѣ.

— А что, у васъ есть журналы?—спросилъ онъ.

— Какъ-же-съ.

— Есть іюльская книжка?

И Калиновичъ назвалъ тотъ журналъ, въ которомъ была помѣщена его повѣсть.

— Сейчасъ... За буфетомъ спросить надо,—сказалъ половой и, очень скоро возвратившись, подалъ совершенно почти новую книжку.

Калиновичъ не безъ волненія развернулъ свою повѣсть и

началъ какъ бы читать ее, ожидая, что не скажетъ ли ему половой что-нибудь про его произведеніе. Но тотъ, хоть и стоялъ передъ нимъ на вытяжку, но, кажется, болѣе ожидалъ, что̀ прикажутъ ему подать изъ съѣстного или хмельного.

— Книжка-то нова, не растрепана,—проговорилъ Калиновичъ съ едва скрываемою горькою улыбкою.

— Да вѣдь-съ это тоже какъ...—отвѣчалъ половой:—иную Боже упаси какъ истреплютъ, а другая такъ почесть новая и останется... Вотъ за нынѣшній годъ три этакія книжки сподрядъ почесть что и не требовала совсѣмъ публика.

Калиновичъ только вздохнулъ: три эти книжки были именно тѣ, гдѣ была напечатана его повѣсть.

Уязвленный простодушными отвѣтами полового, онъ перешелъ въ слѣдующую комнату и, къ большому своему удовольствію, увидалъ тамъ хоть и не очень короткаго, но все-таки знакомаго ему человѣка, нѣкоего г-на Чиркина, который лѣтъ уже пятнадцать постоянно присутствовалъ въ этомъ заведеніи. Въ настоящую минуту онъ ѣлъ свиныя котлеты и запивалъ ихъ кислыми щами.

Калиновичъ рѣшился подойти къ нему и напомнить о себѣ.

— А, ну вотъ! Здравствуйте, — произнесъ тотъ тономъ вовсе не большого уваженія.

Несмотря на это, Калиновичъ подсѣлъ къ нему.

— Что̀ васъ давно не видать? — спросилъ Чиркинъ, какъ будто бы не видалъ его всего только какихъ-нибудь мѣсяца три.

— Я жилъ въ провинціи года съ полтора.

— А, вотъ что̀,—произнесъ и на это Чиркинъ совершенно равнодушно.

— Сдѣлался литераторомъ и ѣду теперь въ Питеръ, — добавилъ съ улыбкою Калиновичъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Чиркинъ, и опять самымъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

Калиновичъ только изъ приличія просидѣлъ еще нѣсколько минутъ съ подобнымъ невѣжей и отошелъ отъ него, а потомъ и совсѣмъ вышелъ изъ трактира. Онъ рѣшился походить по Москвѣ, чтобы предаться личнымъ и историческимъ воспоминаніямъ. Прежде всего онъ подошелъ къ университету и остановился передъ старымъ зданіемъ. Вотъ и крыльцо, на которомъ онъ нѣкогда стоялъ, ожидая съ замирающимъ сердцемъ поступительнаго экзамена, перешелъ потомъ къ новому университету, взглянулъ на боковыя окна, гдѣ когда-то слушалъ энциклопедію законовѣдѣнія, узналъ наконецъ тротуарный столбикъ. за который, выбѣжавъ, какъ полоумный, съ послѣдняго

выпускного экзамена, запнулся и упалъ. Все это припомнилось и узналось, но и только! Отъ университета прошелъ онъ въ Кремль, миновалъ, снявъ шапку, Спасскія ворота, взглянулъ на живописно-расположенное Замоскворѣчье, посмотрѣлъ на Ивана Великаго, который какъ будто бы побѣлѣлъ. Попрежнему шла отъ него высокая рѣшетка, большой колоколъ и царь-пушка тоже стояли на прежнихъ мѣстахъ, и все это— увы!—очень мало заняло моего героя. Съ какими-то безпорядочными мыслями возвратился онъ въ свой номеръ, который показался ему еще грязнѣй, еще гаже. Изъ сосѣдней комнаты слышались охриплые, пьяные голоса мужчинъ и взвизги тоже, должно-быть, пьяныхъ женщинъ. Свободная, кочующая жизнь холостяка, къ которой Калиновичъ стремился, съ такой болью отрывая себя отъ связывающей его женщины, показалась ему отвратительна. Не зная, какъ провести вечеръ, онъ рѣшился съѣздить еще къ одному своему знакомому, который Богъ его знаетъ гдѣ служилъ, въ думѣ ли, въ сенатѣ ли секретаремъ, но только имѣлъ свой домъ, жену, очень добрую женщину, которая сама всегда разливала чай и разливала его очень вкусно, всегда сама дѣлала ботвинью и салатъ, тоже очень вкусно. Бывши студентомъ, Калиновичъ каждое воскресенье ходилъ къ нимъ обѣдать, но зачѣмъ онъ это дѣлалъ—и самъ, кажется, хорошенько того не зналъ, да врядъ ли и хозяева-то вѣдали. Все времяпрепровожденіе его въ этомъ домѣ состояло въ томъ, что онъ съ полуулыбкою выслушивалъ хозяйку, когда она разсказывала и показывала ему, какой кушакъ вышила отцу Николаю и какіе воздухи хочетъ вышить для церкви Благовѣщенья. Съ мужемъ онъ больше спорилъ и все почти объ одномъ и томъ же предметѣ: тому очень нравилась, какъ и капитану, «Исторія 12-го года» Данилевскаго, а Калиновичъ говорилъ, что это даже и не исторія; и къ этимъ-то простымъ людямъ герой мой рѣшился теперь съѣздить, чтобы хоть тамъ пощекотать свое литературное самолюбіе. Онъ нашелъ тотъ же совершенно домикъ, только краска на немъ немного полиняла,—ту же дверь въ лакейскую, то же зальце, и только горничная другая вышла къ нему навстрѣчу.

— Что, дома?—спросилъ онъ.

— Пожалуйте, баринъ наверху-съ,—отвѣчала та почему-то шопотомъ и тихонько повела его по знакомой ему лѣстницѣ.

Въ комнатѣ направо онъ увидѣлъ самого хозяина, сидѣвшаго за столомъ, въ халатѣ, съ обрюзглымъ лицомъ и съ заплаканными глазами.

— Ахъ, Боже мой! Давно ли?—проговорилъ онъ и постарался даже улыбнуться.

— Вы нездоровы?—спросилъ его Калиновичъ.

— Жены лишился,—отвѣчалъ старикъ, и по его толстымъ, отвислымъ щекамъ потекли слезы.

— Скажите!—произнесъ Калиновичъ тономъ глубокаго сожалѣнія, а самъ съ собою подумалъ:—«Зачѣмъ меня нелегкая дернула ѣхать къ этому старью».

— Давно постигло васъ это несчастье? — спросилъ онъ вслухъ.

— Девятый день сегодня. Собачка заперта или нѣтъ?—обратился хозяинъ слабымъ голосомъ къ вошедшей горничной.

— Заперта-съ,—отвѣчала и та тоже слабымъ голосомъ.—Священники пришли-съ,—доложила она въ заключеніе.

— Хорошо... Приготовляйте тамъ, — отвѣчалъ вдовецъ: — панихиду сейчасъ будутъ служить!—прибавилъ онъ.

«Ну, ужъ на это-то ты меня не поддѣнешь»,—подумалъ про себя Калиновичъ и всталъ.

— Не смѣю болѣе безпокоить,—проговорилъ онъ.

— Благодарю васъ, благодарю,—отвѣчалъ хозяинъ, крѣпко-крѣпко пожимая его руку и съ полными слезъ глазами.

— Въ этой проклятой Москвѣ все или умерло, или замираетъ!—проговорилъ Калиновичъ, выйдя на улицу.

И на другой день часу въ десятомъ онъ былъ уже въ вокзалѣ желѣзной дороги и, въ ожиданіи звонка, сидѣлъ на диванѣ; но и посреди великолѣпной залы, въ которой ходила, хлопотала, смѣялась и говорила оживленная толпа, въ воображеніи его неотвязчиво рисовался маленькій домикъ съ оклеенною гостиной и въ ней скучающій старикъ, въ очкахъ, въ демикотоновомъ сюртукѣ, а у окна угрюмый, но добродушный капитанъ, съ своей трубочкой, и наконецъ *она*, съ выраженіемъ отчаянія и тоски въ опухнувшихъ отъ слезъ глазахъ...

— М-г, будьте такой добрый, поберегите мой сакъ!—раздался около него женскій голосъ съ иностраннымъ акцентомъ.

Калиновичъ взмахнулъ глазами: передъ нимъ стояла молоденькая, стройная дама, въ бѣлой атласной шляпкѣ, въ перетянутомъ черномъ шелковомъ платьѣ и накинутой на плечи турецкой шали. Маленькими ручками въ свѣжихъ французскихъ перчаткахъ держала она огромный мѣшокъ. Калиновичъ поспѣшилъ его принять у ней.

— Où est ce Gabriel? Несносный! — проговорила дама и скрылась.

Черезъ нѣсколько минутъ Калиновичъ увидѣлъ, что она ходила по залѣ подъ руку съ одутловатымъ, толстымъ гусар-

скимъ офицеромъ, что-то много ему говорила, по временамъ улыбалась и кидала лукавые взгляды. На все это тотъ отвѣчалъ ей самодовольной улыбкой.

Звонокъ пробилъ.

— Adieu, mon Gabriel!—воскликнула дама какимъ-то комически-печальнымъ тономъ, протягивая гусару руку.

— Adieu,—отвѣчалъ тотъ сиповатымъ голосомъ.

Дама подошла къ Калиновичу. Тотъ всталъ и взялъ ея мѣшокъ.

— Bien merci!—поблагодарила она и мило улыбнулась.

— Vous avez déjà un cavalier!—проговорилъ имъ вслѣдъ гусаръ.

— Oui,—отвѣчала дама, проворно уходя.

Калиновичъ молча слѣдовалъ за ней. Въ вагонѣ она начала распоряжаться какъ дома. Положивъ рядомъ съ собой мѣшокъ и проговоря сѣвшему напротивъ Калиновичу: «pardon, m-r, permettez», протянула свои очень красивыя ножки на диванъ, при чемъ обнаружила щегольски сшитыя ботинки и даже часть бѣлыхъ, какъ снѣгъ, чулокъ. Когда поѣздъ тронулся, Калиновичъ внимательно вглядѣлся на свою спутницу. Оказалось, что она была съ какимъ-то идеальнымъ выраженіемъ въ лицѣ; голубые глаза ея были томны и влажны, рѣсницы длинны. Сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивались синенькія жилочки; губки были полныя, розовыя и съ постоянной улыбкой. Замѣтивъ пристальные взоры на себя своего сосѣда, дама, въ свою очередь, сначала улыбнулась, а потомъ начала то потуплять глаза, то смотрѣть въ окно. Станціи черезъ двѣ ей наскучилъ этотъ нѣмой разговоръ.

— Вы Петербургѣ живете?—спросила она.

— Да,—отвѣчалъ Калиновичъ, не желая сказаться провинціаломъ.—А вы?—прибавилъ онъ.

— Петербургѣ... Тамъ весело...

— Весело?

— Да, балы... маскарадъ.., итальянская опера. я бываю.

При этихъ словахъ Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обреченная жить въ глуши и во всю жизнь, можетъ-быть, не увидящая ни баловъ ни театровъ. Ему стало невыносимо жаль бѣдной дѣвушки, такъ что онъ задумался и замолчалъ.

— О, какой вы скучный! Для чего?—проговорила спутница.

Калиновичу захотѣлось пококетничать.

— Я потерялъ мою невѣсту,—отвѣчалъ онъ, взглянувъ на подаренное ему Настенькой въ послѣдній день кольцо.

— А! Вы любили? — произнесла сосѣдка протяжно: — и я любила,—прибавила она и позѣвнула.

Калиновичъ посмотрѣлъ на нее.

— А теперь вы любите?—спросилъ онъ.

— Теперь? Не знаю... Нѣтъ!

— Кто же васъ провожалъ?

— А! Вотъ вы что думаете! Нѣтъ, это мой братъ,—отвѣчала дама и лукаво засмѣялась. — Князя Хилова вы знаете Петербургѣ?—прибавила она.

— Нѣтъ, не знаю... Это тоже братъ?

Дама засмѣялась.

— О, нѣтъ, это мой знакомый... Онъ милый.

— Милый?

— Да, а то вотъ у него есть другъ его, тотъ — фи! Гадкій, толстый, носъ красный. Фи! Не люблю!

— Гусаръ тоже толстый.

— Нѣтъ, тотъ добрый, братъ добрый.

— Вы, конечно, иностранка, но откуда вы родомъ?—спросилъ Калиновичъ.

— Зачѣмъ?.. Я русская...

— Нѣтъ, вы не русская, потому что говорите неправильно: вы или нѣмка, или полька.

— О, нѣтъ... Я турка,—отвѣчала дама и опять засмѣялась.

— Послѣ этого всѣ турчанки красавицы, если на васъ похожи,—замѣтилъ Калиновичъ.

— О, какой вы льстецъ!—воскликнула она.

— Почему жъ я льстецъ?

— Такъ... льстецъ... Мамзель Сару вы знаете?

— Нѣтъ, что жъ она хороша?

— Да, только злая такая, ужасъ—фи!

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ, и Калиновичъ начиналъ все болѣе и болѣе куртизанить. Здѣсь мнѣ опять приходится объяснять истину, совершенно не принимаемую въ романахъ, истину, что никогда мы, грубая половина рода человѣческаго, не способны такъ измѣнить любимой нами женщинѣ, какъ въ первое время разлуки съ ней, хотя и любимъ еще съ прежнею страстью. Дѣло тутъ въ томъ, что воспоминанія любви еще слишкомъ живы, чувства жаждутъ привычныхъ наслажденій, а между тѣмъ около насъ пусто, и нѣтъ милаго существа, замѣнить которое мы готовы, обманывая себя, первымъ хорошенькимъ личикомъ.

— Вы будете обѣдать?—спросилъ Калиновичъ, подъѣзжая къ Твери.

— Да, я люблю кушать,—отвѣчала сосѣдка.

— Ѣсть,—поправилъ Калиновичъ.

— Ахъ, да, ѣсть... Хорошо,—отвѣчала она.

И, когда поѣздъ остановился, Калиновичъ велъ ее ужъ подъ руку въ вокзалъ.

— Il fait froid!—проговорила она, кокетливо завертываясь въ шаль.

«Премиленькая!» — подумалъ Калиновичъ и чувствительно пожалъ ея руку своимъ локтемъ.

— Два обѣда!—сказалъ онъ лакею.—Voulez-vous du vin?—обратился онъ къ своей дамѣ.

— Да, я люблю, comment cela dire *boire?*

— Пить!

— Да, пить.

— Бутылку шампанскаго!—сказалъ Калиновичъ человѣку.

Тотъ подалъ; пробка щелкнула.

— Ахъ!—вскрикнула дама.

— Испугались?

— Да, это громко, я пугаюсь, — отвѣчала она и потомъ, положивъ пальчикъ на край стакана, изъ котораго пѣнилось вино, сказала:—Ну, ну, будетъ!.. Не смѣй больше ходить.

«Прехорошенькая!»—думалъ Калиновичъ.

Дама начала съ аппетитомъ кушать котлеты.

Передъ жаркимъ онъ поднялъ бокалъ и проговорилъ:

— Votre santé, madame!

— Et la votre, monsieur,—отвѣчала она, тоже выпивая, но тотчасъ поморщилась, проговоря: «ай, горько!»

— А вы знаете, что̀ значитъ по русскому обычаю, когда, пивши вино, говорятъ: *горько?*

— Нѣтъ.

— Значитъ, надобно поцѣловаться.

— Ахъ, это?.. Да, хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо! — подтвердила дама и, по возвращеніи въ вагонъ, сняла шляпку и стала еще милѣе.

Между тѣмъ начинало становиться темно.

«Погибшее, но милое созданіе!»—думалъ Калиновичъ, глядя на сосѣдку, и въ душу его запало не совсѣмъ, конечно, безкорыстное, но все-таки доброе желаніе: тронуть въ ней, можетъ-быть, давно уже замолкнувшія, но все еще чуткія струны, которыя, онъ вѣрилъ, живутъ въ сердцѣ женщины, гдѣ бы она ни была и чѣмъ бы ни была.

— Вы, рѣшительно, полька. Чѣмъ больше я на васъ гляжу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, — началъ онъ.

— Ахъ, да, только вы ошибаетесь... Я жъ говорила вамъ: я турка... — отвѣчала она.

— А я вамъ говорю, что вы полька, и нѣмецкая полька,—

продолжалъ Калиновичъ:—потому что у васъ именно это прекрасное сочетаніе германскаго типа съ славянскимъ: вы очень хороши собой.

— О, да, да, — подтвердила сосѣдка.

— Конечно, да,—подхватилъ Калиновичъ:— и, можетъ-быть, въ Варшавѣ, или даже подальше тамъ, у васъ живутъ отецъ и мать, братъ и сестра, которые оплакиваютъ вашу участь, если только знаютъ о вашемъ существованіи.

Замѣтно-грустное чувство отразилось на хорошенькомъ личикѣ сосѣдки.

— Зачѣмъ вы можете такъ говорить? Вы меня не знаете,— сказала она ужъ не прежнимъ насмѣшливымъ тономъ.

— Я знаю еще больше,—продолжалъ Калиновичъ:—знаю, что вамъ тяжело и очень тяжело жить на свѣтѣ, хоть, можетъ-быть, вы цѣлые дни смѣетесь и улыбаетесь. На-дняхъ еще видѣлъ я дѣвушку, которую бросилъ любимый человѣкъ и которую укоряютъ за это родные, презрѣли въ обществѣ, но все-таки она счастливѣе васъ, потому что ей не за что себя нравственно презирать.

Сосѣдка слушала. Собственно словъ она, кажется, не понимала, но смыслъ ихъ угадала, и въ лицѣ ея уже тѣни не оставалось веселости.

— Вы меня не знаете: зачѣмъ можете такъ говорить? — повторила она.

— Нѣтъ, знаю, — возразилъ Калиновичъ: — и скажу вамъ, что одно ваше спасенье, если полюбитъ васъ человѣкъ и спасетъ васъ не только что отъ обстановки, которая теперь васъ окружаетъ, но заставитъ васъ возненавидѣть то, чѣмъ увлекаетесь теперь, и растолкуетъ вамъ, что для женщины существуетъ другая, лучшая жизнь, чѣмъ ѣздить по маскарадамъ и театрамъ.

Сосѣдка этихъ словъ совершенно ужъ не поняла и, когда Калиновичъ кончилъ и взялъ ее за упершійся въ диванъ его башмачокъ, она отдернула ножку и проговорила:

— Зачѣмъ это?.. Нельзя.

— Отчего жъ нельзя?.. Можетъ-быть, я именно такой человѣкъ,—прошепталъ Калиновичъ.

— А, да, нѣтъ! Я не вѣрю мужчинамъ.

— За что?

— Такъ, они всѣ такіе недобрые... Лукавые... Фи!.. Нѣтъ!..

— Я не такой, — проговорилъ Калиновичъ и опять было-взялся за башмачокъ, но сосѣдка опять его отдернула.

— Нѣтъ, это нельзя, — сказала она.

— Отчего жъ?

— Такъ; какъ можно! Вы нескромный: всѣ смотрятъ.

— А въ Петербургѣ можно?

— Ахъ, какой вы!.. Зачѣмъ? Я васъ не знаю...

— Узнаете, и можно? — проговорилъ Калиновичъ и, какъ бы наклоняясь за чѣмъ-то, поцѣловалъ руку сосѣдки.

— Вы шалунъ, я васъ боюсь, — сказала она, кокетливо складывая руки на груди и снимая ножки съ дивана.

Объясненіе это было прервано появленіемъ новыхъ пассажировъ: толстаго помѣщика съ толстой женой, которые какъ нарочно стали занимать пустыя около нихъ мѣста.

— Позвольте!—проговорилъ басомъ баринъ и нецеремонно опустился на диванчикъ рядомъ съ молоденькой дамой, между тѣмъ какъ жена его, тяжело дыша и пыхтя, перелѣзла почти черезъ колѣни Калиновича и сѣла къ окну. Сопровождавшій ихъ солдатъ сталъ натискивать имъ въ ноги подушки, мѣшечки и связки съ кренделями, калачами, такъ что молодые люди мои были совершенно отторожены другъ отъ друга. Хорошенькая сосѣдка, сдѣлавъ сначала насмѣшливую гримасу и потомъ проговоривъ: «adieu» — прижала голову къ дивану, закрыла глаза и старалась, какъ видно, заснуть. Въ свою очередь, взбѣшенный Калиновичъ, чувствуя около себя вмѣсто хорошенькаго башмачка жирные бока помѣщицы, началъ ее жать изо всей силы къ стѣнѣ; но та сама раздвинула локти и, произнеся: «чтой-то, помилуйте, какъ здѣсь толкаютъ!» — пахнула какой-то теплотой; герой мой не въ состояніи былъ болѣе этого сносить: только-что не плюнувши и прижавъ еще разъ барыню къ стѣнѣ, пересѣлъ на другую скамейку, а потомъ подъ дальнѣйшую качку вагона невольно задремалъ.

На разсвѣтѣ, какъ извѣстно, подъѣзжаютъ къ Петербургу. Бо́льшая часть пассажировъ, по обыкновенію, засустилась. У Калиновича тоже немного сердце замерло; подражая другимъ, онъ протеръ запотѣвшее стекло и началъ-было смотрѣть въ него; но увидѣлъ только куда-то безконечно идущее поле, покрытое кривослымъ мелкимъ ельникомъ; а когда пошли мелькать вагоны, такъ и того стало не видать. Калиновичъ счелъ за лучшее наблюдать хорошенькую сосѣдку, которая, точно между двумя скалами: бариномъ и барыней, спала крѣпкимъ сномъ и проснулась только у самаго вокзала.

— Пріѣхали! — проговорилъ онъ, подходя къ ней, ласковымъ голосомъ, какъ говорятъ иногда дѣтямъ матери: «проснулся, душечка?»

— О, да! Пріѣхали!—произнесла она, мило зѣвая, и, взявъ проворно сакъ, пошла.

— Послушайте, гдѣ же ваша квартира? — говорилъ Калиновичъ, догоняя ее и почти умоляющимъ голосомъ.

— На Гороховой!.. Домъ Багова,—спросить меня... Амальхенъ!—отвѣчала она скороговоркой и скрылась.

Оставшись одинъ, Калиновичъ поспѣшилъ достать свой чемоданъ и, бросивъ его на перваго попавшагося извозчика, велѣлъ себя везти въ какую-нибудь, только не дорогую, гостиницу. Извозчикъ, чтобы не очень затруднять себя, подвезъ его прямо къ гостиницѣ «Москва», гдѣ герой мой и помѣстился за рубль серебромъ въ четвертомъ этажѣ, въ трехъаршинной комнаткѣ, но съ вощеннымъ столикомъ и таковымъ же диваномъ. Разобравъ свои вещи, онъ сейчасъ же сѣлъ у окна и сталъ глядѣть съ жаднымъ любопытствомъ на улицу: тамъ сновали уже туда и сюда экипажи, шли пѣшеходы, проѣхалъ взводъ казаковъ, провезли, по крайней мѣрѣ на десяти лошадяхъ, какую-то машину. Калиновичъ понялъ, что онъ теперь на пульсовой жилѣ Россіи, а между тѣмъ, перенеся взглядъ отъ земли на небо, онъ даже удивился: нигдѣ еще не видалъ онъ, чтобъ такъ низко ходили облака и такъ низко стояло солнце. На голову его въ то же время какъ бы налегалъ какой-то туманъ; хотѣлось зѣвать, глаза слипались. Онъ прилегъ на диванѣ, заснулъ и проспалъ такимъ образомъ часовъ до четырехъ, и когда проснулся, то чувствовалъ уже положительную боль въ головѣ и по всему тѣлу легонькій ознобъ — это было первое привѣтствіе, которое оказывала ему петербургская тундра. Пересиливъ нѣсколько себя, Калиновичъ спросилъ себѣ обѣдать, выпилъ рюмку вина, стаканъ крѣпкаго кофе, и отправился осматривать достопримѣчательности города. Для этого онъ нанялъ извозчика и велѣлъ себя везти мимо всѣхъ дворцовъ и соборовъ.

— Постой, что̀ это за мостъ?—крикнулъ онъ, когда извозчикъ затрусилъ по каменной мостовой около дома Бѣлосельской-Бѣлозерской.

— Аничковъ! А это Аничковскій дворецъ тоже! — отвѣчалъ извозчикъ.

— Кто же живетъ въ немъ?

— Не знаю, не слыхалъ.

— А что̀ это за церковь?

— Церковь Казанская это.

— Соборъ?

— Да.

«Зачѣмъ это такія огромныя крылья въ ней придѣланы?» — подумалъ про себя Калиновичъ.

— Эти два чугунные-то воина, надо полагать, изъ писто

летовъ палятъ!—объяснялъ-было ему извозчикъ насчетъ Барклая-де-Толли и Кутузова, но Калиновичъ уже не слышалъ этого. Отъ скопившихся пѣшеходовъ и экипажей около Морской у него начинала кружиться голова, а когда выѣхали на площадь и онъ увидѣлъ Зимній дворецъ, то рѣшительно замеръ: его поразило это огромное и великолѣпное зданіе.

— Вези меня скорѣй на Неву! — проговорилъ онъ, увидя издали катящіяся невскія волны; но—увы!—непривѣтливо онѣ приняли его, когда онъ въѣхалъ на Дворцовый мостъ. Съ нихъ подулъ на него такой сѣверякъ, что не только любоваться, но даже взглянуть на нихъ хорошенько было невозможно.

— Фу, чортъ возьми, какъ холодно!—проговорилъ онъ, кутаясь по самыя уши въ воротникъ шинели, и, доѣхавъ до Благовѣщенскаго моста, бросилъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ, направляя свой путь къ памятнику Петра. Постоялъ около него нѣсколько времени, обошелъ его раза два кругомъ, взглянулъ потомъ на Исакія. Все это какъ-то раздражающимъ образомъ дѣйствовало на него. Не зная самъ, куда итти, онъ попалъ на Вознесенскій проспектъ. Мелкая торговля, бьющаяся изо всѣхъ силъ вылѣзти въ магазины, такъ и стала ему кидаться въ глаза со всѣхъ сторонъ: черезъ каждые почти десять шаговъ ему попадался жидъ, и изъ большей части домовъ несло жаренымъ лукомъ и щукой; но еще болѣе безобразное зрѣлище ожидало его на Садовой: тамъ изъ кабака вывалило по крайней мѣрѣ человѣкъ двадцать мастеровыхъ; никогда и нигдѣ Калиновичъ не видалъ народу болѣе истощеннаго и безобразнаго: даже самое опьянѣніе ихъ было какое-то мрачное, свирѣпое; тутъ же у кабака одинъ изъ нихъ, свалившись на тротуаръ, колотился съ ожесточеніемъ головой о тумбу, а другой, желая, вѣроятно, остановить его отъ такихъ самопроизвольныхъ побоевъ, оттаскивалъ его за волосы отъ тумбы, приговаривая: «чортъ, полно, перестань!». Прочіе на все это смотрѣли хоть мрачно, но совершенно равнодушно.

Спѣша поскорѣе уйти отъ подобной сцены, Калиновичъ попалъ на Сѣнную, и здѣсь подмокшая и сгнившая въ возахъ живность такъ его ошибла по носу, что онъ почти опрометью перебѣжалъ на другую сторону, гдѣ хоть и не совсѣмъ пріятно благоухало перележавшею зеленью, но все-таки это не былъ запахъ разлагающагося мяса. Изъ всѣхъ этихъ подробностей Калиновичъ понялъ, что онъ находится въ самой демократической части города.

Время между тѣмъ подходило къ сумеркамъ, такъ что, когда онъ подошелъ къ Невскому, то былъ уже полнѣйшій

мракъ: тутъ и тамъ зажигались фонари, ѣхали, почти непереставанной вереницей, смутно виднѣвшіеся экипажи и мелькали передъ освѣщенными окнами магазиновъ люди, и вдругъ посреди всего, Богъ вѣсть откуда, раздались звуки шарманки. Калиновичъ невольно пріостановился: ему показалось, что это плачетъ и стонетъ душа человѣческая, заключенная среди мрака и снѣговъ этого могильнаго города.

Придя домой, онъ въ утомленіи опустился головой на диванъ. Если въ Москвѣ было ему скучно, то здѣсь вдругъ овладѣла имъ непонятная и невыносимая тоска.

«Что жъ это такое? — думалъ онъ: — неужели я такъ обабился, что только около этой дѣвчонки могу быть спокоенъ и веселъ? Нѣтъ! Это что-то больше, чѣмъ любовь и раскаянье: это скорѣе какой-то страхъ за самого себя, страхъ отъ этихъ сплошной почти массой идущихъ домовъ, широкихъ улицъ, чугунныхъ рѣшетокъ и холодомъ вѣющей Невы!»

II.

Прошло три дня. Тоска и какой-то безотчетный страхъ не оставляли Калиновича, тѣмъ больше, что онъ никуда почти не выходилъ. Туалетъ его, около трехъ лѣтъ не освѣжавшійся, оказался до такой степени негоднымъ, что не только могъ заявить о вопіющей бѣдности, но даже внушить подозрѣніе насчетъ нравственности. Зная щепетильность Петербурга въ этомъ отношеніи, онъ рѣшился лучше просидѣть дома, пока не будетъ готово заказанное платье у Шармера, которое наконецъ на четвертый день было принесено благороднѣйшей наружности подмастерьемъ. Когда Калиновичъ, облекшись предварительно тоже въ новое и очень хорошее бѣлье, надѣлъ фрачную пару съ высокоприличнымъ при ней жилетомъ, то, посмотрѣвшись въ зеркало, почувствовалъ себя, безъ преувеличенія, какъ бы обновленнымъ человѣкомъ. Самый опытный глазъ, при этой наружности, не замѣтилъ бы въ немъ ничего провинціальнаго: довольно уже рѣдкіе волосы, блѣднаго цвѣта съ желтоватымъ отливомъ лицо; худощавый, стройный станъ; приличныя манеры — словомъ, какъ будто съ дѣтскихъ еще лѣтъ водили его въ живописныхъ кафтанчикахъ гулять по Невскому, учили потомъ танцовать чрезъ посредство какого-нибудь мосьё Пьеро, а потомъ отдали въ университетъ не столько для умственнаго образованія, сколько для усовершенствованія въ хорошихъ манерахъ, чего, какъ мы знаемъ, совершенно не было, но что вложено въ него было самой ужъ, видно, природой. Расплатившись съ портнымъ, Калиновичъ

сейчасъ же поѣхалъ сдѣлать визитъ редактору. По всѣмъ практическимъ соображеніямъ, онъ почти навѣрное разсчитывалъ, что тотъ приметъ его съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, а потому, прищурившись, прочиталъ надпись на дверяхъ редакторской квартиры и смѣло дернулъ за звонокъ. Человѣкъ отворилъ дверь.

— Доложи, что Калиновичъ пріѣхалъ,—назвалъ онъ твердо и довольно громко свою фамилію.

Человѣкъ ушелъ

— Калиновичъ пріѣхалъ! — докладывалъ онъ.

— Кто такой? Какой Калиновичъ? — спрашивалъ его другой голосъ.

— Калиновичъ, — повторилъ лакей.

— Проси, — отвѣчалъ ему голосъ съ досадой.

Лакей возвратился.

— Пожалуйте,—произнесъ онъ.

Калиновича подернуло. Видимо, что его принимаютъ, не помня хорошенько, кто онъ такой. Пройдя первую же дверь, онъ прямо очутился въ огромномъ кабинетѣ, гдѣ посрединѣ стоялъ огромный столъ съ своими чернильницами, карандашами, кучею тетрадей и небрежно-кинутыми «Художественнымъ Листкомъ» и французской иллюстраціей. Кабинетный столъ князя показался Калиновичу предъ этимъ жертвенникомъ бѣдной конторкой школьника. По стѣнамъ шли полки, тоже заваленныя книгами и газетами. Три пейзажа, должно-быть, Калама, гравированное «Преображеніе» Іордана и наконецъ масляная женская головка, весьма двусмысленный работы, но зато совсѣмъ ужъ съ томными и закатившимися глазами, стояли просто безъ рамокъ, примкнутыми на креслахъ; словомъ, все показывало учено-художественный безпорядокъ, какъ бы свидѣтельствовавшій о громадности матеріаловъ, изъ которыхъ потомъ вырабатывались разныя рубрики журнала. Самъ хозяинъ помѣщался въ довольно темномъ углу. Это былъ растолстѣвшій сангвиникъ съ закинутою назадъ головою, совершенно безъ шеи, и только маленькіе, безпрестанно бѣгавшіе изъ-подъ золотыхъ очковъ глаза говорили о его коммерческихъ способностяхъ. Кутаясь въ свой толстый, плюшевый сюртукъ, сидѣлъ онъ въ углу дивана. На другомъ концѣ отъ него топился каминъ, живописно освѣщая гораздо болѣе симпатичную фигуру господина, съ нѣсколько помѣщичьей посадкой, который сидѣлъ, опершись на трость съ дорогимъ набалдашникомъ и съ какой-то сибаритской задумчивостью закинувъ на потолокъ свои голубые глаза. Вообще во всей его фигурѣ было что-то джентльменское, какъ бы говорившее

вамъ, что онъ всю жизнь честно думалъ и хорошо ѣлъ. Тотъ же каминъ освѣщалъ еще молодого человѣка, весьма скромнаго роста и съ физіономіей, вовсе ужъ ничего не обѣщающей. Онъ стоялъ около одной изъ полокъ и, какъ бы желая скрыть, что имъ никто не занимается, дѣлалъ видъ, что будто бы самъ былъ погруженъ въ чтеніе развернутой передъ нимъ газеты. Окинувъ все это однимъ взглядомъ, Калиновичъ подошелъ прямо къ хозяину.

— Здравствуйте-съ, очень радъ съ вами познакомиться!— проговорилъ тотъ, слегка привставая, и тутъ же прибавилъ:— m-r Бѣлавинъ, m-r Калиновичъ.

Оба гостя молча поклонились другъ другу.

Молодой человѣкъ какъ-то украдкою и болѣзненно взглянулъ, какъ бы ожидая, что и его познакомятъ; но ему не выпало этой чести.

— Вы вѣдь, кажется, москвичъ?—продолжалъ редакторъ, когда Калиновичъ сѣлъ.

— Да... Но, впрочемъ, послѣднее время я жилъ въ провинціи, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Въ провинціи? — повторилъ редакторъ, уставляя на него свои маленькіе глаза.

— Въ провинціи, — повторилъ Калиновичъ: — и, пріѣхавъ сюда, — прибавилъ онъ нѣсколько офиціальнымъ тономъ: — я поставилъ себѣ долгомъ явиться къ вамъ и поблагодарить, что вы въ вашемъ журналѣ дали мѣсто моему маленькому труду.

— О, помилуйте! Это наша обязанность, — подхватилъ редакторъ, быстро опуская на коверъ глаза, и потомъ, какъ бы желая перемѣнить предметъ разговора, спросилъ:

— Вы вѣдь, однако, черезъ Москву ѣхали?

— Черезъ Москву.

— По желѣзной?

— По желѣзной.

— Скажите, хорошо? — продолжалъ редакторъ.

— Хорошо-съ,—отвѣчалъ Калиновичъ, начинавшій уже нѣсколько удивляться тому, что неужели съ нимъ не находятъ разговора поумнѣе?

Редакторъ между тѣмъ выпустилъ длинную струю дыма отъ куримой имъ сигары и, съ гораздо болѣе почтительнымъ выраженіемъ, обратился къ господину, названному Бѣлавинымъ.

— Это очень важный теперь вопросъ,—началъ онъ нѣсколько-глубокомысленнымъ тономъ: — свяжетъ ли желѣзная дорога эти два города, какимъ это образомъ и въ чемъ именно это произойдетъ?

Въ отвѣтъ на это Бѣлавинъ закрылъ первоначально глаза, и что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки промелькнуло у него на губахъ.

— Не думаю, чтобъ много,—произнесъ онъ: — первое, что, вѣроятно, будутъ въ Москвѣ дрова еще дороже, а въ Петербургѣ, можетъ-быть, ягоды дешевле.

— Ну, нѣтъ; это что жъ! Одна эта быстрота при торговыхъ сношеніяхъ... наконецъ обмѣнъ идей.

— Какихъ? — спросилъ Бѣлавинъ, опять зажимая глаза и самымъ равнодушнѣйшимъ тономъ.

Редакторъ на это потупился и ничего не отвѣчалъ.

«Съ какой только важностью и о какомъ вздорѣ разсуждаютъ эти два господина!» — подумалъ Калиновичъ, съ досадой въ душѣ.

— Холодно, говорятъ, въ вагонѣ ногамъ? — обратился къ нему редакторъ.

— Я не чувствовалъ этого, — отрывисто отвѣчалъ Калиновичъ.

— Нѣтъ? — спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, — повторилъ Калиновичъ такимъ ужъ насмѣшливымъ тономъ, что молодой человѣкъ, занимавшійся газетой, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

Редакторъ опять пустилъ длинную струю дыма и обратился къ Бѣлавину.

— Мы давеча говорили объ этомъ господинѣ... Что вамъ угодно, а онъ непроченъ.

Бѣлавинъ придалъ лицу своему серьезное выраженіе, которымъ какъ бы говорилъ, что онъ совершенно съ этимъ несогласенъ.

— Возьмите вы, — продолжалъ редакторъ, одушевляясь и, видимо, желая убѣдить: — больше полустолѣтія этотъ народъ проводитъ передъ вами не исторію, а разыгрываетъ какія-то историческія представленія.

Бѣлавинъ слушалъ.

— Господствуетъ ученіе энциклопедистовъ... подкопаны всѣ основанія общественныя, государственныя, религіозныя... затѣмъ кровь... безурядица. Что можно было изъ этого предвидѣть?.. Одно, что народъ дожилъ до нравственнаго и матеріальнаго разложенія; значитъ, баста!.. дѣлу конецъ!.. Ничуть не бывало, возрождается, какъ фениксъ, и выскакиваетъ въ Наполеонѣ Первомъ. Это чортъ знаетъ что такое!

Бѣлавинъ продолжалъ молчать и слушать.

— Этотъ господинъ идетъ завоевывать Европу, перетасовываетъ весь Германскій Союзъ, мѣняетъ королей, потомъ

глупѣйшимъ образомъ попадается въ Москвѣ, и обожающій его народъ выдаетъ его живьемъ. Потомъ Бурбоны... іюльская революція... мѣщанскій король... новый протестъ... престолъ ломается, пишется девизомъ: liberté, égalité, fraternité— и все это опять разрѣшается Наполеономъ III-мъ!

Заключивъ эти слова, редакторъ даже склонилъ голову отъ удивленія.

Калиновичъ былъ почти согласенъ съ нимъ, но, какъ человѣкъ осторожный, не показывалъ виду и по временамъ взглядывалъ на Бѣлавина, который наконецъ, когда редакторъ кончилъ, приподнялъ опять немного глаза и произнесъ явно-насмѣшливымъ тономъ:

— Такъ судить народъ издали невозможно; слишкомъ поверхностно; ошибешься!

— Я не знаю, ошибешься или нѣтъ, но это факты, — возразилъ редакторъ.

Бѣлавинъ, прищурившись, посмотрѣлъ на противоположную стѣну.

— Подъ этими фактами, — началъ онъ: — кроется весьма серьезное основаніе, а видимая неустойчивость — общая участь всякаго народа, который соціальныя идеи не оставляетъ, какъ нѣмцы, въ кабинетѣ, не перегоняетъ ихъ сквозь реторту парламентскихъ преній, какъ дѣлаютъ это англичане, а сразу беретъ и прикладываетъ ихъ къ дѣлу. Это общая участь! И за то ужъ имъ спасибо, что они съ такимъ самоотверженіемъ представляютъ какой-то оселокъ, на которомъ пробуется мысль человѣческая. Какъ это можно? Помилуйте!

— Да-съ, вы говорите—серьезное основаніе, но гдѣ жъ оно и какое? Оно должно же, по крайней мѣрѣ, имѣть какую-нибудь систему, логическую послѣдовательность, развиваться органически, а не метаться изъ стороны въ сторону, — возразилъ редакторъ; но Калиновичъ очень хорошо видѣлъ, что онъ ужъ только отыгрывался словами.

Въ лицѣ Бѣлавина тоже промелькнуло что-то въ родѣ слегка замѣтной улыбки.

— Энциклопедисты, какъ вы говорите, — началъ онъ, взмахнувъ глазами на потолокъ: — не доводили народа до разложенія: они сбивали феодальные авторитеты и тому подобныя заповѣдныя цѣпи, которыя слѣдовало разбить.

— Однако эти цѣпи замѣнились другими, можетъ-быть, тягчайшими, въ особѣ корсиканца.

— Почему же? — возразилъ Бѣлавинъ. — Революція девяностыхъ годовъ дала собственно народу и личное право и право собственности.

— Все это прекрасно; но послѣднія событія? — произнесъ редакторъ, ужъ больше спрашивая.

— Что жъ? — отвѣчалъ какъ-то нехотя Бѣлавинъ: — дѣло заключалось въ злоупотребленіи буржуазіи, которая хотѣла захватить себѣ всѣ политическія права, со всевозможными матеріальными благосостояніями, и работники 48 года показали имъ, что этого нельзя; но такъ какъ собственно для земледѣльческаго класса народа все-таки нужна была не анархія, а порядокъ, который обезпечивалъ бы трудъ его, онъ взялся за Наполеона III-го, и если тотъ пойметъ, чего отъ него требуютъ, онъ прочнѣе, чѣмъ кто-либо!

— Но гдѣ же тутъ прогрессъ, скажите вы мнѣ? — воскликнулъ редакторъ.

Бѣлавинъ улыбнулся.

— Прогрессъ?.. — повторилъ онъ: — прогрессъ теперь дѣло спорное. Мы знаемъ только то, что каждая эпоха служитъ развитіемъ до крайнихъ предѣловъ извѣстныхъ идей, которыя вначалѣ пробиваются болѣзненно, а потомъ заражаютъ весь воздухъ.

— Это такъ, — подтвердилъ редакторъ.

На этихъ словахъ Калиновичъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ одной изъ картинъ, сталъ ее разсматривать. Страннаго рода чувства его волновали: въ продолженіе всего предыдущаго разговора ему ужасно хотѣлось поспорить съ Бѣлавинымъ и, если возможно, взять нотой выше его; но—увы!— при всемъ умственномъ напряженіи, онъ чувствовалъ, что не можетъ даже стать на равную съ нимъ высоту воззрѣнія. «Неужели я такъ поглупѣлъ и опошлѣлъ въ провинціи, что говорить даже не умѣю съ порядочными людьми?»—думалъ онъ, болѣзненно сознавая къ Бѣлавину невольное уваженіе, смѣшанное съ завистью, а къ самому себѣ — презрѣніе.

Молодой человѣкъ, стоявшій около полки и давно ужъ ласкавшій его взоромъ, подошелъ къ нему.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. Калиновича? — проговорилъ онъ.

— Точно такъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Я читалъ вашу повѣсть съ величайшимъ наслажденіемъ, — прибавилъ молодой человѣкъ.

Калиновичъ поблагодарилъ молчаливымъ кивкомъ головы.

— Я самъ тоже писатель... Дубовскій... Вы, можетъ-быть, и не читали моихъ сочиненій, — продолжалъ молодой человѣкъ съ какимъ-то страннымъ смиреніемъ и въ то же время модничая и прижимая шляпу къ колѣну.

— Нѣтъ-съ, я читалъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ въ самомъ дѣлѣ никогда ихъ не читавшій.

Молодой человѣкъ нѣсколько минутъ переминался.

— Какъ это у насъ странно угодить теперь публикѣ!—началъ онъ нетвердымъ голосомъ: — я вотъ тогда... въ прошломъ году... такъ какъ теперь пишутъ больше все очерки, описалъ «бытъ и повѣрья Козинскаго уѣзда»; но вдругъ рецензенты отозвались такъ строго и даже вотъ въ журналѣ Павла Николаича,—прибавилъ онъ, робко указывая глазами на редактора: — и у нихъ былъ написанъ очень неблагопріятный для меня отзывъ... И что жъ?.. Конечно, я никакъ не могу себя отнести къ первокласснымъ дарованіямъ, но, по крайней мѣрѣ, люблю литературу и занимаюсь ею съ любовью, и это, кажется, нельзя еще ставить въ укоръ человѣку...

— Разумѣется, — подтвердилъ Калиновичъ, думая самъ съ собою: «этакая дрянь!», и, не желая себя компрометировать разговоромъ съ подобнымъ господиномъ, возвратился на свое мѣсто и взялся за шляпу.

Редакторъ замѣтилъ это и обратился къ нему.

— Гдѣ же вы собственно жили? — спросилъ онъ.

— Я жилъ въ Эн—скѣ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Въ Эн—скѣ? Славныя это мѣста! Я проѣзжалъ раза два. Эти огромные лѣса... рѣка... Эн—скъ, кажется, вѣдь на рѣкѣ?

— На рѣкѣ-съ.

— На сплавной?

— На сплавной. — отвѣчалъ Калиновичъ и началъ раскланиваться.

Бѣлавинъ между тѣмъ все внимательнѣй и внимательнѣй смотрѣлъ на него.

— Мнѣ еще надобно съ вами два слова, — проговорилъ редакторъ и проворно отошелъ въ сторону.

Калиновичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ваша повѣсть, кажется, называется «Кавалеристъ», — прибавилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ-съ, «Странныя отношенія»,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Сколько листовъ?

— Девять.

— Девять. Значитъ, девятью-сорокъ — триста шестьдесятъ, такъ?

— Я слышалъ, что платятъ по пятидесяти... — замѣтилъ-было Калиновичъ.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, — отвѣчалъ редакторъ утвердительнымъ тономъ и тотчасъ же, отсчитавъ 360 рублей, отдалъ ихъ Калиновичу.

— Я еще привезъ разсказъ, — проговорилъ-было тотъ

— Да, да, пожалуйста, доставьте; мы тамъ увидимъ... посмотримъ... — перебилъ торопливо хозяинъ, замѣтно спѣша къ Бѣлавину.

Калиновичъ раскланялся и ушелъ.

«Каковъ скотина! Даже не знаетъ, что я написалъ!»—думалъ онъ, сходя съ лѣстницы и кусая губы; двери между тѣмъ опять за нимъ отворились, и его догонялъ Дубовскій.

— Я тоже ухожу, — проговорилъ онъ.

Калиновичъ сначала не хотѣлъ-было отвѣчать ему, но потомъ подумалъ: «этотъ господинъ шатается по литераторамъ: разспрошу его, какъ и что тамъ у нихъ происходитъ».

— Не хотите ли со мной отобѣдать гдѣ-нибудь тутъ? — проговорилъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Дубовскій.

— Гдѣ жъ тутъ? Отведите меня; я не знаю.

— Къ Доминику, — произнесъ тотъ.

— Ну, хоть къ Доминику, — согласился Калиновичъ.

Придя туда, они сѣли къ окну, въ сторонкѣ, чтобъ не быть очень на виду. Калиновичъ велѣлъ подать два обѣда и бутылку вина. Онъ нѣсколько затруднялся, какимъ бы образомъ и съ чего начать разговоръ; но Дубовскій самъ предупредилъ его.

— Вы, кажется, получили съ Павла Николаича деньги? — сказалъ онъ, таинственно наклонясь къ Калиновичу.

— Да, получилъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Много?

— Восемьсотъ рублей, — нарочно солгалъ Калиновичъ.

Дубовскаго подало назадъ. Сладкаго и заискивающаго выраженія въ лицѣ его какъ будто и не бывало.

— Это пріятно! — проговорилъ онъ, покачивая головой и какъ-то скверно улыбаясь.

— Да, ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это съ нимъ не всегда случается, — продолжалъ Дубовскій, доѣдая супъ и попрежнему покачивая головой.

— Будто? — спросилъ Калиновичъ самымъ простодушнѣйшимъ тономъ.

Дубовскій опять скверно улыбнулся.

— Не знаю, по крайней мѣрѣ, я на самомъ себѣ имѣю этотъ опытъ, — отвѣчалъ онъ.

Калиновичъ выразилъ на лицѣ своемъ какъ бы участіе и вниманіе.

— Я написалъ въ родѣ историческаго изслѣдованія или монографіи: «Ермакъ»...—началъ Дубовскій.

— Да, — подтвердилъ Калиновичъ.

— Трудъ, на который я, — продолжалъ молодой авторъ,

пожимая плечами: — посвятилъ три года. Всѣ документы, акты, договоры, — всѣ были мною собраны и всѣ прочтены. Я ничего себѣ не позволилъ пропустить, и, конечно, всего этого вышло, быть-можетъ, листовъ на восемь печатныхъ.

— Да, — повторилъ Калиновичъ. — Но выпейте однако вина, — прибавилъ онъ, наливая стаканы.

— Мегсі! — отвѣчалъ Дубовскій, торопливо выпивая вино, и, видимо, тронутый за чувствительную струну, снова продолжалъ:

— Я былъ однако такъ еще остороженъ, что не позволилъ себѣ прямо отнестись въ редакцію, а вотъ именно, самого Павла Николаича встрѣтивъ въ одномъ домѣ, спрашиваю, что могу ли надѣяться быть напечатанъ у нихъ. Онъ говорилъ: — «очень хорошо, очень радъ». Имѣлъ ли я послѣ того право быть почти увѣренъ?

— Конечно, — подтвердилъ Калиновичъ.

Дубовскій начиналъ ужъ его не на шутку забавлять.

— Я доставляю, — продолжалъ тотъ:—проходитъ мѣсяцъ... другой, третій... Я, конечно, безпокоюсь о судьбѣ моего произведенія... ѣзжу... спрашиваю... Мнѣ сначала ничего не отвѣчали, потомъ стали сухо принимать, такъ что я вынужденъ былъ написать письмо, въ которомъ просилъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ на это отвѣчаютъ, что «Ермакъ» мой можетъ быть напечатанъ, но только съ значительными сокращеніями и пропусками.

— Съ пропусками? Скажите! — воскликнулъ Калиновичъ серьезнѣйшимъ тономъ.

— Да, — отвѣчалъ его собесѣдникъ многозначительно. — Я ѣду, по крайней мѣрѣ, узнать, какого рода эти пропуски... Показываютъ: — наполовину перечеркано! Какимъ умомъ, какимъ ученымъ — неизвѣстно!

Проговоря это, Дубовскій остановился на нѣсколько минутъ.

— Я ужъ не говорю, — продолжалъ онъ: — сколько обиженъ я былъ тутъ, какъ авторъ; но, главное, какъ человѣкъ небогатый, и все-таки былъ такъ глупъ, или простъ, или деликатенъ, — не знаю, какъ хотите назовите, но только и на это согласился.

— Скажите, пожалуйста! — повторилъ Калиновичъ, сохраняя въ лицѣ попрежнему серьезное вниманіе: — что жъ потомъ было?

— Потомъ-съ, — продолжалъ Дубовскій, у котораго озлобленное выраженіе лица перемѣнилось на грустное: — потомъ напечатали... Ѣду я получать деньги, и вдругъ меня разсчи-

тываютъ по тридцати пяти рублей, тогда какъ я знаю, что всѣмъ платятъ по пятидесяти. Я, конечно, позволилъ себѣ спросить: на какомъ правѣ дѣлается это различіе? Мнѣ на это спокойно отвѣчаютъ, что не могутъ болѣе назначить, и сейчасъ же уѣзжаютъ изъ дома. Благороденъ этотъ поступокъ или нѣтъ? — заключилъ онъ, взглянувъ вопросительно на Калиновича.

Тотъ только покачалъ головой.

— Вамъ бы что-нибудь предпринять надобно было, пожаловаться кому-нибудь... хоть генералъ-губернатору, что ли?

— Я и предпринималъ, — возразилъ Дубовскій: — и ѣзжу вотъ теперь третій мѣсяцъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, объясниться рѣшительно; но, къ несчастію, меня или не принимаютъ, или ставятъ въ такое положеніе, что я ни о чемъ заговорить не могу.

— Что жъ ѣздить? Пожаловаться надобно генералъ-губернатору, непремѣнно... — повторилъ Калиновичъ, которому ужасно захотѣлось, чтобъ вышелъ подобный скандалъ.

— Я на это неспособенъ; а что, конечно, считаю себя въ правѣ говорить объ этомъ всему Петербургу, — отвѣчалъ Дубовскій и, такъ какъ обѣдъ въ это время кончился, онъ всталъ и, поматывая головой, началъ ходить по комнатѣ.

Калиновичъ, въ свою очередь, перешелъ и прилегъ на диванѣ. Ему ужъ начиналъ надоѣдать его собесѣдникъ

— Куда жъ онъ деньги дѣваетъ, когда въ такихъ пустякахъ считается? — спросилъ онъ больше къ слову.

Дубовскій грустно улыбнулся.

— Мѣстъ много для денегъ, особенно имѣвши такую страсть къ женщинамъ.

— Къ женщинамъ? — спросилъ Калиновичъ съ любопытствомъ.

— Да, — отвѣчалъ съ прежней грустною улыбкою Дубовскій. — Теперь главная его султанша француженка, за которую онъ однихъ долговъ заплатилъ въ Парижѣ двадцать пять тысячъ франковъ, и если бъ вотъ мы пришли немного пораньше сюда, такъ, навѣрное, увидали бы, какъ она прокатила по Невскому на вороной парѣ въ фаэтонѣ съ медвѣжьею полостью... Стоитъ это чего-нибудь или нѣтъ?

— О, счастливецъ! — воскликнулъ Калиновичъ.

— Да-съ, онъ счастливецъ; но каково другимъ? Отъ этого гибнетъ, можетъ-быть, русская литература, или потомъ... Танцовщицу Карышеву знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Тоже на его иждивеніи, и представьте себѣ: женщина маленькаго роста, съ толстыми икрами.

— Это хорошо, когда съ толстыми икрами, — перебилъ Калиновичъ.

Дубовскій сдѣлалъ презрительную мину.

— Не знаю, что̀ тутъ хорошо, тѣмъ больше, что съ утра до ночи ѣстъ, говорятъ, конфеты... Или теперь... Это чортъ знаетъ что̀ такое! — воскликнулъ онъ: — извѣстная наша сочинительница, Касиновская, цѣлую зиму прошлаго года жила у него въ домѣ, и онъ за превосходныя ея произведенія платилъ ей по триста рублей серебромъ: — сто̀итъ она этого, хотя бы сравнительно съ моимъ трудомъ, за который заплачено по тридцати пяти?

— Если она только хорошенькая, такъ отчего жъ не сто̀итъ? — замѣтилъ Калиновичъ.

— Да, если такъ смотрѣть, такъ конечно! — возразилъ Дубовскій нѣсколько обиженнымъ голосомъ и снова, покачивая головой, сталъ ходить по комнатѣ.

— Кто жъ у него журналомъ заправляетъ, если онъ все съ женщинами возится? — спросилъ Калиновичъ.

— Тамъ у него какой-то Зыковъ, господинъ высокоумный,— отвѣчалъ съ усмѣшкою Дубовскій.

— Какой Зыковъ? Не изъ московскаго ли онъ университета? — почти воскликнулъ Калиновичъ.

— Московскаго университета.

— Боже мой! — продолжалъ Калиновичъ: — это старый мой другъ и товарищъ и отличнѣйшій человѣкъ.

Дубовскій сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Очень хорошій, говорятъ, — подтвердилъ онъ: — я, конечно, тогда его не зналъ; но если бъ обратился прямо къ нему съ моимъ произведеніемъ такъ, можетъ-быть, другая постигла бы его участь.

— Значитъ, отъ него все зависитъ?

— Рѣшительно все отъ него.

— Гдѣ жъ его адресъ? Скажите, пожалуйста.

Дубовскій сказалъ.

Калиновичъ сейчасъ же записалъ и, такъ какъ выспросилъ все, что̀ было ему нужно, и не желая продолжать долѣе бесѣду съ новымъ своимъ знакомымъ, принялся сначала зѣвать, а потомъ дремать.

Замѣтивъ это, Дубовскій взялся за шляпу и снова, съ ласковой, заискивающей улыбкой, проговорилъ:

— Надѣюсь, что позволите быть знакому?

— Очень радъ, — отвѣчалъ Калиновичъ, не привставая и только протягивая руку.

Черезъ нѣсколько минутъ Дубовскій, съ важностью при-

поднявши воротникъ у бекеши и съ глубокомысленно-ученымъ выраженіемъ въ лицѣ, шелъ ужъ по Невскому.

«Этакій дуракъ!..» — думалъ Калиновичъ, наблюдая его въ окно, и отъ-нечего-дѣлать допилъ бутылку вина. Кровь немного взволновалась: счастливый редакторъ съ его француженкой, танцовщицей и съ писательницей началъ рисоваться въ его воображеніи въ различнаго рода соблазнительныхъ картинахъ.

«Э, чортъ возьми! Поѣду и я къ Амальхенъ. Надобно же какъ-нибудь убивать время, а то съ ума сойдешь», — подумалъ онъ и, взявъ извозчика, велѣлъ себя везти въ Гороховую.

Дворникъ въ домѣ Багова на вопросъ: «здѣсь ли живетъ Амальхенъ?» — отвѣчалъ съ полуулыбкой: «здѣсь, сударь! пожалуйте: въ первомъ этажѣ, дверь направо, безъ надписи». Калиновичъ позвонилъ. Дверь ему отворила лѣтъ 35-ти женщина, съ строгими, цыганскими чертами лица.

— Доложи, что пріѣхалъ господинъ, который ѣхалъ съ мамзель Амальхенъ по желѣзной дорогѣ, — поспѣшно проговорилъ Калиновичъ.

Женщина, какъ видно, привыкшая къ посѣщенію незнакомыхъ лицъ, молча повернулась и ушла.

Возвратившись чрезъ минуту, она произнесла сердитымъ голосомъ:

— Давайте пальто! Снимайте!

Калиновичъ подалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ за нужное сунуть ей въ руку рубль серебромъ.

Лицо привратницы въ минуту умилилось.

— Подите туда, барышня сейчасъ выйдетъ, — произнесла она, вѣшая пальто и совсѣмъ ужъ ласковымъ тономъ.

Калиновичъ вошелъ. Единственная стеариновая свѣчка, горѣвшая передъ зеркаломъ, слабо освѣщала комнату. Гардины на окнахъ были спущены, и, кромѣ того, на нихъ стояли небольшія ширмочки, которыя рѣшительно не давали никакой возможности видѣть съ улицы то, что происходило внутри. Надъ маленькимъ роялино висѣла гравюра совершенно гологрудой женщины. Мебель была мягкая. Бархатомъ обитый диванъ, казалось Калиновичу, такъ и манилъ присѣсть на него съ хорошенькой женщиной.

Вошла Амальхенъ. Она была въ небрежно-надѣтомъ капотѣ. Руки ея были совсѣмъ обнажены и, точно изъ слоновой кости выточенныя, блистали бѣлизною и представляли прелестнѣйшія формы. Лицо было какъ-то еще идеальнѣе.

— Здравствуйте, — проговорилъ Калиновичъ, подходя къ ней и беря ее за руку.

— Да!.. Здравствуйте! — отвѣчала Амальхенъ и опустилась именно на соблазнительный диванъ.

Калиновичъ сѣлъ около нея.

— Вотъ и я пріѣхалъ къ вамъ, — началъ онъ.

— Да, вижу, пріѣхалъ... — произнесла она, кидая лукавый взглядъ; потомъ, помолчавъ немного, начала напѣвать довольно пріятнымъ голосомъ:

Galopaden tanz' ich gern
Mit den jungen hübschen Herr'n.

— Что такое? — спросилъ Калиновичъ.

— Mit den jungen hübschen Herr'n! — повторила Амальхенъ и затѣмъ вдругъ крикнула: — Маша!

Въ дверяхъ показалась сердитая женщина.

— Звозчикъ здѣсь?.. Тутъ? — спросила Амальхенъ.

— Здѣсь, барышня, дожидается, — отвѣчала та.

— Зачѣмъ вамъ извозчикъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Такъ, я хочу кататься, — отвѣчала жеманно Амальхенъ и опять запѣла:

Mit den braven Officier'n,
Ganz besond'rs mit Kirassier'n.

— А мнѣ можно съ вами? — спросилъ Калиновичъ.

— Да.

— Ну, такъ ступайте, одѣвайтесь!

— Да, — подхватила Амальхенъ и, запѣвъ:

Galopaden tanz' ich gern
Mit den jungen hübschen Herr'n,

ушла въ свою спаленку. Черезъ минуту она возвратилась въ дорогомъ салопѣ и въ шляпѣ съ черной блондовой вуалью.

У подъѣзда ихъ дожидалъ фаэтонъ парой.

— Куда жъ мы поѣдемъ? — спросилъ Калиновичъ.

— А, да, далеко поѣдемъ; я хочу... — отвѣчала Амальхенъ.

— Поѣзжай куда-нибудь подальше, — приказалъ Калиновичъ извозчику.

Тотъ сначала вывезъ ихъ на Адмиралтейскую площадь, проѣхалъ потомъ мимо Лѣтняго сада, черезъ Цѣпной мостъ и выѣхалъ наконецъ въ Кирочную.

— Куда жъ еще? — спросилъ онъ.

— Домой, я думаю, — сказалъ Калиновичъ.

— А, да! il fait froid, — отвѣчала Амальхенъ.

— Домой! — крикнулъ Калиновичъ.

У подъѣзда квартиры, Амальхенъ первая выскочила изъ фаэтона.

— Что жъ, барышня. когда же деньги-то? — спросилъ извозчикъ, обертываясь.

— Деньги завтра, — отвѣчала Амальхенъ, стоя уже въ дверяхъ и опять напѣвая:

Galopaden tanz' ich gern...

— Какъ же завтра? Помилуйте, хозяинъ съ насъ спрашиваетъ, — вопіялъ извозчикъ.

— А завтра! — повторила Амальхенъ.

— Сколько тебѣ? — спросилъ Калиновичъ.

— Двадцать пять рубликовъ, ваше благородіе, сдѣлайте божескую милость. Что жъ такое? Насъ вѣдь самихъ считаютъ.

— Какіе же двадцать пять рубликовъ? Проѣхалъ три переулка... — возразилъ Калиновичъ.

— Какіе три переулка! Пятыя сутки здѣсь дежуримъ. Хозяинъ вѣдь не терпитъ. Помилуйте, какъ же это возможно!

— Что жъ, отдать ему? — спросилъ Калиновичъ.

— А, да, — разрѣшила Амальхенъ и убѣжала.

Калиновичъ отдалъ извозчику.

«Чортъ знаетъ, что я такое дѣлаю!» — подумалъ онъ и вошелъ за хозяйкой.

Чрезъ нѣсколько минутъ они снова усѣлись на диванъ. Калиновичъ не могъ оторвать глазъ отъ Амальхенъ — такъ казалась она ему мила въ своей нѣсколько задумчивой позѣ.

— Маша, чай! — крикнула Амальхенъ.

Та подала красивый чайный приборъ съ серебрянымъ чайникомъ и графинчикомъ коньяку.

Чашку Калиновича Амальхенъ долила, по крайней мѣрѣ, на половину коньякомъ.

— Я не пью, — проговорилъ-было тотъ.

— О, нѣтъ, пей, — сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, пей и ты, — подхватилъ Калиновичъ и, наливъ ей тоже полчашки, выпилъ свою порцію залпомъ.

— Послушай, — началъ онъ, беря Амальхенъ за руку: — полюби меня!

— О, нѣтъ!

— Отчего жъ нѣтъ?

— Такъ... — отвѣчала она и запѣла:

Galopaden tanz' ich gern...

— Замолчи ты съ своимъ Galopaden!.. Отчего жъ нѣтъ?— воскликнулъ Калиновичъ, ероша свои волосы.

— Такъ: у меня есть старикъ... онъ не хочетъ этого.

— Ну, къ чорту старика! — проговорилъ Калиновичъ и обнялъ ее.

— О, нѣтъ; онъ мнѣ денегъ даетъ, — отвѣчала Амальхенъ.

— У меня денегъ больше! Я тебѣ больше дамъ! Сколько хочешь? Возьми еще двадцать пять?

— Да... нѣтъ... этого нельзя.

— Отчего же нельзя? Сколько же тебѣ?

— Мнѣ много надо.

— Сколько же? — повторилъ Калиновичъ. — Хочешь пятьдесятъ?

— Фи, нѣтъ! — возразила Амальхенъ.

— Пятьдесятъ, — повторилъ Калиновичъ и, какъ бы шутя, загасилъ свѣчку.

— Шалунъ! — сказала Амальхенъ.

III.

Проводить время съ Амальхенами было вовсе для моего героя необычнымъ дѣломъ въ жизни; на другой день онъ пробирался съ Гороховой улицы въ свой номеръ какимъ-то опозореннымъ и разстроеннымъ... Возвратившись домой, онъ тотчасъ же раздѣлся и бросился на постель.

«Боже! до какого разврата я дожилъ! Настенька, другъ мой! простишь ли ты меня?» — восклицалъ онъ мысленно, хотя мы знаемъ, какъ постоянно старался онъ увѣрить себя, что эта женщина для него не имѣетъ никакого значенія. Часамъ къ пяти наконецъ нервы его поуспокоились. Калиновичъ невольно заглянулъ въ свой бумажникъ и усмѣхнулся: тамъ недоставало ровно двухсотъ цѣлковыхъ. «И это въ одинъ день!» — подумалъ онъ и съ ужасомъ вспомнилъ, что въ восемь часовъ къ нему обѣщала пріѣхать Амальхенъ. Чтобъ спасти себя отъ этого свиданія, онъ рѣшился уйти на цѣлый вечеръ къ Зыкову, который былъ дѣйствительно его товарищъ по гимназіи и по университету и единственный другъ его юности. Во время студенчества они жили на одной квартирѣ, и если этотъ человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, полный распорядитель при журналѣ, то все для него сдѣлаетъ.

Зыковъ жилъ на дворѣ въ четвертомъ этажѣ; на дверяхъ его квартиры, вмѣсто мѣдной дощечки, былъ просто приклеенъ лоскутокъ бумаги съ написанной на немъ фамиліей; но еще болѣе удивился Калиновичъ, когда на звонокъ его дверь отворила молодая дама, въ холстинковомъ платьѣ, шерстяномъ платкѣ и съ какой-то необыкновенно милой и доброй наружностью. Догадываясь, что это, должно-быть, жена хозяина, онъ вѣжливо спросилъ:

— У себя господинъ Зыковъ?

— У себя; но онъ боленъ, — отвѣчала дама.

— Меня онъ, можетъ-быть, приметъ; я Калиновичъ, — назвалъ онъ себя.

— Ахъ, да, вѣроятно! — подхватила дама.

Калиновичъ вошелъ вслѣдъ за ней и въ маленькой залѣ увидѣлъ красивенькаго годового мальчугана, который, на своихъ кривыхъ ножонкахъ и съ заткнутымъ хвостомъ, стоялъ одинъ-одинешенекъ. Увидя, что мать прошла мимо, онъ заревѣлъ.

— Перестань, Сережа, перестань; сейчасъ возьму, — говорила та, грозя ему пальцемъ и уходя въ дверь направо.

«Неужели у ниxъ даже няньки нѣтъ?» — подумалъ Калиновичъ.

Дама назвала его фамилію.

— Будто?.. Не можетъ быть! — послышался задыхавшійся отъ радости голосъ Зыкова.

Калиновичъ не утерпѣлъ и вошелъ, но невольно попятился назадъ. Небольшая комната была завалена книгами, тетрадями и корректурами; воздухъ былъ удушливъ и пропитанъ лѣкарствами. Зыковъ, въ поношенномъ халатѣ, лежалъ на истертомъ и полиняломъ диванѣ. Вмѣсто полнаго силъ и здоровья юноши, какимъ когда-то зналъ его Калиновичъ въ университетѣ, онъ увидѣлъ передъ собою скорѣе скелетъ, чѣмъ живого человѣка.

— Яша, здравствуй! — говорилъ онъ, привставая и обнимая гостя.

Калиновичъ почувствовалъ, что глаза Зыкова наполнились слезами. Онъ самъ его крѣпко обнялъ.

— Ну, садись, Яша, садись, — говорилъ тотъ, опускаясь на диванъ и усаживая его.

— Что, ты боленъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Да, немножко, — отвѣчалъ Зыковъ: — впрочемъ, я радъ, что хоть передъ смертью еще съ тобой увидѣлся.

— Почему жъ передъ смертью? — проговорила дама, возвратившись съ дитятей на рукахъ и садясь въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Всѣ мускулы лица ея при этихъ словахъ какъ-то подернуло.

— Ну, когда хочешь, такъ и не передъ смертью, — сказалъ съ грустной улыбкой Зыковъ. — Это жена моя, а ей говорить о тебѣ нечего: знаетъ ужъ, — прибавилъ онъ.

— Да, я знаю, — сказала та, ласково посмотрѣвъ на Калиновича.

— Гдѣ же однако ты былъ, жилъ, что дѣлалъ? Разсказывай все! Видишь, мнѣ говорить трудно! — продолжалъ больной.

— Ты и не говори, я тебѣ все разскажу, — подхватилъ съ

участіемъ Калиновичъ и началъ:—Когда мы кончили курсъ—ты помнишь—я имѣлъ урокъ, ну, и рѣшился выжидать. Тутъ стали открываться мѣста учителей въ Москвѣ и наконецъ каѳедры въ Демидовскомъ. Я ожидалъ, что должны же меня вспомнить, и ни къ кому, конечно, не шелъ и не просилъ...

Зыковъ одобрительно кивнулъ ему головой.

— Однако не вспомнили, — продолжалъ Калиновичъ: — и даже, когда одинъ господинъ намекнулъ обо мнѣ, такъ ему прямо сказали, что меня совершенно не знаютъ.

Зыковъ горько улыбнулся и покачалъ головой. Мальчуганъ между тѣмъ, ухвативъ ручонками линейку, что̀ есть силы началъ стучать ею по столу.

«Пострѣленокъ!»—подумалъ Калиновичъ съ досадой.

— Ну, разсказывай,—повторилъ ему больной.

— Что̀ разсказывать?—продолжалъ онъ:—исторія обыкновенная: урокъ кончился; надобно было подумать, что̀ ѣсть, и я пошелъ наконецъ, объявилъ, что желалъ бы служить. Меня, конечно, съ полгода проводили, а потомъ сказали, что если я желаю, такъ мнѣ съ удовольствіемъ дадутъ мѣсто училищнаго смотрителя въ Эн—скѣ; я и взялъ.

Зыковъ съ досадою ударилъ по дивану своей костлявой рукой.

— А! Даша, какъ это тебѣ нравится?—обратился онъ къ женѣ.

— Перестань, Сережа!—сказала та своему шалуну, подставляя ему свою руку, чтобъ онъ колотилъ по ней линейкой вмѣсто стола, а потомъ отвѣчала мужу:

— Что̀ жъ! Если самъ Яковъ Васильичъ никуда не ходилъ и никого не просилъ!

Больной еще болѣе разсердился.

— Не ходилъ!.. не просилъ!..—воскликнулъ онъ, закашливаясь:—вмѣсто того, чтобы похвалить за это человѣка, она его же за это обвиняетъ. Что̀ жъ это такое?

— Да я не обвиняю, за что жъ ты сердишься?—подхватила съ кроткой улыбкой молодая женщина.

— Нѣтъ, ты обвиняешь!.. Сами выходятъ замужъ Богъ знаетъ съ какимъ сумасшествіемъ... на нужду... на голодъ... перессориваются съ родными, а мужчину укоряютъ, отчего онъ не подлецъ, не изгибается, не кланяется...

Проговоря это, больной чуть не задохся, закашлявшись.

— Ну, перестань, не волнуйся; на̀, выпей травы,—сказала молодая женщина, подавая ему стаканъ съ какимъ-то настоемъ.

Зыковъ началъ жадно глотать, между тѣмъ какъ сынишка тянулся къ нему и старался своими ручонками достать до его все еще курчавыхъ волосъ.

— Ну, что жъ ты тамъ дѣлалъ?—спросилъ онъ, опять опускаясь на диванъ.

— Дѣлалъ то, что чуть не задохся отъ хандры и отъ бездѣйствія,—отвѣчалъ Калиновичъ:—и вотъ спасибо вамъ, что напечатали мой романъ и дали мнѣ возможность хоть немножко взглянуть на Божій свѣтъ.

При этихъ словахъ на лицѣ Зыкова отразилось какое-то грустное чувство.

— Ты тутъ черезъ генерала прислалъ къ намъ,—произнесъ онъ съ усмѣшкою.

— Да, это знакомый моего знакомаго, — отвѣчалъ Калиновичъ, нѣсколько озадаченный этимъ замѣчаніемъ.

— Дрянь же, братъ, у твоего знакомаго знакомые!—началъ Зыковъ: — это семинарная выжига, дѣйствительный статскій совѣтникъ... съ звѣздой... въ парикѣ и выдаетъ себя за любителя и покровителя русской литературы. Твою повѣсть прислалъ онъ при бланкѣ, этимъ, знаешь, отвратительно красивѣйшимъ кантонистскимъ почеркомъ написанной: «что-де его превосходительство Ѳедоръ Ѳедоровичъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе Павлу Николаичу и предлагаетъ напечатать сію повѣсть, имъ прочтенную и одобренную...» Скотина какая!

Калиновичъ нѣсколько сконфузился.

— Я, конечно, не зналъ, что ты тутъ участникъ и распорядитель, — началъ онъ съ принужденной улыбкою: — и, разумѣется, ни къ кому бы не отнесся, кромѣ тебя; теперь вотъ тоже привезъ одну вещь и буду тебя просить прочесть ее, посовѣтовать тамъ, гдѣ что нужнымъ найдешь перемѣнить, а потомъ и напечатать.

Послѣднія слова были сказаны какъ бы вскользь, но тонъ просьбы однако чувствительно слышался въ нихъ. Лицо больного приняло еще болѣе грустное и нѣсколько раздосадованное выраженіе.

— Что тебѣ за охота пришла повѣсти писать, скажи на милость?—вдругъ проговорилъ онъ.

Калиновичъ окончательно было-растерялся.

— Призваніе на то было! — отвѣчалъ онъ, краснѣя и съ принужденною улыбкой, но потомъ, тотчасъ же поправившись, прибавилъ:—Мнѣ, впрочемъ, нѣсколько странно слышать отъ тебя подобный вопросъ.

— Отчего же?—спросилъ Зыковъ.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Тебѣ собственно моя повѣсть могла не понравиться, но чтобъ вообще спрашивать такимъ тономъ...—проговорилъ онъ.

— Твоя повѣсть—очень умная вещь. И, Боже мой, развѣ

ты можешь написать что-нибудь глупое?—воскликнулъ Зыковъ.—Но послушай,—продолжалъ онъ, беря Калиновича за руку:—всѣ эти главныя лица твои—что жъ это такое?.. У насъ и въ жизни простолюдиновъ и въ жизни средняго сословія драма клокочетъ... ключомъ бьетъ подъ всѣмъ этимъ... страсти нормальны... протестъ правильный, законный; кто задыхается въ бѣдности, кого невинно и постоянно оскорбляютъ... кто между подлецами и мерзавцами самъ дѣлается мерзавцемъ, — а вы все это обходите и берете какихъ-то великосвѣтскихъ господъ и разсказываете, какъ они страдаютъ отъ странныхъ отношеній. Тьфу мнѣ на нихъ! Знать я ихъ не хочу! Если они и страдаютъ—такъ съ жиру собаки бѣсятся. И наконецъ: лжете вы въ нихъ! Нѣтъ въ нихъ этого, потому что они неспособны на то ни по уму, ни по развитію, ни по натуришкѣ, которая давно выродилась; а страдаютъ, можетъ-быть, отъ дурного пищеваренія, или оттого, что нельзя ли гдѣ захватить и цапнуть денегъ, или перепихнуть какимъ бы то ни было путемъ мужа въ генералы, а вы имъ навязываете тонкія страданія!

На послѣднихъ словахъ съ Зыковымъ сдѣлался опять сильнѣйшій припадокъ кашля, такъ что все лицо его побагровѣло. Жена, поблѣднѣвъ, подошла и крѣпко сжала ему голову, чтобъ хоть сколько-нибудь облегчить припадокъ.

– Перестань ты сердиться! Ей-Богу, скажу доктору,—произнесла она съ укоризной.—Не вѣрьте ему, Яковъ Васильичъ, повѣсть ваша понравилась и ему, и мнѣ, и всѣмъ, — прибавила она Калиновичу, который то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и сидѣлъ, кусая губы.

— Очень вамъ благодаренъ! — отвѣчалъ онъ и обратился къ Зыкову.

— Что жъ, ты меня укоряешь только за среду, которую я выбралъ и которую ты почему-то не любишь,—за это только?

— Нѣтъ, не за одно это, — отвѣчалъ больной съ упорствомъ:—во-первыхъ, мысль чужая, взята изъ «Жака».

Калиновичъ покраснѣлъ.

— Выразилась она далеко не въ живыхъ лицахъ, далеко—продолжалъ Зыковъ:—а я вотъ теперь, умирая, сохраняю твердое убѣжденіе, что художникъ даже думаетъ образами. Смотри, у Пушкина въ чисто-лирическихъ его движеніяхъ: «Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный я долго плакалъ предъ тобой»—образъ! «Мои хладѣющія руки тебя старались удержать»—еще образъ! «Но ты отъ горькаго лобзанья свои уста оторвала»—опять образъ! Или, наконецъ, Богъ съ ней, съ объективностью! Давай мнѣ лиризмъ—только настоящій, не дѣланный, а какъ у моего безцѣннаго Тургенева, который, зайдетъ ли въ

лѣсъ, спустится ли въ оврагъ къ мальчишкамъ, опишетъ ли тебѣ бретёра-офицера,—подъ всѣмъ лежитъ поэтическое чувство. А съ одной, братъ, разсудочной способностью, пожалуй, можно сдѣлаться юристомъ, администраторомъ, ученымъ, но никакъ не поэтомъ и не романистомъ—никакъ!

Калиновичъ ничего ужъ не возражалъ; но хозяйка опять заступилась за него.

— Какъ же ты говоришь такъ рѣшительно? Яковъ Васильичъ написалъ одну вещь—и ты ужъ произносишь свой судъ, а онъ напишетъ еще—и ты станешь думать другое, и это навѣрное будетъ!—сказала она мужу.

Зыковъ всплеснулъ руками.

— Господи Боже мой!—воскликнулъ онъ:—неужели ты думаешь, что если бъ я не ставилъ его Богъ знаетъ какъ высоко, моего умницу, такъ я бы сталъ говорить? Неужели ты хочешь, чтобъ онъ былъ какимъ-нибудь Дубовскимъ, которому вымаряютъ цѣлую часть, а онъ скажетъ очень спокойно, что это ничего, и напишетъ другую... Наконецъ чортъ съ ней, съ этой литературой! Она только губитъ людей. Вотъ оно, чего я достигъ съ ней: пусто тутъ, каверны, и ему чтобъ того же съ ней добиться...—заключилъ Зыковъ, колотя себя въ грудь и закрывая въ какомъ-то отчаяніи глаза.

Бѣдная жена отвернулась и потихоньку отерла слезы. Калиновичъ сидѣлъ, потупившись.

— Вотъ у меня теперь сынишка, и предсмертное мое заклятье его матери: пусть онъ будетъ солдатомъ, барабанщикомъ, цѣловальникомъ, квартальнымъ, но не писателемъ, не писателемъ... — заключилъ больной сиповатымъ голосомъ.

Калиновичъ и хозяйка молча переглянулись между собою.

— Вы все въ провинціи жили?—спросила та.

— Да,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— И не женились тамъ?

— Нѣтъ.

— Тамъ, я думаю, много хорошенькихъ,—прибавила съ улыбкою молодая дама.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Калиновичъ, слегка вздохнувъ, и бесѣда ихъ продолжалась еще нѣкоторое время въ томъ же нѣсколько натянутомъ тонѣ. Зыковъ наконецъ открылъ глаза. Калиновичъ воспользовался этимъ и, будто взглянувъ нечаянно на часы, проворно всталъ.

— Прощай однако,—проговорилъ онъ.

Больной обратилъ на него тоскливый взглядъ.

— Куда же ты? Посиди,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нужно: въ театръ хочу зайти, не бывалъ еще,— отвѣчалъ Калиновичъ.

Зыковъ привсталъ.

— Ну, прощай, коли такъ; Богъ съ тобой!.. Поцѣлуй однако меня,—сказалъ онъ, силясь своей слабой и холодной рукой сжать покрѣпче руку Калиновича.

Тотъ поцѣловалъ его.

— Во всякомъ случаѣ, любезный другъ,—началъ онъ:—хоть ты и не признаёшь во мнѣ дарованія, но такъ какъ у меня написана ужъ повѣсть, то я не желалъ бы совершенно потерять мой трудъ и просилъ бы тебя напечатать ее, и вообще пристроить меня на какую-нибудь постоянную при журналѣ работу, въ чемъ я крайне нуждаюсь по моимъ обстоятельствамъ.

— Хорошо, хорошо... устроимъ; только повѣстей ужъ больше не пиши,—отвѣчалъ съ улыбкою Зыковъ.

— Не буду, не буду,—отвѣчалъ въ свою очередь Калиновичъ тоже съ улыбкою.

Хозяйка пошла его проводить и, поставивъ опять сынишку къ стулу, вышла за нимъ въ переднюю.

— Пожалуйста, не сердитесь на него: видите, въ какомъ онъ раздраженномъ состояніи и какъ ужасно боленъ,—сказала она.

— Что̀ это, полноте, — подхватилъ Калиновичъ:—но что̀ такое съ нимъ, и давно ли это?

— Рѣшительно отъ этихъ проклятыхъ занятій и корректуръ: день и ночь работалъ,—отвѣчала Зыкова, и по щекамъ ея текли слезы уже обильнымъ ручьемъ.

— Видно, и въ самомъ дѣлѣ лучше отказаться отъ литературы,—проговорилъ, покачивая головой, Калиновичъ.

— Гораздо лучше!—подхватила Зыкова и сама заперла за нимъ дверь.

Герой мой долженъ былъ употребить надъ собой страшное усиліе, чтобы выдержать предыдущую сцену. Силу его душевной горечи можетъ понять только тотъ, кто знаетъ, что̀ такое авторское самолюбіе и, какъ бы камень съ неба, упавшее на насъ разочарованіе: шесть лѣтъ питаемой надежды, единственно-путеводной звѣзды для устройства карьеры, какъ не бывало! Получивъ когда-то въ уѣздномъ городкѣ обратно свою повѣсть, онъ имѣлъ тысячу правъ отнести это къ несправедливости, къ невѣжеству редакціи; но теперь было не то: Калиновичъ слишкомъ хорошо зналъ Зыкова и никакъ ужъ не могъ утѣшить себя предположеніемъ, что тотъ говоритъ это по зависти или по непониманію. Кромѣ того, какъ человѣкъ

умный, онъ хоть смутно, но понималъ свои творческія средства. Устами пріятеля какъ бы говорило ему его собственное сознаніе. Онъ очень хорошо зналъ, что въ немъ нѣтъ художника, нѣтъ того Божьяго огня, который заставляетъ работать неизвѣстно зачѣмъ и для чего, а потому только, что въ этомъ трудѣ все счастье и блаженство. Онъ взялся за литературу, какъ за видное и выгодное занятіе. Онъ думалъ обмануть публику, но вотъ одинъ изъ передовыхъ ея людей понялъ это, а можетъ-быть, понимаютъ также и сотни еще другихъ, а за ними пойметъ наконецъ толпа! И, Боже, сколько проклятій произнесъ герой мой самому себѣ за свои глупыя, студентскія надежды, проклятій этой литературѣ съ ея редакторами, Дубовскими и Зыковыми. «Служить надобно!»—рѣшилъ онъ мысленно и прошелъ въ театръ, чтобъ не быть только дома, гдѣ угрожала ему Амальхенъ. У кассы, сверхъ всякаго ожиданія, ему встрѣтился Бѣлавинъ. Калиновичъ нѣкоторое время недоумѣвалъ, поклониться съ нимъ или нѣтъ, однако тотъ, самъ замѣтивъ его, очень привѣтливо протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Здравствуйте, Калиновичъ. Вы тоже въ театръ?

— Да,—отвѣчалъ онъ.

Взявъ два билета рядомъ, они вошли въ залу. Ближайшимъ ихъ сосѣдомъ оказался молоденькій студентъ съ славными густыми волосами, закинутыми назадъ, и вообще очень красивый собой, но съ такимъ глубокомысленнымъ и мрачнымъ выраженіемъ на все смотрѣвшій, что невольно заставлялъ себя замѣтить.

Калиновичъ тоже былъ въ такой степени блѣденъ и разстроенъ, что Бѣлавинъ спросилъ его:

— Что съ вами? Здоровы ли вы?

— Не очень... Пришелъ сюда ужъ разсѣяться... Сегодня, кажется, драма?—отвѣчалъ онъ, чтобъ сказать что-нибудь.

— «Отелло»,—подхватилъ Бѣлавинъ.—Не знаю, какъ въ этотъ разъ, а иногда прелесть, что бываетъ! Главное, меня публика восхищаетъ—до наивности мила: чѣмъ восхищается и что ее трогаетъ...

— Да, — произнесъ односложно Калиновичъ, рѣшительно бывшій подъ вліяніемъ какого-то столбняка.

— Удивительно!—подтвердилъ Бѣлавинъ.

Студентъ, слушавшій ихъ внимательно, при этихъ словахъ какъ-то еще мрачнѣй взглянулъ на нихъ. Занавѣсъ между тѣмъ поднялся, и кто не помнитъ, какъ выходилъ обыкновенно Каратыгинъ на сцену? Въ «Отелло», въ совѣтъ сенаторовъ онъ влетѣлъ ужъ дѣйствительно чернымъ ворономъ,

способнымъ заклевать не только одну голубку, но, я думаю, цѣлое стадо гусей. Въ райкѣ и креслахъ захлопали.

— Что жъ это такое? — произнесъ тихо Бѣлавинъ, потупляя глаза.

Калиновичъ, ничего почти не видѣвшій, что происходило на сценѣ, отвѣчалъ ему, изъ приличія, улыбкой. Студентъ опять на нихъ посмотрѣлъ.

— Нехорошо-съ, нехорошо!..—повторилъ Бѣлавинъ.

— Отчего жъ нехорошо? — отнесся вдругъ къ нему студентъ, съ разгорѣвшимися глазами.

— Оттого нехорошо, что не по-человѣчески говоритъ, не по-человѣчески ходитъ: очень ужъ величественно!—отвѣчалъ съ улыбкою, но довольно вѣжливо, Бѣлавинъ.

— Это онъ дѣлаетъ какъ полководецъ, который привыкъ водить войска на поле битвы; это, я полагаю, исторически вѣрно,—сказалъ студентъ, пожимая плечами.

— Даже великолѣпное званіе полководца не даетъ ему на то права,—возразилъ Бѣлавинъ. — Величіе въ Отелло могло являться въ извѣстныя минуты, вслѣдствіе извѣстныхъ нравственныхъ настроеній, и онъ ужъ никакъ не принадлежалъ къ тѣмъ господамъ, которые, одинъ разъ навсегда создавъ себѣ великолѣпную позу, ходятъ въ ней: съ ней обѣдаютъ, съ ней гуляютъ, съ ней, я думаю, и спятъ.

Проговоря это, Бѣлавинъ взглянулъ значительно на Калиновича. Въ продолженіе всего дѣйствія, когда, послѣ сильныхъ криковъ трагика, раздавались аплодисменты, оба они или дѣлали гримасы, или потупляли глаза. Съ концомъ акта занавѣсъ упалъ. Бѣлавинъ, видимо утомленный скукою, всталъ и взялъ себя за голову.

— Двадцать пять лѣтъ,—началъ онъ съ досадою и обращаясь къ Калиновичу:—этотъ господинъ держитъ репертуаръ, и хоть бы одно задушевное слово сказалъ! Крики и крики— и больше ничего! Хорошъ, мнѣ разсказывали, способъ созданія у него ролей: берется, напримѣръ, какая-нибудь изъ нихъ, и положимъ, что въ ней пятьсотъ двадцать два различныхъ ощущенія. Всѣ они, отъ іоты до іоты, запоминаются и потомъ, старательно подчеркнутыя извѣстными тѣлодвиженіями, являются на сцену. Сердитъ я на васъ — я сейчасъ отворачиваюсь, машу на васъ руками. Люблю я васъ — я обращаю къ вамъ глупо-нѣжное лицо, беру ваши руки, прижимаю ихъ къ сердцу. Устрашить хочу васъ—и для этого выворачиваю глаза, хватаю васъ за руки, жму такъ, что кости трещатъ,—и все это, конечно, безъ всякой послѣдовательности въ развитіи страсти, а такъ, гдѣ вздумается, гдѣ

больше восклицательныхъ знаковъ наставлено, и потому можете судить, какой изъ всего этого выходитъ напрелестнѣйшій сумбуръ.

— Это, впрочемъ, собственно французская школа, — замѣтилъ Калиновичъ, думая съ насмѣшкою надъ самимъ собою:— «Мнѣ ли разсуждать объ искусствѣ, когда я самъ бездарнѣйшій человѣкъ».

— Да,—возразилъ ему Бѣлавинъ: — но дѣло въ томъ, что тамъ, какъ и во всякомъ старомъ искусствѣ, есть хорошія преданія: тамъ даже писатели, зная, напримѣръ, что такія-то положенія между лицами хорошо разыгрывались, непремѣнно постараются ихъ втиснуть въ свои драмы. Точно такъ же и актеръ: онъ очень хорошо помнитъ, что такой-то господинъ поражалъ публику тѣмъ-то, такой-то тѣмъ-то, и все это старается, сколько возможно, усвоить себѣ, и такимъ образомъ выходитъ что-то такое сносное, въ чемъ виденъ, по крайней мѣрѣ, умъ, сдержанность, приличіе сценическое. А вѣдь ужъ тутъ ничего нѣтъ, ровно ничего, кромѣ рьяности здороваго быка!..

Весь этотъ монологъ Бѣлавина студентъ прослушалъ, глазомъ не мигнувши.

— Мочаловъ въ этомъ отношеніи гораздо выше, — замѣтилъ Калиновичъ, опять чтобъ что-нибудь сказать.

— Помилуйте, какъ же это возможно!—воскликнулъ Бѣлавинъ:—это лицедѣй, балетчикъ, а тотъ человѣкъ... Помилуйте: одно ужъ это осмысленное, прекрасное подвижное лицо, этотъ симпатичный голосъ... Помилуйте!

— Говорятъ, напротивъ, Мочаловъ не имѣетъ ни голоса ни роста,—вмѣшался студентъ.

— Не знаю-съ, какой это нуженъ голосъ и ростъ; можетъ-быть, какой-нибудь фельдфебельскій или тамбурмажорскій; но если я вижу передъ собой человѣка, который въ равносильномъ душевномъ настроеніи съ Гамлетомъ, я смѣло заключаю, что это великій человѣкъ и актеръ!—возразилъ ужъ съ нѣкоторою досадою Бѣлавинъ и опустился въ кресло.

Занавѣсъ поднялся; къ концу акта онъ снова обратился къ Калиновичу:

— Замѣтьте, что этотъ господинъ одну только черту выражаетъ въ Отелло, которой, впрочемъ, въ томъ нѣтъ: это кровожадность, — а? Какъ вамъ покажется? Эта страстная, нервная и нѣжная натура у него выходитъ только мясникомъ; онъ только и помнитъ, что *крови, крови жажду я!* Это чортъ знаетъ что такое!

Проговоря это, Бѣлавинъ всталъ.

— Выйдемте! — сказалъ онъ Калиновичу, мотнувъ головою.

Тотъ молча послѣдовалъ за нимъ. Они вошли въ фойе, куда, какъ извѣстно, собирается, по большей части, публика бельэтажа и первыхъ рядовъ креселъ. Здѣсь одно обстоятельство еще болѣе подняло въ глазахъ Калиновича его новаго знакомаго. На первыхъ же шагахъ имъ встрѣтился генералъ.

— Славно играетъ! — отнесся онъ къ Бѣлавину, замѣтно желая знать его мнѣніе.

— Да, воинственнаго много! — отвѣчалъ тотъ съ двусмысленною улыбкою.

— Да,—подтвердилъ генералъ и прошелъ.

Далѣе потомъ ихъ нагналъ строгой наружности сѣдой господинъ, со звѣздой на фракѣ

— Здравствуйте, Петръ Сергѣичъ, — проговорилъ онъ почти искательнымъ тономъ.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ, проходя и весьма фамильярно, Бѣлавинъ.

Одна изъ попавшихся ему навстрѣчу дамъ обратилась къ нему почти умоляющимъ голосомъ:

— Когда жъ вы, cher ami, ко мнѣ пріѣдете?

— Сегодня же, графиня, сегодня же,—отвѣчалъ онъ ей съ улыбкой.

— Пожалуйста,—повторила графиня и ушла.

Не было никакого сомнѣнія, что Бѣлавинъ жилъ въ самомъ высшемъ кругу и имѣлъ тамъ вѣсъ.

«Нельзя ли его какъ-нибудь поинтриговать для службы?»— подумалъ Калиновичъ и, съ какимъ-то чувствомъ отчаянія, прямо приступилъ.

— Я пріѣхалъ сюда заниматься литературой, а приходится, кажется, служить,—проговорилъ онъ.

— Что жъ такъ?—спросилъ Бѣлавинъ.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Потому что все это,—началъ онъ:—сосредоточилось теперь въ журналахъ и въ рукахъ у редакторовъ, на которыхъ человѣку безъ состоянія врядъ ли можно положиться, потому что они не только что не очень щедро, но даже, говорятъ, не всегда вѣрно и честно платятъ.

— Говорятъ, что такъ... говорятъ!—подхватилъ Бѣлавинъ и грустно покачалъ головой.

— Если же стать прямо лицомъ къ лицу съ публикой, такъ мы сейчасъ видѣли, какъ много въ ней смысла и пониманія.

— Немного-съ, немного!..—подтвердилъ Бѣлавинъ.

— И наконецъ, — продолжалъ Калиновичъ: — во мнѣ самомъ, какъ писателѣ, вовсе нѣтъ этой обезьянской, актерской способности, чтобъ передразнивать различныхъ господъ и выдавать ихъ за типы. У меня одинъ смыслъ во всемъ, что я могъ бы писать: это — мысль: но ее-то именно проводить и нельзя!

— Какая тутъ мысль? Безсмыслiе намъ надобно!.. — воскликнулъ Бѣлавинъ.

— И выходитъ, что надобно служить, — заключилъ Калиновичъ съ улыбкою.

Бѣлавинъ сначала взмахнулъ глазами на потолокъ, потомъ опустилъ ихъ.

— Въ государствѣ, гдѣ все служитъ, конечно, ужъ удобнѣе и пріятнѣе служить... конечно! — произнесъ онъ, и нѣкоторое время продолжалось молчаніе.

— Но для меня и въ этомъ случаѣ затрудненіе, — началъ опять Калиновичъ: — потому что рѣшительно не знаю, какъ приняться за это.

— Что жъ? — возразилъ Бѣлавинъ съ удареніемъ: — это дорога торная: толцыте, и отверзется всякому!

— Но все-таки для начала нужна хоть маленькая протекція, — перебилъ Калиновичъ и остановился, ожидая, что не вызовется ли въ этомъ случаѣ Бѣлавинъ помочь ему.

Но тотъ молчалъ.

— У меня только и есть письмо къ директору, — продолжалъ Калиновичъ, называя фамилію директора: — но что это за человѣкъ?.. — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Человѣкъ, говорятъ, хорошій, — проговорилъ наконецъ Бѣлавинъ съ полуулыбкою и Богъ знаетъ что разумѣя подъ этими словами.

— Но когда его можно застать, я даже и того не знаю? — спросилъ Калиновичъ.

— Я думаю, поутру, часовъ до двѣнадцати, когда онъ бываетъ еще начальникомъ, а послѣ этого часа онъ обыкновенно дѣлается самымъ ничтожнѣйшимъ рабомъ, котораго бранятъ, и потому поутру лучше, — отвѣчалъ Бѣлавинъ явно ужъ насмѣшливымъ и непріязненнымъ тономъ.

Калиновичъ счелъ за лучшее перемѣнить предметъ разговора.

— Вѣроятно, скоро начнутъ, — сказалъ онъ.

— Да, — но я ухожу... Пожалуйста, посѣтите меня. Я живу на Невскомъ въ домѣ Энгельгарда, — проговорилъ Бѣлавинъ и уѣхалъ.

Калиновичъ сошелъ въ кресла. Тамъ къ нему сейчасъ же обратился съ вопросами студентъ:

— Какъ фамилія вашего знакомаго?

— Бѣлавинъ.

— А ваша?

— Калиновичъ, — отвѣчалъ онъ, ожидая, что тотъ спроситъ его, не авторъ ли онъ извѣстной повѣсти: «Странныя отношенія»; но студентъ не спросилъ.

«Даже этотъ мальчишка не знаетъ, что я сочинитель», — подумалъ Калиновичъ и уѣхалъ изъ театра. Возвратившись домой и улегшись въ постель, онъ до самаго почти разсвѣта твердилъ себѣ мысленно: «служить, рѣшительно служить», между тѣмъ какъ приговоръ Зыкова, что въ немъ нѣтъ художника, продолжалъ обливать страшнымъ, мучительнымъ ядомъ его сердце.

IV.

Несмотря на твердое намѣреніе начать службу, Калиновичъ однако около недѣли медлилъ итти представиться директору. Петербургъ ужъ начиналъ ему давать себя окончательно чувствовать, и хоть онъ не зналъ его еще съ бюрократической стороны, но ужъ заранѣе предчувствовалъ недоброе. Робко и нерѣшительно пошелъ онъ наконецъ однимъ утромъ и далеко не той смѣлою рукою, какъ у редактора, дернулъ за звонокъ передъ директорской квартирой. Дверь ему отворилъ курьеръ.

— Я имѣю письмо... — скромно проговорилъ Калиновичъ.

— Къ генералу? — спросилъ курьеръ.

— Да, къ генералу, — отвѣчалъ не вдругъ Калиновичъ, еще не знавшій, что въ Петербургѣ и статскихъ особъ четвертаго класса зовутъ генералами.

Курьеръ, указавъ ему на залу, пошелъ самъ на цыпочкахъ въ кабинетъ.

Калиновичъ вошелъ и сталъ осматривать.

Зала была оклеена какими-то удивительно пріятнаго цвѣта обоями; въ углу стоялъ мраморный каминъ съ бронзовыми украшеніями и съ своими обычными принадлежностями, у которыхъ ручки были позолочены. Черезъ тяжелую драпировку виднѣлось, что въ гостиной была поставлена цѣлая роща кактусовъ, банановъ, олеандровъ, и всѣ они затѣйливо осѣняли стоявшую промежъ нихъ разнообразнѣйшихъ формъ мебель. У директора была квартира казенная и на казенный счетъ меблируемая.

Кромѣ Калиновича, въ залѣ находились и другія лица; это были: незначительной, но довольно пріятной наружности мо-

лодой чиновникъ въ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и съ портфелемъ въ рукахъ. Ближе къ кабинету ходилъ другой молодой человѣкъ, тоже въ вицмундирѣ, съ тонкими, но сонными чертами лица и съ двойнымъ лорнетомъ на носу. Какъ бы въ доказательство небольшого уваженія къ тому мѣсту, гдѣ былъ, онъ насвистывалъ, впрочемъ, негромко арію изъ «Лючіи». Собственно просителей составляли: молодая дама, съ прекрасными карими глазами, но лицомъ страдальчески-худымъ и съ пересохшими губами. На ней было перекрашенное платье, дешевая шляпка и поношенныя перчатки. Несмотря на бѣдность этого костюма, въ немъ замѣтно было присутствіе нѣкотораго вкуса; видно было, что эта женщина умѣла одѣваться и когда-то иначе одѣвалась. Невдалекѣ отъ нея помѣщался плѣшивый старичокъ, одинъ изъ тѣхъ петербургско-чухонскихъ типовъ, которые своей наружностью ясно говорятъ, что они никогда не были умны ни красивы и никакихъ никогда возвышенныхъ чувствъ не имѣли, а такъ — чортъ знаетъ съ чѣмъ прожили на свѣтѣ — развѣ только съ тѣмъ, что поведенія были трезваго. Несмотря на свою мизерность, старичишка былъ одѣтъ щепетильно-чисто. Вдали отъ прочихъ, въ строго-офиціальной формѣ, стоялъ другой господинъ, въ потертомъ девятаго класса мундирѣ, при шпагѣ и со шляпою подъ мышкой; по непріятнымъ, желтаго цвѣта глазамъ, по вздернутымъ ноздрямъ маленькаго носа и по какой-то кислой улыбкѣ легко можно было заключить о раздражительности его темперамента.

Прошло около получаса въ ожиданіи. Молодой человѣкъ съ лорнеткой въ глазу началъ ужъ зѣвать

— Скоро Левъ Николаичъ выйдетъ? — спросилъ онъ другого чиновника.

— Я думаю, что скоро, ваше сіятельство,—отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ.

Молодой человѣкъ опять началъ ходить и насвистывать.

Наконецъ изъ гостиной появилась лѣтъ десяти дѣвочка, перетянутая, въ накрахмаленныхъ, коротенькихъ юбочкахъ и и съ голыми, по шотландской модѣ, икрами.

— Здравствуйте, душенька!—проговорилъ ей скромный молодой чиновникъ.

Она сдѣлала ему книксенъ и, замѣтно кокетничая, прошла въ кабинетъ папаши, вѣроятно, затѣмъ, чтобъ поздравить его съ добрымъ утромъ, и, выйдя оттуда, уже радостно пробѣжала назадъ, держа въ рукахъ красивую корзинку съ конфетами.

Вслѣдъ за ней вошелъ и самъ папаша. Это былъ худой и

высокій мужчина съ выдавшеюся впередъ, какъ у обезьянъ, нижнею челюстью, въ щеголеватомъ вицмундирѣ и со звѣздой на правой сторонѣ. При появленіи его всѣ подтянулись.

— Pardon, comte,—заговорилъ онъ, быстро подходя и дружески здороваясь съ молодымъ человѣкомъ.—Вотъ какъ занятъ дѣломъ—по горло!—прибавилъ онъ и показалъ рукой даже выше горла; но заявленные при этомъ случаѣ, тщательно вычищенные, длинные ногти сильно заставляли подозрѣвать, что не дѣлами, а украшеніемъ своего бреннаго и высохшаго тѣла былъ занятъ передъ тѣмъ директоръ.

— Pardon; dans un moment je serai à vous. Ayez la bonté d'entrer dans ma chambre. Pardon!—повторилъ онъ.

Молодой человѣкъ фамильярно кивнулъ головой и ушелъ въ кабинетъ. Директоръ обратилъ глаза на старика.

— Сдѣлано ваше дѣло, сдѣлано,—говорилъ онъ, подходя къ нему и пожимая мозглявую его руку.

— Значитъ, ваше превосходительство, сегодня и получить можно?—спросилъ тотъ.

— Можете-съ, и прокутить даже можете сегодня,—прибавилъ директоръ съ веселостью, не совсѣмъ свойственною его наружности и сану.

Старикъ оскалился своимъ огромнымъ ртомъ.

— Чего добраго, ваше превосходительство! Дѣло мое молодое; по пословицѣ: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро». До свиданья, ваше превосходительство,—говорилъ онъ, униженно раскланиваясь.

— До свиданья,—повторилъ директоръ и еще разъ пожалъ ему руку.

Старикъ ушелъ.

Что-то въ родѣ насмѣшливой гримасы промелькнуло на лицѣ чиновника въ мундирѣ. Директоръ между тѣмъ вѣжливо, но серьезно пригласилъ движеніемъ руки даму отойти съ нимъ подальше къ окну. Та подошла и начала говорить тихо: видно было, что слова у ней прерывались въ горлѣ и дыханіе захватывало. «Mon mari... mes enfants...»—слышалось Калиновичу. Директоръ, слушая ее, пожималъ только плечами.

— Que puis-je faire, madame?—воскликнулъ онъ и продолжалъ, прижимая даже руку къ сердцу:—если бъ вашъ мужъ былъ мой сынъ, если бъ наконецъ я самъ лично былъ въ его положеніи—и въ такомъ случаѣ ничего бы не могъ и не захотѣлъ сдѣлать.

Смертная блѣдность покрыла лицо молодой дамы.

— У насъ есть своя правда, своя юридическая совѣсть,—продолжалъ директоръ.—Между политическими преступниками

есть благороднѣйшіе люди; ихъ участь оплакиваютъ; но все-таки казнятъ, потому что юридически они виноваты.

Тупо и безсмысленно взглянула на него при этихъ словахъ бѣдная женщина.

— Мужъ мой, генералъ, не преступникъ: онъ служилъ честно,—произнесла она уже съ негодованіемъ.

— Que faire! Онъ боленъ цѣлый годъ, а служба не больница и не богадѣльня. Je vous répète encore une fois, que je n'en puis rien faire,—заключилъ директоръ и, спокойно отвернувшись, не взглянулъ даже, съ какимъ страдальческимъ выраженіемъ и почти шатаясь пошла просительница.

«Господинъ не изъ чувствительныхъ!»—подумалъ про себя Калиновичъ, между тѣмъ какъ директоръ прямо подошелъ къ нему и взглянулъ вопросительно.

— Титулярный совѣтникъ Калиновичъ!—произнесъ онъ.

— А, да! Attendez un peu,—проговорилъ довольно благосклонно директоръ и потомъ, обратившись къ господину въ мундирѣ и принявъ совершенно уже строгій, начальническій тонъ, спросилъ:

— Вамъ что?

— За что я погибать должонъ, то желаю знать, ваше превосходительство?—произнесъ тотъ, тщетно стараясь придать своему голосу просительское выраженіе.

Директоръ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Дѣло ваше еще не разсмотрѣно, слѣдовательно я ничего не знаю и ничего не могу вамъ сказать,—проговорилъ онъ скороговоркой и, быстро повернувшись спиной, ушелъ въ кабинетъ.

Аспидомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ чиновникъ; но потомъ потупился ненадолго и, какъ бы нѣчто придумавъ, подошелъ хитрой и лукавой походкой къ молодому чиновнику съ портфелемъ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе говорить съ г. Макреевымъ?—проговорилъ онъ.

— Точно такъ,—отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— Стало-быть, дѣло о Забоковѣ въ вашемъ столѣ по производству?

— Да, у меня.

— Я самый этотъ несчастный Забоковъ и есть,—продолжалъ чиновникъ:—и потому позвольте хоть съ вами имѣть объясненіе — сдѣлайте божескую милость!.. — прибавилъ онъ, сколько могъ, просительскимъ тономъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ съ прежнею вѣжливостью молодой чиновникъ.

— Г. начальникъ губерніи теперь пишетъ,—началъ Забоковъ, выкладывая по пальцамъ:—что я человѣкъ пьяный и характера буйнаго; но, дѣлая извѣтъ этотъ, его превосходительство, вѣроятно, изволили забыть, что каждый разъ, при проѣздѣ ихъ по губерніи, я пользовался счастьемъ принимать ихъ въ своемъ домѣ и удостоенъ даже былъ чести имѣть ихъ воспріемникомъ своего младшаго сына: значитъ, если я доподлинно человѣкъ такой дурной нравственности, то какимъ же манеромъ г. начальникъ губерніи могъ приближать меня къ своей персонѣ на такую дистанцію?

— Да-съ; но это очень мало идетъ къ дѣлу,—возразилъ было очень скромно столоначальникъ.

— Какъ мало идетъ къ дѣлу? Позвольте!—возразилъ уже съ своей стороны запальчиво чиновникъ.—Еще теперь г. начальникъ губерніи пишетъ, яко бы я къ службѣ нерадивъ и къ корыстолюбію склоненъ... Позвольте!.. Но по какому же теперь случаю онъ нерадиваго и корыстолюбиваго чиновника держалъ шесть лѣтъ на службѣ? Мало того: послѣ каждой ревизіи нерадивому чиновнику дѣлана была благодарность, что̀ и было опубликовано въ указахъ губернскаго правленія 1839, 40 и 41 годовъ, а въ 1842 году я награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени... Значитъ, и это нейдетъ къ дѣлу?—заключилъ онъ, злобно осклабляясь.

— Но что̀ жъ, если бъ это и шло къ дѣлу, что̀ изъ этого слѣдуетъ?—спросилъ замѣтно начинавшій сбиваться молодой столоначальникъ.

— Въ законѣ указано, что̀ слѣдуетъ за лживыя по службѣ донесенія, — отвѣчалъ ему опредѣлительно Забоковъ. — Дѣла моего,—продолжалъ онъ:—я не оставлю; высочайшаго правосудія буду ходатайствовать, потому что само министерство надѣлало тутъ ошибокъ въ своихъ распоряженіяхъ.

— Какія же это могли быть ошибки?—спросилъ молодой человѣкъ, старавшійся насмѣшливо улыбнуться.

— Ошибки такого рода,—отвѣчалъ, не измѣняя тона, Забоковъ:—я теперь удаленъ отъ должности, преданъ суду. Дѣло мое, по обсужденіи въ уголовной палатѣ, поступило на рѣшеніе правительствующаго сената, и вдругъ теперь министерство дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ новаго обо мнѣ изслѣдованія и подвергаетъ меня казаматному заключенію... На какомъ это основаніи сдѣлано?—позвольте васъ спросить.

— Это сдѣлано, сколько я помню, на основаніи новаго представленія начальника губерніи,—возразилъ столоначальникъ.

Уѣздный юристъ ядовито усмѣхнулся.

— Нѣтъ-съ, позвольте! Этого нельзя было сдѣлать,—началъ онъ:—новое представленіе начальника губерніи долженствовало быть передано въ правительствующій сенатъ для общаго обсужденія—только-съ, да! И если бъ уже онъ, по высочайше дарованной ему власти, нашелъ нужнымъ обслѣдовать его, тогда министерство приводи въ исполненіе и, по требованію его, сажай меня хоть въ кандалы; но само оно не могло этого сдѣлать, ибо покрывалось высшею властью сената... По крайней мѣрѣ, такъ сказано въ законахъ и такъ бывало въ старину, а нынче не знаю-съ!

— Прекрасно!—воскликнулъ молодой столоначальникъ, продолжая притворно улыбаться:—вы бы теперь убили человѣка и стали бы требовать, чтобъ обстоятельство это предано было къ соображенію съ какимъ-нибудь производящимся о васъ дѣломъ?

— Ой, нѣтъ-съ, нѣтъ! Не такъ изволите толковать: когда бы я убилъ человѣка, я бы, значитъ, сдѣлалъ преступленіе, влекущее за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а въ дѣлахъ такого рода полиція дѣйствительно дѣйствуетъ по горячимъ слѣдамъ, невзирая ни на какое лицо: фельдмаршалъ я, или подсудимый чиновникъ—ей все равно; а мои, милостивый государь, обвиненія чисто-чиновничьи; значитъ, они прямо слѣдовали къ общему обсужденію съ таковыми же, о которыхъ уже и производится дѣло. Законы, я полагаю, пишутся для всѣхъ одинакіе, и мы тоже ихъ мало-мальски знаемъ: я вотъ тоже посѣдѣлъ и оплѣшивѣлъ на царской службѣ, такъ пора кое-что мараковать; но, какъ собственно объяснялъ я и въ докладной запискѣ г. министру, что все мое несчастье единственно происходитъ по близкому знакомству господина начальника губерніи съ госпожою Марковой, каковое привести въ законную ясность я и ходатайствовалъ передъ правительствомъ неоднократно, и почему мое домогательство оставлено втунѣ—я неизвѣстенъ.

— Какую-то госпожу Маркову приплели!—проговорилъ молодой столоначальникъ, улыбаясь и потупляя глаза.

— Да-съ, Маркову, именно!—подтвердилъ Забоковъ:—вы вотъ смѣяться изволите, а можетъ-быть, черезъ нее не я одинъ, ничтожный червь, а вся губернія страдаетъ. Правительству давно бы слѣдовало обратить вниманіе на это обстоятельство. Любовь сильна: она и не такіе умы, какъ у нашего начальника, ослѣпляетъ и уклоняетъ ихъ отъ справедливости, въ законахъ предписанной.

Молодой столоначальникъ еще болѣе потупился. Подобное прямое и откровенное объясненіе, по его мнѣнію, совершенно уже выходило изъ предѣловъ службы.

— Не по винѣ моей какой-нибудь,—продолжалъ онъ:—погибаю я, а что мѣсто мое надобно было замѣнить г. Синицкимъ, ея роднымъ братомъ, равно какъ и до сихъ поръ еще вакантная должность бахтинскаго городничаго исправляется другимъ ея родственникомъ, о которомъ уже и производится дѣло, по случаю учиненнаго смертоубійства его крѣпостною дѣвкою надъ собственнымъ своимъ ребенкомъ, котораго она бросила въ колодецъ; но имъ это было скрыто, потому что дѣвка эта была его любовница.

Молодой столоначальникъ двусмысленно улыбнулся.

— Все это, сами согласитесь...—началъ-было онъ, но въ это время въ кабинетѣ послышался звонокъ, и проворно пробѣжалъ туда изъ лакейской курьеръ.

— Гововъ докладъ о графѣ?—спросилъ онъ, выходя.

— Готовъ,—отвѣчалъ торопливо столоначальникъ.

— Пожалуйте,—сказалъ курьеръ.

Столоначальникъ, схвативъ портфель, бросился въ кабинетъ, и ему вслѣдъ посмотрѣлъ злобно уѣздный чиновникъ.

— Коли маленькій человѣкъ, — началъ онъ съ ядовитой улыбкой и обращаясь нѣкоторымъ образомъ къ Калиновичу: — такъ и погибать надобно, а что старшіе дѣлаютъ, того и слушать не хотятъ,—да! Начальника теперь присылаютъ: милліонъ людей у него во власти, и хотя бы мало-мальски дѣло понимать могъ, такъ и за то бы Бога благодарили, а то пріѣдетъ, на первыхъ-то порахъ тоже, словно степной конь, начнетъ лягаться да брыкаться: «я-ста, говоритъ, справедливости ищу»; а смотришь, много черезъ полгода эту справедливость такой же нашъ братъ, суконное рыло, правитель канцеляріи, осѣдлаетъ да и ѣздитъ... и у всѣхъ одно правило: «намъ дай, а самъ не смѣй!». Да гдѣ я возьму? Изъ колѣнка, что ли, выломлю? А коли этого нѣтъ, такъ нынче вонъ молодыхъ да здоровыхъ начали присылать: такъ, гдѣ-нибудь въ Троицкой улицѣ, барыню заведетъ, да еще и не одну, а, какъ турецкій паша, двухъ, либо трехъ, и колѣнопреклонствуй передъ ними вся губернія,—да! А все только мы, маленькіе чиновники, виноваты. Эка ты, Господи Боже мой!—заключилъ Забоковъ, пожимая отъ удивленія плечами, а потомъ, обратившись къ Калиновичу, присовокупилъ:

— А вы, сударь, здѣсь изволите продолжать службу, или...

— Да, я, вѣроятно, буду здѣсь служить,—отвѣчалъ тотъ.

— И доброе дѣло-съ; дай Богъ вамъ счастья! А что въ нашихъ глухихъ мѣстахъ служить, такъ марать себя надо молодому человѣку. Я имѣю на то собственный примѣръ. Старшій сынъ мой, мальчикъ, не хвастаясь сказать, прекрасный, умный;

кончилъ курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ первымъ студентомъ, ну, и поступилъ-было въ чиновники особыхъ порученій—шагъ хорошій бы, кажется, для молодого человѣка, какъ бы дѣло въ порядкѣ шло, а то, при его-то неопытности, въ начальники попался человѣкъ заносчивый, строптивый. Какъ пріѣхалъ въ губернію, не оглядясь, не осмотрясь, бацъ въ Петербургъ донесеніе, что все скверно и мерзко нашелъ; выслужиться, знаете, хотѣлось поскорѣй: «вотъ-де я какой молодецъ; давай мнѣ за это чиновъ и крестовъ!..» Однакожъ тамъ фактовъ потребовали. Вотъ онъ навербовалъ этой молодежи да и разослалъ по губерніи: и, батюшки мои! слышимъ мы, ѣздятъ они, куролесятъ. Я своему и пишу: «Слушай, говорю, Александръ, на словахъ начальнику—что хочешь, въ угоду ему, ври, а на бумагѣ держись крѣпче закона». Такъ вѣдь гдѣ тутъ-съ! Отвѣчаетъ: «Нашъ, говоритъ, папенька, начальникъ съ такимъ вѣсомъ и направленіемъ, что можетъ не стѣсняться законами!» Изволите видѣть, умнѣй законовъ ужъ они стали! А на повѣрку вышло, что умника ихняго, за рѣзкость въ распоряженіяхъ, перевели въ другое мѣсто; а они и остались какъ ракъ на мели. Другой пріѣхалъ ужъ съ другой фанаберіей: человѣкъ въ лѣтахъ, семейный, нуждающійся: молодежь, значитъ, была ему не подъ руку; стали надобны люди поопытнѣй, чтобъ знали тоже, гдѣ и какъ оброчную статейку обдѣлать. Призвалъ онъ къ себѣ нашихъ голубчиковъ и самымъ деликатнымъ манеромъ: «Разсмотрѣть, говоритъ, по дѣламъ ихъ дѣйствія!», а тамъ, смотришь, и оказывается: гдѣ превышеніе, власти, гдѣ голословное обвиненіе, гдѣ односторонность въ направленіи дѣла. «Нѣтъ, говоритъ, господа, такъ служить нельзя!»—да и упряталъ двоихъ въ уголовную; а моему въ отставку велѣлъ подать. «Что, я говорю, Александръ, много напрыгали? Себя-то погубили, добра-то не надѣлали, а противозаконнаго тоже много совершили,—да!»

— Во всякомъ случаѣ, гораздо благороднѣе подобнымъ образомъ пострадать на службѣ, чѣмъ быть выгнану за взятки!—произнесъ съ гримасою Калиновичъ.

— Что, сударь, взятки! — возразилъ Забоковъ: — кто ихъ нынче не беретъ? Хоть бы взять тоже тѣхъ же молодыхъ людей: стали ихъ нынче по судебнымъ мѣстамъ посылать, и, признаться сказать, непріятно даже видѣть. Прежде, бывало, предсѣдатель сидитъ за зерцаломъ: старецъ маститый, орденами и сѣдинами украшенный; а нынче, что это, Боже ты мой! Торчитъ какой-нибудь, словно сосулька: молодо, худо, вертовато!.. Взятокъ, говорятъ, не беруть; а копни-ка поглубже, такъ сейчасъ и увидишь, что судится, напримѣръ, одинъ по-

мѣщикъ съ другимъ; дѣло одного правое, а гнутъ его, смотришь, въ пользу другого. Отчего это? Оттого, что у этого другого бываютъ балы да обѣды съ шампанскимъ, съ портеркомъ да съ коньячкомъ, али не то, такъ жена — женщина молодая да умная, по-французски молодыхъ людей заговаривать ловкая, — да! Значитъ, тоже на то и вышло: тѣхъ же щей, лишь пожиже влей; забывая то, что по присяжному листу мы клянемся не кривить душой: ни по корысти, ни по свойству, ни по родству, ни по дружбѣ. Передъ Богомъ все равна несправедливость, а то ужъ будто только однѣ деньги и взятки! Взятокъ на многіе фасоны много, и безъ нихъ быть не можетъ въ мірѣ.

— Однако за границей нѣтъ же взятокъ!

— Какъ нѣтъ взятокъ? Не можетъ быть! — возразилъ Забоковъ. — Не можетъ, сударь, быть! — повторилъ онъ утвердительно. — Гдѣ есть люди, тамъ есть и взятки. Теперь вотъ вашъ Петербургъ хвастаетъ: «у насъ, говоритъ, чиновники облагороженные»; ну, и, повидимому, кажись бы, такъ слѣдовало; кабы, кажется, и я въ этакихъ палатахъ жилъ, — продолжалъ Забоковъ, оглядывая комнату:—такъ и я бы дворянскую честь больше наблюдалъ, и у меня, можетъ-быть, руки не были бы въ салѣ замараны, хоть и за масло держался: но что жъ на повѣрку выходитъ? Его превосходительство теперь намъ съ вами головкой не мотнулъ, а старичонкѣ этому—поставщикъ онъ, выходитъ, на отопленіе, освѣщеніе и канцелярскія принадлежности — ему руку подалъ... И какъ прикажете понимать это — оракулъ и молчитъ. Хоть и далеко, сударь, живемъ, а про здѣшніе порядки тоже слыхали. Не отсюда бы къ намъ посылать ревизовать, а насъ бы сюда, такъ кое-что раскопали бы... Другую особу возведутъ тоже высоко, а тутъ-то, на грѣхъ, въ верхнемъ апартаментѣ мало. Значитъ, надобно людей себѣ способныхъ набирать; ну, а люди стали нынче тоже, охъ, какіе не дураки: коли онъ видитъ, что тебѣ нуженъ, такъ ужъ всю коку съ сокомъ выжметъ изъ тебя, какая только ему слѣдуетъ... смотришь, и доложатъ: служу-де я честно... въ столицахъ жизнь дорога... нуждаюсь... ну, значитъ, экономическія суммы, благо ихъ много, и за бока... тысячъ пять на серебро и отсчитаютъ заимообразно, да! А по нашимъ вотъ мѣстамъ губернаторъ тоже на одного станового поналегалъ да на ревизіи двадцати цѣлковыхъ по книгамъ не досчиталъ, такъ въ солдаты отдали: «казнограбитель» онъ, выходитъ! Али, теперь, пріѣдетъ земскій чиновникъ въ казенную деревню да поѣсть попроситъ, такъ и тѣмъ корятъ: «вы, говоритъ, міроѣды», того не разсудя, что

собака голодная на хорошій чужой дворъ забѣжитъ, такъ и ту накормятъ, — да!

Калиновичу наконецъ стало скучно слушать Забокова.

— Кто этотъ молодой человѣкъ, графъ? Не знаете ли вы?— спросилъ онъ, чтобъ перемѣнить разговоръ.

Забоковъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Это-съ вице-директоръ новый, — отвѣчалъ онъ лукавымъ тономъ. — Рода, сударь, онъ хорошаго: нельзя, чтобъ втунѣ пропадалъ для отечества. У него еще ни уса ни бороды нѣтъ, да и разуму, можетъ, столько же, а ему дали мѣсто пятаго класса да тысячи три, можетъ-быть, жалованья: онъ имъ за это бумажки три въ недѣлю и подпишетъ,—да! А мы, маленькіе чиновники, воротимъ годъ-то-годенскій, копны бумаги одной испишемъ, и все беремъ даромъ жалованье — что ты прикажешь дѣлать? — воскликнулъ Забоковъ; но въ это время дверь кабинета отворилась, и быстро прошелъ по залѣ новый вице-директоръ.

Въ одинъ моментъ уѣздный либералъ замолчалъ и вытянулся въ струнку.

— Генералъ васъ проситъ, — сказалъ вошедшій потомъ столоначальникъ Калиновичу.

Тотъ вошелъ въ кабинетъ, который оказался не менѣе редакторскаго кабинета и отличался только болѣе строгимъ, чиновничьимъ порядкомъ. Самъ директоръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ.

— Присядьте,—проговорилъ онъ, поправляя крестъ на шеѣ.

Калиновичъ сѣлъ на край деревяннаго кресла.

— Voulez vous fumer? — продолжалъ довольно любезно директоръ, предлагая ему сигару и зажигая даже огня.

При всемъ умѣньи владѣть собой, Калиновичъ чувствовалъ, что начинаетъ теряться: дрожащими руками взялъ онъ сигару и неловко закурилъ ее; директоръ тоже закурилъ и, кажется, приготовлялся говорить много и долго.

— Князь пишетъ, — началъ онъ: — что вы желали бы служить въ Петербургѣ.

— Я необходимо въ томъ нуждаюсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Калиновичъ, привставая.

— Да, — произнесъ протяжно директоръ: — но дѣло въ томъ, что я буду вамъ говорить то, что говорилъ уже десятку молодыхъ людей, которые съ такой же точно просьбой и не далѣе, какъ на этой недѣлѣ, являлись ко мнѣ. Что за желаніе у всѣхъ васъ, господа, служить именно въ Петербургѣ? Смотрите вы, что изъ этого выходитъ: здѣсь мы не знаемъ, куда дѣваться съ прекрасными, образованными молодыми людьми,

между тѣмъ какъ въ провинціи служатъ люди, подобные вонъ этому выгнанному господину, котораго вы видѣли и который, конечно, въ службѣ, кромѣ взятокъ и кляузъ, ничего не проводилъ. Какъ вамъ, молодому поколѣнію, не совѣстно допускать это?

— Но какую же служба можетъ быть въ провинціи? — скромно замѣтилъ Калиновичъ.

— Всякая, какая вы хотите! — воскликнулъ директоръ.— Чего вы здѣсь достигнете? Помощника столоначальника, столоначальника, начальника отдѣленія наконецъ... Но вѣдь это, сами согласитесь, мелкій канцелярскій трудъ, мертвое переложеніе мертвыхъ бумагъ, тогда какъ въ провинціи, за что вы ни возьметесь: слѣдственная, напримѣръ, часть — не самая ли это живая, служебная струйка? Вы становитесь тутъ лицомъ къ лицу съ народомъ, узнаёте его страсти, пороки, потребности... Или, въ судебномъ мѣстѣ, заняли вы должность какого-нибудь секретаря уголовной палаты—и уже сразу разрѣшаете участь людей *вы*, исключительно, потому что члены, я знаю, они только подписываютъ. Помилуйте, какъ это?.. Провинція — это какая только можетъ быть лучшая школа для службы...

— Перспективы нѣтъ, ваше превосходительство, въ провинціальной службѣ, — проговорилъ Калиновичъ.

— Напротивъ, гораздо больше, чѣмъ въ столицѣ! — возразилъ директоръ. — Здѣсь у васъ тысяча шансовъ быть, какъ говорится, затерту въ службѣ; но тамъ, по вашему образованію, вы непремѣнно служите на виду. Начальникъ губерніи, или тамъ предсѣдатель какой-нибудь другого вѣдомства узнаетъ васъ, и такъ какъ не всѣ же они кончаютъ въ провинціи свою службу, но большею частью переходятъ сюда, онъ васъ переводитъ съ собой, какъ чиновника, ему извѣстнаго и полезнаго, а вы, въ свою очередь, являетесь ужъ человѣкомъ опытнымъ и въ жизни и въ службѣ. Россію вы узнаете не по статистикѣ, механизмъ управленія изучите въ самомъ его приложеніи, а это очень важно. Практическіе люди, умѣющіе не только думать, но и дѣло дѣлать, очень въ настоящее время намъ нужны.

Калиновичъ не находилъ ничего, съ своей стороны, возразить на это и молчалъ.

— Всѣхъ васъ, молодыхъ людей,—я очень хорошо знаю,— продолжалъ директоръ: — манитъ Петербургъ, съ его изысканными удовольствіями; но повѣрьте, что, служа, вамъ будетъ некогда и не на что пользоваться этимъ; и наконецъ, если бъ даже въ этомъ случаѣ требовалось нѣкоторое самоотверженіе,

то посмотрите вы, господа, на англичанъ: они иногда цѣлую жизнь работаютъ въ какой-нибудь отдаленной колоніи съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и въ Лондонѣ; а мы не хотимъ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ лѣтъ поскучать въ провинціи для видимой общей пользы! Подобный эгоизмъ, по-моему, непростителенъ. Но что я говорю?.. Даже и въ смыслѣ эгоизма надобно каждому бѣжать этого Петербурга за одинъ его отвратительный климатъ, который отравляетъ и моритъ человѣка съ каждымъ глоткомъ воздуха.

«Ну, съ этакими мраморными каминами я перенесъ бы петербургскій климатъ», — подумалъ Калиновичъ.

— Меня, ваше превосходительство, болѣе привлекаютъ сюда мои обстоятельства, потому что я занимаюсь нѣсколько литературой, — сказалъ онъ, думая тѣмъ поднять себя въ глазахъ директора; но тотъ остался равнодушенъ, и даже какъ будто бы что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки промелькнуло на губахъ его.

— А! Вы занимаетесь литературой?.. Князь мнѣ не писалъ объ этомъ, — произнесъ онъ.

— Да, очень только немного, — отвѣчалъ Калиновичъ, догадываясь, что выстрѣлилъ невпопадъ.

— Что жъ вы пишете, прозой или стихами? — спросилъ директоръ.

— Прозой.

— Въ какомъ же родѣ?

— Я пишу повѣсти,—отвѣчалъ Калиновичъ, чувствуя, что все лицо его вспыхнуло.

— Повѣсти? — повторилъ директоръ: — въ такомъ случаѣ, я полагаю, вамъ лучше бы исключительно заняться литературой. Къ чему жъ вамъ служба? Она только будетъ мѣшать вашимъ поэтическимъ трудамъ, — произнесъ онъ.

Насмѣшка ужъ явно слышалась въ его тонѣ.

— Мое литературное значеніе, ваше превосходительство, такъ ничтожно, что я готовъ пожертвовать имъ для службы,— поспѣшилъ объяснить Калиновичъ.

— Да-а, — произнесъ протяжно директоръ и нѣсколько времени думалъ, глядя на свои длинные ногти.

— Очень бы желалъ,—началъ онъ, поднявъ голову:—сдѣлать для князя пріятное... Теперь у меня времени нѣтъ, но, пожалуйста, когда вы будете писать къ нему, то скажите, что попрежнему его люблю и уважаю, и недоволенъ только тѣмъ, что онъ нынче рѣдко сталъ ѣздить въ Петербургъ.

— Непремѣнно-съ, — подхватилъ Калиновичъ, привставая.

— Да-а, пожалуйста! — повторилъ директоръ.— Въ отноше-

ніи собственно васъ, могу только, если ужъ вамъ это непремѣнно угодно, могу зачислить васъ писцомъ безъ жалованья, и въ то же время долженъ предувѣдомить, что болѣе десяти молодыхъ людей терпятъ у меня подобную участь и, конечно, по старшинству времени, должны раньше васъ получить назначеніе, если только выйдетъ какое-нибудь, но когда именно дойдетъ до васъ очередь—не могу ничего сказать ни обѣщать опредѣлительно.

Говоря послѣднія слова, директоръ уже вставалъ.

Калиновичъ тоже всталъ.

— Безъ жалованья, ваше превосходительство, я не могу служить, — произнесъ онъ.

Директоръ пожалъ плечами.

Калиновичъ началъ раскланиваться.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — говорилъ директоръ, протягивая къ нему руку и устремляя ужъ глаза на развернутую передъ нимъ бумагу, — и тѣмъ свиданіе это кончилось.

Медленно и съ какой-то улыбкой ожесточенія прошелъ герой мой мозаическими плитами выстланную лѣстницу. День былъ сумрачный, дождливый. Тяжелыя облака висѣли почти надъ самыми трубами, съ какими-то глупыми намокшими рожами сновали туда и сюда извозчики. Сердито и проворно шли пѣшеходы подъ зонтиками. По срединѣ улицы проѣзжали, завернувшись въ рогожи, ломовые ребята, ни на кого и ни на что не обращая вниманія. Точно неприступные и непривѣтливые замки, казалось Калиновичу, глядѣли своими огромными окнами пяти- и шестиэтажные дома.

«А! вамъ хорошо тамъ внутри! Голодъ и нужда къ вамъ не достучатся!» — шепталъ онъ, сжимая кулаки, и, самъ не зная зачѣмъ, очутился на Аничкиномъ мосту, гдѣ, опершись на чугунныя перила, сталъ глядѣть на Фонтанку. Тамъ кипѣла дѣятельность: полоскали на плотахъ прачки бѣлье; въ нѣсколькихъ мѣстахъ поили лошадей; водовозы наливались водой; лодочникъ везъ въ яликѣ чиновника; къ огромному дому таскали на тачкахъ дикій камень сухопарые солдаты; двое чухонцевъ отпихивали шестомъ отъ моста огромную лайбу съ дровами. Всему этому люду Калиновичъ позавидовалъ.

«Каждый, кажется, мужикъ,—думалъ онъ:—способный, какъ животное, перетаскивать на своихъ плечахъ тяжесть, нужнѣй для Петербурга, чѣмъ человѣкъ думающій, какъ будто бы ума ужъ здѣсь больше всего накопилось, тогда какъ въ сущности одна только хитрость, коварство и терпѣніе сюда пролѣзли. Справедливо сказано, что посреди этой, всюду кидающейся въ

глаза, неизящной роскоши, и наконецъ при этой сотнѣ объявленныхъ увеселеній, въ которыхъ вы напередъ знаете, что намека на удовольствіе не получите, посреди всего этого единственное впечатлѣніе, которое можетъ вынесть человѣкъ мыслящій, — это отчаяніе, безвыходное, безотрадное отчаяніе. «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!»—написалъ бы я на въѣздныхъ сюда воротахъ для честныхъ бѣдняковъ!»—заключилъ онъ и пошелъ въ свой номеръ, почти не чувствуя, какъ брызгалъ ему въ лицо дождикъ, заползалъ даже за галстукъ, и что новые полусапожки его промокли насквозь.

V.

Разбитая надежда на литературу и неудавшаяся попытка начать службу, — этихъ двухъ ударовъ, которыми опривѣтствовалъ Калиновича Петербургъ, было слишкомъ достаточно, чтобы, соединившись съ климатомъ, свалить его съ ногъ: онъ заболѣлъ нервной горячкой и первое время болѣзни, когда былъ почти въ безпамятствѣ, ему было еще какъ-то легче, но съ возвращеніемъ сознанія душевное его состояніе стало доходить по временамъ до предѣловъ невыносимой тоски. Вмѣсто комфортабельной жизни, вмѣсто виднаго положенія въ обществѣ, знакомства съ разными государственными людьми, которымъ нуженъ литераторъ, нуженъ умъ, онъ лежалъ больной въ мрачномъ, сыромъ номерѣ, одинъ-одинехонекъ. Чтобы имѣть хоть кого-нибудь около себя, онъ принужденъ былъ нанять за дешевую плату неопрятнаго и оборваннаго лакея, который, тоже, видно, испытавъ неудачи въ Петербургѣ, былъ мраченъ и суровъ, и находилъ какое-то особенное наслажденіе не исполнять или не понимать того, что ему приказывали.

Въ своемъ мучительномъ уединеніи бѣдный герой мой, какъ нарочно, припоминалъ блаженное время своей болѣзни въ уѣздномъ городкѣ; еще съ ранняго утра обыкновенно являлся къ нему Петръ Михайлычъ и придумывалъ всевозможные разсказы, чтобъ только развлечь его; потомъ, уходя домой, говорилъ какъ бы сквозь зубы: «послѣ обѣда, я думаю, Настя зайдетъ», и она дѣйствительно приходила; а теперь сотни прелестнѣйшихъ женщинъ, можетъ-быть, проносятся въ красивыхъ экипажахъ мимо его квартиры, и хоть бы одна даже взглянула на его темныя и грязныя окна! Чрезъ нѣсколько дней, впрочемъ, изъ пятисотъ тысячъ жителей нашлась одна добрая душа: это былъ сосѣдъ Калиновича, жившій еще этажомъ выше его, — молодой нѣмецъ, съ толстыми ногами, простоватой физіономіей и съ какими-то необыкновенно добро-

душными вихрами по всей головѣ. Калиновичъ еще прежде съ нимъ познакомился, ходя иногда обѣдать за общій столъ, и съ первыхъ же словъ нѣмецъ показался ему такъ глупъ, что онъ не сталъ съ нимъ и говорить. Несмотря на это, добрый юноша, услышавъ о болѣзни Калиновича, пріотворилъ въ одно утро осторожно дверь и, выставивъ одни только свои вихры, проговорилъ:

— Вы больны?

— Да, боленъ. Войдите, — отвѣчалъ Калиновичъ слабымъ голосомъ.

Нѣмецъ вошелъ.

— Можетъ-быть, я васъ безпокою? — проговорилъ онъ, жеманно кланяясь.

— Нѣтъ; что жъ? Я очень радъ... Присядьте,—сказалъ Калиновичъ, дѣйствительно довольный, что хоть какое-нибудь живое существо къ нему зашло.

Нѣмецъ церемонно сѣлъ и съ непритворнымъ участіемъ началъ на него смотрѣть.

— Вы служите гдѣ-нибудь?— спросилъ Калиновичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, служу въ конторѣ Эйхмана, купеческой, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Много получаете жалованья?

— Да, тысячу цѣлковыхъ получаю.

«Этакій болванъ получаетъ тысячу цѣлковыхъ, а я ничего!» подумалъ Калиновичъ и не безъ зависти оглядѣлъ свѣженькій, чистенькій костюмъ нѣмца и его бѣлѣйшую, тонкаго голландскаго полотна рубашку.

— Вы играете въ карты? — спросилъ онъ.

— Да, играю, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Поиграемте, и ходите, пожалуйста, ко мнѣ: я со скуки не знаю, что дѣлать.

— Съ удовольствіемъ, если это вамъ пріятно, — отвѣчалъ нѣмецъ.

— А теперь вы свободны?

— Да; но сегодня праздникъ, свободный мой день: я желалъ бы прогуляться по Невскому.

— Ну, къ чорту Невскій! Неужели онъ вамъ не надоѣлъ? Сядемте теперь.

— Хорошо, — отвѣчалъ нѣмецъ, хоть теперь, кажется, вовсе ему не хотѣлось играть.

— Подай столъ и карты, — сказалъ Калиновичъ лакею.

Тотъ столъ подалъ и ушелъ въ свою конуру.

— Карты, болванъ! — крикнулъ Калиновичъ.

Лакей показался.

— Я не знаю, гдѣ карты-съ, — произнесъ онъ.

— Въ столѣ, скотина, животное! — говорилъ, почти плача отъ досады, больной.

Лакей, сердито посмотрѣвъ на него и отыскавъ наконецъ карты, грубо ихъ подалъ.

— Всѣ эти дни, не зная куда отъ тоски дѣваться, я ужъ гранъ-пасьянсъ раскладывалъ, — продолжалъ Калиновичъ съ горькой усмѣшкой.

— Какъ это жалко! — произнесъ нѣмецъ и, когда начали играть, оказался очень плохимъ мастеромъ этого дѣла.

Съ первой игры Калиновичъ началъ безъ церемоніи браниться: ставя ремизъ, онъ говорилъ:

— Такъ нельзя играть; это значитъ подсиживать!.. У васъ всѣ пріемные листы, а вы пасуете.

— Ахъ, да... виноватъ... да! — сознавался нѣмецъ простодушно и ужъ вслѣдъ затѣмъ объявлялъ такую игру, что оставался безъ трехъ и безъ четырехъ.

Калиновичъ пожималъ плечами.

— Вы играете рѣшительно какъ полоумный! — говорилъ онъ съ улыбкою презрѣнія.

— Ахъ, да! Это я дурно сыгралъ... — соглашался и съ этимъ партнеръ.

Такимъ образомъ они сыграли пульки три. Часу въ восьмомъ нѣмецъ хотѣлъ уйти.

— Куда жъ вы?—спросилъ Калиновичъ.

— Мнѣ нужно; я желаю быть въ одномъ домѣ въ гостяхъ,— отвѣчалъ тотъ съ улыбкою.

— Полноте, не ходите: а то что жъ я буду дѣлать?.. Это ужасно!.. Не ходите.

— Извольте, — отвѣчалъ покорно нѣмецъ, и такимъ образомъ они играли часовъ до двухъ ночи.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Калиновичъ, пользуясь своей способностью властвовать, завладѣлъ окончательно сосѣдомъ. Едва только являлся тотъ со службы и успѣвалъ отобѣдать, онъ зазывалъ его къ себѣ и сажалъ играть. Нѣмецъ немилосердно потѣлъ въ жарко натопленной комнатѣ, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ не зѣвать; но уйти не смѣлъ, и только ужъ впослѣдствіи участь его нѣсколько улучшилась; узнавъ, что онъ любитъ выпить, Калиновичъ иногда посылалъ для него бутылки по двѣ пива; но нѣмецъ и тѣмъ конфузился. Начиная наливать третій или четвертый стаканъ, онъ обыкновенно говорилъ:—«Я васъ не безпокою этимъ?» Такого дурного тона щепетильность возмущала Калиновича.

— Пейте, пожалуйста... Что жъ это такое?..—говорилъ онъ съ досадой.

Наглотавшись пива, нѣмецъ обыкновенно начиналъ играть еще глупѣе и почти каждый разъ оставался въ проигрышѣ рубля по три, по четыре серебромъ. Калиновича сначала это занимало, хотя, конечно, онъ привязался къ игрѣ больше потому, что она не давала ему времени предаваться печальнымъ и тяжелымъ мыслямъ; но, съ другой стороны, оставаясь постоянно въ выигрышѣ, онъ все-таки кое-что пріобрѣталъ и тѣмъ нѣсколько успокоивалъ свои практическія стремленія. Чрезъ мѣсяцъ однако ему и карты надоѣли, а нѣмецъ своей простотой и неразвитостью сталъ наконецъ невыносимъ. Напрасно Калиновичъ, чтобъ что-нибудь изъ него выжать, принимался говорить съ нимъ о Германіи, о ея образованіи, о значеніи въ политическомъ мірѣ: нѣмецъ рѣшительно ничего не понималъ. Въ какомъ-то дѣтскомъ, созерцательномъ состояніи жилъ онъ въ Божьемъ мірѣ, а между тѣмъ, что всего болѣе бѣсило Калиновича, былъ счастливъ. У него было нѣсколько такихъ же, вѣроятно, тупоголовыхъ нѣмцевъ-пріятелей; въ продолженіе цѣлаго лѣта они каждый праздникъ или ѣздили за рыбой, брали тони и напивались тамъ пьяны, или катались верхомъ по дачамъ. Кромѣ того у нѣмца было нѣсколько почтенныхъ и семейныхъ домовъ, куда онъ ходилъ на вечера, и на другой день всегда оставался очень этимъ доволенъ.

— Что жъ вы тамъ дѣлаете? — спросилъ его однажды Калиновичъ.

— А? Мы въ лото играемъ, танцуемъ; очень пріятно. — отвѣчалъ нѣмецъ.

— Любили ли вы когда-нибудь? Существуетъ ли для васъ какая-нибудь женщина? — продолжалъ Калиновичъ, желая допытать окончательно нѣмца.

Тотъ покраснѣлъ и потупился.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ.

— Какъ же нѣтъ? Вамъ, я думаю, ужъ лѣтъ двадцать пять.

— Да, мнѣ двадцать шесть лѣтъ, и когда женюсь, тогда... а теперь нѣтъ.

«Этакій безстрастный болванъ!»—подумалъ Калиновичъ и хотѣлъ уже выпроводить гостя, сказавъ, что спать хочетъ, но въ это время вошелъ лакей.

— Иволгинъ пріѣхалъ, — проговорилъ онъ своимъ гробовымъ голосомъ.

— Какой еще тутъ Иволгинъ? — спросилъ съ досадою и довольно громко Калиновичъ

Лакей молчалъ.

— Ну, проси, — прибавилъ онъ.

Гость вошелъ. Это былъ тотъ самый студентъ, который такъ наивно навязался ему на знакомство въ театрѣ. Калиновичъ еще больше нахмурился.

— Вы, можетъ-быть, не узнали меня? — говорилъ молодой человѣкъ.

Роскошные волосы его были на этотъ еще болѣе растрепаны; галстукъ свернутъ набокъ; на сюртукѣ недоставало трехъ пуговицъ.

— Нѣтъ-съ, напротивъ... — отвѣчалъ Калиновичъ, показывая рукой на ближайшій стулъ.

Студентъ сѣлъ и принялъ нѣсколько небрежную позу.

— Я, конечно, — началъ онъ довольно развязно: — давно бы воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ, но, вѣроятно, тогда ослышался въ адресѣ и даже сегодня перебывалъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти домахъ, отыскивая васъ.

«Нужно было очень хлопотать!» — подумалъ про себя Калиновичъ.

— Вы однако ужасно съ этихъ поръ перемѣнились, — продолжалъ студентъ.

— Я боленъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ.

— Какъ это досадно! — произнесъ молодой человѣкъ, дѣйствительно съ досадой на лицѣ: — а я именно сегодня шелъ къ вамъ съ одной моей просьбой... — прибавилъ онъ, потупляя глаза.

Калиновичъ молчалъ.

— Вы тогда говорили о Каратыгинѣ и вообще объ игрѣ актеровъ съ этимъ господиномъ... какъ его фамилія?

— Бѣлавинъ.

— Да, Бѣлавинъ; очень, кажется, умный человѣкъ, и я очень тоже бы желалъ съ нимъ познакомиться.

«Ну, тотъ врядъ ли раздѣляетъ это желаніе»,—опять подумалъ про себя Калиновичъ.

— Мнѣ совѣстно тогда было сказать о себѣ, — продолжалъ студентъ: — но я самъ страстный любитель театра, и страсть эта живетъ во мнѣ съ дѣтства и составляетъ мое величайшее блаженство и вмѣстѣ мое несчастье.

— Почему же несчастіе? — спросилъ Калиновичъ.

Студентъ горько усмѣхнулся.

— Потому, — началъ онъ насмѣшливымъ тономъ: — что я имѣлъ несчастье родиться на свѣтъ сыномъ очень богатаго человѣка и къ тому еще генералъ-лейтенанта, который говоритъ, что быть актеромъ позорно для русскаго дворянина

«Есть же на свѣтѣ такіе дураки, которые страдаютъ отъ того, что богаты и дѣти генераловъ»,—подумалъ про себя Калиновичъ.

— А вы думаете быть актеромъ? — спросилъ онъ.

— Да, это мое почти рѣшительное намѣреніе, — отвѣчалъ молодой человѣкъ: — и я нахожу, что идея отца совершенно ложная. По-моему, если вы теперь дворянинъ и писатель, почему жъ я не могу быть дворяниномъ и актеромъ, согласитесь вы съ этимъ?..

— Быть актеромъ, конечно, не позорно ни для кого, но въ самой дѣятельности есть разница.

— Какая же разница? Искусство сравниваетъ людей: писатель — художникъ и актеръ — художникъ.

— Большая и существенная разница: творчество одного свободно, самобытно; другое—подчиненное. Тѣ же отношенія, какъ исполнителя къ композитору: одинъ создаетъ, другой только усвоиваетъ, понимаетъ... — проговорилъ Калиновичъ.

— Но развѣ актеры не такъ же свободно создаютъ?.. Одинъ играетъ роль такъ, другой иначе, — не правда ли?—отнесся студентъ къ нѣмцу.

— Да, это такъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Я не про то говорилъ,—возразилъ нехотя Калиновичъ и, не надѣясь, видно, на понимательную способность своихъ слушателей, не хотѣлъ болѣе объяснять своей мысли и замолчалъ.

— Но скажите вы мнѣ, пожалуйста, — продолжалъ студентъ: — вы согласны съ этой мыслью господина Бѣлавина насчетъ Каратыгина?

— Кто жъ съ этимъ не согласенъ? — отвѣчалъ съ усмѣшкой Калиновичъ.

Студентъ пожалъ плечами.

— Не знаю-съ; я до сихъ поръ считалъ и считаю его величайшимъ трагикомъ и, разумѣется, невольно подражалъ ему, хотя, конечно, всегда старался сдѣлать что-нибудь свое, самобытное, — проговорилъ онъ.

— Стало-быть, вы избираете собственно драматическій родъ? — проговорилъ Калиновичъ.

— Драматическій. И потому вотъ теперь, чтобъ собственно испытать себя, я взялся именно за Шекспира; другой мѣсяцъ работаю надъ нимъ и, кажется, кое-что сдѣлалъ.

— Какъ же вы работаете? — спросилъ Калиновичъ съ скрытною насмѣшкою.

— Обыкновенно какъ: запираюсь въ своей комнатѣ, становлюсь передъ трюмо и начинаю изучать.

«А вѣдь лекцій, болванъ, вѣроятно, не слушаетъ», — подумалъ Калиновичъ.

— На которомъ вы курсѣ? — произнесъ онъ вслухъ.

— На второмъ, — отвѣчалъ студентъ съ пренебреженіемъ:— и, вѣроятно, кончу тѣмъ, — продолжалъ онъ. — Пускай отецъ, какъ говоритъ, лишаетъ меня благословенія и стотысячнаго наслѣдства: меня это не остановитъ, если только мнѣ удастся сдѣлать именно изъ Гамлета то, что я думаю.

«Вотъ дуракъ-то!» — продолжалъ думать самъ съ собой Калиновичъ.

— Роль Гамлета, кажется, очень трудна по тонкости въ отдѣлкѣ, — сказалъ онъ.

— Ужасна трудна! — подтвердилъ юноша: — но я откровенно могу вамъ сказать, что вполнѣ сочувствую ей, потому что самъ почти въ положеніи Гамлета. Отецъ мой, къ несчастью, имѣетъ привязанность къ нашей бывшей гувернанткѣ, отъ которой страдала наша мать и, можетъ-быть, умерла даже отъ нея, а теперь страдаемъ мы всѣ, и я, какъ старшій, чувствую, что долженъ былъ бы отомстить этой женщинѣ и не могу на это рѣшиться, потому что все-таки люблю и уважаю моего отца.

«Ну, и семейныхъ тайнъ не пощадилъ, этакая скотина!» — думалъ Калиновичъ

— За мое призваніе, — продолжалъ студентъ: — что я не хочу по ихъ дудкѣ плясать и сдѣлаться какимъ-нибудь офицеромъ, они считаютъ меня, какъ и Гамлета, почти сумасшедшимъ. Кажется, послѣ всего этого, можно сыграть эту роль съ душой; и теперь меня собственно останавливаетъ то, что знакомыхъ, которые бы любили и понимали это дѣло, у меня нѣтъ. Самому себѣ довѣрить невозможно, и потому, если бъ вы позволили мнѣ прочесть вамъ эту роль... я даже принесъ книжку... если вы только позволите...

— Если вамъ угодно; но я судья плохой, — отвѣчалъ Калиновичъ, проклиная въ душѣ гостя и его страсть.

— Вы судья превосходный, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, уже вставая и вынимая изъ кармана переводъ Полевого. — Не будете ли вы такъ добры прочитать за короля и королеву? — прибавилъ онъ, относясь къ нѣмцу.

— Извольте; но я говорю очень дурно по-русски, — отвѣчалъ тотъ.

— Это ничего; пожалуйста!.. — подхватилъ юноша и сталъ въ грустную позу Гамлета въ первомъ явленіи.—Начинайте!— сказалъ онъ нѣмцу, который, насилу нашедши, гдѣ говоритъ король, прочелъ:

— «Теперь къ тебѣ я обращаю рѣчь, мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!»

— «Немного больше брата, меньше сына»,—произнесъ молодой человѣкъ съ грустной улыбкой.

— «Зачѣмъ такія облака печали?»—прочелъ нѣмецъ.

— «Такъ близко къ солнцу радости, могу ли одѣть себя печали облаками, государь?» — отозвался съ грустной ироніей Гамлетъ.

— «Зачѣмъ ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь во прахѣ твоего покойнаго отца? Таковъ нашъ жребій: всѣмъ живущимъ умирать!» — возразилъ нѣмецъ.

— «Да, королева, всѣмъ живущимъ умирать: таковъ нашъ жребій!»—подтвердилъ многозначительно студентъ.

— «А если такъ, зачѣмъ же смерть отца тебя печалитъ, какъ будто тѣмъ законъ природы измѣненъ! Такъ кажется, смотря на грусть твою»,—продолжала королева.

— «Не кажется, но точно такъ я мыслю. Ни черныя одежды и ни вздохи, ни слезы и ни грусть, ни скорбь, ничто не выразитъ души смятенныхъ чувствъ, какими горестно терзаюсь я. Простите!»—проговорилъ молодой человѣкъ, пожавъ плечами и обращаясь къ нѣмцу. — Хорошо?—прибавилъ онъ своимъ уже голосомъ.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ нѣмецъ.

Калиновичъ сердито смотрѣлъ въ уголъ. Юноша ничего этого не замѣчалъ.

— Это еще не такъ хорошо, неловко съ переговорами. А лучше я прочту его извѣстную «to be or not to be»,—проговорилъ онъ скороговоркой и тотчасъ же ушелъ за дверь, откуда появившись совершенно грустный и печальный, началъ: — «Быть иль не быть—вотъ въ чемъ вопросъ. Что доблестнѣе для души: сносить удары оскорбительной судьбы, или вооружиться противъ моря золъ и побѣдить его, исчерпавъ разомъ! Умереть... уснуть?..» Нѣтъ, это не выходитъ, холодно; это не задушевно, не правда ли? — отнесся онъ къ нѣмцу.

— Это холодно, да! — подтвердилъ тотъ.

— Холодно, — согласился и самъ актеръ. — Позвольте, я лучше прочту другое, гдѣ больше одушевленія, — присовокупилъ онъ опять скороговоркой, и снова началъ: — «Для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ, о, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка! И если бы Всесильный намъ не запретилъ самоубійство, Боже мой, великій Боже! Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны дѣянья человѣка на землѣ! Жизнь! Что ты? Садъ, заглохшій подъ дикими безплодными травами. Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его, его, вла-

стителя, героя, полубога предъ этимъ повелителемъ ничтожнымъ, предъ этимъ мужемъ матери моей. Его, любившаго ее любовью столь пламенной. Небо и земля! Могу ль забыть? Она, столь страстная супруга, одинъ лишь мѣсяцъ, я не смѣю мыслить... О, женщины! Ничтожество вамъ имя... Башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа, какъ бѣдная вдова, въ слезахъ, и вотъ она — она! О, Боже! Звѣрь безъ разума, безъ чувства грустилъ бы долѣ. Она супруга дяди, который такъ походитъ на отца, великаго Гамлета, какъ я на Геркулеса!»—произнесъ трагикъ съ одушевленіемъ.—Хорошо это? Скажите мнѣ, пожалуйста! Вполнѣ ли я выполнилъ, или еще мнѣ надо поработать? — присталъ онъ уже къ Калиновичу.

— Хорошо, — отвѣчалъ тотъ и думая про себя:— «что жъ это такое наконецъ?»

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо?— спрашивалъ юноша съ блистающими отъ удовольствія глазами:—впрочемъ, у меня другое мѣсто выходило еще лучше. Позвольте ужъ! — прибавилъ онъ и, принявъ опять драматическую позу, зачиталъ:—«Комедіантъ! Наемщикъ жалкій и въ дурныхъ стихахъ мнѣ выражая страсти, плачетъ, блѣднѣетъ, дрожитъ, трепещетъ! Отчего и что причиной? Выдумка пустая! Какая-то Гекуба! Что жъ ему Гекуба? Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею? Что если бъ страсти онъ имѣлъ причину, какую я имѣю, онъ залилъ бы слезами весь театръ и воплемъ растерзалъ бы слухъ, и преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ бы у зрителей онъ заморозилъ кровь».

Послѣднія слова были такъ громко произнесены, что проходившая мимо квартирная хозяйка испугалась и, пріотворивъ двери, спросила:

— Батюшки! Что такое у васъ?

— Ничего,— отвѣчалъ Калиновичъ и, не могшій уже болѣе удержаться, покатился со смѣху.

Юноша сконфузился.

— У меня какъ-то не выходитъ... самъ чувствую... Не правда ли? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, что жъ? Ничего!—отвѣчалъ Калиновичъ.—А который часъ?—отнесся онъ, зѣвая, къ нѣмцу.

— Девять часовъ, и мнѣ позвольте ужъ уйти: я желаю еще быть въ одномъ мѣстѣ, — отвѣчалъ тотъ, вставая.

— Сдѣлайте одолженіе, — проговорилъ Калиновичъ и зѣвнулъ другой разъ нарочно.

Студентъ понялъ, что ему тоже пора убираться.

— И я не смѣю васъ больше безпокоить, — проговорилъ

онъ, берясь за фуражку: — но прошу позволить мнѣ, когда буду въ лучшемъ ударѣ, прійти еще къ вамъ и почитать.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ сухо Калиновичъ и, когда гости ушли, остался въ рѣшительномъ ожесточеніи.

— Это ужасно!— воскликнулъ онъ:—изъ цѣлаго Петербурга мнѣ выпали на долю только два дуралея, съ которыми если еще пробыть мѣсяцъ, такъ и самъ поглупѣешь, какъ бревно. Нѣтъ! — повторилъ онъ и, тотчасъ позвавъ къ себѣ лакея, строжайшимъ образомъ приказалъ ему студента совсѣмъ не пускать, а нѣмца рѣшился больше не требовать.

Тотъ, съ своей стороны, очень остался этимъ доволенъ и вовсе ужъ не являлся.

VI.

Около недѣли герой мой оставался совершенно одинъ и бо́льшую часть времени думалъ о Настенькѣ. Уединенныя воспоминанія воскресили предъ нимъ картину любви со всѣми мелкими, блаженными подробностями. Замкнутый и сосредоточенный по натурѣ своей, онъ началъ нестерпимо желать хоть бы съ кѣмъ-нибудь задушевно побесѣдовать, разсказать про свою любовь не изъ пустого, конечно, хвастовства, а съ цѣлью проанализировать себя, свои чувства и передать тѣ нравственные вопросы, которые по преимуществу безпокоили его. Перебирая въ головѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ, Калиновичъ невольно остановился на Бѣлавинѣ. «Вотъ съ этимъ человѣкомъ, кажется, можно было бы потолковать и отвести хоть немного душу», — подумалъ онъ и, не будучи еще увѣренъ, чтобъ тотъ пришелъ, рѣшился послать ему записку, въ которой, ссылаясь на болѣзнь, извинялся, что не былъ у него лично, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просилъ его сдѣлать истинно-христіанское дѣло—посѣтить его, больного, одинокаго и скучающаго. Въ отвѣтъ на это письмо, въ тотъ же вечеръ, въ маленькой прихожей раздался знакомый голосъ:

— Дома баринъ?

Калиновичъ даже вскочилъ отъ радости. Входилъ дѣйствительно Бѣлавинъ своей нѣсколько развалистой походкой.

— Здравствуйте! — проговорилъ онъ, радушно протягивая руку.

— Какъ я вамъ благодаренъ!— произнесъ Калиновичъ голосомъ, полнымъ искренней благодарности.

— Что́ это вы, Петербургу, видно, дань платите?—продол-

жалъ Бѣлавинъ, садясь и опираясь на свою, съ золотымъ набалдашникомъ, трость.

— Да, Петербургъ меня не побаловалъ ни физически ни нравственно, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Кого же онъ балуетъ, помилуйте! Городъ безъ свѣжаго глотка воздуха, безъ религіи, безъ исторіи и безъ народности!—произнесъ Бѣлавинъ, вздохнувъ.—Ну, что вы однако скажете мнѣ,—продолжалъ онъ:— вы тогда говорили, что хотите побывать у одного господина... Какъ вы его нашли?

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Этотъ господинъ, кажется, эссенція, выжимка чиновнической бюрократіи, въ которомъ все ужъ убито

— И убивать, я думаю, было нечего. Впрочемъ, онъ еще лучше другихъ; есть почище.

— Хорошъ и этотъ! Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, и не найдешь.

— Именно. Надобно воспитаться не только умственно, но органически на здѣшней почвѣ, и даже пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ и слоямъ, чтобъ образовался такой цвѣтокъ и букетъ... Удивительно!.. Все, что, кажется, самаго простого, а тѣмъ болѣе человѣка развитого, при другомъ порядкѣ вещей, стало бы непремѣнно шокировать, поселять смѣхъ, злобу, досаду — они всѣмъ этимъ безконечно услаждаются. Зная, напримѣръ, очень хорошо, что въ дѣятельности ихъ нѣтъ ничего плодотворнаго, живого, потому что она или скользитъ поверхъ жизни, или гнетъ, ломаетъ ее, они въ то же время великолѣпнѣйшимъ образомъ драпируются въ свою официальную тогу и кутаютъ подъ нее свою внутреннюю пустоту, думая, что никто этого даже и не подозрѣваетъ. Невообразимо что такое... Невообразимо!

— Меня, впрочемъ, этотъ господинъ отсылалъ къ болѣе активному труду, въ провинцію, говоря, что здѣсь нечего дѣлать! — замѣтилъ Калиновичъ.

— Это мило, это всего милѣй — такое наивное сознаніе!— воскликнулъ Бѣлавинъ и захохоталъ. — И правъ вѣдь, злодѣй! Единственный, можетъ-быть, случай, гдѣ, не чувствуя самъ того, говорилъ великую истину, потому что тамъ дѣйствительно, хоть криво, косо, болѣзненно, но что-нибудь да дѣлается, а тутъ ужъ ровно ничего, какъ только писанье и писанье... удивительно! Но все-таки, значитъ, вы не служите? — прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ, не служу, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— И лучше, ей-Богу, лучше! — подхватилъ Бѣлавинъ: — какъ вы хотите, а я все-таки смотрю на всю эту ихнюю кор

порацію, какъ на какую-то невѣдомую богиню, которой каждогодно приносятся въ жертву сотни молодыхъ умовъ, и рѣшительно портятся и губятся люди. И если васъ не завербовали — значитъ, довольно ужъ возлежитъ на алтарѣ закланныхъ жертвъ... Количество достаточное! Но пишете ли вы однако что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это вотъ дурно-съ... очень дурно! — проговорилъ Бѣлавинъ.

— Что дѣлать? — возразилъ Калиновичъ: — всего хуже, конечно, это для меня самого, потому что на литературѣ я основывалъ всю мою будущность и, во имя этихъ эфемерныхъ надеждъ, душилъ въ себѣ всякое чувство, всякое сердечное движеніе. Говоря откровенно, ѣхавши сюда, я долженъ былъ покинуть женщину, для которой былъ все; а такія привязанности нарушаются нелегко даже и для совѣсти!

— Да, бываетъ... — подтвердилъ Бѣлавинъ: — и вообще,— продолжалъ онъ:—когда нельзя думать, такъ ужъ лучше предаваться чувству, хоть бы самому узенькому, обыденному. Я вообще теперь, самъ холостякъ и бобыль, съ позднимъ сожалѣніемъ смотрю на этихъ простодушныхъ отцовъ семействъ, которые живутъ себѣ точно въ заколдованномъ кружкѣ, и все, что внѣ ихъ происходитъ, для нихъ тогда только чувствительно, когда ужъ колетъ ихъ самихъ или какой-нибудь членъ, органически къ нимъ привязанный, и такъ какъ требованіе ихъ поэтому мельче, значитъ, удовлетвореніе возможнѣе — браво, завидно!..

— Но всякій ли способенъ себя ограничивать этимъ? — возразилъ Калиновичъ.— Не говоря уже о матеріальныхъ, денежныхъ условіяхъ, бываетъ иногда нравственная запутанность.

— Что нравственная запутанность... помилуйте!— воскликнулъ Бѣлавинъ: — все это такъ сглаживается, стирается, поправливается временемъ...

— Ну, Богъ знаетъ, врядъ ли на время можно такъ разсчитывать!— перебилъ Калиновичъ.— Вотъ теперь мое положеніе,—продолжалъ онъ съ улыбкой:—благодаря нашему разсчетію, мы не можемъ, по крайней мѣрѣ долгое время, обманываться собственными чувствами. Я очень хорошо понялъ это, хоть люблю дѣвушку, насколько способенъ только любить, и въ то же время интересы литературные, общественные и наконецъ собственное честолюбіе и даже болѣе грубыя, эгоистическія потребности — все это живетъ во мнѣ, волнуетъ меня, и какимъ же образомъ я могъ бы рѣшиться всѣмъ

этимъ пожертвовать и взять, для нравственнаго продовольствія, на всю жизнь одно только чувство любви, которое далеко не наполняетъ всей моей души... какимъ образомъ? Но въ то же время это меня мучитъ.

Прислушиваясь къ словамъ Калиновича, Бѣлавинъ глядѣлъ на него своимъ умнымъ, пристальнымъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что тотъ хочетъ что-то такое спросить и не договариваетъ.

— Что жъ васъ именно тутъ мучитъ? — спросилъ онъ.

— Мучитъ, конечно, вопросъ, что, отрицаясь отъ этой дѣвушки, дурно я поступилъ или нѣтъ?—объяснилъ Калиновичъ опредѣлительнѣе.

Бѣлавинъ усмѣхнулся и, наклонившись на свою трость, нѣсколько времени думалъ.

— Объ этомъ въ послѣднее время очень много пишется и говорится,—началъ онъ.—И, конечно, если женщина начала васъ любить такъ, зря, безъ всякаго отъ васъ повода, тутъ и спрашивать нечего: вы свободны въ вашихъ поступкахъ, хоть въ то же время я зналъ такія деликатныя натуры, которыя и въ подобныхъ случаяхъ насиловали себя и дѣлались истинными мучениками тонкаго нравственнаго долга.

— И долга совершенно воображаемаго и придуманнаго, — замѣтилъ Калиновичъ.

— Да, почти, — отвѣчалъ Бѣлавинъ:— но дѣло въ томъ,— продолжалъ онъ: — что эмансипація правъ женскихъ потому выдвинула этотъ вопросъ на такой видный планъ, что, по большей части, мы обыкновенно, какъ Пилаты, умываемъ руки, ужъ бывши много виноватыми. Почти всегда серьезныя привязанности являются въ женщинахъ результатомъ того, что ихъ завлекали, обманывали надеждами, обѣщаніями, — ну, и въ такомъ случаѣ, мы, благодаря Бога, не древніе, не можемъ безнаказанно допускать амуру писать клятвы на водѣ. Шутить чужой страстью такъ же непозволительно, какъ и тратить безплатно чужія деньги.

— Вы говорите: «завлекали»! Кто же въ наше время рѣшится быть ловеласомъ, что ли? — возразилъ Калиновичъ. — Но хоть бы теперь, я самъ былъ тоже увлеченъ и не скрывалъ этого, но потомъ уяснилъ самому себѣ степень собственнаго чувства и вижу, что нѣтъ...

— Чего же собственно нѣтъ? — спросилъ Бѣлавинъ, еще пристальнѣе взглянувъ на Калиновича.

Тотъ нѣсколько замялся.

— Нѣтъ того, что не могу на ней жениться, — отвѣчалъ онъ.

Бѣлавинъ опять на нѣкоторое время задумался.

— Жениться!—повторилъ онъ:—что жъ! Если вы не рѣшаетесь на бракъ по вашимъ обстоятельствамъ или не рискуете на него изъ нравственнаго опасенія — любите просто!

— Какъ же просто?—воскликнулъ Калиновичъ: — это ужъ какая-то черезчуръ рыцарская и донкихотская любовь, не имѣющая ни плоти ни формы.

— Донкихотская! — повторилъ, грустно покачавъ головой, Бѣлавинъ:—не говорите этого. Вамъ особенно, какъ литератору, грѣхъ поддерживать это мертвящее направленіе, которое все, что не носитъ на себѣ какого-нибудь офиціальнаго авторитета, что не представляетъ на ощупь осязательной пользы, все это окрестили донкихотствомъ. И, повѣрьте мнѣ, безплодно проживетъ ваше поколѣніе, потому что оно окончательно утратило романтизмъ,—тотъ общій романтизмъ, который, съ одной стороны, выразился въ сентиментальности, а съ другой—слышался въ лирѣ Байрона и сказался открытіемъ паровъ. Да-съ, не коммерція ваша, этотъ плутъ общечеловѣческій, который пожираетъ теперь плоды, создала и изобрѣла желѣзную дорогу и винтъ: ихъ создалъ романтизмъ въ наукѣ. Что вы улыбаетесь? Конечно, ужъ начало этому кроется даже не въ головѣ ловкаго механика, приложившаго силу къ дѣлу, а прямо въ полусумасшедшихъ теоріяхъ алхимиковъ. Помилуйте, какъ это возможно! Я съ ужасомъ смотрю на современную молодежь, — продолжалъ онъ еще съ бо́льшимъ одушевленіемъ: — что жъ наконецъ составляетъ для нихъ смакъ въ жизни? Деньги и развратъ! По ихъ мнѣнію, женщина не имѣетъ другого значенія, какъ въ формѣ богатой невѣсты либо публичной особы — это ужасно! Тогда какъ я еще очень хорошо помню нашихъ дядей и отцовъ, которые, если бъ сравнить ихъ съ нами, показались бы атлетами, были и выпить не дураки, а между тѣмъ эти люди потому только, что нюхнули романтизма, *умѣли* и *не стыдились* любить женщинъ, по десятку лѣтъ не видавшись съ ними и поддерживая чувство одной только перепиской.

На послѣднихъ словахъ Калиновичъ опять улыбнулся.

— На романтизмъ, собственно стерновскій, — возразилъ онъ:—я смотрю совершенно иначе. По-моему, онъ предполагаетъ величайшее безстрастіе. Одна ужъ эта способность довольствоваться какой-нибудь перепиской показываетъ нравственное уродство, потому что, какъ вы хотите, но одни вѣчныя письма на человѣка нормальнаго, неизломаннаго, всегда будутъ имѣть скорѣе раздражающее, чѣмъ удовлетворяющее вліяніе.

— Отчего жъ раздражающее? Вы смѣшиваете чувство съ чувственностью,—замѣтилъ Бѣлавинъ.

О, Боже мой! Но какимъ же образомъ можно отдѣлить, особенно въ дѣлѣ любви, душу отъ тѣла? Это какъ корни съ землей: они ее переплетаютъ, а она ихъ облѣпляетъ, и я именно потому не позволяю себѣ переписки, чтобъ не дѣлать дѣвушкѣ еще большаго зла.

— Снявши голову, по волосамъ не тужатъ! И вы, кажется, этимъ оправдываете одно свое простое нежеланіе,—произнесъ съ улыбкою Бѣлавинъ.

— Напротивъ, мнѣ это очень тяжело, — подхватилъ Калиновичъ.—Я теперь живу въ какой-то душной пустынѣ. Алчущій сердцемъ, я знаю, гдѣ бѣжитъ свѣжій источникъ, способный утолить меня, но нейду къ нему по милости этого проклятаго анализа, который, какъ червь, подъѣдаетъ всякое чувство, всякую радость въ самомъ еще зародышѣ и, ей-Богу, составляетъ одно изъ величайшихъ несчастій человѣка.

Бѣлавинъ опять усмѣхнулся.

— Да, — произнесъ онъ: — много сдѣлалъ онъ добра, да много и зла; онъ погубилъ было философію, такъ что она едва вынырнула на плечахъ Гегеля изъ того омута, и то еще не совсѣмъ; а прочія знанія Богъ знаетъ куда и пошли. Все это бросилось въ детали, подробности; общее пропало совершенно изъ глазъ, и сольется ли когда-нибудь все это во что-нибудь цѣлое, и къ чему все это поведетъ... Удивительно!

— Поведетъ, конечно, къ открытіямъ.

— Да, вѣроятно; но все это будетъ мелко, безплодно, и повѣрьте мнѣ, что все истинно-великое и доброе, нужное для человѣка, подсказывалось синтетическимъ путемъ.

— Романтизмомъ науки! — замѣтилъ съ усмѣшкой Калиновичъ.

— Да, именно, романтизмомъ, — говорилъ Бѣлавинъ, вставая.—Прощайте однако, мнѣ пора.

— Куда же вы?

— Въ оперу итальянскую таскаюсь. До свиданья.

— Изъ нашихъ однако положеній, — говорилъ Калиновичъ, провожая гостя: — можно вывести довольно странное заключеніе, что господинъ, о которомъ мы съ вами давича говорили, долженъ быть величайшій романтикъ.

— Это какъ?—спросилъ тотъ.

— По рѣшительному отсутствію анализа, котораго, я думаю, въ немъ ни на грошъ нѣтъ.

Бѣлавинъ покатился со смѣху.

— Напротивъ!—возразилъ онъ:—у нихъ, если хотите, есть анализъ, и даже эта безплодная логическая способность дѣлать посылки и заключенія развита болѣе, чѣмъ у кого-либо; но дѣло въ томъ, что единица ужъ очень крупна: всякое нечистое дѣло, прикинутое къ ней, покажется совершеннѣйшими пустяками, меньше нуля. Прощайте однако, au revoir!—заключилъ Бѣлавинъ.

Послѣ бесѣды этой Калиновичъ остался окончательно въ какомъ-то лирическомъ настроеніи духа. Первымъ его дѣломъ было сейчасъ же приняться за письмо къ Настенькѣ.

«Мой единственный и безцѣнный другъ! — писалъ онъ: — первое мое слово будетъ: прости меня, что такъ долго не увѣдомлялъ о себѣ; причина тому была уважительная: я не хотѣлъ вовсе къ тебѣ писать, потому что, уѣзжая, рѣшился покинуть тебя, оставить, бросить, презрѣть—все, что̀ хочешь, и въ оправданіе свое хочу сказать только одно: дѣлаясь лжецомъ и обманщикомъ, я поступалъ въ этомъ случаѣ не какъ вѣтреный и пустой мальчишка, а какъ человѣкъ, глубоко сознающій всю черноту своего поступка, который омывалъ его кровавыми слезами, но поступить иначе не могъ. Изъ двухъ золъ, мнѣ казалось, я выбиралъ для тебя лучшее: ни тоска обманутой любви, ни горесть родныхъ твоихъ, ни худая огласка, которая, вѣроятно, теперь идетъ про тебя, ничто не въ состояніи сравниться съ тѣми мученіями, на которыя бы ты была обречена, если бъ я остался и сдѣлался твоимъ мужемъ. Я истерзалъ бы тебя обиднымъ раскаяніемъ, своими безполезными жалобами и, можетъ-быть, даже ненавистью своей. Что̀ дѣлать! Я не рожденъ для счастья семейной жизни въ бѣдной долѣ. Честолюбіе живетъ во мнѣ, кажется, на счетъ всѣхъ другихъ страстей и чувствъ, какъ будто бы древній римлянинъ возродился во мнѣ. Только *in forum*, на площади, мечталъ я постоянно жить, и только слава можетъ наполнить мою безпокойную душу. Еще бывши ребенкомъ, когда меня отправляли въ школу, и когда все, начиная съ умирающей матери до послѣдней поломойки, плакало около меня, одинъ я не проронилъ слезинки—и все это казалось мнѣ только глупо и досадно. Неудачи не задушили во мнѣ моей страсти, но только сдавили ее и сдѣлали упруже и стремительнѣе. Подъ ея вліяніемъ я покинулъ тебя, мое единственное сокровище, хоть видитъ Богъ, что сотни людей, изъ которыхъ ты могла бы найти добраго и нѣжнаго мужа—сотни ихъ не въ состояніи тебя любить такъ, какъ я люблю; но, обрекая себя на этотъ подвигъ, я не вынесъ его: разбитый теперь въ Петербургѣ во всѣхъ моихъ надеждахъ, полу-

умирающій отъ болѣзни, въ нравственномъ отношеніи, близкомъ къ отчаянію, и наконецъ безъ денегъ, я пишу къ тебѣ эти строчки, чтобъ ты подарила и возвратила мнѣ снова любовь твою. Не надѣйся быть ни женой моей, ни видѣть даже меня, потому что я рѣшился доканывать себя въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ; но все-таки люби меня и пиши ко мнѣ. Это единственная нравственная роскошь, которую мы можемъ дозволить себѣ. Ты поймешь, конечно, все, что я хотѣлъ тебѣ сказать, и снова дружески протянешь руку невольному мученику самого себя.

«Твой Калиновичъ».

Калиновичъ написалъ это письмо со всей искренностью, безъ всякой задней мысли порисоваться, написалъ потому, что желала того душа его, потому что въ эти минуты дѣйствительно онъ любилъ Настеньку.

VII.

Отправивъ письмо къ Настенькѣ, Калиновичъ превратился въ какое-то олицетворенное ожиданіе: худой, какъ привидѣніе, съ выраженіемъ тоски въ лицѣ, бродилъ онъ по петербургскимъ улицамъ, забывъ и свое честолюбіе, и свою бѣдность, и страшную будущность. Одна только мысль его каждый день была, что вотъ зайдетъ почтальонъ и принесетъ ему благодатную вѣсточку. Однимъ утромъ, не зная, что съ собой дѣлать, онъ лежалъ въ своемъ номерѣ, опершись грудью на окно, и съ какимъ-то тупымъ и безсмысленнымъ любопытствомъ глядѣлъ на улицу, на которой происходили обыкновенныя сцены: дворникъ противоположнаго дома, въ ситцевой рубахѣ и въ вязаной фуфайкѣ, лѣниво мелъ мостовую; изъ квартиры съ красными занавѣсками въ нижнемъ этажѣ выскочила съ кофейникомъ въ рукахъ растрепанная дѣвка и пробѣжала въ ближайшій трактиръ за водой; прошли потомъ похороны съ факельщиками, съ попами впереди и съ каретами назади, въ которыхъ мелькали черные чепцы и бѣлые плѣрезы. Разносчикъ, идя по улицѣ съ лаханью на головѣ и поворачиваясь во всѣ стороны, кричалъ: «лососина, рыба живая», а другой, шедшій по тротуару, залился, какъ бы въ перебой ему, звончайшимъ теноромъ: «огурцы зеленые». Все это было такъ знакомо и такъ противно, что Калиновичъ отъ досады плюнулъ и чуть не попалъ на шляпу проходившему мимо чиновнику. Но вотъ ѣдутъ еще дрожки: на нихъ сидитъ, къ нему спиной, должно-быть, молоденькая дама и въ очень непригляднойшляпкѣ. Она о чемъ-то спросила тащившаго

изъ всѣхъ силъ свою бочку водовоза. Тотъ ткнулъ въ отвѣтъ пальцемъ на ворота; дрожки подъѣхали. Калиновичу вдругъ стало легче жить и дышать, какъ будто онъ попалъ въ другую атмосферу. Не понимая, что̀ такое съ нимъ дѣлается, онъ перелегъ на диванъ и—странно!—самъ не зная къ чему, сталъ прислушиваться: вся кровь какъ будто прилила къ сердцу. По коридору раздались шаги; дверь растворилась; послышался знакомый голосъ... Калиновичъ вскочилъ. Непонятное предчувствіе не обмануло его: въ комнату входила Настенька.

— Здравствуй!—говорила она.

Обезумѣвшій Калиновичъ бросился къ ней и, схвативъ ее за руки, началъ ощупывать, какъ бы желая убѣдиться, не привидѣніе ли это, а потомъ между ними произошла та нѣмая сцена неожиданныхъ и радостныхъ свиданій, гдѣ избытокъ чувствъ не находитъ даже словъ. Настенька, сама не зная, что̀ дѣлаетъ, снимала съ себя бурнусъ, шляпку и раскладывала все это по разнымъ угламъ, а Калиновичъ только глядѣлъ на нее.

— Какъ же это ты пріѣхала?—заговорилъ онъ наконецъ, беря ее за руку.

— А ты, другъ мой, радъ мнѣ, да? Но какой же ты худой! Что̀ это? Зачѣмъ было такъ грустить?—отвѣчала она, всматриваясь ему въ лицо.

— Радъ,—отвѣчалъ Калиновичъ, опускаясь на диванъ и привлекая къ себѣ Настеньку.—Господи!—произнесъ онъ и, схвативъ себя за голову, зарыдалъ.

— Что̀ это, другъ мой, какъ это тебѣ не стыдно? Перестань!—говорила она, утирая ему глаза платкомъ.

— Какъ же это ты пріѣхала? Господи!—повторилъ Калиновичъ.

— Такъ и пріѣхала. Ты написалъ, что боленъ; я сказала отцу и пріѣхала.

— А что̀ отецъ? Скажи мнѣ...

— Онъ, бѣдный — пожалѣй его — боленъ, въ параличѣ,— отвѣчала Настенька, и голосъ ея задрожалъ.

— Какъ же это?—повторилъ Калиновичъ, все еще не могшій прійти въ себя.

Сколько ни былъ онъ радъ пріѣзду Настеньки, но въ глубинѣ души его уже шевельнулся отвратительный вопросъ: «какъ же и на что мы будемъ жить?»

— Вели однако взять мои вещи у извозчика! Есть у тебя кто-нибудь?—продолжала Настенька.

— Есть. Эй, Ѳедоръ!—крикнулъ Калиновичъ.

Ѳедоръ, конечно, не откликнулся на первый разъ.

— Что жъ ты, болванъ! — повторилъ Калиновичъ: — поди сейчасъ и принеси сюда вещи отъ извозчика.

Ѳедоръ, сердито промычавши себѣ подъ носъ, ушелъ.

— Ну что, не брани его!—сказала Настенька.

Калиновичъ горько улыбнулся.

— Если бъ ты, душа моя, только знала, что я, бывши больнымъ, перенесъ отъ этого животнаго...—проговорилъ онъ.

— Очень знаю и знала, но теперь тебѣ будетъ хорошо: я сама тебѣ стану служить,—отвѣчала Настенька, прижимаясь къ нему.

Ѳедоръ принесъ три узла, составлявшіе весь ея багажъ.

— Сколько я тебѣ, другъ мой, денегъ привезла! — продолжала она, проворно вскакивая съ дивана, и, доставъ изъ одного мѣшечка шкатулку, отперла ее и показала Калиновичу. Тамъ было тысячи двѣ серебромъ.

— Ахъ, ты, сумасшедшая! Какія же это деньги? — спросилъ онъ.

— Не твое дѣло,—отвѣчала Настенька.—Однако я ужасно устала и ѣсть хочу. Что жъ ты мнѣ чаю не велишь дать? — прибавила она.

— Ѳедоръ! Самоваръ! Живѣй! — крикнулъ Калиновичъ и опять привлекъ къ себѣ Настеньку, посадилъ ее около себя, обнялъ и началъ цѣловать.

На глазахъ его снова навернулись слезы.

— Ахъ, какой ты истеричный сталъ! Вѣдь я теперь около тебя: о чемъ же плакать?—говорила Настенька.

Ѳедоръ принесъ нечищенный самоваръ и двѣ старыя чашки.

— Перестань же, я чаю хочу. А ты хочешь? — прибавила она.

— Да, налей и мнѣ! Ты давно ужъ меня не поила чаемъ,— отвѣчалъ Калиновичъ.

— Давно, другъ мой, — сказала Настенька и, поцѣловавъ еще разъ Калиновича, сѣла разливать чай.—Ахъ, какія гадкія чашки!—говорила она, тщательно обмывая съ чашекъ грязь:—и вообще, cher ami, посмотри, какъ у тебя въ комнатѣ грязно и нехорошо! При мнѣ этого не будетъ: я все приведу въ порядокъ.

— Не до чего было: умирать сбирался... — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Этого не смѣйте теперь и говорить. Теперь вы должны быть счастливы и должны быть такимъ же франтомъ, какъ я въ первый разъ васъ увидала,—я этого требую!—возразила Настенька и, напившись чаю, опять сѣла около Калиновича.—

Ну-съ, извольте мнѣ разсказывать, какъ вы жили безъ меня въ Петербургѣ: измѣняли мнѣ или нѣтъ?

— Не до измѣнъ было! — отвѣчалъ Калиновичъ, скрывъ притворнымъ вздохомъ нетвердость въ голосѣ.

— Я знаю, другъ мой, что ты мнѣ не измѣнишь, а все-таки хотѣла тебѣ ухо надрать больно-больно: вотъ какъ!..— говорила Настенька, теребя потихоньку за ухо:—придумалъ тамъ что-то такое въ своей головѣ, не пишетъ ни строчки, самъ боленъ...

— Ну, прости меня!—сказалъ Калиновичъ, цѣлуя ея руку.

— Прости? А ты не знаешь, что довелъ-было меня до самоубійства.

Калиновичъ посмотрѣлъ на нее.

— О, вздоръ какой!—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не вздоръ; послѣ этого ты не знаешь ни характера моего ни любви моей къ тебѣ,—возразила Настенька.— Тогда, какъ ты уѣхалъ, я лумала, что вотъ буду жить и существовать письмами; но вдругъ человѣкъ не пишетъ мѣсяцъ, два, три... полгода наконецъ! Что другое могла я предположить, кромѣ смерти твоей! Спрашиваю всѣхъ, читаю газеты, журналы, чтобъ только имя твое встрѣтить — и никогда ничего! Князь тогда пріѣхалъ въ городъ; я, забывши всякій стыдъ, пошла къ нему... на колѣняхъ почти умоляла сказать, не знаетъ ли чего о тебѣ.—«Ничего, говоритъ, не знаю!»

Калиновичъ слушалъ, потупивъ голову.

— И я рѣшительно бы тогда что-нибудь надъ собою сдѣлала,—продолжала Настенька:—потому что, думаю, если этотъ человѣкъ умеръ, что жъ мнѣ? Лучше ужъ руки на себя наложить,—и только Богъ еще, видно, не хотѣлъ совершенной моей погибели и внушилъ мнѣ мысль и желаніе причаститься... Отговѣла я тогда и пошла на исповѣдь къ этому отцу Серафиму—помнишь?—настоятель въ монастырѣ: все ему разсказала, какъ ты меня полюбилъ, оставилъ, а теперь умеръ, и что я рѣшилась лишить себя жизни.

Калиновичъ слегка улыбнулся и покачалъ головой.

— Что жъ онъ на это сказалъ тебѣ?—спросилъ онъ.

— А то сказалъ, что «привязанности, говоритъ, земныя у тебя сильны, а любила ли ты когда-нибудь Бога, размышляла ли о Немъ, безумная?» Я стою, какъ осужденная, и, конечно, въ этакую ужасную минуту, какъ вообразила, припомнила всю свою жизнь, такъ мнѣ сдѣлалось страшно за себя... «Неужели, говоритъ, твое развращенное сердце окаменѣло и для страха передъ Господомъ, Судьей грознымъ, во громахъ и славѣ царствующемъ? Молись, говоритъ, до кро-

ваваго пота!..» Какой-то трепетъ духовный, ужасъ, другъ мой, овладѣлъ мной... Знаешь, какъ иногда передъ причастіемъ ждешь, что вотъ огонь небесный спалитъ тебя недостойную. Всплеснула я руками, бросилась на колѣни и точно ужъ молилась: всю, кажется, душу мою, все сердце выплакала. «Я, говоритъ, теперь положу на тебя епитимью, и когда увижу, что душа твоя просвѣтлѣла, тогда причащу», и началъ потомъ говорить мнѣ о Богѣ, о назначеніи человѣка... Именно раскрылъ во мнѣ это религіозное чувство... Я поняла тогда, какъ онъ выразился, что только вооруженные мечомъ любви къ Богу можемъ мы сражаться и побѣждать полчище нашихъ страстей.

Калиновичъ снова улыбнулся, и вообще онъ слушалъ Настеньку, какъ слушаетъ иногда мать милую болтовню своего ребенка. Та замѣтила наконецъ это.

— Ты смѣешься?.. Я умирала — а онъ смѣется! Что жъ это, другъ мой? — сказала она со слезами на глазахъ.

— Я не тому...—произнесъ Калиновичъ, цѣлуя ея руку.

— Я знаю чему!—подхватила Настенька: — и тебя за это, какъ, накажетъ Богъ. Ты вотъ теперь постоянно недоволенъ жизнью и несчастливъ, а послѣ будетъ съ тобою еще хуже— повѣрь ты мнѣ!.. За меня тоже Богъ тебя накажетъ, потому что, пока я не встрѣчалась съ тобой, я все-таки была на что-нибудь похожа; а тутъ эти сомнѣнія, насмѣшки... и что пользы? Какъ отецъ же Серафимъ говоритъ: «Сердце черствѣетъ, умъ не просвѣщается. Только на краеугольномъ камнѣ вѣры, страха и любви къ Богу можемъ мы строить наше душевное зданіе».

Калиновичъ нарочно старался смотрѣть въ уголъ.

— Не убивай во мнѣ этой силы, которую этотъ святой человѣкъ далъ мнѣ...

— Ну, хорошо, — перебилъ Калиновичъ: — скажи лучше, давно ли старикъ заболѣлъ?

Настенька вздохнула и отвѣчала:

— Все въ это же время! Онъ ужасно о тебѣ грустилъ... ну, и потомъ видитъ меня въ моемъ отчаянномъ положеніи. Если бъ тогда кто посмотрѣлъ на насъ — ужасъ что такое! Всѣ мы, напримѣръ, постоянно думали о тебѣ, а другъ съ другомъ ни слова объ этомъ; ко всему этому наконецъ будятъ меня разъ ночью и говорятъ, что съ отцомъ параличъ. Не имѣй я въ душѣ твердой религіи, я, конечно бы, опять рѣшилась на самоубійство, потому что явно выхожу отцеубійцей; но тутъ именно взглянула на это, какъ на новое для себя испытаніе, и рѣшилась отречься отъ міра, ходить за отцомъ — и онъ, сокровище мое, кажется, понималъ это: никому не позволялъ, кромѣ меня, лѣкарства ему подавать, бѣлье перемѣнять...

— Какъ же онъ отпустилъ тебя? — возразилъ Калиновичъ, глядя ей въ лицо.

Настенька махнула только рукой.

— И не спрашивай лучше!—проговорила она.—Тогда, какъ получила твое письмо, всѣмъ твоимъ глупостямъ, которыя ты тутъ пишешь, что хотѣлъ меня покинуть, я, конечно, не повѣрила, зная напередъ, что этого никогда не можетъ быть. Поняла только одно, что ты боленъ... и точно все перевернулось въ душѣ: и отца и обѣтъ свой — все забыла, и тутъ же рѣшилась, чего бы мнѣ ни стоило, ѣхать къ тебѣ.

Калиновичъ слегка улыбнулся.

— А что же отецъ Серафимъ? Какъ на это взглянулъ? — спросилъ онъ.

Настенька тоже усмѣхнулась.

— Какой ужъ тутъ отецъ Серафимъ! Смѣла я къ нему показаться съ такимъ намѣреніемъ! Все ужъ потихоньку сдѣлала и уѣхала, такъ что иногда я думаю и рѣшительно не понимаю себя. Что жъ это наконецъ за любовь моя къ тебѣ? Точно ты имѣешь надо мной какую-то сверхъестественную власть. Грѣха? И того какъ будто бы не существуетъ для меня въ отношеніи тебя. Кажется, если бъ меня совершенно убѣдили, что за любовь къ тебѣ я обречена буду на вѣчныя муки, я и тогда бы не побоялась и рѣшилась. Противъ отца теперь... какъ хочешь,—продолжала она, больше и больше одушевляясь:—я ужасно его люблю; но когда что коснется тебя—я жалости къ нему не чувствую. Когда задумала ѣхать къ тебѣ, сколько я тутъ налгала... Господи! Самъ онъ читать не можетъ; я написала, во-первыхъ, подъ твою руку письмо, что ты все это время былъ боленъ и потому не писалъ, а что теперь тебѣ лучше, и ты вызываешь меня, чтобъ жениться на мнѣ, но самъ пріѣхать не можешь, потому что долженъ при журналѣ работать — словомъ, сочинила цѣлую исторію... Палагею Евграфовну тоже поймала на одну удочку: отвела ее потихоньку къ себѣ въ комнату, стала передъ ней на колѣни. «Душечка, говорю, Палагея Евграфовна, не смущайте и не отговаривайте папашу. Вы сами, можетъ-быть, любите человѣка, и каково бы вамъ было, если бъ онъ больной былъ далеко отъ васъ: вы бы, конечно, пѣшкомъ убѣжали къ нему...» Ну, и разжалобила.

Калиновичъ качалъ головой.

— Ну, а капитанъ что? — спросилъ онъ.

— Ахъ, душка, съ капитаномъ у меня цѣлая исторія была! — отвѣчала Настенька. — Первые дни онъ только дулся; я и думала, что тѣмъ кончится: промолчитъ, по обыкновенію.

Однако вдругъ приходитъ ко мнѣ и своимъ, знаешь, запинающимся языкомъ говоритъ, что вотъ я ѣду, отецъ почти при смерти, и на кого я его оставлю... Мучилъ, я тебѣ говорю, терзалъ меня, какъ я не знаю что... И наконецъ прямо говоритъ, что ты меня опять обманешь, что ты, бывши еще здѣсь, сватался къ этой Полинѣ и княжеской дочкѣ, и что оттого уѣхалъ въ Петербургъ, что тебѣ вездѣ отказали... Тутъ ужъ я больше не вытерпѣла и вспылила. «Не смѣйте, говорю, дяденька, говорить мнѣ про этого человѣка, котораго вы не можете понимать; а въ отношеніи меня, говорю, любовь ваша не даетъ вамъ права мучить меня. Если, говорю, я оставлю умирающаго отца, такъ это нелегко мнѣ сдѣлать, и вы, вмѣсто того, чтобъ меня хоть сколько-нибудь поддержать и утѣшить въ моемъ ужасномъ положеніи, вы вливаете еще мнѣ яду въ сердце и хотите поселить недовѣріе къ человѣку, для котораго я всѣмъ жертвую!» И сама, знаешь, горько-горько заплакала; но онъ и тутъ меня не пожалѣлъ, а пошелъ къ отцу и такую штучку подвелъ, что если я хочу ѣхать, такъ чтобъ его съ собой взяла, заступникомъ моимъ противъ тебя. Можешь себѣ представить, какъ это взорвало меня съ моимъ самолюбіемъ! Я велѣла ему сказать черезъ людей, что я хоть и дѣвушка, но мнѣ двадцать три года, и въ гувернерахъ я не нуждаюсь, да и возить мнѣ ихъ съ собой не на что... Такъ и кончилось, такъ я и уѣхала, почти не простясь съ нимъ.

Калиновичъ опять покачалъ головой.

— Ну, зачѣмъ это? Онъ любитъ тебя... — проговорилъ онъ.

— Можетъ-быть, — возразила Настенька, вздохнувъ: — онъ только ужасно какой упрямый человѣкъ! Вообрази себѣ: при отъѣздѣ моемъ онъ ни въ чемъ не хотѣлъ мнѣ помочь, такъ что я рѣшительно обо всемъ сама должна была хлопотать. Во-первыхъ, денегъ надо было достать. Я очень хорошо знала, что у тебя ихъ мало, и вдругъ я пріѣду безъ ничего... Имѣнье рѣшилась заложить, отцу сказала — онъ позволилъ; однако, говорятъ, скоро этого нельзя сдѣлать. «Господи!—думаю:—что жъ мнѣ дѣлать?» А на сердцѣ между тѣмъ такъ накипѣло, что не жить—не быть, а ѣхать къ тебѣ. Придумала занять у почтмейстера, и вотъ, душа моя, видѣла скупого человѣка—ужасъ! Цѣлую недѣлю я каждый день къ нему ѣздила. Рѣшился наконецъ за какіе-то страшные проценты... послѣ мнѣ ужъ растолковали. Выхлопотала я наконецъ всѣ эти бумаги. Румянцевъ, спасибо, все помогалъ, его ужъ все посылала. Привожу ихъ къ нему, сталъ онъ деньги отсчитывать и,—

представь себѣ, дрожитъ, слезы на глазахъ: «не обманите, говоритъ, меня!»—просто плачетъ.

Проговоря это, Настенька утомилась и задумалась.

— Потомъ прощанья эти, разставанья начались,—снова продолжала она.—Отца ужъ только тѣмъ и утѣшала, что обѣщала къ нему осенью непремѣнно пріѣхать вмѣстѣ съ тобой. И, пожалуйста, другъ мой, поѣдемъ... Это будетъ единственнымъ для меня утѣшеніемъ въ моемъ эгоистическомъ поступкѣ.

Калиновичъ думалъ.

— Какъ же ты ѣхала? Неужели даже безъ дѣвушки?—спросилъ онъ, какъ бы желая перемѣнить разговоръ и не отвѣчая на послѣднія слова Настеньки.

— Да... Изъ города, впрочемъ, я выѣхала съ одной помѣщицей,—отвѣчала она:—дура ужасная, и—можешь вообразить мое нетерпѣніе скорѣй доѣхать, а она боится:—какъ темно, такъ останавливаемся ночевать, не ѣдемъ... Мнѣ кусокъ въ горло нейдетъ, а она ѣстъ, какъ корова... храпитъ. Потомъ у насъ колесо сломалось; извозчикъ намъ нагрубилъ, и въ Москвѣ наконецъ я рѣшительно осталась одна-одинехонька. Никого не знаю—ужасъ! Поѣхала однако на желѣзную дорогу; тамъ хотѣла съэкономничать, взяла въ третьемъ классѣ—и, представь себѣ, очутилась, рѣшительно, между мужиками: отъ тулуповъ воняетъ; а тутъ еще пьяный какой-то навязался,—началъ со мной куртизанить. Ночь наступила... ужасъ, я тебѣ говорю! Когда здѣсь вышла изъ вагона, такъ просто перекрестилась. «Господи!—думаю:—неужели теперь я не одна и увижу его, моего друга, моего ангела!» Охъ какъ я тебя люблю!

Говоря послѣднія слова, Настенька обвила Калиновича руками и прижалась къ его груди. Онъ поцѣловалъ ее въ раздумьѣ.

— Нѣтъ, такъ любить невозможно!—проговорилъ онъ.

— Отчего невозможно?—спросила Настенька.

— Такъ невозможно,—проговорилъ Калиновичъ, и на глазахъ его снова навернулись слезы.

VIII.

На первое время Настенька точно благодать принесла въ житье-бытье Калиновича. Здоровье его поправилось совершенно; ему возвратилась его прежняя опрятность и джентльменство въ одеждѣ. Вмѣсто грязнаго номера была нанята небольшая, но чистенькая и свѣтлая квартирка, которую они

очень мило убрали. Настеньку первое время безпокоила еще мысль о свадьбѣ, но заговорить и потребовать самой этого— было очень щекотливо, а Калиновичъ тоже не начиналъ. Впрочемъ, она, чтобъ успокоить отца, написала ему, что замужемъ, и съ умысломъ показала это письмо Калиновичу

— Посмотри, другъ мой, что я пишу,—сказала она съ улыбкой.

— Да, хорошо,—отвѣчалъ онъ тоже съ улыбкой. и разговоръ тѣмъ кончился.

Благодаря свободѣ столичныхъ нравовъ, положеніе ихъ не возбуждало ни съ какой стороны ни толковъ ни порицаній, тѣмъ болѣе, что жили они почти уединенно. У нихъ только бывали Бѣлавинъ и молодой студентъ Иволгинъ. Перваго пригласилъ самъ Калиновичъ, сказавъ еще напередъ Настенькѣ: «Я тебя, другъ мой, познакомлю съ однимъ очень умнымъ человѣкомъ, Бѣлавинымъ. Сегодня зайду къ нему, и онъ, вѣроятно, какъ-нибудь вечеркомъ завернетъ къ намъ». Настенькѣ на первый разъ было это несовсѣмъ пріятно.

— Нѣтъ... я не выйду,—сказала она:—мнѣ будетъ неловко... все, какъ хочешь, при нашихъ отношеніяхъ... Я лучше за ширмами послушаю, какъ вы, два умные человѣка, будете говорить.

— Вотъ вздоръ какой! Съ такимъ развитымъ и деликатнымъ человѣкомъ развѣ можетъ быть неловко?—возразилъ Калиновичъ и ушелъ.

Въ это самое утро, нѣжась и развалясь въ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ Бѣлавинъ въ своемъ кабинетѣ, уставленномъ по всѣмъ тремъ стѣнамъ шкапами съ книгами, на верху которыхъ стояли мраморные бюсты великихъ людей. Передъ нимъ на столѣ валялись цѣлыя кипы всевозможныхъ журналовъ и газетъ. Отъ нечего ли дѣлать, или по любви къ подобному занятію, но только онъ съ полчаса уже игралъ хлыстомъ съ красивѣйшимъ водолазомъ, у котораго глаза были, ей-Богу, умнѣй другого человѣка и который, какъ бы потѣшая господина, то ласково огрызался, тщетно стараясь поймать своей страшной пастью кончикъ хлыста, то падалъ на мягкій коверъ и граціозно начиналъ кататься.

Вошелъ Калиновичъ.

— Здравствуйте,—проговорилъ своимъ привѣтливымъ тономъ Бѣлавинъ, и, послѣ обычныхъ съ обѣихъ сторонъ жалобъ на петербургскую погоду, Калиновичъ сказалъ:

— Я теперь переѣхалъ на другую квартиру.

— А!—произнесъ Бѣлавинъ.

— Особа, о которой мы съ вами говорили, тоже пріѣхала сюда,—присовокупилъ онъ съ улыбкою и потупившись.

— А!—произнесъ опять Бѣлавинъ, тоже нѣсколько потупившись.—Очень радъ,—прибавилъ онъ.

Калиновичъ съ нѣкоторымъ усиліемъ объявилъ, что онъ желалъ бы познакомить Бѣлавина съ ней, и потому проситъ его какъ-нибудь удѣлить имъ вечерокъ.

— Непремѣнно-съ; сегодня же, если позволите,—отвѣчалъ Бѣлавинъ.

Затѣмъ они потолковали еще съ полчаса о разныхъ новостяхъ, при чемъ хозяинъ разговорился, между прочимъ, объ одной капитальной журнальной статьѣ, разобралъ ее съ свойственною ему тонкостью и, не найдя въ ней ничего новаго и серьезнаго, воскликнулъ:—Что это за бѣдность умственная,—удивительно!

— Удивительно!—повторилъ и Калиновичъ за нимъ.

Распростившись, онъ пошелъ къ своей Настенькѣ. Бѣлавинъ между тѣмъ, позвавъ человѣка, велѣлъ, чтобъ подавали экипажъ, намѣреваясь часа два походить по Невскому, а потомъ ѣхать въ Англійскій клубъ обѣдать. Странное и довольно любопытное явленіе могутъ представить читателю эти два человѣка, которыхъ мы видѣли теперь вмѣстѣ. Бѣлавинъ, сколько можно было его понять, по всѣмъ его убѣжденіямъ, былъ истый романтикъ, идеалистъ,—какъ хотите, назовите. Богатый человѣкъ, онъ почти не служилъ, говоря, что не можетъ укладываться ни въ какой служебной рамкѣ. Всю почти первую молодость онъ путешествовалъ: Римъ зналъ до послѣдней его картины, до самаго глухого переулка; прошелъ пѣшкомъ всю Швейцарію; жилъ и учился въ Парижѣ, въ Лондонѣ... но и только! Во всемъ остальномъ жизнь его была въ высшей степени однообразна и безцвѣтна. Вся она какъ будто бы состояла изъ этого стремленія къ образованію, изъ толковъ объ изящномъ, о наукѣ, о политикѣ, изъ хорошихъ потомъ обѣдовъ, изъ житья лѣтомъ въ своей усадьбѣ или на дачѣ, но всегда при удивительно хорошемъ мѣстоположеніи. Даже имѣніемъ своимъ онъ управлялъ особенно какъ-то расчетливо и спокойно. Самые искренніе его пріятели, въ отношеніи собственнаго его сердца, знали только то, что когда-то онъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которую за него не выдали, потомъ былъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ очень милой и умной дамой, которая умерла; но все это однако для самого Бѣлавина прошло, повидимому, легко; какъ будто ни одного дня въ жизни его не существовало, когда бы онъ былъ грустенъ, да и повода какъ будто къ тому не было,—тогда какъ героя моего, при всѣхъ свойственныхъ ему практическихъ стремленіяхъ, мы уже около трехъ лѣтъ находимъ

въ истинно-романтическомъ положеніи. Чѣмъ это условливалось? Въ самомъ ли дѣлѣ въ романтизмѣ лежитъ большая доля безстрастности, или, вообще, романтики, какъ люди болѣе требовательные, съ болѣе строгимъ идеаломъ, не такъ склонны подпадать увлеченіямъ, а потому какъ будто бы меньше живутъ и меньше оступаются?

Въ ожиданіи Бѣлавина, мои молодые хозяева нѣсколько попригоговились. Въ маленькой зальцѣ и кабинетѣ полъ былъ навощенъ; зажжена была вновь купленная лампа; предположено было, чтобъ чай, приготовленный съ нѣсколько изысканными принадлежностями, разливала сама Настенька, словомъ— проектировался одинъ изъ тѣхъ чайныхъ вечеровъ, которыми такъ изобилуетъ чиновничій Петербургъ.

— Вы извольте одѣться по-домашнему, не нарядно, но только посвѣжѣй, — сказалъ Калиновичъ Настенькѣ.

Онъ желалъ ею похвастаться передъ Бѣлавинымъ.

— Да, мой другъ, хорошо,—отвѣчала та, угадывая его намѣреніе.

Часовъ въ девять раздался звонокъ: Бѣлавинъ пріѣхалъ. Калиновичъ представилъ его Настенькѣ, какъ бы хозяйкѣ дома; она немного сконфузилась.

— Мы еще безъ васъ ужъ много о васъ говорили, — сказалъ гость безцеремоннымъ, но вѣжливымъ тономъ, пожимая ея маленькую ручку.

— А онъ говорилъ обо мнѣ?— спросила Настенька, взглянувъ на Калиновича

— Да,—отвѣчалъ значительно Бѣлавинъ, садясь и опираясь на свою дорогую трость.

— Ну, однако, скажите, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Настенькѣ, какъ бы старый знакомый: — вы, вѣроятно, въ первый разъ еще въ Петербургѣ? Скажите, какое произвелъ онъ на васъ впечатлѣніе? Я всегда интересуюсь знать, какъ все это отражается на свѣжемъ человѣкѣ

— Я еще почти не видала Петербурга и могу сказать только, что зодчество, или, собственно, скульптура — одно, что поразило меня, потому что въ другихъ мѣстахъ Россіи... я не не знаю, если это и есть, то такъ мало, что вы этого не увидите; но здѣсь чувствуется, что существуетъ это искусство, это бросается въ глаза. Эти лошади на мосту, сфинксы, на домахъ статуи...

Такъ старалась объяснить намеками свою мысль Настенька, видимо, желавшая заговорить о чемъ-нибудь поумнѣе.

— А что, пожалуй, что это и вѣрно!—произнесъ въ отвѣтъ ей Бѣлавинъ. — Я самъ вотъ теперь себя повѣряю! Дѣйстви-

тольно это такъ; а между тѣмъ мы занимаемъ не мили, а сотни градусовъ, и чтобъ имѣть только понятіе о зодчествѣ, надобно ѣхать въ Петербургъ — это невозможно!.. Страна черезчуръ ужъ малообильная изящными искусствами... Слишкомъ ужъ!..

— Въ театръ теперь все сбираемся и не можемъ никакъ попасть — такъ это досадно! — продолжала Настенька.

— Въ театръ теперь-съ, непремѣнно въ театръ! — подхватилъ Бѣлавинъ:—но только не въ Александринку—Боже васъ сохрани!—а то испортите первое впечатлѣніе. Въ итальянскую оперу ступайте. Это и Эрмитажъ, я вамъ скажу — два мѣста въ Петербургѣ, гдѣ дѣйствительно можно провести время эстетически.

— Да, и въ Эрмитажъ,—подхватила Настенька.

— Непремѣнно. И вотъ вамъ совѣтъ: не начинайте съ испанской школы, а то увидите Мурильо, и онъ убьетъ у васъ все остальное, такъ что вы смотрѣть не захотите, потому что Рафаэль тутъ очень слабъ... Нѣмецкая эта школа и плоха и мала... Во французской Пуссенъ еще васъ немного затронетъ, но Мурильо... этакой страстности въ колоритѣ, въ положеніи... Боже ты мой! И все это сдержанное, соразмѣренное величайшимъ художественнымъ тактомъ — неподражаемо! Онъ и богатство фламандской школы... это восхитительно...

— Ахъ, какъ я рада!—произнесла Настенька, пришедшая въ волненіе отъ одной ужъ мысли, что все это увидитъ. — Я не знаю,—продолжала она:—для музыки я, кажется, просто не рождена, потому что у меня очень дурной слухъ; но театръ... Я, конечно, сносnаго даже не видала, но, кажется, могу ужасно къ нему привязаться. И такъ мнѣ вотъ досадно на Якова Васильича: третьяго-дня, вообразите, приходилъ къ нему какой-то молодой человѣкъ Иволгинъ, который, какъ самъ онъ говоритъ, страстно любитъ театръ и непремѣнно хочетъ быть актеромъ; но Яковъ Васильичъ именно за это не хочетъ быть съ нимъ знакомъ! Это неумно и несовременно!

Послѣднія слова Настенька произнесла съ большимъ одушевленіемъ. Бѣлавинъ все пристальнѣе и внимательнѣе въ нее вглядывался.

— Да,—подтвердилъ онъ ей.

Калиновичъ между тѣмъ улыбался.

— Это вотъ тотъ самый студентъ, который въ театрѣ къ намъ прислушивался,—сказалъ онъ Бѣлавину.

Тотъ кивнулъ головой.

— Сынъ очень богатаго отца,—продолжалъ Калиновичъ:— который отдалъ его въ университетъ, но онъ тамъ ничего не

дѣлаетъ. Сначала увлеченъ былъ Каратыгинымъ, а теперь, сдуру, изучаетъ Шекспира. Явился наконецъ ко мнѣ, больному, началъ тутъ бѣсноваться.

— Ну, да; ты тогда былъ боленъ; а теперь что жъ? Ты самъ согласенъ, что все-таки стремленіе это въ немъ благородно: какъ же презирать его за это?—возразила Настенька.

— И особенно между петербургской молодежью,—вмѣшался Бѣлавинъ:—которая такъ вся подтянута, прилична, черства и никакихъ ужъ не имѣетъ стремленій ни къ чему, что хоть немного выходитъ изъ обыденнаго порядка.

— Да,—подтвердила Настенька.—Но согласитесь, если съ нимъ будутъ такъ поступать, и въ немъ убьютъ это стремленіе: явится недовѣріе къ себѣ, охлажденіе, а потомъ и совсѣмъ замретъ. Я, не зная ничего, приняла его, а Яковъ Васильичъ не вышелъ. Онъ, представьте, заклиналъ меня, чтобъ позволили ему бывать, говоритъ, что имѣетъ крайнюю надобность,—такъ жалко! Можетъ-быть, у него въ самомъ дѣлѣ есть талантъ.

— Какой тутъ талантъ! Что это такое! — воскликнулъ уже съ досадою Калиновичъ.— Ничего не можетъ быть несноснѣе для меня этой сладенькой миротворности, которая хочетъ все приголубить, а въ сущности это только нравственная распущенность.

— Ужъ вовсе у меня это не распущенность, а очень сознательное чувство!—возразила Настенька. — Онъ вотъ очень хорошо знаетъ,—продолжала она, указавъ на Калиновича и обращаясь болѣе къ Бѣлавину:—знаетъ, какой у меня ужасный отрицательный взглядъ былъ на Божій міръ; но когда именно пришло для меня время такого несчастья, такого паденія въ общественномъ мнѣніи, что каждый, кажется, могъ бросить въ меня безнаказанно камень, однако никто, даже изъ людей, которыхъ я, можетъ-быть, сама оскорбляла,—никто не далъ мнѣ даже и почувствовать этого какимъ-нибудь двусмысленнымъ взглядомъ,—тогда я поняла, что въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божья, искра любви. и перестала не любить и презирать людей.

— Нравственная перемѣна къ лучшему. — замѣтилъ Бѣлавинъ.

— Что жъ тутъ къ лучшему?—перебилъ Калиновичъ.— Вы сами заклятый гонитель зла... Послѣ этого, нашего знакомаго чиновнаго господина надобно только похваливать да по головкѣ гладить.

— Зло надобно преслѣдовать, а добро все-таки любить, — отвѣчалъ спокойно Бѣлавинъ.

— И тогда только вы будете въ человѣкѣ глубоко ненавидѣть зло, когда вы способны полюбить въ немъ искру, малѣйшую каплю добра! — подхватила Настенька съ полнымъ одушевленіемъ и ударивъ даже ручкой по столу.

— Браво!—воскликнулъ Бѣлавинъ, аплодируя ей. — Якову Васильичу, сколько я могъ замѣтить, капли мало: онъ любитъ, чтобъ все носило нѣкоторый мундиръ, имѣло рангъ; тогда онъ, можетъ-быть, и повѣритъ.

— Именно, — подхватила Настенька: — и въ немъ всегда была эта наклонность. Форма ему иногда закрывала глаза на такое безобразіе, которое должно было, съ перваго же разу, возмутить душу. Вспомни, напримѣръ, хоть свои отношенія съ княземъ, — прибавила она Калиновичу, который очень хорошо понималъ, что его начинаютъ унижать въ спорѣ, а потому разсердился не на шутку.

— Погодите! Я сейчасъ же вамъ доставлю удовольствіе наслаждаться этой искрой Божьей. Я сейчасъ же выпишу этого господина. Постойте; пускай онъ васъ учитаетъ!—проговорилъ онъ полушутливымъ и полудосадливымъ тономъ, и тутъ же принялся писать записку.

— Зачѣмъ же выписывать, чтобъ смѣяться потомъ?—замѣтила Настенька.

Бѣлавинъ одобрительно кивнулъ головой.

— Я не буду смѣяться, а посмотрю на васъ, что вы, миротворцы, будете дѣлать, потому что эта ваша задача — наслаждаться какимъ-нибудь зернышкомъ добра въ кучѣ хлама—у васъ чисто придуманная, и на дѣлѣ вы никогда ея не исполните,—отвѣчалъ Калиновичъ и отправилъ записку.

Студентъ не заставилъ себя долго дожидаться: еще не встали изъ-за чая, какъ онъ явился съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ!—проговорилъ онъ Калиновичу.

Тотъ представилъ его Бѣлавину.

— М-г Бѣлавинъ! — проговорилъ онъ съ усмѣшкою.

Студентъ пришелъ въ окончательный восторгъ.

— Какъ я радъ, что имѣю счастье... — началъ онъ съ запинкою и садясь около своего новаго знакомаго.—Яковъ Васильичъ, можетъ-быть, говорилъ вамъ...

Бѣлавинъ отвѣчалъ ему вѣжливой улыбкой.

— А что, какъ вашъ Гамлетъ идетъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Гамлета ужъ я, Яковъ Васильичъ, оставилъ,—отвѣчалъ студентъ наивно.— Онъ, какъ вы справедливо замѣтили, очень глубокъ и тонокъ для меня въ отдѣлкѣ; а теперь — такъ это

пріятно для меня, и я именно хотѣлъ, если позволите, посовѣтоваться съ вами—въ одномъ тамъ знакомомъ домѣ устраивается благородный спектакль, ну и, конечно, всей пьесы нельзя, но я предложилъ и хочу непремѣнно поставить сцены изъ «Ромео и Юліи».

— И сами, конечно, будете играть Ромео? — спросилъ Калиновичъ.

— Да, не знаю, какъ удастся. Конечно, на себя я еще больше надѣюсь, потому что все-таки много работалъ, но, главное, дѣвицы, которыя теперь участвуютъ, никакъ не хотятъ играть Юліи.

— Отчего жъ?—спросила Настенька.

Студентъ пожалъ плечами.

— Говорятъ,—отвѣчалъ онъ:—что роль трудна, и что Юлія любитъ Ромео, а выражать это чувство на подмосткахъ неприлично.

Настенька усмѣхнулась.

— Здѣсь то же, какъ и въ провинціи: тамъ, я знаю, въ одномъ домѣ хотѣли играть «Горе отъ ума», и ни одна дама не согласилась взять роль Софьи, потому что она находится въ такихъ отношеніяхъ съ Молчалинымъ!—отнеслась она къ Бѣлавину.

— Общая участь всѣхъ благородныхъ спектаклей! — отвѣчалъ тотъ.

— Прочитайте намъ что-нибудь, — сказалъ Калиновичъ студенту, съ явною цѣлью потѣшиться надъ нимъ.

— Если позволите, я и книгу съ собой принесъ,—отвѣчалъ тотъ, ничего этого не замѣчая. — Только одному неловко; я почти не могу... Позвольте васъ просить прочесть за Юлію. Soyez si bonne!—отнесся онъ къ Настенькѣ.

— Я никогда не читала такимъ образомъ и, вѣроятно, дурно прочту, — отвѣчала она, взглянувъ мелькомъ на Калиновича.

— Вы, вѣроятно, превосходно прочтете! — подхватилъ студентъ.

— Конечно, кому же, кромѣ васъ, читать за Юлію?—проговорилъ ей Калиновичъ.

Настенька незамѣтно покачала ему, съ укоризной, головой.

— Извольте, — сказала она и, желая загладить насмѣшливый тонъ Калиновича, взяла книгу, сначала просмотрѣла всю предназначенную для чтенія сцену, а потомъ начала читать, вовсе не шутя.

Студентъ пришелъ въ восторгъ.

— Превосходно! — воскликнулъ онъ и самъ зачиталъ съ жаромъ.

Калиновичъ взглянулъ-было насмѣшливо на Настеньку и на Бѣлавина; но они ему не отвѣтили тѣмъ же, а напротивъ, Настенька, начавшая слѣдующій монологъ, чѣмъ далѣе читала, тѣмъ болѣе одушевлялась и входила въ роль: привыкшая почти съ дѣтства читать вслухъ, она прочитала почти безукоризненно.

— Знаете что? Вы прекрасно читаете; у васъ рѣшительно сценическое дарованіе! — проговорилъ наконецъ Бѣлавинъ, сохранявшій все это время такое выраженіе въ лицѣ, по которому рѣшительно нельзя было угадать, что у него на умѣ.

— Ахъ, я очень рада!—подхватила Настенька.—Вдругъ я сдѣлаюсь актрисой,—прибавила она, обращаясь къ Калиновичу.

— Чего добраго!—отвѣчалъ тотъ.

Студентъ между тѣмъ пришелъ въ какое-то изступленіе.

— Превосходно, превосходно!—восклицалъ онъ и, обратившись къ Бѣлавину, сталъ того допрашивать.—Ну, а я что? Скажите, пожалуйста, какъ я?

— Ничего; къ стиху только прислушивайтесь; надобно больше вникать въ смыслъ и вообще играть нервами, а не полнокровіемъ!..—отвѣчалъ тотъ.

— Да, дѣйствительно, я именно этого и хочу достигнуть,— согласился студентъ. — Но вы превосходны! — обратился онъ къ Настенькѣ:—и, конечно... я не смѣю, но это было бы благодѣяніе, — если бъ позволили просить васъ сыграть у насъ Юлію. Театръ у нашей хорошей знакомой, madame Volmar... я завтра же съѣзжу къ ней и скажу: она будетъ въ восторгѣ.

— Благодарю васъ, но я никогда не играла,—полуоттоваривалась Настенька.

— De grâce, soyez si bonne! Будьте великодушны, я готовъ васъ на колѣняхъ просить!—приставалъ студентъ.

— Нѣтъ-съ, она не будетъ играть,—рѣшилъ Калиновичъ и, чтобъ прекратить эту сцену, обратился къ Бѣлавину и началъ съ нимъ совершенно другой разговоръ.

Студента однакожъ это не остановило: онъ все-таки сталъ потихоньку упрашивать Настеньку. Она его почти не слушала и, развернувъ «Ромео», который попался ей въ первый еще разъ, сама не замѣчая того, зачиталась.

— Ахъ, какъ это хорошо, Боже мой!—говорила она.

Студентъ глядѣлъ на нее съ какимъ-то умиленіемъ. Бѣлавинъ тоже останавливалъ на ней по временамъ свои задумчивые голубые глаза.

Часовъ въ двѣнадцать гости стали прощаться.

— Ну, батюшка, вы такимъ владѣете сокровищемъ!..—сказалъ Бѣлавинъ въ передней потихоньку Калиновичу.

Тотъ самодовольно улыбнулся и къ Настенькѣ, однако, возвратился въ раздумьѣ.

— Какой долженъ быть превосходный человѣкъ этотъ Бѣлавинъ!—сказала она.

— Да,—отвѣчалъ ей машинально Калиновичъ.

Мысли его были далеко въ эту минуту.

IX.

Сцена, которую я описалъ въ предыдущей главѣ, стала повторяться довольно часто, и нравственная стачка между Настенькой и Бѣлавинымъ начала какъ-то ярче и ярче высказываться. Калиновичъ между тѣмъ все больше удалялся отъ нихъ и сосредоточивался въ самомъ себѣ. Душа его была не такого закала, чтобъ наслаждаться тихой любовью и скромной дружбой. Маленькій комфортъ, который его окружалъ, сталъ казаться ему смѣшонъ до гадости. Съ чувствомъ какого-то ожесточенія отвертывался Калиновичъ отъ магазинныхъ оконъ, изъ которыхъ такъ красиво метались въ глаза разныя вещи, совершенно, кажется бы, необходимыя для каждаго порядочнаго человѣка. Проходя мимо огромныхъ домовъ, въ бельэтажахъ которыхъ, при вечернемъ освѣщеніи, черезъ зеркальныя стекла виднѣлись цвѣты, люстры, канделябры, огромныя картины въ золотыхъ рамахъ, онъ невольно пріостанавливался и съ озлобленной завистью думалъ: «Какъ здѣсь хорошо, живутъ же какіе-нибудь болваны-счастливцы!» То же дѣйствіе производили на него экипажи, трехтысячныя шубы и наконецъ служащій мундирный Петербургъ. Онъ не могъ видѣть безъ глубокаго, сердечнаго содроганія, когда выходилъ изъ какого-нибудь присутственнаго зданія господинъ еще не старыхъ лѣтъ, въ крестахъ, звѣздахъ и золотомъ камергерскомъ мундирѣ. Кромѣ ужъ этихъ прихотливыхъ и честолюбивыхъ желаній, впереди возставалъ еще болѣе существенный вопросъ: деньги, приведенныя Настенькой, конечно, должны были прожиться въ какой-нибудь годъ, но что потомъ будетъ? Калиновичъ ниоткуда и ничего не получалъ. Презрѣніе и омерзѣніе начиналъ онъ чувствовать къ себѣ за свое тунеядство: человѣкъ дѣятельный по натурѣ, способный къ труду, онъ не могъ заработать какого-нибудь куска хлѣба и питался послѣдними крохами своей бѣдной любовницы — это ужъ было выше всякихъ силъ! Чтобъ что-нибудь наконецъ предпринять, онъ рѣшился переломить самолюбіе, послать къ Зыкову повѣсть, заклиная напечатать ее и вообще дать ему работу при журналѣ. Лично самъ Калиновичъ не въ состоя-

ніи былъ доставить свое твореніе и выслушать, можетъ-быть, отъ пріятеля еще нѣсколько горькихъ уроковъ; но, чтобъ извинить себя, онъ объяснилъ, что три мѣсяца былъ боленъ и теперь еще никуда не выходитъ.

Въ отвѣтъ на это, онъ получилъ письмо съ черной печатью. Адресъ былъ написанъ женской рукой и весь смоченъ слезами. Ему отвѣчала жена Зыкова: «Друга вашего, къ которому вы пишете, болѣе не существуетъ на свѣтѣ: двѣ недѣли, какъ онъ умеръ, все ожидая хоть еще разъ увидѣться съ вами. Съ просьбой вашей я не знаю, что дѣлать. Не хотите ли, чтобъ я послала ваше сочиненіе къ Павлу Николаичу, который, послѣ смерти моего покойнаго мужа, хочетъ, кажется, ужасно съ нами поступить...» Далѣе Калиновичъ не въ состояніи былъ читать: это былъ послѣдній ударъ, который готовилась ему нанести судьба. Онъ зналъ, что какъ ни глубоко и ни сильно оскорбилъ его Зыковъ, но это былъ единственный человѣкъ въ Петербургѣ, который принялъ бы въ немъ человѣческое участіе и, по своему вліянію, приспособилъ бы его къ литературѣ, если ужъ въ ней остался послѣдній рессурсъ для жизни: но теперь никого и ничего не стало...

Вы, юноши и не-юноши, ищущіе въ Петербургѣ мѣстъ, занятій, хлѣба, вы поймете положеніе моего героя, зная, можетъ-быть, по опыту, что значитъ въ этомъ случаѣ потерять послѣднюю опору, между тѣмъ какъ раздражающаго свойства мысль не перестаетъ васъ преслѣдовать, что вотъ тутъ же, въ этомъ Петербургѣ, сотни дѣятельностей, тысячи службъ съ прекраснымъ жалованьемъ, съ баснословными квартирами, съ любовью начальниковъ, могущихъ для васъ сдѣлать вся и все — и только вамъ ничего не даютъ и васъ никуда не пускаютъ! Чтобъ скрыть отъ Настеньки свое отчаяніе, Калиновичъ проворно ушелъ изъ дому. Голова его рѣшительно помутилась; то думалось ему, что не найдетъ ли онъ потерянаго бумажника со ста тысячами, то нельзя ли продать чорту душу за деньги, и наконецъ пойти въ разбойники награбить и возвратиться жить въ общество.

Вдругъ раздался сзади него голосъ: «Яковъ Васильичъ!». Калиновичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Это былъ голосъ князя Ивана, и черезъ минуту и самъ онъ стоялъ передъ нимъ, соскочивъ на тротуаръ съ щегольского фаэтона.

— Что вы и какъ вы? Тысячу вамъ вопросовъ и тысячу претензій. Помилуйте! Хоть бы строчку!.. — говорилъ князь, пожимая, по обыкновенію, обѣ руки Калиновича.

— Я ничего: живу въ Петербургѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— Да; но что вы, скажите, служите здѣсь, занимаетесь литературой?

— Нѣтъ, не служу, а литературой немного занимаюсь.

— Да,—повторилъ князь:—но что жъ вообще: хорошо... недурно идетъ?..

— Ни то ни се,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Ни то ни се!—повторилъ опять князь:—вы вѣдь однако теперь нашего поля ягода: человѣкъ женатый.

Калиновичъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я не женатъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ?.. Не шутя?..—спросилъ князь, взглянувъ ему въ лицо. — Какимъ же образомъ у насъ положительный прошелъ объ этомъ слухъ? М-lle Годнева въ Петербургѣ?

— Она въ Петербургѣ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ не женаты?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ еще разъ Калиновичъ.

— Гм! — произнесъ князь. — Какъ же я радъ, что васъ встрѣтилъ!—продолжалъ онъ, беря Калиновича за руку и идя съ нимъ.—Посмотрите однако, какъ Петербургъ хорошѣетъ: чрезъ пять лѣтъ какія-нибудь пріѣдешь и не узнаёшь. Посмотрите: это зданіе воздвигается... что это за прелесть будетъ!—говорилъ князь, видимо, что-то обдумывая.

— Вы здѣсь одни, ваше сіятельство, или съ семействомъ? — спросилъ Калиновичъ, которому вдругъ захотѣлось увидѣть княжну.

— Нѣтъ, я одинъ. М-lle Полина сюда переѣхала. Мать ея умерла. Она думаетъ здѣсь постоянно поселиться, и я ужъ кстати пріѣхалъ проводить ее,—отвѣчалъ разсѣянно князь и пріостановился немного въ раздумьѣ. — Не свободны ли вы сегодня?—вдругъ началъ онъ, обращаясь къ Калиновичу:—не хотите ли со мною отобѣдать въ кабачкѣ, а послѣ съѣздимъ къ m-lle Полинѣ. Она живетъ на дачѣ за Петергофомъ—прелестнѣйшее мѣстоположеніе, какое когда-либо создавалось въ Божьемъ мірѣ.

Калиновичъ молчалъ.

— Пожалуйста,—повторилъ князь.

Герой мой нигдѣ, кромѣ дома, не обѣдалъ и очень хорошо зналъ, что Настенька прождетъ его цѣлый день и будетъ безпокоиться; однако, и самъ не зная для чего, согласился.

— Прекрасно, прекрасно! — произнесъ князь и, крикнувъ экипажъ, посадилъ съ собой Калиновича.

Быстро понесла ихъ пара сѣрыхъ рысаковъ по торцовой мостовой. Калиновичъ снова почувствовалъ пріятную качку хорошаго экипажа и ощутилъ въ сердцѣ суетную гордость —

сидѣть, развалившись, на эластической подушкѣ и посматривать на густую толпу пѣшеходовъ.

— Въ Морскую! — крикнулъ князь, и они остановились у Дюссо.

Въ первой же комнатѣ ихъ встрѣтилъ лакей во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, съ салфеткой въ рукахъ

— Здравствуй, Михайла,—сказалъ ему князь ласково.

Лакей съ почтеніемъ и удовольствіемъ оскалилъ зубы.

— Давно ли, ваше сіятельство, изволили пожаловать?—проговорилъ онъ.

— Недавно-съ, недавно... Это все татары: извольте узнать! И, что̀ замѣчательно, честнѣйшій народъ! — говорилъ князь Калиновичу, входя въ одну изъ дальнихъ комнатъ.

Михайла слѣдовалъ за ними.

— Ну-съ, давайте намъ поѣсть чего-нибудь, — продолжалъ князь, садясь съ пріемами бывалаго человѣка на диванъ:— только, пожайлуста, не вашъ казенный обѣдъ, — прибавилъ онъ.

— Слушаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ лакей.

— Во-первыхъ, сдѣлайте вы намъ, если только есть очень хорошая телятина, котлеты au naturel, и чтобъ масла ни капли— Боже сохрани! Потомъ-съ: цыплята есть, конечно?

— Самые лучшіе, ваше сіятельство: полтора рубля серебромъ.

— Ну, да... Супъ тоже отнюдь не вашъ пюре, который у васъ прескверно дѣлаютъ; вели приготовить à la tortue, чтобъ совсѣмъ пиканъ былъ—comprenez vous?

— Oui, je comprends,—отвѣчалъ татаринъ, осклабляясь.

— Ну, а тамъ что-нибудь изъ рыбы.

— Форели, ваше сіятельство.

— Хорошо... Вина дай, шампанскаго; охолодить, конечно, вели—и дай ты намъ еще бутылку рейнвейна. Вы, впрочемъ, можетъ-быть, за столомъ любите больше красное? — обратился князь къ Калиновичу.

— Все равно,—отвѣчалъ тотъ.

— Все равно? Вино, впрочемъ, это очень хорошее.

— Въ пять или въ восемь рублей прикажете? — спросилъ лакей.

— Въ восемь, въ восемь, мой милый,—отвѣчалъ князь.

Лакей ушелъ.

— Удивительно честный народъ! — повторилъ еще разъ князь ему вслѣдъ.

Обѣдъ былъ готовъ черезъ полчаса.

— Нѣтъ, нѣтъ этого букета!.. — говорилъ князь, доѣдая

супъ: — а котлеты ужъ, мой милый, никуда негодны!—прибавилъ онъ, обращаясь къ лакею:—и сухи и дымомъ воняютъ. Нѣтъ, это варварство: такъ распоряжаться нашими желудками! Не правда ли?—отнесся онъ къ Калиновичу.

— Да,—отвѣчалъ тотъ, не безъ досады думая, что все это ему очень нравилось, особенно сравнительно съ тѣмъ мутнымъ супомъ и засушенной говядиной, которые имъ готовила трехрублевая кухарка. То же почувствовалъ онъ, выпивая стаканъ мягкаго и душистаго рейнвейна, съ злобой воображая, что дома по предписанію врача, для здоровья, ему слѣдовало бы пить такое именно хорошее вино, а между тѣмъ онъ долженъ былъ довольствоваться шестигривенной мадерой.

— Вмѣсто пирожнаго, дай намъ фруктовъ. Я думаю, это будетъ хорошо, — сказалъ князь, и когда такимъ образомъ обѣдъ кончился, онъ, прихлебывая изъ крошечной рюмочки мараскинъ, закурилъ сигару и развалился на диванѣ.

— Скажите мнѣ, Яковъ Васильичъ, что-нибудь хорошенькое!—заговорилъ онъ, какъ бы желая поболтать.

— Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ. Нѣтъ ли чего-нибудь въ вашихъ мѣстахъ?—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Э, помилуйте! Что̀ можетъ быть хорошаго въ нашемъ захолустьѣ!—произнесъ князь.—Я, впрочемъ, послѣднее время былъ все въ хлопотахъ. По случаю смерти нашей почтенной старушки, которая, кромѣ ужъ горести, которую намъ причинила... надобно было все привести хоть въ какую-нибудь ясность. Состояніе осталось громаднѣйшее, какого никто никогда не ожидалъ. Однѣхъ денегъ билетами на пятьсотъ тысячъ серебромъ... страшно, что̀ такое!

Морозъ пробѣжалъ по тѣлу Калиновича.

— И самое имѣнье, кажется, тоже очень хорошее?—спросилъ онъ, употребляя усиліе, чтобъ придать себѣ видъ равнодушнаго слушателя.

— А имѣнье вотъ какое-съ. Не говоря уже тамъ объ оброкахъ, пять крупчатокъ-мельницъ, и если теперь положить minimum дохода по три тысячи серебромъ съ каждой, значитъ: одна эта статья — пятнадцать тысячъ серебромъ годового дохода; да подмосковная еще есть... ну, и прежде вздоромъ, пустяками считалась, а тутъ вдругъ,—богатымъ людямъ вездѣ видно, счастье, — вдругъ прорѣзывается линія желѣзной дороги: какой-то господинъ выдумываетъ разбить тутъ огородныя плантаціи и теперь за одну землю платитъ — это чортъ знаетъ что̀ такое! — десять тысячъ чистоганомъ каждогодно. Вѣдь это, батюшка, одинъ этотъ клочокъ для другого — состояніе, въ которомъ не будетъ ужъ ни голоду ни мору

который не требуетъ ни ремонта ни страховки. Вѣчный доходъ съ вѣчнаго капитала—прелесть, что̀ такое!

Какъ демона-соблазнителя слушалъ Калиновичъ князя.—«И все бы это могло быть моимъ!»—шевельнулось въ глубинѣ души его.

По счету пришлось князю заплатить тридцать два рубля. Онъ отдалъ тридцать пять, проговоря: «сдачу возьми себѣ», и пошелъ.

Калиновичъ послѣдовалъ за нимъ.

«Этотъ человѣкъ три рубля серебромъ отдаетъ на водку, какъ гривенникъ, а я безпокоюсь, что долженъ буду заплатить взадъ и впередъ на пароходѣ рубль серебромъ, и очень былъ бы не прочь, если бъ онъ свозилъ меня на свой счетъ. О, бѣдность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человѣка!»—думалъ герой мой и, чтобъ не осуществилось его желаніе, поспѣшилъ первый подойти къ кассѣ и взялъ себѣ билетъ.

Быстро полетѣлъ пароходъ, выбравшись на взморье. Многолюдная толпа пассажировъ весело толпилась на палубѣ, и одинъ только Калиновичъ былъ задумчивъ; но князь опять незамѣтно навелъ разговоръ на прежній предметъ.

— Славное это предпріятіе—пароходство,—говорилъ онъ:—пятнадцать, восемнадцать процентовъ; и вотъ если бъ пристроить тутъ деньги кузины—какъ бы это хорошо было!

— А онѣ не въ оборотахъ?—спросилъ Калиновичъ

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ досадою князь:—пошлѣйшимъ образомъ лежатъ себѣ въ банкѣ, гдѣ, въ нашъ предпріимчивый вѣкъ, какъ хотите, и глупо и недобросовѣстно оставлять ихъ. Но что̀ жъ прикажете дѣлать? Она, какъ женщина, теперь вотъ купила эту мызу, съ рыбными тамъ ловлями, съ покосомъ, съ коровами — и въ восторгѣ; но въ сущности это только игрушка и, конечно, капля въ морѣ съ тѣми средствами, которымъ слѣдовало бы дать ходъ, такъ что, если бъ хоть немножко умнѣй распорядиться и организовать хозяйство поправильнѣй, такъ сто тысячъ вѣрнѣйшаго годового дохода... вѣдь это герцогство германское! Помилуйте!

«И все бы это могло быть мое!»—неотступно шевелилось въ душѣ Калиновича.

Пароходъ между тѣмъ подошелъ къ пристани; тамъ ожидалъ и принялъ ихъ катеръ. Казалось, все соединилось, чтобъ очаровать Калиновича. Вечеръ былъ ясный, тихій, теплый, какъ огненное пятно, горѣло невысоко уже стоявшее солнце надъ разливающимся вдали моремъ и, золотя его окраину, пробѣгало искрами по маленькой ряби. Точно крыльями взма-

хивая, начали грести двѣнадцать человѣкъ гребцовъ въ красныхъ рубашкахъ, обшитыхъ позументомъ. На берегу стали показываться, прячась въ садахъ, разнообразнѣйшихъ архитектуръ дачи. Въ нѣкоторыхъ раздавались звуки фортепіанъ и мелькали въ зелени бѣлыя, стройно затянутыя платьица, съ очень хорошенькими головками. Передъ одной изъ дачъ катеръ наконецъ остановился: мраморными ступенями сходила отъ нея маленькая пристань въ море.

— Allons!—проговорилъ князь, соскакивая, и тотчасъ ввелъ Калиновича въ садовую аллею, гдѣ съ перваго шага встрѣтили ихъ всѣ декораціонныя украшенія петербургскихъ дачъ: вдали виднѣлся одинъ изъ тѣхъ готической архитектуры домиковъ, которые такъ красивы и которые можно еще видѣть въ маленькихъ нѣмецкихъ городахъ. Чѣмъ дальше они шли, тѣмъ больше открывалось: то пестрѣла китайская бесѣдка, въ которой черезъ канаву перекинутъ былъ, какъ игрушка, деревянный мостикъ; то что-то въ родѣ грота, а вотъ куда-то далеко отводилъ темный коридоръ изъ акацій, и при входѣ въ него сидѣлъ на пьедесталѣ грозящій пальчикомъ амуръ, какъ бы предостерегающій: «не ходи туда, смертный—погибнешь!». Но что̀ представляла площадка передъ домомъ — и вообразить трудно: какъ бы простирая къ нему свои длинные листья, стояли тутъ какія-то тополевидныя растенія въ огромныхъ кадкахъ; по кулаку человѣческому цвѣли въ средней куртинѣ розаны, какъ бы вѣнцомъ окруженные всевозможныхъ цвѣтовъ георгинами. Балконъ былъ весь наглухо задрапированъ плющомъ. Хозяйку они нашли въ первой гостиной комнатѣ, уютно сидѣвшую на маленькомъ диванѣ, и передъ ней стоялъ, золотомъ разрисованный, рабочій столикъ. По случаю траура, Полина была въ бѣломъ платьѣ и вслѣдствіе, должно-быть, нарочно для нея изобрѣтенной прически, показалась Калиновичу какъ бы помолодѣвшею и похорошѣвшею. Противъ нея сидѣлъ старикъ съ серьезною физіономіею и съ двумя звѣздами.

— Тысячи пари, что не угадаете, кого я къ вамъ привезъ!—говорилъ князь, входя.

— Ахъ, m-r Калиновичъ! Боже мой! Какими судьбами? — воскликнула Полина, дружески протягивая ему руку.

— М-г Калиновичъ! — представила она его старику и назвала потомъ того фамилію, по которой Калиновичъ узналъ одно изъ тѣхъ внушительныхъ именъ, которыя невольно заставляютъ трепетать сердца маленькихъ смертныхъ. Не безъ страха, смѣшаннаго съ уваженіемъ, поклонился онъ старику и сѣлъ въ почтительной позѣ.

— Я-было, ваше сіятельство, имѣлъ честь заѣзжать сегодня къ вамъ, но мнѣ отказали,—проговорилъ князь.

Въ голосѣ его тоже слышалось почтеніе.

— Да, я сегодня рано выѣхалъ, — отвѣчалъ старикъ протяжнымъ тономъ, какъ бы говоря величайшую истину.

— А что̀ баронесса? — спросилъ князь, обращаясь къ Полинѣ.

— Ахъ, баронесса—ужасно какъ меня сегодня разсердила! Вообрази себѣ, я ждала вотъ графа обѣдать, — отвѣчала та, показывая на старика: — она тоже хотѣла пріѣхать; только четыре часа—нѣтъ, пятаго половина—нѣтъ. Ѣсть ужасно хочется; графъ наконецъ пріѣзжаетъ; ему, конечно, сейчасъ же выговоръ,—не правда ли?

— Да, выговоръ, и строгій,—отвѣчалъ старикъ съ улыбкою.

— А ея все-таки нѣтъ!—продолжала Полина:—и, вообрази, въ шестомъ наконецъ часу явился посланный ея: пишетъ, что не можетъ пріѣхать обѣдать, потому что сломалось что-то такое у тильбюри, а она дала себѣ клятву на дачѣ не ѣздить иначе, какъ самой править.

Графъ покачалъ головой.

— Премилая женщина! Я ее ужасно люблю. Ахъ, какая милая! N'est-ce pas?—обратилась къ нему Полина.

— Да, c'est une femme de beaucoup d'esprit. Я ее зналъ еще ребенкомъ, и тогда ужъ въ ней видно было что-то такое необыкновенное. Une femme de beaucoup d'esprit! — прибавилъ онъ.

— Ахъ, да, да!—подтвердила Полина. — Ну, что̀ вы? Скажите мнѣ, какъ вы?—обратилась она къ Калиновичу, видимо, желая вызвать его изъ молчанія.

— Слухъ, который мы имѣли о m-r Калиновичѣ, совершенно несправедливъ!—подхватилъ князь.

— Неужели? — спросила Полина, какъ бы немного сконфузясь.

— Совершенно несправедливъ!—отвѣчалъ Калиновичъ, сдѣлавъ при этомъ гримасу пренебреженія.

— Скажите! — произнесла Полина и тотчасъ же постаралась перемѣнить разговоръ, обратясь съ какимъ-то вопросомъ къ старику.

— Баронесса, кажется, пріѣхала!—произнесъ князь.

— Ахъ, какъ я рада! — воскликнула Полина, и въ ту же минуту въ комнату проворно вошла прелестнѣйшая женщина, одѣтая съ такимъ изяществомъ, что Калиновичъ даже не воображалъ, что можно быть такъ одѣтою.

— Bonjour, prince!—воскликнула она князю. — Боже! Кого

я вижу? Дѣдушка! — прибавила она потомъ, обращаясь къ старику.

— Опять дѣдушка!—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не дѣдушка! Вы молоденькій,—отвѣчала рѣзво баронесса. — Bonjour, chère Полина! Ахъ, какъ я устала!—прибавила она, садясь на диванъ.

— Въ тильбюри?—спросила ее Полина.

— Конечно. И представь себѣ, какая досада: я сейчасъ потеряла браслетъ и, главное—подарокъ брата, сама не знаю какъ. Эта несносная моя Бьюти ужасно горячится; я ее крѣпко держала и, должно-быть, задѣла какъ-нибудь рукавомъ или перчаткой—такая досада.

— И баронъ вамъ позволяетъ самой править?

— О, я не слушаюсь въ этомъ случаѣ: пускай его ворчитъ.

— Рукой ужъ, видно, махнулъ! — произнесъ съ улыбкой старикъ.

— Еще бы!—подхватила баронесса.—Ахъ! à propos о моемъ браслетѣ, чтобъ не забыть, — продолжала она, обращаясь къ Полинѣ. — Вчера или третьяго-дня была я въ городѣ и заѣзжала къ m-r Лобри. Онъ говоритъ, что берется всѣ твои брильянты разсортировать и передѣлать; и, пожалуйста, никому не отдавай: этотъ человѣкъ—геній въ своемъ дѣлѣ.

— Всѣхъ много; куда же?—проговорила Полина.

— Непремѣнно, chère amie, всѣ!—подхватила баронесса.— Знаешь, какъ теперь носятъ брильянты. Rappelez vous, — обратилась она къ старику: — на балѣ Вронской madame Пейнаръ. Она была вся залита брильянтами, но все это такъ мило разбросано, что ничего рѣзко не бросается въ глаза, и ensemble былъ восхитителенъ.

— Vous avez beaucoup de perles? — спросилъ старикъ Полину.

— Такъ много, что ужъ даже скучно!—отвѣчала та.

— Дайте намъ посмотрѣть... пожалуйста, chère amie, soyez si bonne; я ужасно люблю брильянты и, кажется, какъ баядерка, способна играть ими цѣлый день,—говорила баронесса.

— Ну, что? Нѣтъ...—произнесла-было Полина.

— Я сейчасъ достану,—подхватилъ князь.

— Ayez la complaisance,—сказала ему баронесса.

Князь ушелъ.

— Недурная вещь!—говорилъ онъ, проходя мимо Калиновича и давая ему на руки попробовать тяжесть ящика, который Полина нехотя отперла и осторожно вынула изъ него разныя вещи.

— C'est magnifique! C'est magnifique! — говорилъ старикъ,

разсматривая то солитеръ, то брильянты, то жемчужное ожерелье.

— Однако какъ все это смѣшно сдѣлано. Посмотрите на эту гребенку: ахъ, какія, должно-быть, наши бабушки были неумныя! Носить такую работу!—воскликнула съ разгорѣвшимися взорами баронесса.

— На-дняхъ мы какъ-то съ кузиной заѣзжали, — отнесся къ старику князь: — и оцѣнивали: на двѣсти тысячъ однихъ камней безъ работы.

— Вѣроятно,—подхватилъ тотъ.

Послѣ разговора о брильянтахъ всѣ перешли въ столовую пить чай; тамъ, стоявшій на кругломъ столѣ старинной работы, огромный серебряный самоваръ склонилъ разговоръ опять на тотъ же предметъ.

— Вотъ съ серебромъ тоже не знаю что̀ дѣлать: такое все старое...—произнесла Полина.

— Насчетъ серебра, chère cousine, какъ хотите, я совершенно съ вами несогласенъ. Можете себѣ представить: этой старинной работы разные кубки, вазы. Что̀ за абрисъ, что̀ за прелестныя формы! Эти теперь на стѣнкахъ рѣзной работы различныя вакхическія и гладіаторскія сцены... нагія наяды... такъ что всѣ эти нынѣшніе скульпторы гроша не стоятъ противъ старыхъ по тонинѣ работы; и такую прелесть передѣлывать—безбожно.

— Право, не знаю!—проговорила Полина.

— Что̀ жъ тутъ недоумѣвать?—продолжалъ князь: — тѣмъ больше, что въ вашей будущей квартирѣ, вѣроятно, будетъ каминъ, и его убрать этимъ сокровищемъ превосходно.

— Да, это можетъ быть мило; но только, пожалуйста, немного; а то на серебряную лавку будетъ походить,—замѣтила баронесса.

— Много, конечно, не нужно. Достаточно выбрать лучшіе экземпляры. Гдѣ же все!—отвѣчалъ князь.—Покойникъ-генералъ,—продолжалъ онъ почти на ухо Калиновичу и заслонясь рукой:—управлялъ послѣ польской кампаніи конфискованными имѣніями, и потому можете судить, какой источникъ и что̀ можно было зачерпнуть.

Бесѣда продолжалась и далѣе въ томъ же тонѣ. Князь наконецъ напомнилъ Калиновичу объ отъѣздѣ, и они стали прощаться. Полина была такъ любезна, что оставила своихъ прочихъ гостей и пошла проводить ихъ черезъ весь садъ.

— Пожалуйста, m-r Калиновичъ, не забывайте меня. Когда-нибудь на цѣлый день; мы съ вами, на свободѣ, поговоримъ, почитаемъ. Не написали ли вы еще чего-нибудь? Привезите съ собою, пожалуйста,—сказала она.

Калиновичъ поклонился.

Тотъ же катеръ доставилъ ихъ на пароходъ. Ночью море, освѣщенное луной, было еще лучше; но герой мой теперь не замѣтилъ этого.

— Славный этотъ человѣкъ, графъ!—говорилъ ему князь:— и въ большой силѣ. Онъ очень любитъ вотъ эту козочку, баронессу... По этому случаю разная, конечно, идетъ тутъ болтовня, хотя, разумѣется, съ ея стороны ничего нельзя предположить серьезнаго: она слишкомъ для этого молода и слишкомъ большого свѣта; но, какъ бы то ни было, сильное имѣетъ на него вліяніе, такъ что черезъ нее всего удобнѣе на него дѣйствовать, — а она довольно доступна для этого: помотать тоже любитъ, должишки дѣлаетъ; и если за эту струнку взяться, такъ многое можно разыграть.

Калиновичъ, прислушиваясь къ этимъ словамъ, мрачнымъ взоромъ глядѣлъ на блиставшій вдали куполъ Исакія. Въ провинціи онъ могъ еще слѣдовать инымъ принципамъ, инымъ началамъ, которые были выше, честнѣй, благороднѣй; но въ Петербургѣ это сдѣлалось почти невозможно. Въ его помыслахъ, желаніяхъ окончательно стушевался всякій проблескъ поэзіи, которая прежде все-таки выражалась у него въ стремленіи къ наукѣ, въ мечтахъ о литераторствѣ, въ симпатіи къ добродушному Петру Михайлычу и наконецъ въ любви къ милой, энергичной Настенькѣ; но теперь все это прошло, и впереди стоялъ одинъ только каменный, безсердечный городъ съ единственной своей житейской аксіомой, что деньги для человѣка—все!

Сердито и грубо позвонилъ Калиновичъ въ дверяхъ своей квартиры. Настенька еще не спала и сама отворила ему дверь.

— О, другъ мой! Помилуй, что это? Гдѣ ты былъ? Я Богъ знаетъ что передумала.

— Что жъ было думать? Съѣздилъ въ Павловскъ съ знакомыми. Нельзя сидѣть все въ четырехъ стѣнахъ!—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Да какъ же не сказавшись! Я все ждала, даже не обѣдала до сихъ поръ,—проговорила Настенька.

— Вольно же было!—произнесъ Калиновичъ и тотчасъ же легъ; но сонъ его былъ тревожный: то серебряный самоваръ, то графъ, то пять мельницъ, стоявшія рядомъ, грезились ему!

X.

Князь занималъ одинъ изъ большихъ номеровъ въ гостиницѣ Демутъ. Въ одно утро онъ, сверхъ обыкновенія, не одѣтый а въ спальномъ шелковомъ халатѣ, сидѣлъ передъ пись-

меннымъ столомъ и что-то высчитывалъ. Грѣясь у камина, стоялъ другой господинъ, въ пальто, рыжій, съ птичьей, одутловатой физіономіей, довольно неуклюжій и сразу дававшій узнать въ себѣ иностранца.

— Пятью восемь—сорокъ, превосходно! — говорилъ князь, наморщивая свой красивый лобъ.

Рыжій господинъ самодовольно улыбнулся.

— Это хорошее!—произнесъ онъ.

— Помилуйте! Хорошее!.. Сорокъ процентовъ... Помилуйте!— продолжалъ восклицать князь и потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, снова началъ, какъ бы самъ съ собой:— Значитъ, теперь единственный вопросъ въ капиталѣ, и, собственно говоря, у меня есть денежный источникъ; но что жъ вы прикажете дѣлать—родственный! За проценты не дадутъ,— скажутъ: возьми такъ! А это «такъ» для меня ножъ острый. Я по натурѣ купецъ: самъ не дамъ безъ процентовъ, и мнѣ не надо. Гоноръ этотъ, понимаете, торговый.

— Понимаю,—выговорилъ собесѣдникъ:—но что жъ?—прибавилъ онъ.

— Конечно, ужъ дѣлать нечего, надобно будетъ рѣшиться; но все-таки мнѣ хочется сдѣлать это какъ-нибудь половчѣе, чтобъ не быть ужъ очень обязаннымъ,—отвѣчалъ князь и задумался.

Вошелъ лакей.

— Калиновичъ пріѣхалъ, ваше сіятельство,—доложилъ онъ.

— О, чортъ возьми!.. Таскаться тутъ вдругъ вздумалъ! — проговорилъ съ досадою князь.—Проси!—прибавилъ онъ.

Гость вошелъ. Князь принялъ его съ обычною своею любезностью.

— Здравствуйте, Яковъ Васильичъ, prenez place, — говорилъ онъ. — Но что это, какъ вы похудѣли, — совершенно желтый.

— Нездоровилось все это время, — отвѣчалъ Калиновичъ, дѣйствительно какъ-то совсѣмъ непохожій самъ на себя и съ выраженіемъ какой то странной рѣшительности въ глазахъ.

— Нехорошо, нехорошо!.. — говорилъ князь, замѣтно занятый собственными мыслями, и снова обратился къ прежнему своему собесѣднику.

— Если первоначальныя операціи начать послѣ сентября?— проговорилъ онъ.

— Поздно! Машинъ моремъ пойдетъ; теперь на самой мѣстъ тоже вода... она мерзнетъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Мерзнетъ... да... навигація прекратится — это чортъ знаетъ какъ досадно!—воскликнулъ князь.

— О чемъ вы хлопочете, ваше сіятельство?—спросилъ Калиновичъ.

— Заводъ сахарный затѣваю. Это m-r Пемброкъ, англичанинъ... Онъ такъ добръ, что дѣлится со мной своимъ проектомъ, и если теперь Богъ приведетъ выхлопотать намъ привилегію, такъ на сорокъ вѣрнѣйшихъ процентовъ можно разсчитывать.

Говоря это, князь глядѣлъ на окно.

— Бездѣлицы только недостаетъ—денегъ!—продолжалъ онъ съ горькой улыбкой:—тогда какъ сколько людей, у которыхъ милліоны лежатъ мертвымъ капиталомъ! Какъ собаки на сѣнѣ: ни себѣ ни людямъ. Вы, какъ человѣкъ коммерческій, понимаете,—отнесся князь къ англичанину:—что̀ такое въ торговомъ дѣлѣ деньги. Вздоръ, средство, вотъ та же почтовая бумага, которую всегда и вездѣ можно найти. Важна мысль предпріятія, идея,—а у насъ выходитъ наоборотъ. Что̀ бъ вы ни изобрѣли, хоть бы съ неба звѣзды хватать, но если не имѣете собственныхъ денегъ, ничего не подѣлаете!

— Кредитъ нѣтъ!—сказалъ глубокомысленно Пемброкъ.

— Никакого! Не говоря уже объ акціяхъ; товарищества вы не составите: разжевываете, въ ротъ, кажется, кладете пользу—ничему не внемлютъ. Ну и занимаешься, по необходимости, пустяками. Я вотъ тридцать пять лѣтъ теперь прыгаю на торговомъ конькѣ и чего ужъ ни предпринималъ? Апельсиновъ только на осиновыхъ пняхъ не растилъ — и все ничего! Если набьешь какихъ-нибудь тридцать тысчонокъ въ годъ, такъ ужъ не знаешь, какой и рукой перекреститься.

Разговоръ этотъ Калиновичъ врядъ ли и слышалъ. Онъ сидѣлъ точно на иголкахъ и, воспользовавшись первой минутой, когда князь замолчалъ, вдругъ обратился къ нему:

— Я-было, ваше сіятельство, сегодня къ вамъ съ моимъ дѣломъ.

— Что̀ такое?—спросилъ тотъ.

— Нѣтъ ужъ, это наединѣ я могу сказать,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Да...—произнесъ князь и потомъ, закусивъ губы и зажавъ глаза, обратился къ англичанину:

— До пятницы, значитъ, сэръ Пемброкъ, наше дѣло должно остаться.

— До пятницы?—повторилъ тотъ.

— До пятницы. Я вотъ тоже посображусь и съ дѣлами своими,—отвѣчалъ князь.

— Ну, farewell, — произнесъ англичанинъ и пошелъ.

— До свиданья, mon ami, до свиданья!—проводилъ его князь и, возвратясь, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Славная голова! — продолжалъ онъ: — и что за удивительный народъ эти англичане, Боже ты мой! Простой вотъ-съ, напримѣръ, машинистъ и вдобавокъ еще каждый вечеръ мертвецки пьянъ бываетъ; но этакой смѣтки, я вамъ говорю, хоть бы у первѣйшаго негоціанта... Однако какое же собственно ваше, мой милый Яковъ Васильичъ, дѣло, скажите вы мнѣ.

— Дѣло мое, ваше сіятельство,—началъ Калиновичъ, стараясь насильно улыбнуться:—какъ вы и тогда говорили, что Петербургъ—хорошая для молодыхъ людей школа.

— Хорошая, очень хорошая,—повторилъ князь.

— Слишкомъ даже,—продолжалъ Калиновичъ:—тогда, при первыхъ свиданіяхъ, мнѣ совѣстно было сказать, но я теперь въ очень незавидныхъ обстоятельствахъ.

— Что жъ ваша литература, значитъ, плохо? — спросилъ князь нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.

Калиновичъ съ презрѣніемъ улыбнулся.

— Что литература!—возразилъ онъ.—Наслаждаться однимъ вдохновеніемъ я не способенъ. Для меня это дѣло все-таки трудъ, и трудъ тяжелый, который могъ бы только вознаграждаться порядочными деньгами; но и этого нѣтъ.

— Какія же деньги! Гроши, я думаю, какіе-нибудь, помилуйте! Заниматься еще всѣмъ этимъ такъ, ну, для забавы, какъ занимались въ мое время литераторы, чтобъ убить время; но чтобъ сдѣлать изъ этого ремесло, фай—это неблаговидно даже!

— Что дѣлать! — возразилъ Калиновичъ и снова продолжалъ:—ученымъ сдѣлаться время ужъ теперь для меня прошло, да и что бы могло повлечь это? Самая высокая точка, которой можно достигнуть, это профессорство.

Князь усмѣхнулся.

— Профессорство, по-моему, — началъ онъ, пожимая плечами:—то же школьное учительство, съ тою развѣ разницею, что предметы берутся нѣсколько пошире, и наконецъ, что это за народъ сами профессора! Они, я думаю, всѣ изъ семинаристовъ. Ихъ въ домъ порядочный, я думаю, пустить нельзя. По крайней мѣрѣ, я ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ въ кругу нашего знакомства никогда ихъ не встрѣчалъ.

Калиновичъ ничего на это не отвѣтилъ.

— Въ гражданскую службу,—заговорилъ онъ, не поднимая потупленной головы: — тоже не пускаютъ. Господинъ, къ которому вотъ вы изволили давать мнѣ письмо... я ходилъ къ нему...

— Да, что же онъ?

— Отказалъ: мѣстъ нѣтъ.

— Это жаль! У него бы пріятно было служить. Это превосходнѣйшій человѣкъ.

— Отказалъ,—повторилъ Калиновичъ: — и, что̀ ужаснѣе всего, сознаёшь пока еще въ себѣ силы, способности кой-какія, наконецъ это желаніе труда—и ничего не дѣлаешь!.. Если бъ, кажется, имѣлъ я средства и протекція открыла мнѣ хоть какую-нибудь дорогу, я бы не остался сзади другихъ.

— Кто жъ въ этомъ сомнѣвается! Сомнѣнія въ этомъ нѣтъ... Однако нужно же что-нибудь попридумать; нельзя же вамъ такъ оставаться... Очень бы мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать для васъ,—произнесъ князь.

Калиновичъ опять позамялся. Всѣ черты лица его какъ бы углубились и придали ему знакомое намъ страдальческое выраженіе.

— Я больше всего, ваше сіятельство, раскаиваюсь теперь въ той ошибкѣ, которую сдѣлалъ, когда вы, по вашему расположенію, намекали мнѣ насчетъ m-lle Полины...—проговорилъ онъ.

Князь взмахнулъ на него глазами. Подобный оборотъ разговора даже его удивилъ.

— Гм! — произнесъ онъ и потупился, какъ бы чего-то устыдясь.—Поошиблись, поошиблись...—повторилъ онъ.

— Можетъ-быть, эту ошибку можно будетъ теперь поправить,—продолжалъ Калиновичъ, барабаня пальцами по столу, чтобъ не дать замѣтить, какъ они дрожали.

— Гм! Теперь!—повторилъ князь и, приставивъ палецъ ко лбу, закрылъ глаза. Сотни мыслей, кажется, промелькнули въ это время въ его головѣ.

— Всѣ ошибки поправлять трудно, а эту тѣмъ больше,— произнесъ онъ.

— При вашемъ содѣйствіи, можетъ-быть, это будетъ возможно,—проговорилъ Калиновичъ.

— Возможно!—повторилъ князь: — все въ рукѣ судебъ, а шансовъ много потеряно... охъ, какъ много! Тогда у Полины была еще жива мать, между нами сказать, старуха капризная, скупая: значитъ, дѣвушкѣ, весьма естественно, хотѣлось освободиться изъ-подъ этой ферулы и вырваться изъ скучной провинціальной жизни. Теперь этого обстоятельства ужъ больше нѣтъ. Потомъ, я положительно знаю, что вы тогда ей нравились... но что̀ и какъ теперь — Богу вѣдомо. Помните стихи Пушкина: «Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ, примолвя: тамъ остановись? Кто сердцу хоть и не юной, а все-таки дѣвы, скажетъ: люби одно, не измѣнись?» И наконецъ Петербургъ,

Боже мой! Какъ скоро узнаетъ онъ, гдѣ и какіе раки зимуютъ. Смотрите, какіе генералы и флигель-адъютанты начинаютъ увиваться...

— Я бы, конечно, ваше сіятельство, никогда не рѣшился начинать этого разговора; но сколько разъ ни бывалъ въ послѣднее время у m-lle Полины, она попрежнему ко мнѣ внимательна.

— Все это прекрасно, что вы бывали, и, значитъ, я недурно сдѣлалъ, что возобновилъ ваше знакомство; но дѣло теперь въ томъ, мой любезнѣйшій... если ужъ начинать говорить объ этомъ серьезно, то прежде всего мы должны быть совершенно откровенны другъ съ другомъ, и я прямо начну съ того, что и я и m-lle Полина очень хорошо знаемъ, что у васъ теперь на рукахъ женщина... какимъ же это образомъ?.. сами согласитесь.

Калиновичъ нахмурился.

— Если это препятствіе, ваше сіятельство, и существуетъ, то я, конечно, предусмотрѣлъ и могу устранить его...—проговорилъ онъ неполнымъ голосомъ.

— Устранить, мой милѣйшій Яковъ Васильичъ, можно различнымъ образомъ, — возразилъ князь. — Я, какъ человѣкъ опытный въ жизни, знаю, что бываетъ и такъ: я вотъ теперь женюсь на одной по расчету, а другую все-таки буду продолжать любить... бываетъ и это... Такъ?

— Меня еще Петербургъ, ваше сіятельство, не настолько испортилъ; тѣмъ больше, что въ послѣднія мои свиданія я могъ лучше узнать и оцѣнить Полину.

— Дѣвушка безподобная — про это что говорить! Но, во всякомъ случаѣ, какъ женщина умная, самолюбивая и, можетъ-быть, даже нѣсколько по характеру ревнивая, она, конечно, потребуетъ полнаго отреченія отъ старой привязанности. Я считаю себя обязаннымъ поставить вамъ это первымъ условіемъ: счастье Полины такъ же для меня близко и дорого, какъ бы счастье моей собственной дочери.

— Я очень это понимаю, ваше сіятельство!—возразилъ Калиновичъ.

— Да; теперь собственно насчетъ меня,—продолжалъ князь, вставая и притворяя дверь въ комнату:—насчетъ моего участія,—продолжалъ онъ, садясь на прежнее мѣсто:—я хочу васъ спросить: совершенно ли вы изволили выкинуть изъ вашей головы всѣ эти студенческія замашки, которыя, въ сущности, однѣ только бредни,—или нѣтъ? Вопросъ этотъ для меня очень важенъ.

Калиновичъ потупился. Онъ очень хорошо понималъ, что

для успѣха дѣла долженъ былъ совершенно отказаться отъ того, что̀, наперекоръ его собственной волѣ, все еще ему помнилось.

— Я ужъ не тотъ, ваше сіятельство...—проговорилъ онъ.

Князь усмѣхнулся.

— Платонъ Михайлычъ тоже говоритъ Чацкому, что онъ не тотъ! — возразилъ онъ. — Откровенно вамъ говорю, что я боюсь войти съ вами въ интимныя отношенія, чтобъ, ей-Богу, не стать въ щекотливое положеніе, въ которое ужъ былъ разъ поставленъ, когда вы, съ вашей школьной нравственной высоты, изволили меня протретировать. Накупаться другой разъ на это, какъ хотите, и не совсѣмъ пріятно.

— Я ужъ не тотъ...—повторилъ Калиновичъ.

Князь призадумался немного.

— Хорошо; смотрите—я вамъ вѣрю,—началъ онъ:—и первое мое слово будетъ: я *купецъ*, т. - е. человѣкъ, который ни за какое дѣло не возьмется безъ явныхъ барышей; кромѣ того, отнимать у меня время, употребляя меня на что бы то ни было, все равно, что брать у меня чистыя деньги... у меня слишкомъ много своихъ дѣлъ, такъ что, чѣмъ бы я ни занялся, я непремѣнно долженъ буду чѣмъ-нибудь проманкировать и понести прямо убытокъ — это разъ! Второе: вліяніе мое на m-lle Полину, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ вы предполагаете... Условливается это, конечно, отчасти старымъ знакомствомъ, родственными отношеніями, участіемъ моимъ во всѣхъ ихнихъ дѣлахъ, наконецъ установившеюся дружбой въ такой мѣрѣ, что ни одинъ человѣкъ не приглянулся Полинѣ безъ того, чтобъ я не зналъ этого, и ужъ, конечно, она никогда не сдѣлаетъ такой партіи, которую бы я не апробовалъ; скажу даже больше: если бъ она, въ отношеніи какого-нибудь человѣка, была ни то ни сё, то и тутъ въ моей власти подлить масла на огонь—такъ? Теперь третье-съ: кто бы на ней ни женился, всякій получитъ около шестидесяти тысячъ годового дохода. Вѣдь это, батюшка, все равно, что сдѣлаться какимъ-нибудь владѣтельнымъ князькомъ... И потому человѣку этому дать мнѣ за это дѣло какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ серебромъ, право, немного; а съ другой стороны, мнѣ предложить въ этомъ случаѣ свои услуги безвозмездно, ей-Богу, глупо! У меня своихъ четверо ребятъ, и если бъ не зарабатывалъ копейки, гдѣ только можно, я бы давнымъ-давно былъ банкротъ; а передъ подобной логикой спасуетъ всякая мораль, и какъ вы хотите, такъ меня и понимайте, но это дѣло иначе ни для васъ ни для кого въ мірѣ не сдѣлается!— заключилъ князь и, утомленный, опустился на задокъ кресла.

Какъ ни мало предполагалъ Калиновичъ въ немъ честности, но подобное предложеніе было выше всякихъ ожиданій. Сверхъ того, ему представилась опасность еще и съ другой стороны.

— Я не имѣю, князь, такихъ денегъ,—проговорилъ онъ.

— О, Боже мой, я не сумасшедшій, чтобъ разсчитывать на ваши деньги, которыхъ, я знаю, у васъ нѣтъ!—воскликнулъ князь.—Дѣло должно итти иначе; теперь вопросъ только о томъ: согласны ли вы на мое условіе—такъ хорошо, а не согласны—такъ тоже хорошо.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Значитъ, по рукамъ... хотя, собственно, я ничего еще покуда не обѣщаю и напередъ долженъ узнать мнѣніе Полины: если оно будетъ въ нашу пользу, тогда я предложу вамъ еще нѣкоторыя подробности, на которыя тоже попрошу согласиться.

— Когда жъ я, ваше сіятельство, могу узнать рѣшеніе моей участи?—сказалъ Калиновичъ, уже вставая и берясь за шляпу.

— Завтра же, потому что я сегодня буду въ Петергофѣ и завтра буду имѣть честь донести вамъ, господинъ будущій владѣтель милліоннаго состоянія... Превосходнѣйшая это вещь!—говорилъ князь, пожимая ему руку и провожая его.

Авторъ заранѣе предчувствуетъ ту грозу обвиненій, которая справедливо должна разразиться надъ Калиновичемъ, и, въ оправданіе своего героя, считаетъ себя въ правѣ привести только нѣкоторые случаи, попадавшіеся ему въ жизни. Вы, напримѣръ, m-me Маянова! Изъ прекрасныхъ устъ вашихъ, какъ извѣстно, излетаютъ одни только слова, исполненныя высокаго благородства и чести; однако въ вашей великосвѣтской гостиной, куда допускалась иногда и моя неуклюжая авторская фигура, вы при мнѣ изволили совершенно одобрительно разсказывать, что прекрасный вашъ beau-frère сдѣлалъ очень выгодную партію, хотя очень хорошо знали, что тутъ былъ именно подобный случай. А вы, нашъ другъ и Аристидъ, превосходные обѣды котораго мы поглощаемъ, утопая въ наслажденіи, вы, какъ всѣмъ извѣстно, по случаю одного наслѣдства, десять лѣтъ (а это немножко труднѣе, чѣмъ одинъ разъ шагнуть противъ совѣсти), десять лѣтъ вели такого рода тактику, что мы теперь совершенно обезпечены касательно вашихъ обѣдовъ на все будущее время. Вы, молодое поколѣніе, еще невполнѣ искусившееся въ жизни, но ужъ очень хорошо понимающее всю чарующую прелесть денегъ, неужели у васъ повернется языкъ произнести надъ моимъ героемъ свое «виновенъ»? А васъ, старцы, любящіе только ге-

роевъ добродѣтельныхъ, я просто не беру въ присяжные. Вонъ изъ судилища! Вся жизнь ваша была занята еще худшимъ! Всѣ ваши мечты были направлены на пріобрѣтеніе, какимъ бы то ни было путемъ, благоустроенныхъ имѣній, каменныхъ домовъ и очаровательныхъ дачъ. Вы теперь о томъ только молите Бога, чтобъ для дѣтей вашихъ вышла такая же линія. И если ужъ винить кого-нибудь, такъ лучше вѣкъ, благо это понятіе отвлеченное! Все вертится на одномъ фокусѣ. Смотрите: и въ просвѣщенной, гуманной Европѣ рыцари переродились въ торгашей, арены замѣнились биржами!

Про героя моего я, по крайней мѣрѣ, могу сказать, что онъ искренно и глубоко страдалъ: какъ бы совершивъ преступленіе, шелъ онъ отъ князя по Невскому проспекту, гдѣ тутъ же встрѣчалось ему столько спокойныхъ и веселыхъ господъ, изъ которыхъ ужъ, конечно, многіе имѣли на своей совѣсти въ тысячу разъ грязнѣйшія пятна. Дома Калиновичъ засталъ Бѣлавина, который сидѣлъ съ Настенькой. Она была въ слезахъ и держала въ рукахъ письмо. Не обративъ на это вниманія, онъ молча пожалъ у пріятеля руку и сѣлъ.

— Я сейчасъ получила письмо,—начала Настенька:—отецъ умеръ!

Калиновичъ взглянулъ на нее и еще больше поблѣднѣлъ. Она подала ему письмо. Писала Палагея Евграфовна, оставшаяся теперь безъ куска хлѣба и безъ пристанища, потому что имѣньице было ужъ продано по иску почтмейстера. Страшными каракулями описывала она, какъ старикъ въ послѣднія минуты объ томъ только стоналъ, что дочь и зять не пріѣхали, и какъ ускорило это его смерть... Калиновича подернуло.

— Этого только недоставало! — произнесъ онъ голосомъ отчаянія.

Между тѣмъ Настенька глядѣла ему въ глаза, ожидая утѣшенія; но онъ ни слова больше не сказалъ. Бѣлавинъ только посмотрѣлъ на него.

— Это еще вопросъ: кого больше надобно оплакивать, того ли, кто умеръ, или кто остался живъ?—проговорилъ онъ, какъ бы въ утѣшеніе Настенькѣ.

— Меня, собственно, Михайла Сергѣичъ, не то убиваетъ,— возразила она:—я знаю, что отецъ ужъ пожилъ... Я буду за него молиться, буду поминать его; но, главное, мнѣ хотѣлось хоть бы еще разъ видѣться съ нимъ въ этой жизни... точно предчувствіе какое было: такъ я рвалась послѣднее время ѣхать къ нему; но Якову Васильичу нельзя было... такъ ничего и не случилось, что думала и чего желала.

Жгучимъ ядомъ обливали послѣднія слова сердце Калино-

вича. Невыносимыя страданія обнаружились въ немъ, по обыкновенію, тѣмъ, что онъ разсердился.

— Какъ же вамъ хотѣлось ѣхать, когда вы послѣднее именно время сбирались на театрѣ играть?—проговорилъ онъ.

— Тебѣ не совѣстно это говорить? Ахъ, Жакъ, Жакъ!— возразила Настенька и отнеслась съ грустной улыбкой къ Бѣлавину:—вообразите, за что его гнѣвъ теперь: студентъ вотъ этотъ все ѣздилъ и просилъ меня, чтобъ я играла; ну и дѣйствительно я побывала тогда въ театрѣ... мнѣ ужасно понравилось; дѣйствительно мнѣ хотѣлось—что жъ тутъ глупаго или смѣшного? Если бъ я, напримѣръ, на фортепіано захотѣла играть, я увѣрена, что онъ ничего бы не сказалъ, потому что это принято, и потому что княжны его играютъ; но за то только, что я смѣла пожелать играть на театрѣ, онъ двѣ недѣли говоритъ мнѣ колкости и даже въ эту ужасную для меня минуту не забылъ укорить!

— Я не укоряю, а говорю, какъ было,—перебилъ Калиновичъ.—Смерть эту вы могли предвидѣть, и если она такъ для васъ тяжела, лучше было бы не ѣздить,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Что жъ, ты и это ставишь мнѣ въ вину! Ты самъ мнѣ писалъ...

— Ничего я не писалъ,—проговорилъ Калиновичъ еще болѣе глухимъ голосомъ.

Настенька уже болѣе не выдержала.

— Ну, скажите, пожалуйста, что онъ говоритъ?—воскликнула она, всплеснувъ руками: — тебя наконецъ Богъ за меня накажетъ, Жакъ! Я вотъ прямо вамъ говорю, Михайла Сергѣичъ; вы ему пріятель; поговорите ему... Я не знаю, что въ послѣднее время съ нимъ сдѣлалось: онъ мучитъ меня... эти насмѣшки... презрѣніе... неуваженіе ко мнѣ... Онъ, кажется, только того и хочетъ, чтобъ я умерла. Я молюсь наконецъ Богу: Господи! научи меня, какъ мнѣ себя держать съ нимъ! Вы сами теперь слышали... въ какую минуту, когда я потеряла отца, и что онъ говоритъ!

Далѣе Настенька не могла продолжать и, разрыдавшись, ушла въ свою комнату.

— Жалуйся больше!—проговорилъ ей вслѣдъ Калиновичъ.

— Послушайте, Яковъ Васильичъ, это, въ самомъ дѣлѣ, ужасно! — проговорилъ наконецъ все молчавшій Бѣлавинъ:— за что вы мучите эту женщину? Чѣмъ и какими проступками дала она вамъ на это право?

— Сдѣлайте милость, Михайла Сергѣичъ; вы менѣе, чѣмъ кто-либо, имѣете право судить объ этомъ: вы никогда не за-

рабатывали себѣ своей рукой куска хлѣба, и у васъ не было при этомъ на рукахъ капризной женщины.

— Гдѣ жъ тутъ капризы?—спросилъ Бѣлавинъ.

— Я знаю гдѣ! И если я волнуюсь и бѣшусь, такъ я имѣю на то право, а она—нѣтъ!—воскликнулъ Калиновичъ, вспыхнувъ, и ушелъ въ кабинетъ.

Рыданія Настеньки между тѣмъ раздавались громче и громче по комнатамъ. Бѣлавинъ, возмущенный и оскорбленный до глубины души всей этой сценой, сидѣлъ нѣкоторое время задумавшись.

— Послушайте,—сказалъ онъ, вставая и входя къ Калиновичу:—съ Настасьей Петровной дурно; надобно, по крайней мѣрѣ, за докторомъ послать.

— Тамъ есть люди. Пускай съѣздятъ!—произнесъ Калиновичъ.

— По приглашенію слуги онъ можетъ не пріѣхать, и къ кому жъ наконецъ послать? Я самъ лучше съѣзжу.

— Сдѣлайте милость, если у васъ такъ много лишняго времени,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Бѣлавинъ пожалъ плечами и уѣхалъ. Чрезъ полчаса онъ возвратился съ докторомъ.

Калиновичъ даже не вышелъ. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ сохранить это адское равнодушіе, зная, что для Настеньки это только еще цвѣточки, а ягодки будутъ впереди!

XI.

Часовъ въ семь вечера Полина сидѣла у своей гранитной пристани и, прищурившись, глядѣла на синеватую даль моря. Пользуясь дачной свободой, она была въ широкой кисейной блузѣ, которая воздушными, небрежными складками падала на дикій, грубый камень. Горностаевая мантилья, накинутая на плечи, предохраняла ее отъ вліянія морского воздуха; на ногахъ были надѣты золотомъ выложенныя туфли. Въ костюмѣ этомъ Полина совершенно не походила на дѣвушку; скорѣй это была дама, имѣющая нѣсколько человѣкъ дѣтей. Вдали показался катеръ.

«Кажется, что онъ!»—подумала Полина, еще болѣе прищуриваясь.

Подъѣзжалъ князь и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у пристани.

— Bonjour, и первое слово: нѣтъ ли у васъ кого-нибудь?—говорилъ онъ, выскакивая изъ катера.

— Никого.

— И прекрасно!.. Намъ предстоитъ очень важное дѣло.. Пойдемте!

— Пойдемъ. Какъ однако ты усталъ, бѣдненькій!

— Ужасно!—отвѣчалъ князь:—цѣлый день сегодня, какъ за языкъ повѣшенный,—продолжалъ онъ, входя въ гостиную и бросаясь въ кресло.

Полина сѣла невдалекѣ отъ него.

— Что жъ ты дѣлалъ?—спросила она.

— Дѣлалъ: во-первыхъ, толковалъ съ однимъ господиномъ о дѣлахъ, потомъ съ другимъ, и съ этимъ ужъ исключительно говорилъ объ васъ.

— Это какъ?

— А такъ, что просятъ вашей руки и сердца.

Полина немного вспыхнула.

— О, вздоръ! Кто жъ это такой?—проговорила она.

— Старый... Калиновичъ!—отвѣчалъ князь и потупился.

Полина только усмѣхнулась.

— Онъ ужъ давно выпытывалъ у меня,—продолжалъ князь совершенно равнодушнымъ тономъ: — но сегодня наконецъ прямо объявилъ и просилъ узнать ваше мнѣніе.

Полина молчала и въ раздумьѣ гладила рукой свои горностаи.

— Женихъ неблистательный для Петербурга, — проговорила она.

— Конечно; впрочемъ, что жъ?..—заговорилъ-было князь, но пріостановился:—по-настоящему, мнѣ тутъ говорить не слѣдуетъ; какъ ваше сердце скажетъ, такъ пусть и будетъ,—присовокупилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Что моему бѣдному сердцу сказать?—начала она, закрывъ глаза рукой:—ты очень хорошо знаешь, что я любила одного только въ мірѣ человѣка—это тебя! И за кого бы я, конечно, ни вышла, я только посмѣюсь надъ бракомъ.

Князь опять потупилъ глаза.

— Безумна, конечно, я была тогда, какъ дѣвочка,—продолжала Полина:—но немного лучше и теперь; всегда думала и мечтала объ одномъ только, что когда-нибудь ты будешь свободенъ.

— Этого нѣтъ, кузина; что жъ дѣлать!—воскликнулъ князь.

Полина вздрогнула.

— Знаю, что нѣтъ,—произнесла она тѣмъ же грустнымъ тономъ и продолжала:—тогда, въ этой ужасной жизни, при матери, когда была связана по рукамъ и по ногамъ, я, конечно, готова была броситься за кого бы то ни было, но теперь... не знаю... Страшно надѣвать новыя оковы, и для чего?

— Оковы существуютъ и теперь,—возразилъ князь:—поселиться вамъ опять въ нашей деревенской глуши на скуку, на

сплетни,—это безбожно... Мнѣ же переѣхать въ Петербургъ нельзя по моимъ дѣламъ,—значитъ, все равно мы не можемъ жить другъ возлѣ друга.

Полина думала.

— А что вы говорили насчетъ неблистательности, такъ это обстоятельство,—продолжалъ онъ съ удареніемъ:—мнѣ представляется тутъ главнымъ удобствомъ, хотя, конечно, въ теперешнемъ вашемъ положеніи вы можете найти человѣка и съ вѣсомъ и съ состояніемъ... Но, chère cousine, Богъ еще знаетъ, какъ этотъ человѣкъ взглянетъ на прошедшее и повернетъ будущее. Можетъ-быть, вы тогда дѣйствительно надѣнете кандалы гораздо горшіе, чѣмъ были прежде.

Полина покраснѣла и молчала въ раздумьѣ.

— Совершенно другое дѣло этотъ господинъ,—продолжалъ князь:—мы его беремъ, какъ полунагого и голоднаго нищаго на дорогѣ: онъ будетъ всѣмъ намъ обязанъ. Не давъ вамъ ничего, онъ поневолѣ долженъ будетъ взглянуть на многое съ закрытыми глазами; и если бъ даже захотѣлъ ограничить васъ въ чемъ-нибудь, такъ на вашей сторонѣ отнять у него все.

Полина продолжала думать.

— Что это ему теперь такъ вздумалось? Помнишь твой первый разговоръ съ нимъ?—спросила она.

— Э, пустое! Студенческая привязанность къ дѣвочкѣ — больше ничего!

— Однакожъ она существуетъ и до сихъ поръ. Госпожа эта здѣсь!

— Госпожа эта,—возразилъ князь съ усмѣшкою:—пустилась теперь во всѣ тяжкія. Онъ, можетъ-быть, у ней въ пятомъ или четвертомъ номерѣ, а такими привязанностями не очень дорожатъ. Наконецъ я поставилъ ему это первымъ условіемъ, и, значитъ, все это вздоръ!.. Главное, чтобъ онъ вамъ нравился, потому что вы все-таки будете его жена, а онъ вашъ мужъ—вопросъ теперь въ томъ.

— Онъ, я тебѣ откровенно скажу, нравится мнѣ больше, чѣмъ кто-нибудь, хоть въ то же время мнѣ кажется, что мое сердце такъ ужъ наболѣло въ прежнихъ страданіяхъ, что потеряло всякую способность чувствовать. Кромѣ того,—прибавила Полина, подумавъ: — онъ человѣкъ умный; его можно будетъ заставить служить.

— Непремѣнно служить! — подхватилъ князь. — И потомъ онъ литераторъ, а подобные господа въ черномъ тѣлѣ очень ничтожны; но если ихъ обставить состояніемъ, такъ въ нашъ образованный вѣкъ, ей-Богу, такъ же почтенно быть женой писателя, какъ и генерала какого-нибудь.

— Конечно! — подтвердила Полина.

Князь очень хорошо видѣлъ, что дѣло съ невѣстой было покончено; но ему хотѣлось еще кой-чего достигнуть.

— Не знаю, какъ вы посудите, — началъ онъ: — но я полагалъ бы, что, живя теперь въ Петербургѣ, въ этомъ вашемъ довольно хорошемъ кругу знакомства, зачѣмъ вамъ выдавать его за бѣдняка? Пускай явится человѣкомъ съ состояніемъ. Можно будетъ распустить подъ рукой слухъ, что это старая ваша любовь, на которую мать была несогласна, потому что онъ не чиновенъ; но для сердца вашего, конечно, не можетъ существовать подобнаго препятствія: вы выходите за него—и прекрасно! Сдѣлать же вамъ это очень легко: презентуйте ему частичку вашего капитала, и такъ его этимъ оперите, что и Боже ты мой! Носу никто не подточитъ... Такъ все и вести.

— Разумѣется, это можно будетъ сдѣлать, — отвѣчала Полина.

— Необходимо такъ! — подхватилъ князь: — тѣмъ больше, что это совершенно прекратитъ всякій поводъ къ разнаго рода вопросамъ и догадкамъ: что̀, и ка̀къ, и для чего вы составляете подобную партію? Отвѣтъ очень простой: женихъ человѣкъ молодой, умный, образованный, съ состояніемъ— значитъ, ровня... а потомъ и въ отношеніи его, на случай, если бъ онъ объявилъ какія-нибудь претензіи, можно прямо будетъ сказать: «Милостивый государь, вы получили деньги и потому можете молчать».

Полина сидѣла въ задумчивости.

— Итакъ-съ? — продолжалъ князь, протягивая ей руку.

Она подала ему свою.

— Что̀ жъ сказать этому господину, — а? — спросилъ онъ съ какой-то нѣжностью.

— Ахъ, господину... господину... — повторила Полина:— скажи, что̀ хочешь — мнѣ все равно!

— Значитъ: да — такъ?

— Ну, хоть да!

Князь сейчасъ же всталъ.

— Adieu, — проговорилъ онъ.

— Куда жъ ты? Останься!

— Нѣтъ, нельзя: пора. Adieu.

— Adieu, — повторила Полина и, когда князь сталъ цѣловать у нея руку, она не выдержала, обняла его и легла къ нему головой на плечо.

По щекамъ ея текли въ три ручья слезы.

— Страшно мнѣ, другъ мой, страшно!— произнесла она.

— А старый уговоръ помните: если замужъ, такъ безъ слезъ? — говорилъ князь, грозя пальцемъ и легонько отодвигая ее отъ себя, а потомъ, заключивъ скороговоркой:—adieu!— убѣжалъ.

Часто потомъ и очень часто спрашивала себя Полина, какимъ образомъ она могла такъ необдуманно и такъ скоро дать свое слово. Конечно, ей, какъ всякой дѣвушкѣ, хотѣлось выйти замужъ, и, конечно, привязанность къ князю, о которой она упоминала, была такъ въ ней слаба, что она, особенно въ послѣднее время, замѣтивъ его корыстные виды, начала даже опасаться его; наконецъ Калиновичъ, въ самомъ дѣлѣ, ей нравился, какъ человѣкъ умный и даже наружностью нѣсколько похожій на нее: такой же худой, блѣдный и бѣлокурый; но въ этомъ только и заключались, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, всѣ причины, заставившія ее сдѣлать столь важный шагъ въ жизни. «Судьба и судьба!» — отвѣчала она обыкновенно себѣ:—та судьба, въ борьбу съ которой вѣрилъ древній человѣкъ и небезсознательно завязывалъ на этомъ мотивѣ свои драмы.

Въ Петербургѣ князь завернулъ сначала къ своему англичанину, котораго засталъ, по обыкновенію, сильно выпившимъ, но съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ умственныхъ способностей.

— Ну, что, сэръ? — началъ онъ. — Дѣло обдѣлывается: черезъ мѣсяцъ мы будемъ имѣть съ вами пятьдесятъ тысячъ чистогану... Понимаете?

— Да, понимаю. Это хорошо, — отвѣчалъ англичанинъ.

— Хорошо-то хорошо, — произнесъ князь въ раздумьѣ: — но дѣло въ томъ, — продолжалъ онъ, чмокнувъ: — что тутъ я рискнулъ такимъ источникомъ, изъ котораго могъ бы черпать всю жизнь; а тутъ мирись на пятидесяти тысчонкахъ! Какъ быть! Не могу; такой ужъ характеръ: что заберется въ голову, клиномъ не вышибешь.

— Когда бъ вы были Лондонъ, вы бъ много дѣлъ имѣли: у васъ много умъ есть.

— Есть немножко. Однако вы, батюшка, извольте-ка ложиться спать да хорошенько проспаться: завтра надобно начинать хлопотать о привилегіи.

— Да, я буду много спать, — отозвался Пемброкъ.

— Спать, спать! — подтвердилъ князь.

Распорядившись такимъ образомъ съ англичаниномъ, онъ возвратился домой, гдѣ, сверхъ ожиданія, засталъ Калиновича, который былъ мраченъ и блѣденъ.

— Ну, что, Яковъ Васильичъ, — говорилъ князь, входя:—

ваше дѣло въ такомъ положеніи, что и ожидать было невозможно. Полина почти согласна.

При этихъ словахъ Калиновичъ еще болѣе поблѣднѣлъ, такъ что князю это бросилось въ глаза.

— Что̀ однако съ вами? Вы ужасно нехороши... Не хуже ли вамъ?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ Калиновичъ: — женщина, о которой мы съ вами говорили... я не знаю... я не могу ее оставить! — проговорилъ онъ рыдающимъ голосомъ и, схвативъ себя за голову, бросился на диванъ.

Тутъ ужъ князь поблѣднѣлъ.

— Полноте, мой милый! Что̀ это? Какъ это можно! Любите, что ли, вы ее очень? Это, что ли?

— Не знаю; я въ одно время и люблю ее и ненавижу, и больше ничего не знаю, — отвѣчалъ Калиновичъ, какъ полоумный.

— Ни то ни другое,—возразилъ князь:—ненавидѣть вамъ ее не за что, да и безпокоиться особенно тоже нечего. Въ наше время женщины, слава Богу, не умираютъ отъ любви.

— Нѣтъ, умираютъ! — воскликнулъ Калиновичъ: — вы не можете этого понимать. Ваши княжны дѣйствительно не умрутъ, но въ другихъ сословіяхъ, слава Богу, сохранилось еще это. Она ужъ разъ хотѣла лишить себя жизни, потому только, что я не писалъ къ ней.

Князь слушалъ Калиновича, скрестивъ руки.

— Потому только, скажите, пожалуйста! Это ужъ очень чувствительно, — проговорилъ онъ.

Калиновичъ вышелъ изъ себя.

— Прошу васъ, князь, не говорить такимъ образомъ! Цинизмъ вашъ вообще дурного тона, а тутъ онъ совершенно некстати. Говоря это, вы сами не чувствуете, какъ становитесь низко, очень низко, — сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ.

Князь пожалъ плечами.

— Положимъ, — началъ онъ: — что я становлюсь очень низко, понимая любовь не по-вашему; на это, впрочемъ, даютъ мнѣ нѣкоторое право мои лѣта; но теперь я просто буду говорить съ вами, какъ говорятъ между собой честные люди. Что̀ вы дѣлаете? Поймите вы хорошенько! Не дальше, какъ сегодня, вы приходите и говорите, что дѣвушка вамъ нравится, просите сдѣлать ей предложеніе; вамъ даютъ почти согласіе, и вы на это объявляете, что любите другую, что не можете оставить ее... Какъ хотите, вѣдь это поступки сумасшедшаго человѣка; съ вами не только нельзя дѣла какого-

нибудь имѣть, съ вами говорить невозможно. Это чортъ знаетъ что̀ такое! — заключилъ князь съ достоинствомъ.

— Да, я почти сумасшедшій! — произнесъ Калиновичъ: — но, Боже мой! Боже мой! Если бъ она только знала мои страданія, она бы мнѣ простила. Понимаете вы, что̀ у меня тутъ на душѣ? Адъ у меня тутъ! Пощадите меня!—говорилъ онъ, колотя себя въ грудь.

— Все очень хорошо понимаю, — возразилъ князь:—и скажу вамъ, что все зло лежитъ въ вашемъ глупомъ университетскомъ воспитаніи, гдѣ набиваютъ голову разнаго рода великолѣпными, чувствительными идейками, которыя никогда и нигдѣ въ жизни не приложимы. Нѣмцы, по крайней мѣрѣ, только студентами бѣсятся, но какъ выйдутъ, такъ и дѣлаются, чѣмъ надо; а у насъ на всю жизнь портятъ человѣка. Любой гвардейскій юнкеръ, въ вашемъ положеніи, минуты бы не задумался, потому что оно плевка не сто̀итъ; а вы, человѣкъ умный, образованный, не хотите хоть сколько-нибудь возвыситься надъ собой, чтобъ спокойно оглядѣть, ка̀къ и что̀... Это мальчишество наконецъ!.. Вы въ связи съ дѣвочкой, которая такъ любитъ васъ; вы ее тоже любите, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь... но, прекрасно! Вамъ выходитъ другая партія, блестящая, которая какому-нибудь камергеру здѣшнему составила бы карьеру. Въ партіи этой, кромѣ состоянія, какъ вы сами говорите, дѣвушка прекрасная, которая, по особенному вашему счастью, сохранила къ вамъ привязанность въ такой степени, что съ первыхъ же минутъ, какъ вы сдѣлаетесь ея женихомъ, она хочетъ вамъ подарить сто тысячъ, для того только, чтобъ не дать вамъ почувствовать этой маленькой неловкости, что вотъ-де вы бѣднякъ и женитесь на такомъ богатствѣ. Одна эта деликатность, я не знаю, какъ высоко должна поднять эту женщину въ вашихъ глазахъ! Сто тысячъ,—а?—продолжалъ князь, болѣе и болѣе разгорячаясь:— это, кажется, капиталецъ такого рода, изъ-за котораго отъ какой хотите любви можно отступиться. Если ужъ наконецъ дѣйствительно привязанность ваша къ этой дѣвочкѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ серьезна — чортъ ее возьми! Дать ей какихъ-нибудь тысячъ пятнадцать серебромъ, и ужъ, конечно, вы этимъ гораздо лучше устроите ея будущность, чѣмъ живя съ ней и ведя ее къ одной только вопіющей бѣдности. Сама-то любовь заставляетъ васъ такъ поступить!

— Этой женщинѣ милліонъ меня не замѣнитъ, — проговорилъ Калиновичъ.

— Да, вначалѣ, можетъ-быть, поплачетъ и даже полученныя деньги отъ васъ, вѣроятно, швырнетъ съ пренебреже-

ніемъ; но, подумавъ, запретъ ихъ въ шкатулку, и если она точно дѣвушка умная, то, конечно, пойметъ, что вы гораздо бо̀льшую приносите жертву ей, гораздо больше доказываете любви, отторгаясь отъ нея, чѣмъ если бъ стали всю жизнь разыгрывать передъ ней чувствительнаго и вѣрнаго любовника, — повѣрьте, что такъ!.. Ну, и потомъ, когда пройдетъ этотъ первый пылъ, что̀ ей мѣшаетъ преспокойнымъ манеромъ здѣсь же выйти замужъ за какого-нибудь его высокоблагородіе столоначальника, народить съ нимъ дѣтей, для вящшаго здоровья которыхъ они будутъ лѣтомъ нанимать на какой-нибудь Безбородкѣ дачу и душевно благословлять васъ, какъ истиннаго своего благодѣтеля.

— А если она не доживетъ до этой блаженной поры и немножко пораньше умретъ? — возразилъ Калиновичъ.

— Опять — умретъ! — повторилъ съ усмѣшкою князь. — Въ романахъ я дѣйствительно читалъ объ этакихъ случаяхъ, но въ жизни, признаюсь, не встрѣчалъ. Полноте, мой милый, мы наконецъ такую дребедень начинаемъ говорить, что даже совѣстно и скучно становится. Волюшки у васъ, милостивый государь, нѣтъ, характера — вотъ въ чемъ дѣло!

Калиновичъ сидѣлъ, погруженный самъ въ себя.

— Если еще разъ я увижу ее, кончено! Я не въ состояніи буду ничего предпринять... Наконецъ этотъ Бѣлавинъ... — проговорилъ онъ.

Князь усмѣхнулся и, покачнувшись всѣмъ тѣломъ, откинулся на задокъ кресла.

— Боже ты мой, царь милостивый! Верхъ ребячества невообразимаго! — воскликнулъ онъ. — Ну, не видайтесь, пожалуй! Дѣйствительно, что̀ тутъ накупаться на эти бабьи аханья и стоны; оставайтесь у меня, ночуйте, а завтра напишите записку: такъ и такъ, мой другъ, я живъ и здоровъ, но уѣзжаю по очень экстренному дѣлу, которое устроитъ ваше благополучіе. А потомъ, когда женитесь, пошлите деньги — и дѣлу конецъ: ларчикъ, кажется, просто открывался! Я, признаюсь, Яковъ Васильичъ, гораздо больше думалъ о вашемъ умѣ и характерѣ...

— Кто въ вашу передѣлку, князь, попадетъ, всякій сломается, — произнесъ Калиновичъ.

— Не ломаютъ васъ, а выпрямляютъ! — возразилъ князь. — Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я очень глупо дѣлаю, что такъ много говорю, и это послѣднее мое слово: какъ хотите, такъ и дѣлайте! — заключилъ онъ съ досадою и, взявъ со стола бумаги, сталъ ими заниматься.

Около часа продолжалось молчаніе.

— Князь! Спасите меня отъ самого себя! — проговорилъ наконецъ Калиновичъ умоляющимъ голосомъ.

Онъ былъ даже жалокъ въ эти минуты.

— Но, милый мой, что жъ съ вами дѣлать? — произнесъ князь съ участіемъ.

— Дѣлайте, что хотите — я вашъ! — отвѣчалъ Калиновичъ.

— «Ты нашъ, ты нашъ! Клянися на мечѣ!» — не помню, говорится въ какой-то драмѣ; а такъ какъ въ наше время мечей нѣтъ, — мы поклянемся лучше на гербовой бумагѣ, и потому, угодно вамъ выслушать меня, или нѣтъ? — проговорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Одолженіе, во-первыхъ, состоитъ въ томъ, что,—поелику вы, милостивый государь, послѣднимъ поступкомъ вашимъ— не помню тоже, въ какой пьесѣ говорится — наложили на себя печать недовѣрія, и очень можетъ быть, что въ одно прекрасное утро вамъ вдругъ вздумается возвратиться къ прежней идиллической вашей любви,—то не угодно ли будетъ напредъ сего выдать мнѣ вексель въ условленныхъ пятидесяти тысячахъ, который бы ассюрировалъ меня въ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ? Для васъ въ этомъ нѣтъ никакой опасности, потому что у васъ нѣтъ копейки за душой, а мнѣ сажать васъ въ яму, съ платою кормовыхъ, тоже никакого нѣтъ ни расчета ни удовольствія. Когда же вы будете имѣть черезъ меня деньги, значитъ — и отдать ихъ должны. Такъ вѣдь это?

Въ продолженіе всего этого монолога Калиновичъ смотрѣлъ на князя въ упоръ.

— Мы однако, князь, ужасные съ вами мошенники!.. — проговорилъ онъ.

— Есть немного! — подхватилъ тотъ: — но что жъ тутъ дѣлать! Ничего!

Калиновичъ злобно усмѣхнулся.

— Конечно, ужъ съ разбойниками надо быть разбойникомъ,— произнесъ онъ и, оставшись у князя ночевать, собралъ все свое присутствіе духа, чтобъ казаться спокойнымъ.

XII.

На другой день все стало мало-по-малу обдѣлываться. Калиновичъ, какъ бы совершенно утративъ личную волю, написалъ, подъ диктовку князя, къ Настенькѣ записку, хоть и загадочнаго, но довольно утѣшительнаго содержанія. Нанята была въ аристократической Итальянской квартира съ двумя отдѣленіями: одно для князя, другое для жениха, котораго

онъ, между прочимъ, ссудилъ маленькой суммой тысячи въ двѣ серебромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — больше, конечно, для памяти — взялъ съ него вексель въ пятьдесятъ двѣ тысячи. Дня черезъ два наконецъ Калиновичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ къ невѣстѣ. Свиданіе это было довольно странное.

— Здравствуйте, Калиновичъ! — сказала, встрѣчая ихъ, Полина голосомъ, исполненнымъ какого-то значенія.

Тотъ ей ничего не отвѣтилъ. Все утро потомъ посвящено было осматриванію маленькаго дачнаго хозяйства, въ которомъ главную роль игралъ скотный дворъ съ тремя тучными черкасскими коровами. Въ конюшнѣ тоже стояли два сѣрые жеребца, на которыхъ мы встрѣтили князя на Невскомъ. Полина велѣла подать хлѣба и начала смѣло, изъ своихъ рукъ, кормить сердитыхъ животныхъ. Кромѣ того, по маленькому двору ходили куры, которыхъ молодая хозяйка завела, желая сдѣлать у себя совсѣмъ деревню. Во все это Калиновича посвящали очень подробно, какъ полухозяина, и только ужъ послѣ обѣда, когда люди вообще бываютъ болѣе склонны къ задушевнымъ бесѣдамъ, князь успѣлъ навести разговоръ на главный предметъ.

— Кузина, Яковъ Васильичъ, вѣроятно, желаетъ, чтобъ вы сами подтвердили то, что̀ я ему передалъ, — сказалъ онъ.

Полина потупилась и сконфузилась.

— Я готова, — проговорила она.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ-съ! — подхватилъ князь и сначала какъ бы подошелъ къ балкону, а тутъ и совсѣмъ скрылся.

Оставшись вдвоемъ, женихъ и невѣста довольно долгое время молчали.

— Нравлюсь ли я вамъ, Калиновичъ, скажите вы мнѣ? Я знаю, что я немолода, нехороша... — начала Полина.

Калиновичъ больше пробормоталъ ей въ отвѣтъ, что какое же другое чувство можетъ заставить его поступать такимъ образомъ.

— А Годневу вы любили? — спросила Полина.

— Да, я ее любилъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Очень?

— Очень.

— Точно ли вы оставляете ее?

Калиновичъ усиленно вдохнулъ въ себя цѣлую струю воздуха.

— Она измѣнила мнѣ, — проговорилъ онъ.

— Не можетъ быть! Нѣтъ!.. Какая же это она!.. Я не думала этого... Нѣтъ, это, вѣрно, неправда.

— Измѣнила,—повторилъ Калиновичъ съ какой-то гримасой.

— И вамъ трудно объ этомъ говорить, я вижу.

— Да, не легко.

— Ну, и не станемъ, — сказала Полина и задумалась.

— Послушайте однако, — начала она: — я сама хочу быть съ вами откровенна и сказать вамъ, что я тоже любила когда-то и думала вполнѣ принадлежать одному человѣку. Можетъ-быть, это была съ моей стороны ужасная ошибка, которой, впрочемъ, теперь опасаться нечего! Человѣкъ этотъ, по крайней мѣрѣ, для меня умеръ; но я его очень любила.

Калиновичъ молчалъ.

— Вы не будете за это на меня сердиться? — продолжала Полина.

— По какому же праву? — проговорилъ онъ наконецъ.

— По праву мужа, — отвѣчала съ улыбкой Полина.

— Что жъ? — отвѣчалъ Калиновичъ, тоже съ полуулыбкой.

— Не сердитесь... Я васъ, кажется, буду очень любить!— подхватила Полина и протянула ему руку, до которой онъ еще въ первый разъ дотронулся безъ перчатки: она была потная и холодная. Нервный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Калиновича, а тутъ еще, какъ нарочно, Полина наклонилась къ нему, и онъ почувствовалъ, что даже дыханіе ея было дыханіемъ болѣзненной женщины. Пріѣздъ баронессы наконецъ прекратилъ эту пытку. Какъ радужная бабочка, въ цвѣтномъ платьѣ, впорхнула она, сопровождаемая княземъ, и проговорила:

— Bonjour!

— Bonjour, — сказала Полина и сейчасъ же представила ей Калиновича, какъ жениха своего.

— Ah, je vous félicite, — проговорила баронесса.—Et vous aussi, monsieur, — прибавила она, протягивая Калиновичу черезъ столъ руку, которую тотъ, пожимая, подумалъ:

«Вотъ кабы этакой ручкой приходилось владѣть, такъ, пожалуй бы, и Настеньку можно было забыть!

Баронесса, конечно, сейчасъ же вызвала разговоръ о модахъ и, по случаю предстоявшей свадьбы, вошла въ мельчайшія подробности: она предназначила, какъ и у кого дѣлать приданое, кто долженъ драпировать, меблировать спальню и прочія комнаты, обнаружа при этомъ столько вкуса и практическаго знанія, что князь только удивлялся, восхищался и поддакивалъ ей. Калиновичъ тоже дѣлалъ видъ, какъ будто бы все это занимаетъ его, хоть на сердцѣ были невыносимыя тоска и мука.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій женихъ и невѣста стали, по заведенному порядку, видаться каждый день, и свиданія эти повлекли почти ожидаемыя послѣдствія. Кто не знаетъ, съ какой силой влюбляются пожилыя, некрасивыя и по преиму-

ществу умныя дѣвушки въ избранный предметъ своей страсти, который даетъ имъ на то какой бы ни было поводъ или право? Причина тому очень простая: онѣ не избалованы вниманіемъ мужчинъ, но, по своему уму, по своему развитію, жаждутъ любви; имъ потребно это чувство, и когда подобная звѣзда восходитъ на ихъ горизонтѣ, онѣ, какъ круглые бѣдняки, страстно и боязливо хватаются за свою послѣднюю ленту. Съ Полиной, каковы бы ни были ея прежнія чувства къ князю, но, въ настоящемъ случаѣ, повторилось то же самое: съ каждымъ, кажется, часомъ начала она влюбляться въ Калиновича все больше и больше. Бывши скупа и расчетлива не меньше матери, она, не ожидая напоминаній князя, подарила жениху разомъ билетъ въ полтораста тысячъ серебромъ. Калиновичъ поцѣловалъ у ней при этомъ руку и былъ какъ будто бы ласковѣй съ нею; но деньги, видно, не прибавили ему ни счастья ни спокойствія, такъ что онъ опять не выдержалъ этой нравственной ломки и въ одно милое, съ дождемъ и вѣтромъ, петербургское утро проснулся совсѣмъ шафранный: съ нимъ сдѣлалась желчная горячка.

Полина перепугалась, сейчасъ же переѣхала въ городъ и непремѣнно хотѣла сама ухаживать за больнымъ, постоянно стараясь развлекать его своими ласками.

Сдѣлавшись отъ болѣзни еще нервнѣй и раздражительнѣй, Калиновичъ наконецъ почувствовалъ къ невѣстѣ то страшное физіологическое отвращеніе, которое скрывать не было уже никакихъ человѣческихъ силъ, и чѣмъ бы все это кончилось — неизвѣстно. Къ счастью, лѣчившій его докторъ, узнавъ отношенія лицъ и понявъ, кажется, отчего боленъ паціентъ, нашелъ нужнымъ, для успѣха лѣченія, чтобъ невѣста не тревожила больного и оставляла его больше въ покоѣ, больше одного. Онъ передалъ это князю, который, въ свою очередь, тоже хорошо понимая настоящую сущность, началъ употреблять всевозможныя уловки, чтобъ задержать Полину у ней на квартирѣ, безпрестанно возилъ ее по магазинамъ, и когда она непремѣнно хотѣла быть у Калиновича, то ни на одну секунду не оставлялъ ее съ нимъ вдвоемъ, чтобъ не дать возможности выражаться и развиваться ея нѣжности.

Свадебныя хлопоты стали приходить къ концу. Калиновичъ, худой, какъ скелетъ, сидѣлъ, по обыкновенію, на своей кровати. Человѣкъ доложилъ ему, что пришелъ генеральшинъ Григорій Васильевъ.

— Пусти! — сказалъ Калиновичъ.

Вошелъ знакомый намъ старикъ-поваръ, еще болѣе оплѣшивѣвшій, въ старомодномъ, вишневаго цвѣта, съ высокимъ во-

ротникомъ сюртукѣ, въ свѣтло-вычищенныхъ сапожкахъ и съ серебрянымъ перстнемъ на правой рукѣ.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ Калиновичъ.

— Такъ какъ, выходитъ, являюсь господину и барину моему, на всѣ дни живота моего нескончаемому... — отвѣчалъ Григорій Васильевъ, свернувъ нѣсколько голову набокъ и становясь на вытяжку.

Калиновичъ посмотрѣлъ на него.

— Собственно, какъ старому генералу, за котораго теперь всѣ наши помыслы и сердецъ нашихъ изліянія передъ престоломъ Всевышняго изливаться должны за успокоеніе ихъ высокочувствительной души, и больше ничего... такъ я и понимаю!..

Калиновичъ догадался, что старикъ былъ сильно выпивши, и, желая отъ него скорѣе отдѣлаться, подалъ-было ему три рубля серебромъ, но Григорій Васильевъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Не затѣмъ, Яковъ Васильичъ, являюсь, — возразилъ онъ съ усмѣшкою: — но что, собственно, вчерашняго числа госпожа наша Полина Александровна черезъ князя изволила мнѣ отдать приказъ, что, такъ какъ теперича онѣ изволятъ за васъ замужъ выходить, и разные, по этому случаю, будутъ обѣды и балы, и я, по своей старости и негодности, исполнить того не могу, а потому сейчасъ долженъ сбираться и ѣхать въ деревню... Какъ все это я понимать могу? Въ какую сторону? — заключилъ старикъ и принялъ вопросительную позу.

Калиновичъ однако ничего не отвѣчалъ ему.

— Не дѣла моего исполнить не могу, — это только напрасныя обиды ихъ противъ меня, — продолжалъ Григорій Васильевъ: — а что я человѣкъ, можетъ-быть, опасный — это можетъ быть!.. — присовокупилъ онъ съ многозначительной миной.

— Чѣмъ же ты человѣкъ опасный? — спросилъ наконецъ Калиновичъ, котораго начинала нѣсколько забавлять эта болтовня.

— Коли приказанье будетъ, я докладъ смѣлый могу держать, — отвѣчалъ старикъ съ какой-то гордостью: — Григорій Васильевъ не такой человѣкъ, чтобъ его можно было залакомить или закупить, что коли по головкѣ погладить, такъ онъ и лапки распуститъ: никогда этого быть не можетъ. У Григорія Васильева, — продолжалъ онъ умиленнымъ тономъ и указывая на потолокъ: — былъ одинъ господинъ — генералъ... онъ теперь на небѣ, а вы, выходитъ, преемникъ его; такъ я и понимаю!

— Конечно, — подтвердилъ Калиновичъ.

— И ежели вы теперича, — продолжалъ старикъ еще съ бо̀льшимъ одушевленіемъ: — въ настоящемъ званіи преемникъ его чиновъ, крестовъ и правилъ, вы прямо скажете: «Гришка! Поди ты, братецъ, возьми въ своей кухнѣ самое скверное помело и выгони ты этого самаго князя вонъ изъ моего дома!» А я исполнить то долженъ, и больше ничего!

Послѣднія слова ужъ замѣтно заинтересовали Калиновича.

— Что̀ жъ тебѣ такъ не нравится князь? — спросилъ онъ.

— Князь!.. — воскликнулъ старикъ со слезами на глазахъ:— такъ я его понимаю: зеленѣетъ теперь поле рожью, стеблями она, матушка, высокая, колосомъ тучная, васильки цвѣтутъ, вѣтерокъ ими играетъ, запахъ отъ нихъ разноситъ, сердце мужичка радуется; но пробѣжалъ конь степной, все это стоптало̀ъ да смялъ, волокъ волокомъ сдѣлалъ: то и князь въ нашемъ дѣлѣ, — такъ я его понимаю.

— Что̀ жъ, разорилъ, что ли, онъ? — спросилъ Калиновичъ.

— Тьфу для насъ его разоренье было бы! — отвѣчалъ Григорій Васильевъ: — слава Богу, послѣ генерала осталось добра много: достало бы на лапти не одному этакому безпардонному князю, а и десятку такихъ; конечно, что удивлялись, зная, сколь госпожа наша на деньгу женщина крѣпкая, твердая, а для него ничего не жалѣла. Потерявъ тогда супруга, мы полагали, что онѣ либо разсудка, либо жизни лишатся; а какъ опара-то начала всходить, такъ и показала тоже свое: вьявь ужъ видѣли, что и въ этакомъ высокомъ званіи женщины не теряютъ своихъ слабостей. Когда пріѣхала вдовицей въ деревню, мелкой дробью разсыпался передъ ними этотъ человѣкъ. Портреты генерала, чтобъ не терзали они очей ея, словно дрова, велѣлъ въ печкѣ пережечь и, какъ змѣй-искуситель, съ тѣхъ же поръ залегъ имъ въ сердце и до конца ихъ жизни тамъ жилъ и командовалъ. Бывало, мину къ кому изъ людей непріятную отнесетъ, смотришь, генеральша и дѣлаетъ съ тѣмъ человѣкомъ свое распоряженіе... Всѣ должны были угождать, трепетать и раболѣпствовать князю!

Калиновичъ начиналъ хмуриться.

— Что̀ жъ у нихъ, интрига, что ли, была? — спросилъ онъ.

Григорій Васильевъ пожалъ плечами.

— Горничныя дѣвицы, коли не врутъ, балтывали... — проговорилъ онъ, горько усмѣхнувшись. — И все бы это, сударь, мы ему простили, по пословицѣ: «вдова — мірской человѣкъ»; но, батюшка Яковъ Васильичъ!.. намъ барышни нашей тутъ жалко!.. — воскликнулъ онъ, прижимая руку къ сердцу: — какъ бы теперь старый генералъ нашъ зналъ да вѣдалъ, что

они тутъ дочери его единородной не поберегли и не полелѣяли ея молодости и цвѣтучести... Батюшка! Генералъ спроситъ у нихъ отвѣта на страшномъ судѣ, и больше того ничего не могу говорить!

— Отчего жъ не говорить? — спросилъ мрачно Калиновичъ и потупляя глаза.

— Говорить! — повторилъ старикъ съ горькою усмѣшкою:— какъ намъ говорить, когда руки наши связаны, ноги спутаны, языкъ подрѣзанъ? А что коли собственно, какъ вы теперь замѣсто стараго нашего генерала званье получаете, и ежели теперь отъ васъ слово будетъ: «Гришка! Открой мнѣ свою душу!»—и Гришка откроетъ. «Гришка! Не покрывай ни моей жены ни дочери»—и Гришка не покроетъ! Одно слово, больше не надо.

— Конечно, говори, тѣмъ больше, когда началъ, — повторилъ Калиновичъ еще болѣе серьезнымъ тономъ.

— Говори!—повторилъ опять съ горькою усмѣшкою и качая головой Григорій Васильевъ:—говорить, батюшка Яковъ Васильичъ, надобно по-божески: то, что барышня, можетъ, больше маменьки своей имѣла склонность къ этому князю. Я лакей—не больше того... и могу спросить одно: татаринъ этотъ человѣкъ али христіанинъ? Какъ онѣ очей своихъ не проглядѣли, глядючи въ ту сторону, откуда онъ еще только обѣщанье сдѣлаетъ пріѣхать... Батюшка, господинъ нашъ новый! А коли бы теперь вамъ доложить, какія у нихъ изъ этого съ маменькой неудовольствія были, такъ только одна Царица Небесная все это видѣла, понимала и судила... Мы, приближенная прислуга, не знаемъ, кому и какъ служить; и я, бывало, по глупому своему характеру, еще при жизни покойной генеральши, этимъ разбойникамъ, княжескимъ лакеямъ, смѣло говаривалъ: «Что это, говорю, разбойники, вы у насъ надѣлали! Словно орда татарская съ барономъ своимъ набѣжали къ намъ, полонили да разорили, псы экіе!»

Калиновичъ слушалъ молча и только еще ниже склонилъ голову.

— Батюшка Яковъ Васильичъ!—восклицалъ Григорій Васильевъ, опять прижимая руку къ сердцу:—можетъ, я теперь виноватымъ останусь; но, какъ передъ образомъ Казанской Божьей Матери, всѣми сердцами нашими слезно молимъ васъ: не казните вы нашу госпожу, а помилуйте, батюшка! Она не причастна ни въ чемъ; только злой человѣкъ ее къ тому руководствовалъ, а теперь она пристрастна къ вамъ всей душой—такъ мы это и понимаемъ.

Калиновичъ молчалъ.

— Конечно, мы хоть и рабы, — продолжалъ Григорій Васильевъ:—а тоже чувствовали, какъ ихъ дѣвичій вѣкъ проходилъ: по первоначалу ученье большое было, а тамъ скука пошла; какое ужъ съ маменькой старой да со скупой развлеченье можетъ быть?.. Только свѣту и радости было передъ глазами, что князь одинъ со своими лясами да балясами... ну, и втюрилась, по-нашему, по-деревенски сказать.

— Зачѣмъ же Полина Александровна за меня замужъ выходитъ, когда она влюблена въ князя? — спросилъ вдругъ Калиновичъ.

— Охлажденье, сударь, къ нему имѣютъ... Большое охлажденье противъ прежняго,—отвѣчалъ успокоительнымъ тономъ Григорій Васильевъ:—вотъ ужъ года четыре мы это замѣчаемъ; только и говорятъ своимъ горничнымъ дѣвицамъ: «Ахъ, говорятъ, милыя мои, какъ бы я желала выйти замужъ!» Барышня, батюшка, умная, по политикѣ тонкая, все, можетъ-быть, по чувствительной душѣ своей почувствовали, какой онѣ предъ Господомъ Творцомъ-Создателемъ грѣхъ имѣютъ. Какъ онѣ теперь рады вамъ—и сказать того нельзя; только и спрашиваютъ всѣхъ: «Видѣли ли вы моего жениха? Хорошъ ли онъ?»

Выслушавъ все это, Калиновичъ вздохнулъ. Онъ приказалъ старику, чтобъ тотъ не болталъ о томъ, что̀ ему говорилъ, и, заставивъ его взять три цѣлковыхъ, велѣлъ теперь итти домой; но Григорій Васильевъ не двигался съ мѣста.

— Я все насчетъ своей негодности, господинъ вы нашъ хорошій и новый!..—проговорилъ онъ, становясь въ грустную позу.

— Ты останешься,—сказалъ ему Калиновичъ.

Но Григорій Васильевъ съ какой-то недовѣрчивостью повернулся и вышелъ неторопливо.

Больной между тѣмъ, схвативъ себя за голову, упалъ въ изнеможеніи на постель. «Боже мой, Боже мой!»—произнесъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ ему сдѣлалось такъ дурно, что, ходившій за нимъ лакей испугался и послалъ за Полиной и княземъ. Тѣ прискакали. Калиновичъ сталъ настоятельно просить, чтобъ завтра же была свадьба. Онъ, кажется, боялся за свою рѣшимость. Полина тоже этому обрадовалась, и такимъ образомъ въ маленькой домовой церкви произошло ихъ вѣнчанье.

Какъ мертвецъ худой, стоялъ женихъ передъ налоемъ. На вопросъ священника: «не обѣщался ли кому-нибудь?»—онъ ничего не проговорилъ.

Единственными лицами при церемоніи были князь и мужъ баронессы. Въ качествѣ свидѣтелей, они скрѣпили своей бла-

городской подписью запись въ брачной книгѣ. Послѣ вѣнца у новобрачныхъ, по петербургскому обычаю, былъ только чай съ мороженымъ и фруктами для близкихъ знакомыхъ, которые, выпивъ по нѣсколько заздравныхъ бокаловъ, поспѣшили разъѣхаться.

Въ богатомъ халатѣ, въ кованныхъ золотомъ туфляхъ и съ какимъ-то мертвеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, прошелъ молодой по шелковистому ковру въ спальню жены—и затѣмъ все смолкло. На улицахъ было тоже тихо часовъ до трехъ; но на разсвѣтѣ вдругъ вспыхнулъ на Литейной пожаръ. Пламя въ нѣсколько минутъ охватило весь домъ. Наскакала пожарная команда, и сбѣжался народъ. Въ третьемъ этажѣ раздался крикъ женщины, молившей о спасеніи. Толпа дрогнула, но никто не пошевелился. Вдругъ появился господинъ въ незастегнутомъ пальто, безъ галстука... Съ несвойственной, видно, ему силой, онъ подставилъ огромную лѣстницу и, какъ векша, проворно взобрался по ней, разбилъ сразу рукой раму и, несмотря на то, что на него пахнуло дымомъ и пламенемъ, скрылся въ окно. Все замерло въ ожиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ спаситель появился съ безчувственной женщиной на рукахъ. Толпа встрѣтила его громкимъ «ура» и «браво»; но онъ скрылся.

Это былъ новобрачный Калиновичъ.

Какъ и зачѣмъ онъ тутъ появился? Еще полчаса передъ тѣмъ онъ выбѣжалъ, какъ полоумный, изъ дому, бродилъ нѣсколько времени по улицамъ, случайно очутился на пожарѣ и бросился въ огонь не погибающую, кажется, спасать, а искать тамъ своей смерти: такъ, видно, много прелести и наслажденія принесло ему брачное ложе.

XIII.

Кто не согласится, что подъ внѣшней обстановкой большей части свадебъ прячется такъ много нечистаго и грязнаго, что ужъ, конечно, всякое тайное свиданіе какого-нибудь молоденькаго мальчика съ молоденькой дѣвочкой гораздо выше въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ всѣ эти полуторговыя сдѣлки, а между тѣмъ всѣ вообще «молодые» имѣютъ какую-то праздничную и внушительную наружность, какъ будто они, въ самомъ дѣлѣ, совершили какой-нибудь великій, а для кого-то очень полезный подвигъ. Описанная мною свадьба, конечно, имѣла тотъ же характеръ. Молодая, съ приличною томностью въ лицѣ, пила каждое утро шоколадъ и мѣняла потомъ раза два и три свой туалетъ. Часа въ [illegible] молодые

обыкновенно садились въ карету и отправлялись съ визитами, результатомъ которыхъ въ ихъ мраморной вазѣ появились билетики: «Comte Koulgacoff, m-me Digavouroff née comtesse Miloff», «Иванъ Петровичъ Захарьинъ, генералъ-лейтенантъ», «Serge Milkosky», «Петръ Николаевичъ Трубновъ, флигель-адъютантъ», и такъ далѣе; былъ даже какой-то испанскій грандъ «Auto de Salvigo»—словомъ, весь этотъ цвѣтъ и букетъ петербургскаго люда, который такъ обаятельно, такъ роскошно показывается нашимъ вульгарнымъ очамъ на Невскомъ проспектѣ и въ итальянской оперѣ и сблизить съ которымъ мою молодую чету неусыпно хлопотала пріятельница Полины, баронесса. Въ какой мѣрѣ все это тѣшило самолюбіе героя моего—сказать трудно; во всякомъ случаѣ, онъ, кажется, начиналъ ужъ привыкать къ своему не совсѣмъ, конечно, честному, но зато высоко-блистательному положенію. Когда, задумавшись и заложивъ руки назадъ, онъ ходилъ по своей огромной залѣ, то во всей его солидной посадкѣ тѣла, въ покроѣ даже самаго фрака, такъ и чувствовался будущій дѣйствительный статскій совѣтникъ, хоть въ то же время добросовѣстность автора заставляетъ меня сказать, что все это спокойствіе была чисто одна личина: въ душѣ Калиновичъ страдалъ и безпрестанно думалъ о Настенькѣ. На другой день свадьбы онъ уѣхалъ въ Павловскъ и отправилъ къ ней оттуда двадцать пять тысячъ серебромъ при коротенькомъ письмѣ, въ которомъ увѣдомлялъ ее о своей женитьбѣ и умолялъ только объ одномъ, чтобъ она берегла свое здоровье и не проклинала его. Отвѣта онъ не ждалъ, потому что не написалъ своего адреса.

23 октября назначенъ былъ у баронессы большой балъ, собственно для молодыхъ. Наканунѣ этого дня, поутру, Калиновичъ сидѣлъ въ своемъ богатомъ кабинетѣ. Раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ послышались въ залѣ знакомые шаги князя. Калиновичъ сдѣлалъ гримасу.

— Здравствуйте и вмѣстѣ прощайте!—произнесъ гость, входя.

— Что жъ такъ?—спросилъ Калиновичъ неторопливо.

— Ѣду-съ... Дѣло наше о привилегіи кончилось—значитъ, теперь надо въ деревню... работать... хлопотать... — отвѣчалъ князь и остановился, какъ бы не договоривъ чего-то; но Калиновичъ понялъ.

— Можетъ-быть, вы деньги желаете получить? — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, Яковъ Васильичъ, я бы просилъ васъ. Я теперь такую кашу завариваю, что припасай только! — произнесъ князь почти униженнымъ тономъ.

Калиновичъ нарочно зѣвнулъ, чтобы скрыть улыбку презрѣнія, и небрежно выдвинулъ незапертый ящикъ въ столѣ.

— Билетами хотите?—проговорилъ онъ.

— Все равно!—отвѣчалъ князь, вынимая и отдавая Калиновичу его заемное письмо.

Калиновичъ подалъ ему билетъ опекунскаго совѣта.

— Пятьдесятъ двѣ тысячи ровно!—проговорилъ онъ.

— Вѣрю и благодарю-съ! — подхватилъ князь и, великодушно не повѣривъ уплаты, сунулъ билетикъ въ карманъ.

Калиновичъ между тѣмъ, разорвавъ съ пренебреженіемъ свое заемное письмо на клочки и бросивъ его на полъ, продолжалъ молчать, такъ что князю начинало становиться неловко.

— Что ваша однако баронесса, скажите? Я видѣлъ ее какъ-то на-дняхъ и говорилъ съ ней о васъ, — началъ-было князь.

— Я и самъ съ ней говорилъ,—возразилъ Калиновичъ съ насмѣшкой.—Сегодня въ два часа ѣду къ ней, — присовокупилъ онъ, какъ бы желая покончить объ этомъ разговоръ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—подхватилъ князь:—какъ можно упускать такой случай! Одолжить ее какимъ-нибудь вздоромъ—и какая перспектива откроется! Помилуйте!.. Литературой, конечно, вы теперь не станете заниматься: значитъ, надо служить; а въ Петербургѣ, безъ этого задняго обхода, ничего не сдѣлаешь: это лучшая пружина, за которую взявшись, можно еще достигнуть чего-нибудь порядочнаго.

Явное презрѣніе выразилось при этихъ словахъ на лицѣ Калиновича. Тотчасъ же послѣ свадьбы онъ началъ выслушивать всѣ совѣты князя или невнимательно, или съ насмѣшкою.

— Что однако Полина? Могу я ее видѣть? — продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, она не одѣта,—отвѣчалъ сухо Калиновичъ.

— Значитъ, до свиданья! — проговорилъ князь, нѣсколько растерявшись.

Хозяинъ только мотнулъ головой и не привсталъ даже. Князь ушелъ.

— Мерзавецъ!—проговорилъ ему вслѣдъ довольно громко Калиновичъ и вскорѣ выѣхалъ со двора. Развалясь и положа ногу на ногу, усѣлся онъ въ своей маленькой кареткѣ и быстро понесся по Невскому. Въ Морской экипажъ остановился передъ главнымъ входомъ одного изъ великолѣпныхъ домовъ.

Калиновичъ назвалъ швейцару свою фамилію

— Пожалуйте,—проговорилъ тотъ и далъ знать звонкомъ въ бельэтажъ.

Калиновичу невольно припомнился его первый визитъ къ генеральшѣ. Онъ снова входилъ теперь въ барскій домъ, съ тою только разницею, что здѣсь аристократизмъ былъ настоящій: какъ-то особенно внушительно висѣла на окнахъ бархатная драпировка; золото, мебель, зеркала—все это было тяжеловѣсно-богато; тропическія растенія, почти затемняя окна, протягивали свою сочную зелень; еще сдѣланный въ екатерининскія времена паркетъ хоть бы въ одномъ мѣстѣ расщелился. Самый воздухъ благоухалъ какой-то старинной знатью. Баронесса въ ужасъ приходила отъ всего этого стараго хлама, но баронъ оставался неумолимъ и ничего не хотѣлъ измѣнить. Онъ дозволилъ женѣ только убрать свое небольшое отдѣленіе, какъ ей хотѣлось, не давъ, впрочемъ, на то ни копейки денегъ. Баронесса однако, несмотря на это, сдѣлала у себя совершенный рай, вполнѣ по современному вкусу. Точно въ жилище феи, вступилъ Калиновичъ въ ея маленькую гостиную, гдѣ она была такъ любезна, что въ утреннемъ еще туалетѣ и пивши кофе приняла его.

— Bonjour! — проговорила она ему навстрѣчу, ангельски улыбаясь, какъ нѣкогда улыбалась княжна, съ тѣмъ только преимуществомъ, что дѣлала это какъ-то умнѣй и осмысленнѣй.

— Bonjour, madame! — отвѣчалъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, но тоже любезно.

— Désirez vous du café?—спросила баронесса.

— Je vous prie!—отвѣчалъ Калиновичъ.

— А курить?—прибавила баронесса, подвигая серебряный стаканъ съ папиросами.

Калиновичъ закурилъ.

— Я привезъ вамъ маленькую сумму... — началъ онъ.

— Ахъ, да, да, mercі! — подхватила скороговоркой баронесса, немного сконфузившись, и тотчасъ же перемѣнила разговоръ. — Скажите, — продолжала она:—вы давно были влюблены въ Полину? Мнѣ это очень интересно знать.

— Да, давно,—отвѣчалъ Калиновичъ съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа.

— Она очень милая, очень умная... нехороша собой, но именно, что̀ называется, une femme d'esprit: умный человѣкъ, литераторъ, именно въ нее можетъ влюбиться. Voulez vous prendre encore une tasse?

— Non, mercі, — отвѣчалъ Калиновичъ. — Деньги... — прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана толстую пачку ассигнацій.

— Да; но мнѣ, я думаю, нужно вамъ дать какую-нибудь бумагу?

— Нѣтъ, не нужно,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Мегсі,—отвѣчала баронесса, кладя, въ раздумьѣ, деньги въ столъ.

Нѣсколько времени они оба молчали.

— Я къ вамъ, баронесса, тоже имѣю просьбу... — началъ Калиновичъ.

— Ахъ, да, я знаю, знаю! — подхватила та: — только постойте; какъ же это сдѣлать? Графъ этотъ... онъ очень любитъ меня, боится даже... Постойте, если вамъ теперь ѣхать къ нему съ письмомъ отъ меня, очень немудрено, что вы затеряетесь въ толпѣ: онъ и будетъ хотѣть вамъ что-нибудь сказать, но очень немудрено, что не успѣетъ. Не лучше ли вотъ что: онъ будетъ у меня на балѣ; я просто подведу васъ къ нему, представлю и скажу прямо, чего мы хотимъ.

— Если можно будетъ это сдѣлать, такъ, конечно...—сказалъ Калиновичъ.

— Конечно, можно. Неужели вы думаете, что въ Петербургѣ на балахъ говорятъ о чемъ-нибудь другомъ: все о дѣлахъ... Такой ужъ несносный городъ!—произнесла баронесса.

Въ это время раздался звонъ шпоръ. Калиновичъ всталъ.

— Adieu, до завтра,—произнесла баронесса.

Калиновичъ поклонился.

— Скажите Полинѣ, чтобъ она была непремѣнно въ своемъ бѣломъ платьѣ. Elle est magnifique!

— Слушаю-съ,—проговорилъ Калиновичъ и ушелъ.

Пріятная улыбка, которая оживляла лицо его въ продолженіе всего визита, мгновенно исчезла, когда онъ сѣлъ въ экипажъ; ему хотѣлось хоть бы пьянымъ напиться до безчувствія, чтобъ только не видѣть и не понимать, что вокругъ него происходило. Дома, какъ нарочно, вышла ему навстрѣчу Полина въ новомъ ваточномъ платьѣ для гулянья и спрашивала: «хороша ли она?»

— Хороша,—отвѣчалъ съ гримасою Калиновичъ, и черезъ полчаса они гуляли подъ руку на Невскомъ.

Балъ! балъ!.. когда-то упоительное и восхитительное слово! Еще Пушкинъ писалъ: «люблю я бѣшеную младость и тѣсноту, и шумъ, и радость, и дамъ изысканный нарядъ!» Но насъ, дѣтей вѣка, ужъ этимъ не надуешь. Мы знаемъ, что такое балъ, особенно великосвѣтскій. Надобно рѣшительно имѣть дѣтское простодушіе одного моего знакомаго прапорщика, который даже въ пищѣ вкусу не знаетъ; надобно именно владѣть его головой, чтобъ повѣрить баронессѣ, когда

она мило увѣряетъ васъ, что даетъ этотъ балъ для удовольствія общества, а не для того, чтобъ позатянуть поступившее на нее маленькое взысканіе тысячъ въ тридцать серебромъ, о чемъ она и будетъ тутъ же, подъ волшебные звуки оркестра Лядова, говорить съ особами, отъ которыхъ зависитъ дѣло. А вонъ этотъ господинъ, застегнутый, какъ Домби, на всѣ пуговицы, у котораго, по мнѣнію врачей, отъ разливающейся каждый день желчи окончательно сгнила печенка, — неужели этотъ аспидъ человѣчества пріѣхалъ веселиться? Вы, милая, бѣлокурая дама, разсѣянно теряющаяся въ толпѣ! Я чувствую, какъ сердце ваше обливается кровью при мысли, что мужъ вашъ на-дняхъ еще въ одномъ преніи напоролъ такую чепуху, которая окончательно обнаружила всю глубину его умственныхъ неспособностей, и вамъ врядъ ли удастся удержать тотъ великолѣпный постъ, на которомъ вамъ такъ удобно. А вы, ваше превосходительство, зачѣмъ вы такъ насилуете вашу чиновничью натуру и стараетесь удерживать вашу адамовскую голову въ накрахмаленныхъ воротничкахъ, не склоняя ее земно на каждомъ шагу, къ чему вы даже чувствуете органическую потребность—и все это вы дѣлаете, я знаю, изъ суетнаго желанія показаться вольнодумцемъ вонъ этому господину съ бородой, задумчиво стоящему у колонны. А вамъ, m-me Хмарова, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи, откровенно долженъ сказать, что я не вѣрю вашему христіанскому смиренію, какъ ни глубоко скроменъ и простъ вашъ бальный туалетъ, и какъ ни кротокъ вашъ взглядъ, которымъ вы оглядываете всю эту разряженную, суетную толпу... но нѣтъ! Червь злобы точитъ ваше сердце въ настоящую минуту. Вамъ хотѣлось бы разорвать на части и растоптать, какъ гадину, этого блестящаго генерала, небрежно сидящаго въ креслѣ и закинувшаго на задокъ свою курчавую голову. Онъ съ полчаса уже говоритъ по-французски, лучше любого француза, и каждую мысль завершаетъ еще каламбурами. Вы очень хорошо знаете, что онъ явно называетъ васъ притворщицей и много вредитъ вашему вѣсу! Ты, гражданскій воинъ, мужественно перенесшій столько устремленныхъ на тебя ударовъ и стяжавшій такую извѣстность, что когда нѣкто ругнулъ тебя въ обществѣ, то одинъ изъ твоихъ кліентовъ замѣтилъ, что какимъ же образомъ онъ говоритъ это, когда тебя лично не знаетъ? «Чорта тоже никто не знаетъ, а всѣ бранятъ!»—возразилъ нѣкто и привелъ публику въ восторгъ своимъ отвѣтомъ. Ты все это перенесъ, но теперь и тебѣ, оставленному при однихъ только павлиньихъ перьяхъ, безъ сознанія той силы, которая нѣкогда заключалась въ твоей подписи, и тебѣ

неловко! Ты пріѣхалъ почти по необходимости, съ единственной цѣлью наблюдать своимъ орлинымъ взоромъ за четырьмя рожденными тобой краснощекими козочками, чтобъ сердца ихъ не заразились вульгарнымъ чувствомъ къ какому-нибудь пролетарію. Жму наконецъ съ полнымъ участіемъ руку тебѣ, мой благодушный юноша, несчастная жертва своей грозной богини матери, приславшей тебя сюда искать руки и сердца блестящей фрейлины, тогда какъ сердце твое рвется въ маленькую квартирку на Пески, гдѣ живетъ она, сокровище твоей жизни, хотя ты не смѣешь и подумать украсить когда-нибудь ея скромное имя своимъ благороднымъ гербомъ. Но еще больше жаль мнѣ тебя, честный мужъ, потомокъ благороднаго рода: какъ одиноко стоишь ты съ отуманенной отъ дѣлъ головой, зная, что тутъ же десятки людей точатъ на тебя крамолы за воздвигнутыя тобой гоненія на разныя спокойно существовавшія пакости... Никому и никому не весело вамъ, мученикамъ честолюбія, денегъ, утонченнаго разврата и пустой фланёрской жизни!

Часу въ двѣнадцатомъ наконецъ пріѣхали молодые. Они замедлили единственно по случаю туалета молодой, которая принялась убирать голову еще часовъ съ шести, но все, казалось ей, выходило не къ лицу. Заставляя нѣсколько разъ перечесывать себя, она бранилась, потомъ сама начала завиваться, обожглась щипцами, бросила ихъ парикмахеру въ лицо, перемѣнила до пяти платьевъ, разорвала башмаки и наконецъ расплакалась. Калиновичъ, еще въ первый разъ видѣвшій такой припадокъ женина характера, вышелъ изъ себя.

— Или вы сейчасъ одѣвайтесь, или я уѣду одинъ! — прикрикнулъ онъ такимъ тономъ, что Полина сочла за лучшее смириться и, съ затаеннымъ волненіемъ, сейчасъ же одѣлась, но только совершенно ужъ безъ всякаго вкуса. Когда появились они въ залѣ, хозяйка сейчасъ же пошла имъ на встрѣчу.

— А, поздно, поздно!—говорила она.

— Мнѣ понездоровилось,—отвѣчала Полина.

Калиновичъ между тѣмъ, при видѣ цѣлой стаи красивыхъ и прелестныхъ женщинъ, замеръ въ душѣ, взглянувъ на кривой станъ жены; но совладѣлъ, конечно, съ собой и началъ кланяться знакомымъ. Испанскій грандъ пожалъ у него руку, сенаторша Рыдвинова, смотрѣвшая, прищурившись, въ лорнетъ, еще издали кивала ему головой. Бѣлокурый поручикъ Шамовскій, очень искательный молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и, раскланявшись, очень желалъ съ нимъ заговорить.

— Скажите вы пишете теперь что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ односложно Калиновичъ.

Поручикъ пріостановился ненадолго, выправилъ еще болѣе свою грудь впередъ и спросилъ:

— А скажите, кто теперь первый писатель?

— По мнѣнію каждаго, я думаю. онъ самъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Поручикъ засмѣялся.

— Да, это вѣроятно... — началъ-было онъ; но Калиновичъ не счелъ за нужное продолжать далѣе съ нимъ разговоръ и, сколь возможно вѣжливо отвернувшись отъ него, обратился къ проходившей мимо хозяйкѣ.

— Графъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да... Не теряйте меня изъ виду: сдѣлаемъ...—отвѣчала та мимоходомъ.

Калиновичъ поблагодарилъ ее улыбкой и пошелъ къ m-me Digavouroff née comtesse Miloff и пригласилъ ее на кадриль.

Время блестящихъ и остроумныхъ разговоровъ между кавалерами и дамами въ танцахъ, а тѣмъ болѣе разговоровъ о чувствахъ, давно миновалось. Нашъ свѣтскій писатель, князь Одоевскій, еще въ тридцатыхъ, кажется, годахъ остроумно предсказывалъ, что, съ развитіемъ общества, франты высокаго полета ни слова ужъ не будутъ говорить. Въ настоящее время для каждаго порядочнаго человѣка достаточно одного молчаливаго самоуслажденія, что онъ находится не гдѣ-нибудь, а въ средѣ сливокъ человѣчества...

Герой мой, проговорившій съ своею дамою не болѣе десяти словъ, былъ именно подъ вліяніемъ этой мысли: онъ, видя себя собратомъ этого общества, не безъ удовольствія помышлялъ, что еще мѣсяца три назадъ только заглядывалъ съ улицы и видѣлъ въ окна мелькающими эти восхитительныя женскія головки и высоко-приличныя фигуры мужчинъ. Пріятность этихъ ощущеній въ немъ была однако уничтожена мгновенно, когда онъ взглянулъ въ одинъ изъ угловъ залы и увидѣлъ господина съ бородой, стоявшаго попрежнему у колонны, и около него—Бѣлавина. Калиновичъ обмеръ. Половину громаднаго состоянія своего готовъ онъ былъ въ это время отдать, чтобъ только не было тутъ этого обличителя, который могъ, во всеуслышаніе всей этой великосвѣтской толпы, прокричать ему:—«ты подлецъ!»—«Тогда какъ я не подлецъ, Боже мой! Если бъ только онъ зналъ всѣ мои страданія!»—болѣзненно думалъ Калиновичъ, и первое его намѣреніе было во что бы то ни стало подойти къ Бѣлавину, открыть ему свое сердце и просить, требовать отъ него, чтобъ онъ не презиралъ его, потому что онъ не заслуживаетъ этого. Съ этими

мыслями онъ подошелъ и, сколько могъ, проговорилъ развязно:

— Здравствуйте, Михайла Сергѣичъ!

— Здравствуйте,—отвѣчалъ тотъ.

Глубокое презрѣніе послышалось Калиновичу въ мягкомъ голосѣ пріятеля. Не зная, какъ далѣе себя держать, онъ сталъ около. Бѣлавинъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Мнѣ нужно еще возвратить деньги ваши,—проговорилъ онъ и вынулъ изъ кармана посланный билетъ къ Настенькѣ.

Калиновичъ не нашелъ ничего болѣе сдѣлать, какъ взять и торопливо положить его въ карманъ. Бѣлавинъ, въ свою очередь, тоже потупился. Ему самому, видно, совѣстно было исполненіе подобнаго порученія.

Калиновичъ между тѣмъ не отходилъ и какъ-то переминался.

— Что же? Какъ же? — говорилъ онъ; но Бѣлавинъ ужъ болѣе не обращалъ на него вниманія и обратился къ господину съ бородой.

— Вы давеча говорили насчетъ Чичикова, что онъ не заслуживаетъ того нравственнаго наказанія, которому подвергъ его авторъ, потому что само общество не развило въ немъ понятія о чести; но что тутъ общество сдѣлаетъ, когда онъ самъ дрянь-человѣкъ?

— Оно, можетъ-быть, удержало бы его, — проговорилъ господинъ съ бородой.

— А у насъ, напротивъ, всюду наплывъ, чтобъ покачнуть человѣка,—вмѣшался скромно Калиновичъ.

— Гм! Наплывъ! — произнесъ съ усмѣшкою Бѣлавинъ: — не въ наплывѣ тутъ дѣло — натуришка гадкая! И что такое въ подобныхъ людяхъ сознаніе? Китайская тѣнь, поставленная сбоку воспитаніемъ, порядочнымъ обществомъ! Вотъ онъ, можетъ-быть, и посмотритъ иногда на нее, какъ будто бы испугается, а природные инстинкты все-таки возьмутъ свое. Въ противномъ случаѣ, можно дойти до ужаснаго заключенія, что въ самомъ дѣлѣ совѣсть—дѣло условное. Прирожденное человѣку добро всегда непосредственно, помимо воли его выражается. Начиная съ самыхъ развитыхъ до самыхъ варварскихъ обществъ, мы видимъ мучениковъ чести и добра. Зрячаго слѣпые не собьютъ, а онъ ихъ за собой поведетъ. А когда этого нѣтъ, такъ и нечего на зеркало пенять: значитъ, личико криво!—заключилъ Бѣлавинъ съ одушевленіемъ и, съ свободой человѣка, привыкшаго жить въ обществѣ, отошелъ и сѣлъ около одной дамы.

Калиновичъ былъ уничтоженъ. Онъ очень хорошо понималъ,

что Бѣлавинъ нарочно усиливалъ рѣчь, чтобъ чувствительнѣй уколоть его.

— Баронесса васъ проситъ,—сказалъ, быстро подходя къ нему, поручикъ Шамовскій.

— А!—произнесъ Калиновичъ, обводя безсмысленно глазами залу.

— Она тамъ, во второй гостиной,—подхватилъ поручикъ.— Не угодно ли, я васъ провожу?

Калиновичъ пошелъ за нимъ.

— Я здѣсь всѣ проулочки знаю,—продолжалъ самодовольно поручикъ, дѣйствительно знавшій расположеніе всѣхъ знакомыхъ ему великосвѣтскихъ домовъ до мельчайшихъ подробностей.

Въ небольшой уютной комнатѣ нашли они хозяйку съ старымъ графомъ, выраженіе лица котораго было на этотъ разъ еще внушительнѣе. Въ своемъ бѣломъ галстукѣ и съ своими звѣздами на фракѣ, онъ показался Калиновичу статуей Юпитера, поставленной въ таинственную нишу. Какъ серна, легкая и стройная, сидѣла около него баронесса.

— Вотъ онъ! — проговорила она, указывая на входящаго Калиновича.

Герой мой отдалъ вѣжливый поклонъ.

— Я васъ, кажется, видалъ у теперешней вашей супруги?— проговорилъ старикъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, я имѣлъ честь встрѣтиться тамъ съ вами разъ,—отвѣчалъ Калиновичъ.

— Присядьте тутъ поближе къ намъ, — сказала ему баронесса.

Калиновичъ сѣлъ.

— Баронесса мнѣ говорила, — началъ старикъ: — что вы желали бы служить у меня.

— Если бъ только ваше сіятельство позволили мнѣ надѣяться...—началъ-было Калиновичъ, но графъ перебилъ его кивкомъ головы.

— Она объяснила мнѣ, — продолжалъ онъ: — что вы не нуждаетесь въ жалованьи и желаете имѣть болѣе видную службу.

— Я болѣе чѣмъ обезпеченъ въ жизни...—подхватилъ Калиновичъ, но старикъ опять остановилъ его наклоненіемъ головы.

— Вы однако литераторъ, пишете тамъ что-то такое...

— Да, я писалъ.

— Все это ничего, прекрасно; но все-таки, когда поступите на службу, я буду просить васъ прекратить это. И во-

обще вамъ, какъ чиновнику, какъ лицу правительственному, слѣдуетъ прервать, по возможности, сношенія съ этими господами, которые вообще между нами на дурномъ счету.

Калиновичъ ничего на это не возразилъ и молчалъ.

— Съ Александромъ Петровичемъ вы познакомили ихъ?— обратился старикъ къ баронессѣ.

— Нѣтъ еще, но представлю,—подхватила та.

— Да, представьте; это лучше будетъ, и скажите, что вы уже мнѣ говорили, и что я желаю, чтобъ онъ напомнилъ мнѣ завтра.

— Mercі,—проговорила баронесса.

Старикъ отвѣчалъ ей на это только улыбкою, и затѣмъ между ними начался разговоръ болѣе намеками.

Калиновичъ понялъ, что онъ ужъ лишній, и вышелъ.

Бѣлавинъ не выходилъ у него изъ головы. «Какое право,— думалъ онъ:—имѣютъ эти господа съ своей утопической нравственной высоты третировать такимъ образомъ людей, которые пробиваются и работаютъ въ жизни? Онъ съ рожденія, я думаю, упалъ въ батистъ и кружева. Хорошо при такихъ условіяхъ развивать въ головѣ великолѣпныя идеи и въ то же время ничего не дѣлать! Палецъ объ палецъ онъ, вѣрно, не ударилъ, чтобъ провести въ жизни хоть одну свою сентенцію; а только, какъ безкрылая чайка, преспокойно сидитъ на тепломъ песчаномъ бережку и съ грустью покачиваетъ головой, когда у ней передъ носомъ борются и разрушаются на волнахъ корабли. Худъ ли, хорошъ ли я, но во мнѣ есть желаніе живой дѣятельности; я не родился сидѣть сложа руки. И неужели они не знаютъ, что въ жизни, для того, чтобъ сдѣлать хоть одно какое-нибудь доброе дѣло, надобно совершить прежде тысячу подлостей. И наконецъ, на какомъ основаніи взялъ этотъ человѣкъ на себя право взвѣшивать мои отношенія съ этой дѣвочкой и швырять мнѣ съ пренебреженіемъ мои деньги, кровью и потомъ добытыя для счастья этой же самой женщины».

Такъ укрѣплялъ себя герой мой житейской моралью; но таившееся въ глубинѣ души сознаніе ясно говорило ему, что все это мелко и безпрестанно разбивается передъ правдой Бѣлавина. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился заставить его взять деньги назадъ и распорядиться ими, какъ желаетъ, если принялъ въ этомъ дѣлѣ такое участіе. Съ такого рода придуманной фразой, онъ пошелъ отыскивать пріятеля и нашелъ его уже сходящимъ съ лѣстницы.

— М-г Бѣлавинъ!—крикнулъ онъ, подбѣгая къ периламъ:— возьмите деньги. Ни вы мнѣ возвращать, ни я ихъ оставить у себя не имѣемъ права.

— Полноте; оставьте ужъ у себя!—отозвался Бѣлавинъ и хлопнулъ выходными дверями.

Надобно было имѣть нечеловѣческое терпѣнье, чтобъ снести подобный щелчокъ. Первое намѣреніе героя моего было пригласить тутъ же кого-нибудь изъ молодыхъ людей въ секунданты и послать своему врагу вызовъ; но дѣло въ томъ, что, не будучи вовсе трусомъ, онъ въ то же время дуэли считалъ рѣшительно за сумасшествіе. Кромѣ того, что бы ни говорили, а направленное на васъ дуло пистолета не бездѣлица—и все это изъ-за того, что не питаетъ уваженія къ вашей особѣ какой-то господинъ...

Покуда всѣ эти благоразумныя мысли смиряли чувства злобы въ душѣ Калиновича, около него раздался голосъ хозяйки:

— М-г Калиновичъ, гдѣ вы? Досадный! Пойдемте; я васъ представлю вашему директору. Я сейчасъ ужъ говорила ему,— произнесла баронесса и взяла его за руку.

Калиновичъ послѣдовалъ за ней.

— Я посажу васъ въ партію съ нимъ—проиграйте ему: онъ это любитъ.

— Любитъ?—спросилъ Калиновичъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Любитъ; ужасно черная душа!—отвѣчала хозяйка.

— М-г Калиновичъ, Александръ Петровичъ!—произнесла она, подходя къ извѣстному намъ директору.

— Мы ужъ знакомы,—произнесъ тотъ, протягивая Калиновичу руку.

— Знакомы?—спросила баронесса у Калиновича.

— Я имѣлъ честь быть разъ у его превосходительства,— отвѣчалъ тотъ.

— Столъ вашъ, господа, въ гостиной,—заключила хозяйка и ушла.

Директоръ и Калиновичъ, какъ встрѣтившіеся въ жизни два бойца, вымѣряли другъ друга глазами.

— Вы женились?—произнесъ директоръ первый.

— Да, вотъ жена моя,—отвѣчалъ Калиновичъ, показывая директору на проходившую съ другой дамой Полину, которая, при всей неправильности стана, сумѣла поклониться высока, а директоръ, въ свою очередь, отдавая поклонъ, замѣтно устремилъ взоръ на огромные брильянты Полины, чего Калиновичъ при этомъ знакомствѣ и желалъ.

— Пойдемте однако на наше ристалище! — проговорилъ директоръ, когда дамы отошли.

— Пойдемте!—подхватилъ Калиновичъ.

Передъ ужиномъ пробѣжалъ легкій говоръ, что онъ своему партнёру проигралъ двѣ тысячи серебромъ, и, въ оправданіе

моего героя, я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не столько старался о томъ, сколько въ самомъ дѣлѣ былъ разсѣянъ: несносный образъ насмѣшливо улыбавшагося Бѣлавина, какъ привидѣніе, стоялъ передъ нимъ.

Недѣли черезъ двѣ, въ приказахъ было отдано, что титулярный совѣтникъ Калиновичъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при ***. Начальство въ этомъ случаѣ не ошиблось: изъ героя моего вышелъ блестящій слѣдователь. Черезъ годъ произведенъ онъ былъ въ коллежскіе асессоры, награжденъ вслѣдъ затѣмъ орденомъ Анны 3-й степени, а года черезъ два чиномъ надворнаго совѣтника. Занявъ потомъ мѣсто чиновника особыхъ порученій пятаго класса, онъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, получилъ коллежскаго совѣтника, Владимира на шею и назначенъ былъ наконецъ исправляющимъ должность М—го вице-губернатора.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Калиновичъ былъ назначенъ именно въ ту губернію, въ которой нѣкогда былъ ничтожнымъ училищнымъ смотрителемъ. Читателю, можетъ-быть, небезызвѣстно, что всякая губернія у насъ имѣетъ свою собственную политику, не имѣющую, конечно, никакой связи съ той, которая печатается въ «Débats», въ «Siècle» и «Times». Намъ рѣшительно все равно, кто царствуетъ во Франціи—Филиппъ или Наполеонъ, англійскую королеву хоть замужъ выдавайте за турецкаго султана, только чтобъ рекрутскаго набору не было. Но зато очень чувствительно и близко нашему сердцу, кто нами завѣдываетъ, кто губернаторъ нашъ. Объ этой политикѣ, выпивъ въ трактирѣ или погребкѣ, толкуютъ секретари, столоначальники и прочая мелкая приказная братія, толкуютъ съ пѣной у рта отъ душевнаго волненія, имѣя на то полное нравственное право, потому что отъ этой политики у нихъ шиворотки трещатъ. Образованное дворянство тоже разсуждаетъ объ этой политикѣ съ гораздо болѣе душевнымъ участіемъ, чѣмъ о той, которую читаетъ въ газетахъ. Политика эта условливаетъ дѣйствія разныхъ вѣдомствъ и по большей части направляетъ извѣстнымъ образомъ нелицепріятное прокурорское око.

Колебаніе и неустойчивость въ этой политикѣ хуже всего для такъ называемыхъ благонамѣренныхъ людей. Будь хоть звѣрь, да одинъ, по крайней мѣрѣ можно бываетъ ладъ вы-

знать; и я съ удовольствіемъ могу сказать, что избранная нами губернія въ этомъ случаѣ благоденствовала: пятнадцать уже лѣтъ управлялъ ею генералъ-лейтенантъ Базарьевъ. Губерніи было хорошо, и ему было хорошо, хотя, конечно, нѣтъ въ жизни пути, а тѣмъ болѣе пути губернаторскаго, безъ тернія; а потому и на долю генералъ-лейтенанта тоже выпало нѣсколько шиповъ. Были у него довольно серьезныя непріятности съ губернскимъ предводителемъ, по случаю манкировки визитовъ, которую дозволила себѣ сдѣлать губернаторша, дѣйствительно державшая себя, ко вреду мужа, какой-то царицей; но губернаторъ, благодаря своей открытой и вполнѣ губернаторской жизни, такъ сумѣлъ сойтись съ дворянами, что тѣ, собственно въ угоду ему, прокатили на первой же баллотировкѣ губернскаго предводителя на вороныхъ. Вздумалъ-было потомъ поершиться противъ него одинъ изъ прокуроровъ и въ личныя предложенія начальника губерніи сталъ давать по губернскому правленію протесты, но кончилъ тѣмъ, что, для пользы службы, былъ переведенъ въ другую, дальнюю губернію. Наконецъ послѣдняя и самая серьезная битва губернатора была съ бывшимъ вице-губернаторомъ, который вначалѣ былъ очень удобенъ, какъ человѣкъ совершенно безсловесный, бездарный и выведенный въ люди потому только, что женился на побочной внукѣ какого-то вельможи, но тутъ вдругъ, точно бѣлены объѣвшись, началъ ни много ни мало тѣснить откупъ, крича и похваляясь вездѣ, что онъ уничтожитъ губернатора съ его цѣловальниками, такъ что нѣкоторые слабые умы поколебались и почти готовы были вѣрить ему, а нѣсколько человѣкъ неблагонамѣренныхъ протестантовъ какъ-то ужъ очень смѣло и весело подняли голову—но ненадолго. Базарьевъ во все это время такъ себя держалъ, что будто бы даже не зналъ ничего, и предоставилъ толстому Четверикову, откупщику цѣлой губерніи, самому себя отстаивать, который повернулъ дѣло такимъ образомъ, что черезъ три же недѣли вице-губернаторъ былъ причисленъ къ «состоящимъ при министерствѣ», а губернатору, въ ближайшій Новый годъ, дана была слѣдующая награда. Словомъ, какъ золото, очищающееся въ горнилѣ, выходилъ такимъ образомъ старикъ изъ всѣхъ битвъ своихъ въ новомъ блескѣ власти, и послѣдняя побѣда его явно уже доказала крѣпость его въ Петербургѣ и окончательно утвердила къ нему любовь и уваженіе на мѣстѣ. Видимо, что онъ былъ несломимъ; но въ высшемъ моментѣ развитія каждой славы, какъ хотите, всегда есть что-то зловѣщее и роковое... Вопросъ о томъ, что какого сорта птица новый вице-губернаторъ, какъ-то особенно болѣзненно и съ

какимъ-то опасеніемъ отозвался во многихъ умахъ. Отвѣты, впрочемъ, послѣдовали самые благопріятные.

Всякаго, какъ извѣстно, начальника у насъ сопровождаютъ сзади и спереди хвосты, извѣстные подъ именемъ «своихъ чиновниковъ», въ лицѣ которыхъ не «свои чиновники» уже заранѣе зрятъ смерть. Нашему вице-губернатору предшествовалъ на этотъ разъ приглашенный имъ изъ департамента очень еще молодой человѣкъ, но уже съ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица, одѣтый франтомъ, худощавый и вообще очень похожій своимъ тономъ и манерами на Калиновича, когда тотъ былъ молодъ, и, можетъ-быть, такой же будущій вице-губернаторъ, но пока еще только, какъ говорили, будущій секретарь губернскаго правленія. Самъ же молодой человѣкъ, замѣтно неболтливый, какъ всѣ петербуржцы, ни слова не намекалъ на это и занимался исключительно наймомъ квартиры вице-губернатору, для которой выбралъ въ лучшей части города, на набережной, огромный каменный домъ и сталъ его отдѣлывать.

— Богачъ, видно, новый вице-губернаторъ!—разнеслось по городу.

— Станетъ побирать, коли такъ размахиваетъ!—рѣшили другіе въ умѣ; но привести все это въ бо́льшую ясность рискнулъ первый губернскій архитекторъ — человѣкъ бы, кажется, съ лица глупый и часть свою скверно знающій, но имѣвшій удивительную способность поддѣлываться къ начальникамъ еще спозаранку, когда еще они были отъ него тысячи на полторы верстъ. Не стѣсняясь особенно приличіями, онъ явился на постройку, отрекомендовалъ себя молодому человѣку и тутъ же началъ:

— Для его высокородія изволите изготовлять помѣщенія?

— Для его высокородія,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, не выпуская изо рта папироски.

— Мастеровые здѣсь чрезвычайно затруднительны и до́роги,—продолжалъ архитекторъ.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчалъ молодой человѣкъ нехотя и глядя на концы своихъ глянцовитыхъ сапогъ.

Архитекторъ сдѣлалъ глубокомысленную мину.

— Посредствомъ арестантской роты не угодно ли будетъ его высокородію приказать произвести имъ работу? Начальникъ этой команды, капитанъ Тимковъ, мнѣ нѣсколько подчиненный и прекраснѣйшій молодой человѣкъ. Онъ для многихъ значительныхъ лицъ, изъ ближайшаго начальства, беретъ это на себя, потому что это ничего ему не сто́итъ. Теперь на какую-нибудь работу требуется пятнадцать человѣкъ, онъ

въ книгу ихъ съ платой и запишетъ, а отпуститъ ихъ сорокъ. Что ихъ, разбойниковъ, жалѣть! По закону даже слѣдуетъ ихъ стараться занимать и утруждать. И если его высокородію угодно будетъ, я сейчасъ же могу сдѣлать это распоряженіе.

— Нѣтъ, его высокородію это будетъ неугодно, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ явной ужъ насмѣшкой и, бросивъ на полъ окурокъ папироски, ушелъ въ другія комнаты.

Точно несолоно поѣвши, вышелъ архитекторъ на улицу.

— Скверно! — проговорилъ онъ и, сѣвъ на пролетку, поѣхалъ въ свою комиссію.

— Сейчасъ съ вице-губернаторской квартиры; присылали тоже, чтобъ посмотрѣть кое-что,—началъ онъ.

— Ну, что, батюшка, какіе слухи? — спросилъ штабъ-офицеръ.

— А что слухи? По всему, что я видѣлъ и слышалъ, такъ человѣкъ долженъ быть безполобный и строгихъ правилъ,—отвѣчалъ архитекторъ.

— Отличнѣйшій, говорятъ, человѣкъ! — прошепелявилъ депутатъ отъ дворянства своимъ суконнымъ языкомъ, оставившій даже для этого «Сѣверную Пчелку», которую читалъ съ самаго утра.

Хвалить на первыхъ порахъ начальника составляетъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ чиновниковъ, и только въ этомъ случаѣ они могутъ быть раздѣлены на три разряда: одни—это самые молодые и самые, надобно сказать, благородные, которые хвалятъ такъ, сами не зная за что... потому только, что новый, а не старый, который одной своей начальнической физіономіей надоѣлъ имъ хуже горькой рѣдьки. Вторые — дипломаты, которые въ душѣ вообще не любятъ начальниковъ, но хвалятъ потому, что все-таки лучше: неизвѣстно, кого еще приблизитъ къ себѣ, можетъ-быть, и меня— такъ чтобъ послѣ не пришлось мѣнять шкуры. Наконецъ третій разрядъ, самый простодушный, подлость которыхъ даже безкорыстна и составляетъ какое-то лирическое движеніе ихъ сердецъ. Они хвалятъ потому только, что это начальникъ, котораго они и въ самомъ дѣлѣ любятъ искренно. Секретарь комиссіи былъ именно такой человѣкъ. Слышавъ похвалу членовъ новому вице-губернатору, онъ пришелъ даже въ какое-то умиленіе и, не могши утерпѣть отъ полноты чувствъ, тотчасъ разсказалъ о томъ всей канцеляріи, которая, въ свою очередь, разнесла это по деревяннымъ домишкамъ, гдѣ жила и питалась, а вечеромъ по трактирамъ и погребкамъ, гдѣ выпивала. Изъ прочихъ канцелярій чиновники также слышали что-то въ родѣ того, и двое писцовъ губернскаго правленія,

гонимые прежнимъ вице-губернаторомъ, пришли въ такой восторгъ, что тутъ же въ трактирѣ, къ удовольствію публики, принялись бороться—сначала шутя, но, разгорячившись, разорвали другъ у друга манишки, а потомъ раздодрались въ кровь и были взяты въ полицію. Даже старушонки-приказничихи переговорили въ церквахъ у заутрени съ такими же старушонками о батюшкѣ новомъ вице-губернаторѣ, а которыя помоложе — трезвонили о немъ на рынкѣ.—«Хорошій, говорятъ, сударыня, человѣкъ! очень хорошій! и служащіе у насъ всѣ рады тому!»—говорили онѣ своимъ знакомымъ.—«Да какъ, сударыня, не радоваться?.. Помилуйте! худой ли человѣкъ или хорошій!»—отвѣчали имъ на то, и такъ далѣе: всѣ интересовались и всѣ хвалили.

Въ болѣе высшей средѣ общества распространилась не менѣе лестная молва о Калиновичѣ, тѣмъ болѣе вѣроятная, что вышла отъ самого почти губернатора. По четвергамъ у него издавна были заведены маленькіе вечера, на которые собственно собирался его маленькій дворъ, т.-е. самые близкіе люди. Въ одинъ изъ нихъ была, по обыкновенію, предсѣдательша казенной палаты, чрезвычайно милая и молодыхъ еще лѣтъ дама. Сама губернаторша сравнительно съ ней была гораздо старѣе, но зато имѣла чрезвычайно величественную наружность и какъ бы рождена была дѣлать парадные выходы и сидѣть въ своей губернаторской гостиной, гдѣ, по задней стѣнѣ, сдѣлано было даже возвышеніе, на которое иногда она взбиралась, чтобъ быть еще представительнѣй, напоминая собой въ этомъ случаѣ худощавыхъ театральныхъ герцогинь въ бархатныхъ платьяхъ, которыхъ выводятъ въ операхъ и балетахъ съ толстыми икрами герцоги и сажаютъ на золотое кресло, чтобъ посмотрѣть и полюбоваться на танцующую толпу. Обѣ дамы терпѣть не могли другъ друга, и дружба ихъ была чисто дипломатическая; но, чтобъ заявить простоту своихъ отношеній, онѣ обѣ работали.

Изъ мужчинъ былъ предводитель, котораго мы когда-то встрѣтили у князя и который въ послѣднее время, воспылавши нестерпимымъ желаніемъ получить Анну съ короною на шею, сильно заискивалъ въ губернаторѣ и торчалъ у него обыкновенно съ утра до ночи, когда только его пускали. Подальше прочихъ сидѣлъ совсѣмъ свой человѣкъ, правитель канцеляріи, господинъ, начинавшій уже разъѣдаться, но все еще не привыкшій сидѣть не съежившись въ губернаторскихъ аппартаментахъ. Онъ, между прочимъ, имѣлъ обязанность, при каждомъ мановеніи головы хозяйки, вскакивать и выходить на цыпочкахъ въ залу, чтобъ приказать людямъ подавать чай

или мороженое. Жена его, молоденькая и краснощекая дама, сидѣла тоже съ работою, но губернаторша не обращала на нее никакого вниманія; зато очень умильно взглядывалъ на нее самъ губернаторъ—замѣчательно еще бодрый старикъ, въ сюртукѣ нараспашку, съ болтающимися густыми эполетами, и вообще въ такой мѣрѣ благообразный, что когда онъ стоялъ въ соборѣ за обѣдней въ бѣлыхъ штанахъ и ботфортахъ, то многія изъ очень милыхъ дамъ завѣряли, что въ него рѣшительно можно еще влюбиться. Молоденькая правительша канцеляріи, говорятъ, лучше всѣхъ понимала эту возможность. Между всѣми этими лицами нельзя сказать, чтобъ бесѣда была одушевленная. Дамы въ генеральскихъ чинахъ, какъ извѣстно,— не пансіонерки, не разболтаются. Предводитель былъ все-таки немного навытяжкѣ; самъ же губернаторъ, только-что утвердившій цѣлую кипу журналовъ губернскаго правленія, былъ какой-то усталый.

— Не хотите ли сигары? — отнесся онъ къ предводителю.

— Дамъ не безпокоитъ ли это?—спросилъ тотъ, принимая изъ рукъ губернатора сигару.

— Пожалуйста! Онъ меня ужъ пріучилъ,—разрѣшила хозяйка.

— Сигары недурны,—произнесъ губернаторъ.

— Отличнѣйшія!—подхватилъ предводитель, намахивая себѣ рукой струю дыма на носъ и не безъ зависти думая самъ съ собой:—«Хорошо курить такія, какъ откупщикъ тебѣ тысячами презентуетъ!»

Часовъ въ десять пріѣхалъ инженерный поручикъ Ховскій, очень любимый губернаторшей за то, что мастерски игралъ на фортепіано; онъ далъ наконецъ нѣсколько интересную тему для разговора.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, я съ пристани. Вещи вице-губернаторскія привезли, — обратился онъ прямо къ губернатору.

— А!—произнесъ тотъ.

— Превосходныя! — продолжалъ поручикъ, обращаясь ужъ болѣе къ дамамъ. — Мебель обита пунцовымъ бархатомъ, съ черными цвѣтами—вещь, кажется, очень обыкновенная, но въ работѣ это дивно какъ хорошо! Потомъ эти канделябры, люстры, и наконецъ огромнѣйшія картины фламандской школы! Я посмотрѣлъ на нѣкоторыя, и, конечно, судить трудно, но, должно-быть, оригиналы—чудо, что̀ такое!

— Какое жъ тутъ чудо? У кого же этого нѣтъ?—замѣтила вскользь предсѣдательша, никакъ не хотѣвшая допустить мысли, чтобъ у кого-нибудь могла быть гостиная лучше ея.

Предводитель между тѣмъ какъ бы самъ съ собой улыбался.

— Не знаю, ваше превосходительство,—началъ онъ нерѣшительнымъ тономъ: — какія вы имѣете свѣдѣнія, а я, признаться сказать, ѣхавши сюда, заѣзжалъ къ князю Ивану. Новый вице-губернаторъ въ родствѣ съ нимъ по женѣ—ну, и онъ ужасно его хвалитъ: «одно ужъ это, говоритъ, человѣкъ съ такимъ состояніемъ... умный, знающій... человѣкъ съ характеромъ, настойчивый...» Не знаю, можетъ-быть, по родству и прибавляетъ.

— Ни слова! Нисколько! — подтвердилъ губернаторъ:—это забѣлка—лучшій человѣкъ въ министерствѣ, какого именно я просилъ, потому что пора же мнѣ имѣть помощника, какого я желаю.

— Ужъ именно, ваше превосходительство, потому что вы только и желаете того, чтобъ какъ было къ лучшему,—произнесъ предводитель.

— Чтобъ какъ къ лучшему—только! — подтвердилъ губернаторъ.

При разговорѣ этомъ правитель канцеляріи обратился всѣмъ тѣломъ своимъ въ слухъ и, когда предводитель, передъ началомъ карточной партіи, остановился у стола, онъ подошелъ къ нему.

— О вицѣ-губернаторѣ съ его превосходительствомъ изволили говорить?—спросилъ онъ.

— Да, старикъ вашъ доволенъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не быть довольну, помилуйте! — подхватилъ съ умильною физіономіей правитель: — у его превосходительства теперь по одной канцеляріи тысячи бумагъ, а теперь они, по крайней мѣрѣ, по губернскому правленію будутъ покойны, зная, какой тамъ человѣкъ сидитъ,—помилуйте! А хоть бы и то: значитъ, уважаются представленія—какого сами выбрали себѣ человѣка, такого и дали. Это очень важно-съ.

— Какъ же не важно! Сила, значитъ, — замѣтилъ предводитель.

— Сила большая-съ; слава Богу, можно намъ служить усердно и покойно!—подхватилъ правитель канцеляріи, зажмуривая глаза.

Сыгравъ маленькую пульку у губернатора, предводитель уѣхалъ къ другому предводителю, у котораго въ номерѣ четвертыя сутки происходила страшная рѣзня въ банкъ. Вокругъ стола, осыпаннаго рваными и ломаными картами, сидѣло нѣсколько человѣкъ игроковъ. Лица у всѣхъ почти были перепачканы мѣломъ, искажены сдержанными страданіями и радостями, изнурены безсонницею, попойкою. Кто былъ въ сюр-

тукѣ, кто въ халатѣ, кто въ рубашкѣ; однако и тутъ переговорили о новомъ вице-губернаторѣ.

— Откуда вы? — спросилъ хозяинъ, въ пухъ продувшійся и, несмотря на это, самымъ сибаритскимъ образомъ развалившійся на диванѣ.

— Отъ губернатора,—отвѣчалъ предводитель съ вольнодумной улыбкой.—О новомъ вице-губернаторѣ все говорили.

— Ну, что, батюшка? Что такое? — спросилъ совѣтникъ губернскаго правленія.

— Да что! Старикъ вашъ хвалитъ, доволенъ! — отвѣчалъ предводитель.

— Это ужъ не Калиновича ли? — спросилъ банкометъ, совершенно черный господинъ и, какъ видно, вполнѣ желчнаго и мизантропическаго характера.

— Да, Калиновича... Что же?..—спросилъ, въ свою очередь, предводитель нѣсколько обиженнымъ тономъ.

Банкометъ улыбнулся.

— Онъ вамъ задастъ: хвалять! Онъ при мнѣ ревизовалъ нашу губернію, такъ такъ сердечныхъ пробралъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудутъ.

— Ну, ужъ вы, скептикъ! — произнесъ сибаритъ-хозяинъ, кутаясь въ свой, парижскаго покроя, халатъ.

— Дастъ онъ вамъ скептикъ! И рожа-то у канальи, какъ у аспида, по пословицѣ: гнетъ дуги—не паритъ, сломаетъ—не тужитъ.

Словамъ банкомета никто однако не повѣрилъ, и добрая молва о Калиновичѣ продолжала распространяться.

II.

Недѣли черезъ три восьмерикъ почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ дормезъ англійской работы, маршъ-маршемъ летѣлъ по тракту къ губернскому городу. Это ѣхалъ новый вице-губернаторъ. На шеѣ у него, о чемъ онъ нѣкогда такъ заносчиво мечталъ, дѣйствительно виднѣлся теперь владимирскій крестъ.

Впереди экипажа его, едва унося ноги, скакалъ въ разбитомъ тарантасѣ исправникъ, придерживая свою треугольную шляпу, чтобъ она не слетѣла, и все еще стараясь молодцовато опереться на свою тоненькую шпажонку. Самъ начальникъ губерніи выслалъ его навстрѣчу, чтобъ принять своего помощника съ бо̀льшимъ уваженіемъ. Но весь этотъ почетъ и эффектъ слишкомъ, кажется, мало занимали и тѣшили моего героя—и далеко ужъ это былъ не тотъ фанфаронъ-мальчикъ,

какимъ мы встрѣтили его въ первый разъ, при вступленіи его на службу. Понуривъ свою, рановременно начавшую сѣдѣть, голову, сидѣлъ онъ въ коляскѣ. По впалымъ и желтоватымъ щекамъ его проходили глубокія морщины, и только взглядъ сѣрыхъ глазъ сдѣлался какъ-то еще устойчивѣе и тверже.

Сидѣвшая съ нимъ рядомъ Полина тоже постарѣла и была худа, какъ мумія. Во всю послѣднюю станцію Калиновичъ ни слова не проговорилъ съ женой и вообще не обращалъ на нее никакого вниманія. У подъѣзда квартиры, когда онъ сталъ выходить изъ экипажа, соскочившій съ своего тарантаса исправникъ хотѣлъ-было поддержать его подъ руку.

— Перестаньте! — проговорилъ Калиновичъ, немного покраснѣвъ, и потомъ, какъ бы желая смягчить это, прибавилъ: — очень вамъ благодаренъ; только напрасно вы безпокоились: вѣроятно, у васъ и безъ того много занятій.

Проговоря это, онъ отвернулся и увидѣлъ полицеймейстера, красноносаго подполковника и величайшаго мастера своего дѣла. Приложивъ руку подъ козырекъ и ступивъ шага два впередъ, онъ представилъ рапортъ о благосостояніи города, что по закону, впрочемъ, не требовалось; но полицеймейстеръ счелъ за лучшее переслужить.

— Сегодня или завтрашній день изволите представляться его превосходительству?—спросилъ онъ, раболѣпно слѣдуя за Калиновичемъ.

— Нѣтъ-съ, ни сегодня ни завтра: я еще усталъ, — отвѣчалъ тотъ.

На лицѣ полицеймейстера отразилось нѣкоторое удивленіе, которое онъ, впрочемъ, какъ слѣдуетъ хорошему подчиненному, постарался скрыть и раскланялся. Въ тотъ же день сдѣлали-было набѣгъ члены губернскаго правленія, чтобъ явиться новому начальнику, но не были приняты. Дня черезъ четыре наконецъ произошло первое представленіе вице-губернатора. Первоначально при этомъ проскакалъ съ своимъ казакомъ полицеймейстеръ доложить губернатору, что новый вице-губернаторъ ѣдетъ представляться. Правитель канцеляріи, дожидавшійся доклада въ пріемной, нѣсколько призастегнулся. Адъютантъ, читавшій военные приказы, отложилъ ихъ въ сторону. Дежурный чиновникъ причесался передъ зеркаломъ.

Калиновичъ подъѣхалъ на парѣ небольшихъ, но кровныхъ жеребцовъ въ фаэтонѣ, какъ игрушечка. Сбросивъ въ пріемной свой бобровый плащъ, вице-губернаторъ очутился въ томъ тонко-изящномъ и статномъ мундирѣ, какіе умѣютъ шить

только петербургскіе портные. Потомъ съ пріемами и тономъ петербургскаго чиновника, раскланявшись всѣмъ очень вѣжливо, онъ быстро прошелъ въ кабинетъ, гдѣ, съ почтительнымъ склоненіемъ головы подчиненнаго, представился губернатору.

— Очень радъ, любезнѣйшій Яковъ Васильичъ, познакомиться съ вами, — встрѣтилъ его тотъ нѣсколько обязательнымъ тономъ, но въ то же время сейчасъ любезно предложилъ ему стулъ и самъ сѣлъ.

— Что въ Петербургѣ, скажите вы мнѣ, такъ же шумно, дѣятельно? — началъ онъ.

— Какъ и всегда, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Славный городъ, славный! — продолжалъ губернаторъ съ нѣкоторымъ глубокомысліемъ. — Видѣли вы однако вашихъ товарищей-членовъ? — прибавилъ онъ.

— Они были у меня, ваше превосходительство, но я чувствовалъ себя съ дороги не такъ здоровымъ и не могъ ихъ принять.

— О, да! Это все равно, и вы, значитъ, позволите мнѣ представить ихъ вамъ сегодня.

Калиновичъ поблагодарилъ его кивкомъ головы.

— Вы, можетъ-быть, захотите даже обревизовать губернское правленіе, чтобъ потомъ быть тверже въ вашемъ контролѣ?

— Я только хотѣлъ просить, ваше превосходительство, объ этомъ, — отвѣчалъ Калиновичъ.

— Сдѣлайте милость! Я васъ самъ прошу о томъ же. Я не изъ такихъ губернаторовъ, что если я пятнадцать лѣтъ тутъ управляю, такъ, значитъ, все хорошо и прекрасно; напротивъ: я человѣкъ, и чѣмъ вы больше мнѣ откроете, тѣмъ болѣе я буду благодаренъ... Многое, вѣроятно, упущено; во многомъ есть медленность... и я буду просить васъ объ одномъ только, какъ ближайшаго моего помощника, чтобъ какъ-нибудь намъ, общими силами, постараться все это исправить и поправить. Я такъ много наслышанъ о васъ изъ Петербурга, что почти заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ нашемъ.

Калиновичъ опять поблагодарилъ однимъ только молчаливымъ поклономъ.

— Хоть напередъ долженъ васъ предувѣдомить, — продолжалъ губернаторъ: — что управлять здѣшней губерніей и быть на посту губернатора очень нелегкая вещь: въ сущности, всѣ мы здѣсь сидимъ, какъ отдѣльныя герцогства. Это вотъ, напримѣръ, палата государственныхъ имуществъ... это палата финансовая... тамъ юстиція... удѣлъ, и наконецъ ваше гу-

бернское правленіе съ своими исправниками, городничими,— и очень понятно, по самому простому, естественному теченію дѣлъ, что никому изъ всѣхъ этихъ вѣдомствъ не понравится, когда другое заѣдетъ къ нему и начнетъ умничать... Значитъ, пускай дѣлалъ бы каждый свое, такъ этого нѣтъ, — губернатору говорятъ: ты начальникъ, хозяинъ губерніи.

— Вы, кажется, ваше превосходительство, умѣли счастливо поладить со всѣмъ этимъ, — замѣтилъ Калиновичъ.

— Рѣшительно со всѣми, сколько только возможно, — подхватилъ съ нѣкоторымъ торжествомъ губернаторъ. — Изъ-за чего я стану ссориться?.. Для чего?.. Теперь вотъ рекрутское присутствіе открыло уже свои дѣйствія, и не угодно ли будетъ полюбопытствовать: цѣлые вороха вотъ тутъ, на столѣ, вы увидите просьбъ отъ казенныхъ мужиковъ на разнаго рода злоупотребленія ихняго начальства, и въ то же время ничего невозможно сдѣлать, а самому себѣ повредить можно: теперь вотъ съ недѣлю, какъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ, непосредственный всего этого наблюдатель, и, какъ я уже слышалъ, третій день совершенно поселился въ домѣ господина управляющаго и изволитъ тамъ съ его супругой, что ли, заниматься музыкой. Что тутъ прикажете дѣлать губернатору?

Калиновичъ отвѣчалъ на это только улыбкой.

— Теперь опять этотъ расколъ, — продолжалъ губернаторъ гораздо ужъ тише: — что это такое?.. Конечно, кто изъ всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, не понимаетъ, что всѣ эти секты — язва нашего общества, и кто изъ подданныхъ русскаго царя, въ моемъ, напримѣръ, рангѣ, не желаетъ искорененія этого зла? Но надобно знать, кого преслѣдовать. Совратителей, говорятъ, и сейчасъ же указываютъ вамъ на богатаго мужика или купца; онъ, говорятъ, пользуется уваженіемъ; къ нему народу много ходитъ по торговлѣ, по знакомству; но чтобъ онъ былъ дѣйствительно совратителемъ—этого еще не однимъ слѣдствіемъ не доказано, а только есть въ виду какой-нибудь доносъ, что вотъ такая-то дѣвка, Марья Григорьева, до пятидесяти лѣтъ ходила въ православную церковь, а на шестидесятомъ перестала, и совратилъ ее какой-нибудь Ѳедоръ Кузьмичъ — только! Но положимъ даже, что существуетъ это; положимъ, что онъ двухъ-трехъ дѣвокъ, слѣпыхъ, кривыхъ, хромыхъ, ради спасенія ихъ душъ, привелъ въ свой толкъ; но тутъ, какъ я полагаю, надобно положить на вѣски это зло и ту пользу, которую онъ дѣлаетъ обществу. Я положительно, напримѣръ, могу сказать, что, гдѣ бы ни былъ подобный человѣкъ, онъ всегда благодѣтель цѣлаго околотка: онъ и хлѣбца дастъ взаймы и деньжонками

ссудитъ; наконецъ, если у него какая-нибудь фабрика, — работу дастъ; ремесла наконецъ изобрѣтаетъ: грибы какіе-нибудь заставитъ собирать и скупаетъ у бѣдныхъ, продавая ихъ потомъ по этимъ Милютинымъ лавкамъ, гдѣ сидитъ такая же безпоповщина, какъ и онъ. Такъ я этакими людьми всегда дорожить буду, что̀ъ тамъ про меня ни говорили. Другое дѣло вотъ эти ихъ шатуны, странники, которые, собственно, эту ересь духовную своимъ лжеученіемъ и поддерживаютъ, тѣ — другое дѣло. Я имъ пикнуть не даю; какъ попалъ, такъ и въ острогъ: морю тамъ, сколько возможно.

Если бъ губернаторъ былъ менѣе увлеченъ разговоромъ и взглянулъ бы въ это время повнимательнѣе на лицо своего помощника, то замѣтилъ бы у него не совсѣмъ лестную для себя улыбку.

— Каковы здѣсь чиновники, ваше превосходительство? — спросилъ Калиновичъ, потупляя глаза и, кажется, желая вызвать его на дальнѣйшій откровенный разговоръ.

— Хороши, — отвѣчалъ губернаторъ: — по крайней мѣрѣ по моему, собственно, вѣдомству я старался организовать, сколько возможно, почище, и, собственно, къ своимъ чиновникамъ я строгъ. Мой чиновникъ долженъ быть второй я. Мое правило такое: ревизуя, я не смотрю на эти ихъ бумаги: это вздоръ, дѣло второстепенное, — я изучаю край, смотрю на его потребности. Если нѣтъ на чиновника жалобъ — значитъ, хорошъ. Конечно, тутъ надобно смотрѣть, кто жалуется. Извѣстно, тамъ этихъ кляузниковъ изъ мѣщанишекъ, изъ выгнанныхъ приказныхъ, я не только не даю ходу, а, напротивъ, ихъ самихъ стараюсь прихлопнуть. Это своего рода зараза, которой если дать распространиться, такъ никому отъ нея покоя не будетъ. Но если вамъ жалуется помѣщикъ, купецъ — человѣкъ порядочный, — значитъ, чиновникъ вывелъ его изъ терпѣнія, и тутъ ужъ у меня пощады нѣтъ. Не губернія для насъ, а мы для губерніи существуемъ; значитъ, нами должны быть довольны; вотъ моя система!

Въ какой мѣрѣ Калиновичъ былъ согласенъ съ этою системою, по выраженію лица его судить было трудно.

— Двѣнадцать часовъ однако, пора! — проговорилъ губернаторъ и позвонилъ.

Вошелъ съ каскою въ рукахъ адъютантъ. Генералъ сказалъ ему по-французски, чтобъ онъ распорядился объ экипажѣ, и предложилъ вице-губернатору, если угодно ему, отправиться вмѣстѣ въ губернское правленіе. Въ пріемной ихъ остановили на нѣсколько минутъ просители: какой-то отставной штабсъ-капитанъ, въ мундирѣ и въ треугольной еще шляпѣ съ пе-

ромъ, приносившій жалобу на бѣжавшую отъ него жену, которая вмѣстѣ съ тѣмъ похитила и двухспальную ихъ брачную постель, сдѣланную на собственныя его деньги; потомъ сморщенная, маленькая, съ золотушными глазами, старушка, которая, какъ увидѣла губернатора, такъ и повалилась ему въ ноги, вопія противъ собственнаго родного сына, прибившаго ее флейтой по головѣ. Видимо, желая показать новому помощнику свою внимательность въ дѣлахъ службы, генералъ довольно подробно разспросилъ обоихъ и передалъ адъютанту письменныя ихъ просьбы.

— Удивительно, какая еще грубость нравовъ! — произнесъ онъ, выходя съ Калиновичемъ:—одинъ бьетъ старушку-мать, а другому не то больно, что жена убѣжала, а то, что она перину увезла... И со всѣмъ этимъ надобно какъ-нибудь ладить.

На крыльцѣ ихъ ожидалъ, стоя навытяжку, полицеймейстеръ. Губернаторъ величественно махнулъ рукой, чтобъ подавали экипажъ, и когда Калиновичъ хотѣлъ сѣсть въ свой фаэтонъ, онъ не пустилъ его.

— Сядемте со мной; потолкуемъ еще пока!

Калиновичъ исполнилъ его желаніе. Полицеймейстеръ съ казакомъ понесся впередъ; губернаторъ съ умысломъ, кажется, поддерживалъ всю дорогу очень одушевленный и почти дружескій разговоръ съ вице-губернаторомъ. Попадавшіеся навстрѣчу чиновники и купечество, дѣлавшіе почти фрунтъ, не могли не замѣтить этого; а жена одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій, очень молоденькая еще дама, ѣхавшая на пролёткахъ, нарочно велѣла кучеру ѣхать шагомъ и долго, прищурившись, смотрѣла вслѣдъ двумъ властителямъ. На подъѣздѣ присутственныхъ мѣстъ, несмотря на осенній холодный день, дрожала печальная фигура экзекутора въ одномъ мундиришкѣ — фигура, въ скоромъ времени умершая, частью отъ простуды, а частью и отъ душевныхъ волненій.

— Здравствуй, любезный,—проговорилъ ему губернаторъ и, молодцовато неся голову, побѣжалъ вверхъ.

Кто испытывалъ пріятное ощущеніе входить начальническимъ образомъ на лѣстницы присутственныхъ мѣстъ, тотъ пойметъ, конечно, что рѣшительно надобно быть человѣкомъ съ самыми тупыми нервами, чтобъ не испытать въ эти минуты какого-то гордаго сознанія собственнаго достоинства; но герой мой, кажется, не ощущалъ этого—такъ, видно, было много на душѣ его тяжелыхъ и мрачныхъ мыслей. Онъ шелъ, потупя голову и стараясь только не отстать отъ своего начальника.

Канцелярія присутствія стояла уже навытяжкѣ.

— Народъ все порядочный!—шепнулъ губернаторъ.

При входѣ въ комнату присутствія, представились новому вице-губернатору члены.

— А сколько лѣтъ вы, Сергѣй Николаичъ, совѣтникомъ?—спросилъ губернаторъ старшаго совѣтника.

— Восемнадцать лѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ тотъ смиреннымъ тономъ.

— А сколько въ это время отъ сената губернскому правленію было выговоровъ?—продолжалъ губернаторъ.

— Сколько помню, кажется, ни одного, — отвѣчалъ совѣтникъ.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Недурно-съ, ни одного! — произнесъ онъ, выпрямляя станъ.

— Господинъ асессоръ у насъ воспитанникъ московскаго университета; а вотъ Валентину Осипычу мы обязаны такимъ устройствомъ городского хозяйства, что ужъ, вѣроятно, ни въ одной губерніи такого нѣтъ,—заключилъ губернаторъ, указывая на совѣтника второго отдѣленія, который дѣйствительно имѣлъ какую-то хозяйственную наружность и, какъ быкъ, смотрѣлъ въ упоръ на Калиновича.

Старшимъ секретаремъ оказался рыжій Медіокритскій: счастливая звѣзда его взошла вмѣстѣ съ звѣздою правителя канцеляріи, съ которымъ они были свояки, будучи женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ священника Кипренскаго. Узнавъ, кто именно назначенъ вице-губернаторомъ, Медіокритскій обмеръ въ душѣ, но никому не открылся и только, разсчитывая показаться кѣмъ-нибудь другимъ, отрастилъ въ послѣднее время огромнѣйшія бакенбарды, такъ что вице-губернаторъ дѣйствительно какъ будто бы не узналъ его. Губернаторъ, отзываясь лестно о совѣтникахъ, по преимуществу, въ этомъ случаѣ желалъ ихъ наградить за то, что они прежняго вице-губернатора выдали ему съ руками и ногами.

Изъ присутствія онъ повелъ вице-губернатора по отдѣленіямъ.

— Господа, вотъ новый и ближайшій начальникъ вашъ, подъ наблюденіемъ котораго непосредственно будетъ ваша нравственность и ваше усердіе по службѣ! — говорилъ онъ вездѣ звучнымъ голосомъ, послѣ чего не позволилъ себѣ долѣе удерживать Калиновича, и тотъ уѣхалъ.

Однако этимъ не кончилось. Губернаторъ въ тотъ же день отплатилъ визитъ и непремѣнно желалъ быть представленъ хозяйкѣ, такъ что Полина, въ дорожной кацавейкѣ и въ совершенно не убранной еще гостиной, заставленной ящиками,

картонами и тому подобнымъ хламомъ, принуждена была принять его. При визитѣ этомъ оказалось, что губернаторъ зналъ еще покойнаго отца Полины, у котораго даже нѣкоторое время служилъ подъ командой и который будто бы былъ превосходнѣйшій человѣкъ. На такого рода любезность вице-губернаторша также не осталась въ долгу и, какъ ни устала съ дороги, но дня черезъ два сдѣлала визитъ губернаторшѣ, которая продержала ее, по крайней мѣрѣ, часа два и, непремѣнно заставивши пить кофе, умоляла ее, Бога ради, быть осторожною въ выборѣ знакомствъ и даже дала маленькій реестръ тѣмъ дамамъ, съ которыми можно еще было сблизиться. Не ограничиваясь этимъ, губернаторша, забывъ на этотъ разъ свою гордость, отплатила на другой же день визитъ Полинѣ, пила у ней также кофе и просидѣла часа три, а потомъ вездѣ начала говорить, что новая вице-губернаторша хоть и нехороша собой, но чрезвычайно милая женщина. Про Калиновича какъ мужчины, такъ и дамы, его видѣвшія, тоже говорили, что онъ нехорошъ собой, но имѣетъ чрезвычайно умное выраженіе въ лицѣ.

III.

Дружественныя отношенія, начавшія возникать между начальникомъ губерніи и вице-губернаторомъ, были восхитительны для общества, и вслѣдствіе этого приготовлялась великолѣпнѣйшая зима. Во-первыхъ, переѣхалъ князь Иванъ и образовалъ, конечно, домъ. Другой домъ открылъ зять его, толстякъ Четвериковъ: онъ уже лѣтъ пять, какъ женился на прелестной княжнѣ, изъ которой теперь вышла восхитительная дама. Третій и тоже очень хорошій домъ былъ у предводителя, добивавшагося Анны на шею. О предсѣдателѣ казенной палаты и говорить нечего: это лицо и подчиненный ему совѣтникъ питейнаго отдѣленія повсемѣстно живутъ очень открыто. Управляющій палатою государственныхъ имуществъ, несмотря на свою скупость, для погашенія въ обществѣ разныхъ неблаговидныхъ про него толковъ по случаю рекрутскаго набора и съ цѣлью повеселить флигель-адъютанта, по необходимости долженъ былъ въ эту зиму развернуться на два, на три вечера. Что касается губернатора, то, сверхъ его обычныхъ четверговъ, у него предположено было три огромнѣйшіе бала. Кромѣ того, онъ говорилъ, что употребитъ всѣ усилія переманить изъ Калуги антрепренера съ отличнѣйшей труппой актеровъ. Отъ вице-губернатора тоже ожидали, по крайней мѣрѣ, одного бала, хоть онъ и не показывалъ ника-

кой склонности къ общественной жизни. Словомъ, все это было какъ нельзя лучше, и все уже началось своимъ порядкомъ. Князь, какъ родственникъ вице-губернатора, замѣтно старавшійся сблизить его съ губернаторомъ, вездѣ почти говорилъ, что Калиновичъ въ восторгѣ отъ порядка въ управленіи и отъ самой губерніи. Въ обществѣ почти вѣрили тому; но люди, ближе стоящіе къ дѣлу, какъ, напримѣръ, совѣтники губернскаго правленія и прокуроръ — люди эти очень хорошо видѣли и понимали, что врядъ ли это такъ. Во всякомъ случаѣ, ясно было, что вице-губернаторъ хочетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Дѣло началось съ экзекутора губернскаго правленія, который, какъ мы знаемъ, умеръ отъ усердія къ службѣ. Замѣстить эту вакансію губернаторъ, вслѣдствіе небольшого стороной ходатайства, предположилъ его помощникомъ и далъ объ этомъ предложеніе губернскому правленію; но вице-губернаторъ явился къ нему и объяснилъ, что онъ желаетъ опредѣлить на это мѣсто своего чиновника — знакомаго намъ звѣролова Лебедева, который и былъ ужъ имъ вызванъ.

— Какая же намъ цѣль принимать изъ другихъ вѣдомствъ, когда у насъ куча своихъ? — справедливо возразилъ губернаторъ.

— Я этого человѣка, ваше превосходительство, знаю и увѣренъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ не будетъ красть ни казенныхъ свѣчей ни бумаги.

Губернаторъ только улыбнулся и, не желая ссориться изъза подобныхъ пустяковъ, согласился. Вторая гроза разразилась надъ Медіокритскимъ. Обревизовавъ канцелярію присутствія, вице-губернаторъ вошелъ къ губернатору съ рапортомъ, объясняя въ немъ, что по дѣламъ старшаго секретаря найденъ имъ величайшій и умышленный безпорядокъ, который явно показываетъ, что г. Медіокритскій, еще прежде того, какъ ему лично извѣстно, замѣшанный въ похищеніи у частнаго лица тысячи рублей серебромъ, и нынѣ нравственно не исправился, а потому полагаетъ для пользы службы удалить его безъ прошенія отъ должности. Кто знаетъ служебныя отношенія, тотъ пойметъ, конечно, что сдѣлать подобное представленіе, не предваривъ даже начальника губерніи, была дерзость и явное желаніе нанести непріятность правителю канцеляріи, который былъ, какъ всѣ знали, правая рука и вторая душа губернатора въ управленіи. Три дня старикъ медлилъ; но отъ вице-губернатора получено было новое полуофиціальное письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что ежели его превосходительству не угодно будетъ удалить секретаря Медіокрит-

скаго, то онъ вынужденнымъ найдется просить министерство о назначеніи себя въ другую губернію. Такимъ образомъ дѣло поставлено было въ такое положеніе, что губернаторъ едва нашелъ возможнымъ, чтобъ не оставить бѣдную жертву совершенно безъ куска хлѣба, дать ей мѣсто смотрителя въ тюремномъ замкѣ, что, конечно, было смертнымъ скачкомъ послѣ почетной должности старшаго секретаря. Въ новомъ замѣщеніи этой должности опять вышло непріятное столкновеніе: губернаторъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлить на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ,—напримѣръ, одного изъ помощниковъ своего правителя, человѣка, вполнѣ ему вѣрнаго и преданнаго; но вице-губернаторъ объявилъ, что на это мѣсто онъ имѣетъ въ виду опять нашего стараго знакомаго, Экзархатова, о которомъ предварительно были собраны справки, не предается ли онъ попрежнему пьянству, и когда было дознано, что Экзархатовъ, овдовѣвъ, лѣтъ семь ничего въ ротъ не беретъ, Калиновичъ въ собственноручномъ письмѣ предложилъ ему мѣсто старшаго секретаря. Экзархатовъ, припоминая своего бывшаго начальника, сначала отказался, но вице-губернаторъ вторично писалъ ему, извиняясь въ прежнемъ своемъ съ нимъ поступкѣ, который произошелъ, съ одной стороны, отъ его нетерпимости, а съ другой, и отъ несчастной слабости Экзархатова. «Но такъ какъ,—прибавлялъ онъ:—оба мы съ лѣтами исправились отъ своихъ недостатковъ, то, вѣроятно, теперь сойдемся, и я васъ дружески прошу раздѣлить со мной тяжелыя служебныя обязанности, помочь мнѣ провести тѣ честныя и благородныя убѣжденія, которыя мы съ вами вдохнули въ молодости въ святыхъ стѣнахъ университета». Добрый Экзархатовъ не устоялъ противъ такого приглашенія и явился къ своему новому покровителю. При первомъ свиданіи было нѣсколько странно видѣть этихъ двухъ старыхъ товарищей: одинъ былъ только-что не генералъ, сидѣлъ въ великолѣпномъ кабинетѣ, на сафьянѣ и коврахъ, въ бархатномъ халатѣ; другой почтительно стоялъ передъ нимъ въ потертомъ вицмундирѣ, въ уродливыхъ выростковыхъ сапогахъ и съ своимъ обычно печальнымъ лицомъ, въ тонкихъ чертахъ котораго все еще виднѣлось присутствіе доброй и серьезной мысли. Калиновичъ принялъ его чрезвычайно ласково, и дня черезъ два Экзархатовъ былъ опредѣленъ. Губернаторъ ограничился только тѣмъ, что былъ сухъ и, гдѣ только можно, придирался къ новобранцу.

— По губернскому правленію, — говорилъ онъ открыто въ обществѣ:—я рѣшительно намѣренъ предоставить все вице-

губернатору, потому что онъ его ближайшій начальникъ; его мѣсто тутъ, а мое—въ губерніи.

Но потомъ оказалось, что вице-губернаторъ и въ распоряженія по губерніи началъ вмѣшиваться. Изъ разнаго рода неоднократныхъ случаевъ приведу одинъ, такъ какъ въ немъ замѣшаны болѣе знакомыя намъ лица. Кому неизвѣстно, что въ настоящее время обыкновенныя исправничьи мѣста выѣденнаго яйца не стоятъ: какихъ-нибудь триста или четыреста рублей съ откупщика, плата за лошадей, да развѣ кое-что придется сорвать на слѣдствіяхъ; а изъ этого между тѣмъ надо еще дать правителю канцеляріи, подмазать въ губернскомъ правленіи, чтобъ не очень придирались. Въ остаткѣ, значитъ, вздоръ. Но никакъ нельзя было этого сказать про постъ смирнѣйшаго въ мірѣ исправника въ извѣстномъ намъ Эн—скѣ. Даже помѣщики съ тремя сотнями душъ передъ баллотировкой говаривали: «сдѣлай, говоритъ, меня въ Эн—скѣ исправникомъ, такъ я въ англійскіе короли не захочу». Дѣло все заключалось въ лѣсномъ сплавѣ: до трехъ тысячъ гусянокъ всякую весну сплавлялось внизъ по рѣкѣ, и теперь судохозяину дать исправнику, при выправкѣ билета, съ каждаго судна какой-нибудь золотой, заведено было еще изстари, а между тѣмъ въ итогѣ это выходило пятнадцать тысячъ серебромъ. Мѣсто это пріобрѣла и упрочила за мужемъ именно сама мадамъ исправница, своими исключительно личными исканіями и ходатайствами; а потому можете судить о чувствахъ этой дамы, когда она узнала, что новымъ вице-губернаторомъ назначенъ — и кто же? — душка Калиновичъ! Смѣло могу увѣрить, что въ эти минуты она забыла всѣ сплетни, которыя сочиняла нѣкогда про него и про Настеньку. Съ замирающимъ сердцемъ и въ какомъ-то истерическомъ состояніи, она всѣмъ и каждому говорила, всплескивая руками:—«Три года я только-что не каждый день видѣла его; ну и тогда ужъ въ лицѣ у него замѣтно было что-то значительное, этакое, знаете, что-то петербургское. А милушка-то жена его? Господи, Царь Небесный! Я болѣе чѣмъ дружна была съ этимъ домомъ... болѣе... Эту любовь ихнюю... все знала. Потомъ тамъ другая въ него была влюблена; онъ то къ той, то къ этой, и такъ все это мило, что выразить невозможно. Онъ будетъ, онъ долженъ покровительствовать моему Семену Никитичу». Говоря это, исправница доходила до какой-то поэзіи похвалъ — и слезы умиленія текли по ея полнымъ щекамъ. Однако ничто не помогло, и ничто не сбылось изъ ея пророчествъ. Великимъ постомъ, когда должна была начаться выдача билетовъ, вице-губернаторъ вдругъ вошелъ къ губернатору съ рапортомъ, что такъ какъ въ го-

родѣ Эн—скѣ сыздавна производитъ земская полиція въ свою пользу незаконный сборъ съ судопромышленниковъ, то, въ видахъ прекращенія этого побора, удалить настоящаго исправника отъ должности, какъ человѣка, уже «пріобыкшаго» къ означенному злоупотребленію; въ противномъ же случаѣ, если его превосходительство сіе голословное обвиненіе найдетъ недостаточнымъ, то обстоятельство это раскрыть формальнымъ слѣдствіемъ и съ лицами, какъ непосредственно виновными, такъ и допускающими сіи противозаконныя дѣйствія, поступить по законамъ. Губернаторъ только развелъ руками, получивъ эту бумагу. Какъ было тутъ поступить? Если назначить слѣдствіе, то эти дураки-мужики, пожалуй, еще разболтаютъ про всѣ тѣ жалобы, которыя подавали они ему на исправника и которымъ однако не давалось никакого ходу; но съ другой стороны — основаться на словесномъ обвиненіи вице-губернатора и безъ слѣдствія пожертвовать чиновникомъ, неукоснительно исполнявшимъ свои прямыя и косвенныя обязанности! Старикъ даже заболѣлъ, придумывая съ правителемъ канцеляріи, какъ бы сдѣлать лучше; и такъ какъ своя рубашка все-таки ближе къ тѣлу, то положено было, не оглашая дѣла, по какимъ-то будто бы секретно дошедшимъ свѣдѣніямъ, причислить исправника къ кандидатамъ на полицейскія мѣста. Авторъ самъ видѣлъ послѣ этого несчастнаго случая исправницу, прискакавшую-было въ губернскій городъ, и не слезами она плакала — нѣтъ, — каменьями! жерновами! На Калиновича она не столько претендовала: онъ сдѣлалъ это по ненависти къ ней, потому что она никогда, по глупому своему благородству, не могла молчать о его мерзкой связи съ мерзавкой Годневой; но, главное, какъ губернатору, этому старому хрычу, которому она сама, своими руками, каждый годъ платила, не стыдно было предать ихъ?..

Подобной болтовней она довела себя до того, что, по секретному приказанію начальника губерніи, была выслана полицеймейстеромъ изъ города, тѣмъ болѣе, что губернаторъ, видимо, еще не хотѣлъ оглашать своихъ неудовольствій съ вице-губернаторомъ и все еще говорилъ, что онъ именно такого помощника себѣ желалъ, чтобъ тотъ помогалъ ему открывать злоупотребленія, которыя отъ него, какъ отъ человѣка, были скрыты. Новая выходка вице-губернатора сдѣлала однако невозможнымъ продолжать такую тактику. Въ губернскомъ правленіи назначено было свидѣтельство въ умственныхъ способностяхъ дворянина Язвина, который, по ходатайству наслѣдниковъ, содержался уже въ сумасшедшемъ домѣ. Почти вся губернія знала, что губернаторъ, по разнаго рода

отношеніямъ къ претендентамъ-родственникамъ, принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и, конечно, пріѣхалъ самъ на свидѣтельство. Изъ прочихъ лицъ явились только доктора: кривошейка-инспекторъ, съ крестомъ на шеѣ, и длинный, изъ нѣмцевъ и съ какими-то ожесточенными глазами, операторъ. Оба они, вѣрные всегда и во всемъ рабы губернаторскіе вошли въ присутствіе нога въ ногу, поклонились почтительно и заняли свои мѣста. Вслѣдъ за ними пришелъ прокуроръ, молодой еще человѣкъ, до упаду всегда танцовавшій на всѣхъ губернаторскихъ балахъ польку-мазурку; но изъ предсѣдателей еще не явился никто; предводитель—тоже, по уваженію своему къ начальнику губерніи; всѣ они разъ навсегда сказали, что гдѣ только губернаторъ подпишетъ, тамъ и ихъ рука будетъ. Словомъ, все обстояло какъ слѣдуетъ. Въ двѣнадцать часовъ сумасшедшій былъ введенъ. Это былъ молодой человѣкъ съ крошечнымъ лбомъ, съ совершенно плоскимъ черепомъ, съ впалой грудью и съ выдавшимся животомъ, въ байковомъ халатишкѣ, въ толстомъ, заплатанномъ бѣльѣ и порыжѣлыхъ туфляхъ. Его держалъ подъ руку высочайшій и съ какими-то адскими чертами лица вахмистръ, способный, кажется, усмирить сотню чертей, не только что одного безумнаго. Ихъ скромно сопровождала знакомая ужъ намъ фигура Прохорова, который былъ одинъ изъ претендующихъ родственниковъ и который на этотъ разъ не горланилъ, какъ нѣкогда въ земскомъ судѣ, а смиренно, держа подъ мышкой ваточную фуражку, сталъ-было у притолки; но губернаторъ движеніемъ головы предложилъ ему сѣсть, и Прохоровъ, щепетильно и едва касаясь краешка, усѣлся на отдаленное кресло.

— Этотъ господинъ былъ уже у насъ въ передѣлкѣ! — отнесся губернаторъ къ сидѣвшему отъ него по правую руку Калиновичу:—но сенатъ требуетъ вторичнаго переосвидѣтельствованія...

— Да, я знаю-съ: я читалъ все дѣло, — отвѣчалъ Калиновичъ.

Кривошейка-инспекторъ началъ спрашивать сумасшедшаго, какъ его зовутъ, какой онъ вѣры, званія? Нескоро и съ глупой улыбкой, какъ бы не понимая, что̀ такое все это значитъ,—отвѣчалъ тотъ, но ничего не вралъ.

— Послушайте, любезный,—отнесся вдругъ губернаторъ къ сумасшедшему:—какъ вы думаете, что̀ вертится: земля или солнце?

— Чаво вы говорите? Я не знаю, чаво вертится, ваше пiисхадитество!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну да, вертится вѣдь что-нибудь, земля или солнце: такъ что̀ именно вертится?—повторилъ губернаторъ.

— Да сто̀ же такое вертится? Подите, сто̀ такое вы говорите, васе пiисхадитество,—отвѣчалъ сумасшедшiй, боязливо пятясь назадъ.

— Не понимаетъ!—произнесъ губернаторъ, пожавъ плечами.

— По глазамъ видно отсутствiе мысли, — подтвердилъ операторъ.

— А скажите мнѣ, отчего луна не изъ чугуна? — сострилъ вдругъ асессоръ, желавшiй продолжать вопросы въ тонѣ начальника губернiи.

Сумасшедшiй только посмотрѣлъ на него; губернаторъ и всѣ прочiе члены улыбнулись. Не могши удержаться отъ удовольствiя, Прохоровъ захохоталъ во все горло.

— Нѣтъ, такъ спрашивать и записывать этого нельзя! — вмѣшался, привставая съ мѣста, Калиновичъ, все время молчавшiй, и потомъ обратился къ больному: — Подите сюда, ко мнѣ, мой милый!

Тотъ трусливо началъ подходить.

— Не бойтесь; подходите. Отчего вы такъ дрожите? — говорилъ вице-губернаторъ, ласково беря его за руку.

— Да вонъ этотъ все дерется, васе пiисхадитество,—отвѣчалъ сумасшедшiй, указывая на вахмистра.

— Какъ же онъ это можетъ? Онъ не смѣетъ этого: мы его накажемъ,—продолжалъ Калиновичъ.

— Мнѣ драться, ваше высокородiе, не пошто, а что шумятъ оченно... — зарапортовалъ-было, покраснѣвъ въ лицѣ, солдатъ.

— Молчи!—произнесъ строго вице-губернаторъ.

Вахмистръ немного попятился.

Калиновичъ опять обратился къ сумасшедшему:

— Сядьте вотъ, милый, тутъ, потолкуемте,—прибавилъ онъ.

— Ничего, васе пiисхадитество, я и постою, я не усталъ, ей-Богу-съ!—отвѣчалъ гораздо уже свободнѣе сумасшедшiй.

— А отчего это вы все подергиваетесь? Не нравится, что ли, вамъ ваше платье?

— Да сто̀, васе пiисхадитество! Извѣстно-съ: все обобрали, сто̀ было... вотъ халатиско какой дали-съ. У нихъ, васе пiисхадитество, народъ все пьяница такой-съ; пожалуй, еще пропьютъ; а у меня платье хоросее было-съ.

— А сколько у васъ душъ?—спросилъ Калиновичъ.

— Двѣсти дусъ у меня, васе пiисхадитество, — отвѣчалъ Язвинъ:—папенька родной оставилъ, ей-Богу-съ!

— Ну, а хлѣбъ, скажите, какъ у васъ родится: хорошо или нѣтъ?

— Гдѣ ужъ, васе пiисхадитество, хоросо хлѣбу родиться!— продолжалъ сумасшедшiй, какъ бы совсѣмъ попавшiй на свой тонъ:—все вонъ дяденька Михайла Ильичъ, вонъ онъ сидитъ тутъ: — «Посто, говоритъ, дуракъ, тебѣ лосади? Еще убьютъ тебя»,—весь табунокъ и угналъ къ себѣ. Ну, а по деревнѣ, васе пiисхадитество, извѣстно, какъ безъ лосадки, сами посудите! Лосадка тебѣ и дѣло сдѣлаетъ и добра накладетъ. Мужички мнѣ опосля говорятъ:—«Баринъ, говорятъ, посто вы лосадокъ отдали: безъ скота хлѣбца не бываетъ»; а мнѣ сто̀ дѣлать! Ишь они озорники какiе! Словно и Бога у нихъ нѣтъ-съ!

Прохоровъ не могъ долѣе выдерживать.

— Кабы вы были не сумасшедшiй, вы бы не говорили этого, и будете наказаны за то, болванъ этакiй! — проговорилъ онъ; но помѣшанный, въ свою очередь, тоже разсердился.

— Сто̀ ты ругаешься?—возразилъ онъ съ запальчивостью:— про сто меня наказутъ, коли я правду говорю; а ты думаешь, побоюсь тебя. Какъ же! Сто̀ ты съ дѣвкой-то у насъ сдѣлалъ? Мальчикъ, васе пiисхадитество, у него отъ дѣвки-то родился: дѣвусникъ-усникъ—подокосесникъ!

Губернаторъ вышелъ изъ себя.

— Молчать! Вздоръ несешь!—крикнулъ онъ.

Сумасшедшiй оробѣлъ. Высокiй вахмистръ къ нему приблизился на два шага.

— Умѣете ли вы считать, мой милый? — поспѣшилъ перебить Калиновичъ. — Нате вотъ, сочтите эти деньги; сколько тутъ?—прибавилъ онъ, подавая тяжелый бумажникъ.

— Это все васи деньги, васе пiисхадитество? Какой вы богатый-съ!

— Да, я богатъ. Сосчитайте.

Сумасшедшiй почесалъ голову и сосчиталъ совершенно вѣрно.

— Тутъ двѣ тысячи и пятьдесятъ рублевъ, васе пiисхадитество, да вотъ еще бумажка пять рублевъ, — отвѣчалъ онъ, отодвигая отъ себя деньги, а потомъ, обдернувъ рукава и еще какъ-то глупѣй улыбнувшись, прибавилъ: — дайте, васе пiисхадитество, мнѣ эти пять-то рубликовъ-съ.

— А у васъ развѣ нѣтъ денегъ?—спросилъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, васе пiисхадитество, хоть бы копеечка, ей-Богу-съ. Этта вотъ мужичокъ насъ принесъ-было мнѣ три цѣлковенькихъ, да смотритель увидалъ и тѣ отнялъ!—«Ты, говоритъ, еще ножъ купишь да зарѣжешься»; а посто я стану рѣзаться? Дуракъ, сто ли, я какой! И за сто они меня тутъ держатъ съ сумасшедшими, на-ка?

Проговоривъ это, Язвинъ пріостановился, но, помолчавъ, снова продолжалъ:

— Прикажите, васе пiисхадитество, отпустить меня, сдѣлайте милость; а то я боюсь, ей-Богу-съ! Этта у насъ одинъ благой, злой онъ такой, поймалъ другую благую бабу, да такъ ее оттрепалъ въ сѣняхъ, сто еле жива осталась,—того и гляди, убьютъ еще; а коли говоритъ, васе пiисхадитество, начальству насему станесъ, такъ у нихъ только и рѣчи: «поговори, говоритъ, у насъ еще, такъ выхлещемъ» — ей-Богу-съ! Сдѣлайте милость, батюска, прикажите отпустить; я вамъ въ ножки поклонюсь! — присовокупилъ сумасшедшій и дѣйствительно поклонился Калиновичу въ ноги.

— Есть ли, по крайней мѣрѣ, у васъ другіе родные, которые бы взяли васъ на поруки? — отвѣчалъ тотъ, поднимая его.

— Да какъ же, васе пiисхадитество, у меня здѣсь двоюродная сестричка есть: бѣдненькая она! Пять разъ жаловаться ходила, ей-Богу-съ! «За сто вы, говоритъ, братца моего держите? Я его къ себѣ беру». Такъ только и есть, сто прогнали, ей-Богу-съ! «Посла вонъ», говорятъ.

— Понимаете ли вы, что̀ и предъ кѣмъ вы говорите? — вмѣшался опять Прохоровъ, показывая на губернатора.

— Однако уведите его; довольно!—прибавилъ губернаторъ повелительнымъ голосомъ.

Вахмистръ, какъ желѣзными щипцами, ухватилъ своей лѣвой рукой больного за локоть и, повернувши его направо кругомъ, увелъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ губернаторъ: — я остаюсь при старомъ заключеніи, что онъ не въ полномъ разсудкѣ. Какъ вы?—прибавилъ онъ, обращаясь къ докторамъ.

— Въ разсудкѣ неполномъ,—подтвердилъ инспекторъ.

— Какой же тутъ разсудокъ, помилуйте! При губернаторѣ и что̀ говоритъ: помилуйте!—заявилъ всему присутствію Прохоровъ.

Всѣ члены были согласны съ этимъ.

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, значитъ, я буду совершенно противоположнаго мнѣнія,—возразилъ Калиновичъ.—Я полагаю, что этотъ молодой человѣкъ совершенно въ полномъ разсудкѣ.

— Какъ къ разсудкѣ? Что̀ вы такое говорите? — воскликнулъ губернаторъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.

— Въ разсудкѣ, — повторилъ Калиновичъ, не измѣняя тона:—а потому полагаю, что держать его въ сумасшедшемъ домѣ и грѣшно и противозаконно: это варварство!

— Да вѣдь въ законѣ глупорожденные также отнесены къ сумасшедшимъ,—замѣтилъ-было прокуроръ.

Но вице-губернаторъ не обратилъ даже вниманія на его слова и продолжалъ:

— Что жъ касается того, какъ онъ управлялъ своимъ имѣніемъ, то объ этомъ произвести дознаніе и, съ заключеніемъ дворянскаго собранія, представить на рѣшеніе сената. Но такъ какъ изъ словъ его видно, что у него обобранъ весь скотъ, и наконецъ въ дѣлѣ есть просьбы крестьянъ на стѣснительныя и разорительныя дѣйствія наслѣдниковъ, то обстоятельство это подлежитъ особому изслѣдованію—и виновныхъ подвергнуть строжайшей отвѣтственности, потому что усиліе ихъ представить недальняго человѣка за сумасшедшаго съ тѣмъ, чтобы засадить его въ домъ умалишенныхъ и самимъ между тѣмъ расхищать и разорять его достояніе, по-моему, поступокъ, совершенно равносильный воровству, посягательству на жизнь и даже грабежу.

Эта строго-официальная рѣчь Калиновича какъ громомъ оглушила все собраніе. Прохоровъ поблѣднѣлъ; члены не знали, куда глаза направить. Губернаторъ первый нашелся:

— Все это прекрасно! Но взглядъ вашъ, сами согласитесь, совершенно новый: онъ рѣшительно изъ дѣла не вытекаетъ.

— Взглядъ мой, ваше превосходительство, полагаю, единственный, который можетъ вытекать изъ этого дѣла,—возразилъ, въ свою очередь, со всею вѣжливостью, Калиновичъ.

— Это вы говорите, а мы полагаемъ, что нашъ единственный. Согласны вы, господа?—обратился губернаторъ, едва сдерживая гнѣвъ свой, къ членамъ.

Тѣ наклоненіемъ головы изъявили согласіе.

— Значитъ, такъ и записать надо,—продолжалъ губернаторъ, крутя усы.—Такъ и напишите,—отнесся онъ строго къ секретарю Экзархатову: — что всѣ господа присутствующіе остаются при старомъ заключеніи, а господинъ вице-губернаторъ имѣетъ представить свое особенное мнѣніе, и вы ужъ, пожалуйста, потрудитесь не замедлить,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Калиновичу, какъ бы желая хоть этимъ стѣснить его

— Я завтра же представлю,—отвѣчалъ тотъ совершенно равнодушнымъ тономъ.

Губернаторъ всталъ и молодецки выпрямилъ свой высокій ростъ.

— До свиданья,—сказалъ онъ, кивая всѣмъ привѣтливо головой.—До свиданья, Яковъ Васильичъ. Очень жаль, что такъ часто приходится намъ спорить съ вами,—прибавилъ

онъ полушутливымъ, полуукоризненнымъ тономъ Калиновичу и гордо вышелъ изъ присутствія.

Прохоровъ послѣдовалъ за нимъ; губернаторъ, поговоря съ нимъ нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, сѣлъ въ экипажъ. Онъ былъ очень блѣденъ и всю дорогу продолжалъ кусать усы. По возвращеніи его домой, тотчасъ проскакалъ во весь опоръ жандармъ за правителемъ канцеляріи. Оставшіеся между тѣмъ члены губернскаго правленія ни слова между собой не говорили и, потупивъ глаза, стали внимательно заниматься своимъ дѣломъ. На каждомъ лицѣ какъ будто было написано: «быть худу, быть бѣдамъ», и одинъ только вице-губернаторъ остался совершенно спокоенъ: на губахъ его видна была даже какая-то насмѣшливая улыбка.

IV.

Въ продолженіе цѣлой недѣли въ городѣ только и говорили, что о послѣдней распрѣ двухъ властителей. Общество, положительно обвиняя вице-губернатора, еще тѣснѣй и преданнѣй сгруппировалось около губернатора, и одинъ только князь вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней. Льстя больше всѣхъ старику въ глаза, онъ въ то же время говорилъ, что со стороны вице-губернатора была тутъ одна только настойчивость—бычокъ нашелъ,—но ничего нѣтъ ни умышленнаго ни злонамѣреннаго; и, желая, вѣроятно, какъ-нибудь уладить это дѣло, затѣялъ наконецъ зовъ у дочери. Дать самому у себя вечеръ ему, говорятъ, рѣшительно было не на что: сахарный заводъ его давно ужъ лопнулъ. Зять, по слухамъ, копейкой не помогалъ, имѣніе было описано и поступило въ продажу. Переѣхавъ въ городъ, онъ заложилъ все свое серебро и вообще по наружности былъ какой-то растерянный, такъ что куда дѣвался его прекрасный даръ слова и тонкая находчивость въ обращеніи. Но, какъ бы ни было, вечеръ онъ проектировалъ все-таки съ большимъ расчетомъ; только самые интимные и нужные люди были приглашены: губернаторъ съ губернаторшей и съ адъютантомъ, вице-губернаторъ съ женой, семейство предсѣдателя казенной палаты, прокуроръ съ двумя молодыми правовѣдами, прекрасно говорившими по-французски, и наконецъ инженерный поручикъ, на всякій случай, если ужъ обществу будетъ очень скучно, такъ чтобъ заставить его играть на фортепіано—и больше никого. Около часа прошло, какъ пріѣхалъ губернаторъ и собралось все маленькое общество; но Калиновича еще не было. Безпокойство начало отражаться на лицѣ князя.

— Да вы сами были?—шепнулъ онъ сидѣвшему около него и тяжело пыхтѣвшему зятю.

— Самъ былъ: обѣщался...—отвѣчалъ тотъ.

Князь пожалъ плечами.

— Странно!—проговорилъ онъ; но въ это время раздался звонокъ, и вице-губернаторъ вошелъ.

Онъ первый поклонился губернаторшѣ и губернатору.

— Здравствуйте, Яковъ Васильичъ! Давно мы съ вами не видались!—произнесъ старикъ, протягивая ему руку, но не приподымаясь съ креселъ, и до такой степени сумѣлъ совладѣть съ собой, что ноты непріязни не почувствовалось въ этой фразѣ.

— Давно, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Калиновичъ совершенно простодушнымъ тономъ.

— А что жъ Полина?—спросила хозяйка, разливавшая на большомъ кругломъ столѣ чай.

— Она не такъ здорова,—отвѣчалъ гость.

Князь переглянулся при этомъ съ дочерью. Губернаторша взглянула на инженернаго поручика, который еще поутру разсказывалъ ей, какъ замѣчательный случай, что вице-губернаторша, выѣзжавшая вездѣ, ни разу еще не была ни у княгини ни у дочери ея. Мужъ ли ей не позволялъ того, или она сама не хотѣла—никто не зналъ. Стулья между тѣмъ такъ были поставлены, что вице-губернаторъ непремѣнно долженъ былъ сѣсть рядомъ съ губернаторомъ; но онъ, легонько повернувшись на каблукахъ, подошелъ и сѣлъ около хозяйки въ кресло, которое собственно предназначено было для губернаторши, но которая не успѣла еще занять его.

— Я поближе къ чаю—позволите?—спросилъ Калиновичъ мадамъ Четверикову, которая была одѣта въ щегольское платье гласе и цвѣла красотой. Она взмахнула только на него своими превосходными карими глазами и, проговоря: «пожалуйста!», начала приготовлять ему чай.

— Куда жъ вы такъ много сахару кладете? Это ужасъ!—замѣтилъ ей Калиновичъ.

— Ахъ, да, и въ самомъ дѣлѣ, это много!—сказала, какъ бы сконфузившись, мадамъ Четверикова:—рѣшительно не умѣю наливать этого несноснаго чаю!—прибавила она.

— Что же вы умѣете послѣ этого?—спросилъ Калиновичъ.

— Ничего,—отвѣчала мадамъ Четверикова нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Дурно-съ!—произнесъ Калиновичъ, и они оба нѣсколько минутъ какъ-то страстно смотрѣли другъ на друга.

— Послушайте!—начала хозяйка, низко-низко наклонившись

надъ столомъ:—вы въ ссорѣ съ этимъ господиномъ?—прибавила она, указывая головой на губернатора.

— Это съ чего вы взяли?.. Не знаю, какъ онъ мной, а я имъ очень доволенъ,—отвѣчалъ Калиновичъ съ насмѣшкой.

— Ну, нѣтъ; это вы смѣетесь! Зачѣмъ вы ссоритесь съ съ нимъ? Онъ такой милый!—возразила хозяйка.

— Да, онъ милый, только взяточникъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? Нѣтъ, это пустяки!—возразила хозяйка.

— Вольно жъ вамъ заставлять меня говорить о пустякахъ, тогда какъ я вижу передъ глазами ваши мелькающія ручки, которымъ сама Киприда позавидовала бы!

— Mercі за комплиментъ.

— У меня нѣтъ, въ отношеніи васъ, комплиментовъ,—отвѣчалъ Калиновичъ:—и знаете ли что?—продолжалъ онъ довольно искреннимъ тономъ:—было время, когда нѣкто, молодой человѣкъ, за одинъ вашъ взглядъ, за одну привѣтливую улыбку готовъ былъ отдать и самого себя, и свою жизнь, и свою будущность—все.

— Да, знаю,—отвѣчала мадамъ Четверикова, лукаво потупившись. — А послушайте, — прибавила она:—вы написали тотъ романъ, о которомъ, помните, тогда говорили?

— Нѣтъ! Я нарочно тогда его выдумалъ, чтобъ предсказать вамъ ту будущность, которою вы теперь наслаждаетесь.

— Хороши и вы!—возразила хозяйка укоризненнымъ тономъ.

— Не лучше васъ: другъ друга стоимъ!—отвѣчалъ Калиновичъ, и вообще замѣтно было, что, вмѣсто ожидаемаго сближенія съ губернаторомъ, онъ цѣлый вечеръ намѣревался любезничать съ хозяйкою; но изъ дома принесли ему записку, при чтеніи которой замѣтное чувство удовольствія показалось на лицѣ его.

— Adieu!—проговорилъ онъ, осторожно беря шляпу и пожимая руку хозяйки подъ столомъ.

— Куда же вы?—спросила та удивленнымъ и недовольнымъ тономъ.

— Нужно-съ; не безпокойте никого. Adieu!—проговорилъ Калиновичъ и пошелъ.

Князь побѣжалъ-было за нимъ, но не успѣлъ догнать.

Губернаторъ между тѣмъ сдѣлалъ видъ, что будто бы черезъ полчаса только замѣтилъ отсутствіе Калиновича.

— А гдѣ же нашъ вице-губернаторъ?—спросилъ онъ совершенно равнодушнымъ тономъ.

— Не знаю, убѣжалъ! Получилъ изъ дома записку и убѣжалъ,—отвѣчалъ князь.

Губернаторъ ничего на это не сказалъ и сталъ смотрѣть на ламповый транспарантъ, какъ бы любуясь имъ. Пріѣхалъ вскорѣ полицеймейстеръ. Гремя шпорами и саблей, онъ прямо подошелъ къ губернатору и, приложивъ руку къ виску, проговорилъ:

— Сейчасъ прибылъ, ваше превосходительство, чиновникъ министра внутреннихъ дѣлъ, надворный совѣтникъ Куропиловъ.

Губернаторъ всталъ и поблѣднѣлъ.

— Зачѣмъ?—произнесъ онъ.

— Какъ я слышалъ изъ разговора ихъ съ господиномъ вице-губернаторомъ, который теперь къ нимъ пріѣхалъ, что по дѣлу дворянина Язвина,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— Да, прекрасно!.. Что жъ вы на меня-то смотрите, точно не видали?—спросилъ его губернаторъ съ азартомъ.

Полицеймейстеръ, въ свою очередь, покраснѣлъ, но скоро оправился.

— Не будетъ ли какихъ-нибудь приказаній, ваше превосходительство? — проговорилъ онъ, опять приложивъ руку къ виску.

— Никакихъ... Какія же могутъ быть приказанія?.. Ступайте... очень вамъ благодаренъ за безпокойство... Никакихъ...—повторилъ старикъ раздраженнымъ голосомъ, и полицеймейстеръ уѣхалъ.

— Дуракъ!..—повторилъ ему вслѣдъ гуоернаторъ. — Пріѣдетъ изъ Петербурга какой-нибудь тамъ чиновникъ—переполошится, скачетъ... ужасный болванъ!—присовокупилъ онъ полушутливымъ тономъ, но не могъ скрыть безпокойства и, не дождавшись ужина, уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что надворный совѣтникъ Куропиловъ не являлся даже къ губернатору и, повидавшись съ однимъ только вице-губернаторомъ, ускакалъ въ имѣніе Язвина, гдѣ началъ, говорятъ, раскапывать всю подноготную. Приближенные губернатора объявили потомъ, что старикъ вынужденнымъ находится самъ ѣхать въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи умы сильно взволновались. Дворянство въ первомъ же клубѣ рѣшило дать ему обѣдъ.

— Обѣдъ, господа, чтобъ показать этому молокососу!—говорили нѣкоторые.

— Обѣдъ!—повторили почти всѣ въ одинъ голосъ.

Но тутъ сейчасъ же возникъ вопросъ: приглашать ли вице-губернатора къ подпискѣ, или нѣтъ? Поглупѣй и немного ужъ

вышившіе кричали: «Нѣтъ, не нужно!.. къ чорту его!..» Но болѣе благоразумные недоумѣвали. Къ счастью, въ это время пріѣхалъ князь и рѣшилъ:

— Какое мы право имѣемъ выкидывать его изъ нашего общества? Онъ человѣкъ вѣжливый... приличный... онъ дворянинъ... здѣшній помѣщикъ наконецъ... Хочетъ подписаться— прекрасно, не хочетъ—его дѣло.

— Его дѣло!—подтвердили благоразумные.

Предсѣдатель казенной палаты, какъ старшина-хозяинъ, долженъ былъ предложить Калиновичу подписной листъ. Онъ нарочно для этого пріѣхалъ къ нему въ первый праздничный день, какъ бы съ визитомъ.

— Старику, нашему губернатору, обѣдъ затѣвается. Угодно вамъ участвовать?—говорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— А! Обѣдъ, и обѣдъ, вѣроятно, будетъ очень хорошій. Я люблю хорошіе обѣды. Очень радъ!—отвѣтилъ тотъ и сейчасъ же подписался.

Видимо, что въ этой фразѣ онъ ввернулъ штучку, поясненную потомъ еще болѣе въ самый обѣдъ, на который онъ не пріѣхалъ, а прислалъ на имя старшины-хозяина записку, изъявляя въ ней искреннее соболѣзнованіе, что по случившейся маленькой болѣзни не можетъ съ обществомъ раздѣлить пріятнаго удовольствія кушать мѣрныхъ стерлядей и грецкими орѣхами откормленныхъ индѣекъ; значитъ, онъ сожалѣлъ только объ обѣдѣ, а не о томъ, что не присутствовалъ на почетномъ прощальномъ митингѣ начальнику губерніи. Выходка эта возбудила еще болѣе любви и уваженія къ губернатору. Тотчасъ же послѣ портера начались изліянія чувствъ передъ нимъ. Совѣтникъ контрольнаго отдѣленія, ни на одномъ официальномъ обѣдѣ не могшій сообразить, что тамъ всегда очень много подается вина, обыкновенно напивался еще за закуской. Въ этотъ разъ онъ тоже, давно уже готовый, вдругъ всталъ и притащился къ губернаторскому креслу.

— Я, ваше превосходительство, ужъ пьянъ; извини!—забормоталъ онъ.—Когда тебя министръ спрашивалъ, какой-такой у тебя контролеръ, ты что написалъ? Я знаю, что написалъ, и выходитъ: ты живъ—и я живъ, ты умеръ — и я умеръ! Ну, и я пьянъ, извини меня, а ручку дай поцѣловать, виноватъ!

— Ничего, ничего,—говорилъ губернаторъ, не давая руки, которую совѣтникъ старался-было поймать.

Вставши въ это время на ноги, предсѣдатель казенной па-

латы прекратилъ эту сцену. Онъ кивнулъ головой распоряжавшемуся обѣдомъ чиновнику особыхъ порученій, и тотъ отвелъ контролера на его стулъ предаваться умиленію и договаривать свою благодарность; самъ же предсѣдатель приготовлялся сказать короткій, но приличный спичъ. Прежде всего, впрочемъ, должно объяснить, что рядомъ съ губернаторомъ по правую руку сидѣлъ одинъ старикашка, генералъ фонъ-Вейденъ, ничтожное, мизерное существо: онъ обыкновенно стращалъ уѣздныхъ чиновниковъ своей дружбой съ губернаторомъ, передъ которымъ, въ свою очередь, унижался до подлости, и теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ пріѣхалъ проводить своего друга и благодѣтеля. По лѣвую сторону помѣщался нѣкто Каламскій, предводитель дворянства, служившій въ военной службѣ только до подпоручика и потому никогда не воображавшій, чтобъ какой-нибудь генералъ обратилъ на него человѣческое вниманіе, но съ поступленіемъ въ предводители, обласканный губернаторомъ, почувствовалъ къ нему какую-то фанатическую любовь. Заслышавъ объ отъѣздѣ его, онъ въ два дня проскакалъ пятьсотъ верстъ и все-таки поспѣлъ къ обѣду. Оба эти лица послужили прекрасными сюжетами для оратора.

— Ни лѣта одного, — началъ онъ, указывая на старика-генерала:—ни разстоянія для другаго,—продолжалъ, указавъ на предводителя: — ничто не помѣшало имъ выразить тѣ чувства, которыя питаемъ всѣ мы. Радуемся этой минутѣ, что ты съ нами, и сожалѣемъ, что эта минута не можетъ продолжиться всю жизнь, и завидуемъ счастливцу Петербургу, который приметъ тебя въ лоно свое.

— Ура! —воскликнула со всѣхъ сторонъ толпа, съ поднятіемъ бокаловъ.

Губернаторъ, вставъ на ноги, растерялся отъ умиленія.

— Господа! На все это я могу отвѣтить только драгоцѣннымъ для насъ изреченіемъ: «разумѣйте, языцы, яко съ нами Богъ!» — бухнулъ онъ ни къ селу ни къ городу.

— Съ нами Богъ! — повторила за нимъ восторженная толпа.

Старикъ заплакалъ, и слѣдовавшее затѣмъ одушевленіе превышало всякую мѣру описаній. Послѣ обѣда его качали на рукахъ. Окончательно умиленный, онъ сталъ требовать шампанскаго: самъ пилъ и непремѣнно заставлялъ всѣхъ пить; бросилъ музыкантамъ, во все время игравшимъ тушъ, пятьдесятъ рублей серебромъ и наконецъ, сѣвъ въ возокъ, пожелалъ, чтобъ всѣ подходили и цѣловали его выставленное въ окошечко лицо...

V.

Скажите, гдѣ и когда толпа не была лжива, клятвопреступна и измѣнчива? Едва только пришло извѣстіе, что старику-губернатору въ Петербургѣ плохо, а Калиновичъ, напротивъ, произведенъ былъ въ статскіе совѣтники; едва только распространилось это въ обществѣ, какъ губернаторша почти всѣми была оставлена. Уединенно пришлось ей сидѣть въ своемъ замкоподобномъ губернаторскомъ домѣ, и общественное мнѣніе явно уже склонилось въ пользу ихъ врага, и началось это съ Полины, которая вдругъ ни съ того ни съ сего найдена была превосходнѣйшей женщиной, на томъ основаніи, что, при такомъ состояніи, нестарая еще женщина, она рѣшительно не рядится, не хочетъ жить въ свѣтѣ, а всю себя посвятила семейству; но что собственно дѣлаетъ она въ этой семейной жизни—никто этого не зналъ, и даже поговаривали, что врядъ ли она согласно живетъ съ мужемъ, но хвалили потому только, что надобно же было за что-нибудь похвалить.

Калиновича тоже стали понимать иначе: очень хорошо увидѣли, что онъ человѣкъ съ характеромъ и съ большимъ, должно-быть, вѣсомъ въ Петербургѣ. Первый измѣнилъ мнѣніе въ его пользу предсѣдатель казенной палаты, нѣкогда военный генералъ, только два года назадъ снявшій эполеты и до сихъ поръ еще сохранившій чрезвычайно благородную наружность; но, несмотря на все это, онъ до того унизился, что пріѣхалъ къ статскому совѣтнику и сталъ просить у него извиненія за участіе въ обѣдѣ губернатору, ссылаясь на дворянство, которое будто бы принудило его къ тому, какъ старшину-хозяина. Секретарь Экзархатовъ, бывшій свидѣтель этой сцены и очень ужъ, кажется, скромный человѣкъ, не утерпѣлъ и, пришедши въ правленіе, разсказалъ, какъ предсѣдатель прижималъ руку къ сердцу, возводилъ глаза къ небу и увѣрялъ совершенно тономъ гоголевскаго городничаго, что онъ сдѣлалъ это «по неопытности, по одной только неопытности», такъ что вице-губернатору, замѣтно, сдѣлалось гадко его слушать.

— О чемъ же, ваше превосходительство, вы безпокоитесь? Для меня, ей-Богу, все равно, — сказалъ онъ съ досадою и презрѣніемъ; но мѣдному лбу предсѣдателя было рѣшительно ни почемъ это замѣчаніе, и онъ продолжалъ свое.

— Какъ у нихъ эта способность подличать насчетъ всего развита, такъ уму невообразимо! — заключилъ Экзархатовъ, и вся канцелярія засмѣялась.

Второй человѣкъ, ставшій подъ знамена Калиновича, былъ князь.

— Нельзя... нельзя... нечего старику было спорить и фордыбачить... надо покориться.

Въ продолженіе всего моего романа, читатель видѣлъ, что я нигдѣ не льстилъ моему герою, а, напротивъ, всѣ нравственные недостатки его старался представить въ усиленно-яркомъ видѣ, но въ настоящемъ случаѣ не могу себѣ позволить пройти молчаніемъ того, что въ избранной имъ служебной дѣятельности онъ является замѣчательно дѣятельнымъ и, пожалуй, даже полезнымъ человѣкомъ. Князь, бывшій умнѣй и образованнѣй всего остального общества, лучше другихъ понималъ, откуда дуетъ вѣтеръ. Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ представителемъ той молодой администраціи, которая въ его время замѣтно уже начинала пробиваться сквозь толстую кору прежнихъ подьяческихъ плутней. Молодой вице-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ. Въ управленіи были приняты имъ тѣ же основанія. Дѣло началось съ городскихъ головъ, которые всѣ очень любятъ торговать и плутовать себѣ въ карманъ и терпѣть не могутъ служить для общества. Вице-губернаторъ всѣхъ ихъ вызвалъ къ себѣ и объявилъ, что если они не станутъ заниматься думскими дѣлами и не увеличатъ городскихъ доходовъ, то выговоровъ онъ не будетъ дѣлать, а перепечатаетъ ихъ лавки, фабрики, заводы, и цѣлый годъ не дастъ имъ ни продать ни купить на грошъ, и что простотой и незнаніемъ они не смѣли бы отговариваться, потому что каждый изъ нихъ такой умный плутъ, что все знаетъ. Какъ изъ парной бани вышли отъ него головы и въ ту же ночь поскакали на почтовыхъ въ свои городки, наняли на свой счетъ писцовъ въ думы и ратуши и откопали такія оброчныя статьи, о которыхъ и помину прежде не было.

Откупъ тоже не ушелъ. Не стѣсняясь личнымъ знакомствомъ и нѣкоторымъ родствомъ съ толстымъ Четвериковымъ, Калиновичъ пригласилъ его къ себѣ и объяснилъ, что, такъ какъ дѣла его въ очень хорошемъ положеніи, то не угодно ли будетъ ему хоть нѣсколько расплатиться съ обществомъ, отъ котораго онъ милліоны наживаетъ, и пожертвовать тысячъ десять серебромъ на украшеніе города. Можно себѣ представить, что почувствовалъ при этихъ словахъ скупой и жадный Четвериковъ!

— Вѣдь откупъ, Яковъ Васильичъ, никакихъ на этакіе случаи не имѣетъ экстраординарныхъ суммъ, — проговорилъ онъ, краснѣя.

Калиновичъ вышелъ изъ себя.

— Я знать, сударь, не хочу, имѣете ли вы такія суммы, или нѣтъ!—вскрикнулъ онъ.—Вы стыдились бы говорить это! Вся губернія, я думаю, знаетъ, что у васъ сундуки трещатъ отъ тѣхъ послѣднихъ грошей, которые отдаетъ вамъ бѣдный мужикъ и оборванный чиновникъ. Хоть бы четыре процента вы, устыдившись, возвратили съ вашего грабежа обществу. Вотъ клянусь вамъ Спасителемъ!—продолжалъ вице-губернаторъ, окончательно разгорячившись и показывая на образъ:— что если вы не дадите мнѣ... теперь ужъ не десять, а пятнадцать тысячъ, когда заартачились, если не пожертвуете этой суммой, то каждое воскресенье, каждый праздникъ, я велю во всей губерніи запирать кабаки во время обѣдни и, при малѣйшемъ намекѣ на участіе вашихъ цѣловальниковъ въ воровствѣ и буйствахъ, буду держать ихъ въ острогахъ по цѣлымъ годамъ!

Струсившій толстякъ развелъ только руками.

— Сломить меня не думайте, какъ сдѣлали это съ прежнимъ вице-губернаторомъ! — продолжалъ Калиновичъ, колотя пальцемъ по столу: — меня тамъ знаютъ и вамъ не выдадутъ; а я, съ своей стороны, нарочно останусь здѣсь, чтобъ не дать вамъ пикнуть, дохнуть... Понимаете ли вы теперь всю мою нравственную ненависть къ вашимъ продѣлкамъ?—заключилъ онъ, колотя себя въ грудь.

Толстякъ окончательно растерялся.

— Mais, mon cher, je vous prie, ne vous emportez pas...— забормоталъ онъ: — я могу эти деньги, если хотите, сегодня же доставить.

— Сдѣлайте одолженіе, а завтра же будетъ напечатано въ газетахъ и донесено министру о вашемъ пожертвованіи,— отвѣчалъ Калиновичъ.—Вы можете даже не скрывать, что я насильно и съ угрозами заставилъ васъ это сдѣлать, потому что все-таки, полагаю, въ этомъ случаѣ будетъ больше чести мнѣ и меньше вамъ!—прибавилъ онъ съ насмѣшкою, провожая Четверикова.

— О, да, конечно! Зачѣмъ же это разсказывать? — отвѣчалъ тотъ, стараясь насильно улыбнуться; но когда сѣлъ въ экипажъ, то лицо его приняло поразительно грустное выраженіе.

— Тому старому чорту отдано за годъ, и этотъ требуетъ еще пятнадцать тысячъ, тьфу ты подлость! — прошепелявилъ онъ своими жирными, отвислыми губами.

Отъ управляющаго губерніей былъ посланъ между тѣмъ жандармъ за начальникомъ арестантской роты — и черезъ какіе-нибудь полчаса въ пріемной залѣ ужъ стоялъ навытяжкѣ и въ полной формѣ, дослужившійся изъ сдаточныхъ, капитанъ Тимковъ, который, несмотря на то, что владѣлъ замѣчательно твердымъ характеромъ и столь мало подвижнымъ лицомъ, что какъ будто бы оно обтянуто было лубомъ, а не кожей человѣческой, несмотря на все это, въ настоящія минуты, самъ еще не зная, зачѣмъ его призвали, былъ блѣденъ до такой степени, что молодой чиновникъ, привезенный вице-губернаторомъ изъ Петербурга и теперь зачисленный въ штатъ губернскаго правленія, подошелъ къ нему и, насмѣшливо зѣвая, спросилъ:

— Что вы такіе? Не больны ли?

— Никакъ нѣтъ-съ... — отвѣчалъ капитанъ дрожащими губами.

Калиновичъ наконецъ вышелъ изъ кабинета и, хоть въ залѣ было нѣсколько человѣкъ другихъ чиновниковъ, прямо подошелъ къ капитану.

— Послушайте, — началъ онъ: — чтобъ прекратить ваши плутни съ несчастными арестантами, которыхъ вы употребляете въ свою пользу и посылаете на безплатную работу къ разнымъ господамъ... которые наконецъ у вашей любовницы чистятъ дворъ и помойныя ямы... то чтобъ съ этой минуты ни одинъ арестантъ никуда не былъ посылаемъ! Они будутъ отдѣлывать набережную: каждый мѣсяцъ я буду самъ ихъ разсчитывать, и, кромѣ задѣльной платы, пойдетъ еще сумма на улучшеніе пищи. И горе вамъ, если капуста будетъ кисла и говядина гнила! Я пріѣду самъ и со всѣмъ вашимъ потрохомъ окормлю васъ этой дрянью. Ступайте!

Капитанъ ужъ ничего не отвѣчалъ, но, повернувшись по всей формѣ налѣво кругомъ, вышелъ. Остановившись на крыльцѣ, онъ пожалъ плечами, взглянулъ только на соборъ, какъ бы возлагая свое упованіе на эту святыню, и пошелъ въ казармы.

Всѣ эти дѣйствія Калиновича наконецъ начали удивлять и пугать людей солидныхъ. «Онъ сумасшедшій человѣкъ! Въ какомъ-нибудь званіи вице-губернатора передѣлываетъ, ломаетъ... помилуйте!» — говорили они втихомолку другъ другу. Что же касается молодежи, посреди которой обыкновенно всегда бываетъ больше протестантовъ старому порядку вещей, молодежь эта была въ восторгѣ отъ него. Между всѣми отличался толстѣйшій магистръ дерптскаго университета, служившій въ канцеляріи губернатора, гдѣ онъ далъ себѣ слово

каждый день записывать въ свою памятную книжку по десятку подлостей и по дюжинѣ глупостей, тамъ совершавшихся. Старикъ-губернаторъ зналъ это и не могъ подобнаго непріятнаго человѣка исключить отъ себя, потому что магистръ былъ присланъ изъ Петербурга подъ присмотръ полиціи, съ назначеніемъ именно служить въ канцеляріи. Другой протестантъ былъ нѣкто m-r Козленевъ, прехорошенькій собой молодой человѣкъ, собственный племянникъ губернатора, сынъ его родной сестры: будучи очень богатою женщиною, она со слезами умоляла брата взять къ себѣ на службу ея повѣсу, котораго держать въ Петербургѣ не было никакой возможности, потому что онъ, того и гляди, могъ попасть въ солдаты или быть сосланъ на Кавказъ. Изъ одного этого можно заключить, что̀ началъ выдѣлывать подобный господинъ въ губернскомъ городѣ: не говоря уже о томъ, что, какъ только дядя давалъ великолѣпнѣйшій на всю губернію балъ, онъ дѣлалъ свой, для горничныхъ—въ одинъ разъ все для брюнетокъ, а другой для блондинокъ, которыя, конечно, и сбѣгались къ нему потихоньку со всего города и которыхъ онъ такъ угощалъ, что̀ многія дамы, возвратившись съ бала, находили своихъ дѣвушекъ мертвецки-пьяными. Каждый почти торжественный день повѣса этотъ и его лакей садились на воротные столбы, поджимали ноги, брали въ ротъ огромныя кольца и, дѣлая какія-то гримасы изъ носу, представляли довольно похожихъ львовъ. Всѣ эти штуки могли еще быть названы хотя сколько-нибудь извинительными шалостями; но было больше того: обязанный, напримѣръ, приказаніемъ матери обѣдать у дяди каждый день, Козленевъ ѣздилъ потомъ по всему городу и разсказывалъ, что тетка его, губернаторша, каждое послѣ-обѣда затѣваетъ съ нимъ шутки въ родѣ жены Пентефрія, и въ доказательство этого возилъ съ собой и всѣмъ показывалъ два сюртука, дѣйствительно съ оборванными полами. Третій былъ отставной уланскій ротмистръ, очень молодцоватый собою мужчина, съ лицомъ, напоминающимъ нѣсколько лица итальянскихъ бандитовъ. Для выраженія своихъ благородныхъ чувствъ и мыслей, онъ имѣлъ какой-то отрицательный пріемъ, состоявшій въ томъ, что душой и тѣломъ стремился выбить зубы каждому, кого только считалъ подлецомъ. Въ настоящее время предметомъ его преслѣдованія былъ правитель канцеляріи губернатора, и онъ говорилъ, что не умретъ безъ того, чтобъ не разбить ему въ кровь его мордасово, и что будто бы это мордасово и существовать безъ того не можетъ на Божьемъ мірѣ. Всѣ эти господа, собравшись разъ въ клубѣ, сидѣли за маленькимъ столомъ

разговаривали. Толстый магистръ подробнѣйшимъ образомъ разсказывалъ, какъ сегодня поутру Калиновичъ доказывалъ правителю канцеляріи, что онъ и тупъ, и глупъ, и подлъ. Ротмистръ пришелъ въ восторгъ.

— Молодецъ вице-губернаторъ!—крикнулъ онъ: — надобно выпить за его здоровье. Эй, ты, болванъ! Дай шампанскаго! — обратился онъ къ лакею.

Вино было подано. Въ это время проходилъ мимо молодой чиновникъ, протеже Калиновича.

— Послушайте, батюшка,—обратился къ нему магистръ:— сейчасъ мы будемъ пить за здоровье вашего вице-губернатора. Нельзя ли его попросить сюда? Онъ въ карты тамъ играетъ. Можно вѣдь, я думаю? Онъ парень хорошій.

— Очень можно,—отвѣчалъ тотъ.

— Подите, попросите!

— Хорошо, — отвѣчалъ молодой человѣкъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ Калиновичемъ.

— Позвольте намъ выпить за ваше здоровье!—началъ ротмистръ:—за то, что вы отлично продергиваете эту губернаторскую челядь, и, пожалуйста, хорошенько!

— А моя просьба, Яковъ Васильичъ,—подхватилъ Козленевъ:—нельзя ли какъ-нибудь, чтобъ дядю разжаловали изъ генераловъ и чтобъ тетушку никто не смѣлъ больше называть «ваше превосходительство»? Она не перенесетъ этого и на нашихъ глазахъ будетъ таять, какъ воскъ.

— Да здравствуетъ разумъ и правда! — сказалъ магистръ, пожимая свой жирной рукой руку Калиновича.

— Очень вамъ благодаренъ, господа; тѣмъ болѣе мнѣ пріятно ваше вниманіе, что это мнѣніе честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей,—отвѣчалъ тотъ, чокаясь со всѣми.

— Еще шампанскаго!—крикнулъ было Козленевъ, но вице-губернаторъ, не желая, можетъ-быть, чтобъ одушевленіе дошло еще до большей фамильярности, поспѣшилъ уйти, отзываясь тѣмъ, что его ожидаютъ партнеры.

VI.

Покуда происходили всѣ предыдущія событія, въ губерніи подготовлялось рѣшеніе довольно серьезнаго вопроса, состоявшаго въ томъ, что на-дняхъ должны были произойти торги на устройство сорокаверстной гати, на которую, по первой смѣтѣ, было ассигновано двѣсти тысячъ рублей серебромъ. Въ прежнія времена не было бы никакого сомнѣнія, что дѣло это останется за купцомъ Михайлой Трофимовымъ

Папушкинымъ, который до того былъ друженъ съ домомъ начальника губерніи, что въ нѣкоторые дни губернаторша, не кончивши еще своего туалета, никого изъ дамъ не принимала, а Мишка Папушкинъ сидѣлъ у ней въ это время въ будуарѣ,—потому что привезъ ей въ подарокъ серебряный сервизъ,—тотъ самый Мишка Трофимовъ, который, еще лѣтъ десять назадъ, былъ ничтожный дровяной торговецъ и котораго мы видѣли въ потертой чуйкѣ, ѣхавшаго въ Москву съ Калиновичемъ. Но зато, посмотрите, какая теперь стала изъ него пышная фигура! Посмотрите, каковъ только онъ ѣдетъ по тамошней главной улицѣ! Низко осѣлись подъ нимъ, на лежачихъ рессорахъ, покрытыя лакомъ пролётки; блеститъ на солнцѣ серебряная сбруя; блестятъ оплывшіе бока жирнѣйшаго въ мірѣ жеребца; блестятъ кафтанъ, кушакъ и шапка на кучерѣ; блеститъ наконецъ онъ самъ, Михайла Трофимовъ, своимъ тончайшаго сукна сюртукомъ, самъ, растолстѣвшій пудовъ до пятнадцати вѣсу и только, какъ тюлень, лѣниво поворачивающій свою морду во всѣ стороны и слегка кивающій головой, когда ему почти въ поясъ кланялись шедшіе по улицѣ мастеровые и приказные. Вообще, говорятъ, изъ него вышелъ мужикъ скотоватый и попрежнему только боявшійся чертей и разбойниковъ на дорогѣ, но больше никого. Навстрѣчу ему ѣхалъ губернскій архитекторъ и, поровнявшись, сдѣлалъ ручкой. Подрядчикъ улыбнулся ему на это.

— Постойте-ка, Михайла Трофимычъ, погодите!—крикнулъ архитекторъ.

— Годимъ, коли надо!— отозвался подрядчикъ. — Постой ты, дура!—прибавилъ онъ кучеру.

Тотъ остановился.

Архитекторъ соскочилъ съ пролётокъ и подбѣжалъ пѣтушкомъ.

— Я все старое,—началъ онъ:—берете за собой Манохинскую гать, али нѣтъ?

Подрядчикъ нахмурился.

— Эхъ, ты, братецъ ты мой! Словно вострымъ коломъ ударилъ ты меня этимъ словомъ!—отозвался онъ и потомъ продолжалъ въ раздумьѣ: — Манохинская ваша гать выходитъ дѣло плевое, такъ надо сказать.

— Да что плевое-то? Что? Капризный ты человѣкъ!.. Кажется, смѣтой ужъ не обижены,—говорилъ архитекторъ, глядя съ умиленіемъ въ глаза Михайлѣ Трофимову.

— Не о смѣтѣ, любезный, тутъ разговоръ; я вонъ ея не видалъ, да и глядѣть не стану... Тьфу мнѣ на все!—вотъ она мнѣ что значитъ. Не сегодня тоже занимаемся этими дѣлами;

коли я обсчитанъ, такъ и вашъ братъ обсчитанъ. Это что говорить! Не о томъ теперь рѣчь; а что сами мы, подрядчики, глупы стали,—вотъ оно что!

— Да что глупы-то? Николашки Травина, что ли, боишься?

— Рыломъ еще Николашка Травинъ не вышелъ, чтобъ сталъ я его бояться, и не токмо его, ни Григорья вашего Петрова, ни Полосухина, ни Семена Гребенки—никого я ихъ не боюсь тѣмъ, что знаю, что люди въ порядкѣ.

— Люди въ порядкѣ...—подтвердилъ архитекторъ.

— Въ порядкѣ,—повторилъ подрядчикъ:—и хоть бы намъ теперича портить дѣла другъ дружкѣ не приходится. Коли онъ мнѣ теперича эту оказію въ настоящемъ видѣ сдастъ, такъ я ему въ двадцати мѣстахъ дамъ хлѣба нажить, а дѣло то, что баря въ наше званье полѣзли. Князь тутъ нюхтитъ, коли слышалъ.

— Какъ не слышать!.. Просьбу ужъ подалъ; только такъ мы полагаемъ, что не за дѣломъ, братъ, гонится — будь спокоенъ, а такъ, сорвать только ладитъ... Свистунъ вѣдь человѣкъ.

— То-то вы умны, видно, да еще не больно! — возразилъ съ досадою подрядчикъ: — и я, помекая, по-вашему, на то, ѣздилъ къ нему и баялъ съ нимъ.

— Ну, что жъ?

— Ну, что? А то, что прямо было-обозначилъ ему: «Полно, говорю, ваше сіятельство, баринъ ты умный, не порти, говорю, дѣла, возьми напередъ отступного спокойнымъ дѣломъ, да и баста! Я, говорю, тебѣ тысчонокъ пять уваженья сдѣлаю». Такъ поди! Развѣ сговоришь?.. «Мнѣ-ста, говоритъ, Михайла Трофимычъ, я теперь въ такихъ положеніяхъ, что не токмо пятью, а пятнадцатью тысячьми дыръ моихъ не заткнуть, и я, говоритъ, въ этомъ дѣлѣ до послѣдней полушки сносить буду, и начальникъ губерніи, говоритъ, теперь тоже мой сродственникъ, онъ тоже того желаетъ...»

— Про начальника губерніи онъ вретъ начисто, одни только отводы дѣлаетъ: не такой тотъ человѣкъ!—заступился архитекторъ.

— Понимаемъ это; что ты учишь, словно малаго ребенка!— возразилъ подрядчикъ съ запальчивостью: — не сегодня тоже крестили, слава Богу! Ѣздилъ я тоже и къ начальнику губерніи.

— А когда ѣздилъ, такъ и хорошо! — подхватилъ-было архитекторъ.

— Спасибо за это хорошее; отвѣдалъ я его! — продолжалъ Михайла Трофимычъ:—такихъ репримандовъ насказалъ, что я

ничего бы съ него не взялъ и слушать-то его! Обидчикъ человѣкъ—больше ничего! Такъ я его и понимаю. Сталъ-было тоже говорить съ нимъ, словно съ путнымъ:—«такъ и такъ, говорю, ваше высокородіе, собственно этими казенными подрядами я занимаюсь столько лѣтъ, и хотя бы начальство никогда никакихъ неудовольствій отъ меня не имѣло... когда и какія были?»

— Какія ужъ отъ тебя неудовольствія!—подтвердилъ архитекторъ.

— Какія!—повторилъ Михайла Трофимовъ ожесточеннымъ голосомъ:—а онъ что на то говоритъ? «Я-ста знать, говоритъ, не хочу того; а откуда, говоритъ, вы милліоны ваши нажили—это я знаю!»—«Милліоны, говорю, ваше высокородіе, хоша бы и были у меня, такъ они нажиты собственнымъ моимъ трудомъ и попеченіемъ».—«Всѣ ваши труды, говоритъ, въ томъ только и были, что вы казну обворовывали!» Эко слово брякнулъ! Я и повыше его отъ особъ не слыхалъ того.

Архитекторъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да ты слушай, братецъ, какіе опосля того сталъ еще рисунки расписывать — смѣхоты, да и только! — продолжалъ Михайла Трофимовъ тѣмъ же ожесточеннымъ голосомъ. — Ежели теперь, говоритъ, это дѣло за вами пойдетъ, такъ чтобъ на вашу комиссію — слышь?—не токмо што, говоритъ, десятый процентъ, а чтобъ ни копейки не пошло—слышь?

Архитекторъ опять покачалъ головой

— Что же ему такъ комиссія-то наша поперекъ ужъ горла стала,—сказалъ онъ.

— Да ужъ не о комиссіи, а о самомъ себѣ тутъ я говорю... Начальство теперь само по себѣ, а я самъ по себѣ: кто жъ въ моемъ дѣлѣ можетъ указчикъ быть? Мои деньги! Хочу парю, хочу жарю, хочу съ кашей ѣмъ — и баста! Разговаривать нечего!—окончательно вспылилъ, ударивъ себя въ грудь, Михайла Трофимычъ. — «А въ производители работъ, говоритъ, слышь, я изъ здѣшнихъ господъ вамъ не дамъ, а выпишу изъ Питера: того ужъ, говоритъ, не купите». Слышь! Словно мы, братецъ ты мой, питерскихъ-то не видали. Я, согрѣшилъ грѣшный, прямо ему сказалъ на то: «развѣ, говорю, ваше высокородіе, англійскихъ какихъ выпишете: тамъ, можетъ-быть, у тѣхъ другое поведенье; а что питерскихъ мы тоже знаемъ: дерутъ съ нашей братьи и еще почище здѣшнихъ». — «Ну ужъ этого, говоритъ, не безпокойтесь, не будетъ у меня, да и принимать, говоритъ, я самъ буду; на каждой сажени дыру проверчу: и то, говоритъ, знайте!» Въ эку глубь хочетъ лѣзти!

— Да что онъ въ эти дыры увидитъ? Что видѣть-то тутъ?..— перебилъ, усмѣхнувшись, архитекторъ.

— Не знаю, что увидитъ; такое ужъ, видно, любопытство на то имѣетъ, — отвѣчалъ двусмысленнымъ тономъ Михайла Трофимовъ. — Пустой онъ человѣкъ, больше имени ему отъ меня нѣтъ! — продолжалъ онъ, опять одушевившись: — кабы онъ теперича былъ хорошій градоначальствующій и коли онъ въ мнѣніи своемъ имѣетъ казну соблюдать, такъ ему не то, что меня обѣгать, а искать да звать днемъ съ огнемъ меня слѣдуетъ, по тому самому, что на это дѣло нѣтъ супротивъ меня человѣка!.. Дѣло это большое! Теперь этотъ князь говоритъ, что онъ до послѣдней копейки сбивать станетъ. Это одни только фу-фу! Значитъ, ему, какъ бы не такъ, только денегъ сорвать, а тамъ будь, что будетъ. Знаемъ мы этихъ баръ-то подрядчиковъ! Немало ихъ на нашихъ глазахъ въ трубу вылетѣло. Дешевле хоть бы кому ни было супротивъ меня взять не приходится: не та линія!.. У меня, можетъ, у воротъ теперь стоитъ народу тысячи полторы закабаленнаго. Я еще по веснѣ... голодъ тоже былъ, да солдатство подошло... задатки роздалъ: такъ мнѣ, паря, сполагоря, какъ чорту въ мукѣ, ворочаться. Я, можетъ-быть, по десяти копеекъ на день стану человѣка раздѣлывать, а другому и за три четвертака не найти,—такъ тутъ много надо денегъ накинуть!

— Ты бы это, Михайла Трофимычъ,—какъ тамъ хочешь, а ты бы разсказалъ все это вице-губернатору; онъ бы тебя понялъ!—замѣтилъ архитекторъ.

— Нѣтъ, ужъ это, дяденька, шалишь.—возразилъ подрядчикъ, выворотивъ глаза:—ему тоже откровенно дѣло сказать, такъ, пожалуй, туда попадешь, куда чортъ и костей не занашивалъ, — вотъ какъ я понимаю его ехидность. А мы тоже маленько бережемъ себя: знаемъ, съ кѣмъ и что говорить надо. Клещами ему изъ меня слова не вытащить: пускай дѣлаетъ, какъ знаетъ.

— Неужто и на торги-то не пріѣдете? Что ужъ очень разсердились?—спросилъ архитекторъ.

Подрядчикъ опять нахмурился.

— На торги я прійти приду, этихъ дѣловъ безъ меня не бываетъ,—отвѣчалъ онъ:—и теперь этотъ ихній сіятельство или отступного мнѣ давай, либо я его такъ влопаю, что ему съ его родственникомъ и не расхлебать. Такую матушку-рѣпку запоютъ, что мнѣ же въ ноги поклонятся. Прямо скажу: не имъ сломить Мишку Трофимова, а я ихъ выучу!

— И выучи; ништо имъ! — подхватилъ архитекторъ и пошелъ садиться на свою пролѣтку.

— И выучу!—отвѣчалъ Михайла Трофимовъ, приказывая рукой кучеру ѣхать.

— И выучи!—ободрялъ его вслѣдъ архитекторъ.

— И выучу!—повторилъ Михайла Трофимовъ, уѣзжая.

Назначенные торги 17-го сентября наконецъ наступили. Господа члены и желающіе торговаться были уже въ присутствіи строительной комиссіи. Больше всѣхъ волновался и сгозилъ Николашка Травинъ, только еще начинавшій разживаться мелкій плутишка. У него подергивало руки и ноги, и вообще онъ какъ-то шевелился всѣмъ тѣломъ. Михайла Трофимовъ сидѣлъ спокойно въ креслахъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался сухой, какъ скелетъ, Гребенка, какъ говорили, сконецъ-раскольникъ, промышлявшій болѣе процентами, чѣмъ подрядами. Онъ тоже былъ спокоенъ. Григорій Полосухинъ, мужикъ съ бѣльмомъ на правомъ глазу, былъ только грустенъ. На противоположной отъ нихъ сторонѣ сидѣлъ князь. Все лицо его было покрыто какими-то багровыми пятнами, и глаза были такъ нехороши, что какъ будто онъ не спалъ нѣсколько ночей. Двѣнадцать часовъ пробило; но управляющаго губерніей все еще не было. При его аккуратности, это было нѣсколько странно. Добродушный секретарь наконецъ вошелъ въ присутствіе и, съ улыбающейся физіономіей, объявилъ: «ѣдетъ». Всѣ немного подправились. Калиновичъ вошелъ блѣдный; рука его, державшая портфель, замѣтно дрожала.

— Извините, господа, что я позадержалъ немного,—началъ онъ, садясь на свое предсѣдательское мѣсто, и потомъ, обратившись къ секретарю, сказалъ:—Подайте мнѣ залоги, которые представлены къ сегодняшнимъ торгамъ.

Секретарь подалъ.

— Они всѣ тутъ?—спросилъ вице-губернаторъ, устремляя на него пристальный взглядъ.

Секретарь начиналъ блѣднѣть.

— Всѣ, ваше высокородіе, — отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Калиновичъ, перебравъ бумаги, остановился на одной.

— Все это, собственно, мы разсматривали, — отнесся онъ къ членамъ присутствія: — но дѣло въ томъ, что насчетъ свидѣтельства пензенской гражданской палаты я сейчасъ получилъ, на запросъ мой, оттуда увѣдомленіе, что на такое имѣніе она никогда и никакого свидѣтельства не выдавала: значитъ, оно подложное...

Проговоря это, вице-губернаторъ вынулъ изъ кармана и подалъ штабъ-офицеру отношеніе гражданской палаты. Лица

между тѣмъ у всѣхъ вытянулись. Михайлу Трофимова подало даже назадъ. Пятна на лицѣ князя слились въ одинъ багровый цвѣтъ.

— Торговъ, значитъ, господа, сегодня не состоится, — сказалъ Калиновичъ купцамъ, кладя и запирая вмѣстѣ съ тѣмъ въ свой портфель залоги. — Намъ надобно еще прежде разсмотрѣть обстоятельства подлога, — обратился онъ къ членамъ.

— Конечно-съ, — отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

Вице-губернаторъ торопливо поклонился имъ и, какъ бы желая прекратить эту тяжелую для него сцену, проворно вышелъ. Князь тотчасъ же юркнулъ за нимъ. Проходя по канцеляріи, Калиновичъ сказалъ ему что-то очень тихо. Красный цвѣтъ въ лицѣ князя мгновенно превратился въ блѣдный. Нѣкоторые писцы видѣли, какъ онъ, почти шатаясь, сошелъ потомъ съ лѣстницы, гдѣ ожидалъ его полицеймейстеръ, съ которымъ онъ и поѣхалъ куда-то.

Въ тотъ же день вечеромъ по городу разнеслась страшная молва, что князь Иванъ пойманъ съ фальшивымъ свидѣтельствомъ и посаженъ вице-губернаторомъ въ острогъ.

VII.

Политика моего маленькаго мірка поколебалась въ самомъ основаніи. Дворянство рѣшительно возстало на Калиновича. Какимъ образомъ дворянина, князя, безъ суда и слѣдствія, посадить въ острогъ?—говорилось всюду на вечерахъ, балахъ и клубахъ. Губернскій предводитель, подстрекаемый доброжелателями князя, официально спросилъ вице-губернатора, на какомъ основаніи князь Иванъ арестованъ безъ депутатовъ со стороны дворянства? На что послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ, что, по незаконности вопроса, не считаютъ даже за нужное отвѣчать на него. Предводитель донесъ о томъ министру. Молодой прокуроръ, рѣшившійся въ послѣднее время кончить свою танцовальную карьеру и жениться именно на дочери губернскаго предводителя, тоже вошелъ къ управляющему губерніею съ вопросомъ, по какому именно дѣлу содержится въ тюремномъ замкѣ арестантъ, коллежскій совѣтникъ князь Иванъ Раменскій, и въ какой мѣрѣ важны взводимыя на него обвиненія? Въ лаконическомъ отвѣтѣ, что князь Иванъ содержится по дѣлу составленія имъ фальшиваго свидѣтельства, прокурору вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было обратить исключительное свое вниманіе, дабы употреблены были всѣ указанныя въ законѣ мѣры строгости къ прекращенію всякой возможности къ побѣгу или къ другимъ упущеніямъ и злоупотребленіямъ при

содержаніи сего столь важнаго арестанта. Слѣдствіе производить началъ красноносый полицеймейстеръ: отчасти по кровожадности собственнаго характера, отчасти для того, чтобъ угодить вице-губернатору, онъ заставлялъ, говорятъ, самого князя отвѣчать себѣ часа по два, по три, не позволяя при этомъ садиться. Посаженъ былъ тоже въ острогъ, неизвѣстно за что, одинъ изъ княжескихъ лакеевъ; потомъ взятъ въ Эн—скѣ дьячокъ-рѣзчикъ, и наконецъ схваченъ на дорогѣ въ Москву бѣглый кантонистъ, умѣвшій будто бы подписываться подъ всевозможныя руки.

Мягкосердый секретарь строительной комиссіи удавился отъ страха. Проходя мимо полиціи, нѣкоторые слышали, что тамъ раздавались крики и стоны, которые показывали, что врядъ ли несчастныхъ подсудимыхъ не пытаютъ во время допросовъ. Словомъ, страсти Господни, что̀ разсказывалось по всѣмъ закоулкамъ! Мужчины только качали головами и съ часу на часъ ожидали, что управляющему губерніей будетъ наконецъ сверху такой щелчокъ, послѣ котораго онъ и не опомнится. Дамы были тоже въ ужасномъ волненіи. Онѣ безпрестанно дѣлали другъ другу визиты, чтобъ сообщить или узнать какую-нибудь новость. Про князя онѣ говорили, что не знаютъ, можетъ-быть, онъ и виноватъ и достоинъ своей участи, но семейства нельзя было не пожалѣть. Несчастная княгиня, эта кроткая, какъ ангелъ, женщина, посвятившая всю жизнь свою на любовь къ мужу, должна была видѣть его въ такомъ положеніи — это ужасно! Обыкновенная молчаливость княгини перешла, говорятъ, въ какой-то идіотизмъ. Лѣчившій ее докторъ положительно опасался за ея умственныя способности; ко всему этому толстый Четвериковъ выкинулъ такую штуку, въ которой выразилась вся его торговая душа. Едва только узналъ онъ о постигшемъ несчастіи тестя, какъ тотчасъ же ускакалъ въ Сибирь, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе на участіе въ этомъ дѣлѣ, и бросилъ даже свою бѣдную жену, не хотѣвшую, конечно, оставить отца въ подобномъ положеніи. Про Калиновича и говорить ужъ нечего, какимъ чудовищемъ казался онъ дамамъ.

— Вѣдь, согласитесь, онъ бы недуренъ былъ собою; но всегда у него въ лицѣ было что-то инквизиторское! — говорили онѣ почти открыто.

Какъ бы подлаживаясь къ этому всеобщему страху и печальному настроенію общества, наступила туманная, сырая осень. Вечера сдѣлались безконечны. Въ одинъ изъ нихъ порывисто дулъ по улицамъ холодный, съ изморозью, вѣтеръ. Фонари едва мерцали въ темнотѣ. Хоть бы человѣкъ прошелъ,

хоть бы экипажъ проѣхалъ; и среди этой тишины всѣ очень хорошо знали, что, не останавливаясь, производится страшное слѣдствіе въ полицейскомъ склепѣ, куда жандармы то привозили, то отвозили различныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Въ настоящій часъ самъ вице-губернаторъ присутствовалъ при допросѣ стараго эн—скаго почтмейстера, на-днях только еще взятаго и привезеннаго въ губернскій городъ. Молча и крупными буквами, какъ видѣли писцы, писалъ старикъ свои отвѣты, но что именно — неизвѣстно.

Въ вице-губернаторской квартирѣ тоже было мрачно и пустынно. Огонекъ свѣтился только въ огромной офиціантской, гдѣ дремалъ швейцаръ и съ полчаса уже дожидался какой-то господинъ въ оборванномъ пальто. На другомъ концѣ дома падалъ на мостовую свѣтъ изъ наугольной и единственной комнаты, гдѣ Полина, никуда не выѣзжавшая въ послѣднее время, проводила цѣлые дни. Поступокъ мужа ея противъ родственника и друга дома, конечно, не могъ быть ей пріятенъ. Въ этотъ разъ, впрочемъ, она была не одна: у ней сидѣла m-me Четверикова, и — Боже мой, какъ измѣнились въ послѣднее время обѣ дамы! Вице-губернаторша была совсѣмъ ужъ старуха: и смолоду болѣзненное лицо Полины теперь, какъ на трупѣ, обвалилось; на исхудалыхъ пальцахъ ея едва держались, хлябая, нѣсколько дорогихъ колецъ. Ясно было, что семейная жизнь, и когда-то немного давшая ей радости, доканывала ее теперь окончательно. M-me Четверикова, этотъ недавній еще цвѣтокъ красоты и свѣжести, была тоже немного лучше: блѣдный, матовый отливъ былъ на ея щекахъ вмѣсто розъ; вѣки прекрасныхъ глазъ опухли отъ слезъ; хоть бы брошка, хоть бы свѣтлая булавка была видна въ ея костюмѣ. Вмѣсто цвѣтныхъ и блестящихъ платьевъ изъ дама, на ней былъ надѣтъ простой черный шелковый капотъ. Роскошная коса ея, едва свернутая, была кое-какъ приколота шпильками. Ей ли, дочери преступника, было иначе одѣваться? По безпристрастію историка, я долженъ сказать, что въ этой свѣтской дамѣ, до сихъ поръ не обнаружившей предъ нами никакихъ человѣческихъ чувствъ, какъ бы сразу откликнулась горячая и нѣжная душа женщины. Понятно стало, что она для отца готова на все, что онъ единственный идеалъ ея, какъ мужчина, ея любовь, ея счастье... Князь умѣлъ воспитывать въ свою пользу дѣтей, какъ вообще умѣютъ это дѣлать практическіе люди.

Съ полчаса, я думаю, сидѣли обѣ дамы молча. У каждой изъ нихъ такъ много наболѣло на душѣ, что говорить даже было тошно, и онѣ только перекидывались фразами.

— Ты когда его видѣла? — спросила Полина.

— Вчера. Смотритель тутъ добрый; пускаетъ меня. — отвѣчала Четверикова, закрывая лицо руками.

— Что, онъ перемѣнился?.. упалъ духомъ?

— Ужасно! Денегъ, говоритъ, главное, теперь ему нужно; а у меня рѣшительно нѣтъ. Мужъ уѣхалъ и оставилъ какіе-то пустяки. Чаю, вообрази, chère amie, не даютъ ему: говорятъ, что сожжетъ острогъ.

Проговоря это, Четверикова заплакала. У Полины тоже были полны глаза слезъ.

— Вся теперь надежда, какъ мнѣ говорятъ, это — просить Якова Васильича. Неужели наконецъ онъ не сжалится? Есть же въ немъ хоть капля состраданія!

Полина горько улыбнулась.

— Яковъ Васильичъ никогда, кажется, и ни надъ чѣмъ еще не сжалился, гдѣ говоритъ его самолюбіе. Я успѣла его узнать хорошо! — отвѣчала она.

— Нѣтъ, chère amie, я уговорю его, я наконецъ стану передъ нимъ на колѣни, буду умолять его... Я женщина: онъ поймете это. Позволь только мнѣ просить его и пусти меня къ нему одну.

— Хорошо, — отвѣчала Полина: — но только напередъ тебѣ говорю, что это, я не знаю, какой ужасный человѣкъ! — прибавила она съ какимъ-то нервнымъ содроганіемъ.

На этихъ словахъ дамы замолчали и задумались, но раздавшійся вскорѣ сердитый звонокъ заставилъ ихъ вздрогнуть.

— Это онъ пріѣхалъ! — проговорила Полина.

— Онъ! — повторила Четверикова, и обѣ онѣ поблѣднѣли.

Воротился дѣйствительно Калиновичъ. При входѣ его швейцаръ вскочилъ и вытянулся въ струнку. Господинъ въ пальто подскочилъ къ нему.

— Записка, ваше высокородіе... — началъ-было онъ.

— Дожидайся тутъ, болванъ; лѣзетъ! — крикнулъ сердито вице-губернаторъ.

Пальто подалось назадъ и стало на прежнее мѣсто. Калиновичъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ. Человѣкъ поставилъ на столъ двѣ зажженныя свѣчи. Вице-губернаторъ, показавъ ему головой, что онъ можетъ уйти, опустился въ кресло и глубоко задумался; видно, и ему нелегокъ пришелся настоящій его постъ, особенно въ послѣднее время: сѣдины на вискахъ распространились по всей ужъ головѣ; взглядъ былъ какой-то растерянный, руки опущены; словомъ, передъ вами былъ человѣкъ какъ бы совсѣмъ нравственно разбитый... Но

послышались тихіе шаги Полины — и лицо Калиновича въ одну минуту приняло холодное и строгое выраженіе.

— Четверикова тамъ пріѣхала, желаетъ тебя видѣть,—проговорила та.

— Что такое? — спросилъ Калиновичъ.

— Не знаю. Объ отцѣ, кажется, желаетъ что-то тебя попросить, — отвѣчала Полина.

Вице-губернаторъ покраснѣлъ. Въ первый разъ еще приходилось ему встрѣтиться съ семействомъ князя послѣ несчастнаго съ нимъ случая. Нѣсколько минутъ онъ замѣтно колебался. Отказать было черезчуръ жестоко; но, съ другой стороны, принять онъ стыдился и боялся за самого себя.

— Просите! — проговорилъ онъ наконецъ.

Полина съ удовольствіемъ пошла. Отвѣтъ этотъ далъ ей маленькую надежду. Вошла m-me Четверикова и проговорила:

— Bonsoir!

Она была такъ же стройна и граціозна, какъ нѣкогда; но съ безстрастнымъ и холоднымъ выраженіемъ въ лицѣ принялъ ее герой мой.

— Bonsoir! — отвѣтилъ онъ ей и пригласилъ движеніемъ руки садиться.

— Я пришла, Яковъ Васильичъ, просить васъ за отца. Сжальтесь наконецъ вы надъ нимъ! — начала она прямо.

— Но что я могу сдѣлать, Катерина Ивановна? — спросилъ Калиновичъ.

— Господи! Говорятъ, вы все можете! — воскликнула m-me Четверикова, всплеснувъ руками.

Вице-губернаторъ пожалъ плечами.

— Послушайте, Калиновичъ, — продолжала она, протягивая ему прекрасную свою ручку: — мнѣ казалось, что я когда-то нравилась вамъ; наконецъ въ послѣднее время вы были такъ любезны, вы говорили, что только встрѣчи со мной доставляютъ вамъ удовольствіе и воскрешаютъ ваши прежнія радости... Послушайте, я всю жизнь буду вамъ благодарна, всю жизнь буду любить васъ; только спасите отца моего, спасите его, Калиновичъ!

Проговоря это, m-me Четверикова все еще не выпускала руку Калиновича; онъ тоже не отнималъ ея.

— За прежнее, — началъ онъ: — я не говорю: вы можете называть меня тираномъ, злодѣемъ; но теперь, что теперь я могу сдѣлать? Научите вы меня сами.

— Послушайте, — начала Четверикова: — говорятъ, вотъ что теперь надо сдѣлать: у отца есть другое свидѣтельство на имѣніе этого старика-почтмейстера; вы возьмите его и ска-

жите, что оно было у васъ, а не то, за которое вы его судите, скажите, что это была ошибка, — вамъ ничего за это не будетъ.

Калиновичъ нахмурился и отнялъ руку.

— Старикъ этотъ сознался ужъ, что только на-дняхъ далъ это свидѣтельство, и наконецъ, — продолжалъ онъ, хватая себя за голову: — вы говорите, какъ женщина. Сдѣлать этого нельзя, не говоря уже о томъ, какъ безнравственъ будетъ такой поступокъ.

— Спасти человѣка не безнравственно, Калиновичъ! — проговорила Четверикова.

Вице-губернаторъ пожалъ плечами.

— Но что жъ изъ этого будетъ? Поймите вы меня, — перебилъ онъ: — будетъ одно, что вмѣстѣ съ вашимъ отцомъ посадятъ и меня въ острогъ, и пріѣдетъ другой чиновникъ, который будетъ дѣлать точно то же, что и я.

— Нѣтъ, можно; не говорите этого, можно! — повторяла молодая женщина съ раздирающей душу тоской и отчаяніемъ.— Я вотъ стану передъ вами на колѣни, буду цѣловать ваши руки... — произнесла она и дѣйствительно склонилась передъ Калиновичемъ, такъ что онъ самъ поспѣшилъ наклониться.

— Господи! Катерина Ивановна! Что вы дѣлаете?—воскликалъ онъ, силясь поднять ее.

— Я не встану, не уйду отъ васъ. Спасите моего отца!.. Спасите!.. — говорила она и начала истерически рыдать.

Калиновичъ почти въ объятіяхъ поддерживалъ ее.

— Успокойтесь, Катерина Ивановна! — говорилъ онъ: — успокойтесь! Даю вамъ честное слово, что дѣло это я кончу на этой же недѣлѣ и передамъ его въ судебное мѣсто, гдѣ гораздо больше будетъ средствъ облегчить участь подсудимаго; наконецъ, увѣряю васъ, употреблю всѣ мои связи... будемъ ходатайствовать о высочайшемъ милосердіи. Поймите вы меня, что одинъ только царь можетъ спасти и помиловать вашего отца, — клянусь вамъ!

Четверикова встала и, какъ безумная, забросила своей восхитительной ручкой разбившійся локонъ волосъ за ухо.

— Злой вы человѣкъ! Не дастъ вамъ Богъ счастья!—проговорила она и, шатаясь, вышла изъ кабинета.

За дверьми приняла ее Полина.

— Tout est fini,—проговорила молодая женщина голосомъ, полнымъ отчаянія.

— Слышала,—отвѣчала вице-губернаторша, не менѣе встревоженная.—Ecoutez, chère amie,—продолжала она скороговоркой, ведя пріятельницу въ гостиную:—ты къ нему ѣздишь.

Позволь мнѣ въ твоей каретѣ вмѣсто тебя ѣхать. Сама я не могу, да меня и не пустятъ; позволь!.. Я хочу и должна его видѣть. Онъ, бѣдный, страдаетъ за меня.

— Да, съѣзди, Полина, съѣзди, chère amie! Но, Господи! Что̀ съ нимъ будетъ?—заключила Четверикова, и обѣ дамы, зарыдавъ, бросились другъ къ другу въ объятія.

Калиновичъ между тѣмъ, какъ остался, взявшись за спинку кресла, такъ и стоялъ, не измѣняя своего положенія.

«Всѣ меня проклинаютъ, всѣ меня ненавидятъ—и за что?»—проговорилъ онъ съ иронической улыбкой и потомъ, какъ бы желая задушить внутреннюю муку, хотѣлъ чѣмъ-нибудь заняться и позвонилъ.

Вошелъ тотъ же лакей.

— Тамъ какой-то человѣкъ стоитъ на лѣстницѣ. Позови его сюда!—проговорилъ Калиновичъ.

Пальто явилось.

— Кто ты такой?—спросилъ довольно строго̀ вице-губернаторъ.

— Суфлеръ, ваше превосходительство,—отвѣчало пальто.—Такъ какъ труппа наша имѣетъ прибыть сюда, и г-жа Минаева, первая, значитъ, наша драматическая актриса, стали мнѣ говорить: «Ты теперь, говоритъ, Михеичъ, ѣдешь ранѣе нашего, явись, значитъ, прямо къ г. вице-губернатору и записку, говоритъ, предоставь ему отъ меня». Записочку, ваше превосходительство, предоставить приказано.

Проговоря это, суфлеръ модно подалъ небольшое письмецо и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, принялъ ту позу, которую обыкновенно принимаютъ, въ чулкахъ и башмакахъ, театральные лакеи, роли которыхъ онъ, вѣроятно, часто исполнялъ.

— Что̀ такое?—проговорилъ между тѣмъ Калиновичъ, развертывая письмо.

Тамъ было написано:

«По почерку вы узнаете, кто это пишетъ. Черезъ нѣсколько дней вы можете увидѣть меня на вашей сценѣ—и, Бога ради, не обнаружьте ни словомъ ни взглядомъ, что вы меня знаете; иначе я не выдержу себя; но если хотите меня видѣть, то пріѣзжайте послѣзавтра въ какой-то вашъ глухой переулокъ, гдѣ я остановлюсь въ домѣ Коркина. О, какъ я хочу сказать вамъ многое, многое!.. «Ваша...»

При чтеніи этихъ строкъ, лицо Калиновича загорѣлось радостью. Письмо это было отъ Настеньки. Десять лѣтъ онъ не имѣлъ о ней ни слуху ни духу, не переставая почти никогда думать о ней, и черезъ десять лѣтъ наконецъ снова откли-

нулась эта женщина, питавшая къ нему какую-то собачью привязанность.

— Что жъ, скажи: г-жа Минаева у васъ въ труппѣ и будетъ здѣсь играть всю зиму?—спросилъ онъ какимъ-то смѣшнымъ отъ внутренняго волненія тономъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ модно суфлеръ.—Будетъ публика довольна, собственно, черезъ нихъ,—надѣемся на то!—прибавилъ онъ.

— И хорошая, значитъ, она актриса?—проговорилъ Калиновичъ.

Голосъ его перехватывался.

Суфлеръ усмѣхнулся этому вопросу.

— Актриса такая, ваше превосходительство, что понимай только умѣючи,—отвѣчалъ онъ съ какимъ-то умиленіемъ.—Хоть бы теперь про себя мнѣ сказать: человѣкъ я маленькій! Значитъ, все равно, что свинья, безчувственный, и то безъ слезъ не могу быть, когда онѣ играть изволятъ; словъ моихъ лишаюсь суфлировать, по тому самому, что все это у нихъ на чувствахъ идетъ; а теперь, хоть бы въ Калугѣ, на пробныхъ спектакляхъ публика тоже была все офицеры, народъ буйный, вѣтреный, но и тѣ горести сердца своего ощутили и навзрыдъ плакали... Самимъ Богомъ ужъ, видно, имъ на то особливое дарованіе дано за ихъ, можетъ-быть, ангельскую, добрую душу, которой и предѣловъ, кажется, нѣтъ.

Проговоря это, Михеичъ замѣтилъ, что вице-губернаторъ въ каждое слово его какъ бы впивается, и потому, еще болѣе расчувствовавшись, снова распространился:

— Хоть бы теперь, ваше превосходительство, опять мнѣ съ самого себя взять: сколько я ихними милостями взысканъ—такъ и сказать того не могу! Жалованье тоже получаю маленькое. Три рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а хлѣба нынче пошли дорогіе; обуться, одѣться изъ этого надобно приличію своему званію: не мужикъ простой—артистъ!.. въ затрапезномъ халатѣ не пойдешь! А въ этой нашей проклятой будкѣ ужасно какъ платье деретъся, по тому самому, что нечистота... сырость... ужасно-съ! И онѣ, видѣвъ, собственно, меня въ бѣдномъ моемъ положеніи, прямо мнѣ сказали:—«Михеичъ, говорятъ, живи, братецъ, у меня; я тебя прокормлю!»—«Благодарю, говорю, сударыня, благодарю!» А что я... что жъ?.. я служить готовъ. Дяденька вотъ теперь при нихъ живетъ: хоша бы теперь сапоги или платье завсегда готовъ для нихъ приготовить; но они только сами того не допускаютъ: сами изволятъ все дѣлать.

— А дядя развѣ съ ней живетъ?—спросилъ Калиновичъ, закидывая голову на спинку кресла.

— При нихъ, ваше превосходительство, старичокъ добрѣйшій. Ужъ какъ Настасью Петровну любятъ, такъ хоть бы отцу родному такъ беречь и лелѣять ихъ; хоть и про барышню нашу грѣхъ что-нибудь сказать: не вѣтреница! Сами, можетъ-быть, ваше превосходительство, изволите знать: у другихъ, изъ ихъ званья, по два, по три заразъ бываетъ, а у насъ, что-что при театрѣ состоимъ, живемъ словно въ монастырѣ: мужского духу въ домѣ не слыхать, сколь ни много на то соискателей, но ни къ кому какъ-то изъ нихъ наша барышня желанья не имѣетъ. Въ другой разъ, видючи, какъ ихъ молодость втунѣ пропадаетъ, жалко даже становится, ну, и тоже, по нашему смѣлому, театральному обращенію, прямо говоришь: «что это, Настасья Петровна, ни съ кѣмъ вы себѣ удовольствія не хотите сдѣлать, хоть бы насчетъ этой любви, или самыхъ амуровъ себя развлекли». Онѣ только скажутъ на то: «ахъ, говоритъ, дружокъ мой Михеичъ, много, говоритъ, я въ жизни моей перенесла горя и перестрадала, ничего я теперь не желаю». И точно: кабы не это, такъ ужъ дѣйствительно какому ни на есть господину хорошему нашей барышней заняться можно: не осрамитъ, не оконфузитъ передъ публикой!— заключилъ Михеичъ съ нѣсколько лукавой улыбкой, и точно капли кипящей смолы падали всѣ слова его на сердце Калиновича, такъ что онъ не въ состояніи былъ болѣе скрывать волновавшихъ его чувствованій.

— Хорошо, хорошо!—поспѣшилъ онъ перебить:—кланяйся Настасьѣ Петровнѣ и скажи, что я непремѣнно буду въ театрѣ, и всѣмъ, что она пишетъ мнѣ, я воспользуюсь. Понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ съ глубокомысленнымъ выраженіемъ Михеичъ.

— Да, скажи ей!—повторилъ Калиновичъ.—А тебѣ вотъ на покуда на твои нужды,—прибавилъ онъ и, взявъ со стола бумажку въ пятьдесятъ рублей серебромъ, подалъ ее суфлеру.

Тотъ даже попятился назадъ.

— Такую, ваше превосходительство, награду изволите давать, что и принять не смѣю!—проговорилъ онъ.

— Ничего, возьми и ступай: не говори только никому.

— Слушаю, ваше превосходительство,—подхватилъ Михеичъ и, модно расшаркавшись, вышелъ на цыпочкахъ.

Оставшись одинъ, Калиновичъ всплеснулъ благоговѣйно руками передъ висѣвшимъ въ углу распятіемъ.

— Боже! Благодарю Тебя, что Ты посылаешь мнѣ этого ангела-хранителя!.. Я теперь не одинъ: она спасетъ меня отъ окружающихъ меня враговъ и злодѣевъ!—воскликнулъ онъ и въ изнеможеніи опустился въ кресло.

По щекамъ его текли слезы; лицо умилилось. Какъ бы посреди холодной и мертвящей вьюги вдругъ на него пахнуло весной и показалось теплое, свѣтлое и животворное солнце. Десятилѣтней отвратительной семейной жизни и суровыхъ служебныхъ хлопотъ какъ будто бы и не бывало. Передъ нимъ снова воскресла и впереди мелькала опять молодость съ ея любовью, наслажденіями и мечтами.

— Боже! благодарю Тебя!.. За такія минуты счастья можно платиться и годами нравственныхъ мукъ! Боже, благодарю Тебя!..—повторялъ онъ тысячекратно.

VIII.

На выѣздѣ главной Никольской улицы, вслѣдъ за маленькими деревянными домиками, въ окнахъ которыхъ виднѣлись иногда цвѣты и дѣтскія головки, вдругъ показывался, непріятно поражая, огромный сѣрый острогъ, съ своей высокой стѣной и желѣзной крышей. Все въ немъ, повидимому, обстояло благополучно: ружья караула были въ козлахъ, и у пестрой будки стоялъ посинѣвшій отъ холода солдатъ. Наступили сумерки. По всему зданію то тутъ, то тамъ замелькали огоньки.

На правой сторонѣ, въ караульной комнатѣ, сидѣлъ гарнизонный изъ поляковъ, прапорщикъ Лимовскій. Несмотря на полную офицерскую форму, онъ имѣлъ совершенно плоское женское лицо и въ настоящую минуту, покуривая трубку, погруженъ былъ въ самыя романическія мысли о родинѣ и прелестныхъ паннахъ. Жить въ обществѣ, быть знакому съ хорошими домами, танцовать тамъ—составляло страсть прапорщика. Желая представить изъ себя свѣтскаго человѣка, онъ старался говорить какъ можно болѣе мягкимъ голосомъ и прибиралъ обыкновенно самыя нѣжныя фразы.

Около среднихъ воротъ, съ ключами въ рукахъ, ходилъ молодцоватый унтеръ-офицеръ Карпенко. Онъ представлялъ гораздо болѣе строгаго блюстителя порядка, чѣмъ его офицеръ, и нелегко было никому попасть за его постъ, такъ что даже пробѣжавшую черезъ платформу собаку онъ сильно пихнулъ ногой, проговоря: «э, чортъ, бѣгаетъ тутъ! дьяволъ!». Къ гауптвахтѣ между тѣмъ подъѣхала карета съ опущенными шторами. Соскочившій съ задка ливрейный лакей сбѣгалъ сначала къ смотрителю, потомъ подошелъ-было къ унтеръ-офицеру и проговорилъ:

— Княгиня пріѣхала; отворить потрудитесь.

— Не велѣно,—отвѣчалъ тотъ лаконически и съ малороссійскимъ акцентомъ.

— Да вѣдь княгиня ѣздитъ; какъ же не велѣно? Помилуйте!—возразилъ лакей.

— Да что мини ѣздить, коли не велѣно. Давеча вонъ еще губернаторъ наѣзжалъ съ полицеймейстеромъ... наказывали. Ѣздитъ!—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Что жъ! Я у смотрителя былъ: они приказали,—возразилъ опять лакей.

— Ничего не приказали. Что мини смотритель? Не начальство мое. У меня свой офицеръ здѣсь есть... Смотритель!..—говорилъ сурово Карпенко.

— И офицеръ прикажетъ,—произнесъ лакей и побѣжалъ.

— Прикажутъ? да!—повторилъ ему вслѣдъ со злобою унтеръ-офицеръ.

— Княгиня, ваше благородіе, пріѣхала, солдаты не пускаютъ,—доложилъ лакей, входя въ караульню.

Прапорщикъ вскочилъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ онъ и тотчасъ же побѣжалъ.

— Отворить!—крикнулъ онъ унтеръ-офицеру.

— Не приказано, ваше благородіе...—осмѣлился-было ему возразить Карпенко.

— Отворить, дуракъ!—крикнулъ грознымъ голосомъ нѣжнѣйшій прапорщикъ и, какъ истый рыцарь, вышелъ даже изъ себя для защиты дамъ; но потомъ, принявъ сколько возможно любезную улыбку, подбѣжалъ къ каретѣ.

— Pardon, madame, тысячу разъ виноватъ. Позвольте мнѣ предложить вамъ руку,—говорилъ онъ, принимая изъ кареты наглухо закутанную даму.—Эти наши солдаты такой народъ, что возможности никакой нѣтъ! — говорилъ онъ, ведя свою спутницу подъ руку:—и я, признаться сказать, давно желалъ имѣть честь представиться въ вашъ домъ, но рѣшительно не смѣлъ, не зная, какъ это будетъ принято; а если бъ позволили, то...

— Пожалуйста, мы рады будемъ,—отвѣчала дама не своимъ голосомъ.

— А для меня это будетъ неожиданнымъ и величайшимъ блаженствомъ!—воскликнулъ прапорщикъ восторженнымъ тономъ.—Но, madame, вы трепещете?—прибавилъ онъ.—Будьте тверды, не падайте духомъ, заклинаю васъ! И, Бога ради, Бога ради, осторожнѣе перешагивайте этотъ ужасный порогъ, не повредите вашей прелестной ножки...—объяснялся прапорщикъ, проходя внутренній дворъ.

На лѣстницѣ самаго зданія страхъ его дамы еще болѣе увеличился: зловонный, удушливый воздухъ, который отовсюду

пахнулъ, захватывалъ у ней дыханіе. Почти около нея раздался звукъ цѣпей. Она невольно отшатнулась въ сторону: проводили скованнаго по рукамъ и ногамъ, съ бритой головой, арестанта. Вдали слышалась перебранка нѣсколькихъ голосовъ. Въ полутемномъ коридорѣ мелькали стволы и штыки часовыхъ.

— Князь здѣсь,—проговорилъ наконецъ прапорщикъ, подведя ее къ двери со стеклами.—Желаю вамъ воспользоваться пріятнымъ свиданіемъ, а себя поручаю вашему высокому вниманію,—заключилъ онъ и, отворивъ дверь, пустилъ туда даму, а самъ отправился въ караульню, чтобъ помечтать тамъ на свободѣ, какъ онъ будетъ принятъ въ такой хорошій домъ.

Дама между тѣмъ, вошедши, увидѣла, что князь сидѣлъ въ глубокой задумчивости, облокотясь на маленькій столикъ. Передъ нимъ горѣла сальная свѣчка. Слегка кудрявые на вискахъ его волосы были совсѣмъ уже сѣды; худоба лица еще болѣе оттѣнилась отпущенными усами и окладистой бородой, которые тоже были, какъ молокомъ, спрыснуты просѣдью. Князь все еще былъ въ щеголеватомъ бархатномъ халатѣ; чистая рубашка его была разстегнута и обнаруживала часть бѣлой груди, покрытой волосами; словомъ, при этомъ небрежномъ туалетѣ, съ выразительнымъ лицомъ своимъ, онъ былъ рѣшительно красавецъ, какого когда-либо содержали тюремныя стѣны. Легкій шорохъ вошедшей дамы заставилъ его обернуться. Онъ всталъ, недоумѣвая, кто это пришелъ. Дама въ это время откинула скрывавшій ее капюшонъ бурнуса.

— Боже мой! Полина!—воскликнулъ князь.

— Да,—отвѣчала та, подходя.

Князь схватилъ и началъ цѣловать ея руку. Она въ изнеможеніи опустилась на его арестантскую кровать.

— Ну, что ты? Здоровъ? — проговорила она, какъ бы не зная, что сказать.

— Къ несчастью, — отвѣчалъ князь и тоже опустился на свой стулъ.

Оба они нѣсколько времени смотрѣли другъ другу въ глаза, какъ бы желая повѣрить, кто изъ нихъ въ послѣднее время больше страдалъ.

— Какъ ты пріѣхала отъ твоего аргуса?—началъ наконецъ князь.

— Въ каретѣ княгини. Подъ ея ужъ именемъ, — отвѣчала Полина.—Я денегъ тебѣ привезла. Catherine вчера говорила... двѣ тысячи тутъ...—прибавила она, вынимая толстый бумажникъ.

— Мегсі! — произнесъ князь, цѣлуя ея руку и дрожащей рукой засовывая деньги въ халатный карманъ.

На глазахъ его навернулись слезы.

— Catherine, значитъ, была у васъ? — спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Была, и просила-было...

— И что жъ?

— Разумѣется, ничего.

Лицо князя приняло мрачное выраженіе.

— Гм!..—повторилъ онъ насмѣшливымъ тономъ и хотѣлъ, кажется, еще что-то сказать, но промолчалъ.

— Это онъ тебѣ за меня мститъ, рѣшительно за меня, — продолжала Полина.

— Да. Но какимъ же образомъ онъ это узналъ? Не чортъ же ему на берестѣ написалъ! — произнесъ князь.

— Я сама ему все разсказала,—произнесла Полина задыхавшимся голосомъ.

Князь пожалъ плечами.

— Это сумасшествіе! — воскликнулъ онъ: — дѣвочка... пансіонерка, и та того не сдѣлаетъ. Помилуйте, Полина!

— Что дѣлать!—возразила она.—Ты самъ хорошо помнишь, какъ я за него выходила; не совершенно же я была какая-нибудь потерянная женщина. Я все-таки хотѣла быть настоящей ему женой и раскаялась передъ нимъ, какъ только можетъ человѣкъ раскаяться передъ смертью. Всю душу, все сердце я открыла ему, и онъ, вмѣсто того чтобъ поддержать во мнѣ этотъ порывъ, мной же данное оружіе употребилъ противъ меня.—На этихъ словахъ Полина пріостановилась, но потомъ, горько улыбнувшись, снова продолжала: — обиднѣе всего для меня то, что самъ на мнѣ женился рѣшительно по расчету и никогда мнѣ не былъ настоящимъ мужемъ, а въ то же время мститъ и преслѣдуетъ меня за мое прошедшее. Вначалѣ, когда я имѣла еще глупость выговаривать ему за его холодность и почти презрѣніе ко мнѣ, онъ прямо отвѣчалъ, что развѣ такія женщины, какъ я, имѣютъ право ожидать отъ мужей любви?.. Каково это было выслушивать? Или теперь, въ Петербургѣ, соберутся иногда знакомыя и начнутъ, въ обыкновенномъ гостиномъ разговорѣ, разсказывать про какую-нибудь немножко скандалезную любовь,—ну, и скажешь къ слову:—«Что это? Какъ это можно?», онъ сейчасъ же возразитъ, что въ этомъ случаѣ гораздо лучше быть строгими къ себѣ, чѣмъ къ другимъ, и на себя посмотрѣть надобно! Ну, и покраснѣешь невольно. Десять лѣтъ, мой другъ, терплю я эту муку, ожидая каждую минуту всякаго рода оскорбленія и униженія!

— Мерзавецъ!—воскликнулъ князь.

— Ужасный,—подхватила Полина.—Просто, я тебѣ говорю. онъ страшный человѣкъ!.. Разъ до того меня вывелъ изъ терпѣнія своими колкостями, что я прямо ему высказала эту твою—помнишь?—мысль, что онъ креатура наша.—«Вы, говорю, не смѣете такъ со мной обращаться! Если вы дѣйствительно оскорблены, какъ мужъ, такъ не имѣете на то права: васъ вывели изъ грязи, сдѣлали человѣкомъ и заплатили вамъ деньги...» Онъ — ничего; закусилъ только свои тонкія, гладкія губы и поблѣднѣлъ.—«Да, говоритъ, дѣйствительно: — вы первое еще справедливое слово сказали. Благодарю васъ за урокъ». И ушелъ. Я, конечно, очень хорошо знала, что этимъ не кончится; и дѣйствительно, — кто бы послѣ того къ намъ ни пріѣхалъ, сколько бы человѣкъ ни сидѣло въ гостиной, онъ непремѣнно начнетъ развивать и доказывать, какъ пошло и ничтожно наше барство, и что превосходный представитель, какъ онъ выражается, этого гнилого сословія, это ты—извини меня,—гадкій, мерзкій, скверный человѣкъ, который такъ развращенъ, что не только самъ мошенничаетъ, но чувствуетъ какое-то дьявольское наслажденіе совращать другихъ. Я дала себѣ слово на все это рѣшительно молчать, какъ будто ничего не понимаю. Онъ видитъ, что этого мало, не дѣйствуетъ, — начинаетъ вдругъ изъ своей протестанціи противъ взятокъ, которою такъ гордится, начинаетъ прямо, при цѣломъ обществѣ, говорить, что отецъ мой, бывши полковымъ командиромъ, воровалъ, что, служа тамъ, въ Польшѣ, тоже воровалъ, и въ доказательство всего этого ссылается на меня... Дочь приводитъ въ свидѣтели противъ отца!

Князь пожалъ плечами.

— Я тебѣ говорю!—продолжала Полина:—ты знаешь, онъ очень осторожный человѣкъ на словахъ, но если что коснется до меня, чтобы мнѣ нанести оскорбленіе, онъ рѣшительно тутъ дѣлается сумасшедшимъ человѣкомъ: забываетъ даже всякое приличіе, и наконецъ... этотъ поступокъ съ тобой? Онъ теперь ссылается на свое правосудіе, безпристрастіе, на долгъ службы — лжетъ! И даже это онъ тебѣ мститъ, а главное — тутъ я. Онъ очень хорошо понимаетъ, что во мнѣ можетъ снова явиться любовь къ тебѣ, потому что ты единственный человѣкъ, который меня истинно любилъ и котораго бы я должна была любить всю жизнь, — онъ это видитъ и, чтобъ ударить меня въ послѣднее больное мѣсто моего сердца, изобрѣлъ это проклятое дѣло, отъ котораго, если Богъ спасетъ тебя—продолжала Полина съ большимъ одушевленіемъ: — то я разойдусь съ нимъ и буду жить около тебя, что бы въ свѣтѣ ни говорили... Наконецъ, если сошлютъ тебя, я пойду за то-

бой въ Сибирь. Пускай же всѣ видятъ, что жена его ушла съ любовникомъ, человѣкомъ, котораго онъ изъ мести погубилъ. Я знаю, какъ это задѣнетъ его самолюбіе и какое положитъ пятно на его имя, которое онъ, какъ святыню какую, бережетъ,—мерзавецъ!

Князь видѣлъ, до какой степени Полина была ожесточена противъ мужа, и очень хорошо въ то же время зналъ, что въ подобномъ нравственномъ настроеніи женщина способна рѣшиться на многое.

— Ты любишь еще меня, другъ мой? — произнесъ онъ вкрадчивымъ голосомъ и, пересѣвъ рядомъ съ ней на кровать, взялъ ее за руку.

Полина вспыхнула.

— Рѣшительно люблю! — отвѣчала она съ какой-то гордой экзальтаціей.

Князь поцѣловалъ ее. Лицо ея совсѣмъ горѣло.

— Онъ, я знаю, не высказываетъ, но ревнуетъ меня по сю пору къ тебѣ... Пускай же, по крайней мѣрѣ, имѣетъ право на то.

— Да, пускай!—повторилъ князь.

— Всякому терпѣнію наконецъ бываетъ предѣлъ: въ десять лѣтъ камень лопнетъ! Я не знаю, какъ и чѣмъ могу отмстить ему за всѣ обиды, которыя онъ мнѣ наносилъ и наноситъ,—говорила Полина.

Князь думалъ.

— Одно, что остается,—началъ онъ медленнымъ тономъ:— напиши ты баронессѣ письмо, разскажи ей всю твою ужасную домашнюю жизнь и объясни, что господинъ этотъ заигрался теперь до того, что, изъ ненависти къ тебѣ, начинаетъ мстить твоимъ роднымъ, и что я сдѣлался первой его жертвой... Заступились бы тамъ за меня... Не только что человѣка, собаки, я думаю, не слѣдуетъ оставлять въ безотвѣтственной власти озлобленнаго и пристрастнаго тирана. Гдѣ жъ тутъ справедливость и правосудіе?..

— Я готова. Но что она можетъ сдѣлать? — возразила Полина.

— Она можетъ многое сдѣлать... Она будетъ говорить, кричать вездѣ, требовать, какъ о дѣлѣ вопіющемъ, а ты, между прочимъ, такъ какъ Петербургъ не любитъ ни о чемъ даромъ безпокоиться, прибавь въ письмѣ, что, считая себя виновною въ моемъ несчастьѣ, готова половиной состоянія пожертвовать для моего спасенія.

— Я готова,—согласилась Полина.

— Или наконецъ...—продолжалъ князь, хватаясь за голову

и какъ бы придумывая еще что-то такое:—наконецъ, поѣзжай сама въ Петербургъ... Я составлю тебѣ записку, какъ и черезъ кого тамъ дѣйствовать.

— Какъ же, поѣзжай! Онъ не пуститъ меня, конечно.

— Чортъ его возьми! Его и спрашивать не надо. Деньги и вещи при тебѣ?

— Да,—подтвердила Полина.

— Ты все это уложи, выбери день, когда его дома не будетъ, пошли за наемными лошадьми и поѣзжай... всего какіенибудь полчаса времени на это надо.

Полина грустно покачала головой.

— Я боюсь его ужасно!.. Если бъ ты только зналъ, какой онъ страхъ мнѣ внушаетъ... Онъ отнялъ у меня всякій характеръ, всякую волю... Я дѣлаюсь совершеннымъ ребенкомъ, какъ только еще говорить съ нимъ начинаю... — произнесла она голосомъ, полнымъ отчаянія.

— Ты боишься, сама не знаешь чего; а мнѣ угрожаетъ каторга. Помилуй, Полина! Сжалтесь же вы надо мной! Твое предположеніе итти за мной въ Сибирь — это вздоръ, дѣтскія мысли; и если мы не будемъ дѣйствовать теперь, когда можно еще спастись, такъ въ результатѣ будетъ, что ты останешься блаженствовать съ твоимъ супругомъ, а я пойду въ рудники... Это безбожно! Ты сама сейчасъ сказала, что я гибну за тебя. Помоги же мнѣ хоть сколько-нибудь...

— О, Господи!—воскликнула Полина:—неужели ты сомнѣваешься, что если бъ отъ меня что-нибудь зависѣло...

— Конечно, отъ тебя!—перебилъ князь.

Полина зарыдала... Но въ это время раздался шумъ и послышались явственные шаги по коридору. Князь вздрогнулъ и отскочилъ отъ нея; та тоже, сама не зная чего, испугалась и поспѣшно отерла слезы.

— Что такое? — проговорила она.

— Не знаю,— отвѣчалъ князь уже шопотомъ.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ Калиновичъ въ вицмундирномъ сюртукѣ и въ крестахъ. Его сопровождалъ блѣдный, какъ мертвецъ, смотритель Медіократскій.

Полина схватилась за стулъ, чтобъ не упасть. Судороги исказили лицо моего героя; но минута — и онѣ перешли въ улыбку.

— Васъ, князь, такъ любятъ дамы, что я рѣшительно не могу имъ отказать въ желаніи посѣщать васъ, и даже жену мою отпустилъ, хоть это совершенно противозаконно,—проговорилъ Калиновичъ довольно громко.

— Я вамъ очень благодаренъ,—отвѣчалъ князь.

— У васъ, кажется, помѣщеніе нехорошо; я постараюсь помѣстить васъ удобнѣе, — продолжалъ Калиновичъ. — Ну, я за тобой пріѣхалъ, пора ужъ! Поѣдемъ въ моей каретѣ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Полинѣ.

— Поѣдемъ,—отвѣчала она.

— Идемъ, значитъ. Я ужъ все кончилъ,—заключилъ Калиновичъ, указывая рукой на дверь.

Полина пошла.

— До свиданья,—присовокупилъ онъ князю и вышелъ.

У кареты ихъ встрѣтилъ и посадилъ любезный, но уже струсившій прапорщикъ.

— Я дамъ допускаю къ князю... какъ же дамамъ отказать?—проговорилъ онъ.

— Конечно!—отвѣчалъ Калиновичъ, захлопывая дверцы у кареты и подымая стекло.

Медіокритскій только посмотрѣлъ ему вслѣдъ глупымъ и безсмысленнымъ взглядомъ.

Въ продолженіе дороги кучеру послышался въ экипажѣ шумъ, и онъ хотѣлъ-было остановиться, думая, не господа ли его зовутъ; но вскорѣ все смолкло. У подъѣзда Калиновичъ вышелъ въ свой кабинетъ. Полину человѣкъ вынулъ изъ кареты почти безъ чувствъ и провелъ на ея половину. Лицо ея опять было наглухо закрыто капюшономъ.

IX.

Посѣщеніе вице-губернаторомъ острога имѣло довольно энергическія послѣдствія. Князь былъ переведенъ и посаженъ въ камеру съ желѣзными дверьми, гдѣ, съ самой постройки острога, содержался изъ дворянъ одинъ только арестантъ, Василій Замятинъ, десять лѣтъ грабившій и разбойничавшій на большихъ дорогахъ. Батальонный командиръ отдалъ строжайшій приказъ, чтобъ гг. офицеры, содержащіе при тюремномъ замкѣ караулы, отнюдь не допускали, согласно требованію господина начальника губерніи, никого изъ постороннихъ лицъ къ арестанту князю Ивану Раменскому во все время производства надъ нимъ слѣдствія. Въ отношеніи смотрителя Медіокритскаго, управляющимъ губерніей дано было губернскому правленію предложеніе уволить его отъ службы безъ прошенія, по неблагонадежности.

Въ послѣдній вечеръ, передъ сдачей должности своей, несчастный смотритель сидѣлъ, понуривъ голову, въ сырой и мрачной камерѣ князя. Сальная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Невдалекѣ отъ нея валялся огрызокъ огурца на тарелкѣ и

стоялъ штофъ водки, собственно для Медіокритскаго купленный, изъ котораго онъ рюмочку-другую ужъ выпилъ; князь ходилъ взадъ и впередъ. Видимо, что между ними происходилъ очень серьезный разговоръ.

— А что, скажите, пожалуйста, что говоритъ этотъ мерзавецъ-кантонистъ?

— О кантонистѣ вы, ваше сіятельство, не безпокойтесь,— отвѣчалъ Медіокритскій убѣдительнымъ тономъ. — Онъ третій разъ ужъ въ острогѣ сидитъ, два раза сквозь строй былъ прогнанъ; человѣкъ ломаный, не наболтаетъ на себя лишняго! Я все дѣло отъ первой строки до послѣдней читалъ. Прямо говоритъ: «я и писать, говоритъ, не умѣю, не то что подъ чужія руки, да и своей собственной». Къ показаніямъ даже рукоприкладства не дѣлаетъ... Бестія малый — одно слово! Теперь они его больше на томъ допытываютъ, что онъ за человѣкъ? Ну, а ему тоже сказать свое званіе, значитъ — третій разъ сквозь зеленую улицу пройти,—не хочется ужъ этого. Именовалъ себя непомнящимъ родства да и стоитъ на томъ, хоть ты рѣжь! «Пускай, говоритъ, въ арестантскую роту сажаютъ, все безъ тѣлеснаго наказанія». А что про васъ ему разболтать? Помилуйте! Какой резонъ? Тутъ ужъ прямо выходитъ, крестись да на кобылу укладывайся, — знаетъ это, понимаетъ!

— Ну, а рѣзчикъ? — спросилъ князь, продолжая ходить взадъ и впередъ.

— Рѣзчикъ тоже умно показываетъ. Хорошо старичокъ говоритъ!— отвѣчалъ Медіокритскій съ какимъ-то умиленіемъ:— «Печати, говоритъ, дѣйствительно для князя я вырѣзывалъ, но гербовыя, для его фамиліи — только. Такъ какъ, говоритъ, по нашему ремеслу, мы подписками даже обязаны, чтобъ казенныя печати изготовлять по требованію только присутственныхъ мѣстъ, какимъ же образомъ теперь и на какомъ основаніи могъ сдѣлать это для частнаго человѣка?»

— Умно,—повторилъ князь.

— Умно-съ!—повторилъ и Медіокритскій.

— Одинъ только Петрушка мой, выходитъ, и наболталъ... Это чортъ знаетъ, какая скотина!—воскликнулъ князь.

— И Петръ вашъ ничего, рѣшительно ничего! — подхватилъ Медіокритскій:—во-первыхъ, показанія крѣпостныхъ людей пріемлются на господъ только по первымъ тремъ пунктамъ; а второе, онъ и сговариваетъ.

— Сговариваетъ?

— Сговариваетъ. Вотъ этта ему, какъ-то на-дняхъ, съ кантонистомъ очная ставка была,—тотъ его разбилъ на всѣхъ пунктахъ.— «Ты, говоритъ, говоришь, что видѣлъ меня у ба-

рина: въ какомъ же я тогда былъ платьѣ?»—«Въ такомъ-то». «Хорошо, говоритъ, гдѣ у меня такое платье? Не угодно ли господамъ слѣдователямъ осмотрѣть мои вещи?» А платья ужъ, конечно, нѣтъ такого: по три раза, можетъ, въ недѣлю свой туалетъ пропиваетъ и новый заводитъ.—«Ты говоришь, что въ барской усадьбѣ меня видѣлъ: кто же меня еще изъ другихъ людей видѣлъ? Я не иголка, а цѣлый человѣкъ; кто меня еще видѣлъ?»—«Кто тебя видѣлъ еще, того не знаю». «То-то, братецъ, говоритъ, ты, видно, больше говоришь, чѣмъ знаешь. Попомни-ка хорошенько, дуракъ этакій, меня ли еще видѣлъ?»—«А можетъ, говоритъ, и не васъ»... Словомъ, путаетъ.

— Путаетъ! — подтвердилъ князь.

— Да еще то ли онъ имъ наплететъ — погодите вы немного! — продолжалъ Медіокритскій таинственнымъ тономъ. — Не знаю, какъ при новомъ смотрителѣ будетъ, а у меня онъ сидѣлъ съ дѣдушкой Самойлой... Старичокъ изъ раскольниковъ, можетъ, изволили видать: бѣлая этакая борода... Тотъ на это преловкій человѣкъ, ни одинъ арестантъ теперь изъ острога къ допросу не уйдетъ безъ его наставленія, и старикъ свѣдущій... законникъ... лѣтъ семь теперь его по острогамъ таскаютъ... И онъ это дѣлаетъ не то, чтобъ ради корысти какой, а собственно для спасенія души своей. «Если, говоритъ, я не наставлю ихъ, въ слѣпотѣ ходящихъ, въ комъ же имъ послѣ того защиту имѣть?» Онъ Петру прямо началъ съ того:— «Нѣсть, говоритъ, Петруша, власти аще не отъ Бога, а ты, я слышалъ, противъ барина идешь. Нехорошо, говоритъ, братецъ!.. Но, и окромѣ того, если барину будетъ худо, такъ и ты не уйдешь».—«Ахъ, говоритъ, дѣдушка, что жъ мнѣ теперь дѣлать, если я въ первый разъ далъ такіе отвѣты?» А я, какъ нарочно, тутъ на эти его самыя слова и вхожу.—«Ну ужъ, я говорю, братецъ, ты этого не говори: мы тоже знаемъ, какимъ манеромъ тобой первыя показанія сдѣланы. Видѣли, какъ пучки розогъ проносили. Достало, чай, припарки на двѣ, на три».—«Точно такъ, говоритъ, ваше благородіе, было это дѣло!»

— О-то, мерзавцы!—воскликнулъ князь, пожимая плечами.

— Три раза принимались...—подтвердилъ Медіокритскій:— ну и, разумѣется, сробѣлъ, разболталъ все!.. А что теперь ему прямо попервоначалу объявить надо прокурору, а потомъ и на допросахъ сговорить, пояснивъ, что всѣ первыя показанія имъ сдѣланы изъ-подъ страха,—такъ мы ему и внушили.

— Изъ страха? Да! Хорошо! — подхватилъ князь, одобрительно кивнувъ головой.

— Хорошо-съ! Да и все дѣло могло бы прекраснѣйшимъ манеромъ итти. Рѣзчикъ тоже говоритъ, что они его стращали;

а кантониcту, какъ цѣлковыхъ десять обѣщать, такъ онъ и рубцы покажетъ, гдѣ сѣченъ. У него, по прежнимъ еще дѣяньямъ, вся спина исполосована—доказательство, значитъ, когда хочешь, налицо... Да какъ теперь вы еще объявите, что первое показаніе вами дано изъ-подъ страха пытки, коей вамъ угрожали, несмотря на ваше дворянское и княжеское достоинство, такъ они чортъ знаетъ куда улетятъ—чортъ знаетъ!—заключилъ Медіокритскій съ одушевленіемъ.

— Улетятъ!—повторилъ князь.

— Непремѣнно! Строжайшей отвѣтственности, по закону, должны быть подвергнуты. Но главная теперь ихъ опора въ свидѣтельствѣ: говорятъ, документъ, вами составленный, при прошеніи вашемъ представленъ; и ежели бы даже теперь лица, къ дѣлу прикосновенныя, оказались отъ него изъятыми, то правительство должно будетъ другихъ отыскивать, потому что фальшивый актъ существуетъ, и вы все-таки передъ закономъ стоите одинъ его совершитель.

Князь поблѣднѣлъ.

— Украсть его!—произнесъ онъ, закусывая усы:—украсть, во что бы то ни стало!

Медіокритскій усмѣхнулся.

— Не украсть бы, а, какъ я тогда предполагалъ, подмѣнить бы его слѣдовало, благо такой прекрасный случай выходилъ: этого старика-почтмейстера свидѣтельство той же губерніи, того же уѣзда... точно оба документа въ одну форму отливали, и все-таки ничего нельзя сдѣлать. Полицеймейстеръ, говорятъ, теперь подлиннаго дѣла не только что писцамъ въ руки не даетъ, а даже въ полицію совсѣмъ не сноситъ; всѣ допросы на память отбираетъ, по тому самому, что боится очень, — себя тоже бережетъ... Гдѣ это видано, помилуйте! Начальникъ губерніи дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія и самъ присутствуетъ на немъ: вѣдь это прямо, значитъ, направлять слѣдователя, чтобъ онъ дѣйствовалъ, какъ *я хочу*, а тотъ, конечно, какъ подчиненный, и дѣйствуетъ такъ... Какъ же это возможно-съ?

— Да,—подтвердилъ князь.

— Невозможно-съ!—повторилъ Медіокритскій: — и не будь теперь подобнаго незаконнаго, со стороны губернатора, настоянія, развѣ такое бы могло имѣть направленіе ваше дѣло? Развѣ тотъ же полицеймейстеръ не пошелъ бы на деньги? Знаемъ тоже его не сегодня; можетъ, своими глазами видали, сколько всѣ дѣйствія этого человѣка на интересѣ основаны: за какія-нибудь тысячи двѣ-три онъ мало, что ваше тамъ незаконное свидѣтельство, а все бы дѣло вамъ отдалъ: берите

только да жгите, а мы-де начнемъ новое: — бывали этакіе случаи, по смертоубійствамъ даже, гдѣ ужъ точно что кровь иногда вопіетъ на небо; а вы, слава Богу, еще не душу человѣческую загубили! И послѣ прямо бы можно было написать, что дѣйствительно вами было представляемо свидѣтельство, но на имѣніе существующее господина почтмейстера; а почему начальство такимъ образомъ распорядилось и подвергло васъ тюремному заключенію—вы неизвѣстны, и на обстоятельство это неоднократно жаловались какъ уголовныхъ дѣлъ стряпчему, такъ и прокурору.

Князь соображалъ...

— Довѣренности у меня нѣтъ отъ этого стараго чорта: не поворотишь ее заднимъ числомъ!—возразилъ онъ.

— Довѣренности пускай и не будетъ; что вы безпокоитесь! — воскликнулъ Медіокритскій: — это ихъ вина, что они васъ, безъ довѣрія отъ залогодателя, допустили до торговъ. Стараго журнала комиссіи у нихъ нѣтъ. Я тогда, съ вашихъ словъ, пугнулъ этого секретаря. Онъ при мнѣ его сжегъ, а послѣ, сглупа да со страха, удавился. Новаго они теперь поэтому составить не могутъ, а если бъ и составили, такъ не будетъ его скрѣпы, какъ человѣка мертваго; прямо на это обстоятельство и упереть можно будетъ, и накидать такихъ тутъ петель, что самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ... Предѣлы судебной власти мы тоже знаемъ. Коли ваше дѣло такимъ манеромъ затемнить да запутать, такъ много-много, что оставятъ васъ въ подозрѣніи, да и то еще можно будетъ обжаловать.

Князь очень хорошо понималъ, что Медіокритскій говоритъ почти правду. Надежда *остаться только въ подозрѣніи* мелькнула передъ нимъ во всей прелести своими радужными цвѣтами.

— Что же дѣлать намъ,—а?—больше спросилъ онъ.

Медіокритскій пожалъ плечами.

— Дѣлать одно, что хлопотать надо объ удаленіи вашего сродственничка и общаго всѣхъ насъ злодѣя! — произнесъ онъ какимъ-то отчаянно-рѣшительнымъ голосомъ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ съ грустнымъ умиленіемъ: — И сколько бы вамъ всѣ благодарны были за то—такъ и выразить того невозможно. Хоть бы теперь по губернскому правленію послушать: только одни университетскіе и превозносятъ его, а что прочіе служащіе стономъ отъ него стонутъ. Изстари было тамъ заведено, что, коли проситель пришелъ, прямо идетъ въ отдѣленіе; тамъ сдѣлаютъ ему какую-нибудь справочку; онъ рубликъ, либо два, все ужъ безпремѣнно въ столъ дастъ; а

нынче и думать забудь: собаки посторонней въ канцелярскія комнаты не пустятъ. Какъ арестанты какіе-нибудь сидятъ запертыми! Коли кто изъ публики пришелъ, сейчасъ пожалуй въ присутствіе; туда для него дѣло вынесутъ и все, что надо, прочтутъ и объяснятъ. Когда бывали и въ какомъ присутственномъ мѣстѣ такіе порядки? Вѣдь это значитъ у служащаго послѣдній кусокъ отнимать!

Князь почти не слушалъ Медіокритскаго и что-то самъ съ собою соображалъ.

— А хоть бы и про себя мнѣ сказать,—продолжалъ между тѣмъ тотъ, выпивая еще рюмку водки: — за что этотъ человѣкъ всю жизнь мою гонитъ меня и преслѣдуетъ? За что? Что я у его и моей, съ позволенья сказать, любовницы ворота дегтемъ вымазалъ, такъ она, бестія, сама была того достойна; и какъ онъ меня тогда подвелъ, такъ по всѣ дни живота не забудешь того.

— Да... И наконецъ теперь все преслѣдуетъ! — отозвался наконецъ князь.

— Да-съ... А и теперь...—подхватилъ Медіокритскій:—изъ старшихъ секретарей въ какую должность попалъ! Хорошій писецъ губернскаго правленія на это мѣсто не пойдетъ, но онъ и въ томъ поехидствовалъ и позавидовалъ, что я съ дѣтьми своими, можетъ-быть, одной съ арестантами пищей питался—и того меня лишилъ теперь! Пьянаго мужика, коли хозяинъ прогоняетъ отъ себя, такъ тому отъ правительства запрещено марать у него паспортъ, чтобъ онъ могъ найти кусокъ хлѣба въ другомъ мѣстѣ, а чиновнику и этой льготы не дано! Куда я теперь сунусь? Помилуйте! Всякій начальникъ, взглянувъ на аттестатъ, прямо скажетъ: «Были вы, милостивый государь, секретаремъ губернскаго правленія, понизили васъ сначала въ тюремные смотрителя, а тутъ и совсѣмъ выгнали: какъ я васъ могу принять!» Вѣдь онъ, ехидная душа, поступаючи такъ со мной, понималъ это, и что жъ мнѣ послѣ того осталось дѣлать? Полевой работы я не снесу по силамъ моимъ, къ мастерствамъ не пріученъ, въ извозчики итти—званье не позволяетъ, значитъ, и осталось одно — взять ножъ да итти на дорогу.

На послѣднихъ словахъ Медіокритскій даже прослезился и отеръ глаза бумажнымъ носовымъ платкомъ.

— Все это вздоръ и со временемъ поправится, но тутъ такого рода обстоятельство открывается...—началъ князь какимъ-то протяжнымъ тономъ: — господинъ этотъ выведенъ въ люди и держится теперь рѣшительно по милости своей жены...

— Это слыхали-съ,—подтвердилъ Медіокритскій.

— Да, — продолжалъ князь: — жена же эта, какъ вамъ извѣстно, мнѣ родственница, и въ то же время, какъ женщина очень добрая и благородная, она понимаетъ, конечно, все безобразіе поступковъ мужа и сегодня именно писала ко мнѣ, что на-дняхъ же нарочно ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы тамъ дѣйствовать и хлопотать...

Медіокритскій слушалъ князя, склонивъ голову.

— А потому, — продолжалъ тотъ: — завтрашній же день извольте вы отправиться къ ней отъ моего имени. Васъ пропустятъ. Вы разскажите ей сегодняшній разговоръ нашъ и постарайтесь сколько возможно растолковать, чего именно мы хотимъ и чего перваго надобно добиваться.

— Это можно будетъ сдѣлать, — отвѣчалъ Медіокритскій кроткимъ голосомъ.

— Да, но и кромѣ того: такъ какъ она все-таки женщина и, при всемъ своемъ желаніи, при всей возможности, не въ состояніи сама будетъ вести всего дѣла и соображать, тѣмъ больше, что на многія, можетъ-быть, обстоятельства придется указать доносомъ, подать какую-нибудь докладную записку...

— Дѣйствительно-съ,—подтвердилъ Медіокритскій тѣмъ же кроткимъ тономъ.

— По всему этому необходимо, чтобы при ней былъ руководитель, и вотъ, если вы хотите, я рекомендую ей, чтобы она васъ взяла съ собой въ Петербургъ, какъ человѣка мнѣ преданнаго и хорошо знающаго самое дѣло.

Лицо Медіокритскаго просіяло удовольствіемъ, но онъ счелъ однако за нужное скрыть это.

— Вамъ вѣдь теперь здѣсь дѣлать нечего,—заключилъ князь.

— Конечно, что нечего-съ!—подтвердилъ Медіокритскій:— только, откровенно говоря, ваше сіятельство,—прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія и съ какой-то кислой улыбкой: — сколь ни несчастно теперь мое положеніе, но въ это дѣло мнѣ даромъ влопываться невозможно.

— Кой чортъ даромъ! Кто это вамъ говоритъ? Просите тамъ, сколько вамъ надобно!—проговорилъ князь.

Лицо Медіокритскаго умилилось.

— Мнѣ надобно, ваше сіятельство, не больше другихъ. Вонъ тоже отсюда не то, что по уголовнымъ дѣламъ, а по гражданскимъ искамъ чиновники ѣзжали въ Петербургъ, такъ у всѣхъ почти, какъ колачъ купить, была одна цѣна: полторы тысячи въ годъ на содержаніе, да потомъ треть или половину съ самого иска, а мнѣ въ вашемъ дѣлѣ, при благополучномъ его окончаніи, если назначите сверхъ жалованья десять тысячъ серебромъ, такъ я и доволенъ буду.

— Какъ десять тысячъ? Вѣдь это состояніе! Что вы? — воскликнулъ князь.

— А какъ же иначе?—возразилъ Медіокритскій, склонивъ голову.—Хоть бы теперь насчетъ этихъ доносовъ: если онъ безыменный, такъ ему почти никакой вѣры не даютъ, а коли съ подписью, такъ тоже очень отвѣтственъ, и тѣмъ паче, что вице-губернаторъ машина большая, и обвинять его передъ правительствомъ не городничаго какого-нибудь. Онъ въ Петербургѣ, можетъ-быть, на двѣнадцати якоряхъ стоитъ, и каждый, можетъ, изъ нихъ приметъ это себѣ въ обиду. Я же маленькій человѣкъ: въ порошокъ стереть могутъ... Къ слову какому-нибудь нескладному придерутся и за то отдадутъ въ уголовную, а я ее, матушку, тоже знаю: по должности станового пристава, за пустяки, за медленность—судился, такъ и тутъ всякую шваль напой да накорми... совершенно было-разорили! А хоть бы и вамъ, — продолжалъ Медіокритскій вразумляющимъ тономъ:— скупиться тутъ нечего, потому что, прямо надобно сказать, голова ваша все равно, что въ пасти львиной, или на плахѣ смертной лежитъ, пока этотъ человѣкъ на своемъ мѣстѣ властвовать будетъ.

— Ну, чортъ тутъ въ деньгахъ! Сочтемся!—перебилъ князь.

— Разумѣется,—подтвердилъ его собесѣдникъ, а потомъ, какъ бы самъ съ собой, принялся разсуждать печальнымъ тономъ:—Какъ бы, кажется, Царь Небесный помогъ низвергнуть этого человѣка, такъ бы не пожалѣлъ новую ризу, изъ золота кованую, сдѣлать на нашу Владычицу Божью Матерь, хранительницу града сего.

— Именно, — подхватилъ князь. — Такъ такъ, значитъ,— заключилъ онъ, видимо, желая поскорѣе выпроводить своего собесѣдника.

— Да ужъ такъ покуда будетъ!.. Начнемъ хлопотать,— отвѣчалъ тотъ. — Посошокъ однако на дорожку позвольте взять,—прибавилъ онъ, наливая рюмку водки.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ князь, скрывая гримасу и съ замѣтно-непріятнымъ чувствомъ пожимая протянутую ему Медіокритскимъ руку, который, раскланявшись, вышелъ тихой и кроткой походкой.

Присутствіе духа, одушевлявшее, какъ мы видѣли, все это время князя, вдругъ оставило его совершенно. Бросившись на диванъ, онъ вздохнулъ всей грудью и простоналъ:

— О, тяжело! Тяжело!

Тяжело, признаться сказать, было и мнѣ, смиренному разсказчику, довесть до конца эту сцену, и я съ полной радостью и любовью обращаю умственное око въ грядущую

перспективу событій, гдѣ мелькнетъ хоть ненадолго для моего героя, въ его суровой жизни, такое полное, искреннее и молодое счастье!

X.

У театральнаго подъѣзда горѣли два фонаря. Какъ рыцарь, вооруженный съ головы до ногъ, сидѣлъ жандармъ на лошади, употребляя всѣ свои умственныя способности на то, чтобъ лошадь подъ нимъ не шевелилась и стояла смирно. Другой жандармъ, побряхивая саблей, ходилъ пѣшій. Хожалый, въ киверѣ и съ палочкой, тоже ходилъ, перебраниваясь съ предводительскимъ форейторомъ.

— Что мотаешься, дылда?—говорилъ онъ.

— А ты что лаешься?—отвѣчалъ форейторъ.

— Еще бы тѣ не лаяться, коли порядку не знаешь, чортъ этакій!

— Самъ чортъ! Дьяволы экіе, право! — продолжалъ форейторъ, осаживая лошадей.

— Ну, да, дьяволы! Поговори еще у меня!—отвѣтилъ хожалый и отступился.

Толстый кучеръ совѣтника питейнаго отдѣленія, по правамъ своего барина, выпивъ даромъ въ ближайшемъ кабакѣ водки, спалъ на пролѣткѣ. Худощавая лошадь директора гимназіи, скромно питаемая пансіонскимъ овсомъ, вдругъ почему-то вздумала молодцовато порыть землю ногой и тѣмъ ужасно разсмѣшила длинновязаго дуралея, асессорскаго кучера.

— Глянь-ка, глянь, какъ лапы выкидываетъ!.. Штукарка же она, паря, у тебя!—сказалъ онъ директорскому кучеру.

— Какая тутъ штукарка! Такъ лошадь-лѣшій, пустая! — отвѣтилъ тотъ.

— Лѣшій?

— Лѣшій!—подтвердилъ директорскій кучеръ.

И затѣмъ болѣе замѣчательнаго у подъѣзда ничего не было; но, во всякомъ случаѣ, вся губернская публика, такъ долго скучавшая, была на этотъ разъ въ сборѣ, ожидая видѣть превосходную говорятъ, актрису Минаеву, въ роли Эйлаліи, которую она должна была играть въ извѣстной печальной драмѣ Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Трагикъ, говорятъ, тоже былъ очень хорошій и съ душой. Зала театра, по случаю торжественнаго спектакля, была освѣщена въ два ряда. Занавѣсъ, изображающій городскую площадь, таинственно колебался, и сквозь обычную на срединѣ его дырочку показывался по временамъ любопытствую-

щій человѣческій глазъ. Кресла были полнехоньки мужчинами, между которыми лоснилось и блестѣло довольное число какъ ладонь гладкихъ, плѣшивыхъ головъ, и очень рельефно рисовалась молодцоватая фигура предсѣдателя казенной палаты, который стоялъ въ первомъ ряду, небрежно опершись на перегородку, отдѣлявшую музыкантовъ. Инженерный поручикъ, прекрасно играющій на фортепіано, былъ также въ первомъ ряду и не безъ эффекта кутался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ. Въ третьемъ или четвертомъ ряду сидѣлъ толстый магистръ. Отпускной мичманъ безпрестанно глядѣлъ, прищурившись, въ свой бинокль и съ такимъ выраженіемъ обводилъ его по всѣмъ ложамъ, что, видимо, хотѣлъ заявить эту прекрасную вещь грубой провинціальной публикѣ, которая, по его мнѣнію, такихъ биноклей и не видывала; но, какъ бы ради смиренія его гордости, тутъ же сидѣвшій съ нимъ рядомъ, жирный и сильно потѣвшій Михайла Трофимовъ Папушкинъ, заплатившій, между прочимъ, за кресло пятьдесятъ цѣлковыхъ, вдругъ вытащилъ, не умѣя даже хорошенько въ рукахъ держать, свой бинокль огромной величины и рублей въ семьдесятъ, вѣроятно, цѣною. Мичманъ былъ уничтоженъ! Бельэтажъ, въ свою очередь, блестѣлъ дамами, изъ которыхъ многія, несмотря на явную опасность простудиться, пріѣхали декольте. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣла при себѣ дѣтей, изъ которыхъ иныя начали ужъ ревѣть. Одна только ложа въ этомъ случаѣ представляла исключеніе и была сравнительно съ другими пустынна. Въ ней помѣщался одинъ-одинехонекъ повѣса Козленевъ. Онъ, по его словамъ, нарочно взялъ ложу, чтобъ имѣть возможность падать въ обморокъ въ «раздирательныхъ сценахъ» драмы. Семь часовъ наконецъ пробило. Въ залу вошелъ торопливо, съ озабоченнымъ лицомъ, полицеймейстеръ, прямо подошелъ къ предсѣдателю казенной палаты и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ поблѣднѣлъ. Едва полицеймейстеръ успѣлъ оборотиться въ другую сторону, какъ къ нему адресовался инженерный поручикъ:

— Что́ такое? Не случилось ли чего-нибудь?

— Губернаторъ новый у насъ; старикъ въ отставку вышелъ,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— По своему желанію?

— Какое по желанію... Велѣли!

— Кто жъ на его мѣсто будетъ? — спросилъ поручикъ съ замѣтнымъ ужъ безпокойствомъ.

— Да врядъ ли не вице-губернаторъ, — отвѣчалъ полицеймейстеръ.

У инженера окончательно лицо вытянулось.

— Это чортъ знаетъ, какъ человѣка выводятъ!..—невольно воскликнулъ онъ, но потомъ тотчасъ же опомнился. — А что, въ театрѣ онъ будетъ?—прибавилъ онъ, взглянувъ на губернаторскую ложу, гдѣ такъ еще недавно сидѣла его милая и обязательная покровительница-губернаторша; но теперь тамъ было пусто, и никогда ужъ она тамъ не будетъ сидѣть. Молодому инженеру сдѣлалось не на шутку грустно: тутъ только онъ понялъ, что любилъ эту женщину. Полицеймейстеръ между тѣмъ прошелъ въ другіе ряды и стремился къ магистру, желая, вѣроятно, на всякій случай, заискать въ немъ, такъ какъ тотъ замѣтно начиналъ становиться любимцемъ вице-губернатора. Наклонившись къ нему, онъ шепнулъ:

— Губернаторъ смѣненъ, и вице-губернаторъ на мѣсто его назначается.

— Пора наконецъ!—воскликнулъ магистръ:—и отлично будетъ: этотъ славный человѣкъ!—прибавилъ онъ.

Полицеймейстеръ ничего на это не сказалъ и переглянулся съ Папушкинымъ.

— Такъ ли, какъ мнѣ въ Питерѣ говорили?—спросилъ тотъ.

— Такъ, такъ,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

Папушкинъ вздохнулъ.

— Эхма!—проговорилъ онъ и задумался.

Въ бельэтажѣ тоже очень невдолгѣ распространилась эта новость.

Встревоженный предсѣдатель казенной палаты сейчасъ же прошелъ въ ложу къ своему семейству и сказалъ на ухо женѣ. Та отвѣчала ему значительнымъ взглядомъ своихъ большихъ и очень еще недурныхъ голубыхъ глазъ. Она, съ одной стороны, испугалась за мужа, который пользовался дружбой прежняго губернатора, а съ этимъ былъ только-что не врагъ, но съ другой—глубоко обрадовалась въ душѣ, что эта длинновязая губернаторша будетъ наконецъ сведена съ своего престола. Сидѣвшая съ ней рядомъ предсѣдательша уголовной палаты сейчасъ же поинтересовалась узнать, что такое сказалъ ей генералъ?

– Губернаторъ смѣненъ, и вице-губернаторъ будетъ вмѣсто него,—отвѣчала предсѣдательша казенной палаты сколь возможно, по важности предмета, спокойнымъ тономъ.

Предсѣдательша уголовной палаты поступила совершенно иначе. Кто знаетъ дѣло, тотъ пойметъ, конечно, что даму эту, по независимости положенія ея мужа, менѣе, чѣмъ кого-либо, должно было безпокоить, кто бы ни былъ губернаторъ; но, бывъ отъ природы женщиной нервной, она вообще тревожи-

лась и волновалась при каждой перемѣнѣ сильныхъ лицъ и потому это извѣстіе приняла какъ-то ужъ очень близко къ сердцу.

— Ахъ, Боже мой! Скажите! Боже мой!—начала она восклицать вслухъ, двигаясь на креслѣ, такъ что сидѣвшая съ ней дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати, покраснѣла за нее.

— Мамаша, не говорите такъ громко! Всѣ смотрятъ,— сказала она; но предсѣдательша не унималась.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—продолжала она стонать и шевелиться.

Впрочемъ, надобно сказать, что и вся публика, если и не такъ явно, то въ душѣ ахала и охала. Превосходную актрису, которую предстояло видѣть, всѣ почти забыли и всѣ ожидали, когда и какъ появится новый кумиръ, къ которому устремлены были теперь всѣ помыслы. Полицейскій хожалый первый завидѣлъ двухъ рыжихъ вице-губернаторскихъ рысаковъ и, съ остервенѣніемъ бросившись на подъѣхавшаго въ это время къ подъѣзду съ купцомъ извозчика, началъ его лупить палкой по головѣ и по рожѣ, говоря:

— Убирайся, шваль этакая! Не видишь, кто ѣдетъ?

— Позвольте, почтеннѣйшій, что жъ такое? Мы сами только-что подъѣхали,—началъ-было возражать купецъ.

— Убирайся!—крикнулъ хожалый и съ неистовствомъ оттащилъ лошадь извозчика въ сторону.

Вице-губернаторъ подъѣхалъ. Скромно и нѣсколько сгорбившись, вошелъ онъ въ сѣни. Довольно почтенной наружности частный приставъ, имѣвшій собственно тутъ свой постъ и только было-сбиравшійся выкурить папироску, презентованную ему, вмѣстѣ съ рюмкой водки, содержателемъ буфета, при видѣ управляющаго губерніей поблѣднѣлъ и бросилъ папироску на полъ. Передъ ложей губернатора, Калиновича встрѣтилъ самъ полицеймейстеръ и хотѣлъ-было отворить въ нее дверь, но вице-губернаторъ отрицательно мотнулъ головой и прошелъ въ кресла. Появленіе его въ залѣ сопровождалось полнымъ эффектомъ. Всѣ взоры направились на него, и все какъ бы приняло нѣсколько офиціальный видъ. Предсѣдатель казенной палаты всѣми силами души желалъ, чтобъ онъ заговорилъ съ нимъ первымъ. Одинъ изъ любимыхъ писцовъ стараго губернатора карочно перебѣжалъ съ своего мѣста на другое, чтобъ попасть на глаза вице-губернатору, и когда попалъ, то поклонился ему въ поясъ. Даже лѣнивый магистръ привсталъ и кивнулъ Калиновичу головой съ значительной улыбкой. Онъ отвѣчалъ ему тоже улыбкой. Инженерный поручикъ, еще за минуту предъ тѣмъ такъ неосто-

рожно про него сказавшій, отдалъ теперь почтительный поклонъ, приложивъ руку по формѣ ко лбу. Прекрасный полъ— и тотъ, въ настоящемъ случаѣ, снова доказалъ старую истину, что ничто въ глазахъ его не поднимаетъ такъ мужчину, какъ публичный и офиціальный успѣхъ. Даже m-me Потвинова, которая, какъ извѣстно, любитъ только молоденькихъ молодыхъ людей, такъ что, по этой страсти, она жила въ Петербургѣ и брала къ себѣ каждое воскресенье человѣкъ по пяти кадетъ—и та, при появленіи столь молодого еще начальника губерніи, спустила, будто невзначай, съ лѣваго плеча мантилью и такимъ образомъ обнаружила полную шею, которою она, предпочтительно передъ всѣми своими другими женскими достоинствами, гордилась. Но еще съ бо̀льшимъ волненіемъ забилось сердце у пожилой дѣвственницы, родной сестры управляющаго палатой государственныхъ имуществъ. Въ началѣ этой части она была влюблена въ пріѣзжавшаго по набору флигель-адъютанта, а потомъ тайно влюбилась въ вице-губернатора и, въ своей полусумасшедшей экзальтаціи, безусловно оправдывала всѣ его дѣйствія, къ величайшему неудовольствію своего брата. На сценѣ тоже засуетились. Содержатель, смотрѣвшій въ дырочку занавѣса, когда Калиновичъ сѣлъ на свое мѣсто, хлопнулъ что̀ есть силы въ ладони—и музыканты заиграли, а вскорѣ и занавѣсъ поднялся. Театръ представлялъ сельскій видъ съ бѣдной хижиной. Актеръ, игравшій роль глупаго сына управителя, только-что не кувыркался, стараясь смѣшить публику,—однако никто не смѣялся. Вошелъ потомъ Неизвѣстный, въ высочайшихъ воротничкахъ и повѣсивъ голову. Первому трагику захлопали. Съ притворною злобою сталъ говорить онъ о ненавистныхъ ему людяхъ съ своимъ лакеемъ, котораго игралъ задушевнѣйшимъ образомъ Михеичъ, особенно, когда ему надобно было говорить о г-жѣ Миллеръ; но трагикъ съ мрачнымъ спокойствіемъ выслушивалъ всѣ разсказы о ея благодѣяніяхъ старому нищему, которому, въ свою очередь, давъ тайно денегъ на выкупъ сына, торжественно ушелъ. Ему опять похлопали. Декорація потомъ перемѣнилась и представила комнату въ замкѣ. Вошла Настенька, въ роли несчастной Эйлаліи, скрывавшейся подъ именемъ г-жи Миллеръ. Мужчины въ креслахъ сейчасъ же захлопали; дамы съ любопытствомъ уставили на нее лорнеты; Козленевъ аплодировалъ какъ сумасшедшій. Любимый писецъ стараго губернатора, гораздо болѣе занятый созерцаніемъ своего новаго начальника, чѣмъ пьесой, замѣтилъ, что у вице-губернатора задрожала голова. Настенька тоже была сконфужена: едва владѣя собой, начала она гово-

рить довольно тихо и просто, но, помимо словъ, въ звукахъ ея голоса, въ задумчивой позѣ, въ этой тонкой игрѣ лица чувствовалась какая-то глубокая, затаенная тоска, сдержанныя страданія, такъ что все смолкло и притаило дыханіе, и только въ концѣ монолога, когда она съ грустной улыбкой и взглянувъ на Калиновича произнесла: «хотя на свѣтѣ одни только глаза, которыхъ я должна страшиться», публика не вытерпѣла и разразилась аплодисментомъ. Козленевъ, вовсе уже не шутя и не стѣсняясь тѣмъ, что сидѣлъ въ ложѣ, стучалъ руками и ногами. Даже предсѣдатель казенной палаты, забывъ мысль о новомъ губернаторѣ, проговорилъ почти вслухъ: «Хорошо, очень хорошо!», а любимый губернаторскій писецъ опять замѣтилъ, что на глазахъ вице-губернатора, молчавшаго и не хлопавшаго, заискрились слезы. Словомъ, сколько публика ни была грубовата, какъ ни мало эстетически развита, но душа взяла свое, и, когда упалъ занавѣсъ, всѣ остались какъ бы ошеломленные, подъ вліяніемъ совершенно новаго и неиспытаннаго впечатлѣнія, не понимая даже хорошенько, что̀ это такое. Въ первый еще разъ на театральныхъ подмосткахъ стояла передъ ними не актриса, а женщина, съ такой правдой страдающая, что, пожалуй, не встрѣтишь того и въ жизни, гдѣ, какъ извѣстно, очень много притворщицъ. Во второмъ дѣйствіи артистка еще болѣе поразила своихъ зрителей. Какъ свѣтская женщина, говорила она съ майоромъ, скромно старалась уклониться отъ благодарности старика-нищаго; встрѣтила наконецъ своихъ господъ, графа и графиню, хлопотала, когда графъ упалъ въ воду; но въ то же время каждый, не выключая, я думаю, вонъ этого сиволапаго мужика, свѣсившаго изъ райка свою рыжую бороду,—каждый чувствовалъ, какъ все это тяжело было ей. Всѣ почти молодыя женщины яснѣй поняли, что и онѣ, по большей части, осуждены также притворяться—поняли это и потихоньку отирали слезы. Экзальтированная сестра управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, откинувшись на задокъ креселъ, произнесла:

— Нѣтъ, это невозможно! Я бы на ея мѣстѣ не вынесла!

Съ концомъ этого акта ужасно всѣхъ интересовало, что̀ жъ дальше будетъ.

— Чудесная актриса, чудесная!—слышалось всюду.

— Мила, чрезвычайно мила!—подтверждали дамы.

— Я только такую въ Варшавѣ и видѣлъ, когда мы тамъ стояли; а то ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ нѣтъ такой,—разсказывалъ почти всѣмъ предсѣдатель казенной палаты.

Калиновичъ сидѣлъ, опустивъ голову.

Въ третьемъ актѣ драма начала развязываться. Графиня дѣлаетъ бѣдной Эйлалiи предложенiе отъ своего брата, честнаго майора. Отказать никакихъ нѣтъ причинъ, но она не можетъ его принять, потому что считаетъ себя мало еще пострадавшею.

«— Не слыхали ли вы чего-нибудь о баронессѣ Мейнау?»— спрашиваетъ она.

«— Да,—отвѣчала ей графиня:—мнѣ помнится, что я что-то слышала объ этой твари... Она, какъ мнѣ говорили, сдѣлала несчастнымъ честнѣйшаго человѣка».

«— Самаго честнѣйшаго!»—подтвердила Настенька и взглянула на Калиновича.

«— Она убѣжала отъ него съ какимъ-то негодяемъ»,—продолжала графиня.

«— Такъ,—подтвердила Настенька:—но!..—произнесла она, захлебываясь отъ рыданiй: — но!.. — повторила она, бросаясь на колѣни:—не выгоняйте меня, дайте мнѣ мѣстечко, гдѣ бы я могла спокойно умереть».

«— Бога ради... вы?»—спросила растроганная графиня.

«— Эта тварь—я»,—отвѣчала Настенька глухимъ голосомъ».

Публика захлопала - было, но опять какъ-то торжественно примолкла и стала слушать.

«— Я увѣряю васъ, что я буду молчать»,—говорила графиня, поднимая ее.

«— А совѣсть? Совѣсть развѣ замолчитъ когда-нибудь?»— произнесла Настенька.

Публика не выдержала болѣе и загремѣла рукоплесканiями. Съ какимъ-то отчаяннымъ хладнокровiемъ начала бѣдная женщина доканчивать свою исповѣдь.

«— У меня былъ любви достойный супругъ...»—говорила она.

«— Ободритесь!» — утѣшала ее графиня.

«— Богъ знаетъ, живъ ли онъ теперь или умеръ».

«— Взоръ вашъ становится страшенъ!» — говорила ей графиня.

И въ самомъ дѣлѣ взглядъ Настеньки какъ бы помутился.

«— Для меня онъ умеръ!—произнесла она, опуская руки.— У меня былъ отецъ, — продолжала она: — и печаль по мнѣ умертвила его...»

Аплодисментъ снова раздался. Вице-губернаторъ отвернулся и сталъ смотрѣть на губернаторскую ложу. Впечатлѣнiе этой сцены было таково, что конецъ дѣйствiя публика уже слушала въ какомъ-то утомленiи отъ перенесенныхъ ощущенiй. Антрактъ передъ четвертымъ дѣйствiемъ тянулся довольно долго. Годнева просила не поднимать занавѣса. Замѣтно

утомленная, сидѣла она на скамейкѣ Неизвѣстнаго. Передъ ней стоялъ Козленевъ съ восторженнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Послушайте, m-lle Минаева, прелесть!.. чудо!..—говорилъ онъ:—это божественно, какъ вы играете... Я — напередъ вы знайте — непремѣнно въ васъ влюблюсь.

— А я въ васъ не влюблюсь — вы тоже напередъ это знайте,— отвѣчала нехотя Настенька и взглянула на декораціи, между которыми стоявшіе актеры вдругъ вытянулись и появилась сухощавая фигура вице-губернатора.

— Послушайте,—начала она торопливо: — подите туда, къ себѣ, въ ложу... оставьте меня: я устала, и мнѣ еще очень трудный актъ предстоитъ.

— Что жъ, я вамъ мѣшаю, сокровище мое? — воскликнулъ съ упрекомъ Козленевъ.

— Ну да, мѣшаете! Ступайте — я этого требую... несносный! — говорила Настенька.

Козленевъ пожалъ плечами.

— Послушай, ты, чертенокъ! — обратился онъ къ одному изъ рабочихъ мужиковъ: — спусти меня въ этотъ провалъ: иначе я не могу уйти отсюда!

— Спусти его, Михайла, поскорѣй только; я тебѣ цѣлковый дамъ, — подхватила Настенька.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ мужикъ и, проворно сбѣжавъ, началъ опускать Козленева.

— Иду во адъ и буду вѣчно плѣненъ! — воскликнулъ онъ простирая руки кверху; но полъ за нимъ надвинулся, и съ противоположной стороны вошелъ на сцену Калиновичъ, сопровождаемый содержателемъ театра, толстымъ и оборотливымъ малымъ, прежде повѣреннымъ по откупамъ, а теперь занимавшимся театромъ.

— Какъ здѣсь однако хорошо! Я никогда тутъ не бывалъ!— говорилъ вице-губернаторъ, обводя глазами.

— Слава Богу, хорошо теперь стало, — отвѣчалъ содержатель, потирая руки:—однѣхъ декорацій, ваше превосходительство, сдѣлано мною пять новыхъ; стѣны тоже побѣлилъ, механику наверху поправилъ; а то было, того и гляди, что убьетъ кого-нибудь изъ артистовъ. Не могу, какъ другіе антрепренеры, кое-какъ заниматься театромъ. Пріѣхалъ сюда — такъ не то, что на сценѣ, въ залѣ было хуже, чѣмъ въ мусорной ямѣ. Въ одну недѣлю просадилъ тысячи двѣ серебромъ. Не знаю, поддержитъ ли публика, а теперь тяжело: дай Богъ концы съ концами свести.

— Конечно, поддержитъ. У васъ прекрасно играютъ, — отвѣчалъ Калиновичъ:—я однако подписался на кресла и на

ложу, а не расплатился еще: тутъ ровно такъ! — прибавилъ онъ, подавая антрепренеру триста рублей серебромъ.

У того задрожали руки.

— Хорошо играютъ, ваше превосходительство, — продолжалъ онъ, не зная отъ радости, что говорить: — труппа чистенькая, съ поведеньемъ! Ко мнѣ тоже много артистовъ просилось, и артисты хорошіе, да запиваютъ, либо въ картишки зашибаются — и не беру. Я лучше дороже заплачу, да, по крайней мѣрѣ, знаю, что человѣкъ исправный.

— Разумѣется, — отвѣчалъ вице-губернаторъ и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Настенька.

Антрепренеръ это подмѣтилъ.

— А какъ вамъ нравится, ваше превосходительство, наша Минаева?—спросилъ онъ съ нѣсколько лукавымъ взоромъ.

— Очень хорошо!—проговорилъ Калиновичъ равнодушнымъ тономъ, какъ прилично было его званію.

— Великая артистка!—подхватилъ содержатель.—Мнѣ просто Богъ послалъ за мою простоту этотъ брильянтъ! Не знаю, какъ здѣсь, а въ Калугѣ она дѣлала большіе сборы.

— Немудрено: она очень мила, — отвѣчалъ вице-губернаторъ, замѣтно желая подойти къ Настенькѣ.

Антрепренеръ, какъ человѣкъ ловкій и опытный въ дѣлахъ этого рода, счелъ за нужное стушеваться. Калиновичъ совсѣмъ подошелъ къ ней.

— Какъ вы прекрасно играете! — проговорилъ онъ.

Годнева взглянула на него — и, Боже, сколько нѣжности, любви выразилъ этотъ короткій взглядъ.

— Вы будете у меня сегодня послѣ театра?—прошептала она.

— Буду,—отвѣчалъ Калиновичъ задыхавшимся отъ волненія голосомъ и, отвернувшись, сказалъ актрисѣ, игравшей графиню, маленькую любезность насчетъ ея игры.

— Ахъ, очень рада, что я вамъ нравлюсь! — отвѣчала та жеманно, и затѣмъ вице-губернаторъ ушелъ со сцены.

Антрепренеръ, проводя его до дверей, тотчасъ началъ звонить — и занавѣсъ поднялся. Трагикъ между тѣмъ былъ оскорбленъ до глубины души равнодушіемъ къ нему публики, но и на его долю выпало хлопанье. Читатель, можетъ-быть, знаетъ тотъ монологъ, гдѣ баронъ Мейнау, скрывавшійся подъ именемъ Неизвѣстнаго, разсказываетъ майору, своему старому другу, повѣсть своихъ несчастій, монологъ, въ которомъ шопотъ покойнаго Мочалова до сихъ поръ еще многимъ спится и слышится въ ушахъ. Въ этомъ монологѣ, когда баронъ говоритъ, что, возвращаясь на родину, онъ думалъ исправлять закоренѣлыя глупости, покрытыя столѣтнимъ мракомъ предразсудковъ:

— «О! кому дорого свое спокойствіе, — тотъ не жертвуй имъ никогда для человѣческихъ глупостей. Меня гнали, обижали!—произносилъ актеръ съ удареніемъ:—я прослылъ опаснымъ человѣкомъ. Онъ уменъ, говорили вездѣ, но онъ имѣетъ дурное сердце».

На этихъ словахъ вице-губернаторъ вдругъ захлопалъ, и за нимъ все общество, какъ бы произнося себѣ публичное обвиненіе.

— «Умеръ у насъ полковникъ, — говорилъ актеръ: — полковниковъ было у насъ много; я думалъ, что сдѣлаютъ когонибудь изъ нихъ, и желалъ того; но у какой-то прелестницы былъ двоюродный братъ, глупый и надменный повѣса, который служилъ только шесть мѣсяцевъ, и его сдѣлали моимъ командиромъ. Я не стерпѣлъ этого и вышелъ въ отставку».

Вице-губернаторъ опять захлопалъ, а за нимъ и всѣ.

— «Одинъ изъ моихъ друзей, — продолжалъ Мейнау:— котораго я считалъ за честнѣйшаго человѣка, обманулъ меня на половину состоянія; я это вытерпѣлъ и ограничилъ свои издержки. Потомъ явился другой другъ, молодой: этотъ обольстилъ мою жену. Доволенъ ли ты этимъ? Извиняешь ли мою ненависть къ людямъ?»

Вице-губернаторъ снова и съ какимъ-то ужъ изступленіемъ захлопалъ. Публика тоже хлопала и съ любопытствомъ смотрѣла на него. Наблюдалъ его еще зритель, которому онъ, кажется, и хотѣлъ быть только понятенъ — это Настенька, которая стояла, прислонившись къ декораціи, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, впилась въ него глазами. Въ явленіи ея съ обманутымъ мужемъ она вышла съ спокойной твердостью принять на себя всю тяжесть обвиненія; но когда трагикъ спросилъ ее, и спросилъ довольно задушевнымъ голосомъ:—«Чего ты хочешь отъ меня, Эйлалія?»—она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— «Нѣтъ, Бога ради! Я къ этому не приготовилась! Ахъ, этотъ голосъ пронзаетъ мое сердце! Это *ты*, это дружеское *ты!* Ради Бога, великодушный супругъ! Грубый и жестокій голосъ долженъ быть для слуха преступницы!»— проговорила она, и проговорила такъ, что половина креселъ привстала съ своихъ мѣстъ.

— Это совсѣмъ душа!—сказалъ магистръ, и вмѣстѣ съ нимъ, у сотни тутъ сидѣвшихъ картежниковъ, взяточниковъ, даже въ райкѣ у плутовъ-купцовъ, полупьяныхъ лакеевъ, развратныхъ горничныхъ — у всѣхъ навернулись слезы. Дамы высшаго круга, забывъ приличіе, высунулись изъ ложъ — и такъ прошло все явленіе довольно тихо; но когда привели дѣтей, Эйлалія кинулась въ объятія мужа съ какимъ-то потрясаю-

щимъ душу воплемъ, такъ что вздрогнула вся толпа; съ сестрой управляющаго палатой государственныхъ имуществъ сдѣлалось дурно. Козленевъ опустилъ голову на перегородку въ сосѣднюю ложу. У Потвиновой заревѣлъ восьмилѣтній мальчишка, и занавѣсъ опустился... Толпа загремѣла рукоплесканьемъ и крикомъ: «Минаеву!». Она вышла. Публика вызывала ее еще разъ — она показалась уже въ салопѣ и тотчасъ скрылась; но молодежь продолжала вызывать, и между всѣми ними слышался, по преимуществу, басъ магистра. Содержатель театра однако вышелъ и объявилъ, что г-жа Минаева уѣхала, потому что очень устала. Вслѣдъ затѣмъ поднялся и вице-губернаторъ. Полицеймейстеръ, мимо котораго онъ прошелъ, послѣдовалъ-было за нимъ, но скоро вернулся.

— Что, уѣхалъ? — спросилъ его предсѣдатель казенной палаты.

— Уѣхалъ,—отвѣчалъ полицеймейстеръ:—хотѣлъ-было проводить — не велѣлъ!

— Да и не велитъ! А у стараго хрыча, бывало, помните, все парадъ! А этотъ большого ума человѣкъ! — проговорилъ предсѣдатель.

— Ну... да!.. — подтвердилъ полицеймейстеръ.

XI.

На полныхъ рысяхъ неслась вице-губернаторская карета по главной Никольской улицѣ, на которой полицеймейстеръ распорядился, чтобъ всѣ фонари горѣли свѣтлѣйшимъ образомъ, но потомъ—чего никакъ не ожидалъ полицеймейстеръ—вице-губернаторъ вдругъ повернулъ въ Дворянскую улицу, по которой ему вовсе не слѣдовало ѣхать и которая поэтому была совершенно не освѣщена. Въ улицѣ этой чуть-чуть не попали имъ подъ дышло дрожки инспектора врачебной управы, тоже ладившія объѣхать лужу и державшіяся къ сторонкѣ.

— Что ты, ворона, руки, что ль, не знаешь! — крикнулъ вице-губернаторскій кучеръ и, быстро продергивая, задѣлъ дрожки за переднее колесо и оборвалъ тяжъ.

Инспекторскій кучеръ, или, въ сущности, больничный солдатъ, едва усидѣлъ на козлахъ.

— Экъ тя, чортъ, сблаговалъ! Прямые вице-губернаторскіе разбойники, — осмѣлился онъ вполголоса пробормотать имъ вслѣдъ.

Карета между тѣмъ повернула направо въ переулокъ и поѣхала-было шагомъ, такъ какъ колеи и рытвины пошли неимовѣрныя; но вице-губернаторъ сердито крикнулъ: «пошелъ!»,

и кучеръ понесся такъ, что одно только сотенное достоинство лежачихъ рессоръ могло выдерживать толчки, которые затѣмъ послѣдовали. Куда стремился Калиновичъ—мы знаемъ, и, глядя на него, нельзя было не подумать, что Богу еще вѣдомо, чья любовь стремительнѣй: мальчика ли неопытнаго, бѣгущаго съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ, съ пылающимъ лицомъ и съ поэтически разбросанными кудрями на тайное свиданіе, или человѣка съ солидно выстриженной и посѣдѣлой уже головой, который десятки лѣтъ прожилъ безъ всякой ужъ любви въ мелкихъ служебныхъ хлопотахъ и дрязгахъ, въ ненавистныхъ для души поклонахъ, въ угнетеніи и наказаніи подчиненныхъ, — человѣка, который по опыту жизни узналъ и оцѣнилъ всю чарующую прелесть этихъ тайныхъ свиданій, этого «сродства душъ», столь осмѣяннаго практическими людьми, которые платятъ иногда сотни тысячъ, чтобъ воскресить хоть фальшивую тѣнь этого сердечнаго сродства съ какой-нибудь не совсѣмъ свѣжей, нѣмецкаго или испанскаго происхожденія, m-lle Миной.

Въ глухомъ переулкѣ, передъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ, Калиновичъ крикнулъ: «стой!», и, самъ отворивъ себѣ дверцы, проворно юркнулъ въ калитку. На дворѣ ему пришлось итти по деревяннымъ мосткамъ, которые прыгали подъ ногами, какъ фортепіанныя клавиши. Въ маленькихъ сѣнчкахъ онъ запнулся за кадку, стукнулся потомъ головой о верхній косякъ двери и очутился въ темной передней, гдѣ, сбросивъ торопливо на полъ свою двухтысячную шубу, вошелъ въ сѣренькое зальце. Сильный запахъ турецкаго табаку и сухихъ травъ, заткнутыхъ за божницей, обдалъ его — и, Боже, сколь знакомая картина предстала его взору: съ безпорядочно-причесанной головой, со слѣдами еще румянъ на лицѣ, въ широкой блузѣ, полузастегнутой на груди, сидѣла Настенька въ креслахъ. На ломберномъ столѣ съ прожженнымъ сукномъ стоялъ самоваръ, и чай разливалъ, въ полунаклоненномъ положеніи, капитанъ, въ томъ же, какъ будто невзносимомъ вицмундирѣ съ свѣтлыми пуговицами; та же, кажется, его коротенькая пѣнковая трубка стояла между чашками, и только, вмѣсто умершей Діанки, сидѣлъ въ углу комнаты на заднихъ лапахъ огромный кобель Трезоръ, родной сынъ ея и какъ двѣ капли воды похожій на нее. Къ дополненію этой дорогой и ни съ чѣмъ несравнимой для Калиновича сцены, у косяка стоялъ, съ подносомъ въ рукахъ, Михеичъ, нарочно отказавшійся суфлировать въ послѣдней пьесѣ и теперь даже снявшій сапоги и надѣвшій туфли изъ «Калифа Багдадскаго», чтобы не такъ хлопать и ловче подавать чай.

— Пріѣхалъ! — встрѣтила, привставая, Настенька своего гостя.

— Пріѣхалъ!—повторилъ онъ съ какимъ-то сіяющимъ лицомъ.

— Честь имѣю рекомендовать вамъ знакомаго капитана,— продолжала Настенька.

— Да, здравствуйте!—говорилъ вице-губернаторъ, протягивая капитану руку, но, въ самомъ дѣлѣ, готовый броситься ему на шею.

— Здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ радушно, но все-таки церемонно.

— Ну, садись! — говорила Настенька, силясь своей рукой достать и подвинуть Калиновичу стулъ.

Но Михеичъ предупредилъ ее; съ ловкостью театральнаго лакея, онъ подставилъ самое покойное кресло и съ такой же ловкостью отошелъ и сталъ на свое мѣсто.

Калиновичъ сѣлъ и, уставивъ глаза на Настеньку, ничего не могъ говорить.

— Угодно вашему превосходительству чаю?—спросила она шутя.

— Хорошо,—отвѣчалъ Калиновичъ.

Дальше они опять замолчали, рѣшительно не находя, что имъ говорить, и только смотрѣли другъ другу въ глаза. Капитанъ между тѣмъ началъ аккуратно разливать чай, а Михеичъ вытянулъ подносъ для принятія чашекъ.

— Однако ваше превосходительство изволили порядочно постарѣть! — заговорила наконецъ Настенька, продолжая съ нѣжностью смотрѣть на Калиновича.

Тотъ провелъ рукою по короткимъ и посѣдѣвшимъ волосамъ своимъ.

— И вы не помолодѣли!—проговорилъ онъ.

— Еще бы! Но только не въ чувствахъ,—отвѣчала Настенька съ шутливой кокетливостью.

— А можетъ-быть, и я тоже, — возразилъ Калиновичъ съ улыбкой.

Лицо Настеньки вдругъ приняло серьезное выраженіе.

— Слышала, мой другъ... Все мнѣ разсказывали, какъ ты здѣсь служишь, держишь себя, и я тебѣ говорю откровенно, что начала послѣ этого еще больше тебя уважать,—проговорила она со вздохомъ.

Калиновичъ потупился и поспѣшилъ обратиться къ капитану, который разлилъ чай и сѣлъ около него.

— И съ вами, капитанъ, еще Богъ привелъ увидѣться!

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ и, конечно, далѣе не поддержалъ разговора.

— Но, скажите мнѣ, давно ли вы и какимъ образомъ попали на театръ?—спросилъ Калиновичъ Настеньку.

— Исторія эта длинная,—отвѣчала она:—впрочемъ, тутъ всѣ свои: значитъ, можно говорить свободно. Дядя ужъ теперь не разсердится,—такъ, дядя?

Капитанъ потупилъ глаза.

— И ты, Михеичъ, никому не болтай—слышишь?—обратилась она, погрозя рукой суфлеру.

— Понимаю, матушка Настасья Петровна, и только теперь, глядѣвши на васъ, всѣмъ сердцемъ моимъ восхищаюсь!—возразилъ тотъ и съ умиленіемъ склонилъ голову набокъ.

— Ну-съ, такъ вотъ какъ!—продолжала Настенька:—послѣ той прекрасной минуты, когда вамъ угодно было убѣжать отъ меня и потомъ такъ великодушно расплатиться со мной деньгами, которыя мнѣ ужасно хотѣлось, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь мѣднымъ шандаломъ, бросить тебѣ въ лицо... и, конечно, не будь тогда около меня Бѣлавина, я не знаю, что бы со мной было...

Калиновичъ слегка улыбнулся.

— Бѣлавина?—повторилъ онъ.

— Да... Что жъ вы съ такимъ удареніемъ сказали это?—подхватила Настенька.

— Vous étiez en liaison avec lui?—спросилъ Калиновичъ нарочно по-французски, чтобъ капитанъ и Михеичъ не поняли его.

Настенька покраснѣла.

— Ты почему это знаешь?—спросила она, бросая нѣсколько лукавый взглядъ.

Надобно сказать, что вообще тонъ и манеры актрисы замѣтно обнаруживались въ моей героинѣ; но Калиновича это еще болѣе восхищало.

— Я все знаю, что вы дѣлали въ Петербургѣ,—отвѣчалъ онъ.

Настенька улыбнулась.

— Послушай, — начала она:—если когда-нибудь тебя женщина увѣряла, или станетъ увѣрять, что вотъ она любила тамъ мужа, или любовника, что ли... онъ потомъ умеръ, или измѣнилъ ей, а она все-таки продолжала любить его до гроба,—повѣрь ты мнѣ, что она или ничего еще въ жизни не испытала, или лжетъ. Всѣ мы имѣемъ не ту способность, что вотъ любить именно одно существо, а просто способны любить или нѣтъ. У одной это чувство больше развито, у другой меньше, а у третьей и ничего нѣтъ... Какъ я глубоко и сильно была привязана къ тебѣ, въ этомъ я кидаю перчатку всѣмъ въ мірѣ женщинамъ!—воскликнула Настенька.

Калиновичъ поцѣловалъ у ней при этомъ руку.

— Но въ то же время,—продолжала она:—когда была брошена тобой, и когда около меня остался другой человѣкъ, который, казалось, принимаетъ во мнѣ такое участіе, что дай Богъ отцу съ матерью... я видѣла это и невольно привязалась къ нему.

— И...—добавилъ Калиновичъ.

— Что и?.. Въ томъ-то и дѣло, что не *и!*—возразила Настенька.—Послушайте, дядя, подите похлопочите объ ужинѣ... Какъ бы кстати была теперь Палагея Евграфовна! Какъ бы она обрадовалась тебѣ и какъ бы угостила тебя!—обратилась она къ Калиновичу.

— А гдѣ она?—спросилъ тотъ.

Настенька вздохнула.

— Она умерла, другъ мой; году послѣ отца не жила. Вотъ любила, такъ любила не по-нашему съ тобой, а потому именно, что была очень простая и непосредственная натура... Вина тоже, дядя, дайте намъ: я хочу, чтобъ Жакъ у меня сегодня пилъ... Помнишь, какъ пили мы съ тобой, когда ты сдѣлался литераторомъ? Какія были счастливыя минуты!.. Впрочемъ, зачѣмъ я это говорю? И теперь хорошо!.. Ступайте, дядя.

Капитанъ, мигнувъ Михеичу, ушелъ съ нимъ.

Калиновичъ сейчасъ же воспользовался ихъ отсутствіемъ: онъ привлекъ къ себѣ Настеньку, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну-съ?—проговорилъ онъ, сажая ее къ себѣ на колѣни.

— Ну-съ? — отвѣтила Настенька. — Ты говоришь *и*... но ошибаешься; связи у меня съ нимъ не было... Что вы изволите такъ насмѣшливо улыбаться? Вы думаете, что я скрытничаю?

— Есть немножко,—возразилъ съ улыбкою Калиновичъ.

Настенька отрицательно покачала головой.

— Давно ужъ, другъ мой,—начала она съ грустной улыбкой:—прошло для меня время хранить и беречь свое имя, и, чтобъ тебѣ доказать это, скажу прямо, что меня удержала отъ близкой интриги съ нимъ не prudérie моя, а онъ самъ того не хотѣлъ. Довольны ли вы этимъ признаніемъ?

Калиновичъ опять улыбнулся и проговорилъ:

— Глупъ же онъ!

— Нѣтъ, онъ умнѣй насъ съ тобой. Онъ очень хорошо расчиталъ, что стать въ эти отношенія съ женщиной — значитъ прямо взять на себя нравственную и денежную отвѣтственность.

— Ты думаешь?

— Конечно, потому что это одинъ изъ тѣхъ милыхъ петер-

бургскихъ холостяковъ, которые на подобныя вещи не рискуютъ, и потому онъ мелкій, по-моему, человѣкъ! — заключила Настенька съ одушевленіемъ.

— О-о! Чувство оскорбленной любви говоритъ вашими устами, моя милая!—воскликнулъ Калиновичъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—возразила она:—это не оскорбленная любовь, а скорѣе досада разочарованія, которое тѣмъ тяжеле, что пришло совершенно неожиданно и негаданно. Ты самъ очень хорошо знаешь, на какихъ этотъ человѣкъ всегда умѣлъ себя держать заманчивыхъ ходуляхъ, которыя я только послѣ поняла и оцѣнила. Ты, напримѣръ, можешь взбѣситься, показаться сухимъ, черствымъ человѣкомъ, а Бѣлавинъ въ нотѣ никогда не ошибется: онъ всегда какъ-то возвышенъ, симпатиченъ и благороденъ. Очень естественно, что сталъ мнѣ казаться какимъ-то идеаломъ мужчины, но потомъ, отъ перваго же серьезнаго вопроса, который задала намъ жизнь, вся эта фольга и мишура сразу облетѣла, такъ что смѣшно и грустно теперь становится, какъ вспомнишь, что было.

— Что жъ такое?—спросилъ Калиновичъ

Настенька пожала плечами.

— Было,—продолжала она:—что я, въ самомъ дѣлѣ, полюбила его, привыкла наконецъ къ нему, и вижу въ то же время, что нравилась ему, потому что, какъ хочешь, онъ цѣлые дни просиживаетъ у меня, предупреждаетъ малѣйшія мои желанія, читаетъ мнѣ, толкуетъ — а между тѣмъ деньжонки мои начинаютъ подходить всѣ. Я, знаешь, по своей провинціальной наивности, думаю: что жъ тутъ скрываться?—очень просто и прямо говорю ему однажды:—«Послушайте, говорю, Бѣлавинъ, у меня нѣтъ денегъ; мнѣ жить нечѣмъ; пожалуйста, сыщите мнѣ какое-нибудь мѣсто». Онъ какъ-то особенно торопливо поддержалъ меня въ этой мысли, и на другой же, кажется, день получаю отъ него письмо, что мѣсто есть для меня у одной его родственницы, старой графини, быть компаньонкой... Однако пусти меня... дядя сейчасъ придетъ.

Проговоря это, Настенька пересѣла на свое мѣсто и задумалась. Калиновичъ глядѣлъ на нее, не спуская глазъ.

— И сколько я страдала тутъ, другъ мой!—начала она:—ты вообразить себѣ не можешь: старуха оказалась злѣйшее существо, гордое, напыщенное, такъ что въ полгода какіе-нибудь я начала чувствовать, что у меня рѣшительно дѣлается чахотка отъ этого постояннаго униженія, вѣчнаго ожиданія, что вотъ заставятъ тебя подать скамеечку или поднять платокъ. Бѣлавинъ все это напередъ зналъ и могъ предвидѣть: значитъ, онъ прямо мной жертвовалъ въ этомъ случаѣ. Но,

что ужаснѣе всего, когда я стала ему наконецъ говорить прямо, что я не могу тутъ жить, потому что меня все оскорбляетъ, что я не рождена быть ни у кого рабой и служанкой... онъ вдругъ ни съ того ни съ сего надулся, началъ мнѣ читать рацею, что онъ любитъ меня какъ сестру, что готовъ для меня сдѣлать все, что сдѣлалъ бы для родной сестры... и такъ далѣе на одну и ту же тему: сестра да сестра... Я наконецъ поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Самолюбіе во мнѣ заговорило. Какъ Гоголь говоритъ, что долго человѣкъ предъ вами скрывается, но достаточно иногда одного нечистаго движенія его души, чтобъ онъ сдѣлался совершенно ясенъ для васъ,—такъ и Бѣлавинъ: весь сталъ передо мной какъ на ладони.—«Я сама, говорю, Михайла Сергѣичъ, васъ люблю, какъ брата, и никакой особенной жертвы отъ васъ не требую».

— Что жъ онъ на это?—спросилъ Калиновичъ.

— Ничего, смолчалъ и, знаешь, показался мнѣ какой-то старой, безсемейной дѣвкой, которыя, отъ собственной душевной пустоты, занимаются участью другихъ и для которыхъ ничего нѣтъ страшнѣй, какъ прямыя, серьезныя отношенія въ жизни, и онѣ любятъ только «играть въ чувства»...—вотъ вамъ и гуманность вся его... откуда она происходитъ!..

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Наконецъ, Господи, Боже мой! я тебѣ узнала цѣну, сравнивъ его съ тобой,—воскликнула Настенька:—ты тоже эгоистъ, но ты живой человѣкъ, ты вѣкъ свой стремишься къ чему-нибудь, страдаешь; ты наконецъ чувствуешь къ людямъ и къ ихъ извѣстнымъ убѣжденіямъ либо симпатію, либо отвращеніе, и сейчасъ же это выразишь въ жизни; а Бѣлавинъ никогда: онъ обо всемъ очень благородно разсудитъ и дальше не пойдетъ. Ему легко жить на свѣтѣ, потому что онъ тряпка, безъ крови, безъ сердца, съ однимъ только умомъ...

Калиновичъ болѣе не выдержалъ.

— О, милая моя, какая ты умница!—воскликнулъ онъ и, взявъ ее за руку, хотѣлъ опять привлечь къ себѣ.

— Нѣтъ, оставь, идутъ, — проговорила она, и капитанъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Михенчемъ внесли накрытый столъ.

— Этотъ человѣкъ,—снова заговорила Настенька о Бѣлавинѣ:—до такой степени лелѣетъ себя, что на тысячу верстъ постарается убѣжать отъ всякаго ничтожнаго ощущенія, которое можетъ хоть сколько-нибудь его обезпокоить, слова не скажетъ, послѣ котораго бы отъ него чего-нибудь потребовали; а мы такъ съ вашимъ превосходительствомъ не таковы, хоть и надѣлали, можетъ-быть, въ жизни много серьезныхъ проступковъ,—не правда ли?

— Да, мы не таковы, — подтвердилъ и Калиновичъ, глядя съ любовью на нее.

— Кушать готово,—доложилъ въ эт время Флегонтъ Михайлычъ.

— Отлично, капитанъ! Я ужасно ѣсть хочу!—воскликнула Настенька.—Monsieur, prenez votre place!—скомандовала она Калиновичу и сама сѣла.

Тотъ помѣстился напротивъ нея.

— Обоихъ васъ, господа, какъ я подумаю,—продолжала Настенька, покачавъ головой:—обоихъ васъ умниковъ лучше мой Иволгинъ.

— И Иволгинъ вашъ? — спросилъ Калиновичъ, выпивая цѣлый стаканъ вина, чего почти никогда съ нимъ не бывало.

— Конечно, мой. И это отличнѣйшій человѣкъ.

— Чѣмъ же онъ отличнѣйшій?

— Тѣмъ, что художникъ въ душѣ,—возразила Настенька.— Кто тогда первый открылъ и поддержалъ во мнѣ призваніе актрисы и далъ мнѣ этотъ, что̀ называется, кусокъ хлѣба на всю жизнь? За одну его страсть къ театру можно Богъ знаетъ какъ любить его... Тогда только-что умеръ у него отецъ, онъ сейчасъ же заложилъ имѣніе, согласился съ однимъ старымъ антрепренеромъ и явился ко мнѣ. «Вотъ, говоритъ, Настасья Петровна, мы все хотѣли съ вами сыграть на театрѣ, и все намъ не удавалось; а теперь я набираю провинціальную труппу... Пожалуйста, Бога ради, поѣдемте съ нами и будьте у насъ первой драматической актрисой». Я сначала-было разсмѣялась его предложенію, но потомъ думаю:—«Что̀ жъ, Господи! не гораздо ли благороднѣе зарабатывать себѣ хлѣбъ на подмосткахъ, чѣмъ быть лакейкой у какой-нибудь засохшей графини», и рѣшилась... Написала дядѣ:—«Поѣдемте, говорю, мой рыцарь, искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ... Карету мнѣ, карету!..» Такъ, дядя?

— Такъ-съ; этими самыми словами...—отвѣчалъ съ добродушной улыбкой капитанъ.

Но Калиновичъ между тѣмъ начиналъ что-то хмуриться.

— Или теперь это... — продолжала Настенька, обращаясь къ нему:—всѣ вы, господа, молодежь, не исключая и вашего превосходительства, всѣ вы, что̀ бы вы ни говорили, смотрите на насъ, особенно провинціальныхъ актрисъ, свысока; вы очень любите за нами волочиться, ухаживать; способны даже немножко промотаться для насъ, въ то же время считаете насъ достойными только стать на степень вашей любовницы— никакъ не больше! А Иволга милая моя иначе на это смотрѣлъ: то, что я актриса, это именно и возвышало меня въ

глазахъ его; два года онъ о томъ только и мечталъ, чтобъ я сдѣлалась его женой, и дядя вотъ до сихъ поръ меня бранитъ, отчего я за него не вышла. Нехорошо вѣдь, капитанъ, я сдѣлала?

— Нѣтъ, что жъ, ваша воля!—отвѣчалъ Флегонтъ Михайлычъ, подливая Калиновичу еще вина.

— Мозгами еще жидокъ господинъ Иволгинъ, чтобъ быть ему вашимъ супругомъ,—извините вы меня!—вмѣшался вдругъ стоявшій съ тарелкой за столомъ Михеичъ.

— Хорошо сказано! — воскликнулъ вице-губернаторъ.

— Да какъ же, помилуйте, ваше превосходительство, — продолжалъ тотъ: — какая это партія можетъ быть?.. Жена теперь, по своему воспитанію, слово скажетъ, а мужъ и понять его не можетъ! Слыхали мы тоже часто его разговоръ съ барышней: лямъ... тлямъ—и дальше нейдетъ; ходитъ только да волосы ерошитъ.

— Ну, перестань, Михеичъ, не говори этого: мы сами съ тобой не очень умны... Да и кромѣ того, если бы даже онъ немного и глуповатъ былъ, зато въ приданое съ нимъ шло двѣ тысячи душъ; а это такая порядочная цифра, что я знаю, напримѣръ, очень хорошихъ людей, которые нѣкогда не устояли противъ половины... — пошутила Настенька и взглянула на Калиновича; но, замѣтивъ, что онъ еще болѣе нахмурился, сейчасъ перемѣнила тонъ.—Ты сердишься? Ну нѣтъ; что же это? Или ревнуешь?.. Да?.. Такъ вотъ же тебѣ, послушай!— проговорила она, протягивая ему руку: — слушай: въ одинъ достопамятный день случайно прочла я въ газетахъ, что знакомый вамъ господинъ назначенъ вице-губернаторомъ... Что я почувствовала тогда — знаютъ только ночь да темные лѣса. Какъ сумасшедшая, начала я потомъ разспрашивать кого только можно... Разсказали, разумѣется, многое... Какъ бы то ни было, думаю, я хочу видѣть этого человѣка — и увидѣла. Успокоились ли теперь?

Лицо Калиновича въ самомъ дѣлѣ просвѣтлѣло.

— Что жъ тебѣ говорили обо мнѣ? — спросилъ онъ.

— Говорили, разумѣется, что ты взятокъ не берешь, что человѣкъ очень умный, знающій, но деспотъ и строгій безъ милосердія... Что общество ты ненавидишь и что въ театрѣ ты, вѣроятно, ни разу не будешь, потому что предпочитаешь казни на площади сценическимъ представленіямъ; словомъ, всѣ похвалы были очень серьезныя, а обвиненія — сущій вздоръ, на который я тебѣ совѣтую не обращать никакого вниманія, — присовокупила Настенька, снова замѣтивъ, что послѣднія слова были непріятны Калиновичу.

— Нѣтъ, это не вздоръ! Дайте мнѣ, капитанъ, вина!—проговорилъ онъ, обращаясь къ Флегонту Михайлычу.

Тотъ сейчасъ же и съ большимъ удовольствіемъ налилъ ему.

— Это не вздоръ!..—повторилъ вице-губернаторъ, выпивая вино и какимъ-то задыхающимся голосомъ:—про меня тысячи языковъ говорятъ, что я человѣкъ сухой, тиранъ, злодѣй; но отчего же никто не хочетъ во мнѣ замѣтить хоть одной хорошей человѣческой черты, что я никогда не былъ подлецомъ и никогда ни передъ кѣмъ не сгибалъ головы?

— Господи! Кто же въ этомъ сомнѣвается? — возразила Настенька.

— Всѣ!—воскликнулъ Калиновичъ:—и никто даже знать не хочетъ, что если я достигалъ чего-нибудь въ жизни, такъ никогда не просьбами, не искательствами въ людяхъ, а всегда, напередъ поймавъ человѣка въ свои лапы, заставлялъ его дѣлать для себя. Поступокъ съ тобой и женитьба моя — единственные случаи, въ которыхъ я считаю себя сдѣлавшимъ подлость; но къ этому привело меня то же милое общество, которое произноситъ мнѣ теперь проклятіе и которое съ ребячьихъ лѣтъ давило меня; а я... Что жъ мнѣ дѣлать? Я по натурѣ большой корабль, и мнѣ всегда было надобно большое плаванье.

— Я ужасно досадую, — перебила Настенька: — что ты не сдѣлался литераторомъ: это настоящее твое было назначеніе по твоему уму, по твоему воспитанію и по твоему, наконецъ, взгляду на вещи.

Калиновичъ почти вышелъ изъ себя.

— О, чортъ... эта литература! Менѣе чѣмъ что-либо она была мнѣ всегда свойственна. И наконецъ, если бъ я даже былъ какимъ-нибудь русскимъ Байрономъ, Шекспиромъ — что жъ изъ этого? На нашихъ глазахъ мы видѣли, какая участь постигаетъ у насъ всѣхъ передовыхъ людей на этомъ дѣлѣ: кого подстрѣлятъ, кто нищимъ умретъ на соломѣ, кто съ кругу сопьется, или съ ума сойдетъ... Нѣтъ еще-съ!.. Покуда у насъ не водъ поэтамъ и художникамъ... Не ко двору они намъ пришли...

Проговоря это, вице-губернаторъ остановился на нѣсколько минутъ. Потомъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, снова продолжалъ, разведя руками:

— Болѣе сорока лѣтъ живу я теперь на свѣтѣ и что же вижу, что выдвигается впередъ: трудъ ли почтенный, дарованье ли блестящее, умъ ли большой? Ничуть не бывало! Какая-нибудь выгодная наружность, случайность породы, или наконецъ деньги. Я избралъ послѣднее: отвратительнѣйшимъ

образомъ продалъ себя въ женитьбѣ и сдѣлался милліонеромъ. Тогда сразу горизонтъ прояснился, и дорога всюду открылась. Господа, которые очей своихъ не хотѣли низвести до меня, очутились у ногъ моихъ!..

— Все это я очень хорошо знаю и понимаю... — подтверждала Настенька.

Калиновичъ между тѣмъ все больше и больше приходилъ въ волненье и выпилъ еще вина.

— Послушайте, — началъ онъ, беря Настеньку за руку: — я теперь немного пьянъ, и это, можетъ-быть, первая еще откровенная минута моя послѣ десяти лѣтъ адскаго, упорнаго молчанія. Вы, мой маленькій другъ, и вы, капитанъ, единственные въ мірѣ люди, которые, я желалъ бы, чтобъ хоть сколько-нибудь меня любили и понимали... Послушайте! Знаете ли вы, что съ перваго дня моего брака я сдѣлался чиновникомъ, гражданиномъ, какъ хотите назовите, но только ужъ больше не принадлежалъ себѣ. Я искалъ и желалъ одного: чтобъ сдѣлать пользу и добро другимъ; за что же, скажите вы мнѣ, преслѣдуетъ меня общественное мнѣніе? Богачъ — я почти веду аскетическую жизнь. Бывъ чиновникомъ, я работалъ день и ночь, подкупалъ на свои деньги шпіоновъ, самъ дѣлался фискаломъ, сыщикомъ, чтобъ открыть какое-нибудь ничтожное зло. На настоящемъ моемъ посту я сломилъ губернатора, который пятнадцать лѣтъ тяготѣлъ надъ губерніей и сосалъ изъ нея деньги. Отъявленнаго мерзавца, извѣстнаго вамъ князя Ивана я посадилъ за уголовное преступленіе въ острогъ и, можетъ-быть, еще какихъ-нибудь пять или шесть взяточниковъ выгналъ изъ службы. И за все это... за то, что я очищаю губернію отъ подобнаго сора, меня же обвиняютъ... Двухъ-трехъ учителей, въ честности которыхъ я былъ убѣжденъ и потому перевелъ на очень ничтожныя мѣста — и то мнѣ поставлено въ вину: говорятъ, что я подбираю себѣ шайку, тогда какъ я сыну родному, умирай онъ съ голоду на моихъ глазахъ, гроша бы жалованья не прибавилъ, если бъ не зналъ, что онъ полезенъ для службы, въ которой я хочу быть, какъ голубь, свять и чистъ отъ всякаго лицепріятія — это единственная мечта моя... Это слава моя... Кромѣ этого у меня ничего нѣтъ въ жизни...

Проговоря это, вице-губернаторъ закрылъ лицо руками и склонилъ голову.

— Какъ сведешь все это въ итогъ, — продолжалъ онъ какимъ-то озлобленно-насмѣшливымъ тономъ: — такъ выходитъ далеко не пустяки — жить въ обществѣ, въ которомъ такъ еще шатко развито понятіе о чести, о справедливости;

жить и дѣйствовать въ такомъ обществѣ — далеко не вздоръ!

— Кто жъ съ этимъ не согласится? Но зачѣмъ принимать такъ къ сердцу? — возразила-было Настенька.

— Принимать къ сердцу! — повторилъ съ усмѣшкой Калиновичъ:—поневолѣ примешь, когда знаешь, что всѣ тутъ твои враги, и ты одинъ стоишь противъ всѣхъ. Какъ хочешь, сколько ни дай человѣку силы, поневолѣ онъ ослабѣетъ и будетъ разбитъ.

Разговоръ на нѣкоторое время прекратился, и такъ какъ ужинъ кончался, то капитанъ съ Михеичемъ стали убирать со стола. Настенька съ Калиновичемъ опять остались вдвоемъ.

— А что̀ жена твоя? Скажи, пожалуйста, — спросила она.

Слова эти точно обожгли Калиновича. Онъ проворно приподнялъ голову и проговорилъ:

— Съ женой насъ Богъ будетъ судить, кто больше виноватъ: она или я. Во всякомъ случаѣ, я знаю, что въ настоящее время меня готовы были бы отравить, если бъ только не боялись законовъ.

— Господи! Что̀ жъ это такое, другъ мой, ты говоришь?— произнесла Настенька и, подошедши къ Калиновичу, положила ему руку на плечо. — Зачѣмъ ты въ такомъ раздраженномъ состояніи? Послушай... молишься ли ты? — прибавила она шопотомъ.

— Молюсь! — отвѣчалъ Калиновичъ со вздохомъ. — Какое странное однако наше свиданіе,—продолжалъ онъ, взмахнувъ глаза на Настеньку:—вмѣсто того, чтобъ говорить слова любви и нѣжности, мы толкуемъ Богъ знаетъ о чемъ... Такіе ли мы были прежде?

— Да; но что̀ жъ? Мы любимъ другъ друга не меньше прежняго!

— Я больше, — проговорилъ Калиновичъ.

— А я развѣ не тоже? — подхватила Настенька и поцѣловала его.

Вошли капитанъ и Михеичъ. Она сѣла на прежнее свое мѣсто. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе.

— Прощайте однако, — проговорилъ вдругъ вице-губернаторъ, вставая.

— Куда жъ ты? — спросила Настенька.

— Домой,—отвѣчалъ Калиновичъ.—Я нынче начинаю вѣрить въ предчувствіе, и вотъ, какъ хочешь объясни, — продолжалъ онъ, беря себя за голову: — но только меня какъ будто бы въ клещи ущемилъ какой-то непонятный страхъ, такъ что я ясно чувствую... почти вижу, что въ эти именно

минуты тамъ, гдѣ-то на небѣ, по таинственной волѣ судебъ, совершается переломъ моей жизни: къ худому онъ или къ хорошему—не знаю, но только страшный переломъ... страшный.

— Очень понятно это предчувствіе,—возразила Настенька:— встрѣтился со мной, и, конечно, будетъ переломъ.

— Нѣтъ, это не то! Прощай!.. Прощайте, Флегонтъ Михайлычъ,—проговорилъ Калиновичъ и пошелъ. Настенька съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и съ грустью проводила его до передней. Капитанъ бросился ему свѣтить, а Михеичъ, подавъ ему шубу и взявъ отъ Флегонта Михайлыча свѣчку, послѣдовалъ за вице-губернаторомъ до самаго экипажа.

— Не ушибитесь тутъ, ваше превосходительство, сохрани васъ Господи! — предостерегалъ онъ его, слегка придерживая подъ руку, и потомъ, захлопнувъ за нимъ дверцы въ каретѣ, присовокупилъ, расшаркиваясь на грязи: — спокойной ночи вашему превосходительству желаю!

— Спасибо! — сказалъ ласковымъ голосомъ Калиновичъ и уѣхалъ.

Предчувствіе его, по пріѣздѣ домой, оправдалось. На слабо освѣщенной лѣстницѣ ему попалось подъ ноги что-то бѣлое.

— Это что такое? — спросилъ онъ лакея, который встрѣчалъ его.

— Ящикъ... барынинъ,—отвѣчалъ тотъ нетвердымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же онъ тутъ?

Лакей еще больше замялся.

— Онѣ уѣхать изволили, такъ въ карету не установился, и оставили тутъ.

— Какъ уѣхала, куда? — спрашивалъ Калиновичъ, продолжая итти.

— Въ дорогу, должно-быть, на почтовыхъ... Письмо тамъ на вашемъ столѣ оставлено, — отвѣчалъ лакей, совсѣмъ ужъ блѣдный.

Вице-губернаторъ наконецъ остановился и посмотрѣлъ ему нѣсколько времени въ лицо.

— Гм!—больше простоналъ онъ и, переведя дыханіе, прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ дѣйствительно на столѣ лежала записка отъ Полины. Она писала:

«Послѣдній вашъ поступокъ даетъ мнѣ право исполнить давнишнее мое желаніе и разойтись съ вами. Если вы вздумаете меня преслѣдовать и захотите силой заставить меня жить съ вами, я обращусь къ правительству и буду у него просить защиты отъ васъ».

Но всему было замѣтно, что Калиновичъ никакъ не ожидалъ удара съ этой стороны. Удивленный, взбѣшенный и въ

то же время испуганный мыслью объ общественной огласкѣ и другими соображеніями, онъ на первыхъ порахъ какъ бы совершенно потерялся и, самъ не зная, что̀ предпринять, судорожно позвонилъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Пошелъ, скажи каретѣ, чтобъ она ѣхала туда, гдѣ я сейчасъ былъ, и тамъ отдать эту записку!—сказалъ онъ, подавая лоскутокъ бумаги, на которой написалъ нѣсколько словъ.

— Погоди! — крикнулъ вице-губернаторъ. — Послать жандарма къ полицеймейстеру и велѣть ему, отъ моего имени, чтобъ онъ сію же секунду ѣхалъ въ острогъ, осмотрѣлъ бы тамъ, все ли благополучно, и сейчасъ же мнѣ донесъ.

Распорядившись такимъ образомъ, онъ тряхнулъ головой, какъ бы желая тѣмъ придать себѣ бодрости, и вошелъ въ спальню Полины. Шифоньерка, въ которой, по обыкновенію, хранились вещи и деньги, была даже не затворена и совершенно пуста. Калиновичъ усмѣхнулся и возвратился въ свой кабинетъ. Здѣсь, опустившись въ кресло и съ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не вошла съ безпокойнымъ лицомъ Настенька, за которою онъ и посылалъ карету.

— Поздравьте меня: я теперь человѣкъ совершенно свободный... разводокъ!—встрѣтилъ ее вице-губернаторъ на первыхъ же шагахъ.

— Что̀ такое случилось, скажи, пожалуйста!—говорила она, садясь, но не снимая ни салопа ни шляпки.

— Ничего!.. Комплотъ... Заговоръ составленъ противъ меня. Я недаромъ ее засталъ у него... Вонъ оно откуда все это идетъ!.. Цѣлая галлерея, я думаю, минъ и подкоповъ подведена теперь, чтобъ разомъ взорвать меня... Поглядимъ... Посмотримъ...—говорилъ онъ, какъ-то странно пожимая плечами.

Настенька со страхомъ смотрѣла на него. Раздавшійся въ залѣ звукъ сабли далъ знать, что пріѣхалъ полицеймейстеръ. Калиновичъ вышелъ къ нему.

— Что̀ скажете? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Все благополучно,—отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— А арестантъ князь Иванъ Раменскій?

— Содержится. Спитъ теперь.

Калиновичъ нѣкоторое время думалъ.

— Такъ какъ къ допросамъ онъ не будетъ требоваться, то заколотить его камеру совершенно и пищу давать ему въ окошечко,—проговорилъ онъ строго-повелительнымъ голосомъ.

Полицеймейстеръ былъ человѣкъ привычный и, по натурѣ

своей, склонный ко всякаго рода крутымъ мѣрамъ; но, услышавъ это приказаніе, нѣсколько смутился.

— Предписаніе на то отъ вашего высокородія будетъ? — спросилъ онъ.

— Будетъ-съ!—отвѣчалъ вице-губернаторъ.

Полицеймейстеръ откланялся. Настенька слушала этотъ разговоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Другъ мой, что ты хочешь дѣлать?—спросила она, когда Калиновичъ возвратился въ кабинетъ.

— Ничего! Хочу только покрѣпче посадить, а то они всѣ разбѣгутся!—отвѣчалъ онъ съ истерическимъ хохотомъ, снова опускаясь въ кресло.—Ихъ много, а я одинъ,—говорилъ онъ, между тѣмъ какъ въ лицѣ его подергивало всѣ мускулы.

— Какъ же ты одинъ, когда я около тебя? — сказала Настенька, подходя къ нему.

— Да, ты должна быть моей женой... другомъ... сестрой... И пускай объ этомъ знаютъ всѣ—да! Не оставь меня, другъ мой,—заключилъ вице-губернаторъ и, какъ малый ребенокъ, зарыдавъ склонилъ голову на грудь Годневой.

Она обвила его руками и начала цѣловать въ темя, въ лобъ, въ глаза. Эти искреннія ласки, кажется, нѣсколько успокоили Калиновича. Посадивъ невдалекѣ отъ себя Настеньку, онъ сейчасъ же принялся писать и занимался почти всю ночь. На другой день отъ него была отправлена въ Петербургъ эстафета и куча писемъ. По всему было видно, что онъ чего-то сильно опасался и принималъ противъ этого всевозможныя мѣры.

XII.

Умы между тѣмъ продолжали въ губерніи волноваться. Три, собственно, пункта были исходными точками настоящаго движенія. На первомъ планѣ, конечно, стояло назначеніе новаго губернатора, исправляющимъ должность котораго дѣйствительно былъ утвержденъ Калиновичъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вторымъ пунктомъ былъ нечаянный и быстрый отъѣздъ новой губернаторши. Какъ и зачѣмъ она уѣхала?—спросили себя многіе не безъ удивленія. Однако Калиновичъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми лицами совершенно удовлетворительно объяснилъ это, говоря, что онъ давно собирался съѣздить съ семействомъ въ Петербургъ, но теперь, получивъ настоящее назначеніе, не можетъ этого сдѣлать, а потому отпустилъ жену одну. Третій пунктъ превышалъ всякое ожиданіе, всякую мѣру терпѣнья—и это былъ официальный пріемъ, который сдѣлалъ новый губернаторъ чиновникамъ. На

другой же день послѣ полученія указа объ утвержденіи его, полицеймейстеръ повѣстилъ всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, чтобъ члены оныхъ, а равно и секретари, явились 12-го марта, въ одиннадцать часовъ утра, на представленіе начальнику губерніи. Повѣстка эта произвела, какъ водится, нѣкоторую ажитацію. Автору, напримѣръ, совершенно извѣстно, что уѣздный судья Бобковъ, уже нѣсколько лѣтъ имѣвшій обыкновеніе пить передъ обѣдомъ по восьми и передъ ужиномъ по десяти рюмокъ водки, цѣлые два дня передъ тѣмъ не употреблялъ ни капли, чтобъ не дохнуть какимъ-нибудь образомъ на начальника губерніи этимъ непріятнымъ пахучимъ напиткомъ. Городской глава, точно передъ какимъ-нибудь таинствомъ, подстригъ наканунѣ немного бороду, сходилъ въ баню и потомъ на самое представленіе страшно напомадился. Помощникъ почтмейстера, по крайней мѣрѣ съ двухъ часовъ до пяти, ходилъ по рядамъ и выбиралъ себѣ новую шляпу и шпагу: все онѣ казались ему не того достоинства, какого бы онъ желалъ имѣть. Повивальная бабка Эрнестина, наслышавшись о строгости новаго губернатора, въ ужаснѣйшемъ безпокойствѣ ѣздила по городу и всѣхъ умоляла сказать ей, что должна ли она представляться или нѣтъ, потому что тоже служащая, хоть и дама.

Двѣнадцатаго числа наконецъ, еще съ десяти часовъ утра, вся почти улица передъ подъѣздомъ начальника губерніи переполнилась экипажами разнообразнѣйшихъ фасоновъ, начиная съ уродливыхъ дрожекъ судьи Бобкова до очень красивой кареты на лежачихъ рессорахъ совѣтника питейнаго отдѣленія. Молоденькая жена чиновника особыхъ порученій вмѣстѣ съ молоденькою прокуроршей, будто катаясь, нѣсколько ужъ разъ проѣзжали по набережной, чтобъ хоть въ окна заглянуть и посмотрѣть, что̀ будетъ дѣлаться въ губернаторской квартирѣ, гдѣ дѣйствительно въ огромной залѣ собрались всѣ чиновники, начиная съ девятаго класса до пятаго, чиновники, по большей части полные какъ черепахи и выставлявшіе свои нѣсколько сутуловатыя головы изъ нескладныхъ, хоть и золотомъ шитыхъ воротниковъ. Ближе прочихъ къ кабинету стояло губернское правленіе, замыкавшееся секретаремъ Экзархатовымъ, который, кажется, изъ всѣхъ тутъ находившихся, былъ спокойнѣе другихъ. Предсѣдатель казенной палаты, держа въ рукахъ свою генеральскую шляпу и ходя около взвода своей палаты, замѣтно старался казаться веселымъ, насмѣшливымъ и даже нѣсколько вольнодумнымъ; но лицо ему измѣняло. Строительная комиссія, по преимуществу, бросалась въ глаза штабъ-офицеромъ, который, по словамъ

зубоскала Козленева, былъ первоначально дѣланъ на шоссейную будку, но потомъ, когда увидѣли, что онъ вышелъ очень неуклюжъ, такъ повернули его въ настоящее званіе... Стоявшій рядомъ съ нимъ губернскій архитекторъ былъ какъ распущенный въ водѣ. У него ужъ тысячи на три меньше очутилось въ карманѣ, когда Калиновичъ былъ еще только вице-губернаторомъ, а теперь, пожалуй, и ничего не попадетъ. Управляющій палатой государственныхъ имуществъ, чтобъ представить своихъ чиновниковъ въ болѣе полномъ комплектѣ, пригналъ даже трехъ волостныхъ головъ; но у одного изъ нихъ до такой степени сапоги воняли ворванью, что принуждены были его прогнать. Почтовое вѣдомство, по родственнымъ сношеніямъ съ директоромъ гимназіи, стояло въ одной кучкѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Когда всѣ власти такимъ образомъ разстановились, Калиновичъ не заставилъ себя долго дожидаться: онъ вышелъ въ полной губернаторской формѣ, впрочемъ, нисколько не рисуясь, а, напротивъ, очень просто всѣмъ поклонившись, остановился на серединѣ залы, такъ что всѣ почти видѣли его лицо.

— По распоряженію правительства, господа, я назначенъ начальникомъ здѣшней губерніи, — началъ онъ скороговоркой и потупляя глаза: — характеръ моего управленія вамъ нѣсколько извѣстенъ изъ дѣйствій моихъ, какъ вице-губернатора и потомъ какъ управляющаго губерніей. Ко всему этому мнѣ остается развѣ прибавить нѣсколько словъ. Всѣ, которыхъ я имѣю честь здѣсь видѣть, всѣ мы чиновники, и потому маскироваться намъ другъ передъ другомъ нечего. Всякій, конечно, изъ насъ понимаетъ, что единственными руководителями каждаго благонамѣреннаго чиновника должны быть законъ, его собственный здравый смыслъ и наконецъ полная готовность дѣлать добро. Никакихъ другихъ побужденій онъ имѣть не долженъ; но, въ то же время, кто не согласится, что это далеко не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ?.. Я не говорю уже о полицейскихъ властяхъ, которыя, я знаю, дозволяютъ себѣ и фальшивое направленіе въ слѣдствіяхъ, и умышленную медленность при производствѣ взысканій, и вообще вопіющую неразпорядительность отъ незнанія дѣла, отъ лѣности, отъ пьянства; и такъ какъ все это непосредственно подчинено мнѣ, то потому я напередъ говорю, что все это буду преслѣдовать съ полною строгостью и въ отношеніи виновныхъ буду чуждъ всякаго снисхожденія.

При этихъ словахъ Калиновича, всѣ невольно взглянули на полицеймейстера, который однако, какъ человѣкъ бывалый, хоть бы глазомъ мигнулъ.

— Но, кромѣ этихъ частныхъ случаевъ, — продолжалъ губернаторъ, не поднимая глазъ:—существуютъ, если можно такъ выразиться, установившіяся, вошедшія въ какую-то законность злоупотребленія, которыя не влекутъ за собой никакихъ жалобъ, а потому почти не оглашаются. Напримѣръ, при служебныхъ разъѣздахъ мнѣ часто случалось встрѣчать чрезвычайно дурныхъ лошадей; и когда я спрашивалъ, отчего это, почтъ-содержатели откровенно мнѣ говорили, что они не могутъ вести иначе дѣла, потому что платятъ мѣстному почтовому начальству по 15-ти рублей съ пары.

Губернскій почтмейстеръ поблѣднѣлъ и переглянулся съ шуриномъ своимъ, директоромъ гимназіи.

— Живя въ молодости по уѣзднымъ городкамъ, я слышалъ, какъ самую обыкновенную вещь, что въ казначействахъ взимаются какіе-то гроши съ паспортовъ, берется съ мужиковъ сборъ на мытье половъ, которые они будто бы очень топчутъ, и наконецъ заставляютъ ихъ дѣлать вкладъ на масло для образной лампады!

По всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ казенной палаты, пробѣжала улыбка.

— При рекрутскихъ наборахъ я тоже бывалъ печальнымъ свидѣтелемъ, какъ эта и безъ того тяжелая обязанность нашихъ низшихъ классовъ составляетъ сѣнокосъ, праздникъ для волостныхъ головъ, окружныхъ начальниковъ, рекрутскихъ присутствій и докторовъ въ особенности! — сказалъ губернаторъ и, какъ всѣ замѣтили, прямо при этомъ посмотрѣлъ на кривошейку-инспектора врачебной управы, который, въ свою очередь, какъ-то весь съежился, сознавая самъ въ душѣ, что при наборахъ, касательно интереса, онъ дѣйствительно былъ не человѣкъ, а дьяволъ.

Одинъ изъ головъ тоже представлялъ при этомъ случаѣ довольно любопытную фигуру: какъ услышалъ онъ, что дѣло коснулось рекрутства, сейчасъ же вытянулся всѣмъ тѣломъ и умоляющимъ выраженіемъ своихъ глазъ, плаксивымъ складомъ носа, губъ, какъ бы говорилъ: «Знать ничего не знаю... На все воля начальства была».

— Всѣ эти злоупотребленія, — продолжалъ губернаторъ, выпрямляя наконецъ свой станъ и поднимая голову:—всѣ они еще не такъ крупны, какъ сдѣлки господъ чиновниковъ съ разнаго рода поставщиками, подрядчиками, которые — доставляютъ ли въ казну вино, хлѣбъ, берутъ ли на себя какую-нибудь работу — по необходимости должны бываютъ имѣть въ виду, при сносѣ цѣны на торгахъ, во-первыхъ, лицъ, которыя утверждаютъ торги, потомъ производителей

работъ и наконецъ тѣхъ, которые будутъ принимать самое дѣло.

Проговоря это, Калиновичъ пріостановился на нѣсколько секундъ. Въ залѣ между тѣмъ царствовало совершенное молчаніе: всѣ были замѣтно и глубоко оскорблены.

— Изъ всего, что я перечислилъ теперь, вѣроятно, сотой доли не существуетъ въ здѣшней губерніи; но если бъ и было что-нибудь подобное, такъ всѣ мы, предсѣдательствующія лица, поставимъ, конечно, себѣ въ святую обязанность истребить и уничтожить это съ корнемъ,—заключилъ онъ болѣе ядовитымъ, чѣмъ искреннимъ тономъ и, раскланявшись потомъ на всѣ стороны, поспѣшно ушелъ въ кабинетъ.

Молчаніе продолжалось еще нѣкоторое время.

— Что жъ это такое? — проговорилъ первый предсѣдатель казенной палаты.

— Всѣмъ досталось... всѣхъ обругалъ...—подхватилъ управляющій палатою государственныхъ имуществъ.

— Безпокойный человѣкъ, безпокойный! — повторялъ въ раздумьѣ штабъ-офицеръ строительной комиссіи.

Почтмейстеръ съ директоромъ гимназіи нѣжно глядѣли другъ другу въ глаза. Губернское правленіе, какъ болѣе другихъ привыкшее къ выходкамъ своего бывшаго вице-губернатора, первое пошло по домамъ, а за нимъ и прочіе.

— Что жъ это такое? — повторилъ предсѣдатель казенной палаты, сходя съ лѣстницы, и тутъ же перешепнулся кой-съ-кѣмъ изъ значительныхъ лицъ, чтобъ съѣхаться и потолковать насчетъ подобнаго казуса.

— Непремѣнно надобно! — подтвердили тѣ, и въ тотъ же вечеръ къ нему собралось человѣкъ десять; но, чтобъ не было огласки ихъ собранію, нарочно усѣлись въ хозяйскомъ кабинетѣ съ запертыми ставнями и опущенными даже шторами.

Больше всѣхъ горячился самъ хозяинъ.

— Я, ваше превосходительство,—говорилъ онъ губернскому предводителю, заклятому врагу Калиновича по дѣлу князя:— я старше его лѣтами, службой, чиномъ наконецъ, потому что онъ пока еще вчера только испеченный дѣйствительный статскій, а я генералъ-майоръ государя моего императора и, какъ начальнику губерніи, я всегда и вездѣ уступлю ему первое мѣсто; но если онъ во всеуслышаніе, при общемъ собраніи, говоритъ, что всѣ мы взяточники, я не могу этого перенесть!

Губернскій предводитель кивкомъ головы одобрилъ его.

— Какое онъ право имѣетъ на это? — вмѣшался молодой прокуроръ:—я съ сенаторами ревизовалъ нѣсколько губерній;

они посылаются съ большею властью, но и тѣ не принимали такимъ образомъ чиновниковъ.

— Теперь онъ на улицѣ встрѣтитъ худую почтовую лошадь—я и виноватъ!—добавилъ губернскій почтмейстеръ.

На этотъ разговоръ пріѣхалъ инженерный полковникъ вмѣстѣ съ Папушкинымъ.

— Я привезъ къ вамъ Михайлу Трофимыча... Онъ недавно изъ Питера и слышалъ тамъ кое-что о нашемъ новомъ начальникѣ,—проговорилъ онъ, указывая на подрядчика.

— Скажите, пожалуйста, — началъ хозяинъ прямо: — какъ его тамъ разумѣютъ: сумасшедшій ли онъ, дуракъ ли, или ужъ очень умный человѣкъ, такъ что мы понимать его не можемъ?

— А что̀ разумѣютъ!—отвѣчалъ грубо Мишка Папушкинъ и, не стѣсняясь тѣмъ, что находится въ генеральскомъ домѣ, нецеремонно опустился въ кресло:—разумѣютъ такъ, что человѣкъ въ большой силѣ. Я-было... такъ какъ и по нашимъ хошь бы теперь производствамъ дѣло отъ него не поетъ... говорилъ-было тоже кое-съ-кѣмъ изъ начальства ихняго... «Что̀, я говорю, господа, хоть контрибуцію съ насъ возьмите, да разведите насъ только съ этимъ человѣкомъ».—«Нѣтъ, говорятъ, Михайла Трофимычъ, этого ты и не проси, а лучше съ нимъ ладьте... У насъ только то и дѣлается, что̀ онъ самъ захочетъ!..»

— Что̀ жъ его тамъ считаютъ за человѣка очень способнаго, геніальнаго, что ли?—спросилъ губернскій предводитель.

— Богъ вѣдь знаетъ, господа, какъ, и про что, и за что у васъ человѣка возвышаютъ? Больше всего, чай, надо полагать, что письмами отъ Хованскаго онъ очень хорошую себѣ рекомендацію дѣлаетъ, а тутъ тоже говорятъ, что и черезъ супругу держится. Она тамъ сродственница другой барынѣ, а та тоже по министеріи-то у нихъ фаверъ большой имѣетъ. Прахъ ихъ знаетъ! Болтали многое... Я другого, пожалуй, и не разобралъ, а много болтали.

— Это такъ,—проговорилъ губернскій предводитель, соображая.—Онъ теперь затѣмъ жену и послалъ, чтобъ крѣпче связать этотъ узелъ.

— Можетъ-быть, — подхватилъ со вздохомъ хозяинъ. — Во всякомъ случаѣ, господа, я полагаю, что и мнѣ, и вамъ, Ѳедоръ Иванычъ,—обратился онъ къ жандармскому штабъ-офицеру:—и вашему превосходительству, конечно, и вамъ наконецъ, Рафаилъ Никитичъ,—говорилъ онъ, относясь къ губернскому предводителю и губернскому почтмейстеру:—всѣмъ намъ донести по своимъ начальствамъ, какъ мы были приняты, и

просить защиты—потому что онъ теперь говоритъ, а потомъ будетъ и дѣйствовать, тогда служить будетъ невозможно!

Съ этимъ были почти всѣ согласны. Одинъ только Мишка Папушкинъ какъ-то сурово поглядывалъ на предсѣдателя.

— Отчего служить нельзя?.. Пустяки!.. Можно! — проговорилъ онъ.

— То-то, что не можно, — возразилъ тотъ съ досадой. — Ты это, братецъ, говоришь потому, что службы не знаешь и не понимаешь!

— Можно! — повторилъ настойчиво Михайла Трофимовъ.— У насъ насчетъ такихъ случаевъ складная деревенская побасенка есть, слышь!..

— Не до побасенокъ твоихъ, Михайла Трофимычъ, — замѣтилъ-было инженерный штабъ-офицеръ.

— Да ты погоди-постой, не до побасенокъ! — перебилъ его Папушкинъ: — и побасенки послушай, коли она тебя уму-разуму учитъ. Дѣло, батеньки мои, было такого ходу... — продолжалъ онъ, погладивъ себѣ усы и бороду: — во времена это происходило еще древнія, старыя... жилъ былъ по деревнѣ мужикъ жаднѣющій... бывало, на обухѣ рожь молотить примется, зернышка не уронитъ; только было у него, промежъ прочаго другого имѣнья, стадо овецъ... Слышитъ-прослышитъ онъ однимъ временемъ, что въ нѣмецкихъ земляхъ съ овецъ шерсть стригутъ и большую пользу отъ того имѣютъ. Парень нашъ, не будь глупъ, сейчасъ въ поле, и ну валять да стричь ту да другую овцу; а тѣ, дуры, сглупа да съ непривычки, лягаться да брыкаться начали... Ну, а при такомъ положеніи, извѣстно, обиходить неловко. Вотъ онъ которую по нечаянности, а которую и въ сердцахъ, ткнетъ да пхнетъ ножницами въ бокъ... Смотришь, выскочитъ отъ него сердечная овечка, шерсть острижена и бока помяты... Испугались наши овцы... пошли, дѣлать нечего, къ козлу за совѣтомъ. «Ахъ, вы, дуры, дуры, говоритъ, лежите только смирно — больше ничего! Пускай потѣшится, пострижетъ: самъ собой отстанетъ, какъ руки-то намозолитъ; а у васъ промежъ тѣмъ шерстка-то опять втихомолку подрастетъ, да и бока-то будутъ цѣлы, не помяты!» То и вамъ, господа генералы и полковники, въ вашемъ теперешнемъ дѣлѣ, я совѣтовалъ бы козлинаго наставленія послушать. Не лягайтесь — пускай его потѣшится, пострижетъ! По пословицѣ: одинъ у каши не споръ... Умается, повѣрьте вы моему слову.

Заключеніе присказки Михайлы Трофимова заставило всѣхъ улыбнуться.

— Хороша побасенка! — сказалъ губернскій предводитель.

— Хорошая! — повторилъ подрядчикъ и въ скоромъ времени, неуклюже раскланявшись, уѣхалъ.

XIII.

Точно сама мудрость на этотъ разъ вѣщала устами Папушкина. Какъ обозначилъ онъ, такъ и пошло въ губерніи. Всѣ почти чиновники, бывшіе и не бывшіе на совѣщаніи, сказали себѣ мысленно: «Прахъ его побери! Пускай потѣшится и пострижетъ... шерстки, одно дѣло, заранѣе ужъ позапасено, а другое, можетъ-быть, и напредь сего, хоть не очень шибко, а все-таки станетъ подрастать!» Калиновичъ тоже какъ будто бы дѣйствовалъ по сказкѣ Папушкина. Онъ сталъ валять и стричь, какъ овецъ, одного чиновника за другимъ. Первый, конечно, былъ уничтоженъ правитель канцеляріи, и на мѣсто его опредѣленъ Экзархатовъ. Потомъ ударъ разразился надъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, въ которомъ, по представленію начальника губерніи, былъ удаленъ управляющій и перетасованы окружные начальники. Полиція, начиная съ послѣдняго квартальнаго до частныхъ приставовъ, была смѣнена. Красноносому полицеймейстеру, говорятъ, угрожала та же участь. Ко всему этому ожидалась еще губернаторская ревизія. Исправники, почти не выѣзжая изъ уѣздовъ, выбивали недоимку и сгоняли народъ на дорогу, чтобъ привести все въ благоустроенный видъ. Городничіе въ уѣздныхъ городишкахъ, посредствомъ брани, палокъ и даже на свой собственный счетъ, мостили мостовыя и красили заборы. Въ палатахъ, по судамъ, въ думахъ, въ магистратахъ, секретари цѣлые дни и ночи просиживали въ канцеляріяхъ и писали.

Но въ то время, какъ служебная дѣятельность была разлита такимъ образомъ по всѣмъ судебнымъ и административнымъ артеріямъ, въ обществѣ распространилась довольно странная молва: Сашка Козленевъ, какъ извѣстный театралъ, знавшій всѣ закулисныя тайны, первый началъ ѣздить по городу и болтать, что новый губернаторъ — этотъ идеалъ чиновничьяго поведенія — тотчасъ послѣ отъѣзда жены приблизилъ къ себѣ актрису Минаеву и проводитъ съ ней всѣ вечера. Обстоятельство это показалось до такой степени значительнымъ, что двѣ дамы, изъ самыхъ первыхъ сановницъ, сочли нужнымъ сдѣлать Настенькѣ визитъ, который, конечно, былъ имъ не отплаченъ. Смѣло увѣряя читателя въ достовѣрности этого факта, я въ то же время никогда не позволю себѣ назвать имена совершившихъ его, потому что, кто знаетъ

строгость и щепетильность губернскихъ понятій насчетъ нравственности, тотъ пойметъ всю громадность уступки, которую сдѣлали въ этомъ случаѣ обѣ дамы и которая, между прочимъ, можетъ показать, на какую жертву послѣ того не рѣшатся женщины нашего времени для служебной пользы мужей. Губернаторъ между тѣмъ, какъ бы желая выразить и окончательно свое неуваженіе къ обществу, рѣшительно началъ «дурачиться». Часто, среди дня, онъ прямо изъ присутственныхъ мѣстъ проѣзжалъ на квартиру къ Настенькѣ, гдѣ, какъ всѣ видѣли, экипажъ его стоялъ у воротъ до поздней ночи; видѣли потомъ, какъ Настенька иногда проѣзжала къ нему въ его каретѣ, съ неподнятыми даже окнами, и наконецъ онъ дошелъ до того, что однажды, во время многолюднаго гулянья на бульварѣ, проѣхалъ съ ней мимо въ открытомъ фаэтонѣ.

Молоденькая прокурорша и молоденькая жена чиновника особыхъ порученій, гулявшія, по обыкновенію, вмѣстѣ, первыя это замѣтили и вспыхнули отъ стыда; а жена предсѣдателя уголовной палаты, нѣкогда столь обезпокоившаяся отставкою прежняго начальника губерніи, въ этотъ разъ съ какимъ-то неистовствомъ выбѣжала изъ сада, сѣла на пролетку и велѣла себя везти вслѣдъ за губернаторскимъ экипажемъ.

На ея глазахъ Калиновичъ подъѣхалъ къ своему крыльцу, вышелъ самъ первый, а потомъ, высадивъ Минаеву, какъ жену, подъ руку, скрылся съ нею за стеклянную дверь. Вслѣдъ затѣмъ Настенька совершенно по-домашнему взбѣжала на лѣстницу, прошла въ залу и, садясь небрежно въ гостиной на диванъ, проговорила: «Охъ, устала... жарко немножко». Калиновичъ сѣлъ и съ какой-то грустной нѣжностью смотрѣлъ на нее... Здѣсь я не могу обойти молчаніемъ того, что если кто видалъ мою героиню, когда она была дѣвочкой, тотъ, конечно бы, теперь не узналъ ея — такъ она похорошѣла. Для женскихъ личиковъ, розовыхъ, свѣженькихъ, тридцать лѣтъ обыкновенно почти бѣда: розы переходятъ въ багровыя пятна, глаза тускнѣютъ, черты еще болѣе пошлѣютъ. Но не то бываетъ съ осмысленными женскими физіономіями, подъ которыми таится духовная красота. Въ этомъ возрастѣ присутствіе ума, чувствъ, нѣкоторой страстности — все это ярче и больше начинаетъ въ нихъ выражаться, и къ такого рода физіономіямъ принадлежало именно лицо Настеньки. Одѣта она была очень мило. Петербургъ и званіе актрисы докончили въ этомъ отношеніи ея воспитаніе. Часовъ въ восемь, человѣкъ на огромномъ серебряномъ подносѣ принесъ чайный приборъ и приготовилъ его на особенномъ столѣ. Настенька, совер-

шенно какъ бы хозяйка, сѣла за него и начала разливать чай. Изъ боковыхъ дверей появился Флегонтъ Михайлычъ, и за нимъ нецеремонно вошелъ кобель Трезоръ.

— Здравствуйте, дядя! — проговорилъ ему привѣтливо губернаторъ.

Капитанъ съ обычнымъ пріемомъ раскланялся и, сѣвъ нѣсколько поодаль, потупилъ глаза. За нѣсколько еще дней передъ тѣмъ онъ имѣлъ очень длинный разговоръ съ Калиновичемъ въ кабинетѣ, откуда вышелъ если не опечаленный, то очень разстроенный. Возвратившись домой, онъ какъ-то особенно моргалъ глазами.

— Ну, что, дядя, говорили вы съ нимъ? — спросила его Настенька.

— Говорилъ-съ, — отвѣчалъ капитанъ.

— Что жъ, успокоились теперь и поняли, что когда дѣло сдѣлано, такъ нечего пятиться назадъ?

— Да-съ.

— И убѣдились наконецъ, что этотъ человѣкъ меня любитъ? — заключила Настенька.

— Да-съ! — подтверждалъ Флегонтъ Михайлычъ и началъ послѣ того всѣ почти вечера вмѣстѣ съ Настенькой проводить у губернатора.

Въ простодушныхъ понятіяхъ его чины имѣли такое громадное значеніе, что тотъ же Калиновичъ казался ему теперь совершенно инымъ человѣкомъ, и онъ никогда ни въ чемъ не позволялъ себѣ забыть, гдѣ и передъ кѣмъ онъ находится. Что касается губернатора, то, послѣ служебной ломки, которую онъ почти каждое утро производилъ, присутствіе этихъ добрыхъ людей, видимо, заставляло его какъ-то отдыхать душой и какое-то тихое, отрадное чувство поселяло въ немъ. Въ настоящій вечеръ, впрочемъ, онъ былъ что-то особенно грустенъ и мраченъ, такъ что Настенька спросила его, что съ нимъ?

— Ничего! Позвони, пожалуйста, другъ мой! — отвѣчалъ онъ.

Та дернула сонетку.

Вошелъ лакей.

— Что тамъ, пришла ли почта, или нѣтъ? Пошлите узнать жандарма къ Экзархатову!

— Они сами здѣсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ лакей.

— Что жъ вы, болваны, не скажете? Проси!.. — проговорилъ съ безпокойствомъ губернаторъ. — Какъ это, Николай Иванычъ, вы не велите о себѣ сказывать... что за щепетильность пустая! — встрѣтилъ онъ Экзархатова.

Тотъ подалъ ему цѣлую кучу пакетовъ. Калиновичъ съ пренебреженіемъ перекидалъ ихъ и остановился только на одной бумагѣ, на которой была сдѣлана надпись: «въ собственныя руки». Онъ распечаталъ ее, прочиталъ внимательно и захохоталъ такимъ страннымъ смѣхомъ, что всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ, а Настенька даже испугалась.

— Всегда тебя эта проклятая почта встревожитъ! — проговорила она.

Калиновичъ ничего не отвѣчалъ ей и снова прочиталъ бумагу.

— Еще по тремъ доносамъ требуютъ объясненія! — обратился онъ наконецъ съ судорожной усмѣшкой къ Экзархатову, подавая ему бумагу: — теперь ужъ присланы совершенно вопросные пункты. Какъ преступника или подсудимаго какого-нибудь спрашиваютъ!

Экзархатовъ не зналъ, читать ему бумагу или нѣтъ.

— Взгляните, прочтите! Я ни скрывать ни стыдиться этого не намѣренъ... — сказалъ Калиновичъ и опять захохоталъ.

Настенька смотрѣла на него съ безпокойствомъ. Она очень хорошо видѣла, что онъ былъ подъ вліяніемъ страшнѣйшаго гнѣва.

— Ни стыдиться ни скрывать этого не намѣренъ! — повторялъ губернаторъ, а потомъ вдругъ обратился къ Экзархатову. — Послушайте! — началъ онъ: — не хотите ли, пока есть еще время, вмѣсто настоящей вашей службы, получить мѣсто какого-нибудь городничаго или исправника, окружнаго наконецъ начальника?.. Я, по своему вліянію, могу еще теперь сдѣлать это для васъ.

Предложеніе это замѣтно удивило и оскорбило Экзархатова.

— Развѣ я не гожусь въ настоящей моей должности? — проговорилъ онъ.

— О, Боже мой! Кто жъ вамъ это говоритъ! — воскликнулъ Калиновичъ: — но я могу быть переведенъ; пріѣдетъ другой, который васъ вытѣснитъ, и вы останетесь безъ куска хлѣба!

Экзархатовъ выпрямился, поднялъ свою опущенную голову и вообще какъ-то пріосанился.

— Я, Яковъ Васильичъ, сколько себя понимаю, служу не лицамъ, а дѣлу... Что жъ мнѣ этого очень опасаться? — проговорилъ онъ.

Калиновичъ захохоталъ.

— Не лицамъ!.. На службѣ дѣлу хочетъ выѣхать! Нельзя, сударь, у насъ такъ служить! — воскликнулъ онъ и, вставъ съ своего мѣста, началъ, злобно усмѣхаясь, ходить по комнатѣ. Выраженіе лица его было таково, что изъ сидѣвшихъ тутъ лицъ никто не рѣшался съ нимъ заговорить.

— Потрудитесь, пожалуйста, — обратился онъ наконецъ къ Экзархатову: — написать къ завтрему отвѣтъ на это. Тамъ спрашиваютъ, на какомъ основаніи князь арестованъ и теперь производится о немъ слѣдствіе безъ депутата со стороны дворянства. Пишите, что полицейская власть всякое лицо, совершившее уголовное преступленіе, имѣетъ право одна, сама собой, арестовать, потому что, пока бы она стала собирать депутатовъ, у ней всѣ преступники разбѣжались бы. Кажется, это ясно и понятно? А что при допросахъ нѣтъ депутата, такъ нигдѣ и никакимъ закономъ не вмѣнено слѣдователю въ обязанность спрашивать грамотныхъ дворянъ при какихъ бы то ни было заступникахъ, и мнѣ для этого не выдумывать новыхъ постановленій. Насчетъ откупа отвѣчайте тоже, что дѣлалъ съ него сборъ въ пользу города и нахожу это, съ своей стороны, совершенно законнымъ, потому что хоть сотую часть возвращаю обществу изъ огромныхъ барышей, которые получаетъ откупщикъ,—такъ и пишите этими самыми словами.

— Чтобъ не оскорбились за выраженія... — замѣтилъ-было Экзархатовъ.

— А я не оскорбленъ? Они меня не оскорбили, когда я помысломъ не считаю себя виновнымъ въ службѣ? — воскликнулъ губернаторъ, хватая себя за голову, и потомъ, съ замѣтнымъ усиліемъ, принявъ спокойный видъ, снова заговорилъ:— На вопросъ о вступительной рѣчи моей пропишите ее всю цѣликомъ, все, что припомните, отъ слова до слова, какъ и о какого рода взяточникахъ я говорилъ; а если что забыли, я самъ дополню и добавлю: у меня все на памяти. Я говорилъ тогда не зря. Ну, теперь, значитъ, до свиданья... Ступайте, займитесь этимъ!

Экзархатовъ, потупивъ голову, вышелъ.

— Скажи, пожалуйста, отчего это и откуда пошли всѣ эти непріятности тебѣ? Ты прежде такъ же служилъ и дѣйствовалъ, но тебя еще повышали, а тутъ вдругъ...

Калиновичъ въ упоръ и насмѣшливо поглядѣлъ на нее.

— За то, что я не имѣлъ счастья угодить моей супругѣ Полинѣ Александровнѣ. Ха-ха-ха! И мнѣ ужъ, конечно, не тягаться съ ней. У меня вонъ всего въ шкатулкѣ пятьдесятъ тысячъ, которыя мнѣ заплатили за женитьбу и которыми я не рискну, потому что онѣ все равно что кровью моей добыты и теперь у меня остались послѣднія; а у ней, благодаря Творцу Небесному, все-таки еще тысяча душъ съ сотнями тысячъ денегъ. Мнѣ съ ней никакъ не бороться.

— Говорятъ, съ ней Медіокритскій поѣхалъ,— это зачѣмъ?— спросила Настенька.

— Да, воришка Медіокритскій... Онъ теперь главный ея повѣренный и даетъ почти каждую недѣлю у Дюссо обѣды разнымъ господамъ, чтобъ какъ-нибудь повредить мнѣ и поправить дѣло князя, и который, между прочимъ, пишетъ сюда своему мерзавцу-родственнику, бывшему правителю канцеляріи, что если имъ Богъ поможетъ меня уничтожить, такъ онъ, навѣрное, пріѣдетъ сюда старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

Заключивъ послѣднія слова, губернаторъ снова захохоталъ.

— Какъ же они могутъ тебя уничтожить? — спросила Настенька.

Калиновичъ пожалъ плечами.

— Я полагаю, — началъ онъ ироническимъ тономъ: — что помня мои услуги, на первый разъ ограничатся тѣмъ, что запрячутъ меня въ какую-нибудь маленькую недворянскую губернію, съ приличнымъ наставленіемъ, чтобъ я служебно и нравственно исправился, ибо, какъ мнѣ писали оттуда, тамъ возмущены не только дѣйствіями моими какъ чиновника, но и какъ человѣка, имѣющаго безпокойный характеръ и совершенно лишеннаго гуманныхъ убѣжденій... Ха-ха-ха!

— Но что жъ тебѣ такъ безпокоиться? Пускай посылаютъ! Намъ съ тобой вездѣ будетъ весело!—возразила Настенька.

Калиновичъ глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ!—началъ онъ:—это обидно, очень обидно! Обидно за себя, когда знаешь, что въ десять лѣтъ положилъ на службу и душу и сердце... Наконецъ грустно за самое дѣло, которое, что бъ ни говорили, мало подвигается къ лучшему.

Вскорѣ послѣ этой маленькой сцены и въ обществѣ стали догадываться, что вѣтеръ какъ-то подулъ съ другой стороны. Началось это съ того, что по дѣлу князя была вдругъ прислана изъ Петербурга особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статскаго совѣтника Опёнкина. Надобно было не имѣть никакого соображенія, чтобъ не видѣть въ этомъ случаѣ щелчка губернатору, тѣмъ болѣе, что сама комиссія открыла свои дѣйствія съ того, что сейчасъ же сдѣлала распоряженіе о выпускѣ князя Ивана изъ острога на поруки его родной дочери. Обстоятельству этому были очень рады въ обществѣ, и всѣ, кто только не очень зависѣлъ по службѣ отъ губернатора, поѣхали на другой же день къ князю поздравить его. Однако онъ былъ такъ остороженъ, что сказался больнымъ и благодарилъ всѣхъ черезъ дочь за участіе, но никого не принялъ. По дѣлу его между тѣмъ со стараго почтмейстера снята была подписка о невыѣздѣ его изъ города, и онъ ужъ отправился на мѣсто своего служенія. Дьячокъ-рѣзчикъ былъ

тоже выпущенъ, какъ человѣкъ, совершенно ни въ чемъ не уличенный. Даже крѣпостной человѣкъ князя и кантонистъ, какъ сказывалъ писецъ губернскаго правленія, командированный для переписки въ комиссію,— даже эти лица теперь содержались, одинъ за разнорѣчивыя показанія, а другой за преступленія, совершенныя имъ въ другихъ случаяхъ; словомъ, всему дѣлу было дано, видимо, другое направленіе... Одинъ изъ членовъ комиссіи, молодой еще человѣкъ, прекрасно образованный и, вѣроятно, пооткровеннѣе другихъ, даже явно объ этомъ проболтался.

— Вашъ губернаторъ, господа, вообще странный человѣкъ; но въ дѣлѣ князя онъ поступалъ рѣшительно какъ сумасшедшій!—сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ, при сотнѣ лицъ, которыя, въ отвѣтъ ему, двусмысленно улыбнулись, но ничего не возразили, и одинъ только толстый магистръ, сидѣвшій совершенно у другого столика, прислушавшись къ словамъ молодого человѣка, довольно дерзко обратился къ нему и спросилъ:

— А почему бы это губернаторъ дѣйствовалъ, какъ сумасшедшій?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и началъ ему пунктуально доказывать:

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ: — губернаторъ посадилъ дворянина въ острогъ въ то время, какъ еще не было совершено преступленіе.

— Какъ не было совершено преступленіе? — возразилъ съ упорствомъ магистръ: — оно совершено въ то время, когда князь сдѣлалъ фальшивое свидѣтельство, — вотъ когда оно совершено!

— Ничуть не бывало,—продолжалъ молодой человѣкъ прежнимъ дѣловымъ тономъ: — преступленіе въ этомъ дѣлѣ тогда бы можно считать совершеннымъ, когда бы самъ подрядъ, обезпеченный этимъ свидѣтельствомъ, лопнулъ: казна, значитъ, должна была бы дальнѣйшія работы производить насчетъ залоговъ, которыхъ въ дѣйствительности не оказалось, и тогда, въ самомъ дѣлѣ, существовало бы фактическое зло, а потому существовало бы и преступленіе.

— А если бъ онъ, съ Божьей помощью, на это фальшивое свидѣтельство взялъ подрядъ и благополучно его кончилъ, тогда бы ничего? — возразилъ магистръ.

— Я думаю, что ничего! — проговорилъ молодой человѣкъ, нѣсколько сконфуженный этимъ замѣчаніемъ.

— Я самъ тоже думаю, что ничего!—сказалъ магистръ съ явной ужъ насмѣшкой.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, — отвѣчалъ ему тоже съ

насмѣшкой молодой человѣкъ и тотчасъ обратился къ другимъ своимъ слушателямъ. — Кромѣ ужъ этихъ теоретическихъ соображеній, — продолжалъ онъ: — смотрите, что самые факты показываютъ. Губернаторъ говоритъ, что княземъ Раменскимъ составлено фальшивое свидѣтельство. Князь говоритъ, что имъ представляемъ былъ актъ не фальшивый, а на имѣніе существующее, эн—скаго почтмейстера, которому дѣйствительно и выдано было изъ гражданской палаты за годъ передъ тѣмъ свидѣтельство. Строительная комиссія отозвалась, что, какого рода въ разсмотрѣніи ея находилось свидѣтельство, она, за давнопрошедшимъ временемъ, не запомнитъ. Въ прошеніи князя подпись его руки половина секретарей признала, а половина нѣтъ. Значитъ, сколько тутъ шансовъ направо и налѣво?

— Поэтому фальшивое свидѣтельство составилъ самъ губернаторъ? — возразилъ ему магистръ.

— Я ничего не знаю,— отвѣтилъ уклончиво молодой человѣкъ.—Вы знаете, слѣдователь не имѣетъ даже права дѣлать заключенія въ дѣлѣ, чтобъ не спутать и не связать судебнаго мѣста. Я говорю только факты.

— Только факты! — повторилъ, глядя ему въ лицо, магистръ,—О-то Шемякинъ судъ!—произнесъ онъ почти вслухъ и, неуклюже вышедши изъ-за стола, ушелъ въ бильярдную.

— Заступникъ! — повторилъ ему вслѣдъ чиновникъ.

Нѣсколько головъ легкимъ кивкомъ подтвердили его мысль. Разговоръ этотъ на другой же день разнесся, конечно, по всему городу.

— Плохо будетъ губернатору, плохо! — рѣшили почти единогласно всѣ губернскіе дипломаты, и только одинъ Папушкинъ, не любившій скоро отступать отъ своихъ убѣжденій, возражалъ на это:

— Ничего не плохо — осилитъ!

— Чего осилить? Самъ ужъ струсилъ. Недѣли двѣ, говорятъ, ни по канцеляріи ни по губернскому правленію ничего не дѣлаетъ — струсилъ, — доказывали ему.

— Ничего не струсилъ!—стоялъ на своемъ Папушкинъ, и послѣднія слова его подтвердились въ непродолжительномъ времени.

Случился пожаръ въ казенныхъ соляныхъ магазинахъ, которые, какъ водится, Богу вѣдомо, отчего загорѣлись. Калиновичъ прискакалъ на пожаръ первый, верхомъ на лошади, безъ сѣдла, распекъ потомъ полицеймейстера, поклялся брандмейстера сдѣлать солдатомъ и началъ самъ распоряжаться. Плоховатая пожарная команда, подъ его грозными распоряженіями, начала обнаруживать рьяную храбрость и молодечество, и въ то время, какъ онъ, запыленный, закоптѣлый,

въ сажѣ, облитый водою, стоялъ почти передъ самымъ пламенемъ, такъ что лошадь его безпрестанно фыркала и пятилась назадъ, — въ это самое время съ обѣда предсѣдателя казенной палаты, а потому порядкомъ навеселѣ, пріѣхалъ тоже на пожаръ статскій совѣтникъ Опёнкинъ. Взглянувъ сквозь очки на страшную сцену разрушенія, онъ тоже началъ кричать на частнаго пристава и приказывать командѣ дѣйствовать трубами не на ту часть стѣны, на которую она дѣйствовала. Услышавъ это, Калиновичъ вдругъ повернулъ къ нему лошадь и громкимъ голосомъ проговорилъ:

— Господинъ Опёнкинъ! Я и господинъ полицеймейстеръ здѣсь, а потому въ другихъ распорядителяхъ никакой нѣтъ надобности.

— Я, ваше превосходительство, распоряжаюсь и дѣйствую для спасенія казеннаго интереса, — возразилъ, въ свою очередь, разгорячившись, статскій совѣтникъ.

— Я тутъ хозяинъ и я одинъ только долженъ оберегать всякаго рода казенный интересъ! — закричалъ ужъ Калиновичъ, колотя себя въ грудь. — Господинъ офицеръ! Вытяните отъ пожара цѣпь, и чтобъ никого тутъ изъ зѣвакъ не было въ ней; а который прорвется, брать подъ караулъ!—отдалъ онъ тѣмъ же голосомъ приказаніе наряженному на пожаръ офицеру.

Тотъ скомандовалъ взводу — и цѣпь вытянулась почти передъ самымъ носомъ статскаго совѣтника. Сбѣжавшіеся на пожаръ гимназисты засмѣялись этому во все горло. Опёнкинъ позеленѣлъ, но, по наружности будто смѣясь, сѣлъ на предсѣдательскія пролётки и уѣхалъ.

На другой же день послѣ этого случая комиссія прекратила всѣ свои дѣйствія и уѣхала въ Петербургъ, а общество осталось въ какомъ-то томительномъ недоумѣніи. Чѣмъ все это кончится — интересовало ужасно всѣхъ. Наконецъ 18 декабря все это разрѣшилось: получена была такого рода бумага, что писцы, столоначальники и секретари губернскаго правленія, какъ прочитали ее, такъ и присѣли на своихъ мѣстахъ, выпучивъ глаза и растопыривъ руки. Секретарь казенной палаты что̀ есть духу поскакалъ на извозчикѣ къ бывшему еще дома предсѣдателю казенной палаты. У губернскаго предводителя за его завтракомъ въ двѣнадцатомъ часу перебывалъ почти весь городъ, и на большей части лицъ было написано удовольствіе. Губернскій архитекторъ, встрѣтившись опять на улицѣ съ Папушкинымъ, еще издали кричалъ ему какимъ-то радостнымъ голосомъ:

— А что̀? Не сбылось ваше пророчество! Не сбылось!

— Что̀ жъ не сбылось? Зарвался очень... оченно зарвался!— отвѣчалъ на этотъ разъ и Папушкинъ.

Въ бумагѣ было сказано, что Калиновичъ увольняется отъ службы, съ преданіемъ суду за противозаконныя дѣйствія какъ по управленію своему въ званіи вице-губернатора, такъ и въ настоящей своей должности.

Выйдя на сцену съ героемъ моимъ при первомъ его поступленіи на службу, я считаю себя совершенно въ правѣ разстаться съ нимъ при выходѣ его въ отставку... Что мнѣ дальше съ нимъ дѣлать?.. Пора молодости, любви и какихъ бы то ни было новыхъ сердечныхъ отношеній для него давно уже миновалась, а служебную дѣятельность, которая была бы теперь свойственна его возрасту и могла бы вызвать его снова на борьбу, эту дѣятельность онъ долженъ былъ покинуть навсегда и, какъ подстрѣленный орелъ, примкнувъ къ числу недовольныхъ, скромно поселиться вмѣстѣ съ Настенькой и капитаномъ въ Москвѣ. Изъ партіи враговъ его, князь, не оставленный даже въ подозрѣніи по своему дѣлу, снова поселился въ своей усадьбѣ и началъ жить рѣшительно на прежнюю ногу. Обновленіе сего феникса объяснилось на этотъ разъ очень просто: стакнувшись съ Медіокритскимъ, онъ такъ, говорятъ, распорядился состояніемъ Полины, что та потеряла весь свой капиталъ и половину имѣнія. Всѣми оставленная, всѣми обманутая, бѣдная женщина не перенесла этого удара и, съ первымъ вскрытіемъ невской воды, вытерпѣла послѣднюю житейскую непріятность—предсмертную агонію, и скончалась. Чрезъ полгода послѣ ея смерти Калиновичъ женился на Настенькѣ. Фактъ этотъ, казалось бы, развязывалъ для меня, какъ для романиста, всѣ нити, но въ то же время я никакъ не могу, подобно старымъ повѣствователямъ, сказать, что главные герои мои, послѣ долговременныхъ треволненій, пристали наконецъ въ мирную пристань тихаго семейнаго счастья. Далеко это было не такъ на самомъ дѣлѣ! Сломанный нравственно, больной физически, Калиновичъ рѣшился на новый бракъ единственно потому только, что ни на что болѣе не надѣялся и ничего ужъ болѣе не ожидалъ отъ жизни, да и Настенька, болѣе ужъ, кажется, любившая Калиновича по воспоминаніямъ, оставила театръ и сдѣлалась дѣйствительною статскою совѣтницею скорѣе изъ сознанія какого-то долга, что она одна осталась въ мірѣ для этого человѣка и обязана хоть сколько-нибудь поддержать и усладить жизнь этой разбитой, но все-таки любезной для нея силы, и такимъ образомъ одинъ только капитанъ сталъ вполнѣ наслаждаться жизнію, заправляя по всему дому хозяйствомъ и постоянно называя племянника и племянницу: «ваше превосходительство».

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Очерки изъ крестьянскаго быта. III. Плотничья артель 3
Боярщина. Романъ въ двухъ частяхъ 54
Тысяча душъ. Романъ въ четырехъ частяхъ 206

University of
Connecticut
Libraries

39153029421775